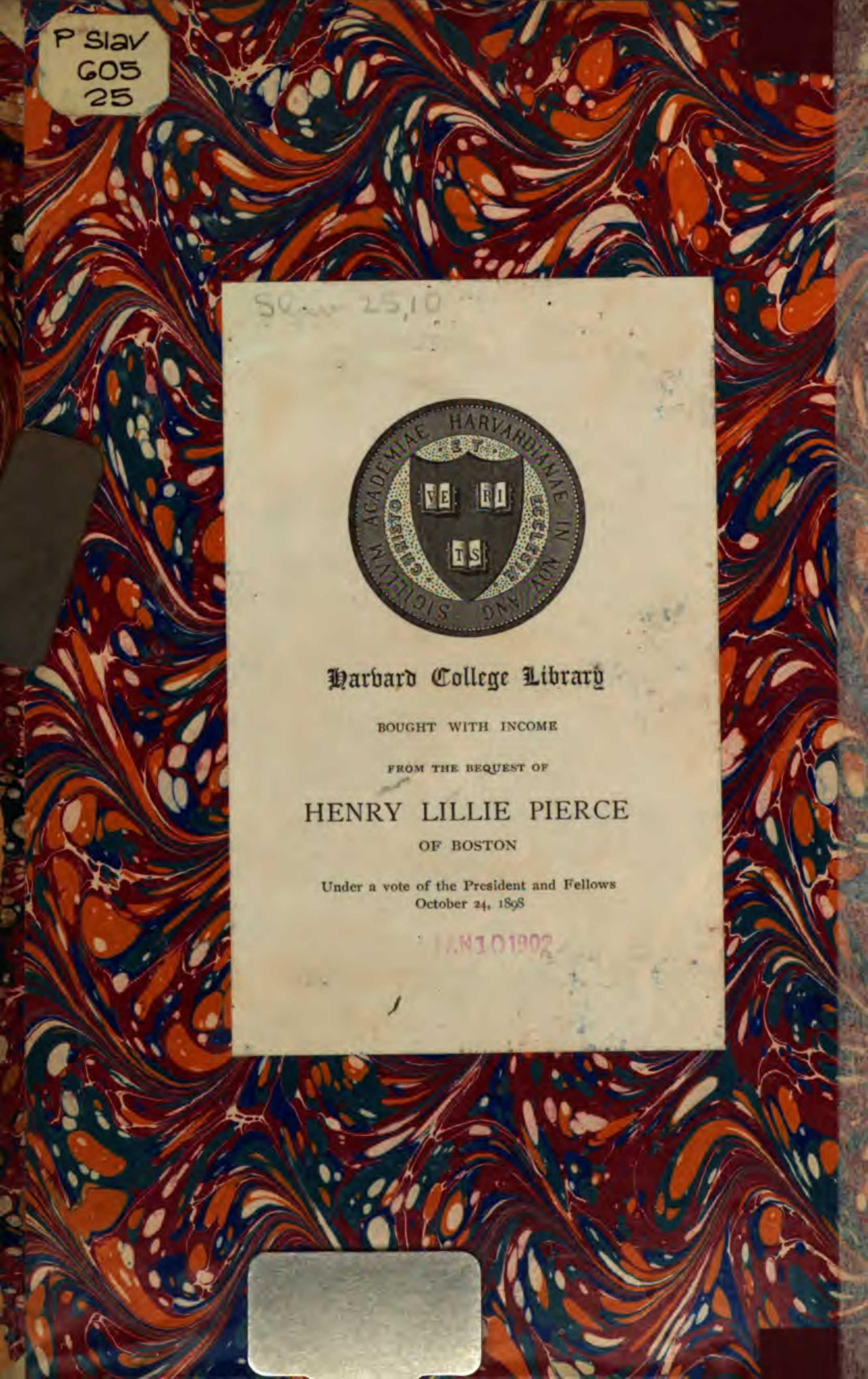

P Slav
605
25
Slav 25.10
HARVARDIANAE
ACADEMIAE
IN
VE
RI
TS
Harvard College Library
BOUGHT WITH INCOME
FROM THE BEQUEST OF
HENRY LILLIE PIERCE
OF BOSTON
Under a vote of the President and Fellows
October 24, 1898

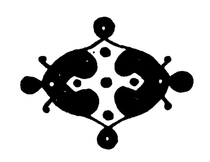
РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

основано 1-го января 1870 г.

Мих. Ив. Семевскимъ



1892 г.

АПРѢЛЬ. — МАЙ. — ІЮНЬ.

ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ТОМЪ СЕМЬДЕСЯТЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Екатерин. кан., д. № 80.
1892.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ двадцать третій. АПРѢЛЬ. 1892 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ императрицы **Маріи Ѳеодоровны**, род. 1759 г., † 1828 г. Гравировалъ на мѣди художникъ Ѳ. А. Мѣркинъ.

Продолжается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1892 г.

Можно получить «Русскую Старину» изд. 1891 г. (Осталось 56 экз.).

Двадцать второй и третій годы изданія „Русской Старины“ цѣна по 9 руб. за годъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Екатерининскій каналъ, д. № 80.

1892.

IV-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го апрѣля 1892 г.

Исторія англійско-американской Библіи, ея алфавита, переводовъ, текста, канона, ревизій, изданій, экзегезиса и проч. Три тома (страницъ 998). Сочиненіе іеромонаха Алексія Виноградова. Спб., 1889—1892 гг.

Сочиненіе о. Алексія представляетъ не одну исторію (не только подробную, но, можно сказать, наиподробнѣйшую) англо-американской Библіи, но справедливѣе будетъ сказать—энциклопедію всѣхъ и всякаго рода свѣдѣній о Библіи вообще и, кромѣ того, лингвистически археологическія свѣдѣнія, очень интересныя и въ нашей литературѣ являющіяся въ первый разъ. Такъ, онъ знакомитъ со всѣми древнѣйшими манускриптами и палимпсестами Библіи, текстами-примитивами, оканчивая Синайскимъ кодексомъ Тишендорфа, со всѣми замѣчательными печатными изданіями у всѣхъ народовъ, оканчивая изданіями славянскими (Скорины) и русскими; съ новѣйшими textus receptus у всѣхъ европейскихъ народовъ, съ такими изданіями, какъ Biblia pauperum, съ такъ называемыми лицевыми, т. е. иллюстрированными изданіями Библіи (оканчивая библіею съ иллюстраціями Доре). Весьма интересны сообщаемыя авторомъ самыя подробныя свѣдѣнія о библейскихъ обществахъ: англійскомъ, американскомъ, континентально-европейскихъ, статистическія свѣдѣнія объ изданныхъ ими переводахъ Библіи, правилахъ ихъ дѣятельности и организаціи, свѣдѣнія о количествѣ изданій и экземпляровъ Библіи на всѣхъ языкахъ по настоящее время, и проч. Приступая, въ III томѣ, къ спеціальнымъ свѣдѣніямъ о Библіи въ Англіи, авторъ-археологъ находитъ необходимымъ дать весьма широкую постановку своему дѣлу: излагаетъ генеалогію англійскаго алфавита изъ семитическаго и сродство его съ алфавитами финикійскимъ, еврейскимъ, греческимъ и латинскимъ, для чего даетъ рядъ (десять) интереснѣйшихъ таблицъ (по Таблеру, Гартгаузену и др.), изображающихъ преемство алфавитовъ египетскаго и семитическаго, видоизмѣненія этого послѣдняго съ ихъ транскрипціею, алфавиты италійскіе, греческія и латинскія прописныя и малыя буквы (унціалы,
курсивы, минускулы), виды руническа
письма (готическаго, скандинавскаго, ан
глійскаго), образцы рунъ сѣверныхъ
англо-саксонскихъ (по Нипперту), тав
письменъ, образовавшихся изъ древни
алфавитовъ; образцы готическаго шриф
въ изданіяхъ Гуттенберга и ирландскихъ
огамовъ. Послѣ всего этого авторъ уж
приступаетъ къ изученію англо-саксо
скаго почерка, печатнаго англійскаго шри
та и новѣйшихъ эволюцій въ немъ. С
мую исторію англійской Библіи автор
дѣлитъ на четыре періода, и особен
подробно изучаетъ переводы Виклеф
Тиндаля, Роджерса, Грефтона, Кранмер
Паркера и др., широко пользуясь оби
льными пособіями для своего изслѣдованія
имѣющимися на англійскомъ языкѣ. В
обще сочиненіе о. Алексія настоль
интересно по содержанію, настолько-ж
представляетъ плодъ изумительнаго, исти
но аскетическаго трудолюбія, помогша
автору одолѣть — скомпилировать громад
ную англійскую литературу (имъ подроб
исчисляемую) по его предмету и, кром
того, собрать изъ разныхъ источнико
массу интереснѣйшихъ свѣдѣній о Библі
вообще.

Профес. Н. И. Барсовъ.

Люди труда и сильной воли. Жизн
Гарріетъ Бичеръ-Стоу. Составила Е. А
Сысоева. Съ двумя портретами и 6-
рисунками. Спб., 1892 г., въ 8 д., стр
151. Ц. 75 к.

Имя г-жи Бичеръ-Стоу всякому, вѣр
ятно, напомнитъ его далекое дѣтство. „Р
бинзонъ" и „Хижина дяди Тома" — вот
двѣ книги, которыхъ не минуетъ ни один
ребенокъ изъ сколько-нибудь интеллиген
ной семьи и которыя давно уже заслужил
у своихъ молодыхъ читателей поистин
великую славу. Но не одинаковое чувств
пробуждаютъ эти двѣ книги, не одинаков
и доставляемая ими польза. Въ то врем
какъ „Робинзонъ" дѣйствуетъ преимуще-
ственно на фантазію, настраивая вообра-
женіе читателей на обыкновенныя при-
ключенія при неизвѣданныхъ условіяхъ,
„Хижина дяди Тома", напротивъ, рисуетъ
картину той будничной жизни, которая,
хотя и не существуетъ теперь въ такомъ-ж
точно видѣ, но, благодаря таланту автора
и всей реальности обстановки, переживается

Marie

ИМПЕРАТРИЦА МАРІЯ ѲЕОДОРОВНА

род. 1759 г., † 1828 г.

Приложеніе къ журналу «РУССКАЯ СТАРИНА» изд. 1891 г.

Дозволено цензурою. Спб., 31 января 1891 г. Экспедиція заготовленія государственныхъ бумагъ.

МИХАИЛЪ ИВАНОВИЧЪ СЕМЕВСКІЙ,

редакторъ-издатель историческаго изданія

«Русская Старина»

1870—1892 гг.,

† 9-го марта 1892 г.

МИХАИЛЪ ИВАНОВИЧЪ СЕМЕВСКІЙ

1837 род. 4-го января / † 9-го марта **1892.**

Русская наука и журналистика вообще и „Русская Старина“ въ особенности понесли тяжелую утрату: 9-го марта скончался въ Кронштадтѣ основатель „Русской Старины“ М. И. Семевскій. Покойный много и честно потрудился въ весьма въ разнообразныхъ сферахъ дѣятельности, но въ настоящемъ некрологѣ мы не задаемся цѣлью представить его біографическій очеркъ (для этого мы не располагаемъ достаточнымъ временемъ), а желаемъ указать лишь на главнѣйшіе факты его жизни.

Отецъ Михаила Ивановича, Иванъ Егоровичъ, помѣщикъ Великолуцкаго уѣзда Псковской губерніи, былъ человѣкъ образованный и начитанный, какъ это видно и изъ того, что въ своемъ имѣніи онъ собралъ хорошую и обширную библіотеку. Мать, по происхожденію полька, урожденная Богуцкая, была женщина, заслуживающая самаго глубокаго уваженія. Михаилъ Ивановичъ, родившійся 4-го января 1837 года, былъ ихъ вторымъ сыномъ, но за нимъ послѣдовало еще десять человѣкъ дѣтей: впрочемъ, изъ всего этого многочисленнаго семейства лишь семеро пережили годы дѣтства. Иванъ Егоровичъ позаботился о томъ, чтобы найти для воспитанія своихъ дѣтей хорошаго педагога, и

такимъ, дѣйствительно, оказался прожившій многіе годы въ его семьѣ І. И. Малевичъ (онъ былъ впослѣдствіи учителемъ С. В. Ковалевской). Такъ какъ содержаніе большой семьи поглощало доходы съ имѣнія средняго размѣра (въ немъ, по старому счету, было сто душъ), то Ивану Егоровичу пришлось опредѣлять своихъ сыновей на казенный счетъ въ Полоцкій кадетскій корпусъ, гдѣ онъ самъ одно время служилъ. Его второй сынъ, Михаилъ, какъ и всѣ остальные, учился прекрасно.

Изъ Полоцкаго кадетскаго корпуса Михаилъ Ивановичъ перешелъ въ бывшій Дворянскій полкъ, при немъ переименованный въ Константиновскій корпусъ (нынѣ Константиновское военное училище), гдѣ учился у извѣстнаго преподавателя литературы и переводчика сочиненій Диккенса, Иринарха Ив. Введенскаго, и откуда выпущенъ въ іюнѣ 1855 года прапорщикомъ въ лейбъ-гвардіи Павловскій полкъ. Съ первыхъ чиселъ іюля 1855 г. до конца сентября 1856 г. Михаилъ Ивановичъ находился въ Москвѣ въ составѣ отряда войскъ, собранныхъ тамъ по случаю коронованія императора Александра II. Во время пребыванія въ Москвѣ Михаилъ Ивановичъ познакомился со многими московскими литераторами и, между прочимъ, съ А. Н. Островскимъ. Объ этомъ знакомствѣ онъ разсказываетъ слѣдующее въ одной изъ своихъ автобіографическихъ замѣтокъ:

„Первое мое свиданіе съ Островскимъ было осенью 1855 г., когда я, еще 18-ти лѣтнимъ офицеромъ, преисполненный безпредѣльнаго уваженія къ таланту Островскаго, отправился къ нему на поклонъ... въ маленькій его домикъ (въ Москвѣ). Я не имѣлъ ни малѣйшаго рекомендательнаго письма; офицерскій мундиръ мой, хотя и гвардейскій, въ то время не пользовался особенными симпатіями, по крайней мѣрѣ въ кругу писателей, державшихся въ сторонѣ отъ военнаго круга. Островскій принялъ меня угрюмо, сдержанно, молчаливо, но пылъ и увлеченіе юнаго его поклонника скоро его смягчили, и я, со втораго, съ третьяго раза, уже вошелъ въ кружокъ его обычныхъ посѣтителей. Именно тогда-то, въ зиму 1855—1856 гг., я познакомился у него съ Аполлономъ Александровичемъ Григорьевымъ, Сергѣемъ Николаевичемъ Эдельсономъ, артистомъ Провомъ Михайловичемъ Садовскимъ, молодымъ комикомъ Васильевымъ, весьма извѣстнымъ впослѣдствіи, а тогда еще очень юнымъ

Иваномъ Θедоровичемъ Горбуновымъ, съ Микулиной-Косицкой и нѣкоторыми другими. Этотъ кружокъ талантовъ, людей чисто русскихъ, веселыхъ, разговорчивыхъ (этого, однако-же, нельзя сказать о покойномъ Садовскомъ), чрезвычайно мнѣ понравился, а личное знакомство съ самимъ Островскимъ не только не уменьшило моего къ нему уваженія, какъ къ даровитѣйшему отечественному писателю, но, если можно сказать, даже увеличило".

Результатомъ знакомства съ А. А. Григорьевымъ, стоявшимъ тогда во главѣ молодой редакціи „Москвитянина", было появленіе въ этомъ журналѣ перваго печатнаго труда М. И. Семевскаго „Нѣсколько словъ о фамиліи Грибоѣдовыхъ" (письмо къ редактору журнала „Москвитянинъ"), въ которомъ сообщались свѣдѣнія и историческіе документы о предкахъ А. С. Грибоѣдова. О томъ, какъ пробудилась въ авторѣ этой статьи страсть къ изученію русской исторіи, и о началѣ и первыхъ годахъ его литературной дѣятельности мы находимъ свѣдѣнія въ слѣдующей, въ высшей степени интересной, автобіографической замѣткѣ, продиктованной имъ самимъ стенографу въ 1876 году:

„Отечественную исторію я сталъ изучать съ весьма раннихъ лѣтъ моего возраста. Я говорю „изучать" потому, что уже 15—16 лѣтъ не довольствовался однимъ учебнымъ курсомъ, а старался прочитывать, какъ говорилось въ школѣ, „постороннія книги", имѣвшія болѣе или менѣе отношеніе до родной старины. Какъ теперь припоминаю, изъ этого рода сочиненій мнѣ особенно нравились Біографіи и Словарь достопамятностей россійскихъ. Извѣстное сочиненіе Бантышъ-Каменскаго было едва-ли не первою книгою, которая прочитана была мною, и прочитана не одинъ разъ, изъ отдѣла книгъ по отечественной исторіи. Какъ ни суха, повидимому, эта книга, какъ ни однообразно изложеніе біографій, въ ней помѣщенныхъ, тѣмъ не менѣе и въ нихъ—въ этихъ служебныхъ спискахъ, разбавленныхъ большею частью похвалами—я нашелъ для своего юнаго воображенія не мало фактовъ, воскресившихъ предо мною прошедшую жизнь.

„Вслѣдъ за Бантышъ-Каменскимъ подвернулись мнѣ подъ руки „Записки о Россіи" Манштейна, переведенныя съ французскаго Глинкою. Эта одна книга уже дала мнѣ мысль къ сочинительству. Я вздумалъ, по ней, по одной этой книгѣ, соста-

вить біографическій очеркъ жизни знаменитаго канцлера Ивана Андреевича Остермана, трудился надъ этимъ нѣсколько недѣль, и самой внѣшности этой біографіи придалъ, быть можетъ самъ того не замѣчая, такой-же видъ, какой имѣли біографическіе очерки въ словарѣ Бантышъ-Каменскаго. Мнѣ было 16, много 17 лѣтъ, когда я, такимъ образомъ, выступилъ на поприще составленія, будто-бы, самостоятельныхъ очерковъ.

„Профессоромъ исторіи былъ у меня извѣстный въ свое время по бездарности Михаилъ Ивановичъ Касторскій — тотъ самый, который въ теченіе многихъ лѣтъ, благодаря какой-то протекціи, могъ занимать каѳедру въ петербургскомъ университетѣ. Это былъ старичекъ довольно уморительной наружности, съ весьма странными ухватками и положительно не умѣвшій проговорить полчаса связно и логично. Преподаваніе его сводилось къ устряловскому учебнику, но разбавлялось однако одною особенностью: изрѣдка онъ обращалъ вниманіе своей аудиторіи на источники. Такъ, напр., онъ останавливался на нѣкоторыхъ подробностяхъ о лѣтописцѣ Несторѣ, на нѣкоторыхъ его продолжателяхъ и даже знакомилъ съ подлинными грамотами. Связь изложенія исторіи съ источниками къ ней у него была весьма мала, отрывочна, но тѣмъ не менѣе большое спасибо его памяти за то, что онъ далъ мнѣ, хотя и самое поверхностное, понятіе о томъ, что́ такое источники. Это до такой степени впослѣдствіи времени сослужило мнѣ службу, что, какъ теперь помню, въ своей педагогической практикѣ преподаванія отечественной исторіи, я не иначе преподавалъ ее, какъ опираясь на примитивныя, т. е. первоначальныя данныя къ излагаемымъ событіямъ. Страсть или, лучше сказать, способность къ компилятивнымъ работамъ, къ обращенію съ источниками внушена мнѣ была также и нѣкоторыми другими преподавателями въ нашемъ заведеніи, которые задавали темы, требуя обработать ихъ по рекомендуемымъ книгамъ. Такъ, напр., мнѣ, на 18-мъ году жизни, довелось писать большое сочиненіе — очеркъ исторіи русскаго театра, какое-то статистическое сочиненіе, мною теперь совершенно забытое, очеркъ исторіи государственнаго совѣта — это изъ науки законовѣдѣнія, и нѣкоторыя другія. Первая изъ названныхъ компиляцій, какъ ни слаба она была, сослужила мнѣ ту службу, что дала возможность погрузиться въ исторію

русской литературы XVIII столѣтія. Кто знаетъ, быть можетъ, безъ названной темы, когда-бы еще довелось мнѣ перечитать журналы Новикова, Александра Сумарокова, сочиненія Екатерины II, братьевъ Эминыхъ, журналы Крылова, Рубана, Козицкаго, Дашковой и проч. и проч. Между тѣмъ, тутъ, имѣя въ виду свою литературную работу, я, такъ сказать, всецѣло погрузился въ эти сѣренькія, плохой старинной печати, книги, и цѣлыми днями просиживалъ въ публичной библіотекѣ.

„Сочиненія вышли, конечно, плохія, хотя и сопровождались весьма пышными аттестаціями преподавателей. Но масса усвоенныхъ фактовъ осталась дорогимъ пріобрѣтеніемъ для послѣдующей моей жизни. Возвращаясь къ этому труду,—я говорю объ очеркѣ русской народной комедіи, а не театра, — скажу, что, и по выходѣ изъ учебнаго заведенія, я посвятилъ ему около года довольно усидчивой работы, и руководителемъ или, лучше сказать, подстрекателемъ къ этому труду былъ извѣстный въ свое время профессоръ русской словесности и самый лучшій переводчикъ англійскихъ романовъ Иринархъ Ивановичъ Введенскій. Онъ былъ уже слѣпъ, когда я его зналъ и когда его помню. Но, несмотря на слѣпоту свою, этотъ человѣкъ сохранилъ всю горячность молодости, необыкновенную энергію и потребность возбужденія окружавшихъ его молодыхъ людей къ неустанному и упорному умственному труду. Рѣчь его была необыкновенно увлекательна, а самая наружность до чрезвычайности симпатична. Вообще вся эта фигура преждевременнаго инвалида труда дѣйствовала необыкновенно обаятельно на всѣхъ, кто сколько-нибудь ближе съ нимъ сходился. Какъ теперь помню, съ какою боязнью явился я къ нему на Петербургскую сторону, недалеко отъ Тучкова моста, въ 3-й этажъ, въ весьма скромную квартиру, и давалъ отчетъ о ходѣ своихъ занятій въ публичной библіотекѣ. Какъ теперь помню, какъ сжималось у меня сердце при отчетахъ о томъ, что работа у меня далеко не спорилась такъ, какъ было-бы желательно моему руководителю. Въ пылкомъ воображеніи Введенскаго этотъ трудъ уже являлся вполнѣ законченнымъ, а между тѣмъ, какъ онъ самъ не могъ не видѣть изъ моихъ отчетовъ, его питомецъ барахтался лишь только въ первоначальныхъ источникахъ къ этой работѣ—въ журналистикѣ и въ произведеніяхъ вообще русскихъ авторовъ екатерининской

эпохи. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, припадокъ злой холеры унесъ Введенскаго въ могилу, а съ тѣмъ вмѣстѣ и работа моя какъ-бы оборвалась. Я возвращался къ ней уже, такъ сказать, эпизодически, взявши на себя въ то-же время преподаваніе русской словесности, а вслѣдъ затѣмъ и отечественной исторіи въ нѣкоторыхъ второстепенныхъ учебныхъ заведеніяхъ.

„Крайній недостатокъ средствъ, ничтожность задѣльной платы за уроки, небольшой кругъ знакомыхъ и полное невѣдѣніе литературныхъ кружковъ, которымъ, по самому своему воспитанію, я былъ вполнѣ чуждъ, т. е. стоялъ отъ нихъ волею-неволею въ сторонѣ [1])—все это не могло развить во мнѣ мысли когда-нибудь выступить въ печать. Видѣть какую-либо строчку своихъ писаній въ печати казалось дѣломъ столь несбыточнымъ, что не могло даже придти и въ голову 21—23 лѣтнему молодому человѣку. Между тѣмъ, это несчастіе случилось гораздо ранѣе, чѣмъ и можно, и должно было надѣяться. Смѣло говорю „несчастіе“, потому что для будущаго литературнаго работника, хотя-бы и весьма второстепеннаго, хотя-бы и не оригинальнаго, не самостоятельнаго, а компилятора, надо выступить въ печать сколь возможно позже. Преждевременное тисненіе отучаетъ отъ упорности въ работѣ, отъ всесторонней обдуманности писаннаго и, наконецъ, слабые очерки неопытнаго пера съ именемъ несозрѣвшаго автора выбрасываетъ на судъ, иногда придирчивой, но большею частью справедливой критики. Между тѣмъ рѣзкіе отзывы значительно обезкураживаютъ его и не мало доставляютъ горькихъ минутъ въ его жизни. Короче сказать, не только беллетристу въ особенности, но даже и скромному компилятору историческихъ статей я всегда посовѣтую начать сколько возможно позже выдвигаться на печатную арену. Въ моей, однако, жизни случилось какъ разъ напротивъ.

„Въ томъ кружкѣ Введенскаго, въ которомъ вращался я, вращался, впрочемъ, весьма короткое время, такъ какъ сблизился съ нимъ лишь за годъ до его преждевременной кончины, былъ гвардейскій офицеръ, нѣкто Владиміръ Николаевичъ Рюминъ, весьма расторопный и смышленный человѣкъ, который, замѣтивъ оживленіе нашей журналистики съ первыми годами

[1]) Сношенія съ Введенскимъ предшествуютъ поѣздкѣ въ Москву.

царствованія имп. Александра Николаевича, рѣшился примкнуть къ этому движенію съ изданьицемъ небольшимъ по объему, но съ весьма заманчивымъ заглавіемъ: „Общезанимательный Вѣстникъ“. Это былъ весьма жидкій по объему, но иллюстрированный журналъ, и, какъ по самому своему заглавію, такъ и по значенію и, наконецъ, въ особенности по иллюстраціямъ. — еще тогда довольно новымъ, ибо прежняя „Иллюстрація“ давно зачахла и не существовала, а новой еще не возникало,—этотъ журналъ могъ-бы очень и очень пойти, если-бы успѣхъ не подѣйствовалъ на г. Рюмина совершенно обратно тому, чего можно было ожидать. Успѣхъ, повторяю, былъ, но собранныя деньги пошли на мотовство—на угощеніе пріятелей, и журналъ послѣ года или $1^1/_2$ исчезъ самъ собою. Какъ ни кратко было его существованіе, но и онъ нуждался въ сотрудникахъ. Кругъ людей пишущихъ былъ въ то время не великъ, да и всѣ пишущіе распредѣлялись по небольшому числу тогдашнихъ журналовъ. Между тѣмъ, новое изданіе било на то, чтобы открывать новые таланты. Къ тому-же это было и для издателей гораздо дешевле. Въ числѣ открытыхъ дарованій и пишущій эти строки былъ заполоненъ Рюминымъ на страницы его изданія. Подмѣтивъ во мнѣ любовь къ отечественной исторіи и къ старинной отечественной словесности и нѣкоторыя усвоенныя въ этомъ отношеніи знанія, Рюминъ упросилъ меня дать ему двѣ или три монографійки. Одною изъ первыхъ была статья изъ временъ императрицы Анны Іоанновны, а именно, о ледяномъ домѣ и придворномъ бытѣ ея времени. Такимъ образомъ, чтеніе записокъ Манштейна, Бантышъ-Каменскаго и изученіе скуднаго арсенала русскихъ книгъ по русской исторіи XVIII вѣка не пропало для меня безслѣдно; оно привлекло къ составленію первыхъ статеекъ, съ которыми. повторяю, имѣлъ несчастіе слишкомъ рано выступить въ печать.

„Журналъ Рюмина растаялъ, т. е. исчезъ, но толчокъ въ литературѣ,—не имъ, а духомъ новаго времени,—былъ данъ, и новые журналы стали зарождаться чуть-ли не десятками. Едва-ли число читателей возрастало такъ быстро, какъ стало возрастать число пишущихъ, число сотрудниковъ. Сколько тогда появилось поэтовъ, критиковъ, романистовъ, въ особенности составителей картинокъ съ натуры и всевозможныхъ обличительныхъ разсказовъ. Сколько

теперь я вижу разныхъ почтенныхъ чиновниковъ, предсѣдателей разныхъ учрежденій, наконецъ, статсъ-секретарей и сенаторовъ, которые въ упоминаемые мною годы, т. е. 20 лѣтъ тому назадъ, бойко подмахивали свое имя на печатныхъ страницахъ тѣхъ или другихъ, давно уже скончавшихся, журналовъ! И никогда, кажется, не думалось имъ быть писателями, и исчезли-то они разъ навсегда изъ печати весьма скоро! Но тѣмъ не менѣе, 20 лѣтъ тому назадъ (т. е. въ концѣ 1850-хъ годовъ), многіе изъ нихъ являлись сотрудниками эфемерныхъ изданій.

„Въ этой плеядѣ авторовъ почти не было трудолюбцевъ по отечественной исторіи. Область отечественной старины была заповѣдною землею, куда, подъ вліяніемъ еще мусинъ-пушкинской цензуры, не вступалъ журнальный изслѣдователь. За забраломъ устряловскаго учебника масса русской публики и не видала, и не знала положительно ничего того, что въ настоящее время знаетъ любой гимназистъ среднихъ классовъ учебныхъ заведеній. И вотъ, выступаю я съ историческими очерками изъ временъ Петра Великаго, изъ эпохи царствованія Анны Іоанновны, воспроизвожу первые дни царствованія Елисаветы Петровны, наконецъ, во всей подробности раскрываю знаменитую трагедію— дѣло царевича Алексѣя Петровича. Съ бойкостью и увлеченіемъ молодости быстро набрасываю я далеко не зрѣлые очерки; не успѣвъ строго-критически разсмотрѣть тѣ источники, изъ которыхъ черпаю свои свѣдѣнія, прочитываю груду матеріала, но матеріала печатнаго, хотя и вовсе почти невѣдомаго публикѣ. И всѣ эти скороспѣлые труды новоиспеченные журналы, каковы „Русское Слово“, „Свѣточъ“ и другіе, спѣшатъ оттиснуть на своихъ страницахъ, пользуясь тѣмъ, что цензура начинаетъ конфузиться прежняго режима задушенія всего, что только относится до разоблаченія фактовъ изъ недавней отечественной исторіи. Какъ ни незрѣлы были эти очерки, но именно, благодаря невѣдѣнію массы читателей или, лучше сказать, невѣжеству ея въ отечественной исторіи, статьи мои, не скрою, имѣли успѣхъ. Редакціи съ удовольствіемъ ихъ печатали, а я съ увлеченіемъ просиживалъ ночи за записками, а дни проводилъ въ бѣганіи по библіотекамъ, въ то время, когда надо было еще не писать, а серьезно и всесторонне заканчивать свое образованіе, крайне недостаточное и весьма мало соотвѣт-

ствующее тому поприщу, на которое судьба выдвигала меня. Но какъ уча другихъ, самъ учишься, такъ и я, сочиняя и печатая, болѣе и болѣе знакомился съ избранною мною спеціальностью. Отечественная исторія во всѣхъ ея подробностяхъ, въ особенности послѣднихъ трехъ столѣтій, сдѣлалась мнѣ извѣстна какъ нельзя лучше, до такой степени, что я весьма рано почувствовалъ стремленіе изучать ее не въ грудахъ печатнаго русскаго и французскаго матеріаловъ, а въ подлинныхъ архивныхъ источникахъ. Тутъ, на мое счастье, и духъ новаго времени помогъ удовлетворенію моего желанія.

„Въ прежнее недавнее время, въ царствованіе Николая Павловича, наши архивы были или склады полусгнившаго бумажнаго хлама, или хорошо устроенныя кладовыя, куда не проникалъ ни одинъ нескромный взоръ. Очень рѣдко, совершенно случайно, выходили изъ этихъ кладовыхъ въ крайне скромныхъ размѣрахъ новыя свѣдѣнія, большею частью по запросу самого Августѣйшаго ихъ хозяина. Поинтересовался, напр., знать Николай Павловичъ о судьбѣ Артемія Волынскаго, о судьбѣ правительницы Анны Леопольдовны,— и вотъ чиновниками крайне секретно составлялись двѣ, три записки и оставались въ копіяхъ въ рукахъ весьма немногихъ лицъ. Духъ новаго времени, повторяю, вскрылъ и затворы этихъ кладовыхъ. Подлежащія министерства на просьбы мои о допущеніи въ тотъ или другой архивъ конфузились отвѣчать отказомъ. И вотъ, предо мною послѣдовательно открылись архивы главнаго штаба, академіи наукъ, синода, куда я, впрочемъ, не имѣлъ досуга и заглянуть, и въ особенности растворился мнѣ архивъ государственный, т. е. архивъ при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, заключающій въ себѣ драгоцѣнные матеріалы о царствованіи Петра Великаго и о послѣдующихъ эпохахъ. Въ этомъ архивѣ я остановился именно на матеріалахъ Петровскаго времени, на что въ особенности меня наталкивало прочтеніе не задолго передъ этимъ вышедшихъ 4-хъ томовъ сочиненія Устрялова „Исторія царствованія Петра Великаго“. Этотъ сухой, безъ всякаго дарованія написанный и на началѣ тисненія остановленный трудъ, однако, былъ для меня и для прочихъ любителей отечественной исторіи крайне важенъ тѣмъ, что въ немъ все было наполнено подлинными архивными матеріалами. Ближе взглянуть на эти

и на неизданные еще матеріалы—вотъ что заставляло меня въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ прежде всего остановиться на царствованіи Петра Великаго. Но и тутъ страсть къ писательству, крайне возбужденная во мнѣ запросами журналистовъ, повредила и помѣшала мнѣ, т. е. вмѣсто того, чтобы неторопливо и всесторонне ознакомиться съ тѣми сокровищами, доступъ къ которымъ оказался для меня столь легкимъ, я, натолкнувшись на весьма интересный, правда, эпизодъ, относящійся къ судьбѣ невѣстки Петра Великаго, царицы Прасковьи Ѳедоровны Салтыковой, остановился предъ этою очень оригинальною личностью и посвятилъ нѣсколько мѣсяцевъ на составленіе очерка ея жизни. Этотъ очеркъ почти всецѣло былъ составленъ по архивному, до тѣхъ поръ невѣдомому, матеріалу. Написанъ онъ былъ, дѣйствительно, бойко, живо и, по самому характеру своихъ матеріаловъ, не могъ остаться незамѣченнымъ. При томъ же монографія явилась на страницахъ новаго и весьма сочувственно принятаго литературнаго журнала. Это былъ литературный и политическій журналъ „Время", съ 1860 года издававшійся братьями Достоевскими. Писательство, опять повторяю—преждевременное, тѣмъ вредно, что оно втягиваетъ въ себя съ необыкновенною силою. Такъ было и со мною. За большою монографіею о царицѣ Прасковьѣ потянулась еще бо́льшая монографія объ императрицѣ Екатеринѣ I-й. И эта монографія составлялась по архивнымъ матеріаламъ, печаталась въ томъ-же журналѣ и читалась публикою съ большимъ любопытствомъ.

„Шестнадцать лѣтъ прошло послѣ появленія моихъ первыхъ историческихъ очерковъ, и съ нѣкоторой точки зрѣнія нахожу ихъ, за исключеніемъ развѣ двухъ послѣднихъ, о которыхъ только что упомянулъ, весьма слабыми. Но никогда не скажу, чтобы труды эти были-бы для нашей публики того времени безполезны. Если они были для кого мало полезны, то это для меня самого, такъ какъ составленіе ихъ, поглощая у меня много времени, не допускало къ тому серьезному самообразованію, которое, однако, должно было имѣть мѣсто. Что касается до читающаго общества, то, повторяю, они были весьма полезны, и вотъ почему. Я уже выше сказалъ, что эта масса, сквозь устряловщину глядя на отечественную исторію, была въ полнѣй-

шемъ невѣжествѣ по отношенію къ родной старинѣ. И вотъ являются въ литературныхъ журналахъ монографіи въ весьма живой формѣ и, совершенно не обинуясь скажу, трактующія о всѣхъ историческихъ лицахъ, и въ особенности о представителяхъ власти въ Россіи XVIII вѣка, въ самыхъ простыхъ ѝбразахъ, низводя ихъ съ ходулей, на которыхъ они до сихъ поръ высились. Въ этихъ монографіяхъ эти лица были оживляемы предъ умственнымъ взоромъ читателя, со всѣми ихъ малыми и крупными недостатками, со всѣми ихъ человѣческими слабостями, со всѣми послѣдствіями въ ихъ характерахъ и ихъ дѣйствіяхъ вліянія той среды, въ которой взросли и дѣйствовали эти герои и героини, эти монархи и монархини.

„Будучи полезны для отрезвленія русскаго общества отъ устряловщины, мои историческіе этюды были въ то-же время и тѣмъ тараномъ, который пробивалъ цензурную, все еще плотно сплоченную, стѣну. Десятокъ такихъ очерковъ образовалъ уже настолько значительную брешь въ этой стѣнѣ, что сквозь нея проходилъ весьма свободно цѣлый рядъ и болѣе серьезныхъ, и болѣе научныхъ изслѣдованій, но все изъ области запретной— изъ области отечественной исторіи XVIII вѣка. Что это не натяжка, что толстый покровъ, который наше правительство столь усердно накидывало на нашу недавнюю старину, былъ еще слишкомъ толстъ,—лучше всего видно изъ слѣдующаго. Когда появилось нѣсколько моихъ монографій, когда вслѣдъ за публикою, съ жадностью ихъ прочитавшею, онѣ обратили благосклонное вниманіе правительства, тогда немедля состоялось слѣдующее распоряженіе—не допускать въ печать историческихъ монографій о государяхъ и государыняхъ времени послѣ смерти Петра Великаго. Такимъ образомъ, администрація наша уступала лишь не иначе, какъ съ боя, шагъ за шагомъ поле изслѣдователю отечественной новѣйшей исторіи..... Но распоряженіе 1860 года имѣло и ту хорошую сторону, что какъ-бы громогласно объявляло о полной свободѣ, которая предоставлялась русскимъ историкамъ или, правильнѣе сказать, историкамъ Россіи по отношенію ко всѣмъ вѣкамъ, событіямъ и лицамъ до 1725 года, т. е. до кончины Петра Великаго. Отнынѣ, т. е. со времени упомянутаго распоряженія и при существованіи еще на Руси цензуры, не могло быть уже и рѣчи о томъ,

чтобы не допустить обнародованія тѣхъ или другихъ свѣдѣній о разныхъ Іоаннахъ, о первыхъ Романовыхъ и въ особенности о Петрѣ Великомъ. Это былъ уже шагъ впередъ, и шагъ значительный, и если мои именно монографіи вызвали помянутое распоряженіе, то за ними была-бы и заслуга того невольнаго признанія свободы для изслѣдованія до 1725 года, которая, такъ сказать, была вырвана со стороны администраціи.

„Оживленіе, съ которымъ я трудился, роясь въ архивахъ, засиживаясь въ библіотекахъ и держа корректуру своихъ длинныхъ монографій въ томъ или другомъ журналѣ, — это оживленіе было не во мнѣ одномъ, оно было во всемъ русскомъ обществѣ, жившемъ не физическою, но и духовною жизнью, т. е. объ этомъ только обществѣ я и говорю. Да, велико было оживленіе русскаго общества въ концѣ 1850-хъ и въ началѣ 1860-хъ годовъ! Все это кипѣло, все это говорило о реформахъ, о необходимости преобразованій тѣхъ или другихъ сторонъ въ общественномъ организмѣ, о недостаткахъ близкаго прошлаго, еще не вполнѣ отжившаго, о свѣтлыхъ, повидимому, слишкомъ смѣлыхъ, повидимому вовсе неосуществимыхъ надеждахъ на будущее! Какое особенное оживленіе замѣтно было въ литературныхъ кружкахъ! Да и какъ ихъ было много! Какъ велики они были! Сколько совершенно свѣжихъ и до сихъ поръ совершенно чуждыхъ силъ втягивали они въ себя, людей изъ различныхъ слоевъ возраждавшагося къ новой жизни русскаго общества. Нельзя себѣ представить, какъ интересны, какъ шумны, какъ увлекательны были сходки подвижниковъ русской литературы, русской журналистики, наканунѣ, такъ сказать, освобожденія Россіи! Я говорю о крѣпостной Россіи. Въ какихъ-нибудь двухъ комнаткахъ моихъ, напр. на Спасской улицѣ, въ домѣ Трута, еженедѣльно сходилось съ полсотни лицъ, трудившихся въ журналахъ и газетахъ. За стаканомъ жидкаго чая, въ клубахъ табачнаго дыма, въ виду плохаго стараго стола и едва-ли десятка стульевъ, эта полсотня толпилась и не видала, какъ летѣли часы далеко за полночь въ спорахъ самыхъ оживленныхъ. И все это были споры, толки и разсказы не о своихъ личностяхъ, не о личныхъ препирательствахъ, не о своихъ мелкихъ интересахъ—нѣтъ! все это были толки объ отечествѣ, о возрожденіи его на всѣхъ стезяхъ его жизни къ лучшему. Да, не

первый я, да и далеко не послѣдній изъ той эпохи, скажу съ полною искренностью: неоцѣненное, незабвенное время, и никогда тебя не вернуть не только въ моей жизни—нѣтъ, но и въ жизни всего русскаго общества! Объ этомъ времени было слишкомъ много писано и мнѣ не къ чему прибавлять что-либо къ его характеристикѣ. Скажу только, что жилось до крайности весело, до крайности весело работалось, съ необыкновеннымъ увлеченіемъ".

Къ этимъ свѣдѣніямъ о первыхъ годахъ литературной дѣятельности М. И. Семевскаго мы прибавимъ указаніе на главнѣйшія его статьи [1]).

Ко времени до Петра В. относится его статья „Царевна Софья Алексѣевна и кн. В. В. Голицынъ".—Ко времени Петра В.: „Царица Авд. Ѳ. Лопухина", „Царевичъ Алексѣй Петровичъ", „Шарлота Христина, супруга царевича Алексѣя Петровича", „Сторонники царевича Алексѣя Петровича", „Фрейлина Гамильтонъ", „Слово и дѣло — разсказъ изъ исторіи Тайной канцеляріи", „Самуилъ Выморковъ, проповѣдникъ явленія въ Россіи антихриста", „Петръ В. какъ юмористъ", „Семейство Монсовъ", „Царица Прасковья".

Послѣдующимъ царствованіямъ XVIII в. посвящены слѣдующія статьи: „Очеркъ жизни и убіенія Іоанна Антоновича", „Очерки изъ исторіи царствованія Елизаветы Петровны", „Статсъ-дама Нат. Ѳед. Лопухина", „Противники Фридриха Великаго—Апраксинъ и Бестужевъ-Рюминъ", „Шесть мѣсяцевъ изъ русской исторіи" (1761—62),—очеркъ царствованія Петра III, „Завѣщанія великаго князя Павла Петровича" (1788 г.).

Къ царствованію Александра I относятся статьи: „Гр. М. А. Милорадовичъ", „Партизанъ Сеславинъ" и пр.

Изъ очерковъ по исторіи русской литературы назовемъ: „Н. А. Бестужевъ, біографическій очеркъ", „Александръ Бестужевъ (Марлинскій) въ Якутскѣ и на Кавказѣ", „Поѣздка въ Тригорское: замѣтки и матеріалы для біографіи поэтовъ Пушкина, Жуковскаго, Языкова и бар. Дельвига", „Къ біографіи А. С. Пушкина" и проч.

---

[1]) Списокъ всѣхъ его статей и замѣтокъ до основанія „Русской Старины" см. ниже.

Статьи эти были напечатаны въ слѣдующихъ журналахъ (1859—69 гг.): „Отечественныя Записки", „Русское Слово", „Русскій Вѣстникъ", „Время", „Вѣстникъ Европы", „Библіотека для Чтенія", „Военный Сборникъ", „Разсвѣтъ", „Иллюстрація", „Вѣкъ", „Свѣточъ", „Журналъ Минист. Народн. Просвѣщенія", „Заря" и проч. и въ газетахъ: „С.-Петербургскія Вѣдомости" и „Голосъ".

Всѣ эти статьи М. И. Семевскаго, написанныя легко и общедоступно, имѣли большой успѣхъ среди читающей публики, возбуждали интересъ къ новой русской исторіи и подготовляли почву для широкаго распространенія основаннаго имъ впослѣдствіи историческаго журнала.

Кромѣ научно-литературной дѣятельности, не мало времени жизни М. И. Семевскаго было поглощено преподаваніемъ русской исторіи и русскаго языка въ различныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Осенью 1857 г. онъ былъ прикомандированъ къ первому кадетскому корпусу въ качествѣ репетитора по русскому языку и занималъ эту должность до февраля 1861 г., а въ ноябрѣ того-же года окончательно покинулъ военную службу. Еще ранѣе этого, въ 1860 г., онъ былъ приглашенъ инспекторомъ классовъ Смольнаго института, знаменитымъ педагогомъ К. Д. Ушинскимъ, преподавать въ старшихъ классахъ Александровской половины этого института, наряду съ другими извѣстными преподавателями того времени, какъ напр. В. И. Водовозовъ, Д. Д. Семеновъ и др. Талантливыя лекціи М. И. Семевскаго, къ которымъ онъ готовился въ высшей степени добросовѣстно, возбуждали живой интересъ слушательницъ и содѣйствовали развитію молодыхъ дѣвушекъ. Онъ не только талантливо читалъ лекціи, но и заставлялъ своихъ ученицъ знакомиться со многими сочиненіями по русской исторіи, постоянно провѣряя, устно и письменно, насколько они усвоили прочитанное, и эти дѣвушки, ничего прежде не читавшія, подъ руководствомъ Семевскаго начинаютъ знакомиться съ сочиненіями Костомарова, Соловьева и проч. Къ сожалѣнію, К. Д. Ушинскій былъ вынужденъ въ 1862 г. покинуть мѣсто инспектора классовъ въ Смольномъ институтѣ, а вмѣстѣ съ нимъ оставилъ институтъ и М. И. Семевскій, надолго сохранивъ, впрочемъ, дружескія отношенія и знакомство со своими бывшими ученицами.

Въ 1863 г. Михаилъ Ивановичъ получилъ отъ министерства народнаго просвѣщенія приглашеніе обозрѣть школы Псковской губ. Онъ съ величайшимъ вниманіемъ отнесся къ возложенной на него задачѣ и результатомъ его поѣздки былъ весьма обстоятельный трудъ подъ заглавіемъ: „Грамотность въ деревняхъ временно-обязанныхъ и государственныхъ крестьянъ Псковской губ. въ 1863 г.“, Спб., 1864 г., двѣ книги, съ статистическими таблицами и картою псковской учебной дирекціи, изд. минист. нар. просвѣщенія, а также брошюра „Учебныя заведенія въ городѣ Псковѣ“ (Спб., 1863 г., изд. минист. народ. просвѣщ.) Послѣ этой поѣздки, онъ составилъ также трудъ о городѣ Торопцѣ („Записки импер. русск. геогр. общ.“ 1864 г.).

Въ январѣ 1864 г. Михаилъ Ивановичъ поступилъ на службу въ государственную канцелярію. Первоначально онъ работалъ тамъ по отдѣленію государственной экономіи, а съ октября 1866 г. былъ зачисленъ въ отдѣленіе объ устройствѣ сельскаго состоянія. Въ 1877 г. М И. былъ уже произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники, а въ слѣдующемъ году назначенъ помощникомъ статсъ-секретаря государственнаго совѣта. Въ 1880 г., во время нахожденія въ отпуску управляющаго дѣлами главнаго комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія, онъ управлялъ дѣлами этого комитета, а въ 1882 г., по случаю упраздненія этого комитета, уволенъ, согласно желанію, отъ службы съ производствомъ въ тайные совѣтники и назначеніемъ пенсіи (въ 2.000 р.).

Съ 1870 г. Михаилъ Ивановичъ сталъ издавать историческій журналъ „Русская Старина“, объ основаніи котораго мы находимъ слѣдующія свѣдѣнія въ его автобіографическихъ замѣткахъ: „Началъ я это изданіе въ сотовариществѣ съ моимъ троюроднымъ братомъ, нынѣ покойнымъ, Василіемъ Арсеньевичемъ Семевскимъ. Этотъ добрый, мягкій и во многихъ отношеніяхъ весьма милый человѣкъ, крайне мало интересовался литературою: пробавлялся, въ часы досуга, въ своей свѣтской жизни, чтеніемъ кой-какихъ повѣстушекъ, романовъ, да газетъ, преимущественно мелкой прессы. Желая, однако, угодить мнѣ, а также немножко и польстить своему небольшому, впрочемъ, тщеславію, онъ согласился, въ ноябрѣ 1869 г., взять на себя званіе отвѣтственнаго издателя-редактора историческаго повременнаго изданія „Русская Старина“,

впередъ, однако, выговоривъ себѣ право быть свободнымъ отъ участія въ какихъ-бы то ни было хлопотахъ и заботахъ по этому изданію, но былъ такъ добръ, что сдѣлалъ даже ссуду, въ общемъ размѣрѣ дошедшую до 3.000 руб., каковая ссуда сполна и возмѣщена ему, даже съ процентами, къ началу 1873 года".

Первая книга „Русской Старины" за 1870 г. вышла въ объемѣ всего 4½ печатн. листовъ; издателемъ и отвѣтственнымъ редакторомъ журнала былъ В. Семевскій (Василій Арсен.), а о Михаилѣ Ивановичѣ было сказано, что онъ принимаетъ „непосредственное и постоянное участіе въ трудахъ редакціи", но, какъ мы уже знаемъ, съ самаго начала изданія Михаилъ Ивановичъ былъ его полнымъ хозяиномъ, безъ всякаго вмѣшательства со стороны В. А. Семевскаго.

Въ такомъ скромномъ размѣрѣ, втрое менѣе нынѣшнихъ обычныхъ книжекъ, стала выходить тогда „Русская Старина" [1]), но журналъ настолько заинтересовалъ публику, что уже къ сентябрю мѣсяцу всѣ первыя шесть книгъ его разошлись и напечатаны были вторымъ изданіемъ (въ обоихъ изданіяхъ разошлось 2.600 экз.), въ 1871 г. „Русская Старина" имѣла 3.500 подписчиковъ, въ 1872 г. разошлось въ двухъ изданіяхъ болѣе 4.000 экз., а затѣмъ, во всѣ послѣдующіе годы, журналъ имѣлъ отъ 5 до 6 слишкомъ тысячъ подписчиковъ. Въ теченіе 22-хъ лѣтъ существованія „Русской Старины" издано было 73 тома этого журнала.

Нѣкоторые изъ мемуаровъ, печатавшихся въ „Русской Старинѣ", выходили потомъ и отдѣльнымъ изданіемъ (записки Болотова, Добрынина, Глинки, Сельскаго священника), но сверхъ того, М. И. Семевскимъ было издано не мало такихъ книгъ и матеріаловъ, которые первоначально не появлялись въ „Русской Старинѣ" или были напечатаны не вполнѣ [2]).

---

[1]) Подписная цѣна была назначена въ 7 руб.

[2]) А именно: „Бунтъ военныхъ поселянъ въ 1831 г." (изд. 1870 г.), „Графъ Аракчеевъ и военныя поселенія" (1871 г.), „Записки Е. А. Хвостовой" (1871 г.), „Записки кн. Я. Шаховскаго" (1872 г.), „Петровскій сборникъ" (1872 г.). „Русская родословная книга", подъ редакціею кн. А. Б. Лобанова-Ростовскаго, 2 т., изд. 1873—75 гг., „Павловскъ", очеркъ его исторіи. „Знакомые", альбомъ М. И. Семевскаго, „Записки Н. И. Толубѣева", „Россія и

Извѣстно, какое громадное значеніе имѣла „Русская Старина“, не только для спеціалистовъ, но и для всего образованнаго общества; здѣсь, обыкновенно въ живой увлекательной формѣ, читатели знакомились съ фактами прошлой жизни русскаго общества и народа, съ біографіями замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ — военномъ, духовномъ, ученомъ, художественномъ, литературномъ. Журналъ пріобрѣлъ постоянный кругъ читателей и имѣлъ пламенныхъ почитателей. „Русская Старина“ была извѣстна въ самыхъ отдаленныхъ уголкахъ нашего отечества и вездѣ будила самосознаніе и честную мысль, обличала, хотя и заднимъ числомъ, грѣхи нашего давняго и недавняго прошлаго, предостерегала отъ повторенія ихъ въ будущемъ. Редакторъ „Русской Старины“ умѣлъ отзываться на многія явленія современной жизни и давалъ весьма кстати такіе историческіе матеріалы, которые хорошо освѣщали текущія событія. Въ своемъ неустанномъ трудѣ по изданію журнала Михаилъ Ивановичъ находилъ дѣятельную поддержку во всѣхъ сферахъ общества: люди съ самымъ разнообразнымъ положеніемъ, отъ крестьянина и рабочаго до самыхъ высокопоставленныхъ лицъ, дѣлали важные вклады матеріалами въ „Русскую Старину“. М. И. обладалъ особеннымъ искусствомъ вызывать соприкасавшихся съ нимъ людей на откровенные разсказы о своемъ прошломъ, которые записывалъ и стенографировалъ, а не то побуждалъ самихъ разсказчиковъ къ составленію воспоминаній. Такъ, напр., Т. П. Пассекъ начала писать свои извѣстные мемуары „Изъ дальнихъ лѣтъ“ по вызову Михаила Ивановича, несмотря на то, что ей было тогда почти 70 лѣтъ.

Громаденъ былъ трудъ покойнаго при изданіи его журнала, не мало препятствій приходилось ему встрѣчать, много

русскій дворъ въ первой половинѣ XVIII в., записки и замѣчанія гр. Эрнста-Миниха“ (1891 г.). Издана была также „Систематическая роспись содержанія „Русской Старины“, изд. 1870—84 гг., два прибавленія къ ней за 1885—87 и 1888—90 гг. и 5 выпусковъ альбома „Русскіе дѣятели въ портретахъ“. Были, наконецъ, переизданы прежнія сочиненія Михаила Ивановича: „Царица Прасковья“ (1883 г.), „Слово и дѣло“ (два изданія—1883 и 1884 гг.) и „Царица Екатерина Алексѣевна, Анна и Виллимъ Монсъ“ (1884 г.). Въ послѣдніе годы жизни Михаилъ Ивановичъ, на средства кн. Ѳ. А. Куракина, сталъ издавать документы Куракинскаго архива (издано два тома и остался совершенно подготовленнымъ къ печати III-й томъ).

силъ и здоровья уносилъ съ собою каждый томъ „Русской Старины", надрывая нервы, ослабляя дѣятельность сердца, которое, наконецъ, и перестало биться такъ преждевременно, но дѣятельная натура М. И. Семевскаго не довольствовалась журнальною дѣятельностью, несмотря на то, что онъ былъ единственнымъ редакторомъ „Русской Старины", а одного этого дѣла могло-бы хватить на нѣсколько человѣкъ. Повторяемъ, М. И. Семевскому было мало этого громаднаго литературнаго дѣла: его влекло и къ иной общественной дѣятельности, и вотъ съ 1877 г. онъ становится гласнымъ петербургской думы, принимаетъ самое дѣятельное участіе въ разныхъ ея комиссіяхъ, произноситъ рѣчи по поводу всякаго дѣла, болѣе важнаго и обращающаго на себя вниманіе общества. Особенно много силъ и труда отдалъ онъ училищной комиссіи и въ качествѣ ея члена, и въ качествѣ попечителя многихъ городскихъ училищъ.

Столь усердная, безкорыстная дѣятельность не могла не вызвать къ нему сочувствіе со стороны гласныхъ петербургской думы, и естественнымъ послѣдствіемъ этого было избраніе его, 22-го октября 1883 г., товарищемъ городскаго головы. Объ этомъ событіи онъ говоритъ слѣдующее въ своихъ автобіографическихъ замѣткахъ: „Было-бы лицемѣріемъ съ моей стороны, если-бы я, въ виду желанія нѣкоторыхъ гласныхъ с.-петербургской городской думы вновь предложить меня въ товарищи городскаго головы, отклонилъ-бы отъ себя подобную честь. Съ такою честью соединенъ большой трудъ, а отъ него едва-ли можетъ уклоняться кто-либо изъ гласныхъ, истинно интересующихся городскимъ хозяйствомъ и желающихъ принести пользу своею дѣятельностью въ общественномъ управленіи столицы... Кто ближе знаетъ мое положеніе, тотъ знаетъ также хорошо, что я не связываю съ предлагаемою должностью матеріальныхъ для себя интересовъ; но не скрою, что самая возможность быть болѣе полезнымъ городу, чѣмъ то было до сихъ поръ въ моемъ положеніи простаго гласнаго, нѣкоторая опытность, пріобрѣтенная въ городскомъ хозяйствѣ въ теченіе 6-ти лѣтней службы городу, участіе во множествѣ хозяйственныхъ и исполнительныхъ комиссій, городскою думою учрежденныхъ, затѣмъ полная свобода отъ государственной службы, которая прекратилась для меня съ закрытіемъ главнаго комитета объ устройствѣ сельскаго со-

стоянія при государственномъ совѣтѣ—не могутъ не давать мнѣ увѣренности, что я нашелъ-бы въ себѣ и достаточно силы, и времени, и усердія для исполненія этого дѣла, которое могло-бы быть возложено на меня настоящими выборами...". Въ другомъ мѣстѣ Михаилъ Ивановичъ записалъ: „Утвержденъ я министромъ 4-го ноября, т. е. ровно недѣлю спустя, какъ того и требуетъ законъ, послѣ выбора меня на этотъ крайне лестный и весьма трудный постъ. Избраніе состоялось въ городской думѣ въ пятницу, 22-го октября, въ два часа пополудни. Въ выборахъ участвовало 184 гласныхъ, и я совершенно неожиданно, по крайней мѣрѣ для меня, получилъ крайне рѣдкое большинство голосовъ 120 противъ 64. Извѣстно, что самъ городской голова, Иванъ Ильичъ Глазуновъ, баллотировавшійся также безъ соперниковъ на постъ городскаго головы въ 1881 г., получилъ, если не ошибаюсь, избирательныхъ только 147 голосовъ; но число избирателей, если опять-таки не ошибаюсь, превосходило цифру 200. Короче сказать, чести мнѣ оказано моими сотоварищами и сослуживцами по думѣ много, и я молю только Господа Бога, дабы Онъ помогъ мнѣ оправдать ихъ столь лестное для меня довѣріе".

Вскорѣ послѣ того, въ декабрѣ того-же 1883 г., М. И. Семевскій произнесъ рѣчь учителямъ и учительницамъ петербургскихъ городскихъ училищъ, изъ которой видно какъ широко смотрѣлъ онъ на задачи, предстоящія общественному управленію Петербурга въ дѣлѣ народнаго образованія, какъ много, по его мнѣнію, предстояло еще сдѣлать въ этомъ отношеніи вообще и въ частности для улучшенія положенія учителей и учительницъ.

„Дѣло народнаго образованія" (въ Петербургѣ) „поставлено на твердую почву, пустило глубокіе корни и приноситъ, и принесетъ еще въ будущемъ неисчислимыя, самыя благотворныя послѣдствія. Наконецъ, все это дѣло на вѣки вѣковъ, какъ надо надѣяться, будетъ уже непоколебимо. Дѣйствительно, дѣло совершено величайшей важности. Шесть съ половиною лѣтъ тому назадъ Петербургъ имѣлъ городскихъ начальныхъ школъ 16; отпуская ничтожную сумму на ихъ поддержку, онъ вовсе ихъ не зналъ. Святое дѣло начальнаго народнаго образованія шло внѣ вѣдѣнія общественнаго управленія; про него нельзя было даже сказать, что оно хотя прозябало, ибо что такое 16 школокъ, съ грошевымъ вознагражденіемъ

учителей, въ плохихъ квартирахъ, для милліоннаго населенія Петербурга.

„Но вотъ правительство, слѣдуя предначертаніямъ незабвеннаго государя Александра II, съ полнымъ довѣріемъ отдаетъ это дѣло общественному самоуправленію. Не прошло еще и 7 лѣтъ, и на каждомъ почти перекресткѣ, во всѣхъ пунктахъ скученнаго населенія, мы видимъ вывѣски, указывающія на учрежденіе во всѣхъ этихъ мѣстахъ народныхъ училищъ. Если за нѣсколько десятковъ школъ, раскинутыхъ въ XVIII вѣкѣ по лицу земли русской волею и заботами Екатерины II, мы осыпаемъ эту государыню похвалами, если эпохѣ Александра I ставится въ заслугу опять-таки увеличеніе числа народныхъ училищъ, то какъ-же съ гордостью не сказать, что велика заслуга с.-петербургской городской думы, въ самый короткій періодъ времени, шесть съ половиною лѣтъ, даровавшей населенію безъ малаго 200 школъ и давшей полную увѣренность, что не за горами то время, когда не останется на нашихъ улицахъ ни одного ребенка школьнаго возраста, который не нашелъ себѣ мѣста подъ сѣнью этихъ прекрасныхъ пріютовъ образованія. Такое великое дѣло не могло быть и никогда не будетъ совершено волею одного человѣка; передъ величіемъ этого дѣла исчезаетъ чья-бы то ни было личность!...

„Училища раскинуты по всему Петербургу, они въ большинствѣ случаевъ помѣщены на столько удобно, на сколько это возможно въ частныхъ квартирахъ, въ домахъ, вовсе не имѣвшихъ въ виду вмѣщать въ себѣ тѣ или другія учебныя заведенія. Школы снабжены всѣми необходимыми учебными пособіями: платы за обученіе почти никакой, ибо нельзя назвать платою 2 руб. въ годъ, отъ которой освобождается ребенокъ при ссылкѣ на бѣдность или недостаточность его родителей. Содержаніе учителей, если взять во вниманіе квартиру, дрова, прислугу, наконецъ жалованье значительно превосходитъ такое-же содержаніе въ другихъ начальныхъ училищахъ внѣ вѣдѣнія с.-петербургской городской думы. Малѣйшіе вопросы, до учебнаго дѣла касающіеся, равно какъ и вопросы хозяйственные вообще всего внутренняго строя этого дорогаго намъ міра, налажены и продолжаютъ налаживаться, подвергаясь еженедѣльному и самому внимательному обсужденію среди училищной комиссіи при содѣйствіи гг. экспертовъ, состоящихъ на службѣ думы. Годовые акты, назначаемые въ думѣ, нашихъ начальныхъ школъ, обратились какъ-бы въ народныя для Петербурга торжества; они привлекаютъ къ себѣ представителей всѣхъ сферъ общества, до главы министерства народнаго просвѣщенія включительно.

„Итакъ, несомнѣнно сдѣлано много, но еще цѣлый рядъ вопросовъ предстоитъ разрѣшить. Число школъ, какъ показали статистическія данныя, выработанныя въ послѣднее время относительно дѣтей школьнаго возраста, на половину еще не соотвѣтствуетъ тому числу, которое должно быть непремѣнно въ нихъ водворено. Между тѣмъ, нужды городскаго хозяйства во всѣхъ его разносторонних областяхъ чрезвычайно расширяются, платежныя средства населенія, въ особенности въ переживаемые годы, далеко не въ такой пропорціи увеличиваются. Является опасеніе, что еще далеко время, когда Петербургъ получитъ дѣйствительно потребное для него число начальныхъ училищъ; дай Богъ, чтобы эти опасенія не осуществились. Денежное содержаніе ваше, добрые друзья мои, не представляется свыше 65.000 руб. въ годъ. Не говорю 30, 20, даже 10 лѣтъ тому назадъ, это содержаніе было порядочное, теперь-же оно является ничтожнымъ, но главное — оно представляется неподвижною цифрою, съ чѣмъ уже никакъ невозможно примириться, въ виду того, какъ поставлено вознагражденіе учащихъ у нашихъ сосѣдей нѣмцевъ, французовъ, швейцарцевъ. Человѣкъ трудится нѣсколько лѣтъ, трудится, быть можетъ, всю жизнь и знаетъ, что отъ этого труда матеріальный достатокъ его останется въ той-же цифрѣ, а между тѣмъ прибавляются годы, упадаютъ силы, падаетъ здоровье, ослабляется энергія. Такое положеніе вредно отзывается на веденіи учебнаго дѣла. Мысль о прогрессивномъ вознагражденіи по числу лѣтъ службы—есть мысль самая вѣрная и признанная давно и всюду; она еще не признана пока у насъ, т. е. не получила одобренія нашей почтенной думы. Будемъ надѣяться, что данная здравая и справедливая мысль не будетъ погребена, но будетъ всецѣло принята и вознагражденіе за трудъ учителей и учительницъ въ этомъ отношеніи будетъ поставлено на наилучшую почву.

„Я упомянулъ о квартирахъ школъ у нашихъ сосѣдей: города гордятся прекрасными, спеціально устроенными для школъ, зданіями, только такія зданія могутъ всецѣло удовлетворять и гигіеническимъ и воспитательно-учебнымъ цѣлямъ. Будемъ надѣяться, что въ недалекомъ будущемъ Петербургъ украсится такими зданіями и что въ мѣстахъ съ особенно скученнымъ населеніемъ въ нихъ помѣстится по нѣскольку училищъ. Такимъ образомъ достигнется экономія, а главное — цѣли гигіеническія и педагогическія.

„Ничего еще не сдѣлано въ отношеніи къ обезпеченію будущихъ инвалидовъ учебнаго труда. И тутъ быстро пройдетъ четверть вѣка, а наши учителя и учительницы не будутъ убѣждены, что

при упадкѣ силъ и при выходѣ въ отставку они будутъ имѣть кусокъ хлѣба, какъ справедливое воздаяніе за свои неустанные и долголѣтніе труды. Этотъ вопросъ на очереди и надо надѣяться, что дума взглянетъ на него какъ можно шире и не только чиновники въ ея канцеляріи, но и всѣ служащіе по найму при ней и въ подвѣдомственныхъ ей учрежденіяхъ получатъ опредѣленныя права на пенсію по числу потраченныхъ лѣтъ.

„По отношенію къ учебному нашему міру мы можемъ гордиться и тѣмъ, что подлѣ училищной комиссіи стоитъ общество для пособія бѣднѣйшимъ учащимся; такимъ образомъ, вопіющая бѣдность нашихъ учениковъ и ученицъ получитъ когда-нибудь какое-либо воспособленіе. Но мы не имѣемъ еще патронатства надъ дѣтьми, оканчивающими у насъ курсъ: ребенокъ 11 лѣтъ, нерѣдко прекрасно окончившій курсъ въ нашей школѣ, возвращается въ самыя ужасныя бытовыя условія той среды, къ которой онъ принадлежитъ. Оказать ему поддержку, дать ему возможность встать на честную дорогу труда—вотъ задача, которую должно-бы преслѣдовать общество и поддержку которой должна-бы оказать дума. Въ вѣдѣніи думы находятся лишь начальныя училища, а вѣдь шесть съ половиною лѣтъ показали всю глубину, всю силу заботливости думы объ этомъ излюбленномъ ею дѣтищѣ. Не слѣдуетъ ли пожелать, чтобы въ ея вѣденіе перешли-бы школы и болѣе высшаго типа, чѣмъ одноклассныя училища. Затѣмъ дѣятельность думы по отношенію къ ремесленному образованію, о которомъ такъ много писали и пишутъ, и которое, если можно такъ выразиться, особенно сильно и не безъ основанія выдвигается какъ единственная гарантія противъ распространенія умственнаго пролетаріата, это дѣло находится еще у насъ въ младенческомъ состояніи. Не могу-же я назвать серьезною поддержкою со стороны общественнаго управленія то обстоятельство, что мы отпускаемъ пособіе въ нѣсколько тысячъ рублей одному, правда превосходно устроенному, ремесленному училищу цесаревича Николая, да имѣемъ у себя двѣ учебныхъ мастерскихъ. Нѣтъ, это дѣло должно быть расширено, причемъ, смѣю думать, городскому управленію предстоитъ не брать на себя учрежденіе за свой страхъ и въ свое полное вѣдѣніе ремесленныхъ и техническихъ заведеній, а лишь оказывать самую энергическую поддержку частному почину въ этомъ дѣлѣ, и потому общества-ли частныя, лица-ли частныя кладутъ на это дѣло въ Петербургѣ свой трудъ, свою энергію, свои заботы, свой капиталъ—городскому управленію долженствуетъ внимательно слѣдить за этимъ дѣломъ, своевременно прибѣгать къ

нему съ помощью, какъ матеріальною, такъ и нравственною, чрезъ посредство своихъ представителей, особенно интересующихся и понимающихъ это дѣло"...

Однако, М. И. Семевскій не долго могъ вынести непосильный трудъ, который выпалъ на его долю, послѣ того, какъ онъ соединилъ обязанности товарища городскаго головы съ обязанностями редактора „Русской Старины". Главное дѣло было, впрочемъ, не въ тяжести труда, а въ нѣкоторыхъ крайне несимпатичныхъ, элементахъ въ самой городской управѣ, которые отравляли Михаилу Ивановичу исполненіе его обязанностей и заставляли его даже думать, что нѣкоторые изъ этихъ членовъ способны подвести его подъ серьезную отвѣтственность. Дѣло о Пухертовской мукѣ, съ которымъ связаны нѣкоторыя имена, бывшія тогдаособенно непріятными М. И. Семевскому, показали, что его опасенія имѣли основаніе. Михаилъ Ивановичъ былъ слишкомъ честный и прямой человѣкъ, чтобы ладить съ подобными господами, и потому, оберегая свое разстроенное здоровье и незапятнанную репутацію, онъ въ 1885 г. сложилъ съ себя званіе товарища городскаго головы, но тѣмъ не менѣе, за исключеніемъ времени, проведеннаго имъ для поправленія здоровья за-границею, продолжалъ принимать постоянное участіе въ засѣданіяхъ городской думы и особенно въ трудахъ училищной комиссіи.

Какъ въ своей литературной, такъ и въ общественной дѣятельности Михаилъ Ивановичъ Семевскій всегда оставался неизмѣнно вѣренъ своимъ убѣжденіямъ, не кривилъ душою и энергически отстаивалъ тѣ завоеванія на пути прогресса, которыя сдѣлало русское общество въ предшествующее царствованіе, отъ враговъ реформъ императора Александра II.

Кромѣ работъ по журналу и городскому управленію, не мало времени употреблялъ также М. И. Семевскій на участіе въ трудахъ и засѣданіяхъ различныхъ ученыхъ обществъ. Въ 1871 г. онъ былъ избранъ въ члены археографической комиссіи, въ слѣдующемъ году сдѣлался членомъ географическаго и археологическаго обществъ, а затѣмъ былъ почетнымъ членомъ археологическаго института и членомъ-сотрудникомъ общества любителей древней письменности (въ двухъ послѣднихъ обществахъ,

онъ дѣлалъ иногда сообщенія)[1]. Въ шестидесятыхъ годахъ, М. И. Семевскій принималъ довольно дѣятельное участіе въ засѣданіяхъ педагогическаго собранія, переименованнаго потомъ въ педагогическое общество.

Много заботился Михаилъ Ивановичъ о реальномъ училищѣ своего роднаго города Великихъ Лукъ и пожертвовалъ туда значительную часть своей библіотеки. Въ 1878 г. онъ былъ утвержденъ почетнымъ попечителемъ этого училища и постоянно предстательствовалъ о нуждахъ его предъ высшимъ начальствомъ. Въ 1879 г. онъ былъ также утвержденъ членомъ попечительнаго совѣта великолуцкой женской прогимназіи. Горячее сочувствіе М. И. Семевскому великолуцкаго общества выразилось въ томъ, что онъ восемь трехлѣтій сряду былъ избираемъ почетнымъ мировымъ судьею по великолуцкому уѣзду и въ 1891 г. избранъ былъ и на девятое трехлѣтіе.

Неустанный трудъ крайне вредно отзывался на здоровьи Михаила Ивановича, но оно было еще болѣе подорвано смертью его старшей дочери Татьяны въ 1888 г. М. И. Семевскій женился на Елизаветѣ Михайловнѣ Протопоповой въ 1872 г. и имѣлъ отъ нея двухъ дочерей, Татьяну и Анастасію; старшая дочь, Татьяна, скончалась пятнадцати лѣтъ; съ этимъ тяжелымъ ударомъ судьбы Михаилъ Ивановичъ никогда не могъ примириться.

Лѣчившій М. И. Семевскаго докторъ Головинъ еще года полтора тому назадъ высказывалъ серьезное опасеніе за его здоровье, находя, что болѣзненныя измѣненія въ сердцѣ и околосердечныхъ сосудахъ могутъ повести къ неожиданной кончинѣ. Михаилъ Ивановичъ нерѣдко чувствовалъ мучительное

---

[1]) Изъ иногородныхъ ученыхъ обществъ и учрежденій онъ былъ членомъ: музея имени Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича въ Москвѣ (съ 1873 г.), Одесскаго общества исторіи и древностей (съ 1873 г.), общества исторіи и древностей въ Москвѣ (съ 1882 г.), почетнымъ членомъ общества исторіи и этнографіи при казанскомъ университетѣ, членомъ орловской, костромской, нижегородской, пермской, рязанской, саратовской, тамбовской и тверской архивныхъ коммиссій, почетнымъ членомъ ростовскаго музея древностей, почетнымъ членомъ петровскаго общества изслѣдователей астраханскаго края и проч. Наконецъ, онъ былъ членомъ королевскаго общества исторіи въ Лондонѣ.

стѣсненіе въ груди и громко стоналъ отъ боли, но какъ только проходилъ тяжелый припадокъ, онъ вновь принимался за работу: читалъ рукописи и корректуры, отправлялся на засѣданіе думы или училищной комиссіи, посѣщалъ лекціи или засѣданія ученыхъ обществъ. Онъ самъ вполнѣ сознавалъ ухудшеніе своего здоровья. Такъ, въ половинѣ декабря 1891 г., отмѣтивъ въ своемъ дневникѣ какой-то неважный фактъ, вызвавшій въ немъ сильный припадокъ нервнаго раздраженія, онъ прибавляетъ: „Я вновь убѣждаюсь, что тяжко боленъ сердцемъ". Въ концѣ этого мѣсяца, онъ былъ страшно огорченъ тѣмъ, что двѣ статьи, набранныя для январьской книги „Русской Старины", не могли появиться въ свѣтъ по независящимъ отъ редакціи причинамъ. 14-го января онъ написалъ въ дневникѣ: „Тяжелое состояніе духа". 19-го января, въ письмѣ къ І. В. Бертенсону, онъ выражается такъ: „Конецъ дней моихъ, увы, кажется, довольно близокъ, такъ какъ по состоянію здоровья чувствую, что скоро переселюсь въ тотъ блаженный край, гдѣ нѣтъ печали и воздыханія и гдѣ прогуливается громадная толпа сотрудниковъ „Русской Старины", посмертные труды которыхъ украшаютъ страницы этого изданія" [1]). 23-го февраля Михаилъ Ивановичъ отмѣтилъ въ дневникѣ: „Захворалъ лихорадкою, кажется инфлуэнца". Тѣмъ не менѣе, онъ продолжалъ работать и, между прочимъ, усиленно готовился къ двумъ лекціямъ, которыя обѣщалъ прочесть въ Кронштадтѣ, 6-го и 7-го марта, въ морскомъ общественномъ собраніи.

Здоровье Михаила Ивановича нѣсколько поправилось, и докторъ Головинъ позволилъ ему ѣхать въ Кронштадтъ. Изъ дневника видно, какъ усиленно работалъ онъ въ послѣдніе дни своей жизни. 3-го марта въ дневникѣ записано: „Всталъ въ половинѣ восьмаго утра. Весь день занимался подготовкою къ лекціи.... Сильно поразила меня смерть В. М. Ведрова. Всѣ вечера—дома, готовился къ лекціи до половины втораго ночи". 4-го марта: „Готовился къ лекціи. Стенографу.... продиктовалъ конспектъ лекціи. Извѣстіе о кончинѣ, 3-го марта въ 10 ч. вечера друга моего Ѳ. Г. Солнцева. Продиктовалъ его

[1]) Сообщено І. В. Бертенсономъ.

некрологъ [1]). Былъ на панихидѣ въ часъ и вечеромъ въ 9 часовъ. Въ засѣданіи думы". 4-го марта Михаилъ Ивановичъ былъ на погребеніи В. М. Ведрова и, какъ говорилъ потомъ брату, прошелъ за гробомъ пѣшкомъ отъ Васильевскаго острова до Казанской улицы, и притомъ половину дороги съ непокрытою головою. Въ тотъ-же день „до трехъ часовъ ночи занимался подготовкою къ лекціи".

6-го марта М. И. Семевскій отправился въ Кронштадтъ и вечеромъ читалъ лекцію о Петрѣ Великомъ. Первая половина лекціи была прочитана имъ, по общимъ отзывамъ, превосходно, но во время перерыва онъ почувствовалъ себя очень дурно. „Точно оборвалось что-то въ груди!" говорилъ онъ потомъ. Тѣмъ не менѣе, онъ сдѣлалъ усиліе надъ собою и прочелъ и вторую половину, но голосъ его ослабѣлъ и онъ не разъ хватался за голову и бокъ. Не смотря на то, что Михаилу Ивановичу предлагали занять казенное помѣщеніе, онъ отправился въ гостинницу, въ которой остановился, и немедленно послалъ за докторомъ. Тотчасъ-же прибывшій врачъ К. И. Погобицкій провелъ всю ночь около больнаго и настолько облегчилъ его страданія, что утромъ, въ субботу, М. И. задумывался даже надъ тѣмъ—возвратиться-ли ему въ Петербургъ или прочесть вечеромъ вторую лекцію, но ни то, ни другое было уже невозможно. Докторъ нашелъ у больнаго крупозное воспаленіе легкихъ. Вечеромъ дали знать въ Петербургъ брату больнаго, В. И. Семевскому, и онъ поспѣшилъ въ воскресенье пріѣхать въ Кронштадтъ. Докторъ Погобицкій съ величайшимъ вниманіемъ ухаживалъ за больнымъ и почти не оставлялъ его, а когда по обязанностямъ службы ему приходилось отлучаться, его замѣнялъ другой врачъ, г. Добротворскій. Оба они съ рѣдкимъ участіемъ и добротою ухаживали за больнымъ. Вечеромъ, въ воскресенье, былъ консиліумъ изъ этихъ двухъ врачей и главнаго врача морскаго госпиталя, доктора Гольбека. Положеніе больнаго было признано опаснымъ, но не безнадежнымъ.

Такъ какъ ночь съ субботы на воскресенье проведена была больнымъ очень дурно, то въ воскресенье онъ по большей части находился въ дремотномъ состояніи, иногда бредилъ и вообще не всегда былъ въ полномъ сознаніи. Но утромъ, въ

[1]) Онъ напечатанъ въ газетѣ „Новости" 1892 г. № 64.

понедѣльникъ, ему было настолько лучше, что онъ совершенно сознательно разговаривалъ съ братомъ и сдѣлалъ нѣкоторыя распоряженія по дѣламъ редакціи. Докторъ говорилъ, что пока захвачено одно легкое, надежда на выздоровленіе еще не потеряна. Но часовъ съ 12-ти дня ему стало гораздо хуже и, по соглашенію съ докторомъ Погобицкимъ, нашли нужнымъ телеграфировать въ Петербургъ доктору Головину и просить его навѣстить больнаго. Однако, затѣмъ, положеніе больнаго стало такъ быстро ухудшаться, что оба доктора, ухаживавшіе за нимъ, потеряли всякую надежду на выздоровленіе. Больной сильно мучился, пробовалъ прилечь, но тотчасъ-же вновь садился, воскликнулъ однажды: „Какая каторга!“ Возможность смерти онъ предчувствовалъ. Наканунѣ ея онъ говорилъ доктору: „Я могу умереть совершенно спокойно, такъ какъ сдѣлалъ духовное завѣщаніе!“ Въ пятомъ часу онъ сказалъ брату: „Вася, я умираю“, и черезъ полчаса, въ началѣ шестаго часа, скончался.

Въ среду, 11-го марта, въ 4 ч. пополудни, тѣло покойнаго было привезено въ Петербургъ. На вокзалъ Балтійской желѣзной дороги собралось много литераторовъ, гласныхъ думы, родные и знакомые покойнаго (его вдова и дочь, живущія въ Ниццѣ, не могли пріѣхать къ похоронамъ). За гробомъ шли также мальчики и дѣвочки изъ нѣсколькихъ городскихъ школъ, въ которыхъ М. И. Семевскій былъ попечителемъ, и ремесленное училище Цесаревича, съ своимъ директоромъ во главѣ. Гробъ былъ отвезенъ въ Новодѣвичій монастырь, гдѣ находится могила и дочери покойнаго, и тамъ была отслужена панихида.

На другой день, 12-го марта, было совершено отпѣваніе и погребеніе М. И. Семевскаго, при большомъ стеченіи публики. На гробъ было возложено много вѣнковъ [1]). Извѣстный проповѣдникъ, протоіерей Михайловскій, сказалъ надгробное слово, въ которомъ указалъ на заслуги покойнаго, какъ изслѣдователя

[1]) Отъ редакціи „Вѣстника Европы“, отъ Педагогическаго музея военно-учебныхъ заведеній (гдѣ онъ въ послѣдніе годы читалъ лекціи о Петрѣ Великомъ), отъ с.-петербургской городской думы, отъ членовъ городской комиссіи по народному образованію, отъ служащихъ въ с.-петербургскомъ городскомъ управленіи, съ надписью: „Доброму человѣку“, отъ совѣта Дома призрѣнія ремесленнаго образованія бѣдныхъ дѣтей, отъ 1-го Коломенскаго женскаго училища—„Незабвенному попечителю“, отъ второй частной профессіональной школы, отъ товарищей „Дворянъ“ и „Константиновцевъ“, отъ

русской старины, какъ дѣятеля по народному образованію и какъ добраго человѣка, горячо любившаго дѣтей. На могилѣ приватъ-доцентъ университета И. А. Шляпкинъ произнесъ слѣд. рѣчь:

„Еще однимъ хорошимъ русскимъ человѣкомъ стало меньше, еще потеряли мы одного изъ немногочисленныхъ лучшихъ людей нашихъ. Покойный былъ дорогъ намъ и какъ думскій дѣятель и какъ ученый. Что дѣлалъ онъ въ думѣ—свидѣтельствуютъ протоколы думскихъ засѣданій, еще не вышедшіе въ свѣтъ, погребенные въ архивѣ и извѣстные намъ лишь по краткимъ изъ нихъ выдержкамъ. Но мы знаемъ, что часто раздавалось его слово въ думской залѣ и что всегда оно было проповѣдью хорошаго, честнаго, горячаго отношенія къ дѣлу, всегда отличалось искренностью, честностью и смѣлостью. О дѣятельности его по городскимъ школамъ могутъ засвидѣтельствовать представители ихъ, стоящіе здѣсь у раскрытой могилы. Но еще болѣе дорогъ намъ покойный, какъ ученый. Онъ не былъ тѣмъ ученымъ, который таитъ про себя результаты своихъ кропотливыхъ изысканій, интересные только для спеціалистовъ, остающіеся достояніемъ кабинетныхъ занятій. Михаилъ Ивановичъ былъ популяризаторъ знанія, популяризаторъ нашей родной исторіи. Со временъ появленія „Исторіи государства россійскаго“ Карамзина, никакое сочиненіе не имѣло такого распространенія, не подымало такъ общій интересъ къ знанію своего прошлаго, какъ „Русская Старина“. Она не только знакомила насъ съ прошедшимъ, но давала уроки и для будущаго, и какіе смѣлые, хорошіе уроки! Не будемъ закрывать глазъ и на недостатки почившаго: нѣсть человѣкъ иже живъ будетъ и не согрѣшитъ, Тыже Единъ кромѣ грѣха... но надѣемся и вѣримъ, что усопшій собратъ нашъ, много потрудившійся для родной земли, услышитъ слова Господа: „Пріиде, рабе благій и вѣрный, вниди въ радость Господа твоего“, и произносимъ: аминь“.

Указавъ выше на крупныя заслуги покойнаго передъ обществомъ и наукою, мы должны прибавить еще нѣсколько словъ о его личномъ характерѣ. Одною изъ выдающихся чертъ этого

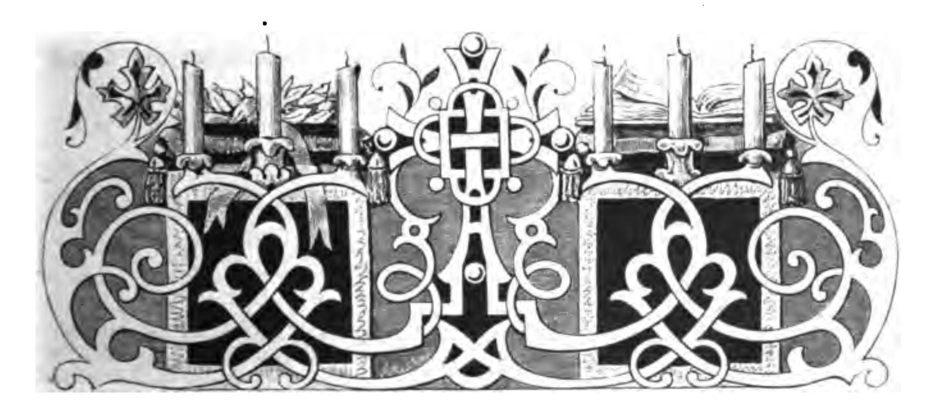
„Павловцевъ“ „Старому однополчанину“, „Отъ преданныхъ друзей—кн. Ѳ. А. и княг. С. В. Куракиныхъ“, отъ Н. А. Сапожниковой—„Глубокоуважаемому другу“, отъ типографіи В. С. Балашева и нѣсколько вѣнковъ отъ родныхъ. Въ 9-й день былъ еще вѣнокъ „Отъ товарищей полчанъ“.

характера была удивительная энергія и выдержка въ трудѣ. М. И. Семевскій рано вставалъ, трудился цѣлый день (если не приходилось хлопотать по дѣламъ городскаго управленія или своего журнала) и послѣ непродолжительнаго послѣобѣденнаго отдыха вновь садился за работу до 2—3-хъ час. ночи. Энергія его и сила воли были настолько велики, что еще за годъ-два до смерти онъ ежедневно отводилъ нѣкоторое время изученію нѣмецкаго языка: дѣлалъ переводы, заучивалъ слова. Другою преобладающею чертою его характера была замѣчательная доброта. Онъ съ величайшею отзывчивостью относился ко всякой обращенной къ нему просьбѣ; онъ тратилъ массу денегъ на помощь нуждающимся; онъ не жалѣлъ своего времени на хлопоты за нихъ во всевозможныхъ учрежденіяхъ. Болѣзненность и переутомленіе, вслѣдствіе чрезмѣрныхъ занятій, сдѣлали его характеръ весьма неровнымъ и вызывали припадки раздражительности, иной разъ сильно огорчавшіе самыхъ преданныхъ ему людей, но эти выходки онъ сторицею искупалъ не на словахъ, а на дѣлѣ сердечнымъ участіемъ къ нуждамъ всѣхъ, входившихъ съ нимъ въ соприкосновеніе, готовностью всегда и во всемъ оказать помощь.

По смерти своей дочери Татьяны, Михаилъ Ивановичъ и его жена, Елизавета Михайловна, приняли на воспитаніе дѣвочку, которой дано было то-же имя. Нужно было видѣть, съ какою трогательною любовью относился онъ къ этой милой малюткѣ, какое утѣшеніе находилъ онъ въ ея веселомъ лепетѣ.

Образъ этого неустаннаго труженика былъ-бы не полонъ, если-бы мы не сказали, что М. И. Семевскій, вопреки предположенію многихъ, не нажилъ никакого состоянія.

Миръ праху твоему, честный труженикъ!



СПИСОКЪ КНИГЪ, СТАТЕЙ И ПЕРЕВОДОВЪ М. И. СЕМЕВСКАГО

до начала изданія „Русской Старины“

1856—1869 гг.

1. Нѣсколько словъ о фамиліи Грибоѣдовыхъ, письмо къ редактору, („Москвитянинъ“ 1856 г. № 12-й).

2. Замѣтки о Великолуцкомъ уѣздѣ, отрывокъ изъ большаго сочиненія, приготовленнаго къ печати. („Общезаним. Вѣстникъ“ 1857 г. № 7).

3. Передаточный, разсказъ съ натуры. („Общезанимательный Вѣстникъ“ 1857 г. № 13).

4. Ледяной домъ, шуты и забавы при дворѣ Анны Іоанновны 1740 г. съ рисунками. („Общезанимат. Вѣстникъ“ 1857 г. № 16).

5. Великія Луки и Великолуцкій уѣздъ, замѣтки. (Спб., 1857 г., отдѣльною книгою, въ 8-ю д. л.).

6. Покроймипъ, — разсказъ изъ записной книжки. („Общезанимат. Вѣстникъ“ 1858 г. № 6).

7. Спектакль въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ, замѣтка съ подписью В. К—на. („С.-Петербургскія Вѣдомости“ 1858 г. № 130).

8. Кожуховскій походъ,— обозрѣніе рукописи, заключающей въ себѣ современное описаніе 1694 г. („Иллюстрація“ 1859 г. №№ 43—49).

9. Минутное безуміе, разсказъ изъ записной книжки. (Журналъ „Ваза“ 1859 г. №№ 1 и 2).

10. Елисавета Петровна до восшествія своего на престолъ, 1709—1741 г.,—историческій очеркъ. („Русское Слово“ 1859 г. № 2).

11. Шарлота - Христина - Софія, принцесса Брауншвейгъ - Люнебургская, супруга царевича Алексѣя Петровича 1711—1715, очеркъ изъ русск. исторіи. (Журн. „Ваза“ 1859 г. №№ 8 и 9).

12. Описаніе войны между Россіею и Швеціею, въ Финляндіи, въ 1741—1743 годахъ, соч. Н. Шпилевской, Спб. 1859 г. — рецензія на эту книгу. („Журн. Минист. Народн. Просвѣщенія“ 1859 г. № 3).

13. Царевичъ Алексѣй Петровичъ 1690—1718 гг., историческій очеркъ. („Иллюстрація“ 1859 г. №№ 63—71, съ тремя портретами).

14 Авдотья Ѳедоровна Лопухина 1669—1731 гг., очеркъ изъ русской исторіи. („Русскій Вѣстникъ“ 1859 г. № 10).

15. Первый годъ царствованія Елисаветы Петровны 1741—1742 гг., историческій очеркъ. („Русское Слово“ 1859 г. № 6).

16. Историческое преданіе о событіи 1757-го года. („Военный Сборникъ“ 1859 г. № 6).

17. Первый годъ царствованія Елисаветы Петровны 1742 г., главы X—XIII, историческій очеркъ. („Русское Слово“ 1859 г. № 8).

18. Разсказъ капельмейстера, изъ записной книжки. („Искра“ 1859 г. № 31).

19. Французскія провинціи, — письма изъ-за-границы въ 1859 году. („Русское Слово“ 1859 г. №№ 9, 10 и 11).

20. Очеркъ управленія мануфактурной промышленности отъ Петра I-го до Екатерины II-й, 1700—1774 [1]). („Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія“ 1859 г. № 9).

21. Современные портреты Софьи Алексѣевны и В. В. Голицына, 1689 г., историч. очеркъ съ портретами этихъ лицъ. („Русское Слово“ 1859 г. № 12).

22. Царствованіе Елисаветы Петровны, второй годъ, 1743 г., глава I-я, историческій очеркъ. („Русское Слово“ 1860 г. № 1-й, глава 2-я, ibid. № 2).

23. Царевичъ Алексѣй Петровичъ, 1690—1718 г., критика на VI-й томъ „Ист. царствов. Петра Великаго“ соч. Устрялова. („Русское Слово“ 1860 г. № 1).

24. Кожуховскій походъ, современное описаніе 1694 г. съ примѣчаніями и предисловіемъ М. И. Семевскаго. („Военный Сборникъ“ 1860 г. № 1).

25. Поправки и историческія замѣтки, въ „Русскомъ Словѣ“ 1860 г. № 2,

26. Шесть писемъ 1717—1733 гг., матеріалы. („Русскій Вѣстникъ“ 1860 г. № 4).

27. Партизанъ Сеславинъ, біограф. замѣтка. („Отечественныя Записки“ 1860 г. № 4).

28. Дневныя записки 1716—1768 гг. Якова Маркевича; рецензія о нихъ. („Библіотека для Чтенія“ 1860 г. № 4).

29. Изъ записокъ убитаго офицера, 1831 — 1838 гг. („Военный Сборникъ“ 1860 г. № 4).

30. Александръ Александровичъ Бестужевъ (Марлинскій)—письма его съ предисловіемъ, примѣчаніями и приложеніями М. И. Семевскаго, 1797 — 1837 гг. („Отечеств. Записки“ 1860 г. №№ 5, 6 и 7).

31. Полковые историографы. („Русскій Вѣстникъ“ 1860 г. №№ 10 и 11).

32. Россія въ 1699 году, дневникъ Іоанна-Георга Корба, предисловіе, примѣчанія и редакція перевода М. И. Семевскаго. („Библіотека для Чтенія“ 1860 г. № 6).

33. Пѣсня 1736—1739 гг. („Петерб. Вѣдом.“ 1860 г. № 152).

34. Прогулка въ Нижній-Новгородъ, путевыя письма 1860 г. („Русскій Вѣстникъ“ 1860 г. №№ 13, 15, 16 и 18).

35. Письмо съ парохода, подпись кн. В. Т. („Петерб. Вѣд“. 1860 г. № 194).

36. Фрейлина Гамильтонъ, историческій очеркъ, 1719 г. („Отечеств. Записки“ 1860 г. № 9).

---

[1]) Статья эта написана еще на школьной скамьѣ, въ ноябрѣ 1854 года.

37. Наталья Ѳедоровна Лопухина 1699—1763 гг., эпизодъ изъ ея жизни. („Русскій Вѣстникъ“ 1860 г. № 17).

38. Николай Александровичъ Бестужевъ 1791 -1855 гг., объявленіе о выходѣ въ свѣтъ его сочиненій и воспоминаніе о его жизни. („С.-Петерб. Вѣдом.“ 6-го окт. 1860 г.).

39. Покровскій дѣвичій монастырь въ городѣ Суздалѣ, мѣсто заточенія Авдотьи Ѳедоровны Лопухиной; замѣтки о немъ и его исторія. („Русскій Вѣстникъ“ 1860 г. № 24, съ рисункомъ).

40. Слово и дѣло! Разсказы изъ временъ Петра Великаго, 1721—1722 гг. („Свѣточъ“ 1861 г. № 1).

41. Кормилица царевича Алексѣя Петровича, 1719 г. („Разсвѣтъ“ 1861 г. № 1).

42. Школяры, — слово и дѣло, разсказъ изъ временъ Петра Великаго. („Вѣкъ“ 1861 г. № 5).

43. Возстаніе и казни стрѣльцовъ въ 1698 г., разсказъ очевидца І. Г. Корба. („Отечеств. Записки“ 1861 г. № 5).

44. Петръ Великій, какъ юмористъ, 1690—1725 гг., новые матеріалы для характеристики Петра І-го. („Свѣточъ“ 1861 г. № 9).

45. Сны Петра І-го 1714—1719 г., историческая замѣтка. („Русская Рѣчь“ 1862 г. № 1).

46. Царица Прасковья 1664 — 1723 гг., очеркъ изъ русской исторіи. („Время“ 1861 г. №№ 2—5).

47. Семейство Монсовъ 1688 — 1724 гг., очеркъ изъ русской исторіи. („Время“ 1862 г., №№ 2—6).

48. Александръ Петровичъ, сынъ Петра І-го, 1691—1692 гг., біографическая замѣтка. („Энциклоп. Лексиконъ“ 1861 г., т. 3).

49. Сторонники царевича Алексѣя 1705—1721 гг., историческій очеркъ по вновь открытымъ матеріаламъ. („Библіотека для Чтенія“ 1861 г. № 5 и 6).

50. Слово и дѣло,—разсказы изъ временъ Петра Великаго, 1719—1723 гг. („Свѣточѣ“ 1861 г. №№ 3 и 4).

51. Народные толки о происхожденіи Петра І-го, слово и дѣло, 1722—1725 гг. („Свѣточъ“ 1862 г., № 1).

52. Слово и дѣло, разсказы изъ временъ Петра Великаго 1722—1724 гг. („Иллюстрація“ 1862 г., январь).

53. Абоскій миръ 1743 г. („Энциклоп. Лексиконъ“ 1861 г., т. І).

54. Противники Фридриха Великаго, Апраксинъ и Бестужевъ-Рюминъ, очеркъ изъ русско-прусской войны 1756—1762 г. („Военный Сборникъ“ 1862 г. №№ 5, 6 и 9).

55. Иванъ Скобелевъ 1789—1839 гг., біографическая замѣтка. („Русская Рѣчь“ 1861 г. №№ 95 и 96).

56. Отъ Твери до Астрахани, волжскія замѣтки 1861 г. („Отечеств. Записки“ 1861 г. №№ 12,—1862 г. № 4, 6 и 12).

57. Ближніе люди императрицы Елисаветы, въ письмахъ своихъ къ го-

сударынѣ 1742—1761 гг., матеріалы для русской исторіи XVIII вѣка. („Архивъ истор.-юридич. свѣд. о Россіи“ 1861 г., кн. 4-я, от. 3).

58. Кончина барона Владиміра Ивановича Штейнгеля, некрологъ, 1783—1862 гг. („Современное Слово“, сент. 1862 г.).

59. Поѣздка по Псковской губерніи въ 1862 году: училища въ городѣ Псковѣ. (Изданіе Мин. Нар. Пр., 8 д. Спб., въ ноябрѣ 1862 г.).

60. Маріинское женское училище во Псковѣ. (Оттискъ изъ газеты „Голосъ“ 1863 г. №№ 83, 85 и 86).

61. Община сестеръ милосердія въ селѣ Буреги („Голосъ“ 1863 г. №№ 160 и 161).

62. Бабушки и худая болѣзнь въ деревняхъ Псковской губерніи („Голосъ“ 1863 г. № 221).

63. Посадъ Сольцы. („Голосъ“ 1863 г.).

64. Грамотность въ деревняхъ временно-обязанныхъ крестьянъ Псковской губ., въ 1863 г. Спб., 1864 г., съ статистич. таблицами. (Издано по распоряжен. Мин. Нар. Просвѣщенія).

65. Грамотность въ деревняхъ государственныхъ крестьянъ Псковской губерніи, въ 1863 г. Спб., 1864 г., съ статистическими таблицами и картою Псковской учебной дирекціи. (Издано по распоряженію Мин. Нар. Просв.).

66. Примѣчаніе М. И. Семевскаго къ статьѣ г-жи Родзянко: „Уходъ за дѣтьми“. („Учитель“ 1863 г. № 11).

67. Торопецъ, замѣтки. (Газета „Народное Богатство“, 1863 г. №№ 247, 249 и 252).

68. Торопецъ, обычаи и увеселенія его жителей. („Библіотека для Чтенія“ 1863 г. кн. 12).

69. Холмъ (корреспонденція о злоупотребленіяхъ властей этого города). („С.-Петербургскія Вѣдомости“ 1864 г. № 9).

70) Грамотность въ деревняхъ государственныхъ крестьянъ Псковской губерніи въ 1863 году. (Изданіе второе, приложеніе къ „Народной Газетѣ“, прибавленію къ журналу „Грамотѣй“. Спб. 1864 г.).

71. Талабскъ. („С.-Петербургскія Вѣдомости“ 1864 г. №№ 9, 11 и 16).

72. Отвѣтъ на замѣтку г. Стрѣльцова. („Учитель“ 1864 г. №№ 15 и 16).

73. Торопецъ, уѣздный городъ Псковской губерніи, 1016—1864 гг., очеркъ. Спб. 1864. (Оттискъ изъ Записокъ Географич. Общ. 1864 г. №№ 1 и 2).

74. Сказочникъ Ерофей („Отечествен. Записки“ 1864 г. № 2).

75. Отвѣты г. Тягунову по поводу статьи: Сказочникъ Ерофей. („Отеч. Записки“ 1864 г., книги 6 и 8).

76. По поводу замѣтки Н. Устрялова. („Голосъ“ 1864 г. № 150).

77. Записка о Росс.-Американской компаніи. (Напечатана по распоряженію статсъ-секретаря департ. государ. экономіи, 1864 г., Спб., въ листъ).

78. Общественное образованіе въ Царствѣ Польскомъ 1815—1864 гг.

Спб., въ 4 д. (Оттискъ изъ газеты „Голосъ“ 1864 г., №№ 229, 230, 235, 239, 250).

79. Матеріалы по учебной части въ Царствѣ Польскомъ, 1808—1864 гг. Изданіе и переводъ съ польскаго, подъ редакціею М. И. Семевскаго; напечатано по распоряж. Н. А. Милютина. 2 тетради, 283 стр. и 13 табл.).

80. Отмѣна тѣлеснаго наказанія въ Царствѣ Польскомъ. („Голосъ“ 1864 г., сентябрь).

81. Некрологъ: Θ. И. Гильфердингъ. („Петербургскія Вѣдомости“ 1864 г., января 6, приб. къ № 4).

82. Замѣтка о книгѣ: „Воспоминанія кавказскаго офицера 1865 г.“. („Книжный Вѣстникъ“ 1865 г. № 8).

83. Библіографическія замѣтки: А. Креницынъ, гр. Я. Ростовцевъ, В. Соколовскій. („Отечеств. Записки“ 1865 г., книга 16).

84. Некрологъ: А. Н. Креницынъ („С.-Петерб. Вѣдомости“ 1865 г. № 241).

85. Городское управленіе и городскіе выборы въ Холму (Псковской губ.). („С.-Петербургскія Вѣдомости“ 1865 г. № 187).

86. Поправка къ предыдущей статьѣ. („С.-Петербургскія Вѣдомости“ 1865 г. № 231).

87. Самуилъ Выморковъ, проповѣдникъ ученія объ антихристѣ въ 1722—1725 гг. („Отечественныя Записки“ 1866 г., книги 15 и 16).

88. Бѣлое римско-католическое духовенство въ Польшѣ. Спб. 1866 г. (Оттискъ изъ газеты „Русскій Инвалидъ“, 4 д., 1865 г. № 288 и 1866 г. №№ 6, 7 и 12).

89. Дневникъ Корба, секретаря посольства отъ императора австрійскаго Леопольда I къ царю Петру I-му, 1698—1699 гг., переводъ съ латинскаго Б. В. Женева и М. И. Семевскаго, съ фотолитографическими снимками съ современныхъ картинъ. Изданіе Императорскаго Общества Исторіи и древностей Россійскихъ при Московскомъ университетѣ. (Оттискъ изъ „Чтеній“ этого Общества 1866 г. кн. IV, 1867 г. кн. I. и III, стр. предисл. XII, текста 382, указателя—XXIV).

90. Дневникъ Корба, въ переводѣ на русскій языкъ, замѣтка по поводу перевода Смирнова,—статья Женева и М. И. Семевскаго. („Голосъ“ 1866 г. № 171).

91. Іоаннъ VI Антоновичъ 1740—1764 гг., очеркъ изъ русской исторіи. („Отечеств. Записки“ 1866 г. № 7).

92. Замѣтки о могилѣ въ посадѣ Пучежѣ. („Чтенія“ Московскаго Общ. Исторіи 1866 г. книга II).

93. Прогулка въ Тригорское: замѣтки и матеріалы для біографій Пушкина, Жуковскаго, Языкова и барона Дельвига. („С.-Петербургскія Вѣдомости“ 1866 г. №№ 139, 146, 157, 163, 168 и 175).

94. Письма А. С. Пушкина къ П. Я. Осиповой и А. Н. Вульфу. Переводъ писемъ принадл. Е. Б. Зубовой; примѣчаніе и предисловіе М. И. Семевскаго. („Русскій Архивъ“ 1867 г. № 1).

95. Н. М. Языковъ 1803—1846 гг. (новые стихи его и письма), статья М. И. Семевскаго. („Русскій Архивъ“ 1867 г. №№ 5 и 6).

96. Покушеніе на жизнь Петра Великаго. („С.-Петербургскія Вѣдомости“ 1866 г. № 136).

97. Предсмертное письмо генералъ-адъютанта барона П. А. Вревскаго, съ очеркомъ его жизни, составленнымъ М. И. Семевскимъ. („Чтенія Москов. Общ. Исторіи“ 1867 г. кн. II).

98. О „Сборникѣ Муханова“. („Голосъ“ 1866 г. № 291).

99. Замѣчательная попытка примѣненія русскаго алфавита къ польскому языку,—замѣтка по поводу книги: „Элементаръ“. (Оттискъ изъ 12-ой книги „Отечеств. Записокъ“ 1866 г.).

100. О примѣненіи русскаго алфавита къ польскому языку. („Русск. Инвалидъ“, 1866 г. № 122).

101. О греко-уніатскомъ духовенствѣ въ Царствѣ Польскомъ. („Голосъ“ 1866 г. №№ 193 и 214).

102. О новыхъ штатахъ для греко-уніатскаго духовенства. („Русск. Инвалидъ“ 1866 г. № 189).

103. Среднія учебныя заведенія въ Царствѣ Польскомъ. („Русскій Инвалидъ“ 1866 г. №№ 301, 303 и 304).

104. Некрологъ: М. А. Васильевъ. („Голосъ“ 1866 г. № 231).

105. Мѣсто заточенія царицы А. Ѳ. Лопухиной съ 1699 по 1718 гг. (Въ книгѣ: „На нѣсколько часовъ“. Спб. 1867 г., книга 2-ая).

106. Письма и записки императрицы Елисаветы Петровны къ близкимъ людямъ, 1741—1761 гг. („Чтенія Москов. Общ. Исторія“ 1867 г., книга IV).

107. Шесть мѣсяцевъ изъ русской исторіи XVIII в., очеркъ царствованія Петра III, 1761—1762 гг. („Отечеств. Зап.“ 1867 г., іюль, августъ, сентябрь).

108. С. А. Порошинъ, 1741—1769 гг., неизданныя прибавленія къ его запискамъ. („Русск. Вѣстн.“ 1866 г., кн. 8).

109. Матеріалы изъ русской исторіи XVIII в., духовныя завѣщанія императора Павла I. („Вѣстникъ Европы“ 1867 г. № 1).

110. Списокъ милостей, изліянныхъ Павломъ I-мъ 5-го апрѣля 1797 г. („Чтенія Москов. Общества Исторіи“ 1867 г., кн. I).

111. Описи орденовъ, разныхъ вещей и драгоцѣнностей Павла I-го, 1801 г. („Чтенія Москов. Общ. Исторіи“ 1867 г., кн. II-ая).

112. Разсказъ очевидца о бунтѣ военныхъ поселянъ въ 1831 г. („Отечеств. Записки“ 1867 г. № 5).

113. Изъ Псковской губ., корреспонденція. („Голосъ“ 1868 г., февраль).

114. Рецензія на книгу: „Матеріалы для исторіи русской литературы“, изд. П. Ефремова. („Голосъ“ 1867 г. № 83).

115. Рецензія на книгу: „Библіограф. Сборникъ“, изд. П. Ефремова, и на книгу: „Русская Историч. Библіографія“, годъ четвертый, 1858 г., изд. Ламбина. („Голосъ“ 1867 г. № 185).

116. Замѣтка на письмо изъ Бахмута. („Голосъ“ 1867 г. № 109).

117. Магазинъ женскихъ издѣлій Общества для пособій бѣднымъ женщинамъ. („Голосъ“ 1867 г. №№ 129, 136 и 184).

118. Адресъ П. Г. Рѣдкину, предсѣдателю Педагогическаго Собранія отъ лица Собранія. („Учитель“ 1868 г.).

119. Къ біографіи А. С. Пушкина. Выдержки изъ записной книжки. („Русскій Вѣстникъ“ 1869 г.).

120. Николай Александровичъ Бестужевъ. Біографическій очеркъ, 1791—1855 гг. („Заря“ 1869 г., кн. VII).

121. Бунтъ ополченія въ 1812 г., разсказъ Ив. Шишкина. („Заря“ 1869 г., кн. VIII).

122. Графъ Михаилъ Андреевичъ Милорадовичъ. Матеріалы для его біографіи, 1770—1825 гг. („Военный Сборникъ“ 1869 г., кн. VIII).

123. Воспоминанія Е. А. Хвостовой (1812—1835 гг.), съ предисловіемъ и подъ редакціей М. И. Семевскаго. („Вѣстникъ Европы“ 1869 г., кн. VII и IX).

124. Состояніе Россіи при нынѣшнемъ царѣ (Петрѣ I), сочиненіе капитана Джона Перри. Переводъ съ англійскаго кн. О. М. Дондуковой-Корсаковой, съ предисловіемъ, указателемъ и подъ редакціей М. И. Семевскаго. („Чтенія Москов. Общ. Исторіи и Древностей“ 1871 г.).

125. Историческіе и юридическіе акты, собранные М. И. Семевскимъ, письмо и образцы актовъ. („Лѣтопись занятій Археогр. Коммис.“ 1870 г., т. IV).

126. Повѣсть о прихожденіи Свѣйскаго краля съ Нѣмцы подъ градъ Псковъ, 1615 г. („Чтенія Москов. Общ. Исторіи и Древн.“ 1869 г., кн. I).

127. Историческіе и юридическіе акты XVII—XVIII ст., собранные М. И. Семевскимъ. Москва. 1870 г. („Чтенія Москов. Общ. Истор. и Древност.“ 1869 г., кн. III).

128. Матеріалы для біографіи И. А. Крылова, доставленные М. И. Семевскимъ. („Зап. Имп. Акад. Наукъ“ 1869 г.).

129. Альманахъ „Звѣздочка“ 1826 г. (Сборникъ статей недозволенныхъ цензурою. Изд. Мин. Нар. Просвѣщ. 1869 г., т. II).

130. Обзоръ дѣятельности С.-Петербургскаго Педагогическаго Собранія, 1859—1867 гг. („Лѣтопись Петерб. Педагог. Общ.“ 1869 г., приложеніе къ журналу „Народная Школа“, № 1).

КНЯЗЬ де-ЛИНЬ ВЪ РОССІИ

въ 1780 и 1787—1788 гг.

III [1]).

Князь де-Линь и Екатерина II.

Въ числѣ заграничныхъ „друзей" императрицы Екатерины II, князь де-Линь былъ, безспорно, самый искренній и наиболѣе преданный. Коронованныя особы не могутъ имѣть друзей, и никогда ихъ не имѣли; не имѣла ихъ и Екатерина. Выключая г-жу Біелке, до настоящаго времени еще неразгаданную, Дидро и Вольтеръ, Гриммъ, Фальконетъ и даже Даламберъ не столько дружили съ Екатериною, сколько эксплоатировали ее; только два лица, г-жа Жоффренъ и кн. де-Линь, были искренно преданы Екатеринѣ, съ тою, однако, разницею, что г-жа Жоффренъ никогда не забывала, что Екатерина занимаетъ престолъ Россійской имперіи, а для князя де-Линь это обстоятельство только усиливало чувства его уваженія къ ней.

Судя по числу и характеру писемъ, Гримму отводится, обыкновенно, первое мѣсто въ ряду „друзей" Екатерины, а, между тѣмъ, трудно себѣ представить болѣе алчный и низкій характеръ, какимъ рисуется Гриммъ въ своей перепискѣ и въ своихъ личныхъ отношеніяхъ не къ одной только Екатеринѣ. Несмотря на то,

---

[1]) См. „Русская Старина" изд. 1892 г., т. LXVIII, февраль, стр. 275 — 312; мартъ, стр. 542—573.

что Гриммъ нуженъ былъ Екатеринѣ какъ агентъ, какъ комиссіонеръ, который покупалъ ей картины и статуи, библіотеки, медали и эстампы, уплачивалъ пенсіи, которыя она выдавала, раздавалъ пожертвованія, которыя она дѣлала, все-таки Екатерина не могла безъ отвращенія читать его неприличной лести, полной фальши и лжи. Въ письмахъ Гримма Екатерина не только „Греческая императрица“ [1]), „Минерва Гиперборейская“ [2]) и ея посланія „божественны“ [3]), но „культъ Екатерины“ заставляетъ Гримма даже богохульствовать [4]). Это возмущало Екатерину даже въ 1793 году, когда она уже привыкла за 20 лѣтъ къ подобной лести: „Я получила вашу книгу „Catharina in ihrer Thaten“. Послушайте, нельзя такъ безмѣрно хвалить людей, не прослывъ отъявленнымъ льстецомъ, да оно такъ и есть. Если вѣрить вашей книжкѣ, я стала, на старости лѣтъ, образцомъ государей! О, Боже мой, Боже мой, какой дурной образецъ, если вѣрить всему, что говорили и говорятъ еще про меня. И къ чему эта литанія похвалъ, на что она? Это длинно, это скучно—вотъ и все“ [5]). Рядомъ съ лестью, пошлою и бездарною, Гриммъ въ каждомъ письмѣ выпрашивалъ то денегъ или чиновъ себѣ, то пенсій и орденовъ пріятелямъ, даже продалъ Екатеринѣ за дорогую цѣну брильянты [6]) своей возлюбленной! Гриммъ самъ сознавалъ, полу-шутя полу-серьезно, что онъ unverschämter Schurke, безсовѣстный негодяй, и Екатерина, ни шутя, ни серьезно, не опровергала этого опредѣленія, вполнѣ вѣрнаго. Конечно, ни въ какомъ отношеніи нельзя, и даже до извѣстной степени неприлично, ставить рядомъ имена Гримма и Вольтера; но Вольтеръ былъ, по крайней мѣрѣ, откровеннѣе. „Когда я былъ у Вольтера, пишетъ князь де-Линь, кто-то выразилъ желаніе прочесть его „Histoire de Russie“. „Вы съ ума сошли, сказалъ ему Вольтеръ. Если вы хотите узнать что-нибудь о Россіи, читайте Лакомба—тотъ не получалъ ни медалей, ни мѣховъ“ [7]).

Въ этомъ отношеніи князь де-Линь стоялъ выше всѣхъ „друзей“ Екатерины. Онъ былъ человѣкъ вполнѣ независимый и безусловно безкорыстный. Онъ пріѣхалъ изъ Парижа въ Петербургъ

---

[1]) Сборникъ, XXXIII, 141, 152.

[2]) Ibid, 108, 120, 150, 194, 221.

[3]) Ibid., 19, 109, 138, 230, 244, 249, 278.

[4]) Ibid., 107, 128, 132, 159. 161, 165, 168, 201.

[5]) Ibid., XXIII. 586.

[6]) Ibid., XXXIII. 37, 268.

[7]) Oeuvres, X, 263. Лакомбъ не писалъ исторіи Россіи; здѣсь подразумѣвается, вѣроятно, его „Histoire des révolutions de l'Empire de Russie“, вышедшее въ 1760 г. и позже продолженное до 1775 г. Amsterdam, 1778.

я „забылъ“ представить векселя къ уплатѣ; Екатерина могла подарить ему при раставаніи свой портретъ, осыпанный брильянтами, только „не дороже ста рублей“. Конечно, кн. де-Линь былъ богатъ; но вѣдь и Вольтеръ не нуждался настолько, чтобъ продавать свои хвалебные отзывы о Россіи за медали и шубы, не говоря уже о Гриммѣ, который на восхваленіяхъ Екатерины создалъ свое благосостояніе и „изъ бѣдняка сталъ богачемъ“. Въ данномъ случаѣ не столько важно то, что кн. де-Линь былъ богатъ, сколько то, что онъ не былъ холопъ. „Въ моей жизни я говорилъ правду пяти или шести коронованнымъ особамъ, и они за это не сердились на меня“ [1]). Кн. Де-Линь родился и выросъ въ семьѣ, пользовавшейся общимъ уваженіемъ; онъ не могъ ни унижаться до лести, ни поблажать до потворства; онъ привыкъ и высказывать громко свои убѣжденія, и „истину царямъ съ улыбкою говорить“, причемъ истина зависѣла отъ характера, улыбка—отъ воспитанія.

Правдивость была отличительною чертою князя де-Линь. „Единственный грѣхъ, отъ котораго душа моя вполнѣ чиста, есть ложь“. Говоря всегда правду, онъ никогда не былъ рѣзокъ, тѣмъ менѣе грубъ, и если истина была подъ-часъ довольно горькою, онъ старался умалить эту горечь, облекая ее въ возможно пріятную форму. Онъ носилъ шпагу, отточенную, но въ шелковыхъ ножнахъ; онъ владѣлъ сильнымъ словомъ, но всегда мягкимъ. Кн. де-Линь былъ человѣкъ прямой, честный, отстаивавшій свои убѣжденія и взгляды. Онъ умѣлъ молчать, когда обстоятельства не позволяли противорѣчить, но поддакивать противному мнѣнію, соглашаться съ несимпатичнымъ взглядомъ онъ не могъ. Въ Нейштадтѣ, при свиданіи императора Іосифа II съ королемъ Фридрихомъ II, въ 1770 году, князь де-Линь былъ постояннымъ собесѣдникомъ прусскаго короля. „Король любилъ насмѣхаться надъ религіею, похваляться своимъ безвѣріемъ. Мнѣ это было противно и я всегда проходилъ молчаніемъ подобныя шутки дурнаго тона“ [2]). Но молчать князь де-Линь не любилъ и противорѣчилъ даже Вольтеру, тоже своего рода самодержцу: „Когда я посѣтилъ Вольтера въ Фернеѣ, онъ былъ влюбленъ въ англійскую конституцію. На его восхваленія, я замѣтилъ, что она только и можетъ существовать подъ охраною океана: безъ океана она не продержится и года“ [3]).

Князь де-Линь провелъ всю свою жизнь или на войнѣ, или при

[1]) Lettres, 144.
[2]) Oeuvres, VI. 133, XXII. 134.
[3]) Ibid. X, 258.

дворѣ, но придворная жизнь не искалѣчила его, потому что онъ свыкся, сжился съ нею съ юныхъ лѣтъ, съ пеленокъ. Кн. де-Линь имѣлъ свой дворъ, „маленькій“, правда, но, во всякомъ случаѣ, болѣе пышный, чѣмъ, напр., ангальтъ-цербстскій, при которомъ росла Екатерина. Путешествуя вмѣстѣ съ императрицею по южному берегу Крыма, кн. де-Линь записывалъ свои впечатлѣнія и воспоминанія, въ видѣ писемъ къ маркизѣ де-Куаньи. Онъ писалъ ей:

„Я не люблю стѣсненій и почестей, не нуждаюсь ни въ деньгахъ, ни въ милостяхъ, а, между тѣмъ, всю свою жизнь провелъ при дворахъ европейскихъ государей! Отеческая доброта императора Франца I, любившаго беззаботную молодежь, привлекла меня къ нему, и я долго не разставался съ австрійскимъ дворомъ, влюбившись въ одну изъ пріятельницъ императора. Эта восхитительная женщина, какъ и слѣдовало ожидать, вскорѣ оттолкнула меня, но императоръ не лишилъ меня своего расположенія. Хотя я былъ еще юнъ, но, по смерти Франца, считалъ себя приверженцемъ стараго двора и даже готовъ былъ порицать новый дворъ, котораго вовсе не зналъ, когда замѣтилъ, что новый императоръ очень любезенъ и обладаетъ качествами, заставляющими искать скорѣе его уваженія, чѣмъ милостей. Убѣдившись, что Іосифъ II справедливъ, я вполнѣ привязался къ нему, и порицая слишкомъ большую поспѣшность въ преобразованіяхъ, я восхищался большею ихъ частью и всегда буду превозносить добрыя намѣренія этого дѣятельнаго и плодотворнаго генія.

„Посланный къ французскому двору въ самую цвѣтущую пору жизни и съ самымъ блестящимъ порученіемъ, съ вѣстью о выигранномъ сраженіи, я, однако, не желалъ туда возвращаться и думалъ уже, что избѣжалъ версальскихъ цѣпей, какъ они ни лестны. Но случай свелъ меня съ графомъ д'Артуа, пріѣхавшимъ въ войска, сосѣднія съ тѣми, которыя я инспектировалъ. Я отправляюсь къ нему съ тридцатью красивыми австрійскими офицерами; онъ насъ встрѣчаетъ, знакомится со мною и, начавъ говорить, какъ братъ короля, кончаетъ, какъ-будто онъ былъ моимъ братомъ. Мы вмѣстѣ пьемъ, играемъ, смѣемся; впервые предоставленный самому себѣ, онъ не зналъ какъ и пользоваться своею свободою. Этотъ первый проблескъ веселости и несдержанность молодости восхитили меня. Искренность его и сердечная доброта увлекли меня. Онъ желаетъ, чтобъ я пріѣхалъ къ нему въ Версаль; я отвѣчаю, что мы увидимся въ Парижѣ, когда онъ пріѣдетъ туда: онъ настаиваетъ, говоритъ обо мнѣ королевѣ, которая приказываетъ мнѣ явиться. Прелести его души, чистой и прекрасной, и увлекательное

общество Парижа заставляютъ меня проводить тамъ пять мѣсяцевъ ежегодно. Къ тому-же желаніе повеселиться влечетъ меня въ Версаль, а чувство благодарности заставляетъ учащать посѣщенія.

„Принцъ Генрихъ прусскій объѣзжаетъ войска. Философія и военное образованіе сближаютъ насъ; я сопровождаю его и имѣю счастье понравиться ему. Благосклонность съ его стороны, услужливость съ моей, частая переписка и свиданія въ Спа и Рейнсбергѣ.

„Лагерь императора въ Моравіи привлекаетъ прежняго прусскаго короля и нынѣшняго. Фридрихъ II замѣчаетъ, что я благоговѣю предъ великими людьми и приглашаетъ меня въ Берлинъ. Сношенія съ нимъ и изъявленіе уваженія и расположенія ко мнѣ перваго изъ героевъ прославляютъ мое имя. Племянникъ его, бывшій тогда еще наслѣднымъ принцемъ, пріѣзжаетъ въ Петербургъ. Нѣсколько мелкихъ услугъ любовныхъ, дружескихъ, денежныхъ и дружба съ дамою его сердца сблизили насъ еще прежде, а въ странѣ, столь отдаленной, иностранцы быстро сдружаются, несмотря на разность интересовъ, службы и положенія.

„Бракъ моего сына съ хорошенькою полячкою заставляетъ меня ѣхать въ Петербургъ. Довѣрчивая и увлекательная простота обхожденія Екатерины Великой очаровываетъ меня, а ея очаровательный геній влечетъ меня въ эту очаровательную страну" [1]).

Успѣхъ князя де-Линь при дворахъ почти всѣхъ европейскихъ государей объясняется не столько, конечно, его серьезнымъ образованіемъ и свѣтлымъ умомъ, сколько его родовымъ богатствомъ, наслѣдственною красотою и веселымъ нравомъ. Всѣ князья де-Линь отличались красотою, но князь Карлъ былъ обворожительно хорошъ. Высокій, статный, онъ всегда носилъ военный мундиръ, придававшій ему бравый видъ, и въ то-же время—серьги въ ушахъ. Изысканная вѣжливость и любезное обхожденіе замѣтно отличали его даже въ старомъ французскомъ обществѣ, славившемся „салонными манерами". Въ этомъ отношеніи онъ не походилъ на своего отца, довольно рѣзкаго, даже грубаго. „Отецъ, не знаю почему, не любилъ меня, и мы рѣдко видѣлись. Онъ никогда не разговаривалъ со мною; въ то время было не принято слыть добрымъ отцомъ и хорошимъ мужемъ. Мать моя боялась его. Она родила меня, будучи зашнурована, въ фижмахъ, и, мучаясь нѣсколько недѣль, умерла также точно разодѣтою — до того строго соблюдала она церемоніальный этикетъ нашего маленькаго двора. Въ первый разъ я написалъ отцу письмо, когда былъ произведенъ въ полковники

---

[1]) Oeuvres, XXI, 31.

нашего драгунскаго полка. Я думалъ порадовать отца, а получилъ въ отвѣтъ слѣдующія строки: „Къ несчастію имѣть васъ своимъ сыномъ присоединяется теперь новое горе — имѣть васъ своимъ полковникомъ". Отвѣтъ мой былъ тоже кратокъ: „Ваше сіятельство! Ни въ томъ, ни въ другомъ я не повиненъ; за новое несчастіе вы должны пенять на императора" [1]). Какъ-бы въ противоположность своему отцу, кн. де-Линь до безумія любилъ своего сына.

Изъ всѣхъ князей де-Линь, князь Карлъ выдѣлялся своими литературными дарованіями. У него было легкое перо: картины и образы, создаваемые его воображеніемъ [2]), также легко ложились подъ перо, какъ и очерки природы, рисунки салоновъ, описаніе битвъ. Онъ былъ поэтъ въ душѣ; но его проза гораздо свѣжѣе и красивѣе его поэзіи. Его стихотворенія— болѣе или менѣе удачный подборъ словъ, чаще всего вполнѣ неудачный. Это была довольно несчастная страсть, преслѣдовавшая его чуть не до могилы, а онъ умеръ 80-тилѣтнимъ старикомъ [3]). Всякій вздоръ служилъ ему мотивомъ для „поэтическаго созданія", какъ онъ выражался. Сломается-ли карета между Марселью и Ліономъ, ѣдетъ-ли онъ въ Россію, пригласитъ-ли его кто на завтракъ [4])—онъ всѣмъ подобнымъ „событіямъ" посвящаетъ нѣсколько строкъ, иногда страницъ, въ стихотворной формѣ. Число написанныхъ имъ мадригаловъ и эпиграммъ, сонетовъ, гимновъ, пѣсенекъ и пѣсенъ, напечатанныхъ и ненапечатанныхъ, превосходитъ всякое вѣроятіе. Не было ни одного знакомаго, не говоря уже о знакомой, котораго онъ не подарилъ-бы стихомъ, иногда и нѣсколькими. Графъ Головкинъ и князья Путятинъ, Зубовъ, Потемкинъ, Бѣлосельскій-Бѣлозерскій, княгиня Долгорукая, жена кн. Василія, г-жа Самойлова, Дитрихштейнъ-Шувалова, неиз-

---

[1]) Ouvaroff, Prince de Ligne, St.-Pètersbourg, 1842, p. 23.

[2]) Это лучше всего сказалось въ его драматическихъ произведеніяхъ, напр. въ комедіи „Eulalie", особенно-же въ „Les enlèvements ou la vie de château en 1785", гдѣ живость дѣйствія и яркость характеровъ могутъ и въ настоящее время служить образцами. Oeuvres, XIX, 119.

[3]) Oeuvres. XII, 21. „Я писалъ въ моей жизни слишкомъ много стиховъ; по счастью, двѣ трети ихъ потеряны. Опасаясь, что кто-нибудь, найдя мои стихотворенія, отомститъ мнѣ тѣмъ, что напечатаетъ ихъ, я написалъ слѣдующую эпиграмму на себя-же:

Oui, sans doute, mon corps sera mangé des vers.
Ce malheur est-il tant à craindre?
Ce n'est qu'après ma mort, mais alors l'Univers,
Désolé par les miens, sera bien plus à plaindre".

[4]) Oeuvres, XII, 115; XXI, 297; XXII, 61.

вѣстная „русская посланница“, даже неизвѣстный г. Р., „возвратившійся изъ Петербурга“, удостоились стихотворенія [1]), причемъ необходимо замѣтить, что для литературной славы князя де-Линь было-бы лучше, если-бы онъ вовсе не писалъ подобныхъ стихотвореній. Стихи давались ему не легко, и „импровизованные экспромты“ заготовлялись заранѣе, на всякій случай. Съ искренностію, всегда его отличавшею, онъ самъ смѣялся надъ подобными экспромтами: „Принцъ Оранскій долженъ былъ обѣдать у меня въ замкѣ; я приготовилъ небольшое четверостишіе, которое хотѣлъ сказать, какъ экспромтъ, въ то время, когда принцъ проходилъ-бы по оранжереѣ. Между тѣмъ, поднялась буря, принцъ ко мнѣ не заѣхалъ и всѣ мои труды пропали даромъ. Вотъ это четверостишіе:

Modèle et descendant des plus fameuses guerriers,
Vrai démon à la guerre et dans la paix un ange!
Apprends qu'on ne dit plus: c'est un jardin d'orange—
On le nomme à présent un jardin de lauriers.

Это довольно недурно для экспромта, но какъ поэтическое произведеніе оно ни къ чорту не годится“ [2]).

Въ первый-же пріѣздъ князя де-Линь въ Россію, въ 1780 году, Екатерина плѣнилась его умомъ, его веселымъ, свѣтлымъ взглядомъ на жизнь, и съ удовольствіемъ бесѣдовала съ нимъ; когда-же кн. де-Линь уѣхалъ изъ Россіи, охотно переписывалась, вѣрнѣе, отвѣчала на его письма. Перечитывая эту переписку, трудно сказать на чьей сторонѣ болѣе остроумія, чьи сужденія глубже, взгляды шире; но несомнѣнное достоинство этой переписки—взаимная прямота, искренность.

Подобно Гримму и Дидро [3]), князя де-Линь тоже поразила про-

[1]) Приводимъ указаніе всѣхъ „посланій“ къ русскимъ людямъ: 1) Au prince Zouboff, qui me proposait de me mener en Whyski (XXI, 252); 2) Sous le portrait du prince Zouboff (253); 3) A la princesse B. (294); 4) A une autre dame russe, qui me reprochait de souper de si bon coeur, puisque je l'aimai. et qui me dit de lui en demander pardon bien vite en vers (295); 5) A M-me de Samoiloff au fort d'Elisabeth-Gorod (296); 6) A M-me de Dietrichstein-Schuwaloff, après un spectacle (XXII, 16); 7) A un prince russe, qui m'avait envoyé du thé (20); 8) A l'ambassadrisse de Russie (71); 9) A la princesse Basile Dolgorouky (302); 10) Sous le portrait de Catherine II (XXIII, 28); 11) A la princesse Gallizin, née Ismailoff (XXV, 20); 12) Au comte de Golofkin (XXVI, 301, 342, 371); 13) Au prince Poutiatin (349).

[2]) Oeuvres, XXI, 135; ср. экспромты, записанные Екатериною, въ Сборникѣ, XXIII, 407.

[3]) Сборникъ, II, 329, 331; Diderot, Oeuvres, ed. Assézat, XX, 39, 92.

стота обращенія Екатерины, и онъ въ первомъ-же письмѣ заявилъ императрицѣ о своемъ удивленіи: „во дворцахъ, гдѣ есть престолы, я не встрѣчалъ еще такой простоты и прямоты ни въ одной коронованной особѣ". Екатерина отвѣчала: „Престолы, престолы и возсѣдающія на нихъ особы представляютъ прекрасное зрѣлище, но лишь издали; не въ ущербъ моимъ многоуважаемымъ собратьямъ, я полагаю, что мы, сколько насъ ни есть, всѣ должны быть пренесносными особами въ обществѣ; я знаю это по опыту: когда я вхожу въ комнату, я произвожу впечатлѣніе Медузиной головы - всѣ столбенѣютъ и пристаютъ къ тому мѣсту, на которомъ находились. Мнѣ очень лестно слышать отъ васъ противоположное, но ежедневный опытъ убѣждаетъ меня, что я такая-же, какъ и другіе, и не найдется болѣе десяти или двѣнадцати лицъ, не стѣсняющихся моимъ присутствіемъ" [1]).

Уѣзжая изъ Петербурга, кн. де-Линь обѣщалъ возвратиться; Екатерина напоминала ему объ этомъ: „Будьте такъ добры, князь, вспоминайте иногда, что вы оставили здѣсь надежды увидѣть васъ снова когда-нибудь, а въ ожиданіи того, будьте увѣрены, что въ спискѣ лицъ, которыя увидятъ васъ съ удовольствіемъ, вы встрѣтите имя Екатерины" [2]).

Осенью 1786 года, Екатерина пригласила князя де-Линь сопутствовать ей въ путешествіи въ Крымъ. „Получаю за 800 лье письмо отъ императрицы: она вспоминаетъ наши разговоры съ нею о блестящихъ эпохахъ древности и предлагаетъ мнѣ ѣхать съ нею въ очаровательную страну, которой она возвратила названіе Тавриды" [3]). 1-го апрѣля 1787 г., кн. де Линь былъ уже въ Кіевѣ [4]), откуда набросалъ своей пріятельницѣ, маркизѣ де-Куаньи [5]), слѣдующую картину города во время пребыванія въ немъ императрицы:

---

[1]) Сборникъ, XXVII, 189.

[2]) Сборникъ, XXVII, 190, 209. Многія письма какъ императрицы Екатерины, такъ и князя де-Линь еще не изданы, и даже неизвѣстно, гдѣ находятся. Переписка, хранящаяся въ нашемъ Госуд. Архивѣ, разр. V, № 145, далеко не полна.

[3]) Oeuvres, XXI, 38; Сборникъ, XXVII, 377.

[4]) Сборникъ, XXIII, 396.

[5]) La marquise de Coigny, родственница герцога Куаньи, прославленная А. Шенье въ его „Jeune Captive". Еще ранѣе Шэнье, кн. де-Линь нарисовалъ прелестный ея портретъ, которымъ начинается приводимое письмо изъ Кіева: Savez-vous pourquoi, madame la marquise, je vous regrette? C'est que vous n'êtes pas une femme, comme une autre. Savez-vous pourquoi vous n'êtes pas une femme comme une autre? C'est que vous êtes bonne, quoique bien des gens ne le croient pas; c'est que vous êtes simple, quoique vous fassiez toujours de l'esprit, c'est à dire que vous le trouvez tout fait — c'est votre

„А, Боже мой, какой шумъ, какая толкотня! Сколько брильянтовъ, золота, звѣздъ. лентъ. только не Святаго Духа! Тутъ и чалмы, и красныя шапочки, остроконечныя, съ мѣхомъ, украшающія уродцовъ, безпрестанно ворочающихъ головою, точь-въ-точь статуэтки на вашемъ каминѣ, съ китайскими глазами и носами. Называются они лезгинами и прибыли депутатами. въ числѣ многихъ другихъ депутацій, явившихся изъ Китая, изъ Персіи, изъ Византіи. Это поторжественнѣе какихъ-нибудь депутатовъ отъ парламента или какого-нибудь городка, пріѣзжающихъ за 20 лье въ Версаль ради нелѣпаго этикета.

„Людовикъ XIV позавидовалъ-бы сестрѣ своей Екатеринѣ II или женился-бы на ней, чтобъ сдѣлать свои выходы, по крайней мѣрѣ, столь-же торжественными. Сыновья кавказскихъ властителей, грузинскаго царя Ираклія, напримѣръ, пріѣхавшіе сюда, доставили-бы ему болѣе удовольствія, чѣмъ пять или шесть престарѣлыхъ кавалеровъ ордена св. Людовика, которые являлись къ нему въ ожиданіи министра. ужинавшаго въ Парижѣ и потому запоздавшаго; двадцать архіепископовъ. хотя и не очень опрятныхъ и съ бородами чуть не до колѣнъ, гораздо представительнѣе королевскаго духовника. А уланскій конвой польскаго магната. ѣдущаго за пол-мили въ гости къ сосѣду, ужъ, конечно, лучше конныхъ стражей, сопровождающихъ старика въ парикѣ, сидящаго въ каретѣ, запряженной шестеркою клячъ. Блестящія сабли съ эфесами, осыпанными дорогими камнями, величественнѣе копьеносцевъ англійскаго короля.

„Тутъ все есть и на всѣ вкусы: большая и малая политика,

---

langue. On ne peut pas dire que l'esprit est dans vous, mais vous êtes dans l'esprit. Vous ne courez pas après l'épigramme, c'est elle qui vient vous chercher. Dans 50 ans vouz serez une maréchale du Luxembourg, une m-me du Defant pour le piquant, une m-me Geoffrin pour les définitions et une maréchale de Mirepoix pour le goût. A vingt ans vous possédez le résultat des troix siècles qui composent l'âge de ces dames. Vous avez la grâce des élégantes, sans en voir pris l'état. Vous étes supérieure sans allarmer personne que les sots. Il y a déjà autant de grands mots, et de mots bons de vous à citer que de bons-mots. „Ne prendre point d'amans, parceque ce serait abdiquer", est une des idées les plus profondes et la plus neuve. Vous êtes plus embarassée qu'embarassante; et quand vous l'êtes un certain petit murmure rapide et abondant de mots entre vos dents, l'annonce le plus drôlement du monde, comme ceux qui ont peur des voleurs chantent dans la rue. Vous étes la plus aimable temme et le plus joli garçon. Oeuvres, XXI, 7. Письма къ маркизѣ де-Куаньи были писаны не для печати; но. какъ объяснено въ предисловіи, кн. де-Линь рѣшился напечатать ихъ въ виду тѣхъ нелѣпостей. которыя стали распространяться въ печати по поводу таврическаго путешествія Екатерины II.

большія и малыя интриги, большая и малая Польша. Тутъ польскіе магнаты, обманывающіеся, обманутые или обманывающіе; всѣ они очень любезны, но жены ихъ еще любезнѣе, и все это съ цѣлью удостовѣриться, что императрица не знаетъ, какъ они оскорбляли ее своимъ лаемъ на послѣднемъ сеймѣ. Мужья ловятъ каждый взглядъ кн. Потемкина, что не такъ-то легко, такъ какъ онъ кривитъ и коситъ глазами; жены хлопочутъ объ орденѣ св. Екатерины. чтобъ кокетливо пришпилить ленту на зависть ближнихъ и родныхъ. Всѣ желаютъ и всѣ страшатся войны; жалуются, что Англія и Пруссія подстрекаютъ турокъ, и сами постоянно раздражаютъ ихъ... Но, вотъ, меня зовутъ смотрѣть фейерверкъ, стоющій 40,000 рублей".

Екатерина встрѣтила въ Кіевѣ князя де-Линь, какъ стараго друга. „Императрица встрѣтила меня такъ, какъ будто мы съ нею не шесть лѣтъ, а шесть дней не видѣлись. Она вспомнила тысячу мелочей, о которыхъ могутъ помнить только государи, такъ какъ у всѣхъ государей отличная память".

Уже здѣсь, въ Кіевѣ, Екатерина научилась уважать князя де-Линь за его независимый образъ мыслей, за твердость убѣжденій. Въ Кіевѣ императрица привела въ исполненіе давно уже задуманную ею мѣру: манифестомъ 21-го апрѣля 1787 года поединки были запрещены [1]). Кн. де-Линь не читалъ манифеста; изъ 52-хъ статей закона ему перевели только три первыя и, въ то время, какъ всѣ, даже извѣстные бреттёры, изъ лести и угодничества, восторгались высочайшимъ манифестомъ, кн. де-Линь, спрошенный Екатериною, смѣло высказалъ свое мнѣніе и не согласился поставить свою честь въ зависимость отъ какого-бы ни было третейскаго суда [2]). „Я помню, писалъ онъ позже императрицѣ, какъ въ Кіевѣ я такъ смѣло, такъ дерзко нападалъ на указъ о дуэли, что ваше императорское величество, защищая указъ, едва не вызвали меня на дуэль" [3]).

Такихъ случаевъ было нѣсколько. Вопреки убѣжденію русскихъ сановниковъ, кн. де-Линь находилъ, что „нѣтъ никакой возможности льстить людямъ, которыхъ видишь съ шести часовъ утра до десяти вечера". Онъ доказалъ это во время путешествія и не разъ.

---

[1]) Архивъ сената, т. 163, л. 122; П. С. З. № 16535.

[2]) Вопросъ о дуэли не былъ вопросомъ для князя де-Линь. Одинъ изъ версальскихъ пріятелей просилъ его быть секундантомъ и разрѣшить дуэль на его землѣ, въ Бель-Элѣ, близь французской границы. Вмѣсто всякаго отвѣта, князь де-Линь при просителѣ-же написалъ слѣдующую записку своему управляющему: „Приготовить завтракъ для четверыхъ и обѣдъ для троихъ".

[3]) Oeuvres, XXII, 75.

„Разговоръ шелъ о храбрости. Обращаясь ко мнѣ, императрица сказала: „Если-бъ я была мужчиною, я была-бы убита до капитанскаго чина“. Я ей отвѣтилъ: „Сильно сомнѣваюсь, ваше величество, потому что я еще живъ“. Она немного задумалась, какъ-бы желая вникнуть въ смыслъ моихъ словъ, потомъ тихонько разсмѣялась. понявъ, какъ неумѣстно она считала себя болѣе храброю, чѣмъ меня и многихъ другихъ, бывавшихъ въ огнѣ. Въ другой разъ я серьезно поспорилъ съ нею относительно французскаго двора, и такъ какъ императрица довѣряла нѣкоторымъ брошюрамъ, распространеннымъ заграницею, я почти съ досадою замѣтилъ ей: „На сѣверѣ также клевещутъ, государыня, на западъ, какъ на западѣ лгутъ о сѣверѣ; версальскимъ носильщикамъ слѣдуетъ довѣрять также мало, какъ и царскосельскимъ извозчикамъ“ [1]).

Очень рельефно, крупными штрихами, очень живо рисуетъ кн. де-Линь свое путешествіе съ императрицею „въ шестимѣстной каретѣ, разукрашенной вензелями изъ разноцвѣтныхъ камней и напоминающей тріумфальную колесницу“. Эту карету, въ которой помѣщалась императрица, Іосифъ II, гр. Сегюръ, гр. Кобенцель, князь де-Линь и гр. Мамоновъ, сопровождали экипажи свиты. „На каждой станціи намъ заготовляютъ шестьсотъ лошадей. Вотъ уже два мѣсяца, что я бросаю деньги за окно—мнѣ случалось и прежде упражняться въ этомъ, но не съ тою цѣлью и не въ такомъ количествѣ: я выбросилъ уже цѣлые милліоны. Вотъ какъ это дѣлается: возлѣ меня, въ каретѣ, помѣщенъ большой зеленый мѣшокъ, наполненный имперіалами. Жители окрестныхъ деревень, за десять, пятнадцать и двадцать верстъ сбѣгаются посмотрѣть на императрицу; одни кланяются до земли, другіе кричатъ ура, и эти-то головы и спины я осыпаю золотомъ изъ окна быстро несущейся кареты. И это повторяется по десяти разъ въ день. Жара клонитъ ко сну, я склоняю голову на плечо сосѣда и, будто съ просонья, слышу, какъ кто-то говоритъ: „У меня 30 милліоновъ подданныхъ, считая только мужской полъ“.—„А у меня, слышится въ отвѣтъ, только 22 милліона, считая женщинъ и дѣтей“.—„Мнѣ нужна 600,000-ная армія отъ Камчатки до Риги, включая и кавказскія горы“.—„А съ меня довольно было-бы и половины“. Сидя въ каретѣ, мы перебираемъ всѣ государства и всѣхъ великихъ особъ. Одному Богу извѣстно, какъ честимъ мы ихъ! „Я, кажется, скорѣе застрѣлилась-бы, говоритъ нѣжно Екатерина, чѣмъ подписать отдѣленіе

[1]) Oeuvres, XXI, 56; Сегюръ, 188.

тринадцати провинцій, какъ подписалъ мой братъ Георгъ" [1]).—„Я не знаю, на что я не рѣшился-бы прежде, чѣмъ отказаться отъ своихъ правъ, сказалъ Іосифъ II, какъ это сдѣлалъ братъ и зять мой [2]), сзывая собраніе нотаблей, для обсужденія злоупотребленій въ его королевствѣ". Ихъ величества то испытывали другъ друга, говоря о туркахъ, то перебрасывались словами, наблюдая другъ за другомъ. Какъ любитель прелестной древности, я предложилъ возстановить Грецію. Екатерина пожелала возстановить Ликурговъ и Солоновъ, я стоялъ за Алкивіада, Іосифъ, думающій болѣе о будущемъ, чѣмъ о прошломъ, и больше о положительномъ, чѣмъ о химерическомъ, сказалъ: „Какъ-же намъ быть съ Константинополемъ?" Такъ-то они, какъ ни въ чемъ ни бывало, покоряли острова и области, а я думалъ про себя: „Ахъ, ваши величества, ничего-то вы не покорите, а только накличете себѣ бѣду". Тутъ-же, безъ всякаго стѣсненія, эти царственныя особы передавали другъ другу самыя интересныя вещи: „Не было-ли покушенія на вашу жизнь? А мнѣ такъ угрожали!"—„А я получала анонимныя письма!" Наши экипажи наполнены персиками и апельсинами, прислуга наша напивается шампанскимъ, а я умираю съ голоду: все холодно и невкусно за столомъ императрицы, которая опредѣляетъ слишкомъ мало времени для обѣда, и, пока она говоритъ любезности направо и налѣво, все стынетъ, кромѣ воды, которую приходится пить теплою" [3]).

Путешествіе императрицы на югъ Россіи, въ Крымъ, такъ еще недавно подвластный Турціи, по Днѣпру, устье котораго во власти турокъ, обезпокоило Порту Оттоманскую. Для встрѣчи и сопровожденія императрицы, еще болѣе для пораженія императора Іосифа II военнымъ могуществомъ Россіи, на югъ, къ Днѣпру, были сдвинуты войска. Въ заграничныхъ газетахъ писали, будто близь Кіева была собрана 100,000-ная армія, подъ командою Румянцева, будто въ Херсонѣ расположенъ такой-же корпусъ, подъ начальствомъ кн. Потемкина, и будто до 60,000 войскъ были расположены небольшими отрядами на всемъ пути слѣдованія императрицы. Стягиваніе такихъ силъ на турецкую границу могло уже само по себѣ встревожить турецкое министерство [4]), но эта тревога усиливалась еще чисто вызывательными манифестаціями, въ

[1]) При Георгѣ II, англійскомъ королѣ, Соединенные Штаты Америки провозгласили себя независимыми.

[2]) Людовикъ XVI, французскій король, женатый на сестрѣ Іосифа II, Маріи Антуанетѣ.

[3]) Oeuvres, XXI, 23—25, 53, 57.

[4]) Сегюръ. 200.

родѣ надписи на одной изъ тріумфальныхъ арокъ: „Путь въ Константинополь". Нельзя поэтому и удивляться, встрѣчая въ письмахъ князя де-Линь слѣдующія, напримѣръ, извѣстія:

„Императрица дозволила принцу Нассаускому и мнѣ, въ качествѣ любителей, а можетъ быть, и знатоковъ, поѣхать осмотрѣть Очаковъ и десять турецкихъ кораблей, такъ неприлично выставленныхъ турками въ устьяхъ Днѣпра, какъ будто съ цѣлью заградить намъ путь въ Кинбурнъ, еслибъ ихъ императорскія величества захотѣли идти туда водою. Когда императрица разсматривала маленькій набросокъ, съ обозначеніемъ расположенія этого турецкаго флота, принцъ Нассаускій предложилъ императрицѣ свои услуги, чтобъ избавить ее отъ этого флота. Императрица улыбнулась и щелчкомъ отбросила бумажку. Я смотрю на это, какъ на предвѣстіе скорой, кажется, войны" [1]).

Предсказанія князя де-Линь сбылись скорѣе, чѣмъ онъ думалъ. Не прошло и трехъ мѣсяцевъ, какъ военныя дѣйствія открылись преслѣдованіемъ фрегата „Скорый" этимъ-же турецкимъ флотомъ и на тѣхъ-же водахъ Днѣпра [2]), на которыхъ принцъ Нассаускій и кн. де-Линь плавали для осмотра Очакова. Во время этой войны подвергались опасности и новыя владѣнія князя де-Линь.

„Близь монастыря св. Георгія, въ мѣстности, полной воспоминаній и очарованій, императрица пожаловала землю князю де-Линь. Едва-ли она могла сдѣлать приличнѣйшій подарокъ этому отличному, умному человѣку, который, при своемъ воинственномъ нравѣ, скорѣе являлся какимъ-то сказочнымъ и романическимъ витяземъ, нежели лицомъ историческимъ" [3]). Екатерина подарила князю де-Линь мысъ, извѣстный въ древности подъ именемъ Парѳеніона, недалеко отъ развалинъ Херсонеса—это высокая, утесистая скала, на которой нѣкогда былъ храмъ Діаны Таврической. „Зная мое неравнодушіе къ Ифигеніямъ, императрица подарила мнѣ землю, гдѣ находился храмъ, жрицею котораго была дочь Агамемнона. Это—Парѳеница, греческій пареенiонъ, искаженный татарскимъ произношеніемъ. Это тотъ знаменитый мысъ Парѳеніонъ, на которомъ,

---

[1]) Oeuvres, XXI, 17; Сегюръ, 199.

[2]) La flotte turque a donné la chasse le 21 de mois d'Août à la frégatte russe la „Scorey" ou la „Rapide" à l'embouchure du Dnieper. Cette frégatte et un petit bâtiment, qui la suivait, ont repoussé vigoureusement cette attaque et sont revenus avec peu de perte à Cherson, après avoir traversé la flotte turque et essuyé le feu de la forteresse d'Oczakow. Депеша гр. Сегюра отъ 20-го сентября 1787 г. въ Парниж. Архивѣ, Russie, vol. 83, f. 276.

[3]) Сегюръ, 216.

по вымысламъ миѳологіи, происходило столько трагическихъ происшествій. Всѣ миѳологическія божества имѣли въ этомъ мѣстѣ свою долю власти“ [1]). Кн. де-Линь такъ былъ очарованъ этимъ подаркомъ, что, по колѣно въ водѣ, перебрался на мысъ, въ свои владѣнія, и написалъ на скалѣ „божественное имя Екатерины Великой, а на другой сторонѣ скалы — человѣческое имя дамы моего сердца“ [2]).

Императоръ Іосифъ II съ удовольствіемъ видѣлъ вниманіе Екатерины къ его другу, князю де-Линь, который находился въ Крыму, между тѣмъ, какъ въ Нидерландахъ вспыхнуло возстаніе, угрожавшее Бель-Элю и другимъ его землямъ. Вѣсть о возстаніи раздосадовала императора, но не обезпокоила—онъ не придавалъ этому движенію серьезнаго значенія. Объ этомъ возстаніи напомнилъ ему кн. де-Линь въ Бахчисараѣ: „Когда приводили къ присягѣ всѣхъ, кто, подобно мурзамъ, имѣлъ уже земли въ Крыму, и тѣхъ, которыхъ, подобно мнѣ, одарила ими императрица, императоръ подошелъ ко мнѣ и, дотронувшись до моихъ знаковъ Золотаго Руна, сказалъ: „Вы первый изъ кавалеровъ этого ордена приносите присягу вмѣстѣ съ этими бородачами“. Я ему отвѣчалъ: „И для васъ, ваше величество, и для меня лучше, чтобъ я былъ за одно съ татарскими дворянами, чѣмъ съ фламандскими“ [3]). Императоръ конечно, согласился съ княземъ де-Линь.

Во время путешествія, отъ нечего дѣлать и для развлеченія, занимались и стихами. „Обращаясь къ намъ, императрица спросила: „Какъ пишутъ стихи, господа? Графъ Сегюръ, напишите мнѣ правила стихосложенія“. Онъ изложилъ ей правила съ прелестными примѣрами, и она принялась за работу. Императрица написала шесть стихотвореній, но съ такими ошибками, что мы всѣ расхохотались. „Чтобъ отучить васъ смѣяться надо мною, сказала мнѣ императрица, извольте сейчасъ-же написать стихи; я-же въ жизнь мою не примусь болѣе за стихи: они мнѣ опротивѣли“! —„Прекрасно! замѣтилъ Фицъ-Гербертъ, вамъ слѣдовало-бы удовольствоваться двустишіемъ, написаннымъ вашимъ величествомъ на могилѣ вашей собачки:

Ci gît la Duchesse Anderson,
Qui mordit Monsieur Rogerson.

[1]) Oeuvres, XXI, 36, 38. Cette petite terre s'appelle Parthenizza ou le cap de vièrge, et est habitée par cinquante-six familles tartares. Lettre de m. le prince de Ligne à m. le baron de Grimm, Tourneux XV, 10!.

[2]) Oeuvres, XXII, 106.

[3]) Ibid., XXI, 23.

Мнѣ задали рифмы, съ приказаніемъ наполнить ихъ возможно скорѣе, и вотъ какое обращеніе къ императрицѣ я составилъ:

A la règle des vers, aux lois de l'harmonie
Abaissez, soumettez la force du génie.
En vain fait-il les voisins de l'état,
En vain à votre empire, il donne de l'éclat.
Pour rimer, suspendez un moment votre gloire.
C'est un nouveau chemin au temple de mémoire.

„Въ Бахчисараѣ императрица вспомнила, какъ мы смѣялись надъ ея стихосложеніемъ, и сказала намъ: „Господа, я удаляюсь, и вы увидите, что изъ этого выйдетъ“. Вотъ что она вынесла намъ послѣ четырехчасовой потуги:

Sur un sopha du Kan, sur des coussins bourrées,
Dans un kiosque d'or de grilles entourés...

Дальше у нея ничего не выходило. Мы много смѣялись надъ такимъ прекраснымъ началомъ [1]).

Пробывъ съ Екатериною болѣе трехъ мѣсяцевъ, ежедневно, съ утра до вечера, видя ее при выходахъ и пріемахъ, на балахъ и спектакляхъ, при докладахъ, на смотрахъ, князь де-Линь много и о многомъ бесѣдовалъ съ нею и, въ концѣ концовъ, пришелъ къ убѣжденію, что ея поведеніе, какъ императрицы, достойно всяческой похвалы. „Императрица не боится прослыть руководимою другими и потому она оказываетъ избираемымъ ею лицамъ полное довѣріе и предоставляетъ имъ большую власть, только не позволяетъ никому дѣлать зла. Она оправдываетъ свою щедрость тѣмъ, что раздача большихъ суммъ увеличиваетъ государственное богатство и на ней лежитъ долгъ вознаграждать и поощрять. Созданіе многихъ новыхъ должностей въ провинціи она объясняетъ тѣмъ, что это сглаживаетъ различіе сословій, обогащаетъ край и заставляетъ дворянъ жить въ своихъ помѣстьяхъ, а не въ Петербургѣ и Москвѣ. Въ 237 городахъ, ею заложенныхъ, всѣ почти зданія каменныя, такъ какъ деревянныя часто горятъ и тѣмъ наносятъ большой убытокъ. Она создала прелестный флотъ на Черномъ морѣ потому только, что Петръ Великій любилъ кораблестроеніе. У нея всегда есть въ запасѣ какое-нибудь скромное извиненіе для всѣхъ ея великихъ подвиговъ“ [2]).

---

[1]) Oeuvres, XXI, 26. Отзывъ Екатерины о своихъ стихахъ см. Сборникъ, XLII,160.
[2]) Oeuvres, XXI, 49.

Не укрылась отъ князя де-Линь и оборотная сторона медали: „Я видѣлъ и злоупотребленія. Напримѣръ: не будучи въ состояніи обойти весь городъ пѣшкомъ, какъ мы, императрица должна, по неволѣ, вѣрить, что нѣкоторые города, для которыхъ отпущена ею громадная сумма, уже застроены, между тѣмъ, какъ нерѣдко встрѣчаются города безъ улицъ, улицы безъ домовъ, дома безъ крышъ, дверей и оконъ. Императрица видитъ только прекрасно построенные каменные гостинные дворы и величественные, съ колоннами, дворцы губернаторовъ" [1]). Шутливою иронiею, такъ свойственною князю де-Линь, звучатъ слѣдующія его строки: „Не могу поручиться, чтобъ иной помѣщикъ, злоупотребляя своею властію, что случается иногда повсюду, не заставлялъ своихъ крестьянъ, при помощи плетей, кричать ура и тѣмъ заглушать вопли горя. Но всякое насиліе подвергалось строгому преслѣдованію со стороны губернаторовъ, и нѣтъ сомнѣнія, что привѣтствовавшіе насъ крики „ура" были искренни" [2]).

Неурожай и послѣдовавшій за нимъ голодъ придали концу пышнаго путешествія довольно мрачный оттѣнокъ, но и при этомъ, по словамъ спутниковъ, Екатерина проявила завидныя черты своего характера и сердца. „Поэзія исчезла, уступивъ мѣсто грустной дѣйствительности. Алексѣй Орловъ имѣлъ мужество довести до свѣдѣнія императрицы, что въ нѣкоторыхъ губерніяхъ обнаружился голодъ. Празднества прекратились. Благотворительность замѣнила торжественность и роскошь уступила мѣсто необходимости: деньги уже не бросаются изъ оконъ, а распредѣляются между нуждающимися; шампанское не льется уже рѣкою; тянутся обозы, наполненные хлѣбомъ, вмѣсто судовъ, нагруженныхъ апельсинами. Облако печали затмило на время величественное и свѣтлое чело Екатерины Великой" [3]).. Въ Россіи можетъ быть неурожай, но голода быть не должно—таковъ взглядъ Екатерины, нерѣдко боровшейся съ „несносною на хлѣбъ дороговизною", но никогда не допускавшей, чтобъ „народъ въ пропитаніи затрудненіе, а паче недостатокъ возчувствовалъ" [4]). Между тѣмъ заявленіе гр. А. Орлова оказалось справедливымъ и, по произведенному разслѣдованію, обнаружилось, что „въ нѣскольких областяхъ имперіи губернаторы не исполнили распоряженій императрицы и не наполнили, согласно ея

[1]) Oeuvres, XXI, 54.
[2]) Ibid., 55.
[3]) Ibid., 59.
[4]) Архивъ Сената, т. 136, л. 382.

повелѣнію, хлѣбные запасные магазины" [1]). Губернаторы назначаются, однако, самою императрицею, и Екатерина принимаетъ на себя отвѣтственность за постигшее народъ бѣдствіе. „Неприлично было-бы мнѣ, говоритъ Екатерина, являться среди увеселеній и празднествъ, когда мои подданные страдаютъ отъ бѣдствія, которое я обязана была-бы предотвратить" [2]).

Таврическое путешествіе, предпринятое въ ознаменованіе 25-тилѣтія царствованія Екатерины, возбудило много толковъ, окончилось во время обнаружившагося голода и послужило поводомъ къ войнѣ съ Турціею. Только относительно голода кн. де-Линь оставался вполнѣ безоружнымъ: войнѣ съ Турціею посвятилъ онъ свою шпагу, борьбѣ съ превратными толками—свое перо. Еще изъ Тулы писалъ онъ маркизѣ де-Куаньи: „Знаю, теперь не въ модѣ вѣрить путешественникамъ, людямъ придворнымъ и тѣмъ, которые хорошо отзываются о Россіи; даже нѣкоторые изъ русскихъ, недовольные тѣмъ, что имъ не пришлось участвовать въ нашемъ путешествіи, скажутъ, что мы обмануты и сами обманываемъ. Прошелъ-же нелѣпый слухъ, будто на нашемъ пути перевозились декораціи, представлявшія обширныя деревни, будто корабли и пушки были только намалеваны, будто кавалерія была безъ лошадей и тому подобное" [3]). Слухи эти проникли за-границу и въ газетахъ, особенно-же въ „Gazette de Holland", печатались невѣроятныя небылицы о таврическомъ путешествіи. Кн. де-Линь изъ Москвы-же послалъ письмо къ Гримму, съ просьбою помѣстить въ его „Correspondance" составленное княземъ описаніе путешествія [4]), причемъ предлагалъ тысячу луидоровъ тому, кто опровергнетъ, хотябы въ малѣйшей степени, какое-либо изъ его сообщеній.

Вторая турецкая война началась въ августѣ 1787 года, и въ ноябрѣ кн. де-Линь выѣхалъ въ Елизаветградъ. Эти три мѣсяца провелъ онъ въ Петербургѣ, чаще въ Царскомъ Селѣ, въ гостяхъ у Екатерины. Онъ видѣлъ ее почти ежедневно и по цѣлымъ часамъ бесѣдовалъ съ нею. О чемъ? Во время таврическаго путешествія, въ плаваніе по Днѣпру, кн. де-Линь и гр. Сегюръ помѣщались въ одной галерѣ, и гр. Сегюръ разсказываетъ: „Князь де-Линь удивлялъ меня живостью своего воображенія и пылкостью

[1]) Сегюръ, 236.
[2]) Ibid., 237.
[3]) Oeuvres, XXI, 53. Екатерина въ двухъ словахъ высказала взглядъ князя де-Линь на таврическое путешествіе, въ Сборникѣ, XXIII, 411.
[4]) Tourneux, XV, 107; Сборникъ, XXIII, 430.

ума: рано по утру будилъ онъ меня стукомъ въ перегородку, которая отдѣляла его кровать отъ моей, и читалъ экспромты и пѣсенки, только-что имъ набросанные; немного спустя, его слуга приносилъ мнѣ письмо въ 4 и 6 страницъ, гдѣ остроуміе, шутки, политика, любовь, военные анекдоты и эпиграммы мѣшались самымъ оригинальнымъ образомъ" [1]). Таковъ кн. де-Линь на Днѣпрѣ съ гр. Сегюромъ; таковъ онъ и въ Царскомъ Селѣ съ императрицею Екатериною. Одно изъ такихъ писемъ его сохранилось [2]) и можетъ служить образцомъ подобной переписки:

„Копія съ сохранившагося письма моего, писаннаго императрицѣ Екатеринѣ, въ Царскомъ Селѣ, изъ моей комнаты въ ея комнату.

„Ваше императорское величество были неправы вчера и очень неправы: своимъ нѣжнымъ, но упорнымъ сопротивленіемъ вы только подкрѣпили свою неправоту. Вы были неправы не въ дѣлахъ, что́ немыслимо, а на словахъ. Вчера поздно уже было спорить съ вами, поздніе споры возможны были въ каретѣ, во время путешествія; къ тому-же здѣсь были двѣ или три лишнія ленты голубыя, красныя и пестрыя; что сказали-бы онѣ, услыхавъ, что я противорѣчу самодержицѣ нѣсколькихъ Россій всевозможныхъ цвѣтовъ, и онѣ были-бы правы — знай сверчокъ свой шестокъ. Говоря о своемъ правленіи, ваше величество сказали: оно шло-бы лучше, еслибъ я была мужчиною. Нѣтъ, вовсе нѣтъ. Еслибъ императрицы Анна и Елизавета были мужчинами, ихъ царствованія были-бы самыя жалкія, а, между тѣмъ, они были вѣдь не лишены извѣстной славы; послѣднее-же было даже блестящее — оно почти уничтожило всѣ слѣды варварства. Говорить вамъ объ этомъ блескѣ, государыня, чтобъ тѣмъ выказать ваше превосходство, было-бы жалкимъ мадригаломъ, какъ было-бы эпиграммою проводить параллель между вашимъ царствованіемъ и ихъ. Это такъ не сходно, что не поддается сравненію.

„Великій человѣкъ, одѣтый въ костюмъ вашего величества, гораздо выше великаго человѣка при саблѣ. Онъ можетъ поддаться искушенію и вынуть ее изъ ноженъ, что бываетъ недурно лишь въ томъ случаѣ, когда скипетръ валится изъ рукъ, но гораздо лучше умѣть крѣпко держать его, какъ вы, государыня, въ мощной рукѣ. Государю можетъ придти желаніе стать героемъ; но быть героемъ хорошо только для насъ, подданныхъ, но опасно для государя; этимъ онъ подвергаетъ себя зависти своихъ гене-

[1]) Сегюръ, 195.

[2]) Oeuvres, XXXI, 249

раловъ, возбуждаетъ духъ партій въ своей-же арміи и приводитъ къ разстройству или узурпаціи. Великій человѣкъ незамѣтно исчезаетъ, становясь счастливымъ побѣдителемъ, который подъ конецъ можетъ быть побѣжденъ. Оно вноситъ въ придворную жизнь притворство комитета, жестокость поля битвы, угрюмость, недовѣріе и подозрительность. Кто знаетъ, что случилось-бы съ великимъ человѣкомъ-женщиною, еслибъ она стала великимъ человѣкомъ-мужчиною? Ваше величество захотѣли-бы стать властительницею всея славы, какъ всея Россіи: и еслибъ богъ брани, забывъ изначальную церковь, преклонился на сторону Рима или церквей побочныхъ и покинулъ-бы васъ, вы никогда не заключили-бы мира при Прутѣ, какъ это сдѣлалъ герой, ставшій героемъ невольно, и не убѣжали-бы въ Турцію, какъ сдѣлалъ его врагъ-герой.

„Ваше состояніе женщины придаетъ вамъ ту самоувѣренность, которая внушаетъ вамъ величіе, и то спокойствіе, которое вселяетъ глубокомысліе и какую-то благородную нѣжность безъ праздности. Я не поручусь за ваше величество верхомъ на лошади, но я отвѣчаю за успѣхъ, когда вы, опершись на столъ и поддерживая красивою рукою свою прелестную голову, работаете также тихо, какъ входите въ залы Эрмитажа, но быстро двигаете дѣла.

„Мои сотоварищи, таврическіе мурзы, не приняли-бы такъ хорошо мужчину, и запорожцы, мои сосѣди по землямъ на лѣвомъ берегу Днѣпра, мнѣ пожалованнымъ мановеніемъ вашей руки изъ окна быстро плывшей галеры, устроили-бы западню величественному властелину, который пожелалъ-бы все видѣть самолично. Женщина не можетъ входить во всѣ мелочи. Мужчина теряетъ при приближеніи къ нему; женщина—выигрываетъ. Отъ нея ничего не ожидаютъ, и отъ удивленія переходятъ къ уваженію, отъ уваженія къ восторгу; если къ тому-же она любезна, то дружба и привязанность примѣшиваются къ восторгу, нисколько не портя общаго впечатлѣнія.

„Осмѣлился-ли бы я написать все это мужчинѣ, который всегда воображаетъ, что хотятъ подьстить ему или обмануть его, скрыть свою нелюбовь или затмить своимъ талантомъ? Низкіе куртизаны всегда смотрятъ въ глаза государю, хотя эти глаза часто вовсе не лучшіе въ мірѣ. Взглядъ-же императрицы можно ловить, не унижаясь: вовсе не для пріобрѣтенія власти, а для успѣха въ обществѣ. Геройство покоряетъ страны, но не женщинъ.

„Великій человѣкъ на конѣ приводитъ въ трепетъ генераловъ и солдатъ, вельможъ и мужиковъ; великій человѣкъ въ коляскѣ, окруженный пятью-шестью хорошенькими женщинами, составляющими его свиту, сопровождается восторженными кликами людей легко-

мысленныхъ и благословеніями людей мыслящихъ. Бываютъ негодяи, которые смѣются надъ властью въ рукахъ женщины и желаютъ отъ нея избавиться. Ваше величество имѣли-бы 50,000 людей и 5-ю милліонами рублей болѣе, если-бы были мужчиною — право, изъ-за такой бездѣлицы не стоитъ мѣнять свой полъ. У васъ довольно подданныхъ и рублей; въ бесѣдкѣ вашего сада вы увеличили то и другое, а изъ палатки могли-бы, пожалуй, и потерять.

„Какая разница между вашимъ взглядомъ, полнымъ пріятности и милости, и суровымъ видомъ, который вамъ пришлось-бы принять дѣлая смотръ 400,000 или 500,000 вашего войска.

„Если случайно, увлеченные энтузіазмомъ, мы зайдемъ дальше, чѣмъ слѣдуетъ въ изъявленіи восторга вашей очаровательной и августѣйшей особы, вы, не обманывая себя, отнесете бо̀льшую часть этой любезности къ себѣ, какъ женщинѣ, которая на тронѣ внушаетъ еще болѣе чувствъ, между тѣмъ, какъ государь-мужчина приписалъ-бы все это одной придворной лести.

„Государыня, привыкшая, какъ царица и какъ женщина, видѣть у своихъ ногъ мужчинъ, менѣе склонна къ раздражительности. Дерзнулъ-ли-бы я выразить свое негодованіе Фридриху, Петру, Карлу. Людовику, какъ я сдѣлалъ это однажды вашему величеству, когда вы сказали мнѣ, что, по древнему русскому закону, впереди всѣхъ посылались на приступъ приговоренные къ смертной казни и обвиненные въ тяжкихъ преступленіяхъ. Вы-же, государыня, только посмотрѣли на меня, подумали немного и ничего не сказали. Держу пари, что ваше величество совсѣмъ забудете о моей выходкѣ.

„Всякій государь утверждаетъ, что любитъ правду; государыня узнаетъ ее болѣе безбоязненно. Она говоритъ себѣ: придворные такъ боятся наскучить мнѣ, не понравиться, лишиться моего къ нимъ вниманія, что, конечно, говорятъ мнѣ только по необходимости и изъ желанія добра.

„Твердость характера у женщины оказывается часто упрямствомъ у мужчины; снисходительность, нерадѣніе или добродушіе у женщинъ становится слабостью у мужчинъ. Сколько мелочей, нестоющихъ вниманія, доводятъ до важныхъ результатовъ? Прелестная накидка или вышитая юбка алаго бархата на вашемъ величествѣ производитъ болѣе эффекта, чѣмъ ботфорты и шарфъ; пять крупныхъ бриллiантовъ въ вашихъ волосахъ великолѣпнѣе каски, всегда или черезчуръ большой или до уродства маленькой. Ваша прелестная ручка электризуетъ всѣхъ, кто ее цѣлуетъ, отъ часоваго до Ираклія и Гирея; рука-же великаго человѣка, иногда сухая и костлявая, не производитъ такого впечатлѣнія, и самый отчаянный льстецъ, бросаясь цѣловать ее, можетъ только сломать себѣ носъ.

„Если-бы сынъ Карла VI представилъ своего новорожденнаго эрцгерцога венгерцамъ, неужели это заставило-бы ихъ обнажить сабли, какъ при видѣ юной, прекрасной и несчастной 24-хъ-лѣтней принцессы, какою была тогда наша великая Марія-Терезія?

„Повторяю еще разъ: ваше императорское величество были-бы слишкомъ впечатлительны для мужчины. Господь Богъ все дѣлаетъ къ лучшему. Благодарите Его, государыня, что вы женщина, а не мужчина; благодарите Его на 60-ти языкахъ Кавказа, на языкѣ крымскихъ татаръ, прикаспійскихъ персовъ, пристѣночныхъ китайцевъ, на языкѣ грековъ и римлянъ, нѣмцевъ Штетина и французовъ нашей валлонской церкви. Повѣрьте, ваше величество, человѣку, который сталъ вашимъ живописцемъ и историкомъ, назвавъ васъ Екатериною Великою".

По отъѣздѣ князя де-Линь изъ Россіи, Екатерина, по прежнему, переписывалась съ нимъ до самой своей кончины. Иногда переписка обрывалась, но никогда болѣе, чѣмъ на полгода. „Вотъ уже шесть мѣсяцевъ, пишетъ кн. де-Линь отъ 17-го марта 1792 года, что я не получалъ писемъ отъ вашего величества, и это въ первый разъ въ теченіе нашей 12-тилѣтней переписки" [1]). Содержаніе этой переписки чрезвычайно разнообразно, но во всѣхъ письмахъ, съ обѣихъ сторонъ, видна полная искренность. Смерть Іосифа II и происхожденіе графа Суворова, шведская война и турецкій миръ, французская война и разореніе Бельгіи, личные интересы князя де-Линь и занимавшіе Екатерину вопросы — все было предметомъ обсужденія, совершенно свободнаго и всегда остроумнаго. Ни кн. де-Линь, ни Екатерина не стѣсняются въ выраженіяхъ, не составляютъ фразъ, не подыскиваютъ словъ; мысль ложится подъ перо безъ прикрасъ и нерѣдко удивляетъ самого пишущаго. Екатерина спрашиваетъ у князя де-Линь его мнѣніе о Сенакѣ де-Мельянѣ, который задумывалъ писать исторію Россіи; кн. де-Линь отвѣчаетъ что Мельянъ обладаетъ необходимыми для того познаніями и дарованіями, тѣмъ болѣе, что „историкъ долженъ быть человѣкъ благовоспитанный", и прибавляетъ: „Держу пари, что я первый высказалъ такую блестящую мысль" [2]).

Въ теченіе второй турецкой войны, особенно-же во время пребыванія въ русской арміи, кн. де-Линь не писалъ Екатеринѣ. „Еслибъ я послалъ императрицѣ хоть-бы одно письмо съ похвалою

---

[1]) Oeuvres, XXII, 102, 108.
[2]) Ibid., 102.

кн. Потемкину и его операціямъ, она осыпала-бы меня брилльянтами и одарила крестьянами. Она была-бы очень довольна, еслибъ я ее обманулъ—она хотѣла, во что-бы то ни стало, думать, что все идетъ хорошо" [1]). Война не была еще окончена, кн. де-Линь былъ занятъ осадою Бѣлграда, когда возстаніе охватило его родину.

Бельгійское возстаніе 1788 года затихло только на время. Весною 1789 года, Фанъ-деръ-Нотъ посѣтилъ великаго пенсіонарія Фанъ-Спигеля въ Гагѣ и условился съ нимъ относительно помощи, обѣщанной Англіею, Пруссіею и Голландіею. Узнавъ объ этомъ, Іосифъ II рѣшился, наконецъ, принять серьезныя мѣры, но было уже поздно. 13-го ноября, австрійскія войска были вытѣснены изъ Гента патріотами, соединившимися съ брабантцами; возстаніе быстро росло и скоро охватило Брабантъ, Фландрію, Геннегау, часть Намюра. Въ Бредѣ сформировалось національное правительство, подъ скромнымъ названіемъ „бельгійскаго комитета", съ которымъ Англія, Голландія и Пруссія вели оффиціальныя сношенія. 3-го декабря, Фанъ-деръ-Мерчъ, предводитель повстанцевъ, вошелъ въ Брюссель, сданный ему австрійскими генералами. Спустя два мѣсяца, 9-го февраля 1790 г., Іосифъ II умеръ. Князь де-Линь писалъ Екатеринѣ:

„Его ужъ нѣтъ, государыня! Нѣтъ государя, дѣлавшаго честь человѣчеству; нѣтъ человѣка, дѣлавшаго честь государямъ... За нѣсколько дней до смерти, императоръ сказалъ мнѣ: „Ваша родина убила меня: взятіе Гента было моей агоніей, сдача Брюсселя—моею смертью. Какой позоръ для меня (онъ нѣсколько разъ повторялъ это гадкое слово)! Я умираю—надо быть деревяннымъ, чтобы перенести все это. Благодарю васъ за все, сдѣланное вами для меня. Лаудонъ говорилъ мнѣ много хорошаго о васъ. Благодарю васъ за вашу вѣрность. Отправляйтесь въ Нидерланды. Убѣдите ихъ возвратиться къ своему государю, если-же не успѣете — останьтесь тамъ. Не жертвуйте для меня вашими личными интересами—у васъ есть дѣти"... Десять лѣтъ назадъ, по дорогѣ въ Царское-Село, въ каретѣ, ваше величество сказали мнѣ: „Умъ вашего государя направленъ постоянно на все полезное, въ его головѣ нѣтъ ничего легкомысленнаго. Онъ, какъ Петръ I, позволяетъ противорѣчить ему; онъ не обижается, если оспариваютъ его мнѣніе, и желаетъ убѣдить, прежде чѣмъ отдать приказаніе"... Какое счастье для русской земли, государыня, что ваше величество можете царствовать еще сорокъ лѣтъ" [2]).

---

[1]) Oeuvres, XXIV, 181; Perey, I, 345.

[2]) Oeuvres, XX, 110.

Екатерина знала уже о безнадежномъ положеніи императора. За три дня до смерти Іосифа II, она писала кн. Потемкину, отъ 6-го февраля: „Объ союзникѣ моемъ я много жалѣю, и странно, какъ, имѣя ума и знанія довольно, онъ не имѣлъ ни единаго вѣрнаго человѣка, который-бы ему говорилъ пустяками не раздражать подданныхъ; теперь онъ умираетъ, ненавидимъ всѣми; что-же было диковинкою короноваться королемъ венгерскимъ, благо, что под данные привязаны къ коронѣ; мать его они спасли въ 1740 году отъ потери всего; я бы на его мѣстѣ-бы ихъ на рукахъ носила". На письмо князя де-Линь она отвѣчала двумя строками: „Сердце кровью обливается, когда подумаю о понесенной нами утратѣ; привязанность ваша, мною, по вашимъ словамъ, унаслѣдованная, вызвала слезы на глаза мои, и я не въ состояніи говорить объ этомъ" [1]).

Князь де-Линь не послѣдовалъ предсмертному совѣту Іосифа II, не поѣхалъ въ Нидерланды, гдѣ, въ Брюсселѣ, его дворецъ былъ занятъ городскою стражею, а въ Бель-Элѣ стоялъ отрядъ патріотовъ—онъ остался въ Вѣнѣ, откуда писалъ Екатеринѣ: „Вашъ Эрмитажъ не единственный, государыня—я выстроилъ настоящій эрмитажъ, въ верстѣ отъ Вѣны, на высочайшей горѣ. Я назвалъ его „Мое убѣжище", такъ какъ оно спасетъ меня и отъ новыхъ идей, и отъ наводненій. Мнѣ нужно такое убѣжище, такъ какъ я изгнанъ изъ родины, въ которой царствуютъ теперь ужасныя, позорныя идеи. Славная вещь свобода! Свобода Нидерландовъ ежедневно все болѣе и болѣе разоряетъ меня; свобода Франціи лишаетъ меня значительной части доходовъ и будетъ мнѣ стоить головы, если я вздумаю возвратиться. Славная вещь свобода! Она теперь въ надежныхъ рукахъ: ею завладѣли глупцы, считающіеся министрами короля, находящагося въ плѣну у черни, законодательствующіе попы, адвокаты, занимающіеся политикою, и молодые люди, которые не имѣютъ чѣмъ уплатить свои счеты портнымъ, а распоряжаются государственными долгами Франціи" [2]). Екатерина вполнѣ раздѣляла взгляды князя де-Линь на французскую революцію; она отвѣчала ему: „Мнѣ кажется, что „Мое убѣжище" гнѣздится очень высоко, если вы находите его недоступнымъ для нелѣпостей и свободы. Еслибъ я высказала все, что имѣю сказать объ этой свободѣ, вышелъ-бы еще толстый томъ! Если эта французская мода обратится въ эпидемію, то я поздравляю турокъ: сейчасъ-же по утвержденіи „правъ человѣка", они завоюютъ Европу и, съ саблею въ рукахъ, обратятъ всю

---

[1]) Сборникъ, XLII, 59, 82, 84; ср. XXIII, 483, 509.

[2]) Oeuvres, XXII, 92.

эту часть свѣта въ мусульманство, какъ совершилъ это, менѣе чѣмъ въ годъ, Капрули-паша въ Босніи" [1]).

Какъ только утихли волненія въ Бельгіи, князь де-Линь, въ 1791 году, торжественно въѣхалъ въ Монсъ, какъ верховный судья округа Геннегау. Мѣстные чины встрѣтили его обѣдомъ, концертомъ, баломъ; въ честь его декламировались стихи. Жители Монса знали, любили семью князей де-Линь и съ любовью проводили ее въ родной Бель-Эль. Все лѣто князья де-Линь, отецъ и сынъ, провели въ своемъ замкѣ, отдыхая отъ понесенныхъ трудовъ и испытанныхъ волненій. Не трудно было, однако, предвидѣть, что отдыхъ этотъ будетъ непродолжителенъ.

Французская революція ширилась и росла; ея идеи распространялись съ необыкновенною быстротою, ея задачи усвоивались съ поразительною легкостью. Французская мода, какъ эпидемія, заражала всѣхъ. Ея противники, эмигранты, разсѣевались все далѣе и далѣе отъ предѣловъ Франціи. Савойя, Швейцарія, Люксенбургъ и Бельгія стали первыми этапами эмиграціоннаго движенія; только позже потерявъ уже надежду на скорое возвращеніе, эмигранты начинаютъ появляться въ Англіи, Австріи, въ Польшѣ и, наконецъ, въ Россіи. Регентша Нидерландовъ, эрцгерцогиня Марія-Христина, была сестрою французской королевы; понятно, что она покровительствовала эмиграціи, состоявшей изъ приверженцевъ королевской власти. Иначе относился къ этому движенію преемникъ Іосифа II, императоръ Леопольдъ, и, тотчасъ по вступленіи на престолъ, онъ „рекомендовалъ" эрцгерцогинѣ Маріи-Христинѣ и тремъ курфюрстамъ—майнцкому, кельнскому и трирскому—не допускать эмигрантовъ до какихъ-либо политическихъ мѣропріятій, которыя могли-бы втянуть его въ войну съ Франціею. „Не вмѣшивайтесь ни во что, писалъ онъ, и не дѣлайте ничего ни для эмигрантовъ, ни для королевскихъ принцевъ, кромѣ обычныхъ вѣжливостей и пышныхъ обѣдовъ; не давайте имъ ни войскъ, ни денегъ" [2]). Онъ рѣзко отдѣлялъ дѣло французскаго короля отъ дѣла эмиграціи, нанося ущербъ тому и другому.

Князь де-Линь не любилъ Леопольда: онъ былъ противъ его итальянской системы притворства, и ему была ненавистна эгоистическая политика разсчета и личной выгоды. Онъ боготворилъ Марію Антуанету и приходилъ въ ужасъ при одной мысли о той

---

[1]) Сборникъ, XLII, 97.

[2]) Albert Sorel, Varennes et Pilnitz, въ Revue des Deux Mondes, 1880, V, 93.

опасности, которая угрожаетъ ей. Кн. де-Линь не только не скрывалъ, но всюду заявлялъ публично о своихъ симпатіяхъ къ королевскому дому Франціи. Въ Турнэ давали оперу „Ричардъ Львиное Сердце“; среди зрителей было много эмигрантовъ; когда теноръ запѣлъ: „Oh, Richard! oh, mon roi! l'univers t'abandonne“, князь де-Линь всталъ, зааплодировалъ и расплакался. Публика замѣтила эти слезы, вскочила съ своихъ мѣстъ и страшно рукоплескала, крича: „Vive le Roi! Vive le prince de Ligne“!

Вскорѣ, 16-го февраля 1792 г., Леопольдъ II умеръ. Въ коалиціи, сформировавшейся „для возстановленія порядка“ во Франціи, приняла участіе и Австрія. Генералъ-фельдцейхмейстеромъ австрійскихъ войскъ былъ герцогъ Альбертъ Саксенъ-Тешенскій, мужъ эрцгерцогини Маріи-Христины; генералиссимусомъ коалиціонныхъ войскъ—герцогъ Брауншвейгскій. Инженерный полковникъ, князь Карлъ де-Линь-сынъ, вступилъ въ отрядъ генерала графа Клерфэ, участвовалъ въ походѣ въ Шампань, противъ революціоннаго генерала Дюмурье, и такъ описывалъ положеніе дѣла: „Мы начинаемъ уже уставать отъ войны, которая, по словамъ господъ-эмигрантовъ, обѣщала намъ больше побѣдъ, чѣмъ сраженій. Намъ приходится имѣть дѣло съ армейскими полками, изъ которыхъ ни одинъ солдатъ не дезертируетъ, и съ ополченцами, которые стойко выдерживаютъ огонь; тѣ и другіе легко переносятъ всѣ военныя трудности. Даже крестьяне всѣ вооружены, стрѣляютъ въ насъ и убиваютъ всякаго, кто оплошаетъ, вздремнетъ, заблудится или зазѣвается. Съ тѣхъ поръ, какъ мы вступили во Францію, погода убійственная: каждый день проливной дождь, дороги непроходимы, наша артиллерія вязнетъ въ грязи. Къ тому-же почти голодъ. Съ неимовѣрными усиліями добываемъ мы хлѣбъ для солдатъ; мяса они давно уже не видѣли; даже офицеры остаются по недѣлямъ безъ горячей пищи. Наша обувь износилась, шинели перегнили, и уже много больныхъ солдатъ выбываетъ изъ строя. Всѣ деревни покинуты, и мы не находимъ въ нихъ ни зелени, ни муки, ни водки. Мы идемъ по мертвой и голодной пустынѣ; населеніе покинуло насъ на гибель. Ума не приложу, что̀ съ нами будетъ“ [1]). При первой-же серьезной стычкѣ съ французскими войсками князь де-Линь-сынъ былъ убитъ.

Князь-отецъ никогда уже не утѣшился, никогда не забылъ о смерти сына; самая жизнь опостыла ему, хотя онъ любилъ жизнь

---

[1]) Это письмо сына къ отцу было перехвачено французскимъ разъѣздомъ, переслано въ Парижъ, читано въ засѣданіи конвента и напечатано въ „Moniteur“, Séance de la Convention, jeudi soir 27 septembre 1792.

и умѣлъ пользоваться ею. „Десять лѣтъ спустя послѣ катастрофы, этотъ легкомысленный поэтъ, этотъ безпечный весельчакъ, не могъ безъ слезъ произнести имени своего сына“ [1]). Когда, вскорѣ затѣмъ, кн. де-Линь потерялъ все свое состояніе, онъ остался вполнѣ равнодушенъ къ этому несчастію. Какъ истый философъ, онъ писалъ: „Есть ужасное средство стать превыше всѣхъ ударовъ—оно покупается какою-либо весьма тяжелою утратою для сердца. Послѣ потери, особенно дорогой для сердца, никакія другія огорченія не могутъ уже опечалить — потеря состоянія, полное разореніе, преслѣдованія, несправедливость, все кажется незначительнымъ“.

Екатерина вполнѣ сочувствовала горю своего друга и, какъ могла, утѣшала его въ потерѣ сына. Въ сердечномъ письмѣ къ нему [2]), она очень деликатно касается послѣдняго, неполученнаго отцомъ, письма его сына: „Меня крайне удивляетъ, что ни дожди, ни грязь, ни недостатокъ продовольствія не препятствуютъ Кюстину, Дюмурье, Монтескью и Секеллю двигаться впередъ: отчего это однихъ дождь мочитъ, другихъ нѣтъ? почему одни вязнутъ въ грязи, другіе нѣтъ? Какимъ образомъ мятежники находятъ вездѣ фуражъ и провіантъ, а ихъ враги мрутъ съ голода?“

Когда появляется новая идея, она сперва подвергается осмѣянію, даже преслѣдованію, долго борется, съ трудомъ вербуя себѣ прозелитовъ, но потомъ, укореняясь все болѣе и болѣе въ умахъ, растетъ, развивается и, въ концѣ концовъ, покоряетъ своихъ враговъ и становится общимъ достояніемъ. Ко времени Екатерины и князя де-Линь, основная идея большой французской революціи, болѣе вѣка уже назрѣвавшая въ умахъ, прошла въ сознаніе народныхъ массъ и, какъ эпидемія, по мѣткому выраженію Екатерины, заражала всѣхъ, воодушевляя своихъ приверженцевъ на борьбу со старымъ, установившимся порядкомъ. Вотъ почему екатерининскіе „мятежники“ не мокнутъ подъ дождемъ, не вязнутъ въ грязи, находятъ фуражъ и провіантъ тамъ, гдѣ представители отживающихъ началъ голодаютъ. Екатерина не понимала этого, несмотря на уроки гр. Н. И. Панина, которые она усвоила вполнѣ своеобразно, запомнивъ слова, но придавая имъ несвойственное толкованіе. „Графъ Панинъ, писала она въ 1793 году, говаривалъ: „Короли суть необходимое зло, безъ котораго нельзя обойтись“, и когда я жаловалась, что то или другое дѣлается не такъ, какъ было-бы жела-

---

[1]) Ouvaroff, p. 20.

[2]) Сборникъ, XXIII, 579; XLII, 230; Храповицкій, 414.

тельно, прибавлялъ: „На что вы жалуетесь? Если-бы все въ этомъ мірѣ шло, какъ слѣдуетъ, не было-бы надобности и въ васъ“ [1]).

Князь де-Линь, какъ воинъ въ душѣ, объяснялъ всѣ неудачи коалиціи неспособностью военачальниковъ. „Я никогда не похвалялся числомъ сраженій, мною выигранныхъ, и геройскими подвигами двѣнадцати моихъ кампаній; но я смѣялся и плакалъ, видя во главѣ нашихъ армій въ Италіи и Нидерландахъ четверыхъ невѣждъ, которые были нѣкогда подъ моею командою и которымъ, за исключеніемъ Клерфэ, я никогда не довѣрилъ-бы и трехъ баталіоновъ. Да, изъ всѣхъ политическихъ маріонетокъ, появившихся на театрѣ войны, лучшею былъ-бы все-таки Клерфэ, если-бы боязнь отвѣтственности не парализовала всѣхъ его способностей“. Императрица Екатерина вполнѣ раздѣляла взглядъ своего друга. Въ своихъ письмахъ, она не щадитъ никого изъ предводителей этой войны, не исключая ни герцога Брауншвейгскаго, ни принца Альберта.

„Движеніе герцога Брауншвейгскаго—какой позоръ, какая нелѣпость! Вшивая Шампань станетъ теперь плодоносною отъ того навоза, который въ ней тамъ оставили. Боже мой, Боже мой, какъ дурно повели эти братья и свои дѣла, и чужія!... Но эти несчастные принцы, братья французскаго короля, эти эмигранты, что станется съ ними? Я о нихъ только и думаю, да о томъ, какъ-бы исправить позоръ и безчестіе высокихъ союзниковъ, особенно-же двухъ братьевъ... А эта дорогая „золотая булла“, этотъ паладіумъ Германіи. Гадкій Кюстинъ уничтожитъ ее. И это еще ничего-бы, но уничтоженіе трехъ духовныхъ курфюрстовъ! Но чего-же смотрятъ эти Донъ-Кихоты Германіи? Они разоряются на содержаніе своихъ армій, хрипнутъ надъ ихъ муштровкою, и какъ только представляется надобность пустить ихъ въ дѣло, эти свѣтлѣйшія высочества обращаются въ бѣгство, одни или со своими войсками... О, я такъ зла на нѣкоторыя личности, что съ удовольствіемъ надавала-бы имъ пощечинъ! А свѣтлѣйшій ландграфъ Гессенъ-Дармштадтскій, сохраняющій съ своимъ войскомъ въ Гиссенѣ нейтралитетъ относительно Франціи въ своемъ собственномъ дѣлѣ? Вотъ оселъ-то! Казалось, онъ долженъ-бы голову сложить за свое-же дѣло—такъ нѣтъ: онъ и его безполезныя войска умираютъ со

---

[1]) Сборникъ, XXIII, 584. Эту-же мысль высказала Екатерина въ письмѣ князю де-Линь, въ 1791 году: Si chacun faisait son devoir, on n'aurait besoin ni de nous autres, ni de nos employés. Сборникъ, XLII, 215.

страху въ Гиссенѣ! Вотъ достойный герой того времени, въ которое мы живемъ" [1]).

Екатерининскій герой, князь де-Линь не могъ теперь ни служить родинѣ, ни отомстить смерть сына—онъ былъ въ отставкѣ, не у дѣлъ. Чтобъ развлечься, онъ сталъ писать свои „Mémoires militaires et sentimentaires" и издалъ 32 тома. Въ одномъ изъ первыхъ томовъ помѣщенъ „Coup d'oeil sur les jardins de l'Europe". Посылая это произведеніе Екатеринѣ, онъ писалъ: „Если ваше величество удивитесь, что я занимаюсь теперь травами, вмѣсто лавровъ, я скажу вамъ, что травы доступнѣе—вотъ уже два года, какъ лавровъ нѣтъ. Я съ удовольствіемъ занялся-бы и лаврами, но, кажется, я умеръ вмѣстѣ съ Іосифомъ II, воскресъ было, но захворалъ вмѣстѣ съ фельдмаршаломъ Ласси, чтобъ умереть вмѣстѣ съ Лаудономъ" [2]).

Принужденный разстаться съ „идоломъ, столь дорогимъ его сердцу"—съ военнымъ дѣломъ, кн. де-Линь грустилъ, и эта печальная нота звучитъ во всѣхъ его писаніяхъ. Но ни въ одномъ письмѣ ни разу не упоминаетъ онъ о томъ, что французское правительство конфисковало всѣ его бельгійскія земли, что онъ потерялъ все свое имущество. Къ своему раззоренію онъ отнесся съ философскимъ равнодушіемъ. Когда бывшій его секретарь Легро спросилъ о состояніи его денежныхъ дѣлъ, кн. де-Линь отвѣчалъ ему: „Я никогда прежде не спрашивалъ у васъ, завѣдывавшихъ моими дѣлами, о положеніи моихъ матерьяльныхъ средствъ; теперь вы спрашиваете у меня—извольте, я вамъ скажу. Балы на 300 человѣкъ, обѣды на 400, постановка моей оперы „Samnites", постройка театра—я никогда не спрашивалъ, что̀ это можетъ стоить. Что значили для меня какіе-нибудь 400 или 500 дукатовъ, какъ знакъ любви къ Монсу, дружбы съ графомъ д'Артуа, уваженія къ королю?... Теперь-же, желая угостить пріятеля чаемъ, я приказываю слугѣ воздержаться отъ печенья и фруктовъ, ограничиваясь, въ крайнемъ случаѣ, сливами, такъ какъ онѣ дешевы въ Вѣнѣ. Но меня тѣшитъ моя убогость и я смѣюсь надъ своею вынужденною скупостью" [3]).

---

[1]) Сборникъ, XXIII, 578—580.

[2]) Oeuvres, XXII, 77.

[3]) Этой убогости обязаны мы появленіемъ его сочиненій въ печати. „Я издаю, я печатаю много; но къ этому побуждаетъ меня нужда, auri sacra fames—революція лишила меня всѣхъ средствъ къ жизни. Я продалъ, чтобъ прокормиться, свои картины, продалъ свою посуду, теперь продаю свой умъ". Oeuvres, XI, 131.

Екатерина знала, что кн. де-Линь потерялъ бо̀льшую часть, если не все свое состояніе. Въ одномъ изъ своихъ милыхъ, любезныхъ писемъ къ нему, императрица, не намекая даже своему „старому другу“ на его стѣсненное матерьяльное положеніе, но желая оказать ему помощь, „усердно проситъ“ его продать земли въ Тавридѣ и на берегу Днѣпра, нѣкогда ею-же пожалованныя князю, такъ какъ „фельдцейхмейстеръ графъ Зубовъ страшно желаетъ пріобрѣсть ихъ“. Князь де-Линь понялъ милость императрицы, но, соглашаясь на продажу своихъ таврическихъ земель, онъ поставилъ условіемъ, чтобъ скала, на которой онъ начертилъ при ней-же Catherine le Grand, навсегда сохранила названіе Rocher de Ligne. Это условіе было принято и Екатерина писала ему: „Господинъ таврическій генералъ-губернаторъ графъ Зубовъ передастъ вамъ деньги, полученныя отъ продажи Пароеницы и Нисциты; не знаю, употребитъ-ли онъ для этого дѣла еврея, пользующагося вашимъ довѣріемъ, или этотъ еврей умеръ и погребенъ“ [1]).

Матерьяльное раззореніе ни мало не отразилось на состояніи духа князя де-Линь. Его письма къ Екатеринѣ также веселы, остроумны, полны прежняго смысла и прежнихъ взглядовъ. „Великіе люди, какъ шпаги, такъ и пера, пишетъ онъ въ 1792 году, являются только въ монархіяхъ. Я не вижу ихъ въ республикахъ, тѣмъ менѣе во время анархіи. Суллы и Маріи являлись въ Римѣ, порабощенномъ, несвободномъ; Сципіоны были аристократы; Периклъ былъ почти царь. Горацій и Виргилій испугались-бы республики и ничего не написали-бы. Еслибъ Монтэнь или Лафонтенъ жили въ наше время, они первые были-бы повѣшены“ [2]). Годъ спустя, въ 1793 году, онъ такъ опредѣлилъ смыслъ царствованія Екатерины II: „Ваше величество нашли въ мастерской Петра Великаго нѣсколько строительнаго матерьяла, заготовленнаго, но не употребленнаго еще въ дѣло. Вы воздвигли изъ этого матерьяла зданіе, прибавивъ къ нему свой матерьялъ, и, при помощи невидимыхъ нитей, пустили въ ходъ огромную машину. Машина въ ходу, и вамъ остается только смазывать колеса“ [3]). Почти одними и тѣми-же словами, по крайней мѣрѣ въ одинаковыхъ выраженіяхъ, отзывались они, кн. де-Линь и императрица Екатерина, о французской революціи: „Греція имѣла своихъ мудрецовъ, пишетъ кн. де-Линь, но ихъ было только семь; во Франціи-же 1200 депутатовъ, полу-

---

[1]) Госуд. Архивъ, III, 145; Oeuvres, XXII, 106; Сборникъ, XLII, 235.

[2]) Oeuvres, XXII, 104.

[3]) Ibid., 81.

чающихъ по 18 франковъ въ день и служащихъ посмѣшищемъ Европы. Они лишены знанія, эти ремесленники, работающіе для своихъ личныхъ интересовъ, эти пустые болтуны, думающіе быть законодателями" [1]). Вспоминая о національномъ собраніи, Екатерина выражается такъ: „Изъ 1.200 депутатовъ-законодателей довольно повѣсить нѣсколькихъ—остальные сами разбѣгутся; отнимите у нихъ 18 франковъ въ день жалованья, и они пойдутъ, какъ поденщики, зарабатывать себѣ кусокъ хлѣба" [2]). Князь де-Линь былъ убѣжденъ и предсказывалъ, что „явится какой-нибудь принцъ или диктаторъ", который разгонитъ анархистовъ, взойдетъ на тронъ Франціи и возстановитъ въ ней спокойствіе и порядокъ; Екатерина называла диктатора Цезаремъ и писала: „Когда-же явится этотъ Цезарь? О, онъ явится, не сомнѣвайтесь, и Франція, послушная и тихая, какъ ягненокъ, подчинится его волѣ" [3]).

Князь де-Линь, переживщій короля Фридриха II и императора Іосифа, похоронившій своего единственнаго сына, оплакавшій страшную смерть Маріи-Антуанеты, имѣлъ несчастіе услышать и о кончинѣ [4]) Екатерины II. Онъ искренно уважалъ, сердечно былъ привязанъ къ великой императрицѣ, къ любезной женщинѣ, и вѣсть о смерти ея глубоко поразила его. Теперь, когда ея не стало, онъ припомнилъ всѣ, даже мелкія подробности ея жизни, ея взглядовъ, ея мнѣній; она, какъ живая, встала передъ нимъ, и онъ набросалъ:

Портретъ Екатерины II.

„Екатерины Великой (надѣюсь, Европа утвердитъ это наименованіе, мною ей данное), Екатерины Великой не стало. Страшно произнесть эти слова. Вчера я не могъ-бы написать ихъ; но теперь, безъ всякаго стѣсненія, я представлю ея изображеніе. Этотъ набросокъ, вѣрнѣе—собраніе незначительныхъ замѣтокъ, вовсе не имѣетъ притязанія на историческій очеркъ; я сообщаю ихъ только для того, чтобы по нимъ можно было составить, хотя приблизительно, похожій портретъ ея, и такъ, какъ онѣ приходятъ теперь мнѣ въ голову, чтобъ удовлетворить сердце, еще потрясенное этимъ ужаснымъ событіемъ.

„Ея внѣшность извѣстна по портретамъ и описаніямъ, почти всегда довольно вѣрнымъ. Шестнадцать лѣтъ назадъ, она была еще

---

[1]) Ibid., 92, 125.

[2]) Сборникъ, XXIII, 476, 488, 500.

[3]) Oeuvres, XXII, 126; Сборникъ, XLII, 503, 592, 613.

[4]) Voyage philosophique à ma chaise percée. Oeuvres, XXI, 115.

очень хороша. Было видно, что она была скорѣе мила, чѣмъ красива: глаза и пріятная улыбка уменьшали ея большой лобъ, но этотъ лобъ былъ все. Не будучи Лафатеромъ, въ немъ, какъ въ книгѣ, сказывался геній, справедливость, точность, смѣлость, глубина, ровность, нѣжность, спокойствіе и твердость; ширина лба свидѣтельствовала о развитіи памяти и воображенія. Было видно, что въ этомъ лбѣ всему было мѣсто. Ея подбородокъ, нѣсколько острый, не выдавался впередъ, не откидывался назадъ, и имѣлъ благородную форму [1]). Вслѣдствіе этого, овалъ ея лица не вырисовывался ясно, но долженъ былъ весьма нравиться, такъ какъ прямота и веселость сказывались на устахъ. Она должна была отличаться свѣжестью и высокою грудью, которая развилась въ ущербъ таліи, слишкомъ тонкой; но въ Россіи скоро тучнѣютъ. Лицо у нея было чистое, и еслибъ она не задирала такъ волосъ, которые должны-бы спускаться ниже и окружать ее лицо, она была бы еще милѣе.

„Вовсе не замѣчалось, что она была мала ростомъ. Она спокойно сказала мнѣ, что въ молодости была чрезвычайно жива, чего никакъ нельзя было подумать. Входя въ залъ, она всегда дѣлала одни и тѣ-же три, по русскому обычаю, мужскихъ поклона: одинъ направо, одинъ налѣво и одинъ прямо. Все у нея было размѣрено и методично. У нея было особое искусство слушать и такая привычка владѣть собою, что, казалось, она слушаетъ и тогда, когда думаетъ совсѣмъ о другомъ. Она не говорила для того, чтобъ только говорить, и внимательно выслушивала тѣхъ, которые съ ней говорили. Тѣмъ не менѣе, императрица Марія Терезія была очаровательнѣе и обольстительнѣе ея. Она болѣе плѣняла и увлекала съ перваго взгляда, увлекаясь сама желаніемъ нравиться всѣмъ вообще и своею миловидностью, доставлявшею ей всѣ средства нравиться. Наша императрица сразу очаровывала; всероссійская постепенно увеличивала первое впечатлѣніе, менѣе сильное. Она походила на нашу въ томъ, что и крушеніе вселенной застало-бы ихъ impavidas ferient ruinae [2]); ничто въ мірѣ не могло принудить ихъ къ уступкамъ. Ихъ великія души были закалены противъ превратностей. Восторгъ предшествовалъ одной и слѣдовалъ за другою.

„Если-бы полъ Екатерины Великой дозволилъ ей проявить дѣятельность мужчины, который можетъ все видѣть самъ, всюду являться, входить во всѣ подробности, въ ея имперіи не было-бы ни одного

[1]) Oeuvres, XXII, 91; Сборникъ, XLII, 96.
[2]) Impavidum ferient ruinae. Horat., l.. III, od. III, v. 8.

злоупотребленія. За исключеніемъ этихъ мелочей, она была, безъ сомнѣнія, болѣе великою, чѣмъ Петръ I, и никогда не заключила-бы позорную прутскую капитуляцію. Императрицы-же Анна и Елизавета, напротивъ, были-бы посредственными мужчинами, а какъ женщины, царствованіе ихъ было не безъ славы [1]). Екатерина совокупила въ себѣ ихъ качества съ тѣми достоинствами, которыя сдѣлали ее скорѣе созидательницею, чѣмъ самодержицею своей имперіи. Въ политикѣ она была болѣе великою, чѣмъ обѣ эти императрицы, никогда ничѣмъ не рисковала, какъ Петръ В., и никогда не имѣла ни одной неудачи, ни какъ побѣдительница, ни какъ умиротворительница.

„Императрица имѣла все хорошее, т. е. все великое, Людовика XIV. Ея великолѣпіе, ея праздники, пенсіи, покупки, ея пышность уподоблялись ему. Дворъ ея былъ, однако, лучше, такъ какъ въ немъ не было ничего театральнаго, ничего преувеличеннаго. Но смѣсь богатыхъ одеждъ воинскихъ и азіатскихъ болѣе чѣмъ тридцати національностей производила также впечатлѣніе. Людовикъ считалъ себя, по меньшей мѣрѣ, nec pluribus impar и Александромъ, сыномъ Юпитера-Аммона. Изреченія Екатерины были, конечно, драгоцѣнны, но она не кичилась ими. Она вовсе не искала внѣшняго поклоненія. Видъ Людовика устрашалъ, Екатерины—ободрялъ. Слава опьяняла Людовика; Екатерина стремилась къ ней, распространяла свою славу, не теряя при этомъ головы, хотя было отчего, среди постоянныхъ очарованій нашего торжественнаго и романическаго путешествія въ Тавриду: въ виду сюрпризовъ, эскадръ, эскадроновъ, иллюминацій на десятки верстъ, очаровательныхъ дворцовъ и садовъ, въ одну ночь для нея созданныхъ, видя у ногъ своихъ господарей Валахіи, властителей Кавказа, лишенныхъ трона, и цѣлыя фамиліи гонимыхъ принцевъ, явившихся просить у нея помощи или убѣжища. Она не только не потеряла головы отъ всего этого, но, посѣтивъ поле полтавскаго боя, сказала мнѣ; „Вотъ отъ чего зависитъ судьба государствъ—одинъ день рѣшаетъ ее! Безъ той ошибки, которую сдѣлали шведы и на которую вы обратили мое вниманіе, господа, мы не были-бы здѣсь".

„Ея императорское величество говорила о роли, какую должно играть въ свѣтѣ, но хорошо знала, что это не болѣе, какъ роль. Вслѣдствіе своего вѣрнаго сужденія, она хорошо исполнила-бы всякую роль, въ какомъ-бы состояніи и при какихъ обстоятельствахъ ей не пришлось-бы играть ее. Но роль императрицы наиболѣе шла

---

[1]) Oeuvres, XXVI, 249.

къ ея лицу, къ ея походкѣ, къ возвышенности ея души и къ необъятности ея генія, столь-же обширнаго, какъ и ея имперія. Она знала себя и умѣла цѣнить другихъ. Людовикъ при выборѣ людей руководствовался счастіемъ и благоволеніемъ; Екатерина—собственнымъ ихъ испытаніемъ и назначала каждаго на подобающее ему мѣсто. Однажды она сказала мнѣ: „Я часто смѣюсь про себя, видя безпокойство инаго генерала или министра, когда я милостиво обхожусь съ его врагами. Они его враги, но не мои, говорю я себѣ; я пользуюсь ихъ услугами, потому что они имѣютъ дарованіе, и я смѣюсь надъ людьми, воображающими, что я не стану пользоваться услугами лицъ, имъ непріятныхъ". Часто она уравновѣшивала довѣріе къ однимъ степенью довѣрія къ другимъ, вслѣдствіе чего, тѣ и другіе усугубляли свое рвеніе и становились болѣе осторожными. Зная всѣ эти ея способы пользоваться услугами другихъ и не позволять руководить собою, я писалъ ей однажды: „О петербургскомъ кабинетѣ такъ много говорятъ, между тѣмъ, это самый маленькій, размѣромъ въ нѣсколько вершковъ: отъ одного виска до другаго и отъ корня носа до корней волосъ".

„Уѣзжая изъ одного губернскаго города, императрица, даже садясь въ карету, продолжала благодарить, раздавать награды и подарки. „Ваше величество, сказалъ я, кажется, очень довольны всѣми этими господами".—„Ничуть, отвѣчала она мнѣ, но я хвалю громко, а браню тихо" [1]).

„Она всегда говорила умно, дѣльно—я могъ-бы привести тысячи примѣровъ, но никогда не острила. „Не правда-ли, сказала она мнѣ однажды, вы не слышали отъ меня ни одной остроты? Вы не ожидали, чтобъ я была такъ тупа?" Я отвѣчалъ, что, дѣйствительно, я предполагалъ, что, заговоривъ съ нею, должно держать ухо востро, что она все себѣ позволяетъ и что ея разговоръ—одинъ фейерверкъ, но что мнѣ больше нравится ея небрежный разговоръ, причемъ ея выраженія становятся возвышенными лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣчь заходитъ о какихъ-либо важныхъ подвигахъ въ исторіиили въ государственномъ управленіи, о чертахъ величія о высокихъ чувствахъ.

„Какою вы представляли себѣ меня"? спросила она. Я отвѣчалъ: „Высокою, крѣпкою, глаза какъ звѣзды, съ пышными фижмами". Она много смѣялась и часто попрекала меня этимъ. „Я полагалъ, прибавилъ я, что вамъ можно только удивляться, а постоянное удивленіе очень скучно". Она была особенно интересна тою проти-

[1]) Oeuvres, XXII, 97.

воположностью, которая замѣчалась между простотою ея рѣчи и величіемъ ея дѣлъ. Она любила смѣяться, и смѣялась по поводу всякой мелочи, даже по поводу глупости; нерѣдко пустякъ занималъ ее. Она любила всякую шутку и пользовалась ею иногда очень оригинально. Я разсказалъ ей какъ-то, что, желая отдѣлаться отъ упрековъ одной петербургской дамы, будто я былъ неразговорчивъ на ея вечерѣ, я сказалъ, что сейчасъ только получилъ извѣстіе, что тетка, которая меня воспитала, при смерти, и императрица, скучая на большихъ выходахъ, иногда говорила мнѣ: „я чувствую, что мой дядя умираетъ". Я слышалъ, какъ стоявшіе сзади меня шептали: „надо ожидать траура при дворѣ"; послѣ чего всѣ искали этого дядю въ альманахахъ и, конечно, не находили".

„Неправда-ли, говорила она мнѣ, я была-бы, съ моимъ умишкомъ, очень жалка въ Парижѣ? Я убѣждена, что явись я туда, какъ другія русскія путешественницы, мнѣ никто не предложилъ-бы ужина"? Говоря мнѣ о себѣ, она называла себя „ваша непоколебимая", потому что, разговаривая какъ-то о качествахъ души, я сказалъ, что это отличительное качество ея души. Это слово забавляло ее; она произносила его съ разстановкою, цѣлую четверть часа, и чтобъ удлинить его еще, говорила: „и такъ, я отличаюсь непоколебимостью".

„Что-же дѣлать, говорила императрица, M-lle Кардель не многому меня научила. Это была одна изъ старыхъ французскихъ гувернантокъ, покинувшихъ родину. Она меня, однако, достаточно подготовила для брака съ кѣмъ-нибудь изъ сосѣдей. Ни г-жа Кардель, ни я, мы не ожидали ничего подобнаго".

„Въ одномъ изъ писемъ ко мнѣ, во время послѣдней войны со Швеціею, она писала: „Ваша непоколебимая пишетъ вамъ при громѣ пушекъ, отъ котораго окна дрожатъ въ моей резиденціи" [1]). Я ничего не видѣлъ столь дѣльнаго и столь быстро приведеннаго въ исполненіе, какъ писанныя ея рукою диспозиціи для этой вполнѣ неожиданной войны. Она прислала ихъ кн. Потемкину, во время нашей осады Очакова. Внизу была приписка: „Хорошо-ли я сдѣлала, учитель?" [2]).

„Императрица всегда признавала себя невѣждою. Однажды, когда она очень ужъ приставала съ этимъ, я, доказавъ, что она знаетъ Перикла, Ликурга, Солона, Монтескье, Локка, лучшія времена Аѳинъ, Спарты, Рима, новѣйшей Италіи и исторію всѣхъ

---

[1]) Сборникъ, XLII, 81, 90. Votre imperturbable — императрица, не Л. Нарышкинъ. Oeuvres, XXII, 95.

[2]) Это-же встрѣчается въ письмахъ. Сборникъ, XXVII, 520, 523.

странъ, сказалъ ей: „Если ужъ вашему величеству такъ хочется, я скажу о васъ то, что слуга Гриффэ говорилъ мнѣ о своемъ господинѣ, котораго онъ обвинялъ за то, что онъ вѣчно терялъ свою табакерку, перо, платокъ: „Повѣрьте мнѣ, мой баринъ вовсе не такой, какимъ вы его представляете себѣ; кромѣ своей науки, онъ ничего не знаетъ“.

„Императрица пользовалась своимъ притязаніемъ на невѣжество [1]), чтобъ глумиться надъ докторами, академіями, людьми полуобразованными и ложными знатоками. Я соглашался съ нею, что она не имѣла понятія ни въ живописи, ни въ музыкѣ; однажды я доказалъ ей, даже больше чѣмъ она желала, что въ ея постройкахъ нѣтъ вкуса. „Сознайтесь, сказала она мнѣ, показывая свой новый дворецъ въ Москвѣ, что это великолѣпная анфилада“. — „Это, отвѣчалъ я, прекрасно для лазарета, но для резиденціи это очень дурно: двери для каждой комнаты очень высоки и, не смотря на то, они по необходимости слишкомъ малы для такого длиннаго ряда комнатъ, которыя, какъ въ вашемъ Эрмитажѣ, всѣ походятъ одна на другую“.

„Не смотря на нѣкоторые архитектурные недостатки и на извѣстный ея вкусъ къ домамъ готической постройки, воздвигнутыя при ней казенныя и частныя постройки сдѣлали Петербургъ красивѣйшимъ городомъ въ мірѣ. Она собрала въ своей столицѣ образцовыя произведенія искусствъ. Она похвалялась своими познаніями въ медальерномъ искусствѣ, но объ этомъ я судить не могу.

„Когда, во время плаванія по Днѣпру, графъ Сегюръ и я старались научить ее стихосложенію, чему сильно препятствовало ея анти-музыкальное ухо, она сказала намъ: „Вы видите, господа, вы меня хвалите въ общемъ, но, касаясь подробностей, вы сами находите меня ничего незнающею“. На это я ей замѣтилъ, что въ одной, по крайней мѣрѣ, она очень сильна“. — „Въ какой-же это?“—„Въ твердомъ намѣреніи, въ рѣшимости“.—„Этого-то ужъ я рѣшительно не понимаю“. — „Все, что ваше величество говорите, приказываете, преобразуете, начинаете и оканчиваете, все въ мѣру и въ пору“.—„Быть можетъ, сказала она, оно дѣйствительно имѣетъ такой видъ; но посмотримъ на сущность дѣла. Князю Орлову обязана я блескомъ одной стороны моего царствованія, такъ какъ онъ присовѣтовалъ послать мой флотъ въ Архипелагъ. Князю Потемкину обязана я Тавридою и изгнаніемъ всѣхъ татарскихъ

---

[1]) Oeuvres, XXII, 86, 93.

ордъ, всегда угрожавшихъ имперіи. Можно только сказать, что я воспитала этихъ господъ. Фельдмаршалу Румянцеву обязана я побѣдами. Я сказала ему: „Господинъ фельдмаршалъ, дѣло доходитъ до драки—лучше побить, чѣмъ быть побитымъ". Михельсону обязана я поимкою Пугачева, который едва не забрался въ Москву, а можетъ быть и далѣе. Повѣрьте, господа, я только пользуюсь счастьемъ; если мною хоть немного довольны, то потому что я тверда и ровна въ моихъ правилахъ. Моимъ служащимъ я предоставляю много власти; если ею злоупотребляютъ въ отдаленныхъ провинціяхъ, пограничныхъ съ Персіею, Турціею и Китаемъ, тѣмъ хуже для нихъ, и я стараюсь узнавать о такихъ личностяхъ. Знаю, они говорятъ: „Богъ и императрица наказали-бы насъ, но до Бога высоко, до царя далеко". Таковы, однако, мужчины; а я, вѣдь, женщина". Она мнѣ говорила также: „Меня отдѣлываютъ ловко въ вашей Европѣ. Давно уже говорятъ, что я раззоряюсь, что я слишкомъ много трачу. Однако, мое маленькое хозяйство [1]) идетъ себѣ своимъ путемъ". Она любила это выраженіе, и когда хвалили ея порядокъ и время въ распредѣленіи работы, она часто говорила: „надобно-же порядочно вести свое маленькое хозяйство".

„Слова о томъ, что она „воспитала этихъ господъ", напоминаютъ мнѣ фаворитовъ, которые при отдохновеніи или при участіи въ ея трудахъ пользовались ея полнымъ довѣріемъ и даже жили въ ея дворцѣ. Сила ея ума сказывалась и въ томъ, что ошибочно называютъ слабостью сердца. Фавориты никогда не имѣли ни власти, ни кредита; но тѣ изъ нихъ, которые были пріучены къ государственнымъ дѣламъ самою императрицею и испытаны въ тѣхъ дѣлахъ, къ которымъ предназначались, бывали ей весьма полезны. Этотъ выборъ, всегда дѣлавшій честь обѣимъ сторонамъ, давалъ право говорить правду и быть выслушиваемымъ. Такъ, я видѣлъ, какъ графъ Мамоновъ пользовался этимъ правомъ, готовый пожертвовать для него своею милостью; я слышалъ, какъ онъ противорѣчилъ императрицѣ, оспаривалъ ея мнѣніе, защищалъ свои взгляды, настаивалъ; я замѣчалъ, что императрица была этимъ очень довольна, восхищаясь его правдивостью, честностью, его стремленіемъ творить добро по мѣрѣ силъ.

„Она говорила мнѣ: „Моя кажущаяся расточительность есть бережливость; все остается въ странѣ и, спустя нѣкоторое время, возвращается ко мнѣ-же. У меня еще есть кой-какія средства, но

---

[1]) Oeuvres, XXII, 91.

такъ какъ вы говорили мнѣ, что продадите, проиграете или потеряете дорогіе брильянты, если я дамъ ихъ вамъ, то вотъ всего лишь на сто рублей брильянтовъ, которыми окруженъ мой портретъ въ этомъ перстнѣ".

„Она обладала всевозможными способами дарить, сверхъ щедрости, свойственной ей, какъ великой и могущественной государынѣ: она дарила по великодушію, какъ прекрасная душа; по благотворительности, какъ душа добрая; изъ состраданія, какъ женщина; въ благодарность, какъ мужчина, желающій, чтобъ ему хорошо служили. Не знаю, участвовалъ-ли при этомъ ея умъ или ужъ таково было ея сердце, но она всему придавала своеобразный видъ. Такъ, напримѣръ, она писала Суворову: „Вы знаете, что я никогда не повышаю не въ очередь—я неспособна обижать болѣе старшихъ: но завоеваніемъ Польши вы сами произвели себя въ фельдмаршалы" [1]).

„Во время путешествія, она всегда носила табакерку съ портретомъ Петра I и говорила мнѣ: „Это чтобъ спрашивать себя ежеминутно, что приказалъ-бы онъ, что запретилъ-бы, что сдѣлалъ-бы, еслибъ былъ на моемъ мѣстѣ" [2]). Она увѣряла меня, что, кромѣ удовольствія, которое Іосифъ II доставлялъ намъ своимъ присутствіемъ, она любитъ его особенно за нѣкоторое сходство его съ Петромъ I: какъ и Петръ, Іосифъ дѣятеленъ, жаждетъ всему научиться и научить другихъ, и всецѣло преданъ своему государству. „У него умъ серьезный, говорила мнѣ она, но въ то-же время пріятный; онъ вѣчно занятъ полезными предпріятіями и его голова постоянно работаетъ". Горе людямъ несправедливымъ, не умѣвшимъ оцѣнить его.

„Императрица очень была любима своимъ духовенствомъ, не смотря на то, что она уменьшила его богатства и ограничила власть. Когда Пугачевъ, во главѣ своихъ разбойниковъ, рыскалъ по деревнямъ, врываясь съ обнаженною саблею въ сельскіе храмы Божіи, одинъ священникъ, взявъ Св. Дары, подошелъ къ Пугачеву и громко сказалъ ему: „Умножь свое преступленіе, злодѣй, убей меня, съ Тѣломъ Христовымъ въ рукахъ, отруби мою голову: я только-что молился за нашу матушку-императрицу".

„Въ присутствіи императрицы нельзя было говорить ничего дурнаго ни о ПетрѣI, ни о Людовикѣ XIV, какъ, равнымъ образомъ, ни малѣйшаго слова противъ религіи или нравственности. Едва можно было позволить себѣ какой-либо намекъ, и то крайне

[1]) Госуд. Архивъ, V, 116; Архивъ Сената, т. 178, л. 1.
[2]) Oeuvres. XXIV, 4, 10.

скрытно, причемъ она улыбалась въ душѣ. Она сама не позволяла себѣ никакихъ насмѣшекъ ни надъ религіею или нравственностью, ни надъ личностями, и если позволяла себѣ иногда шутку, то лишь въ присутствіи того, къ кому относилась эта шутка, всегда столь добродушная, что доставляла ему-же удовольствіе. Она едва простила мнѣ одно замѣчаніе насчетъ Людовика XIV, сдѣланное во время прогулки съ нею въ Царскомъ Селѣ. „По крайней мѣрѣ, сказалъ я ей, ваше величество согласитесь, что этому великому королю для его прогулокъ требовались прямыя аллеи, въ 120 шаговъ ширины, рядомъ съ такимъ-же каналомъ: онъ не имѣлъ понятія, какъ вы, о тропинкѣ, ручейкѣ, лужайкѣ".

„Я имѣлъ случай замѣтить ея самообладаніе. Передъ въѣздомъ въ Бахчисарай, двѣнадцать лошадей оказались слишкомъ слабыми, чтобъ сдержать на спускѣ нашу большую шестимѣстную карету и понесли, вѣрнѣе, были унесены ею. Можно было опасаться, что мы сломимъ себѣ шею. Я гораздо болѣе испугался-бы, еслибъ не наблюдалъ за императрицею, испугалась-ли она. Она сидѣла также спокойно, какъ за завтракомъ, который мы только-что покинули.

„Она была очень разборчива на чтеніе. Она не любила ничего грустнаго, чувствительнаго и претендующаго на остроуміе. Она любила произведенія Лесажа, Мольера, Корнеля. „Расинъ мнѣ не нравится, говорила она, кромѣ его Митридата". Раблэ и Скарронъ заставляли ее нѣкогда смѣяться, но она объ нихъ не вспоминала болѣе. Она скоро забывала все пустое, малоинтересное, но всегда помнила то, что интересовало ее. Она любила читать Плутарха въ переводѣ Аміо, Тацита Амело де ла Гуссэ и Монтэня. „Я Сѣверная Галла, говорила она мнѣ, и понимаю только старо-французскій языкъ, новаго не понимаю. Я хотѣла воспользоваться вашими умными господами; я ихъ вызвала къ себѣ, я писала имъ, испытывала ихъ—они надоѣдали мнѣ и не понимали меня, кромѣ моего добраго покровителя Вольтера. Знаете-ли вы, что это онъ ввелъ меня въ моду. Онъ съ лихвою заплатилъ мнѣ за то, что я во всю мою жизнь любила читать его — онъ, шутя, многому научилъ меня".

„Только одинъ человѣкъ, призванный ея императорскимъ величествомъ, понравился ей своими государственными и литературными взглядами; она довѣряла и переписывалась съ нимъ до самой своей смерти. Я желаю ему продолжать „Исторію Россіи", которую онъ началъ и о которой императрица собственноручно писала ему разъясненія [1]).

[1]) Gabriel Senac de Meilhan 1736—1803. Oeuvres, XXII. 97; Сборникъ, XLII, 144 sqq.

„Императрица не любила и не знала новѣйшей литературы; она обладала болѣе логикою, чѣмъ риторикою. Легкія ея сочиненія, какъ, напримѣръ, комедіи, имѣли поучительную цѣль — осмѣяніе путешественниковъ, модниковъ, сектъ, особенно мартинистовъ, которыхъ она считала опасными. Всѣ ея письма ко мнѣ наполнены сильными, великими идеями, удивительно ясными, иногда однимъ словомъ произносящими осужденіе, особенно если что-либо въ Европѣ вызывало ея негодованіе; сверхъ того, они веселы, добродушны. Въ ея слогѣ больше ясности, чѣмъ легкости; ея серьезныя сочиненія весьма глубокомысленны. Ея Исторія Россіи стòитъ, по моему, хронологическихъ таблицъ президента Гено [1]); но мелкіе оттѣнки, прелесть подробностей, живость слога были чужды ей. У Фридриха II тоже не было живости въ слогѣ, но у него было остальное, и онъ болѣе писатель, чѣмъ Екатерина.

„Она мнѣ говорила иногда: „Вамъ хочется смѣяться надо мною, что-жъ я сказала?“ — „Старое французское слово, вышедшее изъ употребленія или неправильно произнесли слово. Ваше величество сказали, Baschante, напримѣръ, вмѣсто Bacchante“. Она обѣщала всегда исправиться, но вскорѣ-же опять давала поводъ смѣяться, въ родѣ того, какъ, играя на билліардѣ, заговорится съ кѣмъ-нибудь и эта милость ея позволитъ мнѣ выиграть съ нея двѣнадцать рублей.

„Самая большая скрытность ея заключалась въ томъ, что она не говорила всего, что думала и знала; но никогда подозрительное или коварное слово не выходило изъ ея устъ. Она была настолько горда, что не могла обманывать; когда-же она сама обманывалась, то, чтобъ выйти изъ затрудненія, полагалась на свое счастье и на превосходство свое надъ событіями, которыя она любила преодолѣвать. Ей являлись, однако, иногда мысли о превратностяхъ, постигшихъ конецъ царствованія Людовика XIV, но вскорѣ-же проходили, какъ облака. Только я одинъ слышалъ, какъ, получивъ послѣднее объявленіе турками войны, она, въ теченіе какой-нибудь четверти часа, смиренно сознавалась, что на свѣтѣ нѣтъ ничего вѣрнаго, что и слава и успѣхъ ненадежны [2]); но потомъ вышла изъ своихъ покоевъ съ такимъ свѣтлымъ, яснымъ взглядомъ, какъ и до пріѣзда курьера, и внушила всей своей имперіи увѣренность въ успѣхѣ.

„Я судилъ ее при жизни, какъ судили египетскихъ фараоновъ

---

[1]) Кн. де-Линь разумѣетъ „Записки касательно Россійской Имперіи“ и Abrégé chronologique de l'Histoire de France. par Hénault. dit le Président.

[2]) Oeuvres, XXIV, 12.

послѣ ихъ смерти [1]), причемъ я боролся съ невѣжествомъ и злобою, затмѣвающими часто историческія явленія. Въ противномъ случаѣ я потерялъ-бы прелесть ея бесѣды или, вѣрнѣе, не могъ-бы ею пользоваться. Гуманныя черты ея проявлялись ежедневно. Однажды она разсказала мнѣ слѣдующее: „Не желая будить прислугу слишкомъ рано, я сама развела огонь, такъ какъ было довольно холодно. Между тѣмъ, въ трубѣ отъ камина былъ трубочистъ, не ожидавшій, чтобъ я могла встать ранѣе половины шестого. Онъ сталъ кричать благимъ матомъ. Я тотчасъ-же погасила огонь и просила его извинить меня".

„Извѣстно, что она никогда почти не ссылала въ Сибирь, гдѣ, впрочемъ, ссыльные содержались довольно хорошо; она никогда и никого не присуждала къ смертной казни. Императрица часто просила судей смягчить ихъ приговоръ; она требовала разъясненій, хотѣла, чтобъ ей доказали, что она ошибается, и часто доставляла обвиняемымъ средства защиты. Я подмѣтилъ, однако, въ ней новый родъ злобы—ласковый взглядъ, иногда даже какое-либо благодѣяніе, чтобъ пристыдить тѣхъ, которыми она была недовольна, но заслуги которыхъ цѣнила, какъ, напримѣръ, относительно вельможъ, дурно отзывавшихся о ней. Вотъ примѣръ ея деспотизма: она запретила одному изъ лицъ высшаго общества жить въ собственномъ его домѣ. „Вы будете имѣть въ моемъ домѣ, сказала она ему, два раза въ день столъ на 12 персонъ; вы будете принимать у меня всѣхъ, кого любили принимать у себя—я запрещаю вамъ разоряться, но разрѣшаю дѣлать издержки, такъ какъ это доставляетъ вамъ удовольствіе".

„Клевета, не пощадившая прекраснѣйшую, нѣжнѣйшую, любезнѣйшую изъ королевъ, образъ мыслей и поведеніе которой я готовъ защищать всѣми силами, постарается, быть можетъ, покрыть укоризнами и могилу славнѣйшей изъ государынь. Клевета, вырвавшая цвѣты съ могилы Маріи-Антуанеты, захочетъ вырвать и лавры съ могилы Екатерины Великой. Самозванные собиратели анекдотовъ, памфлетисты, непризванные историки, люди пустые, злонамѣренные или коварные, захотятъ, быть можетъ, ради краснаго словца или изъ-за денегъ, умалить славу Екатерины. Но она восторжествуетъ, благодаря тому, что я самъ видѣлъ, путешествуя съ нею по Россіи—любви и восторгу ея подданныхъ, любви и восторгу ея солдатъ. Я видѣлъ, какъ эти солдаты въ траншеяхъ, прене-

---

[1]) Oeuvres, XXII, 98.

брегая турецкими пулями и стихійными невзгодами, утѣшали и одобряли себя однимъ именемъ Матушки, ихъ идола.

„Наконецъ, я видѣлъ то, чего я никогда не сказалъ-бы объ императрицѣ при ея жизни, но что любовь къ правдѣ заставляетъ меня написать на другой день по полученіи извѣстія, что блистательнѣйшее свѣтило, освѣщавшее наше полушаріе, закатилось навсегда“ [1]).

Слова князя де-Линь сбылись. Вслѣдъ за смертью Екатерины II, въ томъ-же 1797 году, когда была напечатана его брошюра „Портретъ“, стали появляться пасквили, въ которыхъ клевета силилась исполнить роль, предсказанную ей княземъ де-Линь. Вслѣдъ за брошюрою Рюльера и книгами Кастѐра, появились сочиненія Лавò, Массона и др., такъ что уже въ 1801 году, издавая въ свѣтъ 20-й томъ полнаго собранія своихъ сочиненій, въ который вошелъ „Портретъ“, кн. де-Линь проситъ „тѣхъ, кто купилъ Vie privée de Catherine II и пасквиль Les amours de Catherine, не читать этого тома“. Онъ зналъ, по опыту, что невозможно ни исправить злонамѣренныхъ, ни зажать ротъ клеветникамъ; но счелъ нужнымъ оправдать свой взглядъ на Екатерину и доказать свое безпристрастіе: „Еслибъ ея императорское величество была въ живыхъ, я не обнародовалъ-бы этихъ восхваленій ея; я воспѣлъ ее, когда она не могла уже меня слышать [2]).

Князь де-Линь до конца жизни сохранилъ высокое понятіе о Екатеринѣ, какъ „великой государынѣ, мудрой правительницѣ и прелестной женщинѣ“ [3]). Сравненіе съ Екатериною было высшею похвалою въ его устахъ: свой панегирикъ шведской королевѣ онъ началъ стихомъ:

La Princesse adorable, égale à Catherine [4]).

Вѣсть о смерти Екатерины застала князя де-Линь въ Вѣнѣ; въ Вѣнѣ-же онъ и умеръ. Изъ всего своего прежняго великолѣпія, кн.

---

[1]) Oeuvres, XX, 237. Portrait de feu sa Majesté Catherine II impératrice de toutes les Russies 1797. s. l. Изъ указаній, сдѣланныхъ нами въ примѣчаніяхъ къ «Портрету“, видно, что въ немъ собраны всѣ черты, о которыхъ кн. де-Линь писалъ ранѣе, еще при жизни Екатерины, когда каждое ея замѣчаніе было свѣжо въ памяти автора „Портрета“. Ср. „Русская Старина“, т. LXXIII, стр. 34.

[2]) Oeuvres, XX, 4.

[3]) Ibid., XXIII, 28.

[4]) Oeuvres. XXII, 144.

де-Линь сохранилъ только небольшой домъ въ Вѣнѣ [1]). „Мой домикъ, окрашенный въ розовый цвѣтъ, цвѣтъ моихъ идей — единственный открытый домъ въ Вѣнѣ. Являйся кто хочетъ, садись кто можетъ. Иногда являются всѣ 60 лицъ, посѣщающихъ меня, и тогда не хватаетъ сидѣній: половина гостей стоитъ, выжидая, пока освободится сидѣнье. Разговоръ обычно идетъ о Польшѣ, о Россіи, объ Англіи, рѣдко о старой Франціи, никогда о новой“. Во второмъ этажѣ помѣщалась библіотека князя; тамъ-же, среди фоліантовъ, стояла его кровать. На столахъ и козеткахъ, даже на постели, разбросаны книги, рукописи, брошюры; стѣны увѣшаны картами войнъ, планами сраженій, оружіемъ всякаго рода: турецкими саблями, дамасскими ружьями, кинжалами, напоминавшими ему осаду Очакова, Бѣлграда или Измаила. Во всемъ художественный безпорядокъ: любовною запискою заложена страница „Esprit des lois“; рядомъ съ военнымъ этюдомъ эрцгерцога Карла раскрыта „La Nouvelle Héloise; здѣсь отрывокъ для „Mémoires militaires“, тамъ—стишокъ для героини дня; на столѣ—записная книжка, въ которую князь вписываетъ всякую мысль, какая придетъ въ голову, всякій фактъ, который вспомнитъ, всякую остроту, которая понравится [2]).

Кромѣ этого домика, кн. де-Линь владѣлъ еще зданіемъ на Leopoldsberg, которое онъ называлъ „Mon Réfuge“. Это—зданіе упраздненнаго монастыря, подаренное ему Леопольдомъ II. У входа князь выбилъ свой гербъ; на сторонѣ, обращенной къ Дунаю, слѣдующее двустишіе:

Sans remords, sans regrets, sans crainte, sans envie,
Je vois couler ce fleuve et s'écouler ma vie.

Князь де-Линь нерѣдко ѣздилъ въ свое „убѣжище“. Вѣнцы съ уваженіемъ смотрѣли на старомодный экипажъ, который тащили „двѣ престарѣлыя кобылы, уставшія отъ долгой жизни“; за каретою—старый турокъ, вывезенный сыномъ изъ-подъ Измаила.

Въ послѣдніе годы князь де-Линь безвыѣздно жилъ въ своемъ вѣнскомъ домикѣ. Тамъ, уже дряхлымъ старикомъ, принималъ онъ дипломатовъ и коронованныхъ особъ, съѣхавшихся на конгрессъ.

[1]) Въ бывшей Mölkergasse. Въ 1845 г. домъ этотъ былъ срытъ до основанія и на его мѣстѣ выстроенъ новый домъ, носящій въ настоящее время № 87. Perey, II, 139.

[2]) Нѣсколько сотенъ такихъ замѣтокъ, по выбору самого автора, напечатано. Всѣ онѣ свидѣтельствуютъ, что кн. де-Линь былъ человѣкъ умный. Нѣкоторыя замѣтки касаются Россіи и преимущественно Екатерины. Oeuvres, XX, 150.

Тѣмъ и другимъ онъ неустанно проповѣдывалъ свои три политическія заповѣди: нейтралитетъ Бельгіи, враждебность Италіи къ Франціи и ограниченіе французской территоріи теченіемъ Рейна [1]) Когда-же титулованные и коронованные посѣтители спрашивали князя де-Линь о пережитыхъ имъ временахъ, интересовались его прошлымъ и желали услышать объ его отношеніяхъ къ коронованнымъ особамъ, съ которыми онъ жилъ, дѣйствовалъ и былъ близокъ, особенно къ Екатеринѣ II, князь де-Линь отвергалъ всякое свое участіе въ политическихъ дѣлахъ Россіи: „Я былъ путешествующій совѣтникъ при русскихъ арміяхъ и русскихъ миссіяхъ; я былъ дипломатическій жокей въ Россіи“ [2]).

В. А. Бильбасовъ.

[1]) Oeuvres, XXI, 279; XXVI, 213.
[2]) Ibid., XX, 84.

Къ очерку «Старецъ Өеодоръ Кузьмичъ».

Замѣтка.

Въ статьѣ Мельницкаго „Старецъ Өеодоръ Кузьмичъ“ (Русская Старина, январь 1892 г.), вкрались нѣкоторыя неточности.

Разсказывая похожденія „Маіорши Өедоровой“, авторъ говоритъ, что старецъ Өеодоръ Кузьмичъ, отпуская ее на богомолье, въ Россію, направилъ ее въ Почаевскій монастырь, гдѣ она, по указанію старца, должна была встрѣтить какую-то „добрую и гостепріимную графиню“. Заключеніе этой фразы въ ковычки даетъ понять, что она принадлежитъ самому старцу. „Графиня эта, продолжаетъ авторъ статьи, какъ оказалось впослѣдствіи, была жена извѣстнаго въ свое время богомольца графа Димитрія Ерофеевича Остенъ-Сакена“. Маіорша Өедорова была въ Почаевѣ въ 1849 году, а Д. Е. Сакенъ пожалованъ въ графы въ 1855 году, за защиту Севастополя.

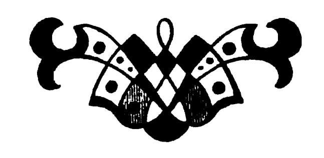
Далѣе, авторъ статьи говоритъ (стр. 91), что Д. Е. Остенъ-Сакенъ жилъ въ это время съ семействомъ въ Кременчугѣ, „и лѣчился отъ полученной имъ въ Венгріи раны“. Графъ Сакенъ ни въ одномъ изъ сраженій въ Венгерской кампаніи не участвовалъ и раненъ не былъ.

Н. В. Алабинъ.

10 генв. 1891 г.
Самара.

Примѣчаніе. Не надо, однако, забывать, что въ изложеніи жизни отшельника Өеодора Кузьмича много основано на народныхъ толкахъ, въ которыхъ легко перепутывались хронологическія и другія данныя.

Ред.



ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ ВЪ РАЗСКАЗАХЪ НАРТОВА,

его учителя въ токарномъ мастерствѣ

въ 1712—1725 гг. [1]).

Приводимъ изъ этой интересной книги еще нѣсколько несомнѣнно достовѣрныхъ разсказовъ Нартова о царѣ Петрѣ Алексѣевичѣ. Примѣчанія къ разсказамъ принадлежатъ Л. Н. Майкову.

Ред.

Разсказы Нартова о Петрѣ Великомъ.—Л. Н. Майкова. Спб., 1891 г., въ б. 8 д. стр. XX+138.

Извѣстно, что Петръ Великій и Августъ, король польскій, имѣли силу тѣлесную необычайную и превосходящую силу человѣческую. Въ одинъ день, когда случилось быть обоимъ симъ монархамъ вмѣстѣ въ городѣ Торнѣ, представлено было зрѣлище битвы буйволовъ. Тутъ захотѣлось поблистать Августу предъ царемъ богатырствомъ своимъ, и сего ради, схватя за рогъ разсвирѣпѣвшаго буйвола, который упрямился идти, однимъ махомъ саблею отсѣкъ ему голову.

— «Постой, братъ Августъ, сказалъ ему Петръ, я не хочу являть силы своей надъ животнымъ, прикажи подать свертокъ сукна!»

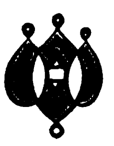
По принесеніи онаго, царь, взявъ одною рукою свертокъ, кинулъ его вверхъ, а другою рукою, выдернувъ вдругъ кортикъ свой, ударилъ на лету

---

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1892 г., т. LXXIII, январь, стр. 121—131.

по немъ такъ мочно, что раскроилъ его на двѣ части. Августъ сколько потомъ ни старался учинить то же, но не былъ въ состояніи.

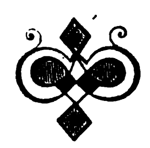
Примѣч. Свиданіе царя съ Августомъ въ Торнѣ происходило въ 1709 году съ 26-го сентября по 14-ое октября.



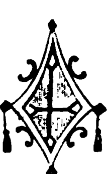
Государю предлагаема была для забавы въ одно время въ Польшѣ отъ магнатовъ охота за звѣрями, на чтó онъ отвѣчалъ имъ благодарствуя:

— «Довольно охоты той, чтобъ гоняться и за шведами».

Примѣч. Изреченіе Петра, сходное съ приведеннымъ въ этомъ разсказѣ, сообщается въ „Анекдотахъ“ Штелина (стр. 134, 135) со словъ гофмаршала Д. А. Шепелева, который сопровождалъ царя въ его заграничномъ путешествіи 1716 и 1717 годовъ. Въ предѣлахъ Польши Петръ находился съ февраля по май 1716 года.



О писаніи указовъ Петръ Великій говорилъ Макарову въ токарной «Надлежитъ законы и указы писать ясно, чтобъ ихъ не перетолковать. Правды въ людяхъ мало, а коварства много. Подъ нихъ такіе-же подкопы чинятъ, какъ и подъ фортецію».



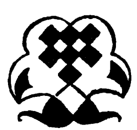
Когда императрица Екатерина Алексѣевна сама трудилась съ комнатными своими дѣвицами въ вышиваніи по голубому гарнитуру серебромъ кафтана и, по окончаніи работы, поднесла оный его величеству, прося, чтобы благоволилъ онъ удостоить труды ея и надѣть его въ день торжественнаго ея коронованія, то государь, посмотрѣвъ на шитье, взялъ кафтанъ и тряхнулъ его. Отъ потрясенія полетѣло съ шитья нѣсколько на полъ канители, чему подивясь, сказалъ:

— «Смотри, Катенька, пропало дневное жалованье солдата».

Сей кафтанъ, въ угодность супруги своей, имѣлъ государь на себѣ только

во время празднества коронаціи и послѣ никогда его не надѣвалъ, почитая оный неприличною себѣ одеждою, ибо обыкновенно носилъ гвардейскій мундиръ или флотскій [1]).

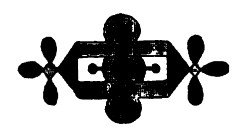
Примѣч. Коронованіе императрицы Екатерины происходило въ Москвѣ 7-го мая 1824 года; слѣдовательно, происшествіе, разсказанное Нартовымъ, относится къ ближайшему предъ тѣмъ времени. Подобный-же разсказъ со словъ адмирала Ал. Ив. Нагаева сообщенъ въ „Анекдотахъ" Голикова, стр. 459.



Его величество, получивъ отъ прусскаго короля письмо, въ которомъ онъ благодарилъ за присланную, собственными руками Петра Великаго точеную табакерку, на которой изображенъ былъ портретъ его, сказалъ Нартову:

— «Я зналъ, что работа наша королю пріятнѣе золота. Онъ—таковъ, какъ и я: роскоши и мотовства не любитъ».

Примѣч. Какъ извѣстно, Петръ поддерживалъ дружескія отношенія къ прусскому королю Фридриху-Вильгельму I и неоднократно посылалъ ему великорослыхъ людей для его потсдамской гвардіи. Одна изъ такихъ посылокъ относится къ октябрю 1718 года, и притомъ королю были отправлены еще другіе подарки, между прочимъ токарный станокъ и кубокъ или бокалъ, собственноручно выточенный Петромъ. За эти подарки король благодарилъ царя письмомъ отъ 22-го октября 1718 года. Въ это-то время Нартовъ, находившійся въ Берлинѣ, и обучалъ короля токарному искусству (какъ видно изъ другаго разсказа Нартова). Въ іюлѣ 1720 года, когда Нартовъ уже возвратился изъ-за границы, королю снова были отправлены „большіе гренадиры", и, быть можетъ, тогда-же послана была табакерка, упоминаемая Нартовымъ (см. статью М. П. Пуцилло: „Начало дружественныхъ сношеній Россіи съ Пруссіей. Русскіе великаны въ прусской службѣ" въ „Русскомъ Вѣстникѣ" 1878 г., т. 134). Съ отзывомъ Петра о Фридрихѣ-Вильгельмѣ, приведеннымъ у Нартова, любопытно сопоставить свидѣтельство графа Ротанбурга, французскаго посланника при томъ-же прусскомъ королѣ; по словамъ этого дипломата, Петръ говорилъ: „Король прусскій любитъ ловить рыбу, да чтобъ не промочить ногъ" (см. статью E. Lavisse: „Le père du grand Frédéric" въ „Revue des deux mondes", 1-er octobre 1890, p. 592).



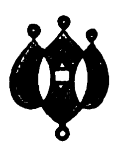
---

[1]) [Сей кафтанъ находится на восковомъ его изображеніи въ Санктпетербургской кунсткамерѣ].

Его величество въ кунсткамерѣ Аряшкину говорилъ при мнѣ:

— «Я велѣлъ губернаторамъ собирать монстры (уродовъ) и присылать къ тебѣ. Прикажи заготовить шкафы. Если-бы я хотѣлъ присылать къ тебѣ монстры человѣческіе не по виду тѣлесъ, а по уродливымъ нравамъ, мѣста-бы у тебя было для нихъ мало. Пускай шатаются они во всенародной кунсткамерѣ; между людьми они примѣтны».

Примѣч. Разсказъ этотъ несомнѣнно относится къ 1718 году, такъ какъ въ началѣ его, 13-го февраля, состоялся указъ о доставленіи со всей Россіи уродовъ и рѣдкостей въ кунсткамеру (Пекарскій, Наука и литература при Петрѣ В., I, 54).



Генералъ-фельдцейгмейстеръ графъ Брюсъ мужъ былъ ученый, упражнялся въ высокихъ наукахъ и чрезъестественному не вѣрилъ. Его величество, любопытствуя о разныхъ въ природѣ вещахъ, часто говаривалъ съ нимъ о физическихъ и метафизическихъ явленіяхъ. Между прочимъ былъ разговоръ о святыхъ мощахъ, которыя онъ отвергалъ. Государь, желая доказать ему нетлѣніе чрезъ Божью благодать, взялъ съ собою Брюса въ Москву и въ проѣздъ чрезъ Новгородъ зашелъ съ нимъ въ соборную Софійскую церковь, въ которой находятся разныя мощи, и показывая оныя Брюсу, спрашивалъ о причинѣ нетлѣнія ихъ. Но какъ Брюсъ относилъ сіе къ климату, къ свойству земли, въ которой прежде погребены были, къ бальзамированію тѣлесъ и къ воздержной жизни и сухояденію или пощенію, то Петръ Великій, приступя наконецъ къ мощамъ святаго Никиты, архіепископа Новгородскаго, открылъ ихъ, поднялъ ихъ изъ раки, посадилъ, развелъ руки и, паки сложивъ ихъ, положилъ, потомъ спросилъ:

— «Что скажешь теперь, Яковъ Даниловичъ? Отъ чего сіе происходитъ, что сгибы костей такъ движутся, яко-бы у живого, и не разрушаются, и что видъ лица его, аки-бы недавно скончавшагося?»

Графъ Брюсъ, увидя чудо сіе, весьма дивился и въ изумленіи отвѣчалъ: «Не знаю сего, а вѣдаю то, что Богъ всемогущъ и премудръ».

На сіе государь сказалъ ему:

— «Сему-то вѣрю и я и вижу, что свѣтскія науки далеко еще отстаютъ отъ таинственнаго познанія величества Творца, Котораго молю, да вразумитъ меня по духу. Тѣлесное, Яковъ Даниловичъ, такъ привязано къ плотскому, что трудно изъ сего выдраться».

Петръ Великій, однажды разгнѣвавшись сильно на князя Меншикова, вспомнилъ ему какого онъ происхожденія, и сказалъ при томъ:

— «Знаешь-ли ты, что я разомъ поворочу тебя въ прежнее состояніе, чѣмъ ты былъ. Тотчасъ возьми кузовъ свой съ пирогами, скитайся по лагерю и по улицамъ, кричи: пироги подовые! какъ дѣлывалъ прежде. Вонъ! Ты не достоинъ милости моей».

Потомъ вытолкнулъ его изъ комнаты. Меншиковъ кинулся прямо къ императрицѣ, которая при всѣхъ такихъ случаяхъ покровительствовала, и просилъ со слезами, чтобъ она государя умилостивила и смягчила. Императрица пошла немедленно, нашла монарха пасмурнымъ. А какъ она нравъ супруга своего знала совершенно, то и старалась, вопервыхъ, его всячески развеселить. Миновался гнѣвъ, явилось милосердіе, а Меншиковъ, чтобъ доказать повиновеніе, между тѣмъ, подхватя на улицѣ у пирожника кузовъ съ пирогами, навѣсилъ на себя и въ видѣ пирожника явился предъ императора. Его величество, увидѣвъ сіе, разсмѣялся и говорилъ:

— «Слушай, Александръ! Перестань бездѣльничать, или хуже будешь пирожника!»

Потомъ простя, паки принялъ его по прежнему въ милость. Сіе видѣлъ я своими глазами. Послѣ Меншиковъ пошелъ за императрицею и кричалъ:

— «Пироги подовые!»

А государь въ слѣдъ ему смѣялся и говорилъ:

— «Помни, Александръ!»

«Помню, ваше величество, и не забуду: пироги подовые!»

Государь пожаловалъ Нартову деревянный домъ близъ дворца, на углу Милліонной, гдѣ нынѣ палаты графа Брюса, захаживалъ къ нему часто, бесѣдовалъ у него съ художниками, разсматривалъ тутъ работы ихъ, разсуждалъ о разныхъ мастерствахъ и на токарнотъ станкѣ тачивалъ, говоря:

— «Я долженъ у моего механика и токарнаго мастера урокъ свой кончить».

А какъ его величество любилъ мыльню, то указавъ на дворѣ его построить баню, нерѣдко въ оную съ денщиками хаживалъ; для тренія и паренья употреблялъ токарнаго ученика Левонтьева, который былъ мужикъ дюжій. Нѣкогда Левонтьевъ поддалъ на каменку столь много, что его величество, будучи на верхнемъ полку, смѣючись закричалъ ему:

— «Слушай, Левонтьевъ, не зажарь насъ живыхъ, чтобъ не сдѣлали насъ банными мучениками! Я, право, въ числѣ ихъ быть не хочу!»

«Не бось, государь», отвѣчалъ парильщикъ,—«насъ старцы не любятъ».

— «Ты отгадалъ», сказалъ монархъ,—«однако не сдѣлай изъ насъ для нихъ копченой ряпухи!»

Петръ Великій, начавъ службу въ сухопутномъ войскѣ [и во флотѣ] съ нижнихъ чиновъ, происходилъ въ вышнія степени существенными трудами, по заслугамъ и достоинству, за баталіи и осады, при которыхъ, присутствуя особою своею, бывалъ то подчиненнымъ, то храбрымъ предводителемъ, въ сильнѣйшемъ огнѣ, съ безстрашіемъ и съ присутствіемъ духа, здраваго и рѣшительнаго разсужденія, въ опасныхъ случаяхъ противъ непріятелей, къ подданнымъ говоря такъ:

— «Побѣдить или умереть славно!»

Наконецъ, достигнувъ до чиновъ сухопутной арміи до генералъ-маіорскаго, а во флотѣ до вице-адмиральскаго, получалъ и обыкновенное жалованье. И когда его величеству оное приносили, то говорилъ:

— «Сіи деньги—собственныя мои; я ихъ заслужилъ и употреблять могу по произволу; но съ государственными доходами поступать надлежитъ осторожно: объ нихъ долженъ я дать отчетъ Богу».

Я самъ слышалъ сіи рѣчи изъ устъ монаршихъ.

Примѣчаніе. По смыслу этого разсказа надо полагать, что слова Петра о правѣ его получать жалованье по чину относятся къ тому времени, когда онъ числился вице-адмираломъ, то-есть къ періоду съ 1714 по 1721 годъ: но Нартовъ ошибается, называя его въ то-же время генералъ-маіоромъ: по сухопутной арміи Петръ еще съ 1709 года числился генералъ-лейтенантомъ, а съ 1714—генераломъ. (Устряловъ, Исторія Петра Великаго, т IV, ч. I, стр. 482, 483).

ЗАМѢТКИ ФОНЪ-ГЕРЛАХА О ПРЕБЫВАНІИ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ

II [1]).

Второе пребываніе въ С.-Петербургѣ

съ декабря 1827 г. по 8-е мая 1828 г.

[Переводъ съ нѣмецкаго].

С.-Петербургъ, 31 декабря (1827 г.). Итакъ, мы опять здѣсь; но мнѣ гораздо тяжелѣе на сердцѣ, нежели два года тому назадъ. Принцъ былъ очень задумчивъ, садясь въ (дорожный) экипажъ. Разговоры у насъ происходили только о турецкихъ дѣлахъ. Я радъ, что могу держать себя здѣсь совершенно согласно съ правительственнымъ настроеніемъ, потому что Пруссія тоже сочувствуетъ принципу вмѣшательства, и съ перваго-же раза заявила себя его сторонникомъ. Фактически она, однако, къ этому вмѣшательству не присоединилась, чтобы не выразить этимъ распаденіе священнаго союза, къ началамъ котораго король еще очень привerженъ, несмотря на то, что они уже столь часто нарушались. Заявленіе объ этомъ передано Франціи и Россіи непосредственно, а также и посланнику (нашему) въ Англіи. Каннингъ не желалъ присоединенія Австріи и Пруссіи, дабы это не походило на мѣру, принятую священнымъ союзомъ. Въ сношеніяхъ съ Австріею мы выразились весьма осторожно относительно признанія принципа; въ сношеніяхъ-же съ Россіею мы высказали кромѣ того, что никогда не будемъ въ числѣ ея враговъ, чѣмъ она и вполнѣ довольна.

---

[1]) См. „Русскую Старину“, изд. 1892 г., томъ LXXIII, февраль, стр. 365—382.

Неизвѣстно, конечно, обяжется-ли Россія передъ Англіею и Франціею не начинать сухопутной войны безъ другихъ державъ. Правильно замѣтилъ Бёрнсторфъ, что, пока интервенція единодушна, образъ дѣйствій Пруссіи весьма простъ, и что только, когда начнутся разногласія, наступятъ и затрудненія. Таковы были наши разговоры о внѣшнихъ дѣлахъ (при проѣздѣ) между Кюстриномъ и Гохцейтомъ. Въ ту ночь, когда ангелы возвѣщали (пастырямъ): «нынѣ родился вашъ Спаситель», мы прибыли въ Кенигсбергъ. 80-ти лѣтвій епископъ Боровскій заключилъ свою проповѣдь молитвою за принца, которая меня, а навѣрное и его, разстрогала.

4 января 1828. По прибытіи нашемъ сюда, императоръ и императрица, принявъ принца у Салтыковскаго подъѣзда, подозвали и меня. Императоръ меня обнялъ, а императрица пожаловала руку. (Вечерній) чай у императрицы продолжался до полуночи. Въ день новаго года пруссаки приносили поздравленія принцу, а равно и императорской фамиліи. Какой контрастъ представлялъ дворъ нынче въ сравненіи съ прошедшимъ (въ 1826 г.) разомъ! Тогда императрица имѣла видъ болѣзненный, а теперь здоровый и красивый; тогда происходили допросы въ «salle des malfaiteurs» (залѣ злоумышленниковъ),—теперь Зимній дворецъ измѣненъ и изукрашенъ. Канунъ новаго года прошелъ за игрою въ мушку, при разговорахъ, совершенно обыкновенныхъ. Около полуночи былъ поданъ пуншъ. Послы отозваны изъ Константинополя, и императоръ очень доволенъ тѣмъ, что Рибопьеръ избралъ дорогу на Тріестъ. Шёлеръ теперь пришелъ въ соглашеніе съ Бёрнсторфомъ относительно турецкихъ дѣлъ. На разводѣ меня поразило до какой степени движенія (военныхъ) стали свободнѣе; одежда тоже сдѣлалась болѣе удобною. Персидская война, кажется, навѣрное окончена. Если Россія приметъ Араксъ за пограничную черту, то у Арарата сойдутся предѣлы трехъ государствъ. Важно при этомъ завоеваніи и то, что христіане Арменіи подпадаютъ подъ протекторатъ Россіи. Всѣ согласны въ томъ, что императоръ Николай Павловичъ, въ теченіе двухъ-лѣтняго царствованія своего, много сдѣлалъ по дѣламъ внутренняго управленія. Библейское общество вновь вступило въ жизнь: протестантская часть его, спасшая часть своихъ фондовъ, состоитъ подъ предсѣдательствомъ князя Ливена, русская-же—подчинена синоду. Князь Александръ Голицынъ, подлѣ котораго я сидѣлъ вчера на собраніи у императрицы-матери, спрашивалъ у меня о Госнерѣ и сообщилъ мнѣ, что между его врагами возникли несогласія и что (архимандритъ) Фотій высланъ въ свой монастырь.

10 января. Въ этотъ пріѣздъ я гораздо болѣе разсѣянъ и отвлеченъ, нежели въ прошедшій. Въ субботу вечеромъ мы были приглашены къ императрицѣ, гдѣ, по отечественному обычаю, была ёлка съ подарками. Дѣти были очень веселы; товарищамъ ихъ игръ тоже розданы подарки. Относительно внутреннихъ преобразованій Адеркасъ отговаривается полнымъ невѣ-

дѣніемъ. Странная здѣсь противоположность между культурою и религіею. Никто, напр., не смущается тѣмъ, что воспитатель великаго князя—лютеранинъ. Церковь здѣшняя, не имѣя внѣшняго могущества римской, пользуется, однако, очень большимъ значеніемъ: посты и внѣшніе обряды соблюдаются здѣсь строже, нежели тамъ. Духовенство совершенно отдѣлено отъ остальнаго міра, такъ какъ ни дворяне, ни крѣпостные не вступаютъ въ духовное званіе. Дѣти бѣлаго духовенства, въ свою очередь, дѣлаются священниками, изъ нихъ-же пополняется черное духовенство.

Третьяго дня мы были на медвѣжьей охотѣ, для чего отправились въ какую-то деревню на маленькихъ крестьянскихъ саняхъ. Въ лѣсу насъ поставили за сѣтями, и медвѣдь былъ убитъ принцемъ. Вся обстановка имѣла очень сѣверный характеръ. Загонщики въ мѣховыхъ шапкахъ и съ большими пиками....

Императоръ Николай Павловичъ считаетъ войну съ турками неизбѣжною, но полагаетъ, что она можетъ начаться лишь осенью. Во всемъ этомъ дѣлѣ масса непослѣдовательностей. Надо, впрочемъ, сказать, что въ русскихъ завоеваніяхъ заключается нѣчто провиденціальное (providentielles), подобно тому, какъ въ завоеваніяхъ остъ-индской кампаніи: они, также какъ и послѣднія, могутъ совершаться вполнѣ непреднамѣренно и въ самой справедливой войнѣ.

14 января. 31-го числа декабря, по здѣшнему стилю, были мы вечеромъ у императорской фамиліи. Mouche comme à l'ordinaire. Императрица. пріемами своими, напомнила мнѣ кронпринца и этимъ очаровала мое сердце. Она была весьма ко мнѣ милостива. Вечеромъ былъ (во дворцѣ) пресловутый балъ, на которомъ (зрителями) присутствовало 32.000 (!?) человѣкъ. Весь Зимній дворецъ былъ биткомъ набитъ, а на дворѣ при этомъ стояло 19 градусовъ мороза. Нельзя не сознаться, что эта народная масса держала себя удивительно благопристойно. На другой день всѣ покои были снова выметены, вымыты, вылощены.

Я теперь прочиталъ древнюю исторію Россіи. Не могу удержаться отъ сопоставленія ея съ нынѣшнимъ порядкомъ вещей, и при этомъ нахожу черты дѣйствительно поразительнаго сходства. Но тогда во внутреннихъ дѣлахъ существовала свобода. Владиміръ совѣтуется со своими боярами; въ городахъ мы видимъ совѣты изъ гражданъ и выборныхъ градскихъ старшинъ. Несомнѣнно, что, въ теченіе двухъ столѣтій—съ 1015 по 1224 гг. въ Россія развивалось нѣчто, подобное средневѣковымъ порядкамъ въ католической Европѣ, и что только вслѣдствіе необычайныхъ событій этотъ ходъ дѣлъ былъ подавленъ и свершилось то, что Россія до XVIII-го вѣка была отчуждена отъ остальной Европы, а затѣмъ внезапно явился деспотизмъ (Петра Великаго), стремящійся къ насильственному заполненію того пробѣла въ культурѣ, который образовался вслѣдствіе этого отчужденія.

Когда я сегодня пошелъ къ принцу, то въ коридорѣ встрѣтилъ курьера и, въ ожиданіи экипажа, который долженъ былъ вести меня къ князю Голицыну, прочелъ всѣ мои письма, доставившія мнѣ успокоительныя извѣстія. Князь (А. Н.) Голицынъ много разсказывалъ мнѣ про императора Александра Павловича. Священный союзъ, три копіи (съ текста) котораго начертаны были имъ самимъ, безъ призванія кого-либо изъ министровъ,—Священный союзъ этотъ, къ сожалѣнію, для него самого оказался невыполнимымъ. О турецкихъ дѣлахъ немногое мнѣ приходится узнавать. Говорятъ, что дѣйствительно подготовляется второй актъ вмѣшательства. Австрійцы, вмѣсто того, чтобы быть довольными этою интервенціею, стараются отклонить отъ нея какъ Англію, запутавшуюся въ своихъ финансовыхъ дѣлахъ, такъ и Францію, тревожимую внутренними обстоятельствами. Сознаюсь, что я вполнѣ убѣжденъ въ безразсудствѣ подобныхъ стараній, такъ какъ важнѣйшее условіе для поддержанія спокойствія состоитъ въ томъ, чтобы поддерживался лондонскій договоръ.

18 января. Принцъ говорилъ мнѣ сегодня, что до сихъ поръ три державы находятся въ полномъ согласіи (между собою), а Франція даже ожидаетъ, что русскіе перейдутъ черезъ Прутъ и займутъ княжества, и что она вполнѣ на это согласна. Говорятъ, что въ кавказскихъ странахъ къ русскому управленію относятся повсюду съ крайнею ненавистью. Гражданскіе чиновники осуждаютъ Николая Павловича за (малую подготовленность къ управленію); такъ, говорятъ, онъ не зналъ что̀ такое «фонды» (fonds); но всѣ единогласно сознаются въ томъ, что на дурныхъ людей онъ навелъ страхъ. Ежедневно читаетъ онъ библію и ежедневно передъ тѣмъ, чтобы ложиться спать, навѣщаетъ своихъ дѣтей, причемъ благословляетъ каждаго изъ нихъ.

Сегодня былъ праздникъ на Невѣ [1]). Мнѣ пришлось бесѣдовать съ Дибичемъ о русскихъ дѣлахъ. Кавказскія провинціи онъ описываетъ въ высшей степени интересно и считаетъ ихъ важными для Россіи; покореніе Эривани онъ тоже признаетъ весьма важнымъ, такъ какъ оно открываетъ Россіи возможность наступательныхъ дѣйствій противъ Персіи. «Русская политика, какъ ее поставилъ Александръ Павловичъ, должна все болѣе и болѣе удаляться отъ завоевательныхъ стремленій относительно Европы (говорилъ Дибичъ), и она поставитъ себя такъ, что объ этомъ и рѣчи не будетъ; но тогда-то, именно, Россія и пріобрѣтетъ могущественное вліяніе въ Европѣ. Россія должна стараться поднять свои внутреннія дѣла, завязать торговлю съ Среднею Азіею и оберегать европейскую культуру отъ тамошнихъ народовъ». Какъ обширна и величественна русско-азіатская политика, и до какой мелочности доведено, прервавшее нашъ разговоръ, строевое ученье кадетъ...

[1]) Іордань на Невѣ въ день Крещенія, 6-го (18-го) января.

Если вышеприведенныя слова Дибича сопоставить съ дѣйствительно большою умѣренностью, которую императоръ обнаруживаетъ при теперешнихъ турецкихъ дѣлахъ, то кажется, что Россія и въ самомъ дѣлѣ обращается къ Азіи; но тамъ она неизбѣжно придетъ въ столкновеніе съ Англіею. Императоръ Николай выразился такъ:

— „La Russie ne fera pas de conquêtes en Europe; pour l'Asie c'est autre chose".

28 января. Только-что вернулись сюда изъ Петергофа, гдѣ пробыли два дня съ императоромъ и императрицею; а оттуда ѣздили осматривать Кронштадтъ, гдѣ крѣпостныя работы изъ камня частью уже окончены, и весьма хороши. Мнѣ опять пришлось поговорить съ Дибичемъ о Турціи; онъ говоритъ, что «Константинополь легко взять, если владѣешь моремъ, но что, въ противномъ случаѣ, это можно сдѣлать лишь послѣ нѣсколькихъ кампаній». Севастопольскій портъ называетъ «превосходнымъ, но только при Александрѣ Павловичѣ обратили на него вниманіе. Уже Павелъ отказался отъ завоевательной системы Екатерины (говоритъ Дибичъ); теперь-же ее окончательно бросили».

Замѣчательно, какъ самъ императоръ и какъ русскіе выхваляютъ все свое. Неаполитанскій король не можетъ съ бо̀льшимъ восхищеніемъ говорить о своей странѣ, нежели здѣсь говорятъ о Петергофѣ, вопреки (окружающимъ его) снѣжнымъ полямъ и бѣдной растительности.

29 января. Событія во Франціи сильно озабочиваютъ императора; по его словамъ, онъ думаетъ о нихъ болѣе, чѣмъ о Востокѣ. Неоднократно высказывалъ онъ, что всегда будетъ имѣть грековъ въ виду. Кочубей полагаетъ сдѣлать изъ Константинополя республику.

Сегодня на разводѣ князь Меншиковъ разсуждалъ объ Азіи, какъ человѣкъ, на мой взглядъ, очень знающій: «Для Россіи главное лишь въ томъ, чтобы доставить обезпеченное движеніе своимъ караванамъ; торговля-же съ Малою Азіею, говорятъ, не малозначительна».

Изображеніе генеалогіи здѣшнихъ (извѣстныхъ) фамилій было-бы весьма характеристично. Дѣдъ Сухозанета былъ деревенскимъ старостою; дѣдъ Орлова, при Екатеринѣ—простымъ казакомъ; отецъ Кутузова [1])—камердинеромъ при Павлѣ, и т. д.

5 февраля. Вчера мы были на завтракѣ у князя Ал. Ник. Голицына. Императора позабавило то, что конецъ овальнаго стола, около котораго сидѣли принцъ, г-жа Фредериксъ и я, названъ былъ мною «прусскимъ уголкомъ». Вчера-же я былъ у (Вас. Андр.) Жуковскаго, который говорилъ со мною о воспитаніи маленькаго вел. князя (Александра Николаевича).

[1]) Кутузовъ, очевидно, смѣшанъ здѣсь съ Кутайсовымъ.
Ред.

Здѣсь въ обычаѣ сажать гражданскихъ чиновниковъ на гауптвахту, за упущеніе по службѣ, и публиковать объ этомъ въ вѣдомостяхъ; такъ поступили съ однимъ начальникомъ отдѣленія въ министерствѣ духовныхъ дѣлъ за то, что онъ. въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, не отвѣчалъ на запросъ, сдѣланный императоромъ.

18 февраля. Для заключенія масляницы былъ у графа Кочубея «déjeuner», продолжавшійся съ двухъ часовъ дня до полуночи, когда начался постъ и танцовальная музыка замолкла. Тогда сыграли гимнъ: Heil Dir im Siegerkranz и еще одинъ духовный гимнъ. «Déjeuner» былъ совершенно въ русскомъ вкусѣ: все печенья (блины), плавающія въ маслѣ. Русскіе ѣли съ большою жадностью, частью (помогая себѣ) пальцами.

Съ 7-го числа здѣсь находится цесаревичъ Константинъ Павловичъ, который относится къ императору съ большимъ почтеніемъ. Съ пруссаками этотъ господинъ обращается дурно и никогда не говоритъ съ ними. Разсказываютъ, будто Константинъ Павловичъ высказался, что если-бы онъ, должнымъ образомъ, зналъ настроеніе народа, то, можетъ быть, еще и принялъ корону.

Я много читалъ о русскихъ дѣлахъ въ Азіи; но теперь меня преимущественно интересуетъ здѣшній придворный бытъ. Здѣшніе дамы и кавалеры вовсе не принадлежатъ, подобно тому какъ у насъ, къ ежедневному обществу августѣйшихъ особъ. У насъ королю и принцу выказываютъ болѣе внѣшняго почтенія, нежели (здѣсь) императору и великимъ князьямъ, съ которыми обращаются смѣлѣе; а все-таки король никогда не говоритъ людямъ то, что высказываетъ имъ императоръ.

Третьяго дня я говорилъ съ Жуковскимъ о Госнерѣ. «Это Госнеровское дѣло, сказалъ онъ, не относилось до церкви, а было дворскою интригою. Въ послѣднее время императоръ Александръ Павловичъ сдѣлался очень суевѣренъ, и, поживи онъ дольше, имъ управляли-бы монахи».

22 февраля. Вчера уѣхалъ курьеръ съ отвѣтомъ императора на предложенное Пруссіею посредничество въ турецкихъ дѣлахъ. Прусское предложеніе, повидимому, клонится къ тому, чтобы, съ присоединеніемъ Австріи и Пруссіи, всѣ пять державъ вмѣстѣ представили коллективную ноту, принудили тѣмъ турокъ къ уступчивости и, такимъ образомъ, предупредили войну. Интереснѣе этого инструкція, данная князю Ливену (находящемуся) въ Лондонѣ, которую я сегодня читалъ, и гдѣ императоръ снова протестуетъ противъ всякихъ завоеваній. Въ письмахъ великаго визиря къ тремъ державамъ усматриваютъ поводъ къ тому, чтобы представить Портѣ новое заявленіе, съ восьми-дневнымъ срокомъ. Рѣшить вопросъ однимъ флотомъ, содѣйствіе котораго, конечно, весьма важно, сочтено дѣломъ несбыточнымъ; а такъ какъ Россія болѣе другихъ державъ заинтересована въ быстромъ и энергическомъ рѣшеніи, то, по истеченіи срока, русская армія должна перейти

Прутъ и двигаться впередъ, пока турки не уступятъ. На этомъ основаніи Россія была-бы готова заключить договоръ. Мой принцъ теперь уже называетъ партію интервенціи: la bonne cause, находитъ французскую тронную рѣчь превосходною, а на англійскую гнѣвается. (Но) я только-что обратилъ его вниманіе на то, что всѣ якобинцы, какъ во Франціи, такъ и въ Англіи, увлекаются греками и желаютъ войны. Говорятъ, что Англія не раздѣляетъ вышеозначенныхъ воззрѣній здѣшняго кабинета.

Разсматривая внимательнѣе теперешнія усложненія на Востокѣ, видишь, до какой степени мало сами люди причинны въ ходѣ исторіи. Александръ, сдерживаемый Меттернихомъ, наконецъ-таки рѣшился въ 1826 году начать съ турками войну, а тутъ неожиданная смерть настигла его въ Таганрогѣ. Николай, принимая правленіе, видитъ, 14-го декабря, и престолъ и жизнь свою въ опасности отъ мятежниковъ и, потому, обративъ все вниманіе на русскія дѣла, охотно предоставилъ-бы грековъ на произволъ судьбы. Но Англія предполагаетъ въ немъ бо̀льшую воинственность, нежели въ Александрѣ, и вотъ Веллингтонъ подписываетъ петербургскій протоколъ. Политика, сбитая съ толку свободою печати и борьбою партій во Франціи, пикировка англійскаго короля и Каннинга съ Меттернихомъ, ненависть къ Австріи, стыдъ за прежніе порядки въ Россіи—все это ведетъ къ осуществленію Лондонскаго договора, а за тѣмъ—vogue la galère!—но галера эта, неожиданнымъ образомъ, ударяется въ Наваринъ, куда подводитъ ее Кормчій, болѣе могущественный, чѣмъ короли и императоръ. Разумнѣе и практичнѣе, кажется мнѣ, принять здѣсь во вниманіе лишь слѣдующее соображеніе: если только изъ упорной односторонности можно дѣло грековъ смѣшивать съ дѣломъ испанцевъ, португальцевъ, піэмонтцевъ, неаполитанцевъ и здѣшнихъ мятежниковъ, то, тѣмъ не менѣе, все-таки вѣрно и то, что по всей Европѣ якобинцы, всегда руководимые вѣрнымъ тактомъ, предаются явной радости съ тѣхъ поръ, какъ слышатъ, что три державы намѣрены фактически заступиться за грековъ. Они, конечно, понимаютъ различіе между ихъ дѣломъ и греческимъ, а равно и то, что три державы имѣютъ основаніе объявлять, что не намѣрены далѣе терпѣть безчеловѣчнаго обращенія съ греками, и рѣшились защищать ихъ, но видятъ также и то, что различіе это поставлено и заявлено недостаточно рѣзко, дабы эти мѣры въ пользу возставшихъ грековъ, особенно, если онѣ удадутся, не могли спутать принциповъ, принятыхъ на Карлсбадскомъ, Лайбахскомъ и Веронскомъ конгрессахъ, и вообще ослабить противодѣйствіе якобинизму.

Сегодня императрица пригласила меня къ себѣ; я оставался у нея часъ, а затѣмъ отозванъ былъ завтракать къ принцу.

26 февраля. Сегодняшнія берлинскія письма содержатъ два важныхъ извѣстія: Фоссъ назначенъ состоять при кронпринцѣ, а Каницъ ѣдетъ въ Вѣну. Принцъ сказалъ мнѣ, что Люцовъ писалъ ему, что Каницъ ѣдетъ не

въ Вѣну, а въ Константинополь для того, чтобы посмотрѣть, какъ Мильтицу можно будетъ оправдаться въ обвиненіяхъ, взводимыхъ на него Стратфордомъ Каннингомъ и Рибопьеромъ. Принцъ былъ разгнѣванъ, и справедливо на то, что ни ему, ни генералу Шелеру ничего не было извѣстно о командировкѣ подполковника Каница. Императоръ говорилъ ему, что и въ депешѣ Алопеуса упомянуто, какъ Мильтицъ, вопреки волѣ короля, дѣйствовалъ наперекоръ послу. Къ этому императоръ Николай Павловичъ еще прибавилъ:

— «Тебѣ, какъ шурину (моему), я даже не могу сказать, сколь дурныя услуги оказываютъ королю его посланники, особенно въ Вѣнѣ».

При этомъ случаѣ принцъ разсказалъ объ одной депешѣ Мальцана изъ Вѣны, которая написана была точно подъ диктовку Меттерниха. Такъ какъ вслѣдстіе этого зашелъ разговоръ объ Австріи вообще, то я старался выставить хорошую сторону австрійской политики.

— «Что-же, возразилъ принцъ, развѣ вы находите также хорошимъ поведеніе Австріи въ Германіи, съ (герцогствомъ) Кётенъ?» и т. д. Въ этомъ я долженъ былъ уступить (ему). «Или вмѣшательство Меттерниха въ въ наши внутреннія дѣла?» продолжалъ принцъ.

«Не хорошо, что это случается, отвѣчалъ я, но этимъ предупреждено много вреда; не надо ихъ (австрійцевъ) такъ слушаться, тогда вмѣшательство само собою прекратится».

— «Ну, а это вы тоже одобряете, что Австрія теперь противится защитѣ грековъ, но готова содѣйствовать изгнанію турокъ изъ Европы и раздѣленію Турціи?»... Чѣмъ болѣе приближается война, тѣмъ болѣе я думаю о возможности побѣды съ турецкой стороны. Сила русской арміи простирается, на первый разъ, только до 100.000 человѣкъ.

Послѣ сегодняшняго концерта я былъ приглашенъ къ императрицѣ, и тамъ получилъ извѣстіе, что у меня родился сынъ. Императрица Марія Θеодоровна была со мною въ этотъ вечеръ очень привѣтлива. Это все-таки дѣльная женщина.

29 февраля. Вчера, въ 7 ч. вечера, курьеръ привезъ намъ приказаніе: въ 8 часовъ прибыть на вечернее собраніе къ царствующей императрицѣ Александрѣ Θеодоровнѣ. Общество было нѣсколько многочисленнѣе обыкновеннаго. Послѣ разговора, продолжавшагося съ полчаса, начали играть въ мушку, а по окончаніи перваго роббера, императрица пожелала играть въ фараонъ (Pharo). Въ это время пришелъ императоръ и, поговоривъ немного, хотѣлъ опять уйти.

— „Mais restez donc“, сказала императрица.

„Non, je ne peux pas“.

— „Et vous ne resterez pas même, quand nous jouons au Pharo?“

„Non, ma chère, et je vous prie sérieusement de ne pas faire cela, surtout comme nous ne sommes pas entre nous; on en parlera dans la

ville", а затѣмъ, обратясь къ принцу Виртембергскому, императоръ прибавилъ: „et monseigneur racontera aussi de vous à Stuttgard".

Вчера пришло извѣстіе о возобновленіи войны съ персами. Съ турецкой стороны шаха подстрекнули къ продолженію военныхъ дѣйствій, такъ какъ, вслѣдствіе предстоящаго разрыва Россіи съ Портою, первая можетъ быть поставлена черезъ это въ большое затрудненіе. Паскевичъ уже имѣетъ извѣстія о сосредоточеніи турецкой арміи силою въ 50.000 человѣкъ. Персидскою войною Россія не можетъ пріобрѣсти лучшей для себя границы, нежели Араксъ. Непостижима для меня та страстность, съ которою судятъ объ этихъ турецкихъ дѣлахъ. Намѣреніе начать войну принцъ называетъ «la bonne cause». Люцовъ всю свою патріотическую заботливость возлагаетъ на русскихъ; Дёрнбергъ радуется предстоящей кампаніи. Однако, дѣло это, право, совсѣмъ не такъ ясно. Черезъ четыре недѣли выступаетъ гвардія. Для мобилизаціи русскому корпусу потребно шесть недѣль. Сегодня я спрашивалъ принца о хатти-шерифѣ. Императоръ называетъ его вызовомъ, который брошенъ всему христіанству, и заявилъ, что теперь уже нечего стѣсняться. Приказъ о выступленіи гвардіи отданъ.

5 марта. Нынѣшнее состояніе Европы тревожно во многихъ отношеніяхъ. Опасности, заключающейся въ томъ, что греки суть несомнѣнно союзники либераловъ, мой принцъ не желаетъ понять, а, между тѣмъ, эта опасность, безспорно, существуетъ. Сегодня онъ мнѣ разсказывалъ о томъ, какимъ образомъ дошли до интервенціи. Сначала императоръ Николай Павловичъ былъ рѣшительно противъ грековъ и объявлялъ ихъ мятежниками, пока не пріѣхалъ Веллингтонъ и не спросилъ, что̀ онъ думаетъ сдѣлать для нихъ?» Англія, сказалъ Веллингтонъ, не можетъ долѣе сносить подобнаго положенія дѣлъ; торговля ея отъ этого страдаетъ, и она рѣшилась сдѣлать что-нибудь для грековъ, которые и къ ней обращались». Тогда императору показалось, что Англія, въ отношеніи грековъ, имѣетъ эгоистическіе планы; онъ сталъ опасаться еще сильнѣйшаго уменьшенія своего вліянія на Порту и подписалъ Петербургскій протоколъ, дабы удержать Англію отъ всякихъ себялюбивыхъ плановъ; отсюда и статья пятая (протокола), согласно которой договаривающіяся державы не могутъ пріобрѣсти никакого увеличенія территоріи, ни исключительнаго вліянія; а равно и иныхъ торговыхъ преимуществъ для своихъ подданныхъ, нежели тѣ, которыя могутъ быть пріобрѣтены всякою другою націею.

11 марта. Сегодня, по возвращеніи отъ шведскаго посланника, я былъ приглашенъ къ императрицѣ. Тамъ не было никого, кромѣ принца; мы сидѣли у маленькаго угловаго стола. Вскорѣ пришелъ и императоръ (и сказалъ):

— „Imaginez vous, je n'ai pas un papier sur ma table".

Мы разсматривали англійскія гравюры; онъ поздравилъ меня съ рожде-

ніемъ у меня сына, прибавивъ: «меня радуетъ, что вы получили это извѣстіе здѣсь». (Затѣмъ онъ спросилъ):

— «Скажите, Герлахъ, будетъ у насъ война или нѣтъ?».

«Вашему величеству это лучше знать, нежели мнѣ».

— «Да я тоже этого не могу знать; il' faut demander le grand Turque".

Тогда разговоръ коснулся Константинополя; императоръ велѣлъ принести собраніе рукописныхъ плановъ. Если дать туркамъ время, то Константинополь можетъ быть сдѣланъ весьма сильнымъ; къ осадѣ должно присоединиться бомбардированіе. Турки очень хорошо защищаются въ крѣпостяхъ и, какъ говорятъ, всѣ городскіе жители вооружены.

Императоръ встаетъ въ 8-мъ часу, работаетъ до 12-ти, а вечеромъ, съ 9—12, 1—2 ч., такъ что онъ ежедневно семь—девять часовъ проводитъ за работою. Императору доложили, что въ нѣкоторыхъ губерніяхъ выставлено по 400 и по 500 рекрутъ сверхъ требуемаго числа, и онъ этому радовался.

15 марта. Здѣшній дворъ — единственный въ своемъ родѣ. Никакая герцогиня Нассауская, или принцесса Саксонская не обращаются съ императрицею такъ за-просто, какъ (графиня) Строганова. «Bon soir», говоритъ ей императрица; «bon soir», отвѣчаетъ ей та и продолжаетъ (разговоръ) въ такомъ-же тонѣ. Странное является здѣсь сплетеніе абсолютизма съ свободою обращенія!

Говорятъ, что не сдѣлали никакихъ замѣчаній на хатти-шерифъ: это очень странно. Мнѣ кажется, что если-бы они (англичане) не могли покончить дѣло миромъ, то соотвѣтственно ихъ политикѣ было-бы завладѣть политическимъ операціоннымъ объектомъ, и это они могли-бы сдѣлать съ четырьмя—шестью тысячами чел. порядочнаго войска, потому что такихъ силъ достаточно для покоренія Греціи. Такимъ образомъ, они исполнили-бы лондонскій трактатъ, а послѣ этого могли-бы предписать русскимъ миръ, соотвѣтственно своимъ обѣщаніямъ.

17 марта. Король (прусскій) не изъявилъ согласія на предложенія императора. Мнѣ становится все яснѣе и яснѣе, что прусская политика примкнетъ къ англійской, и въ этомъ я не могу усмотрѣть несчастія. По мнѣнію принца, слѣдуетъ или оставить грековъ на произволъ судьбы или-же выгнать турокъ изъ Европы. Справедливо разсуждаютъ въ Берлинѣ о томъ, какъ легкомысленно связали себя съ Россіею Англія и Франція, и о томъ, что онѣ не имѣютъ гарантіи, что Россія не станетъ дѣйствовать безъ нихъ. Съ такъ называемымъ русскимъ вопросомъ у Россіи всегда развязаны руки. Если вспыхнетъ мятежъ въ Валахіи и турки пошлютъ туда войска, то это есть нарушеніе трактатовъ; точно также, если возстанутъ греки, а (ихъ) станутъ обращать въ рабство и разрушать церкви. При переговорахъ въ Акерманѣ турки обѣщали все это поправить, а теперь опять возникаетъ Восточный

вопросъ. Три державы разрушаютъ наваринскій флотъ, турки запираютъ Босфоръ и пр. и пр., опять нарушеніе Акерманскаго договора. Правильно было-бы, если-бъ обѣ (западныя державы) гарантировали русскимъ соблюденіе трактата; но онѣ не должны были дозволить имъ односторонняго выполненія онаго.

19 марта. Вчера опять было вечернее собраніе у императрицы. Витгенштейнъ будетъ командовать арміею, а великій князь Михаилъ Павловичъ получилъ въ ней начальство надъ отдѣльною частью. Король (прусскій) отказался отъ того, чтобы влiять на Австрію, дабы она присоединилась къ тремъ державамъ; (онъ отозвался), что это его не касается, и что онъ долженъ выжидать предложеній великихъ державъ. Мысль принца—двинуть одинъ корпусъ (въ Турцію?) — король тоже отвергнулъ. Императоръ Николай держится того мнѣнія, что даже и безъ нарушенія Акерманскаго договора онъ властенъ начать войну; но если онъ такъ поступитъ и не станетъ соображаться съ англійскою политикою, то это можетъ вызвать безконечныя усложненія. При моихъ постоянныхъ утреннихъ бесѣдахъ съ принцемъ, я считаю своимъ долгомъ выставлять ему оборотную сторону здѣшнихъ мнѣній, въ особенности-же обращать его вниманіе на то легкомысліе, съ которымъ Англія и Франція подписали договоръ 6-го іюня, а равно и на опасность, которая можетъ возникнуть для Европы со стороны Россіи. Сегодня, однако, я принужденъ былъ согласиться съ принцемъ въ томъ, что, ради Австріи, Пруссія должна-бы была принять русскія предложенія. Но объясненіе этого дадутъ намъ лишь ближайшія депеши изъ Берлина. Говорилъ я тоже съ принцемъ о несправедливости русской политики въ 1812 г., послѣ Эрфуртскаго свиданія.

20 марта. «L'empereur comme chef de l'église», такъ постоянно выражаются русскіе; но это, какъ и все здѣсь, есть только смутное понятіе, не признаваемое церковью. Нѣкоторыя распоряженія императора, какъ напр. то, что онъ ограничилъ (?) соблюденіе поста первою и послѣднею недѣлями или то, что онъ приравнялъ священническихъ дѣтей къ прочимъ подданнымъ, имѣютъ важность для церковной исторіи. Здѣсь находятъ, что, вслѣдствіе вѣротерпимости послѣднихъ государей, русскіе утратили свою религіозность (!!). Замѣчательно однако, чего только русскіе не натворили, вопреки существовавшимъ доселѣ (историческимъ) опытамъ. Они необразованы и грубы — такъ вызываютъ себѣ учителей изъ Франціи; не умѣютъ ѣздить верхомъ— такъ приглашаютъ шталмейстеровъ изъ Германіи; несмотря на всякія мошенничества (мелкаго чиновничества), ихъ финансы въ порядкѣ; не смотря на всякіе обманы и подлоги (интендантства), ихъ армія сражается хорошо, и съ своею несвободною, безправною, грубою націею императоръ дѣлаетъ безконечно многое.

22 марта. Въ отношеніи греческихъ дѣлъ, графъ Строгоновъ держится

того мнѣнія, что рѣшительный образъ дѣйствій принудитъ Порту къ уступчивости. «Чѣмъ прочнѣе поставлена будетъ Греція, говоритъ онъ, тѣмъ меньше почувствуетъ Европа то потрясеніе, которое произойдетъ, когда колоссальная Оттоманская имперія рухнетъ, вслѣдствіе своего внутренняго упадка и своей одряхлѣлости. (Впрочемъ) греки совершенно неспособны къ самоуправленію, и надо имъ поставить какое-либо правительство; если-же упустятъ это сдѣлать, то результатомъ будетъ анархія». Въ этихъ воззрѣніяхъ много справедливаго.

Миръ съ Персіею заключенъ; объ этомъ императоръ вчера извѣстилъ императрицу записочкою, написанною карандашемъ. Принцъ положилъ эту записку въ каминъ, но я вынулъ ее оттуда, себѣ на память. День окончился вечернимъ собраніемъ у императрицы, которая, при разставаніи, сказала мнѣ, чтобы я пришелъ къ ней завтра послѣ обѣдни.

23 марта. Сегодня утромъ мы получили наши ордена. Въ $11^1/_2$ ч. я поѣхалъ съ принцемъ на панихиду по императорѣ Павлѣ. Прекрасное пѣніе пѣвчихъ, по крайней мѣрѣ, столь-же назидательно, какъ проповѣдь въ Аннинской церкви. На желѣзной рѣшеткѣ прикрѣпленъ вензель Петра III, и такимъ образомъ имѣлось передъ глазами воспоминаніе объ отцѣ и дѣдѣ императора. Послѣ богослуженія я отправился къ императрицѣ, и пока я тамъ былъ, пришелъ императоръ, и разспрашивалъ меня о разныхъ разностяхъ.

Нынѣшнее усложненіе восточныхъ дѣлъ имѣетъ несомнѣнно одну очень опасную сторону, а именно то, что три державы, частью помимо своей воли, заключаютъ чрезъ это союзъ съ якобинизмомъ (!?). Этотъ опасный союзникъ можетъ сильно напомнить о своемъ значеніи, когда пойдетъ рѣчь объ устройствѣ Греціи, и онъ можетъ водворить тамъ такой порядокъ вещей, который будетъ горше прежняго. Меттернихъ, извѣстясь о вторженіи Ипсиланти въ Валахію, сказалъ: «это только маленькая точка на горизонтѣ, но она скоро разрастется въ сильную грозу».

28 марта. Вчера вечеромъ прибылъ Тюменъ и, къ сожалѣнію, безъ приказанія о нашемъ отъѣздѣ (отсюда). Принцъ писалъ королю, что императоръ предложилъ ему (принцу) принять участіе въ турецкой войнѣ; однако, если-бы король предложеніемъ этимъ былъ недоволенъ, то пусть считаетъ его какъ-бы не сдѣланнымъ. Императоръ думаетъ въ концѣ апрѣля отправиться на Прутъ, осмотрѣть тамъ войско; а если дѣло дойдетъ до занятія княжествъ, то поѣдетъ въ Варшаву.

31 марта. Тюменъ привезъ съ собою константинопольскія депеши. Новое для меня въ нихъ то, что Англія отказала Франціи въ посылкѣ десантныхъ войскъ и кораблей въ Средиземное море, а также заявленіе (Англіи) о томъ, что, въ случаѣ односторонняго дѣйствія со стороны Россіи, она будетъ считать Лондонскій договоръ прекратившимся. Этимъ послѣднимъ (заявленіемъ) здѣсь, повидимому, озадачены. Однако, мнѣ представляется очень натянутымъ

то предположеніе, что Англія желаетъ избавиться отъ лондонскаго договора, не для того, чтобы защитить Турцію отъ Россіи, а для того, чтобы, развязавшись съ данными обязательствами, имѣть возможность одной осуществить свои честолюбивые планы.

Вчера и сегодня, на разводѣ были (у меня) два замѣчательныхъ разговора съ великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ. Вчера онъ шутилъ надо мною, по случаю моего утренняго визита къ князю А. Н. Голицыну, и опять назвалъ его „le saint Galizin". „Il est un homme très interessant, возразилъ я, et vraimeit pieux". „Vous le croyez? mais il lit, à ce qu'on dit, des livres que je ne comprende pas".—„Je crois, monseigneur, par ce que vous ne vous en souciez guère".—„Oh non, mon cher, je n'aime pas des plaisanterie sur la réligion; mais c'est pourtant une différence que la réligion et la bigotêrie; la réligion est une chose au dessus de nous et".... Мнѣ показалось, что онъ (великій князь) былъ нѣсколько недоволенъ мною.

Сегодня мы были приглашены въ малую дворцовую церковь, чтобы послушать пѣніе. Церковные хоры, общее колѣнопреклоненіе, мысль о томъ, что книга, которую держитъ священникъ, заключаетъ въ себѣ живое слово Божіе: все это сильно на меня подѣйствовало. Затѣмъ, на разводѣ, великій князь подошелъ ко мнѣ и спросилъ, какъ мнѣ понравилось пѣніе? Я отвѣчалъ, что Богослуженіе очень меня разстроило, но что я желалъ, чтобы подлѣ меня стоялъ генералъ Головинъ и объяснялъ мнѣ все, произносимое священникомъ. Тогда онъ началъ выхваливать Головина на всѣ лады, и какъ «brigadier comme il faut» и какъ «un homme excellent, d'une exactitude, d'une douceur», etc. Послѣ этого я спрашивалъ у него о значеніи литургіи и о томъ, насколько (произносимыя во время нея) молитвы касаются страстей Господнихъ, и т. д. На все это онъ мнѣ отвѣчалъ очень милостиво и любезно.

2 апрѣля. Императоръ сказалъ, что онъ ожидаетъ разрыва съ Англіею. Говорятъ, что на Дунаѣ у турокъ имѣется отъ 40 до 50 т. чел., но что настоящая армія стягивается къ Андріанополю, гдѣ находится 10-ти-тысячный кадръ старыхъ войскъ.

4 апрѣля. Вчера принцъ съ Линдгеймомъ и со мною былъ у св. причастія. Послѣ службы мы присутствовали при двухъ церемоніяхъ (въ русской церкви): положеніи во гробъ и погребеніи (Спасителя). Всѣ преклоняли колѣна и цѣловали гробъ (плащаницу).

7 апрѣля. Въ ночь съ субботы на пасхальное воскресенье мы присутствовали на литургіи, а затѣмъ послѣдовало поздравленіе императора, съ христосованіемъ, и цѣлованіе рукъ у императрицъ. Прекрасны, въ самомъ дѣлѣ, эти лобзанія съ (привѣтствіемъ) «Христосъ воскресъ», (равно какъ) и отвѣтъ на нихъ; но неумѣстны произносимыя при этомъ шутки и пере-

суды о томъ, какъ держали себя кавалеры и дамы въ Страстную пятницу, при обрядѣ положенія во гробъ. Въ пасхальное воскресенье мы уже рано прибыли въ церковь; но передъ тѣмъ были одарены пасхальными яйцами. Вечеромъ было собраніе у императрицы, причемъ императоръ говорилъ о клятвопреступничествѣ и возмутительномъ поведеніи инфанта Донъ-Мигуэля. Депеша Алопеуса изъ Берлина сообщаетъ, что король съ досадою отклонилъ предложеніе о договорѣ съ Россіею; но что Вицлебенъ все-таки потомъ заявилъ, что, въ случаѣ разрыва державъ между собою, король, навѣрное, будетъ готовъ держать сторону Россіи, и что въ такомъ смыслѣ высказался и Бёрнсторфъ. Бёрнсторфъ также сознался въ томъ, что съ Австріею велись переговоры, относительно предъявленія совмѣстныхъ требованій Портѣ, дабы она сдѣлала уступки, (и это) подъ угрозою нападенія съ ихъ стороны. Но Алопеусъ призналъ тогда, что это уже слишкомъ поздно (сдѣлано). Прежде повелѣнія принцу возвратиться, король хочетъ обождать письма отъ него. Когда, сегодня по утру, я пришелъ къ принцу, онъ мнѣ прочелъ нѣкоторыя мѣста изъ заявленій (Erklärungen) императора противъ (политики) Англіи; изъ нихъ видно, что еще при Александрѣ Павловичѣ Англія прибѣгала къ интервенціи въ пользу Греціи, когда получено было извѣстіе, что Турція намѣрена замѣнить христіанское населеніе Мореи мусульманскимъ. Король тоже писалъ принцу, что онъ дѣлалъ всевозможное, дабы побудить Австрію и Англію поддержать намѣренія Россіи, но что Австрія не хочетъ отступить отъ своего прежняго образа дѣйствій, въ чемъ, по крайней мѣрѣ, она послѣдовательна; но что Англія неправильно поступила, отклонившись отъ своихъ первоначальныхъ обѣщаній. Конечно, можно было уже напередъ знать, что война съ турками не въ интересахъ Англіи; нельзя также укорять и Веллингтона за то, что онъ уклонился отъ путаницы, устроенной Каннингомъ. Исторія новѣйшей европейской политики, начиная со Священнаго союза, и въ отношеніи къ послѣднему, была-бы очень интересна; также была-бы назидательна исторія якобинизма, какъ сатанинской пародіи на священное писаніе... grande nation... égorger le dernier roi avec les entrailles du dernier prêtre... vox populi vox dei... просвѣщеніе, обскурантизмъ, иллюминаты... Турція соглашается продолжать переговоры; но отъ нея требуютъ точныхъ предложеній.

10 апрѣля. Императоръ отправляется къ арміи, а императрица въ Одессу. Гриммъ разсказывалъ мнѣ надняхъ, какъ императоръ послалъ его на гауптвахту за булавку, которую тотъ оставилъ воткнутою въ обшлагѣ, и какъ черезъ полчаса освободилъ его оттуда, по просьбѣ императрицы. Его братъ-близнецъ одѣвалъ императора; при этомъ оборвалась застежка, а при зашиваніи ея стали ломаться иголки; государь разгнѣвался; наконецъ, застежку исправили, и Гриммъ молитъ Бога, чтобы она опять не разорвалась. Застежка выдержала; а императоръ, вскорѣ возвратившись, обнялъ Гримма и просилъ его прощенія за свою вспыльчивость.

Теперь и средоточіе армянской церкви тоже (очутилось) подъ русскою властью; курды кочуютъ у подножія сдѣлавшагося русскимъ Арарата, на которомъ, однако, еще не остановилось ковчега съ человѣкомъ, избраннымъ Господомъ для оживленія мертвой земли. Никогда еще христіанство такъ сильно не напирало на Азію, какъ теперь.

Императоръ Александръ Павловичъ двадцать лѣтъ проповѣдовалъ крестьянамъ либеральныя идеи; но при этомъ ничего для нихъ не было сдѣлано.

Графъ Воронцовъ предлагалъ освободить своихъ крестьянъ, но это было отклонено. Мысль о власти господъ, безъ крѣпостныхъ людей, никому здѣсь въ голову не приходитъ.

Каницъ отрѣшилъ г. Мильтица и послалъ его въ Берлинъ. Англія и Россія находятся въ несогласіи относительно границъ Греціи; Англія хочетъ освободить одну Морею. Французскія вооруженія въ Тулонѣ, какъ говорятъ, отмѣнены. Австрія не можетъ мобилизовать свои войска, по недостатку денегъ.

17 апрѣля. Третьяго дня я много говорилъ съ Дибичемъ. «Политика европейскихъ державъ такова, сказалъ онъ, что если-бы мы дѣйствительно питали честолюбивые замыслы, то не могли-бы для себя придумать лучшей, ибо чрезъ то, что онѣ оставляютъ насъ однихъ, онѣ почти понуждаютъ насъ къ завоеваніямъ.

„Англія, вѣроятно, для того хочетъ сохранить свои отношенія съ Портою, чтобы затѣмъ имѣть возможность выступить въ качествѣ могущественнаго посредника.

„До (занятія) Балканъ, эта политика можетъ быть и вѣрна; но если мы перешагнемъ Балканы и выиграемъ сраженіе подъ Адріанополемъ, то кто поручится за то, что мы не возьмемъ Константинополя par un coup de main, а что-же тогда будетъ? Зачѣмъ австрійцы не занимаютъ Сербіи? Мы должны-бы были ихъ благодарить за это.

„Самое выгодное для Россіи было-бы организовать христіанскіе народы въ самостоятельныя, но зависимыя (?) государства, дабы они, когда Турецкая имперія разрушится, имѣли-бы уже свое государственное устройство и не препятствовали русской торговлѣ».

25 апрѣля. Въ понедѣльникъ, 21-го, пріѣхалъ, наконецъ, ожидаемый курьеръ изъ Берлина; но онъ не привезъ рѣшенія короля по сдѣланному

ему принцемъ запросу, такъ что мы все-таки находимся въ неизвѣстности. Время было занято проводами уходящей въ походъ гвардіи.

Англія рѣшительно отклонила сдѣланное Австріею предложеніе—присоединиться къ «трилатеральному» (trilateralen) договору, такъ какъ считаетъ независимость Греціи несоотвѣтствующею ея «position physique».

Теперь, говорятъ, Австрія хочетъ вмѣстѣ съ Пруссіею приступить къ этому договору. Принцъ былъ возмущенъ этимъ предложеніемъ, усматривая въ немъ непослѣдовательность, такъ какъ Австрія прежде даже не признавала принципа интервенціи; я-же ничего особеннаго не нахожу въ этомъ.

26 апрѣля. Вчера вечеромъ принцъ прислалъ мнѣ манифестъ (о войнѣ), нетрудно было-бы противопоставить ему еще лучшій турецкій (манифестъ), но alea jacta est, а написанъ онъ, дѣйствительно, въ умѣренномъ и миролюбивомъ тонѣ, такъ что и меня привелъ въ совсѣмъ мирное настроеніе.

1 мая. ....Вотъ и война начинается. Окажется-ли Европа согласною и осмотрительною въ виду, такъ называемаго, Русскаго вопроса? Къ счастью, у ней есть Кормчій болѣе могущественный, чѣмъ императоры и короли, и пристанище, куда можно укрыться.

2 мая. Участвовать въ войнѣ намъ (пруссакамъ), вѣроятно, не придется. Мнѣ кажется, какъ будто я читалъ интересную книгу и у меня отняли третій томъ, когда я два уже прочиталъ. Не одобрять сего я, однако, не могу, (потому что) много при этомъ такого, надъ чѣмъ можно призадуматься.

Великій князь Михаилъ Павловичъ посадилъ одного офицера подъ арестъ на три дня за то, что тотъ прошелъ въ сюртукѣ передъ фронтомъ баталіона; у другаго офицера онъ приказалъ отнять шпагу, потому что тотъ слишкомъ рано простился съ дядею своимъ, пріѣхавшимъ изъ Риги (?).

4 мая. Вчера пришелъ отвѣтъ короля съ отказомъ. Король глядитъ на дѣло такъ-же, какъ и я предполагалъ сначала; онъ находитъ, что на него ляжетъ отвѣтственность, если-бы принцу что-либо приключилось на войнѣ, веденной не Пруссіею. Поучительности въ этомъ онъ тоже не усматриваетъ, такъ какъ предстоящая война совершенно другаго рода, нежели всѣ другія.

Вчера былъ (во дворцѣ) дѣтскій балъ. Въ то время, какъ дѣти ужинали, императоръ подозвалъ меня къ себѣ: «Ну, что скажете? Король писалъ мнѣ, а про это дѣло (?) ни слова». Не служитъ-ли письмо предупрежденіемъ императору, который до сихъ поръ еще (стоитъ) на почвѣ права, но уже у послѣднихъ предѣловъ? Я сталъ говорить, что мы, можетъ быть, изъ Берлина пріѣдемъ въ армію.

— «Это трудно предположить (отвѣчалъ императоръ); принцъ долженъ-бы былъ прибыть съ корпусомъ войскъ, а этого никогда не будетъ».

Во многихъ отношеніяхъ было-бы хорошо, еслибъ принцъ отправился къ арміи; (потому что), можетъ статься, что онъ имѣлъ-бы вліяніе (?) на императора и удерживалъ его въ предѣлахъ справедливости (?). Политики я больше совсѣмъ не понимаю: 1) такъ плохо заключенный лондонскій договоръ; 2) поведеніе Англіи, которая даже не отправляетъ императору посла съ инструкціями и полномочіями; 3) развѣ не сдѣлаетъ Англія запроса относительно двусмысленныхъ пунктовъ деклараціи? Почему Англія не приняла предложеній князя Ливена? Почему король (прусскій) не принялъ предложенія Алопеуса относительно заключенія договора? Какихъ гарантій Англія, Франція и Австрія требуютъ отъ императора, который сказалъ, что онъ гарантируетъ проходъ черезъ Константинопольскій проливъ такими правилами, которыя не могутъ ни съ чьей стороны встрѣтить противорѣчія?

8 мая. Сегодня день отъѣзда; вчера у насъ были прощальныя аудіенціи. Императрица-мать была въ слезахъ.—«Марія Павловна (принцесса Веймарская, которую ожидаютъ), сказала она, не найдетъ ни одного изъ своихъ братьевъ: тотъ, котораго она болѣе всѣхъ любила, умеръ; двое на войнѣ, одинъ въ отсутствіи. Для тѣхъ, кто такъ много испыталъ, какъ я, подобныя разлуки очень тяжки». Затѣмъ начались похвалы королю, принцу, королевской фамиліи; также милостивое воспоминаніе о моемъ маленькомъ Берндтѣ и т. д. Объ императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ императрица-мать отозвалась такъ, что та пользуется всеобщею любовью, «а это есть лучшій даръ въ этомъ мірѣ». Императоръ тоже былъ очень милостивъ. Онъ готовился къ тяжелой борьбѣ, не съ турками, но съ самимъ собою.

Въ Казанскомъ соборѣ было молебствіе, а (затѣмъ) собравшійся передъ церковью народъ привѣтствовалъ императора крикомъ ура! Въ ночь онъ выѣхалъ изъ Зимняго дворца весьма растроганнымъ, цѣловался и прощался со своею прислугою.

Въ $1^1/_2$ ч. и мы выѣхали изъ Петербурга, черезъ Царское-Село—въ Берлинъ, а не на войну съ турками. Я успѣлъ еще проститься съ Мейендорфомъ, а также со старикомъ Ливеномъ, который назначенъ министромъ народнаго просвѣщенія.

Еще одна замѣтка, благо я уже пишу, да и перо у меня хорошее. При прощаньѣ, великій князь наслѣдникъ Александръ Николаевичъ пода-

рилъ намъ сдѣланнаго изъ желѣза гренадера, извиняясь за дурную раскраску его, сдѣланную кантонистами. Князь Долгорукій разсказывалъ объ экипажномъ заведеніи, гдѣ всѣ работы производятся солдатами, для чего и набираютъ людей; (такъ что) при введеніи въ Россіи общей воинской повинности, также станетъ извѣстнымъ, что вмѣненная всѣмъ безъ исключенія обязанность состоитъ не въ томъ только, чтобы защищать отечество, но и въ томъ, чтобы дѣлать экипажи и прочія издѣлія.

III.

Елагинъ, 1 іюля. Я вмѣстѣ съ принцемъ еще обѣдалъ у короля, въ Шарлотенбургѣ; въ 11 ч. вечера я отправился къ принцу, а въ 12 мы отъѣхали. Въ Кюстринѣ я обратилъ вниманіе на крѣпостныя постройки; въ Маріенбургскомъ замкѣ надо было осмотрѣть окна. Я ѣхалъ съ докторомъ; на послѣдней станціи передъ Мемелемъ намъ запрягли 20 лошадей. Послѣ остановки въ Мемелѣ, мы переѣхали черезъ границу, въ Полангенѣ. Въ Митавѣ, какъ и всегда, находился генералъ Головинъ.

Затѣмъ путь пошелъ черезъ Ревель, мимо озера Пейпуса, въ Эстляндію. О мѣстности около этого озера не имѣютъ понятія: песчаные, каменистые берега съ немногими деревьями. Нарву мы проѣхали въ совершенно свѣтлую сѣверную ночь, такъ что совершенно ясно можно было различать цифры на верстовыхъ столбахъ. Въ Елагинскомъ (дворцѣ) императорская фамилія приняла насъ на лѣстницѣ. Императрица пожаловала мнѣ руку для поцѣлуя; императоръ поцѣловалъ меня (и сказалъ): «не забыли старика? (den alten Kerl»). Достаточно было причинъ вспоминать о немъ. Каницу онъ сказалъ: «Вы сдѣлались на половину русскимъ». Возстаніе въ Польшѣ курляндцы считаютъ весьма опаснымъ для Россіи; у нихъ крестьяне тоже стали-бы на торону поляковъ и зажгли-бы замки своихъ господъ. Въ Курляндіи нѣтъ войскъ, а потому (тамошнее) дворянство принимаетъ мѣры для самозащиты

Въ пятницу утромъ мы дѣлали визиты посланникамъ. Вечеромъ было собраніе у императрицы. Передъ тѣмъ императоръ призвалъ Каница въ свой кабинетъ, говорилъ съ нимъ о полякахъ и разразился обвиненіями противъ нихъ. Каницъ пытался извинять ихъ, но императоръ возразилъ ему: «Многіе съумѣли уклониться отъ этого (мятежа), слѣдовательно это можно было сдѣлать; но ces polonais sont des gens sans foi ni loi, sans réligion; ils sacrifient tout à un phantome de nationalité. J'ai dis à Lubinsky: je te pardonne, mais ta conscience ne te pardonnera jamais. Et ce Szembeck, avec lequel j'ai parlé comme je parle avec vous»!.. и т. д.

Вечеромъ императоръ говорилъ со мною объ опасномъ положеніи Европы. Я замѣтилъ на это, что теперь дѣла стоятъ совсѣмъ иначе, нежели въ 1813 и 1814 гг., когда всѣ единодушно возстали противъ Наполеона.

«А почему-же (возразилъ онъ) этого опять не можетъ быть?»

— «Англія!»

«Кто можетъ намъ что-либо сдѣлать, если мы трое будемъ держаться другъ друга? Съ революціями шутить нельзя; надо ихъ подавлять пока можешь, иначе онѣ перерастутъ насъ».

На обѣдѣ у Галена, гдѣ я былъ вмѣстѣ съ Каницемъ, находились, кромѣ меня, все новыя лица. Передъ весьма скучнымъ баломъ насъ посѣтили Гоэнлоэ и Дёрнбергъ. На балу я въ первый разъ могъ представиться великому князю Михаилу Павловичу; онъ былъ весьма милостивъ и тотчасъ-же заговорилъ со мной о политикѣ:

«Avant tout il faut être juste... les malheurs de l'Europe ont commencé avec cette malheureuse Grèce»...

Я (сталъ говорить великому князю) о нелѣпости народнаго главенства.

«Je vois bien, monsieur, отвѣчалъ онъ, que nous sommes d'accord; nous sommes des éteignoires, des satrapes de la despotie».

Когда англійскій посолъ сталъ дѣлать императору Николаю представленіе по случаю блокады Дарданелловъ, государь отвѣчалъ ему, что Англія вѣдь можетъ потопить его флотъ, и что онъ приготовился къ этому, «mais osez le faire!»

А почему Англія не посмѣла этого сдѣлать? По такимъ причинамъ, которыя теперь истекаютъ изъ взгляда на вещи, наиболѣе соотвѣтствующаго взглядамъ императора. А, между тѣмъ, этотъ государь не усматриваетъ въ какой мѣрѣ его тогдашняя политика, вмѣстѣ съ политикою другихъ государствъ, виновна въ нынѣшнемъ положеніи дѣлъ: онъ бравировалъ (?) прочно установленный миръ и не взялъ во вниманіе (принциповъ) Священнаго союза. Каницъ имѣлъ продолжительный разговоръ съ императоромъ объ европейскихъ дѣлахъ.

— «Je n'ai pas voulu, сказалъ государь, faire une croisade, pour placer de nouveau Charles X sur le thrône; il a été la cause de ses malheurs, par les fautes qu'il a commis. Mais il y a une grande différence entre une guerre et la manière comme on a agi, en reconnaissant Louis Philippe de prime abord; avant tout il faut être honnête homme»... На 90-й день послѣдній эшелонъ русской арміи могъ-бы быть на Одерѣ... «Surtout les raisons, qu'on a alléguées pour la necessité de reconnaître Louis-Philippe m'ont effrayé: on m'a assuré d'etre dans l'impossibilité de faire une guerre contre l'opinion publique».

Каницъ возразилъ императору, что этого и нѣтъ: «c'est l'idée d'un peckin, sire, si j'ose me servir d'une expression de hussard».

Петергофъ, 3-го іюля. Въ воскресенье, послѣ богослуженія въ Красномъ селѣ, мы посѣтили малолѣтнее отдѣленіе императорскихъ кадетскихъ корпусовъ. Они (дѣти) состоятъ еще подъ женскимъ надзоромъ. Въ императорскихъ заведеніяхъ воспитываются 6.000 молодыхъ дворянъ и 9.000 солдатскихъ дѣтей. Объ одномъ изъ этихъ мальчиковъ императоръ разсказывалъ, что онъ родителями своими былъ посланъ въ саняхъ прямо изъ Бессарабіи. Если какая-либо страна можетъ доказать, то культура исходитъ не изъ школы—то это Россія; ибо кто̀ тамъ воспитывается и обучается!

Вчера императоръ высказалъ свою нескрываемую ненависть къ Франціи: «ce qu'on appelle roi en France».

Маленькій великій князь Николай Николаевичъ—чудно-красивое дитя: бѣленькій, кругленькій и притомъ такъ дѣтски серьёзенъ, что прелесть. Я сказалъ про него Каницу: «c'est l'homme le plus aimable de la Russie», а тотъ пересказалъ это другимъ. Игры государя съ дѣтьми, въ средневѣковаго вида котеджѣ [1]), при чудной наружности императора и императрицы, представляютъ прекрасную картину. Во время парада императоръ поставилъ маленькаго великаго князя Александра Николаевича на линію прохожденія войскъ, на ряду съ другими флигель-адъютантами. Это тоже либерализмъ, только другаго рода. Впрочемъ, принцъ этотъ держался твердо на мѣстѣ, когда высокіе солдаты шли прямо на него. Сегодня мы обѣдали и провели вечеръ въ котеджѣ. Вечеромъ я сидѣлъ за однимъ столомъ съ императоромъ и императрицею. Одинъ столъ, у окна, стоялъ высоко, другой—пониже. «C'est la chambre haute et la chambre basse», сказалъ принцъ.

— «Ne me parlez pas ici de constitution», возразилъ императоръ.

9 іюля. Третьяго дня былъ день рожденія императора. Ему лично, ему, какъ властителю Россіи, ему, какъ европейскому монарху, право, можно пожелать счастья. Праздникъ начался съ парада, (на которомъ) императоръ, въ своемъ красномъ мундирѣ, былъ великолѣпенъ; затѣмъ—обѣдня, baise-main, обѣдъ, балъ. Императрица открыла на моемъ лицѣ непріятное ей праздничное выраженіе. Сегодня по-утру мы поѣхали въ Кронштадтъ. Поѣздка была очень пріятна и понравилась Каницу. Кромѣ цитадели и крѣпостныхъ верковъ, мы осмотрѣли госпиталь, гдѣ находились и арестанты съ бритымъ лбомъ или наполовину выбритою головою. Между ними навѣрное были и литовскіе дворяне, потому что многіе изъ нихъ, несмотря на одѣяніе и бритую голову

[1]) Александріи.

имѣли видъ очень порядочныхъ людей. Каницъ замѣтилъ, что надо имѣть въ себѣ самомъ что-либо, чтобы въ такомъ нарядѣ имѣть порядочный видъ.

Укрѣпленія очень красивы, особенно построенныя изъ неправильныхъ глыбъ гранита. При своемъ воцареніи, императоръ нашелъ только одинъ линейный корабль, годный въ дѣло; теперь-же онъ, въ Балтійскомъ морѣ, скоро будетъ имѣть 17 линейныхъ кораблей и столько-же фрегатовъ. При видѣ одного французскаго судна, императоръ разсердился на его трехъ-цвѣтный флагъ. Матросъ, стоявшій у лѣстницы, по которой всходили на пароходъ, былъ еврей; въ Маріинскомъ госпиталѣ лежало двое еврейскихъ мальчиковъ изъ Митавы. Въ послѣдній праздникъ Пасхи, императоръ сказалъ стоявшему у дверей его комнаты часовому: «Христосъ воскресъ», чтобы затѣмъ, при отвѣтѣ: «воистину воскресъ», по-русскому обычаю, поцѣловать его. Но часовой оказался магометаниномъ, и отвѣчалъ: «никакъ нѣтъ, не воскресъ, я татаринъ».

Сегодня я имѣлъ продолжительныя бесѣды съ Чернышевымъ и Бенкендорфомъ. Съ первымъ—о военныхъ и войскѣ. Съ Бенкендорфомъ я говорилъ о положеніи дѣлъ въ Германіи. Великая княгиня Елена Павловна опять очень разумно разсуждала о германскихъ дѣлахъ и замѣтила, что прежде нѣмцы обращались со своими властителями съ бо̀льшимъ почтеніемъ, нежели то дѣлаютъ русскіе. Бенкендорфъ не отрицалъ, что въ Россіи существуетъ значительный запасъ либерализма, но увѣрялъ, что императоръ, сначала вовсе не любимый, теперь обожаемъ народомъ и войсками.

13 іюля. Сегодня, во время празднествъ, по случаю дня рожденія императрицы, я говорилъ съ Канкринымъ. Индустріею, искуственно созданною посредствомъ меркантильной системы, Россія будетъ удерживаться въ состояніи варварства, такъ какъ система эта прямо дѣлаетъ невозможнымъ существованіе цеховъ и корпорацій (?). Въ западной Европѣ индустрія была послѣдствіемъ цеховъ и корпорацій; здѣсь она перешагнула черезъ нихъ; отсюда отсутствіе противоположности между городами и остальною страною, противуположности, въ которой содержатся условія свободы для земледѣльца, а также существованія средняго сословія, tiers-état.

18 іюля. 14-го числа опять былъ разводъ. Прохожденіемъ караула, состоявшаго изъ 21-го человѣка, занято было много лицъ, между прочими 31 генералъ и множество адъютантовъ. Затѣмъ была поѣздка водою на Елагинъ; пошелъ дождь, и всѣ усѣлись подъ наметъ, вокругъ августѣйшихъ особъ. Нельзя отрицать, что съ болотистою при-Невскою мѣстностью, лежащею вблизи сѣвернаго полюса, сдѣлано все, что̀ возможно было сдѣлать. 15-го числа происходило большое гулянье на Елагиномъ, мы сопровождали императора и великаго князя Михаила Павловича, который былъ очень милостивъ и много острилъ. Полковые музыканты играли; крестьяне и крестьянки пѣли, раздѣленные на два хора; при этомъ, множество жандармовъ. При

пусканіи фейерверка слышно было, какъ стоявшіе на мосту люди кричали ура. «Ils crient hurrah, heureux gens!» сказала маленькая подвижная великая княжна Александра Николаевна. Вечеромъ императрица разсказала это своему супругу, который, однако, остался совершенно серьезнымъ; ему это «heureux» представлялось не столь яснымъ, какъ его дочери. Когда императоръ вошелъ, то, отозвавъ Каница и меня въ уголъ комнаты, разсказалъ намъ, какъ въ англійскомъ парламентѣ его называли «un Néron, un cannibal», и (говорили), что въ англійскомъ лексиконѣ нѣтъ слова, для обозначенія того, что̀ онъ такое. Лордъ Дургамъ пріѣзжаетъ (сюда), дабы заявить о трактатахъ относительно Польши. Каницъ опять имѣлъ продолжительный разговоръ съ императоромъ, относительно признанія Луи-Филиппа королемъ, причемъ снова отрицалъ, что общественное мнѣніе воспрепятствовало намъ (пруссакамъ) начать войну.

— «Aussi longtemps, сказалъ при этомъ императоръ, que nous aurons une goutte de sang dans nos veines, ni moi, ni mon fils nous ne rétablirons cette armée polonaise».

Я всегда порицаю Каница (чего онъ, впрочемъ, по правдѣ сказать, не заслуживаетъ), за то, что онъ смущаетъ императора въ его здравомъ воззрѣніи на нынѣшнія обстоятельства. Развѣ слѣдовало немедленно поднять мечъ, чтобы быть покинутымъ: Россіею—навѣрное, а Австріею—вѣроятно? Нѣтъ, «avant tout, il faut être honnête homme», какъ говоритъ императоръ, все прочее само-собою устроится. (Слѣдовало-бы) не признавать Луи-Филиппа, осудить іюльскіе дни, сообразно этому, принять мѣры обезпеченія противъ мятежной Франціи, чтобы охранить себя отъ вторженія, тогда все остальное должно было-бы сдѣлаться само собою: 1) общественное мнѣніе было-бы другимъ, потому что энергическое, рѣшительное слово всегда убѣждаетъ и закупаетъ; 2) Франціи пришлось-бы въ такомъ случаѣ или силою добиваться признанія, и тогда явилась-бы наступательная война и надо было-бы защищаться, или-же партія «juste milieu» овладѣла-бы правленіемъ, воспрепятствовала войнѣ, и тогда Луи-Филиппъ вынужденъ-бы былъ сблизиться съ легитимизмомъ, сойтись съ Бурбонами. Вотъ, объ этомъ-то послѣднемъ должна-бы была стараться дипломатія. Успѣхъ (дѣла) необходимо было предоставить волѣ Божіей; но не творить зла для того, чтобы изъ него вышло добро. Это представляется мнѣ ни непрактичнымъ, ни невозможнымъ, и оно привело-бы, можетъ статься, къ болѣе прочнымъ результатамъ; между тѣмъ, какъ настоящее положеніе вещей останется ненадежнымъ.

Императоръ Николай Павловичъ отправился вчера въ Кронштадтъ для того, чтобы принять лорда Дургама на своемъ кораблѣ, въ качествѣ путешественника, какъ онъ приказалъ ему сказать. Такъ все и произошло. О (ихъ) собесѣдованіи мы узнали во время обѣда подъ навѣсомъ балкона въ

котеджѣ, гдѣ мы, въ числѣ семи человѣкъ, сидѣли съ императоромъ и императрицею. Узнали тоже, что оно прошло довольно дружелюбно. «Je me signerai toujours: Nicolas cannibal», сказалъ императоръ Дургаму. Говорятъ, что, по поводу неприличія выраженій (въ парламентѣ) лордъ извинялся передъ княземъ Ливеномъ и сказалъ: «Nous ne voulons pas la propagande révolutionnaire et nous ne l'avons jamais voulu».

Во время обѣда императоръ говорилъ о полякахъ, о таможенныхъ пошлинахъ; а вспоминая о своемъ отцѣ, выразился такъ: «mon pêre, qui avait quelques fois des accés d'humeur un peu violents». Императрица засмѣялась.

Въ 8 часовъ мы поѣхали въ Красное Село, гдѣ находился Дернбергъ и гдѣ, нѣсколько по походному, спали мы на диванѣ, а императоръ — въ палаткѣ.

22-го іюля. Сегодня, при смотрѣ флота въ Кронштадтѣ, осматривали тоже англійскій корабль «Талавери», привезшій лорда Дургама. Императоръ осматривалъ его очень внимательно, съ верху до низу, и замѣтилъ, что все существенное находится въ отличномъ состояніи; но русскіе суда были какъ-бы опрятнѣе. При видѣ англійскаго пастора, находившагося на кораблѣ, въ своемъ священническомъ облаченіи, императоръ замѣтилъ: «comme ce costume du prêtre anglais est beau; si digne, si simple». Русскіе, зараженные самомнѣніемъ, конечно, находили, что у нихъ все лучше, и что ихъ флотъ — первый (въ мірѣ). За обѣдомъ въ котеджѣ говорилось о томъ, что Англія близка къ революціи. Послѣ обѣда я пошелъ къ маленькому Александру Голицыну, который тотчасъ-же завелъ со мною бесѣду о духовныхъ вопросахъ. Въ разговорѣ мы тоже остановились на разслабленности и индеферентизмѣ нашего времени, на такъ называемомъ «juste milieu». Кто теперь свободенъ отъ этого? Даже самъ Николай Павловичъ не знаетъ ничего инаго, какъ «habileté au milieu des extrémes». Сегодня, въ 10 часовъ утра, былъ разводъ, въ 11—обѣдня. Мердеръ, воспитатель маленькаго великаго князя Александра, жаловался на безпокойную суетливость придворной жизни, которая сильно мѣшаетъ ему въ дѣлѣ воспитанія; также говорилъ онъ о той отвѣтственности передъ Богомъ и людьми, которая лежитъ на немъ, какъ воспитателѣ будущаго государя, олицетворяющаго собою законъ для 50-ти милліоновъ и имѣющаго долгое время оставаться таковымъ.

Въ 4 часа былъ обѣдъ, на которомъ присутствовали: австрійскій посолъ и лордъ Дургамъ. Мы просили представить насъ ему, а затѣмъ отправились вмѣстѣ съ нимъ къ принцу, у котораго онъ долго оставался. Послѣ его отъѣзда принцъ вышелъ и разсказалъ мнѣ и Галену свою бесѣду съ нимъ: «N'est ce pas, monseigneur, сказалъ Дургамъ, vous êtes aussi de l'opinion de supprimer ces petits princes de l'Allemagne?» — «Non, возразилъ принцъ, je ne crois pas que ce soit nécessaire, quand les petits princes suivent les grandes puissances en cas de besoin».

Сегодня вечеромъ былъ балъ. Съ лордомъ Дургамомъ заговорила императрица, передъ тѣмъ спрашивавшая меня: о чемъ ей съ нимъ говорить, такъ какъ императоръ запретилъ ей касаться политики. «Я вамъ все-таки должна дать отчетъ, сказала она мнѣ потомъ, я говорила съ нимъ о его дѣтяхъ и о его замкѣ, переходившемъ въ теченіе тысячи лѣтъ отъ отца къ сыну».

25-го іюля. Сегодня мы ѣздили на пароходѣ въ Петербургъ; день былъ очень безпокойный, такъ что я и Каницъ замѣтили, что мы сегодня, должно быть, празднуемъ «la fête de St. Pachol!» (пошелъ!) Императоръ взялъ съ собою многихъ кадетовъ, а также маленькихъ черкесовъ и, какъ всегда, былъ очень ласковъ съ этими дѣтьми. Во время дождя, захватившаго насъ, Каницъ и я остались одни съ императоромъ на палубѣ; онъ былъ очень веселъ и потребовалъ, чтобы продолжали подавать обѣдъ. «Ce temps, сказалъ онъ, est aujourd'hui, d'après une expression de la famille de ma femme, mummulackissime».

Вчера было вечернее собраніе въ котеджѣ; императоръ пришелъ къ ужину и сказалъ: «Les Polonais se sont adressés à lord Durham, mais il leur a donné une réponse très bonne et très ferme». Онъ (лордъ) далъ императору честное слово, что его миссія не имѣетъ особенныхъ цѣлей, и что Польша, во всякомъ случаѣ, не является главною цѣлью, а скорѣе—Бельгія. Изъ его рѣчей можно заключить, что онъ чувствуетъ потребность оправдать себя и свою партію. Сегодня Гоэнлоэ разсказывалъ мнѣ о томъ, какое дурное настроеніе господствовало въ Россіи во время польской-войны. Такъ было въ началѣ 1812 года, такъ бываетъ и при всякой несчастной войнѣ: старорусская партія тогда сейчасъ поднимаетъ голову.

Къ англичанамъ съ корабля «Талавера» императоръ относится особенно внимательно.

Императоръ постоянно ночуетъ въ красносельскомъ лагерѣ (гдѣ мы тоже присутствовали на маневрахъ 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи), а обѣдать пріѣзжаетъ къ императрицѣ. Вечеромъ и мы къ ней отправились. Изъ Парижа прибыли тюки съ книгами. Его Величество самъ вскрывалъ ихъ, говоря: «Tale of my landlord. C'est pour vous» (императрицѣ). „La nuit du 15 août à Varsovie,—c'est pour Canitz". „Rapport sur l'instruction publique—c'est pour Gerlach". „Nouveaux griefs des cabinets de l'Europe contre le cabinet de la Russie—cela doit être jolie, je le garderai pour moi".

Во время маневровъ гвардіи, лордъ Дургамъ сказалъ мнѣ, что англичане народъ не воинственный и не любятъ, подобно французамъ, военныхъ экзерсицій. Я припомнилъ ему побѣды Веллингтона. Они (англичане), возразилъ онъ, скорѣе упорны.

Вечеромъ, за чаемъ, императоръ разсказывалъ мнѣ про бытъ казаковъ, и объяснялъ мнѣ все съ своею обычною снисходительностью.

Вчера вечеромъ мы еще разъ были на зарѣ съ церемоніею въ лагерѣ.

Сегодня утромъ мы представлялись (великому князю) Михаилу Павловичу, который зазвалъ насъ въ свою палатку и говорилъ о Польшѣ и о состояніи Европы. «Un pauvre vermisseau comme moi, сказалъ онъ, ne peut pas se mêler de la politique, mais il me paraît cependant un devoir de s'opposer à la révolution». Сегодня вечеромъ Николай Павловичъ, какъ обыкновенно, выражалъ свое отвращеніе къ іюльской революціи, говоря, что ему всегда чрезвычайно хочется растоптать ногами трехцвѣтную кокарду. Я замѣтилъ, что, вѣроятно, настанетъ когда-нибудь время, когда противъ трехцвѣтной кокарды приказано будетъ обратить оружіе. Кто-то привелъ разсказъ изъ мемуаровъ Людовика XVIII и о предсказаніяхъ Казотта (Casottes) передъ французскою революціею. Императоръ, хотя утомленный ученьемъ, слушалъ внимательно, и заключилъ этотъ разговоръ слѣдующими словами: „Il n'est pas donné à nous de savoir l'avenir; chacun doit marcher hardiment dans la trace qui lui est montré“. Этому правилу добрый императоръ до сихъ поръ вѣрно слѣдовалъ. Напрасно было касаться такихъ предметовъ въ его присутствіи.

31 **іюля**. Что за чудныя лошади въ Россіи, думалъ я вчера утромъ, при осмотрѣ ремонтовъ, которые императоръ распредѣлялъ самъ. Къ обѣду у великаго князя Михаила Павловича великая княгиня появилась съ весьма нездоровымъ видомъ. Она, кажется, не очень восхищена Россіею, и полагаетъ нужнымъ, чтобы русскіе иногда ѣздили за-границу, чтобы цивилизоваться. Послѣ стола великій князь поѣхалъ съ нами въ садъ и по окрестностямъ и показывалъ китайскій домикъ, въ которомъ жила Екатерина, и камень, на которомъ она сиживала. Вечеромъ, въ котеджѣ зашла рѣчь объ Ораніенбаумѣ, а также о томъ, какъ Екатерина уѣхала изъ Петергофа въ Петербургъ, и подняла тамъ Измайловскій полкъ; какъ Петръ III бѣжалъ въ Кронштадтъ, не былъ туда впущенъ и т. д. Бесѣдуя съ **Адлербергомъ**, **Бенкендорфомъ** и **Мердеромъ**, я навелъ разговоръ о проявляющейся при всѣхъ революціяхъ реакціи противъ иностранцевъ. Бенкендорфъ согласился съ этимъ, но отвергалъ взаимное нерасположеніе между русскими и нѣмцами, допускаемое Лобановымъ. Событія 1762-го г. Бенкендорфъ объявилъ необходимыми. За ужиномъ зашла рѣчь о германскихъ контингентахъ и о томъ, что сословныя собранія (Stände) не соглашаются оставить военный бюджетъ въ настоящемъ положеніи или увеличить его. Я сказалъ, что мекленбургцевъ нельзя включать въ число другихъ; но это, повидимому, не убѣдило его величество. „Cela viendra“, отвѣчалъ онъ. Какъ важно было-бы уяснить это дѣло.

1 **августа**. Разговоры, подобные происходившимъ вчера вечеромъ, когда шла рѣчь о Петрѣ III и когда пренебрежительно отзывались о сословныхъ собраніяхъ Мекленбурга, даютъ поводъ къ серьезнымъ политическимъ размышленіямъ. Какъ можно такъ легко отзываться о германскихъ собраніяхъ, когда не знаешь даже, что̀ это такое за собранія, и когда ни исторія, ни

наука не внушили намъ, что въ чемъ-нибудь подобномъ является надобность Развѣ дѣла хорошо шли здѣсь, гдѣ Петръ I приказалъ казнить собственнаго сына за то, что онъ принадлежалъ къ консервативной партіи; гдѣ Меншиковъ, послѣ смерти Екатерины I, хотѣлъ сдѣлаться самовластнымъ, посредствомъ брака своей дочери съ Петромъ II... Бенкендорфъ, въ извѣстномъ смыслѣ, правъ...

Развѣ германскія конституціи столь достойны отверженія? Однѣ изъ нихъ остаются вполнѣ чистыми; другія пріобрѣли извѣстную степень легитимности; онѣ не подвигаются къ якобинизму, но отдаляются отъ него. Слѣдуетъ ограничивать конституціи, отстранить отъ нихъ ложь и нелѣпости; но съ остальнымъ держлаь себя честно, безъ „reservations mentales", которыя, по моимъ понятіямъ, совершенно непозволительны.

6 августа. Маневры послѣднихъ дней привели меня къ слѣдующимъ выводамъ: русскій солдатъ ходитъ превосходно, обладаетъ варварскою (?) силою въ перенесеніи походныхъ трудовъ, но и варварскою основою безпорядочности. Почему присутствіе Николая Павловича въ первомъ турецкомъ походѣ было столь тягостнымъ маленькому Дибичу—это тоже стало для меня яснымъ. Страсти къ фронту весьма противны тѣ неправильности, которыя встрѣчаются на войнѣ; здѣсь и выражается чистосердечно, что «война портитъ армію». Поэтому и являются разныя сомнѣнія насчетъ войны, — что однажды и отразилось здѣсь, когда въ котеджѣ зашла рѣчь объ этомъ. Государю, впрочемъ, никто не высказываетъ правды, а говорятъ лишь то, что ему по сердцу. Вчера, въ воскресенье, былъ завтракъ въ Монплезирѣ, откуда смотрѣли на морскіе маневры кадетовъ. Императрица подозвала меня и спросила: «Герлахъ, какъ вамъ понравился красный человѣкъ (Дургамъ)?» «Не особенно; въ Берлинѣ думаютъ, что его послали сюда, чтобы отдѣлаться отъ него». «Это навѣрно такъ; княгиня Ливенъ тоже пишетъ, что Англіи и Европѣ была-бы оказана услуга, если-бы онъ отосланъ былъ отсюда пристыженнымъ». Здѣсь онъ держалъ себя хорошо. Вечеромъ, на балу, императоръ долго говорилъ съ лордомъ Дургамомъ о полученной изъ Нидерландовъ депешѣ, судя по которой король Вильгельмъ дѣлаетъ уступки по многимъ пунктамъ. По моему мнѣнію, задержка въ передачѣ Антверпена есть единственная хорошая вещь въ этомъ дѣлѣ; какъ состоится остальной договоръ о раздѣленіи (съ Бельгіею)—это довольно неважно. Когда лордъ Дургамъ порицалъ вмѣшательство большихъ державъ во внутреннія дѣла мелкихъ владѣній, какъ дѣло несправедливое, то Фикельмонъ замѣтилъ ему, что до германскихъ порядковъ Англіи нѣтъ дѣла. Теперь, на самомъ дѣлѣ, Германія замѣчательно свободна отъ чуждыхъ вліяній.

Въ пятницу, въ день рожденія короля, мы приглашены были на завтракъ къ императрицѣ. Ночь съ среды на четвергъ мы провели въ чухонской деревнѣ, въ крестьянской избѣ, бревенчатомъ домѣ съ закоптѣлымъ потолкомъ,

бѣлокурыми ребятишками и плачущею хозяйкою, у которой забрали сѣно. У мужиковъ есть молоко и яица, и обстановка ихъ кажется почти лучшею, нежели въ Польшѣ; они, впрочемъ, и слывутъ за болѣе порядочныхъ людей.

На маневрахъ императоръ разсказывалъ намъ, какъ онъ, будучи еще великимъ княземъ и прибывъ въ одну изъ этихъ (чухонскихъ) деревень, долженъ былъ оставаться въ кухнѣ, потому что хозяйка не пустила его въ жилую комнату. Новая Финляндія пользуется, кажется, относительно хорошими внутренними порядками; но тутъ мнѣ, вмѣстѣ съ либералами, хотѣлось-бы сказать, что для нея нѣтъ никакихъ гарантій. Старую Финляндію, присоединенную къ новой, совершенно обрусили.

Во время маневровъ Фикельмонъ замѣтилъ, что завоеваніе Швеціи, которому никто, за исключеніемъ развѣ Англіи, не могъ-бы помѣшать, было-бы опаснѣйшимъ направленіемъ для русскаго завоевателя. На балу я бесѣдовалъ съ княземъ Волконскимъ о русскомъ сельскомъ хозяйствѣ, а съ Гогелемъ, еще разъ, — о Сибири. Тамъ существуютъ три горнозаводскихъ округа, изъ коихъ два принадлежатъ казнѣ, а одинъ—въ частномъ владѣніи. Гофмаршальскій столъ, вчера, какъ и сегодня, уподоблялся табль-д'оту: каждый старается прежде всего выбрать мѣсто для самого себя.

7 августа. Лордъ Дургамъ заявляетъ, что онъ здѣсь нашелъ все совершенно инымъ, нежели предполагалъ. Онъ говоритъ, что отношенія императора къ своей арміи, къ своимъ слугамъ ему очень понравились; что дворъ держитъ себя гораздо непринужденнѣе и свободнѣе, чѣмъ дворъ англійскаго короля, и т. д. Такимъ образомъ и онъ—лордъ, старинный дворянинъ, знатный человѣкъ, потерялъ вкусъ къ произвольной покорности и къ горделивому смиренію при дворѣ государя свободной страны, и находитъ, что русскій дворъ лучше, благодаря отсутствію этихъ благородныхъ (?) формъ и отношеній! Я сейчасъ подумалъ, что либералъ не можетъ имѣть такого политическаго образованія, чтобы подмѣтить и при дворѣ темныя стороны русскаго быта. Значитъ у него совершенно исчезло понятіе о связи парламентаризма съ этими предметами, и открыта дорога къ союзу деспотизма съ якобинствомъ (!?).

Сегодня, за обѣдомъ, даннымъ штабъ-офицерамъ гвардіи, я сидѣлъ подлѣ генерала Веймарна, въ которомъ нашелъ человѣка вѣрующаго, что для меня было истиннымъ утѣшеніемъ. Великаго князя Михаила Павловича онъ признаетъ человѣкомъ богобоязненнымъ, религіознымъ, который, между прочимъ, настаиваетъ на томъ, чтобы кадетамъ каждое воскресенье говорили проповѣди. Веймарнъ радовался тому духу, который школою Сарторіуса внесенъ въ Лифляндскую церковь.

9 августа. Вчера по утру, въ Казанской церкви, я первый разъ въ моей жизни, присутствовалъ при русской проповѣди. Священникъ стоялъ за аналоемъ и говорилъ съ весьма спокойными жестами; изъ стоявшихъ кругомъ людей мало кто слушалъ его внимательно. Вечеромъ, въ котеджѣ, я говорилъ

объ этомъ съ императрицею; она сказала мнѣ, что во дворцѣ никогда не говорятъ проповѣдей, потому что не могли-бы вынести долгаго стоянія послѣ литургіи. Въ Москвѣ проповѣди произносятся.

10-го августа. Сегодня былъ смотръ флоту. Нельзя ничего себѣ представить великолѣпнѣе этихъ 41 военныхъ судовъ, изъ которыхъ 17 линейныхъ кораблей, выстроенныхъ по одной совершенно прямой линіи, разцвѣченныхъ флагами и привѣтствующихъ императорскій катеръ 3,000 пушечныхъ выстрѣловъ. На палубѣ корабля «Петръ I» завтракали, а потомъ и обѣдали. Чернышевъ разсказывалъ мнѣ, какъ съ 1809 по 1811 годъ онъ состоялъ при Наполеонѣ, пользовался его довѣріемъ, и сообщалъ императору Александру непосредственно важнѣйшія донесенія. Свои переговоры съ Наполеономъ, исполненные фальши, лжи и пустословія, онъ записалъ. Въ Таганрогѣ, при императорѣ Александрѣ Павловичѣ, находились только онъ, Чернышевъ, Дибичъ и князь Волконскій. Послѣ кончины императора,—который зналъ о заговорѣ, но извѣстіе о коемъ, при своемъ тогдашнемъ настроеніи, принялъ совершенно равнодушно, — пришлось немедленно принять (необходимыя) мѣры. Дибичъ былъ занятъ дѣлами, Волконскій оставался при императрицѣ, такъ что онъ (Чернышевъ) долженъ былъ ѣхать въ Тульчинъ, чтобы распорядиться арестованіями. Порученіе было затруднительное. Онъ явился къ Витгенштейну, но тотъ не хотѣлъ вѣрить ему, пока онъ у одного изъ виновныхъ не вынудилъ сознанія. Пестеля Чернышевъ называлъ геніемъ Муравьева Апостола — человѣкомъ рѣшительнымъ; арестовать ему пришлось и бригадныхъ адъютантовъ, и полковыхъ командировъ.

Благодаря (особеннымъ условіямъ своего положенія), императоръ Николай Павловичъ, имѣющій лучшія намѣренія и пользующійся общею любовью, въ чемъ не успѣваетъ и видитъ намѣренія свои повсюду извращенными.

Утомленнымъ вернулся я съ парохода домой. Насъ пригласили на вечеръ въ котеджъ. Тамъ были получены письма изъ Лиссабона. Императоръ Николай осуждалъ Донъ-Мигуэля за его клятвопреступничество; принцъ и я старались защищать его; но императоръ не соглашался съ нашими доводами и повторялъ, что тотъ, кто нарушаетъ клятву—дурной человѣкъ и что подобныя уловки свойственны іезуитамъ. Я еще разъ попытался на защиту, но это не помогло. Я сидѣлъ рядомъ съ Волконскимъ, разсказывавшимъ о путешествіяхъ императора Павла, при звѣздѣ и лентѣ, въ открытой коляскѣ; его сопровождали два караульныхъ кавалергарда и четыре министра, съ которыми онъ попеременно работалъ въ своемъ экипажѣ; а покончивъ съ ними дѣла, бралъ къ себѣ великаго князя Александра Павловича.

12-го августа. Послѣ вчерашняго большаго парада мы были у в. кн. Михаила Павловича, который, какъ всегда, былъ очень милостивъ. Вечеромъ было послѣднее собраніе въ котеджѣ. Въ воскресенье мы еще присутствовали при литургіи; затѣмъ послѣдовало распредѣленіе табакерокъ: актив-

ное и пассивное; обѣдали въ Монплезирѣ. Императоръ, императрица, наслѣдникъ пили за счастливое путешествіе каждаго изъ насъ отдѣльно. Я сидѣлъ между двумя придворными дамами, особенно привязанными къ императрицѣ, которая, по словамъ принца, выбираетъ имъ книги для чтенія. Затѣмъ былъ чай въ Марли. Я сказалъ императрицѣ о великомъ герцогѣ веймарскомъ, что онъ нѣсколько либераленъ. На это императоръ замѣтилъ: «il a raison, c'est par professionalisme allemand». Затѣмъ—укладка вещей, перебранка моей прислуги съ русскою, ужинъ, прощальные визиты, поѣздка въ котеджъ, трогательное прощаніе съ княземъ Лобановымъ и съ гулявшими въ саду императоромъ и императрицею. «Богъ да благословитъ васъ, Герлахъ», таковы были послѣднія слова, сказанныя мнѣ на прощанье добрымъ государемъ.

Въ 11½ часовъ мы двинулись въ путь и ѣхали съ невѣроятною скоростью. Около Нарвы видѣли мы водопадъ; вскорѣ затѣмъ встрѣтили трехъ волковъ. Въ св. Олаѣ находился генералъ Головинъ, что меня очень обрадовало. Въ Курляндіи порадовали меня нѣмецкіе порядки. Въ Мемелѣ принцъ остановился у ландрата, занимающаго тотъ домъ, въ которомъ, во время войны, жили королевскіе принцы, будучи еще дѣтьми; въ саду принцъ отыскалъ всѣ прежнія скамейки. Затѣмъ мы поѣхали въ Тильзитъ. Въ экипажъ нашъ впрягали по 12—16 крестьянскихъ лошадей. Отъ доктора я узналъ, что дерптскій медицинскій факультетъ лучше всѣхъ другихъ; такой-же отзывъ слышалъ я отъ генерала Веймарна о теологахъ школы Сарторіуса. Вотъ это, дѣйствительно, удачное и величественное учрежденіе русскаго самодержца.

Фонъ-Герлахъ.

Перевелъ съ нѣмецкаго **И. И. Ореусъ.**

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧЪ.

Высочайшее повелѣніе о томъ, дабы монастыри не брали избыточныхъ денегъ за погребеніе.

М. г. мой, князь Петръ Сергѣевичъ. Государь императоръ [Николай Павловичъ], усмотрѣвъ изъ представленнаго гофмаршаломъ Нарышкинымъ отчета, въ употребленныхъ на погребеніе тѣла покойной камеръ-фрейлины ихъ императорскихъ величествъ, графини Протасовой, издержкахъ, что въ Александроневскую лавру заплачено 8,000 рублей по поданному впередъ еще отъ ризничнаго іеромонаха Рафаила счету, Высочайше отозваться соизволилъ, что сумму таковую находитъ чрезмѣрною и выходящею изъ всякаго приличія.

При томъ-же его величество видитъ въ толь огромномъ на монастырь сборѣ, за исправленіе необходимыхъ духовныхъ требъ, вовсе не соотвѣтствующій лицамъ священнаго и монашескаго сана поступокъ, предосудительный для христіанства вообще, ибо изъ сего выходитъ какъ-бы нѣкоторый торгъ. По уваженію таковыхъ причинъ, его императорское величество указать соизволилъ, чтобы за мѣста для погребенія въ Александроневской лаврѣ принимаемо было въ уплату, есть-ли въ самой церкви, то не болѣе 1,000 руб., а внѣ оной, на кладбищѣ,—не болѣе 200 рублей.

О таковой высокомонаршей волѣ, къ должному оной отъ кого слѣдуетъ исполненію, сообщая чрезъ сіе вамъ, милостивый государь мой, съ совершеннымъ почтеніемъ

Князь Александръ Голицынъ.

3-го іюня 1826 г.

Его сіятельству господину оберъ-прокурору святѣйшаго синода князю Петру Сергѣевичу Мещерскому.

ВОСПОМИНАНІЯ МИРОВАГО ПОСРЕДНИКА ПЕРВАГО ПРИЗЫВА

о введеніи въ дѣйствіе Положеній 19-го февраля 1861 года.

Въ русской печати вообще и въ „Русской Старинѣ“ въ особенности - появилось много статей, выясняющихъ труды по созданію Положеній 19-го февраля 1861 года. Авторы этихъ статей были, въ большинствѣ случаевъ, члены главнаго комитета или редакціонныхъ комиссій, т. е. люди, стоявшіе вверху реформы и освѣщавшіе намѣренія творцовъ дѣла. Съ этой стороны мотивы уяснены и будущіе историки не запутаются въ правдивыхъ фактахъ.

Но въ этой-же печати чувствуется пробѣлъ къ уясненію идей, пониманія и дѣйствій той темной массы, для которой эта реформа создавалась. Я былъ случайнымъ наблюдателемъ и стоялъ у очага зарожденія толковъ среди крестьянъ; слушалъ ихъ мораль, видѣлъ преданность царю и вѣру въ него народа, ощущалъ на себѣ силу русской общины и, наконецъ, понималъ тѣ невысказанныя слова, которыми часто инстинктивно руководятся толпы.

Для людей, вдумывающихся въ прошедшее, всѣ картины народнаго быта хороши, если онѣ правдивы.

Историки собираютъ пѣсни и сказки, и дорожатъ каждою поговоркою, къ которой не примѣшались субъективныя окраски для пониманія событій. Полагаю, что идеи, убѣжденія и тезисы морали крестьянъ, при переходѣ изъ крѣпостныхъ въ свободные, освѣтятъ свое время не менѣе пѣсенъ и поговорокъ.

Современники этой реформы умираютъ, а съ ними исчезаютъ на вѣки и тѣ отношенія крестьянъ къ своимъ помѣщикамъ, которыя передъ потомствомъ могутъ предстать въ сильно-изуродованномъ видѣ. Изъ желанія одной правды, я писалъ только то, что твердо помню. Изъ моего разсказа можно видѣть, что сожительство крестьянъ и помѣщиковъ, въ ихъ селахъ, не напоминало ни германскихъ рыцарей, ни венгерскихъ магнатовъ, ни галицiйскихъ пановъ. Это былъ своеобразный бытъ, сложившійся исторической жизнью Россіи.

Но государства живутъ тысячелѣтіями, и въ сравненіи съ своими западными сосѣдями Россія не на много лѣтъ отстала отъ нихъ въ освобожденіи крестьянъ. Разница-же въ томъ, что тамъ освобожденіе являло злобу и рознь сословій, а у насъ—сліяніе ихъ Тамъ кровь и жестокости были обычными провожатыми воли, у насъ даже простыя наказанія были рѣдкими случаями въ великую эпоху освобожденія крестьянъ. Тамъ были бунты, у насъ были недоразумѣнія, безъ злобы, ненависти и безъ малѣйшаго поползновенія къ умышленному оскорбленію властей, постановленныхъ отъ царя.

I.

Черноземный и густонаселенный уголъ, между рѣками Камою и Волгою, занимаетъ три уѣзда Казанской губерніи: Чистопольскій, Спасскій и часть Лемшевскаго. Богатыя помѣстья, большія села, полное бездорожье, ничтожная полиція и управленіе имѣніями черезъ приказчиковъ подготовляли преувеличенныя ожиданія крестьянъ отъ воли. Съ другой стороны, полная безграмотность массы, сибирскій трактъ, береговое бурлачество и крѣпкая въ народѣ память о временахъ Пугачева—создали у крестьянъ убѣжденіе, что не разъ цари давали волю народу, но господа и попы ее прятали, и она не доходила до народа.

Года за три до 1861 года, народъ въ каждомъ необычномъ проѣзжающемъ видѣлъ вѣстника воли. Съ ярмарокъ, съ базаровъ и съ богомолій всегда крестьяне привозили новости о воли. Разсказы велись на всѣ лады: какъ царь посылалъ волю въ бочкахъ съ икрой, въ ящикахъ засмоленныхъ, но господа успѣютъ пронюхать и выкрадутъ. Пробовалъ царь и черезъ своихъ вѣрныхъ

людей тайно переслать народу волю, но господа людей задерживали, обыскивали, отбирали волю, а людей морили въ острогахъ. Особенно сильно было ожиданіе воли 19-го февраля 1861 года: ждали ее и въ церквахъ и на большой дорогѣ. Когда-же и этотъ день обманулъ ихъ, то общій говоръ свалилъ вину на поповъ, подкупленныхъ помѣщиками, и на полицію, выбранную тоже изъ дворянъ. Нашлись даже очевидцы, которые утверждали, что видѣли, какъ волю провезли въ Уфу и въ Пермь на пяти тройкахъ, а ямщики сказали, что въ Казани давно уже получена.

Наконецъ, 9-го марта 1861 года, пришло вѣрное извѣстіе изъ Симбирска, что тамъ, во время Сборной ярмарки, раздавали волю съ соборной паперти на площади. Потомъ слухъ прошелъ, что одинъ торговецъ города Спасска привезъ листочекъ воли съ ярмарки, и не хочетъ его даже за тысячу рублей продать. Торговецъ догадливый былъ: „припечаталъ эту волю къ образу, показывалъ ее городничему, исправнику и другимъ господамъ, а они только руками всплеснули",—украсть нельзя! добавилъ разсказчикъ къ удовольствію слушателей.

Въ это время я былъ управляющимъ въ имѣніи своей родственницы, въ селѣ Мурасѣ, Спасскаго уѣзда. Это прелестное село, полная чаша всего, воспѣто когда-то графомъ Соллогубомъ. Въ 6 часовъ вечера я постоянно сидѣлъ въ конторѣ, куда приходили бурмистры, сотники, десятскіе, садовникъ, ключникъ и всегда куча мужиковъ, по своимъ нуждамъ. Послѣ обычнаго наряда на барщину и по распредѣленіи работъ на слѣдующій день, начинался разговоръ о волѣ. Животрепещущій интересъ развязывалъ всѣмъ языки до полной откровенности. Тѣмъ болѣе, что стѣсняться было некого, весь составъ конторы былъ изъ крѣпостныхъ; только старикъ садовникъ Андрей Иванычъ, да я были наемные. Меня звали приказчикомъ, за барина не признавали, потому что господа у господъ не служили; а по моимъ военнымъ пуговицамъ на сѣрой шинели видѣли, что я служилъ съ пушками и смотрѣли на меня, какъ на выслуженнаго. Андрей Иванычъ былъ крайній либералъ, помнилъ 14-е декабря, зналъ нѣкоторыхъ декабристовъ; много хорошаго усвоилъ отъ Г. М. Толстого [1]), Ф. И. Топорнина, В. П. Ивашева и др. Село Му-

[1]) См. „Русская Старина", ноябрь 1890. Поѣздка въ Туринскъ къ декабристу В. П. Ивашеву.

раса съ окрестными имѣніями принадлежало прежде Петру Никифоровичу Ивашеву, помѣщику гуманному и тароватому. По наслѣдству, оно перешло къ его дочери, владѣлицѣ въ описываемое время; крестьянамъ жилось легко, знали они только трехдневную барщину; въ остальномъ-же во всемъ вѣдались полнымъ самоуправленіемъ, даже болѣе демократичнымъ, чѣмъ по Положенію 19-го февраля.

Вотъ эти-то разговоры въ конторѣ, на мельницахъ, на барщинахъ, въ лѣсу, въ обозахъ и т. д., какъ съ своими крестьянами, такъ и со сторонними, и даютъ мнѣ тотъ матеріалъ, который я здѣсь передаю. Въ конторѣ начинался, обыкновенно, разговоръ выпытываніемъ нѣтъ-ли чего новаго въ газетахъ, которыхъ на барскій дворъ получалось довольно много. Когда скажешь, что ничего новаго о волѣ не слышно, то начинались сомнѣнія; кто-нибудь изъ толпы замѣтитъ: „да развѣ они скажутъ! вотъ перевозимъ весь хлѣбъ на пристань, набьемъ ледники, навозимъ дровъ изъ лѣсу, такъ, можетъ быть, тогда и газеты покажутъ".

„Я газетъ отъ тебя не прячу; хочешь—самъ читай".

— „Мы читать не умѣемъ; вамъ вольготно".

„Самъ не умѣешь, такъ попроси попа, дьячка или кого изъ грамотныхъ".

— „Развѣ попъ намъ скажетъ! я вчера, по вашему-же приказу, ему съ барскаго гумна яроваго корма отвезъ; онъ вашъ слуга".—„А я вчера цѣлый день ему изъ барскаго лѣса дрова возилъ", добавитъ кто-нибудь изъ толпы, и вслѣдъ за этимъ хоромъ рѣшаютъ, что „всѣ закуплены".

„Коли попы закуплены, такъ ты иди къ муллѣ въ Алпарово (татарское село возлѣ Мурасы), онъ тебѣ прочтетъ".

— „Прочтетъ онъ! да развѣ противъ господъ кто-нибудь смѣетъ идти".

Особенно курьезны были разговоры при садкѣ сноповъ въ ригу. Работу эту исполняли женщины, однѣ располагались въ темныхъ углахъ на колосникахъ, другія подносили имъ снопы, я ходилъ по ригѣ и покрикивалъ: тѣснѣй, тѣснѣй сади! Вдругъ отзывается чей-нибудь голосъ: „мы, чай, не для себя садимъ; завтра другимъ молотить, мы такъ имъ натискаемъ, что имъ до вечера не убраться".—„А въ пятницу волю привезутъ; такъ ты

насъ больше здѣсь и не увидишь!"—раздается голосъ изъ другаго угла.

„Такъ вотъ тебѣ волю на базаръ и привезутъ".

— „Знамо на базаръ; тутъ всему міру свиданіе, чтобы вся округа знала, что барщинѣ конецъ; замаялъ ты насъ въ работѣ".

„Да ты вышла-бы за татарина, они вольные, и ты была-бы вольная".

— „И впрямь, кажись, лучше за татариномъ быть, чѣмъ за бариномъ!"—отозвался чей-то визгливый голосъ изъ дальняго угла, съ какою-то особенною желчью.

„Что тебѣ конины захотѣлось?"

— „Лучше вѣкъ не ѣмши сидѣть, чѣмъ цѣлую жизнь на барской работѣ маяться!"

„Да ты куда волю-то припряталъ? Тутъ солдатъ изъ Кіева проходилъ,—говорилъ,—что воля еще до святокъ дана, а ты насъ все на барщину гоняешь".

Въ это время съ снопами проходила какая-то вострая бабенка, бросила къ моимъ ногамъ снопы: „На, таскай самъ! я со святокъ вольная!"

„Ну что-жъ и потащу, а ты вотъ стой на моемъ мѣстѣ, а на тебя со всѣхъ угловъ лаять будутъ". Поднялъ я снопы, потащилъ вдоль риги и разговоръ еще больше оживился.

— „Мотри-ка - и въ самомъ дѣлѣ воля пришла, приказчикъ самъ работать началъ".

„Пришла, пришла, солдатъ говорилъ, что со святокъ барщину вездѣ пошабашили, а у насъ въ уѣздѣ господа волю украли".

— „Вотъ что, бабы, пойдемте вечеромъ въ контору и потребуемъ разсчету, чтобы отъ святокъ до сегодня всѣмъ намъ заплатилъ!"

„По гривеннику въ день!"

— „Дешево, дешево, что ты тетка Матрена, чего тебѣ господъ жалѣть, вѣдь они насъ не жалѣютъ",—заголосили всѣ въ одинъ голосъ, стараясь перекричать другъ друга.

„Стойте, бабы! раздался зычный голосъ мужика, взошедшаго въ ригу, вѣдь я вамъ сказывалъ, чтобъ не всѣ вмѣстѣ говорили: одна говори, а другія слушай!"

— „Разсуди насъ, Петруха! приказчикъ волю не показываетъ, а она, слышь, со святокъ пришла".

„Вотъ я васъ разсужу; гдѣ онъ тутъ?“

— „Вонъ за печкой стоитъ; пять сноповъ протащилъ, умаялся!“

Петруха подошелъ ко мнѣ, снялъ шапку, поклонился, сказалъ, что другая рига насажена, и спросилъ прикажу-ли я отпустить народъ и затапливать ригу. Я велѣлъ отпустить. Петруха почтительно поклонился и, отходя отъ меня, крикнулъ бабамъ: „Эхъ вы, лѣнь барсучья! Нашу ригу велѣлъ на волю отпустить, а вамъ до ночи не убраться; иду затапливать; приходи, Өекла, въ подлазъ грѣться“.

„Вотъ я тебя граблями-то погрѣю“.

— „Не ходи къ нему, Өекла, вишь онъ за господъ стоитъ“!

„Ну ужъ и мужики, прости Господи,—овцы, хуже бабъ. Нешто съ такими мужиками волю получишь; нѣтъ, татаръ-бы господа ни за что не скрутили, они-бы отбаярились“. И такъ далѣе, все въ этомъ-же родѣ, балагурство почти добродушное... Работа шла по-прежнему, а надо сказать, что въ Мурасинской вотчинѣ всѣ крестьянскія и барскія работы исполнялись превосходно. Лошади у мужиковъ были хорошія, мужики были зажиточные, избы просторныя, а на гумнахъ у всѣхъ стояли запасныя копны ржанаго и яроваго хлѣба.

На барщинѣ съ мужиками шелъ разговоръ болѣе солидный, напримѣръ, ихъ занимали вопросы: давно-ли началась барщина? Отчего вся земля и лѣса помѣщичьи? Почему русскіе мужики хуже и несчастнѣе татаръ, которые изстари всѣ вольные? и т. п., но главный предметъ остротъ, смѣха, шпилекъ и подчасъ злыхъ шутокъ, все-таки, вертѣлся на волѣ и на ея утайкѣ господами: „Хоть недѣльку лишнюю барщину продержать“. Многіе изъ крестьянъ искренно вѣрили, что воля давно уже вышла, да крестьяне ея удержать не умѣли, и она у нихъ ускользнула.

Такое убѣжденіе не было въ одной Мурасѣ, и даже можно сказать, что въ Мурасѣ крестьяне разумнѣе и терпѣливѣе ожидали развязки своей съ крѣпостнымъ правомъ. Припоминая свои бесѣды съ окрестными помѣщиками и управляющими, смѣло утверждаю, что чѣмъ кто дальше стоялъ отъ крестьянъ, тѣмъ меньше тому они вѣрили. На пристаняхъ въ Спасскѣ и въ Спасскомъ Затонѣ приходилось сталкиваться и говорить съ полицейскими чинами, съ купцами, съ приказчиками, съ торговцами изъ крестьянъ и съ людьми всякаго званія трехъ приле-

гающихъ уѣздовъ, и всѣ единогласно подтверждали, что крестьяне думаютъ, что царь волю нѣсколько разъ давалъ, но до крестьянъ она не доходила, потому что господа обманывали и царя и ихъ.

Послѣ симбирской Сборной ярмарки, гдѣ дѣйствительно прочтенъ былъ манифестъ 19-го февраля 1861 года и гдѣ съ паперти бросали въ народъ выдержки изъ „Правилъ о порядкѣ приведенія въ дѣйствіе Положеній о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости",—выдержки эти были напечатаны въ симбирской губернской типографіи на маленькихъ листочкахъ. Сначала они раздавались на паперти собора чинно, а когда народъ нахлынулъ густою толпою, то эти листочки бросали въ толпу вѣеромъ и сотни рукъ ихъ разрывали на клочки. Прежде чѣмъ въ городъ Спасскъ одинъ такой цѣльный листочекъ былъ привезенъ купцомъ и припечатанъ къ образу, вѣсть о волѣ, съ быстротою молніи, разлилась по всѣмъ селеніямъ лѣваго берега Волги и породила нескончаемую путаницу понятій. Въ народѣ появились толки о полной волѣ съ настоящаго момента о правахъ собственности крестьянъ на всѣ земли и лѣса, о правѣ ихъ на запасные хлѣбные магазины, на раздѣлъ господскихъ выпусковъ и выгоновъ, а въ иныхъ мѣстахъ даже на раздѣлъ хлѣба въ господскихъ амбарахъ. Словомъ, здравый смыслъ русскаго народа былъ взбудораженъ настолько, что самые разумные старики сдѣлались легковѣрнѣе дѣтей. Произошло все это около 9-го марта 1861 года, когда крестьянскихъ работъ никакихъ нѣтъ, поэтому начались сходки, на нихъ обсуждали всевозможныя выдумки, мѣнялись изъ села въ село нелѣпыми новостями и разжигались неисполнимыя ожиданія, въ которыя вѣрили отъ души. Въ это-же время всякое благоразумное слово принималось враждебно и сопровождалось крикомъ: „ты стоишь за господъ!"

Если принять во вниманіе полную безграмотность массы, совершенную неподготовленность полицейскихъ властей къ реформѣ и неожиданность для помѣщиковъ и управляющихъ такой быстрой развязки, то будетъ понятенъ весь сумбуръ взаимныхъ отношеній. Въ обширныхъ уѣздахъ было по одному исправнику и по два становыхъ; мировые посредники были введены спустя много времени послѣ этого. Печати запрещено было подготовлять публику къ реформѣ и, вообще, касаться воли и порядка ея объявленія.

Ждали волю долго, но она упала на помѣщиковъ и крестьянъ, какъ снѣгъ на голову. Во всѣ вотчинныя конторы являлись крестьяне съ вопросами и требованіями, въ которыхъ ничего не знали вѣрнаго, и это породило увѣренность у крестьянъ, что помѣщики правду отъ нихъ скрываютъ, и намѣрены опять украсть волю,—„какъ то было много разъ“. Во многихъ имѣніяхъ крестьяне. на основаніи слуховъ о волѣ, перестали ходить на барщину. Въ другихъ имѣніяхъ сами помѣщики и управляющіе не наряжали на работы, чтобы не имѣть столкновенія. Въ Мурасѣ-же и въ нѣкоторыхъ большихъ вотчинахъ, наряды и барщина хотя шли заведеннымъ порядкомъ, но большинство крестьянъ работало очень плохо. На замѣчанія, которыя имъ приходилось дѣлать, они вѣжливо и добродушно отвѣчали, что „въ Симбирской губерніи уже объявлена воля, а такъ какъ Казанская губернія одной съ ней державы, то значитъ и здѣсь объявлена“. Иногда ради остроты кто-нибудь добавлялъ изъ толпы: „да посмотрите въ конторѣ, не завалялась-ли воля-то гдѣ-нибудь за бумагами?“

Такъ шло до половины марта, когда въ Спасскомъ и Чистопольскомъ уѣздахъ была получена такая-же выдержка изъ Положеній о крестьянахъ, которую раздавали въ Симбирскѣ во время ярмарки. Эта выдержка напечатана была въ казанской губернской типографіи и гласила, что немедленно прекращаются: перекрѣпленіе личныхъ правъ на крестьянъ и дворовыхъ людей другимъ лицамъ; переселеніе крестьянъ на другія земли; отдача крестьянъ въ работу и въ услуженіе и отдача крестьянъ въ исправительныя заведенія.

Въ то-же время крестьяне получали право: вступать въ бракъ безъ согласія помѣщика; пріобрѣтать недвижимую собственность; вступать въ договоры и подряды, торговать, записываться въ цехи и вчинать иски и тяжбы.

Тутъ-же было, цѣликомъ, перепечатано изъ Положеній о крестьянахъ, что „со дня обнародованія Положеній о крестьянахъ и впредь до введенія въ дѣйствіе уставныхъ грамотъ, крестьяне, продолжая пользоваться тѣми самыми усадьбами и полевыми угодьями, которыми до того пользовались, обязаны: состоящіе на оброкѣ—платить оброкъ владѣльцу въ прежнемъ размѣрѣ, а состоящіе на барщинѣ—отправлять оную въ прежнемъ-же размѣрѣ, съ нижеслѣдующими облегченіями“:

1) Немедленно отмѣняются всякіе добавочные сборы: птицею, баранами, масломъ, яйцами, ягодами, грибами, холстомъ, сукномъ, пряжею, шерстью и т. п.

2) Женская барщина не допускается свыше двухъ дней въ недѣлю съ тягла, а мужская отбывается, по прежнему, но не свыше трехъ дней въ недѣлю.

3) Крестьянскія подводы могутъ быть посылаемы, съ сельскими произведеніями помѣщика, не иначе, какъ въ счетъ барщины.

4) Помѣщикъ сохраняетъ право, до учрежденія волостей, разбирать и судить крестьянъ и подвергать ихъ взысканіямъ и наказаніямъ—съ тѣмъ, чтобы наказаніямъ тѣлеснымъ они были подвергнуты не иначе, какъ чрезъ полицію.

5) Впредь до назначенія мировыхъ посредниковъ, жалобы и недоразумѣнія между помѣщиками и крестьянами или дворовыми людьми подлежатъ разбору уѣздныхъ предводителей дворянства. „Воспрещается подавать жалобы на помѣщиковъ по такимъ распоряженіямъ, кои совершились въ прежнее, до обнародованія Положеній о крестьянахъ, время, въ силу существовавшаго крѣпостнаго права“.

6) Въ теченіе двухъ лѣтъ со дня изданія настоящаго манифеста, крестьянамъ и дворовымъ людямъ пребывать въ прежнемъ повиновеніи помѣщикамъ и безпрекословно исполнять прежнія ихъ обязанности.

Выдержки эти были разосланы во всѣ селенія къ крестьянамъ и помѣщикамъ; читались, изучались, но такъ какъ Положеніе еще не было извѣстно, то на эти выдержки помѣщики смотрѣли какъ на какое-то пророчество, которое разъяснится съ полученіемъ Положенія. Что-же касается до крестьянъ, то они усвоили себѣ только то, что еще черезъ два года придетъ настоящая воля, а теперь дана только „бабья воля“. Однако, прежде чѣмъ весь неграмотный народъ вникъ въ смыслъ этихъ выдержекъ, разнеслась по уѣздамъ вѣсть, что вмѣстѣ съ „бабьею волею“ прислалъ царь и „мужичью волю“, но ее господа утаили, чтобы еще два года воспользоваться даровымъ крестьянскимъ трудомъ.

Въ Мурасѣ на міру нашлись преданные міру люди, которые, на свой страхъ и на ничтожные мірскіе расходы, отправились

разыскивать „мужичью волю“. Явились они въ контору за пропускными билетами; откровенно высказали свои намѣренія пройти до Казани или даже до Петербурга, если понадобится. На совѣтъ остаться дома и подождать, когда привезутъ манифестъ и Положеніе, они отвѣтили, что рады животъ свой положить за міръ, а ужъ настоящую волю отыщутъ.

— „Какъ этому можно вѣрить, говорили они, чтобы царь подумалъ о курахъ, холстахъ, яйцахъ, да о бабахъ, а про мужиковъ забылъ, и отложилъ волю еще на два года? Въ два-то года вы насъ такъ обездолите, что намъ и воля хуже неволи будетъ!“

Билеты имъ дали; шлялись они цѣлую недѣлю; не помню куда ходили, но, къ общему всѣхъ разочарованію, доложили міру, что вездѣ одно и тоже: „бабью волю господа выказали, а мужичью не выказываютъ“.

Собственно въ Мурасѣ, гдѣ всегда жили богатые помѣщики, сборовъ баранами, птицей, яйцами и другими пустяками не было. Женщины работали три дня въ недѣлю. Съ освобожденіемъ ихъ на одну треть рабочихъ дней, пришлось подумать о будущемъ жнитвѣ, и взамѣнъ барщины я началъ нанимать ихъ-же, чтобы заранѣе обезпечить себя рабочими на лѣтнюю страду. И при этомъ на первыхъ-же шагахъ наткнулся на новое препятствіе. Міръ не дозволилъ наниматься своимъ бабамъ изъ опасенія, что эта добровольная сдѣлка повредитъ міру раздѣлить помѣщичьи поля между крестьянами. Пробовалъ я убѣждать крестьянъ, что имъ выгодно, если въ ихъ міру останется двѣ-три тысячи за работу; обѣщалъ такъ расписаться, что если крестьянамъ отойдетъ барское поле, то чтобы этотъ наемъ не препятствовалъ раздѣлу,—ничего не помогало. Каждый крестьянинъ въ отдѣльности соглашался съ моими доводами, и оказывался разумнымъ существомъ, но эти-же люди на міру и въ толпѣ вели себя глупѣе малолѣтковъ. Обратился я къ сосѣднимъ татарскимъ селеніямъ, которымъ и отдалъ все жнитво по болѣе дешевой цѣнѣ, чѣмъ давалъ своимъ.

Не успѣли крестьяне помириться съ мыслію, что „господа выказали одну бабью волю“, какъ стали присылать изъ Петербурга газеты, въ которыхъ печаталось Положеніе о крестьянахъ. Барская контора всегда была открыта для всѣхъ; изъ дворо-

выхъ людей много было грамотныхъ, и я нарочно оставлялъ газеты въ конторѣ, чтобы всякій могъ ими пользоваться. Слухъ о волѣ въ газетахъ разнесся по вотчинѣ, и много народа приходило слушать волю. Но языкъ Положенія оказался недоступенъ для пониманія ни крестьянамъ, ни самимъ плохо-грамотнымъ чтецамъ. Занимался чтеніемъ и самъ я передъ толпой мужиковъ, сидящихъ и стоящихъ въ конторѣ; всегда видѣлъ, что самое вразумительное и ясное чтеніе для нихъ совершенно непонятно. Пробовалъ толковать статьи Положенія своими словами, тогда всѣ ясно понимали, но не вѣрили толкованію. Говорили: „Читаете-то вы хорошо, только толкуете-то все въ барскую пользу". Читалъ имъ ключникъ, конторщикъ, тоже съ толкованіемъ, но и ихъ заподозрили, что они барскую руку тянутъ.

Принялся съ увлеченіемъ объяснять Положеніе либералъ-садовникъ Андрей Иванычъ, человѣкъ старый и терпѣливый. Онъ выбиралъ статьи, дающія существенныя выгоды крестьянамъ, объяснялъ очень толково, но крестьянъ все-таки не удовлетворилъ, и ему сказали, что пустяки-то онъ вычитываетъ, а про землю, да про лѣса скрываетъ. „Ты, братъ, нанятой, тебѣ вѣрить нельзя; газета во весь столъ, всякую всячину находишь, а про главную волю не найдешь. Можетъ-ли это быть!" Андрей Иванычъ замѣтилъ то-же самое, что у парниковъ, въ оранжереѣ и въ саду на работѣ, каждый мужикъ уменъ, а какъ собрались толпой, то дуракъ на дуракѣ. Скоро и чтецы и слушатели такъ другъ другу надоѣли, что газеты лежали въ конторѣ безъ употребленія.

Такъ какъ мнѣ приходилось ѣздить по разнымъ мѣстамъ и разговаривать съ помѣщиками, съ управляющими и съ мужиками то могу свидѣтельствовать, что все, что происходило въ Мурасѣ то съ небольшою разницею повторялось и въ другихъ вотчинахъ Спасскаго и Чистопольскаго уѣздовъ Казанской губерніи и Ставропольскаго уѣзда Самарской губерніи. Полное недовѣріе къ чтецамъ, къ толкованіямъ и къ самымъ газетамъ. Крестьяне говорили, что „газеты вѣдь не отъ царя приходятъ, а за деньги у господъ-же господами покупаются; слѣдовательно, будутъ-ли господа противъ господъ идти!" Недовѣріе это не ограничивалось одними толками среди крестьянъ и разговорами въ конторахъ; во многихъ имѣніяхъ начались порубки лѣса. Начались онѣ

ночью въ видѣ похищенія, а по случаю безнаказанности, скоро перешли въ открытый раздѣлъ барскихъ лѣсовъ, такъ что на лучшія деревья мужики бросали жеребій кому рубить. Жалобы становымъ, исправникамъ и уѣздному предводителю дворянства подавались со всѣхъ концовъ сотнями. Но что-же могли сдѣлать четыре человѣка, обремененные своими текущими дѣлами. Полиція, кромѣ того, была завалена массой спѣшныхъ дѣлъ по жалобамъ, которыя поступали отъ богатыхъ и вліятельныхъ помѣщиковъ прямо къ военному губернатору, генералу Козлянинову. Надо при этомъ замѣтить, что почти во всѣхъ имѣніяхъ караульщиками и полѣсовщиками были тѣ-же крестьяне односельцы которые міра боялись больше всякой власти, и вдобавокъ сами вѣрили, что воля пришла и на лѣса, и не сегодня—завтра откроютъ ее. Помѣщики и приказчики безпомощно махнули руками и только ждали распутицы, которая одна могла остановить порчу и истребленіе лѣса.

При этомъ разскажу довольно громкое тогда дѣло, случившееся въ Мурасѣ, по поводу лѣснаго раздѣла.

Полѣсовщики по секрету мнѣ сказали, что крестьяне порѣшили на сходкѣ барскій „заказникъ" отдать зарѣчнымъ, а Большой улицѣ взять себѣ старый лѣсъ, и что нынѣшнею ночью все Зарѣчье поѣдетъ въ „заказникъ". Ночь была свѣтлая, и когда я увидѣлъ, что нѣсколько человѣкъ уже проѣхали на дровняхъ, взялъ револьверъ и отправился въ заказникъ. По дорогѣ обгонялъ крестьянъ, ѣхавшихъ воровать, говорилъ имъ, чтобы они вернулись, и они безпрекословно поворачивали къ селу и, вѣроятно, возвращали тоже и другихъ, которыхъ встрѣчали на дорогѣ. Въ „заказникѣ" отъ стука топоровъ стоялъ гулъ какъ на барщинѣ. Когда-же я подъѣхалъ къ опушкѣ, то увидѣлъ торныя дороги въ лучшія части лѣса. Отъ пяти или шести порубщиковъ я отобралъ топоры, велѣлъ свалить дрова и прогналъ ихъ изъ лѣсу, что они тотчасъ-же исполнили. Но одинъ крестьянинъ, помню Аггей, сынъ барской кормилицы, не только не отдалъ топора, а началъ спорить, поднялъ крикъ, не свалилъ дровъ, наложенныхъ на дровни, словомъ, выказалъ явное непослушаніе. Я крикнулъ своего кучера, и чтобы пугнуть порубщиковъ, выстрѣлилъ изъ револьвера на воздухъ. На выстрѣлъ и крикъ Аггея обратили вниманіе другіе порубщики, и дождемъ, сломя голову, поскакали изъ лѣсу.

На другой день всѣ пойманные были призваны въ контору; явился и Аггей. Повинившимся мужикамъ велѣно было привезти изъ лѣсу дрова на барскій дворъ, за что имъ и были возвращены топоры. А для расправы съ Аггеемъ былъ призванъ сотникъ, представитель полиціи, который, по моему приказанію, и высѣкъ Аггея розгами.

Аггей въ конторѣ говорилъ, что онъ не виноватъ, потому что міръ на сходкѣ порѣшилъ рубить барскій лѣсъ. Оказалось, однако, что сотникъ и десятскіе не подтвердили этого мірскаго приговора, и даже негодовали на него, что онъ зря болтаетъ на міръ. Какъ-бы то ни было, но больше барскаго лѣса не рубили. Со всѣхъ-же сторонъ приходили вѣсти, что во всѣхъ селахъ лѣса мужики рубятъ, и свободно складываютъ у своихъ дворовъ на улицѣ. Мурасинскій міръ волновался, и разъ, подъ вечеръ, цѣлая толпа, человѣкъ въ триста, привалила къ барскому крыльцу. Въ домѣ въ это время были сыновья помѣщицы, гувернеръ, я, садовникъ и два или три лакея. Толпа очень почтительно стояла безъ шапокъ; чрезъ одного изъ уполномоченныхъ просила старшаго сына помѣщика выйти къ ней, и когда онъ вышелъ, то, всею гурьбою, стала предъявлять свои требованія на лѣсъ. Помѣщикъ сказалъ, что онъ съ такой толпой разговаривать не можетъ; велѣлъ имъ выбрать пять человѣкъ для переговоровъ, а остальнымъ уйти отъ крыльца; самъ вошелъ въ комнату. Послѣ шумныхъ выборовъ явились въ лакейскую пять человѣкъ и предъявили тѣ-же требованія. Доводы этихъ людей вертѣлись на томъ, что вездѣ лѣса стали вольные, потому что ихъ Богъ для всѣхъ ростилъ; царь открылъ ихъ во всѣхъ селахъ, почему-же въ Мурасѣ приказчикъ сѣчетъ за лѣсъ? Ничего разумнаго эти уполномоченные не хотѣли слушать; имъ объявили, что лѣсъ былъ барскій и останется барскимъ. Приказано было выйти и объявить, чтобы ушли отъ дома.

Уполномоченные вышли къ толпѣ, когда уже стемнѣло. Толпа не только не разошлась, но сдѣлалась настолько возбужденною и угрожающею, что всѣмъ намъ пришлось зарядить ружья и пистолеты. Я написалъ записку къ становому и отдалъ ее сотнику для того, чтобы онъ тотчасъ-же нарядилъ подводу и отправилъ въ станъ, который отстоялъ отъ Мурасы на 30 верстъ. Это была единственная защита въ такое серьезное время: не было

подготовлено ничего,—все было предоставлено „здравому смыслу русскаго народа“. Толпа шумѣла до 10 часовъ ночи, а мы были въ осадѣ, готовые къ бою. Молодые люди были охотники и стрѣлки; лакеи, казалось, были преданы господамъ; мы опасались только поджога барскаго дома. Но все кончилось благополучно. Не то было въ другихъ вотчинахъ,—тамъ помѣщики бѣжали въ города, а приказчики даже не наряжали на работу. Въ Мурасѣ работа не прерывалась, хотя крестьяне отправляли барщину, какъ-бы изъ милости, нехотя и неисправно. Добрыя отношенія, впрочемъ, не прерывались, всегда велись разговоръ о волѣ, приходили крестьяне за лекарствомъ, за вѣсами, за кирпичами, и вообще со всѣми своими нуждами обращались въ барскую контору, какъ и въ крѣпостное право.

Весна 1861 года была поздняя; зимняя дорога стояла крѣпко, и вотъ, за нѣсколько дней до Благовѣщенія, подкатила къ барскому крыльцу тройка. Съ облучка соскочилъ солдатъ, а изъ саней вышелъ полковникъ Э.; по селу мигомъ разнеслась вѣсть о томъ, что привезли волю отъ царя. Пока полковникъ завтракалъ и обѣдалъ,—а надо сказать, что повара въ Мурасѣ всегда были прекрасные,—народъ собрался у конторы и ждалъ волю. Солдатъ изъ саней досталъ два большихъ запечатанныхъ пакета, подалъ ихъ полковнику, и съ ними онъ отправился на сходку. Сходка въ поясъ ему поклонилась, и полковникъ, сколько помню, держалъ такую рѣчь: „Вотъ два пакета, одинаково запечатанные, и въ нихъ вложены одинаковыя книги Положенія. Одна книга помѣщику, а другая крестьянамъ, которую я и вручаю вашему старостѣ. Въ этой книгѣ написаны всѣ ваши права и обязанности; вы въ ней все найдете, что царь далъ народу. Слушайтесь вашихъ помѣщиковъ и работайте, чтобы на васъ жалобъ не было!“ Крестьяне низко поклонились, ушли толпою за книгою; лошадей подали и полковникъ поскакалъ въ другія села.

Такъ вручена была воля народу въ Спасскомъ уѣздѣ Казанской губерніи.

Эта воля или высочайше утвержденныя 19-го февраля 1861 года Положенія о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, была сброшюрована въ одну книгу, in folio, въ 400 страницъ. Вначалѣ стоялъ указъ изъ правительствующаго сената, потомъ манифестъ императора Александра II; затѣмъ общее

Положеніе; правила объ укрѣпленіи за крестьянами недвижимыхъ имуществъ, пріобрѣтенныхъ ими въ прежнее время на имя ихъ помѣщиковъ; Положеніе объ устройствѣ дворовыхъ людей; Положеніе о выкупѣ; Положеніе о губернскихъ и уѣздныхъ, по крестьянскимъ дѣламъ, учрежденіяхъ; правила о порядкѣ окончанія примиреніемъ и третейскимъ разборомъ спорныхъ дѣлъ; правила о порядкѣ приведенія въ дѣйствіе положеній о крестьянахъ; образецъ уставной грамоты; дополнительныя правила объ устройствѣ крестьянъ, водворенныхъ въ имѣніяхъ мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ и о пособіи симъ владѣльцамъ; дополнительныя правила о крестьянахъ, отбывающихъ работы на помѣщичьихъ фабрикахъ; мнѣніе государственнаго совѣта объ отчужденіи, отдачѣ въ залогъ, передачѣ по наслѣдству и объ отдачѣ въ аренду помѣщичьихъ имѣній; мѣстное положеніе о поземельномъ устройствѣ крестьянъ въ губерніяхъ: великорусскихъ, новороссійскихъ и бѣлорусскихъ; росписаніе губерній и уѣздовъ по полосамъ и мѣстностямъ; размѣры крестьянскаго надѣла по губерніямъ и уѣздамъ, и, наконецъ, правила для составленія урочныхъ положеній. Слѣдовательно, въ эту книгу вошло пятнадцать отдѣльныхъ узаконеній, которыя и были вручены неграмотнымъ крестьянамъ для прочтенія и какъ руководство въ ихъ новой жизни.

Надо вспомнить, что, тридцать одинъ годъ тому назадъ, даже интеллигентное общество и было подготовлено къ регулированію своихъ дѣйствій законами. Долгій періодъ предшествовавшаго царствованія отдѣлялъ общество отъ самоуправленія и строго запрещалъ всякое участіе въ мѣстномъ управленіи. Канцелярская тайна, закрытый бумажный судъ, узкое школьное образованіе и нераспространенность законовъ создали двѣ отдѣльныя сферы: приказную и обывательскую. Обыватели знали только одну статью: „невѣдѣніемъ закона никто отговариваться не можетъ“, хотя истинный смыслъ этой статьи мало былъ кому понятенъ. Большинство жителей, доживши до старости, не только не имѣло у себя подходящихъ къ занятіямъ законовъ, но даже никогда не видѣло томовъ свода законовъ. Помню, что очень многіе, окончившіе курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ и дожившіе до сѣдыхъ волосъ, не рѣшались сами написать никакой дѣловой бумаги, а всегда обращались къ полуграмотнымъ писарямъ и

канцеляристамъ. Усвоенный ими приказный языкъ считался необходимымъ во всѣхъ ступеняхъ правительственныхъ управленій. Языкъ этотъ усвоился нашимъ законодательствомъ, и такъ мало проникъ въ публику, что часто одна и та-же статья пятью образованными читателями толковалась на пять ладовъ. Можно вообразить, какой былъ-бы трудъ и сумбуръ, если-бы разомъ всѣмъ сказали: „вотъ вамъ пятнадцать томовъ свода законовъ, сейчасъ-же ихъ прочитайте, и только ими руководствуйте сь". А, между тѣмъ, все-таки грамотнымъ легче прочитать весь сводъ пятнадцати томовъ законовъ, чѣмъ неграмотнымъ 400 страницъ разбросанныхъ пятнадцати узаконеній.

Врученную старостѣ книгу Положеній понесли всѣмъ міромъ къ попу, чтобы отслужить молебенъ, но попъ уѣхалъ куда-то съ требами, и молебенъ отложили до воскресенья. Потомъ всѣ толпой отправились къ дому одного грамотнаго столяра въ зарѣчную часть села. Съ большими осторожностями столяръ вскрылъ пакетъ, вынулъ книгу и началъ, разумѣется, читать съ первой страницы, не пропуская ни единаго слова. Столяръ былъ чтецъ не бойкій; солдатскія письма онъ еще одолѣвалъ и даже растолковывалъ такъ, что бабы плакали навзрыдъ, но указъ сената онъ кончилъ только къ вечеру. По его словамъ: „всякое слово для меня понятно, а куда что прикладывается—не могу разобрать; не могу и людямъ растолковать". Вся толпа долго и напряженно слушала длинный указъ, никто не понялъ кàкъ и почему онъ относится къ крестьянамъ; всѣ ждали, что съ первой-же страницы столяръ скажетъ—„чьѧ́ земля, лѣсъ, луга и другія угодья, а столяръ до сумерекъ ихъ продержалъ и ничего въ дѣло не опредѣлилъ".

До освобожденія крестьянъ обязанности барскаго бурмистра и сельскаго старосты сливались въ одномъ лицѣ; такъ оставалось до введенія мировыхъ посредниковъ и до учрежденія волостей. Въ Мурасѣ бурмистромъ былъ мѣстный, разумный и состоятельный мужикъ. Послѣ неудачнаго чтенія у столяра, онъ принесъ книгу въ контору, чтобы спрятать ее до утра. Я нашелъ это неудобнымъ и приказалъ унести изъ конторы, чтобы не вызывать никакихъ толковъ. Книга ночевала въ церковной сторожкѣ, подъ карауломъ крестьянъ. На другой день съ этою книгою ходили къ священнику, но онъ увидѣлъ манифестъ и

читать книгу отказался, потому что его надо прочитать въ церкви, а онъ еще не имѣетъ приказа отъ благочиннаго. Дьячекъ пошелъ было съ толпою въ сборную избу, прочелъ опять указъ сената, но такъ быстро и невнятно, что вовсе крестьянамъ не понравился. Толковать-же онъ не умѣлъ; книгу отъ него отобрали, и привели въ избу старую дѣву начетчицу. Оказалось, что начетчица можетъ читать только по церковному. Она вслухъ передъ міромъ пересчитала всѣ листы и посовѣтовала пришить къ книгѣ застежки. Кончилось тѣмъ, что нарядили отъ міра подводу и послали въ одно село за грамотнымъ мужикомъ. Къ вечеру подвода явилась пустая, а посланный разсказалъ въ конторѣ, что такая-же книга есть и въ томъ селѣ, но грамотей, сколько ни старался, понять ее не могъ, и теперь въ селѣ сами ищутъ чтеца. Подводчикъ, однако, слышалъ, что дьячекъ тамъ хорошо толкуетъ и крестьяне довольны.

Утромъ міръ рѣшилъ послать за дьячкомъ и сказать ему, что за деньгами мужики не постоятъ,—заплатятъ, только-бы пріѣзжалъ. Но и съ чужимъ дьячкомъ послѣдовала какая-то неудача.

Въ воскресенье, послѣ обѣдни, священникъ очень толково и съ чувствомъ прочиталъ царскій манифестъ 19-го февраля 1861 года. Проповѣди-же по этому поводу сказать не рѣшился, хотя мы его объ этомъ просили; онъ отговаривался тѣмъ, что безъ разрѣшенія архіерея на эту новую задачу никто не рѣшится говорить съ амвона.

Несмотря, однако, на прекрасное чтеніе манифеста, крестьяне усвоили изъ него только тотъ смыслъ, что два года будетъ все по старому. Къ книгѣ мужики охладѣли; вновь начались разговоры на барщинѣ и въ конторѣ; работы шли нехотя и вяло; прямаго ослушанія хотя не было, но видно было на каждомъ шагу, что власть бурмистра и десятскихъ совершенно упала. Помѣщики и управляющіе желали только того, чтобы поскорѣе ввелись мировые посредники и волостной судъ. При разговорахъ каждый разсуждалъ, что эти учрежденія надо было ввести прежде раздачи воли, и что если не введутъ мировыхъ посредниковъ до пашни, то хоть и не сѣй яроваго; мужики будутъ ковырять землю, а не пахать. На плохую работу, порубки и неповиновеніе жалобы къ предводителямъ дворянства поступали

десятками, но такъ какъ у предводителей не было никого подъ рукою для разбора и исполненія, то жалобы оставались безъ удовлетворенія, и безпорядки усиливались. Не могу этого сказать про Мурасу; порубокъ не было, добрыя отношенія и обходительность оставались старыя, а на плохую работу смотрѣли сквозь пальцы: до пашни было еще далеко, а междудѣльная работа и въ крѣпостное право всегда велась спустя рукава. Крестьяне тоже, по старому, постоянно являлись съ своими нуждами въ барскую контору. Причемъ, какая-бы пустая и глупая просьба ни была, мужики всегда становились на колѣни, и много времени приходилось терять, чтобы поднять ихъ съ колѣнъ. Фраза: „не становись на колѣни" срывалась съ губъ почти у каждаго помѣщика, и все-таки мужики не отвыкали отъ этой азіятчипы. На это обстоятельство я обращаю вниманіе для того, чтобы потомъ разсказать одно недоразумѣніе.

Въ нѣкоторыхъ селахъ поиски въ книгѣ были болѣе успѣшны. Такъ, помню, что кто-то въ Мурасу привезъ извѣстіе, будто въ Катюшинѣ, 30 верстъ отъ Мурасы, одинъ чтецъ доискался до „бабьей воли". Міръ тотчасъ-же отрядилъ гонца, чтобы узнать гдѣ эта „бабья воля". Черезъ день гонецъ привезъ новость, что въ Катюшинѣ найдена „бабья воля", но только для Мурасы она старая; нашъ приказчикъ ея не утаивалъ, бабы работаютъ два дня. При этомъ гонецъ добавилъ, что изъ Катюшина міръ послалъ ходоковъ въ Салмы, гдѣ доискались до „мужичьей воли". Такъ какъ очередь мірскихъ подводъ велась въ барской конторѣ, то я, жалѣя крестьянскихъ лошадей, сказалъ, что я, безъ гоньбы лошадей въ Салмы, покажу здѣсь „мужичью волю". Развернулъ я въ книгѣ Положеній „Правила о порядкѣ приведенія въ дѣйствіе Положеній о крестьянахъ" и громко прочиталъ ст 11, въ которой говорится: „Со дня обнародованія Положеній, впредь до 15-го марта 1862 года, крестьянскія подводы могутъ быть посылаемы, съ сельскими произведеніями помѣщика, не иначе, какъ въ счетъ барщины, на слѣдующихъ основаніяхъ:

1) Подводы могутъ посылаться только тамъ, гдѣ эта повинность была до Положенія.

2) Разстояніе въ одинъ день не болѣе 30 верстъ, тяжесть для одноконной подводы 20 пудовъ.

3) Подводы посылаться могутъ не далѣе 150 верстъ отъ

дома, и притомъ съ тѣмъ, чтобы посылки подводъ не превосходили въ общей сложности, въ теченіе цѣлаго года, 500 верстъ въ оба пути на каждое тягло.

4) День подводы въ проѣздѣ и въ простоѣ зачитывается за олптора рабочихъ дня.

5) При посылкѣ подводъ на разстояніе далѣе суточнаго пути, выдается подводчику на его харчи и на кормъ лошадей особая плата, по опредѣленію мѣстнаго губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія.

6) Затѣмъ, съ 15-го марта 1862 года, подводная повинность прекращается, и подводы могутъ посылаться только въ предѣлахъ имѣнія владѣльца.

Прочиталъ я всѣ эти правила, растолковалъ, и показалъ новую книгу зачета барскихъ подводъ крестьянамъ, какъ въ дняхъ барщины, такъ и въ будущей платѣ, когда она опредѣлится губернскимъ присутствіемъ.

Надо сказать, что самая тяжелая повинность въ зиму была, именно, подводная повинность. Она была тяжела и для мурасинскихъ крестьянъ, потому что ближайшія пристани Спасскъ и Чистополь были въ 60 и 70 верстахъ. Послѣ обнародованія Положенія приходилось возить хлѣбъ на пристани, и подводамъ велся точный счетъ по тягламъ. Сейчасъ-же нашлись въ конторѣ нѣсколько мужиковъ, которые провѣрили свои подводы въ нашихъ записяхъ, и несказанно были удивлены, что о своей „мужичьей волѣ“ они ничего не знали, хотя все это велось на глазахъ ихъ десятскихъ нарядчиковъ. Но, несмотря на то, что „мужичья воля“ показана была имъ дома, все-таки міръ отправилъ въ Салмы ходоковъ, чтобы узнать, нѣтъ-ли еще какой мужичьей воли?

Село Салмы отъ Мурасы въ 30 верстахъ пути На другой день къ вечеру пришли въ контору неграмотные ходаки, взяли книгу Положеній, отсчитали отъ перваго листа сто семь листовъ; потомъ на первой страницѣ отсчитали двадцать девять строкъ сверху, и съ торжествующимъ видомъ дали мнѣ для прочтенія вслухъ „мужичью волю“. Оказалось, что это та самая ст. 11-я, о которой я толковалъ наканунѣ.

При этомъ ходоки разсказали вещи, совершенно непонятныя для здраваго смысла. Они сказали, что при нихъ пріѣхали отъ исправника изъ Спасска два разсыльныхъ, которые взяли чтеца,

указавшаго „мужичью волю“, связали ему руки и ноги и отвезли въ острогъ. Я утверждалъ, что это не за то, что онъ читалъ и толковалъ Положеніе, что оно для того и прислано, чтобы его читать и толковать мужикамъ, а, вѣроятно, онъ или бѣглый, или укралъ что-нибудь. Мужики твердо стояли на томъ, что взяли чтеца только изъ боязни, какъ-бы этотъ дошлый человѣкъ не доискался еще до какой воли. Ходаки прибавили, что міръ въ Салмахъ не хотѣлъ было давать его разсыльнымъ, но отдали, потому что онъ не мірской, а чей-то странній портной. Споръ нашъ кончился тѣмъ, что каждый остался при своемъ.

Но вотъ дѣло разъяснилось. Въ Мурасу къ сотнику разсыльный отъ исправника привезъ печатный циркуляръ отъ губернатора. Сотникъ былъ неграмотный, принесъ ко мнѣ этотъ циркуляръ, въ которомъ строго предписывалось надзирать, чтобы отнюдь, безъ дозволенія начальства, никто не читалъ крестьянамъ Положенія. Всѣхъ-же превратныхъ толкователей немедленно брать подъ стражу и представлять къ начальству. Въ тотъ-же день священникъ Мурасы получилъ циркуляръ и отъ своего духовнаго вѣдомства, въ которомъ запрещалось читать и толковать крестьянамъ Положеніе всѣмъ церковнослужителямъ, и дозволялось читать только священнослужителямъ. Мотивовъ этихъ циркуляровъ я не помню, вѣроятно, общее распоряженіе вышло отъ какого-нибудь частнаго случая или отъ жалобы какого-нибудь богатаго крѣпостника. Вслѣдъ за этими циркулярами становые пристава объѣхали всѣ села, и строго настрого запретили читать и толковать Положеніе. Пришлось повѣрить случаю съ портнымъ въ Салмахъ, и только руками развести.

Это распоряженіе на крестьянъ подѣйствовало обратнымъ образомъ: оно вновь возбудило въ нихъ надежду, что въ Положеніи скрывается гдѣ-нибудь „истинная воля“, и, во что-бы то ни стало, надо ее отыскать. Начались тайныя сходбища, на которыя привозили чтецовъ, которые читали и толковали, по найму, за деньги, за водку. Общій интересъ крестьянъ и чтецовъ соединялъ ихъ; они возили ихъ изъ села въ село; кормили, поили и, разумѣется, лучшій чтецъ считался тотъ, кто больше правовъ найдетъ въ книгѣ. Что дѣлалось въ селѣ Мурасѣ, то съ буквальною точностью повторялось и во всѣхъ селеніяхъ трехъ уѣздовъ, по которымъ мнѣ приходилось разъѣзжать.

Около 1-го или 2-го апрѣля (1861 г.) пришло въ Мурасу извѣстіе, что „истинная воля“ найдена въ книгѣ. Изъ всѣхъ селъ ходоки несутъ книгу Положеній въ с. Бездну Спасскаго уѣзда, и тамошній грамотный крестьянинъ Антонъ Петровъ показываетъ потайную страницу, на которой написана „истинная воля“. Въ Мурасѣ собралась сходка, на которой выбрали двоихъ надежныхъ хорошихъ стариковъ, вручили имъ Положеніе и отправили въ Бездну за 75 верстъ. Старики одѣлись въ новые зипуны и на пароконной подводѣ отъ міра поѣхали съ Положеніемъ. Нетерпѣніе крестьянъ было такъ велико, что на обратный путь на половину дороги выставлена была отъ міра другая пара лошадей.

Ходоки скоро вернулись обратно и привезли книгу Положеній, въ которой Антонъ Петровъ безднинскій заложилъ соломенками потайные листки съ „истинною волею“. Тутъ первый разъ случилось, что, вопреки хорошихъ нашихъ отношеній, крестьяне не показали книги въ конторѣ, а толковали о потайныхъ листахъ только на сходкѣ, да съ тайными чтецами. Приходили эти ходоки въ барскую контору; говорили, что въ избѣ у Антона Петровича народу много со всей округи и онъ всѣмъ толкуетъ истинную волю, а потайные листы отмѣчаетъ соломенкою. Я далъ ходокамъ экземпляръ барской книги Положеній, чтобы узнать на какое мѣсто имъ указали въ Безднѣ, но сколько они ни вертѣли страницъ, найти не могли и рѣшили, что въ барской книгѣ этихъ листковъ нѣтъ. Въ нашемъ экземплярѣ неграмотнымъ старикамъ „всѣ листы казались одинаковыми, а тотъ листокъ, который указалъ Антонъ Петровичъ, такъ и отливаетъ отъ всѣхъ, а по самой середкѣ на немъ потайная печать есть“.

Невольно приходила въ голову мысль, не вкладываетъ-ли Антонъ безднинскій какой-нибудь революціонный листокъ въ книгу Положеній? Не служитъ-ли Антонъ орудіемъ въ рукахъ политической партіи, желавшей надѣлать смуту въ дни освобожденія крестьянъ? Вопросы эти не выходили изъ головы; а въ это-же время крестьяне въ конторѣ открыто говорили, что „воля дана еще съ 10-й ревизіи, т. е. три года назадъ, а господа ее украли, а теперь хотятъ еще два года оттянуть; даже поповъ подкупили въ церкви народъ обманывать. Выдумали въ остроги

забирать тѣхъ, кто царскую книгу народу читаетъ! „Бабьею волею“ хотѣли мужиковъ ублажить! Три года мы зря на господъ работали; чѣмъ-то вы намъ заплатите?“

Подобные вопросы и попреки сдѣлались обычнымъ явленіемъ, и довѣріе къ конторѣ у крестьянъ лопнуло.

Поставка хлѣба на пристань окончилась. Зимняя дорога рушилась; надо было дѣлать разсчетъ съ купцами, съ которыхъ приходилось получить значительную сумму, чтобы отвезти ее въ Симбирскъ, къ помѣщицѣ с. Мурасы. Надѣлъ я полушубокъ, подъ него спряталъ револьверъ, и налегкѣ отправился въ гор. Спасскъ. По дорогѣ встрѣтилъ нѣсколько партій ходоковъ, которые несли домой Положенія съ отмѣченными Антономъ Петровымъ потайными листами. Въ Спасскѣ я заѣхалъ къ исправнику Шишкину; онъ только-что вернулся изъ Бездны, и сообщилъ мнѣ свои неудачи въ арестованіи Антона Петрова. Оказалось, что когда г. Шишкинъ узналъ, что въ с. Безднѣ есть какой-то превратный толкователь, то онъ послалъ разсыльнаго арестовать его и привезти въ Спасскъ. Разсыльному мужики не выдали Антона Петрова, а сотникъ и староста не оказали никакого содѣйствія; тогда исправникъ послалъ въ Бездну одного чиновника изъ полиціи. Чиновникъ возвратился съ пустыми руками, и доложилъ, что въ Безднѣ бунтъ. Бездненскіе мужики окружаютъ домъ Антона Петрова и не допускаютъ войти въ избу. Исправникъ разбранилъ чиновника и на другой день поѣхалъ самъ съ двумя разсыльными.

Н. А. Крыловъ.

[Окончаніе слѣдуетъ].

СТЕПАНЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ РУССОВЪ

род. 1770, † 21-го марта 1842 года.

Въ IV книгѣ историческаго сборника П. И. Бартенева „XVIII вѣкъ“ (изд. 1869 г., стр. 476 и слѣд.) напечатана ода императору Павлу Петровичу. Сообщая это не безъинтересное произведенiе, мы, между прочимъ, высказали замѣчанiе, что оно „принадлежитъ нѣкоему Степану Руссову“, имѣя при этомъ, въ виду, главнымъ образомъ, то обстоятельство, что для публики, непосвященной въ спецiально-историческiя изысканiя, личность Руссова была или мало, или совсѣмъ неизвѣстна. Между тѣмъ, по поводу упомянутаго замѣчанiя, почтенный академикъ М. П. Погодинъ счелъ долгомъ сообщить намъ, что Руссовъ былъ „одинъ изъ примѣчательныхъ людей въ началѣ нынѣшняго столѣтiя, прогрессистъ Павлова времени, человѣкъ глубокой учености, необыкновенной и въ наше время, примѣчательный и трудолюбивый историческiй изслѣдователь, имѣвшiй здравыя понятiя объ исторiи, цѣнившiй Карамзина и прежде всѣхъ обличавшiй его противниковъ“. Затѣмъ М. П. Погодинъ указалъ на нѣкоторые историческiе труды Руссова, и привелъ два три факта изъ его жизни. („Русскiй Архивъ“, 1869 г., стр. 1096—1098).

Мы совершенно согласны съ нашимъ маститымъ (нынѣ покойнымъ) историкомъ, и сознаемъ за собою, по отношенiю

къ Степану Васильевичу Руссову долгъ, лежащій на насъ въ продолженіе вотъ уже нѣсколькихъ лѣтъ.

Имѣя подъ руками нѣкоторые матеріалы, относящіеся къ жизни и трудамъ Руссова, рѣшаемся теперь, на основаніи ихъ, представить біографическій очеркъ его, хотя далеко не полный и не столь обстоятельный, какъ-бы то желательно.

Матеріалы эти заключаются, кромѣ напечатанныхъ трудовъ Руссова: 1) въ его автобіографіи, 2) въ письмахъ разныхъ лицъ къ нему и 3) въ неизданныхъ его сочиненіяхъ.

Ред.

I.

С. В. Руссовъ родился въ 1770 году, въ Калужской губерніи и уѣздѣ, въ селѣ Сухиненкахъ, иначе Репнинѣ. Учился онъ сперва въ калужской, а потомъ въ троицкой, что въ Лаврѣ, семинаріяхъ. Когда при императрицѣ Екатеринѣ II учреждены были, въ 1786 году, народныя училища, то Руссовъ изъ троицкой семинаріи вызванъ былъ, по высочайшему повелѣнію, вмѣстѣ съ другими студентами, въ Петербургъ, для поступленія въ учительскую семинарію. Выслушавъ здѣсь „потребные, по новому назначенію, ученія и способы преподавать оныя", отправленъ въ Пензенскую губернію.

Спустя нѣсколько лѣтъ, тамошній директоръ экономіи Зубовъ [1]) пригласилъ и перевелъ Руссова въ казенную палату „для установленія бухгалтеріи по казеннымъ винокуреннымъ заводамъ, учрежденнымъ тамъ на 160 кубовъ". Съ другой стороны, вице-губернаторъ Пензенской губерніи, поэтъ [2]), князь И. М. Долгорукій препоручилъ Степану Васильевичу вести по всей казенной палатѣ переписку съ высшимъ начальствомъ Такое положеніе Руссовъ занималъ до кончины Екатерины II.

Въ самомъ началѣ царствованія Павла Петровича, Степанъ Васильевичъ пріѣхалъ въ Петербургъ и поступилъ здѣсь на службу, при оберъ-прокурорскихъ дѣлахъ временнаго апелля-

---

[1]) Родной дядя извѣстнаго фаворита Платона Александровича Зубова.

[2]) Сочиненія князя Ив Мих. Долгорукова напечатаны, главнымъ образомъ, подъ названіемъ: „Бытіе моего сердца", въ 4 ч. (Смирд. № 6611).

ціоннаго департамента. Вскорѣ, однако-же, онъ переведенъ былъ отсюда въ канцелярію генералъ-прокурора, князя Куракина. Въ этой канцеляріи экспедиторомъ былъ тогда титулярный совѣтникъ М. М. Сперанскій, а Ст. Вас. Руссовъ, въ качествѣ помощника послѣдняго, началъ служить повытчикомъ съ чиномъ коллежскаго бухгалтера. Это было въ 1797 году.

Въ это именно время Руссовъ написалъ упомянутую выше оду императору Павлу Петровичу—произведеніе весьма интересное, какъ голосъ современника, какъ свидѣтельство представителя той части общества, со стороны которой новое царствованіе возбуждало великія надежды. Вѣроятно, ода эта была извѣстна Сперанскому, который въ декабрѣ 1797 г. прислалъ Руссову слѣдующее письмо:

„Милостивый государь мой, Степанъ Васильевичъ! еще одинъ доводъ прибавили вы къ той вѣчной истинѣ, что никогда разумъ не бываетъ столько плѣнителенъ, какъ когда является онъ подъ дымкою забавной шутки, и что лучшій образъ хвалить совершенство есть съ простотою изчислять дѣла. Жаль, что стихотворцы не ранѣе встрѣтились съ сею мыслію, нынѣ почти общею. Сколько пышныхъ, пиндарическихъ, скучныхъ одъ не надавили бы тщетнымъ бытіемъ своимъ зарождающихся и чуть кой-гдѣ сверкающихъ искръ творческаго разума. Природа, вложивъ въ васъ сіи искры, тѣмъ самымъ присвоила вамъ право на почтеніе и благодарность всѣхъ любящихъ изящное.

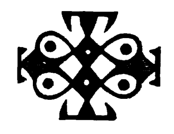
„Не такъ, какъ похвалу, но какъ плодъ сего чувства, прошу васъ принять увѣренія мои въ истинномъ усердіи, съ коимъ навсегда и пребуду вашимъ, милостивый государь мой, покорнѣйшимъ слугою. Михаилъ Сперанскій“.

Въ 1798 г. Руссовъ пробылъ нѣсколько мѣсяцевъ директоромъ народныхъ училищъ Курской губерніи, и потомъ снова возвратился въ С.-Петербургъ, къ прежней должности, въ канцелярію генералъ-прокурора, Александра Андреевича Беклешова, и помощникомъ той-же экспедиціи, М. М. Сперанскаго, гдѣ и находился почти до кончины императора Павла. За нѣсколько недѣль до смерти этого государя, не извѣстно по какому случаю Степанъ Васильевичъ Руссовъ переведенъ былъ въ секретари провіантской экспедиціи и представленъ къ чину надворнаго совѣтника. Не прошло полгода его службы въ этой долж-

ности, какъ съ нимъ случилось очень непріятное обстоятельство. Не согласившись однажды скрѣпить резолюцію, данную совѣтникомъ и имъ самимъ, не смотря на приказаніе генералъ-провіантмейстера, такъ какъ резолюція не могла быть законною, Руссовъ отданъ былъ подъ судъ уголовной палатѣ, которая, не находя за что онъ преданъ суду, потребовала свѣдѣній объ этомъ отъ провіантской экспедиціи; послѣдняя ничего не отвѣчала, вслѣдствіе чего палата произвела переписку по своему гражданскому начальству, продолжавшуюся около пяти лѣтъ.

Удаленный, по этому случаю, отъ провіантскихъ дѣлъ, Степанъ Васильевичъ занимался, частнымъ образомъ, расчетами перваго учредителя россійско-американской компаніи, Голикова [1]), съ новыми ея акціонерами, за что получалъ по 2,000 р. въ годъ, столъ и квартиру. Разумѣется, при этомъ онъ не забывалъ и литературы.

Между тѣмъ, провіантская переписка кончилась рѣшеніемъ сената, которымъ повелѣно: Руссова, за грубыя объясненія, не опредѣлять впредь къ провіантскимъ дѣламъ. Когда-же вновь было разсмотрѣно все дѣло, то, по высочайшему повелѣнію, Степанъ Васильевичъ опредѣленъ былъ секретаремъ-же сената, въ общемъ временномъ собраніи, откуда вскорѣ назначили его прокуроромъ въ Житомірѣ. Проѣздомъ сюда, на скопленную отъ трудовъ, по Россійско-Американской компаніи, сумму 5,000 р., Руссовъ пріобрѣлъ деревеньку, не далеко отъ его родины, составлявшую впослѣдствіи единственное его достояніе.



---

[1]) Руссовъ написалъ біографію И. Голикова и помѣстилъ ее въ нѣмецкомъ журналѣ, издававшемся подъ редакціею Шредера, январь 1806 г.

II.

Въ бытность свою въ Житомірѣ, Руссовъ составилъ историческое описаніе Волынской губерніи, подъ названіемъ: „Волынскія записки". Повидимому, въ это время Степанъ Васильевичъ находился подъ покровительствомъ министра юстиціи, князя Лопухина, которому онъ и представилъ свое произведеніе. Вслѣдствіе этого Лопухинъ, отъ 26-го мая 1808 г., писалъ Руссову: „Получивъ сочиненіе ваше, подъ названіемъ „Волынскія записки" и Статутъ Литовскій, напечатанный въ 1588 году, я имѣлъ счастіе докладывать о нихъ государю императору; его величество, изъявляя вамъ за оныя монаршее свое благоволеніе, высочайше повелѣть соизволилъ: сочиненіе отослать для просмотрѣнія въ цензуру, и потомъ напечатать въ пользу вашу на счетъ суммы кабинета его императорскаго величества, а Статутъ хранить въ общемъ собраніи правительствующаго сената"

Года черезъ три, т. е. около 1811 г., Руссовъ перемѣщенъ былъ изъ волынскихъ прокуроровъ на оберъ-секретарскую должность въ московскій 7-й сената департаментъ, гдѣ вскорѣ получилъ орденъ Св. Владиміра 4-й степени. Если не ошибаемся, около этого-же времени, Степанъ Васильевичъ сдѣлался членомъ московскаго общества исторіи и древностей.

Во время нашествія въ Москву французовъ, Руссовъ, вмѣстѣ съ московскимъ сенатомъ, т. е. съ прочими чиновниками и дѣлами, отправленъ былъ сперва въ Нижній Новгородъ, а потомъ въ Казань. Черезъ годъ, здѣсь пригласили его въ члены общества отечественной словесности. Секретарь общества, Петръ Кондыревъ, письмомъ отъ 26-го января 1814 г., извѣщалъ Руссова: „Казанское общество любителей отечественной словесности, разсуждая въ бывшее засѣданіе свое 22-го сего января, между прочимъ, о вашихъ успѣшныхъ опытахъ въ словесности и учености, равно о ревности къ таковымъ занятіямъ, избрало васъ въ свои члены и препоручило мнѣ, какъ секретарю, пригласить васъ къ принятію въ дѣлахъ общества, въ семъ званіи, своего участія. Что касается до препровожденія вамъ на оное диплома и устава общества, то сіе немедленно доставится по утвержденіи правительствомъ вновь начертаннаго и представленнаго устава".

По возвращеніи сената въ Москву, Руссова вновь постигло несчастіе по службѣ. Въ экспедиціи Руссова производилось очень незначительное дѣло о половинѣ четырнадцати четвертей въ пустошахъ Владимірской губерніи. Секретарь экспедиціи составилъ ложные докладъ и резолюцію, которые скрѣпилъ оберъ-секретарь другаго департамента, въ чемъ секретарь тогда-же и признался, но, вмѣсто оберъ-секретаря, неправильно скрѣпившаго ложное рѣшеніе дѣла, отрѣшенъ былъ отъ должности и отданъ подъ судъ уголовной палаты Руссовъ. Чтобы не быть обвиненнымъ по прежнему за грубыя объясненія и по настоящему дѣлу, совсѣмъ до него не касавшемуся, Степанъ Васильевичъ просилъ членовъ палаты отвѣты его пересмотрѣть и какъ угодно исправить, что членами палаты и было исполнено. Несмотря, однако, на эту предосторожность, та-же палата и сенатъ обвинили Руссова опять-таки за грубыя объясненія. Протесты московскаго военнаго генералъ-губернатора и оберъ-прокурора не принялись во вниманіе и дѣлó поступило въ государственный совѣтъ, который обвиненіе Руссова за грубыя объясненія уничтожилъ, а относительно самаго дѣла отозвался, что въ поступкѣ Руссова упущенія и злоупотребленія не только не было, но и быть не мóгло. При всемъ томъ опредѣлено было: впредь не опредѣлять Руссова ни къ какимъ дѣламъ.

По прибытіи Александра I въ Москву, Руссовъ представилъ ему копію съ этого рѣшенія; вытребована была справка отъ новаго министра юстиціи, который отозвался, что Руссовъ судился невинно. Чрезъ нѣсколько времени, графъ Аракчеевъ объявилъ, что государь всемилостивѣйше прощаетъ Руссова и разрѣшаетъ ему опять поступить на службу. Это было въ 1819 году.

Не получая долгое время мѣста, Степанъ Васильевичъ отправился съ однимъ помѣщикомъ путешествовать по Европѣ. Обозрѣлъ всѣ знаменитѣйшіе музеи и библіотеки, исходилъ мѣста, гдѣ происходили битвы въ минувшія войны Наполеона I-го, и возвратился въ Россію [1]). По возвращеніи изъ-заграницы. Степанъ Васильевичъ посвятилъ себя исключительно литературѣ.

---

[1]) Памятникомъ этого путешествія осталось неизданное сочиненіе Руссова „Путешественныя записки или взглядъ на Европу“ и „Отрывокъ изъ путешествія по Европѣ“. Спб., 1825 г.

Ниже мы приводимъ возможно полный перечень сочиненій С. В. Руссова, въ порядкѣ ихъ изданія. Теперь-же остановимся только на тѣхъ изъ нихъ, которыя представляются въ какомъ-либо отношеніи примѣчательными даже въ настоящее время.

Степ. Васил. Руссовъ былъ весьма трудолюбивый изслѣдователь и чрезвычайно плодовитый писатель по разнымъ отраслямъ знанія. Главные труды его были направлены на разработку отечественной исторіи и словесности. Такъ, въ 1830—1831 гг., Руссовъ издалъ свои „Замѣчанія" на три тома „Исторіи русскаго народа" Полеваго. По этому случаю одинъ изъ старыхъ знакомыхъ Степана Васильевича, нѣкто Петръ Хрущевъ, писалъ къ нему изъ Харькова: „Вы, конечно, удивитесь, получа письмо отъ знакомаго, съ которымъ съ 1808 г. не встрѣчались. Пространство сего времени заключаетъ много важныхъ происшествій. Вамъ труднѣе о мнѣ вспомнить, нежели мнѣ отыскать васъ-читая прекрасныя записки ваши на исторію Полеваго. Но, къ сожалѣнію, не имѣю и нигдѣ не могу достать полнаго ихъ собранія. Обращусь къ сочинителю. Вы много меня одолжите если, совокупя всѣ въ одинъ томъ и сдѣлавъ на немъ вашею рукою надпись, въ знакъ пріятнаго воспоминанія нашего знакомства, перешлете оный въ Харьковъ, гдѣ я постоянно проживаю. Столько-же я останусь вамъ благодаренъ, если какъ прочія сочиненія ваши, такъ и впредь изъ-подъ пера вашего появившіяся, вы мнѣ сообщите".

Въ 1832 г. Руссовъ издавалъ журналъ „Воспоминанія", въ которомъ, несмотря на странность заглавія, преобладаютъ историческія статьи. Такъ, напримѣръ, здѣсь въ первый разъ помѣщенъ переводъ, съ замѣчаніями, „Московскія записки" барона Герберштейна, базельскаго изданія 1556 г. Въ предисловіи къ этому переводу съ замѣчаніями, которыя несомнѣнно принадлежатъ Руссову, между прочимъ, говорится, что, „имѣя подъ руками того-же времени довольно книгъ и извѣстій какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ, а еще болѣе досуговъ, предпринимаю все сіе употребить на то, чтобы всѣ оскорбительныя, ложныя и нелѣпыя повѣствованія Герберштейна ясными доказательствами отвергнуть"... Затѣмъ въ „Воспоминаніяхъ" помѣщены „Замѣченія" Руссова „на книгу подъ названіемъ царствованіе царя Алексѣя Михайловича", сочиненіе Берга, и многія другія статьи, принадлежащія перу самого издателя.

Въ 1834 г. вышло сочиненіе Руссова „О подлинности древняго русскаго творенія, извѣстнаго подъ названіемъ: Слово о полку Игоревѣ“. По поводу этого произведенія, Алексѣй Николаевичъ Оленинъ писалъ: „хотя я не имѣю чести лично васъ знать, но труды ваши въ пользу отечественной нашей исторіи и древней русской словесности обязываютъ меня истиннымъ къ вамъ почтеніемъ. Увидѣвъ третьяго дня въ рукахъ Григорія Ивановича Лисенко небольшой вашъ опытъ о подлинности Игоревой пѣсни (въ защиту отъ польскихъ на насъ нашествій или наяздовъ, какъ они говорятъ), я пожелалъ имѣть въ моей собственности сей любопытный отрывокъ изъ нашей словесности, но не найдя его въ книжныхъ лавкахъ, я послалъ къ вамъ, милостивый государь, чтобъ спросить, гдѣ можно сію печатную тетрадку получить, и сегодня только узналъ, что, вмѣсто словеснаго вопроса, послали къ вамъ записку.

„Извините, милостивый государь, исполнителя моего приказанія, желавшаго его выполнить какъ можно вѣрнѣе. Я осмѣливаюсь повторить сегодня вчерашнюю мою покорнѣйшую просьбу“.

Въ декабрѣ того-же 1834 г. президентъ академіи наукъ А. С. Шишковъ предложилъ избрать Руссова въ члены ея.

„Имѣю честь предложить гг. членамъ академіи,—писалъ отъ 8-го декабря въ своемъ заявленіи президентъ:—не благоугодно-ли будетъ имъ сегодня приступить, на основаніи устава, къ избранію въ дѣйствительные члены г. надворнаго совѣтника Степ. Васильевича Руссова, который, въ разныхъ изданныхъ имъ сочиненіяхъ своихъ, старался ясными и справедливыми, безъ всякой стачки и пристрастія, доводами и доказательствами опровергать неблагонамѣренное нѣкоторыхъ писателей предпріятіе ложными выдумками и умствованіями искажать бытописанія наши, лѣтописи, языкъ и даже нравственность. Подобныя опроверженія, требующія не малыхъ трудовъ и знаній, отворяютъ двери въ академію, ибо она съ тѣмъ учреждена, чтобы, обличая всякія противъ языка и словесности лжеумствованія, не давать имъ усиливаться и вводить неопытныхъ читателей въ соблазнъ и заблужденіе. Это прямой ея долгъ, а потому и полагаю я г. Руссова могущимъ быть полезнымъ ея членомъ“.

Это предложеніе принято было всѣми членами единогласно,

о чемъ въ мартѣ 1835 г. и дано знать Степану Васильевичу, который, по этому случаю, обратился къ членамъ академіи съ слѣдующими словами:

— „Милостивые Государи! По обыкновенію, у всѣхъ просвѣщенныхъ народовъ существующему, члены, вновь принимаемые въ общества ученыхъ, благодарятъ прежнихъ, но я благодарить васъ не смѣю. Благодарность, какъ обыкновенное возмездіе наградъ, иногда выпрашиваемыхъ, уменьшила-бы цѣну вашего подвига; о принятіи меня въ академію никого изъ васъ я не просилъ, въ чемъ свидѣтельствуюсь вами самими. Когда шумъ и лепетъ оскорбленнаго невѣжества, тѣмъ единственно, что я думаю не его мыслями, желаю не его желаніями, преслѣдовали меня неумолимо, вы услышали мой голосъ, голосъ россіянина, и отворили мнѣ дверь въ академію. Эта черта въ лѣтописяхъ академіи, въ лѣтописяхъ, вообще, просвѣщенія будетъ безсмертна и мнѣ осталось только пожалѣть, что я уже внѣ оной Не удивитесь, милостивые государи, что я принятіе въ академію человѣка, почти неизвѣстнаго, называю чертою безсмертною, подвигомъ незабвеннымъ. Безсмертіе, надежда и награда истинно просвѣщенныхъ и добродѣтельныхъ, часто созидается на словахъ, едва слышанныхъ, на подвигахъ, современниками чуть замѣченныхъ; часто неизмѣримые походы воителей забыты, стотомныя творенія тлѣютъ подъ развалинами минувшихъ поколѣній, а одинъ геніальный подвигъ, одно геніальное слово съ чувствомъ, съ восторгомъ повторяются въ столѣтіяхъ, смѣло, величаво идутъ къ позднѣйшему потомству. Величество безсмертныхъ словъ и подвиговъ зависитъ отъ обстоятельствъ, оные озаряющихъ, а геніи Провидѣніемъ готовятся и хранятся для тѣхъ обстоятельствъ. Итакъ не подумайте, милостивые государи, что я не чувствую въ полной мѣрѣ цѣны вашего подвига. Вамъ угодно было, на вечерней зарѣ долголѣтней и горестями преисполненной жизни моей, утѣшить меня самымъ блестящимъ, самымъ пріятнымъ для меня привѣтствіемъ, а я всѣ свѣдѣнія, коими снабдила меня та долголѣтняя жизнь моя, принесу къ алтарю отечества и истиннаго просвѣщенія, какъ къ любимому предмету общаго нашего высокаго покровителя и защитника. Душа моя, чистѣйшею благодарностію преисполненная, подкрѣпитъ мои силы на понесеніе всѣхъ трудовъ, на исполне-

ніе всѣхъ обязанностей, коими угодно будетъ почтить меня академіи".

Чрезъ полгода, Руссовъ избранъ былъ въ члены комитета, состоящаго при Академіи, который учрежденъ былъ еще, въ 1817 году, для приготовленія къ новому изданію „Россійскаго словаря". Затѣмъ, когда Академія положила: „издавать, посредствомъ литографированія, портреты своихъ членовъ, съ самаго основанія оной, прилагая краткое жизнеописаніе къ портретамъ тѣмъ изъ нихъ, кои совершили уже земное свое поприще",— то Руссову предстояло, на ряду съ другими членами, сообщать объ этихъ лицахъ различныя свѣдѣнія.

Въ то-же время Степанъ Васильевичъ занимался „Словаремъ о писателяхъ" Хвостова. Съ послѣднимъ онъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ. Такъ, въ одномъ письмѣ, Хвостовъ пишетъ Руссову „По желанію почтеннаго Степана Васильевича Руссова, знаменитаго нашего времени поэта, критика и литератора, посылаю къ нему въ подарокъ мои семь томовъ, съ условіемъ принять благосклонно, уважить лѣта скуднаго дарованіями автора, не растеривать томовъ и читать и разсуждать о всѣхъ родахъ: лирическомъ, дидактическомъ и лиро-эпическомъ; во второмъ томѣ—о приватныхъ посланіяхъ, о басняхъ и, наконецъ, о переводахъ".

Въ апрѣлѣ 1835 г., Хвостовъ отправилъ Руссову такое посланіе: „Свидѣтельствую мой усердный, дружескій поклонъ почтенно-любезному сочлену по россійской академіи, Степану Васильевичу Руссову. Мнѣ крайняя нужда съ вами переговорить и попросить васъ о моемъ словарѣ. Я намѣренъ оный вамъ ввѣрить на прочтеніе домой, на недѣлю мѣсто; онъ (словарь) переплетенъ отъ литеры А по литеру К; съ тѣмъ только условіемъ чтобы вы мой словарь не марали и въ немъ ничего карандашемъ и чернилами не прибавляли, ибо я надоѣлъ перепискою; а вы можете, о чемъ я усердно васъ прошу, дѣлать ваши замѣчанія и писать что угодно на особливомъ листѣ. Означайте смѣло всѣ недостатки, поправляйте хронологическія неисправности, сглаживайте недостатки словосочиненія, прибавляйте кого угодно, на извѣстномъ основаніи, но не вымарывайте безъ меня ни одного человѣка. Помните, что это не собственно словарь, но архивъ, т. е. записки біографическія древней и новой сло-

весности. Всѣ имена, въ архивѣ попавшіяся, по извѣстному началу, должны быть сохранены. Начала мои или правила: помѣщать 1) по словарю духовныхъ писателей; 2) по словарю Новикова: 3) по учебной книгѣ Н. Греча; 4) по собственному моему и товарищей убѣжденію объ извѣстности новыхъ авторовъ, и 5) по каталогу Смирдина, свидѣтельствующему о печатныхъ твореніяхъ. Вотъ, почтеннѣйшій мой академикъ, по довѣренности моей къ вамъ, какая на васъ обуза! Удостойте дружески ее исполнить и принесите съ собою сію записочку, для словесныхъ объясненій въ слѣдующую среду".

Въ заключеніе нашего очерка приведемъ одно письмо Степана Васильевича Руссова, отъ 12-го марта 1836 г., въ черновомъ его отпускѣ, къ кому писано—на немъ не указано; письмо это, по нашему мнѣнію, весьма интересно во многихъ отношеніяхъ [1]):

„Осмѣливаюсь прибѣгнуть подъ милостивую защиту вашего высокопрев-ства въ самомъ стѣсненномъ моемъ положеніи.

„Издатели журнала, подъ названіемъ „Сынъ Отечества", на 1835 г., въ №№ 37, 38 и 39, въ пространной статьѣ, отъ имени Бодіанскаго напечатанной, между многими непристойными вымыслами, доказывали, что лѣтопись, извѣстная подъ названіемъ Несторовой, есть компиляція временъ новѣйшихъ, что Новгородъ до половины XI столѣтія не существовалъ и, до самаго его завоеванія московскими князьями, къ Россіи не принадлежалъ, что родословная первыхъ россійскихъ князей вымышлена, что народъ Русь происхожденія турецкаго, что „границы Руси простирались къ сѣверу только до Старой Руссы, а къ востоку до Трубчевска, далѣе котораго будто-бы не россіяне, но просто москали, что великіе князья московскіе назывались великими князьями всея Руси, подобно митрополитамъ, по хитрости, что всѣми землями русскими владѣли великіе князья литовскіе и короли польскіе" и проч.

„Нѣтъ сомнѣнія, что сія статья подлежала благонамѣренной критикѣ, и я въ особой книжкѣ, со всѣмъ приличіемъ и скромностію, сдѣлалъ противъ нее возраженія, на лѣтописяхъ и другихъ несомнѣнныхъ памятникахъ основанныя; но издатели „Сына Отечества" въ другомъ ихъ журналѣ, подъ названіемъ „Сѣверной

[1]) Мы не знаемъ, было-ли это письмо послано по назначенію.

Пчелы", издаваемомъ на текущій 1836 годъ, въ № 56, подъ оффиціальными извѣстіями напечатали отъ имени называющагося Скромненко (Строевъ) статью, язвительными противъ меня личностями наполненную, въ которой, сравнивая меня съ астрономомъ, упавшимъ въ яму, этимъ только укоризненнымъ сравненіемъ отвергаютъ всѣ мои доводы; но, по важности предметовъ, они обязаны были представить не сравненіе укорительное, но также историческіе доводы сильнѣйшіе, коихъ они не объявили и объявить не могутъ.

„Далѣе Скромненко повторяетъ почтенныя имена Шлецера и Карамзина, какъ руководителей въ россійской исторіи и тогдаже, неизвѣстно почему, называетъ прекраснымъ сочиненіе, противное ихъ духу и розысканіямъ, и выказываетъ, что отъ возраженія противъ вымысловъ россійская исторія идетъ ракомъ.

„На стр. 221 Скромненко, также въ укорительныхъ выраженіяхъ, доказываетъ, что Бодіанскій не псевдонимъ, что онъ учился съ нимъ въ университетѣ, находится въ службѣ и съ нимъ въ перепискѣ, но это не доказываетъ, что Бодіанскій, означенный подъ статьею, не псевдонимъ, это обстоятельство можетъ объяснить только самъ Бодіанскій.

„На стр. 222 Скромненко пишетъ: „слогъ Руссова чудо; Тредьяковскій, Елагинъ и Еминъ легко могутъ принять его за контрафакцію своего стиля, словомъ, слогъ Руссова не анахронизмъ только на Васильевскомъ острову". Но на Васильевскомъ острову находятся: три академіи, три кадетскихъ корпуса, къ собраніямъ которыхъ принадлежатъ всѣ ученѣйшіе и краснорѣчивѣйшіе мужи Россіи, и можетъ-ли все это Скромненко ставить выраженіемъ укоризны и всѣмъ жертвовать личной своей ко мнѣ непріязни?

„Мужи, укоряемые подъ названіемъ „Васильевскаго острова", могутъ искать защиты сами, мнѣ остается говорить о моемъ слогѣ; хвалить его я не смѣю, но, если пишу истину, то онъ краснорѣчивъ, ибо истина краснорѣчива безъ всякихъ украшеній. Если издатели журнала, подъ названіемъ „Сынъ Отечества", находили слогъ мой не достаточнымъ, для изложенія представленныхъ мною истинъ, то они въ правѣ были изъяснить ихъ какъ угодно, но не могли печатать на нихъ укорительной статьи и подъ оффьціалными извѣстіями, и тѣмъ болѣе псевдо-

нима Скромненки, потому что онъ, подъ собственнымъ именемъ принадлежа къ числу канцелярскихъ служителей, не только приговоровъ объ островахъ и лицахъ, ни почему ему не подвластныхъ, но вообще никакихъ своихъ сочиненій не могъ печатать безъ особыхъ на то дозволеній своего начальства.

„Между тѣмъ, въ защиту моего слога осмѣливаюсь представить то:

1) „что сочиненія мои печатались въ самомъ томъ-же „Сынѣ Отечества“,

2) „что сочиненія мои, безъ всякой моей просьбы и искательства, печатались на счетъ императорскаго кабинета.

3) „что, безъ всякихъ моихъ просьбъ и искательствъ, избранъ я единогласно въ члены казанскаго общества любителей отечественной словесности, въ московское общество исторіи и древностей, въ С.-Петербургѣ въ россійскую императорскую академію; могу представить болѣе, если-бъ это было нужно.

„Все это и литературныя мои занятія остались мнѣ единственною собственностью, и лишить меня хотятъ люди, не имѣющіе на то ни малѣйшаго права, ни малѣйшей причины, только по одной личности. Посему и паче опасаясь дальнѣйшихъ несчастій, я осмѣлился прибѣгнуть подъ милостивую защиту вашего высокопрев-ства и просить всепокорнѣйше, дабы помѣщеніе въ журналъ, подъ оффиціальными извѣстіями, статьи, въ личное для меня оскорбленіе, пересмотрѣно и соображено было съ высочайшими постановленіями, о цензурѣ изданными“.

Имѣется портретъ Степана Васильевича Руссова, гравюра акватинтой, въ кругѣ, рисов. и гравировалъ Bouchard въ Парижѣ, въ 1826 г. см. словарь Д. А. Ровинскаго, изд. 1888 г., т. III, стр. 1888 — 1889; въ томъ-же подробномъ“ Словарѣ русскихъ гравированныхъ портретовъ“ мы находимъ указаніе на мѣсто и время кончины С. В. Руссова,—онъ умеръ въ С.-Петербургѣ, 21-го марта 1842 года.

Ред.

Перечень историко-литературныхъ трудовъ С. В. Руссова.

I. Отдѣльныя изданія.

1. Ода Павлу I на окончаніе года царствованія его. Спб. 1797 г.

2. Епистола Александру I. Спб. 1801 г.

3. Волынскія записки. Спб. 1809 г.

4. Словарь россійской орѳографіи или правописанія. М. 1813 г.

5. Ода Александру I, на случай низверженія Наполеона I, возстановленія всеобщаго мира и всеобщаго-же совѣщанія, какое принадлежитъ названіе царю-герою. М. 1814 г.

6. Челночекъ или путешествіе къ счастію, съ стихотвореніемъ: „Развалины". 2-е изд. 1819 г.

7. Геній—стихотвореніе. 1820 г. Спб.

8. Обозрѣніе критики Ходаковскаго на исторію Карамзина. Спб. 1820 г.

9. Варяжскіе законы, пер. съ латинскаго съ прим. Спб. 1824 г.

10. Опытъ объ идолахъ, Владиміромъ въ Кіевѣ поставленныхъ. Спб. 1824 г.

11. Похвала патестамъ (англійской обуви), съ пріобщеніемъ словарика всѣхъ обувей древнихъ. Спб. 1824 г.

12. Историческое розысканіе о дочеряхъ Ярослава. Спб. 1824 г.

13. Путешествіе по Петербургу. Спб. 1824.

14. Калей-докустиконъ, музыкальное упражненіе для составленія 214 милліоновъ вальсовъ, переводъ съ французскаго. Спб. 1825 г.

15. Отрывокъ изъ путешествія по Европѣ: парижская выставка искусствъ и рукодѣлій. Спб. 1825 г.

16. О Корсунскихъ воротахъ. Спб. 1825 г.

17. Россійско-славянскій словарь. 1826 г. Спб.

18. Словарь россійскихъ писательницъ. 1826 г.

19. Взглядъ на исторію трехъ княжествъ: Валахіи, Молдавіи и Бессарабіи, съ II по XIII ст., съ прибавленіемъ разбора палеографской статьи по сему-же предмету. Спб. 1828 г.

20. Древняя исторія Волынской губерніи, соч. графа Іоанна Потоцкаго, перев. съ франц. 1829 г.

21. Мысли о критикѣ автора исторіи русскаго народа (Н. А. Полеваго) на исторію Н. М. Карамзина. Спб. 1829 г.

22. Разборъ академической рѣчи профессора Артемовскаго-Гулака. Спб. 1829 г.

23. О критикѣ Арцыбашева на Исторію Карамзина. Спб. 1829 г.

24. Словарь жемчужный или описаніе всѣхъ мѣстъ, гдѣ на пространствѣ Россіи добывался жемчугъ. Спб. 1829 г.

25. Сокращеніе скандинавской миѳологіи, перев. съ латинскаго. Спб. 1829 г.

26. Опытъ о подлинности Несторовой лѣтописи. Спб. 1830 г.

27. Замѣчанія на I, II и III тт. Исторіи русскаго народа соч. Н. А. Полевымъ. Спб. 1830—1831 гг.

28. Замѣчанія на бранчливую статью противъ Малороссійской исторіи Дм. Ник. Бантыша-Каменскаго. Спб. 1831 г.

29. Кадетскіе вопросы. Спб. 1834 г.

30. О сагахъ. Спб. 1834 г.

31. О подлинности Слова о полку Игоревѣ. Спб. 1834 г.

32. Опытъ о кожаныхъ деньгахъ. Спб. 1835 г.

33. Словарь русскихъ простонародныхъ реченій, въ древнихъ французскихъ актахъ находящихся. При книжкѣ о кожаныхъ деньгахъ.

34. Разборъ статьи, напечатанной въ „Сынѣ Отечества" № 37, 38, 39, о мнѣніяхъ касательно Руси. Спб. 1836 г.

35. Къ этому-же разряду произведеній Руссова слѣдуетъ отнести издававшійся имъ журналъ „Воспоминанія" на 1832-й годъ.

II. Журнальныя статьи.

1. Біографія И. А. Голикова, перваго основателя Россійско-Американской компаніи. „Нѣмецкій журналъ" Шредера. Спб. 1806 г., январь.

2. Объ основаніи города Вильны. „Отечеств. Записки" 1826 г., ч. XXVII.

3. О происхожденіи слова рубль. Тамъ-же, ч. XXVII.

4. О Россіяхъ, бывшихъ внѣ нынѣшней Россіи. Тамъ-же, 1827 г., ч. XXX и XXXI; въ послѣдней: „Критика на письма Лупула о монетѣ Енея".

5. О происхожденіи двухъ простонародныхъ словъ: карачунъ и чуръ. Тамъ-же, ч. XXXIV.

6. Замѣчаніе краткое относительно разныхъ мнѣній о началѣ россійскаго государства. Тамъ-же, ч. XXXV. Здѣсь-же отвѣтъ Лупулу и нѣсколько словъ о книгѣ подъ заглавіемъ: „Нынѣшнее состояніе Молдавіи, Валахіи и Бессарабіи".

7. Нѣчто о легендѣ, въ которой повѣствуется о князѣ Вячеславѣ Чешскомъ. „Сѣверный Архивъ" 1827 г., № 19.

8. Отвѣтъ на возраженіе издателя той легенды. Тамъ-же, 1828 г., № 2.

9. О времени печатанія первой русской газеты. „Инвалидъ" 1827 г, № 172

10. Письмо о книгѣ барона Розенкампфа подъ названіемъ: „О кормчей книгѣ". „Сынъ Отечества" 1829 г.

11. Повѣрка лѣтосчисленія нѣкоторыхъ достопамятныхъ событій, описанныхъ въ Готскомъ Альманахѣ за 1829-й годъ. „Бабочка" 1829 г., № 98.

12. Примѣчанія на нѣкоторыя непонятныя слова въ русской исторіи, занятыя изъ порфирогенита. „Сынъ Отечества" 1829 г., кн. 14.

13. Города, составлявшіе Ганзейскій союзъ. „Отечествен. Зап." 1829 г.

14. Замѣчанія на статью. въ XIII, XIV, XV и XVI книжкахъ „Вѣстника Европы" на 1829 г. напечатанную подъ заглавіемъ: „Взглядъ на русскую правду". Тамъ-же.

15. Замѣчанія на 80-ю или на послѣднюю главу салическихъ законовъ, „Литературная газета" 1831 г., № 2.

16. Замѣчаніе на статью, въ „Московскомъ телеграфѣ" напечатанную. „О историческихъ книгахъ, нѣкоторыми россіянами изданныхъ". Тамъ-же.

17. Замѣчаніе на слово юбилей, неправильно будто-бы помѣщенное въ рѣчи проф. Ив. Мих. Снегирева. Тамъ-же.

18. Нѣчто о ворономъ конѣ (oeramio), въ русскихъ пѣсняхъ повторяемомъ. „Литературная газета" 1831 г., № 2.

19. О происхожденіи слова муза. „Литературныя прибавленія къ Инвалиду" на 1834 г.

20. О русскихъ герундіяхъ. Въ собраніи разныхъ критикъ на граматику Греча, самимъ имъ напечатанныхъ.

21. Замѣчанія на письма Строева, одобряющія критику Арцыбашева на Исторію государства Россійскаго. Въ „Сынѣ Отечества".

22. Замѣчанія къ розысканіямъ о словѣ—вервь.

23. Притча: „Путешественники" въ „Новостяхъ Литературы" и „Казанскомъ Вѣстникѣ".

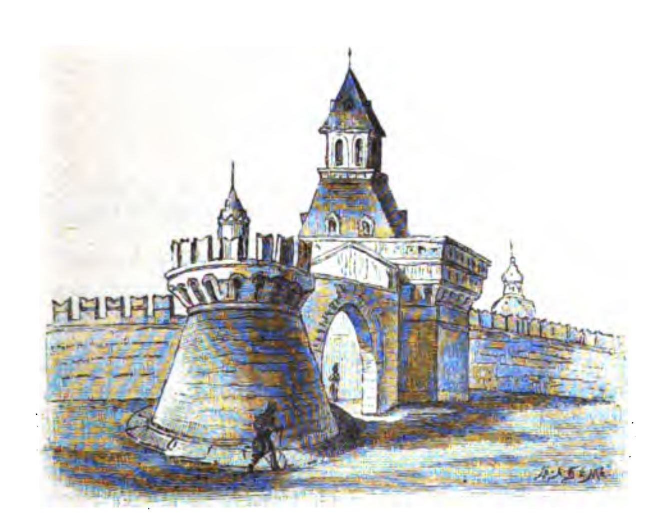
III. Не напечатанныя сочиненія.

1. Еліада или война 1812 г. въ стихахъ.
2. Исторія Калужской губерніи, отчизны руссовъ.
3. Исторія русской нумизматики.
4. Путешественныя записки, или взглядъ на Европу.
5. Словарь словарей.
6. Словарь хронологическій, общій.
7. Стихотвореніе „Слава".
8. Хронологія всѣхъ орденовъ европейскихъ.
9. Черта древней и новой исторіи Бессарабіи.
10. Разборъ мнѣній философовъ, древнихъ и новыхъ.
11. Разборъ лѣтописи Іоакима.
12. Опыты о происхожденіи Россіи.
13. Разборъ польской исторіи Бандке.
14. Цыгане Пушкина.
15 Анекдоты.
16. Афоризмы Иппократовы.
17 Басни и всякая стихотворная мелочь.
18. Всеобщей исторіи обозрѣніе, или разборъ исторіи Кайданова.
19. Естетика.
20. Гимнъ Клеанта.
21. Реестръ географическихъ картъ Россіи.
22. Для забавы.
23. Литовская исторія.
24. Славянская миѳологія.
25. Названія мѣсяцевъ у разныхъ народовъ.
26. О патріаршествахъ.
27. Опытъ о русскихъ лѣтописяхъ.
28. Путешествіе по окрестностямъ Волги (критика).
29. Слово о безсмертіи великихъ.
30. Словарь христіанскій, или епархій.
31. Записка объ университетахъ.
32. Философія нравоучительная.
33. Опыты, откуда произошла басня, что Рюрикъ племянникъ Кесаря.

34. Возраженіе на книгу о происхожденіи руссовъ.
35. Географія россійская I столѣтія по повѣствованію Птоломея и прочихъ.
36. Словарь энциклопедическій.
37. Каталогъ поэмъ.
38. Словарь архіереевъ и хронологія церковная.
39. Альманахъ.
40. Апологія или мое жизнеописаніе.

Примѣчаніе. Списокъ трудовъ Степана Васильевича Руссова составилъ, по нашихъ матеріаламъ,—Николай Михайловичъ Востоковъ, нынѣ покойный.

14-го октября 1875 г.
Спб. Ред.



М. М. Сперанскій.

ЗАМѢТКА.

Въ январьской книгѣ „Русской Старины“ за нынѣшній 1892 годъ, въ примѣчаніи къ статьѣ: „Сперанскій подъ цензурою 1844 года“ (стр. 190—192), сказано, что автору неизвѣстно, была-ли напечатана книга „Правила высшаго краснорѣчія“ Сперанскаго.

По поводу этой замѣтки, могу сообщить, что упомянутая книга отпечатана съ такимъ заглавнымъ листомъ:

ПРАВИЛА
высшаго краснорѣчія.
Сочиненіе
Михаила Сперанскаго.
САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи втораго отдѣленія собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи
1844.

На оборотѣ заглавнаго листа:

„Печатать позволяется съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи, представлено было въ цензурный комитетъ узаконенное число экземпляровъ С.-Петербургъ, февраля 23-го дня 1844 года.

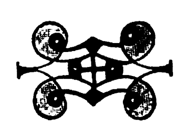
Цензоръ Никитенко“.

Въ книгѣ, въ 12 д. л., 216 страницъ и приложены особыя, на 8-ми страницахъ, „Краткія біографическія свѣдѣнія о графѣ М. М. Сперанскомъ“.

Экземпляръ этой книги находится въ моей библіотекѣ.

Василій Поповъ.

22-го января 1892 года,
гор. Тотьма, Вологодск. губерніи.



ПРОФЕССОРЪ ВИКТОРЪ СТЕПАНОВИЧЪ ПОРОШИНЪ

род. 1809, † 1868 г.

въ воспоминаніяхъ его сестры Софьи Степановны Порошиной.

Нѣкоторые изъ бывшихъ студентовъ и слушателей брата моего, профессора С.-Петербургскаго университета, которыхъ я встрѣчала въ разныхъ знакомыхъ домахъ, неоднократно обращались ко мнѣ съ просьбою набросать хотя краткую біографію любимаго и уважаемаго ими профессора. Не имѣя свободнаго времени, я все откладывала эту лестную и пріятную для меня обязанность. Нынѣ (въ 1883 г.), при повторяемыхъ просьбахъ, я рѣшилась въ краткомъ очеркѣ изобразить его дѣтство, молодость, семейныя отношенія и тѣмъ возобновить въ бывшихъ цѣнителяхъ студентахъ (нынѣ отцахъ, а, быть можетъ, уже и дѣдахъ семействъ), тѣ чувства любви и уваженія, которыя они питали къ профессору, посѣщая его аудиторію. Эта свѣтлая личность не довольно была оцѣнена при жизни, почтимъ-же память этого труженика оцѣнкою его добрыхъ качествъ, свѣтлыхъ мыслей, многотрудной дѣятельности!

Не надѣясь на свою память, я просила брата моего Сергія Степановича помочь мнѣ, тѣмъ болѣе, что воспоминанія его, въ которыхъ онъ изложилъ нѣкоторыя черты изъ жизни, касающіяся всего нашего семейства, къ несчастію, богатаго трагическими происшествіями, были помѣщены на страницахъ уважаемаго журнала „Русская Старина“ за 1882 годъ (томъ XXXVI, стр. 207—220: „Семейныя воспоминанія“ С. С. Порошина, переводъ съ французскаго).

Софья Порошина.

I.

„Для сердца—прошедшее вѣчно".
В. Жуковскій.

В. С. Порошинъ родился въ 1809 году въ Петербургѣ, но не долго оставался въ столицѣ. Отецъ его, покинувъ службу, вышелъ въ отставку, изъ Преображенскаго полка, въ чинѣ полковника, и уѣхалъ со всѣмъ семействомъ въ свое симбирское имѣніе, доставшееся ему по наслѣдству отъ отца; тамъ онъ занялся хозяйствомъ и оставался въ имѣніи семь лѣтъ, пока дѣти его не требовали заботъ о серьезномъ воспитаніи. Между тѣмъ, сынъ его росъ на лонѣ природы и укрѣплялся духомъ и тѣломъ. Для надзора за дѣтьми привезена была изъ Москвы гувернантка, прекрасно воспитанная дѣвушка, M-ll Dreth, которая родилась въ Россіи и вполнѣ усвоила себѣ необходимыя познанія, воспитавшись въ одномъ изъ лучшихъ пансіоновъ. Она-то посѣяла въ младой душѣ своего питомца сѣмена добра и правды.

Въ свободное отъ уроковъ время, они много читали, она разсказывала ему достопримѣчательныя происшествія изъ отечественной исторіи. Онъ съ жадностью ее слушалъ и такъ пристрастился къ серьезному чтенію, что его нельзя было оторвать отъ книги. Любимымъ чтеніемъ В. С. Порошина было „Жизнеописанія великихъ людей" соч. Плутарха; слѣдя съ устремленнымъ вниманіемъ за подвигами древнихъ героевъ, восхищаясь безпримѣрною любовію къ отечеству Коріолана, самоотверженіемъ Муція-Сцеволы, онъ не только упивался этими примѣрами, изучалъ ихъ, но старался олицетворить ихъ. Въ часы досуга онъ нерѣдко собиралъ около себя своихъ младшихъ сестеръ и братьевъ, а иногда и дворовыхъ ребятишекъ, и, раздавъ имъ разныя историческія роли, самъ организовывалъ цѣлыя сцены изъ интересующаго его историческаго событія! Такъ не рѣдко приходилось одной изъ сестеръ его, войдя на возвышенное мѣсто, взывать къ нижегородцамъ о спасеніи Россіи, изображать собою того, кто, проникнутый истинною пламенною любовію къ родинѣ, поднялъ единымъ словомъ своимъ цѣлыя полчища и, избравъ въ вожди князя Пожарскаго, вручилъ ему мечъ на сокрушеніе врага отечества!

Когда Виктору Степановичу минуло 14 лѣтъ, все семейство переѣхало въ Петербургъ, и скоро его опредѣлили въ высшее училище (нынѣ 2-я гимназія) приходящимъ ученикомъ. Скромный, застѣнчи-

вый мальчикъ не былъ понятъ тѣми, которые экзаменовали его, и скорѣе по лѣтамъ, чѣмъ по познаніямъ помѣстили его въ 4-й классъ, полагая, что онъ какъ-нибудь да будетъ въ состояніи плестись за классомъ; но каково было ихъ удивленіе, когда они замѣтили свою опрометчивость. Ученикъ этотъ не только замѣтно возвышался своими познаніями надъ уровнемъ своихъ товарищей, но представлялъ собою, по необыкновеннымъ его способностямъ, такое блестящее исключеніе, что вынуждены были перевести его черезъ три мѣсяца безъ экзамена въ слѣдующій классъ, гдѣ онъ продолжалъ легко и прилежно заниматься, и, скоро окончивъ курсъ, вышелъ первымъ ученикомъ.

Помню домашнія ликованія всей нашей семьи, когда, на публичномъ экзаменѣ, братъ мой Викторъ получилъ дипломъ на 14-й классъ и шпагу съ треугольною шляпою, какъ первый ученикъ. Вскорѣ потомъ общую радость смѣнила грустная разлука, когда отецъ повезъ брата въ Дерптъ для поступленія въ университетъ.

Письма дерптскаго студента, отдавшагося наукамъ conamore, были утѣшеніемъ для родителей. При свиданіяхъ нашихъ во время каникулъ, нашъ „нѣмецъ", какъ мы тогда называли брата Виктора, всегда серьезный и скромный, никогда не былъ очень разговорчивъ. Однако, какъ-то разъ въ минуту душевныхъ изліяній мнѣ была повѣрена сердечная тайна. Въ одномъ семействѣ ученой іерархіи, по фамиліи Вольмеранжъ, которое онъ изрѣдка посѣщалъ и гдѣ иногда развлекался танцами, была дочь Луиза,—она-то и была предметомъ платонической любви юноши. Вотъ какъ вдохновила его муза въ послѣдній годъ его студенческой жизни въ Дерптѣ: романсъ, имъ тогда (1830 г.) сочиненный, въ которомъ выразилась первая пламенная любовь студента, свѣжо сохранился въ памяти моей. Вотъ онъ:

„Скажи, давно-ль луна златая
Взошла на синій небосклонъ
И, ослѣпительно сіяя,
Глядитъ изъ облачныхъ оконъ?
Давно-ли звѣздный сонмъ красивый
Кочуетъ на лазурномъ днѣ?
Давно, давно: но я, счастливый,
Забылъ о звѣздахъ, о лунѣ.
И мудрено-ль? Я надъ мірами
Леталъ съ архангеломъ моимъ
И незамѣтными шарами
Казалось солнце передъ нимъ.
Еще я слышу райски звуки,

Какъ дѣти ластятся къ душѣ,
Еще я жму съ восторгомъ руки,
И вдругъ одинъ, одинъ въ глуши;
Увы! одинъ въ кибиткѣ тѣсной,
Вокругъ и снѣгъ и пустота,
Передо мною рокъ безвѣстный,
За мною—рая красота".

Кстати, припомнилась мнѣ также шарада, написанная имъ, при разставаніи, той-же обожаемой особѣ:

„Mon premier est un crime,
Mon second couvre l'abyme,
Mon troisième est aux Cieux logé,
Mon tout est digne de les partager".

Сдавъ отлично экзаменъ въ Дерптскомъ университетѣ съ дипломомъ кандидата философіи, Викторъ Степановичъ, не пожелавъ быть чиновникомъ по дипломатической части, какъ предполагалъ, не задолго до выпуска написалъ къ родителямъ письмо, которое какимъ-то чудомъ сохранилось въ моихъ рукахъ. Въ этомъ письмѣ вылилась вся душа неофита! Съ почтительною покорностію ребенка онъ ожидалъ рѣшительнаго отвѣта родителей! Отецъ, конечно, не противился этому благородному влеченію, но такъ какъ надо было хлопотать о помѣщеніи сына въ профессорскій институтъ и выждать вакансіи, то онъ опредѣлилъ его впредь на время въ канцелярію министерства финансовъ, гдѣ Викторъ пробылъ около 6-ти мѣсяцевъ, но и тутъ успѣлъ заслужить расположеніе начальства и привязанность товарищей. Когда пришлось покинуть ему службу, чтобы отправиться за-границу, на казенный счетъ, въ центръ учености, какъ тогда думали, то употребляли всѣ средства, чтобы удержать его, осыпали его самыми лестными предложеніями, манили картинами блестящей будущности, но онъ остался непреклоненъ. Вотъ два къ нему письма одного изъ товарищей его по службѣ г. Ф . . . , одно въ день отъѣзда, а другое въ Москву, и отвѣтъ на него моего брата Виктора:

Первое письмо: „Все еще не могу пріучить себя къ мысли разлучиться съ вами, любезный другъ, и самъ являлся убѣждать васъ. Мѣсто мое и казенная квартира, состоящая за мною, къ вашимъ услугамъ. Особая служба по комитету и изданію юридическаго журнала вѣрный открываютъ путь и къ пользѣ отечества, и къ извѣстности, и къ наградамъ! Впрочемъ, занятія сіи таковы, что не лишали-бъ васъ досуговъ и для литературы и вообще для сферы ученой.

Примите дружеское усердіе товарища, убѣжденнаго опытомъ въ неблагодарномъ пути, вамъ предстоящемъ!

„Къ сожалѣнію, я уже не засталъ васъ дома. Вы ускорили отъѣздомъ incognito, но я буду писать вамъ еще и въ Москву“.

Второе письмо: „Cher et excellent camarade! Вы теперь въ сердцѣ Россіи и въ кругу родныхъ; это лучше откроетъ вамъ, можно-ли равнодушно разлучиться съ родиною изъ одного предпочтенія къ ученымъ странствіямъ и кабинетной атмосферѣ нѣмцевъ и прочихъ чужестранцевъ. Если вы не вовсе еще разлюбили бюрократовъ нашихъ и пожелали-бы остаться съ нами, я беру на себя, черезъ близкихъ людей кн. **Ливену**, все уладить, не огорчая старика, а затѣмъ передать и мѣсто мое, квартиру въ департаментѣ, чтобы вы могли выигрывать время по службѣ, удосуживаться для комитета и предаваться занятіямъ по мѣрѣ любознанія. Итакъ все зависитъ отъ доброй воли вашей.

„Слѣдовательно, одно лишь непреодолимое желаніе влечетъ васъ и вѣра въ будущее, въ неблагодарную ученость, коей вы безусловно предаетесь. Дай Богъ, чтобы вы выиграли, а не потеряли. Вы рѣшаетесь разлучиться съ родными, жертвовать временемъ и здоровьемъ въ ожиданіи лучшаго. Но будете-ли за все вознаграждены, кромѣ внутренняго услажденія таланта? Могу-ли не жалѣть объ утратѣ васъ, когда вы отъ всѣхъ, въ столь короткое время, заслужили любовь и уваженіе, а это былъ вѣрный путь къ счастію, къ лестной службѣ и къ почестямъ, при самыхъ выгодныхъ отношеніяхъ. Но, главное, раздѣляя труды рѣдкаго начальника, мы участвовали-бы во всемъ къ пользѣ отечества, содѣйствуя цѣли его къ очищенію расправы отъ невѣжественнаго склада подьячихъ, погруженныхъ въ форму приказную. Мы сформировали-бы образцовое ополченіе къ подавленію ябеды и закоренѣлаго крючкотворства. За всѣмъ этимъ можно-бы посвящать досуги музамъ. **Державинъ** и **Дмитріевъ** въ томъ порукою, стяжавъ обоюдную славу и гражданскаго мужества и авторскаго таланта.

„Если-же не оправдаются надежды ваши, если вы будете разочарованы, то повѣрьте, что всѣхъ болѣе пожалѣетъ о томъ преданный вашъ сослуживецъ“.

Вотъ интересный и вполнѣ характерный отвѣтъ моего брата Виктора Степановича:

„Любезнѣйшій Н. В., нечаянное письмо ваше исполнило меня удивленія, благодарности и заботы. Считая себя навѣрное уже заштатнымъ, отставнымъ, и въ этомъ чаяніи оставивъ Петербургъ, я вдругъ увидѣлъ себя чадомъ юстиціи и не сиротою, ибо пре-

данная рука дружбы удерживала меня! Повѣрьте, что я умѣю цѣнить такое рѣдкое сокровище, тѣмъ выше, чѣмъ ограниченнѣе было время нашего сослуженія; вы не успѣли еще хорошо узнать меня, а уже полюбили, и такое внезапное сближеніе между нами доказываетъ, что связь эта, окрѣпнувъ еще болѣе со временемъ, содѣлалась-бы прочнымъ залогомъ взаимнаго уваженія и тихихъ пріятностей жизни для насъ обоихъ. Надѣюсь и теперь, что никакая перемѣна судьбы не въ силахъ будетъ измѣнить вашего ко мнѣ расположенія. Такъ. дружескія ваши представленія и увѣщанія истинно тронули меня. Но, скажу откровенно, не поколебали. Говорите Донъ-Кихоту о недостаткахъ его Дульцинеи, о смѣхотворныхъ его странствіяхъ, маните его дружески въ пріютъ спокойный, въ роскошный храмъ фортуны, со всѣми очертаніями блестящихъ упованій, онъ воздѣнетъ свой шаломъ и, тихо вздохнувъ, сокроется въ дали туманной. Я этотъ Донъ-Кихотъ, пусть-же это признаніе, хотя для меня нелестное, обезоружитъ васъ, пусть оно объяснитъ вамъ странное явленіе чудака, бѣгущаго отъ золотой струи счастья къ синѣющимъ хлебещущимъ волнамъ обманчиваго океана! Я прибѣгаю къ сему сравненію потому, чтобы выразить и пояснить все чувствуемое мною въ сію минуту на рубежѣ двухъ противоположныхъ поприщъ.

„Я сочеталъ свою судьбу
Съ судьбой любимѣйшей науки,
И жалкій смѣхъ, людей журьбу,
И соблазнительныя муки
Слѣпаго счастья снесу
За незабвенную красу".

„Итакъ, положенъ здѣсь предѣлъ психологическимъ увѣщаніямъ. Все, что я ни сказалъ-бы вамъ, будетъ неполно, бѣдно и несовершенно. Два полюса влекутъ меня теперь въ разныя стороны. Пускаюсь на удалую. Скажите, не вся-ли наша жизнь есть рискъ и авось, утѣшительно думать, что всюду, въ морѣ и далече, съ нами Богъ, на Него уповаю! Повторяю вамъ еще разъ то, что уже говорилъ изустно: будущее равно для меня закрыто, гдѣ-бы я ни былъ, вездѣ встрѣтить можно много превратностей, и вѣчный сѣятель-время можетъ набросать много добра и зла на всѣхъ путяхъ; посему, ежели я сожалѣю о теряемомъ настоящемъ, то сожалѣю не о службѣ вообще, не о щедротахъ фортуны, а о почтенномъ, достойномъ начальникѣ и о любимыхъ сослуживцахъ, которыхъ покидаю. Въ истинѣ сего вы можете быть мнѣ порукою и, отходя, я поручаю себя снисхожденію начальника и расположенію и дружбѣ товарищей. Жребій брошенъ и я долженъ ѣхать".

II.

Сколько помню изъ разговоровъ моихъ съ Викторомъ Степановичемъ, онъ былъ въ берлинскомъ университетѣ, а потомъ слушалъ лекціи въ оксфордскомъ университетѣ.

Послѣ двухлѣтняго отсутствія, В. С. Порошинъ возвратился въ Петербургъ. Избранная имъ карьера возвела его (въ 1838 г.) на каѳедру университета, гдѣ онъ читалъ политическую экономію и статистику, и горячо, страстно принялся за новое свое возлюбленное дѣло. До поступленія его въ петербургскій университетъ, каждая изъ этихъ наукъ имѣла отдѣльнаго лектора, такъ что новому профессору досталась двойная работа.

Не пользуясь никакими удовольствіями, свойственными его молодымъ лѣтамъ, онъ не дозволялъ себѣ никакого развлеченія, не посѣщалъ театровъ, не бывалъ въ обществѣ, появляясь лишь время отъ времени у П. А. Плетнева и у князя Владиміра Ѳедоровича Одоевскаго, который очень любилъ его и былъ съ нимъ въ родствѣ, женившись на Ланской, двоюродной сестрѣ нашей матери и сестрѣ министра Сергѣя Степановича Ланскаго, получившаго графскій титулъ.

Сдѣлавшись профессоромъ, Викторъ Степановичъ Порошинъ жилъ какъ студентъ, занимая лишь одну комнату, которая походила скорѣе на комнату, находящуюся за лавкою какого-нибудь книгопродавца, такъ какъ въ ней были нагромождены груды книгъ и, напротивъ, было весьма немного мебели. Какая-бы ни была погода, братъ мой всегда ходилъ пѣшкомъ, не курилъ никогда, не пилъ вина, не имѣлъ понятія о картахъ. Усидчивыя изнурительныя занятія сильно тревожили нашу матушку, которая опасалась за его здоровье. По старой пословицѣ: „Improbus labor omnia vincit", труды этого ревностнаго апостола науки увѣнчались успѣхомъ. Извѣстно, что репутацію дѣлаютъ студенты; годъ отъ году лекціи политической экономіи и статистики пріобрѣтали извѣстность, аудиторія становилась тѣсною. И донынѣ между образованными пожилыми людьми, бывшими тогда студентами, сохранилась добрая память о профессорѣ Викторѣ Степановичѣ Порошинѣ, какъ о замѣчательномъ педагогѣ [1]). Онъ оставилъ университетъ послѣ ничтожнаго столкновенія съ начальникомъ, о которомъ упоминается въ воспоминаніяхъ [2]) брата моего; неожиданная отставка его была

---

[1]) Отзывы студентовъ.

[2]) Помѣщенныхъ въ журналѣ „Русская Старина" изд. 1882 г., книга X.

встрѣчена съ большимъ сожалѣніемъ. Она случилась при попечителѣ спб. округа Мусинѣ-Пушкинѣ; однажды братъ мой, опоздавъ нѣсколько минутъ на лекцію, получилъ выговоръ отъ его превосходительства, который замѣтилъ рѣзко ему: „вы опоздали", на что профессоръ, вынувъ изъ кармана часы и взглянувъ на нихъ, отвѣчалъ: „да, дѣйствительно", и съ этими словами взошелъ на каѳедру. Тогда Мусинъ-Пушкинъ (столь знаменитый своимъ самодурствомъ), обратясь къ ректору университета, приказалъ ему оштрафовать запоздалаго профессора вычетомъ изъ его жалованія, но ректоръ отвѣчалъ, „что наказаніе это трудно привести въ исполненіе, въ виду того, что профессоръ Порошинъ жертвуетъ все свое жалованье въ пользу университетской библіотеки". На слѣдующій день братъ мой подалъ въ отставку.

III.

Покинувъ университетъ, Викторъ Степановичъ Порошинъ не переставалъ заниматься любимыми науками своими, предавался имъ съ увлеченіемъ и, между тѣмъ, нашелъ время заняться веденіемъ значительнаго процесса покойной матери нашей, по недвижимымъ ея имѣніямъ, начатый еще отцомъ нашимъ въ 1820 году. Тяжба эта возникла между родственниками при раздѣлѣ наслѣдственнаго имѣнія.

Дѣло завязалось нешуточное и, благодаря родственнымъ связямъ нашего противника съ нѣкоторыми изъ служащихъ при генералѣ Леонтіи Вас. Дубельтѣ, а также по причинѣ большихъ средствъ, которыми располагали противники наши Потуловы, процессъ тянулся 25 лѣтъ. Половина доходовъ, получаемыхъ нашими родителями, шла на смазку административныхъ колесъ (стараго времени) и на покупку гербовой бумаги, но такъ какъ противникъ былъ гораздо богаче насъ и платилъ больше, да къ тому-же голубой мундиръ имѣлъ въ то время большое обаяніе въ глазахъ провинціальнаго общества, то наше дѣло было проиграно въ судебныхъ мѣстахъ первой инстанціи, и сенатъ утвердилъ этотъ приговоръ.

При такихъ-то печальныхъ обстоятельствахъ, взялся за дѣло мой братъ; изучилъ его серьезно въ малѣйшихъ подробностяхъ, и, не падая духомъ, написалъ краткое изложеніе всего процесса, представилъ все это дѣло въ видѣ научнаго вопроса, потомъ отправился въ Парижъ съ тѣмъ, чтобы посовѣтоваться съ извѣстнѣйшими законовѣдами того времени и узнать ихъ мнѣніе

объ этомъ тяжебномъ дѣлѣ. Ученые доктора правъ, заинтересованные оригинальностью тяжбы. приняли предложеніе русскаго профессора и, послѣ многихъ весьма оживленныхъ преній, единодушно высказались въ нашу пользу. Ободренный этимъ первымъ успѣхомъ, братъ мой изложилъ обстоятельно всѣ эти подробности дѣла въ брошюрѣ, которую онъ написалъ въ Парижѣ, вмѣстѣ съ русскимъ переводомъ ея, и съ этою драгоцѣнною ношею возвратился въ Петербургъ какъ разъ во-время, чтобы раздать парижскія брошюры членамъ государственнаго совѣта, которые, въ свою очередь, заинтересовались его оригинальнымъ поступкомъ, просмотрѣли изъ любопытства брошюру и, въ концѣ концовъ, большинствомъ голосовъ высказались въ нашу пользу, подобно парижскимъ законовѣдамъ. Такимъ образомъ, процессъ былъ выигранъ нами окончательно и безапелляціонно. Мы сидѣли всѣ за столомъ, когда братъ пришелъ сообщить намъ эту радостную вѣсть. Отъ этой неожиданной радости съ моею матерью сдѣлался ударъ, отъ котораго она вскорѣ умерла. Побѣда стоила намъ слишкомъ дорого [1]).

По смерти родителей, намъ досталось въ Гродненской губерніи имѣніе, отвоеванное отъ неправильнаго домогательства родственника старшимъ наслѣдникомъ, и братъ мой пожелалъ, по нѣкоторымъ соображеніямъ, промѣнять свои обычныя кабинетныя занятія на хлопотливую рискованную жизнь землевладѣльца, на неприглядное положеніе русскаго помѣщика въ польской провинціи (въ забранномъ краѣ, какъ называли поляки въ 1850-хъ годахъ Литву и Волынь). Трудно было вести успѣшно свои дѣла, владѣя имѣніемъ въ 1,000 душъ крестьянъ, около Бреста, въ мѣстности, гдѣ вся торговля находилась въ рукахъ евреевъ и гдѣ сосѣдъ полякъ посматривалъ искоса на пріѣзжаго москаля. Помѣщикъ профессоръ потерпѣлъ полнѣйшее фіаско и дорого поплатился за уроки, данные ему евреями.

Въ концѣ 1850-хъ годовъ, когда и въ Гродненской губерніи была составлена комиссія для обсужденія мѣръ по улучшенію быта крестьянъ, то въ числѣ другихъ помѣщиковъ былъ приглашенъ и братъ мой. Онъ принималъ въ этихъ съѣздахъ самое дѣятельное участіе, а какъ ученый былъ полезенъ своимъ товарищамъ и въ большой чести у нихъ. Съ необычайною твердостью отстаивалъ онъ выгоды крестьянъ. Сначала съѣздъ былъ въ Гроднѣ, а потомъ въ Вильнѣ, подъ предсѣдательствомъ ген.-губернатора

---

[1]) Объ этомъ см. въ воспоминаніяхъ С. С. Порошина въ „Русской Старинѣ“ изд. 1882 г.

Назимова. Всѣ труды комиссіи впослѣдствіи были отправлены въ С.-Петербургъ, въ редакціонныя комиссіи, состоявшія подъ предсѣдательствомъ Як. Ив. Ростовцева. Въ награду за усердіе комиссіи, каждый членъ получилъ на память отъ правительства медаль, съ изображеніемъ незабвеннаго Царя-Освободителя и со словами: „Благодарю"—„19-е февраля".

Въ 1868 году мнѣ случилось познакомиться въ Ниццѣ съ бывшимъ ген.-губернаторомъ Вл. Ив. Назимовымъ, который, при разговорѣ о моемъ братѣ, вспоминая объ его достоинствахъ и его энергической оппозиціи крѣпостникамъ, заключилъ бесѣду нашу словами: „Да-а-а, мы съ нимъ повоевали!!.."

Послѣ трехлѣтнихъ мученій и всевозможныхъ непріятностей, Порошинъ продалъ имѣніе, и, забравъ свою жену и книги, поселился въ Парижѣ, на родинѣ своей жены. Впослѣдствіи, купивъ домъ въ Сенъ-Жерменскомъ предмѣстьѣ, онъ жилъ тамъ, устроившись очень комфортабельно. Но и тамъ не оставался безъ занятій: онъ давалъ уроки, хлопоталъ объ устройствѣ пансіона для русскихъ мальчиковъ. Пансіонъ устроили послѣ его смерти, но не для мальчиковъ, а для дѣвочекъ. Писалъ для журналовъ ученыя статьи, издалъ въ 1865-мъ году очень дѣльную книгу „Nos questions russes", имѣвшую большой успѣхъ въ ученомъ европейскомъ обществѣ, потому что книга эта разбирала по косточкамъ вопросъ, бывшій въ то время „злобою дня"—вопросъ крестьянскій.

Кромѣ того, Викторъ Степановичъ написалъ и издалъ на французскомъ языкѣ въ Парижѣ:

1) Les ressources matérielles de la Russie, 1864.

2) Solution pratique de la question des paysans en Russie, 1861.

3) Régénération sociale de la Russie, 1860.

4) Correspondance secrete inédite sur Louis XIV avec une préface Lepeure.

5) Перевелъ на французскій языкъ: „Письма русскаго путешественника" Карамзина.

Во время парижской выставки 1867 г. Викторъ Степановичъ Порошинъ былъ назначенъ главнымъ агентомъ или представителемъ Россіи, по закрытіи которой онъ получилъ отъ французскаго правительства орденъ „Légion d'honneur".

Въ 1868 году опасный изнурительный недугъ постигъ В. С. Парижскій священникъ, о. Василій Прилежаевъ, знавшій его и всегда отзывавшійся о немъ съ похвалою, удивлялся его терпѣнію въ страданіяхъ. Братъ мой не слишкомъ вѣрилъ медицинѣ и обращался къ медику только въ крайности. Въ Парижѣ, который

хвастаетъ своими медицинскими знаменитостями, онъ избѣгалъ консультаціи, не взирая на просьбы жены. При всей твердой волѣ своей скрыть жестокія страданія до послѣдней минуты, не покидая своего кресла, — неумолимый недугъ все-таки поборолъ его. Онъ скончался въ 1868 году, сподобившись причастія Св. Таинъ, какъ истинный христіанинъ, и похороненъ на кладбищѣ въ С.-Жерменѣ, близь Парижа.

Миръ праху твоему, скромный, неутомимый труженикъ науки, оставившій по себѣ добрую славу.

IV.

Какіе-же слѣды своей ученой дѣятельности оставилъ послѣ себя Викторъ Степановичъ? Объ этомъ должно сказать, но, къ сожалѣнію, я не имѣю списка научныхъ трудовъ моего брата. Я знаю, что онъ помѣщалъ свои труды въ разныхъ журналахъ русскихъ и иностранныхъ; но, къ сожалѣнію, для указанія ихъ нѣтъ никакихъ данныхъ (по крайней мѣрѣ, нѣтъ ихъ у меня). Онъ былъ членомъ географическаго общества и работалъ для него не мало, и, между прочимъ, о транзитной торговлѣ брестъ-литовскимъ желѣзомъ по отношенію къ Царству Польскому, пользующемуся желѣзомъ и своимъ и сибирскимъ. Эту работу я для него исполнила. Издало географическое общество его-же труды: „Сельскую лѣтопись изъ наблюденій могущихъ служить къ опредѣленію климата Россіи“, изд. 1854 г. Издалъ отъ себя „Бесѣды дѣда съ племянникомъ о политической экономіи“. Сочиненіе это очень полезно по своей доступности для людей хотя-бы и образованныхъ, но незнакомыхъ съ этою все еще новою наукою. Ему-же принадлежитъ очеркъ: „Жанна д'Аркъ“, „Русскій Вѣстникъ“ 1863 года; извѣстна также его большая книга, изданная за нѣсколько лѣтъ до освобожденія крестьянъ: „Благотворители-Помѣщики“. В. С. Порошину принадлежитъ также первое изданіе извѣстнаго дневника записокъ его двоюроднаго дѣда—Семена Андреевича Порошина, воспитателя цесаревича Павла Петровича. Едва-ли, однако-же, покойный ограничился этими трудами. По всей вѣроятности, было и много другихъ, но привести ихъ въ извѣстность—дѣло библіографовъ.

Привожу въ приложеніяхъ: письмо брата моего Виктора Степановича 1831 г. и отрывокъ изъ предисловія къ его сочиненію (въ переводѣ съ французскаго): „Наши русскіе вопросы“.

Софья Порошина.

Приложенія.

I.

Письмо В. С. Порошина къ отцу.

Среда, 4-го марта 1831 г., Дерптъ.

Милый папенька и милая маменька! Можетъ быть никогда не былъ я болѣе расположенъ писать къ вамъ, какъ сегодня, и потому пользуюсь сею минутою вдохновенія; (ибо какъ не назвать вдохновеніемъ, то состояніе души, когда она, сроднясь съ высокою свѣтоносною мыслію, летитъ за нею въ безпредѣльность!).

Такъ началъ я, недѣли на двѣ тому назадъ, письмо мое къ вамъ. Это было въ воскресенье: ясное, можно сказать, весеннее утро привѣтствовало меня въ небольшой моей каютѣ, и, по неразгаданному дѣйствію внѣшняго на внутреннее, растворяло спокойнымъ веселіемъ всѣ чувствованія и мысли мои. Пріятное сіе состояніе души еще усугублено было чтеніемъ превосходной книги Герена: „О политическихъ и торговыхъ связяхъ древнихъ народовъ". Счастливыя мысли, глубокія соображенія, увлекательный силою и красотою слогъ приводили меня въ восторгъ, и вдругъ, предавшись сладостному забвенію, я замечталъ о собственной судьбѣ. Прошедшее и будущее живо рисовались въ зеркалѣ фантазіи, и признаюсь, меркли въ сравненіи съ настоящимъ: въ свободной, независимой долѣ, чуждый и суеты большаго свѣта и приторныхъ занятій пустодѣлья и безпокойныхъ домогательствъ службы, я наслаждаюсь рѣдкимъ счастіемъ самодовольства среди пріятнаго посильнаго труда, имѣя въ виду высокую цѣль образованія.

И—плодъ долгихъ, разнообразныхъ размышленій—сильное неодолимое желаніе: „о! если-бы всегда продлилось для меня состояніе сіе!—незапно вспыхнуло въ крѣпко-забившемся сердцѣ моемъ! Предо мною лежало твореніе человѣка, осуществившаго въ лицѣ своемъ подобное желаніе: это мирный гражданинъ, но гражданинъ вселенной, и,– органъ облагороженнаго человѣчества,—онъ стяжалъ сугубое счастіе тихой, вѣчно-юной жизни для себя и полезной, благотворной для другихъ. Такъ думалъ я долго и, возвратясь, наконецъ, на самого себя, я будто-бы прозрѣлъ, по манію хранительнаго генія, и съ той поры родилось и созрѣло во мнѣ желаніе писать къ вамъ и просить убѣдительнѣйше позволенія перемѣнить направленіе судьбы моей и вступить въ ученое сословіе.

Не приписывайте, милый папенька и милая маменька, сего намѣренія опрометчивости, или мимолетному впечатлѣнію, еще менѣе внѣшнему убѣжденію съ чьей-либо стороны. Нѣтъ, это истинно-свѣтоносная мысль, которая, мелькнувъ однажды, не покидаетъ меня, которой безпрестанное присутствіе сладостно, какъ бесѣда любимаго нами человѣка, словомъ, одна изъ тѣхъ идей, которыя отъ времени до времени посылаетъ намъ съ небесъ благое Провидѣніе, какъ нетлѣнный глаголъ святой воли своей.

Каждый долженъ идти прямымъ, кратчайшимъ путемъ къ счастію. Мѣриломъ счастія должна служить бо́льшая или меньшая польза, принесенная въ жизни; польза-же сія соразмѣряется съ способностями, характеромъ и склонностію къ тому образу жизни и къ сопряженнымъ съ ними занятіямъ, который, бывъ однажды избранъ, становится какъ-бы рамою для будущихъ начинаній и дѣйствій человѣка. Принявъ это за основаніе, разсмотримъ, что ожидаетъ меня въ будущемъ? Ежели я буду продолжать въ томъ направленіи, какое доселѣ имѣлъ въ виду, т. е. съ тѣмъ, чтобы послѣ вступить въ дипломатическую службу, то могу-ли достигнуть вполнѣ вышеозначенной цѣли и слѣдовательно счастія? Сомнительно, ибо этому противорѣчитъ и характеръ мой, и обстоятельства. Вы сами согласитесь, что для сего недостаетъ у меня многаго: нѣтъ того пріятнаго легкомыслія, которое умѣетъ проникнуться важностію мелочей, что́ одно можетъ способствовать успѣшному соблюденію оныхъ; нѣтъ тѣхъ блестящихъ качествъ, кои болѣе всего ослѣпляютъ глаза людей и немедленно даютъ нѣкоторый вѣсъ въ ихъ мнѣніи.

Но вѣдь это все пріобрѣтается навыкомъ—à force de forger on devient forgeron. А я такъ думаю, что лучше своротить въ сторону и вовсе оставить ту стезю, на которой должно будетъ вѣчно плестись сзади, за обозомъ или состязаться полвѣка со столь многими другими, кои вступаютъ на оную съ превосходящими силами. Наконецъ, въ заключеніе скажу, что для меня нестерпимо всякое домогательство, такъ называемая протекція (главная пружина на этомъ поприщѣ) и я всегда въ состояніи лучше отказаться отъ всевозможныхъ благъ, чѣмъ купить ихъ столь дорогою цѣною. Повидимому, странно-бы казалось, что я говорю о такой вещи, коей я по сію пору не извѣдалъ; однако-же, для того, чтобы узнать свойство своего характера, не всегда нужны рѣзкіе, необыкновенные случаи: ежедневно и въ самыхъ мелочахъ убѣждаюсь я въ сей господствующей чертѣ моего характера. Все это не слишкомъ сообразно съ прежнимъ моимъ назначеніемъ, и лучше всего держаться пословицы: не въ свои сани не садись! Что-же касается до обстоятельствъ, то и сіи не представляютъ ничего особенно-благопріятнаго и привлекательнаго: надобно еще домогаться, чтобы получить мѣсто, кланяться, какъ о милости... Боже избави васъ и меня отъ подобнаго обстоянія. Служить-бы радъ, прислуживаться тошно.

И какъ различна перспектива, ожидающая меня съ другой стороны! Быть просвѣтителемъ близкихъ, воздѣлывать ниву человѣческихъ знаній, спокойно и независимо отъ другихъ слѣдовать своей склонности, и за все это пожинать еще уваженіе и благодарность,—вотъ удѣлъ ученаго, избравшаго благую часть сію по собственному произволу и склонности, и исполняющаго должность свою съ раченіемъ и воодушевленіемъ. Часть сія не только пріятна но и въ высокой степени важна, ибо кто усомнится, что [особенно въ наукахъ политическихъ] изъ тиши кабинетовъ, ученыхъ мужей, исходятъ какъ лучи отъ солнца идеи истины, кои служатъ какъ-бы правилами для превратныхъ понятій міранъ и, созрѣвъ во мнѣніи, рано или поздно становятся народными, господствующими и проявляются въ той или другой мѣрѣ правительства, въ томъ или другомъ направленіи умовъ! И послѣ этого скажите— кто приноситъ болѣе пользы: простодушный ученый, бесѣдующій о законахъ вѣковыхъ, о законахъ сугубой природы, или служащій дипломатъ, который, послѣ многихъ трудовъ и стараній, достигъ, наконецъ, важнаго порученія—и скачетъ сломя голову изъ Россіи въ Неаполь, чтобъ вручить посланнику своему орденъ или ленту или что-либо подобное?

Но можетъ быть кто-нибудь возразитъ: каково-же быть самому посланникомъ, получать кресты, быть представителемъ народа, être admiré, fêté— вотъ цѣль трудовъ и скачки. Отвѣтствую: fasse qui pourra,

Но лѣстница крута и случаи такъ рѣдки,
Какъ соловьиный свистъ отъ курицы насѣдки.

Во всякомъ отношеніи, соглашусь лучше быть искуснымъ слесаремъ, чѣмъ плохимъ фельдмаршаломъ. Въ этомъ и вы согласны.

Не назовите, милые папенька и маменька, всего мною писаннаго простымъ умничаньемъ. Я живо чувствую, что не имѣю права предназначать себѣ то или другое, и потому никогда-бы не вздумалъ я такъ опредѣлительно упрашивать васъ, если-бы не убѣжденіе, что вы не найдете въ томъ ничего противнаго. Я помню, какъ вы, однажды говоря обо мнѣ, сказали: впрочемъ, ежели В. захочетъ идти по ученой части, то я не прочь. Эти слова сохранились у меня въ памяти и теперь служили краеугольнымъ камнемъ сему письму моему. Пускай, милый папенька, они сбудутся; пусть пророческія шутки Шомаса исполнятся на самомъ дѣлѣ.

Читая долгое письмо сіе, вы вѣрно скажете: „да къ какой стати онъ именно теперь объ этомъ вздумалъ?..“ И вотъ что я считаю необходимымъ прибавить, какъ главный пунктъ всего дѣла: профессорскій институтъ, насажденный самимъ монархомъ, который заботится о немъ, какъ о своемъ вертоградѣ, вскорѣ лишится одного изъ членовъ своихъ, чрезъ выбытіе его отъ болѣзни.... Чего-бы лучше и приличнѣе мнѣ занять мѣсто сіе. Попросивъ о томъ Д. Н. Блудова, также чрезъ посредство Г. Перевощикова можно-бы было сіе нетрудно сдѣлать, и вотъ то пламенно-желаемое мною событіе, которое подало поводъ къ этому письму. Чего мнѣ надѣяться? — Въ случаѣ удачи благословлю судьбу свою, теперь-же, пустивъ корабль свой на воду, буду ждать отъ васъ желаннаго отвѣта! О! si, si, si!...

Частію вамъ извѣстны выгоды и привилегіи профессорскаго инст., частію-же дополню въ будущемъ письмѣ.

Прощайте, милый папенька и милая маменька, цѣлую ваши ручки; въ другой разъ подробнѣе поговорю вамъ о выгодахъ предложенія своего.

II.

[Переводъ]. Предисловіе къ сочиненію профессора В. С. Порошина: „Наши русскіе вопросы“.

Мы брались неоднократно и по разнымъ поводамъ за перо, съ цѣлью обсудить нѣкоторые вопросы, касающіеся до нашей родины.

Такъ какъ эти статьи, разсѣянныя въ повременныхъ изданіяхъ, были вызваны однимъ и тѣмъ-же побужденіемъ, именно желаніемъ выяснить важные вопросы въ области права общественной жизни или исторіи, которые большею частью были плохо поняты или умышленно искажены, то мы полагаемъ, что здѣсь было-бы нелишнимъ соединить въ одно цѣлое разбросанные отрывки одной общей, добросовѣстно высказанной, мысли, неизмѣнно посвященной служенію истины. Мы не утаивали истины ни передъ кѣмъ: ни передъ нашими соотечественниками, ни, тѣмъ болѣе, передъ иностранцами, выска-

бывая вмѣстѣ съ первыми искреннія пожеланія, чтобы „заря разумной свободы озарила со временемъ наше отечество“, и требуя отъ вторыхъ одной лишь справедливости, той полной справедливости, какой заслуживаетъ истина.

Распространить правильное понятіе о Россіи, добиться того, чтобы она познала самое себя, и чтобы ее познали за-границею—задача громадная: надъ нею трудятся непрерывно въ Россіи ученыя общества и извѣстнѣйшіе писатели.

Эта задача особенно трудна для того, кто, живя вдали отъ своего отечества, лишенъ вслѣдствіе этого возможности пользоваться точными и обстоятельными данными, на основаніи которыхъ онъ могъ-бы сдѣлать свои выводы и въ силу которыхъ его мнѣніе могло-бы быть принято другими. Однако мнѣніе, сложившееся при подобныхъ условіяхъ, отнюдь не можетъ считаться вслѣдствіе этого несостоятельнымъ. Будучи свободно отъ вліянія окружающей среды, оно имѣетъ за собою иной разъ то преимущество, что является мнѣніемъ болѣе искреннимъ, менѣе подражательнымъ, словомъ, болѣе самостоятельнымъ. Развѣ намъ не случается за-частую видѣть, что зритель съ умысломъ становится на болѣе возвышенный или болѣе отдаленный пунктъ, чтобы оттуда лучше разглядѣть общій видъ какой-нибудь мѣстности или какого-нибудь памятника.

. . . .

Имѣя въ виду главнымъ образомъ предубѣжденія, распространенныя въ средѣ иностранцевъ, мы старались противопоставить имъ свидѣтельство фактовъ, взятыхъ изъ самыхъ первыхъ и достовѣрныхъ источниковъ. Игнорировать факты и говорить нелѣпости—такова до сихъ поръ привычка многихъ людей, присваивающихъ себѣ право говорить о Россіи въ серьезныхъ политическихъ собраніяхъ или газетахъ, передъ многочисленною публикою, жадною до новостей, но дорожащею прежде всего своими заблужденіями и тѣми стереотипными фразами, которыя освобождаютъ ее отъ труда мыслить и поучаться. Эти исконныя недоразумѣнія систематически поддерживаются, упрочиваются и распространяются въ послѣднее время, благодаря безразсуднымъ увлеченіямъ извѣстнаго класса людей, стремящихся все перепутать, внести всюду мракъ и хаосъ, ибо имъ извѣстно, безъ сомнѣнія, что хаосъ предшествовалъ сотворенію міра, а они вѣдь намѣрены пересоздать міръ по-своему.

По нашему мнѣнію, наука и истинное краснорѣчіе должны-бы вести постоянную борьбу, съ цѣлью разрушать, по мѣрѣ его возникновенія, то зданіе лжи, которое постоянно возводится противъ прошлаго, настоящаго и будущаго русскаго народа, и чтобы побѣдоносно опровергнуть съ самаго начала тѣхъ, которые изощряются въ клеветѣ, руководясь ангельскою заповѣдью: говорите, говорите, ваши слова все-же принесутъ какой-нибудь плодъ.

Любопытно, въ самомъ дѣлѣ, наблюдать, какъ ложные взгляды пробиваютъ себѣ путь между людей, какъ горчичное зерно, брошенное на вѣтеръ, пускаетъ корни и становится со временемъ тѣмъ исполинскимъ деревомъ, которое своимъ шелестомъ изумляетъ толпу и заставляетъ смолкнуть цѣлое собраніе почтенныхъ слушателей, имъ очарованныхъ и какъ-бы подавленныхъ и т. д. и т. д.

Сообщ. 13-го ноября 1884 г. **Софья Сем. Порошина.**

КНЯЗЬ ВЛАДИМІРЪ ѲЕДОРОВИЧЪ ОДОЕВСКІЙ.

I.

Письмо къ С. И. Лапшину.

Выборгъ. 1861 г., сент. 2-го.

Вѣдомо вамъ буди, почтеннѣйшій и любезнѣйшій Сергій Ивановичъ, что сего 6-го сентября, въ середу, на пароходѣ „Викторія" изъ Выборга отправляются въ Импер. Публ. Библіотеку семь тюковъ подъ №№ отъ 2 до 7 съ разными бумагами, книгами, автографами (даримыми мною въ Библіотеку); эти тюки, съ разрѣшенія, полученнаго мною отъ его высокопревосходительства, должны оставаться не вскрытыми до моего пріѣзда, около 6-го октября. Такъ какъ на здѣшнихъ пароходахъ людъ довольно безтолковый, то потрудитесь послать на Васильевскій Островъ къ дебаркадеру „Викторіи" дѣльнаго сторожа съ прилагаемою запискою. Пароходъ приходитъ въ Петербургъ въ тотъ-же день, т. е. 6-го сентября. около 5 часовъ пополудни.

Скажите сторожу, чтобы онъ-же получилъ ящикъ подъ знакомъ ╪ № 100 и этотъ ящикъ оставилъ-бы въ музеумѣ у Зимницкаго, къ коему объ этомъ пишу; а при семъ записка для сторожа.

Остальные тюки еще штукъ 14 (но вдвое меньше) пришлю частію по почтѣ (здѣсь принимаютъ лишь до 20 ф.), частію на пароходахъ, и о каждой посылкѣ буду увѣдомлять васъ. Я нашелъ у себя вещи преинтересныя, о коихъ чуть было не забылъ: мою переписку съ Пушкинымъ, его письма, Гоголя изъ Рима, Глинки и много отъ другихъ, живыхъ и мертвыхъ. Благодарю васъ за ваше милое письмо и за добрыя ваши обо мнѣ мысли, я вашимъ мнѣніемъ дорожу и весьма, ибо вы—человѣкъ прямодушный и нѣтъ въ васъ лжи, что я цѣню выше всего на свѣтѣ; центральный пунктъ

и ума и нравственности, какъ и искусства одинъ—истина, quand même. Я знаю, что обо мнѣ ходятъ самые противорѣчащіе слухи: одни говорятъ, что я чрезмѣрно податливъ на убѣжденія, другіе, что я несносно упрямъ; говорятъ, что я только въ комитетахъ и другихъ мѣстахъ, гдѣ могу говорить во всеуслышаніе, нападаю на формализмъ, но что на дѣлѣ въ моемъ служебномъ кругу, я отъявленный формалистъ и педантъ. И все это правда, но объясняется очень просто. Мое убѣжденіе: всѣ мы въ жизни люди законтрактованные; контрактъ можетъ быть прескверный, пренелѣпый, но мы его приняли, родясь, женясь, вступая въ службу и т. д., слѣдственно, должны исполнять его, что не мѣшаетъ стараться о его измѣненіи и о томъ, чтобы впредь таковыхъ контрактовъ не было.

Dura lex, sed lex—говорили римляне. Въ администраціи то-же, что въ дѣлѣ судебномъ: судья долженъ прилагать самый нелѣпый законъ, пока этотъ законъ существуетъ. Въ томъ условіе всякаго государственнаго, общественнаго, семейнаго и прочихъ устройствъ.

Засимъ да хранитъ васъ Богъ. Васъ душевно уважающій

Князь В. Одоевскій.

Поблагодарите Василія Ивановича (Собольщикова) за его письмо; я къ нему буду писать на слѣдующей недѣлѣ.

Приписка: Какъ здоровье Аѳанасія Ѳедоровича (Бычкова)?

На конвертѣ адресъ:

Его Высокоблагородію Сергѣю Ивановичу Лапшину.

С.-Петербургъ.

Въ Императорскую Публичную Библіотеку отъ гофмейстера князя Одоевскаго.

Сообщ. И. С. Ремезовъ.

II.

ЗАКОНЫ XII-ти ТАБЛИЦЪ

или

Ронгасское Уложеніе—Code-Rongas.

I. Всякій воленъ дѣлать что хочетъ, ничѣмъ не стѣсняясь, кромѣ тѣхъ ограниченій, которыя постановлены въ слѣдующихъ статьяхъ.

II. Всякая любезность и предупредительность строго запрещаются, но каждый обязанъ молчать, когда не въ расположеніи говорить, равно не слушать другихъ, когда ему того не хочется, и для такихъ случаевъ сунуть носъ въ книгу или газету. Каждый воленъ пріѣхать и уѣхать, когда ему угодно, но объявлять о причинахъ своего отъѣзда запрещается. Ввозъ сплина и хандры допускается безпошлинно, но ввозъ картъ, кромѣ географическихъ, на всемъ пространствѣ Ронгаса [1]), запрещенъ безусловно.

III. Мужчинамъ дозволяется бриться, но съ большою умѣренностью, которой самъ владѣлецъ Ронгаса будетъ живымъ примѣромъ; по чувству милосердія, дамамъ позволяется носить корсеты, но не слишкомъ затягиваться. Администрація надѣется, что никто не дозволитъ себѣ употребленія фраковъ, круглыхъ шляпъ, бѣлыхъ галстуховъ, и другой тому подобной неблагоприличной одежды.

IV. Ронгасская администрація требуетъ отъ жителей полной откровенности, всякой обязанъ о своихъ потребностяхъ чистосердечно относиться: а) по питейной части къ гофъ-интенданту Евфросиньѣ [2]); b) по провіантной—къ оберъ-провіантмейстеру—Ивану [3]); с) о всѣхъ другихъ, сверхъ выше-упомянутыхъ, потребностяхъ къ генералъ-коменданту—Фридриху [4]).

Примѣчаніе. При семъ не должно упускать изъ вида, что въ Ронгасскомъ арсеналѣ хранятся значительные запасы: ревеня въ порошкѣ и въ пилюляхъ, pastilles digestives, магнезіи зженой и alba, и другихъ оборонительныхъ и наступательныхъ орудій.

---

[1]) Мыза князя Владиміра Ѳедоровича Одоевскаго.
[2]) Горничная.
[3]) Лакей.
[4]) Камердинеръ.

V. Обѣдъ назначается въ 4 часа пополудни, вечерній чай въ 9 часовъ, но эти часы могутъ измѣняться по общему соглашенію; каждый спитъ сколько и когда душѣ его угодно, но, проснувшись, обязанъ требовать чаю, кофію и проч. и проч., по произволенію. Воду дозволяется употреблять лишь для туалета.

VI. Относительно обѣдовъ, полдниковъ, равно общихъ прогулокъ и другихъ тому подобныхъ благонамѣренныхъ предпріятій, постановляется основнымъ правиломъ, что большинство присутствующихъ не ждетъ меньшинства, но меньшинство всегда ожидаетъ большинства.

VII. Запрещается вмѣшиваться во внутреннія Ронгасскія политическія дѣла, каковы, напримѣръ, непріязненныя отношенія между Муму [1]) и Титининой [2]), но, не смотря на все уваженіе, которымъ всякій обязанъ къ г-жѣ Титининой, какъ къ первоклассной особѣ, давать ей или кому-либо изъ членовъ сего семейства какіе-либо съѣстные припасы, въ особенности кости, строжайше запрещается. Въ щекотливыхъ обстоятельствахъ, возникшихъ между туземными обывателями: Муму и Жипси [3]) и новопришельцомъ Ронгазомъ [4]) требуется соблюденіе величайшей осторожности и устраненіе всѣхъ поводовъ къ раздраженію.

VIII. О внѣшней политикѣ Ронгаса, т. е. объ отношеніяхъ его къ сосѣдямъ, ястребамъ—никакія толкованія не допускаются, поелику стали постоянными врагами Ронгаса можетъ быть нанесенъ важный ему ущербъ, въ особенности по куриному отдѣленію; но, не смотря на то, всякая стрѣльба изъ огнестрѣльныхъ орудій на всемъ пространствѣ Ронгаса запрещается.

IX. Благоприличныя представленія относительно неустройствъ въ погодѣ допускаются; Ронгасская администрація не преминетъ воспользоваться таковыми указаніями для учиненія надлежащихъ распоряженій по сей части; но выходить безъ калошъ и зонтика воспрещается, ибо иначе можетъ утвердиться мнѣніе, что въ Ронгасѣ когда-нибудь бываетъ дождь — слухъ, распространяемый его врагами. Подсмѣиваться надъ египетско-чухонскимъ стилемъ Ронгасской архитектуры позволяется лишь исподтишка; но благонамѣренныя сужденія о превосходствѣ сего стиля предъ всѣми другими допускаются.

X. Утираться рукавомъ, сморкаться въ руку или обсушиваться, послѣ купанья, валяясь въ пескѣ, строго запрещается; при-

---

[1]) Любимая собака князя.
[2]) Тоже—княгини.
[3]) [4]) Тоже собаки.

чемъ поставляется на видъ, что въ Ронгасскомъ цейхъ-гаузѣ хранится достаточное количество простынь, полотенецъ и носовыхъ платковъ для желающихъ.

XI. Красть свѣчки или употреблять ихъ вмѣсто fixatoire запрещается, но всякій обязанъ свѣчку, выданную ему отъ администраціи, погасить самъ, не полагаясь въ этомъ дѣлѣ на прислугу.

XII. За несоблюденіе какого-либо изъ сихъ правилъ, виновный вноситъ одинъ рубль сер. въ пользу квартиры престарѣлыхъ женщинъ [1]), за явное-же нарушеніе сего уложенія и совершенное ослушаніе и неповиновеніе, виновный осуждается прочесть, не останавливаясь, двѣ страницы изъ „Домашней Бесѣды" г. Аскоченскаго.

Князь В. Ѳ. Одоевскій.

Rongas. Anno Domini 1861.

Сообщ. **И. С. Ремезовъ.**

[1]) Начальницею сего заведенія—княгиня.

ДНЕВНИКЪ АЛЕКСАНДРА ВАСИЛЬЕВИЧА НИКИТЕНКО

1872 г. [1]).

Январь 1. Суббота. Общественная моя дѣятельность нынѣ настолько сократилась, что я могу все болѣе и болѣе сосредоточивать мое вниманіе на моихъ хозяйственныхъ дѣлахъ, т. е. на внутреннемъ моемъ мірѣ. Главнымъ послѣдствіемъ этого самоуглубленія выходитъ сознаніе моихъ многихъ ошибокъ въ прошедшемъ. Къ счастью, это не повергаетъ меня въ уныніе и апатію относительно моего будущаго. Работая надъ самимъ собою, я все еще стараюсь расширять кругъ моихъ понятій, пополнять кое-какія мои познанія,

---

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. **1888** г., т. LIX, авг., стр. 305—341; сент., стр. 483—524; т. LX, окт., стр. 61—83; ноябрь, стр. 267—310; дек., стр. 549—582; изд. **1889** г., томъ LXI, февр., стр. 293—314; мартъ, стр. 506—523; т. LXII, апр., стр. 107—130; іюнь, стр. 577—598; т. LXIII, іюль, стр. 27—60; августъ, стр. 265—299; сентябрь, стр. 519—558; т. LXIV, октябрь, стр. 103—122; ноябрь, стр. 323—334; декабрь, стр. 727—758; изд. **1890** г., т. LXV, январь, стр. 35—53; февраль, стр. 371—406; мартъ, стр. 629 — 653; томъ LXVI, апрѣль, стр. 25—48; май, стр. 27—296; іюнь, стр. 611—638; т. LXVII, іюль, стр. 133—160, августъ, стр. 361—377; сентябрь, стр. 575—626; томъ LXVIII, октябрь, стр. 137—186; ноябрь, стр. 383—422; декабрь, стр. 585—614; изд. **1891** г., т. LXIX, январь, стр. 39—104; февраль, стр. 329—386; мартъ, стр. 701—761; т. LXX, апрѣль, стр. 137—166; май, стр. 389—428; іюнь, стр. 617—655; т. LXXI, іюль, стр. 83—117; августъ, стр. 279—310; сентябрь, стр. 562—592; т. LXXII, октябрь, стр. 155—181; ноябрь, стр. 431—448; декабрь, стр. 659—686; изд. **1892** г., т. LXXIII январь, стр. 151—174; февраль, стр. 395—422; мартъ, 605—632.

а главное—обставлять мой характеръ укрѣпленіями такъ, чтобы въ него не могли проникать и его колебать никакія внѣшнія враждебныя вліянія.

Въ поведеніи—самообладаніе и сдержанность.

Какъ-бы ни были прекрасны, благородны, справедливы твои мысли и убѣжденія, но если ты вносишь ихъ въ среду, имъ непріязненную, то ты не иное что, какъ бѣдный донъ-Кихотъ, рыцарь печальнаго образа, подвизающійся въ честь несуществующаго странствующаго рыцарства.

3. Понедѣльникъ. Появилась моя рѣчь о Сперанскомъ въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ № 3.

Наше поколѣніе хочетъ отличаться бородами. Оно носитъ на себѣ эти признаки мужей, за неимѣніемъ мужественности въ душахъ своихъ.

7. Пятница. Въ засѣданіи Отдѣленія Академіи Наукъ сегодня предложены были въ члены его Сухомлиновъ и Соловьевъ—историкъ. Относительно послѣдняго я изъявилъ сомнѣніе, подходитъ-ли онъ подъ наше отдѣленіе? Оказалось, что въ правилахъ есть статья, допускающая выборъ въ наше отдѣленіе сочлена и по исторіи. Ну такъ не о чемъ и толковать. Еще пройдетъ-ли выборъ этотъ въ общемъ собраніи? Гротъ увѣренъ, что пройдетъ.

10. Понедѣльникъ. Наши интеллигентные люди обыкновенно читаютъ не книги или большія статьи, требующія размышленія, а статейки. Фельетоны и стихи, особенно приправленные скандалами, ихъ радость и пища. Болѣе серьезные люди, впрочемъ, интересуются и книгами, содержащими въ себѣ разные историческіе матеріалы, что было-бы, конечно, очень хорошо, если-бы въ то-же время они не питали отвращенія къ разъясненію ихъ духа, смысла и сколько-нибудь къ систематически извлеченнымъ выводамъ. Факты, голые факты—и болѣе ничего.

11. Вторникъ. И Иванъ и Петръ могутъ быть одинаково добрыми людьми, а, между тѣмъ, между ними можетъ быть неизмѣримая разница, смотря по тому, какими основаніями, идеалами и побужденіями опредѣляется ихъ доброта.

Вопросъ: есть-ли разница между дѣяніями человѣческими, которыя цѣнны сами по себѣ, и такими, которыя цѣнятся только по отношенію къ пользѣ, выгодамъ нашимъ и т. п.? Отъ разъясненія этого вопроса зависитъ судьба нравственности.

Надобно дѣлать добро, потому что оно хорошо, цѣнно само по себѣ. Вотъ главное основаніе нравственнаго закона.

Но кто оцѣнщикъ дѣянія?—разумъ и чувство.

Главная и первѣйшая добродѣтель, безъ сомнѣнія, справедливость.

Въ здѣшнемъ университетѣ хотѣли праздновать, т. е. сдѣлать актъ въ память Сперанскаго. Министръ подъ рукою далъ знать ректору, что лучше этого не дѣлать. Такъ актъ и не состоялся. Да и въ обществѣ, кажется, не былъ сочувственно принятъ юбилей Сперанскаго. Доказательство этому, между прочимъ, въ томъ, что чрезвычайно туго идетъ подписка на премію, которую законовѣды наши пожелали назначить за лучшее юридическое сочиненіе въ память знаменитаго человѣка.

16. Воскресенье. У Д. Просилъ его о пенсіонѣ женѣ умершаго брата Крамского. Онъ обѣщалъ сдѣлать все, что можно лучшаго. Вообще онъ оказалъ мнѣ чрезвычайно много любезностей. Отъ него къ Небольсину; онъ боленъ. Вечеръ у Крамского.

17. Понедѣльникъ. Моя брошюра о Сперанскомъ принимается кой-кѣмъ съ большимъ одобреніемъ. Я теперь жалѣю, что напечаталъ ее въ такомъ небольшомъ числѣ экземпляровъ. Всего 50. Но все это пустяки.

По нашимъ понятіямъ добро или благо то, что соотвѣтствуетъ нашимъ желаніямъ, нашимъ стремленіямъ и цѣлямъ. Но не таково добро въ верховномъ божественномъ разумѣ. Въ немъ добро то, что живетъ и производитъ жизнь.

Въ сердцѣ человѣческомъ есть щели, куда, какъ клопы, моль и другія насѣкомыя, залѣзаютъ безпрестанно разные скверные, мелкіе, дрязговые помыслы и поползновенія. Но умный человѣкъ, какъ хорошій хозяинъ, смотритъ зорко за этимъ сбродомъ и не ведя съ нимъ серьезной войны, выводитъ его легко и скоро, такъ что отъ него не происходитъ никакой порчи характеру и основнымъ благороднымъ побужденіямъ и цѣлямъ.

. . . .

Относительно умственной достовѣрности нельзя-ли сказать: „достовѣрно, что я думаю, но то, о чемъ я думаю, можетъ быть и недостовѣрно“.

Февраль 1. Вторникъ. Вчера заѣзжалъ ко мнѣ Погодинъ, но не засталъ меня дома. Потомъ видѣлся я съ нимъ у Корнилова.

3. Четвергъ. Провелъ у Погодина часа четыре. Онъ пріѣхалъ сюда, чтобы поднести государю свою русскую исторію, написанную до монгольскаго ига. Въ книгѣ этой замѣчательно посвятительное письмо государю, гдѣ въ началѣ Погодинъ говоритъ, что онъ родомъ изъ крѣпостныхъ крестьянъ и подноситъ свое сочиненіе освободителю ихъ. Мы вдоволь наговорились о разныхъ современностяхъ.

4. Пятница. Общее засѣданіе въ Академіи Наукъ. Читаны двѣ записки объ избраніи въ члены Академіи по II Отдѣленію Соловьева историка и Сухомлинова.

Погодинъ напечаталъ въ „Гражданинѣ" статью противъ Костомарова въ опроверженіе его характеристикъ Скопина-Шуйскаго, Минина, Пожарскаго. Авторъ припоминаетъ тутъ-же и статью Костомарова, въ которой послѣдній унижаетъ сильно Дмитрія Донского. Статья эта, съ мѣсяцъ тому назадъ, была напечатана въ „Академическомъ Календарѣ". Между прочимъ, Погодинъ говоритъ, что ему извѣстно „какія козни" употреблены были для ея напечатанія къ стыду академіи. Сегодня В. предложилъ собранію спросить Погодина: „какія это козни"? По его словамъ, слова Погодина заключаютъ въ себѣ оскорбленіе Академіи, которая должна потребовать отъ Погодина, какъ своего сочлена, объясненія. Собраніе согласилось на это требованіе В. Но были и мнѣнія, что не лучше-ли для избѣжанія скандала не начинать этого дѣла. Я тоже полагалъ, что подобное рѣшеніе было-бы лучше. Но если уже пошло на это, то такъ тому и быть. Изъ этого, вѣроятно, ничего хорошаго не выйдетъ. Публика, забывшая непристойность помѣщенія Костомаровской статьи въ Календарѣ, теперь вспомнитъ о ней.

Требовать отъ насъ, чтобы мы вдругъ сдѣлались чѣмъ-то въ родѣ героевъ гражданской и всяческой доблести, значитъ требовать, чтобы день былъ ночь, а ночь—день, по выраженію Шекспира. Это особенно относится къ нѣкоторымъ ошибкамъ нашихъ судовъ, которыя съ такимъ (рвеніемъ) стараются оглашать „Московскія Вѣдомости".

6. Воскресенье. „Голосу" третье предостереженіе съ пріостановленіемъ на четыре мѣсяца. Итакъ „Голосъ" не существуетъ. „Московскія Вѣдомости" считать нечего.

9. Среда. Реакція принимаетъ, повидимому, систематическій

характеръ. Самыя крупныя проявленія ея: реформа среднихъ учебныхъ заведеній, съ намѣреніемъ отклонить среднее и неимущее сословія отъ высшаго образованія, съ предоставленіемъ ему права приготовленія своего юношества къ низшей техникѣ. Потомъ подкапываніе подъ самостоятельность новыхъ судовъ и, наконецъ, стѣснительныя мѣры противъ печати. Вотъ что дѣлается. А что въ обществѣ? Интеллектуальная часть его въ тревогѣ и волненіи; но она безсильна и притомъ въ ней самой разладъ идей, взглядовъ и убѣжденій. Что касается до другихъ классовъ, то они обрѣтаются въ глубокомъ невѣжествѣ безъ малѣйшаго понятія о политическихъ и общественныхъ интересахъ. Они готовы признать все, что служитъ опорою для удостовѣренія, что Россія вовсе не выросла для какихъ-либо (самостоятельныхъ) учрежденій. Значитъ, мы пойдемъ туда, куда поведетъ насъ реакція. Такимъ образомъ, что̀ остается мыслящему и честному человѣку, который стоитъ совсѣмъ одиноко? Крайній индифферентизмъ нашего общества въ цѣломъ ко всему, что не относится къ личнымъ выгодамъ отдѣльныхъ личностей, крайняя неразвитость умовъ отнимаютъ у перваго возможность, а подчасъ и охоту что-либо дѣлать въ этой странной мутной средѣ, гдѣ сегодня бываетъ одно, а завтра другое, но все бывающее не подвигаетъ людей ни къ чему опредѣленному и разумному.

Катковъ пріѣхалъ опять сюда, чтобы воодушевлять и начинять аргументами къ предстоящей борьбѣ въ государственномъ совѣтѣ, по поводу реальныхъ училищъ, которыя, по плану московскаго заправилы, должны быть професіональными въ низшемъ техническомъ смыслѣ, а не общеобразовательными. Что это такъ и будетъ, въ томъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія.

. . . .

12. Суббота. Я всегда былъ врагомъ всякихъ крайностей, исключая тѣхъ минутныхъ увлеченій, когда меня поражала какая-нибудь несправедливость и побуждала къ неумѣреннымъ изліяніямъ моихъ чувствъ. Главное начало, служащее основаніемъ моего міровоззрѣнія, есть законъ уравновѣшенія. Онъ господствуетъ въ природѣ и долженъ господствовать въ отношеніяхъ людей въ общественномъ строѣ, во всемъ, гдѣ человѣку приходится мыслить и дѣйствовать.

Я врагъ всякаго абсолютизма, будь онъ политическій,

умственный, абсолютизмъ системы или мнѣнія. Мнѣніе или идея, старающаяся поглотить всѣ другія и присвоить себѣ господство надъ умами, мнѣ также противна, какъ и власть, которая хочетъ подклонить подъ свое иго всѣхъ людей съ ихъ дѣйствіями и правами.

Кто больше заслуживаетъ осужденія: тотъ-ли, кто отъ своихъ избытковъ ничего никому не даетъ, или тотъ, кто давъ отнимаетъ?.....

Единственное прибѣжище мысли — настаивать всячески на законности.

У одного хозяина мыши завелись въ домѣ. Кто-то и присовѣтовалъ ему, для избавленія отъ нихъ, сломать домъ.

Вездѣ, гдѣ человѣкъ ищетъ невѣдомаго или стремится къ нему, даже въ самыхъ грубыхъ формахъ, проявляется духъ и высшая человѣческая натура.

...„Въ самомъ дѣлѣ, мой старый пріятель Катковъ дошелъ до послѣдней крайности, противудѣйствуя всему, что въ нынѣшнее царствованіе сдѣлано хорошаго въ Россіи. Онъ какъ бѣшенный кидается на новые суды, на общественное мнѣніе, на всѣхъ, кто не раздѣляетъ его классическихъ проектовъ, во всемъ видитъ преступленіе, измѣну, нигилизмъ. Все это страшно надоѣло всѣмъ, и даже прежніе почитатели его рѣшительно отъ него отшатнулись. Я знаю нѣкоторыхъ, которые перестали выписывать или читать „Московскія Вѣдомости". Въ обществѣ рѣшительно господствуетъ мнѣніе, что по его доносу запрещенъ и „Голосъ". Если это правда, то какъ это назвать? Мнѣ Краевскій говорилъ, что ему подлинно извѣстно, что это правда.

Былъ надняхъ у А. С. Воронова и прочиталъ у него мнѣніе А. В. Головнина, представленное предсѣдателю государственнаго совѣта, великому князю, о новыхъ временныхъ правилахъ цензуры, внесенныхъ въ совѣтъ. Мнѣніе это написано съ замѣчательнымъ умомъ, правдою и твердостью; оно все проникнуто мыслью въ защиту свободы печати, разумѣется въ извѣстныхъ предѣлахъ, и пагубности репрессивныхъ противъ нея мѣръ.

18. Пятница. Вчера въ комиссіи государственнаго совѣта рѣшилось дѣло о реальныхъ училищахъ. Шесть членовъ были за проектъ министра народнаго просвѣщенія, а девять противъ.

Замѣчательно то, что графъ Панинъ, который сильно и даже умно ратовалъ въ прежней комиссіи и въ общемъ собраніи государственнаго совѣта въ пользу реальныхъ училищъ, теперь перешелъ на сторону министерскаго проекта. Въ числѣ девяти вообще находятся наиболѣе значительные члены совѣта. Вотъ нѣкоторые изъ этихъ членовъ: графъ Литке, Чевкинъ, Милютинъ, Головнинъ, Гротъ, Грейгъ, Титовъ, Оболенскій. Въ числѣ шести: графъ Толстой, графъ Строгоновъ, графъ Панинъ, кн. С. Урусовъ, Валуевъ, Путятинъ.

. . . .

25. Пятница. Запрещена газета „Дѣятельность", а у газеты „Новое Время" отнято право розничной продажи.

Говорятъ, что въ Земледѣльческомъ училищѣ (помѣщающемся въ бывшемъ Лѣсномъ корпусѣ) произведена студентами какая-то демонстрація. Что за несчастіе Россіи это юношество, пропитанное съ ногъ до головы пошлымъ либерализмомъ, который есть не иное что, какъ полнѣйшее безвѣріе религіозное, нравственное и умственное, полнѣйшее распутство! Какъ вдохнуть лучшій духъ въ это жалкое поколѣніе! Однимъ классицизмомъ этого нельзя. Страхъ наказаній тоже не подѣйствуетъ. О tempora! o mores!

Неудовольствіе въ публикѣ на присяжныхъ за оправданіе Мясниковыхъ. Въ дѣлѣ не оказалось достаточныхъ поводовъ къ ихъ обвиненію, т. е. уликъ, которыя юридически могли-бы быть этимъ поводомъ. Но присяжные, говорятъ, должны были-бы основаться на совѣсти, потому что нравственное убѣжденіе въ виновности Мясниковыхъ общее. Но, можетъ быть, присяжные поэтому самому и не могли вынести обвинительнаго вердикта, опасаясь, по справедливости, быть орудіемъ чужихъ толковъ и слуховъ, давно уже ходившихъ въ городѣ.

Мартъ 3. Пятница. Второе отдѣленіе академіи выбрало Соловьева въ свои члены въ званіи ординарнаго академика. Сегодня въ общемъ собраніи происходила баллотировка. Соловьевъ получилъ 27 избирательныхъ шаровъ и 2 неизбирательныхъ.

О земледѣльческой исторіи (въ институтѣ) оказалось, что это пустяки. Была просто глупая шалость одного глупаго воспитанника, и первые, кто возстали противъ него, были его-же товарищи. Кажется, изъ этого хотѣли нѣкоторые раздуть нѣчто важное, но не успѣли.

8. Среда. Наша внутренняя жизнь есть не иное что, какъ игра разнаго рода представленій и движеній, совершающихся механически по извѣстнымъ законамъ; мы тутъ не больше какъ арена, на которой они совершаются. Главные двигатели всего этого наши инстинкты, животные и психологическіе. Однако, человѣку дана правительственная сила, и ей-то принадлежитъ власть распоряжаться тѣмъ, что происходитъ въ насъ, и направляетъ это къ извѣстнымъ цѣлямъ и идеямъ. Худо, если эта сила слаба. Тогда мы впадаемъ въ нравственную анархію и становимся послушными орудіями, добычею инстинктовъ.

Россія страдаетъ совсѣмъ не тѣми недугами, какъ западная Европа, и потому къ намъ вовсе не идутъ тѣ теоріи объ измѣненіи существующаго порядка, какія проповѣдуются тамъ. У насъ двѣ глубокія раны, требующія врачеванія: невѣжество народа и дурная администрація (1872 г.). Исцѣлить послѣднюю гораздо труднѣе, чѣмъ первое. Къ послѣдней примѣняются вполнѣ слова: „врачу — исцѣлися самъ". Но какъ ей лѣчиться отъ главнаго зла—отъ злоупотребленія властью? Вѣдь свойство ея болѣзни и состоитъ въ томъ, что она есть такова, какова есть, и чтобы сдѣлаться лучшею, ей слѣдовало-бы отказаться отъ самой себя.

10. Пятница. Вторая половина февраля была и тепла и свѣтла. Но весь мартъ несносно холоденъ, между тѣмъ какъ солнце сіяетъ великолѣпно. Были дни, что морозъ доходилъ до 12 и даже 14° и постоянно то 7, то 8°—сегодня также.

Моя служба обществу разбивается на двѣ половины: на учено-литературную и литературно-административную. Могу сказать одно, что въ первой я всегда старался проводить идеи, возвышающія человѣческое достоинство нашей національности; во второй не безъ нѣкотораго мужества старался отражать напоръ неблагопріятныхъ обстоятельствъ противъ нашей мысли и науки. Болѣе я ничего не сдѣлалъ и не могъ сдѣлать. Пусть поэтому и судятъ меня.

12. Воскресенье. Обѣдъ въ римско-католической академіи Праздникъ ея церкви. По обыкновенію, я былъ осыпанъ любезностями всѣхъ присутствовавшихъ.

Классики въ восхищеніи, думая, что они спасутъ Россію, основавъ образованіе наше на греческомъ и латинскомъ языкахъ.

Не станемъ спорить, что въ классицизмѣ заключается важная образовательная сила. Но все-же это не есть само содержаніе знанія, а вотъ содержаніе-то откуда придетъ, какъ не изъ современной науки, и если правда, что современная наука ведетъ къ разрушительнымъ послѣдствіямъ, то какъ вы убережете отъ нихъ поколѣніе, которое должно-же чѣмъ-нибудь занять свои, образованныя на древнихъ образцахъ, силы? Вѣдь не запрете вы его въ клѣтку, куда-бы не могъ проникнуть ни одинъ лучъ изъ духа вѣка.

15. Среда. Получилъ отъ общества художниковъ приглашеніе на обѣдъ по подпискѣ, въ честь Островскаго. Не пошелъ потому, что не зналъ, кто тутъ распоряжается. Да притомъ и Островскаго въ Петербургѣ нѣтъ.

. . . .

24. Пятница. Всякая мысль, кажущаяся опасною, когда она передается, такъ сказать, шепотомъ, отъ одного другому, теряетъ свою опасность, какъ скоро она провозглашается во всеуслышаніе просто и не болѣе, какъ въ видѣ мысли. Въ безконечномъ приливѣ и отливѣ человѣческихъ мыслей, она скоро замѣняется другими и становится не болѣе, какъ обыкновеннымъ продуктомъ мышленія.

26. Воскресенье. Общественное мнѣніе сильно возстаетъ противъ крайняго классицизма. Въ этомъ, однако, выражается не одно несогласіе общества съ принятымъ планомъ обученія, но вообще оппозиціонный духъ, который, за недостаткомъ другой почвы, проявляется на этой, такъ какъ на ней можно встрѣтить менѣе ограниченія....

Апрѣль 3. Понедѣльникъ. Вчера былъ у князя П. А. Вяземскаго. Онъ довольно мраченъ, однако бесѣдовалъ со мною, какъ всегда, безъ малѣйшихъ признаковъ какого-нибудь внутренняго разстройства, кромѣ грустнаго сознанія, что онъ не такъ здоровъ, какъ-бы желалось, и уже очень старъ. Онъ былъ очень доволенъ моимъ посѣщеніемъ.

Въ Одессѣ, въ тамошнемъ соборѣ, украдена икона Божіей Матери, осыпанная драгоцѣнными камнями и считавшаяся чудотворною. Полиція выбилась изъ силъ, отыскивая воровъ и украденную Божію Матерь. Но вотъ пріѣхала въ Одессу императрица и въ тотъ самый день икона была найдена, завернутая

въ салфетку, но уже безъ драгоцѣнныхъ украшеній. Такое неожиданное обрѣтеніе и притомъ въ моментъ пріѣзда высочайшей особы, конечно, составляетъ уже чудо. Икону принесли въ соборъ, гдѣ торжественно принялъ ее архіерей......

7. Пятница. Когда вы стѣсняете свободу въ добромъ или, по крайней мѣрѣ, безвредномъ, она обращается на путь зла и разврата.

Проектъ о реальныхъ училищахъ въ общемъ собраніи государственнаго совѣта прошелъ. На сторонѣ графа Толстаго 19 голосовъ противъ 29. Графъ Панинъ оказался ренегатомъ: онъ за одно съ графомъ Толстымъ, тогда какъ, во время сужденій о классическихъ гимназіяхъ, онъ не только былъ противникомъ Толстовскаго проекта, но противникомъ весьма сильнымъ, энергическимъ и разумнымъ. Куда-же дѣвались его энергія и разумъ?

8. Суббота. Самое великое зло, которымъ страдаетъ наше общество, это почти повальная деморализація.

Классики полагаютъ, что противодѣйствіе этому злу мы найдемъ въ изученіи древнихъ языковъ и литературъ. Это ужасная нелѣпость. Можно-ли въ языческой образованности найти нравственныя основы для міра христіанскаго? Развѣ потребности и стремленія духа у насъ и у античныхъ людей, какъ-бы эти люди ни были развиты, одни и тѣ-же?

Западная соціалистическая мораль для насъ не годится; да и на Западѣ она можетъ существовать только въ однѣхъ крайне небольшихъ общинахъ.

И вообще, можетъ-ли установиться на землѣ сколько-нибудь прочный, нравственный порядокъ вещей безъ содѣйствія религіозной силы?......

11. Вторникъ. Нѣтъ такого дурака, который не въ состояніи былъ-бы найти что-нибудь смѣшное въ самомъ умномъ и честнѣйшемъ человѣкѣ.

Въ каждомъ человѣкѣ, какъ-бы онъ ни былъ уменъ, всегда бываетъ нѣкоторая доля неблагоразумія, препятствующаго успѣхамъ его предпріятій и мѣшающаго пользоваться успѣхами, уже достигнутыми.

12. Среда. Уже третій день, какъ прекрасные теплые дни, настоящіе весенніе, хоть-бы не въ Петербургѣ, несмотря на

то, что вчера ладожскій ледъ шелъ во всю ширину Невы. Сегодня я разоблачился отъ шубы и зимнихъ калошъ и ходилъ гулять въ пальто, разумѣется, ваточномъ.

20. Четвергъ. Мнѣ кажется, сдѣлана огромная ошибка въ нынѣшнемъ управленіи насильственнымъ установленіемъ такъ называемаго классическаго образованія. Если рѣшено было уже принять эту систему, то надобно было не провозглашать ее съ такимъ азартомъ, какъ это сдѣлалъ графъ Толстой, и не вдругъ поразить ею общество. Однимъ почеркомъ пера нельзя произвести такого крутаго переворота въ понятіяхъ. Можно было-бы учредить нѣсколько классическихъ гимназій, не давая имъ исключительнаго и всеобщаго значенія, и предоставить желающимъ идти другимъ путемъ. Правительство этою постепенностью выиграло-бы и то еще, что имѣло-бы возможность подготовить нужное число хорошихъ наставниковъ классическихъ языковъ, которыхъ теперь нѣтъ и которыхъ оно принуждено выписывать изъ Чехіи. Министерству народнаго просвѣщенія слѣдовало избѣжать и другой крайности—публичнаго изъявленія недовѣрія къ наукамъ естественнымъ, считая ихъ разсадникомъ нигилизма и матеріализма. Во-первыхъ, это несправедливо, а во-вторыхъ, какъ-же это сдѣлать, чтобы эти науки не распространялись въ государствѣ? Наконецъ, разумно-ли лишать среднія учебныя заведенія, каковы-бы они ни были, общеобразовательнаго характера, превративъ ихъ въ заведенія спеціальныя, почти ремесленныя? Мудрено-ли, что въ государственномъ совѣтѣ нашлось 29-ть голосовъ противъ 19-ти Толстовскаго или, лучше сказать, Катковскаго проекта?

22. Суббота. Вечеръ у Н. П. Корнилова. Разговоръ, между прочимъ, шелъ объ усиленіи власти губернатора и предоставленіи ему права входить въ учебную часть заведеній министерства народнаго просвѣщенія. Я возразилъ на мнѣнія нѣкоторыхъ господъ о пользѣ этой мѣры. „Это значитъ, сказалъ я, между прочимъ, что губернатору присваивается способность всевѣдѣнія и даже педагогическія и научныя знанія. Какъ-же будетъ онъ вмѣшиваться въ преподаваніе, имѣющее уже своихъ спеціальныхъ блюстителей“. Шидловскій особенно настаиваетъ на необходимости сдѣлать изъ губернаторовъ педагоговъ. „Но я берусь, сказалъ я, прочесть въ его присутствіи

лекцію объ атеизмѣ въ духѣ, вовсе не соотвѣтствующемъ желанію его, и, однако, онъ будетъ благодарить меня за нее".

23. Воскресенье. Печальное происшествіе въ Харьковѣ (Смотри № „Петербургскихъ Вѣдомостей"): волненіе противъ полиціи народа, который излилъ на нее страшную злобу. Поводомъ была глупѣйшая выходка частнаго пристава, который вздумалъ столпившуюся на праздничномъ увеселеніи толпу разгонять водою изъ пожарныхъ трубъ, причемъ трубы эти раздавили нѣсколько человѣкъ. Народная ярость разразилась ураганомъ, противъ котораго оказалась безсильною администрація, вмѣстѣ съ губернаторомъ во главѣ ея. Это было настоящее возстаніе народа противъ полицейскихъ порядковъ. Замѣчательно, между прочимъ, что въ народѣ раздавались крики, требовавшіе суда.

Замѣчательно, что повальное сѣченіе розгами въ Одессѣ вовсе не послужило устрашающимъ примѣромъ для харьковцевъ. Значитъ, нужно нѣчто подѣйствительнѣе палочной расправы безъ суда и изслѣдованій.

26. Среда. Отечество, Россія — это одно. Современное русское общество, бюрократія русская — это нѣчто другое.

Въ отдѣльности много у насъ есть людей и умныхъ, и достаточно просвѣщенныхъ и благородныхъ. Но взгляните на то какіе интересы преслѣдуются цѣлыми массами людей, какими стремленіями они воодушевляются, на весь порядокъ, на крайнюю безтолковость этихъ массъ, на мелочность, на отсутствіе всякихъ общечеловѣческихъ и общенародныхъ принциповъ и вы увидите, что тутъ вовсе нѣтъ того, что называется духомъ общественнымъ, а господствуетъ крайняя разъединенность видовъ и взглядовъ во всемъ, что касается общихъ цѣлей и интересовъ. Васъ изумитъ несостоятельность, пошлость тѣхъ самыхъ лицъ, которыя въ своей единичности представляются людьми, достойными сочувствія и уваженія. Очевидно, общія задачи, которыя-бы возвышались надъ частными эгоизмами и видами, еще у насъ не выработались. Какъ скоро отдѣльныя личности соприкасаются другъ съ другомъ, ихъ ничто высшее не связываетъ и они бѣгутъ врознь, каждый гонимый своимъ самолюбіемъ или житейскими разсчетами.

. . . .

29. Суббота. Почти весь апрѣль щеголяетъ на славу прекрасными днями. Надолго-ли? Невольно закрадывается въ душу сомнѣніе: не отмститъ-ли намъ за это май сторицею холодомъ, съ примѣсью снѣга и морозцевъ? Вѣдь все бываетъ на свѣтѣ такъ. Ни судьба ни природа, ни администрація не балуютъ насъ продолжительнымъ добромъ. Горе есть нормальное состояніе человѣчества, радости суть исключенія.

30. Воскресенье. Вотъ новое распоряженіе министра народнаго просвѣщенія: въ гимназіяхъ воспитанникъ долженъ получить на экзаменѣ въ греческомъ и латинскомъ языкахъ по $4^1/_2$ и во всѣхъ прочихъ предметахъ по 4, чтобы имѣть доступъ въ университетъ. Кто хоть въ одномъ предметѣ получилъ 3, ему выдается свидѣтельство, что онъ кончилъ курсъ гимназіи, но безъ всякихъ правъ.

Май 7. Воскресенье. На дачу къ Брауну подъ дубками въ Павловскъ. Давно уже мы такъ рано не переѣзжали на дачу.

10. Среда. Умъ становится шире и свѣтлѣе и сердце добрѣе, когда вокругъ себя не видишь ничего, кромѣ зелени деревьевъ и цвѣтовъ, не слышишь ничего, кромѣ щебетань эптицъ, крика кукушки и т. п. Человѣкъ человѣка дѣлаетъ злымъ, природа никогда.

14. Воскресенье. Въ одномъ пансіонѣ священникъ объяснялъ то мѣсто изъ евангелія, гдѣ изображены страданія Іисуса Христа и все, что онъ претерпѣлъ отъ враговъ своихъ. Инспекторъ, тутъ находившійся, спросилъ у дѣвочки: „скажите мнѣ, отъ кого мы больше терпимъ непріятностей?“ Ученица немного подумала и отвѣчала: „отъ начальства“.

. . . .

Не всѣ-ли мы играемъ комедію, стараясь выполнить свою, какъ будто какую-то серьезную, роль, въ сущности-же занимая себя и другихъ нелѣпыми и смѣшными играми.

27. Суббота. Одинъ день лучше другаго, можно жаловаться только развѣ на жары. Но жары мая все еще не доходятъ до удушливаго зноя. И что за роскошная зелень, что за безконечное пѣніе соловьевъ и другихъ милыхъ гостей у насъ на Сѣверѣ! Вѣтрянная кукушка кричитъ, что̀ рѣдко здѣсь бываетъ, такъ,

какъ кричала только въ моемъ дѣтствѣ въ благодатныхъ рощахъ около Дона или у береговъ тихой Сосны. Противъ моихъ оконъ безпрерывно поетъ свою милую пѣснь какая-то птичка, которой, къ сожалѣнію, я назвать не умѣю. Голосокъ ея похожъ на самые нѣжные звуки флажолета, мягкіе, какъ лепетанье ребенка.

У насъ лгутъ и только лгутъ — лгутъ энтузіазмомъ, который есть не иное что, какъ натянутая и искусственная вспышка, которую мы тутъ-же готовы тотчасъ и осмѣять, и лгутъ затѣмъ безпрестанно, обманывая другъ друга, составляя, напримѣръ, общества, гдѣ каждый имѣетъ въ виду, будто-бы, какую-нибудь похвальную цѣль, а потомъ спѣшитъ обворовать это-же самое общество или сдѣлать его орудіемъ какихъ-нибудь другихъ своихъ мерзостей.

30. Вторникъ... Умственная аристократія вещь очень хорошая, но она создается сама собою изъ высшихъ образованныхъ умовъ, почерпающихъ свою силу вообще въ знаніи, въ наукѣ, въ искусствѣ и прилагающихъ ее честно и разумно къ многоразличнымъ требованіямъ общества и управленія. Но для этого-то, говорятъ, и нужно серьезное классическое знаніе. Почему-же именно только классическое? Вотъ въ этомъ весь вопросъ. Вѣдь какую-бы образовательную силу не признавали за классицизмомъ, все-таки это не болѣе, какъ сила формальная. Но образованіе классическое, говорятъ, дѣлаетъ человѣка ко всему способнымъ, потому что оно и развиваетъ, и пріучаетъ къ труду, и дисциплинируетъ умы. А другія науки развѣ не развиваютъ, не требуютъ серьезнаго труда и метода, который собственно и составляетъ высшую, настоящую дисциплину ума? И возможное-ли, полезное-ли дѣло обратить умы общества къ одной сторонѣ знанія, а другія стороны оставить въ небреженіи или относиться къ нимъ даже съ нѣкотораго рода презрѣніемъ? Вы хотите создать правителей, руководителей умовъ и общества изъ классиковъ и это будетъ настоящая соль русской земли, аристократія умственная въ консервативномъ духѣ. Да какъ-же эти правители и руководители будутъ поступать, когда нужда или жизнь общества потребуетъ отъ нихъ соображеній финансовыхъ, политико-экономическихъ, строительныхъ, статистическихъ знанія природы, знанія людей и народовъ? Дадутъ-ли

имъ для этого средства классическія знанія. Но, возражаютъ классическое образованіе дастъ имъ возможность пріобрѣсти ихъ самымъ лучшимъ образомъ, т. е. послѣ того, какъ они истощатъ запасъ лучшихъ свѣжихъ умственныхъ силъ и запасъ драгоцѣннаго времени на классицизмъ, они въ состояніи будутъ уже посвятить себя трудамъ спеціальнаго знанія?? Удивительно!

По мнѣнію господъ, защищающихъ классицизмъ, выходитъ, что нельзя быть ни отличнымъ финансистомъ и политико-экономомъ, ни инженеромъ, ни полководцемъ и проч., не убивъ своей юности на изученіе греческихъ спряженій, склоненій и синтаксиса?

Сегодня въ Петербургѣ празднуется двухсотлѣтіе со дня рожденія Петра Великаго. Это дѣйствительно праздникъ. Безъ Петра Великаго Россія и теперь еще гнила-бы въ своей гнусной апатіи и совсѣмъ исчезла-бы подъ натискомъ такихъ солдатъ, какъ Карлъ XII и Наполеонъ.

Настоящій Петровскій день. По временамъ проглядываетъ солнце, но по небу ходятъ тучи.

Іюнь 3. Суббота. Экзаменъ въ римско-католической академіи. Какъ обыкновенно.

4. Воскресенье. Вечеромъ на музыкѣ. Толпа тупыхъ лицъ и больше ничего. Мансфельда оркестръ очень хорошъ.

Мы до того опошлились, гоняясь за изысканною, будто-бы, простотою, что кто хорошо говоритъ, тотъ уже подвергается нареканію. Отсутствіе всякаго оживленнаго выраженія, всякой мысли, принявшей сколько-нибудь изящную форму, считаютъ за достоинство, точно такъ, какъ молчаніе признаютъ нѣкоторые за доказательство ума.

Вмѣстѣ съ холодомъ и дождемъ я началъ какъ-то оживляться и выходить изъ моей апатіи. Не правъ-ли ужъ Пушкинъ, который гадкіе осенніе дни считалъ за лучшее время для поэтическаго творчества и обыкновенно удалялся въ эту часть года въ деревню, откуда привозилъ съ собою лучшія свои произведенія?

Давно уже, и не безъ нѣкотораго успѣха, работаю я надъ собою, чтобы не приходить въ волненіе отъ разныхъ человѣческихъ гадостей; но одного не могъ до сихъ поръ никакъ

въ себѣ преодолѣть—это негодованія на всякую несправедливость, въ какой-бы формѣ она ни являлась.

5. Понедѣльникъ. Вотъ моя майская вялость и какое-то нелѣпое расположеніе духа разрѣшилось довольно серьезною болѣзнью.

Надобно-бы изъ этой болѣзни извлечь какую-нибудь нравственную и умственную пользу. Пора отъ утомительнаго и плоскаго бездѣйствія обратиться къ усиленному крупному труду, дающему лучшую награду человѣку въ мирномъ успокоеніи отдыха, котораго не бываетъ безъ трудовъ.

20. Вторникъ. Между получившими образованіе въ классическихъ школахъ и школахъ реальныхъ непремѣнно возникнетъ антагонизмъ: одни, напыщенные ученостью, съ педантическимъ высокомѣріемъ будутъ смотрѣть свысока на реалистовъ, а эти, въ свою очередь, сильные практическимъ своимъ значеніемъ и участіемъ во всѣхъ нуждахъ и интересахъ общества, будутъ платить классикамъ презрѣніемъ, и если правительство будетъ послѣднихъ отличать, то и ненавистью. Что изъ этого выйдетъ—неизвѣстно, только не можетъ выйти ничего хорошаго.

...Впрочемъ, и то сказать, гдѣ сосредоточиться какому-нибудь возбужденію? Въ чиновничествѣ? Смѣшно и думать объ этомъ Въ купечествѣ и мѣщанствѣ? Но оно знаетъ только плутовать и посредствомъ плутовства наживаться. Пока было у насъ дворянство, то въ немъ все-таки существовало нѣчто похожее на иниціативу или, по крайней мѣрѣ, на пассивное чувство своего гражданскаго достоинства, но съ уничтоженіемъ его—и это пропало въ обществѣ. Что касается до молодаго поколѣнія, то я немного ожидаю отъ него добра. Сперва оно заявило себя через-чуръ шумными протестами и радикальными требованіями, а теперь оно воспитываетъ въ себѣ матеріализмъ и всяческое безвѣріе.

23. Пятница. Борьба съ болѣзнью не прекращается. Долго-ли это продолжится? Умственной дѣятельности почти никакой, и это болѣе всего меня возмущаетъ. Я крѣплюсь, но по временамъ мною овладѣваетъ уныніе.

25. Воскресенье. Неподвижность умственная, неподвижность нравственная—безсиліе. Отсюда одинъ шагъ къ презрѣнію самого себя.

Третьяго дня былъ у меня Селинъ, пріѣхавшій изъ Кіева. Двадцать два года мы съ нимъ не видѣлись. Онъ такой-же восторженный, какъ прежде или еще болѣе. Восторженность въ немъ, впрочемъ, не есть натяжка, и болѣе привычка, манера, чѣмъ чувство. Да и чувствовать такъ долго и постоянно нельзя. Несмотря на это, въ немъ много искренняго; онъ прямодушенъ и честенъ.

Да, Россія одно, а общественность наша—иное. Конечно, и дымъ отечества намъ сладокъ, однако не этотъ отвратительный смрадъ отъ повсемѣстной испорченности нравовъ.

Почему правая сторона французскаго національнаго собранія монархію считаетъ панацеею противъ коммунизма, соціализма и проч.? Непостижимо! Если она домогается монархіи абсолютной, диктаторской, то тутъ было-бы еще нѣчто похожее на возможность; но вѣдь такая монархія невозможна. А конституціонная, на подобіе испанской, развѣ менѣе, чѣмъ республика будетъ поприщемъ всяческихъ партій и страстей? Сверхъ того, монархія откроетъ путь къ новымъ междоусобіямъ. Вѣдь три претендента на престолъ.

29. Четвергъ. Открытіе въ Павловскѣ памятника Павлу I. Большое торжество въ присутствіи государя: войска, музыка, пальба изъ пушекъ.

Іюль 4. Вторникъ. Новый законъ о цензурѣ. Finis печати. Все рѣшается министромъ внутреннихъ дѣлъ. Какого-бы спеціальнаго содержанія ни была книга, онъ можетъ ее по собственному усмотрѣнію конфисковать. При этомъ законѣ, если онъ будетъ исполняться, рѣшительно становятся невозможными въ Россіи наука и литература. Да правду сказать, давно-бы слѣдовало покончить съ ними. Къ чему онѣ намъ?

Общество, которое само ничего разумнаго и честнаго не хочетъ дѣлать, не заслуживаетъ, чтобы съ нимъ поступали честно и разумно......

Все это, и жизнь людей, и нравы ихъ, и учрежденія не могутъ не возбуждать къ себѣ презрѣнія.

Вся моя жизнь прошла въ пустякахъ, въ мышленіяхъ, въ стремленіи къ чему-то высшему вмѣсто того, чтобы позаботиться о существенныхъ нуждахъ. Ошибки дѣлались за ошибками и вышло изъ этого какое-то нелѣпое существованіе — жертва ни

себѣ, ни Богу, ни чорту. Но и это чувство надобно превозмочь, иначе будетъ хуже. Исправить прошедшаго нельзя, а малодушіемъ настоящее можно превратить въ такую гадость, которая будетъ хуже всего прошедшаго.

7. Пятница. Науки естественныя и математическія находятся нынѣ въ опалѣ или, какъ говаривалъ Петръ Великій, не въ авантажѣ. Надняхъ министръ народнаго просвѣщенія велѣлъ двумъ здѣшнимъ директорамъ гимназій подать въ отставку единственно за то, что они не классики, а ученые по физико-математическому факультету. Оба были отличными директорами много лѣтъ: Бардовскій—1-ой гимназіи и Бѣляевъ—5-ой. О Бѣляевѣ особенно всѣ глубоко сожалѣютъ. Эго былъ одинъ изъ лучшихъ директоровъ во всемъ министерствѣ. Исправляющій должность попечителя Я** прямо сказалъ Д., что онъ не берется объявить объ отставкѣ этому благородному и превосходному педагогу: „У меня языкъ не повернется сказать ему, что его считаютъ негоднымъ".

8. Суббота. Множество неудобствъ бываетъ слѣдствіемъ всякихъ реформъ общественныхъ и жаловаться на нихъ было-бы несправедливо и малодушно. Но безчестность, отсутствіе всякихъ понятій о законности и долгѣ, обманы при всякихъ сдѣлкахъ, однимъ словомъ, попираніе общественной честности — вотъ что крайне дурно и невыносимо въ нынѣшнемъ состояніи нашего общества. Это уже не отъ реформъ, а отъ того, что̀ составляетъ нравы наши. Поэтому и реформы служатъ не столько основаніемъ добра, сколько поводомъ ко злу. И такъ какъ подобное состояніе нравовъ есть наслѣдіе вѣковъ, то надобны силы, чтобы перемѣнить ихъ къ лучшему.

Въ лицѣ каждаго человѣка непремѣнно есть черта, которую, отдѣливъ отъ другихъ, можно возвести въ карикатуру.

11. Вторникъ. Когда приходится прямо лицемъ къ лицу имѣть дѣло съ житейскими тревогами, съ разными несовершенствами нашего общественнаго быта и т. п., то естественно, что наше чувство возмущается и мы готовы во всемъ этомъ видѣть какое-то исключительное бѣдствіе, которому мы преданы въ жертву злою нашею участью. Но этой-то исключительности вовсе нѣтъ. Мы, какъ капли, повинуемся общему теченію волнъ и терпимъ то, что люди всѣхъ племенъ и всѣхъ вѣковъ терпѣли

и будутъ терпѣть до скончанія міра. Поэтому, чувствуя зло, насъ постигающее, мы не должны его преувеличивать и дѣлать изъ него выводы такого, напримѣръ, свойства, что если-бы тѣ и тѣ хотѣли, то вотъ его и не было-бы. Самое великое бѣдствіе состоитъ въ томъ, что люди, завѣдующіе судьбою общественныхъ дѣлъ, большею частью, или неспособны, или недобросовѣстны, или безпечны, и чѣмъ они выше, тѣмъ, по меньшей мѣрѣ, безпечнѣе, т. е. невнимательнѣе къ чужимъ интересамъ, имѣя въ виду только свои собственные. Но вѣдь это такое-же зло, какъ холера, какъ неурожай, угрожающій голодомъ, какъ смерть.

Глупаго, конечно, нельзя назвать умнымъ, злаго—добрымъ, эгоиста—готовымъ служить честью другимъ людямъ, обществу. Мы не можемъ не относиться къ этому критически, не можемъ не желать лучшаго, даже не можемъ не покушаться достигать этого лучшаго, сколько позволяютъ наши силы. А все-таки, въ концѣ концовъ, вы придете къ выводу: „такъ бываетъ, такъ будетъ и такъ должно быть".

Вечеромъ на музыкѣ услышалъ отъ доктора (Ивана Мартыновича) Барча, что (Петръ Петровичъ) Пекарскій, живущій на дачѣ отъ меня черезъ нѣсколько домовъ, умираетъ или уже умеръ отъ холеры. Докторъ только-что отъ него и нашелъ уже его при послѣднемъ издыханіи, такъ что онъ ничего уже сдѣлать не могъ. До него его лѣчили еще нѣсколько докторовъ и не успѣли спасти несчастнаго.

А вотъ, говорятъ, что онъ уже и умеръ.

Бѣдный Пекарскій! Я, дня четыре тому назадъ, видѣлся съ нимъ: онъ весело гулялъ въ паркѣ. До того онъ жаловался нѣсколько на разстройство желудка, но онъ не обратилъ на это особеннаго вниманія. Это большая потеря для академіи и науки. Онъ много и честно трудился для нихъ.

13. Четвергъ. По словамъ доктора Фассанова, Пекарскій чувствовалъ уже себя не совсѣмъ здоровымъ за нѣсколько дней до болѣзни. Въ этомъ состояніи онъ еще обѣдалъ въ гостяхъ и, разумѣется, безъ надлежащей осторожности; да обѣдъ еще былъ на открытой галлереи, гдѣ, вѣроятно, бѣднаго его и продуло. Въ прошедшую субботу открылась у него сильнѣйшая холера. Были созваны всевозможные медики, но спасти его не

могли. Въ послѣдній день, т. е. въ день агоніи, онъ страшно страдалъ. Бѣдный Пекарскій! Смерть застигла его въ лучшую минуту его жизни, когда ему все улыбалось. Труды его шли какъ нельзя успѣшнѣе. Онъ пользовался уваженіемъ и извѣстностью, какъ ученый. Во время юбилея Петровскаго ему дали значительную денежную награду за прежній его трудъ о состояніи просвѣщенія въ Петровскую эпоху. И вотъ тутъ-то судьба его и подстерегла. Ему было едва-ли сорокъ лѣтъ.

Интеллигенція наша почти разомъ понесла большія потери. Умерли: (Ал. Ѳедоровичъ) Гильфердингъ, Утинъ за-границею— Борисъ, тотъ, который былъ профессоромъ правъ въ здѣшнемъ университетѣ, и Пекарскій.

16. Воскресенье. Въ этомъ страшномъ антагонизмѣ силъ, гдѣ одна стремится поглотить другую, поглощаетъ ее и сама поглощается третьею — въ этой трагической борьбѣ за существованіе заключается жизнь, и не человѣческая воля даетъ или терпитъ такой характеръ жизни.

20. Четвергъ. Что за гнусное существованіе. Мы ущемлены между двухъ золъ, посланныхъ на насъ природою: холерою и оспою. Послѣдняя съ неистовою силою свирѣпствуетъ въ Петербургѣ, первая тоже дѣлаетъ свое отвратительное дѣло очень усердно: она проявилась уже и здѣсь. Вамъ ежеминутно угрожаетъ бѣдствіе: вы ходите, спите, ѣдите, работаете, такъ сказать, передъ глазами смерти. Забурчитъ-ли въ желудкѣ, чувствуете-ли небольшую въ себѣ перемѣну, малѣйшее измѣненіе въ обычномъ теченіи вашихъ дней—вамъ кажется, что гроза готова на васъ обрушиться; въ нѣсколько часовъ здоровые, крѣпкіе, вы можете провалиться, если не сквозь землю, то въ землю. Такъ случилось, напримѣръ, съ Пекарскимъ. А по селамъ вокругъ васъ чума скота. И этакъ не одинъ день, не два или три, а цѣлые мѣсяцы и притомъ лучшаго, благопріятнѣйшаго лѣта, которое не жарко, но тепло, съ перепадающими отъ времени до времени дождями. Что-же тутъ дѣлать? Благоразуміе предписываетъ не пренебрегать предосторожностями, особенно въ пищѣ, а остальное, не падая духомъ, предоставить судьбѣ.

23. Воскресенье. Вы требуете не того равенства, которое основано на законахъ человѣческой природы и требованіяхъ

права: вы хотите равенства между бездѣльникомъ и честнымъ человѣкомъ, между умнымъ и дуракомъ, между невѣждою и человѣкомъ просвѣщеннымъ, даже между воромъ, злодѣемъ и трудолюбивымъ, полезнымъ гражданиномъ.

25. Вторникъ. Государственный умъ есть тотъ, который способенъ управлять государствомъ. Управлять людьми значитъ не притѣснять ихъ и не потворствовать имъ......

30. Воскресенье. Заходилъ навѣстить Пекарскую. Она уѣхала въ городъ, но меня приняла ея сестра. Пекарскій не страдалъ ни такъ много, ни такъ долго, какъ сначала говорили. Онъ почувствовалъ себя дурно наканунѣ смерти вечеромъ. Началось бурчаньемъ въ желудкѣ, но онъ ходилъ и сначала ни на что больше не жаловался, говорилъ только, что не тифъ-ли у него начинается, потому что онъ чувствовалъ какой-то жаръ въ головѣ. Ночью сдѣлалась у него страшная тоска; послали за докторомъ, который нашелъ его уже въ опасномъ положеніи. На другой день вдругъ у него ослабѣлъ пульсъ. Къ вечеру ему стало очень худо и часовъ въ шесть онъ умеръ. Онъ сохранилъ полное сознаніе, еще за полчаса до смерти, такъ что могъ благословить дѣтей. Года два тому назадъ, его постигъ ударъ въ голову такъ, что ротъ ему поворотило на сторону. Но, съѣздивъ за-границу, онъ совсѣмъ поправился; теперь параличъ особенно сосредоточился у него въ шеѣ или горлѣ. Итакъ, вѣроятно, прежняя болѣзнь помогла нынѣшней.

Августъ. 5. Суббота. Берите истину вездѣ, гдѣ она есть, если только она есть.

Домашняя жизнь отравляется каждый день мерзостями нашей прислуги. Ничѣмъ, ни ласкою, ни жалованьемъ порядочнымъ нельзя ее привлечь къ исполненію того, что она должна дѣлать по условію. И это повсемѣстное у насъ зло. Третьяго дня я принужденъ былъ отправиться къ мировому судьѣ, чтобы спросить у него: нѣтъ-ли какихъ средствъ противъ невыносимаго самоуправства, безчестности и пьянства этихъ людей? Отъ него узналъ я, что законъ не представляетъ совершенно никакого огражденія правъ нанимателя и потому наемные люди совершенно преданы своему грубому произволу и страстямъ. Онъ сказалъ мнѣ, что практика судейская одну истину сдѣлала для него очевидною, что эти люди недоступны никакимъ внушеніямъ

своихъ обязанностей; никакая кротость, никакое терпѣніе тѣхъ, которые должны къ несчастью имѣть съ ними дѣло, тутъ не помогаетъ. И вотъ съ такими людьми, однако, мы принуждены жить и раздѣлять нашъ хлѣбъ и деньги; администраціи нѣтъ до этого никакого дѣла. Она не заботится о томъ, чтобъ наемный трудъ подчинить какимъ-нибудь правиламъ, равно ограждая его и тѣхъ, кто за него платитъ.

10. Четвергъ. Торжественное открытіе въ Петербургѣ конгресса статистиковъ. Великій князь Константинъ Николаевичъ произнесъ рѣчь, которая была-бы недурна, если-бы была не такъ учена. А то выходитъ, какъ будто-бы ему кто-нибудь сочинилъ ее, а не онъ самъ. Развѣ потому только можно признать ее за произведеніе диллетанта, что въ ней довольно-таки перепутаны понятія о самомъ существѣ статистики. Впрочемъ, эта путаница существуетъ и въ ученыхъ головахъ. Вторая половина рѣчи, имѣющая отношеніе къ Россіи и къ настоящему собранію, недурна, и этимъ слѣдовало и ограничиться.

Что такое эти ученые конгрессы? Не иное что, какъ подвижные клубы, въ которыхъ, отъ времени до времени, умные люди собираются, чтобы поиграть не въ карты, а въ идеи съ дополненіемъ пива, а иногда и шампанскаго. Наука собственно тутъ ничего не выигрываетъ. Одно развѣ, что она привлекаетъ къ себѣ умы людей тамъ, гдѣ конгрессъ собирается.

Впрочемъ, для Россіи ученый конгрессъ имѣетъ особенное значеніе. Съ нимъ втекаетъ струя европеизма въ мутную рѣку нашей общественности.

13. Воскресенье. Приготовляясь къ исторической роли, Россія должна исповѣдью и покаяніемъ очиститься отъ своихъ нравственныхъ, общественныхъ и политическихъ мерзостей, а потомъ пріобщиться духу высшей цивилизаціи. Вотъ откуда происходитъ необходимость публичнаго изобличенія и гласности.

15. Вторникъ. Мудрость человѣческая имѣетъ предѣлы— заблужденія безпредѣльны....

21. Понедѣльникъ. Странно, что часто многія пошлѣйшія посредственности бываютъ свободны отъ тѣхъ недостатковъ и заблужденій, какими страждутъ самыя избранныя натуры.

25. Пятница. Москва отличилась: она такъ дурно приняла конгрессистовъ, какъ будто они пріѣхали въ калмыцкую землю.

Что она не предложила имъ обѣдъ съ миндалемъ откормленными поросятами—это не бѣда. Но бѣда въ томъ, что она выказала къ нимъ непростительное равнодушіе. Теперь иностранцы могутъ вынести о русскихъ слѣдующее общее впечатлѣніе: насъ приняли учтиво и съ уваженіемъ, когда пріемомъ распоряжалось правительство въ Петербургѣ и во главѣ его великій князь; но лишь только мы проникли въ глубину народности, въ Москву, такъ и оказалось справедливымъ изреченіе Наполеона I, что поскобли немножко русскаго—увидишь татарина.

. . . .

Сентябрь. 1. Пятница. Когда народу предоставлена извѣстная доля свободы, которой онъ прежде вовсе не имѣлъ, то надобно принять и необходимыя послѣдствія этого: нѣкоторое ограниченіе власти и произвола бюрократіи, а съ тѣмъ вмѣстѣ и необходимость того, что многое будетъ дѣлаться, чего прежде не дѣлалось и что не согласуется съ видами власти.

Иной честенъ только потому, что ему не достаетъ рѣшимости сдѣлаться плутомъ.

Подчинить умы дисциплинѣ научныхъ знаній, напримѣръ въ классицизмѣ, значитъ-ли уберечь ихъ отъ поползновеній къ крайнимъ либеральнымъ умозаключеніямъ, о чемъ, повидимому, мечтаетъ наша администрація? На нашъ вѣкъ станетъ, а тамъ хоть трава не рости.

11. Понедѣльникъ. Какія-бы понятія ни составлялись о мірѣ и какимъ-бы треволненіямъ не были подвержены человѣческія общества, но дѣло въ томъ, что всякій мыслящій человѣкъ долженъ найти въ себѣ опору для нравственнаго характера и нравственной жизни, если только онъ находитъ какое-нибудь различіе между собою и животнымъ.

Многія изъ новыхъ ученій не иное что, какъ подновленіе старыхъ.

12. Вторникъ. Засѣданіе комиссіи въ академіи наукъ о присужденіи премій уваровскихъ. Я читалъ мои рецензіи на драматическія сочиненія, которыхъ было нынѣ 7. Въ томъ числѣ двѣ пьесы Островскаго: „Не было ни гроша, да вдругъ алтынъ“ и „Не все коту масляница, бываетъ и великій постъ“. Обѣ слабы и я не могъ дать о нихъ одобрительнаго отзыва. „Каширская старина“ Аверкіева также не отличное произведеніе, а

четыре пьесы нѣкоего Базилевича просто сущій вздоръ. Итакъ и нынѣ нельзя было присудить преміи за драму. Комиссія согласилась со мною.

21. Четвергъ. Чтобы успѣшно можно было сражаться съ разрушительными стремленіями, возстающими на существующій порядокъ вещей, надобно удовлетворить ихъ законнымъ требованіямъ; тогда требованія незаконныя или преувеличенныя найдутъ себѣ противниковъ и тамъ, гдѣ они теперь не встрѣчаются.

25. Понедѣльникъ. Засѣданіе академіи по случаю назначенія Уваровскихъ премій. Шести лицамъ опредѣлены половинныя преміи (по 500 р.), въ томъ числѣ и автору исторіи императора Александра I—Богдановичу, которому, мнѣ кажется, слѣдовала-бы полная премія. Но по баллотировкѣ въ комиссіи не оказалось требуемаго большинства. Мое мнѣніе о драмахъ было прочитано Гротомъ за болѣзнью Веселовскаго и заслужило общее одобреніе.

26. Вторникъ. Сегодня напечатана въ газетахъ слѣдующая странная телеграмма изъ Парижа: „На обѣдѣ у Тьера 21-го сентября (3-го октября) два иностранные представители выразили мнѣнія, подобныя тѣмъ, которыя были высказаны генераломъ **. Тотъ-же корреспондентъ газеты Times пишетъ, что одинъ изъ прибывшихъ въ Парижъ представителей Франціи за-границею заявилъ, что одинаковое мнѣніе господствуетъ и въ другихъ государствахъ“. Какія это мысли и о чемъ? Но главное тутъ то, что гнилой западъ во всемъ насъ превосходитъ: онъ сдѣлалъ великое открытіе, которое въ Россіи никому и не снилось, т. е., что у ** есть мысли.

Высшій умъ есть нѣчто такое, въ чемъ всегда скрывается больше того, что онъ обнаруживаетъ.

27. Среда. Безпристрастно разсуждая, нельзя винить ни общество за его стремленія, ни правительство за то, что оно хочетъ ихъ умѣрить. Первое такъ много терпѣло всяческихъ стѣсненій, что естественно хочетъ бо̀льшаго простора; второе также естественно видитъ въ этомъ просторѣ такія стороны, которыхъ допустить не можетъ по своему положенію и по традиціямъ, а главное оно видитъ въ самомъ обществѣ еще крайнюю незрѣлость.

Странно и нелѣпо сказать, что если-бы въ обществѣ было

болѣе разсудительныхъ людей, а въ бюрократіи—людей болѣе способныхъ и добросовѣстныхъ, то этой неурядицы не было-бы. Но это если—когда и гдѣ оно было возможно?

Въ сегодняшней газетѣ извѣщаютъ, въ чемъ заключаются мысли генерала N N, сообщенныя имъ Тьеру. Онъ благосклонно увѣдомилъ послѣдняго, что радикальныя движенія, подобныя возбужденнымъ Гамбеттою, производятъ непріятное впечатлѣніе въ другихъ государствахъ. Вотъ какая новость, и Тьеръ, который борется съ радикализмомъ всѣми силами своего высокаго ума, будто ее и не зналъ и только теперь обязанъ за нее генералу N N. Это похоже на то, если-бы кто-нибудь сказалъ другому: когда по сѣнникамъ ходятъ съ огнемъ, то можетъ случиться пожаръ, а пожаръ куда-какая нехорошая вещь!

29. Пятница. Ивана Николаевича Крамскаго полиція призывала раза три и допрашивала его: гдѣ онъ былъ прошлое и нынѣшнее лѣто? И когда онъ отвѣчалъ гдѣ, возразили ему, что это неправда. Полиція даже извратила какъ-то самую его фамилію. И когда онъ, удивленный и недоумѣвающій и встревоженный, спросилѣ чтó все это значитъ и для чего его допрашиваютъ, ему отвѣчали, чтò это по секретному дѣлу. Жена его вчера пріѣзжала къ намъ и просила моего совѣта чтó дѣлать при такомъ странномъ и необыкновенномъ нападеніи полиціи. Я посовѣтовалъ Ивану Николаевичу Крамскому немедля ѣхать къ Трепову и просить у него объясненія. Такъ онъ сегодня и сдѣлалъ. Оказалось, что съ 1863 года онъ состоитъ въ спискѣ подозрительныхъ, по поводу объясненія его отъ имени товарищей въ конференціи Академіи художествъ, откуда они тогда задумали выйти. Дѣло тогда тѣмъ и кончилось; молодые художники вышли изъ Академіи безъ всякаго, впрочемъ, шума и основали, съ разрѣшенія начальства, артель, которая и до сихъ поръ существуетъ, исполняя и, весьма хорошо, разные частные заказы, а Крамской съ тѣхъ поръ составилъ себѣ весьма лестную репутацію, какъ замѣчательный художникъ. И вотъ теперь его вздумали допрашивать, не говоря, впрочемъ, ни слова о причинѣ. Треповъ, однако, велѣлъ вычеркнуть его изъ списка подозрительныхъ, которыхъ, по его словамъ записано до 6,000. Тѣмъ дѣло и кончилось.

Октябрь 1. Воскресенье. Необходимъ контроль не только надъ поступками, но и надъ мыслями. Весьма часто при-

ходится мнѣ быть недовольнымъ собою единственно за то, что я даю слишкомъ свободное теченіе своимъ мыслямъ по разнымъ вопросамъ жизни, и хотя онѣ не переходятъ, да и не могутъ перейти въ поступки, однако многія изъ нихъ заслуживаютъ строгаго осужденія. Человѣкъ долженъ властвовать надъ всѣми движеніями своего ума, воли и чувства. Въ этомъ и состоитъ настоящее самоуправленіе.

Надобно взвѣшивать не только тѣ причины, по которымъ мы кажемся правыми, но и тѣ, по которымъ противники наши думаютъ такъ или иначе.

5. Четвергъ. Писемскій читалъ свою новую комедію у Краевскаго. Комедія эта лучшее произведеніе его. Не знаю только, какъ онъ сладитъ съ цензурою. Онъ хочетъ напечатать ее въ „Гражданинѣ" кн. Мещерскаго. Писемскій превосходно читаетъ, и мнѣ кажется, что кто слышалъ его комедію изъ его устъ, тому не слѣдуетъ идти въ театръ на ея представленіе: она, навѣрное, будетъ сыграна тамъ гораздо хуже, чѣмъ въ чтеніи автора.

7. Суббота. Наше молодое поколѣніе никуда не годится. Оно плохо учится, плохо мыслитъ и думаетъ только о всевозможныхъ эмансипаціяхъ, да о матеріальныхъ наслажденіяхъ. Надобно его остепенить, занять трудомъ серьезнымъ. Въ этомъ смыслѣ задуманная учебная реформа имѣетъ важное значеніе. Но во-первыхъ, едва-ли можно достигнуть цѣли помощью усиленнаго классицизма, а во-вторыхъ, слѣдовало-бы новую систему приводить въ дѣйствіе не съ такимъ насиліемъ. Въ этомъ заключается важная ошибка нынѣшняго министерства народнаго просвѣщенія (1872 г.). Эта лихорадочная поспѣшность, это стремленіе сдѣлать вдругъ все, что требовало нѣкоторой постепенности и даже нѣкотораго снисхожденія къ непониманію сущности предпринятой реформы въ обществѣ, вотъ что можетъ вредить ея успѣху, и что произвело такое броженіе въ умахъ. Въ университеты не дозволенъ доступъ тѣмъ, кто не получилъ строгаго классическаго образованія—пусть такъ. Но какъ-же получить его, когда въ самихъ гимназіяхъ не существовало классическаго обученія? Не слѣдовало-ли, напримѣръ, прежде устроить гимназіи классическія, а потомъ уже отъ вновь поступающихъ требовать выполненія тѣхъ условій, которыя теперь считаются необходимыми? Не слѣдовало-ли застигнутымъ врасплохъ ре-

формою дать возможность съ однимъ латинскимъ языкомъ войти въ университетъ? И вообще не слѣдовало-ли нѣсколько, хоть на первый разъ, облегчить требованія относительно греческаго языка? Министерство захотѣло разрубить узелъ, вмѣсто того, чтобы развязать его. Но это не всегда лучшій пріемъ.

8. Воскресенье. Познакомился у Ѳедора Ив. Тютчева съ Ив. Сергѣев. Аксаковымъ. Какой онъ ражій! Впрочемъ, въ обращеніи онъ тихъ и скроменъ, такъ что въ немъ нельзя видѣть борзаго журналиста. Поговорили о нынѣшнемъ (1872 г.) состояніи цензуры, которая чуть не свирѣпѣе, чѣмъ въ николаевское время.

По утру вчера былъ у меня съ визитомъ (Алексѣй Ѳеофилактовичъ) Писемскій. Я повторилъ ему выраженіе моего удовольствія за пьесу его, читанную у Краевскаго, и за его мастерское чтеніе.

Мы отъ предковъ нашихъ унаслѣдовали значительную долю рабскаго страха предъ властями. Вѣдь не могли-же безъ послѣдствій пройти по исторіи ни Петръ Великій со своими благими видами, но и со своимъ кнутобійствомъ и застѣнками, ни Биронъ, ни милосердая Елисавета съ рѣзаньемъ языковъ и битьемъ кнутомъ своихъ придворныхъ дамъ, ни Павелъ I, ни верховный визирь Аракчеевъ. Клеймо, наложенное ими на наши нравы и духъ, долго не изгладится.

10. Вторникъ. О Валуевѣ: мы ошиблись другъ въ другѣ. Онъ думалъ найти во мнѣ чиновника—и не нашелъ его; а я думалъ найти въ немъ государственнаго человѣка—и нашелъ только чиновника. Впрочемъ, я долженъ сказать, что это чиновникъ съ хорошими манерами, усовершенствованный духомъ вѣка, а не какой-нибудь приказный стараго времени.

Въ пензенской гимназіи одинъ ученикъ старшаго класса стрѣлялъ изъ ружья гдѣ-то, за это велѣно исключить его изъ заведенія и ни въ какую гимназію не принимать. Одинъ изъ учителей той-же гимназіи осмѣлился замѣтить, что такъ какъ ученикъ этотъ вообще очень хорошо учился и отличнаго поведенія, то не слишкомъ-ли жестоко не дозволить ему окончить свое образованіе? За это велѣно уволить учителя отъ должности и впредь не принимать его нигдѣ по учебному вѣдомству.

20. Пятница. Сегодня были у меня (Андрей Степан.) Вороновъ и Благовѣщенскій. Первый разсказалъ мнѣ много крайне

прискорбнаго. Книжка „Бесѣды", гдѣ говорится о нашихъ монастыряхъ, не только конфискована, но сожжена.

Министръ народнаго просвѣщенія приказалъ, чтобы всѣ гимназисты носили въ гимназіи книги свои и тетради не иначе, какъ въ ранцахъ на спинѣ.

Если есть въ тебѣ природное расположеніе и сила, и способность быть человѣкомъ, то никакое притѣсненіе, никакое насиліе не заставятъ тебя сдѣлаться скотомъ.

Чужая опытность никогда не служитъ замѣной собственной.

22. Воскресенье. Во всей нынѣшней Франціи одинъ Тьеръ, кажется, ни легитимистъ, ни орлеанистъ, ни бонапартистъ, ни радикалъ, а французъ. Онъ выше партій и властвуетъ надъ ними, противопоставляя одну другой, чтобы спасти Францію.

27. Пятница. Былъ у меня Я. К. Г. и, между прочимъ, разсказывалъ мнѣ о томъ, какъ Миллеръ (Орестъ) съ каѳедры бранитъ наповалъ всѣхъ писателей прошедшаго времени, особенно Карамзина. Онъ просто свирѣпствуетъ противъ него. Молодые люди ему апплодируютъ. Впрочемъ, всѣ новѣйшіе или бóльшая часть новѣйшихъ дѣятелей одержимы этимъ бѣснованіемъ противъ всего, что признается другими за достойное уваженіе. Прискорбенъ этотъ духъ разрушенія. Онъ ничего хорошаго не обѣщаетъ Россіи.

Ноябрь 2. Четвергъ. Чтò вы говорите о прозѣ Карамзина, Жуковскаго, Пушкина? Намъ теперь нужна немножко хмѣльная и очень растрепанная и косматая проза, откуда-бы, какъ изъ собачьяго зѣва, лился лай на все нравственно-благородное, на все прекрасное и на всякую логическую правдивую мысль.

3. Пятница. Въ общемъ засѣданіи академіи выбрали въ члены II-го отдѣленія (Мих. Ив.) Сухомлинова 26-ю голосами противъ четырехъ.

Исторію моей жизни, какъ и всякую исторію, можно раздѣлить на періоды, означая ихъ такимъ образомъ: періодъ отъ одной ошибки къ другой такихъ-то годовъ — этихъ періодовъ можно насчитать множество. Конечно, по совѣсти, я не могу сказать чтобы ошибки эти состояли изъ дурныхъ или предосудительныхъ дѣлъ. Но несомнѣнно то, что каждая изъ нихъ чрезвычайно много вредила моимъ успѣхамъ въ жизни и по службѣ и часто мѣшала даже дѣйствовать, какъ-бы я могъ, и для

общества. Теперь остается мнѣ не сдѣлать еще одной и, можетъ быть, самой вредной ошибки, не впасть въ уныніе отъ всѣхъ прежнихъ, съ ихъ печальными послѣдствіями.

Въ прошедшее воскресенье въ фельетонѣ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ „Незнакомецъ“ объявилъ, разумѣется, шуточно, что онъ умеръ. Теперь слышно, что онъ дѣйствительно для фельетона умеръ. Цензура такіе сдѣлала на него натиски, что онъ долженъ былъ прекратить свою литературную дѣятельность по этой части. Итакъ эта почти единственная живая струя въ газетѣ изсякла отъ дуновенія холодной цензурной бури. Дѣло въ томъ, что фельетонъ „Незнакомца“ отличался вообще умомъ и остроуміемъ, и всѣ его читали, и поэтому онъ признанъ вреднымъ.

Всякую мысль въ печати, сколько-нибудь не согласную съ умопредставленіями N. N. объ учебной части, онъ отыскиваетъ съ заботливостью, достойною лучшаго дѣла, и представляетъ ее куда слѣдуетъ, какъ преступную. Такъ поступилъ онъ, между прочимъ, съ „Бесѣдою“, два номера которой поэтому остановлены и одинъ даже, говорятъ, сожженъ въ Москвѣ.

Въ такихъ прекрасныхъ занятіяхъ ему служитъ главнымъ помощникомъ N., сдѣлавшійся нынѣ великимъ дѣятелемъ.

Слышно о Катковѣ, что онъ дѣйствительно боленъ и едва-ли въ состояніи будетъ продолжать свою газету, которая, впрочемъ, находится нынѣ въ упадкѣ. Число подписчиковъ ея сильно уменьшилось.

. . . .

„Не угашайте духа, не угашайте духа!“ Напрасны эти высокія слова, это выраженіе глубочайшей истины, какъ и другія слова: „не отъ хлѣба единаго человѣкъ живъ бываетъ, но отъ всякаго слова божественнаго“......

5. Воскресенье. Фельетоны „Незнакомца“ опять появились. Значитъ, цензура дозволила его снова, вѣроятно, съ тѣмъ только, чтобы перлы своего остроумія, если хочетъ, онъ бросалъ только такъ, для забавы на воздухъ, ни въ кого не мѣтя и не попадая.

Философія похожа на кость, содержащую въ себѣ мозгъ; чтобы разгрызть ее и достать изъ нея мозгъ, простому смертному надобно имѣть собачьи зубы.

8. Среда. Въ самомъ дѣлѣ, что такое наша общественность? Въ ней совершается броженіе понятій, не установившихся, неясно

сознаваемыхъ, пришедшихъ извнѣ, склоняющихся къ радикальнымъ, ультра-прогрессивнымъ принципамъ только потому, что это существуетъ на западѣ. Все это особенно выражается въ нашей литературѣ. А нравственно что̀ такое наша общественность?—полнѣйшая развращенность умовъ и сердецъ, стремленіе къ матеріальнымъ интересамъ. Общество наше не выработало въ себѣ тѣхъ великихъ идей, которыя служатъ опорою лучшаго порядка вещей. Какъ-же можно его уважать?

Однако, и репрессивныя мѣры должны-же имѣть свои предѣлы и надобно дотрогиваться съ нѣкоторою осторожностью къ такимъ явленіямъ и вопросамъ, которые такъ или иначе вошли уже въ оборотъ нашего умственнаго капитала. Какъ-бы нелѣпа ни была наша общественность, но съ нею надобно жить и она сама есть все-таки нѣчто живое, а не мертвое и обращаться съ нею какъ съ трупомъ, кажется, не слѣдовало-бы. Если она грѣшна и во многомъ глупа, то далеко не святы и не зѣло разумны и наши государственные мужи.

Репрессія, слишкомъ усиленная, ведетъ къ осуществленію извѣстной истины: чѣмъ хуже, тѣмъ лучше.

По распоряженію министра народнаго просвѣщенія изъ Саратовской семинаріи не велѣно принимать въ студенты университетовъ никого, такъ какъ тамъ когда-то учился Чернышевскій.

. . . .

Такимъ администраторамъ присвоивался прежде титулъ гасителей, теперь ихъ надобно уже называть сожигателями.

Холера, мѣсяца полтора тому назадъ, прекратилась или если дѣйствуетъ, то, такъ сказать, тайкомъ, но зато оспа продолжаетъ свирѣпствовать почти съ такою-же силою, съ какою наши власти свирѣпствуютъ противъ мысли, науки, печати. На этомъ послѣднемъ поприщѣ отличается М. Н. Лонгиновъ, авторъ извѣстной рукописной, разумѣется, гнусной поэмы, которая заставила-бы покраснѣть отъ стыда самого Баркова.

Великій человѣкъ, конечно, воплощаетъ въ себѣ идеи своего вѣка и удовлетворяетъ потребностямъ своего народа и общества, сознавая ихъ яснѣе, чѣмъ всѣ другіе. Въ этомъ смыслѣ и говорятъ нѣкоторые, что великихъ людей собственно и нѣтъ, а есть работники, дѣйствующіе какъ-бы механически, по волѣ или влеченіемъ массъ. Но положимъ, что задача, которую онъ выполняетъ, ему достается извнѣ; неужели, однако, его личность ни-

чего тутъ не значитъ и всякій другой, поставленный на его мѣсто, могъ-бы ее разрѣшить? Его неотъемлемая собственность— это характеръ.

Онъ похожъ на нѣкоторыя ароматныя вещества, которыя надобно потолочь въ ступѣ, чтобы они издали ароматъ.

12. Воскресенье. Обѣдалъ у министра народнаго просвѣщенія. Сегодня онъ былъ довольно сдержанъ, хотя все-таки не обошлось безъ того, чтобы онъ не назвалъ нѣкоторыхъ лицъ дураками. На обѣдѣ были академики, кромѣ меня, Гротъ, Безобразовъ, Буняковскій, Бычковъ и Стефани и разныя другія лица. Тутъ былъ и вице-министръ N, который велъ себя уже какъ важная особа, съ большимъ достоинствомъ и чувствомъ своей высокости.

Въ администраціи по дѣламъ печати господствуетъ какая-то злоба противъ всего печатнаго. Они не только принимаютъ мѣры противъ непозволительнаго, по ихъ мнѣнію, но принимаютъ ихъ, особенно Лонгиновъ, съ какою-то бѣшеною яростью. Такъ даже одинъ изъ засѣдающихъ въ комитетѣ министровъ находитъ, что воспрещеніе двухъ номеровъ „Бесѣды“, сожженіе ихъ, переходитъ уже всякую мѣру благоразумнаго взысканія, что и статьи-то этого журнала, за которыя воздвиглось такое на него гоненіе, довольно невиннаго свойства, и что, наконецъ, во всякомъ случаѣ, достаточно было уничтожить эти статьи или велѣть ихъ перепечатать.

А за что пострадалъ и обреченъ сожженію календарь (А. С.) Суворина? Во-первыхъ, за то, что въ некрологахъ онъ помѣстилъ и некрологъ такого лица, какъ Мадзини; во-вторыхъ, и это, кажется, главное, зачѣмъ онъ высчиталъ, въ статьѣ о расходахъ государственныхъ, и тѣ оклады, какіе получаются высокопоставленными лицами.

Но положимъ, наконецъ, что, по принятой нынѣ системѣ, репрессивныя мѣры нужны; но къ чему такое озлобленіе? Они говорятъ, что печать наша распространяетъ или распространяла ужасныя вещи, но вѣдь это малая часть ея. За что-же такое гоненіе на то, что она разбираетъ умѣренно и гласно разные вопросы, о которыхъ и закономъ разрѣшено говорить. Неужели они забыли, какія важныя услуги оказывала государству печать во множествѣ случаевъ, объясняя самымъ почетнымъ для правительства образомъ

разныя предпринятыя имъ реформы или во время польскаго возстанія и проч.?

18. Суббота. Чтеніе у О. Ѳ. Миллера. А. Н. Майковъ читалъ свое стихотвореніе: „Два міра", приготовленное къ печати въ „Гражданинѣ". Это произведеніе высокаго поэтическаго достоинства, въ которомъ Майковъ сталъ на такую ступень, которой онъ еще не достигалъ въ прежнихъ своихъ произведеніяхъ. Язычество въ предсмертныхъ судорогахъ и христіанство на зарѣ своего величія, начинающее эпоху человѣческаго возрожденія. Тутъ все прекрасно: идея, развитіе ея, картины, языкъ. Произведеніе имѣетъ характеръ драматическій не только по формѣ, но и по внутренней силѣ и движенію. Характеры выдержаны и оттѣнены съ необыкновенною правдою и рельефностью. Словомъ, это истинно художественное произведеніе. На чтеніи было довольно дамъ, и въ числѣ слушателей А. Д. Градовскій, К. Н. Бестужевъ-Рюминъ и другіе. Авторъ заслужилъ всеобщее горячее одобреніе. Когда его осыпали привѣтствіями и похвалами, онъ торжественно провозгласилъ, что онъ всѣмъ хорошимъ, что въ немъ признаютъ, обязанъ мнѣ, моимъ университетскимъ лекціямъ. Я пробудилъ въ немъ, какъ и въ другихъ, чистое и возвышенное стремленіе къ красотѣ и идеалу и далъ направленіе его литературной дѣятельности. Разумѣется, мнѣ пріятно было слушать это заявленіе такого даровитаго человѣка, какъ А. Н. Майковъ. Майковъ идетъ по пути, неодобряемому защитниками соціальныхъ тенденцій и натурализма, но даже и Орестъ Миллеръ принужденъ былъ признать высокое не тенденціозное достоинство пьесы. Тутъ-же А. Д. Градовскій, а съ нимъ А. Н. Майковъ и другіе напали на Ореста за его нападки на Карамзина и старались ему доказать, что онъ крайне неправъ и не долженъ былъ съ каѳедры относиться о немъ такъ неблагосклонно, какъ онъ это дѣлалъ въ недавнее время. Наканунѣ Миллеръ былъ у меня: я, хотя и мягче, говорилъ ему о томъ-же и то-же.

Надъ А. С. Суворинымъ смиловались. Его календарь не будетъ сожженъ и ему велѣли только перепечатать нехорошія страницы. Говорятъ, что Суворинъ дѣйствительно согрѣшилъ противъ цензуры и благоразумія, помѣстивъ въ календарѣ своемъ вещи, которыя непремѣнно должны были раздражить нѣкоторыя высокопоставленныя лица.

Надобно правду сказать, наше общество преисполнено безтолковости и хаотическихъ понятій. Многіе возстаютъ противъ крайностей высшей администраціи, сами впадая въ нестерпимыя крайности. И если-бы эта администрація и хотѣла приноровиться къ общественному мнѣнію, то она не нашла-бы его въ этихъ безконечно противорѣчащихъ толкахъ и требованіяхъ.

Коль скоро такъ называемымъ либераламъ удалось разрушить какой-нибудь деспотизмъ, такъ тотчасъ на мѣсто этого они ставятъ свой. Что-же выигрываетъ общество отъ этой перемѣны? Между тѣмъ, ломка одного, чтобы дать мѣсто другому, сама по себѣ есть великое зло.

Декабрь 1. Пятница. Умеръ В. В. Шнейдеръ, бывшій однимъ изъ лучшихъ профессоровъ въ здѣшнемъ университетѣ. Онъ преподавалъ „Римское право", былъ и моимъ наставникомъ и очень меня любилъ.

6. Среда. Былъ у меня Писемскій. Комедіи его не пропускаетъ цензура. Онъ объяснялся съ **, который объявилъ ему, что комедія можетъ пройти, если онъ спуститъ дѣйствующихъ лицъ пониже, т. е. директоровъ и товарищей министровъ оставитъ въ покоѣ. Онъ тоже объяснялся съ Лонгиновымъ, но тщетно. Когда Писемскій спросилъ у него: „какъ-же и о чемъ писать?" Тотъ отвѣчалъ ему: „лучше вовсе не писать". Авторъ обѣщалъ, однако, исправить свою пьесу, т. е. не ставить дѣйствующихъ лицъ въ разрядъ высшихъ чиновниковъ, а просто отдѣлаться общими характерами.

Ноября 30-го дано предостереженіе первое „Голосу" за двѣ статьи: одну изъ Ревеля—„О безобразіяхъ остзейскихъ нѣмцевъ", а другую изъ Одессы—„О безобразіяхъ евреевъ". Сказано, что „Голосъ" ссоритъ населенія имперіи.

Бранятъ не мѣры, а дурныя мѣры.

.....До чего были доведены умы въ 1840-хъ гг. видно изъ того, что насъ побили въ Севастополѣ. Много-ли отъ этого урока выиграла Россія? Говорятъ, что отъ этой встрепки мы прозрѣли. Правда, на минуту для того, чтобы, зѣвнувъ, потянувшись, снова погрузиться въ сонъ.

8. Пятница. (М. И.) Сухомлиновъ утвержденъ экстраординарнымъ академикомъ.

15. Пятница. Былъ у меня (Яковъ Михайловичъ) Невѣровъ, попечитель Закавказскаго округа. Онъ пріѣхалъ сюда просить

пощады отъ греческаго языка. Дѣло въ томъ, что Закавказскій край лишенъ почти вовсе лѣкарей и ветеринаровъ, отъ чего и людямъ и скоту приходится очень плохо: болѣзней у тѣхъ и у другихъ некому лѣчить. Нѣкоторыя мѣстности прямо обратились къ намѣстнику, великому князю, съ просьбою дать имъ лѣкарей. Но гдѣ ихъ взять, когда и во внутреннихъ губерніяхъ ихъ нѣтъ. Надобно приготовлять докторовъ въ университетахъ, куда безъ греческаго языка нѣтъ доступа, а желающихъ учиться по-гречески не имѣется: и великій князь и попечитель готовы-бы помочь горю, да Г—й не хочетъ. Онъ утверждаетъ, что ни за что не сдѣлаетъ изъятія въ пользу желающихъ посвятить себя медицинѣ; пусть и холера, и оспа, и скотскіе падежи разгуливаютъ по Россіи, лишь-бы греческій языкъ существовалъ. И вотъ Яковъ Михайловичъ Невѣровъ, кажется, и уѣдетъ, не добившись того, чтобы на стипендіи Закавказскаго края позволено было вступать молодымъ людямъ въ университеты по медицинскому факультету съ однимъ латинскимъ языкомъ безъ греческаго.

17. Воскресенье. Работаю надъ отчетомъ по II отдѣленію къ акту академіи. Приходится служить панихиду: мы въ нынѣшнемъ году не досчитываемся четырехъ, такъ называемыхъ, дѣятелей науки: Пекарскаго, Даля, Гильфердинга, Невоструева. Надобно говорить объ ихъ жизни и трудахъ.

27. Среда. Неусыпно работалъ надъ біографіями академическихъ покойниковъ, о которыхъ 29-го надобно говорить на актѣ, и не увѣренъ, что написалъ ихъ хорошо. Такъ, впрочемъ, со мною всегда бываетъ.

29. Пятница. Актъ въ академіи. Читалъ мои біографическіе очерки о Пекарскомъ, Далѣ, Гильфердингѣ и Невоструевѣ.

Вечеромъ были у меня А. Н. Майковъ, Я. М. Невѣровъ и Н. М. Благовѣщенскій съ женою. Послѣдній назначенъ ректоромъ въ Варшавскій университетъ на мѣсто Лавровскаго, который поссорился съ попечителемъ и, какъ говорятъ, велъ себя вообще высокомѣрно.

Общественный духъ нашъ проявляется тогда, когда нужно страдать отъ внѣшняго врага, хотя и тутъ не обходится безъ неурядицы и разныхъ скверныхъ продѣлокъ, вродѣ казнокрадства, хвастовства, ссоръ и пререканій другъ съ другомъ и пр. Но какъ скоро гроза затихнетъ, все опять приходитъ въ прежній порядокъ, т. е. безпорядокъ. Значитъ, мы—нація, въ этомъ

нѣтъ сомнѣнія? Но какая? Есть-ли у насъ залоги высокаго историческаго призванія? Это другой вопросъ.

Въ наукѣ, въ литературѣ, въ администраціи, въ судѣ у насъ попадаются личности, и даровитыя, и какъ будто одушевленныя интересами общественными. Но они дѣйствуютъ въ разсыпную, въ одиночку; каждый хочетъ поступать самъ по себѣ, отличиться и лелѣять свои собственныя цѣли. У насъ нѣтъ того, что называется принципами.

Общественное мнѣніе питается слухами и колышется со стороны въ сторону, какъ волна морская. Можетъ быть, этому виною и (обстоятельства), препятствующія полной гласности. Но, во всякомъ случаѣ, мы не въ состояніи выработать ни одной опредѣленной крѣпкой идеи.

.....Кто такіе наши либералы? Недоучившіеся или ничему основательному невыучившіеся мальчуганы, которые, зачерпнувъ нѣсколько глотковъ коммунизма, соціализма, демократизма или какого другаго изма изъ чужеземныхъ книгъ, мечутся какъ пьяные на все, что не согласно съ этими измами, и думаютъ, что они могутъ поворачивать общество куда имъ угодно. Они считаютъ себя и силою и властью. Ихъ берутъ подъ присмотръ полиціи. Вотъ ихъ теперь, какъ стадо барановъ, выгоняютъ на классическую пажить, полагая, что тамъ они наѣдятся хорошихъ идей. Будетъ-ли изъ этого толкъ—увидимъ современемъ, а теперь трудно повѣрить, чтобы изъ этого вышло то, чего хотятъ. Оно, можетъ быть, и вышло-бы, хоть не въ такой мѣрѣ, какъ полагаютъ зачинщики этого дѣла, да за него принялись слишкомъ неразсудительно, круто.

31. Воскресенье. Заѣзжалъ къ Я. М. Невѣрову: ему не удалось отстоять у министра народнаго просвѣщенія того, чтобы воспитанники учебнаго Закавказскаго края могли поступать на медицинскіе факультеты университетовъ безъ греческаго языка. Поводомъ къ этому ходатайству было совершенное неимѣніе лѣкарей и ветеринаровъ, отчего люди и скотъ гибнутъ страшно.

Вотъ и 1872-й годъ оканчивается. Чѣмъ-же онъ былъ для меня? Я существовалъ—и только. Внутренній мой міръ былъ полонъ тревогъ и обычнаго самонедовольства, которыя сдѣлались у меня хроническими. Особенно я очень часто занимался пересмотромъ и контролированіемъ моей прошедшей жизни, и

выходило всегда одно и то-же, что трудно представить себѣ человѣка, который-бы дѣлалъ болѣе глупостей и ошибокъ, чѣмъ я. Теперь я, какъ Марій на развалинахъ Карѳагена — на развалинахъ всего, что когда-то мною дѣлалось или имѣлось дѣлаться: впереди ничего, кромѣ окончательнаго уничтоженія. Если еще что-нибудь меня поддерживаетъ, такъ это живущій во мнѣ,—чтобы продолжить сравненіе,—духъ Марія, т. е. духъ, способный превозмочь судьбу и самого себя. Я безсиленъ во всемъ, силенъ только въ одномъ: въ какой-то странной необъяснимой вѣрѣ, что я не паду ни умственно, ни нравственно. И это среди непрерывныхъ колебаній и тревогъ моего внутренняго міра! Не есть-ли-же это нелѣпое противорѣчіе между нѣкотораго рода силою и безсиліемъ, мною сознаваемымъ? Правда, это противорѣчіе. Но тѣмъ не менѣе, это, говоря языкомъ нынѣшней науки, фактъ.

Прощай, 1872-й годъ.

А. В. Никитенко.

ѲЕДОРЪ МИХАЙЛОВИЧЪ ДОСТОЕВСКІЙ

въ воспоминаніяхъ типографскаго наборщика

въ 1872—1881 гг.

I.

Знакомство мое съ Ѳедоромъ Михайловичемъ Достоевскимъ началось со времени вступленія его въ редакторство „Гражданина", тогда еще еженедѣльнаго журнала, на которомъ я работалъ въ качествѣ метранпажа. О вступленіи Ѳедора Михайловича въ это редакторство издатель „Гражданина" оповѣстилъ читателей неожиданно и, для того времени, нѣсколько оригинально. Въ послѣднемъ номерѣ „Гражданина" за 1872 годъ, отъ 25-го декабря, обычное мѣсто передовой статьи, на 2-й страницѣ, явилось занятымъ слѣдующимъ лаконическимъ извѣщеніемъ, напечатаннымъ крупнымъ шрифтомъ во всю довольно объемистую страницу журнала: „Съ 1-го января 1873 года редакторомъ журнала „Гражданинъ" будетъ Ѳ. М. Достоевскій".

Рано полюбивъ родную литературу, еще въ отроческіе годы зналъ біографію Ѳ. М. Достоевскаго или, точнѣе сказать, страдальческую часть его біографіи, и читалъ нѣкоторыя главы его „Записокъ изъ Мертваго дома", печатавшіяся въ журналѣ „Время", котораго нѣкоторые номера случайно попадались въ мои руки; зналъ я также, что произведенія Ѳедора Михайловича вообще дѣлаютъ большую честь русской литературѣ и что онъ, во всякомъ случаѣ, писатель первоклассный, знаменитый; зналъ, что наши критики еще спорятъ объ этомъ, но у меня на этотъ счетъ уже было составлено

собственное убѣжденіе,—поэтому естественно, что, въ виду предстоявшаго личнаго знакомства съ Ѳедоромъ Михайловичемъ, интересъ къ нему во мнѣ возросъ до энтузіазма. Выполняя наборомъ вышеприведенное оригинальное извѣщеніе о немъ, я внутренно радовался тому, что скоро буду имѣть личныя сношенія съ однимъ изъ знаменитыхъ писателей, и съ нетерпѣніемъ сталъ ожидать появленія Ѳедора Михайловича въ типографію.

Ожидать пришлось недолго. Спустя всего нѣсколько дней по выходѣ послѣдняго номера „Гражданина" за 1872 годъ, Ѳедоръ Михайловичъ привезъ въ типографію свою рукопись для перваго номера 1873 года. Это была первая статья „Дневника Писателя", впослѣдствіи сформировавшагося въ самостоятельное періодическое изданіе, много способствовавшаго популярности своего знаменитаго автора. Меня вызвали изъ наборной въ контору, гдѣ хозяинъ типографіи [1]) и представилъ меня Ѳедору Михайловичу какъ метранпажа, а мнѣ назвалъ его имя; я сдѣлалъ легкій поклонъ Ѳ. М, на который онъ отвѣтилъ едва замѣтнымъ движеніемъ головы и въ тоже время, съ едва уловимымъ вниманіемъ, оглядѣлъ меня однимъ быстрымъ взглядомъ. Затѣмъ Ѳедоръ Михайловичъ приступилъ къ передачѣ мнѣ рукописи своего „Дневника".

Между прочимъ, какъ неоднократно и впослѣдствіи мнѣ приходилось наблюдать, Ѳедоръ Михайловичъ передъ незнакомыми ему людьми любилъ выказать себя бодрымъ, физически здоровымъ человѣкомъ, напрягая для этого звучность и выразительность своего голоса.

— „Хорошіе-ли у васъ наборщики?"—спросилъ меня Ѳ. М. такимъ искусственно напряженнымъ голосомъ, въ которомъ, однако, не трудно было замѣтить старческую надтреснутость. Съ этими словами онъ разложилъ передо мною на столѣ рукопись на почтовыхъ листкахъ малаго формата.—„Разберутъ-ли они мою рукопись-то?"

Я взглянулъ и увидѣлъ, что рукопись могли читать довольно свободно даже посредственные наборщики, не только хорошіе, ибо то былъ не чернякъ, а переписанное набѣло рукою Ѳедора Михайловича.

— Рукопись разборчивая, отвѣтилъ я,—наши наборщики свободно прочитаютъ ее.

— „Ну, то-то, разборчивая... смотрите! Вы всегда говорите, что разборчивая, а какъ наберете, такъ и не разберешь, что такое вышло,—безсмыслица какая-то!... Или наставите запятыхъ чуть не къ каждому слову. или совсѣмъ безъ запятыхъ... Вы имѣйте въ

---

[1]) А. И. Траншель, нынѣ уже покойный. **М. А.**

виду, что у меня ни одной лишней запятой нѣтъ, все необходимыя только; прошу не прибавлять и не убавлять ихъ у меня. Да, вотъ поймете-ли вы мои знаки... у меня тутъ есть одинъ знакъ... Посмотрите-ка".

Я перевернулъ нѣсколько листковъ и, не найдя ничего непонятнаго, не попросилъ никакихъ разъясненій, а сказалъ только, что безъ ошибокъ при наборѣ обойтись нельзя, особенно при спѣшной работѣ, но что для исправленія ошибокъ у насъ въ типографіи предварительно читается корректура, и только по исправленіи ея оттискъ съ набора посылается автору.

— „Вотъ то-то и плохо, что наборщики всегда надѣются на корректора... А у васъ хорошій корректоръ?... Кто у васъ корректоръ?"

Я указалъ Θедору Михайловичу на сидѣвшую тутъ-же за столомъ и читавшую какую-то корректуру В. В. Тимофѣеву, съ честью подвизающуюся на скучномъ корректорскомъ поприщѣ чуть-ли не по сіе время; хозяинъ отрекомендовалъ ее, какъ корректоршу хорошую, и Θедоръ Михайловичъ, позабывъ объяснить мнѣ свои знаки, перевелъ свои увѣщанія относительно исправленія корректуры на нее, прося, главнымъ образомъ, не испещрять его статей запятыми. Затѣмъ онъ освѣдомился у меня о составѣ номера „Гражданина", долженствовавшаго выйти въ свѣтъ уже за его подписью, сказалъ, что составлять номера будетъ, по прежнему, издатель, а ему, Достоевскому, мы должны будемъ присылать для подписи лишь корректуры сверстанныхъ листовъ, за исключеніемъ его и нѣкоторыхъ статей издателя, которыхъ, по его усмотрѣнію, понадобится присылать предварительно корректуры въ гранкахъ. Наконецъ, освѣдомившись о времени присылки ему корректуры его „Дневника", Θедоръ Михайловичъ ушелъ изъ типографіи.

При всемъ желаніи угодить знаменитому писателю и тѣмъ зарекомендовать себя передъ нимъ на первыхъ порахъ, мы набрали его статью совсѣмъ не такъ, какъ онъ желалъ. Произошло это оттого, что Θедоръ Михайловичъ, отвлекшись постоянно озабочивавшимъ его вопросомъ о корректорѣ, забылъ объяснить мнѣ одинъ свой условный знакъ, состоявшій въ томъ, что для болѣе отчетливаго обозначенія каждаго новаго періода рѣчи, начинающагося обыкновенно съ новой строки, Θ. М. ставилъ росчеркъ въ видѣ глаголя, т. е. буквы г, въ лежачемъ положеніи.

На основаніи принятыхъ понятій о корректурныхъ, а слѣдовательно и рукописныхъ знакахъ вообще, знакъ этотъ былъ понятъ всѣми нами совершенно въ обратномъ смыслѣ, т. е. былъ сочтенъ за знакъ соединенія періодовъ рѣчи или, иначе сказать, за знакъ

уничтоженія новыхъ строкъ —абзатцевъ, по типографской терминологіи. Такъ какъ знаки эти стояли у каждаго новаго періода, то вся первая глава, вслѣдствіе обратнаго толкованія знака, очутилась въ наборѣ состоящею изъ одного длиннаго періода. И мнѣ и корректоршѣ нашей это обстоятельство показалось нѣсколько страннымъ, однако-жъ, смыслъ знака для всѣхъ насъ былъ такъ ясенъ, что мы не посмѣли умничать надъ текстомъ столь опытнаго писателя, и въ такомъ видѣ послали ему оттискъ на корректуру.

Обратно корректуру эту Өедоръ Михайловичъ привезъ въ типографію самъ.

— „Вотъ, вы говорили мнѣ, что у васъ наборщики хорошіе", заговорилъ Өедоръ Михайловичъ, обращаясь ко мнѣ, тономъ, какъ мнѣ показалось, болѣе мягкимъ, чѣмъ въ первый его пріѣздъ въ типографію.—„Какъ вы мою статью-то набрали, на что похоже?.. Вѣдь совсѣмъ никуда не годится, надо все снова набирать!.. Смотрите, продолжалъ онъ, разложивъ привезенную корректуру на столѣ. Тамъ, гдѣ у меня были поставлены знаки, что текстъ долженъ начинаться съ новой строки, вы все слили вмѣстѣ и набрали сплошь... Ну, что вы теперь съ этимъ будете дѣлать? Вѣдь этого, я думаю, поправить нельзя, придется набирать все снова?"

Я объяснилъ Ө. М. причину недоразумѣнія.

— „Я тридцать лѣтъ пишу такъ, и въ типографіяхъ, гдѣ я печаталъ свои сочиненія, всегда понимали мои знаки какъ надо... У васъ, стало быть, совсѣмъ по другому, такъ вы скажите мнѣ, какой у васъ принято ставить знакъ въ такихъ случаяхъ, тогда я, ужъ дѣлать нечего, буду дѣлать знаки по вашему".

На это я возразилъ, что знаки у насъ въ типографіи общепринятые, а если данный знакъ понимали гдѣ-нибудь иначе, чѣмъ у насъ, то это дѣлалось условно, что легко достижимо и у насъ, такъ какъ съ этого раза и мы будемъ понимать его знаки какъ надо, и что поэтому ему совсѣмъ ненужно измѣнять своей привычки въ писаніи оригинала для нашей типографіи.

— „Вотъ то-то и есть! Вѣдь я говорилъ вамъ, что къ моей рукописи примѣниться надо, а вы говорили, что она разборчивая, ну, вотъ вамъ и разборчивая! Исправляйте теперь какъ знаете!"

Я обнадежилъ Өедора Михайловича въ томъ, что знаки его мы теперь понимаемъ и что корректура будетъ исправлена тщательно. Онъ, наконецъ, успокоился и уѣхалъ. Точнымъ исполненіемъ обѣщанія на этотъ разъ я внушилъ Өедору Михайловичу довѣріе къ себѣ и на послѣдующее время.

Позднѣе, когда я припомнилъ Өедору Михайловичу разсказан-

ный случай, онъ признался мнѣ, что и въ другихъ типографіяхъ, на первыхъ порахъ, не понимали его знака новой строки, изъ-за чего корректура перваго набора всегда почти бывала огромная.

Со вступленіемъ въ редакторство „Гражданина" Өедора Михайловича, я ожидалъ для себя, какъ метранпажа этого журнала, усложненій въ производствѣ дѣла, увеличивавшихся еще тѣмъ обстоятельствомъ, что новый редакторъ жилъ далеко отъ типографіи [1]) (Өедоръ Михайловичъ жилъ тогда въ Измайловскомъ полку), а я предвидѣлъ, что развѣ лишь немногія статьи обойдутся одною редакторскою корректурою, посылаемою для подписи, большинство-же изъ нихъ, прежде чѣмъ быть подписанными, пропутешествуютъ не одинъ разъ изъ типографіи къ редактору и обратно, да иной разъ занутъ и къ издателю, такъ какъ большинство-то статей „Гражданина" принадлежало перу его издателя. Ожиданія эти оправдались повертомъ, но въ первое время дѣло шло очень гладко: на корректуру редактору набранныя статьи, по прежнему, посылались въ сверстанномъ уже видѣ, просматривалъ онъ эту корректуру скоро, маралъ въ ней очень мало и подписывалъ ее къ печати въ тотъ-же разъ, то есть довольствовался одною корректурою, чего впослѣдствіи рѣдко бывало достаточно... Затѣмъ дѣло скоро начало усложняться: Өедоръ Михайловичъ немногое подписывалъ съ одной корректуры; чаще и чаще онъ сталъ бывать въ типографіи, то для того, чтобы сказать мнѣ что̀ и что̀ прислать ему на предварительную корректуру въ гранкахъ, то для того, чтобы, за неимѣніемъ времени для пересылокъ, прочесть корректуру тамъ-же. Недѣли черезъ двѣ Өедоръ Михайловичъ переѣхалъ поближе, на уголъ Лиговки и Гусева переулка, въ домъ №№ 21—8, послѣ чего экскурсіи его въ типографію участились; кромѣ того, и я сталъ довольно часто бывать у него для улаживанія различныхъ затрудненій, возникавшихъ при составленіи номеровъ журнала.

[1]) Типографія А. И. Траншеля, гдѣ печатался тогда „Гражданинъ", находилась на углу Невскаго проспекта и Владимірской ул., въ помѣщеніи, занимаемомъ нынѣ ресторанομъ Палкина. М. А.

II.

Первое впечатлѣніе, произведенное на меня Өедоромъ Михайловичемъ, было похоже на тѣ впечатлѣнія, какія онъ первоначально производилъ на большинство людей, имѣвшихъ съ нимъ дѣло впервые, и при какихъ оставались тѣ изъ этихъ людей, которымъ не пришлось сойтись съ Өедоромъ Михайловичемъ покороче... Съ перваго взгляда онъ мнѣ показался суровымъ и совсѣмъ не интеллигентнымъ человѣкомъ всѣмъ хорошо знакомаго типа, а скорѣе человѣкомъ простымъ и грубоватымъ; но такъ какъ я зналъ, что вижу передъ собой интеллигента, и притомъ интеллигента высокой степени, то меня прежде всего поразила чисто-народная русская типичность его наружности, причемъ маленькія руки его, хотя, разумѣется, и чистыя и мягкія, но съ уродливыми ногтями на нѣкоторыхъ пальцахъ, представлявшими собою слѣды грубаго, тяжелаго труда, еще болѣе усиливали послѣднее впечатлѣніе, а голосъ и манера говорить довершали его... При всемъ этомъ, одѣтый въ легкую выхухолевую шубку, худощавый, съ впавшими глазами, съ длинной и рѣдкою русо-рыжеватою бородою и такими-же волосами на головѣ—Өедоръ Михайловичъ напоминалъ своею фигурою умнаго, дѣятельнаго промышленника-купца, но такого, однако-жъ, купца, который походилъ на думнаго боярина временъ до-петровской Руси, какъ ихъ пишутъ наши художники на историческихъ картинахъ; это послѣднее сходство въ наружности Өедора Михайловича тотчасъ-же смягчило во мнѣ впечатлѣніе о грубоватости. Впослѣдствіи, изъ долгихъ сношеній сь Өедоромъ Михайловичемъ, я составилъ себѣ опредѣленное понятіе объ обращеніи его: оно было твердое, и потому казалось грубоватымъ; нерѣдко оно бывало нетерпѣливымъ и потому какъ-бы брезгливымъ, что случалось подъ вліяніемъ нервнаго разстройства—послѣдствія пережитыхъ тяжкихъ испытаній, напряженнаго умственнаго труда по ночамъ и страшной болѣзни его—эпилепсіи.

Между прочимъ, подъ вліяніемъ первыхъ впечатлѣній, я находилъ, что Өедоръ Михайловичъ былъ человѣкъ мнительный, недовѣрчивый. Такъ, напримѣръ, я замѣтилъ, что онъ, говоря со мною, пытливо смотрѣлъ мнѣ прямо въ глаза или вообще въ физіономію и, нисколько не стѣсняясь встрѣчныхъ взглядовъ, не спѣшилъ отрывать своего взгляда или переводить его на что-либо другое; становилось неловко подъ вліяніемъ этого спокойно-пытли-

ваго взгляда. Впослѣдствіи, когда Ѳедоръ Михайловичъ узналъ меня короче, онъ уже не употреблялъ этого пріема въ разговорѣ со мною, и хотя, по прежнему, смотрѣлъ прямо въ лицо, но это уже былъ взглядъ просто спокойный, а отнюдь не испытующій.

Изъ только-что приведеннаго личнаго опыта и изъ послѣдующихъ неоднократныхъ наблюденій надъ этою характерною чертою Ѳедора Михайловича я составилъ себѣ слѣдующее заключеніе. Онъ былъ недовѣрчивъ къ людямъ мало извѣстнымъ ему вообще... Гдѣ-то, въ своихъ сочиненіяхъ, онъ самъ признается, что очень неохотно заводитъ сношенія съ незнакомыми ему людьми, предвидя неизбѣжныя въ будущемъ, можетъ быть очень даже близкомъ будущемъ, столкновенія съ этими самыми людьми, съ которыми только-что начинаешь знакомиться... Въ отношеніи-же къ неизвѣстнымъ ему простолюдинамъ онъ былъ недовѣрчивъ въ особенности. Насчетъ послѣдняго обстоятельства, на основаніи слышанныхъ отзывовъ и моихъ личныхъ наблюденій, я составилъ себѣ слѣдующее объясненіе. Вступая въ сношеніе съ незнакомымъ простолюдиномъ, будучи самъ извѣстнымъ ему, Ѳедоръ Михайловичъ могъ разсчитывать, что простолюдинъ этотъ знаетъ поверхностно исторію его ссылки, то-есть знаетъ, напримѣръ, что Ѳедоръ Михайловичъ былъ въ каторгѣ, но не знаетъ или, что одно и то-же, не понимаетъ какъ слѣдуетъ за что̀ онъ былъ въ каторгѣ, и потому, чего добраго, благодаря своей невѣжественности, такъ вотъ и смотритъ на него, какъ на бывшаго каторжника, и, сообразно этому своему взгляду, пожалуй, и относиться къ нему станемъ какъ къ таковому. Въ виду этого Ѳедоръ Михайловичъ считалъ нужнымъ быть строго-серьезнымъ въ обращеніи съ субъектами, образъ мыслей которыхъ былъ ему совершенно неизвѣстенъ, и только уже потомъ, вполнѣ убѣдившись въ отсутствіи грубаго предубѣжденія къ себѣ, начиналъ относиться къ изслѣдованному такимъ образомъ субъекту съ довѣріемъ, степени котораго бывали, однако-жъ, различны. Ко мнѣ, напримѣръ, впослѣдствіи, онъ относился съ полнымъ довѣріемъ потому, что не имѣлъ поводовъ сомнѣваться въ искренности моего уваженія къ нему, и обращался со мною какъ равный съ равнымъ, т. е. попросту, потому что не рисковалъ наткнуться на неожиданную грубость или даже дерзость, какъ это нерѣдко бываетъ въ сношеніяхъ дѣловыхъ, какими по преимуществу были мои сношенія съ Ѳедоромъ Михайловичемъ; тогда какъ съ другими, тоже нужными ему, лицами въ типографіи обращеніе Ѳедора Михайловича было всегда строго-сдержаннымъ, а какихъ-либо отношеній къ нимъ, напримѣръ денежныхъ счетовъ по изданіямъ, даже совсѣмъ избѣгалъ, имѣя возможность поручать эти дѣла своей супругѣ.

Вѣрно-ли это объясненіе данной черты характера Ѳедора Михайловича — предоставляю рѣшить лицамъ, лучше меня знавшимъ этого знаменитаго, но нѣкогда униженнаго и оскорбленнаго человѣка,—повторяю, что объясненіе это — мое собственное, и держалось оно во мнѣ постоянно, подтверждаемое, какъ я уже сказалъ. наблюденіями при случаяхъ и постепеннымъ измѣненіемъ къ лучшему отношеній Ѳедора Михайловича ко мнѣ лично.

III.

Насколько чутокъ и какъ постоянно былъ насторожѣ Ѳедоръ Михайловичъ въ охранѣ не только своей личности, но даже своего чувства отъ малѣйшихъ оскорбленій, можетъ иллюстрировать нижеслѣдующій маленькій анекдотъ изъ моихъ съ нимъ дѣловыхъ сношеній, имѣвшій мѣсто спустя почти годъ отъ начала нашего знакомства, стало быть, когда довѣріе его ко мнѣ было давно упрочено

Ѳедоръ Михайловичъ какъ-то разъ, наканунѣ выпуска номера въ свѣтъ, пришелъ въ типографію позже обыкновеннаго: корректура давно ожидала его; корректорша, я и дежурные наборщики скучали отъ бездѣйствія, не имѣя права уйти изъ типографіи, такъ какъ дѣло наше было еще невполнѣ окончено. Принимаясь за чтеніе корректуры, Ѳедоръ Михайловичъ попросилъ меня набрать принесенный имъ небольшой клочекъ текста, заключавшій въ себѣ какое-то иностранное извѣстіе Въ то время онъ самъ велъ иностранный отдѣлъ въ журналѣ подъ рубрикою „Иностранныя событія", поэтому, зная хорошо содержимое отдѣла, тотчасъ-же указалъ и мѣсто въ сверстанномъ листѣ, гдѣ требовалось вставить данное извѣстіе. Набрать клочекъ можно было очень скоро, но чтобы помѣстить его въ указанномъ мѣстѣ надо было переверстать цѣлый листъ (8 страницъ по 2 столбца въ страницѣ), чтобы вмѣстить посредствомъ такъ называемаго сжатія набора, такъ какъ Ѳедоръ Михайловичъ не находилъ ничего такого въ текстѣ, что не жалко было-бы выбросить намѣсто вставки. Извѣстіе, о которомъ шла рѣчь, было ничтожно по своему значенію и отличалось только новизною; очевидно было, что Ѳедору Михайловичу хотѣлось только придать имъ свѣжести завтрашнему номеру. Между тѣмъ, принимая во вниманіе, что послѣ переверстки должна слѣдовать опять корректура для провѣрки произведенной переверстки, я предвидѣлъ затяжку дѣла въ долгую, какъ говорится, очень спѣшить и все-таки съ рискомъ опоздать выпускомъ номера

газеты. Я поставилъ Θедору Михайловичу на видъ свои соображенія съ цѣлью склонить его или на отмѣну вставки, или на облегченіе ея посредствомъ вымарки соотвѣтственной величины.

— „Оно, конечно, можно-бы обойтись и безъ вставки,—извѣстіе не важно,—но все-таки лучше было-бы для журнала помѣстить его, чтобы хоть что-нибудь свѣжее было, а то вѣдь у насъ ничего новаго нѣтъ“, отвѣтилъ мнѣ Θедоръ Михайловичъ.

— „Извините мнѣ, Θедоръ Михайловичъ, возразилъ я, но вѣдь всѣхъ новостей вы все-таки не помѣстите, множество ихъ все-таки останется не помѣщеннымъ, такъ велика-ли важность, если однимъ извѣстіемъ будетъ у насъ больше или меньше, а аккуратный выходъ номера для журнала очень важенъ... Если вы требуете этого, то, конечно, я обязанъ исполнить ваше требованіе, но если можно обойтись безъ усложненія дѣла, то я прошу васъ, Θедоръ Михайловичъ, обойтись“.

Θедоръ Михайловичъ отмѣнилъ тогда вставку, и вообще въ тотъ разъ, вопреки своему обыкновенію, скоро отчиталъ корректуры и ушелъ изъ типографіи, сухо попрощавшись со мною. По уходѣ его, В. В. Тимофѣева, сидѣвшая съ нимъ за однимъ столомъ въ корректорской комнатѣ, разсказала мнѣ, что когда я, послѣ вышеописаннаго разговора, вышелъ изъ корректорской въ наборную, Θедоръ Михайловичъ обратился къ ней и сказалъ:

— „А какой онъ, однако-жъ, ядовитый этотъ господинъ Александровъ; какъ онъ это зло сказалъ сейчасъ про то, что что-нибудь да останется... Я совсѣмъ не предполагалъ въ немъ ничего такого!“

IV.

Въ первые дни 1873 года, находясь еще подъ вліяніемъ перваго впечатлѣнія, произведеннаго на меня манерою обращенія Θедора Михайловича, меня не мало безпокоила его привычка объясняться всегда лично, а не путемъ записокъ, что̀ иногда было-бы удобнѣе для насъ обоихъ. Бывало, пріѣдетъ въ типографію, когда меня тамъ нѣтъ, и волнуется, волнуется въ ожиданіи меня, чтобы переговорить о дѣлѣ лично, вмѣсто того, чтобы сѣсть, да написать мнѣ о томъ, что ему надо... Великій писатель не любилъ изъясняться посредствомъ писемъ или записокъ, считалъ писаніе ихъ вообще дѣломъ труднымъ и не однажды признавался въ этомъ не только многимъ знавшимъ его, а въ томъ числѣ и мнѣ, но даже печатно, въ своихъ сочиненіяхъ.

Но какъ-бы то ни было, а безъ записокъ и даже писемъ дѣло, разумѣется, не обходилось; Ѳедору Михайловичу пришлось-таки писать ихъ ко мнѣ, особенно послѣ того, какъ онъ убѣдился, что я ихъ понимаю и толково исполняю по нимъ. Всѣ его записки ко мнѣ я сохранилъ, начиная съ первой, такъ что собраніе ихъ, числомъ свыше шестидесяти, представляетъ теперь для меня вдвойнѣ драгоцѣнное собраніе автографовъ знаменитаго писателя въ памятникахъ личныхъ отношеній его ко мнѣ, и я не могу отказать себѣ въ удовольствіи привести здѣсь нѣкоторыя изъ нихъ, такъ какъ онѣ, между прочимъ, характеризуютъ знаменитаго автора съ такой стороны, съ которой онъ наименѣе извѣстенъ читающему міру, а именно со стороны его обращенія и вообще отношеній — знаменитаго писателя къ человѣку простому и совсѣмъ уже маленькому, что, главнымъ образомъ, имѣетъ въ виду и все мое настоящее повѣствованіе.

Вотъ первая записка Ѳ. М. ко мнѣ, писанная въ началѣ января 1873 г. и посланная изъ типографіи ко мнѣ на квартиру:

„Г. Александровъ, прошу васъ, потрудитесь сейчасъ-же придти на минутку въ типографію. Я и секретарь редакціи [1]) васъ дожидаемся. Безъ васъ нельзя рѣшить.

Редакторъ Ѳ. Достоевскій“.

„Суббота $3^{1}/_{2}$ ч. пополудни“.

Вторая записка въ томъ-же тонѣ:

„Г. Метранпажу.

„Прошу васъ прислать сейчасъ наборъ [2]) (и оригиналъ) моей статьи (Дневникъ Писателя). Увѣдомляю тоже, что окончанія не будетъ и что статью надо вынуть [3]). Если это можетъ произвести затрудненія, то прошу немедленно придти въ редакцію лично для переговору. Достоевскій“.

Спустя нѣсколько мѣсяцевъ, тонъ записокъ становится нѣсколько мягче, напримѣръ:

„Люб. Александровъ,

„Въ моей статьѣ вышло 650 строкъ или даже немного болѣе, сократить не могу. Прилагаю письмо къ N и прошу его, чтобы

---

[1]) В. Ѳ. Пуцыковичъ, впослѣдствіи, послѣ Ѳ. М., редакторъ, а затѣмъ, съ 1877 г., собственникъ „Гражданина“.

[2]) Т. е. оттискъ съ набора.

[3]) Т. е. исключить изъ номера журнала, въ составъ котораго она должна была войти по предварительному разсчету. **М. А.**

сократилъ свое „Петерб. Обозрѣніе" на 150 строкъ. Письмо поручаю вамъ и прошу васъ доставить ему немедленно и, если можно, лично.

„Въ послѣдней страничкѣ [1]) я отчеркнулъ 2 анекдота (24 строки). Это значитъ ихъ выбросить. Если пойдете къ N—сообщите ему. Я тоже и объ этомъ ему писалъ.

„Теперь $^1/_4$ 8-го утра. Буду спать до 2-хъ часовъ. Сверстку подпишу мигомъ, но раньше 2-хъ не приносите.

„Доставьте-же письмо. Вашъ Достоевскій".

Еще нѣсколько мѣсяцевъ спустя:

„Люб. Александровъ, вмѣсто 250 строкъ, я написалъ, кажется, до 500. Уменьшить ничего не могу. Какъ-же быть? Непремѣнно надо найти мѣсто и рѣшить поскорѣе. Выбросить статью всегда можно, но можно-ли при этомъ сохранить и прежнее расположеніе, вынувъ, напримѣръ, „Желѣзныя дороги?"

„Если-же нельзя, т. е.: „Еженед. хроника", „Иностранныя событія", „Петербургское обозрѣніе" и т. д., то нельзя-ли мою или П. статью пустить въ другомъ мѣстѣ?

„Однимъ словомъ, поймите, что я непремѣнно долженъ васъ видѣть. Пріѣзжайте на извозчикѣ, я заплачу. Какъ хотите, нельзя иначе. Вашъ Достоевскій".

„15-го сентября".

Спустя годъ, въ январѣ 1874 года, онъ писалъ мнѣ:

„Любезнѣйшій Михаилъ Александровичъ, я корректуру „Сельскихъ школъ" отсмотрѣлъ, но если есть хоть какая-нибудь возможность выбросить эту статью теперь, то выбросьте. Избавьте меня отъ нея. N. отдалъ не читая самъ, я знаю. Завтра (въ пятницу) вы ужъ, конечно, получите что-нибудь отъ N., да и самъ онъ, можетъ быть, пріѣдетъ [2]). Тогда набирайте его романъ вмѣсто этой статьи, или посылаю вамъ на всякій случай „Корреспонденцію изъ Корфу" (если будетъ еще время набрать). Хотя эта „Корреспонденція изъ Корфу" вовсе не хороша, но все-таки въ 100 разъ лучше „Сельскихъ школъ". Я, впрочемъ, желалъ-бы не набирать Корфу. Въ самомъ крайнемъ случаѣ можно было-бы пустить „Сердечный методъ", если онъ не разобранъ, но только въ самомъ крайнемъ случаѣ. Но если ужъ никакъ нельзя, то пустите „Сельскія школы", только я буду боленъ отъ этого [3]). Достоевскій".

---

[1]) Такъ назывался одинъ изъ отдѣловъ „Гражданина".

[2]) Въ Петербургъ, изъ Твери.

[3]) Я исполнилъ желаніе Ѳедора Михайловича, не помѣстивъ тогда въ номеръ досаждавшую ему статью о сельскихъ школахъ, которая такъ послѣ того и не была напечатана въ „Гражданинѣ". М. А.

Еще позднѣе, во время изданія „Дневника Писателя", т. е. въ 1876 и 1877 годахъ, тонъ писемъ и записокъ перешелъ почти въ дружескій. Изъ этой поры, наиболѣе обильной письмами, приведу здѣсь на выдержку три письма, не требующихъ особыхъ поясненій и разнящихся по привѣтственнымъ обращеніямъ. Всѣ три письма писаны въ 1876 году.

Вотъ записка съ городской квартиры:

„28-го апрѣля, 6 часовъ утра".

„Многоуважаемый Михаилъ Александровичъ, вотъ вамъ подписанная корректура перваго листа и окончательный текстъ: „За умершаго", 3½ полъ-листка, 7 страницъ. Больше ничего не будетъ. Замѣтьте, что это моя рука, т. е. вмѣсто 7 выйдетъ навѣрное 9 страницъ прежняго письма [1]). Теперь вопросъ: какъ вы справитесь (т. е. не съ печатаньемъ: все доставлено во время и я не опоздалъ), а съ числомъ листовъ? Ясное дѣло, что болѣе 1-го листа и ¾-й; пусть будетъ два листа, но какъ вы ихъ размѣстите, не останется-ли пустой страницы? Объ этомъ обо всемъ очень желалъ-бы поговорить лично, но до сихъ поръ я васъ не могъ застать, а въ понедѣльникъ у васъ было заперто. Я сидѣлъ всю ночь и проснусь развѣ въ третьемъ часу пополудни. Къ 5-ти буду въ типографіи. Но если надо быть раньше, дайте знать, и если надо меня разбудить, то пусть разбудятъ. На письмахъ ужасно тяжело объясняться. Вашъ Ѳ. Достоевскій".

Письмо изъ Старой Руссы отъ 21-го іюня 1876 г.:

„Старая Русса, 21-го іюня, понедѣльникъ.

„Почтеннѣйшій Михаилъ Александровичъ, посылаю вамъ текстъ 1-й главы іюньскаго „Дневника писателя" для набора. Десять полъ-листковъ, значитъ не болѣе или немного болѣе полъ-листа. Всего-же въ іюньскомъ № будетъ полтора листа и никакъ не болѣе. Велите набрать и пошлите къ цензору, но особенно прошу и умоляю продержать тщательнѣе корректуру (........... между нами сказать ....). Самъ я буду въ Петербургѣ не раньше 28-го іюня (но 28-го навѣрно). Но до того времени постараюсь хоть что-нибудь выслать, хоть еще полъ-листа. Боюсь, что письмо это какъ-нибудь заблудится и долго не дойдетъ до васъ. Печатать будемъ въ 6000-хъ экземплярахъ по прежнему. Адресъ мой здѣсь (на всякій случай): Въ Старую Руссу, Новгородской губерніи, Ѳ. М. Достоевскому. До свиданія-же, жму вамъ руку. Вашъ Ѳ. Достоевскій".

[1]) Писаннаго подъ диктовку Ѳ. М—ча А. Г. Достоевскою.

Оттуда-же черезъ два мѣсяца:

„Любезнѣйшій и многоуважаемый Михаилъ Александровичъ, вотъ вамъ начало третьей главы (іюль—августовскаго №). Набирайте. Но корректуру ужъ не присылайте, такъ какъ намѣреваюсь отсюда выѣхать въ Петербургъ 26-го (стало быть, могу 27-го уже быть въ типографіи). Но еще до пріѣзда моего надѣюсь опять что-нибудь выслать.

„NB. Мы написали Печаткину, чтобъ въ типографію было доставлено 38 стопъ бумаги, но сомнѣваемся въ томъ, что поставили плохой адресъ, такъ что письмо къ Печаткину могло и не дойти. Итакъ, если вы, въ типографіи, еще не получили бумагу и не получите до понедѣльника, то пошлите въ понедѣльникъ къ Печаткину, напомнить тамъ и объяснить.

„Опять-таки насчетъ цензора... Впрочемъ, къ тому времени я самъ буду. Вся бѣда въ томъ, успѣемъ-ли справиться, а я здѣсь все нездоровъ. До свиданія, жму вашу руку. Вашъ Ѳ. Достоевскій“.

„21-го августа, суббота“.

Параллельно измѣненію тона писемъ и записокъ, соотвѣтственно измѣнялся и тонъ личнаго обращенія Ѳедора Михайловича со мною.

V.

И однако-жъ, несмотря на казавшуюся грубоватость Ѳедора Михайловича, я, на самыхъ еще первыхъ порахъ, подмѣтилъ въ немъ нѣчто такое, что мнѣ тогда-же внушило смѣлость обратиться къ нему съ просьбою; просьба была, конечно, о предметѣ мало-значущемъ, но для меня все-же это била просьба, подобной которой я и до, и послѣ того весьма и весьма рѣдко дозволялъ себѣ въ отношеніяхъ съ лицами, которымъ мнѣ приходилось оказывать нѣкоторыя услуги въ области моей скромной профессіи.

Въ то время самымъ новымъ изъ крупныхъ произведеній Ѳедора Михайловича былъ романъ „Бѣсы“, незадолго предъ тѣмъ вышедшій въ свѣтъ отдѣльнымъ изданіемъ и еще волновавшій русскій читающій міръ. Мнѣ очень хотѣлось прочесть этотъ романъ, который, какъ мнѣ было извѣстно, очень бранили всѣ именовавшіе себя тогда русскими либералами. Объемистое изданіе стоило 3 р. 50 к.—цѣна недоступная для меня, — и вотъ я рѣшился попросить сердитаго, какъ у насъ въ типографіи называли,

Ѳедора Михайловича, дать мнѣ романъ этотъ для прочтенія, не находя все-таки приличнымъ просить книгу въ подарокъ, по недавности нашего вполнѣ случайнаго знакомства. Выслушавъ мою просьбу, Ѳедоръ Михайловичъ вполнѣ просто и естественно, т. е. не перемѣняя интонаціи голоса, сказалъ мнѣ:

— „Въ редакціи „Гражданина“ есть „Бѣсы“... вѣдь вы бываете въ редакціи?„ [1]).

— Бываю, Ѳедоръ Михайловичъ, и даже часто, отвѣтилъ я.

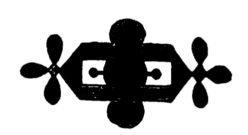
— „Ну, такъ вотъ, тамъ и возьмите себѣ экземпляръ; скажите, что я вамъ велѣлъ. Возьмите себѣ совсѣмъ,—я вамъ дарю его“.

Я поблагодарилъ Ѳедора Михайловича и спросилъ, не дастъ-ли онъ записки для полученія книги.

— „На что записку? возразилъ онъ. Вѣдь васъ знаютъ въ редакціи, если вы тамъ часто бываете. Спросите моимъ именемъ; а я когда буду въ редакціи, скажу тамъ, что велѣлъ вамъ взять себѣ экземпляръ“.

Я опять поблагодарилъ его. Я зналъ, что въ конторѣ редакціи „Гражданина“ „Бѣсы“ имѣлись для продажи подписчикамъ этого журнала по пониженной цѣнѣ, и въ тотъ-же день получилъ книгу безпрепятственно.

Такимъ образомъ, я, на первыхъ порахъ знакомства, получилъ уже отъ Ѳедора Михайловича подарокъ. Впослѣдствіи, когда у него выходило въ свѣтъ новое изданіе какого-либо изъ его сочиненій, мнѣ уже не приходилось просить: Ѳедоръ Михайловичъ самъ дарилъ мнѣ по экземпляру каждаго изъ нихъ, снабжая ихъ при этомъ своими автографами.



---

[1]) „Редакція“, т. е. внѣшніе, видимые аттрибуты, а въ томъ числѣ и вывѣска редакціи журнала „Гражданинъ“ во время редакторства Ѳ. М. Достоевскаго помѣщались сначала въ квартирѣ издателя, а потомъ въ квартирѣ секретеря редакціи, В. Ѳ. Пуцыковича. **М. А.**

VI.

Между тѣмъ, Ѳедоръ Михайловичъ съ усиливавшимся упорствомъ преслѣдовалъ принятое имъ на себя трудное дѣло приведенія „Гражданина“ къ общепринятымъ литературнымъ формамъ, которыя этотъ журналъ до него игнорировалъ,—и въ этой нивеллировкѣ я принималъ косвенно, конечно, и невольно, но тѣмъ не менѣе дѣятельное участіе. Но чтобы быть понятымъ, я долженъ, хотя вкратцѣ, очертить положеніе дѣла.

Въ первые годы своего существованія „Гражданинъ“ отличался отъ прочихъ своихъ собратій—періодическихъ изданій—гораздо бо́льшими, чѣмъ впослѣдствіи и теперь, претензіями на оригинальность и эксцентричность. Особенностей у него было много, но перечислять ихъ всѣ было-бы здѣсь неумѣстно, поэтому я упомяну лишь о тѣхъ изъ нихъ, которыя имѣютъ отношеніе къ настоящему моему повѣствованію.

Одною изъ главныхъ его особенностей, неудобныхъ для типографіи вообще, а для метранпажа въ особенности, было отсутствіе необходимой для періодическаго изданія стройности въ организаціи веденія дѣла; по разъ заведенному порядку никогда почти въ немъ ничего не дѣлалось; сначала это происходило отъ того, что издатель не желалъ стѣснять себя какими-бы то ни было правилами, а потомъ отъ того, что у журнала очутилось двое хозяевъ или, вѣрнѣе, ни одного хозяина, при двухъ распорядителяхъ-редакторахъ — неофиціальномъ, N. N., и офиціальномъ, Ѳ. М. Достоевскомъ, у которыхъ хотя и была одна и та-же задача, но каждый употреблялъ для ея разрѣшенія различныя средства, вслѣдствіе чего соглашеніе между ними достигалось съ большимъ трудомъ. Вотъ эта-то трудность соглашенія руководителей журнала естественнымъ путемъ отражалась, между прочимъ, и на типографской части дѣла, главнымъ органомъ которой въ данномъ случаѣ являлся метранпажъ, руководитель наборщиковъ.

Главною моею заботою каждую недѣлю было добиться во-время составленія номера, — и сколько, бывало, надо мнѣ было около нихъ обоихъ походить, чтобы добиться этого составленія номера!.. Имѣется, напримѣръ, между прочимъ матеріаломъ, данная статья: одинъ одобряетъ ее, другой бракуетъ! И какъ, бывало, ни удачно скомпануешь номеръ, благодаря бѣготнѣ отъ одного къ другому, отъ другаго къ первому, на предварительномъ реестрѣ, а при выполненіи этого реестра непремѣнно случится какое-нибудь замѣ-

пятельство: то которая-нибудь изъ предположенныхъ статей не явится вовсе, то та или иная изъ нихъ явится длиннѣе или короче предположеннаго; въ результатѣ опять бѣготня и исканіе соглашенія редакторовъ, а въ концѣ концовъ несвоевременная и потому спѣшная, безпорядочная работа.

Вспоминая теперь объ этихъ перипетіяхъ, мнѣ припомнилось одно маленькое словцо Ѳедора Михайловича о „Гражданинѣ" которое кстати и приведу здѣсь.

Однажды, какъ-то послѣ длиннаго совѣщанія о составѣ текущаго номера, у меня невольно вырвалось нижеслѣдующее замѣчаніе:

— Вѣдь вотъ, этотъ „Гражданинъ", говорилъ я,—самъ по себѣ журналъ небольшой, а вѣдь сколько съ нимъ возни и хлопотъ у насъ бываетъ!... Иной разъ такъ просто досада беретъ на него!

— „Не великъ, да удалъ!" отвѣтилъ на это Ѳедоръ Михайловичъ, и засмѣялся.

Приближалось лѣто.

Въ первый годъ своего изданія „Гражданинъ" въ лѣтніе мѣсяцы не выходилъ еженедѣльными выпусками; вмѣсто нихъ, выдано было подписчикамъ двѣ книги сборниковъ статей, особо для того составленныхъ и напечатанныхъ и озаглавленныхъ также „Гражданиномъ"; такой способъ удовлетворенія нѣкоторыхъ исключительныхъ читателей „Гражданина" былъ, конечно, очень удобенъ для его редакціи, но у него были и обыкновенные подписчики, которымъ способъ этотъ не понравился; поэтому редакціею было рѣшено, со втораго года, и лѣтомъ выпускать еженедѣльные номера, въ нѣсколько уменьшенномъ объемѣ, но за то съ обычною строгою регулярностью выхода ихъ въ свѣтъ по понедѣльникамъ... Надо замѣтить, что эти сроки выхода „Гражданина" по понедѣльникамъ составляли тоже одну изъ отличительныхъ особенностей его въ ряду не только еженедѣльныхъ журналовъ русскихъ, изъ которыхъ по этимъ днямъ не выходилъ ни одинъ, но даже ежедневныхъ газетъ, не выходившихъ въ то время во всѣ дни, слѣдовавшіе за праздниками и вообще днями неприсутственными. Эти выходы „Гражданина" по понедѣльникамъ мнѣ—метранпажу его — были всего непріятнѣе изъ всего непріятнаго въ немъ, по той простой причинѣ, что, благодаря имъ, наиболѣе сложная работа типографіи приходилась на воскресенье. Но съ этимъ подѣлать ничего было нельзя; дилемма: хочешь—работай, не хочешь—охотники найдутся,—давно была мною рѣшена. Не разъ и Ѳедору Михайловичу я объяснялъ это непріятное обстоятельство для насъ, рабочихъ людей, ничѣмъ особо не вознаграждаемыхъ за праздничную работу;

онъ вполнѣ соглашался съ моими доводами, но не могъ ничѣмъ помочь намъ. Однако-жъ, лѣтомъ, когда, чередуясь съ издателемъ отдыхомъ, онъ оставался полнымъ распорядителемъ журнала, намъ, обоюдными усиліями, удавалось сокращать воскресную работу на цѣлую половину сутокъ, то есть вмѣсто того, чтобы кончать въ обычные 3 часа ночи на понедѣльникъ, мы кончали въ 2—3 часа дня воскресенья; Ѳедоръ Михайловичъ кончалъ, конечно, еще раньше насъ и потому, благодаря этому сокращенію рабочаго времени, онъ могъ въ воскресенье-же уѣзжать къ своему семейству, которое лѣтомъ жило въ Старой Руссѣ, гдѣ съ нѣкотораго времени Ѳедоръ Михайловичъ пріобрѣлъ небольшой домъ. Пріѣзжалъ онъ оттуда, для составленія номера, въ четвергъ, и такимъ образомъ еженедѣльный номеръ „Гражданина" мы дѣлали въ три дня. Затѣмъ наступала очередь N., со вступленіемъ котораго въ отправленіе редакторскихъ обязанностей, наступали на нѣсколько недѣль вакаціи для Ѳедора Михайловича, а у насъ въ типографіи дѣло поворачивало на старый ладъ, то есть работа наканунѣ выпуска номера затягивалась до ночи.

VII.

Незадолго до того времени усилившаяся въ нашемъ отечествѣ потребность народнаго образованія вызывала въ періодической печати 1870-хъ годовъ массу разнородныхъ толковъ о начальномъ образованіи, о народныхъ школахъ, объ учителяхъ для этихъ школъ и тому подобномъ. Можно сказать, что тогда это былъ главный внутренній русскій вопросъ времени.

Подъ вліяніемъ этихъ всеобщихъ толковъ печати, я въ концѣ лѣта 1873 года задумалъ написать свои воспоминанія о моемъ школьномъ ученіи и о моемъ учителѣ, прекрасномъ какъ человѣкѣ и идеальномъ какъ народномъ школьномъ учителѣ. Довольно большая статья у меня написалась легко и скоро, относительно разумѣется, такъ какъ писалъ я, по обыкновенію, урывками,—точно вылилась. Написавъ эту статью, я разсудилъ отступить на тотъ разъ отъ своего обычая носить свои статьи въ иллюстрированные журналы, а рѣшился напередъ показать свое новое произведеніе Ѳедору Михайловичу, не найдетъ-ли онъ возможнымъ напечатать его въ „Гражданинѣ"...

Но прежде чѣмъ рѣшиться на это, я нѣсколько поколебался: какъ-то онъ посмотритъ на мою притязательность на литераторство; послѣ

оказалось, что опасенія мои были напрасны: узнать меня съ новой хорошей, именно съ литераторской, стороны для Ѳедора Михайловича было неожиданностью, пріятно его поразившею.

Понесъ я къ Ѳедору Михайловичу свою статью не нарочно, а захватилъ ее, отправляясь къ нему на обычный визитъ по дѣламъ журнала. Во время разговора Ѳ. М. нѣсколько разъ взглядывалъ на свернутую въ трубочку и завернутую въ газетную бумагу рукопись мою, о которой я все еще ничего не говорилъ ему; наконецъ, кончивъ объ общемъ дѣлѣ, я сказалъ о своемъ и подалъ ему рукопись. Ѳедоръ Михайловичъ взялъ ее и при этомъ видимо преобразился: серьезное, даже нѣсколько угрюмое лицо его просіяло тихимъ удовольствіемъ, которое тотчасъ-же и выразилось его доброю улыбкою. Держа рукопись въ своихъ рукахъ и еще не развертывая ея, онъ проговорилъ:

— „Это вы, Михаилъ Александровичъ, написали?.. Вы сами?"

— Да, Ѳедоръ Михайловичъ, я самъ писалъ.

— „Прочту, прочту!.. Это должно быть интересно... Съ удовольствіемъ прочту... Сегодня-же и прочту".

Я чувствовалъ нѣкоторую неловкость, а потому тотчасъ-же попрощался съ Ѳедоромъ Михайловичемъ и ушелъ отъ него.

Въ слѣдующій визитъ къ Ѳедору Михайловичу, по нашимъ общимъ дѣламъ, я, между прочимъ, спросилъ его и о своей статьѣ.

— „Я ее прочелъ, отвѣтилъ мнѣ Ѳедоръ Михайловичъ, въ тотъ-же вечеръ и прочелъ, какъ вы мнѣ ее принесли"...

Я молчалъ и вопросительно смотрѣлъ ему въ лицо, ожидая, не скажетъ-ли онъ своего мнѣнія о ней. Ѳедоръ Михайловичъ должно быть понялъ мое вопросительное молчаніе, потому что вслѣдъ затѣмъ онъ прибавилъ:

— „Ее можно въ „Гражданинѣ" напечатать, если хотите".

— Годится, значитъ?

— „Да. Она написана очень литературно, такъ что и поправлять нечего... Можно такъ цѣликомъ и напечатать".

Довольный такимъ приговоромъ редактора, я возымѣлъ смѣлость узнать мнѣніе Ѳедора Михайловича о моей статьѣ съ критической точки зрѣнія. Серьезное, во все время этого разговора, лицо его при этомъ приняло хорошо уже знакомое мнѣ добродушное выраженіе.

— „Очень простодушна", сказалъ онъ и улыбнулся.

— Какъ это простодушна, Ѳедоръ Михайловичъ?

— „Да такъ: вышелъ простодушный разсказъ... По моему, когда ужъ знаешь о чемъ писать, такъ можно и побольше сказать".

— Гмъ! Это какъ-же... смѣлѣе, что-ли, надобно?

— „Да разумѣется, чего-жъ стѣсняться-то?“

Затѣмъ Ѳедоръ Михайловичъ освѣдомился у меня, показывалъ-ли я свою статью (издателю) N., и, узнавъ, что не показывалъ, возвратилъ мнѣ ее, сказавъ, чтобъ я передалъ ее N., „такъ какъ всѣ рукописи для журнала исходятъ отъ него“, и сказать ему, что онъ уже прочелъ ее. Я медлилъ отдавать статью N., пока, наконецъ, тотъ самъ не спросилъ у меня ее, что̀ означало, что Ѳедоръ Михайловичъ сказалъ ему о ней [1]).

Послѣ только-что описаннаго эпизода, радикально укрѣпившаго за мною благорасположеніе Ѳедора Михайловича, онъ неоднократно напоминалъ мнѣ, что я „самъ литераторъ“. Во всѣхъ случаяхъ, когда ему, вслѣдствіе его обычной заботливости, приходилось обращаться ко мнѣ съ просьбою объ исполненіи какого-нибудь экстраординарнаго порученія, чаще всего о наблюденіи за тщательностью исправленія болѣе или менѣе значительныхъ авторскихъ или редакторскихъ корректуръ, независимо отъ провѣрки этихъ исправленій корректорами, онъ въ заключеніе говаривалъ:

— „Вы сами литераторъ, поэтому лучше кого другаго можете судить, какъ важно для статьи выправить все именно такъ, какъ показано въ корректурѣ; вы лучше корректора можете понять какъ именно требуется исправить“.

Иногда-же подобное обращеніе онъ употреблялъ въ концѣ своего увѣщанія, въ видѣ прибавки для вящшей убѣдительности:

— „Вѣдь вы-же сами литераторъ, Михаилъ Александровичъ, поэтому вамъ должны быть близки интересы автора“.

Однажды я возразилъ Ѳедору Михайловичу:

— Вы шутите, Ѳедоръ Михайловичъ! Какой я литераторъ, если написалъ двѣ-три статьи, да больше и не пишу.

— „Но вы можете писать... Вы литераторъ... Я вамъ говорю это“!..

— Ваше признаніе мнѣ очень лестно, Ѳедоръ Михайловичъ, имъ гордиться-бы можно, да только...

— „Что только?... Отчего вы не пишете?.. Пишите, вы можете писать“.

Не разъ и впослѣдствіи освѣдомлялся у меня Ѳедоръ Михайловичъ, не пишу-ли я чего, не написалъ-ли что-нибудь; отвѣтъ мой, за весьма рѣдкими исключеніями, бывалъ отрицательный.

---

[1]) Статья, о которой здѣсь шла рѣчь, напечатана въ №№ 19, 20, 21 и 22 журнала „Гражданинъ“ за 1874 годъ, подъ заглавіемъ: „Изъ воспоминаній простаго человѣка. Мой учитель“, съ посвященіемъ учителямъ народныхъ школъ. **М. А.**

— Не до писанья, Ѳедоръ Михайловичъ, отвѣчалъ я однажды. Жизнь осложнилась; есть насущныя житейскія нужды, такъ что въ заботѣ, да въ работѣ все время идетъ.

На это Ѳедоръ Михайловичъ сказалъ приблизительно слѣдующее: „Забота—да, конечно, обстоятельство неблагопріятное для писанья, но работа—ничего. работать всегда надо, а писаніе вѣдь то-же работа, и писать надо кто можетъ. Работать и писать—вотъ тогда и самая жизнь станетъ лучше!.. А вы можете писать, не оставляйте этого!“ прибавилъ Ѳедоръ Михайловичъ въ заключеніе.

VIII.

Писаніе и самому Ѳедору Михайловичу обходилось нелегко, даже, можно сказать, далеко нелегко... Не даромъ онъ говорилъ, что писаніе есть работа! Ниже я буду еще имѣть случай сказать объ этомъ что̀ знаю, а теперь скажу лишь нѣсколько словъ о писательской дѣятельности Ѳедора Михайловича въ „Гражданинѣ“.

Говоря вообще, дѣятельность эта была невелика. Его „Дневникъ Писателя“ печатался всего въ 15-ти номерахъ. такъ что даже эта небольшая журнальная, но все-же еще чисто литературная работа въ то время обременяла его... Но писать было надо, потому что писательство было и стихіею и единственнымъ средствомъ существованія Ѳедора Михайловича съ семьею, такъ какъ редакторскаго гонорара его было недостаточно для этого. Поэтому, оставивъ „Дневникъ“, Ѳедоръ Михайловичъ попробовалъ свои силы въ иной области литературы: съ осени 1873 года онъ сталъ писать политическій обзоръ иностранныхъ событій, и сначала былъ очень доволенъ, что ему и въ этой области работа удалась вполнѣ.

Однако-жъ составленіе политическихъ обозрѣній являлось работою хотя и болѣе простою, чѣмъ „Дневникъ“, но зато еще болѣе срочною, чѣмъ писаніе „Дневника“, планъ котораго, какъ извѣстно, былъ таковъ, что совсѣмъ не обязывалъ автора давать подробный отчетъ за все прожитое время и, благодаря этому, допускалъ возможность откладывать и даже совсѣмъ пропускать многія явленія общественной жизни, чего нельзя было дѣлать, ведя политическое обозрѣніе иностранныхъ событій. Эта срочность работы была крайне тяжела для Ѳедора Михайловича, она изнуряла его и нравственно и физически; притомъ знаменитый романистъ не могъ, конечно, не сознавать, что если будетъ работать такъ постоянно, то онъ никогда не будетъ въ состояніи создать крупнаго произведенія, такъ

какъ на эту мелочь, то есть на эту заказную работу — онъ размѣнивалъ свой колоссальный талантъ... Въ совокупности всѣ эти обстоятельства разстроили и безъ того хрупкое здоровье Ѳедора Михайловича... Онъ ощущалъ какъ-бы давленіе тяжелаго кошмара, освободиться отъ котораго ему представлялось дѣйствительнымъ одно единственное средство—сложить съ себя редакторство „Гражданина", хотя-бы ужъ потому одному, что журналъ этотъ былъ, прежде всего, еженедѣльный.

Такъ Ѳедоръ Михайловичъ и рѣшился сдѣлать. Въ концѣ 1873 г. онъ попросилъ увольненія отъ редакторства „Гражданина"... Какъ водится, вмѣстѣ съ заявленіемъ объ этомъ, было подано въ Главное управленіе по дѣламъ печати и прошеніе объ утвержденіи редакторомъ-издателемъ новаго лица [1]), послѣ чего Ѳедоръ Михайловичъ сталъ ждать своего увольненія съ большимъ нетерпѣніемъ и пересталъ окончательно писать для „Гражданина", помѣстивъ послѣднее свое политическое обозрѣніе въ первомъ его номерѣ за 1874 годъ. Но ждать пришлось довольно долго: только въ апрѣлѣ мѣсяцѣ состоялось утвержденіе новаго редактора, а слѣдовательно и увольненіе Ѳедора Михайловича.

За исключеніемъ писанія, во все время ожиданія своей отставки, Ѳедоръ Михайловичъ продолжалъ, по прежнему, отправлять свои редакторскія обязанности, и потому я, по прежнему, ходилъ къ нему для переговоровъ по дѣламъ веденія журнала, причемъ каждый разъ я у него спрашивалъ—не будетъ-ли его статьи, и каждый разъ получалъ отрицательный отвѣтъ. По поводу такой его писательской бездѣятельности, я однажды какъ-то выразилъ ему свое недоумѣніе, на которое онъ отвѣтилъ мнѣ, что писать для „Гражданина" у него нѣтъ времени, такъ какъ ему предстоитъ писать для „Складчины"...

Эта „Складчина", для которой тогда собирался писать Ѳедоръ Михайловичъ, была знаменательнымъ явленіемъ въ русской литературѣ того времени. Это былъ колоссальный литературный сборникъ, объемомъ до 700 страницъ большаго формата in 8", изданный въ 1874 году въ пользу пострадавшаго отъ неурожая населенія Самарской губерніи. Для составленія и изданія его соединились въ даровомъ трудѣ на нейтральной почвѣ благотворительности пятьдесятъ лучшихъ русскихъ писателей и всѣ редакціи періоди-

[1]) В. Ѳ. Пуцыковича, бывшаго до этого секретаремъ редакціи „Гражданина", помѣщеніе которой съ нѣкотораго времени было въ его квартирѣ.
М. А.

ческихъ изданій въ Петербургѣ, до этого ведшіе междоусобную войну изъ-за направленій, одиннадцать лучшихъ петербургскихъ типографій безплатно набрали и напечатали его, а значительнѣйшія петербургскія бумажныя фабрики съ большою уступкою поставили для него бумагу. Такимъ образомъ самыя цѣнныя лепты были даны писателями, изъ коихъ каждый далъ сборнику по новому, еще нигдѣ до того не печатавшемуся произведенію (поэты дали по нѣскольку новыхъ стихотвореній), и типографіями.

Коснувшись предмета своей лепты въ „Складчинѣ", Ѳедоръ Михайловичъ, между прочимъ, сказалъ:

— „.. А вѣдь туда, вы знаете, скоро не напишешь, потому что написать надо хорошо... Понимаете... И притомъ, что-нибудь небольшое, въ листъ, въ полтора, не больше; и непремѣнно надо вещь цѣльную, законченную,—отрывокъ давать неловко, негодится!.. А соединить эти три условія: небольшое, да цѣльное и хорошо написанное—очень трудно!"

И Ѳедоръ Михайловичъ написалъ для „Складчины" художественную, достойную его пера, вещь, подъ заглавіемъ „Маленькія картинки. (Въ дорогѣ)", объемомъ въ печатный листъ съ небольшимъ.

Наконецъ, маленькое редакціонное сообщеніе въ № 16 „Гражданина" извѣстило читателей, что Ѳедоръ Михайловичъ, „по разстроенному здоровью, принужденъ сложить съ себя обязанности редактора, не оставляя, впрочемъ, по возможности своего постояннаго участія въ журналѣ"... Обѣщанное участіе было чисто и исключительно моральное, поэтому Ѳедоръ Михайловичъ послѣ этого сообщенія вздохнулъ свободно отъ всегда ненавистнаго ему обусловленнаго труда. Онъ глядѣлъ въ это время проясненнымъ взоромъ, а по лицу блуждала блаженная улыбка съ оттѣнкомъ тихой грусти...

— Теперь-то вы, наконецъ, отдохнете, Ѳедоръ Михайловичъ, сказалъ я, глядя на его сіявшее тихимъ удовольствіемъ лицо. Кстати скоро и лѣто.

— „Нѣтъ, Михаилъ Александровичъ, теперь-то я и начну работать!.. Знаете, лѣтомъ я могу и люблю работать болѣе, чѣмъ зимою... Отдохнуть-то я отдохну, конечно, да и здоровье тоже поправить надо; можетъ быть, за границу съѣзжу, въ Эмсъ,—Эмсъ мнѣ всегда помогалъ,—оттуда въ Старую Руссу, а тамъ и за работу! проговорилъ Ѳедоръ Михайловичъ съ выраженіемъ особеннаго одушевленія на послѣдней фразѣ, изъ котораго ясно было видно, что любимому, независимому труду, онъ готовъ съ наслажденіемъ отдать всѣ свои силы. Много отдыхать я не буду... А осенью опять въ

Петербургъ, непремѣнно, не смотря на его дожди, грязь и туманы!" прибавилъ онъ.

— Романъ, вѣроятно, будете писать, Ѳедоръ Михайловичъ? полюбопытствовалъ я, но онъ на это отвѣтилъ неопредѣленно.

— „Можетъ быть и романъ... Но у меня есть кое-что въ виду и другое", прибавилъ онъ съ таинственнымъ видомъ.

Присутствовавшая при этомъ разговорѣ супруга Ѳедора Михайловича, Анна Григорьевна, сказала мнѣ, -тутъ-же, при немъ,—что Ѳедоръ Михайловичъ дѣйствительно давно задумалъ романъ, писать который онъ былъ не въ силахъ при своихѣ редакторскихъ обязанностяхъ въ „Гражданинѣ". но что теперь, отдохнувши и поправивши напередъ здоровье, онъ намѣренъ приняться за него.

Но, несмотря на это сообщеніе своей супруги, Ѳедоръ Михайловичъ продолжалъ обращаться ко мнѣ все-таки съ таинственнымъ видомъ.

— „А мы съ вами не надолго разстаемся, Михаилъ Александровичъ .. Мы опять съ вами что-нибудь будемъ печатать, и можетъ быть скоро.. У меня есть кое-что въ виду".

„Не думаете-ли свой журналъ издавать, Ѳедоръ Михайловичъ? Вамъ-бы можно и слѣдовало-бы даже", сказалъ я.

— „Журналъ не журналъ, а что-нибудь въ этомъ родѣ... Ну, посмотримъ... Я думаю, что скоро; можетъ быть, у Траншеля-же и будемъ печатать. . Увидимся!.. Я вѣдь непремѣнно къ вамъ приду".

Загадка эта разрѣшилась только черезъ полтора года: Ѳедоръ Михайловичъ говорилъ о своемъ намѣреніи продолжать „Дневникъ Писателя" и печатать его въ видѣ самостоятельнаго періодическаго изданія. При осуществленіи этого намѣренія, Ѳедоръ Михайловичъ сдержалъ свое слово и относительно меня.

IX.

Въ слѣдовавшіе засимъ полтора года я видѣлся съ Ѳедоромъ Михайловичемъ не много разъ у В. Ѳ. Пуцыковича (въ редакціи „Гражданина"), котораго онъ не оставлялъ своею моральною, а впослѣдствіи даже и посильною матеріальною поддержкою... При этихъ-то свиданіяхъ онъ и освѣдомлялся о моей литераторской дѣятельности... Самъ-же я, не имѣя прямо дѣловыхъ отношеній, не бывалъ за это время у Ѳедора Михайловича ни разу.

Въ началѣ 1875 года въ „Отечественныхъ Запискахъ" уже печатался его новый романъ „Подростокъ", а въ концѣ того-же года

романъ этотъ печатался отдѣльнымъ изданіемъ въ типографіи Траншеля (издавалъ его книгопродавецъ Кехрибарджи); но меня тамъ въ это время уже не было: съ самаго начала 1875 года я, вмѣстѣ съ „Гражданиномъ", перешелъ въ типографію князя В. В. Оболенскаго.

Въ концѣ-же 1875 года въ газетахъ появилось объявленіе объ изданіи съ наступающаго 1876 года „Дневника Писателя" Ѳ. М. Достоевскаго. Вскорѣ послѣ появленія этихъ публикацій, въ контору типографіи кн. В. В. Оболенскаго, помѣщавшуюся въ подвальномъ этажѣ дома № 8 по Николаевской улицѣ, вошелъ Ѳедоръ Михайловичъ и сказалъ, что желаетъ видѣть меня. Это было въ обѣденное время и потому меня въ типографіи не было, но въ конторѣ, кромѣ служащихъ, былъ самъ владѣлецъ типографіи князь В. В. Оболенскій.

На заявленное Ѳедоромъ Михайловичемъ желаніе видѣть меня, ему отвѣтили, что я буду въ типографіи отъ 4-хъ до 9-ти часовъ вечера. При этомъ князь В. В. Оболенскій напомнилъ ему, что онъ съ нимъ встрѣчался на четверговыхъ литературныхъ вечерахъ у князя В. В. Мещерскаго, и потому нѣсколько знакомъ съ нимъ [1]. Потомъ, упомянувъ о появившемся въ газетахъ объявленіи о „Дневникѣ Писателя", предложилъ услуги своей типографіи по печатанію этого изданія, на что Ѳедоръ Михайловичъ отвѣтилъ, что онъ для этого-то и пришелъ сюда, „но не потому, примолвилъ при этомъ онъ, что считаю вашу типографію за очень хорошую. а потому, что тутъ у васъ находится дорогой для меня человѣкъ—Михаилъ Александровичъ Александровъ, и вотъ съ нимъ-то я желалъ-бы имѣть дѣло".

Князь В. В. Оболенскій былъ дилеттантъ-любитель типографскаго дѣла, чего ради только и держалъ типографію. Онъ объяснилъ Ѳедору Михайловичу, что я, согласно его желанію, могу вести его предполагаемое изданіе, но что я буду вести его лишь какъ метранпажъ, т. е. сдѣлаю наборъ, исправлю корректуры, приготовлю наборъ къ печати, и только, относительно-же всего остальнаго, какъ-то: чтенія корректуръ, печати, денежныхъ разсчетовъ и проч., ему, Ѳедору Михайловичу, придется имѣть дѣло съ конторою типографіи, съ которой онъ можетъ обо всемъ условиться теперь-же. На это Ѳедоръ Михайловичъ возразилъ, что

---

[1]) Князь В. В. Оболенскій незадолго до того занялъ въ періодической литературѣ довольно видное положеніе рядомъ своихъ статей по земскимъ вопросамъ, сначала подъ псевдонимомъ „Земца". **М. А.**

никакихъ условій онъ заключать не намѣренъ, потому что не любитъ ихъ и считаетъ излишними въ сношеніяхъ между людьми, хорошо знающими другъ друга. Князь поспѣшилъ разъяснить Θедору Михайловичу, что подъ словомъ „условиться“ онъ разумѣетъ не какія-либо формальности нотаріальныя, а просто предложеніе освѣдомиться о цѣнахъ работы и о порядкѣ сношеній съ типографіею. На это Θедоръ Михайловичъ согласился. Давая, при этомъ необходимыя для составленія смѣты свѣдѣнія, онъ сказалъ, что образцемъ формата и вообще внѣшняго вида своего „Дневника“ онъ избралъ изданіе Гербеля (Европейскіе классики въ переводѣ русскихъ писателей), но болѣе крупнымъ шрифтомъ и съ бо́льшими промежутками между строкъ. Однако-жъ для окончательнаго переговора обѣщалъ придти вечеромъ, когда буду въ типографіи я.

Въ назначенное время Θ. М. пришелъ въ типографію вторично. Князь В. В. Оболенскій былъ опять тамъ, поджидалъ его. Меня вызвали въ контору. Поздоровался со мною Θ. М. очень привѣтливо, по-дружески. Я, разумѣется, былъ радъ чрезвычайно этому свиданію, сопровождавшемуся столь опредѣленно засвидѣтельствованнымъ—какъ мнѣ лично, такъ и окружавшимъ меня въ типографіи лицамъ—вниманіемъ ко мнѣ знаменитаго писателя.

Послѣ краткихъ привѣтствій, мы стали говорить о предстоявшемъ дѣлѣ. Тутъ къ намъ присоединились князь-типографъ и его конторщикъ со смѣтою, которая уже была таки составлена и, какъ всегда въ этой типографіи, отличалась умѣренностію. Но Θедоръ Михайловичъ мало интересовался смѣтою. Онъ былъ очень возбужденъ и изъ первыхъ-же его фразъ было видно, что его въ то время озабочивало опредѣленіе внѣшняго вида его изданія; все-же прочее, въ общихъ чертахъ, уже было обдумано и взвѣшено имъ ранѣе. Поэтому я предложилъ ему къ завтрашнему-же дню изготовить примѣрно заглавную страницу и страницу текста. Предложеніе это замѣтно убавило его возбужденность. Онъ признался, что его особенно озабочиваетъ заглавная страница, но видно было, что забота эта была пріятною ему. „Какъ-то будетъ она выглядѣть? хорошо-ли, красиво-ли будетъ?“, говорилъ Θедоръ Михайловичъ и убѣдительно просилъ меня отнестись къ набору заголовка съ особеннымъ вниманіемъ и тщаніемъ, постараться подобрать для него „шрифты пооригинальнѣе, похарактернѣе, и не такъ чтобы очень мелкіе, а повиднѣе, поярче!“ Я, разумѣется, обѣщалъ постараться, причемъ сказалъ ему, что вѣдь, если что и выйдетъ неудачно съ перваго раза, то у насъ достаточно есть времени передѣлать нѣсколько разъ, и попросилъ его дать намъ полный ори-

гиналъ заголовка, который онъ тутъ-же и написалъ. И какъ потомъ заголовокъ этотъ былъ набранъ и, по его указанію, измѣненъ въ одной лишь детали, такъ впослѣдствіи онъ и оставался безъ измѣненій; при двукратномъ возобновленіи „Дневника Писателя“ Өедоръ Михайловичъ требовалъ въ точности копировать шрифты первоначальнаго заголовка.

Затѣмъ мы стали говорить объ организаціи дѣла (въ типографскомъ отношеніи); говорили объ объемѣ изданія, о времени присылки въ типографію оригинала и о срокахъ выхода изданія въ свѣтъ, о корректорѣ нашей типографіи, который, по его обыкновенію, тоже очень озабочивалъ его, о бумагѣ, о переплетчикѣ, о цензурѣ и проч. и проч.

Я долженъ сказать, что Өедоръ Михайловичъ все, что дѣлалъ—дѣлалъ заботливо и, насколько хватало его физическихъ силъ, старался дѣлать аккуратно; поэтому, какъ было договорено имъ въ тотъ разъ, на словахъ, такъ, за малыми отступленіями, и повелось потомъ дѣло во всѣ послѣдовавшіе затѣмъ два года изданія „Дневника Писателя“; а велось оно слѣдующимъ образомъ.

X.

Выходилъ „Дневникъ Писателя“, какъ извѣстно, одинъ разъ въ мѣсяцъ, выпусками или номерами, въ объемѣ отъ полутора до двухъ листовъ in quarto (по 16 страницъ въ листѣ), и весь, за исключеніемъ, разумѣется, объявленій, принадлежалъ перу Өедора Михайловича. Въ началѣ Өедоръ Михайловичъ выпускалъ свой „Дневникъ“ въ свѣтъ въ послѣднее число каждаго мѣсяца, аккуратно, рано утромъ, „какъ газету“, по его собственному выраженію, и относительно точности выполненія этихъ сроковъ онъ, во время предварительныхъ переговоровъ, просилъ отъ насъ честнаго слова, а меня, кромѣ того, особо увѣщевалъ „не жертвовать имъ „Гражданину“ въ тѣхъ случаяхъ, когда выпуски обоихъ изданій сойдутся въ одинъ день или близко по времени одинъ съ другимъ. При всемъ томъ, онъ не скрывалъ ни отъ себя, ни отъ насъ своихъ опасеній за себя, въ виду удручающаго вліянія на него срочности предстоявшей ему литературной работы; онъ просилъ меня выручать его при случаѣ, то есть наверстывать въ типографіи могущія случаться за нимъ просрочки въ присылкѣ оригинала, и мнѣ неоднократно приходилось исполнять эту просьбу... Начинать упомянутую присылку оригинала Өедоръ Михайловичъ обѣщалъ 17-го—18-го

числа каждаго мѣсяца, а кончать ее условлено было за три дня до выхода выпуска въ свѣтъ,—и вотъ тутъ-то и приходилось наверстывать въ типографіи, такъ какъ Ѳедоръ Михайловичъ именно окончаніемъ-то присылки и опаздывалъ нерѣдко; тогда какъ соблюденіе сказаннаго условія было необходимо, въ виду того обстоятельства, что „Дневникъ Писателя", во все время его изданія, выходилъ подъ предварительною цензурою, поэтому типографіи надо было имѣть время на наборъ, корректуру типографіи, корректуру автора, послѣ которой Ѳедоръ Михайловичъ только и допускалъ посылку корректуры къ цензору, котораго торопить, какъ извѣстно, не полагается, верстку и затѣмъ опять корректуру автора и корректуру типографіи и, наконецъ, печатаніе.

Главное управленіе по дѣламъ печати, разрѣшая Ѳедо у Михайловичу изданіе „Дневника Писателя", предлагало ему выпускать „Дневникъ" безъ предварительной цензуры, подъ установленной закономъ отвѣтственностію его какъ редактора, и при томъ, въ видѣ особаго для него исключенія, на льготныхъ условіяхъ, а именно, безъ обычнаго залога, обезпечивающаго отвѣтственность, но Ѳедоръ Михайловичъ отказался отъ этого, не находя ничего для себя заманчиваго въ томъ, чтобъ „Дневникъ" его выходилъ безъ предварительной цензуры; онъ дорожилъ тѣмъ относительнымъ покоемъ, на пользованіе которымъ онъ могъ вполнѣ разсчитывать при отсутствіи, въ цензурномъ отношеніи, отвѣтственности. Притомъ онъ твердо былъ увѣренъ, что цензура вообще совсѣмъ не будетъ имѣть вліянія на направленіе его „Дневника"... И дѣйствительно, цензоръ Николай Антоновичъ Ратынскій, цензуровавшій „Дневникъ" почти все время его изданія, говаривалъ Ѳедору Михайловичу въ шутку, что онъ не цензуруетъ его, а только поправляетъ у него слогъ. Это значило, что иногда, вмѣсто того, чтобы вымарывать что-либо неудобное просто цензорскою властью, онъ замѣнялъ одно слово другимъ и тѣмъ смягчалъ выраженіе фразы [1]).

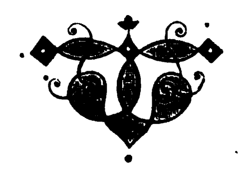
Объясняя мнѣ свое нежеланіе выходить „безъ предварительной цензуры", Ѳедоръ Михайловичъ сказалъ, между прочимъ, что, выходя безъ цензора, надо самому быть цензоромъ для того, чтобы цензурно выдти, а онъ по опыту знаетъ, какъ трудно быть цензоромъ собственныхъ произведеній.

[1]) Пользуемся случаемъ, чтобы помянуть добрымъ словомъ покойнаго Николая Антоновича Ратынскаго. Этотъ отлично образованный человѣкъ и весьма интересный собесѣдникъ, между прочимъ, какъ цензоръ. былъ человѣкъ весьма обязательный, очень начитанный, горячо любилъ отечественную литературу и въ особенности русскую исторію. Ред.

Однако, Ѳедору Михайловичу, какъ автору, доводилось-таки, хотя и рѣдко, испытывать непріятности, по поводу болѣе или менѣе крупныхъ цензорскихъ помарокъ. Бывало и такъ, что цензоромъ запрещалась цѣлая статья, и тогда начинались для Ѳедора Михайловича хлопоты отстаиванія запрещенной статьи: онъ ѣздилъ къ цензору, въ цензурный комитетъ, къ предсѣдателю главнаго управленія по дѣламъ печати,—разъяснялъ, доказывалъ... Въ большей части случаевъ хлопоты его увѣнчивались успѣхомъ, въ противномъ-же случаѣ приходилось уменьшать объемъ номера, такъ какъ статьи „Дневника", хотя, повидимому, и разныя, имѣли между собою органическую связь, потому что вытекали одна изъ другой, и поэтому на мѣсто запрещеннаго у Ѳедора Михайловича обыкновенно не имѣлось ничего подходящаго, писать-же вновь не было времени. Такимъ образомъ, во всѣхъ случаяхъ, типографіи приходилось оканчивать номера „Дневника Писателя" лишь наканунѣ ихъ выхода, и притомъ такъ, что послѣдній листъ всегда почти печатался ночью. Совсѣмъ „какъ газета!"

Хозяйственную часть изданія, то есть всѣ разсчеты съ типографіею, съ бумажною фабрикою, съ переплетчиками, книгопродавцами и газетчиками, а также упаковку и разсылку изданія по почтѣ, съ самаго начала „Дневника Писателя", приняла на себя супруга Ѳедора Михайловича, Анна Григорьевна, пріобрѣвшая хорошую подготовку къ этой дѣятельности ранѣе, въ практикѣ веденія изданій отдѣльныхъ сочиненій Ѳедора Михайловича, которыя съ нѣкотораго времени онъ издавалъ самъ, вмѣсто того, чтобы, попрежнему, продавать право на ихъ изданіе книгопродавцамъ, и Анна Григорьевна вела принятое на себя дѣло все время съ умѣньемъ и аккуратностью, достойными опытнаго въ этихъ дѣлахъ человѣка, и вдобавокъ съ неутомимымъ трудолюбіемъ, всегда отличавшимъ достойнѣйшую супругу Ѳедора Михайловича. Благодаря этому, столь любимая Ѳедоромъ Михайловичемъ аккуратность веденія дѣла достигалась вполнѣ, причемъ самъ онъ имѣлъ полную возможность спокойно устраняться отъ всѣхъ хозяйственныхъ заботъ и посвящать себя исключительно работѣ литературной и вообще идейной.

Такова была немногосложная организація маленькаго самостоятельнаго журнала Ѳедора Михайловича. .



XI.

До появленія „Дневника Писателя“ въ свѣтъ, объявленія о немъ вызывали у нѣкоторыхъ изъ публики ироническія улыбки, а въ нѣкоторыхъ органахъ печати раздались грубыя насмѣшки, съ одной стороны, и порицанія и укоризны маститому писателю—съ другой. Одни, напримѣръ, говорили, что Достоевскій затѣялъ изданіе своего „Дневника“ потому, вѣроятно, что весь исписался и ничего лучшаго создать уже не можетъ; другіе порицали его за гордое самомнѣніе о себѣ, доведшее его до дерзости выдавать публикѣ свой „Дневникъ“ за литературное произведеніе, достойное ея вниманія. И многіе тогда думали, что маленькому журналу Θедора Михайловича суждено безслѣдно затеряться въ массѣ періодическихъ изданій того времени. Но вышло совсѣмъ напротивъ.

Первый выпускъ „Дневника Писателя“ печатался всего въ 2,000 экземпляровъ. Онъ расходился довольно быстро, потому что интересовалъ публику, вслѣдствіе упомянутыхъ рѣзкихъ о „Дневникѣ“ выходокъ періодической печати, какъ оригинальная, во всякомъ случаѣ, новинка. Однако-жъ, скоро, изъ перваго-же выпуска, всѣ увидѣли, что „Дневникъ Писателя“ совсѣмъ не похожъ на дневники, какими ихъ привыкли видѣть всѣ читающіе люди. Увидѣли, что это не хроника событій, а глубоко продуманное, авторитетное, руководящее слово вѣскаго общественнаго дѣятеля, по поводу такихъ явленій текущей жизни, значеніе которыхъ понятно только высшимъ умамъ, и тогда принялись читать его съ возрастающимъ все болѣе и болѣе интересомъ.

Съ выходомъ въ свѣтъ втораго, февральскаго, выпуска, возобновился спросъ на разошедшійся, по подпискѣ и въ продажѣ, первый выпускъ. Съ выходомъ втораго выпуска „Дневникъ Писателя“ былъ окончательно признанъ публикою и печатью солиднымъ членомъ отечественной журналистики; газеты цитировали его и брали изъ него выдержки, а одна газета перепечатала изъ него даже цѣлую статью — извѣстный фантастическій разсказъ, подъ заглавіемъ: „Мальчикъ у Христа на елкѣ“, помѣстивъ его въ видѣ фельетона. Этотъ второй выпускъ разошелся въ публикѣ въ теченіе нѣсколькихъ дней, такъ что наборъ его стоялъ еще въ типографіи неразобраннымъ, когда понадобилось второе изданіе въ томъ-же количествѣ экземпляровъ, какъ и первое; первый-же выпускъ былъ набранъ вновь и также напечатанъ вторымъ изданіемъ.

Подписка на „Дневникъ Писателя“ хотя и принималась съ

самаго начала изданія, но она никогда не была относительно велика; онъ расходился, главнымъ образомъ, въ розничной продажѣ; въ Петербургѣ большинство читателей его предпочитало простую покупку выпусковъ подпискѣ потому, что купить новый выпускъ у торговцевъ газетами всегда можно значительно ранѣе, чѣмъ получить его по подпискѣ, чрезъ почту, несмотря на то, что покупка обходилась дороже подписки (подписная цѣна за годъ была 2 рубля, а въ продажѣ ежемѣсячный выпускъ стоилъ 30 к.). Это обстоятельство, между прочимъ, довольно наглядно показываеть съ какимъ нетерпѣніемъ ждали выпусковъ „Дневника“ читатели его.

Какъ я уже сказалъ выше, „Дневникъ Писателя“ выходилъ въ свѣтъ аккуратно рано утромъ въ извѣстные дни, поэтому въ эти дни, одновременно съ ежедневными газетами, у газетныхъ торговцевъ всегда можно было видѣть „Дневникъ“, особенно выставляемый ими на видъ, какъ интересная новинка.

Съ послѣдовавшими выпусками „Дневника“ интересъ къ нему публики все болѣе и болѣе увеличивался, такъ что, до наступленія лѣта, „Дневникъ“ печатался уже въ количествѣ 6,000 экземпляровъ. Такимъ образомъ, успѣхъ его очень скоро сталъ для всѣхъ очевидно несомнѣннымъ. Өедоръ Михайловичъ радовался этому успѣху, но не удивлялся ему, хотя на всякій случай и соблюдалъ осторожность въ назначеніи количества печатавшихся экземпляровъ.

Контингентъ читателей „Дневника Писателя“ составлялся, главнымъ образомъ, изъ интеллигентной части общества, а затѣмъ изъ любителей серьезнаго чтенія всѣхъ слоевъ русскаго общества. Къ концу перваго года изданія „Дневника“, между Өедоромъ Михайловичемъ и его читателями возникло, а во второмъ году достигло большихъ размѣровъ, общеніе, безпримѣрное у насъ на Руси: его засыпали письмами и визитами съ изъявленіями благодарности за доставленіе прекрасной моральной пищи въ видѣ „Дневника Писателя“. Нѣкоторые говорили Өедору Михайловичу, что они читаютъ его „Дневникъ“ съ благоговѣніемъ, какъ священное писаніе; на него смотрѣли одни какъ на духовнаго наставника, другіе какъ на оракула, и просили его разрѣшать ихъ сомнѣнія насчетъ нѣкоторыхъ жгучихъ вопросовъ времени. И Өедоръ Михайловичъ любовно принималъ этихъ своихъ кліентовъ и бесѣдовалъ съ ними, читалъ ихъ письма и отвѣчалъ на нихъ... Особенною искренностью отличались въ этомъ отношеніи читатели провинціальные; многіе изъ нихъ, когда имъ случалось бывать въ Петербургѣ, считали своимъ долгомъ лично изъявить свое почтеніе уважаемому писателю, а иные пользовались подобными случаями для того, чтобы

посмотрѣть на знаменитаго писателя-„оракула“ и послушать его... Только упорные русскіе „западники“ были недовольны „Дневникомъ“ Ѳедора Михайловича и выражали свое недовольство, между прочимъ, цитированіемъ ѣдкаго изреченія одного изъ своихъ вожаковъ, гласившимъ, что „отъ Достоевскаго стало сильно деревяннымъ масломъ пахнуть“,—это значило. что онъ сдѣлался святошею.

М. А. Александровъ.

[Окончаніе слѣдуетъ].

ЦЕСАРЕВИЧЪ КОНСТАНТИНЪ ПАВЛОВИЧЪ,

его письмо генералу А. И. Корсакову.

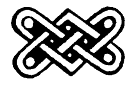
1800 г.

„Алексѣй Ивановичъ! По дружбѣ вашей ко мнѣ, я надѣюсь, вы не прогнѣваетесь на меня за то, что я чистосердечно поговорю съ вами о господахъ артиллерійскихъ штабъ-и оберъ-офицерахъ, съ которыми я на маневрахъ познакомился.

Господинъ полковникъ Семиковъ и господа оберъ-офицеры, кои съ нимъ въ катербургскихъ маневрахъ находились, отмѣнно твердо знаютъ свое дѣло и заслуживаютъ какъ мою, такъ и вашу благодарность. Что-же касается до тѣхъ, кои со мною были при Богополѣ, я долженъ признаться, что я нашелъ ихъ совсѣмъ въ другомъ родѣ. Напримѣръ: господинъ подпоручикъ Зацѣпинъ, во время батальонной стрѣльбы, началъ прежде, не разсудивъ за благо дождаться очереди, и тѣмъ чуть не сбилъ батальоннаго командира, но, по счастью, сей послѣдній зналъ лучше свое дѣло, нежели господинъ Зацѣпинъ. Я было взялъ смѣлость его за это немного побранить, но онъ дурными своими отговорками принудилъ меня его арестовать. Господинъ подпоручикъ Полешко, въ деплоядѣ изъ 3-го батальона, заѣхалъ на правый флангъ всей линіи, гдѣ я его, насилу отыскавъ, спросилъ причину такой ошибки и получилъ отъ него отвѣтъ, что онъ обчелся и принялъ другую пушку за свою. Я рѣшился и сего послать для компаніи къ первому. Наконецъ, господинъ полковникъ Бухольцъ, при выступленіи квартиргеровъ, не знавши, что съ роты обыкновенно наряжаются при одномъ унтеръ-офицерѣ, двухъ рядовыхъ, и видѣвши, что отъ всѣхъ полковъ такъ нарядили, нарядилъ отъ полуторы роты двухъ унтеръ-офицеровъ, а рядоваго ни одного. На что я ему сказалъ старую русскую пословицу: что всѣ люди въ шляпахъ, одинъ чортъ въ колпакѣ, послалъ и его къ прежнимъ двумъ, что и составило прекрасный тріо. Я все это пишу только вамъ, а къ государю ни объ одномъ не рапортовалъ, надѣюсь, что и ваше высокопревосходительство ихъ простите“.

Константинъ цесаревичъ.

Мѣстечко Богополь.
Октября 9-го дня 1800 г.



БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

П. В. Анненковъ и его друзья. Литературныя воспоминанія и переписка 1835—1885 годовъ. Томъ первый. Спб. Изд. Суворина. 1892 г. Въ 8 д., стр. 666. Цѣна 3 рубля.

Бываютъ въ жизни общества такія счастливыя эпохи, когда волна общественнаго движенія, высоко поднявшись надъ уровнемъ обычнаго теченія времени, неотразимо захватываетъ въ своемъ водоворотѣ безъ выбору всѣхъ людей сильныхъ и слабыхъ, умѣренныхъ и крайнихъ, талантливыхъ и безталанныхъ, чтобъ выбросить затѣмъ на арену общественной дѣятельности цѣлую плеяду новыхъ и свѣжихъ работниковъ. Великія реформы прошлаго царствованія возбудили въ обществѣ активность: слово, переходившее въ дѣло, требовало искусныхъ и честныхъ исполнителей, литература, получившая больше свободы, заговорила тотчасъ по новому и стала чувствовать нужду въ свѣжихъ силахъ. Тогда нашлось не мало людей, которые при иныхъ условіяхъ остались-бы вѣрно въ бездѣйствіи, а тутъ съ успѣхомъ заполняли ряды мировыхъ посредниковъ, мировыхъ судей, охотно служили и въ земствахъ по выборамъ. Народились у насъ тогда и публицисты, и критики, и профессора... Вездѣ чувствовался подъемъ, отовсюду притекали новыя силы... Подобно 60-мъ годамъ—и годы 40-вые были временемъ особеннаго возбужденія въ обществѣ; но это возбужденіе въ тогдашней русской дѣйствительности не находило себѣ ни отклика, ни опоры: оно было продуктомъ чисто идейнаго воздѣйствія запада, такимъ-же идейнымъ образомъ отразилось въ нашей литературѣ и затѣмъ заглохло вмѣстѣ съ наступленіемъ цензурныхъ строгостей, вслѣдъ за высылкою въ Сибирь и другія окраины тѣхъ изъ молодыхъ литераторовъ, которые оказались болѣе или менѣе причастными къ извѣстному дѣлу Петрашевскаго. Заглохло движеніе, но остались люди, имъ порожденные. То были: представители изящной литературы вродѣ Тургенева, Некрасова, Достоевскаго и Салтыкова; профессора, историки и юристы,—каковы Грановскій, Кудрявцевъ, Никитенко, Рѣдкинъ, Кавелинъ; публицисты и критики, какъ Огаревъ, Герценъ, Чернышевскій, Ив. Аксаковъ... Между такими-то именами людей 1840-хъ г. надо вписать и Павла Вас. Анненкова. Онъ болѣе, чѣмъ кто-либо изъ вышеназванныхъ, былъ, что называется, созданъ тѣмъ временемъ: другъ Боткина, Огарева и Герцена, пріятель Бѣлинскаго и Бакунина, хорошій знакомый Некрасова, Гоголя и Тургенева, самъ Анненковъ не отличался ни сильнымъ умомъ, ни выдающимся литературнымъ талантомъ. Захваченный всеобщимъ оживленіемъ, подготовленный съ одной стороны жизнью за-границею какъ разъ передъ февральскою революціею, съ другой—вліяніемъ обширнаго круга друзей, онъ даже помимо своей воли уже силою однихъ обстоятельствъ все равно долженъ былъ-бы пойти по литературной дорогѣ. И здѣсь П. В. оказался полезнымъ, трудолюбивымъ работникомъ. Въ его историко-критическихъ статьяхъ, нѣсколько туманныхъ, благодаря недостаткамъ слога и преимущественно эстетической точкѣ зрѣнія, всегда давала себя чувствовать общественная жилка автора и его хорошее знакомство не съ одними произведеніями, но и съ личностью тѣхъ писателей, о которыхъ ему приходилось говорить. А кстати нашему критику необыкновенно везло и на матеріалы: когда въ 1855-мъ году онъ взялся за редактированіе сочиненій Пушкина, въ его рукахъ оказались черновыя тетради поэта, его дневникъ и тому подобныя драгоцѣнности. Позднѣе, когда Анненковъ писалъ свое „Замѣчательное десятилѣтіе“, свою біографію Станкевича и другія статьи, собранныя въ три тома „Воспоминаній и крит. очерковъ“,—онъ опять-же могъ многое черпать изъ

богатѣйшаго запаса въ его архивахъ хранившейся дружеской переписки. Такимъ-то образомъ не по личнымъ своимъ достоинствамъ, но подъ вліяніемъ времени, окружающихъ людей и счастливыхъ обстоятельствъ—П. В. Анненковъ сдѣлался почтеннымъ историкомъ русской литературы, а его многочисленныя изслѣдованія—хорошимъ подспорьемъ для будущихъ работъ.

Все, что было сказано выше объ Анненковѣ вообще, вполнѣ приложимо и къ данной, уже посмертной, его книгѣ. Статьи, ее составляющія, частью напечатанныя раньше, частью появляющіяся теперь впервые,—достоинства очень различнаго; строгую литературную критику изъ нихъ выдерживаютъ, пожалуй, даже немногія. Но самое время, самые люди, о которыхъ пишетъ Анненковъ, такъ интересны, такъ любопытны и новы иныя подробности изъ ихъ домашней и общественной жизни, что весь этотъ огромный томъ, безъ малаго въ 700 страницъ, прочитывается съ живѣйшимъ интересомъ, хоть онъ и не свободенъ отъ многихъ лишнихъ и скучныхъ страницъ. Сначала оставимъ въ сторонѣ „Заграничныя письма“ Анненкова: касаясь по преимуществу театральныхъ и вообще художественныхъ новинокъ того времени, они нѣсколько устарѣли для насъ, да и въ авторѣ обнаруживаютъ скорѣе разносторонняго дилеттанта, нежели проницательнаго художественнаго критика. Оставимъ въ сторонѣ также и его „Замѣтки къ исторіи работъ надъ Пушкинымъ“, онѣ не лишены своего значенія, но какъ-то неумѣстны въ изданіи „Литературныхъ воспоминаній и переписки“. Но вотъ предъ нами—„Идеалисты тридцатыхъ годовъ“, интереснѣйшій очеркъ литературной дѣятельности Огарева и Герцена, а затѣмъ служащая ей дополненіемъ и до сихъ поръ не бывшая въ печати „Записка объ Огаревѣ“. Статья первая знакомитъ съ невыполненными планами работъ обоихъ друзей, съ ихъ домашнею жизнью, дружескою перепискою и съ нѣкоторыми ихъ взглядами въ 30-хъ годахъ, въ этотъ сравнительно ранній періодъ ихъ дѣятельности. Не всегда возвышаясь до полнаго пониманія того, о чемъ идетъ рѣчь, съ какой-то личной мѣркой подходя къ Герцену и скользя по поверхности философскихъ убѣжденій Огарева, авторъ статьи относится зато къ нимъ обоимъ тепло и уважительно, опровергаетъ ходячія обвиненія въ безнравственности ихъ жизни и сообщаетъ попутно много поучительныхъ фактовъ. Дополнительная записка объ Огаревѣ заключаетъ въ себѣ краткій очеркъ его жизни съ нѣкоторыми новыми подробностями объ освобожденіи Огаревымъ его крѣпостныхъ, объ его семейныхъ дѣлахъ и о дѣятельности за-границею въ обществѣ другихъ эмигрантовъ. Перейдемъ теперь къ послѣдней и наиболѣе цѣнной части книги: это — многочисленныя письма къ Анненкову отъ его литературныхъ друзей. Здѣсь есть и письма М. Н. Каткова, содержанія, впрочемъ, довольно личнаго, и любопытныя письма В. П. Боткина, сообщавшаго разныя новости общественнаго характера, свои сужденія о книгахъ, о славянофильствѣ и объ искусствѣ, не упускавшаго притомъ случая подѣлиться слухами о Бѣлинскомъ, въ то время уже приближавшемся къ смерти; есть тутъ и письма самого Бѣлинскаго—живыя, талантливыя и умныя, передающія то заграничныя его впечатлѣнія, то особенно дорогія ему журнальныя событія, то слухи о готовящемся будто-бы (декабрь 1841 г.) освобожденіи крестьянъ [1]). Есть тутъ краснорѣчивыя письма Бакунина и Герцена, переполненныя стихами и философскими разсужденіями, обширныя посланія Огарева, довольно сухія сообщенія Кудрявцева и нѣсколько краткихъ, но характерныхъ записокъ Некрасова. Есть, наконецъ, письма Гоголя, относящіяся ко времени его заграничной жизни, къ тому періоду, когда творческій талантъ

---

[1]) Послѣднее говорится въ письмѣ, которое раньше приводилось уже по частямъ и В. И. Семевскимъ („Крестьянскій вопросъ въ Россіи, томъ 2), и А. Н. Пыпинымъ („Бѣлинскій“). Теперь оно въ первый разъ появляется цѣликомъ. То-же надо сказать и относительно другихъ писемъ Бѣлинскаго

великаго писателя началъ меркнуть, а на его мѣсто стали выступать мало по малу мистицизмъ и суевѣрія. Не встрѣтивъ нигдѣ сочувствія своей „Перепискѣ съ друзьями“, раздражаемый болѣзнью и получивъ извѣстное горячее и рѣзкое письмо Бѣлинскаго, Гоголь пишетъ Анненкову въ очень скорбномъ тонѣ, но все-же съ явнымъ лицемѣріемъ спѣшитъ прибавить, что пріемъ, оказанный его книгѣ для него „нѣсколько разъ лучше пріема благосклоннаго“. Общественные и литературные вопросы ужъ отступаютъ для него на задній планъ, а письма носятъ характеръ наставительной проповѣди смиренія, отрѣшенія отъ текущихъ интересовъ для полнаго преданія себя однимъ религіознымъ помысламъ. Однако, даже и среди такихъ мыслей тамъ и здѣсь разсѣяны перлы чисто гоголевскаго остроумія. Не можемъ удержаться, чтобъ не привести одного типичнаго образчика. „Были у насъ на Руси“, пишетъ Гоголь, два государственные мужа, которые произнесли два разныя изреченія. Аракчеевъ сказалъ: „Что̀ я знаю, то знаю, а чего не знаю, того и знать не хочу“. Канкринъ-же, Егоръ Францовичъ, выразился одинъ разъ такъ: „Милостивый государь, я все знаю, я даже не знаю, чего̀ я не знаю“ (стр. 510). Заканчиваются эти письма „Послѣднею встрѣчею съ Гоголемъ“, характерною страничкою изъ памятныхъ замѣтокъ Анненкова, которыя цѣликомъ, по словамъ издателя, въ настоящее время еще не могутъ быть преданы печати...

Нашимъ краткимъ обзоромъ мы надѣялись показать, какую большую цѣнность для будущаго историка имѣетъ настоящая книга. Но этимъ мы сказали еще не все. „Литературныя воспоминанія и переписка“ Анненкова представляютъ собою полезное чтеніе не для однихъ историковъ только, но и для всякаго образованнаго человѣка. Въ наше время „мелкихъ помысловъ, мелкихъ страстей“ поучительно будетъ заглянуть въ эти письма великихъ людей прошлаго, чтобы увидѣть, какъ тѣ, даже въ частныхъ своихъ сношеніяхъ, воодушевлялись только общественными интересами и тяжко страдали всѣми недугами родной литературы!...

Баронъ Ф. Ф. Врангель. Колебанія климата. Изъ лекцій въ императ. Александровскомъ лицеѣ. Спб., 1892 г., въ 8 д., стр. 18. Ц. 30 коп.

Неурожай, поразившій въ этомъ году столько губерній и вызвавшій голодъ среди значительной части нашего крестьянскаго населенія, своей непосредственною причиною имѣлъ, какъ извѣстно, неравномѣрное, неожиданное для земледѣльцевъ распредѣленіе атмосферическихъ осадковъ. Фактъ этотъ возбуждаетъ естественный вопросъ: что-же наука, ужели она безсильна устранить бѣду, предупредивши во-время о грозящихъ произойти климатическихъ перемѣнахъ? достаточно-ли изучены ею эти перемѣны и какъ объясняетъ она ихъ происхожденіе? Подобные вопросы назойливо лѣзутъ въ голову всякому мыслящему человѣку, на нихъ-то старается отвѣтить своею брошюркою баронъ Врангель; однако, прочтя ее, удовлетворенія все-же не получаешь, а можно воскликнуть съ поэтомъ: „да отвѣтъ-ли это, полно?“ Авторъ тщательно разъясняетъ, прибѣгая для бо̀льшей наглядности къ чертежамъ, что количество осадко̀въ, какъ и погода вообще, зависитъ отъ направленія вѣтровъ; а вѣтры, въ свою очередь, происходятъ отъ неравномѣрнаго нагрѣванія солнцемъ различныхъ частей земной поверхности. Всякое измѣненіе въ условіяхъ нагрѣванія производитъ измѣненіе въ давленіи воздуха, а слѣдовательно въ вѣтрахъ и погодѣ. Изъ этой зависимости сдѣланы теперь нѣкоторыя практическія, но совершенно общія заключенія; такъ мы знаемъ, напр., что съ наступленіемъ теплаго періода больше вѣроятности, что послѣдующіе годы будутъ теплые, съ засухами внутри материковъ и дождливые вблизи морей. Истина, полученная такимъ путемъ, груба и приблизительна; многое должны намъ уяснить актинометрическія наблюденія, т. е. измѣренія силы солнечнаго лучеиспусканія, но пока они еще мало подвинуты впередъ. Таковы свѣдѣнія, сообщаемыя бар. Врангелемъ; не

связанныя съ нуждами земледѣлія, они являются довольно случайнымъ обрывкомъ метеорологическихъ знаній; потому-то въ нихъ и нѣтъ настоящаго отвѣта на вышепоставленные (и поставленные притомъ самимъ авторомъ) вопросы; между строкъ только можно замѣтить не выраженное ясно убѣжденіе, что въ настоящемъ своемъ состояніи наука неспособна еще предвидѣть и предупреждать неурожаи. Намъ остается утѣшаться лишь тѣмъ, что главная причина неурожаевъ у насъ, какъ убѣдительно доказываетъ проф. Воейковъ [1]), лежитъ не въ климатѣ даже, а въ нашемъ собственномъ нежеланіи къ нему приспособляться; самый климатъ не имѣлъ-бы того губительнаго дѣйствія, еслибъ мы пользовались его хорошими сторонами и не усугубляли дурныхъ, уничтожая напр. лѣса, лучшій оплотъ всего сельскаго хозяйства. На эту-то сторону и надо, значитъ, обратить наибольшее вниманіе...

Обѣ брошюры, г. Жданова (см. обертку) и г. Врангеля, представляютъ собою лекціи, читанныя въ Алекс. лицеѣ, и нынѣ продаются въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая. Ужъ это одно заставляетъ насъ пожелать имъ успѣха.

Андрей Гартвигъ. Къ вопросу о преподаваніи исторіи въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. М., 1891 г., въ 8 д., стр. 51. Цѣна 30 коп.

Новыя учебныя программы 1890 года ввели въ наше среднее образованіе нѣсколько довольно замѣтныхъ перемѣнъ. Печать въ свое время отмѣтила ихъ хорошія и ихъ слабыя стороны, выразила пожеланіе болѣе крупныхъ реформъ, но не могла не признать, что уже и эти программы въ ихъ настоящемъ видѣ знаменуютъ собой извѣстный поворотъ къ лучшему. Два пункта въ нихъ заслуживаютъ особеннаго вниманія. Первый и самый важный—это ослабленіе классицизма: количество уроковъ по древнимъ языкамъ уменьшается ими и, кромѣ того, рекомендуется изученіе древнихъ писателей предпочтительно предъ грамматикою и классными упражненіями. Этотъ пунктъ привѣтствуемъ мы съ тѣмъ большимъ удовольствіемъ, что видимъ въ немъ первый ударъ по стройному зданію классицизма, еще недавно почитавшемуся неприкосновеннымъ. Вторая перемѣна коснулась преподаванія исторіи; она-то собственно и интересуетъ насъ ближайшимъ образомъ. Согласно новымъ программамъ, на прохожденіе средней исторіи отпущенъ одинъ лишній годовой урокъ, а новую—предположено проходить въ теченіе двухъ лѣтъ вмѣсто прежнихъ трехъ полугодій. Какъ ни скромна, повидимому, такая реформа, мы все-же видимъ въ ней—вѣяніе новаго духа. Всѣмъ извѣстно, что древняя исторія занимаетъ въ нашихъ гимназіяхъ самое видное мѣсто, ей отводится больше всего времени, всѣ-же остальныя „исторіи", за исключеніемъ развѣ отечественной, выглядятъ передъ ней какимъ-то случайнымъ придаткомъ. Преподаваніе исторіи при такой постановкѣ дѣла служило только лишнею подпоркою для все того-же классицизма, насыщая умы гимназистовъ сомнительными свѣдѣніями о томъ, когда и отъ кого родились Ромулъ и Ремъ, кто у кого укралъ Елену, кто кого поколотилъ при Иссѣ, что видѣлъ во снѣ мидійскій царь Астіагъ, какое именно восклицаніе принадлежитъ диктатору Камиллу и проч. и проч. Все это знать было-бы еще не такъ вредно, если-бы на ряду съ прекрасною Еленою ученики знакомились съ общественнымъ бытомъ древней Греціи, если-бы миоы объ основателяхъ Рима не заслоняли въ ихъ глазахъ историческое значеніе великаго города, еслибъ различныя восклицанія героевъ, да и сами герои не вытѣсняли изъ учебниковъ элементъ не геройскій, въ дѣйствительности-же единственно-важный—культурно-историческій. Но вотъ поразспросите любаго гимназиста—и вы ужаснетесь его знанію той самой древней исторіи, которую, какъ на зло, ставили всегда во главу угла. О фактахъ къ намъ болѣе близкихъ ужъ вы лучше его и не спрашивайте: исторія средняя представляется

[1]) См. „Помощь голодающимъ", сборникъ „Русскихъ вѣдомостей", статью Воейкова.

ему какою-то смѣсью великихъ открытій, крестовыхъ походовъ и рыцарстве, а въ новой онъ уже совершенный профанъ, и это понятно—новая исторія проходится у насъ какъ-то особенно стремительно, обрываясь притомъ вмѣстѣ съ паденіемъ Наполеона... Надо надѣяться, что съ новыми программами такое положеніе дѣлъ нѣсколько измѣнится: исторія средняя и новая будутъ преподаваться въ болѣе расширенномъ видѣ, а древняя займетъ, если еще не подобающее ей, то ужъ во всякомъ случаѣ не первенствующее мѣсто...

Брошюра г. Гартвига всѣхъ этихъ вопросовъ не затрогиваетъ, она трактуетъ только о тѣхъ улучшеніяхъ, которыя можетъ ввести любой преподаватель, объ улучшеніяхъ методологическихъ. Не устраняя вовсе длинныхъ и связныхъ отвѣтовъ, столь обычныхъ на урокахъ исторіи, авторъ предлагаетъ прибѣгать чаще къ перекрестному опросу, т. е. вызывать то одного, то другого ученика, требуя отвѣта всего на одинъ какой-нибудь вопросъ; притомъ въ роли спрашивающаго могутъ являться сами воспитанники, которые, какъ это извѣстно г. Гартвигу по опыту, допрашиваютъ своего товарища иногда еще строже, чѣмъ ихъ учитель. Съ такою именно цѣлью авторомъ составленъ примѣрный „Вопросникъ“ для нѣсколькихъ уроковъ; иные вопросы въ немъ кажутся намъ остроумными и полезными, но есть и такіе, на которые мы-бы очень затруднились отвѣтить. Для поддержанія интереса и оживленія въ классѣ, г. Гартвигъ считаетъ полезнымъ, чтобы ученики собирали себѣ изъ разныхъ книгъ альбомъ историческихъ иллюстрацій и чтобы объясненія учителя сопровождались свѣтовыми картинами. Для воспитанниковъ старшихъ классовъ г. Гартвигъ предлагаетъ рефераты и диспуты на разныя темы, разборы художественныхъ произведеній историческаго содержанія, наконецъ, загородныя экскурсіи съ археологическою цѣлью. Всѣ эти предложенія, исходящія, видимо, отъ преподавателя, знающаго и опытнаго, кажутся намъ разумными и цѣлесообразными. Впрочемъ, что касается улучшенной системы допроса учениковъ, то мы съ своей стороны бóльшей пользы ждемъ не отъ нея, а отъ объясненій самого учителя, всесторонне и подробно развивающаго заданный урокъ. Къ нашему удивленію, однако, г. Гартвигъ, выражающій свое справедливое недовольство существующими нынѣ учебниками, на эту-то сторону дѣла не обратилъ никакого вниманія, да и о другихъ столь-же важныхъ вопросахъ обмолвился всего нѣсколькими словами, посвятивъ все вниманіе такимъ мелочамъ, какъ, напр., организація переписки учительскаго „Вопросника“. Не понравилось намъ также и то, что г. Гартвигъ рьяно отстаиваетъ пользу отмѣтокъ, въ настоящее время съ успѣхомъ уже отмѣненныхъ въ нѣкоторыхъ частныхъ заведеніяхъ; намъ кажется, что въ этомъ отношеніи и наши казенныя гимназіи скоро послѣдуютъ ихъ примѣру, убѣдившись путемъ многолѣтняго опыта, что зависть и тщеславіе, вызываемыя отмѣтками, плохое въ сущности педагогическое средство...

Нѣкоторые недостатки настоящей брошюры вполнѣ выкупаются тѣми разумными совѣтами, которые мы въ ней находимъ и съ которыми было-бы такъ полезно ознакомиться всѣмъ нашимъ преподавателямъ исторіи.

Учебникъ русской исторіи. Элементарный курсъ. Составилъ М. Острогорскій. Спб., 1891 г., въ 8 д., стр. 110. Ц. 50 коп.

Учебникъ, предназначенный для учениковъ 3-го класса, долженъ быть особенно популяренъ, свободенъ отъ лишнихъ подробностей, но за то полонъ во всемъ существенномъ, внѣшняя форма его должна быть легка и óбразна, разсказъ—занимателенъ и простъ. Условіямъ этимъ учебникъ г. Острогорскаго отвѣчаетъ всего на половину. Написанъ онъ доступно и просто, излишними подробностями (хронологіею и именами собственными) не изобилуетъ, но нѣтъ въ немъ живости разсказа, нѣтъ и литературной, образной формы. По внѣшности и по содержанію учебникъ отличается

нѣкоторою шаблонностью. Обычная сухость всѣхъ подобныхъ изданій даетъ себя чувствовать и здѣсь, когда-же авторъ переходитъ въ лирическій тонъ, то прибѣгаетъ опять къ очень ужъ избитымъ пріемамъ. Вотъ образецъ послѣдняго: „Бѣдствія русской земли дошли до крайности. Россія, казалось, погибала“ (Смутное время). Эта шаблонность учебника выражается и въ особенномъ вниманіи автора къ территоріальнымъ расширеніямъ. Въ главѣ о Петрѣ Великомъ больше мѣста отведено его военнымъ подвигамъ, нежели его реформамъ; объ Екатеринѣ II мы узнаемъ только то, что она вела много войнъ; точно также и Александръ I-й былъ, повидимому, всецѣло поглощенъ Наполеономъ. Смѣна правителей, согласно учебнику, происходила довольно таки странно. „Борисъ сдѣлался царемъ, обошедши родовитыхъ русскихъ бояръ“. „Послѣ смерти Лжедимитрія царемъ сдѣлался Василій Шуйскій“. Почему именно Борисъ, почему Шуйскій, какъ и кто ихъ сдѣлалъ царями, объ этомъ ни полъ-слова. Есть въ книгѣ и цѣлые параграфы, которые надо признать неудачными. Вѣчевой бытъ изображенъ г. Острогорскимъ какъ какая-то дикая анархія, полная разгула и заносчиваго самомнѣнія. 10 строкъ о расколѣ — это ужъ слишкомъ мало на нашъ взглядъ; страничка объ императорѣ Павлѣ характеризуетъ его очень плохо; бунтъ Стеньки Разина и Пугачевщину (въ элементарномъ курсѣ Иловайскаго они есть) опустилъ авторъ совершенно напрасно...

Не будемъ слишкомъ строги однако. Рамки оффиціальныхъ программъ стѣсняли, видимо, г. Острогорскаго и потому мы не должны примѣнять къ его учебнику мѣрки абсолютнаго совершенства; зато, если мы посравнимъ его съ тѣми руководствами, которымъ онъ является конкурентомъ, наше отношеніе поневолѣ измѣнится и наши замѣчанія утратятъ часть своей силы. Пусть языкъ г. Острогорскаго—сухъ, пусть войны еще играютъ у него видную роль, пусть въ нѣкоторыхъ мѣстахъ замѣчаются важныя опущенія; недостатки эти отчасти исправятся въ предстоящихъ изданіяхъ, отчасти—общи всѣмъ подобнымъ учебникамъ. Но за всѣмъ тѣмъ въ книгѣ есть и хорошая сторона, отмѣтить которую составляетъ нашу прямую обязанность. Выше было указано, что г. Острогорскій тщательно избѣгалъ сухой номенклатуры; прибавимъ теперь къ этому, что ея мѣсто занялъ въ учебникѣ элементъ бытовой: рядомъ съ изложеніемъ событій политическихъ авторъ даетъ свѣдѣнія объ экономической жизни, обычаяхъ и характерѣ русскаго народа въ различныя эпохи, причемъ приводитъ отрывки изъ народныхъ пѣсенъ и нѣкоторыхъ художественныхъ произведеній. Свѣдѣнія эти иллюстрируются немного грубоватыми, но вполнѣ понятными рисунками: тутъ мы находимъ изображенія старинныхъ денегъ, костюмовъ и жилищъ, нѣсколько портретовъ царственныхъ особъ и вмѣстѣ съ тѣмъ картинки бытоваго характера. Четыре раскрашенныхъ карты прекрасно дополняютъ эти полезныя приложенія.

Видя необходимость поправокъ и дополненій въ учебникѣ г. Острогорскаго, мы все-же съ полнымъ убѣжденіемъ рекомендуемъ его, какъ хорошее руководство для младшихъ классовъ гимназіи; вниманіе-же учителей обращаемъ по преимуществу на мелкій шрифтъ, которымъ сплошь и рядомъ напечатаны въ книгѣ наиболѣе важныя главы. **Н. В. В—въ.**

Георгъ Веберъ. Всеобщая исторія. Т. XIV. Пер. В. Невѣдомскаго. Москва, 1892 г., 1012 стр., 6 р.

Этотъ громадный томъ излагаетъ исторію первыхъ трехъ десятилѣтій XIX ст.— отъ торжества Наполеона I до іюльской революціи 1830 г. Въ немъ шагъ за шагомъ подробно и систематично разсказывается, какъ Наполеонъ, „великій прокладыватель путей новой жизни и исполнитель революціонныхъ приговоровъ Провидѣнія надъ старою Европою“, въ теченіе десятилѣтія одерживалъ побѣды всюду, куда заносило его личное честолюбіе и бездарная политика европейскихъ державъ. Правительства въ этихъ послѣднихъ, руководимыя трусостью или расчетомъ на наполеонов-

скія подачки, то держали выгодный для Наполеона нейтралитетъ или даже вели борьбу съ его врагами, то объявляли ему войну, когда нельзя было расчитывать на успѣхъ, и затѣмъ позорно сдавались и еще позорнѣе унижались передъ Франціею. Россія въ 1799 г., ничѣмъ не вызванная, послала Суворова вести среди альпійскихъ снѣговъ безплодную борьбу съ французами за совершенно чуждые ей интересы мальтійскихъ рыцарей, римскаго папы и даже турецкаго султана; потомъ императоръ Павелъ I внезапно примирился съ Наполеономъ; затѣмъ въ 1805 г. императоръ Александръ I, обиженный отношеніями Наполеона къ сардинскому королю и другими, почти столь-же мало касавшимися Россіи обстоятельствами, вступилъ въ нѣсколько несчастныхъ коалицій противъ Франціи. Потерпѣвъ рядъ тяжелыхъ пораженій, Россія черезъ два года, увлекшись несбыточною мечтою раздѣлить съ Франціею міръ, заключила съ ней въ Тильзитѣ, потомъ въ Эрфуртѣ мирный договоръ и для завоеванія Финляндіи начала войну со Швеціею, своимъ вчерашнимъ союзникомъ, и разорительную для нея самой экономическую борьбу съ Англіею.

Такая политика создала почву для блестящихъ побѣдъ геніальнаго авантюриста, да и не одна политика. Наполеонъ шелъ во главѣ народа, только-что завоевавшаго себѣ равенство передъ закономъ, личную свободу, экономическое благосостояніе; армія и народъ у него сливались почти во едино. Противъ него выступалъ легитимизмъ, не позаботившійся соединить интересы династій съ интересами народовъ. Въ рядахъ его враговъ были нѣмецкіе короли и принцы крайне невѣжественные, (они считали историческій фактъ — казнь англійскаго короля Карла I — клеветою якобинцевъ на преданную королямъ націю), преданные чувственнымъ наслажденіямъ, корыстолюбивые, эгоистичные и трусливые, занимавшіеся интригами и боровшіеся другъ съ другомъ. Народъ „проливалъ кровь за принца, который безучастно взиралъ на борьбу изъ безопаснаго убѣжища, который . . . . . обращался къ Наполеону съ просьбою женить его на одной изъ принцессъ дома Бонапартовъ . . . . , а присланныя ему деньги для бѣгства издержалъ на развлеченія“ (326); министры не понимали нуждъ народа; правительства прибѣгали къ самымъ варварскимъ мѣрамъ: къ жестокимъ казнямъ, превосходившимъ казни эпохи террора (21), къ натравливанію народа на грабежи (682), къ тайному убійству иностранныхъ пословъ (47). Въ арміяхъ повышали не за заслуги, а по протекціи; солдаты обучались не столько для войны, сколько для парадовъ (196, 229 и др.); народъ былъ задавленъ. Понятно, что вести войну съ такими властителями Германіи было не трудно.

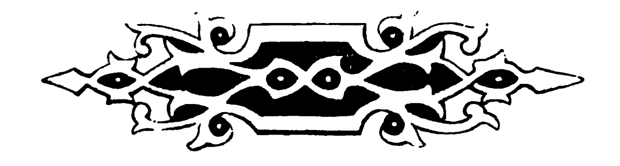
Но счастіе измѣнило Наполеону, когда сперва въ Испаніи, потомъ въ Россіи, ему пришлось бороться съ самимъ народомъ. Потомъ, въ 1813 г., ему оказалось непосильною борьба и съ Пруссіею,—въ которой за это время были произведены реформы Штейна: освобожденіе крестьянъ, преобразованіе административной системы, измѣненіе городскаго устройства и въ связи съ ними реформы въ арміи, представлявшія первые шаги къ введенію всеобщей воинской повинности (277 и сл.). Въ то-же время въ самой Франціи не оставалось уже почти ничего отъ завоеваній предшествовавшей эпохи. Наполеонъ постепенно прибралъ къ своимъ рукамъ представительное правленіе, печать, народное образованіе, возстановилъ власть католическаго духовенства и прежнее дворянство (175, 270, 272 и др.)—и вмѣстѣ съ тѣмъ потерялъ опору въ народѣ; распространеніе въ народныхъ школахъ катехизиса, гдѣ наряду съ поклоненіемъ Богу устанавливался культъ Наполеона (270), не могло помочь дѣлу. Въ этомъ, по мнѣнію Вебера, лежитъ причина пораженія Наполеона даже въ 1814 г., когда иностранныя арміи вторглись въ самую Францію, или въ 1815 г., когда во время ста дней союзникомъ Наполеона явилась старая ненависть къ возстановленнымъ Бурбонамъ.

Вторая половина тома Вебера посвящена

описанію тѣхъ оргій, которымъ предался побѣдившій гидру революціи легитимизмъ, въ концѣ концовъ доведшій Францію и Европу до новой революціи 1830 г. — ею заканчивается XIV томъ „Исторіи"; если не считать краткаго, довольно поверхностнаго и сухаго обзора исторіи литературы за тотъ-же періодъ.

Все это изложено у Вебера очень систематично, подробно и доказательно, даже слишкомъ доказательно и слишкомъ подробно, такъ что основная мысль тонетъ въ обиліи мелочей дипломатической и военной исторіи. Занятый ими, авторъ почти не удѣляетъ вниманія народной жизни, такъ что правительства и арміи, о которыхъ онъ такъ распространяется, кажутся какъ-бы висящими въ воздухѣ. При полномъ отсутствіи чего-нибудь похожаго на художественный талантъ, всѣ эти подробности производятъ на читателя удручающее впечатлѣніе: ему невольно кажется, что будь этотъ томъ покороче, онъ былъ-бы гораздо лучше. Къ тому-же, книга страдаетъ неравномѣрностью въ распредѣленіи матеріала. Обративъ все свое вниманіе на завоеваніе Наполеономъ Европы, Веберъ очень мало коснулся странъ, которыя стояли въ сторонѣ отъ этого движенія; такъ Англіи посвящено у него (кромѣ многочисленныхъ упоминаній мимоходомъ) всего около 20 стр., т. е. приблизительно столько же, сколько Испаніи, или мелкимъ итальянскимъ государствамъ; такъ-же мало затронута исторія Балканскаго полуострова; о Соединенныхъ Штатахъ не говорится ни чего (они упоминаются даже всего два раза) тогда какъ исторія революціонныхъ движеній въ южной и средней Америкѣ разсказана довольно подробно. Въ довершеніе такой неравномѣрности, русскій переводчикъ нашелъ необходимымъ сократить нѣкоторые параграфы, посвященные Россіи. Такимъ образомъ, XIV томъ книги Вебера является не столько „всемірною" исторіею, сколько политическою исторіею юго-западной и средней Европы; въ этихъ же рамкахъ онъ имѣетъ неоспоримое значеніе. Во всякомъ случаѣ, можно порадоваться тому, что большое предпріятіе— переводъ и изданіе этой книги, начатое Н. Г. Чернышевскимъ и К. Т. Солдатенковымъ, приближается къ концу.

В. В. Водовозовъ.



№ 18. № 18.

КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ И МАГАЗИНЪ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“

С.-Петербургъ, Большая Подьяческая ул., д. № 7.

КАТАЛОГЪ НОВЫХЪ КНИГЪ.

Книжный складъ и магазинъ «Русской Старины» принимаетъ на коммисію постороннія изданія и высылаетъ иногороднымъ по требованіямъ или съ наложеннымъ платежемъ всѣ книги, публикованныя въ газетахъ и другихъ каталогахъ.

NB. Книжные магазины и частныя лица могутъ обращаться съ заказами безъ высылки при этомъ денегъ и получать книги по почтѣ съ наложеніемъ платежа.

* **Алексій**, іеромонахъ (Виноградовъ). Исторія Англійско-Американской Библіи. Часть III. Спб., 1891 г.

* **Альфонсъ Берже.** Цвѣтная фотографія по способу графа Липпмана. Переводъ съ франц., съ 12-ю рис. въ текстѣ. М. 1891. Ц. 40 к.

Арнольдъ, Θ. К. Курсъ лѣсоводства. Съ рисунками. Спб., 1892 г. Ц. 2 р.

«Артистъ». Театральный, музыкальный и художественный журналъ. № 20. М., 1892 г. Ц. 2 р.

* **Барсовъ**, Н. И. Существовала-ли въ Россіи инквизиція? Спб., 1891 г. Ц. 25 к.

* **Барсовъ, Н. И.** Къ литературной исторіи Вольтера: Вольтеръ и «Римскія дѣянія». Спб., 1892 г. Ц. 25 коп.

Безобразовъ, П. В. Историческія повѣсти. (Въ пользу голодающихъ). М. 1892. Ц.1 р.

Біографическая библіотека Ф. Павленкова: М. Ю. Лермонтовъ. — Н. И. Новиковъ. Съ портретами. Спб. 1891.—Гуттенбергъ;—Ч. Диккенсъ; — лордъ Байронъ. Спб., 1892. Цѣна каждой книги 25 к.

Боровиковскій, А. Законы гражданскіе (Сводъ Законовъ, т. X, часть 1-я). Съ объясненіями по рѣшеніямъ гражданск. кассац. департ. правит. сената. Изд. 7-е, дополненное и исправленное. Спб. 1892. Ц. 6 р.

* **Бражниковъ**, Л. Д. Идеи русскихъ писателей XIX вѣка. Матеріалы къ исторіи русской литературы. Спб., 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.

Бродовскій, Б. М. Д-ръ Конвульсіи у дѣтей, причины ихъ и совѣты, что дѣлать до прибытія врача. М., 1892 г. Ц. 10 к.

Бродовскій, В. М. Д-ръ. Объ улучшенномъ способѣ искуственнаго вскармливанія грудныхъ дѣтей. Минскъ. 1892 г. Ц. 15 к.

Брюль, Н. Л. Систематическій сборникъ дѣйствующихъ на русскихъ желѣзн. дор. узаконеній и распоряженій правительства. 3-й вып. дополненій къ 3-й части сборника по 1-е января 1892 г. Ц. 3 р.

Булгаковъ, Θ. И. Альбомъ русской живописи. Картины К. Е. Маковскаго. Спб. Ц. 2 р. 50 коп.

Бьернстьернъ-Бьернсонъ. Марія шотландская. Драма въ 5-ти д. Переводъ П. Г. Ганзена. Спб. 1892. Ц. 40 к.

Бьернстьернъ - Бьернсонъ. Новобрачные. Комедія въ 2-хъ дѣйствіяхъ. Спб. Ц. 25 к.

Бѣловъ, А. Промышленная обработка скотнаго боя и отбросовъ. М., 1882 г. Ц. 60 к.

Гейнце, Н. Э. Изъ міра таинственнаго Записки спирита. Спб., 1892 г. Ц. 50 к.

* **Ж. Можень и В. Мень.** Скрипка альтъ,

---

* Этимъ знакомъ отмѣчены заглавія книгъ, поступившихъ въ книжный магазинъ „Русской Старины“.

віолончель, контръ-басъ гитара. Смычки канифоль и струны. Новое полное руководство къ устройству струнныхъ музыкальныхъ инструментовъ и къ изготовленію смычковъ, канофоли и струнъ. Переводъ съ франц. И. Инякина. Тверь, 1891 г. Ц. 1 руб.

* **Живая Старина**. Періодич. изданіе. Подъ ред. В. И. Ламанскаго. Вып. I, годъ 2-й. Спб., 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.

Жизневскій, А. К. Өедоръ Николаевичъ Глинка, † 1880 года 11-го февраля. Тверь, 1890 г. Ц. 50 к.

* **Журналы Комитета Министровъ**. Царствованіе Императора Александра I, 1802—1826 гг. Т. II: 1810 — 1812 гг. Спб., 1891 г. Ц. 3 руб.

* **Извѣстія Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи** при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ. Т. X, Вып. 2-й. Казань, 1892 г. Ц. 1 руб.

Итоги экономическаго изслѣдованія Россіи по даннымъ земской статистики. Т. I. Общій обзоръ земской статистики крестьянскаго хозяйства А. Фортунатова. Крестьянская община В. В. М. 1892 г. Ц. 3 р. 50 к.

* **Клоссе**, К. Гомеопатія, изобличенная въ интересахъ народнаго здравія. Переводъ съ нѣмецкаго, изд. 2-ое. Спб., 1883 г. Ц. 30 к.

* **Клоссе**, К. Пора знать каждому желающему избавиться отъ дорогихъ врачей и аптекъ, что такое медицина и какъ она исцѣляетъ. Изд. 3-е Спб., 1882 г. Ц. 50 к.

Корнель. Сидъ, трагедія въ 5 актахъ. Переводъ съ французскаго въ стихахъ. В. С. Лихачева (Дешевая Библіотека). Спб. Ц. 12 к.

Корнэ, Ж. Какъ уберечься отъ чахотки. Спб., 1890 г. Ц. 30 к.

* **Крестный календарь на 1892 г.** (А. Гатцука). М., 1892 г. Ц. 15 к.

* **Крестовскій**, В. (псевдонимъ). Собраніе сочиненій. Т. II. Спб., 1892 г. Ц. по подпискѣ за 5 т. 12 р.

Лекціи въ Императорскомъ Александровскомъ лицеѣ въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая: О драмѣ Пушкина «Борисъ Годуновъ». И. Н. Жданова.—«Колебаніе климата». Барона Ф. Ф. Врангеля.—«Неурожай и голодъ». А. А. Исаева.—«Общественное значеніе права». Н. М. Коркунова. Спб. 1892 г. Цѣна каждой 30 к.

* **Лилеевъ**, Н. В. Симеонъ Бекбултовичъ ханъ касимовскій, великій князь всея Руси, впослѣдствіи великій князь тверской 1567—1616 гг. Тверь, 1891 г. Ц. 1 р.

* **Марковъ**, Н. Новая Ладога, уѣздный городъ Спб. губерніи въ современномъ его состояніи. Островъ, 1891 г. Ц. 25 к.

Марлинскій, А. (А. А. Бестужевъ). Мореходъ Никитинъ.—Романъ и Ольга.—Замокъ Эйзенъ.—Шахъ Гуссейнъ. Издан. 3-е (Дешевая библіотека). Спб. Ц. 15 к.

* **Медоксъ**, К. Инородцы въ Поволжьѣ. Историко-этнографическо-лингвистическія замѣтки и изслѣдованія. (Съ картою Европейско - Азіатской Россіи). Саратовъ, 1892 г. Ц. 1 р.

* **Меллеръ**, Л. П. Руководетво къ содержанію и разведенію канареекъ. Второе изд. Л. П. К. Спб., 1883 г. Ц. 50 к.

Мережковскій, Д. Символье. (Пѣсни и поэмы) С.1892 г. Ц. 1 р. 50 к.

Миллеръ,Всеволодъ.Эксукурсы въ область народнаго эпоса· I—VIII. М., 1892 г. Ц. 2 р.

* **Милорадовичъ**, гр. Г. А. Списокъ лицъ свиты ихъ величествъ съ царствованія Императора Петра I по 1891 г. по старшинству дня назначенія. Черниговъ, 1891 г. Ц. 40 к.

Муравьевъ, Н. В. Дополненіе къ «Руководству для волостныхъ судовъ въ мѣстностяхъ, гдѣ учреждены земскіе участковые начальники». М. 1891. Ц. 50 к.

Отрадинъ, В. Стихотворенія, сюиты и драматическія поэмы. Т. II. Спб., 1892 г. Ц. 2 р.

* **Памятная книжка** Курской губерніи на 1892 годъ. Курскъ, 1892 г. Ц. 1 р. 20 к.

Пассить, Г. А. Изъ исторія православія въ Прибалтійскомъ краѣ. Къ 25-лѣтію Рижскаго Петропавловскаго православнаго братства. Рига, 1892 г. Ц. 50 к.

* **Плато ф. Рейсснеръ.** Новѣйшая русско-нѣмецкая метода для изученія въ три мѣсяца нѣмецк. чтенія, письма и разговора Вып. I. Варшава, 1892 г. Ц. 20 к.

Раевскій, М. Н. Неурожай 1891 г. въ связи съ общей характеристикой нашей хлѣбной производительности, а также вывоза хлѣбовъ заграницу за предъидущіе годы. Спб. Ц. 30 к.

Рошковскій, Л. П. Судебные уставы императора Александра II, съ комментаріями и разъясненіями. Уставъ гражданскаго судопроизводства. Изд. 3, переработан. и дополн. Казань. 1892. Ц. 5 р.

Салтыковъ, М. Е. Сказки. — Пестрыя письма.—Недоконченныя бесѣды.(Полное собраніе сочиненій т. VI). Спб. 1892. Ц. 2 руб.

* **Таргонскій,** В. А. Страхованіе отъ градобитія. — Краткій очеркъ развитія страхованія отъ града въ Германіи и Россіи. М. 1892. Ц. 25 к.

Тверской Музей и его пріобрѣтенія въ 1889 году. Тверь, 1891 г. Ц. 30 к.

Тверской Музей и его пріобрѣтенія въ 1890 году. Тверь, 1891 г. Ц. 30 к.

Тимановскій, А. Сборникъ толкованій русскихъ юристовъ къ судебнымъ уставамъ Императора Александра II. Изданіе 2-е. Варшава. 1892. Ц. 3 р.

Трахтенбергъ, Г. И. Алфавитный указатель вопросовъ, разрѣшенныхъ уголовнымъ кассац. и общ. собран. кассац. департ. Правит. Сената, 1878—1891. Издан. дополнен. Спб. 1892. Ц. 1 р. 50 к.

Фламмаріонъ, К. Въ небесахъ. Астрономическій романъ. Съ рисунками. Изд. 2-е, исправлен. и дополнен. Спб., 1892 г. Ц. 75 к.

Цвѣтаевъ, Д. В. Исторія сооруженія перваго костела въ Москвѣ. М. 1886 г. Ц. 1 р. 20 к.

* — Къ исторіи изученія вопроса объ иностранцахъ въ Россіи. Изъ рѣчи предъ защитой докторской диссертаціи. М. 1891. Ц. 20 к.

* — Къ исторіи культуры въ Россіи въ XVI и XVII вѣкахъ. М. 1890. Ц. 25 к.

* — Литературная борьба съ протестантствомъ въ Московскомъ государствѣ. М. 1887. Ц. 1 р. 50 к.

* **Цвѣтаевъ,** Д. В. Московскій пасторъ А. И. Фехнеръ. М. 1887. Ц. 30 к.

* — Обруѣніе иноземцевъ въ Московскомъ государствѣ. М. 1886. Ц. 80 к.

* — Памятники къ исторіи протестантства въ Россіи. (Приложеніе къ изслѣдованіямъ). М. 1888. Часть I, стр. XXII+245. Ц. 2 р.

* — По поводу статьи професс. Д. И. Багалѣя объ историческомъ изслѣдованіи «Протестанство и протестанты въ Россіи до эпохи преобразованій». М. 1890. Ц. 25 коп.

* — Построеніе первой протестанской церкви въ Москвѣ. М. 1885. Ц. 30 к.

* — Протестанство и протестанты въ Россіи до эпохи преобразованій. Историческое изслѣдованіе. М. 1890. Ц. 6 р.

Черкасовъ, Е. Проектъ постоянной зерносушилки съ вентиляторомъ. Спб. Ц. 60 к.

Чеховъ, Антонъ. Дуэль. Повѣсть. Изданіе 2-е. Спб. 1892. Ц. 1 р.

Чеховъ, Антонъ. Каштанка. Разсказъ. Съ рисунками. Спб. 1892. Ц. 50 к.

Шамуринъ-Макарьевскій, Н. В. Сельское хозяйство. Съ рисунками. Ц. 1 р. 35 к.

* **Шенрокъ,** В. И. Матеріалы для біографіи Гоголя. Т. I. М., 1892 г. Ц. 2 р.

Шишмаревъ, Д. И. Краткій очеркъ промышленности въ районѣ Нижегородской и Шуйско-Ивановской ж. д. Спб. 1892 Ц. 30 к.

Шредеръ, Р. И. Живыя изгороди и лѣсныя опушки. Съ введеніемъ И. А. Стебута. Изданіе 3-е, исправл. и дополн. Спб. 1892. Ц. 90 к.

Штиглицъ, А. Изслѣдованіе о началахъ: политическаго равновѣсія, легитимизма и національности. Ч. III. отд. 2-й. Спб. 1892. Ц. 2 р. 50 к.

Щербачевъ, Г. Д. Двѣнадцать лѣтъ молодости. Воспоминанія изъ времени царствованія императора Николая I. М., 1892 г. Ц. 1 р.

Щербачевъ, Г. Д. Любовь и сила воли. Біографическій очеркъ. М., 1892. Ц. 50 к.

Этнографическое обозрѣніе. Издан. этногр. отд. Им. общ. люб. естеств., антропол. и этногр. № 4. М. 1891. Ц. 1 р. 50 коп.

* **Энциклопедич. Словарь**, подъ ред. К. К. Арсеньева и заслуж. проф. Ѳ. Ѳ. Петрушевскаго. Т. V. Спб., 1892 г. Ц. въ переплетѣ 3 р.

Ю. Э. **Болѣзнь вѣка**. Романъ. Варшáва. 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.

Ярошевскій, К. Ѳ. Учебникъ минералогіи. Руководство для среднихъ учебныхъ заведеній. Съ реальнымъ курсомъ. М. Ц. 1 р. 25 коп.

Ященко, Г. А. Растенія для жилыхъ комнатъ и уходъ за ними. Кіевъ. 1892. Ц. 1 р. 75 коп.

Ѳедоровъ, П. Ѳ. Д-ръ. Экстракція зубовъ. Съ рисунками. Спб. Ц. 1 р.

и появляется во всѣхъ подробностяхъ, оставляя послѣ себя живое историческое знаніе и глубоко-гуманное чувство. Многіе-ли, однако, изъ милліоновъ дѣтей, зачитывавшихся книгою и волновавшихся судьбою дяди Тома, многіе-ли изъ нихъ знаютъ что-нибудь о жизни самой Бичеръ-Стоу, ихъ излюбленнаго автора? Въ Америкѣ и въ Англіи они могутъ познакомиться съ біографіею, составленною ея сыномъ, у насъ въ Россіи только теперь, благодаря г-жѣ Сысоевой, біографія эта появилась въ сокращенномъ, но умѣломъ изложеніи. И надо сказать, что образъ симпатичной писательницы, рисуемый здѣсь всего лучше ея-же собственными письмами, встаетъ передъ вами какъ живой. Ея счастливое дѣтство въ многочисленной и образованной семьѣ, ея немногіе, но трудовые учебные годы, первые литературные опыты въ сатирическомъ духѣ, замужество и вслѣдъ за нимъ—болѣзни и бѣдность, проповѣдь освобожденія негровъ путемъ печати, сначала мелкими статьями въ газетахъ, потомъ знаменитымъ романомъ, успѣхъ „Хижины дяди Тома“, слава писательницы и ея послѣдніе годы,—все это занимательно и живо разсказано въ настоящей книгѣ, предназначенной, вѣроятно, для юношества и дѣйствительно вполнѣ для него пригодной какъ по языку, такъ и по содержанію. Желаемъ отъ души, чтобы эта біографія, снабженная прекрасными портретами г-жи Бичеръ-Стоу и ея брата, тоже ревностнаго защитника освободительнаго дѣла, получила у насъ возможно большее распространеніе и тѣмъ завершила-бы еще сильнѣе гуманное воздѣйствіе старинаго, но еще далеко не устарѣвшаго американскаго романа.

И. Н. Ждановъ. О драмѣ А. С. Пушкина „Борисъ Годуновъ“. Изъ лекцій въ импер. Алекс. лицеѣ. Спб., 1892 г., въ 8 д., стр. 38. Ц. 30 коп.

Что, кажется, общаго между извѣстною драмою Пушкина и неурожаемъ настоящаго года? Казалось-бы—ничего, а вотъ г. Ждановъ нашелъ все-же точку соприкосновенія для такихъ разнородныхъ явленій: онъ кстати припомнилъ, что царствованіе Бориса было ознаменовано великимъ голодомъ, сопоставилъ его съ тѣмъ бѣдствіемъ, которое переживаетъ теперь Россія, и затѣмъ, воспользовавшись этимъ сближеніемъ, прочелъ въ пользу голодающихъ живую и занимательную лекцію о пушкинскомъ „Борисѣ Годуновѣ“. Съ основною мыслью его лекціи мы совершенно несогласны. Авторъ силится доказать, что не правы были критики, преимущественно Полевой и Бѣлинскій, считавшіе Пушкина мало самостоятельнымъ въ его драмѣ, слишкомъ слѣпо подчинившимся историческому авторитету Карамзина. Г. Ждановъ въ противность имъ полагаетъ, что „Пушкинъ слѣдовалъ дорогою, на которой Карамзинъ не былъ и не могъ быть путеводителемъ“; такое свое мнѣніе онъ обставляетъ двумя примѣрами, изъ коихъ видно, что Пушкину не остались чужды и нѣкоторые другіе источники, а кромѣ того указываетъ на очень немногіе случаи нѣкотораго разногласія между историкомъ и поэтомъ. Признаться, насъ не убѣдили доводы г. Жданова и мы остались при мнѣніи Бѣлинскаго, что вліяніе Карамзина отразилось въ драмѣ очень замѣтно, а ярче всего оно сказалось при изображеніи самого Годунова, который является у Пушкина мелодраматическимъ героемъ во вкусѣ Карамзина, съ жестокими мученіями совѣсти и точно свыше предначертанною карающею судьбою. Нисколько не умаляя значенія всей драмы, мы продолжаемъ также думать съ Бѣлинскимъ, что пушкинскій Борисъ, насколько онъ отступаетъ отъ характеристики, данной въ „Исторіи государства Россійскаго“, плодъ поэтической фантазіи, не больше,—и уже во всякомъ случаѣ совсѣмъ не историческое лице... На Пушкина вообще многіе у насъ все еще смотрятъ неправильно: можно и должно цѣнить талантъ великаго поэта, объ этомъ едва-ли кто станетъ и спорить, но не пора-ли, наконецъ, вполнѣ рѣшительно осудить всю узость его историческихъ, а еще болѣе того—политическихъ взглядовъ?..

Несогласіе съ основнымъ положеніемъ автора не помѣшало намъ заинтересоваться его историко-критическимъ этюдомъ. Мы думаемъ, что нѣкоторыя любопытныя сопоставленія, характерныя выписки изъ старинныхъ документовъ и гладкій, литературный языкъ даютъ г. Жданову право на сочувственное вниманіе публики.

Н. В. В—въ.

„РУССКАЯ СТАРИНА"

1892 г.

ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб., съ пересылкою.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины", Невскій просп., д. № 20, у Полицейскаго моста, книжный магазинъ **А. Ѳ. ЦИННЗЕРЛИНГА** (бывшій Мелье и К°.). Въ Москвѣ — въ отдѣленіяхъ конторы, при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха), **Н. И. Мамонтова** (Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова). Въ отдѣленіяхъ конторы при книжн. магазинахъ: въ Казани — **А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостинный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ — при книжн. магаз. **Ѳ. В. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжн. магазинѣ **Н. Я. Оглоблина.**

☛ Гг. **Иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала **„Русская Старина"**, на Большую Подьяческую, близъ Екатерининскаго канала, домъ № 7.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ" помѣщаются:

I. Записки и Воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вв.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ; переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ. — V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Можно получать въ конторахъ редакціи слѣдующія изданія журнала:

„Русская Старина" 1870 г., третье изд., *(15 экз.)*, съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина" 1876 г., второе изд., *(60 экз.)*, съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина" 1877 г., 12 книгъ *(33 экз.)*, съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина" 1878 г., 12 книгъ *(31 экз.)*, съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина" 1880 г., второе изд. *(61 экз.)*, съ 12 портрет., 8 руб.
„Русская Старина" 1881 г., 12 книгъ *(30 экз.)*, съ портретами, 9 руб.
„Русская Старина" 1884 г., 12 кн. изд. второе *(57 экз.)*, съ портр., 9 руб.
„Русская Старина" 1885 г., 12 книгъ *(52 экз.)*, съ портретами, 9 руб.
„Русская Старина" 1888 г., 12 книгъ *(70 экз.)*, съ портретами, 9 руб.
„Русская Старина" 1889 г., двѣнадцать книгъ съ портретами, 9 руб.
„Русская Старина" 1890 г., двѣнадцать книгъ съ портретами, 9 руб.
„Русская Старина" 1891 г., 12 книгъ *(56 экз.)*, съ портретами, 9 руб.

За издателя **Е. М. Семевская.** За редактора **А. С. [illegible]**

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ двадцать третій. **МАЙ.** 1892 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ сибирскаго отшельника **Өеодора Козмича,** † 20 янв. 1864 г. Гравировалъ художникъ И. И. Матюшинъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Екатерининскій каналъ, д. № 80.

1892.

РУССКІЕ ДОСТОПАМЯТНЫЕ ЛЮДИ.

Замѣтки и воспоминанія по поводу труда Д. Н. Бантыша-Каменскаго: „Словарь достопамятныхъ людей русской земли“, изд. 1847 г., и нѣкоторыхъ другихъ изданій того времени.

[Рукопись изъ собранія С. Д. Полторацкаго].

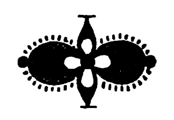
Александръ Осиповичъ Аблесимовъ.

Бантышъ-Каменскій, Д. Н. „Словарь достопамятныхъ людей русской земли“. Кромѣ сего заглавія, находящагося на обертке всѣхъ трехъ томовъ Словаря, на стр. 1-ой перваго тома онъ названъ: „Словарь достопамятныхъ русскихъ“, равно какъ во второмъ и третьемъ томахъ. Прибавленіе-же ко второму тому Словаря, заключающее біографіи митрополита Платона, фельдмаршала князя Прозоровскаго и А. С. Пушкина, названо: „Прибавленіе ко второй части Словаря знаменитыхъ россіянъ“, какъ будто-бы существовалъ словарь Бантышъ-Каменскаго подъ симъ именемъ. Прибавленіе, оторвавшись отъ II тома и имѣя собственную нумерацію, можетъ вовлечь будущихъ библіографовъ въ странныя недоумѣнія и розысканія, которыя я желаю нынѣ отвратить настоящимъ замѣчаніемъ.

Г. Бантыщъ-Каменскій, на 1-ой стр. I-го тома своего словаря, говоря, что Аблесимовъ, Александръ Осиповичъ, извѣстенъ сочиненною имъ комическою оперою, въ 3-хъ дѣйствіяхъ,

въ народномъ вкусѣ, „Мельникъ“, представленною въ первый разъ 20-го января 1779 (гдѣ и на какомъ театрѣ?) прибавляетъ, что пьеса сія долго увеселяла русскую публику своею простотою и замысловатостію (sic). Неужели эти два эпитета совмѣстимы въ какомъ-нибудь дѣлѣ? Они уничтожаютъ другъ друга.

Кстати здѣсь вспомнить, что, въ іюлѣ 1828 года, я игралъ роль жениха въ „Мельникѣ“. Спектакль былъ данъ въ Калугѣ, обществомъ любителей, для супруги тогдашняго губернатора, князя Александра Петровича Оболенскаго, что нынѣ (августъ 1847 г.) сенаторъ и почетный опекунъ, Аграфены Юрьевны, дочери д. т. с. Юрія Александровича Нелединскаго-Мелецкаго, скончавшейся въ Калугѣ 19-го февраля 1829 г. и погребенной въ Лаврентьевскомъ монастырѣ, въ двухъ верстахъ отъ Калуги. Дѣйствующими лицами въ пьесѣ были: мельникъ—Павелъ Матвѣевичъ Тиличеевъ; невѣста—княжна Екатерина Александровна Оболенская (дочь губернатора), бывшая впослѣдствіи въ замужествѣ за графомъ Валеріаномъ Николаевичемъ Зубовымъ (сынъ оберъ-шталмейстера графа Николая Александровича и графини Натальи Александровны, дочери Суворова) и скончавшаяся въ 1843 г., въ имѣніи отца своего, Калужской губ., Козельскаго уѣзда, селѣ Березихахъ (принадлежавшемъ прежде В. Л. Пушкину, дядѣ поэта). Отецъ невѣсты—П. Я. Яковлевъ и жена его—П. С. Тиличеева. Только двое послѣднихъ, да я многогрѣшный остались живы изъ дѣйствующихъ лицъ. Вѣроятно, многихъ нѣтъ и изъ зрителей. Спектакль сошелъ отлично и былъ данъ съ благотворительною цѣлью. Сверхъ „Мельника“, давали еще „Свою семью“ или „Замужнюю невѣсту“, (соч. кн. Шаховскаго и частію А. С. Грибоѣдова). Играли на публичномъ театрѣ, каменномъ зданіи, гдѣ послѣ неоднократно повторялись подобные благотворительные спектакли; этотъ театръ сгорѣлъ въ мартѣ 1836 г. отъ злонамѣренности раскольниковъ и изувѣрства ихъ, какъ носились слухи.



Степанъ Ѳедоровичъ Апраксинъ.

Бантышъ-Каменскій, въ біографіи фельдмаршала Степана Ѳедоровича Апраксина (т. I, стр. 33), разсказываетъ, что во время суда, надъ нимъ учрежденнаго, за выводъ арміи изъ Пруссіи, послѣ Гросъ-Эгерндорфской побѣды (19-го августа 1757 г.), и длившагося около трехъ лѣтъ, императрица Елисавета, недовольная медленностію, сказала:

— „Ну, остается послѣднее средство—прекратить слѣдствіе и оправдать невиннаго“.

Когда въ засѣданіи комиссіи фельдмаршалъ по прежнему утверждалъ свою невинность, то одинъ изъ членовъ сказалъ: „Итакъ остается намъ теперь употребить послѣднее средство...“

Не успѣлъ онъ кончить словъ, какъ вдругъ апоплексическій ударъ повергъ Апраксина мертвымъ на землю. Бантышъ-Каменскій не входитъ въ объясненіе сихъ таинственныхъ словъ, имѣвшихъ такое могущественное вліяніе, но смыслъ ихъ понятенъ былъ всякому, кому памятны событія съ Лопухиною, Бестужевою-Рюминою, Головкинымъ, Остерманомъ и Минихомъ... случившіяся въ кроткое царствованіе, когда „пытка“ была будто-бы уничтожена. Я говорю это не въ обвиненіе тогдашняго правительства, но хотѣлъ-бы, чтобы отдавали каждому его... suum cuique... Вспомнимъ, что̀ дѣлалось въ это время въ Европѣ... вспомнимъ Лалли-Толендаль, Калласа, Серветовъ...

Біографія Ст. Ѳед. Апраксина, отца, и Степана Степановича, генерала-отъ-кавалеріи, сына его, бывшаго женатымъ на княжнѣ Голицыной, Екатеринѣ Владиміровнѣ, напоминаетъ разсказъ, мною слышанный отъ воспитывавшейся у тещи его, княгини Натальи Петровны Голицыной, дѣвицы Прасковьи Георгіевны Тиличеевой, что въ молодости своей онъ сдѣлалъ уговоръ съ однимъ изъ своихъ друзей, чтобы тому, кто умретъ прежде, явиться къ оставшемуся въ живыхъ и сказать о днѣ смерти. Пріятель его, будто-бы умершій давно, исполнилъ слово и явился къ нему незадолго предъ кончиною его, послѣдовавшею въ январѣ 1837 года, и сказалъ ему день, кажется 6-го января. Можно себѣ представить, какъ потрясло это Апраксина, если это было и дѣло воображенія. Впрочемъ, какъ знать? Есть многое въ природѣ, другъ Гораціо... Жаль, что не

говоритъ объ этомъ Бантышъ-Каменскій, слышавшій, вѣроятно, этотъ разсказъ и знакомый съ Апраксинымъ. Онъ обѣ біографіи заимствовалъ изъ „Опыта историческаго родословія Апраксиныхъ", соч. К. М. Бороздина. Петербургъ, 1841 г.

Домъ Апраксина, Степана Степановича, находился на углу Знаменки и Арбатскихъ воротъ, въ Москвѣ. У него давались большіе балы. Тутъ-же помѣщались, въ 1820-хъ годахъ, итальянская опера, съ тогдашними знаменитостями: Анти, Перуцци и Този; потомъ французскій театръ въ 1829 и 1830 годахъ. Тутъ случилась и исторія съ содержательницею его, Карцевою, за нежеланіе дать бенефисъ въ пользу M-me Alfred, за что многіе взяты были подъ арестъ и сидѣли въ полиціи на съѣзжихъ. Главный зачинщикъ былъ Тиньковъ и Голохвіяровъ, тоже, кажется, и Потемкинъ. Кончилось пустяками. Изъ этого дома, купленнаго казною, сдѣлано сиротское заведеніе „Александринскій холерный институтъ", перешедшій нынѣ (1847 г.) во владѣніе воспитательнаго дома и воспитывающій однихъ мальчиковъ, а не дѣвочекъ, какъ то предполагалось сначала.

Графъ Аракчеевъ.—Военныя поселенія.

Въ біографіи Аракчеева, графа, Алексѣя Андреевича, т. I, стр. 46, Бантышъ-Каменскій дѣлаетъ примѣчаніе, „что военныя поселенія учреждены гр. Аракчеевымъ по волѣ императора Александра I (наивный плеоназмъ!), который пожаловалъ его главнымъ начальникомъ надъ оными, и ссылается въ этомъ на „Московскія Вѣдомости" 1826 года, № 3. Какъ могло случиться, что о назначеніи семъ опубликовано только послѣ кончины императора (19-го ноября 1825 г.), и когда-же? въ январѣ 1826 года, среди тогдашней тревоги и въ томъ положеніи, въ которомъ находился гр. Аракчеевъ при новомъ государѣ. Развѣ не изъ увольнительнаго-ли рескрипта это взято? Странный образъ справокъ объ лицахъ историческихъ. Надобно-бы удостовѣриться. Вообще біографія слаба, безцвѣтна и не даетъ понятія о человѣкѣ, почти четверть вѣка имѣвшемъ такое вліяніе на дѣла государства и умъ государя, особенно въ послѣдніе годы этого царствованія. Мало или вовсе нѣтъ любопытныхъ част-

ностей. Статья въ „Энциклопедическомъ лексиконѣ" Плюшара, помнится, была лучше. Многіе изъ иностранныхъ біографій даже полнѣе, напр. а) въ біографіи Мишо. в) „Memoires d'un maître d'armes par Dumas" (Grisier, бывшій учитель фехтованія въ Петербургѣ, диктовалъ ему). Есть, если не ошибаюсь, у Ancho, Дюпре-де-Сенъ-Моръ и Дарленкура. Шницлеръ, въ послѣднемъ сочиненіи („Histoire intime de la Russie", 1847 г.) говоритъ довольно о немъ, равно и Тургеневъ, Николай Ивановичъ, („La Russie et les Russes", 1847 г.) тоже упоминаетъ. Тоже есть, кажется, и у Головина въ его памфлетѣ („La Russie sous l'Empereur Nicolas I").

Замѣчателенъ анекдотъ, рисующій человѣка и время, разсказанный мнѣ о гр. Аракчеевѣ бывшимъ моимъ начальникомъ Андреемъ Михайловичемъ Фадѣевымъ (отцомъ Ек. Андр. Ганъ, извѣстной нашей писательницы подъ псевдонимомъ Зинаиды Р***вой). Однажды, будто, гр. Аракчеевъ назвался на бостонъ къ князю Петру Васильевичу Лопухину, предсѣдателю государственнаго совѣта, и пріѣхалъ поздно, когда уже всѣ съѣхались и ждали его. Извинившись передъ хозяиномъ дѣлами, его задержавшими, гр. представилъ ему привезеннаго имъ какого-то чиновника, жалкую и уродливую фигуру, которую онъ величалъ по имени и отчеству. Можно себѣ представить положеніе хозяина, гостей и особенно гостя. Аракчеевъ, посидѣвъ нѣсколько и недоигравъ пульки, просилъ позволенія уѣхать, а карты передать его protégé. Не спорилъ никто. Пульку доиграли благополучно и даже, говорятъ, обласкали пріѣзжаго чрезвычайно и нашлись такіе, которые предлагали ему довести его до дома. Вотъ что́ былъ гр. Аракчеевъ и вотъ какова была въ его время наша аристократія. Не знаю, далеко-ли ушли мы и теперь въ этомъ отношеніи?

О поселеніяхъ много говоритъ Мармонъ, герцогъ Рагузскій, въ сочиненіи своемъ: „Voyage dans la Russie méridionale", 1838 г., написанномъ послѣ вознесенскаго смотра въ октябрѣ 1837 г.

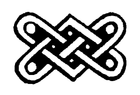
Любопытно извѣстіе, сообщенное французскими журналами август 1847 г.) и пропущенное цензурою, о назначеніи французскимъ правительствомъ комиссіи для обозрѣнія военныхъ поселеній у насъ и въ Австріи. Воображаю, какъ они много

увидятъ и узнаютъ. Имъ нужно-бы передать анекдотъ, ходившій по Руси, что при обозрѣніи императоромъ Александромъ I новгородскихъ военныхъ поселеній, желая убѣдить его въ благосостояніи и благоденствіи поселянъ и солдатъ, вездѣ показывали стоявшіе самовары и жаренаго поросенка на столѣ, гдѣ приготовлена была хлѣбъ-соль. Нарышкинъ, Александръ Львовичъ, сопутствовавшій государю, замѣтивъ, что переносили изъ дома въ домъ самоваръ и поросенка, отрѣзалъ у послѣдняго ухо и, когда, не замѣтивъ того, перенесли еще разъ, то онъ, наклонясь къ Аракчееву, сказалъ ему на ухо: „Это старый нашъ знакомый", и показалъ ухо поросенка, бывшее у него въ рукѣ. Можно вообразить конфузъ временщика. Къ несчастію, наши Тробулеты думали всегда больше о самихъ себѣ, нежели о другихъ, которымъ они могли-бы быть полезны и даже спасительны, имѣя право и случай говорить истину шутя и улыбаясь.

Какая судьба ждетъ военныя поселенія? Что̀ скажутъ потомки объ Аракчеевѣ и какова-то будетъ исторія императора Александра, которую будутъ читать наши правнуки? Она обезсмертитъ имя Аракчеева, который, во всякомъ случаѣ, остается и теперь одною изъ замѣчательныхъ и сильныхъ личностей нашей исторіи.

Барклай-де-Толли.

Бантышъ-Каменскій, помѣщая біографію сего полководца (т. I, стр. 88—157) и передавая намъ о несправедливомъ и пристрастномъ его преслѣдованіи общественнымъ мнѣніемъ въ Отечественную войну 1812 года, не считаетъ нужнымъ упомянуть о стихотвореніи А. С. Пушкина, появившемся хотя поздно, но тѣмъ не менѣе заключавшемъ сознаніе отъ лица всей Россіи во временномъ ея предубѣжденіи. Я подробно говорилъ объ этомъ стихотвореніи „Полководецъ" въ моихъ „замѣткахъ для будущихъ издателей Пушкина", помѣщенныхъ въ видѣ писемъ къ Серг. Дмитр. Полторацкому въ „Отечественныхъ Запискахъ", 1846 г., іюнь, отд. Смѣсь.



Михаилъ Ѳедоровичъ Орловъ.

Мы жалуемся часто на пристрастіе и невѣжество иностранныхъ писателей во многомъ, касающемся Россіи и русскихъ. Жалобы эти частію основательны, такъ я, напр., приведенъ былъ въ досаду грубыми промахами г. Капефига въ новой его книгѣ: „Les hommes d'Etat de l'Europe" [1]), которую я прочелъ на другой день ея появленія въ Парижѣ, купивъ ее у Аміота (Rue de la paix, № 4). Между прочимъ, въ біографіи Орлова, графа Алексѣя Ѳедоровича, шефа жандармовъ, командующаго императорскою квартирою и начальствующаго надъ III отдѣленіемъ собственной Е. В. канцеляріи, г. Капефигъ принимаетъ его за брата его Михаила Ѳедоровича, бывшаго въ 1814 году флигель-адъютантомъ, и относитъ къ нему дѣйствія сего послѣдняго въ отношеніи переговоровъ о капитуляціи Парижа. Ошибка важная со стороны историка, которому, вѣроятно, открыты были всѣ архивы и документы. Но все еще можно извинить иностранца, для котораго довольно иногда созвучія именъ, чтобы вовлечься въ промахъ. Что-же скажемъ о писателѣ, который, подобно Бантышу-Каменскому, составляя словарь достопамятныхъ людей земли русской, принимаетъ одно лицо за другое и приписываетъ такія дѣйствія одному, которыя принадлежатъ другому. Событія 1825 года и донесеніе слѣдственной комиссіи (мартъ 1826 г.) о тайныхъ обществахъ въ Россіи сдѣлали навсегда имя Михаила Ѳедоровича Орлова если не историческимъ, то извѣстнымъ въ Россіи и Европѣ. Можно было знать, что онъ былъ дѣйствующимъ лицомъ при капитуляціи Парижа (мартъ 1814 г.), ибо онъ подробно описалъ самъ это событіе, въ статьѣ „Капитуляція Парижа", напечатанной въ „Утренней Зарѣ", альманахѣ, кажется, на 1842 годъ изданномъ. Слѣдовательно, ошибки избѣжать было легко, особенно для Бантыша-Каменскаго, жившаго долго въ Москвѣ, вѣроятно, лично знавшаго М. Ѳ. Орлова или по слухамъ. Я встрѣчалъ Михаила Ѳедоровича въ 1827—1829 годахъ у кн. Ник. Григорьев. Вяземскаго въ Калугѣ, во время его заточенія въ Масальской деревнѣ С. Милютина, извѣст-

---

[1]) Государственные люди Европы.

ной по стеклянно-фарфоровому заводу. Его сочиненіе о „Государственномъ кредитѣ“, появившееся въ 1833 году, было переведено на французскій языкъ пріятелемъ его и нашимъ общимъ знакомымъ, Семеномъ Семеновичемъ Хлюстинымъ, но вслѣдствіе возникшихъ между ними неудовольствій сожжено въ рукописи. Михаилъ Ѳедоровичъ женатъ былъ на дочери Ник. Ник. Раевскаго, извѣстнаго столько въ отечественной войнѣ, Екатеринѣ Николаевнѣ, и имѣлъ отъ нея дѣтей, изъ которыхъ дочь вышла замужъ за князя Яшвиля, лейбъ-гусарскаго штабъ-офицера, извѣстнаго по дуэли его съ ? [1]). М. Ѳ. Орловъ скончался въ Москвѣ, въ мартѣ [2]) 1844 года, отъ разлитія черной желчи. Въ послѣднее время онъ получилъ дозволеніе пріѣхать въ Петербургъ, недоступный ему со времени событій 14-го декабря 1825 года.

Ѳедоръ Алексѣевичъ Басмановъ.

Въ біографіи Басманова, Ѳедора Алексѣевича (т. I, стр. 105) замѣчательно сказаніе князя Курбскаго, называющаго сего любимца Іоанна Грознаго любовникомъ Іоанна. Это новое дополненіе ко всему прекрасному, описанному объ этомъ царѣ историкомъ Карамзинымъ, назвавшимъ открыто и печатно самодержца тираномъ, что не могло не поразить умы, какъ замѣтилъ въ своемъ извѣстномъ письменномъ объясненіи полковникъ баронъ (Влад. Ив.) Штейнгель, замѣшанный въ дѣло 14-го декабря 1825 г., поданномъ имъ государю, во время слѣдствія и суда надъ заговорщиками, и въ которомъ онъ выказывалъ начало и постепенное созрѣваніе заговора.

[1]) Пропускъ въ подлинникѣ.
[2]) 19-е марта—день взятія Парижа. Странный случай. Авт

Александръ Андреевичъ Беклешовъ.

Въ біографіи генералъ-прокурора Беклешова, Александра Андреевича, (т. I, стр. 170—177), любопытно извѣстіе о собраніи сената въ Гатчинѣ, въ октябрѣ 1799 года, по повелѣнію императора Павла. Изъ него видно, что императоръ и наслѣдникъ были въ засѣданіи общаго собранія, гдѣ разсматривался проектъ объ учрежденіи запасныхъ магазиновъ въ Россіи (доселѣ, 1847 г., неприведенный въ исполненіе, какъ всѣмъ намъ извѣстно), и что государь оставилъ сенаторовъ на недѣлю въ Гатчинѣ погостить, прибавя, что „хозяинъ постарается, чтобы они, среди занятій, провели время пріятно“. Наслѣдникъ съ того дня продолжалъ присутствовать въ общемъ собраніи. Замѣчательно также, что во время генералъ-прокурорства Беклешова, при императорѣ Александрѣ, возвратившемъ ему эту должность, послѣдовали указы 2-го апрѣля 1801 года о возстановленіи жалованной грамоты дворянству и городоваго положенія, съ отмѣною всѣхъ противныхъ распоряженій; уничтожена тайная экспедиція, уничтожены 8-го апрѣля висѣлицы, поставленныя въ городахъ на публичныхъ мѣстахъ (я не зналъ этого факта нашей исторіи. Много-ли мы знаемъ ее?) и 27-го сентября запрещено чинить пытки. Вотъ какъ начиналось царствованіе, такъ печально окончившееся!

Гр. Юрій Юрьевичъ Броунъ.

Въ біографіи Броуна, графа Юрія Юрьевича, генералъ-аншефа и намѣстника Риги и Ревеля (т. I, стр. 177—180), Бантышъ-Каменскій говоритъ, неизвѣстно на чемъ основываясь, что будто-бы „императрица Екатерина II, зная горячій нравъ сего генерала, не иначе принимала его какъ при свидѣтелѣ“. Что-то невѣроятно. Едва-ли потерпѣли-бы его, или уже принимали-бы лучше безъ свидѣтелей, опасаясь компрометировать свое достоинство. Да и странно было-бы снисхожденіе къ человѣку, который все-таки былъ не Потемкинъ и не Суворовъ. Броунъ былъ зятемъ знаменитаго фельдмаршала Ласси.

Фельдмаршалъ Витгенштейнъ.

Въ біографіи Витгенштейна (т. I, стр. 210—285) Бантышъ-Каменскій не могъ помѣстить или, можетъ статься, не зналъ, что по прибытіи въ Петербургъ, по кончинѣ фельдмаршала, супруги его Антуанеты Станиславовны, рожденной Снарской, статсъ-и кавалерственной дамы, петербургскіе гостинодворцы не хотѣли взять съ нея денегъ за купленные товары, говоря, что обязаны всѣмъ имуществомъ и богатствами спасителю Петрограда. Между тѣмъ, до сего времени не воздвигнуто ему памятника ни въ Петербургѣ, ни на поляхъ Полоцка и Клястицъ (имѣніе друга моего Сергѣя Павловича Убри, племянника извѣстнаго нашего дипломата Петра Яковлевича Убри, подписавшаго знаменитый договоръ съ Франціею въ 1805 году и нынѣ, 1847 г., состоящаго нашимъ министромъ-посланникомъ при германскомъ союзѣ). Вотъ какое имѣли вліяніе на судьбу фельдмаршала событія 1825 и 1826 гг., начало коихъ и корень едва-ли не крылись во второй арміи, Витгенштейну подчиненной.

Графъ Павелъ Дмитріевичъ Киселевъ.

П. Д. Киселевъ, нынѣ (1847—1848 гг.) графъ и министръ государственныхъ имуществъ, бывшій при Витгенштейнѣ начальникомъ штаба, умѣлъ отдѣлаться, несмотря на то, что былъ, какъ говорятъ, gravement compromis [1]). Любопытны письма государя къ Витгенштейну, въ ночь съ 14-го на 15-е декабря 1825 г., и къ нему-же, оправдательное, отъ Киселева. Послѣднее исполнено грубыхъ ошибокъ противъ русскаго языка, не дававшагося министру, какъ я убѣдился многократно, служа по министерству государственныхъ имуществъ въ Саратовской губерніи и читая его собственноручныя письма и предписанія. Напр., онъ пишетъ всюду и вездѣ „постаратца“. Въ прежнія времена во Франціи это считалось вѣрнымъ признакомъ аристократическаго воспитанія. Если судить по письмамъ нашихъ

[1]) Серьезно скомпрометированъ.

многихъ государственныхъ людей, то можно принять ихъ за аристократовъ, въ чемъ они, однако, никто не грѣшны. Графа Киселева многіе изъ иностранныхъ писателей и русскихъ, пишущихъ за-границею (Курбскихъ нашего времени!), провозглашаютъ однимъ изъ просвѣщенныхъ государственныхъ людей и начальникомъ либеральной партіи, желающей освобожденія крестьянъ (эмансипаціи). Я могъ только оцѣнять его по распоряженіямъ министерства государственныхъ имуществъ, которыхъ былъ свидѣтелемъ и частью исполнителемъ. Едва-ли когда и кто отличался такою поспѣшностью, неосмотрительностью и опрометчивостью, какъ это министерство, образовавшееся въ 1837—1839 годахъ. Все хотѣли передѣлать въ годъ, надѣлали глупостей, устали, запыхались и остановились. Теперь (1847 г.) вертятся въ безвыходномъ кругу. Одною мѣрою о разведеніи картофеля (въ августѣ 1840 г.) едва не взбунтовали всего юго-восточнаго края. Бунты въ Саратовской и Пермской губерніяхъ, въ 1841 г. возникшіе, усмирять должны были военною силою, и въ послѣдней доходило до картечи и крови. Видя какъ принята была крестьянами мѣра эта, поспѣшили отмѣнить ее и написали въ 1843 году, кажется, высочайшій указъ, что посѣвъ картофеля достигъ до опредѣленной правительствомъ цифры, и что уже усиленное разведеніе его не нужно болѣе. Явная уступка грубой силѣ народа и уступка опасная. Къ довершенію противорѣчія самимъ себѣ, несмотря на высочайшее повелѣніе, послѣдовавшее въ маѣ 1841 года, по Саратовской губерніи о строгомъ наказаніи виновныхъ, отдачѣ годныхъ ослушниковъ въ солдаты, а не способныхъ ссылкѣ на опредѣленное время въ Бобруйскъ, тотъ-же министръ, по докладу котораго состоялось это повелѣніе, когда дѣла поступили въ сенатъ, счелъ себя въ правѣ ходатайствовать о смягченіи участи бунтовщиковъ и обвиненіи мѣстной власти чиновниковъ, виновныхъ въ точномъ и излишне усердномъ исполненіи предписаній министерства. По настоянію Киселева, дѣла были внесены въ государственный совѣтъ, и окончены, кажется, ничѣмъ. Beaucoup de bruit pour rien [1]). Урокъ для чиновниковъ и для крестьянъ на будущее время.

---

[1]) Много шуму изъ ничего.

Забавно также было участіе въ этомъ дѣлѣ бывшаго тогда (іюнь 1841 г.) министромъ внутреннихъ дѣлъ графа Александра Григорьевича Строгонова, который, видя изъ донесеній, что слѣдственному дѣлу о бунтовавшихъ крестьянахъ былъ данъ обыкновенный ходъ, а не военно-судный, ибо не были они взяты, какъ гласитъ Сводъ Законовъ, бунтовавшими вооруженною рукою, писалъ губернатору въ гнѣвномъ и ироническомъ духѣ, что „дѣло это могло и должно было кончено быть въ 24 часа (допросить слѣдовало около 600 человѣкъ!!), но что, конечно, можно длить его мѣсяцы и годы!“ Какова логика? Вотъ наши министры, образованные по-европейски и проживающіе состояніе въ Парижѣ! Пишу не слухи, а факты, которые можно найти и видѣть.

Обращаюсь къ гр. Киселеву и замѣчу, что до сихъ поръ мы не видимъ ничего, чтобы доказывало его пылкое и непосредственное участіе въ дѣлѣ эмансипаціи, которое остановилось пока въ раздумьѣ. Слышно, что онъ горячится насчетъ этого въ государственномъ совѣтѣ, гдѣ консервативная партія, во главѣ коей былъ, какъ слышно, покойный князь Илларіонъ Васильевичъ Васильчиковъ, называетъ его boute-feu, бездомовникомъ, нагишемъ. Извѣстно, что у гр. Киселева мало или вовсе нѣтъ собственной недвижимой населенной собственности. Этотъ упрекъ могъ-бы обратиться въ славу гр. Киселева, какъ упрекъ въ бѣдности, дѣланный нѣкогда Мирабо передъ 4-мъ августа. но, повторяю, что мѣры его по министерству государственныхъ имуществъ мало даютъ надежды намъ на его послѣдовательное и разумное участіе въ столь важномъ и рѣшительномъ государственномъ и общественномъ переворотѣ. Намѣренія его могутъ быть благи и чисты, но приведеніе ихъ въ исполненіе отличается опрометчивостью, противорѣчіемъ, насиліемъ и трусостью, когда доходитъ дѣло до послѣднихъ послѣдствій. Плохая надежда! Онъ выдастъ сперва правительство черни, а потомъ выдастъ народъ на пропятіе невѣжественнаго помѣщичества и алчной, такъ-называемой, аристократіи. О немъ лучше всего повторить слова, произнесенныя будто-бы государемъ на орловскихъ маневрахъ въ 1834 году:

— „Вы, генералъ, слишкомъ замолдаванились!“ Рѣзко и вѣрно.

Именно въ немъ, въ Киселевѣ, всѣ элементы наши: кромѣ

корыстолюбія— лѣнь, чувственность и склонность къ самовластію и самоуправству. Со всѣми чиновниками, даже тайными совѣтниками, на ты, забывая, что этотъ тонъ могъ идти къ вельможамъ екатерининскихъ временъ, а не къ нему, — нѣкогда гулякѣ-дуэлисту, полу-либералу и полу-сатрапу. И этого человѣка хотятъ поставить во главѣ партіи, желающей освобожденія крестьянъ, желающей блага, чести и счастія своему отечеству!

Князь Михаилъ Илларіоновичъ Кутузовъ-Смоленскій.

Біографія князя Кутузова-Смоленскаго, Михаила Илларіоновича, фельдмаршала. (Т. I, стр. 294—409.)

На стр. 298 нахожу свѣдѣніе, что кн. Кутузовъ получилъ знаменитую рану въ лѣвый високъ пулею, которая вылетѣла близь праваго глаза, во время турецкой войны 1774 года, при овладѣніи Перекопскими укрѣпленіями при Шумнѣ. Между тѣмъ, во время моего путешествія по Крыму, [1]) я видѣлъ памятникъ, поставленный по распоряженію гр. М. С. Воронцова (нынѣ, 1847 г., князя и намѣстника кавказскаго) на горной, новой дорогѣ изъ Симферополя въ Алушту, чрезъ хребетъ Яйлу, близъ Таушанъ-Базарской станціи. Памятникъ въ видѣ фонтана изъ гранита. Изъ него струится вода и надпись говоритъ: „На семъ мѣстѣ ген.-маіоръ Кутузовъ, впослѣдствіи князь Смоленскій и фельдмаршалъ, раненъ пулею въ високъ“ и пр.

Какъ согласить подобныя противорѣчія? Во-первыхъ, Перекопскія укрѣпленія и Шумна находятся совершенно въ противоположной сторонѣ Крымскаго полуострова и въ разстояніи, по крайней мѣрѣ, 120 верстъ; во-вторыхъ, по словамъ Бантыша-Каменскаго, руководствовавшагося Бутурлинымъ и Михайловскимъ-Данилевскимъ (стр. 297), Кутузовъ награжденъ чиномъ подполковника 8-го декабря 1771 года, т. е. за три года до раны, полковникомъ въ 1777, бригадиромъ въ 1782, и въ 1784 году только, т. е. 10-ть лѣтъ послѣ раны, произведенъ въ генералъ-маіоры (стр. 298). Повторяю, какъ-же согласить все это? Неужели гр. Воронцовъ, служившій подъ начальствомъ Кутузова

[1]) Въ 1844 году, лѣтомъ.

въ 1811 году, какъ видно изъ той-же біографіи, могъ впасть въ такую грубую ошибку? Покойный Н. А. Полевой, съ которымъ я имѣлъ разговоръ на этотъ счетъ въ 1844 году, былъ на сторонѣ тѣхъ, которые утверждали, что рана получена Кутузовымъ при Перекопѣ, и дополнялъ еще тѣмъ, что никогда и не было военныхъ дѣйствій вблизи южнаго берега Крыма, гдѣ поставленъ, какъ сказалъ я, памятникъ Кутузову. Другую подобную рану, вошедшую въ щеку и вышедшую въ затылокъ, Кутузовъ получилъ подъ Очаковымъ въ 1788 году, уже въ чинѣ ген.-маіора (стр. 299). Вотъ какъ трудно добиваться истины въ исторіи и вотъ какъ осторожно должно поступать, сооружая памятники, чтобы не насмѣшить потомства и людей знающихъ.

У насъ, съ нѣкотораго времени, страсть сооружать памятники (хотя мы въ томъ-же винимъ Европу), но мало изъ нихъ, которые могли-бы выдержать критику искусства и борьбу времени. Всѣ они и уродливы и не прочны (къ счастію искусства). Я знаю доселѣ одинъ памятникъ Петру I въ Петербургѣ: есть мысль, есть изящество и есть прочность. Что такое, напримѣръ, памятникъ Суворову на Царицыномъ лугу; Румянцеву близь академіи; Александровская колонна съ ея пляшущимъ ангеломъ и уродливымъ пьедесталомъ? Что такое памятники въ Тарутинѣ и Бородинѣ, осыпающіеся, разваливающіеся, облѣзшіе, особенно послѣдній, съ его мистическими надписями? Что такое памятникъ въ Полтавѣ, т. е. самомъ городѣ, а не въ полѣ, называемый шведскою могилою, который простъ и умилителенъ? Чтобы создать истинно великій и художественный памятникъ, надобно, во-первыхъ, глубокое сочувствіе народное, которое одно можетъ истинно вдохновить художника, а потомъ развитіе пластическое въ людяхъ, которые разсматриваютъ и аппробуютъ планы. Воображаю что̀ такое будетъ памятникъ Крылову.... (писано въ 1847 г.).

На стр. 307 Бантышъ-Каменскій говоритъ, что „Кутузову поручено было въ 1796 году встрѣтить на границѣ молодаго короля шведскаго, находиться при немъ во время пребыванія въ Петербургѣ и проводить обратно до границы“. Покуда все хорошо. Но вотъ, внезапно, послѣ извѣстія, что Кутузовъ провелъ послѣдній вечеръ съ императрицею (т. е. 5-го ноября) и пр., и пр., мы читаемъ слѣдующее на стр. 308-й: „Вслѣдъ затѣмъ

(т. е. въ іюнѣ или іюлѣ 1800 года) было поручено Кутузову сопровождать короля шведскаго въ обратномъ путешествіи изъ Россіи, и на этотъ разъ надлежало имѣть болѣе тонкости, нежели въ первый, ибо императоръ явнымъ (?) образомъ изъявилъ негодованіе противъ Густава Адольфа. Кутузовъ и съ Павломъ І-мъ, какъ съ Екатериною, провелъ послѣдній вечеръ его жизни... и пр. и пр. Какъ все понять это? Бантышъ-Каменскій ни слова не говоритъ о вторичномъ прибытіи шведскаго короля (въ чемъ я готовъ усомниться: король сватался за великую княгиню Александру Павловну и ему было отказано, по причинѣ невозможности измѣнить вѣру; стало быть, трудно ему было явиться при нашемъ дворѣ), а только пишетъ, что Кутузову поручено было сопровождать короля въ обратномъ путешествіи... Можно подумать, что король оставался въ Петербургѣ съ 1796 по 1800 годъ, т. е. прибылъ при Екатеринѣ, а уѣхалъ при Павлѣ. Вотъ куда ведутъ неясность и недомолвки въ исторіи. Надо было сказать, если то было, что король пріѣзжалъ вторично, тогда и дѣло было-бы ясное. Явно хотѣлось-бы Бантышу-Каменскому распространиться о послѣднихъ вечерахъ, проведенныхъ Кутузовымъ, да какъ говорится — охота смертная, да участь горькая! Меня и такъ удивляетъ снисходительность цензуры, пропустившей подобную фразу: „Суворовъ, Прозоровскій удалены императоромъ Павломъ I въ деревни; Репнинъ, Каменскій, Гудовичъ отставлены, но Кутузовъ умѣлъ удержаться...“ (стр. 307). Полагаю, что Бантышъ-Каменскій перепечаталъ это изъ Михайловскаго-Данилевскаго, у котораго есть безотвѣтственный.... цензоръ.

Стр. 361. „Здѣсь, т. е. при Тарутинѣ, произнесъ князь Кутузовъ достопамятныя слова: „теперь ни шагу назадъ!“ Бантышъ-Каменскій, приводя эти слова, не считаетъ нужнымъ входить въ объясненія и замѣчанія, что, послѣ сраженія подъ Малымъ Ярославцемъ, тотъ-же князь Кутузовъ приказалъ ночью, съ 12 на 13 число октября 1812 г., войскамъ, бывшимъ въ томъ дѣлѣ, отступить“ (стр. 369). Итакъ, оказывается, что отступленіе было и, слѣдовательно, слова вовсе не достопамятны, кромѣ развѣ ихъ непослѣдовательности и самоувѣренности. Это отступленіе подало поводъ французскимъ историкамъ утверждать, что при Маломъ Ярославцѣ мы проиграли сраженіе.

Николай Захаровичъ Хитрово.

Въ заключеніе біографіи князя Мих. Ил. Кутузова-Смоленскаго кстати будетъ замѣтить, что я зналъ и знаю многихъ изъ его потомковъ, отъ дочерей происшедшихъ. Дочь его Анна Михайловна [1]) была въ замужествѣ, какъ я сказалъ уже, за генералъ-маіоромъ Ник. Захар. Хитрово; другая дочь, Елисавета Михайловна, была тоже во второмъ бракѣ за ген.-маіор. Николаемъ Өедоровичемъ Хитрово. Исторія его замѣчательна: состоя предъ начатіемъ Отечественной войны при особѣ государя (въ свитѣ, кажется, или флигель-адъютантомъ), былъ внезапно удаленъ изъ Петербурга въ Вятку, гдѣ пробылъ около года. Носились слухи, что имъ передана была французскому послу Коленкуру не даромъ — а я думаю скорѣе изъ болтливости, къ чему онъ былъ склоненъ — важную тайну, до приготовлявшейся войны 1812 года касавшуюся. Въ началѣ 1812 года онъ, по просьбѣ его, былъ переведенъ въ Калужскую губернію и поселился, подъ надзоромъ полиціи, въ своей деревнѣ Истоминѣ (Ильинское тожъ), въ 7-ми верстахъ отъ уѣзднаго города Тарусы находящейся. Семейство было съ нимъ и толпа иностранныхъ гувернеровъ, гувернантокъ и проч. Надзоръ велѣно было имѣть за нимъ строгій, распечатывать письма и доносить кто бывалъ у него. Обязанность столь тяжкая лежала на отцѣ моемъ, бывшемъ въ то время земскимъ исправникомъ по выбору дворянства. Она была даже не безопасна, когда, съ приближеніемъ непріятеля, Калужская губернія объявлена была на военномъ положеніи. Непонятно, какъ могли оставить Хитрово въ этой деревнѣ. Онъ не унывалъ, радостно слышалъ объ успѣхахъ Наполеона, выкинулъ флагъ съ его именемъ. Отецъ мой, видѣвшій, что все это происходило скорѣе отъ легкомыслія, нежели отъ злонамѣренія, умолялъ его не губить себя и его, и только этимъ могъ укрощать его безумство. Ясно, что въ тогдашнее время это вело или къ бунту отъ крестьянъ или къ разстрѣ-

[1]) Извѣстный музыкантъ и пѣвецъ Өеофилъ Матвѣевичъ Толстой, родной племянникъ ея, сынъ сестры Прасковьи Михайловны Толстой. Братъ его, Иванъ Матвѣевичъ, отвѣчалъ печатно Тьеру на его разсказы о Кутузовѣ въ VI т. „Исторіи консульства и имперіи". Отвѣтъ этотъ былъ напечатанъ. Авт.

лянію по военному положенію. Вѣроятно, имя Кутузова много вѣсило въ рѣшеніяхъ и мѣрахъ правительства о Хитрово. При взятіи обратно Смоленска, Кутузовъ вмѣстѣ съ титуломъ получилъ и извѣстіе о прощеніи зятя, чего, говорятъ, впрочемъ, не добивался и не просилъ. Впрочемъ, Хитрово, несмотря на эту наружную милость, оставался на замѣчаніи у правительства и жилъ въ деревнѣ Тарусской до 1822 года. Чтобы загладить свои дѣла, онъ выстроилъ и устроилъ на свой счетъ тарусское уѣздное училище и былъ ревностнымъ членомъ-корреспондентомъ Библейскаго Общества, игравшаго тогда такую роль. Жили они открыто, шумно, по-европейски. Въ 1817 году посѣтила ихъ мать Анны Михайловны, вдовствующая супруга свѣтлѣйшаго Кутузова, княгиня Екатерина Ильинична (урожденная Бибикова, сестра знаменитаго Александра Ильича, усмирявшаго пугачевскій бунтъ). Пріемъ ей сдѣланъ былъ въ Тарусѣ, чрезъ которую она проѣзжала, истинно царскій. Звонили въ колокола, духовенство въ облаченіи ждало у входа церкви съ крестами; народъ выпрягъ лошадей и везъ на себѣ карету. Вотъ какова была еще тогда народность Кутузова... а теперь?

Хитровы жили дурно въ супружествѣ, и предавались каждый съ своей стороны интригамъ. Онъ былъ избираемъ тарусскимъ уѣзднымъ предводителемъ, но не могъ достигнуть избранія въ губернскіе предводители, и это его огорчило до того, что онъ бросилъ деревню и переѣхалъ въ Москву, гдѣ и умеръ въ январѣ 1826 года. Погребенъ въ Лютиковскомъ Перемышльскомъ монастырѣ, Калужской губерніи, подлѣ своихъ предковъ.

Онъ написалъ двѣ брошюры: одну о „Перемышльскомъ Лютиковскомъ монастырѣ“, какъ-бы предчувствуя, что тамъ уляжется на покой, и еще какую-то духовную: „Наставленіе въ какіе дни читать Св. Писаніе“. Послѣ него осталось трое сыновей: Михаилъ, Александръ и Θедоръ. Двое первые живы (1847 г.), и Александръ Николаевичъ служитъ въ Смоленскѣ вице-губернаторомъ, переведенъ былъ съ такого-же мѣста изъ Калуги. Имъ не дались карьеры и почести. Много виноваты сами.

Анна Михайловна, привыкши къ роскоши, разстроила дѣла и кончила дни свои въ крайности въ 1846 году. Похоронена въ Сергіевской пустыни, близь Петербурга. Она получала часть

отцовской пенсіи, но какъ почти всю ее останавливали за долги, то она обращалась, говорятъ, къ иностраннымъ посламъ, прося о пособіи дочери избавителя Европы. Это, говорятъ, очень разгнѣвало государя, и ее едва не выслали изъ Петербурга. Анна Михайловна была дурной наружности, но отлично воспитана, умна и мила. Умерла въ ханжествѣ, какъ всегда бываетъ послѣ мятежной жизни. Я много зналъ ее, еще съ дѣтства, и любилъ. Она была крестною матерью одной изъ моихъ сестеръ, но при всемъ желаніи не могла быть ни въ чемъ ей полезною. Какъ сквозь сонъ, вспоминаю о жизни ихъ въ Тарусской деревнѣ Истоминѣ, балахъ, маскарадахъ и Mât de Cocagne, бывавшей на дворѣ въ праздники. Образъ жизни ихъ и журналы, ими получаемые, много дѣйствовали на уѣздное дворянство и чиновниковъ. Услуга не маловажная.

Николай Алексѣевичъ Полевой.

Въ біографіи князя Александра Николаевича Голицына (т. I, стр. 426) Бантышъ-Каменскій упоминаетъ о духовной, оставленной имъ. Нынѣ извѣстно, что, между прочимъ, въ сей духовной онъ просилъ государя смягчить гнѣвъ, подъ коимъ находился писатель нашъ и историкъ Н. А. Полевой съ 1834 г., за помѣщеніе въ журналѣ, имъ издаваемомъ „Московскій Телеграфъ“ критики на драму Н. В. Кукольника „Рука Всевышняго отечество спасла“, и вообще за либеральное направленіе сего журнала. По случаю сему ходила въ свѣтѣ какая-то эпиграмма, начинавшаяся словами: „Рука Всевышняго три чуда сотворила“... и оканчивавшаяся словами: „и Полеваго уходила“... Просьба князя Голицына, говорятъ, много подѣйствовала, и ей обязаны тѣмъ, что вдова покойнаго Полеваго получаетъ нынѣ (1847 г.) пособіе изъ кабинета государя по три тысячи ассигнаціями въ годъ.

Я познакомился и сблизился съ Николаемъ Алексѣевичемъ Полевымъ года за полтора до его кончины; часто навѣщалъ во время болѣзни, вмѣстѣ съ другомъ его, Сергѣемъ Дмитріевичемъ Полторацкимъ, которому онъ посвятилъ свой переводъ Гамлета. Былъ на похоронахъ его и вмѣстѣ съ другими почитателями бросилъ послѣднюю горсть земли на гробъ его,

на Волковомъ кладбищѣ, 1-го марта 1846 года. Человѣкъ онъ былъ добрый, но ослабѣвшій въ послѣднее время духомъ и тяжелый въ разговорѣ. Послѣдніе дни его отравлены были событіемъ съ старшимъ его сыномъ, ушедшимъ было за-границу въ порывѣ юношескаго сумасбродства вольнодумнаго. Онъ былъ пойманъ, судимъ, посаженъ въ Шлиссельбургскую крѣпость, откуда привозили его проститься съ отцомъ, подъ присмотромъ жандармскаго офицера, и послѣ онъ отправленъ на Кавказъ въ солдаты до выслуги. Смерть Полеваго нашла большое сочувствіе въ образованномъ классѣ. Но замѣчательно, что книга, изданная по кончинѣ его въ пользу семейства, разошлась болѣе всего въ Петербургѣ, при содѣйствіи друзей его, адмирала П. И. Рикорда и С. Д. Полтарацкаго, а также и издателя „Отечественныхъ Записокъ“, А. А. Краевскаго, забывшаго будто-бы бывшія пререканія; въ Москвѣ взято едва 5 экземпляровъ. Нѣсть пророка въ отечествѣ своемъ! Хотя Полевой родился и въ Курскѣ, но, можно сказать, что въ Москвѣ онъ родился духовно и умственно, тамъ созрѣлъ и развился. Слабость и отступленіе отъ первоначальныхъ идей много охладили къ нему публику. Но надобно разобрать что́ было причиною. Бѣдность и дѣти! Такъ, напримѣръ, нѣкоторые строгіе судьи не могутъ простить ему того, что, въ одинъ пріѣздъ государя въ Москву, Полевой призванъ былъ, будто, графомъ Бенкендорфомъ и поручено ему было составить заочно статью о пребываніи государя въ Нижнемъ-Новгородѣ. Полевой, находясь въ тяжкихъ обстоятельствахъ, будто-бы исполнилъ это странное желаніе. Статья, прислана бывъ изъ Нижняго и напечатанная въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, была эфектная. Вотъ и преступленіе! Но что дѣлаютъ другіе, не имѣя даже сказать въ оправданіе того, что могъ сказать Николай Алексѣевичъ? Я его никогда не разспрашивалъ объ этомъ случаѣ и было-бы неловко. Утверждаютъ, что въ послѣднее время онъ занимался выправкою статей генерала Михайловскаго-Данилевскаго, нашего военнаго историка, для эрмитажной портретной галлереи; но что, будто-бы, симъ послѣднимъ услуга его была худо заплачена. Все можетъ статься. Памятно, что въ послѣднихъ нумерахъ „Литературной Газеты“, издаваемой Полевымъ передъ смертью, была кровавая распря у него съ Булгаринымъ, по поводу книги сего послѣд-

няго: „Воспоминанія“. Эта перебранка много разстроила здоровье Полеваго. Носился слухъ, что на похоронахъ Полеваго, Булгаринъ, присутствуя въ церкви Николы Морскаго, хотѣлъ нести гробъ къ дрогамъ, но что кто-то вслухъ сказалъ: „Зачѣмъ ему трудиться нести Полеваго мертваго, онъ довольно поносилъ его живаго“. По моему мнѣнію, были оба виновны запальчивостью.

По приглашенію Полеваго, я думалъ принять участіе въ „Литературной Газетѣ“. Началъ было для нея замѣтки для будущихъ издателей сочиненій Пушкина. Уже статья набиралась и корректура была отпечатана, но смерть его все остановила... газета прекратилась.

Полевой оставилъ жену и многочисленное семейство, купившихъ нынѣ домикъ въ Ораніенбаумѣ и живущихъ кое-какъ... Николай Алексѣевичъ подписывалъ нѣкоторыя записки къ пріятелямъ: „Ольдникъ“ (псевдонимъ французскаго писателя Форга). Любилъ поджигать къ спорамъ о важныхъ вопросахъ современныхъ и особенно о религіи, но самъ уклонялся отъ ихъ разрѣшенія. Слушалъ внимательно. Казалось, онъ все еще искалъ разрѣшенія задачъ, надъ которыми человѣчество давно ломаетъ голову; казалось, вопрошалъ себя и другихъ. Душѣ его, видимо, хотѣлось убѣжденій... общая всѣмъ намъ болѣзнь—сомнѣніе и пустота томили и его, этого вѣчнаго труженика. Памятенъ останется мнѣ споръ нашъ незадолго до его смерти въ „Hôtel Demouth“, гдѣ мы были вчетверомъ: онъ, Сергѣй Дмитріевичъ Полторацкій, Сергѣй Павловичъ Убри и я...Что-то теперь узналъ онъ о жизни?.. онъ такъ хотѣлъ всегда казаться вѣрующимъ въ нашу нескончаемость... Миръ праху твоему, мученикъ жизни!

Князь Александръ Николаевичъ Голицынъ.

Мнѣ довелось видѣть одинъ разъ въ жизни князя Александра Николаевича Голицына. Это было въ іюлѣ 1844 г., т. е. за четыре мѣсяца до его смерти. Я проѣзжалъ въ Крыму прелестную его виллу Гаспра и встрѣтилъ его прогуливающагося. Онъ еще былъ слѣпъ. Лакей велъ его подъ руку. На немъ была соломенная шляпа, которую онъ приподнялъ, услышавъ отъ человѣка, что проѣзжій ему кланяется. Наружность его

была еще бодра, но не величественна. Послѣднія его минуты, кромѣ глазной операціи, возмущаемы были капризами горбатой сестры его Кологривовой и любимца его, служившаго нѣкогда при немъ, а послѣ бывшаго чтецомъ кн. Козловскаго.

Генрихъ Гроссъ.

Въ біографіи Гросса Генриха, бывшаго посломъ нашимъ въ Лондонѣ въ 1760 г., Бантышъ-Каменскій, между прочимъ, разсказываетъ (т. I, стр. 452—453): „Тогда еще (въ 1742 г.) существовала въ Россіи тайная канцелярія: Гросса (брата посланника, воспитателя дѣтей вице-канцлера графа Андрея Ивановича Остермана, подвергшагося опалѣ при вступленіи на престолъ императрицы Елисаветы Петровны), допрашивали съ угрозами,—онъ лишилъ себя жизни“.

Это новое дополненіе къ извѣстіямъ о кроткомъ царствованіи дщери Петра (см. выше, стр. 219); но замѣчательно въ этомъ случаѣ то, что изъ словъ Бантыша-Каменскаго заключить можно, что тайная канцелярія существовала во всей силѣ до Александра I, ее уничтожившаго.... на бумагѣ [1]), слѣдовательно существовала и въ царствованіе тоже кроткое Екатерины. Я такъ всегда и думалъ. При ней даже, говорятъ, была организована тайная полиція, совершенно въ духѣ нашего времени, и императрица вела частую переписку съ начальникомъ ея. Года два тому назадъ разсказывали, что правительство, свѣдавъ, что якобы существуетъ потомокъ сего русскаго Лаубордемона, обращалось къ нему чрезъ генералъ-губернатора, кн. Н. А. Долгорукова (покойнаго)—это было въ Малороссіи—съ требованіемъ бумагъ, относившихся до того времени, и собственноручныхъ записокъ императрицы. Помѣщикъ, упрямый хохолъ, отвѣчалъ будто, что никому не отдастъ ихъ, кромѣ государя. Привезенный въ Петербургъ, на предложеніе денегъ за эти бумаги онъ отвѣчалъ, будто, что не продастъ ихъ ни за что, а буде угодно, то подаритъ. Вотъ чудакъ... Жаль, что забылъ его имя и фамилію... Государь, поблагодаривъ, будто-бы, его за усердіе, взялъ бумаги

---

[1]) См. статьи объ Апраксинѣ и Беклешовѣ.

и письма и, не читая ихъ — бросилъ, при старомъ владѣльцѣ, въ каминъ. Вѣроятно, много было любопытнаго. Жаль, если это правда. Неужели такъ-же поступлено съ бумагами по дѣлу 14-го декабря 1825 г., съ бумагами Дибича, Сакена, Витгенштейна, Трощинскаго, поднесенными его племянникомъ, генераломъ Трощинскимъ, въ 1833 году, получившимъ за то бриллiантовый перстень съ вензелемъ, и Ростопчина, поднесенными сыномъ Андрея Θедоровича. Это были-бы потери невозвратныя для русской исторiи. Я не вѣрю. Характеръ государя Николая Павловича, не страшившагося для себя суда современниковъ и потомства, чему онъ неоднократно явилъ мужественные примѣры,—порукою, что ему не страшенъ судъ потомства надъ его предками.

Графъ И. И. Дибичъ-Забалканскiй.

Въ бiографiи Дибича-Забалканскаго, графа Ивана Ивановича (барона, потомъ графа), на стр. 473 говорится: „При самомъ вступленiи на престолъ нынѣ (1847 г.) благополучно царствующаго государя, Дибичъ, всегда усердный и дѣятельный, имѣлъ случай оказать важную услугу отечеству въ южныхъ губернiяхъ, за что удостоился получить (въ январѣ 1826 г.) лестный рескриптъ отъ императора, а вслѣдъ затѣмъ, въ день высочайшаго коронованiя (22-го августа), произведенъ въ генералы-отъ-инфантерiи".

Что за таинственный тонъ? Кто-же не зналъ и не знаетъ, что услуга Дибича состояла въ томъ, что онъ, обще съ ген.-ад. Чернышевымъ (нынѣ, въ 1847 г., князь и военный министръ) и съ княземъ П. М. Волконскимъ, получивъ, предъ самою кончиною государя въ Таганрогѣ, подробное донесенiе чрезъ Шервудъ-Вѣрнаго о существованiи заговора во второй армiи, взялъ на себя рѣшимость предписать начальствамъ военному и гражданскому о захватѣ главнѣйшихъ заговорщиковъ. Я, признаюсь, не вижу никакой особенной заслуги. Говорятъ, что въ то время было междуцарствiе, неизвѣстность насчетъ государя, но что-же это значило въ подобномъ дѣлѣ! Заговоръ касался особы какъ того, такъ и другаго государя, еще болѣе—самаго

начала самодержавнаго, слѣдовательно опасаться было нечего, что дѣйствія не будутъ признаны и одобрены. Дѣло состоитъ въ томъ, какъ приведены въ исполненіе распоряженія Дибича, данныя имъ какъ начальникомъ главнаго штаба. Мы этого знать не можемъ; но награда Дибича доказываетъ, что послѣдствія мѣръ его были успѣшны. Шницлеръ въ своемъ послѣднемъ сочиненіи („Histoire intime de la Russie", изд. 1847 г.) тоже придаетъ огромное значеніе распоряженіямъ этимъ. Иностранцу все извинительно, но не русскому.

Шервудъ.

Кстати о Шервудѣ. Мнѣ подробно разсказывали о немъ исторію, какъ онъ случайно съѣхался на станціи съ Пестелемъ и Муравьевымъ [1]); лежа на печи, онъ слышалъ весь ихъ разговоръ, веденный по-французски, и понялъ все. Онъ служилъ въ полку, тамъ-же, гдѣ Пестель, на правахъ вольноопредѣляющихся, унтеръ-офицеромъ, и посланъ былъ куда-то изъ полка съ порученіемъ. Не найдя лошадей, онъ долженъ былъ ночевать на станціи. На его бѣду, будто-бы, въ то время, когда еще заговорщики пили чай, вошелъ почтовый староста и сталъ искать его на печи, чтобъ сказать, что лошади готовы. Можно себѣ представить положеніе его и ихъ. Пестель приступилъ къ нему съ обнаженною саблею и хотѣлъ убить на мѣстѣ. Но, по просьбѣ товарища, рѣшился оставить въ живыхъ, взявъ страшную клятву сохранить все въ тайнѣ, буде понялъ. Шервудъ поклялся во всемъ. Отпущенный ими, онъ поскакалъ не оглядываясь и, явившись къ екатеринославскому губернатору, объявилъ ему, что имѣетъ къ государю важное дѣло. Тотъ, будто, сей-же часъ отправилъ его въ Таганрогъ къ Дибичу. Государя уже не было на свѣтѣ. Пестель, раскаявшись, будто, что отпустилъ Шервуда, зарядилъ пистолеты и поскакалъ въ догоню, но уже было поздно. Вотъ отъ чего зависѣлъ, можетъ статься, государственный переворотъ и судьба милліоновъ! Викторъ Гюго

[1]) Только имя перваго достовѣрно. Авт.

называетъ, въ одномъ изъ своихъ сочиненій, смерть grande faiseuse des drames... [1]),—вѣрнѣе сказать это о судьбѣ или рокѣ...

Шервудъ происходилъ, кажется, изъ шотландцевъ, выѣхавшихъ въ Россію. Отецъ его имѣлъ фабрику въ Москвѣ у Калужскихъ воротъ и самъ, въ качествѣ ткача, жилъ нѣкоторое время у калужскаго помѣщика Дмитрія Мартыновича Полторацкаго, извѣстнаго нашего агронома и вводителя разныхъ по сей части улучшеній. Молодой Шервудъ былъ отданъ въ медико-хирургическую академію, но не отличался ни успѣхами, ни поведеніемъ и, самовольно оставя училище, поступилъ въ военную службу, въ драгуны, кажется. Послѣ 1825 года и окончанія кровавой драмы, онъ, какъ извѣстно, былъ награжденъ чиномъ и титуломъ Вѣрнаго и жилъ въ Москвѣ агентомъ тайной полиціи, нося военный мундиръ и иногда снимая его. Всѣ боялись его и бѣгали какъ отъ огня. Чрезъ нѣсколько времени, онъ вытребованъ былъ въ Петербургъ, и съ того времени не возвращался, и слухъ о немъ исчезъ. Говорятъ, что едва-ли онъ не погибъ отъ vendett'ы, имѣя множество враговъ въ лицѣ родныхъ имъ погубленныхъ людей.

Нѣтъ ничего невѣроятнаго, хотя, кажется, жертвы несчастной исторіи мало оставили по себѣ оплакивающихъ ихъ родныхъ, кромѣ развѣ матерей. Кажется, мать и сестра Шервуда живы доселѣ, а послѣдняя едва-ли не жила въ домѣ Апраксиныхъ (того, что служилъ по жандармской части и умеръ отъ холеры въ Курскѣ) гувернанткою. За достовѣрность подробностей нельзя ручаться, хотя онѣ мнѣ переданы однимъ англійскимъ уроженцемъ, знавшимъ лично Шервуда и слышавшимъ отъ него самого о главномъ, т. е. о встрѣчѣ съ заговорщиками.

Бантышъ-Каменскій оканчиваетъ біографію Дибича слѣдующими словами: „Современники произнесли приговоръ надъ Дибичемъ. Его ожидаетъ судъ потомства". Экая безтолковица. Кто и когда произнесъ надъ нимъ приговоръ и что̀ можетъ онъ значить въ настоящее время, и въ странѣ, гдѣ нѣтъ ни публичности мнѣнія, ни гласности (1847 г.). Приговоръ произносится послѣ суда, а онъ самъ говоритъ, что судъ еще ждетъ его. Да и кого не ожидаетъ этотъ судъ? даже плохихъ составителей

[1]) Великая виновница драмъ.

біографій. Не хотѣлъ-ли онъ этимъ намекнуть на молву, носившуюся объ измѣнѣ Дибича и предательствѣ на сторону поляковъ. Вопросъ огромный, и едва-ли разрѣшимый, да и мало въ этомъ вѣроятности. Что онъ могъ выиграть? Идеологомъ-же и мечтателемъ онъ едва-ли когда былъ. По крайней мѣрѣ, сами поляки нигдѣ печатно объ этомъ не намекали. Въ исторіяхъ Солтыка и Шмидта о польской войнѣ нѣтъ ни слова и, напротивъ, они отзываются о Дибичѣ съ презрѣніемъ, какъ о человѣкѣ, преданномъ пьянству. Былъ распространенъ слухъ, повторенный разными журналами и брошюрами, объ отравѣ Дибича за его неудачи въ войнѣ; этотъ слухъ повторяетъ, не вѣря ему, и Шницлеръ въ послѣднемъ его сочиненіи о Россіи.

Графъ Александръ Матвѣевичъ Дмитріевъ-Мамоновъ.

Въ біографіи Дмитріева-Мамонова, графа Александра Матвѣевича (т. I, стр. 535—537), любопытна подробность о томъ, какъ онъ подарилъ Потемкину золотой чайникъ съ надписью: „Plus unis par le coeur que par le sang“ (изъ Записокъ Храповицкаго). Въ 1786 году поступилъ изъ адъютантовъ Потемкина въ флигель-адъютанты, а въ 1788-мъ году былъ уже генералъ-адъютантомъ и генералъ-поручикомъ, и получилъ Александровскую ленту. Бантышъ-Каменскій простодушно начинаетъ жизнеописаніе тѣмъ, что Мамоновъ былъ красивой наружности, c'est tout dire. Ему императрица предлагала руку дочери графа Прусскаго (?), но онъ отказался и женился по любви на фрейлинѣ княжнѣ Щербатовой и получилъ 2,250 крестьянъ и 100 тысячъ рублей. Вотъ заслуга (тогдашней) аристократіи и права ея на общественное уваженіе. Современники описываютъ его человѣкомъ ума проницательнаго, но гордымъ и легкомысленнымъ. Императрица-же хвалила его скромность и говорила, назначивъ его присутствовать въ сенатѣ: „Онъ разуменъ и будетъ тамъ моимъ глазомъ“.

Кому вѣрить, видя такое сильное противорѣчіе? Конечно, она знала его лучше, занимаясь его воспитаніемъ. Ему было 28-мь лѣтъ, когда онъ поступилъ въ флигель-адъютанты, а ей 58-мь.

---

[1]) Болѣе близокъ по сердцу, нежели по крови.

Вообще, какъ замѣчаю, біографіи сихъ временщиковъ писаны съ бóльшею откровенностію, съ бóльшимъ laisser aller, нежели всѣ другія.

Иванъ Ивановичъ Дмитріевъ.

Біографія о Дмитріевѣ, Иванѣ Ивановичѣ, баснописцѣ и піитѣ, (т. I, стр. 537—564), пуста, безцвѣтна, многоглаголива и не представляетъ ничего новаго, кромѣ развѣ плоскаго анекдота „о трико на панталоны", подаренномъ ему дамою, вернувшеюся изъ-заграницы. Анекдотъ этотъ подмѣченъ съ злорадствомъ нашими журналистами. (Іюль и августъ 1847 г.). Я лучше и вѣрнѣе ничего не читалъ о Дмитріевѣ, какъ статью Н. А. Полеваго, помѣщенную въ „Сынѣ Отеч.", кажется, на 1846 г.

Княгиня Ирина Петровна Долгорукова, рожденная княжна Голицына.

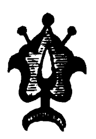
Невѣроятно, какъ дозволили напечатать біографію княгини Ирины Петровны Долгоруковой, рожденной княжны Голицыной (т. I, стр. 566—570). Путешествуя за-границею, она, подружась съ принцессою Овернскою, по убѣжденію ея, приняла католическую вѣру. Послѣ, когда Долгоруковы подпали опалѣ, она принуждена была отречься отъ нея, но произнесла отреченіе на латинскомъ языкѣ, но не отъ католической, а отъ лютеранской вѣры.... поступокъ этотъ ввергнулъ ее въ печаль и она скончалась въ 1751 году („Histoire et analyse du livre de l'action de Dieu, т. III, стр. 287 и слѣд. [1]). Тутъ-же находятся подробности, какъ въ бытность Петра I въ Парижѣ Сорбона предлагала ему соединеніе восточной церкви съ западною. Духовенство россійское отвергло потомъ предложеніе римскаго.... (стало быть разсматривалось формально?). Особенно хлопоталъ членъ Сорбоны Бурсье, но Петръ отвѣчалъ, будто-бы, ему съ улыбкою, что онъ „простой солдатъ и не вмѣшивается въ дѣла своего духовенства". Такъ-съ! Бурсье возобновлялъ усилія и при Петрѣ II и, узнавъ, что Долгорукова приняла римскій (!) законъ и что родственники ея въ силѣ, уговорилъ аббата Жюбе опредѣлиться въ званіе наставника дѣтей. Ему дано было полномочіе

[1]) Исторія и разборъ сочиненія о промыслѣ Божіемъ.

отъ Сорбоны. Жюбе склонилъ Василія Лукича Долгорукова на дѣло соединенія церквей, обѣщая доставить русскому государю титулъ восточнаго императора, а родственнику князя В. Л., князю Якову Петровичу, достоинство патріарха. Все это не имѣло успѣха, и въ 1732 году Жюбе высланъ изъ Россіи, и умеръ въ Парижѣ, въ 1745 году. Все это чрезвычайно любопытно и ново, по крайней мѣрѣ для меня. Здѣсь невольно обращаешься къ неразрѣшенному доселѣ этому вопросу о церквахъ и припоминаешь, что при Екатеринѣ II и Александрѣ I неоднократно трогали его. Говорили, что Дашкова обращалась въ католичество, бывъ за-границею. Изъ Голицыныхъ, кажется, не одна и не одинъ сдѣлались ренегатами. Княжна Зинаида Александровна Волконская, рожденная Бѣлосельская-Бѣлозерская,—тоже. Еще, кажется, графиня Самойлова, рожденная Зотова; княгиня Куракина, рожденная Голицына; графиня Зотова, рожденная Куракина; княгиня Голицына, рожденная Всеволожская, умершая въ Крыму, въ виллѣ Корейсъ была мистикомъ и другомъ M-me Krudner и баронессы Бернгеймъ, у которой окончила въ Крыму жизнь свою сія послѣдняя. Да и сколько еще, думаю, есть русскихъ, совращенныхъ въ латинство іезуитами и аббатами. Поговариваютъ даже о Жуковскомъ и о Гоголѣ, что они поддались этому вліянію.

Что касается до уклончивости Петра I въ отвѣтахъ его Сорбонѣ, то она весьма естественна въ государѣ, только-что достигшемъ своей цѣли уничтоженіемъ патріаршества, которое при Никонѣ показало что̀ можетъ значить! Соглашаться на соединеніе церквей значило, нѣкоторымъ образомъ, рѣшиться на признаніе папской власти, чего не могло быть безъ крайняго забвенія исторіи запада. Во всѣхъ этихъ переговорахъ, и прежде еще Петра I, мы не дали себя перехитрить католикамъ и доказали, что не даромъ ведемъ историческое существованіе, какъ держава христіанская, прямо отъ византійцевъ... Bas Empire.

(Продолженіе слѣдуетъ).



МИХАИЛЪ ЮРЬЕВИЧЪ ЛЕРМОНТОВЪ.

Одно изъ его стихотвореній, сохранившееся въ переводѣ на нѣмецкій языкъ.

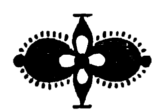
Помѣщенныя въ уважаемой „Русской Старинѣ" изд. 1892 г., т. LXXIII, книга февраль, стр. 518, заключительныя строфы нѣмецкаго текста Боденштедта стихотворенія М. Ю. Лермонтова „Сказка для дѣтей", въ русскомъ переводѣ В. П. Авенаріуса, даютъ мнѣ поводъ представить при семъ русскій переводъ нѣмецкаго текста Боденштедта одного изъ утерянныхъ для русской литературы стихотвореній М. Ю. Лермонтова.

Текстъ этого стихотворенія помѣщенъ былъ въ „Русской Старинѣ" изд. 1873 г., т. VII, стр. 398 (тамъ-же на стр. 395 см. и переводъ въ прозѣ) и нынѣ въ № 270 „Рус. Вѣдом." за 1891 годъ въ весьма интересной статьѣ Ник. Конст. Михайловскаго „Герой безвременья"—повторенъ нѣмецкій текстъ

Въ примѣчаніи къ помѣщенному въ февральской кн. „Русской Старины" стихотворенію В. П. Авенаріуса сказано, что въ „Русской Старинѣ" за 1873 г. напечатано 19 мелкихъ стихотвореній, въ переводѣ прозаическомъ Г. С. Чирикова и въ стихахъ П. А. Висковатова. Быть можетъ, и настоящій переводъ одного изъ этихъ 19 стихотвореній съ нѣмецкихъ текстовъ будетъ не лишнимъ на страницахъ „Русской Старины".

Weil ich bei ihrem Thun vor Scham oft roth bin,
Mir nicht Musik erscheint Geklirr von Ketten
Und mir nicht lockt der Glanz von Bajonetten:
Behaupten sie, dass ich kein Patriot bin!

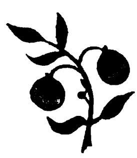
Weil ich nicht ganz von altem Korn und Schrott bin
Und nicht mit jedem Schritte rückwerts gehe:
Behaupten sie, dass ich kein Patriot bin,
Mein Land nicht liebe und es nicht verstehe.



За толь, что жизнь рабовъ считаю я позорной,
Мнѣ сердце рветъ въ клочки бряцаніе оковъ,
Не радуетъ меня и яркій блескъ штыковъ,
За толь бранятъ меня душою непокорной!

За толь, что рутины и мрака избѣгаю,
Что всей душой стремлюсь я вѣчно все впередъ,
За толь въ глазахъ людей упрекъ себѣ читаю:
Отчизны не люблю, противенъ мнѣ народъ!

Перевелъ **И. М. Винштокъ.**



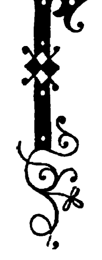
БЫТОВЫЯ ЧЕРТЫ АЗОВСКИХЪ ПОХОДОВЪ

1695—1696 гг.

Въ собраніи автографовъ князя Павла Арсеньевича Путятина сохранились, между прочими интересными документами, три письма дворянъ Мельницкихъ, отца и сына, къ своему родичу (брату и дядѣ) также Мельницкому. Письма эти на четырехъ кускахъ бумаги, столбцами, писаны скорописью конца XVII-го вѣка и заключаютъ въ себѣ нѣсколько подробностей, характерныхъ по отношенію къ эпохѣ Азовскихъ походовъ, 1695—1696 гг.: тутъ и суровое распоряженіе царя Петра I о подрядчикахъ, выполнявшихъ дурно свои обязательства, и сборы дворянскаго помѣщика на ратную службу, и военное дѣло подъ Азовомъ...

Ред.

I.



(1695 г.).

Государю моему дядюшкѣ Гаврилу Александровичу въ присно пожелательствѣ твоего государя моего благоденственнаго житія и мирнаго присно въ Бозѣ пребыванія со всею фамиліею твоею Якушко Мелницкой много губократно приклянновеніемъ главы челомъ бьетъ.

Во благо присно увеселеніи и во всякихъ присноденственныхъ благоключимствахъ по Бозе соспряженною тебѣ Государынею моею тетушкою съ Катериною Михайловною и съ благопрозябшими отъ тебѣ рождками чады твоими благодѣтельми моими во многочислимыя вѣки здравствуй. Отъ искони даже и до днесь въ являтельствѣ своея любви и пріятства въ братствѣ наипаче же по едино сліятельству кровѣ предковъ въ родѣ нашемъ и днесь, наипаче мню больши по излишнему требо слышанію о Государѣ моемъ батюшкѣ

Назарѣ Петровичѣ аще изволишъ вѣдеть и Октября въ 1-й день на почтѣ изъ подъ Азова и по грамоткѣ Государя моего батюшка о своемъ здоровьѣ отъ него къ намъ къ Москвѣ писанной, что Сентября по 18 день будучи подъ Азовымъ, въ полкѣхъ по милости... [1]) ....вствуетъ и о семъ мы нынѣ въ пов... ...нiи и въ скорби благодаримъ Бога въ пов... что слышимъ его Государя нашего с... по 18 день на службѣ здрава суща... въ ...нiи же что отъ того выше писаннаго.... же до нынѣшняго числа Октября.... числа почты изъ подъ Азова къ Москвѣ не.... и о его здоровьи не слышимъ.

Начатокъ бо сея государю моему батюшкѣ, въ службу посылки по желанiю твоему, дядюшка, тебѣ здѣ да возвѣщу.

Прошлаго года Iюлiя въ день по письму съ почтой изъ (подъ Азо)ва къ боярину Тихону Никитичу Стрешневу велѣно ему, боярину, съ великимъ спѣхомъ сы(скать) гостей московскихъ Володимера Воронина, Ивана Ушакова, Василья Горезинова съ това(рищи) по имянномъ 12 человѣкъ въ великомъ ихъ неи(справ)-ленiи въ подрядѣ на многiя тысячи, что они, гости, подряжались поставить всякiе запасы на срокъ въ городъ Паншинъ, что стоитъ на рѣкѣ Дону на переволокѣ, на много тысячъ, и деньги подрядные они, гости, изъ казны государевы взяли многiя тысячи тысячъ съ восьмидесятъ и больше, а поставить было имъ на срокъ въ Паншинѣ всѣ запасы подрядны: мяса ветчинныя, рыбы соленыя, сбитни, уксусы, крупъ, сухари и иныя многiя всякiя запасы.

И онѣ, тѣ подрядчики тѣхъ запасовъ, противъ подрядовъ своихъ, ничего въ тотъ городъ Паншинъ на срокъ и послѣ сроку не поставили; а которые мяса и (изъ) рыбъ поставили, и тѣ самыя худыя и гнилыя, и самое малое число, для того что онѣ оплошились на своихъ приказчиковъ.

И отъ того ихъ такого неисправленiя учинилось подъ Озовымъ (Азовымъ) въ полкахъ запасовъ великое оскудѣнiе. И съ великимъ гнѣвомъ за такое воровство велѣно сковавъ ихъ прислать всѣхъ подъ Азовъ со знатнымъ и старымъ стольникомъ, кто бъ могъ ихъ привесть всѣхъ въ цѣлости.

И потому Государеву указу бояринъ Тихонъ Никитичъ тѣхъ гостей скованныхъ пять человѣкъ: Володимира Воронина, Ивана Ш акова съ товарищи послалъ подъ Озовъ (Азовъ) съ батюшкою, а достальныхъ гостей-подрядчиковъ на Москвѣ не сыскали. И для сыску тѣхъ гостей посланы въ городы въ нижнiе стольники и сыскавъ отвесть и тѣхъ подъ Озовъ (Азовъ).

---

[1]) Мѣста, означенныя точками, въ оригиналѣ вырваны или не разобраны.

А сказано государю моему батюшку на службу сію итдти зело скоро сказалъ бояринъ Іюля въ 16 день, а въ 18 тогожъ мѣсяца Іюля, по приказу изъ Москвы, поѣхалъ съ великою нуждею на силу убрались въ одинъ день, а на завтрее и поѣхалъ. А подводы даны были емскія. 8 подводъ сухимъ путемъ до Воронежа, а съ Воронежа плавною рѣкою Дономъ до самыхъ полковъ подъ Озовъ; а данъ ему стругъ да 460 (?) человѣкъ стрѣльцовъ съ ружьемъ, да гребцы, да съ батюшкою-жъ посланъ старой розрядной подъячей, а своихъ людей батюшко взялъ 5 человѣкъ. А съ Воронежа шестого человѣка отпустилъ къ Москвѣ.

А подъ Озовъ въ полки пріѣхалъ августа въ 14 день и посланныхъ государевыхъ людей гостей, по милости Великаго Бога и своимъ радѣніемъ и службою, привезъ всѣхъ въ цѣлости живыхъ. И тѣхъ гостей у него приняли и отдали на каланчинскія башни за караулъ. А что имъ указъ и про то намъ не вѣстимо.

А къ намъ государь батюшко пишетъ, что милостію Божіею пріѣздъ его учинится не забвененъ, а къ Москвѣ ему ѣхать до своего государева указу не велѣлъ. А знатное дѣло, что до отпуску всѣхъ полковъ отпуску ему, государю моему батюшку, не будетъ.

А бояринъ Тихонъ Никитичъ заочно про батюшка и про службу ево многія слова говоритъ милостивыя и подъ Озовъ батюшка отпускалъ съ великимъ милосердіемъ.

А о споболеніи [1]) твоемъ, государь дядюшка, я къ батюшку чрезъ почту писалъ, что ты изволилъ нарочно человѣка своего присылать къ Москвѣ свѣдать и провѣдать о службѣ батюшковой. А матушка государыня моя Анна Захарьевна нынѣ на Москвѣ Октября по 16 день въ печали здравствуетъ. А братья мои Микита и Семенъ въ деревнѣ въ селѣ Знаменскомъ. А я убогой съ братомъ Иваномъ на Москвѣ по вышеписанное число въ печали присной обрѣтаемся въ живыхъ. А къ намъ государь о своемъ здоровьи не благоволишь писати. А мы по истенне непрестанно желаемъ слышать объ вашемъ здоровьѣ. Прошу твоего жалованья пожалуй впредки не учини насъ въ забвенствѣ о слышаніи твоего здоровья и здравствуй государь во множество лѣтъ. Послѣдствуя симъ всѣмъ вышеписаннымъ государю моему дядюшкѣ Воину Александровичу въ кратко писательствѣ словъ, а во многомъ желаніи твоего здравія Якушко Мельницкій челомъ бьетъ.

На оборотѣ столбца: „Государю моему дядюшкѣ Гаврилу Александровичу отъ Мельницкого".

---

[1]) Т. е. о заботливости, о болѣзности. Ред.

II.

Милостивый мой государь братецъ Гаврило Александровичъ здравствуй о Господѣ во множество лѣтъ, братъ и искатель твоего жалованія Назарко Мельницкой челомъ бьетъ за твое жалованье. что изволилъ ко мнѣ отписать о твоемъ государя моего здоровьѣ.

А мы во многой своей и необъятной печале слыша о вашемъ здоровье порадовались.

А печаль, государь, моя-то есть: въ нынѣшнемъ 206 (1697) году Ноября въ 30 день была въ верху мнѣ сказка по указу великого государя велѣно мнѣ быть на ево, великого государя, службѣ въ ново завоеванныхъ въ турецкихъ городѣхъ въ Таванѣ и въ Казыкерменѣ думново дворянина на Васильево мѣсто Борисовича Бухвостова воеводою; а срокъ положенъ ѣхать мнѣ съ Москвы велѣно нынѣшняго-жъ 206 (1698) году Генваря въ 25 день и перемѣнить его безсрошно; а убожество мое великое собратца на такую дальную и нужную службу не чѣмъ. А вотчины продаю и, по согрѣшенію мою, нѣтъ купцовъ; а которые и торгуютъ и то на самой безцѣнокъ; а подъемныхъ денегъ велѣно выдать малое число только триста рублевъ. И нынѣ на ту службу сбираюсь съ великою печалью и съ плачемъ. Дьяку со мною сказано Ондрею Озерову.

А ратныхъ людей въ тѣхъ городѣхъ съ Василіемъ Бухвостовымъ въ приходѣ Турскихъ людей въ осадѣ было семь тысечъ; а стояли турки подъ Таванью и подъ Казыкерменемъ нынѣшныя осени пять недѣль приступы и подкопы и всякія промыслы отъ турскихъ людей были многія и жестокія, и бомбы пускали великія.

И отсидѣлись великого Государя ратныя люди въ тѣхъ городѣхъ черезъ милость великого Бога съ великой нуждой.

А отступили турскіе люди октября противъ десятово числа въ ночи съ упадкомъ большимъ; побито ихъ на приступахъ и на выласкахъ тысячъ съ семь. Да и Государевыхъ людей не безъ упадку-жъ.

А мое бѣдство то, что тѣ городы отъ пушешные стрѣльбы и отъ бомбъ и отъ подкоповъ разбиты и подорваны; а въ нынѣшное зимное время вычинить ихъ вскорѣ чаю невозможно.

А говорятъ языки, что на лѣто приходъ турскихъ людей подъ тѣ городы будетъ рано.

Пожалуй, государь братецъ, изволь не помѣшкать пріѣхать къ Москвѣ со мною проститца, для того видѣть ли мнѣ будетъ впредки очи твои, то свѣдущъ Богъ.

Нынѣшная мнѣ служба самая нужная и есть-ли будетъ приходъ непріятельскихъ людей и мы чаемъ, что безъ крови не будетъ, а для своей старости емлю я съ собою на нынѣшную службу одново сына своево Ивана.

А будетъ, государь братецъ, изволишь ѣхать изъ дому своево

къ Москвѣ послѣ Богоявленьева дни и тебѣ будетъ меня не застать на Москвѣ и ты пожалуй прости меня заошно, а къ женѣ моей и къ дѣтямъ пожалуй государь буди милостивъ и естли нападутъ какіе недрузи не дай разорить деревнишекъ моихъ и здравствуй государь братецъ съ семьею своею и съ дѣтками во множество лѣтъ.

На оборотѣ: „Государю моему братцу Гаврилу Александровичу".

III.

Милостивому моему государю дядюшкѣ Гаврилу Александровичу, ища твоего къ себѣ жалованья не отлучно и на вѣки Ивашка Мелницкой челомъ бью.

Вь благополучныхъ и радостныхъ пребываніяхъ здравствуй съ присными и розджими вашими на вѣки. По премногу жадаю и желаю слышать непрестанно о твоемъ государя моего здоровье, пожалуй не учини меня забвенна чрезъ писаніе, прикажи ко мнѣ писать о своемъ государя моего здоровье и о здоровье государыни моей милостивой матки тетушки семьи твоей Катерины Михайловны, и дѣтей твоихъ, государей моихъ, Михаила и Артемія Гавриловичевъ.

А я про милость вашу, государей моихъ, слышать всегда по истинѣ желаю ежечасно.

А буде, по милости своей, изволишь обо мнѣ убогомъ напомнить и моему оказнству создатель мой Творецъ и владыко Господь Богъ, по премногому своему къ намъ человѣколюбію, терпѣти изволитъ на Москвѣ Августъ по 10 день живъ.

Да вѣдомо тебѣ, государь дядюшка, чиню: милосердіемъ великаго Бога и молитвами святыхъ отецъ и счастіемъ великаго государя городъ Азовъ взяли безъ великія крови. Увидя Азовскіе сидѣльцы турки около града великое облежаніе русскихъ воевъ и жестокія промыслы, что имъ не отсидѣтца и стали прошать собѣ живота, чтобъ ихъ не порубили, а далибъ свободу. А вора нѣмчина Якушку, которой измѣнилъ прошлаго лѣта и иныхъ выдали изъ городу. И нашихъ ратныхъ людей въ городъ Азовъ пустили. И имъ туркамъ дана свобода и отпущены съ женами и дѣтьми.

А взяли Азовъ Іюля въ 20 день.

А чаять милости великаго бога, что ратные люди будутъ къ Москвѣ въ скорыхъ числѣхъ.

А братья мои Микита и Семенъ и Яковъ Назарьевичи писали, что они въ добромъ здоровьѣ и отъ ранъ Богъ ихъ сохранилъ. А братъ Семенъ взялъ языка на бою татарина и записанъ на его имя.

А боевъ было въ разныхъ числехъ семь и на всѣхъ тѣхъ бояхъ милосердіемъ великаго Бога удачи были великіе нашей конницѣ и нынѣ конница наша зело славна и въ милосте.—А побито нашихъ малое число конницы и пѣхоты.

А брата Микиты Назарьевича человѣкъ Игнашка колмыкъ раненъ будучи за братомъ Микитою на бою; а братъ Микита написанъ за бояриномъ въ эсаулехъ, а братья по ротамъ. А какъ пошли съ Валуекъ и въ то время брату Микитѣ сказано было къ ертаульной роте ротмистромъ, а братьямъ быть было одному въ поручикахъ, а другому—въ харунжихъ. И братъ быть не похотѣлъ и отбылся, и были по ротамъ.

А зять нашъ князь Василей Алексѣевичъ и Василей Семеновичъ здравствуютъ.

А турецкихъ людей уроны конницѣ, также и пѣхотѣ уроны были на бояхъ великіе и многіе на бояхъ у конницы нарочитыя мурзы въ полонъ побраны и побиты.

А на украйнѣ нынѣ тихо, ничего не слышать.

А подъ Озовомъ крымскихъ татаръ сперва было съ Нарадыномъ не много и какъ на бояхъ ихъ отбили, и они пошли вскорѣ назадъ въ Крымъ; а тутъ бились только одни Кубанцы; а и Кубанцовъ только было тысячъ съ пять или шесть; и имъ кубанцамъ удачи ни единыя не бывало.

Да вѣдомо-жъ тобѣ чиню чрезъ слова сына твоего Михаила Гавриловича, какъ былъ пожалованъ у батюшка въ деревни и онъ мнѣ говорилъ, чтобъ увѣдать подлинно: нѣтъ-ли имени твоего въ нарядѣ въ Бѣлъгородъ. И я въ розрядѣ въ спискахъ каковы посланы въ Бѣлъгородъ смотрѣлъ, и имени твоего въ тѣхъ спискахъ нѣтъ, а есть написано имя твое въ отставныхъ спискахъ: велѣно съ крестьянскихъ твоихъ дворовъ взять деньги по указу, да и никого нашихъ въ тѣхъ спискахъ въ нарядѣ нѣтъ; а сіе писалъ тобѣ вѣрно.

Табунъ къ Москвѣ будетъ въ скорыхъ числѣхъ; а говорятъ, что будетъ тысячъ съ десять или съ пятнадцать.

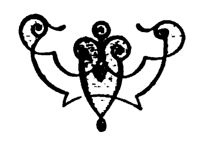
А впредь о нарядѣ службѣ нынѣ ничего не слышать; а знатно дѣло, что безъ службы на лѣто не будетъ.

О семъ желаю тобѣ отъ Господа Бога всѣхъ благихъ на вѣки и много много поклоненія возсылаю до земли.

Братецъ государь Михайло Гавриловичъ и Артемей Гавриловичъ, здравствуйте при милости государя своего батюшки на вѣки, а къ намъ о своемъ здоровье прикажите писать. Ивашко Мельницкой челомъ бьетъ.

Помѣта на оборотѣ: „Сію грамоту привезъ Өедоръ Тверицынъ 200 въ 4-мъ году Августа въ 16 день“.

Сообщ. князь **П. А. Путятинъ.**



КЪ ИСТОРІИ ОТЖИВШИХЪ УЧРЕЖДЕНІЙ [1])

1768—1771 гг.

I.

Раннимъ осеннимъ утромъ 1768 года, выборные изъ балахонскаго купечества, судьи словеснаго суда Михайло Сыромятниковъ стоварыщи приведены были въ немалое смятеніе. У дверей земской избы, опершись о косякъ и руки держа на рукояткѣ своего палаша, стоялъ нижегородскаго баталіона сержантъ Митрофанъ Масловъ, въ выжидательномъ положеніи, а на столѣ лежали нѣкіе документы, на которые судьи взирали съ неохотою и сумнительствомъ.

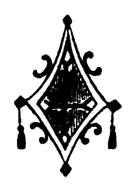
Нужно сказать, что и вообще, когда въ купеческомъ магистратѣ или въ подвѣдомственномъ магистрату словесномъ судѣ появлялись изъ Нижняго солдаты, то это не предвѣщало ничего хорошаго. Это значило, что по поводу какой-нибудь волокиты и кляузы высшая нижегородская команда, т. е. губернскій магистратъ, губернская канцелярія или какая-нибудь изъ многочисленныхъ „канторъ“ рѣшились прибѣгнуть къ наивящшему купеческихъ судей принужденію, дабы, оставивъ лакомство и къ одной сторонѣ понаровку, они не чинили-бы на другую сторону посягательства и притѣсненій, а дѣло рѣшили-бы всеконечно въ указные сроки. Въ тѣ времена не церемонились относительно средствъ къ такому понужденію. „Для сего, писалось въ указахъ, посылается штатной

---

[1]) Очеркъ этотъ составленъ на основаніи подлинныхъ дѣлъ бывшаго балахонскаго городоваго магистрата. В. К.

команды сержантъ по инструкціи; доколѣ то дѣло рѣшеніемъ произведено не будетъ, дотолѣ того магистрата присутствующихъ и повытчика держать при ихъ мѣстахъ безъ выпуску". Порой, когда высшая команда приходила во всеконечное нетерпѣніе или когда въ дѣлѣ замѣшаны были интересы сильныхъ персонъ,—на бѣднаго повытчика приказывали, вдобавокъ, надѣвать кандалы; приходившіе по дѣламъ въ магистратъ обыватели имѣли тогда случай видѣть своего выборнаго подьячаго [1]) за письменнымъ столомъ, съ гусинымъ перомъ за ухомъ съ кандалами на ногахъ.

Немудрено поэтому, что и на сей разъ, когда, послѣ оживленной бѣготни изъ земской избы (гдѣ засѣдали словесные судьи) въ магистратъ и обратно, сержантъ Масловъ, позвякивая палашомъ, прошелъ черезъ канцелярію и „впущенъ былъ передъ присутствіе", то между пищиками и канцеляристами пошелъ говоръ и разныя догадки; по какому дѣлу явился сержантъ и кого будетъ понуждать? Случаевъ для этого, конечно, всегда было въ изобиліи. То „бывшій балахонскій посадникъ, что нынѣ города Алаторя публично нотаріусъ", Андрей Щуровъ, давно и съ великимъ успѣхомъ боровшійся съ магистратомъ, подносилъ магистратскимъ законникамъ какую-нибудь неожиданную затѣйную кляузу, то другой исконный магистратскій врагъ, соляной промышленникъ, а стеклянной фабрики содержатель, Ѳилипъ Городчаниновъ, человѣкъ богатый и со связями, требовалъ себѣ, черезъ высшія команды, законнаго удовольствія, обвиняя магистратскихъ судей въ неправедныхъ къ сторонѣ купечества послабленіяхъ, а ему, промышленнику, въ утѣсненіи, „отчего уже и приходитъ во всеконечное разореніе..." Вообще, трудно было-бы перечислить всѣ случаи, которые могли подать поводъ къ той или другой невзгодѣ, и, поистинѣ, безъ традиціонной подьяческой пронырливости, ставшею притчею во языцѣхъ, приказныя дѣла вести въ тѣ времена было-бы „весьма невозможно".



[1]) Въ магистратахъ подьячіе и канцеляристы выбирались купечествомъ.

II.

Дѣло, по которому сержантъ Масловъ утруждалъ словесныхъ судей, а теперь, по сумнительству, впущенъ былъ передъ ясныя очи бургомистра Латухина и ратмановъ, было очень просто и, повидимому, не требовало особыхъ соображенiй; въ маѣ 1768 года титулярный совѣтникъ Колокольцевъ, застигнутый трудными обстоятельствами, занялъ 70 рублей 50 копѣекъ и выдалъ вексель. Въ августѣ наступилъ срокъ, титулярный совѣтникъ платежа не учинилъ, почему нижегородскiй публичный нотарiусъ, во охраненiе вексельнаго права, сыскивалъ его въ Нижнемъ Новѣ-городѣ, приходя къ его дому съ понятыми. Но дома его не изошелъ, а домашнiе объявили, что имѣется оный должникъ въ Балахнѣ. Вотъ почему протестованный вексель и появился на столѣ балахонскаго магистрата.

Въ тѣ времена сословныя разграниченiя были чрезвычайно рѣзки, и каждое сословiе судилось особымъ судомъ. Ратуши и таможенные суды, а съ половины прошлаго столѣтiя магистраты сосредоточили въ себѣ въ уѣздныхъ и провинцiальныхъ городахъ всѣ дѣла, относившiяся до купечества, какъ уголовныя, такъ и гражданскiя. Промышленники и фабриканты вѣдались еще въ мануфактуръ-коллегiи, крестьяне, помѣщики и разночинцы—въ воеводскихъ канцелярiяхъ, духовенство — въ своихъ духовныхъ правленiяхъ. Вотъ почему у словесныхъ судей и возникло первое сумнительство: какъ отвѣтчикъ, такъ и истцы по векселю, предъявленному сержантомъ Масловымъ, были персоны не купеческаго званiя, и словесный судъ охотно отослалъ-бы и сержанта и его векселя въ воеводскую канцелярiю, какъ это и дѣлалось прежде.

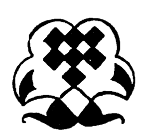
Въ присутственной комнатѣ магистрата, за столомъ, обильно закапаннымъ чернилами, засѣдали выборные изъ купечества, бургомистръ съ двумя ратманами. Бургомистръ Петръ Семеновъ сынъ Латухинъ крѣпко держалъ бразды градскаго правленiя въ теченiе цѣлой четверти вѣка. За это время онъ переполнилъ магистратъ своими сродниками, свойственниками, кумовьями и крестниками до такой степени, что, казалось, въ балахонскомъ магистратѣ на вѣки вѣчные водворилась латухинская династiя. Одинъ изъ ратмановъ, Михайло Рукавишниковъ, былъ ему родной племянникъ. Другой—Ѳедоръ Ряхинъ, человѣкъ совершенно безличный и подавленный, ограничивался подписью бумагъ. Пищики, подканцеляристы и канцеляристы, подьячiе просто и подьячiе съ приписью ожидали

только мановенія латухинской главы, чтобы разорвать кого угодно въ переносномъ и даже въ буквальномъ смыслѣ.

Осмотрѣвъ вексель и выслушавъ молчаливо „сумнительство" словесныхъ судей. Латухинъ подалъ знакъ канцеляристу Побѣдимцову. Латухинскій кумъ, человѣкъ невзрачный и потертый, нерѣдко „обращавшійся въ пьянственномъ случаѣ", во хмѣлю строптивый и даже буйный, канцеляристъ этотъ былъ въ то-же время великій законникъ, видавшій всякія передѣлки. Поэтому ему многое прощалось, и балахонское купечество много лѣтъ содержало его „на изрядномъ отъ себя трактаментѣ". Никто лучше Сергѣя Побѣдимцова не могъ разобраться въ хаосѣ уложеній, регламентовъ, морскихъ и военныхъ артикуловъ и указовъ, загромождавшихъ огромный черный шкапъ, изъ коего магистрату приходилось почерпать свои аргументы. Мигомъ найдя что было нужно, подканцеляристъ вынулъ изъ нѣдръ шкапа вексельные уставы и прочиталъ:

„Когда кто изъ воинскихъ, статскихъ, духовныхъ или иныхъ чиновъ самъ себя привяжетъ въ купечествѣ, въ переводѣ денегъ векселями или другими какими домовными книгами подъ образомъ векселя, такимъ нигдѣ индѣ, но точію.. какъ на купцахъ, такъ и купцамъ на нихъ просить и удовольствіе чинить въ ратушахъ и таможняхъ, несмотря ни на какія ихъ представленія, что они не того суда, понеже купцамъ несносно есть потеряніе времени и поврежденіе купечества... И для того, кто не хочетъ себя подвергать подъ судъ ратушной и таможенной, то да не дерзаетъ самъ себя векселями и другими письмами подъ образомъ векселя съ купечествомъ привязывать или неисправнымъ показывать" [1]).

Выдержка эта сразу разрѣшила всѣ сомнѣнія: словесные судьи покорно взяли со стола принесенныя Масловымъ бумаги и, вмѣстѣ съ сержантомъ, пошли опять въ земскую избу „для начатія тому дѣлу разбирательства и указнаго рѣшенія", что, какъ увидимъ, сопряжено было для нихъ съ немалыми трудностями.



[1]) Вексельнаго устава пунктъ 38.

III.

Вексель! Едва-ли есть еще какой-либо документъ, который и въ наше время пользовался-бы меньшею симпатіею, чѣмъ эта нѣмецкая выдумка, занесенная къ намъ реформою Петра. Сколько на этихъ клочкахъ бумаги, въ этихъ немногихъ словахъ заключено человѣческаго горя, слезъ, нужды и даже крови,—объ этомъ могутъ и теперь разсказать судебные пристава, печальная обязанность которыхъ состоитъ въ „осуществленіи" скрытаго въ этой бумажкѣ реальнаго смысла. Поистинѣ, за одно это нѣмецкое словечко „вексель", вошедшее въ обиходъ русской жизни, память великаго преобразователя [1]) заслуживала-бы всѣхъ тѣхъ проклятій, которыми отягчаютъ ее славянофилы, если-бы... если-бы это нѣмецкое слово не замѣнило собою нѣкоторыхъ чисто русскихъ, имѣвшихъ обращеніе въ допетровской патріархальной Руси. Эти самобытныя, но страшныя слова: кабала, кабальная запись, правежъ!

Какъ-бы то ни было, слово вексель было въ прошломъ столѣтіи гораздо страшнѣе нынѣшняго. Въ случаѣ неплатежа или спора должника сыскивали и для разбирательства отсылали подъ карауломъ по мѣсту жительства истца, напримѣръ, изъ города Балахны въ С. Петербургъ, Москву или Астрахань, гдѣ въ такихъ случаяхъ сторонамъ давался „судъ по формѣ суда", и это порою изъ-за десятка рублей. Во второй половинѣ столѣтія процедура является уже значительно упрощенною... векселя предъявлялись по мѣсту жительства отвѣтчика въ словесные суды, въ которыхъ разбирательство происходило исключительно устное. Въ случаѣ-же спора и, вообще, когда дѣло доходило до письменнаго разбирательства, описей и продажи имущества, оно поступало въ магистраты.

Такимъ образомъ выборные изъ балахонскаго купечества словесные судьи состояли „по апелляціи" непосредственно въ вѣдѣніи магистрата. Словесный судъ помѣщался въ одномъ съ магистратомъ зданіи, его колодники сидѣли въ магистратской тюрьмѣ, и вообще, наравнѣ со всѣмъ магистратомъ и со всею купеческою Балахною, словесный судъ являлся покорнымъ орудіемъ всевластнаго купеческаго бургомистра. Выбранный въ 1749 году Петръ Семеновъ Латухинъ правилъ Балахною около 30 лѣтъ. Только уже въ 1770-хъ годахъ, когда послѣ пугачевской грозы, въ воздухѣ

---

[1]) Вексельный уставъ изданъ въ 1729 году, т. е. послѣ смерти Петра. Однако, какъ и многія мѣры того времени, начало свое онъ получилъ при Петрѣ. В. К.

появились какія-то новыя вѣянія, когда Екатерина писала, что теперь, „сломавъ рога Пугачева, мысли множествомъ вдругъ приходятъ [1]), а губернаторы стали разсылать во всѣ учрежденія невиданные прежде указы и письма, дабы „всѣ мѣста старались не сильнымъ чинить потакательство, но наипаче слабымъ и обидимымъ защищеніе“, только тогда Латухинъ, еще крѣпкій и бодрый, долженъ былъ покинуть насиженное мѣсто. И послѣ этого передъ гуманными губернаторами стали вскрываться удивительныя обстоятельства. Оказалось, напримѣръ, что одинъ балахонскій посадникъ явился къ губернатору Ступишину, бѣжавъ изъ тюрьмы, гдѣ его содержали семь лѣтъ словесные судьи за долгъ Латухину,—долгъ, который вдобавокъ давно былъ покрытъ, такъ какъ въ теченіе этого времени Латухинъ держалъ у себя въ работѣ двухъ сыновей должника. Когда-же губернаторъ сдѣлалъ объ этомъ запросъ, требуя объясненія, чего для толь долговременное задержаніе учинено, то оказалось, что по справкѣ въ дѣлахъ не найдено никакихъ слѣдовъ какого-бы то ни было постановленія объ арестѣ.

Вотъ какова была власть купеческаго бургомистра П. С. Латухина въ уѣздномъ городѣ Балахнѣ и вотъ что могли учинить съ балахонцемъ, выдавшимъ заемное письмо или вексель. И если теперь простое предъявленіе векселя ко взысканію поставило въ тупикъ словесныхъ судей, и самъ бургомистръ Латухинъ измышлялъ средства, дабы неоффиціально склонить обѣ стороны къ уступкамъ и примиренію, то это объясняется только тѣми „персонами“, которыя являлись тяжущимися въ этомъ несложномъ дѣлѣ.

Прежде всего это былъ нижегородскій комендантъ Трофимъ Степановичъ Іевлевъ.

Въ замѣчательномъ историческомъ документѣ, — язвительной „бумажкѣ“, которую комиссаръ Лодыженскій послалъ бравому саратовскому коменданту Бошняку наканунѣ пугачевскаго разгрома,— такъ охарактеризована роль коменданта: „Въ Россійскомъ государствѣ есть два сорта комендантовъ, изъ коихъ первые... по справедливости, могутъ назваться комендантами крѣпостей. Другой-же сортъ комендантовъ опредѣляется для сыску воровъ и разбойниковъ и для препровожденія изъ нихъ пойманныхъ отъ мѣста и до мѣста и для другихъ надобностей и карауловъ, и то по требованіямъ губернскихъ, провинціальныхъ и воеводскихъ канцелярій, тако-жъ и прочихъ присутственныхъ мѣстъ“ [1]).

---

[1]) Дубровинъ. Пугачевъ и его время, III, 324.

[2]) Тамъ-же, III, 191.

Мы не можемъ теперь сказать къ какому „сорту“ комендантовъ причислилъ-бы Лодыженскій „нижегородскаго коменданта Трофима Іевлева“. Въ командованіи и защитѣ нижегородской крѣпости, сохранившей понынѣ свои старыя стѣны и башни, въ то время едва-ли уже предстояла какая-нибудь надобность. Ничего также неизвѣстно о трудахъ его по искорененію воровъ и разбойниковъ. Несомнѣнно, однако, что у него подъ командою было немалое число солдатъ и сержантовъ, которыхъ онъ разсылалъ въ разныя учрежденія съ довѣренностями по всякимъ кляузнымъ искамъ. Когда дѣло затягивалось и становилось сомнительнымъ, то нерѣдко истцы считали выгоднымъ уступить свои права коменданту, который имѣлъ сильныя связи въ губернскомъ магистратѣ. Такимъ образомъ, въ Нижнемъ Новгородѣ возникло въ комендантскомъ управленіи своеобразная дисконтная контора, и когда губернскій магистратъ прибѣгалъ къ мѣрамъ „понужденія присутствующихъ“, о которыхъ говорилось выше, то комендантъ Іевлевъ давалъ для исполненія этихъ мѣръ солдатъ своей команды. Поистинѣ, чѣмъ-то юпитеровскимъ отзываются краткія напутствія, которыми комендантъ снабжалъ при этомъ свою команду. Въ дѣлахъ балахонскаго магистрата сохранилось, напримѣръ, слѣдующее „вѣрющее письмо“, предъявленное сержантомъ Заварзинымъ 18-го декабря 1777 года:

„Ѳедоръ Заварзинъ

по посылке твоеи в балахну о взыскании долговъ нотариуса Щурова имеи крепкое старание, а не такъ какъ сержантъ Масловъ, дабы на васъ какой в поноровке жалобы не произошло. Пишу тебѣ я Трафимъ Иевлевъ“.

Итакъ, если Петръ Латухинъ являлся въ Балахнѣ представителемъ власти несомнѣнно сильной, то и комендантъ Іевлевъ олицетворялъ ее въ своей особѣ въ степени отнюдь не меньшей. За нимъ, на той-же сторонѣ, т. е. въ качествѣ истцовъ, являлись еще двѣ персоны съ очень длиннымъ и неуклюжимъ титуломъ: „Нижегородскихъ питейныхъ и протчихъ сборовъ коронныхъ повѣренныхъ господинъ оберъ-директоръ Михайло Гусятниковъ и таковыхъ-же сборовъ коронныхъ повѣренныхъ директоръ Григорій Лихонинъ“. Въ нашемъ столѣтіи, отказавшемся отъ длинныхъ и кудреватыхъ наименованій, персоны эти носили-бы не менѣе, однако, внушительное названіе откупщиковъ, и уже по тому, чтó видѣло отъ нихъ наше столѣтіе, мы легко можемъ судить какова была ихъ сила въ провинціальной средѣ прошлаго вѣка.

И, однако, обѣ эти персоны предпочли перевести вексель на имя коменданта Іевлева, повидимому, плохо надѣясь на своего повѣреннаго Василья Теремнова, не обладавшаго никакими уже титулами. Кто-же былъ противникъ, противъ котораго сплачивались такія солидныя силы, на предметъ простаго взысканія съ него 70 рублей съ указными рекамбіею и процентами.

Мы уже видѣли, что это былъ просто титулярный совѣтникъ Николай Потаповичъ Колокольцовъ. Титулъ, конечно, не изъ особенно еще знатныхъ, и если все-таки словесный судъ и магистратъ такъ неохотно принимали его векселя, то на это были особыя причины: у Колокольцова были связи и, что самое главное, онъ былъ въ данное время „града Балахны воеводскимъ товарищемъ". Нужно прибавить, что незадолго передъ тѣмъ господинъ Колокольцовъ имѣлъ уже немалую прю съ балахонскимъ купечествомъ по вопросу объ отводѣ ему приличной званію квартиры, и мы легко поймемъ, какая туча нависала надъ балахонскимъ купеческимъ управленіемъ въ лицѣ сержанта Маслова, за коимъ виднѣлись персоны директоровъ и коменданта съ одной стороны и воеводскаго товарища съ другой. Всѣмъ до послѣдняго пищика было ясно, что тутъ предстоятъ немалыя затрудненія, чреватыя всякими огорчительными неожиданностями и „репремантами".

IV.

Какъ-бы то ни было, сержанту отведена на коштѣ купечества квартира, а словесный судъ приступаетъ къ предварительнымъ по щекотливому иску мѣропріятіямъ.

Обыкновенно мѣры принимались въ такихъ случаяхъ самыя простыя. Двумъ дюжимъ магистратскимъ „розсылщикамъ", (тоже выбиравшимся изъ купечества) давали сыскную, и они сыскивали должника въ дому или гдѣ „улучить было возможно". Если это удавалось, то они, не пріемля отговорокъ, волокли искомаго къ разбирательству и объявляли „при доѣздѣ". Если-же проницательный должникъ укрывался, то розсылщики „получали" кого-либо изъ домашнихъ: мать, отца, жену или сына (малолѣтки женска полу отъ привода избавлялись), и волокли ихъ въ судъ, который подвергалъ ихъ задержанію подъ карауломъ, доколѣ „винный не являлся собою", на выручку своихъ близкихъ. Въ данномъ, однако, случаѣ процедура эта признана была не совсѣмъ удобною, и потому словесный судъ возлагаетъ тонкое порученіе на одного изъ своихъ

судей, Ѳедора Рукавишникова, человѣка хорошей балахонской фамиліи и потому знавшаго обращеніе съ персонами знатнаго ранга. Рукавишниковъ, въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1768 года, ходилъ къ господину Колокольцову троекратно, и по тому троекратному хожденію принесъ отъ его благородія обѣщаніе, что онъ по дѣлу имѣетъ выслать въ словесный судъ своего повѣреннаго.

„Точію за многопрошествіемъ времени того довѣреннаго не выслалъ“. Между тѣмъ, по вексельному уставу, въ дѣла по вексельнымъ искамъ строго повелѣвалось рѣшать „конечно, въ двухъ-недѣльный срокъ“, подъ опасеніемъ взысканія всего иску съ самихъ судей. Такъ какъ вдобавокъ и сержантъ Масловъ о „удовольствіи“ своего начальника требовалъ неотступно, угрожая непремѣннымъ по командѣ доношеніемъ, то словесный судъ усиливаетъ первую мѣру: онъ посылаетъ къ Колокольцову двухъ розсылщиковъ Ѳедора Мартюшева и Дмитрія Неслухтина, которые привыкли къ рѣшительнымъ поступкамъ и не боялись суроваго отпора. Оба эти розсылщика къ его благородію неоднократно ходили и получали его видѣть на квартирѣ, точію его благородіе отвѣтствовалъ, якобы онъ на тотъ вексель сочиняетъ нѣкакой документъ. Такъ какъ никакихъ документовъ словесный судъ принимать былъ отъ отвѣтчиковъ не вправѣ, то розсылщикамъ дается еще болѣе рѣшительная инструкція: „его благородія въ словесной судъ требовать имъ неотступно, а ежели самъ не пойдетъ и повѣреннаго не отдастъ (sic!), то взять изъ людей его, кого улучшить можно“.

Его благородіе принялъ свои мѣры и розсылщики, за конечнымъ невпущеніемъ ихъ въ квартиру для взятія людей его и за неполученіемъ ихъ нигдѣ въ городѣ, никого при доѣздѣ объявить были не въ состояніи. Но зато 29-го октября того-же года въ земскую избу, гдѣ словесный судъ имѣлъ засѣданія, явился съ превеликою надменностію балаханской воеводской канцеляріи подканцеляристъ Поповъ (одинъ изъ безчисленныхъ Поповыхъ, которыми кишѣли всѣ канцеляріи), который „бросилъ на столъ гербовой бумаги, повидимому, листъ одинъ“, и затѣмъ удалился, сказавши только, что это и есть „его благородія на вексельный искъ объявленіе“.

Въ объявленіи было написано просто, что хотя тѣ по векселю деньги имъ, Колокольцовымъ, и подлинно взяты, точію къ уплатѣ виннымъ себя не признаваетъ, ибо-де уже уплатилъ, отославши оную сумму сестры своей родной Татьяны Толстой съ крестьяниномъ. Ни платежной росписки, ни свидѣтелей уплаты при этомъ не представлено и показаніе относительно уплаты (впослѣдствіи совер-

шенно опровергнутое) ничѣмъ не подтверждалось. А такъ какъ, кромѣ того, письменныя объясненія, по инструкціи словеснаго суда, не подлежали даже разсмотрѣнію,—то судьи вновь посылаютъ розсылщика. Злополучный Мартюшевъ, возвратясь, показалъ, что его благородіе окончательно ему отказалъ, „дабы розсылщикамъ болѣе къ нему въ домъ ни зачѣмъ не ходить, а словесному суду производить по тому объявленію". Словесный судъ записалъ слова розсылщика въ протоколъ, закончивъ его слѣдующими словами: „а онъ, Мартюшевъ, въ семъ доѣздѣ, показавъ чистую правду, подвергая себя въ противномъ случаѣ законному истязанію", и затѣмъ рѣшилъ, что теперь дѣло словеснаго суда кончено, такъ какъ довелось уже до письменнаго разбирательства, подлежащаго вѣдѣнію магистрата. Почему 3-го ноября дѣло и препровождено при доношеніи на усмотрѣніе господъ балахонскаго магистрата.

Такимъ образомъ, первый актъ борьбы кончился и господину Колокольцову, титулярному совѣтнику и воеводскому товарищу, не пришлось предстать передъ низшею инстанціею выборнаго суда балахонскихъ купчишекъ. Теперь ему предстояло имѣть дѣло съ самимъ магистратомъ.

V.

Разсмотрѣвъ препровожденное отъ словеснаго суда объявленіе, магистратъ, конечно, не могъ усмотрѣть въ немъ никакого здраваго резону, кромѣ развѣ намека на родство съ Толстыми (изъ коихъ одинъ, служившій прежде въ Нижнемъ, былъ оберъ-кригсъкомиссаромъ), тѣмъ болѣе, что ежели-бы подлинно тѣ деньги имъ Колокольцовымъ, отдаваны были, то-бы могъ имѣть каковой-либо документъ. Въ виду этого магистратъ начинаетъ противъ воеводскаго товарища военныя дѣйствія съ своей стороны.

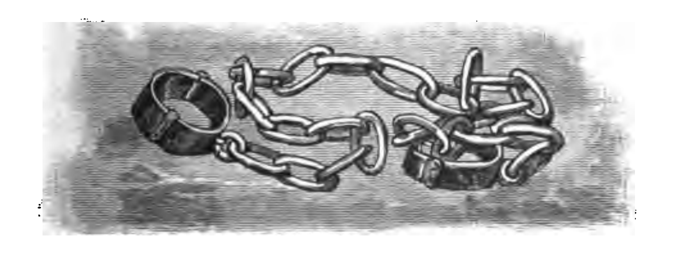
3-го ноября „правящему по выбору отъ балахонскаго купечества полицейскую должность", а въ торжественныхъ случаяхъ называемому „выборнымъ балахонскимъ полицы-мейстеромъ", купцу Якову Щепетильникову вручена отъ магистрата инструкція: „Идти тебѣ въ домъ, гдѣ г. Колокольцовъ жительство имѣетъ, и оному Колокольцову объявя, требовать, дабы по имѣемому на него векселю и по приносимой имъ спорности въ балахонской магистратъ явился-бы собою въ неукоснительномъ времени или-бы прислалъ повѣреннаго", о чемъ особо составленную промеморію онъ-же, Щепетильниковъ, имѣетъ объявить въ балахонской воеводской канце-

ляріи воеводѣ или-же секретарю. Посылка эта увѣнчалась столь-же малымъ успѣхомъ, какъ и предъидущія: Колокольцовъ не являлся, а воевода съ секретаремъ магистратскую промеморію не приняли, „яко гласящую по вексельному дѣлу, каковыя дѣла по регламенту до воеводы не принадлежательны“.

Тогда магистратъ обращается въ высшую команду, а именно въ губернскую канцелярію, требуя доношеніемъ, дабы благоволено было тому Колокольцову о явкѣ въ магистратъ, а воеводской канцеляріи о взятіи съ него подписки подтвердить указами. Кромѣ того, магистратъ проситъ наложить запрещеніе на имущество Колокольцова или, наконецъ, о вычетѣ изъ его жалованія, сообщая, что иначе балахонскій магистратъ, за упорной неявкой Колокольцова „и какъ оной находитца здѣшняго града воеводскимъ товарыщемъ“,—ко взысканію приступить собою не можетъ.

Этотъ вопль магистрата, признававшагося въ своемъ безсиліи, встрѣченъ очень холодно: указавъ сухо на 38 пунктъ вексельнаго устава, въ силу коего оный Колокольцовъ подлинно надлежитъ быть отосланъ въ магистратъ, Петръ Рагозинъ (подписавшій указъ губ. канцеляріи) говоритъ затѣмъ, что до рѣшенія дѣла (!) ни удержанія жалованія ни запрещенія на имущество и требовать не надлежало, почему на предбудущее время рекомендуется магистрату отъ таковыхъ недѣльныхъ предложеній себя воздержать.

Тогда, 22-го декабря, правящій полицейскую должность снабжается отъ магистрата новою инструкціею, составленною въ выраженіяхъ тонкихъ, но еще болѣе рѣшительныхъ: „Идти тебѣ въ домъ къ г-ну Колокольцову и, во-первыхъ, объявить учливымъ образомъ, требуя ево въ балахонской магистратъ собою, если-жъ не пойдетъ и воспослѣдуетъ отъ нево какое тебѣ препятствіе, тогда какъ возможно къ тому позыву и взятью приложить тебѣ усильное стараніе“.



VI.

Время было выбрано магистратомъ въ высшей степени удачно, и если-бы купеческій полицеймейстеръ оказался на высотѣ своей задачи, то его экспедиція на сей разъ могла-бы разрѣшиться или торжествомъ магистрата или крупною катастрофою. Въ первомъ случаѣ воеводскій товарищъ былъ-бы объявленъ „при доѣздѣ" въ купеческое судилище „усиліемъ", во второмъ—балахонская воеводская канцелярія во всемъ составѣ вынуждена была-бы нарушить нейтралитетъ и вступить въ рукопашную, защищая своего „воеводскаго товарища" отъ купеческой посылки. Дѣло въ томъ, что съ послѣднихъ дней передъ Рождествомъ и до 8-го января обыкновенно прекращались въ присутствіяхъ текущія дѣла и даже,—трогательная черта среди жестокихъ нравовъ того вѣка,—раскрывались двери тюремъ, и колодники распускались по домамъ, на подписку и поруки, дабы могли провести святой праздникъ дома и слушать въ церквахъ божіихъ молебнаго пѣнія. Въ тюрьмахъ на это время оставались лишь тѣ, относительно которыхъ состоялись постановленія: „держать неисходно безъ выпуску" (что, замѣтимъ кстати, далеко не всегда сообразовалось съ важностью преступленія).

Колокольцовъ, понятно, не думалъ, что въ такіе дни, передъ самымъ праздникомъ, магистратъ откроетъ рѣшительныя дѣйствія, и потому спокойно отправился въ воеводскую канцелярію и также безпечно оттуда вышелъ. Но на выходѣ былъ встрѣченъ отрядомъ изъ пяти балахонцевъ, подъ предводительствомъ Щепетильникова, которые уже были въ его квартирѣ и теперь ко взятію его намѣревались приложить усильное стараніе. Застигнутый такимъ образомъ, его благородіе сильно сбавилъ тонъ: ссылаясь на самонужнѣйшія дѣла по воеводской канцеляріи, онъ самымъ учливымъ образомъ сталъ увѣрять, что нынѣ уже за наступленіемъ праздничныхъ дней тому дѣлу произвожденія чинить не можно, но что за то на 8-е число января имѣетъ быть въ присутствіи магистрата неотмѣнно.

Купеческій полицеймейстеръ на эти, многократно уже не сдержанныя, обѣщанія сдался. Подѣйствовало-ли на купца обаяніе барской любезности, а можетъ быть, онъ просто струсилъ вблизи воеводской канцеляріи, команда которой нерѣдко вступала съ представителями магистрата въ смертный бой и даже разбивала магистратскія двери; какъ-бы то ни было, но и на этотъ разъ онъ отступилъ. Воеводскій товарищъ избѣгъ „приводу", хотя и не безъ урону своей надменности, послѣ любезно тонкихъ отговорокъ на улицѣ,

при собраніи народу немалаго числа, сбѣжавшагося поглазѣть на взятіе купцами воеводскаго товарища. „За приведенными резоны, репортовалъ малодушный Щепетильниковъ, я его благородія взять не отважился“.

VII.

Повидимому, воеводскій товарищъ Колокольцовъ поставлялъ свою честь въ томъ, чтобы по векселямъ своимъ не платить и пренебречь магистратскимъ судилищемъ. Иначе трудно объяснить, почему онъ рѣшился такъ упорно выносить все послѣдующее. Понятно, что ни 8-го января, ни послѣ онъ въ магистратъ не являлся, а такъ какъ Щепетильниковъ, устыженный неудачею, теперь ходилъ около дому со своею командою, стараясь его улучить всемѣрно, то Колокольцовъ прекратилъ ходить даже въ присутствіе. Между тѣмъ, подканцеляристъ Побѣдимцовъ, тщательно порывшись въ своемъ арсеналѣ, изъ самой глубины чернаго шкапа извлекъ противъ Колокольцова грозное оружіе, какъ кажется, давно уже не бывшее въ употребленіи.

„Соборнаго уложенія главы десятой въ пунктѣ третьемъ изображено: „Будетъ которой ответчикъ учнетъ у пристава укрыватися и во дворѣ у себя не учнетъ сказыватися, и приставу, взявъ съ собою товарищей, сторожить у двора ево день, и два, и три, доколь тотъ ответчикъ самъ или человѣкъ ево или дворникъ со двора сойдетъ, и того ответчика или человѣка его или дворника взявъ, привести въ приказъ“.

На основаніи этого пункта, нынѣ извлеченнаго изъ пыльнаго забвенія противъ необычно храбраго противника, сформированъ, подъ начальствомъ Щепетильникова, въ маѣ 1769 года, настоящій отрядъ изъ двѣнадцати балахонскихъ „посадниковъ“ и купцовъ, которые, расположась у дома Колокольцова, непрестанно его стерегли, чиня денно и нощно засаду.

Домъ превратился въ осажденную крѣпость. Ни г. Колокольцовъ, ни его домашніе не отваживались теперь выходить на улицу, гдѣ ихъ ждали балахонцы со своимъ „третьимъ пунктомъ“. Изъ купечества никто, конечно, также не осмѣливался навѣрное входить къ осажденнымъ, такъ какъ надъ своими-то гражданами у магистрата было достаточно власти. Квартира Колокольцова оказалась такимъ образомъ блокированною и, пожалуй, храбрый воеводскій товарищъ увидѣлъ-бы себя вынужденнымъ сдаться магистратской

арміи, если-бы блокаду не нарушали то и дѣло солдаты воеводской канцеляріи, которыхъ это дружественное Колокольцову учрежденіе откомандировало на помощь и которые то и дѣло проходили въ ворота и обратно, не обращая вниманія на осаждающихъ. Такъ какъ это не были ни „люди" Колокольцова, ни его дворники, то, конечно, соборное уложеніе не уполномочивало Щепетильникова брать ихъ и приводить въ приказъ.

VIII.

Такъ прошло около мѣсяца.

13-го іюня того-же 1769 года, на базарѣ города Балахны учинился немалый крикъ и смятеніе. Дѣло въ томъ, что предводитель магистратскаго отряда, оставивъ подчиненныхъ въ обычной засадѣ, отлучился для своихъ нуждъ и во время той отлучности ходилъ по базару. Въ то-же время изъ дома Колокольцова, обманувъ бдительность отряда, остававшагося безъ предводителя (и, конечно, не всегда сторожившаго съ одинаковымъ усердіемъ), вышелъ для покупки солоду и соли дворовый человѣкъ Наумъ Козьминъ. Послѣдній, закупивъ припасы, хотѣлъ уже было отправляться обратно, не чая напасти и не подозрѣвая, что купеческій полицеймейстеръ уже усмотрѣлъ его своимъ бдительнымъ окомъ. Собравъ наскоро летучій отрядъ изъ четырехъ балахонцевъ, Щепетильниковъ обошелъ врага, окружилъ его и быстрымъ натискомъ взялъ его въ плѣнъ вмѣстѣ съ солодомъ и солью.

Это была еще первая добыча магистрата. Понятно, что Наумъ Козьминъ былъ встрѣченъ въ магистратѣ съ немалымъ торжествомъ и немедленно сданъ за руки земской тюрьмы сторожамъ, для содержанія въ оной тюрьмѣ безъ выпуску. Козьминъ, такъ неожиданно попавшій съ базара за рѣшетку, конечно, подчинился своей участи съ тѣмъ фатализмомъ, съ какимъ привыкъ подчиняться подобнымъ невзгодамъ русскій человѣкъ, въ особенности-же русскій человѣкъ добраго стараго времени, когда, напримѣръ, его, Козьмина, могли продать съ публичнаго торгу, какъ движимое имущество. Очень можетъ быть, что дѣло и получило-бы этотъ натуральный по обстоятельствамъ исходъ и Козьминъ пошелъ-бы въ продажу для уплаты Трофиму Іевлеву хотя-бы одной только рекамбіи, если-бы противная сторона не изобрѣла такого способа, который заставилъ магистратъ поскорѣе отказаться отъ своей добычи.

Попавъ за рѣшетку, Козьминъ могъ-бы, конечно, совершенно успокоиться, если-бы не одно обстоятельство: на рукахъ у него остались хозяйскіе солодъ и соль. Мысль, что его хозяйка тщетно ожидаетъ теперь этихъ припасовъ, доставляла вѣрному холопу великое огорченіе, и поэтому, увидя въ окно проходившаго мимо балахонца посадскаго человѣка Михайла Оголихина, онъ подозвалъ его и повѣдалъ ему свое рабье горе.

Михайло Оголихинъ былъ именно такой человѣкъ, какого нужно было Козьмину въ данную минуту; дѣло было не только въ томъ, чтобы найти сочувствіе къ заточенію хозяйскаго солода, нужна еще была храбрость, чтобы пойти противъ магистрата и проникнуть съ вѣстью во враждебный лагерь. А къ этому именно, то есть къ учиненію магистрату всякой противности, былъ во всякое время охочъ Михайло Оголихинъ.

У него съ магистратомъ были старые и весьма неиріятные счеты. Начиная съ горькой жалобницы подканцеляриста Попова, котораго Оголихинъ называлъ „здѣшняго града посадскихъ людей разорителемъ“, въ архивѣ сохранилось немало дѣлъ, съ перечисленіемъ многихъ того Оголихина великихъ продерзостей: однажды, во время собранія купечества, схватя составленный купечествомъ приговоръ, Оголихинъ его сверху донизу разодралъ „и въ томъ числѣ ея императорскаго величества въ титулѣ букву (в) разодралъ-же“. Такая продерзость въ тѣ времена „касалась уже важности“ и потому Михайла Оголихина, по доношенію магистрата, требовали для изслѣдованія въ высшія команды. Чѣмъ кончилось это изслѣдованіе—неизвѣстно. Извѣстно только, что „знатный купецъ“, въ концѣ 1740-хъ годовъ, въ описываемое время, онъ уже былъ раззоренъ, озлобленъ и имѣлъ свое кормленіе отъ красильнаго мастерства; изъ-за этого мастерства, вдобавокъ, онъ вступалъ въ неоднократные бои съ городецкими и иными окрестными крестьянами, которые тоже занимались, вопреки указамъ, красильнымъ дѣломъ въ городѣ Балахнѣ. Понятно, что такой воинственный образъ жизни еще болѣе способствовалъ развитію строптивости и духа противленія.

Когда Козьминъ кликнулъ его въ окошко, то Оголихинъ тотчасъ-же взялъ у него солодъ и соль, отправился съ ними къ Колокольцову, безстрашно прошелъ мимо стражи во дворъ и не преминулъ разсказать обо всемъ, постигшемъ вѣрнаго холопа. Послѣ этого онъ, вдобавокъ, небрежа магистратскимъ гнѣвомъ, вернулся обратно и успокоилъ узника извѣстіемъ, что солодъ и соль попали, наконецъ, въ хозяйскія руки.

IX.

А въ домѣ Колокольцова закипѣла работа. Какъ нѣкогда князь Курбскій, хозяинъ знаменитаго Васьки Шибанова, такъ теперь хозяева злополучнаго Козьмина, гораздо больше думали о томъ, какъ-бы покрѣпче насолить магистрату, чѣмъ объ участи вѣрнаго холопа. Изъ воеводской канцеляріи былъ позванъ опытный пищикъ, который тотчасъ-же сочинилъ, отъ имени Марьи Дмитріевны Колокольцовой, весьма затѣйное явочное челобитье, присланное воеводою на другой-же день въ магистратъ.

„Отъ брата-де роднаго Колокольцовой жены, прапорщика Козлова, отданъ ей былъ на время крестьянинъ, который и находился при домѣ ея во услуженіи...“

Уже изъ этихъ первыхъ словъ бумаги, упавшей въ магистратъ, какъ разрывная бомба изъ осажденной крѣпости,—и бургомистръ, и оба ратмана, и самъ законникъ Побѣдимцовъ тотчасъ-же усмотрѣли, что они дали маху: захватили собственность прапорщика, совсѣмъ непричастнаго дѣлу. Но дальше было нѣчто, отчего лица присутствующихъ вытянулись еще болѣе.

...„А нынѣ, продолжала Марья Дмитріевна, со означеннымъ человѣкомъ послано было собственныхъ ея денегъ для розмѣну къ здѣшнему купечеству на мелкія деньги пять десятирублевыхъ имперіаловъ, которой-де (т. е. Козьминъ) и посейчасъ съ тѣми деньгами въ домъ не бывалъ и гдѣ находитца, о томъ она, Колокольцова, неизвѣстна“. Коварный документъ кончается невинною просьбою: „дабы о сыску онаго двороваго брата ея человѣка и о публикованіи о томъ всенародно въ балахонской магистратъ сообщить“.

Получивъ такую неожиданную „промеморію“, магистратъ увидѣлъ, что дѣло его и на сей разъ проиграно. Правда, злополучный Козьминъ, столь неблагодарно оклеветанный хозяйкою въ похищеніи яко-бы знатной суммы, будучи того-жъ часу позванъ къ допросу, простодушно объяснилъ, что онъ подлинно данъ госпожѣ своей отъ ея брата, „а на базаръ не для чего другого посыланъ былъ, какъ для взятія солоду и отъ казенной продажи соли“, послѣ чего прилучился еще быть на базарѣ, какъ на него нагрянули Щепетильниковъ стоварыщи и увели въ магистратъ.

Такимъ образомъ, показаніе Колокольцовой насчетъ имперіаловъ не подтвердилось. Но магистрату было хорошо извѣстно, что̀ значитъ въ такомъ случаѣ показаніе холопа. Притомъ-же дальнѣйшіе

разспросы Козьмину будутъ производиться „по вѣдомству его, въ воеводской канцеляріи“, а магистрату было также извѣстно, какія показанія можно порой добыть изъ человѣка при умѣломъ „устращиваніи“, которое тогда все еще было „за обычай“. Понятно, что въ этомъ случаѣ бѣднягѣ Козьмину не осталось-бы ничего болѣе, какъ показать, что-де „тѣ монеты взяты у него при задержаніи того балахонскаго магистрата присутствующими“. Правда, это была-бы ложь... Но не отъ всѣхъ-же можно ждать шибановской твердости, да къ тому-же интересы раба совпали-бы въ этомъ случаѣ съ интересами господина...

По всѣмъ этимъ соображеніямъ, Козьминъ тотчасъ-же отправленъ съ розсылщикомъ въ воеводскую канцелярію, гдѣ и сданъ подъ росписку...

X.

Бываютъ нравственныя побѣды, которыя мѣняютъ сразу взаимное отношеніе воюющихъ сторонъ. Такую именно побѣду одержалъ теперь титулярный совѣтникъ Николай Потаповичъ Колокольцовъ надъ купеческимъ магистратомъ. Послѣ этого эпизода, дѣйствія магистрата идутъ нерѣшительно и вяло. Новая инструкція розсылщикамъ, новыя бумаги въ воеводскую канцелярію, и изъ Нижняго новый „репремантъ“: „а ежели и затѣмъ произойдетъ упущеніе, то уже неотмѣнно взыскано быть имѣетъ съ самихъ того магистрата присутствующихъ“.

Однако, до іюля 1771 года деньги съ воеводскаго товарища оставались невзысканы. Дальше дѣло сильно попорчено сыростью и такимъ образомъ продолженіе этой борьбы магистратскаго правосудія съ совѣтницкою надменностію погружено во мракѣ вѣчнаго забвенія. Впрочемъ, одна, хотя и сильно истлѣвшая страница, кидаетъ небольшой еще лучъ свѣта. Тутъ видимъ мы воюющія стороны въ слѣдующемъ положеніи: правящій полицейскую должность съ посадскими людьми вновь нерѣшительно подступаютъ къ дому... „но оного Колокольцова вороты содержатца завсегда заперты... Напослѣдокъ-же, вышедъ изъ полатъ на крылецъ и паки не впуская ихъ, балахонцевъ, на дворъ, отвѣтствовалъ его благородіе съ немалымъ крикомъ, что онъ въ магистратъ иттить не долженъ, и устращивалъ ихъ, балахонцевъ, бить дубьемъ. За каковыми его крикомъ и устращиваніемъ ко взятью ево, Колокольцова, отважитца никакъ невозможно“.

Ветхая страница разсыпается въ рукахъ, послѣдній лучъ угасаетъ и фигура дерзновеннаго воеводскаго товарища на крыльцѣ, вмѣстѣ съ робкою кучкою защитниковъ магистратскаго авторитета, тонутъ безвозвратно въ туманѣ минувшаго...

Миръ твоимъ тѣнямъ, доброе, старое время!

Влад. Короленко.

Шлиссельбургъ: казематъ съ орудіями пытокъ XVIII в.,—рисунокъ съ натуры въ 1826 г.

ВОСПОМИНАНІЯ СТАРАГО КАЗАНСКАГО СТУДЕНТА

1856—1858 гг.

„Pereat tristitia,
Pereant osores!“

Изъ студенческой пѣсни.

Иныхъ ужъ нѣтъ, а тѣ—далече,
Какъ Сади нѣкогда сказалъ.

Пушкинъ.

Рядъ статей профессора Н. А. Фирсова „Студенческія исторіи въ казанскомъ университетѣ отъ 1855 до 1863 года“, напечатанныхъ въ „Русской Старинѣ“, изд. 1889 г., тт. LXI—LXIII, несомнѣнно возбудили живой интересъ въ бывшихъ казанскихъ студентахъ того времени, а въ особенности въ тѣхъ изъ нихъ, которые принимали близкое и непосредственное участіе въ самихъ исторіяхъ.

Имѣя въ виду оставшихся въ живыхъ товарищей университетскаго періода, который такъ объективно рисуется почтеннымъ профессоромъ, я позволю себѣ остановиться на подробностяхъ, вольно или невольно ускользнувшихъ отъ бытописателя изъ попечительской канцеляріи, которыя освѣжатъ во многихъ изъ моихъ сверстниковъ память о молодыхъ дняхъ,—лучшихъ дняхъ жизни.

Пусть эта пора увлеченій, ошибокъ, заблужденій имѣла и свои темныя стороны, но все-же нѣтъ, я думаю, такого замытареннаго, зачерствѣвшаго, стараго студенческаго сердца, которое не забилось-бы горячѣе, не распахнулось-бы на все честное, доброе и широкое, когда въ него хлынутъ воспоминанія той милой, незабвенной поры.

I.

Казанскій университетъ изображалъ собою въ 1850-хъ годахъ совершенно исключительное явленіе въ ряду другихъ русскихъ университетовъ. За малыми исключеніями, представители науки, застывшіе на первыхъ страницахъ своихъ ученыхъ работъ, одряхлѣвшіе въ непосильной борьбѣ съ варварскимъ русскимъ языкомъ (почти на половину были нѣмцы), способны были внушить молодежи отвращеніе къ занятіямъ подъ ихъ руководствомъ, и нѣсколько свѣтлыхъ именъ, нѣсколько талантовъ не могли отвлечь студенчества отъ того безшабашнаго загула, которому оно предавалось въ большинствѣ.

Эти имена наперечетъ: гуманный, глубокоученый Д. И. Мейеръ (профессоръ гражданскаго права), благороднѣйшій и талантливѣйшій химикъ А. М. Бутлеровъ, популярный и мягкій М. Я. Киттары—технологъ, честнѣйшій идеалистъ-зоологъ Н. П. Вагнеръ, мелькнувшій быстро историкъ С. В. Ешевскій, добрый буршъ и всегдашній заступникъ студентовъ И. К. Бабстъ, профессоръ политической экономіи и статистики Н. Н. Буличъ, впослѣдствіи ректоръ, и С. В. Пахманъ, впослѣдствіи volens-nolens инспекторъ, сохранившій и доселѣ добрую память о своей дѣятельности въ тѣ смутныя тяжелыя времена.

Затѣмъ, хоть шаромъ покати: все сплошь или старье, или бездарность, или неисправимый косный нѣмецъ.

Подборъ начальства въ университетѣ былъ тоже какой-то странный, случайный: попечитель—генералъ Молоствовъ—попалъ на эту должность изъ начальниковъ башкирскаго войска; ректоръ Ковалевскій—изъ раскаявшихся польскихъ патріотовъ, принявшій православіе на 60-хъ годахъ своей жизни; инспекторъ Ланге былъ ротнымъ командиромъ гдѣ-то, чуть-ли не въ межевомъ корпусѣ, и, получивъ тамъ оскорбленіе (дѣйствіемъ, какъ говорили), удостоился назначенія инспекторомъ казанскаго университета: о субъинспекторахъ и говорить нечего,—они были невозможны.

Требованія суровой дисциплины въ иныхъ случаяхъ, при неумѣлости начальства достойно поставить себя передъ молодежью и при скудости умственныхъ интересовъ въ аудиторіяхъ университета, порождали буршевскія, иногда мальчишескія выходки студентовъ, вызывали находчивость хоронить концы своихъ попоекъ, буйства и разгула отъ преслѣдованій инспекціи.

За университетомъ въ тѣ давно минувшіе годы установилась

репутація „пьянаго университета“ и министръ просвѣщенія Норовъ, желая похвалить студентовъ, въ свой пріѣздъ въ Казань, сказалъ: „У меня казанскіе студенты молодцы, въ политику не мѣшаются, а попить, да погулять ихъ дѣло“. Министръ сглазилъ, и дальнѣйшія университетскія исторіи не были лишены политической подкладки, не говоря уже объ исторіи съ панихидою, исторіи Иваницкаго и другихъ. Казанское общество, можетъ быть безотчетно, поддерживало въ молодежи ея враждебныя отношенія къ начальству, снисходительно и подчасъ симпатично глядя на кутежи и скандалы студентовъ, встрѣчавшіеся чуть не на каждомъ шагу; подчасъ скрывая и отстаивая виновныхъ, оно въ большинствѣ умѣло отличать угнетаемыхъ отъ угнетателей, сознавая всю ненужную притязательность послѣднихъ.

Если-бы я не боялся впасть въ буффонство, я далъ-бы нѣсколько характерныхъ чертъ тогдашняго начальственнаго и профессорскаго персонала, но теперь прямо перейду къ разсказу объ исторіяхъ, въ числѣ которыхъ г. Ѳирсовъ упоминаетъ исторію, стоившую мнѣ исключенія изъ казанскаго университета.

II.

Осенью 1856 года студенты особенно расходились; инспекторъ Ланге съ какимъ-то ражемъ преслѣдовалъ за всякую малость; карцеръ и университетскія арестантскія были полны и мнѣ лично довелось провести ночь подъ арестомъ въ одной изъ аудиторій. Арестовывали за растегнутую пуговицу, за длинные волосы, за громкій разговоръ въ университетскомъ коридорѣ, за непосѣщеніе всенощной и т. д. Стоило, правда, озадачить инспектора неожиданнымъ нахальнымъ отвѣтомъ, чтобы взысканіе миновало; напр., мы были обязаны ходить по праздникамъ до обѣда въ полуформѣ, т. е. при шпагѣ и въ треуголкѣ. Сибирякъ Срѣтенскій, упоминаемый Ѳирсовымъ, наткнулся, въ 9-ть часовъ утра какого-то праздника, на Ланге, будучи безъ шпаги и въ фуражкѣ.

„Г. Срѣтенскій, въ карцеръ, злорадно замѣтилъ инспекторъ, развѣ вы не знаете, что по праздникамъ до обѣда слѣдуетъ быть въ полуформѣ?“

— „Очень помню, Василій Ивановичъ, отвѣчаетъ Срѣтенскій, но я уже пообѣдалъ“.

„Ну, это другое дѣло“, заключилъ Ланге, величественно удаляясь.

Въ эту самую осень случилась исторія съ однимъ изъ нашихъ товарищей Рѣчкуновымъ. Г-жа У., жена губернскаго чиновнаго туза, встрѣтивъ Рѣчкунова въ одномъ изъ знакомыхъ домовъ, гдѣ тотъ давалъ уроки, пригласила его на танцовальный вечеръ, который былъ у нея назначенъ на слѣдующій день. Добрый, простоватый, нѣсколько бурбонистый Рѣчкуновъ завился чуть не на гвоздь, надушился, напомадился и, явясь на вечеръ, не догадался представиться хозяину, надутому, противному чиновнику стараго типа. Рѣзко обратился онъ къ танцующему Рѣчкунову съ вопросомъ: „Какъ вы сюда попали?“ — „Меня пригласила madame У.“, отвѣтилъ студентъ.—„Моя жена для васъ вовсе не madame, сказалъ хозяинъ, извольте выдти вонъ“.

Бѣдняга покорно удалился, а на другой день, узнавъ о скандалѣ, студенты потребовали отъ Рѣчкунова, чтобы онъ заставилъ У. передъ нимъ извиниться; между тѣмъ, У. успѣлъ нажаловаться попечителю и генералъ Молоствовъ, подъ угрозою исключенія потребовалъ, чтобы Рѣчкуновъ просилъ въ чемъ-то прощенія у У—ва.

Это невозможное требованіе попечителя значительно обострило отношенія къ нему молодежи.

Немного времени спустя, Рѣчкуновъ сбрёху хватилъ какую-то фразу въ присутствіи г-жи Р., сестры окружнаго жандармскаго генерала, и черезъ нѣсколько дней онъ былъ исключенъ изъ университета и высланъ съ жандармами на родину, успѣвъ назвать товарищамъ виновницу своего несчастія.

Молодежь обозлилась и, какъ теперь помню, темнымъ ненастнымъ вечеромъ 14-го октября, въ день св. Прасковьи, нѣсколько отчаянныхъ головъ остановили карету, въ которой Р. возвращалась изъ гостей и, внушивъ ей всю низость ея поступка, стоившаго карьеры бѣдному юношѣ, одинъ изъ студентовъ, на сказанную г-жею Р. угрозу, плюнулъ ей въ лицо. Позорно, дико, все, что хотите, но еще болѣе позоренъ поводъ къ такой варварской расправѣ.

III.

Кутежи разливались по городу широкою волною; карцерный сторожъ (Дагоберъ—по прозванію студентовъ) былъ безъ ногъ отъ провожанія въ карцеръ, близь колокольни, безпрестанно смѣнявшихся жильцовъ. И въ это-то время, въ началѣ ноября, показались въ Казани два офицера: князь О. и Л., сынъ бывшаго помощника попечителя (знаменитаго математика и благороднѣйшаго человѣка), такъ далеко укатившійся отъ яблони.

Эти господа сразу стали во враждебныя отношенія къ университетской молодежи; я написалъ на нихъ шуточные стихи, которые пошли по рукамъ, и князь О., узнавъ кто ихъ авторъ, на одномъ большомъ обѣдѣ пообѣщался надрать ему публично уши; доброжелатели передали мнѣ это и на первомъ балу въ дворянскомъ собраніи я отрекомендовался О—му съ предложеніемъ исполнить его угрозу; князь О. смѣшался, студенты подсмѣивались и вражда установилась уже прямо личная, направленная противъ меня.

Жилъ я въ то время на Сѣнной площади въ первомъ этажѣ дома, бель-этажъ котораго былъ занятъ трактиромъ „Севастополь“, и товарищи, часто собиравшіеся ко мнѣ, трунили, что я живу „подъ Севастополемъ“. Не буду перечислять тѣ мелкія столкновенія, тѣ недостойные честной молодости, сплетническіе и доносническіе пріемы, которые пускали въ ходъ мои противники; скажу только, что напряженность негодованія противъ нихъ со стороны моихъ близкихъ товарищей, дошла до послѣдней степени.

4-го декабря, въ седьмомъ часу вечера, съ пѣснями и шумомъ ввалила ко мнѣ толпа друзей, уже подгулявшихъ и, сообщивъ, что офицеры поѣдутъ въ одиннадцатомъ часу на балъ къ Протопоповымъ, предложила напасть на нихъ при этомъ удобномъ случаѣ.

На столѣ появился самоваръ, рублевый коньякъ, пошла живая бесѣда, споръ, пѣсни и въ десять часовъ вечера, Резяповъ (а не Рязановъ, какъ пишетъ г. Ѳирсовъ), Страдинъ, Понизовскій, Водовъ и я вышли изъ квартиры, съ цѣлью выждать на другомъ концѣ площади, у Чернаго озера, проѣзда офицеровъ. Водова какъ-то вдругъ развезло и мы отослали его домой, а сами размѣстились вдоль Чернаго озера, гдѣ, полчаса спустя, и произошло столкновеніе; мы удалились съ поля битвы побѣдителями, оставивъ на мѣстѣ калошу, потерянную Резяповымъ въ пылу битвы.

Эта калоша и выдала все! Нѣкто Александръ Николаевичъ Бекетовъ (нынѣ покойный), очень милый человѣкъ, ѣхавшій по

площади на балъ во время свалки, разсказалъ громогласно, что князя О. и Л. треплютъ студенты, и полицеймейстеръ, полковникъ Кноррингъ, немедленно поскакалъ на мѣсто; но по ошибкѣ, думается мнѣ, умышленной (Кноррингъ былъ лихой, симпатичный старикъ, бывшій дерптскій студентъ), проѣхалъ мимо другаго конца Чернаго озера, шагахъ въ 300-хъ отъ того, гдѣ случилось столкновеніе и, разумѣется, тамъ никого не видалъ и не слыхалъ ничего.

Тѣмъ не менѣе, онъ приказалъ приставу 1-ой части Шляхтину разслѣдовать дѣло и тотъ нашелъ на площади калошу; хотя сторожъ при студенческомъ платьѣ, Малиновскій (одно изъ эпическихъ лицъ казанскаго университета), получилъ строгое внушеніе не узнавать калоши (оставшаяся была сожжена въ эту ночь), но Шляхтинъ догадался собрать всѣхъ сапожниковъ, живущихъ близь университета, и одинъ изъ нихъ призналъ свою работу, сказавъ, что калоша принадлежитъ студенту Резяпову.

Намъ это было пока неизвѣстно, слышали мы только, что образована какая-то комиссія для разслѣдованія дѣла и что офицеры, переодѣвшись въ другіе мундиры, явились на балъ, но были встрѣчены обществомъ, въ особенности дамами, очень сдержанно и сухо.

Ждали мы цѣлый день вызова отъ нашихъ противниковъ, но дождались лишь того, что Резяповъ, вечеромъ 5-го числа, былъ обысканъ и отправленъ въ карцеръ.

Мы оставались пока на свободѣ и писали къ Резяпову, засовывая въ папиросы навернутыя на спички записки и снова заклеивая пачки отпаренною бандеролью.

Какъ городу, такъ и казанскому университету было хорошо извѣстно ядро того кружка, человѣкъ въ 20-ть, который мы составляли; извѣстны были и столкновенія съ офицерами, но послѣдніе упорно отрицали фактъ, а потому начальство, не взирая на всю его безцеремонность, не рѣшалось забрать насъ, не заручившись хоть какими-нибудь уликами.

Комиссію составляли: полицеймейстеръ, жандармскій полковникъ, прокуроръ, синдикъ университета, мѣстный приставъ и еще три лица безъ рѣчей, настолько безцвѣтныя, что я даже не припомню, кто они были, да и времени прошло, по правдѣ сказать, не мало, почти 33 года, и теперь я, старикъ, глядя на свои сѣдины, изумляюсь: какъ живо встаютъ передъ глазами всѣ мельчайшія подробности дѣла, по мѣрѣ того, какъ я пишу эти воспоминанія, и какой отзвукъ находятъ въ моемъ сердцѣ бурно проведенныя лѣта юности.

Поведеніе комиссіи, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ изъ ея членовъ, я не назвалъ-бы идеально-честнымъ, такъ, напр., подъ видомъ участія они посылали къ Резяпову въ карцеръ по бутылкѣ коньяку и увѣренные, что онъ въ какой-нибудь часъ не оставитъ въ ней ни капли, отправлялись снимать съ него допросы.

Но нашъ Резяповъ, башкирецъ по происхожденію, уперся какъ быкъ: и знать не знаетъ, вѣдать не вѣдаетъ о томъ, что́ случилось вечеромъ, 4-го декабря, близь Чернаго озера.

Между тѣмъ я, хорошо принятый въ казанскомъ обществѣ чаще прежняго показывался всюду: на вечерахъ, въ собраніи, въ театрѣ, въ маскарадѣ, съ виду веселый и оживленный, какъ и всегда, хотя надъ душою тяготѣло ожиданіе чего-то важнаго въ жизни.

Самымъ тѣснымъ моимъ другомъ былъ студентъ Левашовъ (Колинька Левашовъ,—какъ его звалъ весь городъ), жившій съ отцомъ въ своемъ домѣ, а наверху проживала близкая имъ семья Н. П. Д. родной сестры попечителя Молоствова, въ младшую дочь которой, черноокую красавицу О., я былъ влюбленъ со всѣмъ жаромъ здороваго девятнадцатилѣтняго сердца.

Тамъ я бывалъ каждый день, какъ вдругъ, сидя за обѣдомъ у Левашова, 13-го декабря, я услыхалъ, что въ передней кто-то произнесъ мое имя; это былъ субъ-инспекторъ Иванъ Ивановичъ Ивановъ (3×3=9, какъ его называли), пріѣхавшій за мною отъ имени комиссіи, которая была уже у меня на квартирѣ, откуда, кстати сказать, все мало-мальски не подходящее было убрано давнымъ давно, и кромѣ скромной студенческой обстановки были только: тетрадки лекцій, родственныя письма, билліардный кій и пара чудесныхъ пистолетовъ.

Не дообѣдавъ, ѣду съ субъинспекторомъ домой; у воротъ казакъ, полицеймейстерская пара, еще нѣсколько экипажей и кучка любопытныхъ: „Вотъ его, евтого самаго брать пріѣхали“, слышалось въ толпѣ, пока я проходилъ мимо. Въ квартирѣ чинно сидѣли члены комиссіи; полицеймейстеръ объяснилъ мнѣ цѣль пріѣзда, синдикъ удостовѣрилъ право обыскать меня, и эта процедура была исполнена методически, съ рвеніемъ не по разуму, какъ говорится: распороли даже мочальный тюфякъ моего слуги и лазили подъ печку въ кухнѣ. Затѣмъ меня объявили арестованнымъ, посадили вмѣстѣ съ полицеймейстеромъ на его пару, синдикъ и еще кто-то всталъ на запятки, и по командѣ полицеймейстера „домой“ весь кортежъ тронулся по направленію къ Воскресенской улицѣ.

При выѣздѣ на площадь, стояла группа студентовъ, человѣкъ

въ 30—40, узнавшихъ о моемъ арестѣ. „Что, Никола, выручать?", слышались голоса изъ этой милой толпы, пока смущенный полицеймейстеръ шепталъ мнѣ: „Ради Бога, остановите скандалъ".—„Спасибо, друзья, это ни къ чему не поведетъ, спасибо, посторонитесь". отвѣтилъ я. Толпа разступилась, и мы благополучно прибыли въ квартиру полковника Кнорринга.

IV.

Когда мы вошли въ обширный полицеймейстерскій кабинетъ Кноррингъ предложилъ всѣмъ идти обѣдать; я отказался и расположился на оттоманкѣ противъ горящаго камина, обдумывая свое положеніе.

Послѣ обѣда, комиссія усѣлась за длинный столъ, покрытый зеленымъ сукномъ, мнѣ предложили стулъ напротивъ, и начали допросъ, не лишенный комизма; послѣ извѣстныхъ формальностей, спрашиваютъ:

— „Что побудило васъ нанести побои такимъ-то?"

— Скажите, говорю, развѣ ихъ побили?

— „Чего-же вы спрашиваете, когда вы били сами, и это фактъ установленный".

— Если установленный, то мнѣ не стоитъ и отвѣчать, только хотѣлось-бы знать, гдѣ и когда я ихъ билъ.

—„4-го декабря вечеромъ, у Чернаго озера".

— Виноватъ, не могъ я быть 4-го у Чернаго озера, такъ какъ въ этотъ день я обѣдалъ на именинахъ и просидѣлъ до втораго часа ночи въ такомъ-то семейномъ домѣ и мое alibi можетъ быть провѣрено хоть сейчасъ.

—„Вы намъ эту латынь-то въ носъ не суйте, сказалъ жандармскій полковникъ, а вотъ будьте повѣжливѣе, не облокачивайтесь рукою на столъ".

Я отпарировалъ: „Слушаю, говорю, полковникъ, только надо-бы было всѣмъ соблюдать вѣжливость; вы вотъ сидите-же разстегнутымъ и суете мнѣ въ носъ дымъ вашей сигары, а я ничего не курю и могу упасть въ обморокъ отъ табачнаго дыма".

— „Бросьте, бросьте, шепчетъ ему полицеймейстеръ".

„Хорошо, говоритъ, сидите, какъ сидѣли".

Грѣшенъ, сошкольничалъ: — „Хорошо, говорю, курите, какъ курили", но да простится мнѣ этотъ задоръ, ради моихъ тогдашнихъ девятнадцати лѣтъ.

Такъ ни къ чему и не пришли въ этотъ вечеръ; мнѣ поставили въ полицеймейстерской гостинной желѣзную кровать, дали его халатъ и туфли и накормили отличнымъ ужиномъ; ну, думаю себѣ, быть такъ арестованнымъ нехудо.

На утро приходитъ ко мнѣ въ комнату нахлѣбникъ полицеймейстера проф. Бабстъ, дружески разспрашиваетъ ка̀къ и что́ и предлагаетъ въ мое распоряженіе свою библіотеку — жить, значитъ, можно; мой вѣрный крѣпостной слуга Кузьма принесъ бѣлье и хотя былъ тщательно обысканъ, передалъ мнѣ записочку, спрятанную за щекою.

Милый, честный слуга и другъ! Миръ его праху. онъ умеръ въ 1858 году отъ тифа въ Петербургѣ, куда никакъ не хотѣлъ отпустить меня безъ себя.

Комиссія пустилась на штуки; побывала у Резяпова въ карцерѣ и, раздѣваясь въ прихожей, громко, для меня разумѣется, разсуждала, что какъ-бы то ни было, но со стороны Резяпова неладно выдавать товарищей, какъ онъ это сдѣлалъ сейчасъ. Усѣлись, вызвали меня: „Ну, вотъ, говорятъ, и дѣлу конецъ: Резяповъ во всемъ признался и назвалъ всѣхъ участниковъ“.

— Неужели-же и Резяповъ участвовалъ въ побояхъ? спрашиваю.

—„Прикидываться не знающимъ поздно, говорятъ,—Резяповъ назвалъ всѣхъ и въ томъ числѣ васъ, Страдина и Понизовскаго“.

Это „въ томъ числѣ“ еще болѣе убѣдило меня, что они измышляютъ, и я наивно замѣтилъ, что вѣрно Резяповъ достаетъ вино въ карцерѣ и допился до потери разсудка.

Не выгорѣло одно,—попробовали другое.

— „Мы хотимъ спросить подъ присягою вашу прислугу; вы ничего не имѣете противъ этого?“

— Сдѣлайте милость, говорю, поступайте какъ вамъ угодно.

— „Дайте намъ подписку, что вы ничего не имѣете противъ“.

— Полноте, говорю, господа, какая тутъ подписка, поступайте какъ угодно.

Отложивъ засѣданіе до вечера, комиссія повторила свою штуку надъ Резяповымъ, и бѣдняга попался на удочку: онъ рычалъ, рвалъ на себѣ волосы и замѣтилъ, что коль уже товарищи выдали, то и ему не стоитъ скрываться, и разсказалъ все какъ было.

Оказалось, что съ моимъ арестомъ летучая папиросная почта прекратилась и Резяповъ, не получая свѣдѣній о ходѣ дѣлъ и должныхъ инструкцій, подумалъ, что дѣйствительно все открыто.

Слѣдуетъ замѣтить, что у меня, кромѣ Кузьмы, проживала моя старая, тоже крѣпостная, нянька, сначала подававшая молодежи

поводъ острить: „студентъ съ нянькою живетъ“, но потомъ эта замѣчательная старуха заслужила любовь и уваженіе всѣхъ ходившихъ ко мнѣ товарищей, очень любившихъ слушать ея разсказы.

Такъ вотъ въ вечернее засѣданіе были призваны мои слуги и, послѣ разъясненія святости присяги и приведенія къ ней, комиссія приступила къ допросу: моя бѣдная старушка, глубоко вѣрующая, религіозная, постоянно читавшая духовныя книги и въ то-же время болѣе жизни любившая своего питомца, не допускавшая мысли, чтобы кто-нибудь не только захотѣлъ, но даже посмѣлъ его обидѣть, и вдругъ ее хотятъ заставить давать подъ присягою показанія—противъ кого-же,—противъ ея кумира, ея любимаго дѣтища.

„Извольте спрашивать“, говоритъ эта желтоблѣдная, сморщенная маленькая старушка, съ трясущимися губами, упорно глядя своими потухшими глазами на лежащее на столѣ Распятіе.

— „Помни, что за ложную присягу пойдешь въ Сибирь“, предварилъ ее одинъ изъ членовъ комиссіи.

„Не пугайте, не боюсь“, отвѣчала она, и твердымъ голосомъ отвергла все: и приходъ ко мнѣ студентовъ 4-го декабря, и мое присутствіе дома въ этотъ день, и всѣ сговоры идти на площадь, которыхъ она не могла не слышать, сидя все время въ смежной комнатѣ съ отворенною дверью.

Она солгала, бѣдняга, но Богъ не поставитъ ей въ вину эту ложную присягу.

Сидя въ комнатѣ рядомъ; я слышалъ все, я раздѣлялъ ея душевныя муки и страданія, и если-бы эти ходячіе манекены что-нибудь понимали, они позвали-бы меня, они увидали-бы горькія слезы, которыя душили меня, полнаго беззавѣтной удали и буйныхъ порывовъ юношу, они услыхали-бы мое искреннее признаніе, мои горячія просьбы, мои мольбы, дѣлать со мною что угодно, лишь отпустить съ миромъ мою старую, преданную, дрожащую няньку.

Но они не съумѣли воспользоваться минутою и приступъ молодаго великодушія уступилъ желанію узнать чтó покажетъ мой другъ Кузьма.

Полный легкомысленной отваги, онъ все отринулъ; старуха, видно, зарядила его на славу, но очная ставка съ Резяповымъ взорвала всѣ ухищренія на воздухъ: настолько не хватило у моего слуги ни мужества, ни умѣнья, чтобъ не быть выбитымъ изъ колеи, и подъ угрозами жандармскаго офицера, подъ ловкими подходцами прокурора, онъ упалъ на колѣни и слезно просилъ помилованія. Мнѣ надоѣла эта комедія, и попросивъ позволенія войдти, я заявилъ, что молчать теперь не стоитъ, успѣвъ громко

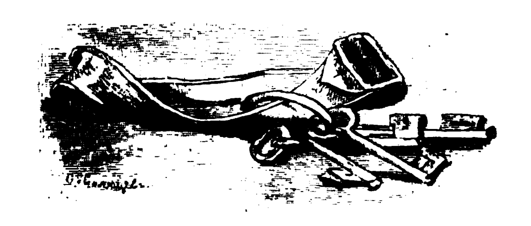
сказать Резяпову, что онъ былъ обманутъ (отчего этотъ богатырь чуть не зарыдалъ), и просилъ только отложить засѣданіе на завтра, чтобы съ бо́льшимъ спокойствіемъ духа давать показанія.

Сваливъ гору съ плечъ, торжествующая комиссія согласилась, а я, взявъ у Бабста бумаги и чернилъ, до глубокой ночи писалъ то, что намѣревался представить на другой день моимъ допросчикамъ.

Мнѣ помнится, что я написалъ искренно и горячо, и дорого-бы я далъ теперь, чтобы вернуть этотъ листъ, съ такимъ удовольствіемъ уничтоженный потомъ комиссіею. Я нарисовалъ картину университетскихъ угнетеній, весь ужасъ передъ безполезнымъ мусоромъ тупыхъ формальностей, кантонистской дисциплины, фарисейской набожности; описалъ деморализирующее вліяніе тогдашняго университетскаго строя на 16 и 17-лѣтнихъ юношей, чуть не дѣтей, становящихся студентами; я честно разсказалъ о возрастающемъ возбужденіи противъ нѣкоторыхъ офицеровъ, своимъ нахальствомъ, цинизмомъ, отказомъ отъ всякихъ объясненій лившихъ масло въ разгоравшееся пламя. Я объяснилъ какъ было дѣло отъ A до Z, безъ умолчанія и утайки, но объяснилъ и то, какъ комиссія спаивала арестанта (Резяпова) и какъ она, вопреки закону, приводила къ присягѣ крѣпостныхъ людей; ни одна неправильность, ни одна угроза, ни одно пристрастіе не были мною позабыты.

Наступило утро. Комиссія собралась и съ шуточками и анекдотцами принялась за дѣло; но горячая отповѣдь 19-ти-лѣтняго преступника (?) не пришлась ей по вкусу; попробовали сухо напомнить мнѣ, что я долженъ отвѣчать на вопросные пункты, а не писать „эпитеты или тамъ эпиграммы что-ли“, какъ выразился жандармскій полковникъ, но я не уступилъ ни на грошъ, отказавшись на-отрѣзъ писать что-либо другое.

Ну что-же, вѣдь не пытать меня въ самомъ дѣлѣ, а мои замѣтки о производствѣ слѣдствія казались какъ будто лишними; стали торговаться и сошлись на томъ, что я далъ изорвать мою исповѣдь и написалъ показаніе по формѣ, смягчивъ многіе факты, для насъ малоблагопріятные.



V.

Такимъ образомъ закончилось это пресловутое слѣдствіе, такъ какъ послѣ моихъ показаній допросъ Страдина и Понизовскаго былъ уже простою формальностью, но арестъ мой почему-то продолжался, и легко представить себѣ мою скуку, когда, не имѣя передъ собою никакихъ комиссій, никакихъ допросовъ, никакой борьбы, однимъ словомъ, я проводилъ дни глядя въ окно на Воскресенскую улицу, гдѣ безпрестанно проѣзжали знакомые, привѣтствуя меня, бѣднаго узника, ходили толпами товарищи, пытаясь знаками объясняться со мною.

Помню я, какъ теперь, одинъ случай, когда я узналъ, что всѣ мои друзья въ этотъ вечеръ въ театрѣ, а тѣ, на кого я такъ жадно хотѣлъ-бы взглянуть хоть на одну минуту, перекинуться хоть однимъ словечкомъ, будутъ въ литерной ложѣ; пошелъ я къ моему милому тюремщику, полицмейстеру, помѣшалъ ему спать послѣ обѣда и сталъ молить взять меня въ театръ: „Только войти и поздороваться въ литерную ложу; никто меня не увидитъ, никто не узнаетъ, ну, милый Николай Ивановичъ,вы сами были студентомъ, сами любили когда-нибудь, на одну только минуту, а потомъ хоть на хлѣбъ и на воду“.

Старый буршъ разнѣжился, обнялъ меня и, чуть не со слезами на глазахъ, отказалъ въ просьбѣ, обѣщая, впрочемъ, что я скоро буду выпущенъ на свободу.

Дѣйствительно, на 6-ой день моего ареста, въ восьмомъ часу вечера, радостный и счастливый влетѣлъ въ квартиру полицмейстера мой другъ Левашовъ и, бросившись обнимать меня, объявилъ свободу; попечитель сообщилъ объ этомъ своей сестрѣ, справлявшейся обо мнѣ неоднократно, но такъ какъ никакой записки у Левашова не было, то полицмейстеръ, внявъ его клятвамъ и увѣреніямъ, рѣшился послать въ университетъ (почти рядомъ) справиться о распоряженіи попечителя.

Благопріятный отвѣтъ послѣдовалъ тотчасъ, но, тѣмъ не менѣе мнѣ было приказано немедленно явиться къ попечителю, и я, сердечно поблагодаривъ Кнорринга за привѣтъ и ласку, вмѣстѣ съ Левашовымъ отправился къ генералу Молоствову.

Въ темномъ большомъ кабинетѣ, освѣщенномъ одною лампою, въ большомъ вольтеровскомъ креслѣ, сидѣлъ Молоствовъ съ зеленымъ зонтикомъ на глазахъ; его маленькая коренастая фигура, съ бѣлыми какъ лунь гладко стриженными волосами на вискахъ и

на затылкѣ и съ орлинымъ носомъ до сихъ поръ стоитъ у меня передъ глазами.

Зная меня по дому своей сестры и вообще по обществу, попечитель довольно ласково сказалъ: „Здраствуйте, молодой человѣкъ, садитесь“.

Я сѣлъ. Наступило тягостное молчаніе.

— „Что съ вами будетъ?“ спросилъ попечитель.

— Не знаю, отвѣтилъ я.

— „Какъ могли вы рѣшиться на такой поступокъ! Что будетъ съ вашимъ несчастнымъ отцомъ? И все отчего?—отъ кутежей, да-съ, отъ кутежей“, прибавилъ старикъ, самъ любившій кутнуть, повышая голосъ.

Я молчу.

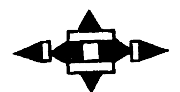
— „Ну-съ теперь, чтобъ уменьшить свою вину, доказать чистосердечное раскаяніе... я увѣренъ, что вы раскаиваетесь,—почти крикнулъ генералъ,—я прошу васъ назвать имена студентовъ, остановившихъ карету Р. 14 октября; вы ихъ навѣрное знаете“.

— Ваше пр-во можете считать меня очень виновнымъ, сказалъ я, но не можете считать безчестнымъ; какимъ негодяемъ показался-бы я вамъ, если-бы выдалъ товарищей.

Молоствовъ, въ сущности добрый и благородный, вскочилъ съ кресла и, съ живостью схвативъ меня за локоть, проговорилъ растроганнымъ голосомъ: „Правда, правда, молодой человѣкъ, правда, вы благородный молодой человѣкъ, можете идти домой“ [1]).

Наскоро поклонившись и не дожидаясь повторенія, я выскочилъ въ пріемную, гдѣ меня ждалъ Левашовъ, и на его лошади мы мигомъ долетѣли до его дома; „привезъ арестанта“, крикнулъ онъ еще внизу лѣстницы, и когда я вбѣжалъ наверхъ, то уже одна изъ барышень сидѣла за роялемъ, а другая клала мнѣ руку на плечо, и я, не успѣвъ ни съ кѣмъ поздороваться, туромъ вальса праздновалъ мое освобожденіе.

Сколько жизни, сколько увлеченья и молодаго веселья было на этомъ вечерѣ, хотя радушіе хозяевъ, необычайное количество родственницъ барышень (cousinage) и крайняя простота обращенія всегда дѣлали этотъ домъ любимымъ пристанищемъ молодежи.



[1]) Слѣдуетъ замѣтить, что хотя весь университетъ зналъ имена студентовъ, остановившихъ Р., но они такъ и остались неизвѣстными начальству.

VI.

На другой день намъ четверымъ было объявлено странное распоряженіе начальства: „не посѣщать университетъ во избѣжаніе дурнаго вліянія на товарищей“, какъ будто мы не видались постоянно въ домахъ, на улицахъ, въ театрѣ, въ трактирѣ и т. д.

Между тѣмъ, мы узнали, что слѣдственное дѣло о насъ отправлено въ Петербургъ и что добрый старикъ губернаторъ, Баратынскій, всячески старается смягчить нашу участь.

Такъ шелъ зимній сезонъ, и жизнь молодая, привольная, веселая текла обычною колеею; общество не только не отвернулось отъ меня, а относилось еще съ бо́льшею, кажется, противъ прежняго привѣтливостью и ласкою; всѣ жалѣли меня, предвидя тяжкія послѣдствія петербургской расправы, но я не унывалъ и, право, никогда не пѣлъ, не танцовалъ и не посѣщалъ такъ охотно своихъ друзей и знакомыхъ, какъ въ это именно время.

Пронесся слухъ, что въ Казань ѣдетъ по нашему дѣлу флигель-адъютантъ Б. А. Перовскій; наконецъ, онъ пріѣхалъ и какъ разъ въ день большаго бала у одного изъ казанцевъ—П. И. Г. Приглашенный хозяиномъ на балъ, но еще не представленный хозяйкѣ, Перовскій подходилъ къ ней въ то̀ время, когда я, въ моемъ студенческомъ мундирѣ, говорилъ съ прекраснѣйшею Е. Н., и графъ поневолѣ меня замѣтилъ. Глядя на мое счастливое, оживленное лицо, Перовскій спросилъ Г.: „кто этотъ юноша?“

Хозяинъ назвалъ меня.

— „Родственникъ тому, по дѣлу котораго я пріѣхалъ?“

— Нѣтъ, онъ самъ.

— „Странно“, замѣтилъ Перовскій, догадавшійся, вѣроятно, что лучшее казанское общество не принимало-бы столь радушно „разбойника“, какимъ меня ему, вѣроятно, описали.

Пробывъ въ Казани нѣсколько дней, не спросивъ насъ ни о чемъ и не отмѣнивъ распоряженія о непосѣщеніи университета, Перовскій уѣхалъ въ Петербургъ, обѣщавъ, впрочемъ, своимъ знакомымъ „ходатайствовать за насъ“, а черезъ мѣсяцъ частный приставъ Виноградовъ, явясь въ 8-мъ часовъ утра, объявилъ мнѣ объ исключеніи меня и троихъ моихъ товарищей изъ университета съ тѣмъ, чтобы насъ никуда впредь не принимать, и желалъ отобрать отъ меня подписку, что я въ 24 часа покину Казань.

Подписки я не далъ, а поѣхалъ объясняться къ полицмейстеру, который выхлопоталъ мнѣ у губернатора разрѣшеніе остаться въ

городѣ на семь дней, подъ честнымъ словомъ не домогаться новой отсрочки, но тѣмъ не менѣе квартальный надзиратель Губовъ былъ приставленъ негласно наблюдать за мною, и онъ дѣлалъ это такъ глупо, что быть-бы ему побитымъ, если-бы настроеніе моего кружка, вызванное моимъ скорымъ отъѣздомъ, не было угнетеннымъ. Я до сихъ поръ съ теплымъ чувствомъ вспоминаю эту недѣлю: сколько за эти дни выяснилось добраго расположенія, участія, дружбы, какія золотыя сердца оказались у людей, повидимому черствыхъ, и какъ быстро пронеслась эта недѣля!

Въ теплый мартовскій день, когда уже притаявало порядкомъ, въ мягкія сумерки я покидалъ Казань, гдѣ прошли три лучшіе года юности, гдѣ я встрѣтилъ столько любви и ласки отъ людей мнѣ совершенно посторонних; разбивались надежды, таяли дорогія мечты, впереди печальная неизвѣстность и тяжкое свиданіе со старикомъ-отцемъ, жестоко огорченнымъ моей участью — тяжело на душѣ! Не дай Богъ никому переживать такія минуты, и поѣздъ изъ нѣсколькихъ троекъ, съ провожавшими меня до Услона студентами, несмотря на покрики ухарей-ямщиковъ и звонъ колокольцевъ и бубенчиковъ, походилъ больше на похоронную тризну, чѣмъ на молодое разставанье.

Прощай Казань, прощайте товарищи, прощай любовь!

Мы разстались въ Услонѣ; становилось темно, за Казанью гасла румяная заря, лошади весело бѣжали по обледенѣвшей къ вечеру дорогѣ; въ углу кибитки, какъ не живая, недвижно сидѣла старая нянька; на козлахъ, угрюмо опустившись, ютился Кузьма. Я уткнулъ голову въ подушку—и горько, горько заплакалъ.

VII.

Всѣ мои товарищи по несчастью: Страдинъ, Понизовскій, Резяновъ и милый собутыльникъ Водовъ давно уже спятъ въ сырой землѣ; одинъ я изъ всей компаніи еще живъ и бодрюсь, не взирая на житейскія невзгоды и физическіе недуги.

Не буду останавливаться на моей печальной встрѣчѣ съ отцемъ, на невеселомъ лѣтѣ, проведенномъ въ моемъ миломъ уголкѣ, на берегу Свіяги, въ Симбирской губерніи, а еще разъ помяну добрымъ, душевнымъ словомъ даже мало знакомыхъ людей, съ рѣдкою готовностью шедшихъ ко мнѣ на помощь.

Послѣ отъѣзда Перовскаго изъ Казани, я встрѣтился въ домѣ П. И. Г. съ его родственникомъ—Извольскимъ, ѣхавшимъ служить

въ Сибирь къ гр. Н. Н. Муравьеву; Извольскій заинтересовался моею участью, и такъ какъ въ Казани всѣ говорили: „хорошо, если только исключатъ, а то, пожалуй, отдадутъ въ солдаты, вѣдь въ дѣлѣ замѣшаны военные“, то онъ обѣщался попросить гр. Муравьева ходатайствовать за меня передъ министромъ просвѣщенія; этимъ ходатайствомъ спасались и остальные трое товарищей, потому что облегченіе участи одного изъ исключенныхъ не могло имѣть мѣста.

Мнѣ было сообщено въ копіи письмо графа Н. Н. Муравьева къ министру Норову; я не помню его въ точности, но по пословицѣ: „иногда ложь во спасенье“, и его спасшая меня ложь была приблизительно слѣдующая: гр. Муравьевъ просилъ Норова — „въ особенное для него одолженіе“ дать бывшему студенту С—у, лично ему хорошо извѣстному (?), возможность окончить курсъ университета, не лишая его, гр. Муравьева, полезнаго чиновника, такъ какъ С. намѣревался по окончаніи университета служить у него въ Сибири (?), и что онъ своею служебною дѣятельностью имѣлъ-бы возможность искупить заблужденія молодости.

Въ половинѣ іюля получилось увѣдомленіе, что намъ разрѣшается вновь поступить въ университетъ, но съ представленіемъ доброй аттестаціи за время послѣ нашего исключенія отъ мѣстныхъ губернаторовъ и по усмотрѣнію университетскаго начальства.

На бѣду, какъ-то лѣтомъ, на гуляньѣ въ городскомъ саду въ Симбирскѣ, я чуть не пришибъ квартальнаго, сдѣлавшаго мнѣ какое-то замѣчаніе, и на добрую аттестацію губернатора надежда была слабенька, но дѣло обошлось; у него самого былъ сынъ студентъ—и губернаторъ аттестовалъ меня съ самой лучшей стороны.

Въ началѣ августа, воспрянувши духомъ, я полетѣлъ въ Казань; Молоствовъ былъ въ отпуску, должность его правилъ Веселаго и, не заставъ его дома, я отправился къ ректору Ковалевскому. Мягко стлавшій Ковалевскій принялъ меня ласково и любезно, жалъ руку и съ улыбочкою объявилъ мнѣ, что мои товарищи приняты, но... я принятъ не буду, такъ какъ имѣю вредное вліяніе на товарищей.

Я вспыхнулъ и рѣзко замѣтилъ Ковалевскому, что странно, какъ все начальство и онъ, ректоръ, въ томъ числѣ, боится вліянія 20-ти лѣтняго юноши; но только я его и видѣлъ: какъ ужаленный, ректоръ выскочилъ въ другую комнату и, гнѣвно проговоривъ изъ-за полуотворенной двери: „прошу васъ меня оставить“, заперъ ее на ключъ. Убитый и обездоленный, я побрелъ къ моимъ дальнимъ, но близкимъ по сердцу родственникамъ Араповымъ, съ которыми и до сихъ поръ живемъ душа въ душу, и повѣдалъ имъ мое неизбывное горе.

Старикъ Араповъ, готовый для всякаго посторонняго, хоть для врага, снять послѣднюю рубашку, возмутился, всполошился тотчасъ-же ѣхать хлопотать у губернатора, но я отказался наотрѣзъ, зная, что если подъ давленіемъ просьбъ и вліяній я и буду принятъ, то начальство придерется къ чему-нибудь и не замедлитъ погубить меня безповоротно.

Тогда Арапову пришло въ голову обратиться за совѣтомъ къ гостившему тогда въ Казани петербургскому профессору Александру Кассимовичу Каземъ-Беку, своему давнему и близкому знакомому.

Каземъ-Бекъ, внимательно разспросивъ въ чемъ дѣло, пожелалъ меня видѣть и далъ честное слово, что устроитъ меня въ университетѣ въ Петербургѣ, куда собирался ѣхать надняхъ: „вѣдь у насъ, говоритъ, и попечитель—Щербатовъ и ректоръ—Плетневъ не люди, а золото; они будутъ рады помочь вамъ, а вы, говоритъ, дождитесь моей телеграммы въ Казани“.

Въ юношескомъ порывѣ, я бросился обнимать симпатичнаго, гуманнаго Каземъ-Бека и, сразу повѣривъ его спокойно и убѣжденно высказанному обѣщанію, остался терпѣливо ожидать питерскихъ вѣстей.

Вѣсть, въ видѣ телеграммы къ Арапову, была слѣдующая „Вели С—у пріѣзжать, будетъ принятъ“, и 21-го сентября, напутствуемый благословеніями родныхъ, добрыми пожеланіями друзей и знакомыхъ, я отплылъ на самолетскомъ пароходѣ съ моимъ незабвеннымъ Кузей въ обѣтованную землю—Петербургъ.

VIII.

Желѣзной дороги отъ Нижняго до Москвы тогда еще не существовало, и я, никогда не бывавшій далѣе Казани, рѣшился ѣхать на пароходѣ до Твери; было это долго, но зато ново, спокойно и дешево по тощему студенческому карману, и, наконецъ, на 6-й или 7-й день путешествія, я прибылъ въ Петербургъ утромъ, когда мелкій, ненастный дождь, какъ пеленою застилалъ Невскій проспектъ, спеціальная петербургская сырость пронизывала до костей и грустный, подавленный сознаніемъ полнаго одиночества, провелъ я первый день въ чужомъ незнакомомъ городѣ, въ поднебесномъ номерѣ Знаменской гостинницы, съ видомъ на грязный дворъ. Взгрустнулось и Кузѣ.

Я никуда не выходилъ въ тотъ день, только извѣстилъ о своемъ пріѣздѣ двухъ—трехъ студентовъ, перешедшихъ ранѣе изъ Казани

въ Петербургѣ, да земляка и пріятеля Якобія, бывшаго тогда уже въ Академіи Художествъ; рано легъ спать и, проснувшись по утру, былъ какъ-то ободренъ и обрадованъ яркимъ свѣтомъ солнца, затоплявшимъ весь дворъ и золотившимъ, торчавшую передъ глазами, угрюмую стѣну.

Солнечный лучъ побѣдно явилъ на мнѣ свою силу: ничто не измѣнилось со вчерашняго дня, та-же неизвѣстность и то-же одиночество смотрѣли мнѣ въ лицо, но этотъ взглядъ уже не былъ такъ угрюмъ, холоденъ и безнадеженъ, какъ вчера; будущее не казалось мрачнымъ и я, бодрый и веселый, съ вѣрою въ свои силы, въ свою звѣзду, одѣлся и направился къ Каземъ-Беку.

Видъ большаго, красиваго города, движеніе, суета подѣйствовали на меня возбуждающимъ образомъ, и я съ легкимъ сердцемъ позвонилъ въ квартиру моего добрѣйшаго адвоката Александра Кассимовича, близь Спаса Преображенія.

Рѣдкій красавецъ и не для своихъ лѣтъ, въ своемъ полувосточномъ костюмѣ, съ мягкимъ восточнымъ акцентомъ, Каземъ-Бекъ встрѣтилъ меня дружески, и, не давая опомниться, велѣлъ тотчасъ-же отправиться къ попечителю,— „ужъ кн. Щербатовъ знаетъ, прибавилъ онъ, да и здѣсь, кстати, рядомъ, на Моховой“.

Съ меньшею рѣшимостію, но все-таки смѣло, входилъ я въ палаты князя; вѣжливый швейцаръ отвѣтилъ „не принимаютъ“, но замѣтивъ, вѣроятно, мое смущеніе, спросилъ: „А какъ о васъ доложить?“

— „Бывшій казанскій студентъ С—нъ“.

„Пожалуйте, ласково сказалъ швейцаръ, вѣрно переходите въ нашъ университетъ; вы по штатски, поэтому я вамъ и отказалъ, а студентовъ князь принимаетъ во всякое время. Студентъ г. С—нъ, доложите!“, громко добавилъ швейцаръ, отворяя мнѣ двери въ пріемную. Ожидать пришлось не болѣе минуты; высокій, худой, лысый, съ широкою улыбкой, какою-то раскачивающеюся походкою, выскочилъ кн. Щербатовъ изъ кабинета и, энергично пожавъ мнѣ руку, сказалъ своимъ пріятнымъ, нѣсколько глуховатымъ голосомъ: „Здравствуйте, г. С—нъ, очень радъ. Вамъ предшествуетъ печальная извѣстность, но я васъ не боюсь; милости просимъ, я вполнѣ убѣжденъ, что мы всегда будемъ друзьями. Идите къ Петру Александровичу Плетневу, къ ректору, пояснилъ онъ,—и все уладится. Прощайте“.

Я такъ былъ смущенъ и неожиданно милымъ, непривычнымъ въ Казани, пріемомъ и торопливою рѣчью князя, что, пробормотавъ что-то невнятное, вышелъ на Моховую. Слова кн. Щербатова сбылись:

не только въ бытность его попечителемъ, но и потомъ, много лѣтъ спустя, мы встрѣчались съ нимъ всегда въ такихъ добрыхъ отношеніяхъ, которыя я никогда не забуду, какъ не забуду благороднаго образа этого рѣдкаго, великодушнаго, прямаго, смѣлаго человѣка.

У П. А. Плетнева то-же новое оживляющее впечатлѣніе: маститый ректоръ усадилъ меня въ своей гостинной, съ отеческою ласкою распросилъ обо всѣхъ обстоятельствахъ моего исключенія, взялъ мои документы и, отпуская меня, промолвилъ: „Ну вотъ вы и нашъ; вносите деньги и хоть завтра начните посѣщать лекціи. Помните, С—нъ, что во всякихъ трудныхъ случаяхъ вашей студенческой жизни и мои двери и двери кн. Щербатова всегда для васъ открыты, и пожалуйста попросту, хоть днемъ, хоть вечеромъ и, разумѣется, въ сюртукѣ".

Какъ все это было сравнительно недавно, и какъ мало похоже на настоящія отношенія начальства къ университетской молодежи.

Очарованный, вышелъ я отъ П. А. Плетнева и, не зная совершенно города, пошелъ по набережной къ Николаевскому мосту, потомъ къ Благовѣщенью, потомъ къ театрамъ и, попавъ на Б. Садовую, спросилъ кого-то гдѣ мнѣ пройдти на Невскій. „Все прямо", отвѣтили мнѣ; помню я это „прямо", когда шагая по безконечной, людной улицѣ, измученный и голодный, но довольный и спокойный, я добрался до Публичной библіотеки.

Пріѣхавъ домой уже въ 3 часа, я расцѣловалъ Кузьму, сообщилъ ему подробности моего свиданія съ начальствомъ и не безъ удовольствія пообѣдалъ въ ресторанѣ гостинницы. Въ шесть часовъ пришли ко мнѣ четверо студентовъ, двое бывшихъ казанцевъ, а двое ихъ большихъ пріятелей—и увлекли меня знакомиться съ веселою стороною петербургской жизни.

Этимъ-же вечеромъ я вспомнилъ, что въ Питерѣ проживаетъ мой близкій сосѣдъ и другъ моей семьи А. Н. Татариновъ, бывшій въ то время членомъ славной редакціонной комиссіи по составленію Положенія 19-го февраля 1861 г.; увѣренный, что встрѣчу въ его домѣ теплый, радушный пріемъ, я уже не чувствовалъ себя болѣе одинокимъ, и, дѣйствительно, мнѣ довелось проводить много хорошихъ минутъ въ обществѣ этого замѣчательнаго человѣка, гдѣ я встрѣчался съ корифеями русской мысли: профессорами, литераторами, публицистами....

Въ какія-нибудь двѣ—три недѣли я совершенно вошелъ въ новую колею, и форма новой жизни и ея содержаніе были такъ не похожи на казанскую; то была лучшая эпоха петербургскаго университета и имена: Кавелина, Костомарова, Спасовича, Андре-

евскаго, Утина и многихъ друг. составятъ свѣтлую страницу его исторіи. Да и что за чудное было время для всей Россіи, конецъ 1850-хъ годовъ: засіяло солнце любви и правды, дышалось легко и вольно, крѣпли силы, росли надежды, и чѣмъ болѣе все честное и живое поднимало голову, тѣмъ болѣе хмурыми и убитыми казались рыцари отжившаго строя, пóтомъ и кровью людскою создававшіе свое благосостояніе. Они почти вымерли, и если съ ихъ могилъ время отъ времени поднимаются смрадные и вредные газы, то Русь велика и сильна, вѣтеръ развѣетъ ихъ и они пропадутъ въ морѣ той чистой простоты, которая помогала русскому народу выбиваться изъ невзгодъ въ разныя смутныя эпохи.

Миръ ихъ праху, честь тому хорошему времени и вѣчная славная память виновнику новой жизни—государю Александру II, свѣтлый образъ котораго встанетъ еще свѣтлѣе, еще лучезарнѣе передъ очами нашихъ внуковъ и правнуковъ!

IX.

Съ переходомъ моимъ или, лучше сказать, съ поступленіемъ на третій курсъ петербургскаго университета, началась для меня, какъ я уже сказалъ, совершенно новая жизнь; о попойкахъ и кутежахъ не было и помину, наступила пора серьезнаго умственнаго труда, размышленія, горячихъ споровъ, живыхъ вопросовъ, и сколько прошло передо мною событій, фактовъ, именъ, кружковъ въ сравнительно короткое время.

Князя Щербатова смѣнилъ въ должности попечителя И. Д. Деляновъ, къ которому мнѣ приходилось являться не только днемъ и вечеромъ, но разъ даже въ 3 часа ночи.

Двери университета широко распахнулись для всѣхъ: дамы, офицеры, духовные сидѣли на лекціяхъ среди студентовъ; литературныя бесѣды, публичныя лекціи, диспуты шли одинъ за другимъ непрерывною чередою.

Кружокъ артиллеристовъ, кружокъ профессоровъ генеральнаго штаба, кружокъ Ч. и Добролюбова, кружокъ малороссовъ, — все кипѣло жизнію и было полно самаго захватывающаго интереса.

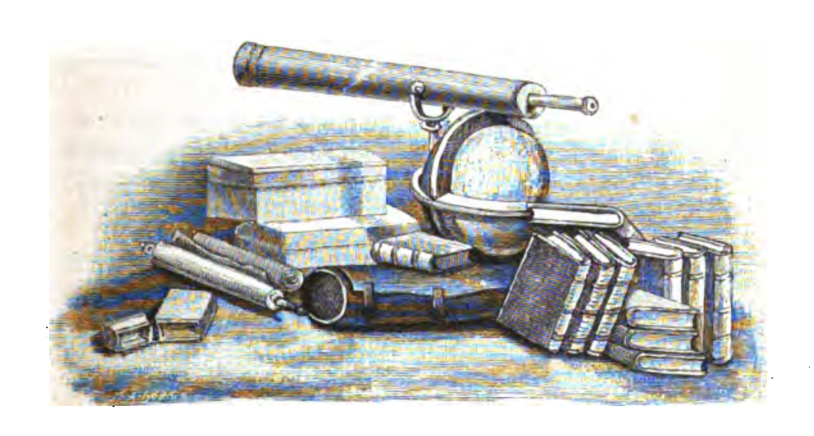
Похороны Иванова, Мартынова, Шевченко составляли общественныя явленія, которыя не забудутся до могилы...

Въ маѣ 1861 года болѣзнь отца заставила меня внезапно покинуть Петербургъ и спѣшить къ нему; мнѣ довелось ѣхать на пароходѣ отъ Твери до Симбирска съ профессорами: Б. И. Утинымъ и К. Д. Кавелинымъ. До сихъ поръ я храню, какъ драгоцѣнность, статью послѣдняго „Дворянство и освобожденіе крестьянъ", надѣлавшую въ то время много шуму, которую покойный профессоръ своею рукою переписалъ на пароходѣ и далъ мнѣ на память.

Когда-нибудь, коль поживу еще, я вернусь въ печати къ воспоминаніямъ этихъ встрѣчъ и событій или, по крайней мѣрѣ, оставлю ихъ законченными моему сыну; во многомъ они не лишены интереса, но для многаго исторія еще не наступила.

Н. М. С—нъ.

Петербургъ.
23-го марта 1889 года.



[illegible] бумагахъ по дѣлу 14-го декабря 1825 г.

[illegible] жизни А. С. Пушкина („Русск. Ст." 1884 г., кн 2) [illegible] редакторомъ о томъ,—что г. Ивановскій унесъ [illegible] многія тайны, которыя, можетъ быть, никогда [illegible] исторіею,—и считаю не безполезнымъ сообщить здѣсь [illegible] противоположное, т. е., что эти тайны не унесены Ивановскаго моги-[illegible] существовали не болѣе 10 лѣтъ тому назадъ въ его псковскомъ имѣніи, [illegible] если не ошибаюсь Новоторжскаго или Опочскаго уѣзда, въ селѣ Гривинѣ, которое досталось его единственной дочери Натальѣ Андреевнѣ, вышедшей за смоленскаго дворянина Константина Семеновича Майдановича, служившаго лейбъ-гвардіи въ Московскомъ полку и умершаго въ 1863 году. Въ господскомъ домѣ этого имѣнія Андрея Андреевича, или баронессы Ашъ, хранились на чердакѣ въ сундукѣ бумаги слѣдственной коммиссіи по дѣлу 14-го декабря, съ портретами главнѣйшихъ дѣятелей, какъ-то: Пестеля, Рылѣева, Каховскаго, Муравьева, Бестужева, Трубецкаго, Юшневскаго, рисованными карандашомъ.

Невѣроятно, чтобы сосѣдніе помѣщики не знали о тайномъ хранилищѣ драгоцѣнныхъ матеріаловъ для отечественной современной исторіи. Что̀ въ 1840-хъ годахъ почиталось за государственную тайну, то въ настоящее время сдѣлалось доступнымъ для печати и просвѣщенной любознательности. Объ этомъ зналъ и по секрету говорилъ повѣренный Натальи Андреевны Майдановичъ — штабсъ-капитанъ Николай Николаевичъ Муравьевъ, служившій въ лейбъ-гвардіи Финляндскомъ полку, а впослѣдствіи въ Каменецъ-Подольской палатѣ государственныхъ имуществъ.

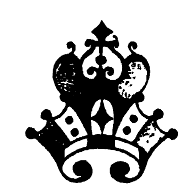
Въ началѣ 1850-хъ годовъ Наталья Андреевна отправилась съ дочерью за-границу, была въ Сербіи, потомъ поселилась въ Парижѣ, приняла католицизмъ, а когда мужъ скончался, то вступила въ бракъ съ какимъ-то французомъ; дочь-же ея Марья Константиновна возвратилась въ Россію, не зная роднаго языка.

По обстоятельствамъ должно полагать, что псковское имѣніе г. Ивановскаго (или баронессы Ашъ) впослѣдствіи продано или поступило въ уплату долговъ. Какъ я слышалъ, на него имѣлъ виды состоявшій при шефѣ жандармовъ полковникъ или генералъ Левенталь.

Однимъ словомъ, есть надежда, что драгоцѣнное наслѣдіе отечественной современной исторіи еще, быть можетъ, существуетъ подъ кровомъ забвенья; если же, Боже сохрани, оно утрачено, то этимъ мы будемъ обязаны рѣшительному невѣжеству позднѣйшихъ обитателей дома покойнаго Андрея Андреевича Ивановскаго или баронессы Ашъ, супруги бывшаго смоленскаго губернатора.

Ген.-маіоръ князь **С. В. Друцкой-Соколинской.**

10 февраля 1874 г.
г. Смоленскъ.



ѲЕДОРЪ МИХАЙЛОВИЧЪ ДОСТОЕВСКІЙ

въ воспоминаніяхъ типографскаго наборщика

въ 1872—1881 гг.

XII [1]).

Во время изданія Ѳ. М. Достоевскимъ „Дневника Писателя“—я вновь сталъ бывать у Ѳедора Михайловича, потому что опять начались у меня сношенія съ нимъ... Сношенія эти были не столь часты, какъ прежде, но за то болѣе интимны, такъ что я имѣлъ возможность, между прочимъ, присмотрѣться ближе къ его образу жизни.

Жилъ въ то время Ѳедоръ Михайловичъ на Греческомъ проспектѣ, въ домѣ, стоящемъ между греческою церковью и Прудками. Домъ этотъ былъ такой-же старый, какъ и тотъ, въ которомъ онъ жилъ передъ тѣмъ на Лиговкѣ, на углу Гусева переулка. Квартира его находилась въ третьемъ этажѣ и очень походила расположеніемъ пріемныхъ комнатъ на прежнюю; даже окнами эти комнаты выходили въ одну и ту-же сторону, именно на востокъ... Замѣчу кстати, что и слѣдующая квартира Ѳедора Михайловича была въ старомъ-же домѣ. Одно время меня занималъ вопросъ, отчего это Ѳедоръ Михайловичъ предпочитаетъ старые дома новымъ, представляющимъ гораздо болѣе удобствъ и опрятности, и пришелъ къ слѣдующему заключенію. Ѳедору Михайловичу нужна была настолько объемистая квартира, что наемъ таковой въ новомъ, комфортабельномъ домѣ не согласовался съ его средствами... Онъ жилъ чисто-литературнымъ трудомъ исключительно, а суще-

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1892 г., т. LXXIV, апрѣль, стр. 177—207.

О бумагахъ по дѣлу 14-го декабря 1825 г.

Я прочиталъ эпизодъ изъ жизни А. С. Пушкина („Русск. Ст." 1884 г., кн. 2) и сожалѣніе, выраженное г. редакторомъ о томъ,—что г. Ивановскій унесъ съ собою въ могилу многія тайны, которыя, можетъ быть, никогда не разоблачатся исторіею, — и считаю не безполезнымъ сообщить здѣсь мнѣніе противоположное, т. е., что эти тайны не унесены Ивановскаго могилою, а существовали не болѣе 10 лѣтъ тому назадъ въ его псковскомъ имѣніи, если не ошибаюсь Новоторжскаго или Опочскаго уѣзда, въ селѣ Гривнѣ, которое досталось его единственной дочери Натальѣ Андреевнѣ, вышедшей за смоленскаго дворянина Константина Семеновича Майдановича, служившаго лейбъ-гвардіи въ Московскомъ полку и умершаго въ 1863 году. Въ господскомъ домѣ этого имѣнія Андрея Андреевича, или баронессы Ашъ, хранились на чердакѣ въ сундукѣ бумаги слѣдственной коммиссіи по дѣлу 14-го декабря, съ портретами главнѣйшихъ дѣятелей, какъ-то: Пестеля, Рылѣева, Каховскаго, Муравьева, Бестужева, Трубецкаго, Юшневскаго, рисованными карандашомъ.

Невѣроятно, чтобы сосѣдніе помѣщики не знали о тайномъ хранилищѣ драгоцѣнныхъ матеріаловъ для отечественной современной исторіи. Что въ 1840-хъ годахъ почиталось за государственную тайну, то въ настоящее время сдѣлалось доступнымъ для печати и просвѣщенной любознательности. Объ этомъ зналъ и по секрету говорилъ повѣренный Натальи Андреевны Майдановичъ — штабсъ-капитанъ Николай Николаевичъ Муравьевъ, служившій въ лейбъ-гвардіи Финляндскомъ полку, а впослѣдствіи въ Каменецъ-Подольской палатѣ государственныхъ имуществъ.

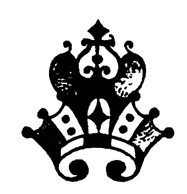
Въ началѣ 1850-хъ годовъ Наталья Андреевна отправилась съ дочерью за-границу, была въ Сербіи, потомъ поселилась въ Парижѣ, приняла католицизмъ, а когда мужъ скончался, то вступила въ бракъ съ какимъ-то французомъ; дочь-же ея Марья Константиновна возвратилась въ Россію, не зная роднаго языка.

По обстоятельствамъ должно полагать, что псковское имѣніе г. Ивановскаго (или баронессы Ашъ) впослѣдствіи продано или поступило въ уплату долговъ. Какъ я слышалъ, на него имѣлъ виды состоявшій при шефѣ жандармовъ полковникъ или генералъ Левенталь.

Однимъ словомъ, есть надежда, что драгоцѣнное наслѣдіе отечественной современной исторіи еще, быть можетъ, существуетъ подъ кровомъ забвенья: если же, Боже сохрани, оно утрачено, то этимъ мы будемъ обязаны рѣшительному невѣжеству позднѣйшихъ обитателей дома покойнаго Андрея Андреевича Ивановскаго или баронессы Ашъ, супруги бывшаго смоленскаго губернатора.

Ген.-маіоръ князь **С. В. Друцкой-Соколинской.**

10 февраля 1874 г.
г. Смоленскъ.



ѲЕДОРЪ МИХАЙЛОВИЧЪ ДОСТОЕВСКІЙ

въ воспоминаніяхъ типографскаго наборщика

въ 1872—1881 гг.

XII [1]).

Во время изданія Ѳ. М. Достоевскимъ „Дневника Писателя“—я вновь сталъ бывать у Ѳедора Михайловича, потому что опять начались у меня сношенія съ нимъ... Сношенія эти были не столь часты, какъ прежде, но за то болѣе интимны, такъ что я имѣлъ возможность, между прочимъ, присмотрѣться ближе къ его образу жизни.

Жилъ въ то время Ѳедоръ Михайловичъ на Греческомъ проспектѣ, въ домѣ, стоящемъ между греческою церковью и Прудками. Домъ этотъ былъ такой-же старый, какъ и тотъ, въ которомъ онъ жилъ передъ тѣмъ на Лиговкѣ, на углу Гусева переулка. Квартира его находилась въ третьемъ этажѣ и очень походила расположеніемъ пріемныхъ комнатъ на прежнюю; даже окнами эти комнаты выходили въ одну и ту-же сторону, именно на востокъ... Замѣчу кстати, что и слѣдующая квартира Ѳедора Михайловича была въ старомъ-же домѣ. Одно время меня занималъ вопросъ, отчего это Ѳедоръ Михайловичъ предпочитаетъ старые дома новымъ, представляющимъ гораздо болѣе удобствъ и опрятности, и пришелъ къ слѣдующему заключенію. Ѳедору Михайловичу нужна была настолько объемистая квартира, что наемъ таковой въ новомъ, комфортабельномъ домѣ не согласовался съ его средствами... Онъ жилъ чисто-литературнымъ трудомъ исключительно, а суще-

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1892 г., т. LXXIV, апрѣль, стр. 177—207.

ствовать на заработокъ отъ такого труда, даже при такомъ колоссальномъ талантѣ и непомѣрномъ трудолюбіи, каковыми отличался Ѳедоръ Михайловичъ, у насъ на Руси если иногда и можно, то пока лишь довольно скромно.

Кромѣ обычныхъ кухни и прихожей, число комнатъ въ видѣнныхъ мною первыхъ двухъ квартирахъ было не менѣе пяти, а именно: зала, служившая вмѣстѣ и гостиною, маленькая столовая, такой-же маленькій кабинетъ, дѣтская, всегда по возможности отдаленная отъ кабинета и, наконецъ, комната Анны Григорьевны. Обстановка всѣхъ комнатъ была очень скромная; мебель въ залѣ-гостиной была относительно новая, но такъ называемая рыночная; въ остальныхъ комнатахъ она была еще проще и притомъ старѣе.

Особенною простотою отличался кабинетъ Ѳедора Михайловича. Въ немъ и намека не было на современное шаблонное устройство кабинетовъ, глядя на которые обыкновенно нельзя опредѣлить—человѣку какой профессіи принадлежитъ данный кабинетъ...

Кабинетъ Ѳедора Михайловича въ описываемое мною время (1876 г.) была просто его комната, студія, келія... Въ этой комнатѣ онъ проводилъ бо̀льшую часть времени своего пребыванія дома, принималъ коротко знакомыхъ ему людей, работалъ и спалъ въ ней. Площадь комнаты имѣла около трехъ квадратныхъ саженъ. Въ ней стояли: небольшой турецкій диванъ, обтянутый клеенкою, служившій Ѳедору Михайловичу вмѣстѣ и кроватью; два простыхъ стола, какіе можно видѣть въ казенныхъ присутственныхъ мѣстахъ, изъ коихъ одинъ, поменьше, весь былъ занятъ книгами, журналами и газетами, лежавшими въ порядкѣ по всему столу; на другомъ, большомъ, находились чернильница съ перомъ, записная книжка, довольно толстая, въ форматѣ четвертки писчей бумаги, въ которую Ѳ. М. записывалъ отдѣльные мысли и факты для своихъ будущихъ сочиненій, пачка почтовой бумаги малаго формата, ящикъ съ табакомъ, да коробка съ гильзами и ватою,—болѣе на этомъ столѣ ничего не было,—все остальное необходимое для письма находилось въ столѣ, то есть въ низенькомъ выдвижномъ ящикѣ, помѣщавшемся, по старинному обычаю, подъ верхнею доскою стола. На стѣнѣ надъ этимъ столомъ висѣлъ фотографическій портретъ Ѳедора Михайловича; передъ столомъ стояло кресло, старое-же, какъ и остальная мебель, безъ мягкаго сидѣнья. Въ углу стоялъ небольшой шкафъ съ книгами. На окнахъ висѣли простыя, гладкія сторы... Вотъ и все убранство кабинета Ѳедора Михайловича во время изданія „Дневника Писателя“. Кромѣ небольшаго количества книгъ, ничего въ немъ, какъ видите, не было такого, что

и занятіямъ, и такъ было потому, я полагаю, что Θедоръ Михайловичъ не нуждался въ искусственныхъ вспомогательныхъ средствахъ для возбужденія своего вдохновенія или своей дѣятельности, ибо имѣлъ неизсякаемый источникъ вдохновенія въ собственномъ духовномъ существѣ своемъ, богато одаренномъ пониманіемъ высшихъ интересовъ жизни человѣческой, за которою онъ всегда чутко слѣдилъ, дѣятельность-же литературная была потребностью его жизни, его стихіею...

Не знаю кому какъ, но мнѣ только-что описанный мною кабинетъ Θедора Михайловича внушалъ большое уваженіе къ себѣ, и я полагаю, что эта строгая, почти бѣдная, простота его обстановки отражала собою характеръ своего хозяина вѣрнѣе и лучше, нежели та, которая похожа на обстановки всѣхъ кабинетовъ вообще. И я очень жалѣю, что не могу живописно воспроизвести этотъ характеристичный кабинетъ знаменитаго писателя.

XIII.

Одно было безусловно необходимо Θедору Михайловичу для писанія его произведеній, это—тишина. Поэтому онъ писалъ очень часто по ночамъ. Вслѣдствіе этого онъ пріобрѣлъ привычку поздно ложиться спать, а потому и поздно вставать. Когда онъ писалъ ночью, то вставалъ затѣмъ, обыкновенно, во второмъ часу дня, случалось и позже... Само собою разумѣется, что такое неестественное распредѣленіе сна и бодрствованія, при вообще болѣзненномъ состояніи, не могло не имѣть вредныхъ послѣдствій на нервную систему Θедора Михайловича. Такъ оно и было на самомъ дѣлѣ. Между тѣмъ, жизнь семейства текла вполнѣ нормально: всѣ вставали довольно рано, и много нужно было любящей заботливости и такта Аннѣ Григорьевнѣ, чтобы, при двухъ малолѣтнихъ дѣтяхъ и двухъ прислугахъ женскаго пола, соблюсти въ домѣ тишину, безъ которой Θедоръ Михайловичъ не могъ ни работать, ни спать, несмотря даже на утомленіе за ночною работою—такъ былъ чутокъ, нервенъ сонъ его.

Нормально пробудившись отъ сна, Θедоръ Михайловичъ тотчасъже вставалъ, умывался и одѣвался въ просторный и длинный пиджакъ изъ чернаго сукна—свою постоянную домашнюю одежду (халата и туфлей онъ не носилъ) и принимался за ожидавшій его чай. Чай Θедоръ Михайловичъ пилъ крѣпкій и сладкій, по нѣсколько

принято считать располагающимъ къ кабинетнымъ размышленіямъ стакановъ, сидя за своимъ письменнымъ столомъ, ходя за каждымъ стаканомъ черезъ залу въ столовую, гдѣ стоялъ самоваръ и чайный приборъ, и наливая его себѣ самъ. Сидя за чаемъ, Ѳедоръ Михайловичъ или пробѣгалъ газеты, или набивалъ себѣ папиросы—пушки изъ желтой маисовой бумаги... Курилъ онъ довольно много и тѣмъ, конечно, усиливалъ и безъ того большую дѣятельность своей нервной системы. Затѣмъ онъ принималъ посѣтителей, если они бывали. Часа въ три въ столовой для него сервировался маленькій, сухой завтракъ .. Придя однажды къ Ѳедору Михайловичу во время его завтрака, я видѣлъ, какъ онъ употреблялъ простую хлѣбную водку: онъ откусывалъ чернаго хлѣба и прихлебывалъ немного изъ рюмки водки, и все это вмѣстѣ пережевывалъ. Онъ говорилъ мнѣ, что это самое здоровое употребленіе водки. Послѣ завтрака Ѳедоръ Михайловичъ выходилъ на прогулку, во время которой заходилъ въ типографію, когда это было нужно. Въ шестомъ часу онъ обѣдалъ съ семействомъ, которому и посвящалъ время до тѣхъ поръ, пока дѣти не уходили спать, послѣ чего Ѳедоръ Михайловичъ принимался писать. Чаще-же бывало, что послѣ обѣда онъ ѣхалъ къ кому-нибудь изъ своихъ знакомыхъ, которыхъ у него было много, и притомъ все это были лица почтенныя, а нѣкоторые такъ даже и высоко поставленныя,—вообще люди выдающіеся въ высшихъ сферахъ общества и литературы.

Таковъ бывалъ нормальный день Ѳедора Михайловича.

Но горе ему было, если пробужденіе происходило ненормально, то есть, если онъ бывалъ разбуженъ преждевременно, вслѣдствіе, напримѣръ, нечаяннаго стука или шума въ квартирѣ или просто потому, что, засидѣвшись за работою долѣе, чѣмъ разсчитывалъ, бывалъ разбуженъ въ обычное время и, такимъ образомъ, вставалъ не выспавшись какъ слѣдовало. Въ такихъ случаяхъ первое время по пробужденіи Ѳедоръ Михайловичъ бывалъ удрученно-серьезенъ и молчаливъ. Въ общемъ видъ его бывалъ, въ такихъ случахъ, какъ-то мучительно-сдержанъ... Раза два или три видѣлъ я его въ такомъ положеніи, и каждый разъ на меня этотъ его видъ производилъ гнетущее впечатлѣніе. Въ такихъ случаяхъ онъ избѣгалъ разговора съ кѣмъ-бы то ни было; домашніе, конечно, знали это и потому никого къ нему въ это время не пускали, и только для меня дѣлалось исключеніе, такъ какъ меня, приходившаго къ нему въ такое время только ради близкаго его душѣ дѣла и притомъ по его-же письменному приглашенію, онъ интересовался видѣть... Указывая мнѣ движеніемъ головы на диванъ въ своемъ кабинетѣ, онъ кратко говорилъ:

— „Садитесь“.

И потомъ также кратко спрашивалъ:

— „Хотите чаю?“

Я соображалъ, что утвердительный отвѣтъ въ данномъ случаѣ лучше отрицательнаго, потому что утвердительный отвѣтъ отдалялъ дѣловой разговоръ, который начинать ему, очевидно, было тяжело и поэтому отвѣчалъ, что хочу. Тогда онъ шелъ въ столовую, находилъ второй стаканъ, наливалъ въ него такого-же, какъ и себѣ, крѣпкаго чаю и приносилъ мнѣ его.

— „Курить хотите?“ спрашивалъ онъ, спустя нѣсколько минутъ.

Изъ выше приведенныхъ соображеній я опять отвѣчалъ утвердительно, и Ѳедоръ Михайловичъ подвигалъ къ себѣ ящикъ съ табакомъ и гильзами, набивалъ папиросу и подавалъ ее мнѣ. Такимъ образомъ, я не нарушалъ молчанія до тѣхъ поръ, пока онъ самъ не начиналъ говорить о дѣлѣ, за которымъ звалъ меня.

Подобное описанному состояніе Ѳедора Михайловича иногда переходило въ раздражительность: онъ легко сердился и при этомъ говорилъ рѣзкости. Тогда-то онъ, на посторонній взглядъ, казался грубъ и деспотиченъ даже съ близкими ему людьми; но я по опыту знаю, что ни грубости его вообще, ни деспотизма его въ особенности не ощущали на себѣ тѣ близкія ему существа, къ которымъ относились эти казавшіеся грубость и деспотизмъ.

Но только-что описанныя проявленія болѣзненности Ѳедора Михайловича были ничтожны въ сравненіи съ припадками главной его болѣзни—эпилепсіи, которою онъ началъ страдать, какъ нѣкоторые говорятъ, еще передъ ссылкою въ Сибирь. Я никогда не видѣлъ этихъ припадковъ, но мнѣ разсказывала о нихъ Анна Григорьевна. Она говорила, между прочимъ, что обыкновенно Ѳедоръ Михайловичъ за нѣсколько дней предчувствовалъ приближеніе ихъ. При появленіи извѣстныхъ предвѣстниковъ, принимались всевозможныя предосторожности: такъ, между прочимъ, Ѳедоръ Михайловичъ нѣсколько дней не выходилъ изъ дома; днемъ домашніе, то есть, главнымъ образомъ, Анна Григорьевна, слѣдили за нимъ, а на ночь возлѣ его постели на диванѣ стлалась другая постель, на полу, на случай припадка во время сна. Благодаря этимъ предосторожностямъ, опасныя послѣдствія припадковъ предупреждались и тѣмъ самымъ смягчались, иначе легко могло случиться, что Ѳедоръ Михайловичъ могъ въ припадкѣ упасть на улицѣ и разбиться о камни. При всемъ томъ, эти припадки такъ измучивали и обезсиливали Ѳедора Михайловича, что онъ потомъ оправлялся отъ каждаго изъ нихъ 3—4 дня; въ эти дни онъ уже ничего не могъ

дѣлать и никого не принималъ, кромѣ Анны Григорьевны, которая одна въ такихъ случаяхъ умѣла ухаживать за нимъ; чрезъ нее-же онъ и сносился съ имѣющими до него какое-либо дѣло, а равно и со мною. Вообще Анна Григорьевна умѣла и съ любящею внимательностію берегла хрупкое здоровье своего мужа, держа его, по ея собственному выраженію, постоянно „въ хлопочкахъ", какъ малое дитя, а въ обращеніи съ нимъ проявляла мягкую уступчивость, соединенную съ большимъ, просвѣщеннымъ тактомъ, и я съ увѣренностію могу сказать, что Өедоръ Михайловичъ и его семья, а равно и многочисленные почитатели его обязаны Аннѣ Григорьевнѣ нѣсколькими годами его жизни.

XIV.

Если правдиво выраженіе, употребляемое нѣкоторыми писателями, что они писали свои произведенія своею кровью, то выраженіе это какъ нельзя болѣе примѣнимо къ Өедору Михайловичу Достоевскому и его произведеніямъ, ибо на произведеніяхъ своихъ этотъ писатель дѣйствительно, а не на словахъ, скороталъ свою жизнь, растративъ на нихъ свое физическое здоровье, на которое сравнительно менѣе, чѣмъ они, повліяла даже каторга...

Я не знаю, легко-ли писалъ Өедоръ Михайловичъ свои романы и большія повѣсти, но знаю, что статьи для „Дневника Писателя" писались имъ съ большою натугою и вообще стоили Өедору Михайловичу большихъ трудовъ. Первою и самою главною причиною трудности писанія для Өедора Михайловича было его неизмѣнное правило: обработывать свои произведенія добросовѣстно и самымъ тщательнымъ образомъ; второю причиною было требованіе сжатости изложенія, а иногда даже прямо опредѣленныя рамки объема журнальныхъ статей; наконецъ, третьею причиною была срочность писанія подобныхъ статей... Слѣдствіемъ всего этого было то, что, несмотря на огромную опытность Өедора Михайловича въ литературной техникѣ, рѣдкіе изъ его манускриптовъ обходились безъ одного или даже двухъ черняковъ, которые потомъ, для сдачи въ типографію, непремѣнно переписывались или самимъ Өедоромъ Михайловичемъ или Анною Григорьевною, писавшею подъ его диктовку съ черняковъ.

Принимая во вниманіе трудность, съ которою давались Өедору Михайловичу его произведенія, станетъ понятною и та заботливая бережность, которая употреблялась имъ въ отношеніи своихъ руко-

писей, предназначенныхъ для печати и приготовленныхъ для сдачи въ типографію. Въ видахъ особой сохранности этихъ дорогихъ рукописей, Θедоръ Михайловичъ чаще всего сдавалъ ихъ въ типографію лично, и притомъ прямо въ руки метранпажа, иногда для этого онъ пользовался моими посѣщеніями или-же поручалъ ихъ для доставки въ типографію своей супругѣ, но никогда не присылалъ ихъ въ типографію со своею прислугою. Мнѣ удалось, однако-жъ, уговорить Θедора Михайловича сдавать иногда рукопись (оригиналъ—по типографски) разсыльному типографіи, когда тотъ приходилъ за нею къ нему съ моею запискою, или по предварительному каждый разъ уговору о томъ между мною и Θедоромъ Михайловичемъ; но это бывало очень рѣдко, только въ экстренныхъ случаяхъ или по утрамъ, когда оригиналъ писался ночью.

Вообще Θедоръ Михайловичъ, если не самолично передавалъ мнѣ оригиналъ, то всегда снабжалъ его запискою ко мнѣ.

Послѣ сказаннаго понятно будетъ и то, что лѣтомъ, когда Θедоръ Михайловичъ отсутствовалъ изъ Петербурга,—а это бывало каждое лѣто,—присылка оригинала въ типографію озабочивала его чрезвычайно. Къ тому, въ этихъ случаяхъ, онъ бывалъ лишенъ возможности столь необходимыхъ ему личныхъ переговоровъ съ метранпажемъ, то есть со мною. Приготовивъ оригиналъ, Θедоръ Михайловичъ разсчитывалъ по особому, употреблявшемуся имъ, способу—по количеству не буквъ, какъ расчитываютъ обыкновенно оригиналъ въ типографіи, а словъ—сколько изъ отсылаемаго оригинала выйдетъ печатныхъ строкъ и затѣмъ страницъ; но такъ какъ, судя по прежнему, расчеты эти никогда не бывали точны, а только приблизительны, то онъ оставался въ сомнѣніи до полученія корректуръ. Приготовивъ такимъ образомъ оригиналъ къ отсылкѣ, Θедоръ Михайловичъ писалъ ко мнѣ письмо, въ которомъ обстоятельно излагалъ свои соображенія относительно посылаемаго оригинала и нѣкоторыя инструкціи мнѣ. Затѣмъ, то и другое посылалось страховою корреспонденціею въ Петербургъ, въ типографію, на мое имя. Такъ дѣлалось раза три или четыре въ теченіе одного выпуска „Дневника Писателя“.

XV.

Каковы были заботы Ѳедора Михайловича въ подобныхъ случаяхъ—можно видѣть изъ нижеслѣдующихъ писемъ его, которыя, ради хронологическаго порядка къ приведеннымъ мною выше, беру изъ слѣдующихъ за ними по времени. Вотъ, напримѣръ, три письма, относящіяся къ одному и тому-же выпуску „Дневника Писателя",—именно за іюль—августъ 1876 года, изъ коихъ первое писано въ отвѣтъ на мое письмо.

„23-го августа 1876 г.

„Многоуважаемый Михаилъ Александровичъ, напрасно вы такъ говорите. Уѣзжая, я вамъ далъ полномочіе (словесно) на все, и уже, разумѣется, и печатать.

„За бумагою, если не получили, надо сходить къ Печаткину (Красносельская фабрика Константина Петровича Печаткина) и потребовать 38 стопъ.

„Прошу васъ печатать и не терять времени.

„1876 г.
Іюль—августъ".

„Это такъ, но вѣдь и объ этомъ мы съ вами уговорились, именно объ этомъ самомъ заголовкѣ и еще до поѣздки моей въ Эмсъ, я это очень хорошо помню.

„А что-же я вамъ напишу насчетъ цензурныхъ вымарокъ, если я ихъ не видалъ? Нечего дѣлать, печатайте какъ есть безъ меня. И не грѣхъ вамъ не написать мнѣ, что̀ именно вымарано? Вы пишете: часть главы, но которой? И много-ли? Теперь, до пріѣзда въ Петербургъ, день и ночь буду думать, какъ на угольяхъ. А всего-то стоило написать полъ-строчки.

„Я пріѣду, какъ и обѣщалъ, не 26-го, а 27-го августа, да и то въ самомъ удачномъ случаѣ. Я выѣду 26-го, но здѣшнія дороги не отъ меня зависятъ.

„Передъ выѣздомъ вышлю вамъ еще тексту.

„А пока вамъ преданный Ѳ. Достоевскій".

Слѣдующее письмо:

„25-го августа 1876 г., Старая Русса.

„Многоуважаемый Михаилъ Александровичъ, посылаю вамъ еще тексту. Вся бѣда моя въ томъ, что не знаю, что именно запре-

щено цензурою, въ какой главѣ и какой номеръ. И потому очень прошу васъ вникнуть въ нижеслѣдующее.

„Если цензоръ вычеркнулъ изъ Главы второй и именно объ Идеалистѣ-циникѣ и Постыдно-ли быть идеалистомъ (т. е. 1 и 2 малыя главы), то надо выкинуть ихъ вовсе, а взамѣнъ того къ Главѣ второй пристегнуть двѣ маленькія главы изъ Главы третьей (1. Русскій или французскій языкъ? 2. На какомъ языкѣ говорить Отцу Отечества?), перемѣнивъ, разумѣется, соотвѣтственно только номера маленькихъ главъ (т. е. вмѣсто 1 и 2 русскій или французскій языкъ и т. д. поставить 3 и 4 №№). А затѣмъ Главу третью начать уже съ того, что я вамъ теперь (съ этимъ письмомъ) высылаю, т. е. со словъ: „Эмсъ я описывать не буду" (листокъ 10) и №№ маленькихъ главъ опять перемѣнить соотвѣтственно, т. е. вмѣсто 3 и 4, поставить 1 и 2, а продолженіе я уже вамъ самъ привезу [1]).

„Выѣзжаю я отсюда не въ четвергъ 26-го августа, а въ пятницу 27-го. Въ субботу, вѣроятно, увидимся. Думаю навѣрно, что 31-го августа не успѣемъ выйти. Въ такомъ случаѣ, пріѣхавъ въ Петербургъ, объявлю въ газетахъ, что по независящимъ обстоятельствамъ № іюль—августъ выйдетъ 4-го сентября. Очень можетъ быть, что провозимся до этого срока, но надобно имѣть въ виду, чтобъ ужъ никакъ не позже 4-го сентября. А впрочемъ, все рѣшится при нашемъ свиданіи. Пока набирайте и дѣлайте что возможно.

„До свиданія. Вашъ весь Ѳ. Достоевскій".

---

[1]) На самомъ дѣлѣ вымарано было не то и не другое изъ мнившагося Ѳедору Михайловичу, а именно 4 малая глава большой второй главы, т. е. конецъ изъ до того времени полученнаго мною текста, вслѣдствіе чего я, вѣроятно, и не счелъ необходимымъ точно обозначить въ письмѣ своемъ къ Ѳедору Михайловичу содержаніе запрещеннаго, такъ какъ пропущеннаго цензоромъ текста было достаточно, чтобы сверстать и напечатать первый листъ выпуска; второй-же листъ, по моимъ разсчетамъ, предстояло верстать уже по пріѣздѣ Ѳедора Михайловича въ Петербургъ, такъ что предвидѣлось время для отстаиванія запрещеннаго. Въ 1886 году, перебирая свои бумаги я нашелъ между ними рукопись всего выпуска „Дневника Писателя" за іюль—августъ 1876 г., которую тогда-же и передалъ А. Г. Достоевской, печатавшей въ то время 2-е изданіе „Полнаго собранія сочиненій Ѳ. М. Достоевскаго". По этой рукописи возстановлена малая глава большой четвертой главы, озаглавленная „Земля и дѣти", первоначально и затѣмъ въ 1-мъ изданіи „Полнаго собранія сочиненій" напечатанная съ значительными пропусками, составлявшими въ свое время цензурныя исключенія; запрещенная-же цензурою цѣликомъ глава, о которыхъ въ приводимыхъ письмахъ идетъ рѣчь, по нѣкоторымъ соображеніямъ не вошла и во 2-е изданіе.

М. А.

Слѣдующая записка уже съ городской квартиры:

„29-го августа 1876 г.

„Многоуважаемый Михаилъ Александровичъ, къ Ратынскому письма не прилагаю, но за то исправилъ все по его желанію и указанію [1]). Если надо будетъ, то поѣду къ нему самъ.

„Дальнѣйшую рукопись (Глава четвертая, III и IV) при семъ прилагаю; семь полу-листковъ. Но будетъ еще V-я малая глава Главы четвертой. А затѣмъ P. Scriptum. Окончаніе Главы четвертой, т. е. V-ю малую главу, постараюсь доставить завтра-же, 30-го августа. А P. Scriptum, какъ сказано, 1-го сентября.

„А засимъ весь вашъ Ѳ. Достоевскій.

„Надѣюсь, завтра увидимся".

Нижеслѣдующія три письма, для полноты характеристики этого рода писемъ, беру изъ 1877 года, лѣто котораго Ѳедоръ Михайловичъ также проводилъ внѣ Петербурга. Всѣ три письма относятся также къ одному и тому-же выпуску „Дневника Писателя" и также двойному, именно за май—іюнь 1877 года.

„Малый Приколъ, 20-го іюня 1877 г.

„Многоуважаемый и любезнѣйшій Михаилъ Александровичъ, пишу вамъ изъ усадьбы Малый Приколъ, въ 10 верстахъ отъ заштатнаго города Мирополье, Суджинскаго уѣзда Курской губерніи. Посылаю Главу первую „Дневника" за май—іюнь, всего 21 полу-листокъ. Глава первая тутъ кончена; но листа печатнаго еще не будетъ. Тутъ всего 13 или 13½ нашихъ страницъ. Съ обычнымъ нашимъ объявленіемъ на первой страницѣ будетъ всего 14½ страницъ. Опоздалъ и опоздаю. Рѣшилъ, что въ срокъ, т. е. къ 30-му іюня, никакъ не выйдемъ Выйдемъ-же 5-го или 7-го іюля. Я прибуду въ Петербургъ не ранѣе какъ ко 2-му іюля. Но все-же начните набирать (№ двойной, озаглавленъ май—іюнь по примѣру прошлаго года за іюль—августъ, и не менѣе будетъ трехъ листовъ). Очень скоро, т. е. дня черезъ три, вышлю вамъ еще оригиналу, и потомъ еще. Полагаю, вышлю все до моего еще пріѣзда. Когда наберется полный листъ, то печатайте, такъ, какъ мы уговаривались. Остальные-же листы, т. е. 2-й и 3-й, вѣроятно, успѣю самъ прокорректировать. Теперь-же полагаюсь во всемъ на васъ; ради Христа, отдержите корректуру тщательнѣе [2]).

---

[1]) Это говорится о статьѣ, подъ заглавіемъ „Земля и дѣти".

[2]) Т. е. чтобы я прочелъ корректуру послѣ корректора самъ, объ этомъ Ѳедоръ Михайловичъ просилъ меня, уѣзжая. М. А.

„На первыхъ страницахъ пойдетъ латинскій текстъ. Напечатайте не петитомъ, а обыкновеннымъ шрифтомъ, и непремѣнно черезъ строчку латинскаго съ русскимъ, точь въ точь такъ, какъ увидите въ оригиналѣ. Латинскій текстъ переведенъ подсловно, т. е. подъ каждымъ латинскимъ словомъ соотвѣтствующее русское. Надо такъ и набирать и печатать.

„NB (самое главное). Ради Бога, дайте прокорректировать латинскій текстъ кому-нибудь знающему латинскій языкъ.

„Кромѣ того, еще самое важнѣйшее: надо непремѣнно снести цензору Ратынскому и попросить отцензуровать. Боюсь только, чтобъ онъ куда не уѣхалъ, какъ въ прошломъ году! П—чъ обѣщалъ въ такомъ случаѣ похлопотать о назначеніи мнѣ цензора. Напишу ему.

„Надѣюсь, что писано довольно разборчиво.

„Итакъ буду присылать безпрерывно по мѣрѣ накопленія. Васъ-же, голубчикъ Михаилъ Александровичъ, попрошу въ случаѣ чего-либо у васъ необыкновеннаго, т. е. въ типографіи или въ случаѣ отсутствія Ратынскаго, написать мнѣ сюда:

„Въ городъ Милрополье, Курской губерніи, Ѳед. Мих. Достоевскому.

„И напишите, не разсчитывая, дойдетъ или не дойдетъ или что я уже выѣду къ тому времени. Если-же ничего не будетъ особеннаго, то не увѣдомляйте.

Итакъ, пока до свиданія. Если придется печатать первый листъ, то печатайте всего 7,000, а не 8,000 экземпляровъ (NB. Какъ вы обойдетесь безъ моей подписи? Впрочемъ, пріѣду—подпишу).

„Во всякомъ случаѣ, будете-ли или не будете начинать печатать до меня, но все-же, по мѣрѣ полученія оригинала, набирайте и несите къ цензору.

„Въ слѣдующую почту еще напишу вамъ, что теперь забылъ.

„А пока вамъ душевно преданный Ѳ. Достоевскій“.

Второе письмо:

„24-го іюня 1877 г., Малый Приколъ.

„Многоуважаемый и любезнѣйшій Михаилъ Александровичъ, посылаю вамъ еще 19 полу-листковъ, отъ 22 по 40-й включительно. Здѣсь Глава вторая. Въ слѣдующій разъ вышлю Главу третью.

„Что дѣлать: опоздаемъ и опоздаемъ ужасно. Можетъ быть выйдемъ къ 10-му лишь іюля. Но вы набирайте, и что можно, то и отпечатывайте, процензуровавъ. Здѣсь, я полагаю, будетъ 12 или

13 страницъ. Такъ что всего, съ Главою первою, будетъ уже на 28 или на 29 страницъ и еще остается мнѣ вамъ выслать листъ съ двумя или 3-мя страницами.

„Самъ я постараюсь пріѣхать къ 1-му или ко 2-му іюля.

„Если можете, то увѣдомьте меня о чемъ-нибудь сюда:

„Курской губерніи въ городъ Мирополье Ѳ. М. Достоевскому.

„Теперь, если вамъ ничто не помѣшаетъ, то, полагаю, вы моглибы набрать и отпечатать уже $1^1/_2$ листа. Если будете до меня отпечатывать, то печатайте не 7,000 экз., какъ я писалъ вамъ въ послѣдній разъ, а $7^1/_2$ тысячъ (семь съ половиною тысячъ).

„Во всякомъ случаѣ, голубчикъ Михаилъ Александровичъ, на васъ вся надежда, не запоздайте, и по возможности, все впередъ, да впередъ. Но, ради Бога, корректуру! Помарокъ у меня много, но вѣдь все-таки разборчиво! Ради Бога, наблюдите, чтобъ не было, по крайней мѣрѣ, позорныхъ ошибокъ.

„До свиданія, Михаилъ Александровичъ, крѣпко жму вамъ руку, вашъ весь Ѳ. Достоевскій".

Третье письмо:

„29-го іюля 1877 г., среда, Малый Приколъ.

„Многоуважаемый и любезнѣйшій Михаилъ Александровичъ. посылаю вамъ Главу третью (еще недокончена), 14 полъ-листковъ. Надо думать, что тутъ девять или 10 печатныхъ страницъ. Остальное пришлю отсюда или привезу самъ. Будетъ всего 3 листа. Отсюда думаю выѣхать 2-го іюля; буду въ Петербургѣ или 4-го или 5-го іюля. Теперь присланное немедленно набирайте и къ цензору. Если все благополучно и цензоръ пропуститъ, то, пожалуй, печатайте. (У васъ уже далеко за два листа). То-то и есть, что не знаю благополучно-ли все, есть-ли цензоръ и все прочее. Если у васъ нѣтъ бумаги, то потребуйте у Печаткина (въ типографіи знаютъ, гдѣ мы беремъ). Ну, до свиданія, какъ-то свидимся въ Петербургѣ!

„Ради Бога, позаботьтесь о корректурѣ! Не погубите!

„Вашъ весь Ѳ. Достоевскій".

Дня за три до выхода выпуска „Дневника" въ свѣтъ, онъ пріѣзжалъ въ Петербургъ и поселялся на эти дни одиноко въ своей городской квартирѣ, довольствуясь малыми услугами жены дворника, такъ какъ прислуги при квартирѣ не оставлялось. Само собою разумѣется, какъ все это страшно безпокоило Ѳедора Михайловича, а его болѣзненность, въ особенности его падучая болѣзнь,

неизбѣжно должна была внушать его близкимъ очень серьезныя опасенія за его жизнь въ такомъ одиночествѣ.

Но выпустивъ номеръ своего „Дневника“, Өедоръ Михайловичъ нѣсколько дней отдыхалъ душою и тѣломъ, ободрялся, наслаждаясь успѣхомъ его, который, какъ я выше говорилъ и какъ это видно изъ приведенныхъ писемъ, былъ такъ значителенъ, что дѣйствительно могъ ободрять духъ своего автора, заставляя его на время забывать мучительную для него трудность литературной работы къ сроку. Затѣмъ онъ принимался за составленіе и писаніе новаго номера... Такъ дѣло шло мѣсяцъ за мѣсяцемъ, съ осени до лѣта, когда Старая Русса или Эмсъ должны были, при непрерывающейся почти работѣ писателя, возстановлять его расшатанное здоровье съ тѣмъ, чтобъ оно потомъ разстроилось опять за мѣсяцы осени, зимы и весны, вслѣдствіе той-же непрерывности труда,—какъ у большинства тружениковъ изъ-за насущныхъ нуждъ своей семьи.

XVI.

Со времени возобновленія отношеній Өедора Михайловича ко мнѣ по случаю возникновенія „Дневника писателя“, отношенія эти все время оставались неизмѣнно хорошими, полными взаимнаго уваженія и довѣрія, и все еще продолжали улучшаться... Когда я бывалъ у него не въ критическіе дни рожденія номеровъ или выпусковъ „Дневника Писателя“, а въ болѣе свободное время, къ нашимъ разговорамъ присоединялась Анна Григорьевна, и вотъ при ея-то участіи они уже оба стали интересоваться моими личными дѣлами и моимъ семейнымъ положеніемъ: разспрашивали меня о семействѣ моемъ вообще и о дѣтяхъ въ особенности. Когда они узнали, что моей старшей дочери уже восемь лѣтъ и что она уже учится въ Рождественской прогимназіи (теперешней гимназіи того-же имени), то стали просить меня, чтобы я познакомилъ мою Маню съ Лилечкою,—ихъ тоже старшею дочкою, на годъ съ небольшимъ моложе моей; я, разумѣется, съ удовольствіемъ изъявилъ свою готовность исполнить ихъ желаніе и въ ближайшее воскресенье свелъ свою дочьку съ нянею къ нимъ. Өедоръ Михайловичъ самъ занялся сближеніемъ дѣтей, и они очень скоро, подъ его руководствомъ подружились. Послѣ этого разговоръ о дѣтяхъ не разъ возобновлялся. Въ разговорахъ этихъ мы касались воспитанія и образованія дѣтей, причемъ Өедоръ Михайловичъ высказалъ свой взглядъ на то и

другое. Онъ говорилъ, что лучшее воспитаніе есть воспитаніе домашнее, а гимназическое образованіе онъ считалъ самымъ нормальнымъ для дѣвицы, и своей дочери намѣренъ былъ дать образованіе именно въ женской гимназіи. Иногда говорили о дѣтскихъ нравахъ, причемъ однажды Ѳедоръ Михайловичъ разсказалъ, какъ онъ иногда забавляетъ свою маленькую дочь чтеніемъ библейскихъ разсказовъ и русскихъ былинъ и какъ она хорошо понимаетъ ихъ; читалъ онъ дѣтямъ иногда отрывки изъ своихъ произведеній и при этомъ замѣчалъ подтвержденіе своихъ догадокъ, что въ его сочиненіяхъ есть-таки мѣста, доступныя даже дѣтскому пониманію.. Это обстоятельство надоумило его заняться когда-нибудь, на досугѣ, выборкою такихъ отрывковъ и издать ихъ отдѣльною книжкою; но мысль эту онъ не успѣлъ привести въ исполненіе; особымъ изданіемъ эти выдержки явились послѣ его смерти, подъ редакціею Ореста Ѳедоровича Миллера и потомъ, другое изданіе, подъ редакціею В. Я. Стоюнина. Читалъ Ѳедоръ Михайловичъ мастерски даже чужія произведенія и потому не мудрено, что онъ увлекалъ своимъ чтеніемъ даже дѣтей, о чемъ съ удовольствіемъ и разсказывалъ самъ.

Нерѣдко мы бесѣдовали и на литературно-критическія темы, причемъ мнѣ доводилось слышать оригинальныя сужденія Ѳедора Михайловича о нѣкоторыхъ изъ нашихъ литературныхъ знаменитостей и объ ихъ, а также и о нѣкоторыхъ своихъ произведеніяхъ.

Насколько вѣрны были эти сужденія маститаго писателя, я могъ отчасти заключить изъ того, что еще въ то время, когда беллетристическая дѣятельность извѣстнаго въ то время К. В. М. была въ своемъ зенитѣ, такъ что нѣкоторые романы его въ самое короткое время выдерживали по два и даже по три изданія, Ѳедоръ Михайловичъ предсказывалъ давно уже сбывшуюся недолговѣчность этого успѣха.

На мой вопросъ, почему такъ будетъ—Ѳедоръ Михайловичъ объяснилъ, что такъ будетъ потому, что К. В. М. пишетъ свои романы смаху, то есть не обработывая идейную и не отдѣлывая литературно-техническую сторону ихъ.

— „Такъ писать нельзя, заключилъ Ѳедоръ Михайловичъ. Теперь онъ пока въ модѣ, потому и держится... Продержится еще лѣтъ пять, шесть, а тамъ и забудутъ его... А жаль будетъ, потому что у этого былъ несомнѣнный талантъ“.

О другомъ современномъ литераторѣ, писавшемъ уже чрезвычайно литературно—и прозою и стихами—не знаю почему, Ѳедоръ Михайловичъ составилъ себѣ пренебрежительное мнѣніе, котораго неизмѣнно держался постоянно...

Еще во время редактированія „Гражданина", когда этому литератору симпатизировалъ издатель „Гражданина", радушно открывшій, еще въ первый годъ изданія, страницы этого журнала его произведеніямъ (что̀, къ слову сказать, не помѣшало помянутому литератору впослѣдствіи инсинуировать его), составляя однажды съ издателемъ номеръ журнала, Θедоръ Михайловичъ, по поводу продолженія довольно объемистаго произведенія помянутаго изящнаго литератора, начатаго печатаніемъ еще до его редакторства, высказался за изгнаніе его со страницъ журнала совсѣмъ или, по крайней мѣрѣ, до болѣе свободнаго мѣста.

— Но, вѣдь, это такая милая, такая литературная вещь, возразилъ издатель.

— „Не понимаю, что вы находите хорошаго въ литературномъ произведеніи, гдѣ только и рѣчи, что: были мы тамъ-то, потомъ поѣхали туда-то, тамъ пробыли столько-то времени и видѣли то-то, и прочее въ такомъ родѣ, безъ идеи, даже безъ мысли", проговорилъ Θедоръ Михайловичъ съ оттѣнкомъ легкой досады и заходилъ по кабинету издатель гдѣ этотъ разговоръ происходилъ.

Издатель едва замѣтно пожалъ плечами, улыбнулся и болѣе не возражалъ.

Такъ начатое произведеніе изящнаго литератора и осталось недоконченнымъ въ „Гражданинѣ"... Послѣ оно было напечатано цѣликомъ въ журналѣ діаметрально противоположнаго „Гражданину" направленія, а затѣмъ оно вышло въ свѣтъ особымъ изданіемъ. Впослѣдствіи литераторъ этотъ стяжалъ себѣ довольно значительную и относительно прочную извѣстность, благодаря которой въ 1877 году онъ получилъ отъ одной большой петербургской газеты предложеніе отправиться на театръ войны въ качествѣ ея спеціальнаго корреспондента, но Θедоръ Михайловичъ относился къ его писанію по-прежнему и когда, однажды, въ разговорѣ я сослался на его корреспонденцію съ театра войны, Θедоръ Михайловичъ нахмурился мгновенно и сказалъ:

— „Ну, ужъ, этого-то лучше-бы вовсе не читать!"

По поводу кончины Н. А. Некрасова Θедоръ Михайловичъ высказалъ свой взглядъ на поэзію его. Онъ сказалъ, что, несмотря на шероховатость и неблагозвучность нѣкоторыхъ стиховъ Некрасова, онъ, тѣмъ не менѣе, поэтъ истинный, а отнюдь не стихослагатель; что стихи его не дѣланные, не искусственные, а вылившіеся сами собою прямо изъ души поэта, и въ этомъ отношеніи онъ ставилъ Некрасова выше всѣхъ современныхъ поэтовъ. Въ ближайшемъ послѣ смерти Некрасова выпускѣ „Дневника Писателя", Θедоръ

Михайловичъ посвятилъ его памяти много искреннихъ строкъ, какъ изъ своего личнаго сочувствія, такъ и въ оправданіе его личности отъ нападокъ и порицаній. слышавшихся тогда въ печати и въ обществѣ... Между прочимъ, онъ доказывалъ, что въ писателѣ необходимо различать двѣ личности, причемъ слѣдуетъ раздѣлять личность человѣка отъ личности писателя и судить писателя по его произведеніямъ.

Въ началѣ 1874 года, когда Ѳедоръ Михайловичъ выпустилъ въ свѣтъ новое изданіе романа „Идіотъ", бесѣдуя однажды втроемъ о текущей русской литературѣ, онъ вспомнилъ, что еще не подарилъ мнѣ этой книги и тотчасъ-же попросилъ Анну Григорьевну принести экземпляръ ея, на которомъ написалъ нѣсколько строкъ, въ которыхъ, кромѣ обычныхъ въ такихъ случаяхъ словъ, есть чрезвычайно лестныя для меня слова, которыя привести здѣсь запрещаетъ мнѣ самая элементарная скромность...

Сколько я могъ заключить изъ словъ Ѳедора Михайловича, сказанныхъ имъ въ тотъ разъ объ этомъ романѣ, я вывелъ заключеніе, что между своими произведеніями онъ отводилъ „Идіоту" весьма почетное мѣсто. Вручая мнѣ его, онъ съ чувствомъ проговорилъ:

— „Читайте! Это хорошая вещь... Тутъ все есть!"

Впослѣдствіи, когда „Идіотъ" былъ уже давно мною прочитанъ, однажды въ разговорѣ коснулись И. А. Гончарова, и я съ большою похвалою отозвался объ его „Обломовѣ", Ѳедоръ Михайловичъ соглашался, что „Обломовъ" хорошъ, но замѣтилъ мнѣ:

— „А мой „Идіотъ", вѣдь, тоже Обломовъ".

— Какъ это, Ѳедоръ Михайловичъ? спросилъ было я, но тотчасъ спохватился.—Ахъ, да! вѣдь въ обоихъ романахъ герои—идіоты.

— „Ну, да! Только мой идіотъ лучше гончаровскаго... Гончаровскій идіотъ—мелкій, въ немъ много мѣщанства, а мой идіотъ—благороденъ, возвышенъ".

И съ этимъ, конечно, нельзя не согласиться, признавая за произведеніемъ И. А. Гончарова иныя весьма крупныя достоинства. А вѣдь раньше мнѣ—да и многимъ, вѣроятно,—и въ голову не приходило проводить какую-бы то ни было параллель между этими двумя произведеніями отечественной литературы.

Когда, въ 1877 году, Ѳедоръ Михайловичъ выпустилъ въ свѣтъ 4-е изданіе романа „Преступленіе и наказаніе" онъ подарилъ мнѣ экземпляръ и этого романа и также съ автографомъ своимъ. При этомъ случаѣ онъ опять съ чувствомъ въ голосѣ и одушевленіемъ въ лицѣ сказалъ мнѣ:

— „Это тоже очень хорошая вещь!...“

— Про это я уже и самъ знаю, Өедоръ Михайловичъ, прервалъ я его на паузѣ; много похвалъ этому вашему произведенію слышалъ и читалъ.

— „А знаете-ли, продолжалъ онъ, что когда этотъ романъ появился въ печати впервые, меня благодарили за него; благодарили люди почтенные, солидные—люди, высоко стоящіе на государственной службѣ... Благодарили!“

Графа Л. Н. Толстаго Өедоръ Михайловичъ считалъ безусловно знаменитѣйшимъ изъ современныхъ русскихъ писателей.

XVII.

Припоминается мнѣ нижеслѣдующая характеристическая сценка, имѣвшая мѣсто въ 1877 году, въ началѣ русско-турецкой войны, иллюстрирующая, между прочимъ, тогдашнюю популярность Өедора Михайловича и его „Дневникъ Писателя“.

Придя къ Өедору Михайловичу въ первомъ, не то во второмъ часу дня, я сидѣлъ въ его кабинетѣ, на его клеенчатомъ диванѣ, vis-à-vis съ хозяиномъ, сидѣвшимъ у своего стола на стулѣ и, разговаривая съ нимъ о ходѣ дѣла по предстоявшему выпуску „Дневника“, попивалъ его крѣпкій чай и покуривалъ папиросу его собственной набивки, когда къ намъ вошла Анна Григорьевна и сказала Өедору Михайловичу, что его желаетъ видѣть г. Л—къ, извѣстный изобрѣтатель наборной машины, о которомъ незадолго передъ тѣмъ говорили газеты.

— „Гмъ... Да чего-же ему у меня-то нужно, вѣдь у меня нѣтъ типографіи?“ возразилъ Өедоръ Михайловичъ.

Анна Григорьевна отвѣчала, что г. Л—къ не объявляетъ причины своего визита, но говоритъ только, что ему очень нужно видѣть Өедора Михайловича и говорить съ нимъ. Өедоръ Михайловичъ съ неохотою поднялся со своего стула, вышелъ въ залу къ ожидавшему его г. Л—ку и съ первыхъ-же словъ попросилъ его къ себѣ въ кабинетъ, гдѣ и усадилъ его на диванъ, рядомъ со мною, причемъ тотчасъ-же спросилъ не желаетъ-ли онъ чаю. Тотъ попросилъ. Подали. Г. Л—къ, между тѣмъ, продолжалъ очень бойко начатое имъ еще въ залѣ изъясненіе своего изобрѣтенія новаго способа печатанія, который будто-бы скоро произведетъ радикальный переворотъ въ типографскомъ производствѣ.

— „Можетъ быть, но вѣдь я въ этомъ дѣлѣ ровно ничего не

понимаю, и потому не могу судить правильно о вашемъ изобрѣтеніи, а вотъ, кстати, у меня здѣсь сидитъ типографщикъ, метранпажъ, который это дѣло знаетъ очень хорошо, — рекомендую, Михаилъ Александровичъ Александровъ, — вотъ вы съ нимъ и поговорите, а я послушаю".

Нелишнимъ считаю замѣтить здѣсь, что въ то время моимъ излюбленнымъ рабочимъ костюмомъ была простая холстинковая блуза, которую я носилъ безъ кушака, тогда какъ большинство метранпажей и даже наборщики постарше носили сюртукъ или пиджакъ. Въ излюбленномъ костюмѣ я ходилъ и ко всѣмъ заказчикамъ типографіи по своимъ обязанностямъ метранпажа... Впослѣдствіи, въ силу обстоятельствъ, характеризующихся пословицею „По платью принимаютъ, по уму провожаютъ", мнѣ пришлось-таки перемѣнить блузу на жакетъ и пиджакъ, тогда-же я еще не находилъ этого нужнымъ, такъ какъ въ мнѣніи своихъ почтенныхъ кліентовъ я, повидимому, ничего не терялъ, и по молодости, можно сказать, рисовался своимъ костюмомъ, который, не помню, кто-то назвалъ въ шутку „прудоновскимъ", хотя я носилъ его не столько изъ-за того, что онъ былъ „прудоновскій", сколько ради его удобства, чистоты и дешевизны. И вотъ вслѣдствіе этой-то непредставительности моего костюма, вѣроятно, выслушавъ предложеніе Өедора Михайловича поговорить со мною, изобрѣтатель посмотрѣлъ на меня съ едва скрываемымъ недовѣріемъ и неудовольствіемъ и хотя протянулъ мнѣ руку и назвалъ себя, однако-жъ, затѣмъ продолжалъ обращать рѣчь о своемъ изобрѣтеніи непосредственно къ Өедору Михайловичу, игнорируя рекомендованнаго имъ собесѣдника, то есть меня. Между прочимъ, онъ сказалъ, что всѣ наши типографщики—рутинеры и не могутъ принять его изобрѣтенія уже по тому одному, что введеніе его сопряжено съ кореннымъ измѣненіемъ всѣхъ существующихъ пріемовъ типографской техники и что выгоды его изобрѣтеніе обѣщаетъ, главнымъ образомъ, издателямъ, чрезъ удешевленіе производства.

— „Да вѣдь я уже сказалъ вамъ, что ничего не понимаю въ этомъ дѣлѣ, возразилъ Өедоръ Михайловичъ,—а опредѣлить степень пригодности вашего изобрѣтенія — дѣло спеціалистовъ, которые одни могутъ быть посредниками между вами, какъ изобрѣтателемъ, и издателями... Вотъ поэтому-то я и предлагаю вамъ поговорить съ Михаиломъ Александровичемъ, онъ спеціалистъ этого дѣла и въ настоящемъ случаѣ можетъ быть нашимъ посредникомъ".

На это изобрѣтатель замѣтилъ, что для правильной оцѣнки его изобрѣтенія недостаточно быть техникомъ-спеціалистомъ, но нужно

также быть ученымъ политико-экономистомъ, однако-жъ сталъ обращаться ко мнѣ и принялся излагать сущность своего изобрѣтенія. Выслушавъ его, я освѣдомился о знакомствѣ его съ современнымъ состояніемъ типографской техники, причемъ узналъ, что знакомство это—какъ у многихъ другихъ изобрѣтателей наборно-типографскихъ машинъ—было поверхностно; я замѣтилъ ему это; онъ сознался, но не вполнѣ; онъ сказалъ, что два, три первые года его труда по изобрѣтенію пропали безплодно, именно по недостатку его свѣдѣній по этой части, но теперь онъ находитъ свои познанія достаточно полными. Стоя на своей точкѣ зрѣнія, я сталъ критиковать его способъ по частямъ, начавъ съ главныхъ. Произошелъ краткій, но оживленный диспутъ, излагать который здѣсь я считаю неумѣстнымъ, такъ какъ для большинства читателей онъ былъ-бы непонятенъ; скажу только, что въ затронутыхъ мною частяхъ изобрѣтеніе г. Л—ка не выдержало критики, какъ не выдержало оно ея вообще со стороны собравшихся для оцѣнки его спеціалистовъ-типографовъ въ Петербургѣ, спустя около пяти лѣтъ послѣ описываемаго разговора... Такова, впрочемъ, участь всѣхъ вообще наборно-типографскихъ машинъ до сего времени.

Но г. Л—къ очень скоро прервалъ диспутъ неожиданнымъ заявленіемъ, что главная цѣль его визита къ Ѳедору Михайловичу совсѣмъ не по поводу наборно-типографской машины, которая, къ тому-же, у него не доведена еще до совершенства, а по поводу новаго его изобрѣтенія, имѣющаго въ данную минуту гораздо большій интересъ для русскаго общества, чѣмъ пресловутая машина, и касающагося начавшейся войны, и именно предстоявшей тогда переправы русскихъ войскъ черезъ Дунай...

Стóитъ припомнить какую жгучую тему для разговоровъ, во всѣхъ слояхъ русскаго народа, представляла собою эта переправа русской арміи черезъ Дунай,—въ то время, когда армія эта уже нѣсколько недѣль стояла на лѣвомъ берегу этой рѣки, въ виду вполнѣ приготовившагося встрѣтить ее непріятеля, и никто не зналъ когда и какъ она будетъ черезъ нее переправляться,—чтобы понять, что трудно было, выслушавъ сообщеніе г. Л—ка, воздержаться отъ любопытства узнать подробности его. Ѳедоръ Михайловичъ не составилъ исключенія въ этомъ случаѣ и спросилъ таки г. Л—ка, въ чемъ состоитъ его изобрѣтеніе.

Г. Л—къ помялся нѣсколько, но не заставилъ себя упрашивать и, можетъ быть, именно изъ патріотизма, какъ онъ выразился, не счелъ нужнымъ скрывать своего секрета не только передъ Ѳедоромъ Михайловичемъ, но даже передо мною—„также русскимъ человѣкомъ“.

Я не считаю себя въ правѣ излагать здѣсь слышанное мною описаніе изобрѣтенія г. Л—ка, хотя, конечно, и краткое, но довольно понятное, и скажу только, что г. Л—къ придумалъ военный мостъ, изготовленіе, перемѣщеніе и наведеніе котораго, по его разсчетамъ, было-бы несравненно менѣе сложно, болѣе удобно и гораздо быстрѣе, чѣмъ въ существующей системѣ понтонныхъ мостовъ.

Сообщеніе свое г. Л—къ заключилъ выраженіемъ своего желанія оказать посильную патріотическую услугу правительству и русскому народу возможнымъ сохраненіемъ его арміи, „такъ какъ, по отзывамъ спеціалистовъ военнаго дѣла, говорилъ г. Л—къ, всѣ извѣстные способы переправы чрезъ большую рѣку стали немыслимыми для русской арміи, потому что она упустила всѣ благопріятные моменты для того", поэтому онъ надѣялся на содѣйствіе Ѳедора Михайловича, какъ патріота, пользующагося уваженіемъ даже въ высшихъ сферахъ русскаго общества, въ проведеніи его изобрѣтенія къ цѣли.

—„А вы знаете, что о переправѣ русской арміи черезъ Дунай теперь даже запрещено и говорить-то?" возразилъ Ѳедоръ Михайловичъ.

— Запрещены, можетъ быть, праздные разговоры, а вѣдь у меня, какъ вы видите, серьезное дѣло, съ живостью сказалъ г. Л—къ. У меня вполнѣ выработанная система; имѣются обстоятельные чертежи и вычисленія по научнымъ правиламъ, которые я могу представить кому слѣдуетъ.

— „Когда и какъ будетъ переправляться русская армія черезъ Дунай—это секретъ главнаго штаба; вотъ вы-бы туда и обратились съ вашимъ изобрѣтеніемъ, а я какое-же вамъ могу оказать содѣйствіе въ такомъ дѣлѣ, о которомъ совсѣмъ нельзя говорить въ печати", отвѣтилъ Ѳедоръ Михайловичъ.

Г. Л—къ намекнулъ Ѳедору Михайловичу на его связи съ нѣкоторыми высокопоставленными лицами, къ которымъ онъ желалъ-бы получить отъ него рекомендательныя письма; но отъ этого Ѳедоръ Михайловичъ уклонился, сказавъ, что у него совсѣмъ нѣтъ такихъ связей и что съ такимъ, какъ у него, дѣломъ ему нетруденъ доступъ даже къ самому военному министру, безъ всякихъ рекомендательныхъ писемъ. Г. Л—къ возразилъ было на это, но Ѳедоръ Михайловичъ такъ и не склонился на его просьбу...

А вскорѣ послѣ описаннаго разговора совершилась и всѣмъ извѣстная переправа русской арміи черезъ Дунай—вплавь, на легкихъ судахъ.

XVIII.

Объ отношеніяхъ Θедора Михайловича къ міру типографскихъ тружениковъ, за исключеніемъ описываемыхъ мною его отношеній ко мнѣ, какъ одному изъ нихъ, я имѣю сказать очень немногое...

Отношенія эти, какъ у большинства крупныхъ нашихъ писателей, были поверхностныя, обусловливаемыя лишь самою крайнею необходимостью въ ихъ сношеніяхъ съ типографіями... Но, мнѣ кажется, Θедору Михайловичу болѣе, чѣмъ кому-нибудь другому изъ писателей, коллеги мои должны извинить это, принявъ во вниманіе, что, хотя Θедоръ Михайловичъ, конечно, и зналъ бытовую народную жизнь и, безъ сомнѣнія, интересовался ею, но онъ не былъ изобразителемъ ея въ своихъ произведеніяхъ... Въ его сочиненіяхъ, полныхъ идей и психологическихъ анализовъ, за исключеніемъ „Записокъ изъ мертваго дома“, очень мало бытовыхъ картинъ и сценъ вообще, а потому ничего нѣтъ страннаго въ томъ, что изъ типографскаго міра ихъ и совсѣмъ нѣтъ... Этому отчасти мѣшала его мнительность, о которой я говорилъ выше, и его житейская непрактичность.

О томъ, какъ иногда наивенъ былъ великій психологъ въ практической жизни, можетъ отчасти иллюстрировать нижеслѣдующій случай.

Въ первый годъ изданія „Дневника Писателя“, передъ праздникомъ Рождества, Θедоръ Михайловичъ вручилъ мнѣ десять рублей для раздачи, въ видѣ подарка, наборщикамъ и при этомъ сказалъ:

— „Я хотѣлъ было дать имъ нѣсколько десятковъ экземпляровъ „Дневника“, чтобы они продали ихъ и деньги взяли-бы себѣ; но потомъ мы съ Анною Григорьевною разсудили, что такъ негодится, а лучше будетъ дать имъ прямо деньгами“.

На это я отвѣтилъ Θедору Михайловичу, что послѣднее, конечно, цѣлесообразнѣе и что такъ обыкновенно и дѣлается всѣми, желающими подарить наборщикамъ деньги, подарокъ-же экземпляровъ для продажи совсѣмъ неудобенъ для наборщика, потому уже, что превращеніе ихъ въ деньги могло-бы причинить ему непріятности, въ видѣ, напримѣръ, объясненій принадлежности ему бо́льшаго или меньшаго количества этихъ экземпляровъ.

Θедоръ Михайловичъ сказалъ, что именно эти соображенія онъ сначала и упустилъ изъ виду.

Въ другомъ случаѣ, имѣвшемъ мѣсто по поводу моихъ представленій Θедору Михайловичу о невозможности исполнить для

него что-то экстраординарное, за отсутствіемъ наборщиковъ, разошедшихся изъ типографіи по домамъ за окончаніемъ рабочаго времени, онъ выразилъ свой идеальный взглядъ на типографію, какъ міровое учрежденіе, долженствующее состоять на непрерывной службѣ у человѣческаго общества, не входя въ обсужденіе, какъ это сдѣлать, чтобы при этомъ самые слуги остались людьми, а не превратились въ автоматовъ.

— „Эхъ, вы, шутливо-добродушнымъ тономъ сказалъ Ѳедоръ Михайловичъ,—нельзя. Какъ нельзя?—типографія все должна мочь сдѣлать, что отъ нея требуется!"

— Да мы и дѣлаемъ вамъ все, что надо; случается, что и ночь напролетъ работаемъ... А въ настоящемъ случаѣ такой необходимости нѣтъ, вѣдь до выпуска еще далеко!

— „Необходимости, положимъ, нѣтъ, но она можетъ быть... экстренная, такъ сказать, необходимость, которой предвидѣть нельзя. Да нѣтъ, ужъ вы какъ свою типографію ни защищайте, а она у васъ не настоящая!"

— Почему-же не настоящая, Ѳедоръ Михайловичъ?

— „Потому что у васъ дѣло поставлено не такъ, какъ должно".

— А какъ-же должно-то?

— „А вы знаете, какъ ведется дѣло въ типографіяхъ, гдѣ есть ежедневныя газеты?"

— Какъ не знать, Ѳедоръ Михайловичъ, знаю. Ну, такъ что-же тамъ?

— „Тамъ работа идетъ безпрерывно, день и ночь".

Тутъ я сталъ излагать Ѳедору Михайловичу, что такъ только кажется на незнакомый съ дѣломъ взглядъ, на самомъ-же дѣлѣ работа организована иначе... Полный составъ наборщиковъ, напримѣръ, и на газетахъ работаетъ лишь до извѣстнаго часа вечера, а затѣмъ они уходятъ по домамъ, оставляя на ночь пятую или шестую часть состава, въ качествѣ дежурныхъ, которые, въ свою очередь, тоже работаютъ до извѣстнаго лишь часа ночи, когда наборъ сдается въ печать, т. е. въ руки другихъ рабочихъ, къ тому времени лишь приходящихъ на работу, слѣдовательно тоже могущихъ исполнить лишь извѣстное количество работы, и притомъ только для газеты, для которой эта ночная работа организована, а отнюдь не для какого-либо инаго изданія, работающагося въ той-же типографіи, такъ какъ работа всѣхъ иныхъ изданій идетъ инымъ порядкомъ, обходясь безъ ночнаго для того времени, за рѣдкими исключеніями, дѣлающимися при окончаніи нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ, напримѣръ, періодическихъ или принятыхъ съ условіемъ окончить къ сроку.

— „Ну, и такая постановка работы тоже неправильна... Помоему, типографія, какъ сама жизнь человѣческая, должна работать безпрерывно“, отвѣтилъ на это Өедоръ Михайловичъ.

— А вѣдь ночной трудъ, да еще въ типографіи, чрезвычайно тяжелъ и вреденъ, Өедоръ Михайловичъ,—какъ это вы не противъ него!—возразилъ я.

— „Противъ этого я ничего не могу сказать, я только говорю кàкъ должно быть, а ужъ кàкъ это устроить,—я и самъ не знаю“, сказалъ въ заключеніе Өедоръ Михайловичъ.

Зато извѣстное отношеніе Өедора Михайловича къ такъ называемому женскому вопросу отразилось и въ типографіи, ибо, если онъ чѣмъ интересовался, то тѣмъ ужъ интересовался постоянно, и не въ печати только, а вездѣ.

Замѣтивъ однажды въ наборной типографіи трехъ не то четырехъ работавшихъ наборщицъ, Өедоръ Михайловичъ, когда мы были одни, заговорилъ со мною по этому поводу. Прежде всего онъ освѣдомился—замужнія онѣ были или дѣвушки. Я сказалъ, что всѣ дѣвушки.

— „А есть-ли замужнія наборщицы?“ спросилъ онъ.

— Есть, но мало... Да наборщицъ и вообще-то немного. Недавно стали прививать женщинамъ эту профессію, и плохо что-то прививается къ нимъ она, отвѣчалъ я.

— „Да едва-ли и привьется, то есть прочно-то“, замѣтилъ Өедоръ Михайловичъ.

— Вы, Өедоръ Михайловичъ, почему, именно, такъ полагаете? полюбопытствовалъ я.

— „Я нахожу, что ваше занятіе неестественно для женщинъ... Вѣдь у васъ все дѣлается стоя на ногахъ, а естественное, то есть анатомическое сложеніе женщины, и главнымъ образомъ устройство такъ называемаго таза у нея требуетъ болѣе сидячаго положенія, нежели стоячаго“.

— А вотъ эмансипаторы-то наши этихъ особенностей женщинъ, кажется, совсѣмъ и знать не хотятъ; они очень усердно стараются навязать типографскій трудъ женщинамъ именно потому, что находятъ его очень подходящимъ для нихъ.

Өедоръ Михайловичъ улыбнулся на это мое замѣчаніе и продолжалъ разспросы.

— „А кромѣ вотъ того процесса набиранія, который обыкновенно видишь у васъ тутъ, какого-нибудь болѣе тяжелаго труда въ вашемъ производствѣ нѣтъ или есть?“

— Есть... Приходится, напримѣръ, выставлять изъ реаловъ

формы набора и переносить ихъ на столъ, для правки корректуръ. Но этотъ трудъ отъ нихъ можетъ быть отстраненъ формальнымъ образомъ, а пока наборщицы обыкновенно довольно легко отстраняютъ его отъ себя сами, такъ какъ всегда найдется кто-нибудь изъ наборщиковъ сдѣлать за нихъ это небольшое дѣло... Но надо замѣтить, что рѣдко за нихъ что-либо дѣлается изъ человѣколюбія или изъ простаго снисхожденія къ ихъ физической слабости; обыкновенно-же помощниками руководятъ эгоистическія побужденія извѣстнаго свойства.

— „А я видѣлъ, одна что-то нагнувшись дѣлала, какъ-бы надъ столомъ, причемъ она, кажется, упиралась въ него грудью... Что это она дѣлала?"

— Это правка корректуры. Отъ этого онѣ еще легче могутъ быть отстранены. Въ такомъ положеніи приходится иногда править только авторскія или редакторскія корректуры, за которыя полагается особая плата и которыя, поэтому, можно давать тому или другому наборщику, свою-же, то есть такъ называемую первую корректуру, въ которой каждый правитъ лишь свой наборъ, можно править иначе, не нагибаясь надъ цѣлою формою и не упираясь въ нее грудью, а беря каждую гранку къ себѣ на кассу, и тамъ исправлять ее.

— „Да вотъ развѣ такъ-то; а то вѣдь этакое положеніе для груди вредно: а строеніе груди у женщинъ тоже вѣдь разнится отъ мужской... Для груди, впрочемъ, уже и самый воздухъ типографіи вреденъ, я полагаю; у васъ вѣдь тутъ все свинецъ, краски... Воздухъ всегда такой тяжелый".

— А главное — пыль и грязь обыкновенныя, соединенныя съ пылью и окисями металлическими, а также поташемъ, скипидаромъ, масляною краскою, ламповою копотью и, наконецъ, плевками и харкотинами рабочихъ прямо на полъ, въ большинствѣ типографій никогда почти не моющійся; при всемъ этомъ скученность рабочихъ, вслѣдствіе тѣсноты помѣщеній,—вотъ главные бичи нашего здоровья, пояснилъ я.

—„Да, да, тяжело!.. А для женщинъ и подавно: женщина по природѣ—существо хрупкое, слабое; настоящее-то ея мѣсто въ семьѣ, въ домашнемъ хозяйствѣ или при дѣтяхъ... Ну, конечно, есть нѣкоторыя ремесла и вообще нѣкоторыя служебныя занятія, которыя и онѣ могутъ исполнять, но только не въ типографіи, типографскій трудъ имъ не подъ силу".

— Дѣйствительно, тяжело, то есть въ смыслѣ обстановки и воздуха; но вѣдь легкихъ занятій сравнительно немного, а жен-

щинъ, и въ особенности дѣвушекъ, такъ много теперь, вслѣдствіе того, что современный складъ жизни и житейской мудрости такъ настойчиво исключаетъ для мужчинъ необходимость законнаго брака, что имъ поневолѣ приходится искать для себя новыхъ областей труда для добыванія средствъ для сколько-нибудь независимаго честнаго существованія.

На этотъ доводъ мой Θедоръ Михайловичъ сказалъ, что положеніе женщинъ дѣйствительно пока безвыходно, и что крайность, конечно, заставитъ дѣлать и непосильное, но такъ не должно быть.

Таковы были тѣ немногіе личные взгляды Θедора Михайловича на типографскій міръ, которые были извѣстны мнѣ. Въ печати-же объ этомъ предметѣ онъ никогда не говорилъ.

XIX.

Несмотря на блестящій успѣхъ „Дневника Писателя“, несмотря на постоянное желаніе Θедора Михайловича участвовать въ общественной жизни въ качествѣ публициста, онъ, во второй половинѣ 1877 года, нашелся вынужденнымъ отказаться отъ продолженія изданія „Дневника“ въ будущемъ году. Причиною тому была все та-же удручающая срочность литературной работы, которая заставила его въ 1873 году отказаться отъ участія своимъ перомъ въ „Гражданинѣ“.

Несомнѣнно, Θедоръ Михайловичъ былъ трудолюбивый писатель; но условія журнальной работы были, такъ сказать, не въ характерѣ его музы... Онъ не любилъ скользить по поверхности избраннаго предмета, а всегда углублялся внутрь его, желая проникнуть до дна, чего, конечно, нельзя дѣлать къ извѣстному сроку... Да не сродны были эти условія и самому таланту его, прежде всего беллетристическому. Онъ лишь принуждалъ себя къ журнальной работѣ—и только. Въ „Гражданинѣ“ онъ часто вынужденнымъ находился откладывать статьи своего „Дневника“ изъ-за того, что самъ онъ не былъ доволенъ сдѣланною работою. Тамъ это было можно, такъ какъ всегда были въ запасѣ статьи разныхъ авторовъ, изъ которыхъ всегда можно было что-нибудь выбрать для замѣщенія пустаго мѣста въ номерѣ. Теперь-же, когда „Дневникъ Писателя“ выходилъ въ свѣтъ самостоятельнымъ изданіемъ и отъ начала до конца писался однимъ авторомъ, Θедоръ Михайловичъ, въ силу добросовѣстныхъ отношеній къ своимъ обязательствамъ передъ читателями своими, не могъ позволить себѣ какого-

либо манкированія выпусками его, и когда ихъ приходилось отсрочивать,—а иногда таки приходилось это дѣлать, — то, какъ это видно изъ вышеприведенныхъ писемъ, эти отсрочки стоили Ѳедору Михайловичу большихъ нравственныхъ страданій, а если прибавить къ нимъ извѣстную постоянную болѣзненность Ѳедора Михайловича, его мнительность и нервную раздражительность, то можно представить себѣ, какое удручающее вліяніе имѣла на Ѳедора Михайловича его журнально-публицистическая дѣятельность, и станетъ понятною его новая рѣшимость прекратить, хотя на время, свой „Дневникъ".

Объ этомъ прекращеніи „Дневника", равно какъ и о причинѣ его, то есть о разстройствѣ своего здоровья, Ѳедоръ Михайловичъ заявилъ своимъ читателямъ, сначала особою статьею въ „Дневникѣ", а потомъ объявленіями въ началѣ каждаго выпуска его, гласившими, что подписка на „Дневникъ Писателя" на 1878 годъ не принимается. Въ отвѣтъ на заявленіе Ѳедоръ Михайловичъ получилъ множество писемъ отъ своихъ читателей и почитателей съ просьбами продолжать „Дневникъ", нисколько не стѣсняясь сроками выхода его выпусковъ въ свѣтъ, объемомъ и даже числомъ ихъ въ годъ, но онъ рѣшительно отказался отъ этого, ссылаясь на необходимость поправить свои разстроенныя силы и здоровье полнымъ спокойствіемъ и обѣщаясь возобновить „Дневникъ" опять, года черезъ два.

Одинъ литературный антрепренеръ, издававшій въ Петербургѣ захудалую газету, узнавъ о причинѣ прекращенія „Дневника Писателя", пріѣхалъ къ Ѳедору Михайловичу съ предложеніемъ услугъ страницъ своей газеты для его „Дневника", мотивируя свое предложеніе яко-бы желаніемъ избавить его отъ хлопотъ издательства; но Ѳедоръ Михайловичъ, понимая истинную цѣль антрепренера, отвергъ его предложеніе съ негодованіемъ.

Въ разговорѣ съ Ѳедоромъ Михайловичемъ, по поводу прекращенія „Дневника Писателя", онъ, какъ при выходѣ своемъ изъ редакціи „Гражданина", опять высказалъ мнѣ надежду сойтись, года черезъ два, и работать вмѣстѣ. Опять онъ отдыхать собирался недолго.

— „Отдохну немного, говорилъ онъ, а тамъ опять за работу... Есть идея, которая давно ужъ занимаетъ меня... хочу разработать ее... А при „Дневникѣ" это невозможно".

— Романъ это будетъ, Ѳедоръ Михайловичъ? спросилъ я.

— „Да, пожалуй, и романъ, если хотите!" съ улыбкою отвѣтилъ онъ.

Эта новосозрѣвавшая въ головѣ Ѳедора Михайловича идея, черезъ два года послѣ того, явилась въ свѣтъ въ видѣ новаго капитальнаго творенія его, подъ заглавіемъ „Братья Карамазовы".

Съ прекращеніемъ „Дневника Писателя" совпало прекращеніе дѣятельности типографіи князя В. В. Оболенскаго, закрывавшейся не въ силу какихъ-либо неблагопріятныхъ обстоятельствъ, а просто согласно волѣ своего диллеттанта-владѣльца... Послѣдній выпускъ „Дневника" предполагалось напечатать до закрытія типографіи, но ликвидація дѣлъ происходила такъ быстро, что я не видѣлъ возможности приличнымъ образомъ закончить изданіе Ѳедора Михайловича, и потому посовѣтовалъ ему отдать послѣдній выпускъ въ какую-либо другую типографію. Онъ отдалъ этотъ выпускъ въ ново-открытую типографію В. Ѳ. Пуцыковича, тогда уже фактическаго издателя-редактора „Гражданина". Послѣ Ѳедоръ Михайловичъ жаловался мнѣ, что печатаніе этого послѣдняго выпуска причинило ему много хлопотъ и непріятностей и что выпускъ очень запоздалъ выходомъ, а въ техническомъ отношеніи онъ вышелъ очень плохимъ.

XX.

Послѣ прекращенія „Дневника Писателя", я не видался съ Ѳедоромъ Михайловичемъ болѣе двухъ лѣтъ... Въ этотъ промежутокъ времени онъ написалъ свой послѣдній, колоссальный романъ „Братья Карамазовы", который въ 1880 году уже печатался въ „Русскомъ Вѣстникѣ" и возбуждалъ въ публикѣ большой интересъ къ себѣ и къ своему знаменитому автору, а возросшая за послѣдніе годы, подъ вліяніемъ впечатлѣнія, произведеннаго изданіемъ „Дневника Писателя", популярность Ѳедора Михайловича привела, между прочимъ, къ избранію его въ вице-предсѣдатели славянскаго благотворительнаго общества въ Петербургѣ. Вообще въ этотъ годъ— увы! послѣдній въ жизни Ѳедора Михайловича—популярность его возрастала особенно быстро, и въ дни открытія памятника Пушкину, состоявшагося въ томъ году, достигла апогея.

Въ то время въ Петербургѣ нерѣдко давались литературные вечера съ благотворительною цѣлью,—большею частію въ пользу недостаточныхъ изъ учащейся молодежи, и Ѳедоръ Михайловичъ принималъ въ нихъ самое живое участіе, которое, главнымъ образомъ, привлекало на эти вечера публику. Однимъ изъ такихъ вечеровъ воспользовался я, чтобы посмотрѣть и послушать, хотя со сто-

роны, любезнаго душѣ человѣка. Это было въ апрѣлѣ 1880 года, въ Ѳомино воскресенье... Достойно замѣчанія, что, несмотря на то, что дѣло было въ заключительный день пасхальныхъ увеселеній, стояла прекрасная погода, которая, заодно съ только-что наступившими бѣлыми петербургскими ночами, манила на прогулку на открытомъ воздухѣ, зала Благороднаго собранія у Полицейскаго моста, къ началу вечера, то есть еще за-свѣтло, была буквально переполнена публикою...

Когда по программѣ дошла очерэдь до выхода на эстраду Ѳедора Михайловича, въ залѣ водворилась необыкновенная тишина, свидѣтельствовавшая о напряженномъ вниманіи, съ которымъ присутствовавшіе устремляли свои взоры на эстраду, гдѣ вотъ-вотъ появится авторъ „Братьевъ Карамазовыхъ", писатель давно знаменитый, но недавно признанный таковымъ... И вотъ, когда этотъ моментъ наступилъ, среди напряженной тишины раздался взрывъ рукоплесканій, длившійся, то чуть-чуть ослабѣвая, то вновь вдругъ возрастая, около пяти минутъ. Ѳедоръ Михайловичъ, дѣловою поступью вышедшій изъ-за кулисъ и направлявшійся къ столу, стоявшему посрединѣ эстрады, остановился на полъ-дорогѣ, поклонился нѣсколько разъ привѣтствовавшему его партеру и продолжалъ, тою-же дѣловою поступью, путь къ столу; но едва онъ сдѣлалъ два шага, какъ новый взрывъ рукоплесканій остановилъ его вновь. Поклонившись опять направо и налѣво, Ѳедоръ Михайловичъ поспѣшилъ было къ столу, но оглушительныя рукоплесканія продолжались и не давали ему сѣсть за столъ, такъ что онъ еще съ минуту стоялъ и раскланивался. Наконецъ, выждавъ, когда рукоплесканія нѣсколько поутихли, онъ сѣлъ и раскрылъ рукопись; но тотчасъ-же, вслѣдствіе новаго взрыва рукоплесканій, долженъ былъ снова встать и раскланиваться. Наконецъ, когда рукоплесканія стихли, Ѳедоръ Михайловичъ принялся читать. Читалъ онъ въ тотъ вечеръ ненапечатанныя въ „Русскомъ Вѣстникѣ" главы изъ „Братьевъ Карамазовыхъ". Чтеніе его было, по обыкновенію, мастерское, отчетливое и настолько громкое или, вѣрнѣе, внятное, что сидѣвшіе въ самомъ отдаленномъ концѣ довольно большой залы Благороднаго собранія, вмѣщающей въ себѣ болѣе тысячи сидящихъ человѣкъ, слышали его превосходно.

Нечего и говорить, что публика горячо апплодировала чтенію Ѳедора Михайловича, когда онъ кончилъ назначенное по программѣ, и просила его еще что-нибудь прочесть. Несмотря на продолжительность только-что оконченнаго чтенія, Ѳедоръ Михайловичъ чувствовалъ себя настолько бодрымъ, что охотно исполнилъ эту просьбу.

Передъ многочисленнымъ собраніемъ публики онъ чувствовалъ себя такъ-же хорошо и держалъ себя такъ-же свободно, какъ-бы въ дружескомъ кружкѣ; публика, въ свою очередь, чутко отличая искренность въ его голосѣ, относилась къ нему такъ-же искренно, какъ къ давно знакомому своему любимцу, такъ что, въ отношеніи тона, оваціи публики Θедору Михайловичу существенно отличались отъ овацій какой-нибудь пріѣзжей знаменитости изъ артистическаго міра вообще.

На этотъ разъ передъ чтеніемъ внѣ программы Θедоръ Михайловичъ сказалъ слѣдующее маленькое вступленіе, полное характеристичности и остроумія:

— „Я прочту стихи одного русскаго поэта... истиннаго русскаго поэта, который, къ сожалѣнію, иногда думалъ не по-русски, но когда говорилъ, то говорилъ всегда истинно по-русски!“

И Θедоръ Михайловичъ прочелъ „Власа“ Некрасова,—и какъ прочелъ! Зала дрожала отъ рукоплесканій, когда онъ кончилъ чтеніе. Но публика не хотѣла еще разстаться съ знаменитымъ чтецомъ и просила его еще что-нибудь прочесть. Θедоръ Михайловичъ и на этотъ разъ не заставилъ себя долго просить; онъ самъ, видимо, былъ сильно наэлектризованъ энтузіазмомъ публики и не ощущалъ еще усталости. Онъ прочелъ маленькую поэму графа А. К. Толстого „Илья Муромецъ“ и при этомъ очаровалъ своихъ слушателей художественною передачею полной эпической простоты воркотни стараго, заслуженнаго кіевскаго богатыря-вельможи, обидѣвшагося на князя Владиміра Красное Солнышко за то, что тотъ какъ-то обнесъ его чарою вина на пиру, покинувшаго чрезъ это его блестящій дворъ и уѣзжавшаго теперь верхомъ на своемъ „чубаромъ“ въ свое родное захолустье, чрезъ дремучій лѣсъ. Когда Θедоръ Михайловичъ читалъ финальные стихи поэмы:

И старикъ лицомъ суровымъ
  Просвѣтлѣлъ опять,
По нутру ему здоровымъ
  Воздухомъ дышать;
Снова вѣетъ воли дикой
  На него просторъ,
И смолой, и земляникой
  Пахнетъ темный боръ...

одушевленіе его, казалось, достигло высшей степени, потому что заключительныя слова „и смолой и земляникою пахнетъ темный боръ“ были произнесены имъ съ такою удивительною силою выраженія въ голосѣ, что иллюзія отъ истинно-художественнаго чтенія

произошла полная: всѣмъ показалось, что въ залѣ „Благородки“ дѣйствительно запахло смолою и земляникою... Публика остолбенѣла и, благодаря этому обстоятельству, оглушительный громъ рукоплесканій раздался лишь тогда, когда Ѳедоръ Михайловичъ сложилъ книгу и всталъ со стула.

Что касается до меня, то на меня этотъ вечеръ произвелъ впечатлѣніе неизгладимое.

Лѣтомъ того-же 1880 года состоялось открытіе памятника А. С. Пушкину въ Москвѣ. На торжествѣ, происшедшемъ по этому случаю, Ѳедоръ Михайловичъ сказалъ извѣстную свою знаменитую рѣчь о значеніи Пушкина для русскаго народа, произведшую до того сильное впечатлѣніе на все русское образованное общество, что она тогда была названа событіемъ. Рѣчь эта еще болѣе увеличила популярность Ѳедора Михайловича. Со времени ея для него начался рядъ настоящихъ тріумфовъ со стороны большинства русской интеллигенціи, ареною которыхъ были литературные вечера, дававшіеся послѣ празднествъ открытія памятника Пушкину особенно часто въ Петербургѣ. Въ это время каждое появленіе Ѳедора Михайловича на этихъ вечерахъ, въ качествѣ непремѣннаго участника, сопровождалось поднесеніями ему лавровыхъ вѣнковъ.

Надѣлавшая тогда столько шума рѣчь эта была издана Ѳедоромъ Михайловичемъ въ видѣ единственнаго за тотъ годъ выпуска „Дневника Писателя“.

XXI.

Осенью и зимою того-же 1880 года мнѣ довелось видѣться и сноситься съ Ѳедоромъ Михайловичемъ нѣсколько разъ. Предлогомъ для перваго изъ нихъ послужило слѣдующее, лично меня касавшееся, дѣло.

Въ октябрѣ того года, въ типографіи издателя журнала „Дѣло“, Г. Е. Благосвѣтлова, открылась вакансія на мѣсто соединенныхъ обязанностей метранпажа упомянутаго журнала и вмѣстѣ съ тѣмъ фактора типографіи. Это-то мѣсто я желалъ занять; но такъ какъ я не былъ лично извѣстенъ Г. Е. Благосвѣтлову, то я долженъ былъ добыть какую-либо рекомендацію. За лучшее мнѣ совѣтовали достать рекомендацію кого-либо изъ старыхъ солидныхъ литераторовъ, и вотъ съ этою-то цѣлью я и отправился къ Ѳедору Михайловичу.

Жилъ тогда Ѳедоръ Михайловичъ въ Кузнечномъ переулкѣ, на углу Ямской улицы, на послѣдней въ его жизни квартирѣ... За-

мѣчу мимоходомъ, что и эта квартира находилась въ старомъ, но довольно хорошо реставрированномъ домѣ. Сколько извѣстно, въ то время матеріальное положеніе его было, сравнительно съ прежнимъ, наилучшее; это было замѣтно и по квартирѣ, болѣе обширной, и по обстановкѣ ея... Слава его въ это время, болѣе чѣмъ когда-либо прежде, была признана: въ образованномъ обществѣ его чуть не на рукахъ носили, въ сочувственной ему части періодической печати ему курили ѳиміамъ, а во враждебной части ея говорили о немъ съ уваженіемъ, и, однако-жъ, при всѣхъ этихъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, здоровье Ѳедора Михайловича не только не поправилось, но, напротивъ, повидимому, еще болѣе ухудшилось; не только два съ половиною года назадъ, когда я съ нимъ разстался, но даже весною того года, когда я видѣлъ его на литературномъ вечерѣ, онъ былъ гораздо крѣпче и бодрѣе, чѣмъ въ это мое свиданіе съ нимъ.

Придя къ Ѳедору Михайловичу, я былъ принятъ Анною Григорьевною, по обыкновенію бывшей на-сторожѣ возлѣ своего болѣзненнаго мужа. Побесѣдовавъ со мною нѣсколько минутъ, она пошла къ Ѳедору Михайловичу, чтобы сообщить ему обо мнѣ, и тогда онъ вышелъ изъ своего кабинета къ намъ въ гостиную. Отнесся ко мнѣ Ѳедоръ Михайловичъ попрежнему внимательно и съ добротою, но притомъ и съ серьезностью, которую я по опыту призналъ въ немъ слѣдствіемъ удручающаго недуга.

Когда я объяснилъ Ѳедору Михайловичу причину моего къ нему визита, то оказалось, что онъ сильно антипатизировалъ тому литературному лагерю, къ которому принадлежалъ Г. Е. Благосвѣтловъ, что меня, впрочемъ, не особенно удивило, такъ какъ мнѣ извѣстна была рѣзкая противоположность литературныхъ направленій обоихъ лагерей.

— „Я вѣдь съ ними... давно ужъ не знаюсь, сказалъ Ѳедоръ Михайловичъ, выслушавъ мою просьбу,—такъ что ужъ и не знаю, могу-ли я быть вамъ въ этомъ случаѣ полезенъ-то".

— Такъ какъ-же быть-то, Ѳедоръ Михайловичъ? проговорилъ я, отчасти таки озадаченный его заявленіемъ. А мнѣ тамъ дали понять, что вашъ отзывъ обо мнѣ имѣлъ-бы вѣсъ.

— „Я напишу, если хотите, то, что̀ о васъ знаю, ни къ кому собственно не обращаясь".

Я согласился; тогда Ѳедоръ Михайловичъ попросилъ Анну Григорьевну, присутствовавшую при этомъ, тотчасъ-же принести бумагу и чернила и писать подъ его диктовку.

— „А я подпишу", добавилъ онъ и сталъ диктовать свой отзывъ обо мнѣ, иногда поправляя продиктованное.

Отзывъ этотъ, долженствовавшій имѣть значеніе рекомендаціи, вышелъ у Ѳедора Михайловича, по обыкновенію, оригинальнымъ, и потому весьма мало похожимъ на всѣ подобнаго рода документы.

Вотъ это дорогое для меня свидѣтельство знаменитаго писателя и человѣка:

„Михаила Александровича Александрова, какъ метранпажа, зналъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ и былъ всегда какъ нельзя болѣе доволенъ его усердіемъ, аккуратностью и, смѣло могу сказать, талантливостью; къ тому-же Михаилъ Александровичъ самъ литераторъ.

Ѳедоръ Достоевскій“.

„20-го октября 1880 г.
С.-Петербургъ“.

Я было замѣтилъ Ѳедору Михайловичу, что прибавка о моемъ литераторствѣ излишня и, чего добраго, скорѣе вредна для меня, нежели полезна, но онъ возразилъ, что онъ этого не находитъ, тогда я не сталъ болѣе противорѣчить ему.

Получивъ рекомендацію, я, между прочимъ, сказалъ Ѳедору Михайловичу:

— Вотъ, Ѳедоръ Михайловичъ, если поступлю на это мѣсто, я, вѣроятно, буду настолько самостоятеленъ, что буду въ состояніи предложить вамъ свои услуги по печатанію вашихъ изданій безъ риска скомпрометироваться предъ вами.

— „Вы думаете... Нѣтъ... а я вамъ вотъ что скажу—новость: кружокъ изъ нѣсколькихъ лицъ, во главѣ съ N [1]) собирается открыть типографію. Вотъ туда-бы вамъ хорошо поступить-то... А? Какъ вы думаете?... Вотъ тамъ и я буду печатать“.

— Я-бы не прочь, Ѳедоръ Михайловичъ, но вѣдь меня туда не приглашаютъ.

— „Я тамъ сегодня буду и скажу о васъ. Хотите?“

— Но, вѣдь, N меня самъ хорошо знаетъ и потому, я думаю, еслибъ находилъ соотвѣтственнымъ своимъ видамъ...

— „Да вѣдь дѣло-то пока въ идеѣ, понимаете, N поэтому и нѣтъ еще причины приглашать васъ. Но очень вѣроятно, что идея эта осуществится. Я тамъ сегодня буду и узнаю... И о васъ поговорю“.

Я поблагодарилъ Ѳедора Михайловича, и мы скоро разстались.

Принявъ къ свѣдѣнію, какъ говорится, сообщенную Ѳедоромъ Михайловичемъ новость, я благоразумно далъ ходъ полученной отъ

---

[1]) Бывшимъ издателемъ „Гражданина“. А. М.

него рекомендаціи, передавъ ее протежировавшему мнѣ лицу, близкому къ Г. Е. Благосвѣтлову, которому я лично все еще не представлялся, такъ какъ онъ заболѣлъ своею предсмертною болѣзнью, простудившись на похоронахъ фактора-метранпажа своей типографіи А. А. Королькова, и потому кромѣ близкихъ ему людей никого не принималъ.

На другой день, когда я пришелъ съ работы домой обѣдать, меня ожидала записка отъ N, присланная со слугою; въ запискѣ этой онъ приглашалъ меня, въ своеобразныхъ своихъ выраженіяхъ, „явиться къ нему“ въ тотъ-же день. Я догадался, разумѣется, что это было послѣдствіе вчерашняго свиданія Ѳедора Михайловича съ N, и понялъ въ чемъ дѣло. Въ тотъ-же день я побывалъ у N. Прежде всего онъ просилъ меня не ходить къ Г. Е. Благосвѣтлову, аподождалъ-бы немногоихъ типографіи, имѣющей скоро открыться. Тутъ-же онъ далъ мнѣ нѣсколько порученій навести справки о цѣнахъ и составить смѣты стоимости заведенія и содержанія типографіи. Въ результатѣ нѣсколько моихъ дней труда, хлопотъ и потери рабочаго времени пропали даромъ, ибо, въ концѣ концовъ, оказалось, что N въ этомъ предпріятіи не былъ самостоятеленъ, съ компаніею-же я не сошелся въ условіяхъ и на этомъ водевиль нашъ кончился. Послѣ я узналъ, что вскорѣ и N устранился отъ этого предполагавшагося предпріятія; Ѳедоръ-же Михайловичъ и прежде еще предполагалъ принять въ немъ участіе лишь какъ заказчикъ.

Между тѣмъ обстоятельства такъ сложились, что потеря около недѣли времени не оказала вреднаго вліянія на мое искательство мѣста въ типографіи Г. Е. Благосвѣтлова; отчасти такъ было потому, что болѣзнь владѣльца типографіи осложнилась, отчасти потому, что несмотря на то, что Ѳедоръ Михайловичъ давно ужъ не знался „съ ними“, однако-жъ, отзывъ его обо мнѣ имѣлъ „у нихъ“ рѣшающее значеніе для того, чтобы остановить на мнѣ свой выборъ.

Меня ждали, и я, наконецъ, пошелъ въ помѣщеніе редакціи журнала „Дѣло“. Меня принялъ — теперь также уже покойный — Н. В. Шелгуновъ, главный сотрудникъ Г. Е. по редакціи журнала. Узнавъ съ кѣмъ имѣетъ дѣло, Николай Васильевичъ произнесъ со свойственною ему живостью.

— „Такъ это вы самый и есть господинъ Александровъ“.

— Я самый, отвѣчалъ я.

Засимъ Н. В. съ нескрываемымъ любопытствомъ, но въ то-же время и съ обычнымъ своимъ добродушнымъ видомъ принялся оглядывать меня съ головы до ногъ, какъ нѣкую диковину, такъ что я невольно улыбнулся, глядя ему въ лицо.

— „Вамъ смѣшно, что я васъ такъ подробно изслѣдую?“, проговорилъ Н. В. также съ улыбкою.

— Да!

— „Нельзя иначе; вѣдь я долженъ дать о васъ отчетъ Григорію Евлампьевичу, который поручилъ мнѣ переговорить съ вами“.

— Ну такъ какъ-же вы меня находите?

— „Да на меня вы тоже произвели хорошее впечатлѣніе... О васъ Ѳедоръ Михайловичъ Достоевскій очень хорошо отзывается“...

— Да, онъ меня довольно хорошо знаетъ... имѣлъ довольно долго со мною дѣла.

Затѣмъ онъ спросилъ меня объ условіяхъ, на которыхъ я желалъ-бы поступить въ ихъ типографію; я сказалъ. Обстоятельство, что я желалъ занять двѣ должности, какъ ихъ занималъ покойный А. А. Корольковъ, было препятствіемъ къ немедленному поступленію на одну изъ нихъ, именно метранпажа, поэтому, а главное опять-же по причинѣ болѣзни Г. Е., переговоры со мною прервались недѣли на три.

XXII.

До только-что описаннаго стеченія обстоятельствъ, я работалъ въ качествѣ метранпажа въ типографіи „Новаго Времени“, куда я поступилъ въ апрѣлѣ того-же 1880 года. Когда стало извѣстно, что Ѳедоръ Михайловичъ намѣренъ возобновить свой „Дневникъ Писателя“ съ января 1881 года, управляющій этою типографіею, А. И. Неупокоевъ, зная, что я хорошо знакомъ съ Ѳедоромъ Михайловичемъ, попросилъ меня побывать у него въ качествѣ агента типографіи и предложить ему услуги ея по печатанію его изданія. Въ виду того, что переговоры мои съ Благосвѣтловымъ, съ одной стороны, и съ N, съ другой, ни къ чему существенному не привели, мнѣ оставалось продолжать занятія на прежнемъ мѣстѣ; я согласился поэтому исполнить порученіе управляющаго и, взявъ съ собою смѣту типографіи, отправился къ Ѳедору Михайловичу.

Выслушавъ отъ меня предложеніе, Ѳедоръ Михайловичъ не сразу меня понялъ.

— „Да вѣдь вы, Михаилъ Александровичъ, кажется, хотѣли поступить въ типографію Благосвѣтлова; что-же, развѣ не поступили? Какъ вы очутились въ „Новомъ Времени?“

Я разсказалъ о своихъ недавнихъ перипетіяхъ и пояснилъ, что велъ ихъ, находясь въ типографіи „Новаго Времени“. Выслушавъ

мой разсказъ, онъ, съ оттѣнкомъ пренебрежительности въ тонѣ, сообщилъ мнѣ свои свѣдѣнія о судьбѣ пресловутаго проекта типографіи подъ фирмою N и К°, послѣ чего сталъ говорить со мною какъ съ представителемъ типографіи „Новаго Времени", предлагавшей ему свои услуги. Предложеніе имѣло успѣхъ; Ѳедоръ Михайловичъ принялъ его тѣмъ съ бо̀льшимъ удовольствіемъ, какъ онъ это высказалъ мнѣ, что вести изданіе его въ типографіи буду непремѣнно я.

Въ это-же самое свиданіе наше, совершенно случайно, Ѳедоръ Михайловичъ поручилъ мнѣ миссію, исполненіе которой произвело эпизодъ, не лишенный значенія въ исторіи нашей современной литературы. Случилось это слѣдующимъ образомъ.

Послѣ переговора по поводу предложенія услугъ типографіи „Новаго Времени", Ѳедоръ Михайловичъ продолжалъ бесѣдовать со мною объ этой типографіи и при этомъ спросилъ, какія въ то время изданія въ ней печатались; когда я, отвѣчая на этотъ вопросъ, сказалъ, что, между прочимъ, верстаю тамъ „Еженедѣльное Новое Время", въ которомъ въ то время печатался надѣлавшій въ свое время много шума романъ—теперь также уже покойнаго—Н. К. Лебедева „Содомъ", подъ его всегдашнимъ псевдонимомъ Н. Морского [1]), Ѳедоръ Михайловичъ сказалъ, обращаясь ко мнѣ и къ Аннѣ Григорьевнѣ:

— „А вы знаете, вѣдь это очень большой талантъ—этотъ Лебедевъ... Вотъ этотъ можетъ дѣйствительно создать что-нибудь. Его романы очень и очень недурны. Но у него есть нѣкоторыя не совсѣмъ хорошія стороны... очень немногое, впрочемъ; онъ легко можетъ исправиться; только самъ онъ, очевидно, этихъ недостатковъ не замѣчаетъ... Надо ему указать ихъ... Мнѣ очень хотѣлось-бы съ нимъ поговорить объ этомъ, я-бы сказалъ ему. Вообще я-бы могъ ему сказать кое-что полезное для него... Скажите-ка вы ему, Михаилъ Александровичъ, чтобъ онъ пришелъ ко мнѣ когда-нибудь; вѣдь вы, вѣроятно, видаетесь съ нимъ?"

— Нѣтъ, Ѳедоръ Михайловичъ, не видѣлся еще ни разу, но могу найти предлогъ увидѣться, такъ какъ имѣю съ нимъ кое-какія сношенія, то-есть получаю отъ него оригиналъ, посылаю ему корректуры, по поводу которыхъ возникаетъ иногда переписка.

---

[1]) Романъ этотъ первоначально начатъ былъ печатаніемъ въ фельетонахъ ежедневнаго „Новаго Времени", но послѣ двухъ или трехъ фельетоновъ онъ тамъ былъ прекращенъ; спустя-же нѣкоторое время онъ былъ цѣликомъ напечатанъ въ „Еженедѣльномъ Новомъ Времени". **М. А.**

— „Ну и прекрасно, найдите-же, Михаилъ Александровичъ, такой предлогъ, и когда вы съ нимъ увидитесь, скажите ему, пусть-ка онъ побываетъ у меня... если хочетъ... Скажите ему, что я хочу съ нимъ поговорить".

Я, разумѣется, съ удовольствіемъ принялъ на себя это лестное порученіе и, дня черезъ два, захвативъ съ собою корректуры, которыя, надо замѣтить, я могъ-бы попрежнему, безъ ущерба для дѣла, послать съ разсыльнымъ, отправился къ Н. К. Лебедеву, жившему тогда въ Графскомъ переулкѣ.

Николай Константиновичъ Лебедевъ произвелъ на меня впечатлѣніе человѣка серьезнаго, хорошо владѣющаго собою и чрезъ это кажущагося спокойнымъ. Какъ метранпажа журнала, въ которомъ печатается его произведеніе, онъ принялъ меня вѣжливо и во все продолженіе моего визита относился ко мнѣ предупредительно. Усадивъ меня противъ себя у круглаго стола, стоявшаго посреди комнаты, онъ спросилъ, курю-ли я, и, получивъ утвердительный отвѣтъ, положилъ передо мною папиросы и закурилъ папиросу самъ.

Когда разговоръ собственно о предметѣ, послужившемъ мнѣ предлогомъ для моего визита къ Николаю Константиновичу, довольно скоро истощился, такъ какъ говорить о немъ въ сущности было почти нечего, а я уходить еще мѣшкалъ и, чувствуя нѣкоторую неловкость своего положенія — все вслѣдствіе искусственности предлога для своего визита, искусственности, которую, мнѣ казалось, я плохо маскировалъ,—не успѣлъ еще оправиться, Николай Константиновичъ, вѣроятно, замѣтилъ это и деликатно выручилъ меня, наведя разговоръ, не помню, на какую-то банальную тему. Скоро, однако-жъ, я оправился и твердо приступилъ къ исполненію порученной мнѣ Өедоромъ Михайловичемъ миссіи, откровенно сказавъ Николаю Константиновичу, что для нея-то, главнымъ образомъ, я и пришелъ къ нему.

Выслушавъ меня, Николай Константиновичъ пріятно удивился, измѣнилъ при этомъ своему спокойному положенію и еще болѣе увеличилъ внимательность свою ко мнѣ. Онъ съ интересомъ разспрашивалъ меня о моихъ отношеніяхъ къ Өедору Михайловичу, вѣроятно, желая сдѣлать по нимъ оцѣнку приглашенію, получаемому чрезъ меня, и сообщеніями моими объ этомъ, очевидно, былъ удовлетворенъ, потому что въ заключеніе нашей бесѣды онъ нѣсколько разъ благодарилъ меня за передачу приглашенія, говорилъ, что оно для него очень пріятно и что онъ непремѣнно и вскорѣ воспользуется имъ. И дѣйствительно онъ не мѣшкалъ: не прошло послѣ описаннаго и трехъ мѣсяцевъ, какъ Өедора Михайловича не стало

въ живыхъ, а, между тѣмъ, онъ успѣлъ лично одобрить Николаю Константиновичу его произведенія, ободрить его на дальнѣйшую дѣятельность, дать ему полезные совѣты и высказать ему столь лестныя слова, что онъ, Ѳедоръ Михайловичъ Достоевскій, надѣется видѣть въ немъ своего прямаго преемника въ разработкѣ извѣстныхъ литературныхъ задачъ.

О только что разсказанномъ мною эпизодѣ упоминается въ краткой біографіи Н. К. Лебедева, напечатанной въ журналѣ „Нива“ (см. „Нива“ 1888 г., № 16, стр. 418). Между прочимъ тамъ есть мѣсто, на первый взглядъ противорѣчащее моему разсказу, каковое противорѣчіе я нахожу нужнымъ объяснить. На самомъ дѣлѣ противорѣчія никакого нѣтъ, и все произошло отъ крайней сжатости текста въ этомъ журналѣ. Дѣло въ томъ, что тамъ сказано, что Ѳ. М. Достоевскій пожелалъ познакомиться съ Н. К. Лебедевымъ, послѣ появленія романа послѣдняго „Аристократія гостиннаго двора“, но не говорится когда это знакомство состоялось. Дѣйствительно, высказывая мнѣ упомянутое желаніе въ то время, когда романа „Содомъ“ печаталась еще первая четверть, Ѳедоръ Михайловичъ, очевидно составилъ себѣ понятіе объ авторѣ его не по этому роману, а по предыдущимъ; послѣднимъ-же въ то время и наиболѣе крупнымъ изъ таковыхъ былъ именно романъ „Аристократія гостиннаго двора“.

XXIII.

Около недѣли спустя послѣ описаннаго эпизода, 7-го ноября 1880 г., послѣдовала кончина Г. Е. Благосвѣтлова, а еще съ небольшимъ недѣлю спустя я получилъ записку отъ вдовы его, Е. А. Благосвѣтловой, приглашавшей меня возобновить прерванные переговоры. Я принялъ приглашеніе и возобновленные переговоры на этотъ разъ привели къ положительнымъ результатамъ: несмотря на искусные торги новыхъ совѣтниковъ, окружившихъ вдову, мнѣ удалось отстоять всѣ заявленные мною прежде пункты условій; вдовѣ-наслѣдницѣ въ этомъ случаѣ пришлось уступить членамъ редакціи, старымъ совѣтникамъ покойнаго мужа, Н. В. Шелгунову, Н. Ѳ. Бажину и К. М. Станюковичу, остановившимъ на мнѣ свой выборъ изъ многихъ кандидатовъ, главнымъ образомъ, конечно, вслѣдствіе вышеупомянутой письменной рекомендаціи, данной мнѣ Ѳедоромъ Михайловичемъ, и я, 1-го декабря 1880 года, занялъ вакантное мѣсто премьера въ типографіи весьма солиднаго въ то время журнала „Дѣло“.

Спустя послѣ этого еще съ недѣлю времени, я пошелъ къ Ѳедору Михайловичу сообщить ему о своемъ перемѣщеніи и еще разъ поблагодарить его за рекомендацію. Когда я пришелъ, Ѳедора Михайловича не было дома, но принявшая меня Анна Григорьевна сказала, что онъ скоро будетъ домой, такъ какъ вышелъ лишь на прогулку. Въ ожиданіи его, мы побесѣдовали объ общественныхъ успѣхахъ Ѳедора Михайловича, причемъ я полюбовался нѣсколькими лавровыми вѣнками, поднесенными ему публикою на послѣднихъ литературныхъ вечерахъ, дававшихся въ Петербургѣ въ память Пушкина, въ устройствѣ которыхъ онъ принималъ самое живое участіе... Между тѣмъ вернулся домой Ѳедоръ Михайловичъ; онъ былъ ужасно утомленъ и, можетъ быть именно отъ этого, очевидно не въ духѣ. Когда онъ успокоился и обратился ко мнѣ, я сдѣлалъ свое сообщеніе, высказалъ ему свою благодарность и выразилъ свою готовность послужить ему теперь уже въ качествѣ типографщика болѣе самостоятельнаго, чѣмъ только метранпажъ, какимъ я служилъ ему прежде, то-есть предложилъ ему свои услуги по печатанію его изданій. Послѣднее я сдѣлалъ изъ простаго чувства вѣжливости, ибо на успѣхъ предложенія я не разсчитывалъ, зная какъ мало было на это шансовъ, и все-таки отвѣтъ его поразилъ меня. Онъ сказалъ слѣдующее:

— „Нѣтъ, ужъ я-то къ нимъ не пойду! Да и васъ не поздравляю съ поступленіемъ туда!..“

Можно себѣ представить, какое впечатлѣніе должны были произвести на меня эти слова человѣка, котораго я считалъ по меньшей мѣрѣ проницательнымъ! Присутствовавшая при этомъ Анна Григорьевна проявила ко мнѣ живое участіе; она нѣсколько разъ повторила, что Ѳедоръ Михайловичъ выразился черезчуръ сильно, говорила, что мое дѣло совсѣмъ другое и что поэтому пугать меня не слѣдуетъ.

Оправившись отъ перваго впечатлѣнія приведенныхъ словъ, я спросилъ Ѳедора Михайловича о причинѣ его предубѣжденія и въ отвѣтъ на это услышалъ слѣдующее:

— „Прежде я имѣлъ съ ними дѣло... давно ужъ... заплатилъ имъ неустойку—и, Богъ съ ними, больше имѣть съ ними никакого дѣла не хочу!..“

— Но, вѣдь, прежнее кончилось, Ѳедоръ Михайловичъ, возразилъ я, теперь тамъ другіе люди и потому все должно пойти по другому.

— „Вы думаете? добродушно уже и съ улыбкою возразилъ Ѳедоръ Михайловичъ, а я такъ думаю, что ничего не кончилось, и никакихъ другихъ людей нѣтъ, все по старому останется“.

Озадаченный такимъ категорическимъ заявленіемъ Өедора Михайловича, я не возражалъ ему болѣе.

— „Ну, а однако-жъ, какъ-же тамъ-то, въ „Новомъ-то Времени“ безъ васъ-то я буду? спросилъ Өедоръ Михайловичъ послѣ коротенькой паузы. Какъ вы думаете, можно мнѣ будетъ тамъ печатать свой „Дневникъ“-то?“

Я отвѣтилъ на это утвердительно, сказавъ, что на этотъ счетъ онъ можетъ быть вполнѣ спокоенъ, такъ какъ типографія эта во всѣхъ отношеніяхъ хорошая и знающихъ свое дѣло людей тамъ довольно.

— „Да знающіе-то люди, безъ сомнѣнія, есть; но я не про то; я васъ спрашиваю о томъ, каковы тамъ люди-то вообще?“

— „И людей хорошихъ довольно, такъ что и на этотъ счетъ можете быть покойны“.

— „Вотъ это самое главное... Вамъ извѣстно, кто тамъ будетъ вести мой „Дневникъ“?“

На этотъ счетъ я также успокоилъ Өедора Михайловича, такъ какъ еще раньше, уходя изъ типографіи „Новаго Времени“, высказалъ управляющему свои соображенія о томъ, что̀ нужно для того, чтобы Өедоръ Михайловичъ остался типографіею доволенъ.

Послѣ этого мы разстались съ Өедоромъ Михайловичемъ.

Прощаясь со мною въ этотъ разъ, Анна Григорьевна вернулась къ давешнимъ сильнымъ словамъ Өедора Михайловича и опять старалась смягчить ихъ, говоря, что мои отношенія существенно разнятся отъ отношеній, бывшихъ у Өедора Михайловича съ Благосвѣтловымъ. Однако-жъ, къ тому, что я и самъ зналъ, поступая на новое мѣсто, то есть, что я, хотя и косвенно, и пассивно, все-же буду принадлежать къ лигѣ считавшихся неблагонадежными, сложилъ въ сердцѣ своемъ и сказанное мнѣ Өедоромъ Михайловичемъ, и потому рѣшился быть особенно осторожнымъ; но я долгомъ считаю добавить къ этому, что скоро убѣдился въ необходимости принятаго рѣшенія только относительно нѣкоторыхъ новыхъ совѣтниковъ своей хозяйки, что-же касается до отношеній моихъ къ упомянутому мною выше тріумвирату литераторовъ, составлявшихъ редакцію журнала „Дѣло“, подъ главенствомъ Н. В. Шелгунова, ставшаго вскорѣ послѣ смерти Благосвѣтлова отвѣтственнымъ редакторомъ, то принятыя мною предосторожности оказались ненужными, такъ какъ всѣ они были прекрасные люди, такъ что изъ общенія съ ними, я вынесъ одни только добрыя воспоминанія.

XXIV.

Только-что описанное свиданіе мое съ Ѳедоромъ Михайловичемъ было послѣднимъ... 26-го января 1881 г. я видѣлся съ метранпажемъ, верставшимъ возобновившійся „Дневникъ Писателя“ и отъ него узналъ, что Ѳедоръ Михайловичъ боленъ; на разспросы мои о степени болѣзни, а также о ходѣ дѣла, онъ разсказалъ мнѣ, что, когда онъ за день до того, былъ у Ѳедора Михайловича, то тотъ принялъ его, лежа въ постели... „Ну, что скажете, баринъ?“, спросилъ Ѳедоръ Михайловичъ, прозвавшій въ шутку своего новаго метранпажа „бариномъ“ и не оставлявшій этой шутки на одрѣ болѣзни.

Метранпажъ отвѣтилъ, что пришелъ переговорить о заключеніи 1-го выпуска „Дневника Писателя“, въ виду приближавшагося срока выхода его въ свѣтъ.

— „А я вотъ заболѣлъ... видите...“

— Вижу, Ѳедоръ Михайловичъ... Что-же съ вами случилось?

— „У меня кровь изъ горла идетъ; докторъ говоритъ, что у меня гдѣ-то внутри жилка порвалась, и изъ нея-то течетъ кровь... ужъ двѣ рюмки, говорятъ, вытекло“.

Послѣ я узналъ, что заболѣлъ Ѳедоръ Михайловичъ 26-го января отъ разрыва артерій въ легкихъ, вслѣдствіе чего открылось кровотеченіе горломъ, — болѣзнь не особенно опасная для организма болѣе крѣпкаго и менѣе нервнаго; на другой день онъ исповѣдался и причастился и, почувствовавъ значительное облегченіе, между прочимъ, занимался чтеніемъ корректуръ 1-го выпуска своего „Дневника“, долженствовавшаго выйти въ свѣтъ попрежнему въ послѣднее число оканчивавшагося мѣсяца; но увидѣть этотъ выпускъ начисто отпечатаннымъ ему было не суждено: 28-го января положеніе его ухудшилось, и въ тотъ-же день онъ тихо, постепенно слабѣя отъ истеченія крови, скончался...

Вмѣстѣ съ любезными мнѣ воспоминаніями о личности незабвеннаго писателя, котораго я привыкъ уважать съ перваго дня знакомства, запечатлѣлись въ памяти моей и послѣдовавшія затѣмъ знаменательныя событія, связанныя съ его кончиною.

...Вокругъ праха писателя произошло необычайное движеніе образованнаго русскаго общества, во главѣ котораго сталъ тогдашній министръ внутреннихъ дѣлъ графъ М. Т. Лорисъ-Меликовъ, по представленію котораго нынѣ въ Бозѣ почивающій императоръ Александръ Николаевичъ поспѣшилъ между прочимъ, утѣшить

осиротѣвшую семью прославившаго свое отечество писателя, лишившуюся своего кормильца, обезпеченіемъ матеріальнаго существованія ея чрезъ назначеніе ей пожизненной пенсіи изъ государственныхъ средствъ. Великіе князья, министры и масса иныхъ высокопоставленныхъ лицъ пріѣзжали поклониться праху мыслителя, много пострадавшаго въ своей жизни, и тутъ, возлѣ его гроба, смѣшивались съ разношерстною толпою еще, конечно, болѣе многочисленныхъ простыхъ смертныхъ почитателей его... Провинція принимала участіе въ выраженіи соболѣзнованія къ большой утратѣ присылкою множества телеграммъ.

Никогда Кузнечный переулокъ, гдѣ находилась квартира почившаго, не видалъ у себя столь блестящихъ съѣздовъ и вообще такого многолюдства, какъ въ эти дни! Квартира эта сдѣлалась общественнымъ достояніемъ и съ утра и до поздней ночи не затворялась.

На другой день по кончинѣ Ѳ. М., утромъ, знаменитый нашъ портретистъ, нынѣ также покойный, И. И. Крамской, нарисовалъ карандашемъ большой портретъ съ почившаго; прекрасный портретъ этотъ въ тотъ-же день былъ выставленъ на устроенномъ въ память Пушкина, по случаю 44-й годовщины его смерти, литературномъ вечерѣ, въ которомъ Ѳедоръ Михайловичъ, при жизни, по обыкновенію, обѣщалъ участвовать; затѣмъ онъ поступилъ въ собственность Анны Григорьевны Достоевской [1]).

Небольшая плеяда нашихъ лучшихъ писателей составила изъ себя комитетъ распорядителей похоронъ, съ Д. В. Григоровичемъ во главѣ, который и принялъ на себя всѣ хлопоты по этому предмету, освободивъ отъ нихъ разстроенную вдову покойнаго.

31-го января вышелъ въ свѣтъ „Дневникъ Писателя" и въ тотъ-же день былъ весь распроданъ. На другой день появилось второе изданіе его, съ траурною рамкою вокругъ первой страницы.

Всѣ почитатели Ѳедора Михайловича, приходившіе поклониться его праху, получали на память листки средняго книжнаго формата, на которыхъ, въ густой траурной рамкѣ, воспроизведено было литографіею факсимиле писателя: „Ѳедоръ Достоевскій".

1-го февраля 1881 г. Петербургъ былъ свидѣтелемъ необычайнаго похороннаго шествія съ останками писателя—частнаго человѣка проводить котораго въ послѣднее жилище—на кладбище

---

[1]) Превосходная фототипія съ этого портрета помѣщена во второмъ изданіи „Полнаго собранія сочиненій Ѳ. М. Достоевскаго". **М. А.**

Александро-Невской лавры—собралась болѣе чѣмъ десятитысячная толпа интеллигентнаго люда всѣхъ слоевъ общества. Нѣсколько десятковъ депутацій отъ разныхъ учрежденій, петербургскихъ и иногородныхъ, съ колоссальными вѣнками, прикрѣпленными къ шестамъ, были разставлены впереди печальнаго кортежа; онѣ заняли собою болѣе полуверсты протяженія. Затѣмъ слѣдовали пѣвчіе и духовенство, за которыми должна была слѣдовать колесница съ гробомъ; но гробъ съ тѣломъ Ѳедора Михайловича совсѣмъ не пришлось ставить на колесницу, такъ что она ѣхала позади, гробъ-же всю дорогу несли на плечахъ почитатели его, во множествѣ тѣснившіеся вокругъ и наперерывъ добивавшіеся смѣнить кого-либо изъ утомившихся доброхотныхъ носильщиковъ, состоявшихъ также изъ представителей всѣхъ классовъ общества. Этой чести удостоился и я... одновременно со мною, въ числѣ носильщиковъ, я встрѣтилъ П. В. Быкова, извѣстнаго поэта, въ то время состоявшаго еще отвѣтственнымъ редакторомъ журнала „Дѣло", съ которымъ обмѣнялись нѣсколькими замѣчаніями по поводу совершавшагося... Въ числѣ несшихъ гробъ долго видѣлъ я князя В. П. Мещерскаго. За колесницею шло множество частныхъ лицъ и воспитанниковъ и воспитанницъ среднихъ учебныхъ заведеній. Шествіе, по обыкновенію, замыкалось вереницею пустыхъ каретъ, такъ что все оно растянулось болѣе чѣмъ на версту. Простой людъ, останавливавшійся полюбоваться на эту грандіозную картину, разумѣется, прежде всего освѣдомлялся о томъ, кого хоронятъ, и съ удивленіемъ узнавалъ, что то былъ не генералъ или иной большой начальникъ, не знатный вельможа, а всего только писатель, т. е. сочинитель нѣсколькихъ книгъ.

„Стало быть, книги-то хороши сочинилъ?" заключалъ свои разспросы, уяснившій, наконецъ, себѣ простолюдинъ, что̀ такое писатель, сочинитель.

— „Стало быть такъ!" заключалъ объяснявшій.

Съ каждымъ шагомъ процессіи по направленію къ лаврѣ, толпа, сопровождавшая ее, становилась многолюднѣе. Во всѣхъ высшихъ и въ большинствѣ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ были прекращены уроки и собравшіеся на нихъ студенты и воспитанники колоннами направлялись къ Невскому проспекту и примыкали къ процессіи. Въ продолженіе всего пути, въ группахъ студентовъ, примкнувшихъ къ своимъ оффиціальнымъ депутаціямъ, раздавалось стройное пѣніе „Святый Боже".

Нѣкоторыя учебныя заведенія, находившіяся неподалеку отъ пути слѣдованія процессіи, не прекращая уроковъ на весь день, выходили на Невскій проспектъ въ полномъ составѣ своемъ, съ

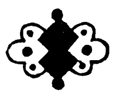
преподавателями или преподавательницами, чтобы встрѣтить, поклониться и проводить глазами останки „великаго учителя“ [1]). Къ числу такихъ учебныхъ заведеній принадлежало и то, гдѣ училась моя дочь, о которой я однажды упоминалъ здѣсь... Теперь она была предметомъ общаго вниманія прогимназіи, случайно въ этотъ день узнавшей отъ нея, что она бывала въ семействѣ Ѳ. М. Достоевскаго.

Между тѣмъ процессія подвигалась очень медленно и лишь около 2-хъ часовъ дня достигла мѣста назначенія. Перенесенныя такимъ образомъ останки Ѳ. М. Достоевскаго были поставлены въ церкви Св. Духа, самое-же погребеніе состоялось 2-го февраля.

Отправляясь на другой день на погребеніе, я принужденъ былъ взять съ собою и свою маленькую дочку, упросившую меня объ этомъ. Не предвидя этого, я запасся всего однимъ билетомъ для входа въ церковь и вслѣдствіе этого встрѣтилъ нѣкоторыя затрудненія относительно пропуска малютки туда; дѣвочка готова была заплакать отъ неудачи, какъ, на наше счастье, къ этой сценѣ подошелъ Д. В. Григоровичъ и, узнавъ въ чемъ дѣло, приказалъ пропустить насъ, замѣтивъ мнѣ только, что мнѣ трудно будетъ охранять ребенка отъ тѣсноты. Въ церкви было очень многолюдно, однако, особенныхъ затрудненій намъ не представилось, благодаря, разумѣется, самой публикѣ, соблюдавшей строгій порядокъ и благопристойность. За то, когда послѣдовалъ выносъ тѣла изъ церкви на кладбище и публика съ билетами смѣшалась съ публикою безъ билетовъ, предостереженіе оказалось вполнѣ основательнымъ, и мнѣ, съ рискомъ остаться вдали отъ центра, оставалось только защищать свою малютку отъ ринувшейся и заметавшейся въ разныя стороны толпы. Однако-жъ, по какой-то счастливой случайности, мы очутились въ такой близости отъ могилы, что слышали довольно отчетливо почти все, что надъ нею говорилось...

Наступали сумерки, когда мы уходили изъ лавры, а возлѣ свѣжей могилы Ѳ. М. Достоевскаго оставалось еще очень много почитателей его, раздѣлившихся на группы и, одни тихо, раздумчиво, другіе горячо и шумно, бесѣдовавшихъ о незамѣнимой утратѣ...

М. А. Александровъ.



---

[1]) Одна изъ многихъ надписей на огромныхъ вѣнкахъ, несомыхъ впереди процессіи. М. А.

А. Г. Достоевская—къ М. А. Александрову.

16-го ноября 1891 г.

Съ истиннымъ удовольствіемъ прочла я вашу статью, глубокоуважаемый Михаилъ Александровичъ. Она мнѣ живо напомнила старое, незабвенное время. По моему мнѣнію, вы въ вашемъ произведеніи чрезвычайно мѣтко схватили всѣ характерныя черты покойнаго Ѳедора Михайловича и обрисовали его такимъ, какимъ онъ былъ въ домашней, повседневной жизни. Эта сторона мало кому извѣстна, кромѣ близкихъ къ нему людей, къ которымъ несомнѣнно принадлежали и вы. Очень-бы желалось, чтобъ вы нашли возможность напечатать вашу статью.

Простите, что такъ долго не возвращала рукопись; все хворала и думала, что, поправившись, приду лично передать мои впечатлѣнія.

Искренно вамъ преданная и уважающая **А. Достоевская.**

ВСЕВОЛОДЪ ПОРФИРЬЕВИЧЪ КОХОВСКІЙ

какъ директоръ Педагогическаго Музея воен.-учебн. заведеній.

Род. въ С.-Петербургѣ 2-го марта 1835 г., † 1-го іюня 1891 г.

Историко-педагогическій очеркъ.

I.

Россія представляетъ собою счастливую страну, въ которой военные люди не только стяжали себѣ всемірную славу на ратномъ полѣ, но многіе изъ нихъ оказали несомнѣнную услугу своему отечеству на поприщахъ—административномъ, литературномъ, врачебномъ, педагогическомъ и др. Нѣкоторымъ педагогамъ, носящимъ военный мундиръ, выпадала нерѣдко на долю выдающаяся, передовая роль въ общественно-педагогическомъ дѣлѣ. Къ категоріи послѣднихъ принадлежитъ и директоръ педагогическаго музея военно-учебныхъ заведеній, генералъ-лейтенантъ В. П. Коховскій, скончавшійся 1-го іюня настоящаго 1891 г. послѣ продолжительной и тяжкой болѣзни, отъ рака въ печени.

Покойный родился 2-го марта 1835 г., слѣдовательно умеръ далеко не въ старыхъ годахъ, всего 56 лѣтъ. Получивъ первоначальное образованіе въ Дворянскомъ полку, давшемъ Россіи не мало полезныхъ дѣятелей, В. П. Коховскій 18-ти лѣтъ былъ выпущенъ офицеромъ въ лейбъ-гвардіи Финляндскій полкъ, какъ

разъ въ разгаръ восточной войны 1853—1856 гг. Со своимъ полкомъ В. П. командовалъ ротою подъ Силистріею и за боевыя заслуги получилъ первый орденъ Анны 4-ой степени. Этимъ собственно и заканчивается боевая дѣятельность молодаго офицера. Вскорѣ послѣ войны онъ поступаетъ въ Николаевскую академію Генеральнаго Штаба, въ которой оканчиваетъ курсъ по первому разряду и, не смотря на предстоявшую блестящую военную карьеру, всецѣло отдается скромному учебно-воспитательному поприщу, которому неизмѣнно служитъ съ 1863 г., т. е. 28 лѣтъ. Въ теченіе двухъ лѣтъ В. П. былъ воспитателемъ въ Павловскомъ Кадетскомъ корпусѣ, гдѣ и были замѣчены недюжинныя способности молодаго воспитателя-офицера тогдашнимъ начальникомъ военно-учебныхъ заведеній генералъ-адъютантомъ Н. В. Исаковымъ, который всегда умѣлъ такъ цѣнить въ офицерѣ серьезное образованіе, соединенное съ горячею преданностью учебно-воспитательному дѣлу. Вотъ почему, въ 1865 г., будучи еще только 30 лѣтъ, В. П. назначается уже начальникомъ Учебнаго отдѣленія Главнаго Управленія Военно-учебныхъ заведеній, принимая съ этого времени участіе въ сложныхъ работахъ управленія, по установленію учебной и воспитательной части въ военныхъ заведеніяхъ, которыя въ то время подвергались радикальному преобразованію: корпуса замѣнялись военными гимназіями, для довершенія средняго образованія создавались военныя училища, возникали низшія военныя школы, для образованія педагогически-приготовленныхъ учителей основывались высшіе педагогическіе курсы въ Петербургѣ при 2-ой военной гимназіи, учительская семинарія военнаго вѣдомства въ Москвѣ; сталъ издаваться отдѣльный педагогическій органъ для военно-учебныхъ заведеній „Педагогическій Сборникъ". Тогда-то понадобилось учрежденіе центральной педагогической библіотеки, которая и составила зерно будущаго педагогическаго музея. Съ назначеніемъ въ 1876 г. В. П. предсѣдателемъ экзаменаціонной комиссіи, сфера его дѣятельности еще болѣе расширяется: онъ присутствуетъ на испытаніи лицъ, заявившихъ желаніе быть преподавателями военно-учебныхъ заведеній, многократно получалъ особыя порученія по инспектированію заведеній, по составленію инструкцій и разработкѣ разныхъ практическихъ вопросовъ, вызываемыхъ внутреннею жизнью заведеній.

Но главная заслуга В. П. Коховскаго какъ общественнаго, педагогическаго дѣятеля заключается въ его энергической и неустанной работѣ на пользу, расширеніе и процвѣтаніе педагогическаго музея, которому онъ всецѣло служилъ то въ качествѣ предсѣдателя совѣта музея, съ 1870 г., то какъ его директоръ, съ 1889 г. Въ высшей степени поучительная исторія педагогическаго музея, этого знаменитаго и солиднаго педагогическаго учрежденія, которымъ по справедливости можетъ гордиться Россія, этой „Народной академіи", извѣстной каждому петербуржцу подъ именемъ „Соляного городка", стоитъ быть занесенной на страницы „Русской Старины" на ряду съ именемъ главнаго его дѣятеля.

II.

Педагогическій музей учрежденъ въ Петербургѣ 9-го февраля 1864 года, по мысли бывшаго въ то время главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній, генералъ-адъютанта Николая Васильевича Исакова, нынѣ также уже скончавшагося.

Учрежденіе музея было вызвано признанною необходимостью знакомить заново преобразованныя военно-учебныя заведенія съ современными учебными пособіями, существовавшими у насъ и заграницею, и тѣмъ облегчить имъ выборъ пособій, столь необходимыхъ для болѣе успѣшнаго прохожденія курса по общеобразовательнымъ предметамъ и болѣе легкаго и прочнаго усвоенія сообщаемыхъ знаній дѣтьми, преимущественно младшаго возраста.

Музей началъ свою дѣятельность съ собиранія коллекцій образцовъ учебныхъ и воспитательныхъ пособій. Въ виду того, что въ Россіи въ то время почти вовсе не существовало производствъ этого рода пособій, музей долженъ былъ искать ихъ за-границею. Первыя свои коллекціи онъ и пріобрѣлъ, главнымъ образомъ, въ Германіи и Англіи и отчасти во Франціи и Италіи. Пріобрѣтенныя коллекціи были тогда-же помѣщены въ нижнемъ этажѣ небольшаго зданія на Васильевскомъ островѣ [1]), гдѣ для музея было отведено пространство въ 18 кв. саженей.

---

[1]) Зданіе бывшей типографіи военно-учебныхъ заведеній, Университетская набережная, рядомъ съ зданіемъ перваго кадетскаго корпуса.

Въ 1866 году на этомъ небольшомъ пространствѣ было собрано довольно значительное количество образцовъ пособій, главнымъ образомъ, по начальному воспитанію и обученію. Тогда-же по распоряженію генералъ-адъютанта Исакова въ помѣщеніи музея и учрежденной одновременно съ нимъ педагогической библіотекѣ, съ цѣлью педагогическаго самообразованія преподавателей военно-учебныхъ заведеній, была организована выставка учебныхъ и воспитательныхъ пособій, сопровождавшаяся изданіемъ каталога и объясненіемъ значенія и употребленія выставленныхъ предметовъ.

Собираніе коллекцій, выборъ книгъ для педагогической библіотеки и устройство самой выставки было поручено Н. В. Исаковымъ тогдашнему директору 2-й военной гимназіи Гр. Гр. Даниловичу, занявшему впослѣдствіи высокійпостъ воспитателя государя наслѣдника Николая Александровича, редактору „Педагогическаго Сборника“ Н. Х. Весселю и руководителямъ педагогическихъ курсовъ при той-же гимназіи: К. К. Сентъ-Илеру, В. А. Евтушевскому († 1889), И. Ѳ. Рашевскому, Л. Н. Модзалевскому и пишущему эти строки. Тѣ-же лица давали объясненія и посѣщавшимъ выставку. Не малую долю участія принималъ въ первыхъ шагахъ музея и В. П. Коховскій, какъ начальникъ учебнаго отдѣленія, но онъ только сначала скромно прислушивался, присматривался и учился у тѣхъ педагоговъ, которые вынесли новые педагогическіе взгляды изъ своихъ заграничныхъ командировокъ, высочайше имъ разрѣшенныхъ по ходатайству того-же Н. В. Исакова.

Выставка эта, имѣвшая значеніе первой педагогической выставки въ Россіи, дала осязательные и утѣшительные результаты. Она возбудила въ средѣ педагоговъ стремленіе къ улучшенію методовъ преподаванія и введенію въ начальное обученіе принципа наглядности. Но та-же выставка показала, однако, что для осуществленія сознанной потребности, русская школа имѣла мало матеріальныхъ средствъ. Выставленныя пособія были крайне дороги, а потому были или вовсе недоступны, или малодоступны школѣ, что объяснялось или ихъ заграничнымъ производствомъ, или-же ошибочнымъ разсчетомъ въ назначеніи высокихъ цѣнъ тѣми немногими отечественными производителями, какіе въ то время существовали. Тогда-то музей и пришелъ къ

мысли: „возбудить въ Россіи производство необходимыхъ русской школѣ пособій и удешевить ихъ стоимость настолько, чтобы ими могли пользоваться и небогатыя средствами школы“. Эта задача и была всецѣло возложена на учрежденную Исаковымъ въ 1870 году „постоянную комиссію педагогическаго музея“. Во главѣ молодаго учрежденія былъ поставленъ В. П. Коховскій, который съ того времени и стоновится душою, вдохновителемъ и завершителемъ развитія все болѣе и болѣе усложняющихся задачъ музея.

Въ томъ-же 1870 г. въ зданіяхъ такъ называемаго „Солянаго городка“ открылась Петербургская мануфактурная выставка. Музей занялъ въ ней почетное мѣсто, а по закрытіи выставки въ 1871 году и совершенно переселился въ „Соляной городокъ“, гдѣ для помѣщенія обширныхъ его коллекцій потребовалось уже пространство въ 186 кв. саж., не считая при этомъ ни аудиторіи, ни подвальнаго этажа, ни фотографическаго павильона. Воспользовавшись своимъ участіемъ на упомянутой выставкѣ, музей нашелъ возможность дѣлать непосредственные заказы учебныхъ пособій по избраннымъ образцамъ различнымъ мастерскимъ, даже тюремнымъ и мастеровымъ, пріисканными комиссіею какъ въ Петербургѣ, такъ и въ одномъ изъ центровъ кустарнаго производства. Этимъ способомъ удалось вызвать цѣлый рядъ производствъ русскихъ учебныхъ пособій и успѣть путемъ конкуренціи значительно понизить цѣны на эти пособія. Достигнутый въ этихъ отношеніяхъ успѣхъ сказался на всероссійской политехнической выставкѣ 1872 г. въ Москвѣ. На этой выставкѣ педагогическій музей занялъ своими коллекціями пространство въ 100 кв. саж., члены педагогической комиссіи читали популярныя лекціи сотнямъ собравшихся въ Москвѣ народныхъ учителей и учительницъ о лучшихъ способахъ элементарнаго обученія, знакомили съ наиболѣе пригодными для этой цѣли учебниками, производили демонстраціи на коллекціяхъ музея. Учителя разнесли свѣтъ новаго обученія по Россіи, а по отчету того времени на выставкѣ обнаружилось, что „среднія учебныя заведенія, которыя до 1870 г. должны были затрачивать на пріобрѣтеніе въ извѣстномъ выборѣ пособій по математикѣ, естественной исторіи, физикѣ, космографіи, рисованію и музыкѣ 3,675 рублей, тѣ-же пособія въ 1872 г. могли пріобрѣсти за

1,350 р., т. е. почти за треть прежней ихъ цѣны. Спросъ на пособія чрезвычайно возросъ. Ихъ начали пріобрѣтать даже начальныя школы и семьи. Во всѣхъ большихъ центрахъ Россіи явились учебныя мастерскія, производившія дешевыя пособія. Первая задача музея—распространеніе въ школѣ, семьѣ и обществѣ лучшихъ способовъ обученія и воспитанія и производство доступныхъ каждому наглядныхъ пособій—блестяще достигнута, что и сказалось особенно рельефно на всемірной выставкѣ 1878 г. въ Парижѣ. Россія, участвуя на этой выставкѣ, представила столь полный и систематическій подборъ пособій по обученію и воспитанію и, притомъ, стоявшій по цѣнамъ внѣ всякой конкуренціи, какого не могло представить ни одно изъ чужеземныхъ государствъ. Фактъ этотъ засвидѣтельствованъ и заграничною печатью и французскимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія. Съ 1878 г. для русскихъ учебныхъ производствъ открылся впервые западный рынокъ. Должно еще прибавить, что въ теченіе перзаго 25-лѣтія своего существованія и самъ музей устроилъ семь выставокъ и принималъ участіе во всѣхъ международныхъ выставкахъ, въ 1875 г., на международномъ географическомъ конгрессѣ въ Парижѣ, а также выставкахъ въ Брюсселѣ въ 1876 и 1880 гг., Лондонѣ въ 1876 г., Филадельфіи въ 1876 г., Парижѣ въ 1878 г. и Венеціи въ 1881 г. И вездѣ было поддержано единогласное вотированіе парижскаго географическаго конгресса: „чтобы во всѣхъ цивилизованныхъ государствахъ были устроены педагогическіе музеи, по образцу русскаго педагогическаго музея военно-учебныхъ заведеній“. Такое столь лестное для Россіи постановленіе парижскаго конгресса не осталось безрезультатнымъ. Педагогическіе музеи были учреждены: въ Амстердамѣ, Бернѣ, Брюсселѣ, Вашингтонѣ, Генуѣ, Палермо, Парижѣ, Римѣ, Токіо, Филадельфіи, Цюрихѣ. Учреждаются они и въ Россіи, вслѣдствіе очевидной недостаточности одного музея для обширнѣйшаго государства въ мірѣ. Надо-ли прибавлять, что главнымъ двигателемъ такой плодотворной дѣятельности музея по разсматриваемому вопросу былъ В. П. Коховскій, что онъ вездѣ былъ достойнымъ представителемъ Россіи, что со всѣми учредителями педагогическихъ музеевъ у насъ и заграницею онъ находился въ постоянной перепискѣ!

— „Въ этотъ первый періодъ существованія музея, разсказывалъ В. П., я очень часто являлся къ генералъ-адъютанту Исакову рано утромъ, когда онъ совершалъ обычную прогулку пѣшкомъ по невскимъ набережнымъ“. Предметомъ бесѣдъ во время прогулокъ былъ, именно, педагогическій музей, о развитіи, укрѣпленіи и преуспѣяніи котораго одинаково горячо заботились и Н. В. Исаковъ, и В. П. Коховскій.

III.

Не задолго до закрытія „С.-Петербургскаго педагогическаго общества“,—единственнаго мѣста общенія взглядовъ столичныхъ и провинціальныхъ педагоговъ, В. П. Коховскій, всегда чутко относившійся къ вопросамъ дня, касавшимся педагогическаго дѣла въ Россіи вообще, исходатайствовалъ у военнаго вѣдомства разрѣшеніе на устройство въ Соляномъ городкѣ, подъ его-же предсѣдательствомъ, собранія преподавателей. Такъ образовались съ 1874 г. „Собранія преподавателей по предметамъ обученія“ и „Общепедагогическая секція“, въ составъ которой вошли законоучителя, воспитатели, преподаватели и врачи, для обсужденія вопросовъ, требующихъ выясненія мнѣній различныхъ спеціальностей. На этихъ собраніяхъ предоставлена была участвующимъ спеціалистамъ свобода обмѣниваться взаимно педагогическими мнѣніями, наблюденіями, опытомъ, сообща знакомиться съ текущею педагогическою литературою и обсуждать общіе теоретическіе и практическіе вопросы по преподаванію, воспитанію и школьной гигіенѣ, нисколько не касаясь при этомъ постановки дѣла ни въ правительственныхъ, ни въ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ и школахъ, дабы не вызвать на собранія никакихъ нареканій, недоразумѣній, бывшихъ причиною закрытія С.-Петербургскаго педагогическаго общества въ 1879 г. Съ 1881 г. собранія эти получили значеніе спеціальныхъ отдѣловъ учебно-воспитательнаго комитета музея, замѣнившаго собою, вмѣстѣ съ хозяйственнымъ комитетомъ, прежнюю постоянную комиссію музея. Въ упомянутыхъ отдѣлахъ, насчитывающихъ у себя нынѣ болѣе 400 членовъ, обсуждаются ежегодно до 200 докладовъ и сообщеній. Одинъ изъ этихъ отдѣловъ, между

прочимъ, выработалъ, по распоряженію военнаго министра, учебникъ грамоты для молодыхъ солдатъ, изданный педагогическимъ музеемъ безъ всякихъ правительственныхъ ассигнованій. Другой отдѣлъ путемъ докладовъ, преній и изслѣдованій обстоятельно разработалъ вопросъ о санитарномъ значеніи всѣхъ родовъ фильтровъ. Такимъ образомъ, и вторая задача, принятая на себя музеемъ, — быть мѣстомъ общенія врачей и педагоговъ всѣхъ родовъ учебныхъ заведеній, получила при покойномъ В. П. Коховскомъ достаточно широкое развитіе. „Какъ предсѣдатель, пишетъ въ своей статьѣ Г. Исаевъ, В. П. обладалъ въ высшей степени качествами превосходнаго руководителя. Искусное формулированіе предлагаемыхъ вопросовъ, спокойное выслушиваніе самыхъ разнообразныхъ мнѣній, необыкновенно деликатное отстраненіе тѣхъ частностей вопроса или предложенія, которыя могли только мѣшать успѣшному развитію дѣла,—всѣ эти качества соединялись въ лицѣ В. П. и дѣлали его душою всякаго собранія, всякаго дѣла. Сильное впечатлѣніе производили его обширная опытность и не менѣе обширная память, которая удерживала все, что могло послужить на пользу его дѣтища—педагогическаго музея. Какой-бы ни предлагался вопросъ, В. П. предсказывалъ его дальнѣйшее теченіе и исходъ и основывалъ свои предсказанія на цѣломъ рядѣ внимательно наблюденныхъ прецендентовъ... Будущее показывало, что онъ былъ правъ“...

Музею принадлежитъ также починъ въ дѣлѣ устройства народныхъ чтеній, съ помощью волшебнаго фонаря и туманныхъ картинъ. Богатство коллекцій музея вызвало мысль о полезности употребить собранные предметы въ интересахъ общихъ, съ чѣмъ могло-бы связаться и совершенствованіе пособій въ смыслѣ требованій аудиторіальныхъ. Мысль эта и получила первое свое осуществленіе въ задуманныхъ музеемъ чтеніяхъ для солдатъ и для народа. Оба эти новыя въ Россіи начинанія должны были быть ведены параллельно, ибо чтенія для солдатъ не могли быть осуществлены безъ чтеній народныхъ, уже по однимъ денежнымъ соображеніямъ. Въ 1871 году состоялось высочайшее повелѣніе—императора Александра II начать въ музеѣ чтенія для народа, сначала въ видѣ опыта. Наблюсти за опытомъ было предоставлено высочайше назначенной для этого комиссіи, въ которой главное участіе опять таки принялъ В. П.

Коховскій. Послѣ четырехмѣсячнаго опыта чтеній народу и признанія народныхъ чтеній мѣрою полезною, государемъ было предоставлено педагогическому музею продолжать начатыя чтенія въ Соляномъ городкѣ; забота-же о распространеніи организаціи народныхъ чтеній въ Имперіи возложена была на Министерство Народнаго Просвѣщенія.

Мы упомянули, что однимъ изъ мотивовъ для производства опыта народныхъ чтеній въ аудиторіяхъ музея ставилось обладаніе этимъ учрежденіемъ большимъ выборомъ пособій. И въ настоящее время, когда народныя аудиторіи создались во многихъ пунктахъ нашего отечества, чтенія для народа, устраиваемыя въ музеѣ, имѣютъ отличное отъ прочихъ содержаніе и иную постановку, объясняемую, кромѣ всѣхъ другихъ причинъ, богатствомъ имѣющихся въ музеѣ коллекцій, спеціально приспособленныхъ для данной цѣли. Такъ, музеемъ выработаны для тѣхъ-же чтеній проэкціонные аппараты, создано искусство приготовлять картины на стеклѣ, составлявшее до того секретъ англійскихъ производителей, и вызвано ихъ производство по цѣнамъ, значительно меньшимъ сравнительно съ иностранными. Солдатскія и народныя чтенія продолжаются въ музеѣ и донынѣ. Первыя ведутся безплатно, вторыя оплачиваются пятикопеечнымъ сборомъ со слушателей, чего далеко не достаточно для покрытія расходовъ по аудиторіи.

Для усиленія воспитательнаго значенія народной аудиторіи, постоянная комиссія музея постановила, въ 1872 году, сопровождать каждое народное чтеніе небольшими вокальными и инструментальными концертами. Чтобы избѣжать при этомъ непосильныхъ для музея расходовъ, комиссія рѣшила открыть въ музеѣ-же общедоступные музыкальные классы для желающихъ обучаться за небольшую плату пѣнію или игрѣ на оркестровыхъ инструментахъ. Комиссія расчитывала, что такіе классы дадутъ необходимыхъ для народныхъ чтеній исполнителей. Соображенія комиссіи оправдались. Классы имѣютъ до 200 учащихся, а плата, получаемая съ нихъ, оказывается вполнѣ достаточною не только на вознагражденіе 16 преподавателей, но и на покупку и содержаніе инструментовъ. Сверхъ того, музыкальные классы повели къ образованію въ музеѣ кружковъ вообще любителей народной музыки: мандолинистовъ, балалаечниковъ и проч.

Въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи народныя чтенія перешли въ научныя чтенія лекцій уже для интелигентнаго и достаточнаго класса слушателей. Когда осенью 1890 г. нѣкоторые профессора заявили В. П. о своемъ желаніи читать публичныя лекціи, то онъ старался сдѣлать изъ этого не отрывочныя лекціи, а сжатые курсы, способные систематически пополнять пробѣлы въ образованіи слушателей. Дабы все дѣло получило съ самаго начала опредѣленную организацію, въ самомъ концѣ прошлаго года В. П. предложилъ образованіе научнаго отдѣла, для завѣдыванія публичными лекціями, одобренія представленныхъ программъ, для заботъ о приглашеніи лекторовъ и проч. В. П., какъ только болѣзненные припадки его нѣсколько ослобѣвали, самъ предсѣдательствовалъ въ засѣданіяхъ отдѣла. Съ яснымъ пониманіемъ дѣла объяснялъ онъ лекторамъ, что былобы полезно то или другое измѣненіе въ программѣ чтеній—сокращеніе однѣхъ частей, расширеніе другихъ. И дѣйствительно, рекомендованныя перемѣны дѣлали чтенія болѣе доступными для публики. Уже въ прошломъ году въ чтеніяхъ участвовало 11 лекторовъ, а для 1891—1892-го учебнаго года болѣе 20 лицъ заявили о желаніи читать популярныя лекціи. Естественныя науки представлены такимъ числомъ лекторовъ, что образуютъ довольно обширную и систематически составленную группу. Можно думать, что и по другимъ отраслямъ знанія будетъ достигнута достаточная полнота.

Итакъ, третья задача педагогическаго музея: содѣйствовать распространенію въ массахъ научныхъ свѣдѣній и доставленію способовъ пріобрѣтенія знаній—возымѣла вполнѣ практическое и полезное начало подъ непосредственнымъ руководствомъ В. П. Коховскаго.

Богатый во всеоружіи знанія сотрудниками изъ педагогическаго персонала высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній и врачей педагогическій музей находилъ себѣ просвѣщенное содѣйствіе и у частныхъ обществъ, преслѣдующихъ образовательныя цѣли. Такъ, напр., благодаря сотрудничеству съ 1883 года „общества распространенія религіозно-нравственнаго просвѣщенія въ духѣ православной церкви“, въ педагогическомъ музеѣ основаны: первая безплатная библіотека духовно-нравственныхъ книгъ, первый народный церковный хоръ, извѣстный подъ именемъ

„Казанскаго“, первый **народный** классъ элементарной теоріи музыки и нотнаго церковнаго пѣнія и классъ обученія народа чтенію церковно-славянскихъ книгъ. Съ другой стороны, благодаря энергіи и всесторонней образованности В. П., въ стѣнахъ педагогическаго музея могли осуществляться всякія благія начинанія, имѣющія болѣе или менѣе близкое соприкосновеніе къ учебно-воспитательному дѣлу. Таковы: первая спеціальная выставка **кустарныхъ издѣлій** и состоявшаяся въ прошломъ году выставка **дѣтскихъ игрушекъ**, оказавшая не малую услугу не только родителямъ, но и дѣлу сближенія кустарей съ потребителями. Наконецъ, двери гостепріимнаго музея были открыты и для **родительскаго кружка**, поддерживающаго во многихъ родителяхъ пытливость ума и вниманіе ко всѣмъ явленіямъ въ жизни дитяти. Учрежденіе **періодическихъ курсовъ поданія первой помощи** въ несчастныхъ случаяхъ, недавнее открытіе **курсовъ ручнаго труда** для учителей и **курсы новыхъ языковъ** для дѣтей завершаютъ собою столь разнообразную и плодотворную дѣятельность педагогическаго музея на пользу общую.

Закончимъ нашъ краткій историческій очеркъ педагогическаго музея нѣкоторыми не лишенными интереса цифровыми данными. На педагогическій музей расходуется ежегодно, изъ суммъ главнаго управленія военно-учебныхъ заведеній, всего до 10,000 руб. Стоимость собранныхъ музеемъ коллекцій опредѣляется въ 120,000 руб.; но на пріобрѣтеніе этихъ коллекцій израсходовано казенныхъ денегъ не болѣе 50,000 р., на остальную сумму пособія собраны безденежно. Итоги дѣятельности музея за первыя 25-лѣтъ его существованія могутъ быть представлены въ слѣдующемъ видѣ:

а) засѣданій состоялось—1768,

б) публичныхъ лекцій, научныхъ бесѣдъ, чтеній для воспитанниковъ учебныхъ заведеній, чтеній для народа и солдатъ 1952,

в) уроковъ на коллекціяхъ музея 116,854,

г) музыкальныхъ собраній 147,

д) народныхъ церковныхъ спѣвокъ за 1/'$_2$ года 72,

е) религіозныхъ собесѣдованій 7,

ж) разсмотрѣно текстовъ народныхъ и солдатскихъ чтеній 977, изъ нихъ принято 219,

з) напечатано брошюръ и книгъ около 1,500,000 экз.,

и) аудиторіи и классы посѣтило свыше 1,165,000 человѣкъ.

При сопоставленіи приведенныхъ данныхъ [1]) невольно удивляешься, какъ педагогическій музей могъ, при сравнительно ничтожныхъ денежныхъ средствахъ, развить свою просвѣтительную дѣятельность до столь по истинѣ необыкновенныхъ размѣровъ. Объясняется это тѣмъ, что педагогическій музей постоянно и неизмѣнно руководился слѣдующими началами:

1. Служа вѣдомству, его учредившему, быть тѣмъ самымъ полезнымъ и всѣмъ отечественнымъ школамъ.

2. Независимо служенія школамъ, быть полезнымъ войскамъ и образованнымъ и необразованнымъ классамъ столичнаго населенія, а также и всѣмъ ищущимъ совѣта или помощи учрежденія.

3. Собиранію коллекцій учебныхъ пособій придавать значеніе не цѣли, а средства для широкой дѣятельности на пользу общую.

4. Такъ развивать и сочетать виды своей дѣятельности, чтобы содержаніе музея было наименѣе отяготительно для государственнаго бюджета.

5. Пріискивать себѣ вполнѣ свѣдущихъ сотрудниковъ въ педагогическомъ и врачебномъ персоналѣ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній изъ числа лицъ, расположенныхъ трудиться для осуществленія задачъ музея, и

6. Всю дѣятельность вести открыто для контроля не только правительственнаго, но и общественнаго.

IV.

Такова въ краткихъ словахъ исторія музея, столь симпатичнаго и единственнаго въ своемъ родѣ педагогическаго учрежденія, съ которымъ такъ тѣсно связана жизнь незабвеннаго В. П. Коховскаго.

И дѣйствительно, въ послѣднія 18 лѣтъ жизни всѣ помыслы Всеволода Порфиріевича были направлены на популяризацію знаній и на открытіе возможно бо́льшему кругу людей доступа къ просвѣщенію. Нѣтъ такой отрасли знанія или искусства, которую покойный не хотѣлъ-бы внести въ программу педаго-

[1]) Отчетъ В. П. Коховскаго: „Двадцатипятилѣтіе педагогическаго музея военно-учебныхъ заведеній“.

гическаго музея. Музыка, пѣніе, рисованіе, гимнастика, гигіена, всѣ общеобразовательныя науки, новые языки, ручной трудъ,—все находило у В. П. самый радушный пріемъ, не только готовность внести въ программу дѣятельности музея, но и большую способность оцѣнить и учителей и методъ преподаванія. Его почину, его энергіи и настойчивости „Соляной городокъ“ обязанъ тѣмъ, что въ немъ съ утра и до глубокой ночи, въ каждомъ уголкѣ, что-нибудь дѣлалось и постоянно шла педагогическая работа. В. П., собственно говоря, жилъ въ Соляномъ городкѣ. Это учрежденіе было его дѣтищемъ. Думать и хлопотать о немъ онъ не переставалъ до послѣднихъ своихъ минутъ. Не далѣе, какъ за часъ до смерти, онъ сдѣлалъ свое послѣднее распоряженіе по музею, касающееся участія этого учрежденія въ предстоящей географической выставкѣ въ Бернѣ.

Какъ человѣкъ, В. П. отличался замѣчательными качествами. Всякій, кому случалось входить съ покойнымъ въ какія-либо отношенія, съ первой-же встрѣчи проникался сердечнымъ уваженіемъ къ нему за его благородную просвѣтительную дѣятельность, за гуманное, неизмѣнно ласковое и предупредительное обращеніе и за неусыпные труды по завѣдыванію музеемъ. Надо было видѣть В. П. за работою въ музеѣ, наблюдать его въ качествѣ предсѣдателя и руководителя въ засѣданіяхъ многочисленныхъ и самыхъ разнообразныхъ по спеціальностямъ секцій музея, а также прочитать цѣлую серію объемистыхъ отчетовъ о дѣятельности музея, чтобы понять какую массу труда и энергіи онъ вкладывалъ въ это дѣло и оцѣнить значеніе его многолѣтней дѣятельности въ сферахъ преслѣдуемыхъ музеемъ задачъ. Но главная сила В. П. Коховскаго, помогшая ему создать и взростить до громадныхъ размѣровъ свое дѣло,—въ томъ, что онъ любилъ его. Любовь къ дѣлу—вотъ та могучая сила, которая способна вдохнуть въ него душу живую, безъ которой всякое дѣло мертво, хотя-бы оно было въ рукахъ и умнаго и талантливаго работника.

Судьба, впрочемъ, была милостива къ почившему педагогу. Заслуги его достаточно оцѣнены и правительствомъ, и печатью, и обществомъ. Въ 6-й день іюня 1888 г., по ходатайству военнаго министра, государю императору благоугодно было даровать педагогическому музею высочайше утвержденное особое положеніе, вводящее его въ рядъ правительственныхъ учрежденій и тѣмъ

упрочить навсегда столь полезный для Россіи педагогическій разсадникъ.

Въ слѣдующемъ 1889 г. было публично отпраздновано двадцатипятилѣтіе музея, сопровождавшееся весьма сердечною, публичною и внушительною оваціею въ честь В. П. Коховскаго со стороны многочисленныхъ членовъ различныхъ отдѣловъ музея и обществъ, имѣвшихъ съ нимъ какое-либо соприкосновеніе. Почтенный юбиляръ былъ высочайше награжденъ чиномъ генералъ-лейтенанта и утвержденъ въ званіи директора педагогическаго музея, на правахъ директора военныхъ корпусовъ.

Черезъ два года В. П. Коховскаго не стало.

Описанію его полезной педагогической дѣятельности были посвящены сочувственныя статьи во всѣхъ газетахъ и педагогическихъ журналахъ. Отовсюду семья покойнаго получила множество телеграммъ съ выраженіями искренняго соболѣзнованія. Гробъ его былъ окруженъ массою вѣнковъ: „Отъ Педагогическаго музея своему незабвенному директору“, „Отъ преподавателей музыкальныхъ классовъ Педагогическаго музея“, „Организатору Педагогическаго музея отъ Императорскаго русскаго техническаго общества“, „Отъ общества Гармонія“, „Отъ сотрудниковъ Педагогическаго Музея“, „Отъ Военно-Медицинской академіи“, „Отъ общества врачей гомеопатовъ своему почетному члену“, „Отъ горячо любившаго и искренно скорбящаго домашняго врача“ и множество другихъ вѣнковъ покрывали его гробъ; особенно выдѣлялся скромный, но сердечно сооруженный на гроши вѣнокъ „Отъ служителей Педагогическаго музея“.

Изъ квартиры гробъ вынесли на рукахъ его родные, друзья и сослуживцы. Заупокойную литургію и отпѣваніе совершалъ въ Пантелеймоновской церкви преосвященный Антоній Выборгскій. Глубоко сочувствуя покойному въ его заботахъ по устройству церковноприходскаго народнаго хора и по дѣламъ общества распространенія религіозно-нравственнаго просвѣщенія, преосвященный Антоній почтилъ память покойнаго архіерейскимъ служеніемъ. Церковь была полна цѣнителями заслугъ усопшаго, начиная отъ высокопоставленныхъ лицъ до скромныхъ слушателей народныхъ чтеній. Вдоль всей Пантелеймоновской улицы былъ выстроенъ батальонъ 89-го Бѣломорскаго полка съ музыкою. Печальный кортежъ направился изъ квартиры покойнаго по Фонтанкѣ. Здѣсь у главнаго подъѣзда педагоги-

ческаго музея—мѣста, гдѣ такъ много работалъ покойный—была совершена литія. Преподаватель Николаевскаго кадетскаго корпуса и членъ педагогическаго музея г. Цвѣтковскій сказалъ глубоко прочувственную рѣчь, посвященную заслугамъ покойнаго. Въ церкви во время запричастнаго стиха законоучитель 3-ей гимназіи протоіерей И. К. Вѣтвѣницкій, извѣстный проповѣдникъ и усердный подвижникъ на пользу „Общества распространенія религіозно-нравственнаго просвѣщенія“, попрощался съ усопшимъ горячимъ словомъ, которое вызвало невольныя слезы.

„Почившій, говорилъ между прочимъ о. Вѣтвѣницкій, четверть вѣка стоялъ во главѣ учрежденія, распространяющаго свѣтъ просвѣщенія по лицу всей русской земли. Его заслуга велика. Въ созданномъ имъ музеѣ встрѣчались и мужъ науки, и неграмотный, обмѣнивались мыслями и профессоръ академіи, и университета, и скромный учитель средняго учебнаго заведенія, и простой грамотный человѣкъ. Всѣхъ равно и радушно встрѣчалъ почившій, всѣхъ умѣлъ соединить и всѣхъ умѣлъ—и это лучшая его заслуга—пріучить и пріохотить къ работѣ на пользу общую! Мужъ свѣта, мужъ мира, да почіетъ съ миромъ до послѣдняго дня!“

Народный хоръ, пѣвшій обѣдню и отпѣваніе, сопровождалъ гробъ до Смоленскаго кладбища. Впереди шло многочисленное духовенство съ извѣстнымъ педагогомъ о. Д. П. Соколовымъ во главѣ и въ митрѣ. Военный хоръ при выносѣ гроба изъ церкви заигралъ „Коль славенъ“, а во время шествія процессіи провожалъ исполненіемъ похороннаго марша. При опусканіи гроба въ могилу былъ произведенъ установленный залпъ.

В. П. Коховскій погребенъ на Смоленскомъ кладбищѣ.

Въ лицѣ В. П. Коховскаго русское общество потеряло дѣятеля высоко просвѣщеннаго, горячо преданнаго дѣлу распространенія знаній въ массахъ, рѣдкаго по энергіи, житейскому такту и организаторскому таланту. „Педагогическій музей“—въ устахъ педагога, „Соляной городокъ“—въ устахъ народа, „Народная академія“—въ устахъ лектора—близкое и дорогое учрежденіе всѣмъ слоямъ Петербургскаго населенія, — вотъ памятникъ, который онъ ему далъ для удовлетворенія духовныхъ потребностей многихъ тысячъ людей всѣхъ возрастовъ и всякаго званія. Его разносторонняя и плодотворная дѣятельность успѣла

уже принести свои плоды и собранныя имъ коллекціи, образцовый порядокъ въ музеѣ, масса произведенной имъ работы на пользу будущихъ поколѣній и любовь къ нему всѣхъ знавшихъ его послужатъ самымъ лучшимъ и на долгое время неувядаемымъ вѣнкомъ на могилѣ В. П. Коховскаго.

Пожелаемъ-же, дабы и настоящій, вполнѣ достойный его, преемникъ шелъ по стопамъ своего предшественника, чтобы онъ расширялъ плодотворную дѣятельность „Всероссійскаго Педагогическаго музея“, соотвѣтственно росту науки и школы, потребностямъ родителей и дѣтей, духовной жаждѣ ученика и студента, солдата и простолюдина. Нѣтъ нужды, что педагогическій музей — созданіе военнаго вѣдомства. Вѣдь военно-учебныя заведенія въ нашемъ отечествѣ, благодаря высокому покровительству Державныхъ Вождей русскаго народа, всегда превосходно шли по своей педагогической организаціи, всегда давали толчекъ и починъ въ учебно-воспитательныхъ вопросахъ, всегда заботились о физическомъ, умственномъ и нравственномъ преуспѣяніи своихъ питомцевъ. Оттого и выходятъ изъ нихъ общественные дѣятели, подобные Всеволоду Порфиріевичу Коховскому.

Д. Д. Семеновъ.

Спб. 1891 г.

Оружіе кадетскихъ корпусовъ въ 1840 гг.

БОЯРИНЪ КНЯЗЬ ВАСИЛІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ГОЛИЦЫНЪ.

Грамотки къ нему отъ родныхъ

въ 1677 г.

Коллекція «грамотокъ» къ кн. В. В. Голицыну, хранящаяся въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи, открыта покойнымъ А. А. Востоковымъ († 13-го ноября 1891 г.) и частію имъ напечатана на страницахъ «Русской Старины»: а) въ изданіи 1888 г., т. LVII, стр. 735—738, пять грамотокъ отъ матери, жены, сына, дочери и отъ Ивана Дивова, и б) въ изданіи 1889 г., томъ LXIII, стр. 129 — 132, три грамотки отъ Матвѣя Боева, Ивана Баклановскаго и Өедора Левонтьева. Послѣднія грамотки очень любопытны по сообщаемымъ въ нихъ придворнымъ и другимъ московскимъ новостямъ. Особеннаго вниманія заслуживаетъ разсказываемый М. Боевымъ (во 2-й его грамоткѣ) фактъ ссылки въ 1677 г. Ивана Кирилловича и другихъ Нарышкиныхъ, замышлявшихъ убить царя...

Кромѣ этихъ 8 грамотокъ, осталось еще не напечатанныхъ 16 грамотокъ къ кн. Голицыну исключительно отъ его родныхъ, именно: 7 грамотокъ отъ матери, княгини Татьяны Ивановны, урожденной Стрѣшневой [1]) (№№ 1—VII), одна грамотка отъ жены, княгини Евдокіи Ивановны, урожденной тоже Стрешневой [2]) (№ VIII), 4 отъ сына кн. Алексѣя (№№ IX—XII) [3]), 2 отъ того-же сына Алексѣя и отъ дочери княжны Ирины

---

[1]) „Росс. Родосл. книга" кн. П. Долгорукова, I, 285.

[2]) Ibid., I, 286—287. Это была вторая жена князя, а первая—княгиня Өедосья Васильевна Долгорукова.

[3]) Сынъ Алексѣй и дочь Ирина были, кажется, отъ втораго брака. См. „Записки де-ла-Невилля о Московіи, 1689 г.", переводъ г. Браудо въ Русской Старинѣ" изд. 1891 г., т. LXXII, стр. 260. Н. О.

вмѣстѣ (№№ XIII—XIV) и 2 грамотки отъ тещи князя Анастасіи Ивановны Стрешневой [1]).

Всѣ 16 грамотокъ писаны въ маѣ—августѣ 1677 года. Собственно на этихъ грамоткахъ нѣтъ даты года, но она сохранилась на грамоткѣ матери, напечатанной А. А. Востоковымъ: «7185 году, іюля въ 26-й день подалъ (грамотку князю) Василій Кругликовъ» [2]). Къ этому-же году должны быть отнесены и всѣ остальныя грамотки.

Изъ этихъ 16 грамотокъ одна несомнѣнно собственноручная — грамотка сына Алексѣя, когда имъ написанная—неизвѣстно, а полученная кн. Васильемъ Васильевичемъ 9-го августа (№ XII). Она написана дѣтскимъ, неправильнымъ и неувѣреннымъ почеркомъ молодаго кн. Алексѣя и, вѣроятно, представляетъ одинъ изъ первыхъ его опытовъ чистописанія. Въ предыдущей грамоткѣ отъ 24-го іюля (№ XI) кн. Алексѣй сообщаетъ отцу о своихъ успѣхахъ въ изученіи русскаго языка и говоритъ, между прочимъ: «Я слова выписалъ и пишу другой складъ»... Въ грамоткѣ матери отъ 5-го іюля (№ V) старушка рекомендуетъ вниманію сына подателя грамотки Харлама Хорошева, котораго «зять» Василій Торопо въ, говоритъ она, «Алешеньку (т. е. внука) учитъ писать»... Очевидно, именно этотъ учитель молодаго князя писалъ за своего ученика и за его сестру другія грамотки ихъ къ отцу.

Вѣроятно, тотъ-же В. Тороповъ и другіе грамотные люди боярскаго двора («домовые подьячіе», «люди, которые за дѣлы ходятъ» и т. п.) писали грамотки къ князю отъ имени другихъ родныхъ его. По крайней мѣрѣ это съ увѣренностію можно сказать относительно грамотокъ матери: въ семи грамоткахъ ея ясно различаются 3—4 почерка. Но двѣ грамотки жены (одна напечатанная А. А. Востоковымъ, другая нынѣ печатающаяся), писаны одною рукою и, можетъ быть, самою княгинею Евдокіею Ивановною. Трудно, по крайней мѣрѣ, допустить, чтобы у такого передоваго человѣка своего времени, какимъ несомнѣнно является кн. Василій Васильевичъ, жена была неграмотною особою... Тѣмъ болѣе это сомнительно, что едва-ли не была грамотною мать княгини Евдокіи Ивановны—Настасья Ивановна Стрешнева: двѣ ея грамотки къ зятю писаны однимъ почеркомъ и, кажется, именно женскимъ...

Изъ печатающихся грамотокъ болѣе всего отъ матери—7, а менѣе всего отъ жены—одна грамотка. Нельзя, однако, отсюда заключать о какомъ-то намѣренномъ уклоненіи княгини Евдокіи Ивановны отъ переписки съ мужемъ, слѣдовательно — о ея нелюбви къ нему и т. п. Рѣдкая ея переписка съ княземъ объясняется единственно тѣмъ обстоятельствомъ, что въ это время княгиня находилась въ послѣднихъ мѣсяцахъ беременности. Въ своей гра-

---

[1]) Тесть князя Иванъ „большій“ Өедоровичъ Стрешневъ былъ женатъ на „Анастасіи Ивановнѣ N. N.“, говоритъ „Русск. Род. кн.“, IV, 412. Дѣтей отъ этого брака „Рус. Род. кн.“ не показываетъ.

[2]) „Русская Старина“ изд. 1888 г., т. LVII, стр. 735. Н. О.

мотке отъ 29-го іюля (№ VIII), она проситъ мужа: «помолись о мнѣ, чтобъ мнѣ велѣлъ Господь здорово родить и съ тобою въ радость видетца»... А въ собственноручной грамоткѣ кн. Алексѣя (полученной кн. Василіемъ Васильевичемъ 9-го августа) (№ XII), сынъ поздравляетъ отца «съ новорожденною дочерью, съ моею сестрицею»...

Усиленная-же переписка княгини Татьяны Ивановны съ сыномъ (7 грамотокъ съ 30-го мая по 12-е августа) объясняется тѣмъ, что къ ней обращались за рекомендаціями къ ея могущественному сыну многія лица, отправлявшіяся «въ полкъ» кн. Василія Васильевича и нуждавшіяся въ томъ или другомъ снисхожденіи или милости князя. Старушка-мать не отказывала въ своей поддержкѣ, которой челобитчики придавали большое значеніе: очевидно, мать пользовалась вліяніемъ на своего «свѣтъ-князя Василья Васильевича»... Почти во всѣхъ ея грамоткахъ встрѣчаемъ ходатайство за то или другое лице. Такъ, въ грамоткѣ отъ 30-го мая (№ 1), княгиня ходатайствуетъ предъ сыномъ за «пушкарскаго голову» Игнатія Таптыгина, чтобы князь на него не «кручинился», что онъ «промѣшкалъ» возвращеніемъ въ полкъ. Въ грамоткѣ отъ 17-го іюня (№ II) княгиня рекомендуетъ вниманію князя Якова Соловцова. Въ грамоткѣ отъ 24-го іюня (№ IV) она проситъ, чтобы князь «не покручинился», что Потапъ Шеншинъ «позамѣшкался» въ отпуску. Въ грамоткѣ отъ 5-го іюля (№ V) мать рекомендуетъ сыну Харлапа Хорошева, котораго «зять» Василій Тороповъ состоялъ учителемъ внука ея, кн. Алексѣя. Всѣ эти рекомендованныя княгинею лица сами доставили князю тѣ грамотки, гдѣ идетъ о нихъ рѣчь.

Такое-же ходатайство встрѣчаемъ и въ одной изъ грамотокъ сына къ отцу (№ IX): молодой князь Алексѣй ходатайствуетъ о подателѣ грамотки полковникѣ Гаврилѣ Ѳартурнерѣ, который-де «билъ челомъ, чтобъ до него милостивъ былъ»...

Все это рекомендуетъ добрыя отношенія семьи князя Василья Васильевича и свидѣтельствуетъ о добромъ сердцѣ самого князя, на котораго могло подѣйствовать даже ходатайство юнаго сына о маститомъ полковникѣ.

Вообще, печатаемыя грамотки ясно говорятъ о любви, господствовавшей между членами этой семьи. Каждая грамотка наполнена, главнымъ образомъ, вопросами о здоровьѣ князя и сообщеніями ему про здоровье родныхъ, оставшихся въ Москвѣ. Особенно тепло распрашиваетъ про здоровье князя его мать, высказывая чрезвычайное безпокойство, когда до нея доходятъ вѣсти о «скорби» сына, у котораго шла «кровь гортанью» (№№ III и IV). Въ послѣдней своей грамоткѣ (№ VII), мать жалуется, что отъ сына давно не имѣетъ никакихъ извѣстій.

Очень характерны нѣкоторыми мелочами семейной жизни грамотки къ отцу дѣтей—«Алешки» и «Орютки» («Оринки») (№№ IX—XIV). Напримѣръ, въ одной грамоткѣ (№ X) сынъ благодаритъ отца за присылку «мыльца»

(за «мыльцо»-же благодаритъ и дочь въ грамоткѣ ея, напечатанной А. А. Востоковымъ въ «Русской Старинѣ» изд. 1888 г., т. LVII, стр. 736—737). Въ другой грамоткѣ (№ XIV) сынъ проситъ отца о присылкѣ «обушка» и «подобушка», которыхъ нѣтъ у Алексѣя, а между тѣмъ, по государеву указу, эти орудія велѣно имѣть «всѣмъ спальникамъ», въ числѣ коихъ былъ и молодой князь. Любопытна здѣсь одна подробность, характеризующая семейную дисциплину XVII вѣка: говоря о неимѣніи указанныхъ принадлежностей спальническаго снаряженія, сынъ замѣчаетъ, что «безъ тебя, государь, сдѣлать «не смѣемъ» (сначала было написано — «не умѣемъ», а потомъ передѣлано—«не смѣемъ»)... О частыхъ дежурствахъ «Алешеньки» въ «верху» у государя сообщаетъ одна изъ грамотокъ тещи князя—Настасьи Ивановны Стрешневой (№ XV).

Кромѣ этихъ семейныхъ дѣлъ, въ грамоткахъ встрѣчаемъ и разныя московскія новости. Напримѣръ, жена князя пишетъ о женитьбѣ Матвѣя Алексѣевича Головина (№ VIII), мать сообщаетъ о сборѣ съ вотчинъ по «полуполтинѣ» съ двора (№ III), теща — о производствѣ въ окольничіе Андрея Чирикова и Петра Кондырева (№ XV) и проч.

Но наиболѣе всего настоящая переписка цѣнна для характеристики семейныхъ отношеній и личности князя Василія Васильевича Голицына, одного изъ передовыхъ людей XVII вѣка.

Н. Оглоблинъ.

Княгиня Татьяна Ивановна Голицына—ея сыну, кн. В. В. Голицыну.

I.

«Свѣту моему князю Василію Васильевичу. Будь на тебѣ, свѣтъ мой, милость Божія и мое грѣшное благословеніе отнынѣ и до вѣка! Буди, свѣтъ мой, здоровъ на многія лѣта! А ко мнѣ, свѣтъ мой, прикажи писать про свое многолѣтное здоровье — какъ тебя, свѣта моего, Богъ милуетъ? А про меня похошь, свѣтъ мой, вѣдать и про невѣску и про дѣти — и мы на Москвѣ маія въ 30-й день живы до воли Божіи, а впредь Богъ воленъ.

«Да послала я къ тебѣ, свѣтъ мой, сундукъ красной, про которой ты писалъ съ дьякомъ съ Иваномъ съ Лепуновымъ, и не держи меня безъ вѣсти, свѣтъ мой, о своемъ многолѣтномъ здоровьѣ. Буди, свѣтъ мой, на тебѣ милость Божія и мое грѣшное благословеніе отнынѣ и до вѣка!

«Да поѣхалъ къ тебѣ, свѣтъ мой, голова пушкарской Таптыгинъ и велѣлъ тебѣ побить челомъ, чтобъ ты на него (не) кручинился, что (онъ) промѣшкалъ» [1]).

---

[1]) Эти строки о Таптыгинѣ приписаны въ концѣ грамотки другою рукою и другими чернилами. **Н. О.**

На оборотѣ: 1) «Свѣту моему князю Василью Васильевичу» [1]).
2) «Августа въ 5-й день, подалъ грамотку Игнатей Таптыковъ»[2]).

II.

«Свѣту моему князю Василью Васильевичю. Будь на тебѣ, свѣтъ мой, милость Божія и мое грѣшное благословеніе отнынѣ и до вѣка! Здравствуй, свѣтъ мой, на многія лѣта! А ко мнѣ, свѣтъ мой, прикажи писать про свое многолѣтное здоровье — какъ тебя, свѣта моего, Богъ милуетъ? А про меня, свѣтъ мой, похошь вѣдать и про невѣску и про дѣти — и мы на Москвѣ іюня въ 17-й день живы до воли Божіи, а впредь Богъ воленъ.

«Да поѣхалъ къ тебѣ, свѣтъ мой, въ полкъ Аѳонасья Любятинского племянникъ Яковъ Гарасимовъ сынъ Соловцовъ, и билъ челомъ мнѣ о себѣ, чтобъ ты, свѣтъ мой, былъ къ нему милостивъ, и тебѣ-бъ, свѣтъ мой, жаловать его и быть къ нему милостиву.

«Будь на тебѣ, свѣтъ мой, милость Божія и мое грѣшное благословеніе отнынѣ и до вѣка!»

Помѣта: «Іюля въ 23-й день, подалъ грамотку Яковъ Соловцовъ».

III [3]).

«Свѣту моему князь Василью Васильевичю. Будь на тебѣ, свѣтъ мой, милость Божія и мое грѣшное благословеніе отнынѣ и до вѣка! Здравствуй, свѣтъ мой, на многія лѣта! А ко мнѣ, свѣтъ мой, прикажи писать про свое многолѣтное здоровье — какъ тебя, свѣта моего, Богъ милуетъ? А про меня, свѣтъ мой, похошь вѣдать и про невѣску и про дѣти — и мы на Москвѣ іюля въ 24-й день живы до воли Божіи, а впредь Богъ воленъ.

«Пишешь ты, свѣтъ мой, ко мнѣ про вѣсти... крымскихъ людей и турскихъ, и тѣ мнѣ вѣсти, свѣтъ мой, не на пользу и не на радость, только лишное мое сокрушеніе.

«Да ты-же мнѣ, свѣтъ мой, пишешь про себя, что будто ты далъ Богъ здорово и я тому, свѣтъ мой, мало иму вѣры; вѣдаю я и сама, что ты

---

[1]) Въ слѣдующихъ грамоткахъ матери выбрасываю этотъ адресъ, вездѣ одинъ и тотъ-же. Но въ грамоткахъ жены, дѣтей и тещи адресъ нѣсколько варьируется (см. ниже).

[2]) Въ текстѣ стоитъ „Таптыгинъ", а въ помѣтѣ „Таптыковъ", послѣднее, кажется, вѣрнѣе.

[3]) Очень любопытная грамотка, но, къ сожалѣнію, сохранилась съ пробѣлами нѣкоторыя мѣста вырваны и въ печати замѣнены точками.

Н. О.

такъ пишешь ко мнѣ все утѣшая меня. Естьли (бы), мой свѣтъ, не объявилась скорбь твоя такая на Москвѣ, и я-бы князь Өедору и вѣры не поняла, а какъ-бы не слыша князь Өедоръ отъ тебя про твою скорбь— и ему-бъ самому какъ затѣять? Да пишешь, свѣтъ мой, чтобъ мнѣ помолитца за тебя, чтобъ тебѣ Владыка подалъ помочи на враговъ Божьихъ. А я-бы, свѣтъ мой, и рада молилась (sic,—молиться?...), да вѣдаешь ты, свѣтъ мой, и самъ, каково мое здоровье? Теперешныя твои вѣсти слышачи — и готово моему здоровью поруга (поруха)! А пишешь ты, мой свѣтъ мой (sic), ко мнѣ, чтобъ мнѣ о тво....., мой свѣтъ, вѣдаешь и самъ каковъ мнѣ ... дороже души своей грѣшной, лишо-бы, свѣтъ мой...... а и самъ, свѣтъ мой, не плош... прибѣгни къ Спасу и пресвятой Богородицѣ и преподобному отцу Сергію и помолись имъ съ вѣрою и попроси у нихъ милости..., попомни, свѣтъ мой—мое рожденіе, о чемъ я тебѣ..., держись, свѣтъ мой, чистоты душевной........... [1])... пресвятые Богородицы и преподобнаго... великаго чюдотворца Николы и мое грѣшное благословеніе отнынѣ и до вѣка.

«А Олешенька, мой свѣтъ, началъ склады писать. Да что ты пишешь, свѣтъ мой, про него, чтобъ ево на выѣздъ не посылать, и мнѣ то, свѣтъ мой, видитца прямымъ сущимъ дѣломъ. Такъ больши тово, свѣтъ мой, и не знаю, что къ тебѣ писать. Буди, свѣтъ мой.....».

Помѣта: «Іюля въ 30-й день, подалъ грамотку Іона Левонтьевъ».

IV.

«Свѣту моему князю Василью Васильевичю. Будь на тебѣ, свѣтъ мой, милость Божія и мое грѣшное благословеніе отнынѣ и до вѣка! Здравствуй, свѣтъ мой, на многія вѣка! А ко мнѣ, свѣтъ мой, прикажи писать про свое многолѣтное здоровье — какъ тебя, свѣта моего, Богъ милуетъ? А про меня, свѣтъ мой, похошь вѣдать и про невѣску и про дѣти — и мы на Москвѣ іюля въ 24-й день до воли Божіи живы, а впредь Богъ воленъ.

«Да поѣхалъ къ тебѣ, свѣтъ мой, Потапъ Шеншинъ. Да здѣсь, свѣтъ мой, слухъ носитца, что будетъ государевъ указъ со всѣхъ вотчинъ имать по полуполтинѣ съ двора, а со вдовъ и съ недорослей и съ монастырей вдвое, да и то, мой свѣтъ, что кои на службахъ и съ тѣхъ имать-же по полуполтинѣ (съ) двора.

«Отпиши, мой свѣтъ, ко мнѣ про себя—подлинно-лижъ у тебя нейдетъ кровь гортанью?

«Да билъ челомъ тебѣ Потапъ Шеншинъ, чтобъ ты не покручинился, что онъ будетъ позамѣшкался: и ты, свѣтъ, на него въ томъ не покручинься и

[1]) Здѣсь вырвано 7 строкъ. Н. О.

жалуй его, свѣтъ, попрежнему. Будь на тебѣ, свѣтъ мой, милость Божія и мое грѣшное благословеніе отнынѣ и до вѣка!»

Помѣта: «Августа въ 3-й день, подалъ грамотку Потапъ Шеншинъ».

V.

«Свѣту моему князю Василью Васильевичю. Будь на тебѣ, свѣтъ мой, милость Божія и мое грѣшное благословеніе отнынѣ и до вѣка! Пиши, свѣтъ мой, ко мнѣ о своемъ здоровьѣ — какъ тебя, свѣта моего, всемилостивый Владыко своею милостію хранитъ? А похошь, свѣтъ мой, вѣдать про меня, и про невѣску, и про Олешеньку, и про Оринушку—и мы іюля въ 5-й день всѣ далъ Богъ здоровы, а впредь уповаемъ на милость Божію.

«Да поѣхалъ къ тебѣ, свѣтъ мой, въ полкъ Харламъ Борисовъ сынъ Хорошевъ и билъ челомъ мнѣ, чтобъ ты его жаловалъ—и ты, свѣтъ мой, его жалуй, потому что зять его Василій Торопов Алешеньку учитъ писать, и ты къ нему будь милосердъ.

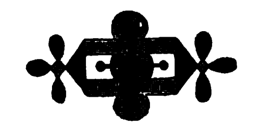
«Да сокрушилъ ты меня, свѣтъ мой, князь Василей Васильевичъ: слышу я, что ты мало можешь, а ко мнѣ ты правды не отпишешь. Будь на тебѣ, свѣтъ мой, милость Божія и мое грѣшное благословеніе отнынѣ и до вѣка!»

Помѣта: «Августа въ 8-й день, подалъ грамотку Харламъ Хорошевъ».

VI.

«Свѣту моему князю Василью Васильевичю. Будь на тебѣ, свѣтъ мой, милость Божія и мое грѣшное благословеніе отнынѣ и до вѣка! Пиши, свѣтъ мой, ко мнѣ о своемъ здоровьѣ — какъ тебя, свѣта моего, Христосъ своею милостію хранитъ? А похошь, свѣтъ мой вѣдать про меня, и про невѣску, и про Олешеньку, и про Оринушку—и мы іюля въ 28-й день всѣ далъ Богъ здоровы, а впредь уповаемъ на милость Божію. Будь на тебѣ, свѣтъ мой, милость Божія и мое грѣшное благословеніе отнынѣ и до вѣка»!

Помѣта: «Августа въ 6-й день, подалъ грамотку Өедоровъ деньщикъ Головленкова Ивашко Масловъ».



VII.

«Свѣту моему князю Василью Васильевичю. Будь на тебѣ, свѣтъ мой, милость Божія и мое грѣшное благословеніе отнынѣ и до вѣка! Пиши, свѣтъ мой, ко мнѣ о своемъ здоровьѣ—какъ тебя, свѣта моего, Христосъ своею милостію хранитъ! А про меня, свѣтъ мой, изволишь вѣдать и про невѣску и про дѣтокъ—и мы августа въ 12-й день всѣ, далъ Богъ, здоровы, а впредь уповаемъ на милость Божію».

«Да что я къ тебѣ, свѣтъ мой, про твое дѣло прежъ сего писала и ты, свѣтъ мой, о томъ ко мнѣ ничего не пишешь, а дятья (т. е.—дяди) твои и братъ твой князь Борисъ на тебя въ томъ досадуютъ, что ты къ нимъ о томъ ничего не пишешь: хорошобъ тебѣ, свѣтъ мой, о томъ къ нимъ отписать. Да писать болѣ къ тебѣ, свѣтъ мой, къ тебѣ мнѣ и много, и разуму моего не стало. Хоро(шо)бъ тебѣ, свѣтъ, себя видить въ чести, а не въ безчестьѣ! А теперь будто ты дался князь Григорью въ товарищи: а у насъ, свѣтъ мой, на Москвѣ такъ говорятъ [1]). И ты, мой свѣтъ, про себя за што къ дятьемъ не отпишешь и князь Борису брату? А какъ свѣдаю къ тебѣ подлинного ѣздока и я къ тебѣ, свѣтъ мой, обо всемъ къ тебѣ отпишу. Будь на тебѣ, свѣтъ мой, милость Божія и мое грѣшное благословеніе отнынѣ и до вѣка»!

Помѣта: «Августа въ 25-й день подалъ грамотку деньщикъ Иванова приказу Елагина Ѳедька Власовъ».

VIII.

Княгиня Евдокія Ивановна—мужу своему кн. В. В. Голицыну.

«Государю моему князю Василью Васильевичю женишка твоя Дунька челомъ бьетъ. Здравствуй, государь мой, на многія лѣта! Прикажи, государь мой, писать о своемъ многолѣтномъ здоровьѣ — какъ тебя, государя моего, Господь своею милостію хранитъ? А изволишь, государь, вѣдать про государыню матушку княгиню Татьяну Ивановну, и про государя батюшка Ивана Ѳедоровича, и про государыню матушку Настасью Ивановну, и про Олешеньку, и про Оринушку, и про меня, государь мой, изволишь напаметовать — и мы іюля въ 29 день всѣ далъ Богъ здоровы, а впредь уповаемъ на милость Божію.

---

[1]) Характерная черта, показывающая, что и женское поколѣніе родовитой знати чутко относилось въ XVII в. къ мѣстническимъ вопросамъ.

Н. О.

«Да пожалуй, государь мой князь Василей Васильевичъ, помолися о мнѣ, чтобъ мнѣ велѣлъ Господь здорово родить и съ тобою въ радость видѣтца.

«Да буди тебѣ, государю, вѣдомо, что Матвей Алексѣевичъ Головинъ женился. А обо всемъ къ тебѣ писала матушка въ своей грамоткѣ. Потомъ тебѣ государю своему много множество челомъ бью»!

На оборотѣ: 1) «Государю моему князю Василью Васильевичю».

2) «Августа въ 6-й день подалъ грамотку Ѳедоровъ деньщикъ Головленкова Ивашко Масловъ» [1]).

IX.

Князь Алексѣй Васильевичъ—отцу своему князю В. В. Голицыну.

«Государю моему батюшку (sic) князю Василью Васильевичю сынишко твой Алешка, благословенія прося, челомъ бьетъ. Здравствуй, государь мой батюшка, на многія лѣта! А ко мнѣ прикажи писать о своемъ здоровьѣ — какъ тебя, государя моего, Христосъ милуетъ? А изволишь, государь, вѣдать про здоровье государыни бабушки княгини Татьяны Ивановны, и про государя дѣдушка Ивана Ѳедоровича, и про государыню бабушку Настасью Ивановну, и про матушку, и про сестрицу, и про меня изволишь напаметовать—и мы всѣ іюня въ 17-й день далъ Богъ здоровы, а впредь уповаемъ на милость Божію.

«Да поѣхалъ къ тебѣ, батюшко, полковникъ [2]) и билъ челомъ мнѣ, чтобъ до него милостивъ былъ.

«Потомъ у тебя, государя, благословенія прошу и много множестio челомъ бью».

На оборотѣ: 1) «Государю моему батюшку князю Василью Васильевичю» [3]).

2) «Августа въ 8-й день подалъ грамотку полковникъ Гаврило Ѳартурнеръ».

---

[1]) Тотъ-же И. Масловъ вмѣстѣ съ этимъ письмомъ доставилъ князю Василью Васильевичу и письмо матери отъ 28-го іюля (см. № VI).

[2]) Имя его см. ниже, въ помѣтѣ о доставкѣ настоящей грамотки.

[3]) Въ остальныхъ грамоткахъ сына читаемъ такой-же адресъ.

Н. О.

X.

«Государю моему батюшку князю Василью Васильевичу сынишко твой Алешка, благословенія прося, челомъ бью. Здравствуй, государь мой батюшка, на многія лѣта! Прикажи, государь, писать про свое многолѣтное здоровье— какъ тебя, государя моего, милосердый Владыко своимъ милосердіемъ хранитъ? А изволишь, государь, вѣдать про бабушку княгиню Татьяну Ивановну и про дѣдушка (sic) Ивана Өедоровича, и про бабушку Настасью Ивановну, и про матушку княгиню Овдотью Ивановну, и про сестрицу княжну Ирину Васильевну, и про меня, государь, изволишь напаметовать—и мы на Москвѣ іюля въ 12-й день всѣ далъ Богъ здоровы а впредь уповаемъ на милость Божію.

«Да челомъ, государь бью, батюшка, на твоемъ жалованьѣ на мыльцѣ.

«Писавы сынишко твой Алешка, благословенія прося и много челомъ бью».

Помѣта: «Іюля въ 23-й день, подалъ грамотку Стеѳанъ Ловчиковъ».

XI.

«Государю моему батюшку, князю Василью Васильевичю сынишко твой Алешка, благословенія прося и много челомъ бьетъ. Буди, государь мой, здоровъ на многія лѣта! А ко мнѣ, государь мой батюшка, прикажи писать про свое многолѣтное здоровье—какъ тебя, государя моего батюшка, Богъ милуетъ? А изволишь, государь мой батюшка, изволишь вѣдать про здоровье государыни моей бабушки, и государыни моей сестрицы, и про меня — и государыня моя бабушка княгиня Татьяна Ивановна, и государыня моя матушка княгиня Авдотья Ивановна, и государыня моя сестрица княжна Ирина Васильевна, и я на Москвѣ іюля въ 24-й день живы до воли Божіи, а впредь Богъ воленъ.

«Да буди, государь мой батюшка, тебѣ вѣдомо, что я слова выписалъ и пишу другой складъ.

«А дѣдушка государь Иванъ Өедоровичъ и государыня бабушка Настасья Ивановна по се писаніе далъ Богъ здоровы.

«Писавы сынишко твой Алешка, благословенія прося и много челомъ бью до лица земнаго.

«Да буди, государь мой батюшка, тебѣ вѣдомо: бабушка и матушка и мы ѣздили къ Троицѣ нынѣ молитца».

Помѣта: «Іюля въ 30-й день, подалъ грамотку Іонъ Левонтьевъ».

XII [1]).

«Государю моему батюшку князю Василью Васильевичю сынишко твой Алешка, благословеніе прося и челомъ бьетъ. Буди, государь мой, здоровъ на многія лѣта!

«Пи(са)вый [2]) сынишко твой, благословеніе прося, много челомъ бью.

«Аверкей и Головкинъ живутъ при моей милости.

«Да здравствуй, государь мой батюшка, съ новорозженною дочерью, а съ моей сестрицею»! [3]).

На оборотѣ: 1) «Государю моему батюшку князю Василью Васильевичю» [4]).

2) «Августа въ 9 день подалъ грамотку Михайловъ приказу Уварова деньщикъ Макарко Васильевъ».

XIII.

Отъ кн. Алексѣя Васильевича и княжны Ирины Васильевны — отцу ихъ кн. В. В. Голицыну.

«Государю нашему батюшку князю Василью Васильевичю дѣтишки твои Алешка, да Орютка, благословеніе прося и челомъ бьемъ. Здравствуй, государь нашъ батюшка, на многія лѣта! А къ намъ, государь нашъ батюшка, прикажи писать про свое многолѣтное здоровье—какъ тебя, государя нашего, Богъ милуетъ? А изволишь, государь нашъ батюшка, вѣдать про здоровье государыни нашей бабушки, и государыни нашей матушки, и про здоровье государя нашего дѣдушки и государыни нашей бабушки—и государыня наша бабушка княгиня Татьяна Ивановна, государыня наша матушка княгиня Авдотья Ивановна, и государь нашъ дѣдушка Иванъ Ѳедоровичъ, и государыня наша бабушка Настасья Ивановна, и мы на Москвѣ іюня въ 24-й день до воли Божіи живы, а впредь Богъ воленъ.

«Да пожалуй, государь нашъ батюшка, не держи насъ безъ вѣсти о своемъ многолѣтномъ здоровьѣ.

---

[1]) Собственноручная грамотка молодаго кн. Алексѣя.

[2]) Эта фраза встрѣчается и въ другихъ грамоткахъ сына (№№ X, XI, XIII), но тамъ ея нельзя понимать буквально, такъ какъ изъ всѣхъ грамотокъ сына только одна несомнѣнно собственноручная—№ XII.

[3]) Всѣ абзацы № XII находятся въ оригиналѣ, въ остальныхъ-же грамоткахъ они сдѣланы мною для удобства чтенія.

[4]) Адресъ—тоже собственноручный. Н. О.

«Да изволь, государь, сказать отъ меня Алешки Ивану Петровичю да Льву Петровичю—челомъ бьетъ.

«Писавы дѣтишки твои Алешка да дочеришка твоя Орютка много челомъ бьютъ».

На оборотѣ: 1) «Государю нашему батюшку князю Василью Васильевичю».

2) «Августа въ 3-й день подалъ грамотку Михайло Козловъ».

XIV.

«Государю нашему батюшку князю Василью Васильевичю сынишко твой Алешка, да дочеришко твоя Оринка, благословенія прося, челомъ бьемъ. Здравствуй, государь нашъ батюшко, на многія лѣта! А къ намъ, государь, прикажи писать о своемъ многолѣтномъ здоровьѣ — какъ тебя, государя нашего, милосердый Владыко своею милостію хранитъ? А изволишь, государь нашъ, вѣдать про бабушку княгиню Татьяну Иванову, и про дѣдушка Ивана Ѳедоровича, и про бабушку Настасью Ивановну, и про матушку княгиню Овдотью Ивановну, и про насъ, государь нашъ батюшко, изволишь напаметовать—и мы іюля въ 29-й день всѣ далъ Богъ здоровы, а впредь уповаемъ на милость Божію.

«Да указалъ, государь батюшко, великій государь, спальникамъ всѣмъ быть за собою съ обушками, а у меня, государь, обушка нѣтъ и подобушника, государь нѣтъ, а безъ тебя, государь, здѣлать не смѣемъ. Будетъ у тебя, государь батюшко, есть лишней обушикъ съ подобушникомъ—и ты, государь, изволь ко мнѣ прислать.

«Потомъ у тебя, государя, благословенія просимъ и много множество челомъ бьемъ».

Помѣта: «Августа въ 6-й день подалъ грамотку Ѳедорова приказу Головленкова деньщикъ Ивашко Масловъ» [1]).

---

[1]) Эта грамотка доставлена вмѣстѣ съ грамотками подъ №№ VI и VIII.
Н. О.

XV.

Анастасія Ивановна Стрешнева—зятю своему кн. В. В. Голицыну.

«Свѣту моему государю князю Василью Васильевичю Иванова женишка Θедоровича Настька челомъ бьетъ. Здравствуй, свѣтъ мой, князь Василей Васильевичъ, на многія лѣта! Изволишь вѣдать про здоровья государя моево Ивана Θедоровича: государь мой Иванъ Θедоровичъ при государской милости далъ Богъ здорова. А мать твоя, государыня моя княгиня Татіана Ивановна и съ княгинею Авдотьею Ивановною, съ Алешенькою и съ Аринушкою іюля въ 12-й день далъ Богъ здоровы, и я жива по тошь число, а впреди Богъ воленъ.

«Да пожалуй, свѣтъ мой, князь Василей Васильевичъ, пиши къ намъ про свое многолѣтное здоровье.

«Буди тебѣ, свѣту моему, вѣдомо: на празникъ Ризы Спасовой государь пожаловалъ дву окольничихъ Андрея Чирикова да Петра Тимофѣевича Кондырева.

«Алешенька ѣздилъ почасто (въ) верхъ.

«Писалъ ты, свѣтъ мой, про Ивана Тимирязева, что пожаловалъ велѣлъ написать за собою: и я на томъ твоемъ жалованьѣ челомъ бью, что ты пожаловалъ такова бѣднова человѣка! Пожалуй, свѣтъ мой, не давай ему пить и бражничать и унимай ево, наказывай ево почасту.

«А про всякія дѣла пишетъ къ тебѣ мать твоя княгиня Татіана Ивановна. А потомъ тебѣ, свѣту моему, много челомъ бью и буди, свѣтъ мой, Богомъ хранимъ».

На оборотѣ: 1) «Свѣту моему государю князю Василью Васильевичю».

2) «Іюля въ 23-й день подалъ грамотку Ондрей Петровъ сынъ Максоловъ».

XVI.

«Свѣту моему, государю князю Василью Васильевичю Иванова женишка Өедоровича Настька челомъ бьетъ. Здравствуй, свѣтъ мой князь Василей Васильевичь, на многія лѣта! Изволишь вѣдать про здоровья государя моево Ивана Өедоровича: государь мой Иванъ Өедоровичь при государской милости далъ Богъ здорова. А мать твоя, государыня моя княгиня Татіана Ивановна и съ княгинею Авдотьею Ивановною, съ Алешенькою и съ Аринушкою іюля въ 24 день далъ Богъ здорова, и я жива по тошь число. Пожалуй, пиши о своемъ здоровьѣ. Потомъ тебѣ, свѣту своему, много множества челомъ бью и буди, свѣтъ мой, Богомъ хранимъ!»

Помѣта: «Іюля въ 30 день подалъ грамотку Іона Левонтьевъ». [1])

Сообщ. **Н. Н. Оглоблинъ.**

[1]) Эта грамотка тещи доставлена кн. Василью Васильевичу Іоною Левонтьевымъ вмѣстѣ съ грамотками матери (№ III) и сына (№ XI). **Н. О.**

Реляція адмирала Апраксина о побѣдѣ надъ шведами

16-го октября 1708 г. у дер. Криворучья [1]).

«Державнѣйшему великому государю царю и великому князю Петру Алексѣевичу всеа великія и малыя и бѣлыя Росіи самодержцу:

Въ нынѣшнемъ 1708 г. августа 29 числа, какъ непріятель чрезъ великой огонь со многимъ потеряніямъ людей рѣку Неву перешедъ, пошелъ со всѣмъ корпусомъ въ Ижерскую землю, о томъ я прошедшаго сентября 1 числа къ вашему величеству въ армею писалъ, и какъ оный непріятель, приступя со всѣмъ корпусомъ къ морю, въ Сойкнискомъ погостѣ близь деревни Криворучья здѣлалъ таржаментъ, и засѣкшись лѣсами, началъ убиратца пантонами и плотами въ корабли, а лошадей своихъ стрѣлять. Увѣдавъ я о томъ подлинно сего октября 12 числа, собрався съ 5 баталіоны пѣхоты и съ баталіономъ гранодеровъ и съ двумя тысячи драгунъ и съ выборными роты и съ казаками, отъ Нарвы за непріятелемъ пошелъ, и оставя регулярные войска, дошелъ за 7 верстъ сегожъ октября 15 числа и отправилъ выборные роты и казаковъ, и приказалъ ѣхать до самого обозу, чтобъ достать знатковъ языка, которые такъ и учинили и взяли порутчика. И увѣдавъ отъ того порутчика, что непріятель стоитъ въ вышепомянутомъ таржаментѣ, засѣкшись лѣсами, съ 5 баталіоны, и перевозятца (на корабли) непрестанно, дождавшись я ковалеріи, немедленно пошелъ, а къ пѣхотнымъ полкамъ послалъ, чтобъ поспѣшали. И пришли противъ 16 числа за 3 часа до свѣта, и какъ собрались, немедленно на непріятеля пошелъ въ 8-мъ часу по полуночи, и не дошедъ мало мушкетной стрѣльбы, дале послалъ вахтмейстера Стразбурха, съ барабанщикомъ и велѣлъ сказать чтобъ сдались и штурмовать себя не дали, а ежели допустятъ штурму съ потеряніемъ нашихъ людей, то живота имъ не будетъ, на что намъ непріятель отказалъ жестоко. То я тотчасъ приказалъ къ непріятелю приступать и въ 10-мъ часу пополуночи началась баталія. И когда начали наши приближатца, то непріятель изъ таржамента жестоко по нашихъ стрѣлялъ, однакожъ афицеры наши и солдаты, не смотря на непріятельскую стрѣльбу-маеоръ Грековъ съ гранодеры обшелъ до самого моря, и за ними послѣ, довали другіе баталіоны, и зашедъ водою, въ таржаментъ вошли, и непріятелей привели въ конфузію. И побили человѣкъ съ 600, а другіе побѣжали въ воду и въ отводной городокъ, и тѣхъ такожде въ трупъ положили

[1]) Этотъ документъ, хранящійся въ московскомъ архивѣ Мин-ва Юстиціи, найденъ покойнымъ А. А. Востоковымъ. Напечатанъ здѣсь съ сохраненіемъ правописанія подлинника.

Н. О.

человѣкъ съ 300, а послѣднихъ по лѣсамъ покололи и въ полонъ поимали. При которой баталіи былъ непріятельской ѳлотъ поставленъ въ линѣю, въ которомъ были два ѳлагмана — адмиралъ и шаубейнахтъ, и по насъ стрѣляли, однакожъ намъ никакого вреда не учинили. И генералъ-маеоръ Либекеръ былъ въ тѣхъ часѣхъ на адмиральскомъ кораблѣ и тое нашу баталію видѣлъ. А до баталіи непріятель лошадей всѣхъ покололъ и пострѣлялъ, которыхъ положено около таржаменту больши 6000. А сколько на той баталіи отъ непріятеля взято аѳицеровъ и другихъ чиновъ, и кто имяны, и что съ нашей стороны побито и ранено—тому при семъ посылаю реляцыю, и велѣлъ подать въ розрядѣ боярину Тихону Никитичу Стрешневу съ товарищи». «Вашего величества нижайшій рабъ адмирал Апраксин» [1]).

«Изъ Нарвы октября 22 дня 1708 г.»

«Реляцыя, что на вышепомянутой баталіи взято шведовъ въ полонъ: маеоръ Гиндрихъ—Матисъ Ѳонзейленберхъ, капитаны Крестьянъ-Яганъ Густавсонъ, Эргартъ-Дидрихъ Врангель, Яганъ-Фридрихъ Тентебрантъ, Гиндрихъ-Вилгелмъ Ѳонбремсемъ».

Далѣе привожу извлеченія изъ «реляціи».

Кромѣ указанныхъ офицеровъ, взяты еще были «въ полонъ»: 6 «порутчиковъ», 2 «прапорщика», 2 «квартермистра», 1 «отютантъ», «пасторъ Мартинъ Ѳейке) «лѣкарь» (Яганъ-Іосифъ Спринцель), затѣмъ — 16 «сержантовъ», 3 «каптенармуса», 4 «подпрапорщика», 14 «капраловъ», 4 «писаря», 3 «габоиста», 5 «барабанщиковъ», 2 «пушкаря», 2 «рейтора», 77 «салдатъ», 3 «праѳоса», 1 «капитанской служитель» и 1 «подводчикъ» (имена всѣхъ ихъ приведены въ «реляціи»).

«Всего взято въ полонъ аѳицеровъ и урядниковъ и рядовыхъ 153 человѣка».

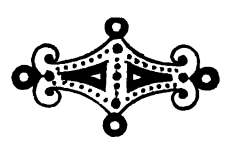
«Нашихъ побито: подполковникъ 1, маеоръ 1, капитановъ 5, поручиковъ 2, урядниковъ и рядовыхъ 49; ранено: подполковникъ 1, маеоръ 1. капитановъ 3, поручиковъ 7, прапорщикъ 1, урядниковъ и рядовыхъ 207. Съ баталіи не явилось 2 (человѣка). Изъ выборныхъ ротъ взяты въ полонъ, которые посыланы въ партіи: прапорщикъ 1, рядовой 1, раненъ рядовой 1». (Имена русскихъ убитыхъ и проч. не приведены).

Вся реляція писана на 6-ти листахъ. На оборотѣ листа:

1) «Великому государю царю и великому князю Петру Алексѣевичю всеа великія и малыя и бѣлыя Росіи самодержцу».

2) «1708 г. октября въ 28 день въ ночи» (т. е. получена реляція).

Сообщ. Н. Н. Оглоблинъ.



[1]) Послѣднія два слова—автографъ адмирала Апраксина. Н. О.

НОВГОРОДСКІЕ СЕМИНАРИСТЫ

въ XVIII-мъ вѣкѣ.

Очеркъ.

Октября 30-го 1890 года новгородская духовная семинарія торжественно отпраздновала свой юбилей. Въ этотъ день исполнилось 150 лѣтъ съ того времени, какъ Новгородская духовная семинарія, незадолго до этого, 1740 года 23-го мая, получившая, по указу блаженныя и вѣчнодостойныя памяти ея императорскаго величества государыни императрицы Анны Іоанновны, штаты, имѣетъ свое пребываніе въ Антоніевомъ Римлянина монастырѣ (въ двухъ верстахъ отъ Новгорода).

Жизнь семинаріи за 150 лѣтъ ея существованія представляетъ много интереснаго и поучительнаго, причемъ она распадается въ историческомъ отношеніи на двѣ части: жизнь семинаріи въ прошломъ вѣкѣ или до реформы духовно-учебныхъ заведеній 1814 года и жизнь семинаріи въ настоящемъ вѣкѣ. Извѣстно, какою строгостію, а часто жестокостію, отличалось образованіе юношества въ учебныхъ заведеніяхъ духовныхъ и свѣтскихъ даже въ первой четверти и, можно сказать, во всей первой половинѣ настоящаго столѣтія, какъ въ нихъ царило во всей силѣ тѣлесное наказаніе, какъ точно оправдывалась здѣсь русская пословица: „корень ученія горекъ“.

Въ настоящей замѣткѣ я хочу сообщить нѣсколько бытовыхъ чертъ изъ жизни новгородской семинаріи за прошлое столѣтіе въ полной увѣренности. что онѣ представятъ собою историческій интересъ для характеристики какъ духовно-учебныхъ заведеній того времени, такъ и всей вообще общественной жизни, насколько въ этихъ чертахъ отразился духъ времени.

Въ поведеніи семинаристовъ въ прошломъ вѣкѣ существованія семинаріи отличительною чертою является грубость нравовъ, достаточно объясняемая общимъ духомъ времени. Примѣръ, когда семинаристы 10-го мая 1747 года, послѣ чрезмѣрнаго пьянства, многихъ продерзостей, своевольствъ и съ ругательствомъ и похвальбою на учителей нападокъ, сорвали даже архимандрическій крестъ съ ректора, служитъ довольно яркимъ доказательствомъ нравственной нестроенности семинаристовъ того времени. Иного нравственнаго настроенія у семинаристовъ трудно и ожидать, такъ какъ въ Антоніевъ монастырь были посылаемы въ семинарскую работу въ видахъ экономіи на содержаніе семинаріи всѣ духовныя лица, требующія исправленія, а такія лица естественно давали плохіе примѣры жизни, такъ какъ пьянство, драки, буйство и другіе пороки были обычными пороками духовенства того времени, какъ это видно изъ указовъ, при которыхъ присылались изъ консисторіи такія духовныя лица въ семинарскую работу. Несмотря на то, что тѣлесное наказаніе царило во всей своей силѣ, простираясь даже и на семинарскихъ служителей: ихъ и учениковъ сѣкли лозами, плетьми и сковывали въ ножныя желѣза, примѣровъ всѣхъ этихъ проступковъ въ средѣ семинаристовъ очень много. Нерѣдко ученики, чтобы отдѣлаться отъ наказанія, заявляли „слово и дѣло государево". Такъ поступилъ ученикъ философіи Петръ Мелетіевъ (въ 1748 г., „наказываемый ректоромъ за нѣкое прегрѣшеніе". Въ 1759 году 27-го февраля, когда ректоромъ былъ за пьянство наказываемъ лозами ученикъ богословія Яковлевъ, при собраніи высшихъ школъ, то объявилъ за собою „слово и дѣло государево". Ученикъ школы инфимы 3-го мая того-же года объявилъ за собою ложно „слово и дѣло", а когда его собрались наказать за это лозами, то онъ снова объявилъ то-же. Такихъ учениковъ сейчасъ-же передавали въ консисторію, а та въ свѣтскую команду для отсылки въ тайную канцелярію.

Ученіе сухое, безжизненное имѣло въ себѣ слишкомъ мало привлекательнаго; суровая жизнь въ семинаріи также не могла служить приманкою, а не развитое сознаніе пользы науки какъ въ дѣтяхъ, такъ и въ родителяхъ произвело особое явленіе въ жизни семинаріи—бѣгство изъ нея. Впрочемъ, надо замѣтить, что бѣгство въ этотъ періодъ русской жизни (бироновщина, пугачевщина, усиленные наборы) было развито не въ одной семинаріи: бѣжали крестьяне отъ помѣщиковъ, бѣжали монахи изъ монастырей, священники отъ своихъ приходовъ, служители семинарскіе отъ своихъ работъ. Напримѣръ, по сохранившимся въ семинарскомъ архивѣ промеморіямъ консисторіи, въ одномъ 1764 году сыскивались 24

человѣка монашествующихъ, бѣжавшихъ изъ разныхъ монастырей. Въ промеморіяхъ обозначались ихъ примѣты, иногда довольно странныя, такъ: изъ Далматова монастыря бѣжалъ іеромонахъ Илья Иванинъ 62-хъ лѣтъ; въ числѣ примѣтъ обозначено: „кланяется съ присядкой на подобіе раскольниковъ"; изъ Троицкаго Алебѣжалъ ксандро-Невскаго монастыря іеромонахъ Дороѳей, лѣтъ за 40, умѣетъ часы починивать. Въ 1746 году бѣжалъ отъ библіотеки семинарской опредѣленный для караула ея солдатъ, а въ томъ-же году 7-го іюня бѣжалъ писецъ комиссара Степанъ Дьяконовъ, двои сутки содержавшійся подъ карауломъ за отлучки, бѣжалъ изъ-подъ караула и въ желѣзахъ. Вплоть до 1800-хъ годовъ, хотя и въ меньшихъ размѣрахъ съ 1780-го года, бѣгство семинаристовъ идетъ изъ года въ годъ. Они терпѣли голодъ и холодъ, несли тяжелыя работы, лишь-бы не учиться. „Обывали черезъ пятеры сутки въ Новѣ-городѣ, укрываясь дневною порою по улицамъ, а ночною по разнымъ обывательскимъ садамъ и питались милостынею", показывали на допросѣ трое бѣжавшихъ семинаристовъ. Въ 1745 году еще ученикамъ всѣхъ школъ былъ объявленъ указъ его преосвященства „въ такой силѣ, что ежели куда кто изъ нихъ, учениковъ, съ объявленія сего указа хотя единожды побѣжитъ, таковой кромѣ всякаго помилованія какой-бы онъ ни былъ школы ученикъ, по жестокомъ на тѣлѣ наказаніи, прямо въ военную ея императорскаго величества службу въ матрозы отданы или вѣчно на каторгу сосланы будутъ". Въ исполненіи указа ученики всѣхъ школъ подписались собственноручно, но въ 1746 году по вѣдомости, представленной въ Синодъ, бѣжавшихъ было 25 человѣкъ. Въ 1747 году въ іюнѣ мѣсяцѣ 5 учениковъ философіи бѣжали въ Петербургъ къ его преосвященству съ жалобою на обиды, но изъ конторы архіепископа Стефана они были отправлены съ паспортами обратно съ съ предписаніемъ: „за побѣгъ учинить въ домѣ его преосвященства посредѣ двора наказаніе—бить плетьми нещадно, дабы впредь какъ имъ, такъ и другимъ, на то смотря, чинить было неповадно". Въ 1754 году по вѣдомости, представленной въ синодъ изъ семинаріи, съ 1748 года въ бѣгахъ числилось 94 человѣка,—цифра значительная.

Что терпѣли бѣглецы изъ семинаріи, —это лучше всего видно изъ ихъ собственныхъ показаній, даваемыхъ ими въ семинарской конторѣ по возвращеніи изъ бѣговъ.

а) 1748 года 23-го ноября школы фары бѣжавшій въ 1746 году 20-го мая ученикъ Исай Исаевъ о побѣгѣ своемъ и прочемъ допрашиванъ, а въ допросѣ сказалъ: „Въ прошломъ 1746 г., котораго мая не помнитъ, изъ оной семинаріи подлинно бѣжалъ, а по сбѣгѣ изъ

семинаріи жительство имѣлъ въ разныхъ мѣстахъ: Новгородскаго уѣзда, Передольскаго погоста у пономаря Василья, а чей сынъ не знаетъ, съ іюня мѣсяца по октябрь мѣсяцъ, а живучи у него сына его Ивана училъ русской грамотѣ, а отъ него взятъ онъ помѣщикомъ Матѳеемъ Тырновымъ въ помѣстье его село Самокражу для ученія крестьянскихъ дѣтей русской грамотѣ, а отъ него пришелъ къ брату родному, дьячку церкви Николая чудотворца, что на Дворищахъ, который и объявилъ его въ семинарію префекту". За побѣгъ ему, Исаю, при собраніи учениковъ, наказаніе учинено.

б) 1761 года дѣло о бѣгломъ ученикѣ Лаврентіи Іоакимовомъ который былъ взятъ въ 1753 году 7-го іюля въ семинарію для обученія указныхъ наукъ, въ которой находился первѣе для доученія русской грамотѣ съ годъ, а потомъ введенъ въ школу фару, въ которой обрѣтался до декабря 1754 года, откуда, не хотя учиться, бѣжалъ и пошелъ по тракту къ дому своему, останавливаясь у крестьянъ. Пришелъ къ матери и жилъ съ полгода. Мать стала просить отправить его въ духовное правленіе, тогда онъ убѣжалъ въ Нарву, гдѣ жилъ у отставнаго солдата, исполняя домашнія работы болѣе полугода, а потомъ пошелъ во Псковъ, но его на заставахъ караульные не пустили. Онъ отправился къ дядѣ священнику, у коего завѣдомо жилъ два года, исправляя работы, но не захотѣлъ. Въ 1757 году возвратился самъ собою въ семинарію, гдѣ за побѣгъ, при собраніи учениковъ, былъ наказанъ лозами и опять опредѣленъ въ семинарію ко ученію, токмо, не захотя учиться, въ скоромъ времени вторительно изъ той семинаріи бѣжалъ и на ночлегъ попалъ къ одному помѣщику, который, узнавъ, что онъ бѣглый семинаристъ, оставилъ его у себя обучать грамотѣ слугу; у котораго помѣщика сначала для обученія грамотѣ слуги, а потомъ и для разныхъ домашнихъ работъ жилъ близъ трехъ лѣтъ до смерти помѣщика. Въ 1760-мъ году пошелъ въ С.-Петербургъ для испрошенія прощенія у его преосвященства и увольненія отъ семинаріи. Его преосвященство приказалъ быть ему въ работѣ въ его домѣ, а въ генварѣ 1761 года послалъ съ паспортомъ въ семинарію-но онъ пошелъ сначала домой, а 4-го февраля пришелъ въ семинарію. Будучи въ тѣхъ бѣгахъ, на разбояхъ и воровствахъ не бывалъ... Семинарская контора, по указу 1757 года 6-го декабря, постановила сдать его въ военную службу, а родителей и родственниковъ, державшихъ его у себя, лишить чиновъ ихъ непремѣнно. Но архіепископъ Димитрій Сѣченовъ велѣлъ ученика уволить изъ семинаріи для пріисканія церковническаго мѣста, а лицъ, у которыхъ онъ жилъ, оставить безъ послѣдствій.

в) 1764 г. 21-го сентября въ семинарской конторѣ допрошенъ

былъ пойманный въ бѣгахъ ученикъ русской школы Александръ Аггеевъ, который на допросѣ показалъ, что онъ 7-го марта 1763 г. взятъ былъ въ семинарію и еще въ школу фару не ходилъ, но обучался у инспектора, школы богословіи слышателя Артамона Иванова, „альвара“ и писать по-латынѣ, а за частыми отъ инспектора побоями за непонятіе имъ ученія, въ апрѣлѣ изъ семинаріи бѣжалъ. Не заходя къ отцу, пошелъ онъ къ крестьянину, жена тому на его теткѣ, гдѣ жилъ, исправляя домашнія и полевыя работы, по сентябрь, когда отецъ узнавъ, представилъ его въ контору, но онъ снова бѣжалъ и въ ноябрѣ отецъ его обратился съ прошеніемъ въ семинарскую контору, что сынъ его третій уже разъ бѣгаетъ отъ семинаріи, а ему отъ этого „волокида и разореніе“. Проситъ съ него не требовать болѣе сына.

г) 1767 года 20-го мая новгородской семинаріи ученикъ, сынъ священника, Козма Ефимовъ о побѣгѣ изъ семинаріи въ допросѣ сказалъ: 1761 года, въ мартѣ, взятъ для обученія въ новгородскую семинарію, но не захотѣлъ быть въ семинаріи и въ апрѣлѣ мѣсяцѣ бѣжалъ. Не живя въ Новгородѣ и не заходя домой, жительство имѣлъ у помѣщичьихъ крестьянъ въ разныхъ мѣстахъ для прошенія къ пропитанію себя милостыни полтора года, потомъ поселился у крестьянина Семена Иванова для исправленія разныхъ работъ на одинъ годъ, а чрезъ годъ пришелъ домой. Въ 1764 году явился въ консисторію и объявилъ, что бѣжалъ изъ семинаріи. Его держали подъ карауломъ и наказали лозами, а съ отца взяли денежный штрафъ, но все-таки семинариста уволили въ домъ отца, гдѣ онъ жилъ 1 годъ и 9 мѣсяцевъ. Въ 1766 году его вызвали въ консисторію и объявили, что онъ долженъ отправиться въ семинарію, но до указу отпустили домой, а онъ отправился въ Соловки и, возвратясь оттуда, не заходя домой, пошелъ въ Новгородъ. Боясь наказанія, однако, въ семинарію не пошелъ, а отправился въ Клопскій монастырь и жилъ у архимандрита Алексія въ кельѣ его завѣдомо бѣглый семинаристъ съ октября по 20-е мая, а теперь явился въ семинарію. Семинарское правленіе до усмотрѣнія опредѣлило его въ семинарскую работу, а объ архимандритѣ представить въ консисторію для поступленія по указамъ.

Не меньшее зло въ учебной и нравственной части составляла неявка учениковъ семинаріи съ каникулъ и недоставленіе ихъ родителями въ семинарію для обученія. Епархіальной власти приходилось не только употреблять угрозы, но и облагать родителей штрафами (съ 1760 года 2 рубля со священника и 1 рубль съ діакона въ каждый мѣсяцъ просроченный), забирать ихъ и дѣтей,

не отданныхъ въ ученье, въ семинарскую работу. Въ сохранившейся книгѣ паспортовъ за 1761 годъ значится очень много (свыше ста) паспортовъ, выданныхъ для пріисканія церковническихъ мѣстъ священническимъ сыновьямъ, обрѣтающимся въ семинарской работѣ 1 годъ 7, 6, 10 мѣсяцевъ. Въ томъ-же году (1761 г.) на прошеніе объ опредѣленіи въ пономаря Полижскаго погоста священникова сына Матѳея Кузьмина положена резолюція: „Понеже означенный священниковъ сынъ грамотѣ не умѣетъ, того ради, наказавъ его плетьми, отослать въ семинарію для обученія грамотѣ, да и отца его по прошествіи Пасхи сыскать въ семинарію, и держать въ работѣ чрезъ полгода". Священникъ, дѣйствительно, былъ сысканъ въ духовное правленіе и отъ погоста до погоста за карауломъ церковниковъ въ семинарскую контору посланъ, гдѣ и отбылъ полгода въ хлѣбенной семинарской работѣ.

Духовныя правленія по указамъ консисторіи, вызываемымъ требованіями семинаріи, посылали „приставовъ" забирать дѣтей школьнаго возраста. Такія-же порученія давались семинаристамъ высшихъ школъ при отправленіи ихъ на Рождество и Св. Пасху. Отправлялись „закащиками" дьячки и пономари для собиранія и привода дѣтей извѣстнаго возраста. Когда однажды олонецкій священникъ Григорій Ѳедоровъ донесъ, что пономари, назначенные въ провожатые священно-церковно-служительскихъ дѣтей, отказывались отъ этой обязанности, то консисторія опредѣлила наказать ихъ плетьми.

Сказки и свидѣтельства о священнослужительскихъ дѣтяхъ, подлежащихъ набору въ семинарію, ярко рисуютъ нежеланіе духовенства отдавать своихъ дѣтей въ школу. Какихъ болѣзней тутъ не выдумывалось: совершенное косноязычіе, болѣзни: и головная, и сердечная, и животная („охочъ выходить и изъ дому выпустить нельзя"), непоятіе, тупость, „такъ что въ 3 года часослову научить не могли". Но любопытнѣе всѣхъ показаніе (1764 г.) священно-церковнослужителей Великолуцкаго уѣзда Бучичина (Бутитино?) погоста: „У священника Ивана Васильева имѣется сынъ Андрей, который въ прошедшемъ 1757 году, въ лѣтнее время, въ подцерковьѣ Живоначальныя Троицы имѣлся съ прочими малолѣтними дѣтьми для хоронушки и незнаемо отчего показалось ему ужасное привидѣніе и нѣкто въ свѣтломъ блистаніи въ тоемъ подцерковьѣ пробѣжалъ и отъ того оный священниковъ сынъ испужался и находился въ великомъ страхѣ и какъ скоро изъ-подъ церковья выбѣжалъ, сталъ кричать и куда не подлежитъ бѣжать, отъ чего бываетъ съ того времени въ томъ страхѣ почасту и понынѣ и приходитъ въ безпамятство и робость, а паче отъ того здравіе

имѣетъ весьма слабое и одного оставить невозможно". Подписали 3 священника и діаконъ.

Болѣзни эти усиливались до крайней степени. Такъ, посланный для набору копіистъ духовнаго правленія Григорій Даниловъ написалъ, что одинъ діаконскій сынъ, какъ въ пріѣздъ его, такъ и до того имѣлся и нынѣ имѣется въ страшной болѣзни трясавицы, въ коей лежитъ съ мѣста неисходенъ; онъ-же находится въ неослабной красушной болѣзни.

Однимъ изъ средствъ избавиться отъ семинаріи считалась женитьба и пріисканіе церковническаго мѣста. Одинъ изъ бѣжавшихъ изъ семинаріи оказался по розыску 5 лѣтъ женатымъ и во время розысковъ „сошелъ для пріисканія церковническаго мѣста въ епархіи его преосвященства".

Въ 1761 году семинарская контора слушала доношеніе игумена Ниловской пустыни Амвросія, что одинъ изъ подлежащихъ къ высылкѣ въ семинарію священника Василія Өедорова сынъ Петръ женатъ въ 1758 году, будучи 13 лѣтъ.

Въ 1768 году женились 4 семинариста, отпущенные по домамъ на вакаціи и по разнымъ благословнымъ причинамъ. Что „оженивание" для избѣжанія семинаріи было въ ходу, доказываютъ распоряженія епархіальной власти. 1753 года 17-го марта преосвященнымъ Стефаномъ архіепископомъ новгородскимъ таковыхъ священноцерковничьихъ дѣтей, подъ лишеніемъ давшихъ вѣнечныя памяти и вѣнчавшихъ священства, вѣнчать было запрещено. Въ 1759 году, 15-го мая, преосвященнымъ Димитріемъ на разсужденіе семинарской конторы, что „многіе священнослужители дѣтей своихъ въ семинарію быть годныхъ для отбывательства отъ семинаріи оженивають", велѣно „священноцерковнослужителямъ таковыхъ дѣтей своихъ не женить, въ чемъ священноцерковнослужителей подъ опредѣленіемъ за преступленіе въ тяжкія монастырскія работы на трилѣтнее время обязать подписками".

Но не надо думать, что семинарія тогдашняя была страшна для всѣхъ ея питомцевъ. Среди этой неприглядной школьной обстановки являются истинные любители науки. Примѣръ такой любви къ наукѣ и семинаріи мы встрѣчаемъ въ священническомъ сынѣ Онисимѣ Осиповѣ, который, по окончаніи „четвероголнаго теченія" въ богословіи былъ уволенъ съ аттестатомъ для пріисканія честнаго мѣста. Этотъ молодой человѣкъ, 30-ти лѣтъ, пробывшій 14 лѣтъ въ семинаріи, прошеніемъ къ его преосвященству объявилъ:

„Сего-де текущаго 1766 года минувшаго іюля 17-го дня по милостивой его преосвященства объ увольненіи учениковъ, окон-

чавшихъ богословскій курсусъ, резолюціи получилъ, я проситель, яко произошедшій обыкновенныя семинарскія указныя науки, увольнительный отъ школъ апшитъ, но понеже я, да не будетъ зазрѣніе слову, молюся ненасытнымъ къ предпомянутымъ наукамъ содержимъ желаніемъ, а наипаче къ поученію во священной богословіи и ея многополезнѣйшихъ рѣшеніяхъ и разумѣніяхъ, какъ можетъ наисовершеннѣе въ ня проникнуть немощь человѣческая и къ вящшему навыкновенію языковъ греческаго, нѣмецкаго и самаго еврейскаго, аще уже и тако въ реченныхъ наукахъ, яко въ истомъ законѣ Господни по смотрительной Божіей милости, сколько къ понесенію школьныхъ трудовъ не мѣшала немощь человѣческая, поучился я, но оное въ наукахъ мое поученіе — Богу и его преосвященству благодареніе—послужило мнѣ точію къ вящшему возбужденію нѣкія во мнѣ ревнивѣйшей охоты къ вышшимъ и вышшимъ въ любомудріи восхожденіямъ, но не поспѣшило къ подобающему удовольствію желаній моихъ, и прошу я, дабы на оное мое желаніе благоволить учинить архипастырское благоразсмотрѣніе и на предпомянутыя священныя богословіи и реченныхъ языковъ школы повторительнаго хожденія милостивѣйшее дозволеніе".

Я привелъ цѣликомъ это прошеніе, характерное и по содержанію, и по изложенію, и по языку...

Резолюціею его преосвященства велѣно: „Означенному бывому ученику Онисиму Осипову, по желанію его въ семинаріи его преосвященства священную богословію слушать и показанныхъ въ прошеніи языковъ обучаться на казенномъ коштѣ, а келью ему въ той семинаріи отвесть особливую". Этотъ Онисимъ Осиповъ уволенъ изъ семинаріи съ апшитомъ, въ которомъ прописано, „что священную богословію онъ слушалъ по собственному его произволенію чрезъ шесть лѣтъ".

В. С—ъ.

КЪ ИСТОРІИ РУССКОЙ ЦЕНЗУРЫ

1861—1862 гг.

Пятнадцатаго апрѣля 1858 г. состоялось повелѣніе „о недопущеніи къ напечатанію сочиненій и журнальныхъ статей, въ которыхъ будетъ излагаться мнѣніе о принадлежащемъ, будто-бы, помѣщичьимъ крестьянамъ правѣ собственности на землю владѣльцевъ, которою они пользуются". Затѣмъ уже въ началѣ 1862 г. обращено вниманіе на то, что въ періодическихъ изданіяхъ все-таки появляются статьи, „въ которыхъ, на основаніи, будто бы, историческихъ разслѣдованій, высказывается мысль, что нынѣшнія помѣщичьи земли нѣкогда принадлежали и должны-бы принадлежать крестьянамъ, и изъ этого выводятся заключенія, несогласныя съ сущностью высочайше утвержденныхъ 19-го февраля 1861 г. Положеній и истекающихъ изъ нихъ правительственныхъ распоряженій. Такъ какъ заявленіе и развитіе такой мысли, съ одной стороны, распространяя ложныя понятія въ умахъ крестьянъ, а съ другой—раздражая помѣщиковъ поколебаніемъ идей о правахъ ихъ собственности, можетъ препятствовать успѣшному ходу развязки взаимныхъ отношеній между обоими сословіями, составляющей нынѣ (1862 г.) одну изъ главнѣйшихъ задачъ", то министерство внутреннихъ дѣлъ сносилось съ министерствомъ народнаго просвѣщенія о томъ: не слѣдуетъ-ли дать соотвѣтственныя указанія цензурному вѣдомству о недопущеніи въ печати статей, въ которыхъ высказываются мысли и выводы „о принадлежности, будто-бы, по историческому праву, помѣщичьей земли крестьянамъ". Управляющій министерствомъ народнаго просвѣще-

нія, вслѣдствіе этого, входилъ со всеподданнѣйшимъ докладомъ и по высочайшей волѣ предложилъ цензурнымъ комитетамъ: 1) чтобы въ газетахъ и литературныхъ журналахъ не допускалось вовсе статей о правѣ, будто-бы, собственности крестьянъ на землю, состоящую только въ ихъ пользованіи, и 2) чтобы въ книгахъ и чисто ученыхъ періодическихъ изданіяхъ подобныя статьи дозволялись не иначе, какъ ученыя разсужденія.

Въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ напечатана была статья мироваго посредника Одесскаго уѣзда Албранда „Образчикъ рѣшенія одного изъ вопросовъ по крестьянскому дѣлу“, заключавшая въ себѣ порицаніе постановленія губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, относительно требованія повинностей въ пользу помѣщиковъ съ временно обязанныхъ крестьянъ, надѣленныхъ одною только усадебною землею.

Найдено было неудобнымъ печатаніе въ газетахъ такого рода протестовъ со стороны мировыхъ посредниковъ на рѣшенія губернскихъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій, почему и сдѣлано было распоряженіе о недопущеніи, на будущее время къ печатанію подобныхъ статей.

Въ 85 нумерѣ газеты „Сѣверная Пчела“ напечатанъ былъ протестъ редактору „Военнаго Сборника“ отъ 106 офицеровъ, съ изъявленіемъ неудовольствія за напечатаніе въ журналѣ статьи „Кавалерійскіе очерки“, заключавшей въ себѣ, между прочимъ, защиту тѣлесныхъ наказаній въ войскахъ.

Протестъ этотъ со стороны 106 офицеровъ военный министръ призналъ несогласнымъ съ порядкомъ службы и требованіями дисциплины и закона, воспрещающаго всякое дѣйствіе скопомъ или заговоромъ.

Того-же числа напечатана была въ № 69 „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ корреспонденція изъ Варшавы, въ которой нѣкто Алексѣй Телятниковъ, отъ имени всего общества офицеровъ западнаго инженернаго округа, просилъ редакторовъ газеты стать посредниками между ними и студентами и увѣдомить: къ кому могутъ быть высланы деньги, собранныя офицерами по подпискѣ для вспомоществованія бѣднымъ студентамъ. По этому поводу военный министръ обратилъ вниманіе на то, что Телятниковъ въ служебномъ порядкѣ не можетъ представлять собою общества офицеровъ западнаго инженернаго округа и отъ имени всѣхъ офицеровъ просить редактора газеты о посредничествѣ между ними и студентами, ибо собранныя деньги могли быть отправлены по назначенію чрезъ начальство, вслѣдствіе чего состоялось общее распо-

ряженіе, чтобы редакторы газетъ и журналовъ „не помѣщали въ нихъ протестовъ и писемъ, присылаемыхъ обществами офицеровъ или отъ имени всего общества".

Въ газетѣ „Сѣверная Пчела" отъ 1-го апрѣля, за № 88, въ статьѣ подъ заглавіемъ: „Уѣздныя сберегательныя кассы", при указаніи на затруднительныя вообще для нашего народа формальности при сношеніи съ правительственными учрежденіями, сказано было, между прочимъ, слѣдующее: „услужливое посредничество является въ видѣ страшнаго для мужика чиновника. Извѣстно, что намъ легче получить письмо съ мыса Доброй Надежды, чѣмъ крестьянину въ деревнѣ получить вѣсточку изъ ближайшаго города. Чиновникъ—гроза для народа и г. Лугининъ совершенно основательно видитъ въ немъ помѣху всякому доброму начинанію". За тѣмъ: „онъ (крестьянинъ) и принужденъ отъ придирокъ чиновничьихъ откупаться". Далѣе, говоря о пользѣ уѣздныхъ сберегательныхъ кассъ, указывалось на легкость и скорость въ выдачѣ изъ оныхъ денегъ или билетовъ „безъ чиновничьихъ прижимокъ и проволочекъ, нынѣ встрѣчаемыхъ въ казначействахъ".

Всѣ отмѣченныя выраженія признаны были неумѣстными „по тому уваженію, что въ нихъ заключается безразличное обвиненіе цѣлаго сословія и возбужденіе къ оному ненависти и неуваженія народа".

Въ № 94 газеты „Сѣверная Пчела" перепечатана была изъ газеты „Промышленность" статья, подъ заглавіемъ: „О выкупномъ положеніи. Записка, читанная въ С.-Петербургскомъ чрезвычайномъ губернскомъ собраніи, въ январѣ 1862 г. М. Павловичъ".

Эта статья или записка заключала въ себѣ, какъ нашло министерство внутреннихъ дѣлъ, „самые рѣзкіе отзывы о высочайше утвержденномъ Положеніи 19 февраля 1861 г.". Такъ въ ней говорилось, между прочимъ, что Положеніемъ разъединены права собственности, что неопредѣлительность его правилъ и сохраненіе обязательныхъ отношеній крестьянъ къ владѣльцамъ должны были естественно повести къ недоброжелательству и разъединенію сословій; что необходимо положить конецъ неопредѣлительности имущественныхъ правъ; что выкупъ на предложенныхъ выкупнымъ положеніемъ основаніяхъ неосуществимъ и взаимное соглашеніе помѣщиковъ съ крестьянами невозможно; что основанія выкупнаго положенія несправедливы" и т. п.

Въ виду этого, министерство признало статью эту прямо направленною „противъ существующаго и дѣйствующаго закона", вслѣдствіе чего она должна была быть подведена общею цензурою

„подъ разрядъ сомнительныхъ, о которыхъ слѣдуетъ испрашивать мнѣнія подлежащаго вѣдомства“, причемъ статья эта подлежала-бы запрещенію, „потому что въ ней не только обсуждается, но положительно порицается только-что изданный весьма важный государственный законъ и доказывается его несправедливость, неосновательность и неосуществимость, въ самое критическое время, когда онъ приводится въ исполненіе и когда слѣдовало-бы стараться всѣми мѣрами не затруднять, а облегчать примѣненіе его на дѣлѣ. Если упомянутая записка и была прочтена въ сословномъ собраніи, имѣвшемъ право обсуждать свои интересы съ своей точки зрѣнія, то ее никакъ не слѣдовало допускать въ печати для публики“.

Въ № 96-мъ „Сѣверной Пчелы“ былъ помѣщенъ, въ передовой статьѣ, разборъ отчета министерства юстиціи за 1860 г., въ которомъ авторъ, „большею частью бездоказательно и голословно, и притомъ въ самыхъ неприличныхъ и желчныхъ выраженіяхъ“, обвинялъ нашу юстицію въ крайнихъ злоупотребленіяхъ, а приводимые изъ отчета факты подвергалъ „отчасти несправедливой критикѣ, оскорбительной для судебныхъ мѣстъ и нарушающей уваженіе къ нимъ и вообще къ нашимъ законамъ по судебной части“. Предпосылая общее сужденіе о томъ, что юстиція, допускающая незаконные поборы, „не стòитъ ни гроша, только развращаетъ народъ, растлѣваетъ нравы“ и т. д., авторъ, по мнѣнію министра юстиціи, „очевидно, мѣтилъ на нашу юстицію, потому что далѣе приписываетъ ей именно тѣ злоупотребленія, которыя заслуживали-бы подобнаго порицанія, и признаетъ нашу систему правосудія никуда не годною; хотя авторъ и утѣшается предстоящимъ вскорѣ преобразованіемъ нашего судопроизводства, но это скорѣе усиливаетъ, чѣмъ ослабляетъ ѣдкое поруганіе вообще настоящаго судебнаго устройства и въ особенности служащихъ по этой части“. Министръ юстиціи нашелъ неумѣстнымъ допущеніе въ печати „и особенно въ весьма распространенной газетѣ, статьи, наполненной бранью и клеветою на наши судебныя учрежденія“.

Въ № 105 „Сѣверной Пчелы“ помѣщена была статья, за подписью Дмитрія Телепнева, подъ заглавіемъ: „Провинціальная хроника“. Въ этой статьѣ описывались злоупотребленія и продѣлки предсѣдателя к—ой уголовной палаты П. А. С—ва, брата его А. А. С—ва, бывшаго прежде въ К. уѣздѣ земскимъ исправникомъ, а затѣмъ состоявшаго судебнымъ слѣдователемъ въ городѣ К—мѣ, становаго пристава К. уѣзда Н—ра, к—го губернскаго правленія и судебныхъ мѣстъ той-же губерніи. Авторъ утверждалъ своею подписью вѣрность изложенныхъ имъ фактовъ и грозилъ

чиновникамъ, что не оставитъ ихъ дѣйствій безъ вниманія и будетъ сообщать ихъ во всеобщее свѣдѣніе.

Министерство внутреннихъ дѣлъ полагало, что статьи этой въ настоящемъ ея видѣ не слѣдовало-бы допустить въ печати, потому что въ ней „слишкомъ явственно обозначены лица, обвиняемыя въ злоупотребленіяхъ, и притомъ подвергаются горькой укоризнѣ правительственныя учрежденія“.

Въ № 12 „Акціонера“, въ статьѣ подъ заглавіемъ: „О нашихъ средне-азіатскихъ дѣлахъ“, В. В. Григорьевъ, приведя нѣсколько фактовъ неудавшагося, будто-бы, поселенія русскихъ на низовьяхъ Сыра, заключалъ: „теперь уже дѣло испорчено, а лѣтъ тому десять назадъ, несмотря на всѣ неудобства, можно еще было колонизировать Сыръ людьми русской крови. Надо только было приняться не казеннымъ образомъ, а какимъ именно—мы указали; но планъ нашъ не былъ принятъ, какъ несообразный съ господствовавшими тогда, а и теперь еще господствующими, административными понятіями“. Далѣе авторъ объяснялъ, что „удержаніе въ покорности Коканскаго ханства, въ случаѣ завоеванія его, стоило-бы огромныхъ издержекъ, которыя и падутъ всею своею тяжестью на чисто русскія области, и безъ того отдувающіяся за всѣ финансово-филантропическія затѣи нашихъ бюрократовъ“; и что онъ пишетъ это „въ поученіе, между прочимъ, и нѣкоторымъ военнымъ людямъ, которые, въ стремленіи нахватать чиновъ и украситься разною кавалеріею, весьма не прочь втянуть правительство въ кровавое и совершенно безполезное дѣло завоеванія Ташкента“.

Цензору поставлено было на видъ, что означенныхъ выраженій не слѣдовало-бы допускать въ печати „по тому уваженію, что они заключаютъ въ себѣ укоръ частью правительственнымъ лицамъ“.

Въ „Виленскомъ Вѣстникѣ“, 10-го марта 1862 г., помѣщенъ былъ цѣликомъ, въ переводѣ на польскомъ языкѣ, отвѣтъ графа Росселя лорду Карнарвону, въ засѣданіи верхней палаты о положеніи дѣлъ въ Польшѣ. Въ отвѣтѣ этомъ, между прочимъ, графъ Россель, говоря о гимнахъ, пѣтыхъ поляками въ Варшавѣ по церквамъ, выразился, что гимны эти возвышаютъ народный духъ, воспламеняютъ поляковъ къ сохраненію знамени народности, выражаютъ тоскливое ожиданіе той минуты, въ которую пробьетъ часъ независимости. При этомъ ораторъ неодобрительно отозвался о дѣйствіяхъ варшавскаго правительства противъ возмутительныхъ манифестацій, выразившихся въ Варшавѣ въ уличныхъ скопищахъ и въ пѣніи гимновъ по церквамъ, прибавивъ, что дѣйствія эти имѣли пагубныя послѣдствія, усилили и возвысили народный духъ

(поляковъ), и объяснилъ, по дошедшимъ до него слухамъ, о какихъ-то совѣтахъ маркиза Велепольскаго русскому правительству, относительно учрежденія въ Царствѣ Польскомъ національнаго гражданскаго управленія, выразивъ, въ заключеніе, надежду, что въ недальнемъ будущемъ поданный Велепольскимъ совѣтъ будетъ услышанъ.

Допущеніе такихъ извѣстій въ печати, особенно на польскомъ языкѣ, признано было неудобнымъ, потому что они заключаютъ въ себѣ такія подробности, „которыя могутъ только еще болѣе развивать и усиливать въ читателяхъ раздраженіе, къ сожалѣнію и безъ того существующее, и повести къ возбужденію неосновательныхъ надеждъ на измѣненіе существующаго порядка“.

Въ концѣ апрѣля 1862 г. министерство внутреннихъ дѣлъ обратило вниманіе, что въ № 15 „Русскаго Міра“, въ одной изъ статей говорилось о (плохомъ поведеніи) тринадцатилѣтняго юноши Петра II. Въ подтвержденіе этого факта авторъ статьи ссылался на сочиненіе, тогда едва-ли кому доступное въ Россіи, именно: „La cour de la Russie il y a cent ans“. Вслѣдствіе того цензору было поставлено на видъ, что уже самый фактъ и цитата должны были обратить вниманіе его на эту статью, тѣмъ болѣе въ виду повелѣнія отъ 8-го марта 1860 года, въ коемъ сказано: „а какъ въ цензурномъ уставѣ нѣтъ особенной статьи, которая-бы положительно воспрещала распространеніе извѣстій неосновательныхъ и по существу своему неприличныхъ къ разглашенію о жизни августѣйшихъ особъ царствующаго дома, уже скончавшихся и принадлежащихъ исторіи, то, съ одной стороны, чтобы подобныя извѣстія не могли приносить вреда, а съ другой, дабы не стѣснять отечественную исторію въ ея развитіи—періодомъ, до котораго не должны доходить подобныя извѣстія, принять конецъ царствованія Петра Великаго“.

Въ № 14 „Гудка“ помѣщенъ былъ подъ заглавіемъ „Берточка и шалунъ“, „возмущающій душу“ разсказъ дворовой дѣвки о наказаніи ея розгами помѣщицею, за неисполненіе приказанія ея по надзору за двумя ея комнатными собаками.

Подлежащее вѣдомство признало, что пока еще не окончены отношенія дворовыхъ людей къ своимъ господамъ, необходимо воздержаться отъ такихъ разсказовъ „и постыдныхъ, по своему безнравственному содержанію, и возбуждающихъ еще болѣе неостывшую вражду новаго возникающаго сословія противъ ихъ прежнихъ владѣльцевъ“.

Въ февральской книжкѣ „Современника“ помѣщена была статья подъ заглавіемъ: „Уравненіе поземельнаго налога“. Весь смыслъ

этой статьи заключался въ томъ, что „вопросъ объ уравненіи налога сталкивается съ вопросомъ объ уравненіи доходовъ и здѣсь достигаетъ геркулесовскихъ столбовъ европейской практики“... Развивая во всей статьѣ эту основную мысль, авторъ ставилъ уравненіе налоговъ въ исключительную зависимость отъ уравненія доходовъ и, не находя этой аксіомы въ нашей финансовой системѣ, заключалъ о невозможности справедливаго распредѣленія налоговъ въ нашемъ отечествѣ, доказывая, что сельская промышленность и жизнь остаются у насъ закрѣпощенными, такъ какъ въ казну вносится вся получаемая крестьянами рента. Естественнымъ послѣдствіемъ такого порядка вещей представлялась, по мнѣнію автора, совершенная невозможность выкупа полевыхъ угодій. Авторъ заканчивалъ свою статью словами: „все, что можетъ уплатить земля, уплачивается ею въ фискъ косвенными налогами, болѣе взыскивать нечего“.

По поводу этой статьи министерство нашло, что „распространеніе въ печати противогосударственной теоріи соціализма о необходимости уравненія доходовъ колеблетъ неприкосновенность правъ гражданской собственности, свято охраняемой нашими законами, что эта теорія примѣняется въ статьѣ г. NN непосредственно къ нашей финансовой системѣ, и что авторъ взводитъ на правительство бездоказательное и несправедливое обвиненіе въ поглощеніи фискомъ всего поземельнаго дохода крестьянъ, возбуждая съ тѣмъ вмѣстѣ преграды къ поощряемому правительствомъ выкупу полевыхъ угодій“. Почему статья г. NN., противная, по точному смыслу 3 ст. цензурнаго устава п. б. кореннымъ государственнымъ постановленіямъ, подлежала въ полномъ своемъ составѣ запрещенію цензуры“.

Въ 3-й книжкѣ „Современника“ помѣщены были двѣ статьи, относившіяся до предположеннаго тогда преобразованія цензуры: 1) Письмо по дѣлу преобразованія цензуры („Соврем. обозрѣніе“, стр. 59) и 2) французскіе законы по дѣламъ книгопечатанія, Чернышевскаго. Обѣ статьи, по увѣренію авторовъ, написаны были вслѣдствіе объявленія высочайше учрежденной для этого комиссіи, приглашающей литературу къ участію въ уясненіи возникающихъ вопросовъ по сему предмету.

Въ 1-й статьѣ обратило на себя вниманіе министерства одно мѣсто, гдѣ высказана была мысль объ освобожденіи отъ всякой отвѣтственности авторовъ „по довольно странному предположенію“, что они, во время сочиненія, логическою послѣдовательностію мысли, могутъ быть увлечены за предѣлы, указанные распоряженіемъ правительства.

Во второй статьѣ, „послѣ чрезвычайно натянутой попытки доказать, что книгопечатаніе, какъ и всякое другое ремесло, можетъ вообще обойтись безъ спеціальныхъ законовъ и управляться одними общими", авторъ находилъ, что для тѣхъ государствъ, гдѣ эта спеціальность признавалась-бы нужною, французское законодательство представляетъ самый полный примѣръ. Поэтому въ статью свою онъ включилъ въ переводѣ текстъ важнѣйшихъ постановленій, изданныхъ тамъ съ 1814 года по 1862 г. За текстомъ слѣдовалъ подробный разборъ этихъ законовъ по эпохамъ ихъ изданія и по современнымъ видамъ и нуждамъ каждаго изъ правленій, смѣнившихся въ этомъ періодѣ времени во Франціи. Разборъ этотъ составлялъ рядъ комментаріевъ, довольно искусно подобранныхъ къ основной мысли автора, заключающейся въ томъ, что къ каждому изъ различныхъ правленій Франціи (кромѣ республики, когда не было цензуры), общественное мнѣніе было противно, что къ каждому изъ нихъ большинство народа питало враждебное чувство и что поэтому каждое имѣло необходимость стѣснять все болѣе и болѣе выраженіе общественной мысли".

Прійдя къ этому общему выводу, авторъ оправдывался, что не будетъ разбирать теперь вопроса: до какой степени нужны были-бы у насъ спеціальные законы по дѣламъ печати, и оканчивалъ такъ: мы опасаемся, что добросовѣстное изслѣдованіе привело-бы насъ къ отвѣту: „да, они нужны".

По соображеніи этого съ предъидущимъ выходило, что цензура у насъ нужна будто-бы для того, чтобы не давать высказываться общественному мнѣнію, неблагопріятному будто-бы для правительства. Въ такомъ смыслѣ статья эта была понята въ подлежащемъ вѣдомствѣ, причемъ послѣднее усмотрѣло еще въ помѣщенной въ томъ-же нумерѣ „Современника", „какъ-бы пріуготовительную къ общему заключенію" статью: „Журналистика во Франціи во время консульства и имперіи", гдѣ подробно и „въ рѣзкихъ чертахъ" описаны мѣры, которыя принималъ Наполеонъ I къ подавленію всякаго выраженія общественной мысли, и выказана безуспѣшность этихъ мѣръ и пагубныя ихъ послѣдствія для него-же самого. Всѣ эти статьи, какъ усмотрѣло министерство, „взаимно объясняются и дополняются, и въ одной, именно въ статьѣ о журналистикѣ, можно было сказать, и сказано много такого, что въ двухъ другихъ не было-бы пропущено; связь, существующая между ними, ведетъ къ заключенію, что сопоставленіе ихъ въ одномъ нумерѣ не есть дѣло случайности". При этомъ обращено было также вниманіе, что авторъ послѣдней статьи сгруппировалъ и выказалъ такія стороны

французской исторіи, которыя весьма близко подходили къ современнымъ обстоятельствамъ Россіи, и, представляя ихъ болѣе или менѣе въ неблагопріятномъ свѣтѣ, „возбуждалъ такимъ образомъ въ читателяхъ чувства неудовольствія и духъ порицанія прямо противу нашихъ правительственныхъ дѣйствій". По этимъ соображеніямъ было признано, что развитая въ упомянутыхъ статьяхъ „Современника" общая мысль „очевидно имѣетъ въ виду выставить въ невыгодномъ свѣтѣ ту цѣль, какую имѣетъ правительство въ виду, предполагая издать новыя постановленія о цензурѣ, и можетъ заранѣе поселить въ читателяхъ предубѣжденіе противу мѣръ, какія будутъ приняты въ этомъ отношеніи, и если не выраженіе, то мысль и направленіе означенныхъ статей противны нынѣ дѣйствующимъ цензурнымъ постановленіямъ". По поводу всѣхъ этихъ цензурныхъ упущеній статсъ-секретарь А. В. Головнинъ велѣлъ объявить цензорамъ, что „повтореніе подобныхъ случаевъ подвергнетъ ихъ отвѣтственности, такъ какъ многія изъ замѣченныхъ упущеній весьма важны".

Въ 85 номерѣ „Биржевыхъ Вѣдомостей", подъ рубрикою „Изъ Москвы", перепечатана была статья изъ „Акціонера", въ которой наше безденежье приписывалось неповоротливости, неловкости и тяжелой, излишней формальности въ характерѣ государственнаго банка и его конторъ, да и не одного его, а всѣхъ вообще нашихъ финансовыхъ учрежденій, гдѣ приходится мѣнять, получать и платить деньги. Нѣсколько примѣровъ такой формальности, даже злоупотребленій, какъ напримѣръ, объявленіе, что размѣна на серебро нѣтъ, а знакомые мѣнялы получаютъ сотни мѣшковъ, какъ будто доказывали правильность произнесеннаго приговора надъ нашимъ государственнымъ банкомъ и его конторами.

Министерство финансовъ нашло, что такая статья въ „Акціонерѣ" и перепечатка ея безъ опроверженія въ „Биржевой Газетѣ", оффиціальной для всѣхъ торговыхъ дѣятелей, „роняетъ авторитетъ государственнаго учрежденія. Финансовое вѣдомство само вызывало писателей на критику только своихъ проектовъ, но не законнаго хода уже дѣйствующихъ постановленій". А такъ какъ циркуляромъ отъ 27-го августа 1861 года предписано было: не допускать къ печати статей по тѣмъ изъ государственныхъ вопросовъ, которые уже поступили на разсмотрѣніе высшихъ государственныхъ учрежденій или получили окончательное разрѣшеніе, то министерство финансовъ сообщило объ этой статьѣ министерству народнаго просвѣщенія.

Въ № 15 „Искры", въ отдѣлѣ подъ заглавіемъ: „Искорки",

напечатанъ былъ циркуляръ попечителя виленскаго учебнаго округа князя Ширинскаго-Шихматова, съ надписью: „Замѣчательный циркуляръ". Въ концѣ статьи сдѣлано было слѣдующее замѣчаніе: „Вамъ нравится этотъ циркуляръ? Намъ очень нравится, потому что мы вообще шуму и огласки не любимъ". Въ этомъ усмотрѣнъ былъ прямой намекъ на то, что правительственныя лица у насъ не любятъ, будто-бы, огласки своихъ распоряженій, и очевидная насмѣшка надъ циркуляромъ виленскаго попечителя; даже отдѣлъ „Искорки" ясно показываетъ намѣреніе редакціи „Искры" поглумиться надъ оффиціальною бумагою.

Въ № 88 газеты „S.-Petersburger Zeitung", въ статьѣ подъ заглавіемъ: „Censur und Universität", подвергнуты были осужденію дѣйствія почтовой цензуры. „Цензура эта, по отзыву той статьи, до сего времени дѣйствуетъ, будто-бы, съ невѣроятною грубостію. Вмѣсто того, чтобы покрывать запрещенныя мѣста извѣстными черными пятнами, вырѣзываютъ цѣлыя страницы, не обращая вниманія на то, что на нихъ находится начало или конецъ другихъ невинныхъ статей. Такимъ образомъ, по высокомѣрію или небрежности, портятъ и то, что дозволено".

Столь рѣзкій отзывъ о почтовой цензурѣ признанъ былъ совершенно неумѣстнымъ въ печати.

Въ № 16 „Русскаго Міра" помѣщено было продолженіе романа Виктора Гюго „Отверженные". Въ этомъ отрывкѣ, въ разговорѣ сенатора и епископа, усмотрѣно было развитіе основныхъ мыслей матеріализма въ слѣдующихъ, между прочимъ, словахъ: „Человѣкъ—это угорь. Такъ, въ такомъ случаѣ, зачѣмъ вамъ Отца Небеснаго? Господинъ епископъ, гипотеза Іеговы меня утомляетъ. Она годна лишь на то, чтобы производить людей слабыхъ, которые мыслятъ тупо. Долой его, это великое все, оно мнѣ надоѣдаетъ. Да здравствуетъ ничего, оно меня оставляетъ въ покоѣ. Признаюсь вамъ, какъ пастырю, у меня вѣдь есть здравый смыслъ. Я не восторгаюсь вашимъ ученіемъ, которое на всѣхъ перекресткахъ проповѣдуетъ самоотреченіе и самопожертвованіе. Совѣтъ чисто скупца и нищаго. Отреченіе—зачѣмъ оно? Самопожертвованіе—къ чему?... Домовымъ пугаютъ дѣтей, а Іеговой—взрослыхъ. Нѣтъ, наше завтра есть потьма. За могилою только и есть, что одно небытіе, равное для всѣхъ... Имъ (нищимъ, пролетаріямъ) даютъ глотать всѣ подобныя легенды, химеры, какъ душа, безсмертіе, рай, звѣзды; они жуютъ ихъ, посыпая на свой черствый хлѣбъ. Ваше ученіе годно лишь для массъ".

Въ этихъ цитатахъ признано было „опопулизированіе идеи мате-

ріализма, уступающее только одному роману Евгенія Сю: Mystéres du peuple, который вреднѣе всѣхъ атеистическихъ сочиненій Штрауса и другихъ, и запрещенъ во Франціи и Германіи". Особенное вниманіе статсъ-секретаря Валуева обратила на себя бесѣда епископа съ умирающимъ революціонеромъ, „вотировавшимъ смерть тирана невѣжества"... „Такое пренебреженіе господствующихъ началъ всякаго благоустроеннаго общества въ романѣ Гюго должно было обратить вниманіе цензора. Здѣсь ясно высказывается одностороннее стремленіе автора-демократа подорвать религію и монархію, что противорѣчитъ основнымъ положеніямъ нашей цензуры".

Цензору, допустившему къ печати указанный отрывокъ, объявленъ былъ министромъ народнаго просвѣщенія выговоръ.

Въ № 14 „Гудка", подъ рубрикою Погудки, помѣщенъ былъ разсказъ о пріѣздѣ въ г. Ветлугу одного изъ ученыхъ, и о томъ, что вслѣдствіе рекомендаціи губернскаго начальства оказывать пріѣзжему вѣжливость и содѣйствіе въ его нуждахъ, мѣстные уѣздные чины исполнили такое приказаніе начальства тѣмъ, что явились къ пріѣзжему въ мундирахъ. Министерство нашло, что такого разсказа вовсе не слѣдовало допускать въ печати, „по тому уваженію, что онъ не имѣетъ въ виду никакой другой цѣли, кромѣ публичной насмѣшки надъ лицами служащими, съ указаніемъ даже мѣста служенія ихъ, отчего насмѣшка становится еще болѣе оскорбительною для тѣхъ, противъ кого направлена".

Въ „Сѣверной Пчелѣ" отъ 1-го мая, въ перепечатанной изъ „Самарскихъ Губернскихъ Вѣдомостей" статьѣ подъ заглавіемъ: „Самарская пристань", авторъ, разсказавъ объ убыткахъ, причиненныхъ судохозяевамъ ледоходомъ на рѣкѣ Самарѣ, и, упомянувъ о предположенномъ мѣстнымъ начальствомъ устройствѣ рѣчной пристани на этой рѣкѣ, продолжалъ: „были составлены на мѣстѣ изысканія и проектъ и представлены куда слѣдуетъ; но въ главномъ управленіи, говорятъ, нашли какія-то препятствія. Вотъ завидное положеніе нашей внутренней торговли! Одно и то-же дѣло на мѣстѣ занимаетъ всѣхъ, и администрацію, и сторону, заинтересованную, занимаетъ понятно почему: нужды на глазахъ, ихъ настоятельность очевидна, мертвая бумага и разсчеты самолюбій еще не коснулись своимъ тлетворнымъ духомъ... но коль скоро дѣло перешло на бумагу, исчезаетъ понемногу, со всею дѣйствительностію красокъ, и ожидаемая надежда".

Въ этихъ словахъ усмотрѣно было „указаніе на вредъ нашего дѣлопроизводства и нареканіе на главное управленіе путей сообщенія и публичныхъ зданій въ остановкѣ будто-бы удовлетворенія

неотлагательныхъ мѣстныхъ нуждъ, и въ помѣхѣ внутренней торговлѣ съ намекомъ, что это дѣлается изъ какихъ-то разсчетовъ самолюбія".

Цензору поставлено было на видъ, что „подобныя статьи подрываютъ довѣріе къ правительственнымъ учрежденіямъ".

Въ „Сѣверной Пчелѣ", отъ 7 мая, въ передовой статьѣ, перепечатано было изъ „Псковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей" постановленіе тамошняго губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія по просьбѣ четырехъ временно-обязанныхъ крестьянъ имѣнія помѣщика Лопухина, ходатайствовавшихъ о возвратѣ внесенныхъ ими въ вотчинную контору денежныхъ суммъ, взамѣнъ поставки съ ихъ семействъ рекрутъ, или о выдачѣ зачетныхъ для семействъ ихъ рекрутскихъ квитанцій. Губернскимъ присутствіемъ отказано было въ удовлетвореніи этого ходатайства крестьянъ, на томъ основаніи, что, за силою 2 примѣч. къ 24 ст. Общ. Пол. бывшимъ помѣщичьимъ крестьянамъ воспрещены иски и тяжбы по такимъ дѣйствіямъ и распоряженіямъ помѣщиковъ, кои совершились до обнародованія Положенія. Вслѣдъ за этимъ фактическимъ изложеніемъ дѣла, авторъ писалъ: „Подобнаго рода заявленій со стороны обманутыхъ крестьянъ было множество въ разныхъ великороссійскихъ губерніяхъ". Далѣе, высказавъ, между прочимъ, мысль, что приказчикъ Лопухина или вотчиная контора сознались, по удостовѣренію крестьянъ, въ полученіи съ нихъ денегъ, но не хотятъ ихъ возвратить только потому, что не обязаны буквою Положенія, авторъ прибавлялъ: „категорическій отказъ присутствія ставитъ насъ въ рѣшительное недоумѣніе. Вѣдь прошеніе крестьянъ не жалоба на прошлое, а гражданскій искъ". Въ заключеніе статьи приведенъ былъ слѣдующій случай. „Въ Ярославлѣ разсматривалась жалоба крестьянъ помѣщика Ч—ва, что онъ, взявъ съ троихъ крестьянъ по 600 руб. и выдавъ имъ собственноручныя росписки, послѣ застращалъ мужиковъ и отобралъ отъ нихъ документы. Но крестьянамъ губернское присутствіе отказало только потому, что помѣщикъ Ч—въ отъ такого поступка отрекся и положительно объявилъ, что денегъ съ мужиковъ не бралъ".

Не входя въ разсмотрѣніе того, справедливы или нѣтъ означенныя сужденія „Сѣверной Пчелы" о постановленіи Псковскаго присутствія, министерство нашло, что „пока еще не установилися окончательно отношенія бывшихъ крѣпостныхъ людей къ помѣщикамъ необходимо было-бы воздерживаться, на основаніи повелѣнія 8 марта 1860 г. („не допускать въ печать журнальныхъ статей, въ которыхъ возбуждается непріязнь и ненависть одного сосло-

вія въ государствѣ къ другому"), отъ такого рода сужденій и разсказовъ, которые могутъ возбуждать опасное нерасположеніе вновь возникающаго сословія свободныхъ крестьянъ противъ ихъ прежнихъ владѣльцевъ".

Рисов. профес. Ѳ. Г. Солнцевъ.

Поправки.

Въ декабрьской книгѣ „Русской Старины" изд. 1891 г. вкралась ошибка въ алфавитномъ указателѣ противъ моего имени, каковую и исправляю.

Я поступилъ въ Дворянскій полкъ, въ 1848 г. выпущенъ прапорщикомъ въ пѣх. Архангелогородскій полкъ, въ которомъ и сдѣлалъ венгерскую кампанію, бывъ въ трехъ сраженіяхъ. Въ 1853 г. перешелъ въ Московскій пѣх. полкъ, выступилъ въ походъ и назначенъ адъютантомъ въ 1-ую бригаду 17-ой пѣх. дивизіи, поступившую въ составъ кавказскихъ войскъ; весною 1854 г. съ Бутырскимъ полкомъ снималъ укрѣпленія черноморской береговой линіи. Въ іюнѣ мѣсяцѣ того-же года былъ отряднымъ адъютантомъ въ отрядѣ ген.-ад. Хомутова. Съ отрядомъ былъ въ сраженіи на р. Альмѣ; подо мною убито три лошади. Въ составѣ войскъ Севастопольскаго гарнизона выдержалъ бомбардировку 5-го и 6-го октября; награжденъ орденомъ Св. Анны 3 ст. съ бант. и меч. Въ мартѣ вышелъ изъ Севастополя съ бригадою на Мекензіеву гору. 4-го авг. былъ въ сраженіи на Черной рѣчкѣ; произведенъ за это дѣло въ шт.-капитаны. Въ 1857 г. вышелъ въ отставку. Въ 1861 г. избранъ мировымъ посредникомъ; въ этой должности пробылъ 12 лѣтъ. Нынѣ съ 1 іюля 1891 г. состою земскимъ начальникомъ въ Усманскомъ уѣздѣ.

Михаилъ Мерчанскій.

Въ апрѣльской книгѣ „Русской Старины" изд. 1892 г., на стр. XXVIII и XXIX некролога М. И. Семевскаго, вслѣдствіе описки въ оригиналѣ—вкралась невѣрность: напечатано — К. И. Погобицкій, слѣдуетъ читать: К. И. Погодицкій.

При печатаніи настоящей—майской—книги „Русск. Старины" замѣчены слѣдующія, вкравшіяся по недосмотру типографіи, существенныя опечатки: на стр. 292 (строка 2 сверху) напечатано: „1884 г.", на стр. 307 (строка 18 сверху)—„по кабинету издатель гдѣ"; слѣдуетъ читать: „1874 г." и „по кабинету издателя, гдѣ". Въ этой-же книгѣ, на стр. 365, типографіею неправильно помѣщена виньетка Солнцева вверхъ надписью. Ред.

Царь Петръ Алексѣевичъ—царевичу Алексѣю Петровичу

14-го сентября 1708 г.

«Въ письмѣ царского величества, за подписаніемъ его руки государевой, изъ лагару (лагерю) 14-го сентября. къ Москвѣ 20-го дня, къ государю царевичу писано:

«Понеже многіе жалобы происходятъ отъ чюжестранныхъ посланниковъ и резидентовъ, обрѣтающихся при нашемъ дворѣ и резидующихъ нынѣ на Москвѣ, что не токмо людей ихъ съ двора въ разные приказы берутъ, но и самимъ имъ нѣкоторое безчестіе приключаютъ, того ради ты по полученіи сего объяви всѣхъ приказовъ судьямъ. дабы они приказали подчиненнымъ своимъ накрѣпко, чтобъ никакого безчестія посланникомъ отнюдь не дерзали чинить, а особливо ихъ особамъ. Такожъ естли съ кѣмъ люди ихъ задерутца и приведутъ въ которой приказъ, чтобъ оныхъ нимало не державъ, отсылали въ Посольской приказъ. Такожъ, естли на тѣхъ ихъ людей какое челобитье отъ кого будетъ, и о томъ-бы давали знать въ Посольской-же приказъ, а изъ тѣхъ приказовъ посылки никакой по нихъ не чинили и ихъ не брали. А и въ Посольскомъ приказѣ людей ихъ держать не велѣть, но когда учинятъ какое худо, и тогда ихъ отсылать велѣть къ нимъ и требовать отъ нихъ на нихъ сатисфакціи, а самимъ ихъ наказывать не довлѣетъ, понеже то противно всенароднымъ правамъ, отчего государственные ссоры происходить могутъ. Такожъ на ихъ дворы выемокъ отнюдь не посылали-бъ, а естли въ какихъ долгахъ до которого дѣло будетъ или и въ иномъ чемъ, то посылать къ нимъ на дворъ — говорить, и естли чего не исполнятъ, и тогда о томъ дать вѣдомость въ Посольской-же приказъ, и изъ того одного приказу домогатца отъ нихъ во всякихъ дѣлѣхъ удовольства».

Помѣта Сибирскаго приказа на «спискѣ съ письма»:

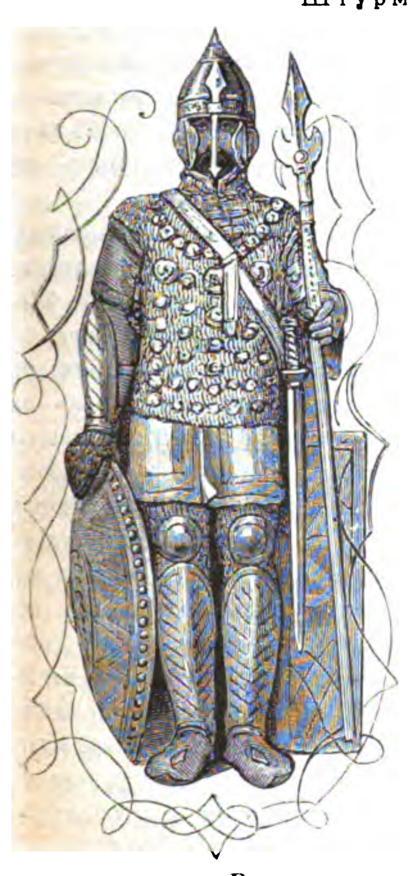
«Указъ великаго государя записать въ книгу». (Сибирскаго приказа книга № 1500, лл. 338—339)

Сообщ. **Н. Н. Оглоблинъ.**

НА ГУНИБѢ въ 1859 и 1871 гг.

I.

Штурмъ Гуниба.



Гунибъ, находясь въ центрѣ Андалядьскаго общества, среди наиболѣе возвышенныхъ скалъ Дагестана, во время прежней долголѣтней войны на восточномъ Кавказѣ, ни разу не подвергался нападенію со стороны нашихъ войскъ, хотя не разъ длинныя вереницы нашихъ штыковъ блистали вокругъ него на тропинкахъ, вьющихся по вершинамъ сосѣднихъ утесовъ и по кручамъ, спускающимся въ глубокія ущелья, гдѣ горныя рѣки, пѣнясь въ каменныхъ тѣснинахъ, оглушаютъ путника вѣчнымъ своимъ грохотомъ. Тамъ, вблизи Гуниба, происходили въ былое время кровавые бои, большею частью подъ начальствомъ князя Аргутинскаго, и не мало нашей крови пролито подъ Ругжами, Тилишлями и Гергебилемъ; при штурмѣ двухъ послѣднихъ каменныхъ твердынь присутствовалъ князь Воронцовъ. Но великанъ Гунибъ, попрежнему, оставался въ сторонѣ отъ военныхъ дѣйствій.

Недоступность Гуниба заключалась въ его топографическихъ особенностяхъ. Онъ стоитъ совершенно особнякомъ, среди скалистыхъ горъ, не соединяясь съ ними ни сѣдловинами, ни боковыми гребнями. Его продолговатое основаніе, имѣющее въ окружности около 25-ти верстъ, на взглядъ сокращается значительною высотою его боковыхъ подъемовъ, покрытыхъ внизу щебнистою осыпью и обломками громадныхъ камней, а вверху увѣнчанныхъ отвѣсными скалами, расположенными одна надъ другою въ три яруса, такъ что ихъ вершина составляетъ какъ-бы старинную крѣпостную стѣну. Самая-же поверхность горы имѣетъ видъ воронкообразный, на подобіе чашки, выщербленной съ одной стороны, именно съ юга.

Эта щербина, сверху донизу усѣянная огромными скалистыми обломками, составляла ахиллесову пятку Гуниба. Тамъ пролегала дорога на гору, которая, пройдя внизу чрезъ шаткій деревянный мостъ, переброшенный надъ рѣкою Кара-Койсу, круто поднималась между каменными обломками на вершину горы, гдѣ, въ ея воронкообразной котловинѣ, среди березовыхъ рощъ, находился каменный аулъ гунибскій. Тамъ-же были и посѣвы жителей, и роскошныя травы, орошаемыя водами небольшой рѣчки, которая, пробѣжавъ вдоль вершины горы, ниспадаетъ шумнымъ водопадомъ черезъ эту щербину въ Кара-Койсу.

Этотъ-то единственно возможный доступъ къ Гунибу, въ послѣднее время, былъ прегражденъ въ самомъ трудномъ мѣстѣ крутаго подъема, каменною стѣною съ многочисленными ружейными бойницами. Такимъ образомъ, Гунибъ сталъ недоступнымъ съ юга, со стороны Кара-Койсу, какъ и съ прочихъ сторонъ, обращенныхъ съ запада на ругжинскія и тилишлинскія высоты, съ сѣвера—на котловину Аварскаго-Койсу, за которою живописно красуются высоты Аваріи и андійскіе гребни, и, наконецъ, съ востока—на Карадахскіе и Кегерскіе кряжи, между коими рѣка Кара-Койсу съ ревомъ пробивается чрезъ скалистую расщелину. Надъ рѣчною пропастью по склону отвѣсной скалы, извивалась узкая тропинка, ведшая къ новымъ Салтамъ (старыя разрушены княземъ Воронцовымъ въ 1847 году) и далѣе по берегу Кара-Койсу къ шамилевской крѣпости Улу-Кала, расположенной при сліяніи этой рѣки съ Кази-кумухскимъ-Койсу, который протекаетъ съ юга на сѣверъ вдоль всего Дагестана и принимаетъ всѣ воды съ главнаго хребта. Противъ Улу-калы, на правомъ берегу Казикумухскаго-Койсу, красуются остатки Гергебиля, огромнаго каменнаго аула, разрушеннаго нашими войсками въ 1848 году. Южнѣе, вверхъ по правому берегу Койсу, возвышаются утесы Кутешинской горы, пересѣкаемые Хаджал-

махинскимъ ущельемъ, по которому идетъ дорога изъ Темиръ-Ханъ-Шуры въ Андалялъ; на границѣ этого владѣнія у каменнаго моста, черезъ Казикумухское-Койсу, сторожило Хаджалмахинское укрѣпленіе съ двухротнымъ гарнизономъ и крѣпостными орудіями.

Въ описываемое время, т. е. въ началѣ 1857 года, никто и не догадывался о событіи, имѣвшемъ совершиться на Гунибѣ, и мы, въ составѣ 1-го баталіона Самурскаго пѣхотнаго полка, послѣ зимней стоянки въ аулѣ Кутешахъ, выйдя въ лагерь на Кутешинскую гору, преспокойно занялись обычнымъ наблюденіемъ за горцами, препятствуя небольшимъ ихъ партіямъ вторгаться въ наши предѣлы и откармливая, при этомъ, обильною травою нашихъ лошадей.

Такимъ образомъ, при полномъ бездѣйствіи, время шло вяло; единственнымъ нашимъ развлеченіемъ было пользованіе роскошнымъ горнымъ воздухомъ.

Многолѣтнія попытки нашихъ войскъ проникнуть въ глубь этихъ горъ заставили насъ, наконецъ, примириться съ трудностью доступа къ нимъ, и хотя слухи объ успѣшномъ дѣйствіи нашихъ отрядовъ со стороны Салатавіи и Гумбета изрѣдка доходили до насъ, но, по примѣру прежнихъ лѣтъ, казалось, что это не могло повлечь сразу къ полному и окончательному успѣху. Тѣмъ не менѣе, полковникъ Лазаревъ, начальствовавшій здѣсь пограничною мѣстностью, отчасти уже зналъ черезъ лазутчиковъ, что въ горахъ начало проявляться разочарованіе въ могуществѣ имама, коего казну, перевозимую подальше отъ мѣста дѣйствій нашихъ отрядовъ на Гунибъ, дерзкіе тилитлинцы покушались даже разграбить.

Въ послѣднихъ числахъ іюля мы были, наконецъ, вызваны къ дѣлу. Отъ полковника Лазарева, имѣвшаго пребываніе въ аулѣ Кутешахъ, было получено предписаніе немедленно отправить двѣ роты нашего баталіона на соединеніе съ тремя ротами линейнаго баталіона, выступавшаго изъ Темиръ-Ханъ-Шуры въ пограничное урочище Шенширекъ.

Это удовольствіе досталось 1-й линейной и 1-й стрѣлковой ротамъ, состоявшимъ подъ моею командою.

Горнистъ протрубилъ сигналъ вьючить лошадей, а затѣмъ:

„Надѣвай ранцы! Становись въ ружье!“

Мы спустились на темиръ-ханъ-шуринскую дорогу и, въ іюльскую жару, потянулись гуськомъ, съ своимъ вьючнымъ обозомъ, по известковой волнистой мѣстности безлѣсной Акуши. Этотъ участокъ нашихъ владѣній болѣе всего подвергался нападеніямъ мелкихъ партій горцевъ, пробиравшихся ночью по склонамъ Кутешинской

горы и черезъ бурундукальскій проходъ; однако-же, благодаря мѣрамъ, принимавшимся распорядительностью Лазарева, имъ рѣдко удавалось захватить добычу.

Личность этого правителя нашихъ пограничныхъ владѣній была замѣчательна. Онъ отличался, главнымъ образомъ, отвагою и прямотою, такъ что, когда баронъ Врангель, человѣкъ тоже съ рыцарскими качествами, вступивъ въ командованіе войсками Прикаспійскаго края, объѣзжалъ пограничную линію и, будучи приглашенъ полковникомъ Лазаревымъ къ обѣду, спросилъ его, указывая на обстановку стола:

„Вы, полковникъ, имѣете, повидимому, хорошее состояніе?"

—„Нѣтъ, ваше превосходительство, отвѣчалъ Лазаревъ съ полною откровенностью, я имѣю средства отъ некомплекта милиціи, и это мнѣ служитъ на представительство передъ народомъ и на лазутчиковъ".

Баронъ Врангель остался очень доволенъ этимъ прямодушнымъ отвѣтомъ, не видя тутъ корысти, а лишь одну только пользу для общаго дѣла.

Миновавъ по пути селеніе Оглы, мы своротили къ Шенширеку и, послѣ ночнаго отдыха, прибыли на слѣдующее утро къ лагерю линейныхъ ротъ. Никто не зналъ цѣли нашего сбора, но видно было, что затѣвается какое-то движеніе, такъ какъ вскорѣ изъ Темиръ-Ханъ-Шуры прибылъ генералъ-маіоръ кн. Тархановъ, принявшій начальство надъ нашею колонною, а вслѣдъ за нимъ и полковникъ Лазаревъ съ своей акушинскою конною милиціею.

На другой день, раннимъ утромъ, наша колонна вслѣдъ за милиціею полковника Лазарева выступила дальше.

Высота Харкасская, точно также какъ и Кутешинская спускается отлого къ востоку и отвѣсно къ западу, т. е. въ долину протекающей тамъ Койсу, по теченію которой, за Гергебилемъ, расположены Зиряны и другіе памятные боями аулы.

Пройдя Харкасъ, мы начали спускаться въ Бурундукальское ущелье; дорога шла круто внизъ, извиваясь зигзагами по спуску, который все болѣе и болѣе съуживается, оканчиваясь знаменитымъ Бурундукальскимъ проходомъ въ Койсубулинскую долину, который образуется двумя отвѣсными совершенно сближенными скалами; проходъ этотъ загороженъ былъ высокою каменною стѣною; небольшія дверцы ея, въ которыя могла пройти всего одна только лошадь, охранялись башнею съ бойницами.

Подходя къ проходу, мы услышали изъ глубины ущелья ружейные выстрѣлы перестрѣлки, завязавшейся между милиціею полков-

ника Лазарева, прибывшею туда ранѣе насъ, и караульщиками, сидѣвшими въ башнѣ. Мюриды были тамъ въ безопасности, поэтому, въ ожиданіи прибытія горныхъ орудій, милиціонерамъ приказано было прекратить стрѣльбу. Оказалось, что кромѣ нашихъ пяти ротъ изъ Темиръ-Ханъ-Шуры шли еще подъ командою генерала Манюкина два сводныхъ баталіона при двухъ горныхъ орудіяхъ и множество пѣшей милиціи. Мы предполагали, что горцы, по обыкновенію, окажутъ горячее сопротивленіе; но тѣ почему-то и на тревогу не явились, хотя аулъ Араканы былъ недалеко, за скалою.

Когда-же колонна генерала Манюкина спустилась по той самой единственной дорогѣ, по которой шли и мы, и два горныхъ орудія съ близкаго разстоянія пробили брешь въ башнѣ, то сидѣвшіе тамъ мюриды все-таки продолжали стрѣлять, а бывшія у нихъ двѣ женщины съ двумя ишаками, привозившія, вѣроятно, мужьямъ провизію, побѣжали въ долину. При этомъ солдаты не вытерпѣли, чтобы не послать имъ въ догонку свое: „тю! тю!" съ общимъ смѣхомъ.

Но надобно было покончить съ защитниками башни, и полковникъ Лазаревъ пустилъ на штурмъ своихъ милиціонеровъ. Взобравшись на стѣну, подсаживая одинъ другаго, они вмигъ порѣшили съ караульщиками, потерявъ при этомъ одного милиціонера убитымъ.

Расположившись лагеремъ на возвышенной площадкѣ, возлѣ самаго прохода, мы приступили къ разоренію непріятельской стѣны и, черезъ нѣсколько часовъ, совершенно разнесли ее, давъ мѣсто свободному проходу. До 1843 г., въ 10 верстахъ отъ этого мѣста, пролегалъ нашъ главный путь, черезъ Зиряны, въ Аварію и Хунзахъ — базисъ нашихъ укрѣпленныхъ пунктовъ, которые тогда геройски держались передъ массою фанатизированныхъ Шамилемъ скопищъ, но долго не могли устоять и были разрушены; тутъ-же, возлѣ прохода, остался лишь слабый признакъ нашего бывшаго укрѣпленія.

Къ вечеру, когда жара спала, нами была произведена рекогносцировка, изъ которой можно было убѣдиться, что жители Койсубулинской долины, подъ вліяніемъ ошеломлявшихъ успѣховъ новаго „сендаря" (главнокомандующаго), потеряли вѣру въ Шамиля и предпочли оставаться равнодушными ко всему, что-бы ни случилось, такъ что во время рекогносцировки ни одного выстрѣла не было ими сдѣлано.

Переночевавъ въ Бурундукъ-калѣ, наша колонна поднялась черезъ Харкасъ на прежнюю свою позицію, куда пріѣхалъ и нашъ командиръ полка, полковникъ Лисовскій. Отъ него я получилъ послѣдовавшее распоряженіе ѣхать въ штабъ-квартиру нашего полка, урочище Дешлагаръ, и собрать тамъ изъ частей 5-го бата-

ліона 3-хъ ротный сводный баталіонъ, который долженъ былъ слѣдовать въ селеніе Кумухъ подъ начальство князя Тарханова, имѣвшаго двинуться оттуда къ ауламъ, расположеннымъ вдоль западныхъ склоновъ Турчидага.

Князь Тархановъ выѣхалъ утромъ въ Кумухъ, черезъ Кутеши, въ сопровожденіи конвоя изъ кумухской милиціи. Я тоже пристроился къ нему. Мы быстро проѣхали 30-ти верстное разстояніе по разогрѣтой солнцемъ дорогѣ и прибыли на привалъ въ Кутеши довольно рано. Князь остановился въ каменномъ домѣ, гдѣ стоялъ прежде полковникъ Лазаревъ, на небольшой возвышенности, при въѣздѣ въ аулъ, а я заѣхалъ къ своему офицеру, остававшемуся въ аулѣ при баталіонныхъ вещахъ.

Не прошло и получаса, какъ въ аулѣ поднялась тревога. Оказалось, что одинъ изъ конвойныхъ князя Тарханова, стоявшихъ на возвышенности возлѣ начальническаго дома, спустился на площадь и началъ кормить свою лошадь на старомъ татарскомъ кладбищѣ. Подошедшіе два кутешинца стали гнать его съ кладбища, но тотъ, послѣ произнесенныхъ съ обѣихъ сторонъ ругательствъ, выхватилъ изъ-за пояса пистолетъ и выстрѣломъ убилъ болѣе назойливаго акушинца. Поднялся крикъ, и милиціонеръ, видя сбѣгавшихся жителей, бросилъ свою лошадь и побѣжалъ черезъ огородъ напрямикъ къ своимъ. Все это было видно изъ сакль, по обыкновенію амфитеатромъ обращенныхъ къ площади, откуда возбужденный народъ спѣшилъ съ винтовками, а провинившійся милиціонеръ, между тѣмъ, былъ настигнутъ въ огородѣ другимъ акушинцемъ и однимъ ударомъ широкаго кинжала убитъ наповалъ. Кумухцы, которые были въ давней враждѣ съ акушинцами, воздержались отъ вмѣшательства въ это дѣло, видя свою малочисленность, и удалились во дворъ начальническаго дома, откуда, сопровождая далѣе князя Тарханова, уѣхали невредимы. Подобныя сцены у горскихъ жителей въ то время были не рѣдкость и на нихъ не обращалось особеннаго вниманія, такъ какъ платить кровью за кровь было у нихъ закономъ.

Вслѣдъ за этимъ уѣхалъ и я, на этотъ разъ одинъ, по дорогѣ изъ Акуши въ приморскую долину, гдѣ, въ 3-хъ верстахъ отъ послѣднихъ высотъ, на продолговатомъ курганѣ, ютилась штабъ-квартира Самурскаго пѣхотнаго полка, урочище Дешлагаръ.

Здѣсь никто не думалъ ни о Шамилѣ, ни о дѣйствіяхъ противъ него, на то были отряды. Тутъ хлопотали только о покосахъ, да объ огородахъ, необходимыхъ для запасовъ овощей на зиму, и привезенное мною распоряженіе всполошило всѣхъ, даже полковыхъ

дамъ, составлявшихъ, по большей части, въ семейномъ отношеніи принадлежность 5-го баталіона. Но мнѣ здѣсь не пришлось быть дѣйствующимъ лицомъ, такъ какъ на другой-же день, съ прибывшимъ нарочнымъ, мнѣ было предписано немедленно возвратиться въ Кутеши, къ своему баталіону, а сводный баталіонъ поручался капитану Слюсаренко.

Прибывъ поздно вечеромъ на кутешинскія высоты, я засталъ всѣхъ нашихъ готовыми къ выступленію—и куда-же? Куда никому и не снилось: въ непріятельскую крѣпость Улу-кала! Тамъ уже находился полковникъ Лазаревъ, успѣвшій того-же дня пройти черезъ Бурундукальское ущелье съ своею конною милиціею и нашими двумя ротами и безъ выстрѣла занять эту крѣпость.

Поразителенъ былъ переходъ горцевъ отъ недавней враждебности къ совершенному оцѣпенѣнію. Теперь и грозный имамъ, находившійся съ своими мюридами на Гунибѣ, не имѣлъ на нихъ никакого вліянія. То-же происходило и въ Аваріи, послѣ вступленія туда главнокомандующаго, такъ что по пути въ одномъ небольшомъ аулѣ произошелъ даже своего рода курьезный случай: главнокомандующій ѣхалъ со своимъ штабомъ впереди авангарда, зная, что аулъ, къ которому они подъѣзжали также, покорился; завоеватель былъ погруженъ въ свою думу, и вдругъ ему на встрѣчу раздался оглушительный залпъ изъ двухсотъ винтовокъ, пули которыхъ просвистѣли надъ головами всадниковъ. Князь Барятинскій остановился въ недоумѣніи, но горцы, послѣ этого горячаго привѣта, кланяясь, вышли изъ аула съ изъявленіемъ покорности.

Намъ предстояло спуститься съ Кутешинской горы по вьючной тропѣ, продѣланной въ прежнее время для прямаго сообщенія съ Хаджалмахинскимъ укрѣпленіемъ. Кружный путь велъ туда по темиръ-ханъ-шуринской дорогѣ въ обходъ Кутешей. Въ полночь мы выступили подъ начальствомъ своего баталіоннаго командира полковника Барсукова. Трудно было спускаться по извилистой, едва примѣтной и уже временемъ попорченной тропѣ, ведущей съ огромной высоты по обрывистымъ кручамъ въ долину Казикумухскаго-Койсу. Только къ свѣту спустились мы внизъ и, оставивъ въ сторонѣ Хаджалмахи, пошли далѣе берегомъ Койсу, вдоль крутыхъ скатовъ Кутешинской горы.

Миновавъ Гергебиль, расположенный на обрывистомъ склонѣ горы, мы очутились передъ новымъ созданіемъ Шамиля, крѣпостью Улу-кала. Она прилегала къ скалѣ, возвышаясь при сліяніи рѣкъ (Кара-Койсу съ Казикумухскимъ-Койсу), и, обнесенная землянымъ валомъ съ блестѣвшими на немъ мѣдными орудіями, имѣла внуши-

тельный видъ; въ крѣпость велъ колышущійся деревянный мостъ, перекинутый надъ глубокими обрывами, въ которомъ бушевала рѣка.

Небольшая колонна полковника Лазарева расположена была возлѣ крѣпости на припекаемой солнцемъ площадкѣ, гдѣ расположились и мы, соединившись съ двумя ротами. Теперь силы нашей колонны были настолько велики, что какія-либо случайныя перемѣны въ настроеніи горцевъ не могли причинить намъ безпокойства, какъ то произошло только-что при занятіи крѣпости; это было такъ: когда полковникъ Лазаревъ, увѣренный въ покорности гарнизона, подъѣхалъ къ крѣпости съ милиціею, то горцы, растворивъ крѣпостныя ворота и пропустивъ полковника, затворили ихъ передъ милиціею, такъ что начальствовавшій колонною очутился одинъ среди мюридовъ; впрочемъ, полковникъ Лазаревъ выказалъ тутъ въ этомъ случаѣ полное самообладаніе: преважно вынувъ изъ кармана горсть золотыхъ монетъ, онъ сунулъ ихъ горцамъ, стоявшимъ справа, потомъ другую горсть роздалъ горцамъ, выпучившимъ на него глаза, слѣва и поѣхалъ дальше, а ворота, какъ по мановенію волшебнаго жезла, снова растворились для пропуска милиціи.

Передъ крѣпостью Улу-кала мы простояли нѣсколько дней; причемъ полковникъ Лазаревъ умѣлъ привлечь къ себѣ всѣхъ окрестныхъ жителей, которые съ утра до вечера толпились около него и вслушивались въ каждое его слово, такъ что на его предложеніе перекинуть черезъ Кара-Койсу мостъ они съ полною готовностью изъявили свое согласіе.

Между тѣмъ, войска наши, съ главнокомандующимъ во главѣ и его главными сотрудниками (генералы Милютинъ, Евдокимовъ, Врангель) прошли Аварію и уже приближались къ Гунибу, гдѣ Шамиль разсчитывалъ себя отстоять. Вскорѣ до насъ стали доноситься орудійные выстрѣлы, когда наши войска, обойдя Гунибъ съ запада чрезъ Тилитли и Ругжи, начали подниматься по узкой тропѣ на Кегерскія высоты. Выстрѣлы эти производились съ южной стороны Гуниба, съ небольшаго выступа, у каменной стѣны, гдѣ находились сакли андаляльскаго наиба Хаджи-Янко. Это происходило въ первыхъ числахъ августа; вслѣдъ засимъ, намъ было приказано идти къ Карадаху, къ переправѣ чрезъ Аварское-Койсу, куда полковникъ Лазаревъ и самъ отправился впередъ съ милиціею, давъ намъ для слѣдованія проводниковъ.

Приближавшіяся событія интересовали насъ всѣхъ и мы быстро шли по скалистой тропѣ съ крутыми подъемами и спусками, подъ палящимъ солнцемъ; жители встрѣчали насъ привѣтствіями, пода-

ваемыми письменно, за которыя, разумѣется, приходилось отплачиваться „пешкешами".

Въ Карадахскую котловину мы спустились передъ вечеромъ и расположились лагеремъ на небольшой выжженной солнцемъ площадкѣ около Аварскаго-Койсу. Тамъ мы нашли висячій деревянный мостъ черезъ рѣку, съ караульною башнею и больше ничего: другихъ жилищъ тамъ не было. Самая-же площадка, расположенная на правомъ берегу рѣки, съ трехъ сторонъ была окружена черною отвѣсною скалою, которая имѣетъ двѣ расщелины: одна изъ нихъ пропускаетъ Аварское-Койсу, надъ которымъ идетъ дорога къ главному хребту, а другая, на подобіе коридора, куда не заглядываетъ солнце, ведетъ прямо къ Гунибу. По дну этой второй расщелины струится небольшая рѣчка, и бѣда путнику, если его тамъ застигнетъ дождь: вода, мгновенно прибывающая, сноситъ все встрѣчающееся ей на пути, стремясь по тѣсному ложу между отвѣсныхъ скалъ въ Койсу. По другую сторону рѣки возвышается Хунзахская гора, по которой вьется дорога въ Хунзахъ и далѣе, къ тому мѣсту, гдѣ были оставлены нашими войсками оберегательные пункты.

Намъ не было извѣстно дальнѣйшее наше назначеніе, поэтому приходилось сидѣть выжидательно въ этой котловинѣ, какъ въ горшкѣ; но на другой день, послѣ полудня, получено было приказаніе: „двумъ нашимъ ротамъ немедленно слѣдовать къ Гунибу и расположиться у подошвы его, возлѣ аульчика Хоточь"; для чего были присланы полковникомъ Лазаревымъ проводники изъ его милиціи, стоявшей бивакомъ между Гунибомъ и Салтинскимъ ущельемъ.

Требовавшіяся роты тотчасъ-же выступили подъ моею командою и, пройдя чрезъ скалистую тѣснину вверхъ по Аварскому-койсу, повернули къ югу и начали подыматься на крутой отрогъ Карадахскаго кряжа. День былъ жаркій, наши люди и лошади, одолѣваемые крутизною подъема, медленно подвигались впередъ, такъ что только къ заходу солнца мы перевалили черезъ отрогъ. Нашимъ глазамъ представился Гунибъ во всемъ величіи съ сѣверной своей стороны. Его скалистыя отвѣсныя стѣны, высящіяся на сотни саженей, придавали ему внушительный видъ, тѣмъ болѣе насъ интересовавшій, что тутъ должна была рѣшиться судьба имама и мюридизма.

Когда мы стали спускаться къ подошвѣ Гуниба, то съ его восточнаго гребня шамилевское орудіе сдѣлало въ нашу сторону нѣсколько разстановочныхъ выстрѣловъ, ядра которыхъ просвистѣли гдѣ-то

высоко. Наступившіе вскорѣ сумерки покрыли вечернимъ мракомъ и очертаніе Гуниба и его низменныя окрестности, а когда мы пришли на указанное проводниками мѣсто, то уже совершенно стемнѣло, такъ что пришлось избирать стоянку на оказавшемся при дорогѣ косогорѣ почти ощупью.

Послѣ знойнаго дня насъ мучила нестерпимая жажда, и на наше счастіе къ намъ вышло нѣсколько хоточинцевъ, которые, на просьбу „су тащи", принесли цѣлый кувшинъ холодной родниковой воды, за что, разумѣется, получили „пешкешъ" и, въ добавокъ, согласились указать солдатамъ источникъ этой освѣжительной влаги.

Поутру оказалось, что мы находились не болѣе какъ во ста саженяхъ отъ подошвы Гуниба и отъ аульчика Хоточи, гнѣздящагося подъ горою. На самомъ-же гребнѣ великана, около каменной караулки, копошилось много людей, а возлѣ нихъ виднѣлась отдѣльная группа горцевъ, впереди которой стоялъ человѣкъ въ бѣлой чалмѣ. По словамъ пришедшихъ къ намъ хоточинцевъ, это былъ самъ Шамиль. Такимъ образомъ, хотя издали, а все-таки намъ первымъ пришлось увидѣть знаменитаго имама.

Мы стояли съ восточной стороны Гуниба и на этомъ склонѣ, на нижней земляной насыпи, начиналась тропа, ведущая къ каменной полосѣ подъема и къ караулкѣ.

„Бу іолъ?" спрашивали мы жителей.

— „Іохъ, они отвѣчали; іолъ пропалъ".

И по ихъ жестамъ, въ перемежку съ нѣкоторыми русскими словами, можно было понять. что тропа эта въ верхней части была взорвана.

На другой день прибыли и остальныя роты нашего баталіона, смѣненныя въ Карадахѣ 2-мъ баталіономъ Самурскаго-же полка.

Наша позиція хотя была неудобна, находясь на конечномъ откосѣ подгорья, но за то мы не подвергались орудейнымъ выстрѣламъ съ вершины Гуниба, гдѣ, около караулки стояло орудіе. Оно было слишкомъ высоко для прицѣльнаго выстрѣла, а для навѣснаго—мы были слишкомъ близко къ нему, такъ что горцы перестали обращать на насъ вниманіе и дѣятельно занялись какими-то работами наверху.

Въ это время намъ пришлось посылать за провіантомъ, что было сопряжено съ большимъ неудобствомъ, такъ какъ въ ближайшій ходжалмахинскій магазинъ можно было добраться только кружнымъ путемъ черезъ Карадахъ. Изъ этого-же магазина продовольствовался и отрядъ, но съ Кегера къ нему добраться весьма близко.

Чтобы устранить это неудобство, полковникъ Лазаревъ приказалъ осмотрѣть тропу черезъ Салтинское ущелье; при осмотрѣ участвовалъ и я, но тропа оказалась взорванною въ самомъ трудномъ мѣстѣ.

Между тѣмъ, для прекращенія сообщенія съ горцами, рѣшено было блокировать Гунибъ со всѣхъ его сторонъ. Съ этою цѣлью, съ Кегера ночью, прибыли 3-й и 4-й баталіоны Ширванскаго пѣхотнаго и 2-й баталіонъ Грузинскаго гренадерскаго полковъ; (днемъ спускъ былъ подъ непріятельскими выстрѣлами); первые два баталіона стали лѣвѣе насъ, около аульчика Хиндахъ, расположеннаго также у подошвы Гуниба, а грузинцы стали правѣе насъ, за Хоточемъ. Съ сѣверной стороны Гуниба, заняли позицію баталіоны Дагестанскаго пѣхотнаго полка, съ западной—Апшеронскій полкъ, съ юго-западной стрѣлковый баталіонъ (нынѣ 4-й), два баталіона самурцевъ (4-й и сборный изъ частей 5-го баталіона) и, наконецъ, съ юга, у подъема со стороны Кара-Койсу—1-й и 2-й баталіоны ширванцевъ съ горными орудіями.

Всѣ эти блокирующія войска сообщались патрулями и предполагалось, что Шамиль, стѣсненный прокормленіемъ нѣсколькихъ сотъ своихъ мюридовъ одними средствами гунибскаго аула, скоро вынужденъ будетъ сдаться. Но, какъ оказалось впослѣдствіи, тамъ были сосредоточены большіе запасы хлѣба и фуража, собранные гунибцами со своихъ посѣвовъ и покосовъ, которыми изобиловали окрестности ихъ аула и кутановъ, раскинутыхъ по Гунибу.

Въ то-же время были начаты съ Шамилемъ переговоры о сдачѣ, которые велись полковникомъ Лазаревымъ, каждый разъ поднимавшимся для этого до половины горы, по дорогѣ со стороны Кара-Койсу, куда спускался для той-же цѣли старшій сынъ Шамиля Казимагома. Но эти переговоры длились понапрасну: видно было, что Шамиль желалъ только выиграть время, разсчитывая на какой-нибудь благопріятный для него поворотъ обстоятельствъ и продолжалъ, между тѣмъ, поддерживать свой престижъ орудійными выстрѣлами, чѣмъ затруднялъ днемъ сообщеніе блокировавшихъ войскъ съ Кегеромъ. Шамиль одушевлялъ своихъ мюридовъ съ полною увѣренностью въ невозможности взять Гунибъ приступомъ и при этомъ подсмѣивался, говоря: „Русскіе смотрятъ на Гунибъ, какъ лающія собаки на луну“.

Такъ проходило время, причиняя намъ не мало труда въ подвозѣ изъ Ходжалмахъ провіанта; къ тому-же стало крайне затруднительно получать и кормъ для лошадей на выжженной низменности вокругъ Гуниба, гдѣ кукурузные стебли, кое-гдѣ еще остававшіеся, наконецъ, всѣ были вытравлены.

24-го августа 1859 г., передъ вечеромъ, нашъ баталіонъ былъ передвинутъ впередъ, къ самой подошвѣ Гуниба, а вслѣдъ засимъ прибылъ къ намъ и генералъ Кесслеръ, начальствовавшій блокировавшими войсками. Онъ лично передавалъ войскамъ указаніе для дальнѣйшихъ дѣйствій. Въ это самое время Шамиль вздумалъ пускать въ насъ гранаты и такъ какъ ихъ нельзя было направлять почти отвѣсно книзу, то горцы ухитрились поднять дуло мортиры вверхъ, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы гранаты лопались на возвратномъ пути у подошвы горы, гдѣ расположился баталіонъ; но эти опыты возбудили только общій смѣхъ, потому что пущенныя такимъ образомъ нѣсколько гранатъ разрывались каждый разъ надъ головами самихъ-же горцевъ, заставляя ихъ разбѣгаться.

Пробывъ съ нами съ четверть часа, генералъ Кесслеръ передалъ намъ приказаніе выдвинуть, съ наступленіемъ темноты, двѣ роты къ первому каменному поясу горы и объявилъ, что въ 11-ть часовъ ночи будетъ произведена ложная тревога по сигнальной ракетѣ, пущенной изъ-за Кара-Койсу, гдѣ, на подъемѣ къ Кегеру, будетъ находиться въ небольшомъ аульчикѣ самъ генералъ Кесслеръ. При этомъ барабанщикамъ и горнистамъ было приказано во время тревоги играть атаку, а солдатамъ, не выходя изъ-за своихъ закрытій, за обломками скалъ, кричать „ура". Генералъ Кесслеръ прибавилъ, что это распоряженіе сообщено всѣмъ блокирующимъ войскамъ и что времени дѣйствительнаго штурма назначено не будетъ, а чтобы войска старались взобраться наверхъ, пользуясь каждою удобною минутою.

Такое распоряженіе вполнѣ согласовалось съ обстоятельствами и мѣстомъ и поэтому имѣло желаемый успѣхъ.

Никто изъ насъ не сомнѣвался въ этомъ успѣхѣ, хотя передъ нашими глазами возвышалась громадныхъ размѣровъ твердыня, съ отвѣсными скалистыми поясами, но войска были подъ вліяніемъ полной самоувѣренности, которую раздѣлялъ и главнокомандующій, расчитывавшій, по разсказамъ, еще до прихода къ Гунибу, что все будетъ покончено съ Шамилемъ до 26-го августа.

Ко дню штурма, къ нашему баталіону прибыли еще два штабсъ-офицера: начальникъ стрѣлковъ полка, маіоръ Ивановъ и переведенный въ нашъ полкъ, подполковникъ Купріяновъ.

Когда стемнѣло, назначенныя двѣ роты (4-я линейная штабсъ-капитана Звоскова и 1-я стрѣлковая поручика Головинскаго), сопровождаемыя командиромъ баталіона и, по его предложенію, наличными штабъ-офицерами, осторожно пробираясь гуськомъ между камнями, съ трудомъ добрались по земляной осыпи до ска-

листаго пояса, гдѣ и расположились подъ каменными отвѣсами. Полковникъ Борсуковъ, не желая обидѣть старшаго изъ насъ, вновь прибывшаго и еще незнакомаго съ горною войною, умолчалъ о необходимомъ здѣсь назначенiи штабъ-офицера и поручилъ эти роты старшему ротному командиру. Такъ что мы всѣ остались съ носомъ и вмѣстѣ съ командиромъ возвратились назадъ.

Ровно въ 11-ть часовъ ночи, на подъемѣ за Кара-Койсу, зашипѣла ракета и черезъ нѣсколько секундъ, по всей нашей линiи загремѣли барабаны съ зычнымъ звукомъ рожковъ, а затѣмъ мощное одушевляющее „ура“ слилось съ общимъ гуломъ начатой атаки. Горцы съ минуту оставались въ молчанiи, вѣроятно, ошеломленные неожиданностью, но вслѣдъ засимъ раздался и съ ихъ стороны не менѣе грозный гулъ валившихся камней, которые, рикошетируя по скалистому спуску, и разбрасывая по пути мелкiе каменья и щебень, пролетали черезъ наши головы съ журчанiемъ какъ бомбы. Крикъ горцевъ съ горы вторилъ нашему „ура“ и заготовленные ими огромные камни валились одинъ за другимъ, наполняя воздухъ пылью и оглушительнымъ грохотомъ, раздававшимся по всей горѣ.

Такъ продолжалось часа два, если не больше, среди общаго гула, по временамъ то усиливавшагося, то ослабѣвавшаго; до насъ доносилось обрядное пѣнiе мюридовъ. Наконецъ, солдаты начали уставать, наше „ура“ стало раздаваться все рѣже и рѣже, а затѣмъ и камни перестали валиться, такъ что, наконецъ, все смѣнилось прежнею тишиною, среди которой ясно былъ слышенъ смѣхъ успокоенныхъ мюридовъ, разговаривавшихъ между собою.

На другой день, съ восходомъ солнца, взоры всѣхъ и каждаго обратились на вершину Гуниба, но тамъ людей не было видно, кромѣ 2—3-хъ человѣкъ, показывавшихся около караулки. Наши роты, попрежнему, прятались подъ скалою, а въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ правѣе отъ нихъ видны были, подъ тѣмъ-же скалистымъ поясомъ, двѣ роты грузинскихъ гренадеръ. Все было спокойно, и наши солдаты уже начали приступать къ утреннему чаепитiю, какъ вдругъ гренадеры, находившiеся подъ скалою, зашевелились, и ихъ штыки, блестѣвшiе на солнцѣ, узкою полосою начали вытягиваться вдоль изгибовъ отвѣсной скалы. (Разсказывали будто бѣглый солдатъ крикнулъ съ горы: „Идите, они всѣ возлѣ аула!“)

У насъ невольно раздался общiй крикъ „въ ружье!“ Подавая двумъ передовымъ ротамъ знакъ шапками и сообщая имъ криками о движенiи впередъ, мы сами стали подниматься на гору, скользя по мелкимъ камнямъ, катившимся рикошетами на шедшихъ позади.

Слѣва поднимались ширванцы, а справа гренадеры, и весь обращенный къ намъ склонъ горы покрылся взбиравшимися солдатами, между которыми видны были и милиціонеры, сопровождавшіе генерала Тарханова, который командовалъ войсками со стороны нашего фаса. Взбиравшіяся войска безъ затрудненія дошли по крутой осыпи до скалистыхъ поясовъ горы, а тутъ пришлось уже каждому въ одиночку карабкаться съ отвѣса на отвѣсъ, не оборачиваясь и не глядя внизъ, гдѣ штыки взбиравшихся товарищей и вышина подъема угрожали опасностью до головокруженія. Но въ это время все забылось! Одушевленіе, подобно волшебной силѣ, двигало нами, и каждый спѣшилъ безостановочно, цѣпляясь за неровности скалы то съ помощью своихъ собственныхъ рукъ, то при содѣйствіи товарищей, подставлявшихъ приклады, такъ что скоро каменные поясы были пройдены и передъ нами, на узкомъ земляномъ скатѣ оставалась только послѣдняя скала, составляющая острый гребень вершины. По этому-то скату наши войска направились къ караулкѣ, находившейся на пониженномъ гребнѣ и заграждавшей доступъ по взорванной тропѣ. Караульные горцы изъ бойницъ открыли ружейный огонь, который, впрочемъ, продолжался не долго, потому что нѣсколько человѣкъ гренадеръ, взобравшись первые на оконечность гребня, подбѣжавъ къ караулкѣ, перекололи мюридовъ и дали возможность нашимъ двумъ передовымъ ротамъ выбить прикладами дверь караулки и хлынуть во внутреннюю мѣстность горы.

Нашимъ взорамъ представилась слѣдующая картина: въ срединѣ продольной котловины расположился аулъ, позади его, къ сѣверозападу, шла возвышенная мѣстность, а къ юго-востоку мимо аула и березовыхъ рощъ, покрывающихъ западную сторону котловины, протекала рѣчка, ниспадавшая при оконечности горы черезъ щербину.

Когда мы стали спускаться въ котловину, то позади аула, на возвышенности, видны были бѣжавшіе къ аулу апшеронцы. Они раньше всѣхъ взобрались на гору съ сѣверо-западной (самой высокой), стороны ея, но пока добѣжали до аула, туда спѣшили уже прочія войска. Наши-же двѣ передовыя роты, взобравшись на гору, бросились не вправо, къ аулу, а прямо къ тому мѣсту, гдѣ замѣтили надъ рѣчкою саклю съ лежавшими возлѣ нея ядрами: это былъ шамилевскій паркъ; этимъ маневромъ они пересѣкли дорогу бѣжавшимъ съ южной стороны мюридамъ, гдѣ они охраняли каменную стѣну, заграждавшую главный доступъ къ вершинѣ Гуниба. Мюриды, отрѣзанные отъ аула, вынуждены были скрыться въ пролѣскахъ березовой рощи; но замѣченные ширванцами (1-й и 2-й баталіоны), которые спѣшили вслѣдъ за ними, и видя свое безвы-

ходное положеніе, при появленіи на западномъ гребнѣ стрѣлковъ и самурцевъ (4-го и 5-го баталіоновъ), они вступили съ преслѣдовавшими ихъ войсками въ ожесточенный бой, въ которомъ были перебиты всѣ до единаго.

Шамиль, собравшій съ утра къ аулу большинство своихъ мюридовъ для оборонительныхъ работъ, при извѣстіи, что русскіе на горѣ, упалъ въ обморокъ.

Между тѣмъ, горцы, находившіеся въ аулѣ, открыли изъ сакль ружейный огонь по приближавшимся войскамъ; когда-же наши солдаты подвезли два горныхъ орудія и начали разрушать стѣны сакль, то два конныхъ горца выскочили изъ аула и, подавая знакъ папахами, чтобы мы перестали стрѣлять, сообщили, что Шамиль сдается.

Затихшая на время перестрѣлка нѣсколько разъ возобновлялась одиночными выстрѣлами изъ аула; часы проходили за часами, но желаемаго результата мы все не могли дождаться. Шамиль сдаваться не рѣшался. Онъ находился все время со своими приближенными наибами въ мечети, и его колебанію не было конца: онъ былъ встревоженъ неожиданностію случившагося.

Главнокомандующій, сидѣвшій въ это время на камнѣ въ березовой рощѣ, невдалекѣ отъ аула, куда онъ прибылъ съ драгунами, замѣтивъ съ Кегера блескъ штыковъ на Гунибѣ, приказалъ, наконецъ, войскамъ готовиться къ штурму; причемъ, чрезъ разосланныхъ адъютантовъ, было объявлено „десять тысячъ рублей награды тому, кто доставитъ Шамиля живьёмъ“.

Но лишь только войска начали стягиваться къ аулу, изъ котораго горцы возобновили учащенную стрѣльбу, какъ шамилевскіе парламентеры выскочили снова на открытое мѣсто, начали махать папахами и кричать, чтобы мы пріостановились. Войска выражали нетерпѣніе, видя крайне утомительную нерѣшительность Шамиля, но раздался сигналъ „стой“, и пришлось снова устремить взоры на мечеть. Нерѣшительность имама томила, безъ сомнѣнія, и мюридовъ; а тѣмъ болѣе жителей, имѣвшихъ при себѣ свои семейства. Въ числѣ послѣднихъ были и плѣнныя грузинки, которыя во время перерывовъ стрѣльбы, появлялись на краю аула и переговаривались съ своими земляками дружинцами, бывшими въ числѣ войскъ въ своей красной кожаной одеждѣ.

Картина, которой мы были свидѣтелями, была достойна кисти художника: всѣ участвовавшія въ штурмѣ войска (въ томъ числѣ и Дагестанскій пѣхотный полкъ, взобравшійся съ сѣверной стороны) стояли вокругъ аула въ томъ положеніи, въ которомъ они были пріостановлены, а жители, собравшіеся съ разныхъ мѣстъ

посмотрѣть чѣмъ дѣло кончится, сплошными массами занимали вокругъ аула всѣ возвышенности; даже на крайнихъ гребняхъ горы пестрѣлъ любопытный народъ. По дорогѣ-же изъ аула къ березовой рощѣ, на небольшомъ пригоркѣ, стоялъ баронъ Врангель, командовавшій дагестанскими войсками, въ мундирѣ и красныхъ чакчирахъ, а ближе къ аулу—полковникъ Лазаревъ, который велъ переговоры съ шамилевскими наибами, выходившими на край аула.

Было уже около 4-хъ часовъ пополудни, когда общее любопытство достигло послѣдней степени напряженія: на окраинѣ аула, возлѣ мечети, горцы зашевелились и изъ нея поспѣшно вышелъ небольшой кортежъ съ имамомъ во-главѣ. Онъ былъ въ бѣлой чалмѣ съ кистью и въ обыкновенной горской одеждѣ, позади вели его бѣлую верховую лошадь.

Народъ, окружавшій аулъ, и войска, завидѣвъ вышедшаго Шамиля, крикнули „ура", которое оглушительнымъ эхомъ пронеслось и по окрестнымъ гребнямъ котловины. Встревоженный Шамиль остановился, какъ-бы намѣреваясь попятиться назадъ; но подошедшій къ нему полковникъ Лазаревъ успокоилъ его, и онъ снова спѣшнымъ шагомъ направился къ рощѣ, гдѣ князь Барятинскій, окруженный свитою, ожидалъ плѣнника, сидя на камнѣ подъ тѣнью вѣтвистыхъ березъ.

Шамиль, какъ подобало побѣжденному, подойдя къ главнокомандующему, упалъ на колѣни и повергъ себя волѣ побѣдителя...

И вотъ, знаменитый имамъ, могущественный повелитель неприступныхъ горъ, тотъ самый Шамиль, глава свирѣпаго мюридизма, столь прославившійся въ продолженіе многихъ лѣтъ, на колѣняхъ ждетъ своей участи. Картина, поистинѣ, великолѣпная!

Къ вечеру войска наши весело разошлись на свои позиціи, оставивъ на Гунибѣ баталіонъ апшеронцевъ.

На другой день, по случаю праздника 26-го августа, всѣ войска были собраны на Кегерѣ, гдѣ, выстроенныя покоемъ, встрѣтили главнокомандующаго съ барабаннымъ боемъ и музыкою. Князь Барятинскій, не объѣзжая войскъ, прямо выѣхалъ на середину парада и пожаловалъ войскамъ тѣ десять тыс. рублей, которыя были обѣщаны за взятіе Шамиля живьемъ. Затѣмъ началось молебствіе, оконченное колѣнопреклоненіемъ и пушечнымъ салютомъ, при несмолкаемомъ „ура" на славу царю и отечеству. Въ заключеніе торжества, войска прошли церемоніальнымъ маршемъ; позади ихъ слѣдовали въ пѣшемъ строю, подъ музыку, разукрашенныя въ серебро сотни разной милиціи, приподнимая вверхъ папахи на привѣтствіе главнокомандующаго и оживленно отвѣчая: „сау-у!"

Шамиль не обращалъ вниманія на происходившее, сидя на землѣ передъ своею палаткою, окруженный почетными муллами и нѣкоторыми приверженцами изъ горскихъ наибовъ. Онъ одушевленно съ ними бесѣдовалъ; тѣ сидѣли молча, съ поникшими головами. Выразительное лицо имама, съ правильными тонкими чертами и густою бородою, окрашенною въ темно-малиновый цвѣтъ, оживлялось блескомъ темныхъ глазъ, по временамъ задумчиво обращавшихся на горы, которыхъ еще недавно онъ былъ властелиномъ и потерю которыхъ, навсегда, напоминали ему гордо ходившіе вокругъ него часовые изъ лейбъ-эриванцевъ.

Онъ уже оправился послѣ испытаннаго наканунѣ переполоха, причемъ былъ озадаченъ пріемомъ, оказаннымъ ему; прибывъ, подъ конвоемъ драгунъ, къ ставкѣ главнокомандующаго, гдѣ, вмѣсто ожидаемой „ямы", ему подали чай, на серебряномъ подносѣ, съ отличными сухарями, а вслѣдъ за этимъ появились и его жены, перевезенныя со всѣмъ его богатствомъ изъ гунибскаго аула.

На слѣдующій день послѣ парада, Шамиль на своемъ бѣломъ конѣ, конвоируемый драгунами, отправленъ былъ по назначенію, а вслѣдъ за нимъ отправилось и его семейство. Дагестанъ, утомленный долголѣтнею войною, сразу сдѣлался мирнымъ, какъ будто и не воевалъ никогда, но странно, что тѣ жители, которые издавна были мирными и неоднократно страдали отъ шамилевскихъ набѣговъ, теперь, при его проѣздѣ, сочувственно встрѣчали его, а женщины даже цѣловали ему руки.

Скоро собрался къ отъѣзду и главный штабъ, распредѣливъ войска по назначенію. При этомъ мы узнали, что вмѣсто прежняго нашего командира полковника Лисовскаго, оставлявшаго службу, назначался герой согратлинской переправы полковникъ Девель, что весьма льстило военному самолюбію полка.

Утромъ 29-го августа 1859 г., главнокомандующій, въ сопровожденіи многочисленной свиты, выѣхалъ изъ лагеря по пути черезъ Ходжалмахи, на Дешлыгаръ и далѣе. Князь Барятинскій ѣхалъ впереди свиты, мимо фланга нашего 1-го батальона, стоявшаго въ общей линіи лагерныхъ войскъ и, миновавъ линію въ молчаніи, продолжалъ слѣдовать дальше, не обращая вниманія ни на выстроенныя въ линію войска, ни на покоренныя имъ горы, вершины которыхъ покрылись розовымъ отблескомъ восходящаго солнца.

Тишина была полная, нарушаемая только топотомъ конскихъ подковъ удалявшейся въ молчаніи кавалькады. Казалось, что главнокомандующій или не замѣтилъ присутствія войскъ или просто не хотѣлъ себя безпокоить лишнею церемоніею. Такъ или иначе, но

оставлять своего побѣдоносного вождя безъ привѣта было не въ духѣ кавказскихъ войскъ и, подъ общимъ впечатлѣніемъ минуты, пишущій эти строки въ полголоса произнесъ, приподнимая шапку и обращаясь къ 1-й ротѣ самурцевъ, которою еще недавно командовалъ: „ура!“. Баталіонный командиръ, дисциплинированный на службѣ въ бывшемъ 5-мъ пѣхотномъ корпусѣ, чуть не наскочилъ на виновнаго съ возгласомъ: „что вы?“ Но уже было поздно: „ура“ загремѣло по всей линіи баталіона и одушевленно было подхвачено всѣми войсками, съ летѣвшими вверхъ бѣлыми шапками.

Князь Барятинскій продолжалъ ѣхать дальше, посматривая въ нашу сторону, но „ура“ не смолкало, такъ что главнокомандующій повернулъ, наконецъ, лошадь назадъ и, подъѣхавъ къ баталіону, громко произнесъ вдоль всей нашей линіи, приподнимая фуражку: „спасибо вамъ, братцы!“ Затихшее на мгновеніе „ура“ снова загремѣло, сопровождая удалявшагося покорителя восточнаго Кавказа.

Въ слѣдующіе дни войска начали расходиться по своимъ штабъ-квартирамъ и на пункты, предназначенные для занятія въ горахъ; а нашъ баталіонъ пошелъ на Гунибъ, на смѣну апшеронцевъ. Тамъ мы вскорѣ узнали, что начальникомъ края и командующимъ войсками Дагестанской области назначался князь Меликовъ.

II.

Императоръ Александръ Николаевичъ на Гунибѣ въ 1871 г.

Спустя 12 лѣтъ послѣ гунибскаго штурма, по широкимъ, проложеннымъ по всему Дагестану, дорогамъ мчались тройки съ звонкими колокольчиками, развозившія распоряженія по случаю ожидавшагося пріѣзда императора Александра II.

Гунибъ, уже застроенный укрѣпленіемъ, вцѣпившимся въ верхнюю часть горы, обращенную къ югу, теперь всѣмъ напоминаетъ незыблемое водвореніе здѣсь русскаго оружія. Самое-же укрѣпленіе, вѣнчающее двухъ-этажными казармами верхній скалистый гребень горы, спускается ломанными линіями крѣпостныхъ стѣнъ до нижняго уступа, гдѣ стояли нѣкогда сакли Хаджи-Янко и гдѣ находится теперь центръ укрѣпленія съ площадью, штабъ-квартирными постройками и церковью, праздничный звонъ которой далеко разносится по окрестностямъ со стосаженной высоты. Верхняя часть

укрѣпленія соединяется съ центромъ дорогою, которая идетъ тремя зигзагами, частію высѣчена въ скалѣ и частію утверждена на каменныхъ устояхъ, уложенныхъ искусно сухою кладкою, безъ цемента. Общій видъ гунибскаго укрѣпленія дополняется спускомъ къ рѣкѣ, который, выйдя изъ укрѣпленія черезъ нижнія каменныя ворота и миновавъ слободку семейныхъ нижнихъ чиновъ, размашистыми зигзагами исчерчиваетъ всю нижнюю часть горы до самой глубины ущелья, гдѣ переходитъ на правый берегъ рѣки Кара-Койсу по широкому каменному мосту. Далѣе эта дорога широкою лентою вьется у подошвы Кегерскихъ высотъ къ Салтинскому ущелью, черезъ которое полутоннелемъ съ каменнымъ барьеромъ проходитъ надъ пропастью, въ которой бурлитъ рѣка, а по ту сторону этой тѣснины дорога развѣтвляется на двѣ стороны: налѣво она идетъ черезъ красный желѣзный мостъ, перекинутый надъ Кара-Койсу, въ Карадахъ, Хунзахъ и далѣе въ Терскую область и направо, черезъ Салтинскія высоты и Ходжалмахинское укрѣпленіе — въ Темиръ-Ханъ-Шуру и Дешлагаръ. Всѣ эти дороги проложены довольно отлого по крутымъ высотамъ и глубокимъ ущельямъ и настолько широки, что двѣ шестерки могутъ разъѣхаться свободно. Съ Карадаха проложена, кромѣ того, другая дорога къ Гунибу, которая, пройдя по тѣсному Карадахскому ущелью и поднявшись безконечными зигзагами на сѣверную часть горы, проходитъ черезъ тоннель, пробитый въ верхнемъ каменномъ гребнѣ, а затѣмъ идетъ мимо шамилевскаго аула и березовыхъ рощъ и спускается къ сѣвернымъ воротамъ гунибскаго укрѣпленія.

Проливные дожди, бывшіе въ то лѣто, часто портили дорогу къ укрѣпленію, промывая вездѣ рытвины и нанося камни съ верхней части горы. Каждый разъ послѣ дождей требовалось много рабочихъ для исправленія причиненныхъ имъ поврежденій, для чего приходилось оставлять на время другія занятія, относившіяся къ строевой службѣ. Поэтому стоявшій здѣсь 12-й кавказскій линейный баталіонъ напряженно спѣшилъ выполнять работы по укрѣпленію и прочія строевыя занятія, которыя могли производиться только отрывочно. Къ тому-же, нужно было торопиться со всѣмъ этимъ по случаю пріѣзда изъ Тифлиса начальствующихъ лицъ, осматривавшихъ все имъ подвѣдомственное. Главный начальникъ края, князь Меликовъ, независимо отъ предварительныхъ повѣрокъ его помощниками, лично объѣзжалъ край по путевымъ пунктамъ, гдѣ по нѣсколько дней осматривалъ лежащія на этомъ пути укрѣпленія: Ходжалмахинское, Гунибское, Карадахское, Хунзахское и другіе пункты, которые, за исключеніемъ перваго, всѣ

были возведены заново, съ цѣлью, при какихъ-бы то ни было обстоятельствахъ, воспрепятствовать катастрофамъ, подобнымъ прошлымъ.

Въ числѣ прочихъ приготовленій, сдѣланныхъ къ высочайшему пріѣзду, на Гунибъ были доставлены изъ Темиръ-Ханъ-Шуры легкіе экипажи, въ запряжкѣ которыхъ подобранныя баталіонныя лошади проѣзжались на верхній Гунибъ, причемъ нѣкоторыя гунибскія дамы, любительницы прогулокъ, имѣли случай съ удобствомъ прокатиться къ тѣнистымъ березовымъ рощамъ и къ апшеронскому подъему, гдѣ пышная травяная растительность изобиловала цвѣтами.

Такимъ образомъ ни малѣйшая подробность, касавшаяся удобствъ и безопасности высочайшаго проѣзда, не ускользнула отъ бдительнаго вниманія князя Меликова; помимо заботы объ исправномъ содержаніи дорогъ, что возлагалось на жителей, онъ самъ лично удостовѣрялся въ пригодности помѣщеній на каждомъ ночлежномъ пунктѣ и въ качествѣ заготовленныхъ лошадей, какъ верховыхъ. такъ и упряжныхъ. При этомъ верховая лошадь для государя была выбрана особенно тщательно: это былъ рыжей масти жеребецъ, съ золотистымъ отливомъ, приведенный изъ Кюринскаго ханства; хотя онъ былъ росту средняго, но сильный и смѣлый до невѣроятности. Сѣдокъ на немъ, въ присутствіи князя Меликова, прорѣзывалъ солдатскія колонны, несмотря на то, что по данному приказанію солдаты махали передъ нимъ шапками и кричали „ура“. Эта-же лошадь и подъ орудійнымъ выстрѣломъ даже ухомъ не шевелила. Также и подъ экипажъ для государя приготовлена была шестерка темно-сѣрыхъ молоканскихъ лошадей, которыя испытывались на подъемахъ и спускахъ; наконецъ, на нихъ пробовали подъѣзжать въ легкой коляскѣ подъ два полевыя орудія, выставленныя на скалистомъ уступѣ возлѣ церкви. Молокане (кучеръ и выносной) опускали возжи, и лошади, ничего не подозрѣвая, стояли себѣ смирно, какъ вдругъ клубомъ взвивался надъ ними дымъ орудійныхъ выстрѣловъ, произведенныхъ одинъ вслѣдъ за другимъ, отъ которыхъ лопались въ ближайшихъ офицерскихъ флигеляхъ стекла, но лошади, кромѣ одного дышловика, взглянувшаго на орудія, оставались спокойны. Онѣ какъ будто знали чего отъ нихъ хотятъ. Впрочемъ, всѣ молоканскія лошади были хороши, и на нихъ-то теперь молокане развозили нарочныхъ, занявъ всѣ станціи по путевой линіи; теперь, не рѣдко, во мракѣ ночи, по горамъ и глубокимъ ущельямъ, позвякивалъ колокольчикъ и подъ-часъ раздавались напѣвы заунывной русской пѣсни.

Гунибъ день-ото-дня оживлялся все болѣе и болѣе; для сопро-

вождавшихъ государя лицъ очищены были квартиры преимущественно на площади, именно: въ домѣ баталіоннаго командира—для графа Перовскаго, для князя Трубецкаго и адъютантовъ государя, въ домѣ баталіоннаго священника — для графа Шувалова, затѣмъ въ казенныхъ офицерскихъ флигеляхъ и частныхъ домикахъ—для князя Меликова, германскаго военно-уполномоченнаго генерала Вердера, начальника штаба арміи генерала Свистунова и для прочихъ лицъ свиты; весь-же домъ начальника мѣстнаго управленія приготовлялся: верхній этажъ для Государя Императора, а нижній для Наслѣдника Цесаревича и великихъ князей: Владиміра Александровича и его высочества главнокомандующаго. Домъ этотъ, находясь на возвышенности надъ юго-восточнымъ обрывомъ горы, господствуетъ надъ всѣмъ нижнимъ укрѣпленіемъ и изъ его оконъ открывается мѣстность вплоть до Салтинскаго ущелья.

Время высочайшаго пріѣзда приближалось и работы по устройству пріема кипѣли. Заготовлялись также иллюминаціи: отъ мѣстнаго управленія на окрестныхъ горахъ, а отъ баталіона въ самомъ укрѣпленіи, начиная съ площади по линіямъ крѣпостныхъ стѣнъ и вдоль дороги, идущей зигзагами до верхнихъ казармъ. Тамъ, надъ верхнимъ укрѣпленіемъ, устроенъ былъ вензель государя императора, величиною въ 15-ть аршинъ, окрашенный бѣлою краскою, такъ что и днемъ онъ хорошо былъ виденъ съ самаго низа горы. Вечеромъ вензель и надъ нимъ корона имѣли быть освѣщены бѣлыми матоваго цвѣта фонарями, и на башнѣ, возлѣ верхнихъ воротъ, устроенъ былъ флагштокъ для поднятія кейзеръ-флага и штандарта. Относительно иллюминаціи происходило сильное соревнованіе между горскимъ управленіемъ и баталіономъ; управленію хотѣлось во всемъ имѣть первенство, расчитывая и на свое горное освѣщеніе, но въ дѣйствительности вышло не совсѣмъ такъ, какъ ожидалось.

У насъ-же, при всей исправности, все-таки душа не была покойна. Невольно являлась тревога за малѣйшую случайность, которая, при неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, могла разстроить всѣ наши старанія. Главнымъ условіемъ успѣшнаго торжества была хорошая погода, но, какъ нарочно, поднялся вѣтеръ, сметая по горамъ щебнистую пыль и предвѣщая дождь; а наканунѣ государеваго пріѣзда, именно 10-го сентября, усиливавшійся вѣтеръ нагналъ тучи и, хлеща въ глаза дождевыми каплями и мелкимъ щебнемъ, не далъ намъ кончить ученія, къ которому, наконецъ, собрали всѣхъ людей.

Императоръ Александръ II, высадившись въ Петровскѣ и пробывъ нѣсколько дней въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ, осматривалъ расположенныя тамъ лагеремъ войска 21-й пѣхотной дивизіи. 10-го сентября его величество выѣхалъ въ горы, гдѣ первый ночлегъ былъ въ Ходжалмахи. Оттуда, вечеромъ, было прислано къ намъ распоряженіе о порядкѣ встрѣчи и формѣ одежды, которая назначалась для почетнаго караула парадная, а для прочихъ войскъ—походная.

На другой день, 11-го сентября, съ ранняго утра въ укрѣпленіи все было подметено, и люди пообѣдавъ стали одѣваться, въ ожиданіи перваго салютаціоннаго выстрѣла, который было приказано произвести съ верхней сѣверо-восточной батареи при выѣздѣ государева поѣзда изъ Салтинскаго ущелья. Салютаціею распоряжался артиллеріи штабсъ-капитанъ Гаслеръ, временно начальствующій гунибскою крѣпостною артиллеріею; пока онъ наблюдалъ съ батареи за дорогою, виднѣющеюся отъ самаго Салтинскаго ущелья, наши роты, спустившись на площадь и сложивъ въ саду, возлѣ дома баталіоннаго командира, амуницію и ружья, были готовы строиться шпалерами вдоль площади до поворота дороги на возвышенность къ государевой квартирѣ. Тамъ выстроился и почетный караулъ съ хоромъ областной музыки, прибывшей изъ Темиръ-Ханъ-Шуры.

День уже клонился къ вечеру, когда на верхней батареѣ взвился клубомъ дымъ перваго выстрѣла. Царскому поѣзду еще нужно было проѣхать семь верстъ до Гуниба, и поэтому наши роты безъ суеты начали строиться на указанныхъ мѣстахъ, а я, съ рапортомъ о состояніи укрѣпленія, верхомъ спустился къ нижней слободкѣ и сталъ у спуска, при въѣздѣ въ нее, съ невольнымъ въ душѣ волненіемъ. Тамъ уже толпились окрестные жители, стоявшіе по обѣ стороны извилистой дороги до самаго низу горы. Погода была тихая и пасмурная, придававшая еще болѣе торжественности всему окружавшему. Съ плато, на которомъ находилась слободка, не была видна часть дороги у моста черезъ Кара-Койсу и поэтому мы узнали о приближеніи царскаго поѣзда лишь по крику „ура", который раздавался все ближе и ближе; наконецъ, на подъемѣ къ слободкѣ, изъ-за огромныхъ скалистыхъ обломковъ, показались передовые всадники конно-иррегулярнаго дагестанскаго полка, а вслѣдъ за ними неслась тройка молоканскихъ лошадей, запряженныхъ въ легкій экипажъ, въ которомъ сидѣлъ императоръ Александръ II съ его высочествомъ главнокомандующимъ.

Подъѣхавъ съ рапортомъ, я былъ представленъ государю его высочествомъ, добавившимъ въ полголоса, обратившись ко мнѣ: „прямо въ церковь".

Въ самой слободкѣ поселяне встрѣтили государя съ хлѣбомъ-солью, причемъ его величество, выйдя изъ экипажа, милостиво обращался къ нимъ съ вопросами объ ихъ житьѣ, а затѣмъ, сѣвъ на приготовленную верховую лошадь, началъ подниматься къ укрѣпленію. Дорога шла подъ тѣнью вѣковыхъ орѣховъ до поворота, съ котораго виденъ водопадъ Гунибской рѣчки, падающей съ верхняго обрыва въ глубокую кручу, разбиваясь при паденіи въ мелкія серебристыя брызги. Поднявшись къ нижнимъ воротамъ и обогнувъ южную кручу горы по длинному выступу съ барьеромъ, уложеннымъ изъ камней надъ самою пропастью, дорога приводитъ на прощадь. Группы солдатъ и народа, стоявшія вдоль дороги, завидя государя, привѣтствовали царскій поѣздъ чисто русскимъ „ура“, подаваясь вслѣдъ за государемъ къ площади. Поднявшись на церковную площадь, гдѣ собрались всѣ гунибскія дамы и почетные граждане съ хлѣбомъ-солью, государь встрѣченъ былъ у входа въ церковь баталіоннымъ священникомъ о. Іоанномъ Лебединскимъ. Небольшая одноглавая гунибская церковь, со скромнымъ, но довольно изящнымъ украшеніемъ, обсаженная березками, рябиною и кленомъ и обставленная трофеями совершившагося покоренія—шамилевскими пушками, теперь ознаменовалась событіемъ, принесшимъ этому покоренію нóвый блескъ.

Выйдя изъ церкви, государь съ минуту любовался общимъ видомъ укрѣпленія и окрестною мѣстностью. Затѣмъ, сѣвъ на лошадь, его величество со всею свитой поѣхалъ вдоль рядовъ выстроенныхъ на площади войскъ, которыя привѣтствовали его восторженнымъ „ура“. Возлѣ дома, приготовленнаго для государя на небольшой площадкѣ, лѣвымъ флангомъ къ подъѣзду, стоялъ почетный караулъ съ начальникомъ мѣстныхъ войскъ генераломъ Берхмáномъ на правомъ флангѣ. Государь былъ встрѣченъ даргинскимъ маршемъ, смѣнившимся, послѣ привѣтствія, народнымъ гимномъ и барабаннымъ боемъ, заглушеннымъ раскатами непрерывнаго „ура“! Государь шелъ медленно вдоль фронта рослыхъ солдатъ, выразивъ имъ одобреніе за ихъ молодецкій видъ, а затѣмъ, принявъ ординарцевъ на лѣвомъ флангѣ и пропустивъ роту „справа по отдѣленіямъ“, вошелъ въ приготовленную для него квартиру; причемъ, по приказанію главнокомандующаго, вмѣсто отпущенной роты оставленъ былъ караулъ изъ 40 рядовыхъ при офицерѣ.

Восторгу осчастливленныхъ гунибцевъ не было предѣла. Они тотчасъ принялись приводить все въ порядокъ: экипажи прибывшей свиты, загромоздившіе площадь, быстро и безъ суеты были размѣщены по квартирамъ; всѣ проѣзды по укрѣпленію, запруженные

милиціей, были очищены и подметены, такъ что праздничный видъ повсюду возстановился.

Къ 6-ти часамъ вечера, прибывшіе гости начали собираться къ государевой квартирѣ, любуясь на площадкѣ передъ домомъ видомъ окружающихъ горъ, на которыхъ уже начали зажигаться приготовленные костры, а на вершинѣ Кегера выдѣлился царскій вензель, составленный изъ разноцвѣтныхъ фонарей, разставленныхъ по склону горы. Но такъ какъ мѣстность не была ровная, то и литера вышла не совсѣмъ удачно. Все-таки представитель мѣстнаго управленія съ торжествующею улыбкою обратился къ тутъ же стоявшему баталіонному командиру съ вопросомъ: „что-же ваша иллюминація?“ Но на верхнемъ укрѣпленіи начали уже зажигаться плошки, образуя огненныя линіи, надъ которыми засіяла громадная вензелевая буква съ короною; вскорѣ по всему укрѣпленію загорѣлась иллюминація. Гунибъ кишѣлъ народомъ, гулявшимъ при звукахъ музыки и пѣсенниковъ, и долго еще не умолкалъ шумъ народнаго веселья среди тихой прекрасной ночи.

Приглашенные къ царскому столу вошли въ домъ. За обѣдомъ, бесѣдуя съ высокопоставленными лицами, государь обращался съ вопросами и къ тѣмъ, которымъ случай предоставилъ первый разъ въ жизни эту честь. Въ концѣ обѣда его величество произнесъ тостъ за здоровіе „славной кавказской арміи“ и ея главнокомандующаго, выразивъ при этомъ признательность его высочеству и начальнику области, князю Меликову.

Въ ожиданіи возвращенія князя Меликова, чтобы получить его приказанія на слѣдующій день, я сидѣлъ на крыльцѣ своего помѣщенія, переживая вновь только-что испытанныя впечатлѣнія. Время было уже позднее, кое-гдѣ догорали огни иллюминаціи, празднество притихло, какъ вдругъ гдѣ-то высоко раздался какъ будто ружейный выстрѣлъ. Подбѣжавъ къ часовому, стоявшему возлѣ квартиры графа Перовскаго, я спросилъ: „гдѣ былъ выстрѣлъ?“ Часовой указалъ къ сторонѣ церкви. Поспѣшивъ туда, къ скалистому возвышенію позади церкви, гдѣ находились небольшія постройки крѣпостной артиллерійской команды, я узналъ, что офицеръ этой команды, старожилый гунибецъ, пустилъ ракету, чтобы татары, какъ онъ выразился, веселѣе поддерживали на Кегерѣ иллюминацію. Пришлось попросить его воздержаться отъ подобныхъ мѣръ, могущихъ причинить недоразумѣніе, тѣмъ болѣе что въ укрѣпленіи много было татаръ и разныхъ милицій.

По возвращеніи князя Меликова съ прочими лицами свиты, получено было приказаніе касательно предстоявшаго на слѣдующій

день смотра. Въ укрѣпленіи скоро все затихло, только мѣрные шаги часовыхъ раздавались на скалистомъ грунтѣ.

На другой день, съ ранняго утра, когда восходящее солнце не успѣло еще освѣтить вершинъ гунибскихъ скалъ, наши солдаты управились уже съ уборкою укрѣпленія и начали готовиться къ смотру.

На площади тѣмъ временемъ начали показываться свитскіе чины въ мундирахъ при походной формѣ, изъ числа коихъ нѣкоторые направились къ государевой квартирѣ, гдѣ собиралась и депутація отъ горскаго народа.

Къ назначенному для смотра времени, т. е. къ 11-ти часамъ утра, баталіонъ съ областною музыкою выстроился на площади развернутымъ фронтомъ. Государь, послѣ пріема горской депутаціи верхомъ спустился на прощадь въ сопровожденіи ихъ высочествъ и лицъ свиты и, принявъ рапортъ отъ представлявшаго баталіонъ, проѣхалъ вдоль фронта шагомъ, привѣтствуемый народнымъ гимномъ и не смолкавшимъ „ура!“.

Выѣхавъ передъ баталіономъ, государь спросилъ: „Есть-ли холостые патроны?“ Однако-же, при всей предусмотрительности, это обстоятельство, нерѣдко практикуемое, было упущено изъ вида.

Выслушавъ крайне неумѣстное „нѣтъ“, государь произвелъ ученіе „по-ротно въ двѣ линіи“, оконченное атакою артиллерійскаго кургана, а затѣмъ церемоніальнымъ маршемъ „шагомъ и бѣгомъ“. Баталіонъ былъ осчастливленъ царскимъ „спасибо“ и выборомъ 9-ти нижнихъ чиновъ въ гвардію. Причемъ и офицеры имѣли счастіе представляться его величеству, и каждый изъ нихъ былъ удостоенъ милостивымъ словомъ.

Проѣзжая съ площади, по пути на верхній Гунибъ, государь осмотрѣлъ баталіонный лазаретъ и казарму стрѣлковой роты. Устройство этой казармы государю понравилось, и на вопросъ, обращенный ко мнѣ: „всѣ-ли такія?“, я отвѣтилъ, что эта самая лучшая. Прочія казармы по строительному искусству, быть можетъ, и считались лучшими, но стрѣлковая, построенная баталіоннымъ командиромъ, моимъ предмѣстникомъ, была несравненно удобнѣе, и я не могъ выразиться иначе; однако, мой отвѣтъ, какъ оказалось впослѣдствіи, не понравился заинтересованнымъ лицамъ. При осмотрѣ лазарета, помимо ласковаго обращенія къ каждому изъ больныхъ, государь удостоилъ и присутствовавшихъ должностныхъ офицеровъ вопросами объ ихъ прежней службѣ. Причемъ, на отвѣтъ завѣдующаго хозяйствомъ капитана Винникова, что онъ прежде служилъ въ Кабардинскомъ полку, государь указалъ на флигель-адъютанта князя Долгорукова, сказавъ:

— „Вотъ твой бывшій однополчанинъ, признаешь-ли ты его?"

„Признаю, ваше императорское величество!", одушевленно отвѣчалъ капитанъ Винниковъ, къ которому не замедлилъ любезно подойти признаваемый блестящій свитскій офицеръ. Государь со всѣми былъ ласковъ, и всѣ, имѣвшіе счастіе удостоиться его слова, чувствовали себя въ невыразимомъ восторгѣ. При дальнѣйшемъ слѣдованіи въ гору государь любовался съ высоты окрестною мѣстностью, представляющею, по выраженію самого государя, „грандіозную картину". Подъѣхавъ къ верхнимъ воротамъ крѣпости, государь принялъ рапортъ и, получивъ на сдѣланный имъ вопросъ, имѣютъ-ли эти ворота названія, отрицательный отвѣтъ, государь приказалъ верхнія ворота именовать „Шамилевскими", а нижнія — „князя Барятинскаго".

Проѣзжая далѣе, мимо березовыхъ рощъ, къ шамилевскому аулу, государь разспрашивалъ меня о подробностяхъ штурма, о чемъ я имѣлъ счастіе докладывать, какъ бывшій очевидецъ. Въ аулѣ государь взглянулъ на шамилевскую саклю, построенную по образцу нашихъ слободскихъ домиковъ, съ деревяннымъ поломъ и стекольными окнами, и на возвратномъ пути остановился въ березовой рощѣ, гдѣ въ разбитыхъ палаткахъ приготовленъ былъ завтракъ. Роща эта отличается отъ прочихъ небольшихъ рощицъ старыми большими деревьями, покрывающими густою тѣнью внутренній склонъ западнаго гунибскаго гребня, который красиво возвышается террасами надъ дорогою. На нижней террасѣ этого склона, подъ тѣнистыми березами, находится большой камень, на которомъ сидѣлъ князь Барятинскій, во время принесенія Шамилемъ покорности. Туда-то, по окончаніи завтрака, государь спустился съ верхней террасы съ бокаломъ въ рукѣ и, въ присутствіи сопровождавшихъ его лицъ, произнесъ тостъ въ честь князя Барятинскаго. По всей рощѣ раздалось одушевленное „ура", повторенное тысячными голосами горцовъ, собравшихся вокругъ рощи. Затѣмъ государь, сѣвъ на лошадь, поѣхалъ къ нашей стрѣлковой ротѣ, которая для смотровой стрѣльбы стояла по пути къ укрѣпленію. Мишени были поставлены 3-го номера и самая стрѣльба производилась съ двухъ различныхъ неопредѣленныхъ разстояній. Причемъ, хотя солдаты всѣми силами усердствовали въ этомъ случаѣ, но, имѣя старыя, заготовленія 1854-го года, семилинейныя ружья, проценты дали посредственные. Государь, однако-же, обратилъ вниманіе на хорошее направленіе выстрѣловъ, и, по окончаніи стрѣльбы, присутствуя лично при повѣркѣ пуль, милостиво выразилъ одобрительный отзывъ стрѣлкамъ.

День уже клонился къ вечеру, когда государь, въ сопровожденіи прочихъ лицъ свиты, спустился на среднее плато Гуниба.

Къ обѣденному царскому столу были приглашены и нѣкоторые чины изъ народнаго управленія, которые тоже не были обойдены царскимъ словомъ, и вечеръ прошелъ попрежнему при звукахъ музыки и блескѣ иллюминаціи, на этотъ разъ блѣднѣвшей передъ миріадами звѣздъ, ярко блиставшихъ на безоблачномъ небѣ.

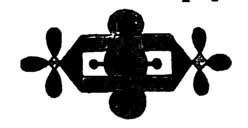
Около 12-ти часовъ ночи, государь вышелъ изъ своихъ покоевъ и прохаживался нѣкоторое время по площадкѣ, гдѣ стоялъ караулъ. Праздничный шумъ уже утихъ, только кое-гдѣ въ укрѣпленіи догорали плошки, въ глубокомъ обрывистомъ ущельи слышался вѣчный ропотъ Кара-Койсу, да издали доносилось побрякиваніе колокольчиковъ удалявшихся очередныхъ курьеровъ.

Къ утру, къ отъѣзду государя, который долженъ былъ прослѣдовать черезъ верхній Гунибъ и Карадахскую тѣснину, приготовлены были легкіе экипажи, а дорожные, изъ коихъ нѣкоторые везлись восмериками, направлялись въ Карадахъ кругомъ, по Салтинскому ущелью, черезъ красный желѣзный мостъ и Карадахскій перевалъ.

Рано утромъ, 13-го сентября, началось дѣятельное движеніе чиновъ свиты и ихъ ливрейной прислуги, суетившейся около дорожныхъ экипажей. И вскорѣ тяжелые экипажи, одинъ вслѣдъ за другимъ, начали спускаться въ ущелье Кара-Койсу.

Ровно въ 8 часовъ утра, государь вышелъ на площадку, гдѣ, удостоивъ находившихся тамъ офицеровъ и классныхъ чиновниковъ прощальнымъ привѣтствіемъ, сѣлъ въ коляску съ главнокомандующимъ и сѣрый шестерикъ государева экипажа быстро помчался на верхній Гунибъ. Проѣхавъ верхнія ворота, на которыхъ уже красовалась сдѣланная въ теченіе ночи надпись, золоченными буквами, „Шамилевскія ворота", государева коляска, а за нею и экипажи царской свиты быстро покатили по дорогѣ, мимо березовыхъ рощъ, къ тоннелю, гдѣ экипажи замѣнены были верховыми лошадьми и царскій поѣздъ медленно продолжалъ путь по крутому сѣверному спуску въ Карадахскую тѣснину и въ Карадахъ, откуда дальнѣйшее слѣдованіе предстояло въ дорожныхъ экипажахъ.

Съ отъѣздомъ государя, штандартъ, развѣвавшійся надъ гунибскимъ укрѣпленіемъ, спустился, и укрѣпленіе, послѣ своего торжества, снова затихло и приняло видъ глухаго уединенія, обычнаго среди этой дикой и величественной природы.



По всему Дагестану государя сопровождали, главнымъ образомъ, всадники конно-иррегулярнаго Дагестанскаго полка, составлявшагося изъ горцевъ-охотниковъ. Полкъ этотъ всегда отличался въ прежнихъ военныхъ дѣлахъ и теперь представился нарядно въ бѣлыхъ черкескахъ съ синими бешметами. Войска-же, находившіяся въ горахъ, оставались на своихъ мѣстахъ,—такъ были надежны жители, встрѣчавшіе высочайшій проѣздъ по всей дорогѣ. Въ настоящее время, они хотя, попрежнему, вооружены, но какъ будто желая вознаградить время, потерянное ими въ безпрерывной войнѣ, всецѣло занялись разными ремеслами и хозяйствомъ, получая изъ своей каменистой, но плодородной земли хорошіе хлѣба и садовые фрукты. Самое орошеніе садовъ удивило-бы любаго садовода искусно придуманными водопроводами, мѣстами проходящими по деревяннымъ желобкамъ.

Въ этомъ краѣ уже много сдѣлано, но много предстоитъ еще усилій и времени, чтобы эта страна вполнѣ стала цивилизованною.

Вячеславъ Солтанъ,
отставной ген.-маіоръ.

Тифлисъ.

ВОСПОМИНАНІЯ ОРДИНАРЦА О ВОЙНѢ 1877—1878 ГГ.

Воспоминанія эти были изданы въ 1891 г., въ очень ограниченномъ числѣ экземпляровъ и въ продажу не поступали. Въ виду живаго интереса, представляемаго военными очерками В. М. Вонлярлярскаго, состоявшаго, въ продолженіе всей кампаніи 1877—1878 гг., ординарцемъ при главнокомандующемъ дѣйствующею арміею—вел. кн. Николаѣ Николаевичѣ, мы помѣщаемъ здѣсь, съ любезнаго разрѣшенія автора, первыя три главы „Воспоминаній", предполагая впослѣдствіи напечатать еще нѣсколько главъ, касающихся такихъ интересныхъ моментовъ послѣдней нашей войны съ турками какъ штурмъ Никополя, шипкинскія дѣла, взятіе Плевны и проч.

Ред.

I.

Отъѣздъ изъ Петербурга.—Кишиневъ.

Зимою 1877 г. начали поговаривать о возможности войны съ Турціею. Я служилъ въ то время въ кавалергардскомъ полку; весьма увлекался военнымъ дѣломъ и мечталъ о томъ, какъ-бы попасть въ дѣйствующую армію, которая была только-что мобилизована. Судя по разговорамъ, нашъ полкъ не долженъ былъ итти въ походъ, и я ломалъ себѣ голову, куда-бы мнѣ пристроиться, чтобы побывать на войнѣ.

Наконецъ, я рѣшилъ попытать счастія: обратился къ моему полковому командиру, свиты Е. И. В. генералъ-маіору Алексѣю Павловичу Игнатьеву, и просилъ его имѣть меня въ виду на

случай, если изъ нашего полка потребуютъ офицеровъ въ дѣйствующую армію.

1-го или 2-го апрѣля 1877 года позвалъ меня Алексѣй Павловичъ къ себѣ, объявилъ, что пришло распоряженіе назначить отъ нашего полка одного офицера въ кадры предполагаемаго болгарскаго ополченія, и предложилъ мнѣ эту командировку. При моемъ живомъ характерѣ, перспектива быть инструкторомъ братушекъ и пробыть, быть можетъ, всю войну гдѣ-нибудь въ кадрахъ—не особенно мнѣ улыбалась. Я попросилъ позволенія повременить отвѣтомъ и подумать въ теченіе двухъ дней, чтобы имѣть возможность разузнать въ чемъ будутъ заключаться обязанности офицеровъ, вызываемыхъ въ эти кадры.

Къ сожалѣнію, я ничего не могъ узнать и былъ въ большомъ затрудненіи что̀ отвѣтить на любезное предложеніе генерала. Счастливая звѣзда меня выручила. Какъ разъ въ тотъ день, когда я долженъ былъ дать рѣшительный отвѣтъ, на разводѣ въ Михайловскомъ манежѣ пронеслась радостная вѣсть, что великій князь, главнокомандующій дунайскою арміею, вызываетъ къ себѣ ординарцами десять офицеровъ изъ разныхъ гвардейскихъ полковъ, въ числѣ которыхъ изъ нашего полка былъ я. Восторгу моему не было границъ. Кромѣ лестнаго для самолюбія назначенія состоять при великомъ князѣ, котораго всѣ мы офицеры любили какъ отца, эта неожиданная милость разрубала Гордіевъ узелъ и блистательнымъ образомъ выручала меня изъ кадровъ болгарскаго ополченія, будущность которыхъ была совершенно неизвѣстна.

Всѣмъ намъ, назначеннымъ ординарцамъ [1]), велѣно было черезъ три дня уже выѣхать изъ Петербурга. Надо было собраться, подыскать годныхъ для похода лошадей, наконецъ, распрощаться съ родными и товарищами—на всѣ эти сборы давалось три дня.

Я рѣшилъ взять съ собою денщика, рядоваго кавалергардскаго полка, Тычинскаго, стараго камердинера Максима и двухъ

---

[1]) Ординарцами назначены были: гв. кон. артил. шт.-кап. Андреевскій, кавалергардскаго полка шт.-ротм. Вонлярлярскій, л.-гв. коннаго шт.-ротм. Фелицынъ, того-же полка корн. Рыдзевскій, л.-гв. драгунскаго полка шт.-кап. Клейгельсъ, л.-гв. гусарскаго ротм. Бенкендорфъ, л.-гв. гродненскаго гусарскаго ротм. Цуриковъ и л.-гв. уланскаго: ротм. Евреиновъ, шт.-ротм. графъ Штакельбергъ и корн. Дерфельденъ.

верховыхъ лошадей. Одна изъ нихъ у меня была на лицо: это былъ крупный донской конь гнѣдой масти, вершковъ четырехъ росту, замѣчательный по силѣ; второй подходящей лошади у меня не было.

Случай меня снова выручилъ: мнѣ удалось купить у бывшаго нашего полковаго командира, генералъ-адъютанта Гринвальда, чистокровнаго англійскаго жеребца „Лорда". Генералъ продалъ мнѣ его изъ любезности, какъ своему однополчанину, отправляющемуся на войну. Имѣя этихъ двухъ лошадей, я считалъ себя обезпеченнымъ, и, дѣйствительно, эти прелестные кони не одинъ разъ давали мнѣ возможность дѣлать быстрыя и дальнія поѣздки, и послѣ 13 мѣсяцевъ боевой службы оба вернулись со мною въ Петербургъ; изъ нихъ донецъ, на конской выставкѣ 1879 года, въ Петербургѣ, получилъ даже премію за хорошія формы и свѣжесть.

Много времени отняли у насъ хлопоты по полученію „предложеній" (даровыхъ билетовъ) на переѣздъ до Кишинева. Эти три дня пролетѣли съ неимовѣрною быстротою; я былъ какъ въ туманѣ. Наконецъ, отъѣздъ нашъ былъ назначенъ на 9-е апрѣля, въ 12 часовъ дня. При отвратительной погодѣ, шелъ мокрый снѣгъ—мы всѣ, вновь назначенные ординарцы, весело выѣхали изъ Петербурга, въ особомъ поѣздѣ, вмѣстѣ съ нашими людьми и лошадьми.

Быстро сошлись мы другъ съ другомъ и незамѣтно проѣхали 4 дня до Кишинева. Въ товарищеской бесѣдѣ всякій изъ насъ хотѣлъ нарисовать картину предстоящей службы, о которой мы имѣли весьма смутное понятіе. Наше воображеніе рисовало намъ будущее самыми фантастическими красками. Одинъ изъ товарищей, неистощимый и прекрасный разсказчикъ, штаб.-ротм. л.-гв. уланскаго полка С. Н. Евреиновъ съ большимъ юморомъ изображалъ намъ дѣятельность ординарцевъ во время сраженія. Бой въ полномъ разгарѣ... Орудійная пальба грозно потрясаетъ воздухъ, вдали слышна команда начальниковъ частей... Великій князь, окруженный свитою, стоитъ на курганѣ, откуда видно все расположеніе нашихъ и непріятельскихъ войскъ. Каждый изъ насъ ждетъ, что вотъ-вотъ его подзоветъ главнокомандующій и отправитъ съ какимъ-нибудь приказаніемъ впередъ. «Такой-то, раздается голосъ великаго князя, поѣзжай и передай

№ полку приказаніе атаковать непріятельскія траншеи!“ Ординарецъ беретъ подъ козырекъ, поворачиваетъ коня налѣво кругомъ, оріентируется и съ мѣста пускается въ карьеръ по назначенному направленію — совершенно какъ въ Красномъ селѣ на маневрахъ.

Мы очень смѣялись этому разсказу, приправленному массою остротъ и шутокъ насчетъ могущаго быть настроенія духа у скачущаго въ огонь ординарца; но, въ сущности, другаго представленія о боѣ не могли себѣ составить, такъ какъ всѣ были новичками въ этомъ дѣлѣ.

12-го апрѣля 1877 г. мы прибыли въ Кишиневъ. Была чудная погода, солнце грѣло какъ лѣтомъ. Переодѣвшись, мы поспѣшили явиться къ главнокомандующему. Его императорское высочество очень милостиво насъ принялъ, поздравилъ съ назначеніемъ и обратился къ намъ съ нѣсколькими словами, въ которыхъ высказалъ, что требуетъ, чтобы мы жили дружно между собою, чтобы не было картежной игры и попоекъ, чтобы точно исполняли его порученія и держали-бы въ безусловной тайнѣ все, что будетъ намъ поручено или передано. Кто не выполнитъ этихъ условій, тотъ немедленно будетъ высланъ изъ арміи. Все это было сказано коротко и отечески строго; великій князь насъ обласкалъ и сразу такъ очаровалъ, что каждый изъ насъ былъ готовъ изъ кожи лѣзть, чтобы ему угодить. Впослѣдствіи каждый разъ, когда намъ приходилось ѣхать въ командировку, великій князь, прощаясь, благословлялъ и цѣловалъ насъ; вернувшись, мы должны были итти къ нему съ рапортомъ во всякое время дня и ночи, безъ доклада.

Въ теченіе всей зимы 1877 года великій князь проболѣлъ, и мы ожидали найти въ немъ большую перемѣну. Дѣйствительно, онъ похудѣлъ, но сохранилъ ту-же величественную осанку, которая напоминала нашимъ отцамъ покойнаго государя Николая Павловича; тотъ-же чарующій голосъ, который имѣлъ даръ располагать къ себѣ людей. Никогда великій князь не показывалъ, что страдаетъ, несмотря на жестокіе приступы нервной боли.

Наканунѣ нашего пріѣзда прибылъ въ Кишиневъ государь, и на 12-е апрѣля былъ назначенъ парадъ всѣмъ находившимся вблизи войскамъ, которымъ и велѣно было собраться на скаковомъ полѣ. По приказанію государя, преосвященный Павелъ

прочелъ манифестъ объ объявленіи войны Турціи, послѣ чего былъ отслуженъ съ особою торжественностью молебенъ, и начался церемоніальный маршъ. Стройно проходили, въ боевомъ составѣ, роты и эскадроны, которые поражали нашъ непривычный глазъ своимъ длиннымъ фронтомъ. На этомъ смотру впервые участвовали вновь сформированные кадры болгарскаго ополченія. По окончаніи смотра, государь объѣзжалъ войска, милостиво разговаривалъ съ офицерами и солдатами и при отъѣздѣ сказалъ: „Прощайте... до свиданія! возвращайтесь скорѣе со славою, да хранитъ васъ Богъ!" Раздалось оглушительное ура. Шапки полетѣли въ воздухъ, воодушевленіе было невообразимое — описать его невозможно, потому что это такія минуты, которыя надо пережить и прочувствовать, чтобъ ихъ понять и оцѣнить.

Вскорѣ, по распоряженію штаба, насъ, ординарцевъ, раздѣлили на партіи, по два офицера; на двухъ офицеровъ, по штату, полагался пароконный фургонъ, который, какъ ковчегъ, долженъ былъ заключать въ себѣ все наше имущество. Моимъ однофургонникомъ оказался штабсъ-капитанъ л.-гв. драгунскаго полка Н. В. Клейгельсъ, котораго я ранѣе совсѣмъ не зналъ, что не помѣшало намъ весьма дружно прожить весь походъ. Наша служба пока заключалась въ томъ, чтобы выѣзжать верхомъ всюду, гдѣ бывалъ великій князь, на всякій смотръ или объѣздъ войскъ, почти ежедневно проходившихъ черезъ Кишиневъ, и затѣмъ въ очередь дежурить при его высочествѣ.

Въ свободное время мы часто выѣзжали за городъ, въ степь, и тренировали нашихъ лошадей, подготовляя ихъ къ походу. Надо было подумать и о фургонѣ. Купили мы съ Клейгельсомъ колонистскую телѣгу, придѣлали къ ней верхъ, купили пару лошадей и весьма скоро привели въ порядокъ наши перевозочныя средства. Въ этомъ фургонѣ помѣщалась палатка для насъ, tente-abri [1]) для людей, два чемодана, вьюки, самоваръ, топоръ, лопата и кое-какая сухая провизія. Насъ предупредили, что, пока мы находимся въ главной квартирѣ, будемъ имѣть столъ у великаго князя, но когда будемъ въ командировкѣ, то должны заботиться о своемъ продовольствіи сами. Не забыли мы также захватить съ собою запасные круги подковъ и ковочный инстру-

---

[1]) Tente-abri—палатка малаго размѣра, принятая въ войскахъ.

ментъ, безъ котораго, понятно, плохо пришлось-бы намъ въ походѣ.

По приказанію начальника штаба дѣйствующей арміи, каждый изъ насъ долженъ былъ представить свою фотографическую карточку, на которой ген.-маіор. Левицкимъ [1]) было прописано удостовѣреніе о личности, и приложена была печать штаба. Эта карточка должна была служить письменнымъ доказательствомъ нашего служебнаго положенія на случай, еслибы пришлось передавать изустныя приказанія великаго князя.

Вскорѣ получилъ я первую командировку: отвезти маршруты и распоряженія выступать въ походъ войскамъ, расположеннымъ въ г. Дубно, Луцкѣ и Замостьѣ. Эту командировку я долженъ былъ сдѣлать по желѣзной дорогѣ и на перекладныхъ. Меня, никогда не бывавшаго въ западномъ краѣ, очень заинтересовали дубовые лѣса Волыни и эта чудная, живописная часть Россіи. Но медлить было невозможно, я страшно торопился скорѣе вернуться въ Кишиневъ, боясь, чтобъ великій князь не выступилъ оттуда безъ меня. По возвращеніи, я нашелъ уже много новаго. Все, что совершалось на театрѣ военныхъ дѣйствій, держали въ штабѣ въ величайшей тайнѣ, такъ что мы узнавали новости съ большимъ трудомъ. Тѣмъ не менѣе, я услышалъ о быстромъ занятія Барбошскаго моста полковникомъ Струковымъ, о перестрѣлкѣ, которую мы имѣли на Дунаѣ, о минныхъ загражденіяхъ и, наконецъ, пришла телеграмма о томъ, что удачнымъ выстрѣломъ съ одной изъ нашихъ батарей, расположенныхъ близь Браилова, былъ взорванъ турецкій мониторъ „Лютфи-Джелиль". Было общее ликованіе по поводу этого перваго успѣха, причемъ устроилась первая товарищеская попойка; я говорю первая, потому что вторая и послѣдняя была 19-го января въ Адріанополѣ, въ день заключенія перемирія. Вотъ насколько скроменъ былъ нашъ походный образъ жизни.

Наконецъ, 30-го апрѣля, объявили намъ, что великій князь съ начальникомъ штаба ген.-адъют. Непокойчицкимъ и ограниченнымъ числомъ свиты выступаетъ завтра въ Плоэшти. Остальной главной квартирѣ было предписано эшелонами двигаться по желѣзной дорогѣ туда-же. Съ однимъ изъ подобныхъ эшело-

---

[1]) Помощникъ начальника штаба дѣйствующей арміи.

новъ двинулись и мы, ординарцы, съ нашими лошадьми и вьюками. Фургонъ нашъ долженъ былъ итти съ обозомъ главной квартиры и догнать насъ въ Плоэшти. Не буду описывать нашего переѣзда по желѣзной дорогѣ, всѣхъ неурядицъ, которыя господствовали въ желѣзнодорожномъ управленіи; скажу лишь одно, что эта злополучная дорога была построена въ Румыніи знаменитымъ Струсбергомъ. Весенній разливъ и усиленное движеніе поѣздовъ привели ее въ такое отвратительное состояніе, что надо удивляться, какъ она выдержала передвиженіе всей нашей арміи.

Переѣзжая румынскую границу, каждый снялъ фуражку и перекрестился; затѣмъ грянуло ура, дружно подхваченное и остальными ѣдущими съ нами въ поѣздѣ. Впереди была полная неизвѣстность—кому изъ насъ суждено вернуться домой невредимымъ.... тѣмъ не менѣе всѣмъ было легко на душѣ.

Не помню, на какой-то станціи, уже въ Румыніи, нашъ поѣздъ остановили, заявивъ, что дальше ѣхать нельзя, такъ какъ мостъ на пути размытъ водою. Подобная задержка насъ страшно разсердила; не долго думая, мы выгрузили нашихъ лошадей, верхомъ направились по шоссе на слѣдующую станцію, съ большимъ трудомъ добились составленія новаго поѣзда и двинулись далѣе.

II.

Плоэшти.

Наконецъ, мы прибыли въ Плоэшти, маленькій румынскій городокъ, который былъ до того переполненъ войсками, управленіями, штабами, транспортами, обозами, что походилъ на огромный военный лагерь.

Каждый день весь штабъ и главная квартира завтракали и обѣдали у великаго князя—это было нашимъ клубомъ, въ которомъ всѣ встрѣчались, узнавали новости и знакомились другъ съ другомъ. Эти обѣды, съ чисто семейнымъ характеромъ, были для насъ связующимъ звеномъ во время всего похода. Великій князь держалъ себя весьма просто и принималъ всегда участіе въ разговорѣ. Послѣ жаркого неизмѣнно раздавалась команда его высочества: „Вынимай па-тронъ!“, что означало позволеніе

курить. При этомъ слогъ „тронъ" произносился всѣми обѣдующими хоромъ, что приводило въ замѣшательство тѣхъ, кто въ первый разъ присутствовалъ при этомъ. Иные долго не могли привыкнуть одновременно съ другими прокричать „тронъ" и опаздывали,—это всегда служило поводомъ къ дружному смѣху. За столомъ постоянно играла военная музыка, и, съ переходомъ главной квартиры въ Плоэшти, пѣли румынскіе цыгане. Почему-то любимымъ ихъ напѣвомъ было: „Ich bin der kleine Postillon". Этотъ мотивъ надѣлалъ разъ не мало смѣху. Какъ-то за обѣдомъ присутствовалъ румынскій князь Карлъ. Великій князь провозгласилъ тостъ за его здоровье, и музыкантамъ было велѣно играть румынскій гимнъ. Капельмейстеръ, не разслышавъ приказанія, или не зная этого гимна, вдругъ заигралъ: „Ich bin der kleine Postillon", т. е. тотъ напѣвъ, который мы ежедневно слышали отъ румынскихъ цыганъ. Все это было объяснено тѣмъ, что капельмейстеръ не понялъ приказанія, и эта неловкость сгладилась...

Въ бытность нашу въ Плоэшти, было получено извѣстіе о подвигѣ лейтенантовъ Дубасова и Шестакова—всѣ мы завидовали нашимъ героямъ-морякамъ и съ нетерпѣніемъ ждали, когда, наконецъ-то, и намъ придется понюхать пороху. Въ свободное время я занялся изученіемъ румынскаго, болгарскаго и турецкаго языковъ, что впослѣдствіи мнѣ весьма пригодилось. Насъ всѣхъ очень удивило, что большинство размѣнной серебряной монеты въ Румыніи были старые екатерининскіе рубли, полтинники и четвертаки — эти вещественныя доказательства нашихъ прежнихъ турецкихъ войнъ. Солдаты быстро научились считать на франки и галаганы. (Галаганъ—это французскій су). Имъ въ первый разъ пришлось столкнуться съ курсомъ нашего кредитнаго рубля, и они весьма оригинально объясняли это явленіе: „Вишь, бѣдный народъ какой, говорили они, за нашъ рубль даже сполна заплатить не могутъ, а даютъ только шесть гривенъ. Да откуда и взять-то!" Se non é vero é ben trovato.

Наконецъ, 12-го мая, зовутъ меня къ помощнику начальника штаба, ген.-м. Левицкому.

— „По приказанію великаго князя главнокомандующаго, сказалъ онъ,—на васъ, вмѣстѣ съ штабсъ-ротм. Евреиновымъ, возлагается весьма серьезное порученіе: рекогносцировать дорогу

отъ Бухареста до Руше-де-Веде. Это, собственно, дѣло офицеровъ генеральнаго штаба, но, въ настоящее время, они всѣ находятся въ развѣдочныхъ партіяхъ на Дунаѣ. Великій князь надѣется, что вы будете въ состояніи это сдѣлать. Поѣзжайте въ Бухарестъ и обратитесь къ министру внутреннихъ дѣлъ, который дастъ вамъ свободный пропускъ и рекомендаціи къ мѣстнымъ властямъ, дабы по вашему требованію немедленно исправили тѣ мосты и гати, которые вы найдете въ плохомъ состояніи. Отъ Бухареста на Руше-де-Веде идутъ двѣ дороги: одна на Болентинъ и Обедени, другая на Бригадиръ. Рекогносцируйте ту и другую, выберите удобнѣйшую, сдѣлайте маршрутную съемку, назначьте переходы и биваки и телеграфируйте мнѣ результатъ возможно скорѣе. Порученіе это спѣшное: по этому пути долженъ прослѣдовать 9-й корпусъ“.

Крайне польщенные подобною командировкою, отправились мы съ Евреиновымъ въ Бухарестъ, захвативъ съ собою, конечно, лошадей, денщиковъ и двухъ вѣстовыхъ, которыхъ намъ дали изъ государева конвоя.

Министръ внутреннихъ дѣлъ весьма любезно насъ принялъ, выдалъ всѣ нужныя бумаги и предписанія мѣстнымъ властямъ и распорядился назначить намъ проводниками двухъ кавалеристовъ каларашей: унтеръ-офицера и рядоваго.

На слѣдующій день, въ 6 часовъ утра, мы выѣхали съ Евреиновымъ изъ Бухареста и раздѣлились на двѣ партіи: онъ отправился на Болентинъ, а я взялъ южнѣе, на Бригадиръ. Часовъ въ 5 вечера, мы съ нимъ съѣхались въ Вадулату; онъ сдѣлалъ около 50, а я около 40 верстъ.

Дорога, по которой Евреиновъ ѣхалъ, оказалась неудобною, а потому съемки онъ не дѣлалъ — мнѣ-же пришлось сдѣлать 40 верстъ маршрутной съемки. Переночевавъ въ Вадулату, мы съ разсвѣтомъ двинулись вмѣстѣ и къ ночи прибыли въ Руше-де-Веде, сдѣлавъ въ этотъ день 75 верстъ. Такъ какъ телеграфа въ этомъ мѣстѣ не оказалось, то мы на другой день направились въ Александрію, откуда и телеграфировали ген.-м. Левицкому маршрутъ для движенія 9-го корпуса. Въ Руше-де Веде я успѣлъ перечертить набѣло всю нашу съемку, обозначивъ количество колодцевъ на каждомъ бивакѣ, состояніе мостовъ, гатей, переправъ и прочія подробности. Я останавли-

ваюсь на этой рекогносцировкѣ такъ долго потому, что въ техническомъ военномъ отношеніи она не лишена интереса. Въ теченіе двухъ дней мы сдѣлали около 115 верстъ рекогносцировки и маршрутной съемки. Сопровождавшій насъ румынъ унтеръ-офицеръ, подъ конецъ отъ усталости уже не могъ за нами слѣдовать. Я помню, какъ одинъ изъ нашихъ вѣстовыхъ, терскій казакъ Никитинъ, привелъ въ восторгъ этихъ румынъ, кавалеристовъ. Отъѣхавъ верстъ 40 отъ Вадулату и видя, что румыны пріуныли, онъ захотѣлъ передъ ними хвастнуть.

„Дозвольте, ваше высокоблагородіе, джигитнуть?", обратился онъ къ намъ. Получивъ разрѣшеніе, онъ пустилъ лошадь вскачь, соскочилъ съ нея, сѣлъ опять, какъ будто нечаянно потерялъ папаху, вернулся за ней, на всемъ скаку ее поднялъ, затѣмъ круто осадилъ коня и подъѣхалъ къ намъ.

„Что, кларашъ, такъ можешь?", обратился онъ къ румынамъ, гордо вскинувъ на нихъ глазомъ.

Эти горе-кавалеристы никогда въ жизни ничего подобнаго не видали, разинули рты и пришли въ неописанный восторгъ. „Трудно будетъ туркамъ, говорили они, воевать съ подобными молодцами".

Вездѣ, гдѣ мы проѣзжали, населеніе и землевладѣльцы встрѣчали насъ весьма радушно; но мы такъ торопились, что отклоняли всякое приглашеніе остановиться. Изъ Александріи направились мы черезъ Бею въ Журжево, на пути приблизились къ Дунаю и впервые увидѣли турецкій берегъ. Насъ поразила ширина рѣки, которая въ то время еще не вошла въ свои берега и съ замѣчательною быстротою несла массу мутной воды. Румынскій берегъ низменный, а противоположный турецкій—нагорный. Вотъ туда-то и направились пытливо наши взоры: коегдѣ могли мы различить бѣлыя остроконечныя палатки турецкихъ караульныхъ постовъ.

Такъ вотъ гдѣ начнется, промелькнуло у насъ въ головѣ. Какъ-же мы будемъ переправляться? неужели вплавь? Мнѣ тогда припомнился оригинальный совѣтъ одного товарища, еще въ Петербургѣ, непремѣнно купить спасательный поясъ, чтобы не утонуть на переправѣ черезъ Дунай.

Здѣсь встрѣтили мы кавказскую казачью бригаду, которая по этому участку держала посты и разъѣзды. Бригада состояла

изъ 2-го кубанскаго и владикавказскаго конно-казачьихъ полковъ, съ присоединеннымъ къ послѣднему однимъ дивизіономъ осетинъ: люди, молодецъ къ молодцу — каждый былъ джигитъ, лошади прекрасныя, сухія, выдержанныя. Эта бригада произвела на насъ самое отрадное впечатлѣніе.

Рущукскія батареи давно пострѣливали по Журжеву и, проѣзжая по улицамъ, мы замѣтили уже кое-какія поврежденія въ этомъ городѣ.

Времени терять намъ было нельзя: мы сѣли на желѣзную дорогу и поспѣшили вернуться въ Плоэшти, гдѣ представили нашу работу начальнику штаба.

26-го мая (1877 г.) прибылъ въ Плоэшти государь. Тѣмъ временемъ шли дѣятельныя приготовленія къ переправѣ. Главнокомандующій былъ озабоченъ передвиженіемъ къ Дунаю войскъ по нѣсколькимъ направленіямъ, дабы обмануть непріятеля и скрыть отъ него пунктъ предстоящей переправы.

Всѣхъ насъ, адъютантовъ и ординарцевъ, великій князь разослалъ по разнымъ отрядамъ. Для государя были приготовлены экипажи и подставы лошадей по направленію къ Турну-Магурели. Пунктъ для переправы былъ выбранъ, но хранился въ такой тайнѣ, что никто изъ насъ ничего не зналъ. 9-му корпусу, подъ командою ген.-лейт. барона Криднера, было предписано слѣдовать изъ Бухареста на Руше-де-Веде и Турну. Меня судьба связала съ этимъ корпусомъ. Я получилъ приказаніе, вмѣстѣ съ моимъ товарищемъ Клейгельсомъ, догнать 5-ую пѣхотную дивизію 9-го армейскаго корпуса, которая уже выступила изъ Бухареста, слѣдовать съ нею къ Дунаю и затѣмъ къ 13-му іюня прибыть въ мѣстечко Драча, гдѣ былъ назначенъ сборный пунктъ главной квартиры.

5-ую пѣхотную дивизію нашли мы близъ Бачіу; явились къ начальнику дивизіи, генералъ-лейтенанту Шильдеръ-Шульднеру, и были имъ весьма любезно приняты. Онъ разъ навсегда пригласилъ насъ къ себѣ обѣдать; я до сихъ поръ съ удовольствіемъ вспоминаю тѣ дни, которые провелъ въ походѣ по Румыніи со штабомъ 5-ой пѣхотной дивизіи. Генералъ Шильдеръ-Шульднеръ былъ средняго роста, совсѣмъ бѣлый, какъ лунь, старикъ, добрый, заботливый, любившій горячо свою дивизію и, въ свою очередь, любимый всѣми своими подчинен-

ными. Начальникъ 5-ой артиллерійской бригады, ген.-маіоръ Похитоновъ, былъ типъ русскаго воина; по наружности онъ напоминалъ скорѣе помѣщика, чѣмъ генерала: у него было характерное, чисто русское лицо, окаймленное большою русою бородою; держалъ онъ себя очень просто, не суетился, но у него, какъ говорится, дѣло спорилось въ рукахъ. Это была, поистинѣ, душа дивизіи. Оба генерала жили весьма дружно— отношенія между ними были совершенно родственныя.

Мы ежедневно выступали съ бивака съ послѣднимъ эшелономъ, обгоняли войска и затѣмъ, по пріѣздѣ на слѣдующій бивакъ, начальникъ дивизіи пропускалъ мимо себя весь отрядъ церемоніальнымъ маршемъ. Это была чудная дивизія: рослый народъ, много георгіевскихъ кавалеровъ, побывавшихъ уже въ Средней Азіи!... Впервые мнѣ пришлось итти походомъ съ армейцами, и я былъ пораженъ примѣрною дисциплиною, уваженіемъ къ начальству и порядкомъ, которые встрѣтилъ. Какъ любитель военнаго дѣла, я не могъ налюбоваться ими и, дѣйствительно, они доказали впослѣдствіи, что были настоящими молодцами. Архангелогородскій полкъ, напримѣръ, до Адріанополя перемѣнилъ три комплекта людей, потерялъ въ бою двухъ полковыхъ командировъ, и изъ числа офицеровъ, съ которыми я теперь шелъ по Румыніи, лишь немногіе дошли до Санъ-Стефано, большинство осталось на поляхъ Болгаріи.

5-ая артиллерійская бригада отличалась также замѣчательнымъ порядкомъ: люди, лошади, амуниція,—все было въ образцовомъ видѣ. Данило Даниловичъ Похитоновъ былъ знатокъ своего дѣла и, поистинѣ, отецъ-командиръ.

Мнѣ было пріятно убѣдиться, что наша маршрутная съемка была составлена совершенно вѣрно: войска двигались безъ задержекъ, мосты по нашему указанію уже были исправлены, и на каждомъ бивакѣ хватало въ колодцахъ воды.

Въ Руше-де-Веде разстались мы съ нашими радушными генералами, и затѣмъ направились въ мѣстечко Драча. Мнѣ съ моимъ однофургонникомъ становилось ясно, что переправа черезъ Дунай будетъ безъ насъ, и что наша колонна дѣлаетъ только демонстрацію къ Никополю. Въ Драчѣ нашли мы почти всю главную квартиру въ сборѣ.

III.

Переправа черезъ Дунай.

14-го іюня 1877 г., часовъ въ 8 вечера, меня позвали къ начальнику штаба, ген.-адъют. Непокойчицкому.

— „Получите отъ ген. Левицкаго пакетъ на имя командира 9-го корпуса“, сказалъ онъ мнѣ, „и отправляйтесь немедленно въ Турну, гдѣ найдете барона Криднера“.

Была темная, южная ночь. Съ большимъ трудомъ добрался я съ вѣстовымъ казакомъ до Турну, но барона Криднера тамъ не оказалось. Я нашелъ только командира 31-ой пѣхотной дивизіи, генерала Вельяминова, который объяснилъ мнѣ, что баронъ Криднеръ находится въ деревнѣ Сяка и готовится къ переправѣ.

Отъ рѣки ложился густой туманъ, огней нигдѣ не было. Я выбрался на дорогу и, обгоняя двигающуюся въ темнотѣ артиллерію, нашелъ, наконецъ, барона Криднера, которому и передалъ пакетъ. Это, какъ оказалось потомъ, было приказаніе быть готовымъ къ переправѣ черезъ Дунай, но не двигаться впредь до распоряженія.

— „Доложите великому князю, сказалъ мнѣ генералъ, что у насъ все готово къ переправѣ“.

Съ этимъ отвѣтомъ, ночью-же, я вернулся въ Драчу.

15-го іюня, рано утромъ, Государь съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ выѣхалъ изъ Слатина, а главнокомандующій со штабомъ изъ Драчи къ Турну и съѣхались въ виду Дуная, на Грапавскомъ курганѣ, позади Фламунды.

Прошелъ слухъ, что переправа совершилась у Систова, и все обошлось благополучно.

Въ это утро наши фламундскія батареи усердно бомбардировали Никополь, но это все была лишь демонстрація, дабы отвлечь вниманіе непріятеля отъ мѣста настоящей переправы. Съ нетерпѣніемъ ждали мы прибытія нашего товарища Евреинова, который долженъ былъ привезти подробное донесеніе. Уже походный телеграфъ соединилъ возвышенность, на которой

стоялъ великій князь, съ Зимницею и безпрестанно работалъ, принося все утѣшительныя вѣсти. Наконецъ, около 9-ти часовъ утра, на взмыленномъ конѣ прискакалъ Евреиновъ съ радостнымъ извѣстіемъ, что переправа совершилась, и гораздо удачнѣе и легче, чѣмъ ожидали.

— „Спасибо тебѣ, молодецъ! сказалъ Евреинову государь,—ты, я думаю, усталъ и проголодался, такъ пойди въ мою палатку и закуси чѣмъ Богъ послалъ“.

Къ вечеру обѣ главныя квартиры вернулись на ночлегъ въ Драчу.

Изъ донесеній, привезенныхъ послѣдовательно шт.-ротм. графомъ Штакельбергомъ, ротм. Бенкендорфомъ, пор. Дерфельденомъ и кап. Ласковскимъ, состоявшими въ распоряженіи генерала Драгомирова и бывшими свидѣтелями и участниками переправы, оказалось, что дѣло было сдѣлано блистательно и съ сравнительно небольшимъ урономъ. Вмѣсто предполагавшихся нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ, мы потеряли лишь 800 человѣкъ выбывшими изъ строя. Государь поздравилъ главнокомандующаго съ первою побѣдою надъ врагомъ и пожаловалъ его кавалеромъ ордена Св. Георгія 2-ой степени, а начальника штаба ген.-адъют. Непокойчицкаго—3-ей степени.

Восторгъ былъ всеобщій: кричали ура, бросали шапки на воздухъ, и мы даже качали великаго князя, который обратился къ намъ при этомъ съ слѣдующими словами:

— „А я васъ еще не благодарилъ; вы думаете, что малую услугу мнѣ оказываете? Посылая васъ съ порученіемъ, я будто самъ ѣду. Выбирая васъ, я зналъ кого беру, и не ошибся. Спасибо вамъ, друзья мои!“

На слѣдующій день мы были уже въ Зимницѣ. Впервые мы увидѣли изнанку войны: перевязочные пункты, лазареты, сестеръ милосердія и хирурговъ съ засученными рукавами и въ запачканныхъ кровью балахонахъ.

Съ большимъ вниманіемъ выслушивали мы восторженные разсказы участниковъ боя и различные отдѣльные эпизоды переправы. Патроновъ выпущено было мало—работали больше штыкомъ. Все было ново, все было интересно. Не дай Богъ, думалось мнѣ, попасть на ампутаторскій столъ, лучше ужъ, если суждено, то быть убитымъ наповалъ.

16-го іюня великій князь переправился черезъ Дунай на понтонѣ, на которомъ очутился и я. Тамъ встрѣтилъ главнокомандующаго генералъ Драгомировъ, виновникъ торжества. Весьма картинно доложилъ онъ подробности боя. Онъ ходатайствовалъ предъ великимъ княземъ за ген.-маіора Мих. Дм. Скобелева, который, безъ разрѣшенія главнокомандующаго, самовольно явился въ Зимницу передъ переправою, принялъ въ ней участіе въ качествѣ ординарца ген. Драгомирова и, какъ боевой генералъ, много помогъ ему оріентироваться въ бою.

— „Ваше императорское высочество, сказалъ ген. Драгомировъ: ему обязанъ я тѣмъ, что узналъ, что турки разбиты и что мы побѣдили—я самъ не могъ отдать себѣ въ томъ отчета. Онъ мнѣ весьма помогъ".

Дѣйствительно, благодаря заступничеству Михаила Ивановича, великій князь простилъ Скобелева, которому грозила высылка изъ дѣйствующей арміи, и войска сохранили будущаго народнаго героя.

Какъ я уже говорилъ, пунктъ, выбранный великимъ княземъ для переправы, хранился въ глубочайшей тайнѣ. Всѣмъ офицерамъ, подъ страхомъ строгаго взысканія и даже высылки изъ арміи, было предписано находиться при своихъ отрядахъ и отнюдь не переѣзжать въ другой, такъ какъ это могло выдать туркамъ намѣренія главнокомандующаго. Мих. Дм. Скобелевъ былъ въ то время начальникомъ штаба сводной казачьей дивизіи, которая была подъ командою его отца, ген.-лейт. Скобелева. Онъ долженъ былъ находиться на своемъ посту въ Журжевѣ, но не выдержалъ: его нервная натура не могла усидѣть въ бездѣйствіи почти рядомъ съ боемъ. Несмотря на грозившее ему наказаніе, онъ всетаки прибылъ къ ген. Драгомирову наканунѣ переправы и принялъ, какъ я уже говорилъ, въ ней дѣятельное участіе.

Немного спустя переправился и государь. Мы сѣли на какихъ-то казачьихъ лошадей и двинулись къ Систову. По дорогѣ, которая шла по пересѣченной мѣстности, изрѣзанной канавами и поросшей кое-гдѣ кустами или покрытой виноградниками, валялись трупы, ружья, патроны,—слѣды недавняго сраженія. Шпалерами по сторонамъ дороги стояли солдатики 14-й пѣхотной дивизіи, герои переправы. Лица у нихъ были

красныя, разгорѣвшіяся, слегка ошалѣлыя,—видъ солдата, побывавшаго въ огнѣ. Это уже не былъ солдатъ мирнаго времени—было въ этихъ лицахъ что-то особенное, новое, бросившееся мнѣ въ глаза.

Странное, нехорошее ощущеніе испыталъ я при видѣ убитыхъ турокъ: къ моему удивленію, они не внушали жалости. Это не были свои, а „онъ“.... непріятель. Подобное равнодушіе къ убитому врагу, должно быть, чувствовалъ не я одинъ; вѣроятно, это необъяснимое чувство и даетъ человѣку возможность безъ жалости убивать себѣ подобныхъ. Впослѣдствіи, когда нервы мои притупились и я перевидалъ не одну тысячу убитыхъ, все-же это первое впечатлѣніе не измѣнилось. Мнѣ всегда было жаль только своихъ, а на турокъ я смотрѣлъ, какъ на восковыя фигуры въ музеѣ. Солдатики наши оглядывали непріятеля съ любопытствомъ и, вѣроятно, невольно отдавались тому-же безотчетному чувству, которое испытывалъ и я.

При въѣздѣ въ Систово, насъ встрѣтило болгарское духовенство съ крестнымъ ходомъ. Музыка заиграла маршъ.

Недолго пробыли мы въ Систовѣ и вернулись въ Зимницу.

В. М. Вонлярлярскій.

МИТРОПОЛИТЪ КІЕВСКІЙ И ГАЛИЦКІЙ ПЛАТОНЪ

† 1891 г.

Въ очеркѣ моемъ изъ жизни Іосифа Семашко, митрополита литовскаго и виленскаго [1]), я, между прочимъ, упомянулъ объ архимандритѣ Платонѣ, настоятелѣ Свято-Духовскаго монастыря въ Вильнѣ. Помянутый архимандритъ былъ не кто иной, какъ скончавшійся 1-го октября 1891 г., на 88-мъ году жизни, маститый митрополитъ кіевскій и галицкій. Давнишнее знакомство съ почившимъ іерархомъ и благорасположеніе его къ нашему семейству, преемственно переходившее съ дѣда на родителей моихъ и подъ конецъ на меня лично, обязываетъ меня посвятить памяти его настоящія строки мои, въ дополненіе къ немало напечатанному уже по поводу его кончины.

Начало знакомства почившаго митрополита съ семействомъ нашимъ относится къ 1839 г. Завязалось оно, можно сказать, случайно и при несовсѣмъ обыкновенной обстановкѣ. Дѣдъ мой, по матери, генералъ-лейтенантъ Д. С. Есаковъ, былъ въ то время только-что назначенъ комендантомъ въ г. Вильно, а бабушка, приходившаяся мачихою моей покойной матери, ѣхала съ нею изъ Петербурга къ мужу [2]). По дорогѣ на одной изъ станцій, недалеко уже отъ Вильны, онѣ узнали, что въ сосѣдней комнатѣ находится проѣздомъ туда-же какой-то архимандритъ. Онѣ сочли долгомъ гостепріимства предложить ему чрезъ смотрителя станціи раздѣлить съ ними ихъ хлѣбъ-соль. Архимандритъ, будущій митрополитъ,

---

[1]) См. „Русскую Старину", ноябрь 1882 г.

[2]) См. разсказъ мой „Графъ Бенкендорфъ и епископъ Цивинскій", „Русская Старина", іюль 1881 г. А. Е.

явился лично благодарить ихъ, но отъ скоромной пищи отказался, ссылаясь на свой монашескій санъ. Впослѣдствіи мнѣ привелось слышать отъ самого владыки разсказъ о томъ, какъ онъ по пріѣздѣ въ Вильну, будучи впервые приглашенъ митрополитомъ Іосифомъ къ обѣду, былъ удивленъ, увидѣвъ, что всѣ блюда состояли изъ скоромныхъ кушаньевъ. Замѣтивъ его смущеніе, Іосифъ не преминулъ успокоить его, объяснивъ, что для литовской епархіи существуетъ особенное положеніе св. синода, по которому не возбраняется монашествующимъ лицамъ этой епархіи ѣсть въ скоромные дни мясную пищу, въ виду почти совершеннаго безрыбія въ томъ краѣ. Съ этой встрѣчи началось знакомство почившаго митрополита въ нашемъ семействѣ, продолжавшееся до конца дней его. Во все время своего пребыванія въ Вильнѣ, сначала настоятелемъ Свято-Духовскаго монастыря, а потомъ епископомъ ковенскимъ, первымъ по возсоединеніи уніатовъ, православнымъ викаріемъ при митрополитѣ Іосифѣ, Платонъ былъ постояннымъ и желаннымъ посѣтителемъ дома дѣда моего и, познакомившись съ бабушкою случайно въ пути, онъ, сорокъ пять лѣтъ спустя, находясь въ Петербургѣ, пожелалъ напутствовать ее своими молитвами къ вѣчному пристанищу, къ конечной цѣли всякаго житейскаго пути.

Столь продолжительное знакомство съ почившимъ митрополитомъ дало мнѣ возможность близко ознакомиться съ направленіемъ его взгляда на христіанское вѣроученіе въ его святительской дѣятельности и это даетъ мнѣ право сказать, что изъ всего прочитаннаго мною, по поводу его кончины, наиболѣе правдивою характеристикою его личности представляется мнѣ статья „Варшавскаго Дневника“ въ № 228, отъ 13-го октября 1891 г., подписанная А. Волынецъ. Въ статьѣ этой весьма вѣрно отмѣченъ тотъ широкій и просвѣщенный взглядъ покойнаго митрополита на евангельское ученіе, яркою нитью выдававшійся во всей его долголѣтней жизнедѣятельности.

Особенность этого взгляда, рѣдко встрѣчающаяся въ духовномъ лицѣ, выражалась въ необыкновенной терпимости его къ инословнымъ исповѣданіямъ, что отнюдь не мѣшало ему высоко держать знамя православія повсюду, гдѣ-бы онъ ни находился. Твердо стоя на стражѣ православія, онъ, въ сознаніи своего великаго призванія, будучи, напримѣръ, епископомъ ковенскимъ, особенно заботился объ утвержденіи въ возсоединенномъ духовенствѣ и обществѣ преданности православной церкви; въ Ригѣ онъ выступилъ ревностнымъ защитникомъ православія и борцомъ русской государственной идеи; въ донской епархіи онъ горячо принялся за дѣло

искорененія вражды у старообрядцевъ къ православной церкви и, наконецъ, въ Кіевѣ онъ созвалъ съѣздъ преосвященныхъ южныхъ и западныхъ губерній для обсужденія вопроса объ общихъ мѣрахъ противъ штунды. Въ этомъ отношеніи, повторяю, онъ былъ непоколебимъ, и въ подтвержденіе сказаннаго можно было-бы привести много примѣровъ. Но этой стороны его дѣятельности я не имѣлъ въ виду касаться въ настоящемъ очеркѣ,—она слишкомъ хорошо уже извѣстна и для составленія полнаго понятія о ней достаточно будетъ привести лишь слѣдующія замѣчательныя строки, адресованныя имъ изъ Риги къ одному высокопоставленному лицу: „Если вы и другія правительственныя лица, писалъ онъ ему по одному случаю, будете равнодушны къ православію въ краѣ и допустите изъ угожденія нѣмцамъ, чтобы оно ослабѣло и даже вовсе истребилось, то на васъ будетъ лежать тяжкій грѣхъ предъ Богомъ и великая отвѣтственность предъ Россіею. Я говорю это въ полномъ сознаніи, что мои слова помянутся на судѣ Божіемъ“.

Такая вдохновенная энергія въ защиту церкви, достойнымъ представителемъ которой онъ состоялъ, не препятствовала ему, однако, относиться, какъ уже сказано, съ замѣчательною терпимостью къ остальнымъ культамъ христіанскимъ и даже нехристіанскимъ, и эта-то сторона его дѣятельности, составляя главный предметъ моего разсказа, по моему мнѣнію, недостаточно еще освѣщена въ печати и заслуживаетъ болѣе обстоятельнаго съ ней ознакомленія. Высказываемый имъ въ разныхъ случаяхъ и при разнородныхъ обстоятельствахъ взглядъ на этотъ счетъ достоинъ серіознаго вниманія его біографа и долженъ занять видное мѣсто въ его жизнеописаніи. Нѣсколько не безъизвѣстныхъ примѣровъ, въ совокупности своей служащихъ несомнѣннымъ доказательствомъ необыкновеннаго христіанскаго миролюбія его и глубокаго пониманія имъ евангельской проповѣди, говорятъ сами за себя. Ограничусь приведеніемъ лишь слѣдующихъ. Такъ, въ извѣстной рѣчи своей въ костелѣ м. Коростышева, въ свое время надѣлавшей много шуму, митрополитъ Платонъ, обращаясь къ католикамъ, указалъ, что западная и восточная церковь—„это двѣ родныя сестры, которыя, исповѣдуя въ сущности одно ученіе Христово, въ главныхъ его догматахъ, не согласуются между собою въ нѣкоторыхъ мнѣніяхъ. Всѣ истинные христіане, водящіеся миролюбивымъ духомъ Христовымъ, желаютъ, чтобы онѣ примирились. Доколѣ продлится ихъ раздѣленіе—одному Богу извѣстно; но мы, братья и сестры, католики и православные, несмотря на раздѣлъ церквей нашихъ, должны хранить въ себѣ единеніе духа въ союзѣ мира,

потому что взаимная любовь, заповѣданная намъ самимъ Іисусомъ Христомъ, составляетъ главный признакъ истинныхъ учениковъ Его и есть такая добродѣтель, безъ которой и самая вѣра ничто".

Въ другой разъ, въ Петербургѣ, въ Исаакіевскомъ соборѣ, двумъ туристамъ англичанамъ, изъ которыхъ одинъ былъ священникомъ пресвитеріанской церкви, пожелавшимъ получить отъ него благословеніе, онъ, охотно удовлетворивъ ихъ просьбѣ, произнесъ слѣдующія замѣчательныя слова: „Во имя истиннаго, единаго всѣмъ намъ общаго Бога, призываю на васъ благословеніе Божіе и утѣшаю себя надеждою, что тѣ перегородки, которыя мы, люди, сами создали здѣсь, на землѣ, для разграниченія разныхъ вѣроисповѣданій одной общей христіанской религіи, еще не доросли до неба и потому, полагаю, не помѣшаютъ дойти до Бога тому благословенію, которое ниспосылаю я на васъ во имя Христа, какъ братьевъ по Христу". Проѣзжая однажды изъ Кіева въ Полтавскую губернію, въ самый разгаръ еврейскихъ погромовъ на югѣ, для посѣщенія своей старой знакомой, моей тетки, родной сестры моей матери, урожденной, какъ и она, Есаковой, помѣщицы А. Д. Г—ко, онъ, при встрѣчѣ его въ Кременчугѣ еврейскою депутаціею отъ этого города, въ отвѣтъ на рѣчь раввина, сказалъ имъ приблизительно такъ: „Прискорбно, что христіанское населеніе, забывая завѣтъ Христа о любви къ ближнему, ведетъ себя такъ предосудительно; потерпите и не возбуждайте противъ себя страстей".

Совершенно новою и не менѣе замѣчательною стороною отличалась миссіонерская дѣятельность митр. Платона при обращеніи въ христіанство донскихъ калмыковъ. И тутъ обходительность его со всѣми и интересы бесѣдъ съ представителями ихъ языческаго культа снискали покойному архипастырю со стороны этого народа, особенно со стороны ихъ главнаго бакши, полное почтеніе, такъ что, когда разнесся слухъ о перемѣщеніи его въ Одессу, то послѣдній выразилъ ему свою и всѣхъ калмыковъ глубокую печаль въ такихъ задушевныхъ словахъ: „Одинъ Богъ знаетъ, чѣмъ-бы мы отплатили вамъ за ласки и то счастье духовное, если-бы вы здѣсь долѣе прожили".

Можно было-бы привести еше много иныхъ фактовъ, свидѣтельствующихъ о преобладающемъ въ немъ качествѣ великой терпимости, но всѣ они, какъ и приведенные, составляютъ уже достояніе печати, а потому закончу сказанное однимъ изъ извѣстныхъ мнѣ лично и памятныхъ для меня случаевъ, гдѣ какъ нельзя болѣе рельефно и въ весьма образной формѣ выразилась широта его взгляда на этотъ предметъ.

Это было въ Петербургѣ, въ первый годъ назначенія на постъ митрополита католическихъ церквей въ Россіи скончавшагося въ 1890 г. прелата Девялтовскаго-Гинтовта. Высокопреосвященный Платонъ находился въ то время въ Петербургѣ для присутствованія въ св. синодѣ и проживалъ въ своемъ Кіевскомъ подворьѣ на Васильевскомъ острову, гдѣ я часто посѣщалъ его. Здѣсь у мѣста будетъ вспомнить о завидномъ дарѣ его располагать къ себѣ тѣхъ, кто имѣлъ счастье считаться его знакомымъ. Въ этомъ не мало способствовало ему его природная общительность нрава, удивительное умѣніе, иначе сказать, тактъ попасть всегда въ тонъ собесѣднику, пріятный тембръ голоса и спокойная, въ иныхъ случаяхъ нелишенная своеобразнаго оттѣнка юмора, манера вести рѣчь, дававшая возможность себесѣднику, не стѣсняясь высокимъ положеніемъ хозяина, высказывать свои мысли и дѣлать возраженія. Я не говорю о томъ неотразимомъ впечатлѣніи, соединенномъ съ невольнымъ уваженіемъ къ его высокой фигурѣ и внушительной древне-патріаршей внѣшности, которое производилъ онъ на слушателей съ церковной каѳедры – это слишкомъ хорошо всѣмъ слышавшимъ его извѣстно и не входитъ въ программу моего ограниченнаго личными воспоминаніями очерка. И вотъ однажды, въ одно изъ упомянутыхъ предобѣденныхъ посѣщеній моихъ владыки, докладываютъ ему о прибытіи католическаго митрополита Гинтовта. Считая нескромнымъ свое присутствіе при первой встрѣчѣ двухъ такихъ высокихъ представителей церквей, я было хотѣлъ удалиться, но высокопреосвященный пригласилъ меня остаться, чему, признаюсь, я былъ очень радъ, интересуясь быть свидѣтелемъ такого рѣдкаго свиданія.

Митрополиты низко поклонились другъ другу и троекратно облобызались. Митрополитъ Гинтовтъ, въ сутанѣ и камилавкѣ алаго цвѣта, съ золотымъ распятіемъ и Анненскою звѣздою на груди, былъ худощавъ и выше средняго роста. Онъ свободно говорилъ по-русски, хотя не безъ неправильностей въ удареніяхъ на нѣкоторыхъ словахъ, изобличающихъ его польское происхожденіе. Съ первыхъ-же словъ, высокочинный хозяинъ, неизмѣнно вѣрный себѣ. успѣлъ настолько заинтересовать гостя воспоминаніями пребыванія своего въ Литвѣ, событій и лицъ того времени, причемъ не упустилъ припомнить также и о знакомствѣ своемъ съ нѣкоторыми членами весьма извѣстной въ тѣхъ краяхъ фамиліи Гинтовтовъ, что не трудно было замѣтить, какъ собесѣдникъ его сразу поддался очарованію его рѣчи и любезнаго пріема. Когда, часъ спустя, Гинтовтъ сталъ прощаться и оба митрополита снова облобызались,

то такого рода прощаніе ихъ не имѣло на этотъ разъ уже вида простой вѣжливости, принятой между духовными лицами, а носило характеръ искренности и совершенной дружественности. Съ тѣхъ поръ взаимныя отношенія ихъ упрочились и оставались, какъ извѣстно, наилучшими до конца.

Проводя своего гостя до площадки на лѣстницѣ и пригласивъ меня раздѣлить съ нимъ трапезу, владыка Платонъ, сѣвъ за столъ и взявъ въ руку ложку, обратился ко мнѣ со слѣдующими замѣчательными словами:

„Видѣли, сказалъ онъ мнѣ, какъ мы цѣловались? Вотъ что̀ я вамъ скажу на этотъ счетъ... Я имѣю свое особенное воззрѣніе на Христово вѣроученіе и евангельскую заповѣдь, которое не хочу назвать либеральнымъ и для опредѣленія котораго не нахожу болѣе подходящаго слова, какъ толерентностью. Для меня, если каждый назоветъ эту ложку ея настоящимъ именемъ, а не вилкою, напримѣръ, то ужъ и этого достаточно; если-же одинъ скажетъ, что ложка эта серебряная, другой—что она бронзовая, а третій—что она мельхіоровая, то оно еще не такъ важно, лишь-бы каждый призналъ ее именно тѣмъ, чѣмъ она есть на самомъ дѣлѣ, и сказалъ, что ложка—есть ложка, а не иное что“.

Послѣ такихъ словъ, проникнутыхъ глубокимъ пониманіемъ духа евангельскаго ученія, можно только остановиться въ безмолвномъ благоговѣніи передъ произнесшимъ ихъ, и я не умѣю лучше закончить эти строки мои на память почившему іерарху, какъ словами одного добраго католика. Прочитавъ въ газетахъ произнесенную покойнымъ митрополитомъ рѣчь въ Коростышевскомъ костелѣ, католикъ этотъ, въ глубинѣ чувствъ, написалъ ему:

„Если-бы такъ всѣ духовные высокіе пастыри поступали, то между людьми селился-бы одинъ лишь завѣщанный Спасителемъ миръ и братская любовь“.

Анатолій Ег—овъ.

ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ И ЗАМѢТКИ ПРИ ПОѢЗДКѢ ПО РОССІИ

въ 1891 году.

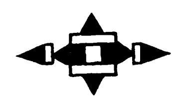
II [1]).

Къ майской книгѣ „Русской Старины“ изд. 1892 г. мы предполагали приложить портретъ столь преждевременно скончавшагося, 9-го марта сего года, издателя-редактора этого журнала—М. И. Семевскаго, но такъ какъ работы по художественной отдѣлкѣ портрета въ Экспедиціи заготовл. госуд. бумагъ потребовали болѣе времени, нежели мы разсчитывали, то означенный портретъ не могъ быть исполненъ къ сроку — къ выходу майской книги, почему и будетъ помѣщенъ въ № 6-мъ „Русской Старины“.

Въ настоящей-же книгѣ мы считаемъ умѣстнымъ напечатать неоконченную II-ую главу „Путевыхъ очерковъ“ М. И. Семевскаго изъ поѣздки его по Россіи въ 1891 г.

Покойный редакторъ „Русской Старины“ совершилъ въ 1890 и 1891 гг. двѣ поѣздки по Россіи съ историко-археологическими цѣлями. Какъ результатъ первой поѣздки—въ 1890 г.—появились его „Путевыя замѣтки“, напечатанныя въ „Русской Старинѣ“ изд. 1890 г., т. LXVIII, кн. XII, стр. 713—745. Засимъ въ ноябрьской книгѣ этого журнала изд. 1891 г. была напечатана I-ая глава „Путевыхъ очерковъ и набросковъ“ изъ второй поѣздки М. И. Семевскаго — въ 1891 г. Послѣдующія главы подготовлялись Михаиломъ Ивановичемъ къ печати, но не были окончены, за исключеніемъ начала II-й главы, которое было сдано имъ въ наборъ еще при жизни. Этотъ именно отрывокъ мы и печатаемъ въ настоящей книгѣ „Русской Старины“.

Ред.



[1]) См. „Русскую Старину“, изд. 1891 г., т. LXXII, стр. 489—497.

Мы на Азіатской выставкѣ въ Москвѣ, въ историческомъ музеѣ. Описана она во многихъ корреспонденціяхъ и нѣсколькихъ брошюрахъ; описана всесторонне, и добавлять къ этимъ описаніямъ ничего не приходится. Отмѣтимъ однако, что, при обозрѣніи этой выставки, намъ невольно вспомнился изъ отечественной исторіи длинный рядъ годовъ, въ особенности первыя десятилѣтія текущаго вѣка, когда Россія принимала участіе въ кровавыхъ европейскихъ войнахъ, не принесшихъ нашему отечеству никакой пользы и вовлекшихъ въ милліонныя затраты денегъ и страшныя потери людьми. Между тѣмъ, вотъ куда должны были направляться наши усилія; вотъ какіе рынки должны были открываться Россіи, именно, въ Азіи; вотъ куда Россія должна была въ своихъ собственныхъ интересахъ внести свѣтъ просвѣщенія и откуда должна была путемъ торговли и промышленности извлечь сокровище для своего народа. Сколько, подумаешь, потеряно времени! Какъ отрадно, однако, теперь видѣть эту модель желѣзной дороги, съ какимъ удовольствіемъ смотришь на многочисленные портреты русскихъ людей, здѣсь развѣшенныхъ въ фотографическихъ снимкахъ, начиная съ именитыхъ генераловъ-вождей движенія Россіи въ центральную Азію и главныхъ начальниковъ края, до многихъ рядовыхъ, этихъ доблестныхъ русскихъ солдатиковъ, плоть отъ плоти, кровь отъ крови русскаго народа,— все это піонеры русской цивилизаціи. Какъ краснорѣчивы эти манекены-изображенія обитателей необозримыхъ земель Азіи, вся эта масса предметовъ азіатскаго быта, окружающихъ желѣзную дорогу, которая должна внести совершенно новые элементы въ этотъ первобытный край, отстоящій по своему развитію отъ нашего времени на тысячелѣтіе. А эти карты съ изслѣдованіями почвы, рѣкъ, озеръ,— съ какимъ наслажденіемъ, съ какимъ любопытствомъ разсматриваешь ихъ! Несомнѣнно, подобныя выставки, какъ первая по времени Азіатская въ Москвѣ, будутъ повторяться чрезъ извѣстные періоды времени и по нимъ возможно будетъ судить о ростѣ насаждаемой Россіею цивилизаціи въ этихъ пустыняхъ.

Да, давно-ли однако у насъ, въ самомъ средоточіи Россіи, въ Москвѣ, была своя Азія, свое повальное невѣжество, хотя-бы въ купеческомъ слою московскаго населенія, доставившее, столь еще недавно, обильный матеріалъ нашему великому писателю А. Н. Островскому. А между тѣмъ и эта Азія, на нашихъ глазахъ, какъ

быстро цивилизуется, какія отрадныя явленія происходятъ въ ея средѣ. Побывалъ я, напр., въ Кожевникахъ, и въ городкѣ изъ фабрикъ суконныхъ, кожевенныхъ нашелъ домъ Бахрушина и посѣтилъ его. Купецъ Алексѣй Петровичъ Бахрушинъ—самородокъ; въ немъ, кромѣ занятія непосредственно ему принадлежащимъ торговымъ и фабричнымъ дѣломъ, развита любовь къ художеству, къ исторіи, къ библіофильству. Я любовался его библіотекою, въ которой соединено до 9 ти тысячъ томовъ книгъ, и все это съ любовью и заботливостью описано; я видѣлъ у него громаднѣйшій альбомъ фотографическихъ снимковъ достопримѣчательностей и святынь Москвы и многихъ другихъ городовъ Россіи. Въ витринахъ заботливо собраны автографы и различные предметы, напоминающіе тѣхъ или другихъ достопамятныхъ историческихъ лицъ. Вотъ, напр., патентъ нѣкоему Никитѣ Шипову, генеральсъ-адъютанту на полковничій чинъ, подписанный собственноручно Петромъ I и скрѣпленный Акександромъ Меншиковымъ 8-го сентября 1720 года. Въ углу кабинета, на видномъ мѣстѣ,. какъ святыня, поставленъ портретъ Великаго Петра, и это, дѣйствительно, настоящая для каждаго русскаго святыня, потому что портретъ написанъ съ самого Петра, въ бытность его въ Голландіи. Царь Петръ изображенъ въ красной курткѣ, въ голландскомъ матросскомъ костюмѣ, сидитъ и покуриваетъ трубочку на отдыхѣ послѣ своихъ работъ. Этотъ портретъ, представляющій величайшую рѣдкость, воспроизведенъ въ точномъ снимкѣ гравюры, даровитаго нашего художника В. В. Матте, при „Русской Старинѣ“, 1891 г., кн. октябрь. Владѣлецъ подлинника-портрета купилъ его совершенно случайно, подъ Сухаревою башнею, за 15 руб. и заботливо вставилъ въ отличную раму, заботливо отчистилъ и, такимъ образомъ, щедро вознагражденъ, этою драгоцѣнною находкою, за свою любовь къ отечественнымъ достопамятностямъ, за свою любовь къ исторіи.

Отраднымъ явленіемъ представляется вообще склонность къ собранію разныхъ достопамятностей, любовь къ отечественной святынѣ и историческимъ ея достопамятностямъ, болѣе и болѣе усиливающаяся въ средѣ московкаго купечества. Въ пожертвованіяхъ своихъ оно все чаще и чаще, хотя все-же еще довольно туго, отдѣляетъ нѣкоторыя суммы на полезныя изданія. Вотъ, напр., здѣсь мы находимъ у Алексѣя Петровича Бахрушина хорошее изданіе московскаго купца А. И. Шувалова: описаніе церквей Москвы, со множествомъ превосходныхъ фотографическихъ снимковъ, изданное въ 1888 году; у того-же Бахрушина насъ весьма заинтересовало обширное собраніе, до 400 листовъ, оригинальныхъ

рисунковъ академика В. А. Тропинина. Между прочими подлинниками кисти этого талантливаго русскаго художника находятся также подлинные рисунки его учениковъ и товарищей, каковы: Шебуевъ, Угрюмовъ, Кипренскій и др. Сколько помню, еще въ „Отечественныхъ Запискахъ", кажется въ ноябрьской книгѣ 1883 года, была интересная статья Лѣтковой, подъ заглавіемъ: „Крѣпостная интеллигенція"—Тропининъ. Эти драгоцѣнные подлинники даровитаго художника Тропинина весьма заботливо сохраняются А. П. Бахрушинымъ.

Говоря о купцахъ, истинныхъ любителяхъ достопамятностей отечественной исторіи, упомянемъ о Николаѣ Александровичѣ Найденовѣ, роскошное изданіе котораго—„Москва: соборы, монастыри и церкви", изд. 1873 г., въ большой листъ, я видѣлъ у г. Бахрушина. Козьма Терентьевичъ Солдатенковъ попрежнему продолжаетъ меценатствовать, являясь издателемъ хорошихъ книгъ и не выходя, впрочемъ, изъ рамокъ строго намѣченной имъ, въ своемъ бюджетѣ, суммы, которую онъ ежегодно расходуетъ на подобныя изданія.

Понемногу выдвигаясь на поприще служенія отечественной археологіи и исторіи, нѣкоторые московскіе купцы продолжаютъ въ большихъ размѣрахъ подвиги благотворенія на пользу бѣдныхъ и страждущихъ. Братья Бахрушины, напр., въ 1889 году на Сокольничьемъ полѣ, соорудили больницу для хроническихъ больныхъ на 200 человѣкъ, обошедшуюся имъ около милліона. Мазурины, сыновья Морозовы, Хлудовы, Найденовы,—все это, дѣйствительно, соль Москвы, все это, дѣйствительно, русскіе люди, ревнующіе о добрѣ и славѣ своего отечества. Много-ли, мало-ли ихъ, но все-же Петербургъ въ дѣлѣ благотворенія, по крайней мѣрѣ въ такихъ грандіозныхъ размѣрахъ, какъ москвичи, положительно отстаетъ.

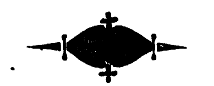
Быть въ Москвѣ, хотя и на два дня, но не посѣтить тотъ или другой архивъ, дѣло невозможное. Я опять, какъ и въ прежнія свои посѣщенія Москвы, съѣздилъ на Дѣвичье поле. Что за превосходное это сооруженіе — архивъ министерства юстиціи (я о немъ уже говорилъ въ моихъ прежнихъ замѣткахъ); въ немъ посѣтилъ я уважаемаго труженика В. И. Холмогорова,—этого великаго знатока и воспроизводителя московской до-петровской старины по подлиннымъ актамъ; бесѣдовалъ и съ его молодыми, но весьма свѣдущими въ старинѣ сотрудниками, каковы: гг. Оглоблинъ, Голумбевскій и другіе птенцы архива юстиціи, которые, подъ руководствомъ почтеннаго начальника сего архива Н. А. Попова, съ такою пользою трудятся. Передъ окнами архива я увидѣлъ для

себя новинку—разростающійся, хорошо распланированный, паркъ на Дѣвичьемъ полѣ; пожелаемъ, дабы въ этомъ паркѣ городское общественное управленіе поставило-бы, въ близкомъ будущемъ, бюстъ, который сохранилъ-бы черты достопамятнаго русскаго историка и трудолюбца гражданина М. П. Погодина, долго жившаго и много поработавшаго во славу Россіи, именно, на этомъ полѣ, въ своемъ маленькомъ домикѣ. Домикъ-то этотъ еще цѣлъ, хотя занятъ уже какою-то харчевнею.

Спутникомъ моимъ по желѣзной дорогѣ, какъ въ Москву, такъ, случайно, и въ Нижній-Новгородъ, оказался Аристархъ Андреевичъ Блиновъ, 72-хъ-лѣтній старикъ. Я не безъ удивленія видѣлъ цѣлый штатъ его приказчиковъ, почтительно провожавшихъ его и на петербургскомъ вокзалѣ и на московскомъ вокзалѣ. Молчаливъ почтенный старецъ, но многое могъ-бы повѣдать, какъ онъ вышелъ изъ самой толщи русскаго народа, изъ бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ князей Волконскихъ; перепроданный затѣмъ съ братьями князьямъ Репнинымъ, Блиновъ выкупился съ пятью братьями, въ началѣ 1830-хъ годовъ, за 15,000 руб. ассигнаціями, и вотъ, трудомъ, настойчивостью и сметкою въ торговыхъ оборотахъ хлѣбомъ, достигъ того, что сталъ однимъ изъ крупнѣйшихъ хлѣботорговцевъ на Волгѣ, владѣтелемъ множества домовъ и пристаней. На вопросъ: „а что сдѣлано было для Бога, въ теченіе многихъ лѣтъ его жизни, при его богатствѣ", онъ скромно напомнилъ о вдовьемъ домѣ, обширномъ учрежденіи, созданномъ имъ въ Нижнемъ-Новгородѣ на 200 человѣкъ. Независимо отъ сего, почтенный старикъ много жертвуетъ на бѣдныхъ, и въ нынѣшнее тяжкое неурожайное время, сдѣлано имъ много добра, какъ напр. куплено для земства большое количество хлѣба безъ всякой личной для себя выгоды и проч. Жаль, что русскіе люди, подобные Блинову, либо мало грамотны либо не втянулись вообще въ письмо; а подробный, честный, спокойный разсказъ такихъ именно людей о своей трудовой жизни былъ-бы крайне интересенъ и весьма поучителенъ.

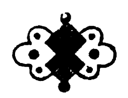
Въ Нижнемъ, обойдя кремлевскія достопамятности, я зашелъ въ помѣщеніе мѣстной архивной комиссіи; она помѣщается въ одной изъ башенъ Кремля, и двѣ сосѣднія къ ней башни отведены подъ „историческій архивъ". Въ самомъ дѣлѣ, что за превосходныя эти учрежденія—мѣстныя ученыя архивныя комиссіи! Каждый любитель отечественной старины и исторіи вспоминаетъ съ большою признательностью незабвеннаго Н. В. Калачова. Вотъ хоть-бы эта хранительница нижегородской старины: съ какимъ удовольствіемъ находишь въ этой башнѣ, въ свѣтлой, уютной квартиркѣ секретаря архивной комиссіи, довольно богатую библіотеку и въ ней значительный отдѣлъ всего, что когда-либо было печатано о нижегородской старинѣ; тутъ-же въ шкапахъ не мало предметовъ, напоминающихъ эту старину и въ ея свѣтлыхъ и въ ея мрачныхъ сторонахъ; тутъ и образа, и предметы стариннаго быта, и трехвостая плеть, бороздившая спины русскихъ людей, и клейма, выбивавшія, кровавыми литерами, слова: вор., кат. на лицахъ и щекахъ несчастныхъ, впавшихъ въ преступленія. Эти клейма еще въ 1860 г. были въ полномъ дѣйствіи; еще въ 1860 году я ихъ видѣлъ въ полицейскомъ управленіи,—и вотъ дожилъ до того времени, когда эти страшныя орудія страданій и позора, болѣе уже $^1/_4$ вѣка вышедшія по волѣ Царя-Освободителя изъ употребленія, сдѣлались достояніемъ историческихъ музеевъ, архивныхъ комиссій.

„Непремѣнный попечитель" нажегородской архивной комиссіи Н. М. Барановъ, начальникъ нижегородской губерніи, внесъ и въ архивное дѣло свою обычную энергію и свою добрую отзывчивость на все, что способствуетъ развитію знаній; комиссія ему много обязана; но душою ея является А. С. Гацискій, изъ маленькихъ литераторовъ-обывателей 1860-хъ годовъ въ тридцать лѣтъ добросовѣстной труженической жизни достигшій мѣста замѣстителя городскаго головы и издавшій многіе десятки книгъ и брошюръ, относящихся къ нижегородской исторіи, статистикѣ и этнографіи... Вообще, А. С. Гацискій представляетъ замѣчательный образецъ дѣятеля, всецѣло посвятившаго себя на служеніе родинѣ въ тѣсномъ смыслѣ,—замѣчательный примѣръ, достойный подражанія! Какъ много нашей молодежи покидаетъ провинцію, свою родину, съ тѣмъ, чтобы никогда къ ней не вернуться и въ сутолокѣ столичной жизни принося несравненно менѣе пользы, нежели они приносили-бы ее въ провинціи, на своей родинѣ, гдѣ еще такъ великъ спросъ на образованныхъ людей.



Плыву я по Волгѣ на пароходѣ „Графъ Левъ Толстой", пароходѣ общества „Самолетъ", и невольно вспоминаю, какъ въ 1860 и 1861 годахъ пароходы того-же общества были маленькіе по сравненіи съ нынѣшними, чуть не утлыя лодочки, а теперь суда того-же общества представляютъ громадные плавучіе дворцы, роскошно обставленные и отличающіеся всевозможными для пассажировъ удобствами. Самое названіе этого парохода невольно наводитъ на размышленіе о томъ, что имя писателя дѣйствительно и на Руси дѣлается народнымъ достояніемъ. Лѣтъ сорокъ тому назадъ пожалуй-бы даже для названія пароходовъ, явилась-бы цензура и не разрѣшила-бы помѣстить на пароходныхъ бортахъ и желѣзныхъ ведрахъ фамилію русскаго литератора. Отмѣтимъ, однако, что на этомъ пароходѣ мы еще не видѣли портрета Льва Николаевича Толстаго, а слѣдовало-бы поставить таковой, равно не дурно было-бы какъ на этихъ, такъ и на другихъ столь же роскошныхъ пароходахъ общества „Самолетъ" устроить библіотечки лучшихъ сочиненій, хотя-бы только отечественныхъ писателей. Въ самомъ дѣлѣ, прогулка на этихъ пароходахъ доставляетъ необыкновенное удовольствіе. Порядокъ, чистота и всевозможныя удобства, предупредительность капитановъ этихъ пароходовъ,—все это представляетъ для пассажировъ чрезвычайно пріятное явленіе. Роскошная картина волжской природы, широкая поверхность матушки Волги, чудный воздухъ, легкая зыбь, успокоительно вліяющая на нервы,—все это дѣйствуетъ оздоровляюще на каждаго, въ особенности на истомленныхъ кабинетною работою, на лицъ, въ теченіе многихъ мѣсяцевъ въ году не разгибающихъ спинъ за письменною работою.

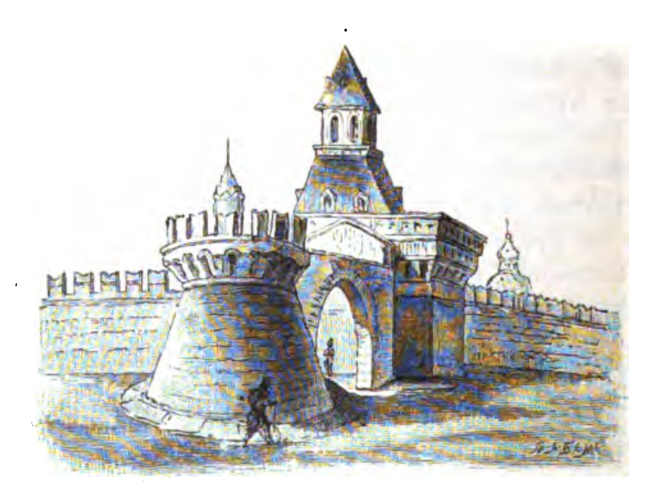
Въ средѣ разнообразныхъ и многочисленныхъ пассажировъ бесѣда идетъ несмолкаемая. Отмѣчу фактъ: встрѣтилъ юношу, на видъ браваго, высокаго, оказался гимназистомъ 8-го класса симбирской гимназіи; изъ бесѣды выяснилось, что 19-ти лѣтній парень, стоя уже на порогѣ университета, не слыхалъ еще ни объ одномъ изданіи, посвященномъ отечественной исторіи, а изъ бесѣды съ другимъ молодымъ человѣкомъ, со студентомъ математическаго факультета Московскаго университета, для насъ выяснилось, что онъ не слыхалъ вовсе о профессорѣ высшей математики С. В. Ковалевской. Не знаю какъ смотрѣть на эти явленія, гдѣ найти имъ объясненіе? Но я занесъ ихъ въ свою записную книжку и воспроизвожу въ настоящихъ своихъ замѣткахъ.



Предъ нами Казань. Ѣду къ монументу, сооруженному въ память осады этого города и взятія Іоанномъ Грознымъ; еще въ 1888-мъ году я видѣлъ, по случаю поправки пола въ храмѣ этого памятника, безчисленное множество костей, уцѣлѣвшихъ въ подполицѣ и лишь небольшая часть которыхъ собрана въ гробницѣ, стоящей въ подземельѣ. Диковинное это дѣло: памятникъ этотъ почти ежегодно заливается Волгою, при ея весеннихъ разливахъ, между тѣмъ кости нашихъ доблестныхъ предковъ, бравшихъ этотъ оплотъ татарскаго владычества на востокѣ Россіи, покоятся въ цѣлости въ теченіе трехъ съ половиною столѣтій . . . .

. . . .

М. И. Семевскій.



Башня у Никольскихъ воротъ Китай-города въ Москвѣ (прежній видъ башни).
Рис. проф. Ѳ. Г. Солнцевъ.

ПАМЯТИ Е. И. В. ВЕЛИКОЙ КНЯГИНИ ОЛЬГИ ѲЕОДОРОВНЫ

† 31-го марта 1891 г.

Прошелъ уже годъ, а мнѣ кажется, что это было вчера, когда разнеслась горестная вѣсть о кончинѣ ея и. в. великой княгини Ольги Ѳеодоровны [1]).

Глубокою скорбію прониклось сердце всѣхъ и каждаго, лично знавшихъ великую княгиню; всюду неслись молитвы за душу въ Бозѣ почившей; жизнь и дѣятельность ея была благотворна благодѣяніями, щедро всюду расточаемыми. Съ кончиною великой княгини остались осиротѣлыми не одни дѣти ея, но многія, которымъ она была какъ-бы родною матерью; горе Царственной Семьи было горемъ благодѣтельствуемыхъ ею.

„Русская Старина", столь отзывчивая къ радости и горю русскихъ людей, уже помѣстила на своихъ страницахъ сочувственныя строки о горѣ, постигшемъ всѣхъ, кто только зналъ въ Бозѣ опочившую великую княгиню Ольгу Ѳеодоровну, съ кончиною этой высоко-достойной женщины. Считаю долгомъ напомнить здѣсь объ одномъ изъ учрежденій весьма благотворныхъ по широкой своей дѣятельности въ С.-Петербургѣ, — лишившемся въ покойной великой княгинѣ своей усердной покровительницы.

Состоявшее подъ попеченіемъ великой княгини Общество доставленія дешевыхъ квартиръ и другихъ пособій нуждающимся жителямъ Петербурга лишилось въ ней сердечной, заботливой и щедрой покровительницы. Это общество существуетъ тридцать лѣтъ и сослужило свою добрую службу во все время съ его основанія и въ особенности въ послѣдніе годы. Дѣятельность его весьма обширна и распадается на разныя части. Смѣта доходовъ и расходовъ этого общества болѣе всего показываетъ это. Изъ отчета

[1]) См. „Русскую Старину" изд. 1891 г., томъ LXX, май, стр. 501—506.

за 1890 г. видно, что „Общество дешевыхъ квартиръ“ имѣло почетныхъ членовъ 12, дѣйствительныхъ 174, для помѣщенія бѣдныхъ имѣетъ два каменныхъ 4-хъ этажныхъ дома, въ которыхъ имѣется 157 дешевыхъ и безплатныхъ квартиръ; расходы общества, по содержанію этихъ домовъ, выразились въ слѣдующихъ цифрахъ: оцѣнка платныхъ помѣщеній на 16,518 р.; безплатныхъ помѣщеній на 13,290 руб.; издержки по содержанію этихъ домовъ: страхованіе, налоги, жалованье служащимъ, ремонтъ, отопленіе и освѣщеніе домовъ равны 14,444 р. 89 к. Въ обоихъ домахъ къ 1-му января 1891 года проживало 616 лицъ обоего пола. Въ домахъ этихъ, кромѣ 157 дешевыхъ и безплатныхъ комнатъ, имѣются слѣдующія благотворительныя учрежденія: 1) дѣтскій пріютъ, 2) дѣтскій садъ, 3) училище, 4) дешевая столовая, 5) швейная мастерская, 6) амбулаторная, 7) отдѣленіе для учащихся бѣдныхъ женщинъ, 8) богадѣльня и 9) мужское общежитіе. Въ „отдѣленіи для безпріютныхъ дѣтей“, основанномъ въ 1884 г. въ память В. Н. Рукавишникова, состояло въ отчетномъ году 8 дѣвочекъ и стоило Обществу 1785 р. Безплатное начальное городское училище Общества, существующее 29-й годъ, имѣло 47 учащихся обоего пола въ трехъ отдѣленіяхъ. Въ дѣтскомъ саду подготовлялось къ поступленію въ училище 68 дѣтей. Содержаніе того и другаго обходилось Обществу въ 3,004 р. 79 к. Въ швейной мастерской Общества работало въ среднемъ до 138 челов. въ день (а всего до 39,556 ч.), исполняя заказы разныхъ правительственныхъ учрежденій, причемъ Общество получило чистаго дохода 9,150 р. 22 к. Столовая и кухня Общества (обѣдъ изъ 2-хъ мясныхъ блюдъ—20 к.; 1 мясное и 1 мучное—13 к.; обѣдъ для дѣтей—5 к.) отпустили 43,759 обѣдовъ, изъ нихъ безплатныхъ 4,877. Въ Анненскомъ отдѣленіи для учащихся бѣдныхъ женщинъ находилось 13 слушательницъ акушерскихъ курсовъ и 1 педагогичка. Въ безплатномъ отдѣленіи для престарѣлыхъ женщинъ имени Ланскихъ находилось 10 женщинъ. Лицъ, обращавшихся къ Обществу за медицинскою помощью, было до 438.

Такимъ образомъ, и 1890-й годъ, какъ и предыдущіе, въ исторіи и развитіи „Общества дешевыхъ квартиръ“ займетъ одну изъ лучшихъ страницъ дѣятельности его, а труженицамъ и заботницамъ о меньшей братіи будетъ отраднымъ воспоминаніемъ,—онѣ, конечно, почерпнутъ новыя силы и бодрость продолжать дѣятельность—часто тяжелую по исполненію, но благотворную по своимъ благимъ послѣдствіямъ. Скромное названіе „Общество дешевыхъ квартиръ“ даетъ убѣжище и нравственный покой—всѣмъ труждающимся и обремененнымъ.

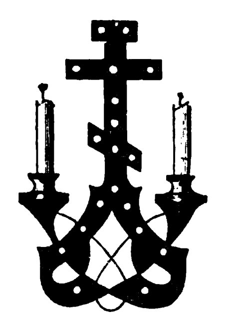
И въ провинціяхъ имя почившей въ Бозѣ августѣйшей благотворительницы благословляется бѣднякамии, и тамъ ея вселюбящая душа оставила памятникъ благотворительности. Въ г. Твери „Общество поощренія женскаго труда“ потеряло въ великой княгинѣ Ольгѣ Θеодоровнѣ добрую, попечительную мать, и здѣсь, какъ и въ Петербургѣ, имя августѣйшей покровительницы будетъ благословляться. Тверское общество всѣмъ своимъ лучшимъ,—а оно таковаго имѣетъ не мало,—обязано почившей великой княгинѣ. Въ безплатной швейной мастерской, при постоянномъ составѣ болѣе 70 дѣвочекъ, обучающихся рукодѣліямъ, ежегодно оканчиваютъ до 10 дѣвицъ, выходящихъ мастерицами, и, уходя изъ заведенія, сознательно благословляютъ имя августѣйшей покровительницы. Сказанныя данныя ясно свидѣтельствуютъ о томъ великомъ благодѣяніи, которое оказывала въ Бозѣ почившая великая княгиня.

Осиротѣвшимъ бѣднякамъ въ незамѣнимой ихъ утратѣ великимъ облегченіемъ является то обстоятельство, что покровительство надъ петербургскимъ „Обществомъ дешевыхъ квартиръ“ и тверскимъ „Обществомъ поощренія женскаго труда“ принялъ, въ память великой княгини, ея Августѣйшій Супругъ.

Не утѣшатъ, конечно, осиротѣвшаго Великаго Князя-Фельдмаршала соболѣзнованія и сожалѣнія другихъ, но и не ему одному дано въ удѣлъ оплакивать тяжелую потерю. Его горе дѣлятъ и тѣ бѣдные, которые знали и на себѣ испытывали доброту души покойной,—глубоко и съ тяжелымъ вздохомъ о дорогой утратѣ они не разъ соединятъ свои искреннія молитвы Творцу о вѣчномъ упокоеніи за гробомъ отзывчивой и любящей души покойной великой княгини. Миръ ея праху!

В. В. Еропкина.

Тверь. 19-го февраля 1892 г.



СТАРЕЦЪ ѲЕОДОРЪ КОЗМИЧЪ

въ 1837—1864 гг.

Въ январьской книгѣ „Русской Старины“ изд. 1892 г. былъ напечатанъ біографическій очеркъ сибирскаго отшельника Ѳеодора Козмича, составленный М. Ѳ. Мельницкимъ, къ каковому очерку редакціею обѣщанъ былъ портретъ этого старца, снятый карандашемъ, когда тѣло Ѳеодора Козмича лежало на столѣ. Прилагая къ настоящей книгѣ этотъ портретъ, мы даемъ въ ней мѣсто новой біографической замѣткѣ, относящейся до старца Ѳеодора, этой до сихъ поръ неразгаданной личности, унесшей въ могилу тайну своего происхожденія.

Объ отшельникѣ Ѳеодорѣ см. также въ „Русской Старинѣ“ изд. 1880 г., кн. XI, замѣтка кн. Н. С. Голицына; изд. 1887 г.: книга X, замѣтка В. Долгорукова (съ портретомъ старца Ѳеодора), и кн. XI, замѣтка И. Смирнова; изд. 1891 г., кн. X, очеркъ епископа Петра. Въ III выпускѣ изданнаго редакціею „Русск. Ст.“ альбома „Русскіе Дѣятели“, Спб. 1889 г., помѣщенъ портретъ Ѳеодора Козмича съ біографическою замѣткою.

Ред.

Въ октябрьской книгѣ „Русской Старины“ изд. 1887 г. была напечатана моя статья: „Отшельникъ Александръ (Ѳеодоръ) въ Сибири“. Статья эта была написана еще въ 1881 г., когда мнѣ были неизвѣстны многія подробности изъ жизни этого страннаго человѣка. Послѣ того мною были собраны и другія свѣдѣнія о немъ, и я позволяю себѣ сообщить ихъ для напечатанія въ „Русской Старинѣ“, полагая, что они не безъинтересны для характеристики этой загадочной личности.

Старецъ Ѳеодоръ, по словамъ знавшихъ его лично, первоначально жилъ Ачинскаго округа Енисейской губерніи въ деревнѣ Бѣлозерской, гдѣ занималъ отдѣльную келью, выстроенную имъ самимъ, при домѣ крестьянина Николая Сидорова. Въ этой кельѣ онъ прожилъ безотлучно 17 лѣтъ. Прибылъ онъ въ Сибирь, по

этапу, въ 1837 г., по статейному списку—въ 43 партіи, изъ Перми, гдѣ былъ наказанъ за бродяжество 100 ударами плетей.

Жизнь его въ деревнѣ Бѣлозерской была самая аскетическая. Онъ никогда не ѣлъ скоромнаго и, вообще, употреблялъ мало пищи. По гостямъ онъ никуда не ходилъ, исключая своего хозяина Сидорова, у котораго иногда бывалъ на посидѣлкахъ (такъ называются вечеринки, устраиваемыя въ крестьянскомъ быту, на которыя собираются мужчины и женщины). На одной изъ такихъ посидѣлокъ старца Ѳеодора увидалъ бывшій казакъ Березинъ, сосланный въ Сибирь въ административномъ порядкѣ и ранѣе долгое время служившій въ Петербургѣ — въ царствованіе императора Александра I. Березинъ, будто-бы, такъ пораженъ былъ сходствомъ старца Ѳеодора съ имп. Александромъ I, что ему показалось, что старецъ и есть самъ императоръ. Березинъ сообщилъ о своемъ предположеніи Сидорову, а тотъ намекнулъ о томъ старцу. Тогда старецъ Ѳеодоръ сейчасъ ушелъ съ посидѣлокъ, и съ тѣхъ поръ болѣе никуда не выходилъ изъ своей кельи. По уходѣ его, Березинъ возбудилъ разговоръ по поводу его сходства съ императоромъ Александромъ I и началъ высказывать вслухъ свои соображенія:

— „Какъ-же это могло случиться“,—говорилъ Березинъ,—„что я участвовалъ въ парадѣ, при похоронахъ императора Александра; а между тѣмъ—онъ живъ. Развѣ это—великій князь Константинъ Павловичъ... да нѣтъ, не можетъ быть!“

Сидоровъ затѣмъ пошелъ въ келью старца. Постучавшись и получивъ дозволеніе войти (такъ какъ въ келью къ нему никто не входилъ безъ спроса), Сидоровъ прямо высказалъ старцу Ѳеодору свое сомнѣніе въ его личности и спросилъ: „правда-ли, что онъ великій князь Константинъ Павловичъ, какъ признаетъ его казакъ Березинъ?“ Старецъ Ѳеодоръ на это отвѣтилъ:

— „Немного онъ ошибся; у великаго князя носъ былъ вотъ какой“, и при этомъ рукою своею носъ придавилъ вверхъ, „а былъ онъ еще гнусавый, а я развѣ такой?“

Прошло еще нѣсколько времени; Сидоровъ снова зашелъ какъ-то въ келью старца. Въ разговорѣ тотъ спросилъ его:

— „А что, хотѣлъ-бы ты посмотрѣть царя?“

Сидоровъ отвѣтилъ, что „половину-бы своего состоянія отдалъ за то, чтобы хоть разъ взглянуть на царя“. Тогда старецъ Ѳеодоръ, улыбаясь, замѣтилъ:

— „Ну, вотъ, такъ гляди на меня!“

У Сидорова сохраняется фотографическій портретъ старца, снятый въ Петербургѣ (штемпель на немъ: „Бельгійская фотографія,

Ф. Квальярди, Литейная, № 54"). На оборотной сторонѣ портрета слѣдующая надпись:

„Великій рабъ Божій старецъ Ѳеодоръ Козмичъ; скончался 20-го января 1864 г., въ Томскѣ, въ келіи при домѣ купца Хромова. Тѣло его погребено въ томскомъ Алексѣевскомъ монастырѣ. Здѣсь-же былъ изъ бродягъ, пришелъ въ Сибирь въ 1837 г., въ 43-й партіи".

Послѣ кончины старца найдены двѣ записки. На одной написаны слѣдующія фразы:

„Я вйдиши ли на какое васъ безсловесіе счастіе слова из'нѣся, но егда убо А молчатъ П не возвѣщаютъ".

На другой:

„12, 34
о„ в„ а ж„
I„ Дк, с, а м в„ р а
сз Д я
крыютъ струфлакъ" [1]).

Сидоровъ такъ обрисовываетъ наружность старца: онъ, по его словамъ, „былъ человѣкъ громаднаго роста, съ зычнымъ голосомъ, съ рѣзкою манерою въ разговорѣ".

Вспоминая однажды въ разговорѣ про Красноярскъ и тамошнее начальство и будучи вообще чѣмъ-то недоволенъ, старецъ сказалъ Сидорову: „стóитъ только мнѣ черкнуть одно слово въ Петербургъ, то весь Красноярскъ содрогнется отъ того, чтò будетъ", и произнесъ эту фразу, смотря прямо въ глаза Сидорову, такъ громко и рѣзко, что Сидоровъ весь задрожалъ.

Келья старца въ деревнѣ Бѣлозерской цѣла до сихъ поръ и бережно охраняется Сидоровымъ, который былъ живъ еще года два тому назадъ,—не знаю, живъ-ли и теперь—и его семьею, и въ ней каждое воскресенье служатъ панихиду за упокой души старца.

Въ деревнѣ Бѣлозерской съ нимъ и познакомился томскій купецъ Семенъ Ѳеофановичъ Хромовъ, 75-ти-лѣтній старецъ, донынѣ здравствующій. Онъ сталъ упрашивать старца перебраться къ нему въ Томскъ, и тотъ на это согласился. Сначала онъ жилъ на заимкѣ Хромова (о чемъ я говорилъ въ первой статьѣ), а затѣмъ перебрался въ Томскъ, гдѣ для него въ саду дома Хромова была построена особая келья. Въ ней въ настоящее время живетъ самъ Хромовъ.

---

[1]) Кавычки около буквъ и цифръ, кромѣ начальныхъ и заключительныхъ, значатся въ подлинныхъ запискахъ; также и знаки препинанія поставлены такъ, какъ въ запискахъ. В. Д.

Келья эта занимаетъ небольшое пространство — аршина два длины. Обстановка кельи, оставленная въ такомъ-же видѣ, какъ была при жизни старца, самая убогая: двѣ иконы въ правомъ углу, деревянный небольшой столъ и лежанка, на которой возвышается деревянное ложе, съ такимъ-же изголовьемъ. На одной изъ стѣнъ два портрета: одинъ (литографическій), изображающій императора Александра I во весь ростъ, другой—тоже во весь ростъ, самого старца.

Судя по портрету его [1]), это высокій, худощавый старикъ, съ пріятными чертами лица, съ длиннымъ, съ небольшимъ горбомъ, носомъ.

Велъ онъ у Хромова, дѣйствительно, аскетическую жизнь: спалъ постоянно на деревянномъ ложѣ, на лежанкѣ, ѣлъ только одни овощи и ходилъ зиму и лѣто въ одной рубахѣ, подпоясанной ремнемъ, и холщевыхъ шароварахъ, и почти всегда безъ обуви, на босую ногу.

Мало разговорчивый, онъ умѣлъ двумя—тремя словами внушить инымъ изъ посѣщавшихъ его высокое мнѣніе о себѣ, и тѣ убѣждались, что старецъ былъ когда-то важнымъ лицомъ. Но Ѳеодоръ, считаясь между его поклонниками чуть-ли не святымъ, церквей никогда не посѣщалъ, и ни разу, во все пребываніе у Хромова, до своей смерти, не былъ у исповѣди и у св. причастія. Молва о немъ доходила и до духовенства. Тогдашніе епископы томскіе, заинтересованные этою загадочною личностью, посылали къ нему священниковъ уговорить его быть въ церкви и говѣть; но онъ упорно отказывался, и такъ и умеръ безъ исповѣди и причастія.

— „Говорилъ-же онъ вамъ прямо кто онъ такой?“ любопытствовалъ я у Семена Ѳеофановича Хромова, какъ-то встрѣтясь съ нимъ и разговорясь о старцѣ.

— Да, онъ все выражался какъ-то иносказательно, отвѣчалъ тотъ. Разъ я его сталъ убѣждать исповѣдываться. Онъ мнѣ на это возразилъ: „это не твое дѣло, Богъ знаетъ, что̀ творитъ. Я не могу сказать кто я: если скажу — весь міръ изумится, а совру— небо ужаснется!“

Посѣщало его при жизни въ Томскѣ много народа: кто приходилъ за совѣтомъ по какому-либо дѣлу, кто ожидая отъ него исцѣленія отъ болѣзни, которою страдалъ; кто просто изъ любопытства... Нѣкоторыхъ онъ поражалъ, будто-бы, своею прозорливостью и даромъ предсказыванія.

---

[1]) Снимокъ съ этого портрета былъ помѣщенъ въ „Русской Старинѣ“, октябрь 1887 г. В. Д.

Нѣкто Ѳ. С. Голубевъ, отставной чиновникъ, теперь уже слѣпецъ, томскій старожилъ, разсказывалъ мнѣ про знакомство свое со старцемъ. Встрѣтился съ нимъ, какъ-то, одинъ изъ его сослуживцевъ и предложилъ итти вмѣстѣ къ Ѳеодору, котораго Голубевъ до того ни разу не видалъ.

— Вотъ еще! Зачѣмъ я пойду къ посельщику-варнаку (варнаками называютъ въ Сибири сосланныхъ въ каторгу), сказалъ Голубевъ; тѣмъ не менѣе, любопытство взяло верхъ, и онъ согласился итти. Приходитъ; Ѳеодоръ встрѣтилъ ихъ у кельи и, обратясь къ Голубеву, замѣтилъ:

— „Ай, ай! Зачѣмъ-же ты пришелъ къ посельщику-варнаку, когда не хотѣлъ итти?"

Голубевъ такъ былъ пораженъ этими словами, что сталъ просить у него прощенія, сознавшись, что онъ именно такъ назвалъ его.

— „Неужели вы вѣрите, что вашъ старецъ былъ знатной особой, за которую его принимаютъ?"—спросилъ я разъ Громова.

— Я ничего не знаю. Исторія узнаетъ ктò былъ старецъ; великая только онъ личность былъ. Принимали его и за архіепископа, иные за Иринея Иркутскаго. Но онъ на это разъ мнѣ сказалъ: „думаютъ, что я архіепископъ Ириней,—это вздоръ".

Въ свое время личность старца Ѳеодора интересовала чуть-ли не всю Восточную и Западную Сибирь; а портреты его настолько распространены по Сибири, что имѣются почти въ каждомъ домѣ...

Загадочными словами и двусмысленными намеками на свое высокое происхожденіе старецъ успѣлъ убѣдить многихъ, что онъ, дѣйствительно, когда-то, былъ важной особой и добровольно, по данному обѣту, пошелъ странствовать и сталъ бродягою; аскетическая жизнь, какую онъ велъ и въ Ачинскомъ округѣ, и въ Томскѣ, въ понятіи нѣкоторыхъ, сдѣлала его богоугоднымъ человѣкомъ, память котораго должна быть достойно чтима...

В. Д.

КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ И МАГАЗИНЪ „РУССКОЙ СТАРИНЫ"

С.-Петербургъ, Большая Подьяческая ул., д. № 7.

КАТАЛОГЪ НОВЫХЪ КНИГЪ.

Книжный складъ и магазинъ «Русской Старины» принимаетъ на коммиссію постороннія изданія и высылаетъ иногороднымъ по требованіямъ или съ наложеннымъ платежемъ всѣ книги, публикованныя въ газетахъ и другихъ каталогахъ.

NB. Книжные магазины и частныя лица могутъ обращаться съ заказами безъ высылки при этомъ денегъ и получать книги по почтѣ съ наложеніемъ платежа.

Авербахъ, Е. О. Положеніе о казенныхъ подрядахъ и поставк. Вильна, 1892 г. Ц. 2 р.

Адресная книга С.-Петербурга на 1892 г. Сост. при содѣйствіи город. общ. упр. подъ ред. *П. О.* Яблонскаго. Спб. Ц. 4 р.

Акцизный календарь на 1892 г. Спб. Ц. 1 р.

Альбомъ представителей породъ домашнихъ птицъ. Съ объясн. текстомъ П. Н. Елагина. Спб., 1892 г. Ц. 2 р.

Альмедингенъ, А. Домашній опредѣлитель поддѣлокъ питател. вкусовыхъ и др. веществъ. Спб. Ц. 60 коп.

Антоній, епископъ выборгскій. Изъ исторіи христіан. пропов. Спб., 1892 г. Ц. 3 р.

Ардовъ, Е. И. Руфина Каздоева. Романъ. Спб., 1892 г. Ц. 3 р.

* **Архимандритъ Леонидъ.** Святая Русь или свѣдѣнія о всѣхъ святыхъ и подвижникахъ благочестія на Руси (до XVIII в.). Справочная книжка по русск. агіографіи. Изд. гр. С. Д. Шереметева. Спб., 1891 г.

Афанасьевъ, Г. Е. Условія хлѣбн. торговли во Франціи въ XVIII в. Одесса, 1892 г. Ц. 3 р.

Бернтсенъ, А. Краткій учебникъ органической химіи. Пер. съ 3 нѣм. изд. Спб., 1892 г. Ц. 3 р.

Бертенсонъ, Д. Динамоптеръ и новая теорія полета. Спб., 1892 г. Ц. 1 р.

Библіотека графа С. Д. Шереметева. Т. II. Спб., 1892 г. Ц. 2 р. 50 к.

Брандтъ, Б. Теорія вексельнаго курса. Москва, 1892 г. Ц. 1 р.

Булгаковъ, Ѳ. И. Альбомъ выставки въ Акад. Худ. 1892 г. Фототип. изд. Спб. Ц. 3 р.

Буренинъ, В. І. Мертвая нога. Таинств. процессъ.—II. Романъ въ Кисловодскѣ. Повѣсть. Издан. 4-е. Спб., 1892 г. Ц. 1 р.

Бьернстерне-Бьернсонъ. Перчатка. Драма въ 3-хъ дѣйств. Пер. съ 1 изд. подлинн. П. Г. Ганзенъ. Спб., 1892 г. Ц. 30 к.

Бѣжецкій, А. Н. Медвѣжьи углы. Повѣсти и очерки.—Подъ небомъ голубымъ.—Итальянск. ветеранъ.—Венеція.—Миланъ. Спб., 1892 г. Ц. 1 р. 25 к.

Вальтеръ, Ф. Парижскій терроръ, его дѣятели и жертвы. Спб., 1892 г. Ц. 75 к.

Ватсонъ, Э. К. Этюды и очерки по общественнымъ вопросамъ. Съ портр. и біографіею автора. Спб., 1892 г. Ц. 2 р.

Veit, I, д-ръ. Діагностика женск. болѣзней. Съ рис. Спб., 1892 г. Ц. 1 р. 60 к.

* **Вержбицкій,** Т. У. Памятная книжка Курской губ. на 1892 г. Изд. курскаго губ. стат. ком. Курскъ, 1892 г. Ц. 1 р. 20 к.

Вигель, Ф. Ф. Записки. I—II. Съ подлинной рукописи. М. 1892 г. Ц. 2 р. 50 к.

Визнеръ, Ю., д-ръ. Біологія растеній. съ приложен. историческ. очерка ботаники. Съ рисунк. Спб., 1892 г. Ц. 2 р. 50 к.

Владиміровъ, Л. Изслѣдованіе свойствъ

* Этимъ знакомъ отмѣчены заглавія книгъ, поступившихъ въ книжный магазинъ „Русской Старины".

каучука и изложеніе его литературы. Спб., 1892 г. Ц. 1 р.

В***, Н. И. Уходъ и леченіе за домашн. животн. и птицею. Спб., 1892 г. Ц. 1 р. 25 к.

Галузѣевъ, В. На землѣ и подъ землей. Разсказы всемірнаго путешеств. Съ рис. Спб., 1892 г. Ц. 1 р. 25 к.

Гаммарштенъ, О. Учебникъ физіологич. химіи. Съ спектральн. табл. Спб., 1892 г. Ц. 3 р. 60 коп.

Гейнце, Н. Э. Женскій ядъ. Романъ-быль изъ моск.-пет. жизни. Спб., 1892 г. Ц. 1 р.

Головинъ, К. Соціализмъ какъ положительное ученіе. Спб., 1892 г. Ц. 1 р. 60 к.

Голодному на хлѣбъ. Альбомъ автографовъ. Изданіе газеты «Русская Жизнь». Спб., 1892 г. Ц. 25 к.

Гоффманъ, капит. Письмоводство строеваго офицера и подпрапорщика. Изд. 5-е, переработ. I. Защукъ. Спб., 1892 г. Ц. 75 к.

Гринъ, Дж. Р. Исторія англійскаго народа. Т. II. М., 1892 г. Ц. 2 р. 50 к.

Диккенсъ, Ч. Полное собраніе сочиненій. Т. II. Домби и сынъ. Спб., 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.

* **Дневникъ** «Артиста». № 1. Приложеніе къ журн. «Артистъ». М., 1892 г. Ц. 1 р.

Дуропъ, ген.-м. Учебникъ тактики. Ч. I. Изд. 5-е, пересмотр. Спб., 1892 г. Ц. 2 р.

Жаколіо, Л. Роковое кольцо. Романъ. М., 1892 г. Ц. 1 р.

Жуберъ, Ж. Основы ученія объ электричествѣ. Изданіе 2-е. М. Ц. 3 р.

Журналы комитета министровъ. Царств. имп. Александра I. 1802—1826 гг. Т. II. 1810—1812 гг. Спб., 1892 г. Ц. 3 р.

Жэ, Л. Задачи по физикѣ. Пер. съ франц. М., 1892 г. Ц. 2 р.

Заводская книга русскихъ рысаковъ. Сост. подъ ред. Ю. И. Юрлова. Т. XII. Спб., 1892 г. Ц. 3 р. 50 к.

Законъ 3 февр. 1892 г. объ охотѣ. Спб. Ц. 25 к.

Капнистъ, Ина, графъ. Утренніе лучи. Фантастическіе эскизы. Спб. Ц. 1 р. 25 к.

Картавцовъ, Е. Э. По Египту и Палестинѣ. Путевыя замѣтки. Спб., 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.

Карѣевъ, Н. И. Первые гуманисты. Въ пользу пострад. отъ неурожая Спб., 1892 г. Ц. 30 к.

Кашеварова-Руднева, В. А., д-ръ. Гигіена женскаго организма во всѣхъ фазисахъ жизни. Изд. 2-е. Спб., 1892 г. Ц. 1 р.

Комитетъ министровъ въ царств. импер. Александра I. Спб., 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.

* **Коркуновъ**, Н. М. «Общественное значеніе права». Въ пользу постр. отъ неурожая. Лекціи въ Имп. Александровскомъ лицеѣ. Спб., 1892 г. Ц. 30 к.

* **Костромская Старина**. Сборникъ, издав. Костромскою губер. уч. арх. комиссіею. Вып. 2. Кострома, 1892 г. Ц. 1 р. 50 к. съ пер.

Костычевъ, П. Обработка и удобреніе чернозема. Спб., 1892 г. Ц. 2 р.

Краткій русско-татарскій словарь для экскурсантовъ (крымск. нарѣчіе). Одесса, 1892 г. Ц. 50 к.

Крашевскій, I. И. Сиротская доля. Романъ. Спб., 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.

* **Кренке**, В. Д. О сельскомъ хозяйствѣ. Т. III. Вып. 6-й. Спб., 1892 г. Ц. 60 к.

Крестовская, М. В. Раннія грозы.—Испытаніе. Изд. 2-е. Спб., 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.

— Внѣ жизни.—Уголки театр. міра. Изд. 2-е. Спб., 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.

Кулешовъ, П. Крупный рогатый скотъ. Съ рисунками. Спб., 1892 г. Ц. 95 к.

Ланге, Н. Н. Душа ребенка въ первые годы жизни. Спб., 1892 г. Ц. 40 к.

Ланге, Ф. А. Рабочій вопросъ, его значеніе въ настоящемъ и будущемъ. Перев. съ 4-го нѣм. изд. съ пред. Р. И. Сементовскаго. Спб., 1892 г. Ц. 1 р. 25 к.

Лашковъ, Ѳ. Ѳ. Статейный списокъ московскаго посланника въ Крымъ Ивана Судакова въ 1587—1588 году. Съ предисл. Симферополь, 1891 г. Ц. 40 к.

* **Лебедзинскій**, Л. А. Извѣстія Общ. Горн. Инжен. Годъ I. № 1. Выходятъ отдѣльными выпуск. отъ 6 — 12 въ годъ. Ц. 5 р. въ годъ съ дост. Спб., 1892 г.

Левенфельдъ, Л., д-ръ. Половая неврастенія. Одесса, 1892 г. Ц. 1 р.

Лейкинъ, Н. А. Сватовство профессора. Романъ.—Ефимъ и Катерина. Повѣсть. Спб., 1892 г. Ц. 1 р.

—Ребятишки. Разсказы. Спб., 1892 г. Ц. 1 р.

* **Лизандеръ**, фонъ, Д. Стихотворенія. Москва, 1892 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

Литература земельнаго кредита. Вып. II. Спб., 1892 г. Ц. 50 к.

* **Гопаревъ**, Хр. Описаніе рукоп. Имп. общества любит. древней письменности. Ч. I. Спб., 1892 г. Ц. 3 р.

Лопаревъ, Хр. Византійскій поэтъ Мануилъ Филъ. Къ исторіи Болгаріи въ XIII—XIV вѣкѣ. Спб., 1892 г. Ц. 1 р.

* **Лопаревъ**, Хр. Памятн. древней письменности. LXXXV. Житіе преподобнаго Стефана Комельскаго. Спб., 1892 г. Ц. 50 к.

Ломброзо, С. Новѣйшіе успѣхи науки о преступникѣ. Спб., 1892 г. Ц. 1 р.

Лунинъ, В. А., врачъ. Школа сбереженія здоровья, продолж. молодости и физич. красоты женщины. М., 1892 г. Ц. 60 к.

* **Масловскій**, Д. Ѳ. Сборникъ военноисторич. матеріаловъ. Вып. I. Сѣверная война. Документы 1705 — 1708 гг. Спб., 1892 г. Ц. по 50 к. вып.

* **Матеріалы** для статистики Одессы. Стат. обозрѣніе Одессы за 1890 г. Сост. Стат. бюро при Городск. управѣ. Одесса, 1892 г.

Месновскій, А. Образцовый самоучитель фр. яз. Общедост. изд. Спб., 1892 г. Ц. 75 к.

* **Михневичъ**, Вл. Черные дни. Наблюденія и замѣтки. Спб., 1892 г. Ц. 1 р.

Молодецкій, Г. В. Учебникъ низшей геодезіи. Попул. руков. Умань, 1891 г. Ц. съ атл. 1 р. 20 к.

Наумовъ, А. Школа рисованія. Спб., 1892 г. Ц. за 3 тетради 2 р.

Никольскій, П. А. Бумажныя деньги въ Россіи. Казань, 1892 г. Ц. 2 р. 50 к.

Новый Законъ. Правила объ охотѣ. Высоч. утвержд. 3-го февраля 1892 г. М. Ц. 15 к.

Нордау, Максъ. Комедія чувствъ. Романъ. М., 1892 г. Ц. 1 р. 25 к.

Очерки гоголевскаго періода русск. литературы. («Современникъ» 1855- -1856 гг.). Изд. М. Н. Чернышевскаго. Спб. Ц. 2 р.

Павловичъ, М. Ретушированіе фотографическихъ негативовъ и позитивовъ Спб., 1892 г. Ц. 50 к.

Паевская, А. Н. Годъ въ Америкѣ. Изъ воспом. женщины-врача. Спб., 1892 г. Ц. 1 р.

Павлуцкій, Гр. Коринескій архитектурный орденъ. Кіевъ, 1891 г. Ц. 2 р.

Пархамаевъ, А. Руководство въ судебномъ дѣлѣ для земск. начальн. городск. судей, уѣздн. съѣздовъ, губерн. присутств. и чиновъ полиціи. Спб., 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.

Письма о голодѣ. Обмѣнъ мыслей между «Рцы», Н. П. Аксаковымъ, N*** и С. Ѳ. Шараповымъ. Спб., 1892 г. Ц. 75 к.

Полежаевъ, Н. Н., и В. М. **Шимкевичъ**. Курсъ зоологіи позвоночныхъ. Вып. II. Спб., 1892 г. Ц. 1 р. 75 к.

Pollatschek, А., д-ръ. Успѣхи терапіи въ 1889 и 1890 г. Ежегодникъ для практическихъ врачей. Спб., 1892 г. Ц. 3 р.

Полонскій, Я. П. Лепта въ пользу нуждающихся. Стихотворенія. Спб., 1892 г. Ц. 50 к.

Путникъ (Н. Лендеръ). Босфоръ и Константинополь.—Анатолійское побережье.—По русскому югу. Спб., 1892 г. Ц. 60 к.

Расинъ, Ж. Гоѳолія (Athalie). Трагедія въ пяти дѣйств. въ стихахъ. Пер. Л. Поливанова. М., 1892 г. Ц. 2 р.

* **«Рулетка въ Монако»**. Пер. съ франц. съ прим. и допол. переводчика. Москва, 1891 г. Ц. 85 к.

Русскій флотъ. Изданіе великаго князя Александра Михайловича. Рисов. лейтен. В. Игнатіусъ. Спб., 1892 г. Ц. 10 р.

Руссо, Жанъ-Жакъ. Юлія или новая Элоиза, или письма двухъ любовниковъ, живущихъ въ маленькомъ городѣ у подножія Альпъ. М., 1892 г. Ц. 2 р.

Сабанѣевъ, Л. П. Рыбы Россіи. Жизнь и ловля нашихъ прѣсноводныхъ рыбъ. Т. I. Изд. 2. М., 1892 г. Ц. съ подп. на т. II 6 р.

Сарматъ (К. Баранцевичъ). Картинки жизни, 39 разск. (юморист. сборникъ). Спб., 1892 г. Ц. 1 р.

Сборникъ Имп. Русск. историч. общ. Т. 78-й и 79-й. Спб. 1891 г. Ц. кажд. т. 3 р.

Селифонтовъ, Н. Н. Подробная опись 440 рукописямъ XVII, XVIII и начала XIX стол. Перваго собранія «Линевскаго архива», съ 2 прил. Спб., 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.

* **«Сельскій хозяинъ»**, Еженед. иллюстр. изд. К. И. Маслянникова. № 23. Спб., 1892 г. Ц. отд. № 20 к.

Семейная библіотека. № 27. А. Габихтъ. Сила предразсудка. Историческій романъ. Ч. I. Спб., 1892 г. Ц. 25 к.

Сенатскій Архивъ. IV. Журналы и опре-

дѣленія Прав. Сената за іюнь, іюль, авг. и сент. 1741 г. Спб., 1891 г. Ц. 2 р.

Симанскій, В. К. Петербургскія дачныя мѣстности въ отношеніи ихъ здоровости. Цып. II. Спб. Ц. 75 к.

Солнцевъ, В. «Всякая всячина и спектаторъ». Къ исторіи русск. сатирич. журналистики XVIII в. Спб., 1892 г. Ц. 40 к.

Стахѣевъ, Д. И. Домашній очагъ. Романъ. Изданіе 2-е. Спб. Ц. 1 р. 25 к.

— Законный бракъ. Романъ. Изд. 2-е Спб. Ц. 80 к.

— Походы на доходы. Повѣсть. Изд. 2. Спб. Ц. 60 к.

* **Стихотворенія** А. М. Жемчужникова. Въ 2 т. Т. I. Съ портр. автора и автобіогр. очерк. Спб., 1892 г. Ц. за 2 т. 3 р.

Студентскій, М. С. Биржа, спекуляція и игра. Спб., 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.

Суттнеръ, фонъ, Б. Противъ войны. Романъ изъ жизни. Пер. съ нѣм., подъ ред. Ѳ. И. Булгакова. Изд. 2-е. Спб., 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.

Сѣверовъ, Н. Разсказы, очерки и наброски. Спб., 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.

Сѣверскій, Я. Г. Особенная часть русск. угол. права. Спб., 1892 г. Ц. 1 р.

Таганцевъ, Н. С. Уставъ о наказаніяхъ, налаг. мир. судьями, изд. 1888 г., пересм. и дополн. Спб., 1892 г. Ц. 2 р.

Тисандье, Г. Научныя развлеченія. Изд. 3-е. Спб., 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.

Томсенъ, В., д-ръ. Начало русскаго государства. Три чтенія. М., 1891 г. Ц. 1 р.

Трусевичъ, Хр. По вопросу о дворянскомъ сельскохоз. кредитѣ. Спб., 1892 г. Ц. 50 к.

Турцевичъ, Ар. Христоматія по исторіи зап. Россіи. Вильна, 1892 г. Ц. 2 р. 50 к.

Т..... Д-ръ. Что вредно для здоровья. М., 1892 г. Ц. 40 к.

Ульяновъ, К. А. Руководство для завѣдывающихъ хозяйствомъ въ полкахъ, батальонахъ и командахъ. Изд. 7-е, переработ. I. Защукъ. Спб., 1892 г. Ц. 4 р. 50 к.

Успенскій, Ѳ. Очерки по исторіи визант. образованія. Спб., 1892 г. Ц. 2 р. 50 к.

«Учитель-лингвистъ» на 1890 г. Журналъ для изученія 6 языковъ. Курсъ I и II. Изд. 3. Спб. Ц. 2 р.

Фаберъ, Ф., д-ръ. Гигіена беременности. Одесса, 1892 г. Ц. 50 к.

Фишеръ, Ф. Сифилисъ, его леченіе и условія безопаснаго вступленія больныхъ въ бракъ. Спб., 1892 г. Ц. 1 р.

Фламмаріонъ, К. Въ небесахъ. Астроном. романъ. Съ рис. Изд. 2-е, испр. и доп. Спб., 1892 г. Ц. 75 к.

Хронологическій сборникъ рѣшеній Прав. Сената за 25 лѣтъ (1866—1891 гг.). Т. I. Подъ ред. А. Гаугера Спб., 1892 г. Ц. 5 р.

Цертелевъ, Д. Н., кн. Стихотворенія. 1883—1891. М., 1892 г. Ц. 2 р.

Черняевъ, В. В. Пособіе при выборѣ и покупкѣ сельскохозяйств. машинъ и орудій. Изд. 2-е, доп. Спб., 1892 г. Ц. 1 р. 30 к.

Шапиро, Б., д-ръ. Учебникъ фармакологіи. Изд. 3-е, перераб. Спб., 1892 г. Ц. 2 р.

* **Шумигорскій**, Е. С. Императрица Марія Ѳеодоровна (1759—1828 гг.). Ея біографія. Томъ первый. Спб., 1892 г. Ц. 5 р.

Щербачевъ, Г. Д. Очерки моей дѣятельности въ царств. Александра II. Москва. 1891 г. Ц. 75 к.

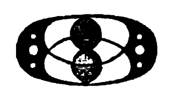
Эварницкій, Д. И. Исторія запорожскихъ казаковъ. Т. I. Съ рис. Спб., 1892 г. Ц. 4 р.

Эрлицкій, А. Ф. О причинахъ душевныхъ болѣзней. Публ. лекція. Прод. въ польз. пострад. отъ неурожая. Спб., 1892 г. Ц. 60 к.

Ячменевъ, М. С. Афоризмы. Уфа, 1891 г. Ц. 70 к.

По желанію г. заказчиковъ книжный магазинъ «Русской Старины» высылаетъ книги и въ переплетъ. Цѣна переплетовъ: шагреневый съ каленкоромъ—80 коп., сафьяннокорешковый—50 коп.

☞ Всѣ вообще заказы о высылкѣ книгъ выполняются магазиномъ «Русской Старины» безъ малѣйшаго замедленія.



помѣщены: а) военный журналъ корпуса генерала-фельдмаршала Огильви, съ 22-го марта по 27-е іюня 1706 г.; б) экстрактъ о службахъ генерала-кавалера князя Голицына; в) реляція боя подъ киркой Полкиной, 6-го октября 1713 г. и нѣкоторые другіе, не менѣе важные документы. Появленіе этихъ документовъ въ печати нельзя не признать капитальнымъ вкладомъ въ нашу военно-историческую литературу.

Польскій мятежъ 1863 г. Соч. П. Дм. Брянцева. Вильна, 1892 года. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес.

Книга, составленная на основаніи газетныхъ статей начала 1860-хъ годовъ и по появившимся впослѣдствіи мемуарамъ разныхъ лицъ, бывшихъ ближайшими свидѣтелями тогдашней службы въ Польшѣ и западныхъ губерніяхъ. Общая картина этихъ смутъ написана, въ названной книгѣ, довольно рельефно и вѣрно и можетъ представить не мало поучительнаго для имѣвшаго несчастіе не переживавшаго той печальной памяти эпохи, еще разъ доказавшей неисправимую политическую безтактность поляковъ, такъ пламенно любящихъ свою родину и, вмѣстѣ съ тѣмъ, постоянно накликающихъ на нее неисчислимыя бѣдствія.

Историко-статистическій очеркъ Оренбургскаго казачьяго войска. Съ приложеніемъ статьи о домашнемъ бытѣ оренбургскихъ казаковъ, рисунковъ со знаменъ и карты. Составилъ войсковой старшина Ф. Стариковъ. Оренбургъ, 1891 г. Цѣна 2 рубля.

Книга начинается общимъ очеркомъ колонизаціи восточныхъ и юго-восточныхъ окраинъ Московскаго государства, причемъ въ первыхъ рядахъ двигались казаки разныхъ наименованій. Очеркъ этотъ составленъ по основательнымъ историческимъ изслѣдованіямъ и документамъ, которые всѣ и обозначаются въ выноскахъ. Затѣмъ 1-я глава посвящена спеціальному описанію колонизаціи Оренбургскаго края и образованія Оренбургскаго казачьяго войска; во 2-й главѣ говорится о распредѣленіи казаковъ по крѣпостямъ края, о первомъ штатѣ Оренбургскаго казачьяго войска и о постепенномъ его развитіи; 3-я глава — образованіе новолинейнаго района, положеніе 1840 года объ оренбургскомъ войскѣ и постепенныя мѣры правительства о благоустройствѣ этого войска; въ 4-й главѣ описаны походы и боевыя отличія казаковъ; 5-я глава посвящена географическому и топографическому описанію земли оренбургскаго казачьяго войска; въ 6-й говорится о народонаселеніи и средствахъ народнаго благосостоянія; о народномъ образованіи и воинской повинности. Изъ этого бѣглаго перечня содержанія книги г. Старикова видно, что она можетъ представить не мало поучительнаго для интересующихся исторіею развитія нашего казачества вообще и его бытовыми особенностями. Приложенная къ книгѣ, довольно удовлетворительно сдѣланная, карта показываетъ современныя границы Оренбургскаго войска, а равно и старыя сторожевыя линіи на нашей восточной окраинѣ.

Русская Лопландія и ея промыслы. Составилъ врачъ Вл. Гулевичъ. Архангельскъ, 1891 г. Цѣна 75 к.

Въ послѣднія 15—20 лѣтъ у насъ все болѣе и болѣе начинаютъ интересоваться сѣверомъ Россіи и побережьями Ледовитаго океана и Бѣлаго моря. До тѣхъ поръ большинство нашей читающей публики могло имѣть о немъ лишь весьма смутныя понятія, вынесенныя изъ географическихъ учебниковъ. Между тѣмъ, нѣкоторыя изъ мѣстностей нашего глухаго сѣвера представляютъ много интереснаго въ смыслѣ какъ бытовомъ, такъ и экономическомъ. Г. Гулевичъ силою обстоятельствъ поставленъ былъ въ условія, весьма способствовавшія близкому ознакомленію съ одною изъ этихъ мѣстностей, а именно—съ русскою Лопландіею: въ 1881 году онъ былъ командированъ на Мурманскій берегъ Архангельскимъ обществомъ Краснаго Креста, въ качествѣ врача, для оказанія помощи заболѣвающимъ рыбопромышленникамъ. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, въ свободное отъ своихъ прямыхъ занятій время, онъ изучалъ бытовыя условія края и его экономическое состояніе,—какъ по источникамъ, такъ и по собственнымъ наблюденіямъ. Книга эта продается въ пользу Архангельской общины сестеръ Краснаго Креста.

И. О.

„РУССКАЯ СТАРИНА"
1892 г.

ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за **12** книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб., съ пересылкою.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины", Невскій просп., д. № 20, у Полицейскаго моста, книжный магазинъ **А. Ѳ. ЦИНЗЕРЛИНГА** (бывшій Мелье и К°.). Въ Москвѣ — въ отдѣленіяхъ конторы, при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха), **Н И. Мамонтова** (Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова). Въ отдѣленіяхъ конторы при книжн. магазинахъ: въ Казани — **А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостинный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ — при книжн. магаз. **Ф. В. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжн. магазинѣ **Н. Я. Оглоблина.**

☛ Гг. **Иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала **„Русская Старина"**, на Большую Подьяческую, близь Екатерининскаго канала, домъ № 7.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ" помѣщаются:

I. Записки и Воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вв.— III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ; переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ. — V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы и преданія.— Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія

Можно получать въ конторахъ редакціи слѣдующія изданія журнала:

„Русская Старина" 1870 г., третье изд., *(15 экз.)*, съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина" 1876 г., второе изд., *(60 экз.)*, съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина" 1877 г., 12 книгъ *(33 экз.)*, съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина" 1878 г., 12 книгъ *(31 экз.)*, съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина" 1880 г., второе изд. *(61 экз.)*, съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина" 1881 г., 12 книгъ *(30 экз.)*, съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина" 1884 г., 12 кн. изд. второе *(57 экз.)*, съ портр., 9 руб.
„Русская Старина" 1885 г., 12 книгъ *(52 экз.)*, съ портретами, 9 руб.
„Русская Старина" 1888 г., 12 книгъ *(70 экз.)*, съ портретами, 9 руб.
„Русская Старина" 1889 г., двѣнадцать книгъ съ портретами, 9 руб.
„Русская Старина" 1890 г., двѣнадцать книгъ съ портретами, 9 руб.
„Русская Старина" 1891 г., 12 книгъ *(54 экз.)*, съ портретами, 9 руб.

За издателя **Е. Н. Семевская.** За редактора **А. С. Лаппинскій.**

// Cover page of a monthly journal; the outer layout and ornament are not carried over.
РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ двадцать третій. ІЮНЬ. 1892 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ **Михаила Ивановича Семевскаго,** основателя и редактора-издателя историческаго журнала «Русская Старина», † 9-го марта 1892 г. Фототипія исполнена въ Экспедиціи заготовл. государств. бумагъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
типографія В. С. Балашева, Екатерининскій каналъ, д. № 80.
1892.

VI-я книга „Русской Старины" вышла 1-го іюня 1892 г.

Труды Тибетской экспедиціи 1889—1890 гг., подъ начальствомъ М. В. Пѣвцова. Часть II. Изданіе Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Спб., 1892 г.

Завѣса, скрывавшая отъ насъ обширныя области Центральной Азіи, продолжаетъ все шире и шире раздвигаться. Великія географическія открытія, сдѣланныя незабвеннымъ Пржевальскимъ, продолжаютъ пополняться новыми изслѣдованіями, открывающими широкое поприще дѣятельности для людей науки. Поименованная выше книга есть трудъ К. И. Богдановича—одного изъ участниковъ экспедиціи Пѣвцова—и содержитъ геологическія изслѣдованія, произведенныя въ Восточномъ Туркестанѣ; причемъ авторъ попутно касается и нѣкоторыхъ бытовыхъ чертъ тѣхъ племенъ, съ которыми ему приходилось имѣть сношенія. Въ предлагаемомъ трудѣ авторъ опредѣляетъ цѣль, которую онъ себѣ поставилъ, слѣдующимъ образомъ:

„Задача каждаго ученаго путешественника есть, по возможности, всестороннее приложеніе своей науки къ изученію изслѣдуемой страны. По всей справедливости, каждая наука пользуется большею или меньшею популярностью въ зависимости отъ степени ея приложимости къ дѣйствительной жизни. Съ человѣческой точки зрѣнія, степень культурности и пригодность къ культурѣ мало-извѣстныхъ странъ должны прежде всего обратить вниманіе всякаго путешественника. Степень культурности зависитъ отъ суммы крайне разнообразныхъ условій, отчасти вовсе не входящихъ въ компетенцію какого-бы то ни было натуралиста. Пригодность-же къ культурѣ каждой страны, напротивъ того, всецѣло входитъ въ сферу знаній натуралистовъ, такъ какъ этотъ вопросъ трактуется независимо отъ временныхъ условій жизни. Пригодность страны къ культурѣ зависитъ, между прочимъ, отъ двухъ факторовъ — почвы и нѣдръ земли. Въ отношеніи обоихъ этихъ факторовъ геологъ можетъ и долженъ отвѣтить на выставленный здѣсь гуманитарный вопросъ. Вопросъ этотъ долженъ получить особенное значеніе для каждаго русскаго, когда рѣчь заходитъ о странахъ, лежащихъ за нашими азіатскими окраинами. Настоящая работа и представляетъ слабую попытку отвѣтить на поставленные здѣсь вопросы. Она не претендуетъ ни на всесторонность, ни на законченность; это скорѣе только эскизъ, который нужно еще развить въ картину".

Трудъ г. Богдановича распредѣленъ на слѣдующія пять главъ: 1) отъ Пржевальска до Зайсана, 2) орографическій очеркъ сѣверо-западнаго Тибета и Куэнь-луня въ предѣлахъ изслѣдованія экспедиціи, 3) геологическій очеркъ Куэнь-луня и Тянь-шаня по даннымъ экспедиціи, 4) современныя отношенія въ Кашгаріи, 5) золотоносность Куэнь-луня. Наконецъ, въ заключеніи говорится о Кашгаріи въ доисторическія времена и о причинахъ исчезновенія его древнихъ культуръ. Къ книгѣ приложены: алфавитный указатель мѣстностей; отчетная карта путей, пройденныхъ г. Богдановичемъ, 7 таблицъ снимковъ, 5 таблицъ геологическихъ разрѣзовъ и 10 политипажей.

Очеркъ дѣйствій Западнаго отряда, генералъ-адъютанта Гурко. Часть I. Генеральнаго штаба подполковника Епанчина. Спб., 1892 г.

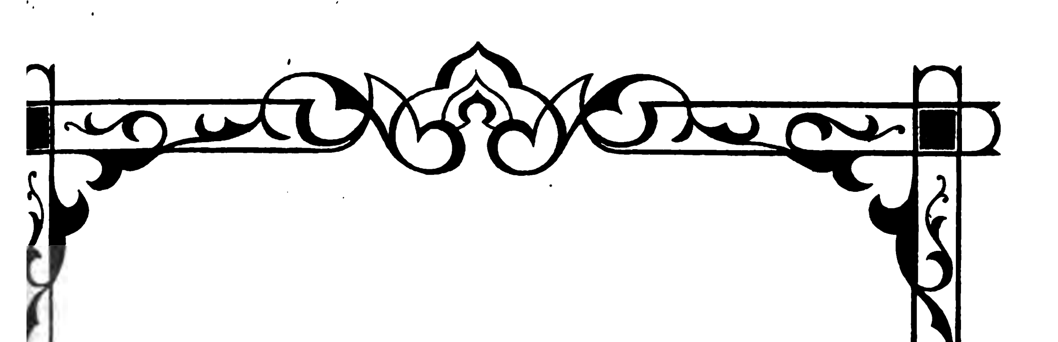
Предметомъ своего сочиненія авторъ избралъ одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ и поучительныхъ эпизодовъ послѣдней русско-турецкой войны. Разсказываютъ, будто покойный фельдмаршалъ Мольтке, внимательно слѣдившій за ходомъ дѣйствій въ Европейской Турціи, былъ настолько убѣжденъ въ непроходимости Балканъ въ зимнее время, что при наступленіи глубокой осени обратился къ работавшимъ съ нимъ офицерамъ и сказалъ: „господа, можете уложить ваши циркули и карандаши, потому что до наступленія весны движенія русскихъ войскъ впередъ ожидать нельзя". Было-ли это сказано или нѣтъ — не въ томъ дѣло; но вѣрно то, что опытный воинъ, внимательно изучавшій театръ войны и знакомый съ мѣстными и климатическими условіями Европейской Турціи (гдѣ самъ онъ въ молодости служилъ), могъ держаться подобнаго убѣжденія. Читая книгу подполковника Епанчина, не знаешь чему болѣе удивляться: энергіи и настойчивости начальниковъ (и въ ихъ главѣ — генералъ-адъютанта Гурко) или самоотверженію солдатъ. Въ отношеніи матеріальной обстановки и перенесенныхъ

СЪ ФОТОГРАФІИ В. КЛАССЕНЪ.

Михаилъ Семевскій

1837 — 1892.

Дозвс[...] [...]урою. С.-Петербургъ, 21 мая 1892 г. Фототипія экспедиціи загот. госуд. бумагъ.



ПАМЯТИ МИХАИЛА ИВАНОВИЧА СЕМЕВСКАГО,

основателя и редактора-издателя „Русской Старины",

1837 $\frac{\text{род. 4-го января}}{\text{† 9-го марта}}$ 1892.

На Руси у православныхъ свято сохраняется исконный обычай осѣнять себя крестомъ при встрѣчѣ съ покойникомъ—читатели исполнятъ этотъ обычай при взглядѣ на прилагаемое изображеніе новопреставившагося историческаго писателя и общественнаго дѣятеля, хорошо извѣстнаго всей читающей Россіи, основателя „Русской Старины"—Михаила Ивановича Семевскаго.

Появленіе прапорщика лейбъ-гвардіи Павловскаго полка Михаила Семевскаго на аренѣ государственнаго и общественнаго служенія Россіи, въ 1855 году, совпадаетъ съ моментомъ того всесторонняго обновленія, которое охватило русскую жизнь съ началомъ прошлаго царствованія. Съ замѣчательною прозорливостью, юный 18-ти-лѣтній офицеръ усматриваетъ исторически необходимую связь новаго съ старымъ; въ новизнахъ реформаторской эпохи слышится ему старина нашего историческаго быта. Сознавая, что „настоящее крѣпится прошедшимъ", убѣжденный, что „старина свята", М. И. Семевскій

Ю. Солнцевъ

всецѣло отдается изученію русской старины, и рядомъ статей, интересныхъ по содержанію, живыхъ по изложенію, полезныхъ по тенденціи, пробуждаетъ въ русскомъ общественномъ сознаніи живой интересъ къ новой правдѣ, потѣснившей, по слову императора Александра II, старую кривду во всѣхъ сферахъ русскаго народнаго быта. Въ теченіе пятнадцати лѣтъ, съ 1855 по 1870 годъ, имъ напечатано болѣе 100 статей, разбросанныхъ по различнымъ изданіямъ. Это было только подготовительною для него школою къ новой, болѣе широкой, дѣятельности.

Съ 1870 года М. И. Семевскій основываетъ свое изданіе, вся программа котораго ярко обрисовалась въ самомъ его названіи: „Русская Старина". Также ясно, также прямо указано было и побужденіе, руководившее имъ при основаніи журнала: „Въ настоящее время, русское общество, оживленное духомъ всестороннихъ улучшеній его быта, начало быстро развиваться по пути народнаго самосознанія. Изученіе родной исторіи и преимущественно новѣйшаго времени, основанное не на личныхъ взглядахъ того или другаго писателя, но на подлинныхъ историческихъ документахъ, всего болѣе можетъ способствовать этому развитію". Живой, отзывчивый на запросы времени, если не на злобы дня, М. И. Семевскій прямо и рѣшительно отдаетъ предпочтеніе императорскому штандарту предъ великокняжескимъ стягомъ: „Всякое замѣчательное оригинальное изслѣдованіе изъ области исторіи до-петровской Руси, а равно важные почему-либо матеріалы, знакомящіе съ дѣятелями или событіями изъ той-же эпохи, наконецъ, археологическія замѣтки всегда найдутъ мѣсто на страницахъ изданія, хотя преимущественная задача „Русской Старины" будетъ ознакомленіе ея читателей съ императорскимъ періодомъ отечественной исторіи".

Болѣе 22-хъ лѣтъ трудился М. И. Семевскій надъ изданіемъ „Русской Старины". Каждый новый мѣсяцъ приносилъ русскому обществу и новую книгу журнала. Въ этой ежемѣсячной смѣнѣ одной книги другою, читателю трудно было уловить не только направленіе журнала, но и задачи, преслѣдуемыя редакторомъ. Ежемѣсячный наплывъ новыхъ историческихъ матеріаловъ, новыхъ данныхъ изъ русской старины, преимущественно императорской, затруднялъ пониманіе связи идей, которыми руководился М. И. Семевскій при выборѣ фактовъ,

подлежавшихъ обнародованію, и при оцѣнкѣ матеріаловъ, имѣвшихъ общественно-государственное значеніе. Не всѣмъ еще вполнѣ ясна, поэтому, и та польза, которую принесла „Русская Старина“ развитію нашего народнаго самосознанія. Между тѣмъ, заслуга „Русской Старины“ въ этомъ отношеніи весьма значительна: на ея страницахъ появлялись какъ матеріалы, „служившіе къ чести и славѣ прежнихъ общественныхъ дѣятелей“, такъ и данныя, „указывавшія на темныя стороны нашего общественнаго быта“. Освѣщеніе русской старины въ этомъ направленіи укрѣпляло въ читателяхъ сознаніе необходимости предпринятыхъ правительствомъ преобразованій и служило руководствомъ для практическаго ихъ осуществленія.

Такая задача „Русской Старины“, на знамени которой начертано возможно правильное освѣщеніе прошлыхъ явленій русской жизни въ XVIII и XIX стол., оказала большую услугу и наукѣ русской исторіи. Въ 267-ми книгахъ „Русской Старины“ М. И. Семевскимъ напечатано до 300 мемуаровъ, записокъ, воспоминаній и нѣсколько тысячъ актовъ, указовъ, писемъ преимущественно, даже исключительно, русскихъ людей. Благодаря этому богатому матеріалу, русское XVIII стол., которому преимущественно посвящена „Русская Старина“, предстало предъ русскими людьми въ своемъ настоящемъ свѣтѣ, въ той русской окраскѣ, которой оно прежде не имѣло. Въ нѣсколькихъ сотняхъ изслѣдованій, разсказовъ и замѣтокъ, появившихся въ „Русской Старинѣ“, лица и дѣянія XVIII вѣка освѣщены чисто русскимъ, свойственнымъ вѣку, колоритомъ, причемъ русскія явленія оцѣнены на основаніи русскихъ данныхъ.

Изданіемъ „Русской Старины“ не ограничивались, однако, задачи М. И. Семевскаго, стремившагося возможно шире распространить свѣдѣнія какъ о русскомъ XVIII вѣкѣ, такъ и вообще объ императорской эпохѣ русской исторіи. Въ ученыхъ обществахъ и комиссіяхъ, членомъ которыхъ онъ состоялъ, раздавалась нерѣдко его убѣжденная рѣчь по тому или другому вопросу, касавшемуся прошлаго вѣка, преимущественно-же Петра В. Этому великому реформатору Россіи посвященъ и „Архивъ князя Куракина“, выходившій подъ редакціей М. И. Семевскаго; о томъ-же Петрѣ Великомъ читалъ онъ публичныя лекціи въ Петербургѣ и Кронштадтѣ, гдѣ и смерть принялъ, какъ вѣр-

ный часовой на своемъ посту, вслѣдъ за публичною бесѣдою все о томъ-же величайшемъ явленіи русской старины.

Справедливо дивились всѣ, близко знавшіе М. И. Семевскаго, его неутомимому трудолюбію, его способности сосредоточиваться на самыхъ разнообразныхъ вопросахъ и всецѣло, до самоотверженія, отдаваться излюбленному имъ предмету. Объясняется это, прежде всего, конечно, личными свойствами его характера и дарованія; но въ этомъ нельзя не видѣть и извѣстной доли вліянія той школы, которая формировала его характеръ и дала направленіе его дарованію, той военной выдержки, которая была пріобрѣтена имъ въ Полоцкомъ кадетскомъ, потомъ въ Константиновскомъ корпусѣ, наконецъ, въ л.-гв. Павловскомъ полку.

Приложенное къ настоящей книгѣ „Русской Старины" изображеніе М. И. Семевскаго чрезвычайно удачно передаетъ внѣшній обликъ покойнаго. Открытый, сосредоточенный взглядъ; спокойное, доброе выраженіе; уста, готовыя открыться на проповѣдь правды, добра, всего честнаго и полезнаго—такимъ былъ Михаилъ Ивановичъ и въ редакціи „Русской Старины", и въ аудиторіи Солянаго Городка, и въ залѣ Городской Думы, и въ засѣданіяхъ комиссій, и въ Кронштадтскомъ морскомъ собраніи, изъ котораго онъ вышелъ уже полумертвымъ...

В. А. Вильбасовъ.

Рѣчь, произнесенная въ спб. Вознесенскомъ храмѣ

протоіереемъ В. Я. Михайловскимъ

на панихидѣ въ сороковой день кончины Михаила Ивановича Семевскаго

17-го апрѣля 1892 г. [1]).

Блаженъ разумѣваяй на нища и убога: въ день лютъ избавитъ его Господь. (Пс. 40, 2).

Темно, полумрачно въ храмѣ семъ въ настоящую минуту; только изрѣдка мелькаютъ огоньки отъ свѣчей. Такъ темно наше будущее; только изрѣдка освѣтляютъ нашу душу лучи надежды. Такъ темна будущность судьбы и усопшаго раба Михаила, нами вспоминаемаго и любовію чествуемаго. Сегодня, по вѣрованію церкви, онъ, въ теченіе сорока дней по разлукѣ души отъ тѣла прошедшій испытательный путь среди крушеній, одолѣвавшихъ духъ его, имѣетъ услышать роковой, хотя еще и не вѣковѣчный приговоръ суда Божія: чего ему

---

[1]) Панихида эта была отслужена по желанію членовъ приходскаго благотворительнаго общества церкви Вознесенія, къ составу котораго принадлежалъ также, въ послѣдніе годы своей жизни, М. И. Семевскій (состоя членомъ совѣта этого общества).

Панихиду служили соборнѣ: вознесенскіе—протоіереи І. А. Соболевъ и В. Я. Михайловскій, священники А. А. Чермскій и П. П. Виноградовъ и протоіерей домовой церкви протопресвитера военнаго и морскаго духовенства А. Н. Соколовъ,—духовникъ усопшаго и его семьи.

Ред.

ждать на второмъ Христовомъ пришествіи,—блаженства-ли вѣчнаго или нескончаемыхъ мученій.

Больно, и жалко, и опасно за душу ближняго! И не намъ теперь гадать и предрѣшать его загробную судьбу!

Но какъ-же любящему сердцу можно быть покойнымъ въ такія роковыя для ближняго минуты! Какъ не желать всякихъ благъ и за гробомъ своему родному или ближнему дорогому, на землѣ съ нами жившему! Какъ не усилить молитву въ таковой день нелицепріятнаго суда Божія!

Вотъ мы и собрались сегодня на молитву въ почтенномъ числѣ душъ вѣрующихъ, чтобы усиліемъ молитвы, ея общеніемъ испросить у Господа помилованія брату нашему Михаилу.

Надежда наша на помилованіе его не тща, не безосновательна. Она обоснована на безмѣрномъ милосердіи Господа, на безмѣрныхъ заслугахъ за насъ распятаго и воскресшаго Христа Спасителя. Она имѣетъ нѣкоторыя данныя и въ духѣ усопшаго, и въ его домашней жизни, и въ общественной дѣятельности, и въ его конечномъ, предсмертномъ покаяніи чистосердечномъ, за которымъ слышится гласъ Спасителя: „Днесь со Мною будеши въ раю". Какъ тайныя сердца человѣческаго вѣдомы только Господу и самому человѣку, такъ и дѣла милости вѣдомы принимавшимъ оныя и самому благодѣтелю. Поэтому мы о дѣлахъ милосердія усопшаго Михаила и не дерзаемъ подробно говорить: скажемъ только, что на совѣтѣ благотворительнаго здѣшняго приходскаго общества, въ случаѣ отказа или малой помощи бѣдняку, мы замѣчали на лицѣ покойнаго Михаила скорбь о бѣдномъ и слыхали заявленіе его помочь тому отъ себя ежемѣсячно,—заявленіе, увлекавшее тотчасъ и другихъ членовъ изъ своихъ денегъ къ помощи единовременной. Мы остановимся своимъ вниманіемъ на его общественномъ служеніи—словомъ и перомъ.

Господь надѣлилъ усопшаго особымъ умомъ и особымъ даромъ слова и рѣдкою звучностью рѣчи. Что-же усопшій? Не зарылъ-ли своего таланта въ землю? Или не употреблялъ-ли его въ жизни на погибель своей души или ко вреду ближнихъ, какъ иные дѣлаютъ? На эти вопросы можно отвѣчать успокоительно. Нѣтъ, таланта не зарылъ, а его развилъ, имъ дѣлился съ ближнимъ, и слово свое онъ приносилъ въ жертву ближнимъ, выражалъ свои думы по вопросамъ общественнымъ небоязненно, немедлительно, сильно, звучно, убѣдительно. Въ жизни много есть людей, которые любятъ молчать тамъ, гдѣ-бы нужно говорить, и при томъ говорить имъ, а не другому кому.

Молчаніе такое есть измѣна правдѣ, или прямо вредитъ благу общественному и частному, а между тѣмъ слово честное и благовременное есть исповѣданіе, есть подвигъ-заслуга, даетъ торжество истинѣ, защищаетъ обидимыхъ, спасаетъ честь и частнаго лица и общества, охраняетъ благосостояніе другихъ людей. Поэтому-то великая заслуга людямъ-печальникамъ о нуждахъ и недугахъ ближняго! И про покойнаго Михаила можно сказать, что въ уясненіи дѣлъ общественныхъ разнородныхъ въ чисто-хозяйственныхъ вопросахъ или въ учебномъ дѣлѣ народномъ онъ былъ весьма внимательнымъ членомъ-дѣятелемъ, исповѣдникомъ истины, звучнымъ проповѣдникомъ объ устраненіи настоятельной нужды. Его слову внимали, его душу и искренность почитали и по его благожеланіямъ поступали въ благоустроеніи дѣлъ общественныхъ.

Да, слово разумное, живое, отъ сердца любящаго, благонамѣреннаго переходитъ въ сердце другаго, движетъ имъ и даетъ воплощеніе добрымъ мыслямъ. Поэтому смерть оратора съ сердечностію его есть для общества потеря не скоро вознагражденная, а смерть уже довольно пожившаго оратора, опытнаго, умнаго—еще болѣе тяжкая утрата для общества.

Но при этой потерѣ видимой намъ остается утѣшеніе — это слова̀ и истины усопшаго, разсѣянныя, внушенныя въ рѣчахъ слушателямъ. Онѣ не умрутъ, не скроются въ могилѣ покойнаго, но какъ добрыя, падшія на почву добрую, принесутъ плодъ разнородный въ дальнѣйшіе годы.

И это сѣяніе слова добраго, разумнаго, истинъ вѣковѣчныхъ потомствомъ будетъ оцѣнено и Господомъ вмѣнится въ правду усопшему Михаилу.

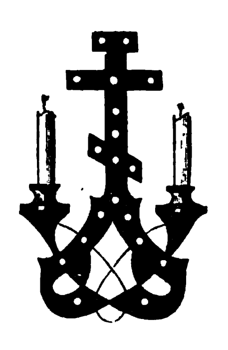
Еще: живое слово, хотя и сильное и увлекающее, бываетъ достояніемъ немногихъ слушателей; оно иногда бываетъ подобно вѣтру воздымающемуся, но и легко и скоропреходящему и исчезающему безслѣдно, или подобно волнѣ, нарушающей дремоту водъ, а потомъ стихающей безслѣдно. Поэтому прочность живаго, добраго слова бываетъ сравнительно кратка предъ словомъ печатнымъ.

Усопшій Михаилъ, при своемъ житейскомъ разумѣ, хорошо понималъ это. И поэтому усвоенныя имъ и дознанныя истины онъ желалъ увѣковѣчить печатно. И „Русская Старина“ есть прекрасный памятникъ усопшему. Ею назидались современники и будутъ назидаться данными ея отдаленные потомки; при чтеніи ея они будутъ жить какъ-бы современники протекшихъ годовъ и поучаться примѣрами старины.

„Русская Старина“, правдивостію своего матеріала, всегда способна расположить къ себѣ, всегда выучить многому. А какой трудъ, какой подвигъ быть издателемъ-печатникомъ и вѣстникомъ горькой правды, которая всегда глаза колетъ! Сколько хлопотъ, борьбы, непріятностей приходится человѣку переживать, прежде чѣмъ появится на свѣтъ излюбленная и добрая мысль, вдохновенная статья, рѣчь, произнесенная внезапно, сердечно! А это томленіе и крушеніе духа—развѣ не подвигъ христіанскій, развѣ не заслуга предъ Господомъ за исповѣданіе чистыхъ, благородныхъ мыслей среди міра, который весь во злѣ лежитъ! (I Іоанн., 5 гл., 19).

Припоминая пока это въ настоящія минуты, мы предъ этимъ почтеннымъ собраніемъ молящихся просимъ всѣхъ усилить молитву объ усопшемъ, да Господь правосудный и многомилостивый призритъ раба своего **Михаила**, въ нѣдрахъ Авраама упокоитъ и съ праведными да причтетъ за его разумныя рѣчи, печатные поучительные труды и за его добрыя дѣла! Аминь.

Протоіерей **Василій Михайловскій**.



РУССКІЕ ДОСТОПАМЯТНЫЕ ЛЮДИ.

Замѣтки и воспоминанія по поводу труда Д. Н. Бантыша-Каменскаго: „Словарь достопамятныхъ людей русской земли“, изд. 1847 г., Спб., и нѣкоторыхъ другихъ изданій того времени.

[Рукопись изъ собранія С. Д. Полторацкаго].

Библіографическія извѣстія о сочиненіяхъ Пушкина [1]).

(11 сентября 1847).

Развернувъ сегодня книжку „Отечественныхъ Записокъ“, май 1841 года, нахожу въ ней два слѣдующія библіографическія извѣстія о сочиненіяхъ Пушкина: 1) Фарнгагенъ-фонъ-Энзе въ своихъ Достопамятностяхъ и сочиненіяхъ смѣшаннаго содержанія (Denkwürdigkeiten und vermischte Schriften von Varnhagen von Ense, 1840), новый выпускъ, посвятилъ будто-бы большую статью Пушкину. Въ заключеніи помѣщены, будто-бы, двѣ повѣсти, переведенныя съ русскаго. Что за повѣсти и что за статья о Пушкинѣ? Была-ли она переведена на русскій языкъ? 2) О выходѣ въ свѣтъ: „Puschkin's Dichtungen“ von R. Lippert. („Поэтическія сочиненія Пушкина“, Р. Липперта, 2 т.). Библіографъ „Отечественныхъ Записокъ“, дѣлая замѣчаніе, что всѣ нѣмецкіе журналы отозвались о переводѣ благосклонно и что первое изданіе разошлось уже все

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1892 г., т. LXXIV, май, стр. 217—245.

въ продолженіе года и что приготовляется второе, умалчиваетъ гдѣ и въ которомъ году появился этотъ переводъ. Вѣроятно, въ 1840 г.? О библіографы!!!

Шницлеръ.

Замѣчанія на Шницлерову: „Histoire intime de la Russie", т. II.

Стр. 2. Говоря объ усмиреніи бунта 14 декабря 1825 г., Шницлеръ пишетъ: Le nord de la Russie était pacifié...[1]). Можно-ли отзываться такъ о дѣлѣ, не имѣвшемъ сочувствія въ націи и прошедшемъ только по верхнимъ слоямъ его, какъ самъ думаетъ авторъ.

Стр. 3. Смоленскъ называетъ Шницлеръ губернскимъ городомъ Бѣлоруссіи (chef-lieu). Ай-да да статистикъ!

Тамъ-же. Говоря о заговорѣ въ южной Россіи, пишетъ: „on ne s'y était pas amusé à faire des théories, on avait tout préparé pour une levée de boucliers réelle" etc. [2])... Вотъ какъ пишутъ исторію... tout preparé... [3]).

На стр. 3-ей, Шницлеръ, исчисляя военныя силы Россіи въ концѣ 1825 года, пишетъ, что гренадерскій корпусъ былъ почти равносиленъ гвардейскому и состоялъ почти въ 30 и 40 тысячъ войска, а на стр. 7, исчисляя армейскіе полки, внутреннюю армію, говоритъ, что пѣхота ея состояла изъ 25 тысячъ, годныхъ къ войнѣ, и что штабъ сихъ войскъ былъ въ Новгородѣ, а начальствовалъ ими всемогущественный Аракчеевъ... слѣдовательно г. Шницлеръ снова говоритъ о поселенномъ гренадерскомъ корпусѣ и, такимъ образомъ, силы его увеличиваетъ уже до 65 тысячъ, чего никогда не было, ибо кромѣ гренадеровъ на поселеніяхъ новгородскихъ поселено не было, сколько то извѣстно.

Кажется, ошибается Шницлеръ, говоря на стр. 6, что главная квартира 1-ой арміи, подъ командою гр. Сакена, находилась въ концѣ 1825 и въ началѣ 1826 г. въ Кіевѣ, а не въ Могилевѣ на Днѣпрѣ. Она переведена туда, сколько помнится, послѣ польской кампаніи, въ 1831 или 1832 году.

---

[1]) Сѣверъ Россіи былъ умиротворенъ.

[2]) Тамъ не забавлялись сочиненіемъ теорій, тамъ все было подготовлено къ настоящему возстанію крестьянъ и т. д.

[3]) Все было подготовлено.

Говоря, что Витгенштейнъ и Сакенъ были сдѣланы князьями (прим. на стр. 6), Шницлеръ не объясняетъ, что первый изъ нихъ получилъ не русское княжество, а пожалованъ въ это достоинство королемъ прусскимъ въ 1834 г., съ титуломъ свѣтлости и въ потомство, на что послѣдовало отъ 16 іюня высочайшее на то соизволеніе. Витгенштейнъ скончался 30 мая 1843 г., а Сакенъ 7 апрѣля 1837 года. Объ этомъ и Шницлеръ и Бантышъ-Каменскій (см. т. I и II) согласно пишутъ.

На стр. 9 Шницлеръ пишетъ, что Киселевъ, бывшій начальникъ штаба 2-ой арміи, „s'etait aperçu d'une correspondance très suivie, que les officiers entretenaient avec Pétersbourg"...[1]) и что объ этомъ Витгенштейнъ доносилъ государю, но что это оставлено безъ вниманія... Желалъ-бы знать я, какимъ образомъ г. Киселевъ могъ узнавать о перепискѣ офицеровъ съ Петербургомъ, и что̀ удивительнаго, что русскіе офицеры переписываются со столицею..., а вѣрнѣе то, что письма были изрѣдка распечатываемы... Это вѣрнѣе. Послѣ этого умѣстна похвала г. Шницлера, расточаемая г. Киселеву, котораго называетъ онъ: „un des hommes les plus intelligents et les plus progressifs, qui soient sorti des rangs de l'armée russe" [2]). Потомъ, qu'il a donné une excellente impulsion au ministère des domaines de la couronne, crée pour lui en 1838...[3]). Сдѣланное для него,—безподобное выраженіе... и какъ нечаянно и безъ умысла Шницлеръ однимъ словомъ обрисовалъ нашъ ходъ дѣлъ.

8. На стр. 17 и 18 Шницлеръ распространяется объ Иванѣ Матвѣевичѣ Муравьевѣ-Апостолѣ (бывшій посланникъ при Ганзеатическихъ городахъ, потомъ въ Испаніи, потомъ сенаторъ, а нынѣ (1847 г.) тайный совѣтникъ въ отставкѣ). Онъ разсказываетъ, какъ убитъ былъ Муравьевъ катастрофою съ его сыновьями Сергѣемъ, Матвѣемъ и Ипполитомъ, и восклицаетъ, что, увы, онъ живъ еще, но далеко отъ отечества, гдѣ не дозволено ему было-бы чтить память сыновей своихъ, подпав-

---

[1]) Замѣтилъ, что офицеры вели правильную переписку съ Петербургомъ.

[2]) Однимъ изъ наиболѣе просвѣщенныхъ и наиболѣе передовыхъ людей, вышедшихъ изъ рядовъ русской арміи.

[3]) Что онъ далъ превосходное направленіе министерству удѣловъ, созданному (сдѣланному) для него въ 1838 г.

шихъ мечу законовъ!“ Вотъ сколько фразъ à propos de bottes (ни къ селу ни къ городу). Иванъ Матвѣевичъ очень твердо, болѣе нежели твердо, перенесъ страшную потерю, и единственно по чувству оскорбленнаго самолюбія и по желанію второй жены своей (рожд. Грушецкой) оставилъ Россію и жилъ въ Италіи (преимущественно во Флоренціи) до 1845 года, когда возвратился въ Россію, и нынѣ живетъ въ Москвѣ, гдѣ уже выдалъ двухъ дочерей отъ втораго брака въ замужество. Сынъ отъ сего-же брака (о которомъ упоминаетъ Шницлеръ на стр. 35), Василій, служитъ на Кавказѣ и женился на дочери ген.-лейт. Владиміра Осиповича Гурко, бывшаго начальникомъ главнаго штаба на Кавказѣ. Ив. Матв. Муравьевъ, сколько извѣстно, не раздѣлялъ вовсе направленія сыновей своихъ, и остался, какъ былъ всегда, холодный, черство-душный ученый и эгоистъ. Онъ получалъ все время содержаніе сенатора за-границею. Какъ писатель, онъ извѣстенъ съ хорошей стороны. Его „Путешествіе по Тавридѣ“ (1823) и теперь еще лучшее о семъ краѣ сочиненіе. Шницлеръ упоминаетъ о переводѣ его „Аристофановыхъ облаковъ“, „Стансахъ“ на греческомъ языкѣ въ память императора Александра.

„D'un seul coup, dit M. Schnitzler (p. 34—35), le malhereux Mouravief-Apostol avait perdu ses trois fils aînés: il ne lui restait plus, comme il l'a dit lui même (où et quand?) dans le poétique épanchement de sa douleur, qu'à cacher sa tête sous leurs cendres. Pour une situation pareille à la sienne, la religion seule a des consolations efficaces; mais, fidèle à son culte l'antiquité, M. Mouravief chercha les siennes dans la lecture du Prométhée d'Eschyle, type des caractères, fortement trompés. Son fils Mathieu ne montra pas la même roideur; les sentiments du chrétien avaient plus de prise sur lui, que les leçons du paganisme. Il était plein de repentir. Sa lettre était touchante: il était indigne désormais, écrivait-il à l'auteur de ses jours, de l'appeler son père, mais il ne pouvait renoncer à ce doux nom, qu'il lui donnait peut-être pour la dernière fois; maintenant seulement il voyait toute la profondeur de l'abîme sur lequel il avait longtemps marché si étourdiment; il engageait son jeune frère (d'une autre mère) à profiter de la terrible leçon que lui donnaient ses aînés, et à garder une foi inviolable à son souverain“.

[Переводъ]. „Однимъ ударомъ, говоритъ Шницлеръ (стр. 34—35), несчастный Муравьевъ-Апостолъ лишился трехъ старшихъ сыновей: ему ничего не оставалось, какъ онъ самъ выразился (гдѣ и когда?) въ поэтическомъ изліяніи своего горя, какъ сокрыть главу свою подъ ихъ пепломъ. Въ подобномъ положеніи только одна религія можетъ принести дѣйствительное утѣшеніе, но Муравьевъ, вѣрный своему культу древняго міра, искалъ утѣшенія въ чтеніи Эсхилова „Прометея", представляющаго типъ мощнаго, закаленнаго характера. Сынъ его, Матвѣй, не выказалъ подобной непреклонности; чувства христіанина имѣли на него болѣе вліянія, нежели уроки, преподанные язычествомъ. Онъ былъ преисполненъ раскаянія. Его письмо было трогательно. Онъ считалъ себя отнынѣ недостойнымъ, писалъ онъ своему родителю, называть его отцомъ, но не могъ отказаться отъ этого нѣжнаго имени, коимъ онъ называлъ его, быть можетъ, послѣдній разъ; только теперь увидѣлъ онъ всю глубину той пропасти, надъ которой онъ такъ опрометчиво ходилъ столь долгое время; онъ совѣтывалъ своему младшему брату (отъ другой матери) воспользоваться страшнымъ урокомъ, который дали ему его старшіе братья, и неизмѣнно пребывать вѣрнымъ своему государю".

Все это прекрасно, если-бы было точно. Иванъ Матвѣевичъ, повторяю, не былъ сердечно пораженъ потерею сыновей, съ которыми всегда былъ суровъ и деспотъ. Видѣвъ его въ 1846 году, въ первый разъ, я пораженъ былъ какъ свѣжестью его, такъ пустотою свѣтскою и мелочностію разговора. Убитые отцы, ищущіе утѣшеній въ Прометеѣ, не таковы даже на видъ. Дочь его, Екатерина Ивановна Бибикова (супруга генералъ-маіора, бывшаго калужскаго гражданскаго губернатора), несмотря на все почтеніе къ отцу, невольно нѣсколько разъ давала мнѣ это чувствовать, qu'il manquait quelque chose à son père [1]), т. е. любви и теплоты сердечной. Она обожаетъ память братьевъ, даже до экзальтаціи. Было время, что она сходила съума и оставалась какъ-бы потерянная. Она навѣщала Сергѣя въ Петропавловской крѣпости наканунѣ его казни и провожала Матвѣя до первой или второй станціи, когда его послали съ другими (въ томъ чи-

[1]) Что ея отцу чего-то не доставало.

слѣ и Александра Бестужева) въ Финляндію на время. Сколько мнѣ помнится, Ипполитъ не былъ убитъ въ схваткѣ, какъ пишетъ Шницлеръ (стр. 33), а самъ застрѣлился, какъ писала и слѣдственная комиссія, кажется. Надобно распросить обо всемъ хорошенько Бибиковыхъ.

Иванъ Александровичъ Заборовскій.

Въ біографіи Заборовскаго, Ивана Александровича, дѣйств. тайн. сов. и сенатора (см. Словарь достоп. людей Бантыша-Каменскаго, т. II, 434 — 472), любопытно извѣстіе, если оно справедливо, что 14-го февраля 1788 г. назначенъ онъ былъ изъ ярославскаго и костромскаго генералъ-губернатора командиромъ сухопутныхъ войскъ, долженствовавшихъ участвовать въ Архипелагской экспедиціи, которая, впрочемъ, не состоялась по случаю войны съ Швеціею. Впрочемъ, Заборовскій выступалъ въ походъ съ ввѣренными ему полками сухимъ путемъ, чрезъ Италію. Неизвѣстно до какихъ мѣстъ дошелъ онъ. Въ 1789 году онъ числился еще въ откомандировкѣ по 19 іюня. Тогда получена имъ просьба отъ одного иностраннаго поручика, желавшаго поступить въ русскую службу тѣмъ же чиномъ. Нашъ генералъ не изъявилъ своего согласія. Этотъ офицеръ былъ Наполеонъ!..

„Тутъ видно дѣйствіе особаго опредѣленія высшаго Промысла", говорилъ потомъ Заборовскій Иванчину-Писареву, автору „Спасо-Андрониковъ монастырь" (изд. 1842 г., стр. 101), ибо повелѣніе не принимать иностранцевъ тѣмъ-же чиномъ поступило въ армію за день или два до вызова Бонапарте служить въ его корпусѣ". Горестно вспоминалъ о семъ, будучи свидѣтелемъ гибели Москвы въ 1812 г., гдѣ и скончался въ 1817 г. 17-го сентября и похороненъ въ Андроньевскомъ монастырѣ. О немъ Екатерина II отзывалась, что „онъ ближе всѣхъ подходилъ къ Константинополю". Онъ въ 1774 году проникалъ до Шумлы и Челькавака, а при заключеніи и праздновані Кучукъ-Кайнарджійскаго мира (10 іюля 1774 г.) получилъ кромѣ Георгія 3 класса золотую шпагу, алмазами украшенную, съ надписью: „за знаменитое, удачное (!) предпріятіе за Балканскими

горами". Вотъ, можетъ быть, гдѣ нужно искать зародышъ мысли дать Дибичу титулъ Забалканскаго.

Что касается до Наполеона, то при нашемъ только равнодушіи и сонливости можетъ оставаться неразрѣшеннымъ любопытнѣйшій фактъ современной исторіи, который, еслибъ о немъ знали, подалъ-бы поводъ къ написанію цѣлыхъ томовъ разысканій и коментаріевъ. Есть-ли объ этомъ что у Мишо, Абрантесъ, Жомини, В. Скотта, Биньона, Сентъ-Илера, Норвена, Капефига, Бурьена, Ла-Каза, Тьерра, Лефевра и пр.? Что говорятъ Данилевскій, Бутурлинъ, Лабомъ?

Платонъ Александровичъ Зубовъ.

Изъ біографіи Зубова, Платона Александровича, (Словарь Бант.-Кам., т. II, стр. 17—21), видимъ, что, на 22 году, кавалерственная дама Анна Никитична Нарышкина приняла его подъ свое покровительство, и, пользуясь особенною довѣренностью императрицы, видно, рекомендовала его ей. Какъ-бы то ни было, но только 24 іюня получилъ онъ отъ императрицы десять тысячъ руб. и перстень съ портретомъ; 4 іюля произведенъ изъ секундъ-ротмистровъ въ полковники и въ флигель-адъютанты; 3 октября въ генералъ-маіоры и корнеты кавалергардскаго корпуса; въ 1790 г. получилъ обѣ польскія ленты, св. Анны и Александра Невскаго; въ 1792 г. пожалованъ генералъ-поручикомъ и генералъ-адъютантомъ; въ 1793 г. шефомъ кавалергардскаго корпуса, графомъ Римской имперіи, портретъ государыни и орденъ св. Андрея, осыпанный бриллiантами; на 26 году отъ рожденія—званіе ген.-губернатора екатеринославскаго, вознесенскаго и таврическаго, шефа кадетскаго корпуса, чинъ генералъ-фельдцейхмейстера и въ 1795 г. орденъ св. Владиміра 1-й ст., прусскіе—Чернаго и Краснаго Орла. Предъ кончиною императрицы онъ получилъ достоинство свѣтлѣйшаго князя Римской имперіи. Императоръ Павелъ оставилъ князя Зубова при занимаемыхъ имъ должностяхъ; пожаловалъ 26 ноября 1796 г. инспекторомъ по артиллеріи; но 6 декабря велѣлъ ему имѣть пребываніе въ литовскихъ деревняхъ. Послѣ Зубовъ жилъ въ чужихъ краяхъ по 1800 г. и съ 1802 по 1812. Умеръ 7 апр. 1822 г. на 55 году.

Два замѣчанія Бантыша-Каменскаго мнѣ кажутся ошибочными: а) что императоръ Александръ по вступленіи своемъ на престолъ пожаловалъ Зубова членомъ государственнаго совѣта... какой-же былъ тогда совѣтъ, когда онъ учрежденъ только въ 1810 г.? Развѣ кабинетный, тайный? б) что Зубовъ ознаменовалъ себя основаніемъ Одессы, когда извѣстно, что основатель ея былъ адмиралъ Рибасъ, въ честь котораго тамъ есть и улица Де-Рибасовская.

5 іюля 1789 г. Зубовъ, вѣроятно за протекцію, подарилъ Аннѣ Никитичнѣ Нарышкиной, рожденной Румянцевой, супругѣ оберъ-шенка Александра Александровича Нарышкина, часы въ двадцать тысячъ руб. (см. Записки Храповицкаго). Этой-же самой Нарышкиной императоръ Александръ I писалъ въ 1812 или 1813 г. письмо, въ которомъ просилъ ее о сохраненіи Тарутинскихъ батарей на память потомству. Тарутино принадлежало ей и послѣ перешло къ гр. Сергѣю Петровичу Румянцеву, который уволилъ крестьянъ въ 1827 году въ вольные хлѣбопашцы съ тѣмъ, чтобы они воздвигли и поддерживали памятникъ на мѣстѣ сраженія, что ими и исполнено, хотя и въ незавидномъ видѣ. Вотъ странное сближеніе разнородныхъ воспоминаній. Du sublime au ridicul il n'y a qu'un pas... (см. опис. происш. въ Калуж. губ. 1813 г. Зельницкаго).

Хорошо Павелъ отозвался о Зубовѣ, въ приказѣ своемъ, 1800 года кажется, по случаю перевода Шепелева, Дмитрія Дмитріевича, изъ Преображенскаго полка въ армію. Помню слѣдующія слова: „поручикъ Шепелевъ въ Шлиссельбургскій пѣхотный (полкъ?) за лѣнь и нерадѣніе къ службѣ, къ чему онъ привыкъ при князьяхъ Зубовѣ и Потемкинѣ, когда, вмѣсто службы, упражнялись въ передних и въ пляскѣ". Voilà, dans deux mots, tout un règne condamné [1]). Любопытны эти приказы— вся исторія этого царствованія!

Бантышъ-Каменскій, по обыкновенію своему, не забылъ, говоря о кн. Зубовѣ, добавить, что онъ былъ роста средняго, плечистъ, видъ мужественный, черты имѣлъ правильныя, и въ особенности отличался прелестнымъ голосомъ (пѣлъ онъ, что-ли?) и черными огненными глазами, которые придавали лицу его

---

[1]) Вотъ, двумя словами осуждено цѣлое царствованіе.

удивительный блескъ (!!). Описаніе примѣтъ такого человѣка, какъ Зубовъ, по крайней мѣрѣ, умѣстно, даже необходимо, для того чтобы необычайное его возвышеніе было понятно. Жаль, что эти примѣты не совсѣмъ полны. Разсказываютъ (много про) Потемкина, гордившагося своими атлетическими формами... то былъ вѣкъ богатырей...

Графъ Николай Михайловичъ Каменскій.

Въ біографіи Каменскаго, графа Николая Михайловича, (Слов. Бант.-Кам., т. II), генерала-отъ-инфантеріи, замѣчательно извѣстіе, что въ 1808 году, во время отсутствія императора Александра за-границу въ Эрфуртъ, комитетъ министровъ именемъ его вел. приказалъ главнокомандующему гр. Буксгевдену разрушить перемиріе со Швеціею, и на донесеніе его о причинахъ, къ тому побудившихъ, 7-го октября повторено повелѣніе. Еще важенъ фактъ, что въ Турецкую войну 1810 года, послѣ неудачнаго приступа къ Рущуку (22 іюля) и ужаснаго урока, Каменскій доносилъ государю, что „нижніе чины не исполнили приказаній его, и что, лишившись довѣрія войска, онъ испрашиваетъ увольненія отъ командованія Молдавскою арміею". Государь, утѣшая его и давая наставленія, приказывалъ, между прочимъ, дорожа честью своей арміи, донести подробно о причинахъ неудовольствія его на войска. Въ отвѣтѣ главнокомандующій испрашивалъ, какъ милости, предать все случившееся и его жалобы глубокому забвенію и пр. Что̀ еслибъ было сдѣлано въ наше время (1847 г.) подобное донесеніе?

Афоризмъ Боало.

Прочиталъ въ „Литературной Газетѣ" (1847 г. 11 сентября), въ смѣси, чье-то открытіе: извѣстный афоризмъ: tous les genres sont bons hors celui qui est ennuyeux"..., доселѣ приписываемый Боало, въ его „L'art poétique", будто-бы вовсе не его, а Вольтера, и въ первый разъ появился въ предисловіи его къ „Нанинѣ" (?), и не въ видѣ стиха, а съ смиренной прозѣ, изъ которой случай сдѣлалъ стихъ... Увижу, что̀ скажетъ мой поклонникъ и близкій знакомецъ Вольтера.

Василій Васильевичъ Капнистъ.

Біографія Капниста, Василія Васильевича (Словарь достоп. людей русской земли Бант.-Каменскаго, т. II, стр. 53 — 90). Ода его „На рабство“ напечатана въ лирическихъ сочиненіяхъ, изд. въ Петерб. 1806 г. и посвященныхъ государю. Цѣль его клонилась, кажется, къ возстановленію гетманскаго правленія въ Малороссіи, которой онъ былъ уроженцемъ. Она писана при Екатеринѣ II.

Капнистомъ переведена и представлена на петербургскомъ театрѣ комедія Мольера въ стихахъ „Зганарель“ (Sganarel). Забавнымъ называетъ Бантышъ-Каменскій слѣдующій анекдотъ, случившійся съ Капнистомъ. Это было въ царствованіе Павла I.

Однажды въ высокоторжественный день Капнистъ, жившій въ Петербургѣ, отправился въ каретѣ къ своему свояку[1]), государственному казначею Державину, пользуясь правомъ родства, не въ бѣломъ нижнемъ платьѣ. Вдругъ карета остановилась и лакей объявилъ, что ѣдетъ императоръ. Что̀ было дѣлать и какъ явиться на глаза Павла I, строгаго блюстителя порядка, въ неприличной одеждѣ? Капнистъ хватился за умъ и прежде нежели государь подъѣхалъ къ нему, онъ выпрыгнулъ на улицу, нагнулся донельзя такъ, что длинная его коса лежала на мостовой, а шпага торчала кверху, замѣняя собою туловище (?), и огромною шляпою закрылъ черные свои панталоны до самыхъ ботфортъ. Въ этомъ положеніи остался онъ неподвижнымъ. Между тѣмъ, топотъ лошадиный возвѣстилъ о приближеніи императора и его свиты. „Что это за дуракъ?“ произнесъ государь со смѣхомъ, остановя свою лошадь. Капнистъ не шевелился. Тогда подъѣхалъ къ нему флигель-адъютантъ, и чтобы получить отъ него отвѣтъ, нагнулся, долго вслушивался, наконецъ, узнавъ съ кѣмъ говоритъ, донесъ его величеству о фамиліи невидимки. Хохотъ возобновился, и успокоенный стихотворецъ, къ довершенію радости, услышалъ, что императоръ удаляется отъ него, но, со всѣмъ тѣмъ, долго оставался еще согнутымъ дугою, не довѣряя слуху; потомъ медленно

---

[1]) Капнистъ былъ женатъ на Александрѣ, а Державинъ на Дарьѣ Алексѣевнѣ Дьяковыхъ, дочеряхъ ст. совѣт. Дьякова. Авт.

началъ подымать голову, осматриваясь во всѣ стороны, и, удостовѣрившись, что никого не было подлѣ него, бросился въ карету, приказавъ везти себя въ свою квартиру.

Анекдотъ этотъ переданъ самимъ Капнистомъ автору, —скромность или убѣжденіе непостижимыя въ стихотворцѣ, писавшемъ оды на рабство и ябеду, имъ посвященныя Павлу I, дѣлавшему все, что возможно къ униженію общественной независимости и общественнаго мнѣнія, безъ котораго никакія комедіи не истребятъ зла и лихоимства. Какое поле для будущихъ историковъ! Сколько противорѣчій въ жизни этого государя, какое смѣшеніе добра и зла! Одинъ и тотъ-же человѣкъ отдаетъ шпагу Костюшко и не обязываетъ его даже клятвою не служить отечеству его; возвращаетъ свободу Нѣмцевичу (см. его Rélation de son emprisonnement en Russie 1844) и Новикову, запертому въ Шлиссельбургѣ либеральною Екатериною, другомъ Вольтера и Дидро,—онъ-же ссылаетъ Коцебу, тогда еще не замаравшаго себя гласно, но въ которомъ Павелъ, можетъ быть, видѣлъ будущаго предателя и Іуду наемщика; сѣчетъ кнутомъ несчастнаго князя Сибирскаго и tant d'autres; хочетъ идти на единоборство съ государями, послѣ-же, когда датскій посолъ разгласилъ объ этомъ и появилась статья въ лондонскихъ газетахъ, то велѣлъ посольству выѣхать, а за посломъ посылалъ въ погоню, но не нагнали (см. „С.-Петерб. Вѣдомости“ 1801 года)... сколько необыкновенныхъ и странныхъ событій!

Покойный генералъ-маіоръ Алексѣй Даниловичъ Копьевъ (авторъ какой-то комедіи) [1]..... былъ извѣстенъ какъ вольнодумецъ и фрондёръ по его исторіи съ с.-петербургскимъ оберъполицеймейстеромъ Чулковымъ, къ которому онъ адресовалъ извѣстное двустишіе:

„Отецъ твой былъ чулокъ, а мать твоя тряпица,
А самъ ты что̀ за птица“.

Онъ за это былъ переведенъ изъ гвардіи въ Финляндію, гдѣ имѣлъ дуэль съ кн. Долгоруковымъ. Онъ-же явился на парадъ въ чудовищно-преувеличенномъ нарядѣ, съ огромными ботфортами, эспадрономъ и перчатками. Это, кажется, его привело едва-ли не въ солдаты. Словомъ, антеседаны, какъ говорится, были прекрасные....

...Терпимость и презрѣніе къ сумасбродству, къ сожалѣнію, не имѣютъ послѣдователей въ нашихъ государственныхъ сановникахъ. Въ началѣ 1843 года, пьяный малороссіянинъ Новоузен-

[1]) „Лебядинская ярмарка“; онъ-же написалъ комедію: „Что твое — того намъ не надо“.

скаго уѣзда (Саратовской губерніи), при крестьянахъ на улицѣ отвѣчалъ сборщику податей, требовавшему отъ него уплаты именемъ царскимъ: „чтобы ему такъ царить, какъ намъ платить подати!“ Необдуманное и глупое слово передано было земской полиціи, которая увидѣла въ немъ оскорбленіе величества, старинное слово и дѣло!.. Началось формальное слѣдствіе и губернатору донесено какъ о чрезвычайномъ происшествіи... Крестьянинъ закованъ въ цѣпи... Губернаторъ, пропитанный европейскими идеями, чиновникъ идеологъ. (А. М. Фадѣевъ) счелъ себя обязаннымъ донести министру госуд. имуществъ, человѣку „преуспѣянія“, какъ назвалъ его Шницлеръ, гр. Киселеву, излагая свое мнѣніе, что не лучше-ли подвергнуть мужика исправительному при сходкѣ наказанію и прекратить слѣдствіе, которое, по нашимъ законамъ, виновнаго въ подобномъ дѣлѣ вело прямо въ каторжныя работы... Гр. Киселевъ, дѣйствительно, на этотъ разъ проникнутый состраданіемъ и дальновидною снисходительностію, отнесся о семъ къ министру юстиціи гр. Панину, который самъ уже отвѣчалъ губернатору въ самыхъ сухихъ выраженіяхъ, что губернаторъ забылъ существующія узаконенія, по которымъ слѣдуетъ дѣло вести установленнымъ порядкомъ до государственнаго совѣта, и что онъ одинъ, т. е. государственный совѣтъ, можетъ этотъ случай повергнуть на милосердіе государя... Вотъ каково противорѣчіе законовъ съ духомъ времени и характеромъ самого главы государства и ихъ провозгласителя... а Сводъ законовъ былъ пересмотрѣнъ въ 1835 и 1842 гг. Не знаю, чѣмъ кончили судъ и участь бѣднаго пьяницы-болтуна, но вѣрно то, что года полтора или два онъ просидѣлъ въ тюрьмѣ и, вѣроятно, состояніе его уничтожилось въ судебныхъ мытарствахъ; а можетъ быть еще и томится (1847 г.) на вѣкъ въ рудникахъ, если дѣло не представлено, какъ надобно, государю Николаю Павловичу.

Фрагментъ для будущей біографо-библіографической статьи объ А. С. Грибоѣдовѣ [1].

1831 года, сентября 27-го дня, пермской межевой конторы въ журналѣ записано:

Сего числа прикомандированный къ присутствію за третьяго члена старшій землемѣръ Мельниковъ объявилъ, что онъ вчерашняго числа попо-

[1]) Весь этотъ „Фрагментъ“ представляетъ дословное повтореніе того, что уже было однажды напечатано на страницахъ „Русской Старины“ по другому списку, подъ заглавіемъ „Горе съ Горемъ отъ Ума“ (см. „Русск. Стар.“, изд. 1874 г., т. IX, стр. 197—200), но мы сохранили этотъ документъ и здѣсь, такъ какъ онъ вызываетъ у составителя настоящихъ записокъ нѣкоторыя интересныя размышленія. Ред.

лудни въ половинѣ втораго часа, выходя изъ присутствія сей конторы и встрѣтивши землемѣра Иванова, спросилъ: „есть-ли кто изъ служащихъ чиновъ въ чертежной при должности“, на каковое Ивановъ отвѣтствовалъ, что изъ чертежной всѣ вышли, но какъ они должны были сидѣть до 2-хъ часовъ, то онъ въ семъ усумнившись, желая удостовѣриться лично, зашелъ обще съ землемѣромъ Ивановымъ въ чертежную и, подойдя къ столу директорскому, усмотрѣли на столѣ лежащіе на двухъ листахъ, написанные собственной землемѣра Кудрявцева руки, какіе-то стихи; но какъ по содержанію ихъ можно почесть даже и за пасквиль, а если и не таковыми, то по-крайней мѣрѣ сіи партикулярныя безполезныя бумаги при должности писать или ихъ въ присутственномъ мѣстѣ оставлять законами воспрещено. Вслѣдствіе онаго, означенныя бумаги, давъ подписать дежурному Яковлеву и дневальному Михайлову, нынѣ въ оригиналѣ конторѣ представилъ и просилъ взять какъ поступокъ землемѣра Кудрявцева, равно и смыслъ сочиненныхъ имъ стиховъ, въ разсмотрѣніе; ибо они, по мнѣнію его, въ законопротивномъ духѣ писаны на нѣкоторыя государственныя заведенія и составляютъ упрекъ педагогическому институту. Изъ листовъ-же, взятыхъ имъ, Мельниковымъ, въ чертежной, на директорскомъ столѣ, писанныхъ рукою Кудрявцева, видно: Фамусовъ. Ну, вотъ великая бѣда, что выпьетъ лишнее мущина! Ученье—вотъ чума, ученость—вотъ причина, что нынче пуще, чѣмъ когда, безумныхъ развелось людей и дѣлъ, и мнѣній. Хлестова. И впрямь съ ума сойдешь отъ этихъ отъ однихъ отъ пансіоновъ, школъ, лицеевъ,—какъ бишь ихъ?—Да, отъ ландкарточныхъ взаимныхъ обученій. Княгиня. Нѣтъ-съ! Въ Петербургѣ институтъ, педагогическій, такъ, кажется, зовутъ; тамъ—упражняются въ расколахъ и безвѣрьи — профессора! у нихъ учился нашъ родня, и вышелъ хоть сейчасъ въ аптеку въ подмастерье; отъ женщинъ бѣгаетъ и даже.... отъ меня. Чиновъ не хочетъ знать! Онъ химикъ, онъ ботаникъ.... князь Ѳедоръ, мой племянникъ! Скалозубъ. Я васъ обрадую: всеобщая молва.... что есть проектъ на счетъ лицеевъ, школъ, гимназій. Тамъ будутъ лишь учить по нашему: разъ! два! — а книги сохранятъ, такъ, для большихъ оказій. Фамусовъ. Сергѣй Сергѣичъ, нѣтъ, ужъ коли зло пресѣчь, забрать всѣ книги-бы, да сжечь! Загорѣцкій. Нѣтъ-съ, книги книгамъ рознь, а еслибъ, между нами, былъ цензоромъ назначенъ я, на басни-бы налегъ; охъ басни, смерть моя! Насмѣшки вѣчныя надъ львами, надъ орлами; кто что ни говори, хоть и животныя, а все-таки цари! Хлестова. Отцы мои! ужъ кто въ умѣ разстроенъ, такъ все равно: отъ книгъ-ли, отъ питья-ль, а Чацкаго мнѣ жаль.... по христіански, такъ онъ жалости достоинъ.... былъ острый человѣкъ, имѣлъ душъ сотни три. Фамусовъ. Четыре! Хлестова. Три, сударь! Фамусовъ. Четыреста! Хлестова. Нѣтъ, триста! Фамусовъ. Въ моемъ календарѣ! Хлестова. Всѣ врутъ календари!

Приказали: Предписать землемѣру Кудрявцеву указомъ и велѣть подать въ сію контору, не продолжая болѣе одного дня, объясненіе: 1) Въ какомъ смыслѣ опредѣляетъ онъ, будто-бы ученіе есть чума и причина, что „нынче, пуще, чѣмъ когда, безумныхъ развелось людей и дѣлъ, и мнѣній“, и изъ какихъ именно событіевъ, дѣлъ и мнѣніевъ онъ то заключаетъ. 2) Почему онъ себѣ дозволилъ, вопреки мудрому распоряженію правительства и всѣхъ здравомыслящихъ людей, увѣрять, что якобы „и впрямь съ ума сойдешь отъ этихъ отъ однихъ пансіоновъ, школъ, лицеевъ“, ибо всѣми благонамѣренными людьми утверждено, что они есть разсадникъ образованія, ума и нравственности, какъ и ландкарточное обученіе, благодѣтельное занятіе упражняющихся въ географіи и прочихъ теоретическихъ наукахъ, служащихъ къ счастію благоучрежденнаго государства. 3) Кто его увѣрилъ, или съ какого поводу онъ дерзнулъ написать, что въ педагогическомъ с.-петербургскомъ институтѣ „упражняются въ расколахъ и безвѣріи профессора“ и говорить

это тогда, когда не безъизвѣстно ему, что въ педагогическомъ институтѣ воспитывались начальники его: первый членъ Прутковскій и второй Корбелецкій, и на какую онъ родню указываетъ, что, будто-бы, вышедъ изъ онаго, можетъ быть подмастерьемъ въ аптекѣ, ибо въ оный институтъ поступаютъ только для окончанія высшихъ наукъ и, слѣдовательно, таковымъ его выраженіемъ на чье лице дѣлаетъ пасквильное порицаніе. 4) Въ семъ смыслѣ наводитъ сомнѣніе и дальнѣйшее его описаніе, чего ради обязанъ онъ неоспоримыми доводами объяснить: а) гдѣ и какъ дошла до него всеобщая молва о таковомъ всеобщемъ разрушеніи учебныхъ заведеній, какъ онъ пишетъ, что есть проектъ на счетъ лицеевъ, школъ, гимназій, тамъ будутъ лишь учить по нашему: разъ, два: „а книги сохранятъ такъ, для большихъ оказій". При томъ объяснить, какой въ себѣ смыслъ заключаетъ выраженіе: „по нашему: разъ, два". b) Какое онъ разумѣетъ зло, для пресѣченія коего потребно: „забрать всѣ книги-бы, да сжечь!" с) Съ какимъ намѣреніемъ онъ вложилъ въ уста нареченнаго имъ Загорѣцкаго, что если-бы: „былъ цензоромъ назначенъ онъ, на басни-бы налегъ", будто-бы „басни смерть его", ибо, якобы, „насмѣшки вѣчныя надъ львами, надъ орлами, какъ что ни говори, они хотя животныя, а все-таки цари" и проч. изражаемое чрезъ посредницу его, наименованную имъ Хлестову. 5) Чѣмъ онъ руководствовался при должности писать стихи, что доказывается тѣмъ, ибо они еще не окончены, и для чего онъ то свое сочиненіе оставилъ при должности, не съ тѣмъ-ли намѣреніемъ, дабы внушить прочимъ его сослуживцамъ? (Подлинная статья, за подписаніемъ гг. присутствующихъ: перваго члена коллежскаго совѣтника и кавалера Прутковскаго, прикомандированныхъ къ присутствію старшихъ землемѣровъ титулярныхъ совѣтниковъ: Козлова и Мельникова; за скрѣпою въ должности секретаря протоколиста Силенскаго. Подъ тою-же статьею правящимъ должность прокурора третьимъ членомъ титулярнымъ совѣтникомъ Азбукинымъ написано такъ: Читалъ 2-го октября 1831 г.).

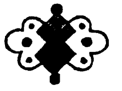
Исторія эта не требуетъ коментаріевъ. Она можетъ назваться обыкновенною — у насъ. Въ ней все заключается: невѣжество, татарское ухищреніе, низость, личность, жалкое состояніе чиновниковъ, вредоносное начало зависимости не отъ дѣлъ, а отъ лицъ, отсутствіе всякаго достоинства и уваженіе къ личности человѣка. Картина жалкая и отвратительная нашихъ административныхъ нравовъ (1847 г.), изъ которыхъ нѣкоторые оптимисты не велятъ намъ даже писать романовъ и комедій. Они бросали за это грязью въ Гоголя за его „Ревизора" и „Мертвыя Души", какъ будто у насъ что-нибудь есть выше и превосходнѣе послѣ безсмертной комедіи Грибоѣдова, которую человѣкъ съ чувствомъ, по словамъ А. А. Бестужева („Полярная Звѣзда" 1825 г.), не прочтетъ не насмѣявшись и не наплакавшись... Я самъ плакалъ надъ „Мертвыми Душами"... Послѣдняя его книга „Переписка съ друзьями" ввела уже многихъ въ сомнѣніе, но мнѣ кажется она ничего другаго не доказываетъ,

какъ слабость и сомнѣніе человѣка, ужаснувшагося собственныхъ нанесенныхъ ударовъ, и который чувствуетъ и сознаетъ ихъ силу. Ему жаль стало имъ пораженнаго, и онъ со страхомъ и тоскою нынѣшняго скептицизма нагнулся надъ лежащимъ и спрашиваетъ: „что-же, убитъ?“ Вопросъ и страхъ понятный въ человѣкѣ, который видитъ, что некому и нечѣмъ еще замѣнить сверженное и поруганное, некому наполнить страшной пустоты, сдѣланной имъ въ обществѣ. И намъ не велятъ (1847 г.) касаться административной стороны нашего общества! Какъ-будто у насъ существуютъ другіе какіе-либо нравы и стремленія? Какъ-будто вся наша земля не есть одна безмѣрная канцелярія, въ которой мы всѣ сидимъ по мѣстамъ и пишемъ съ утра до вечера? Кто изъ насъ не есть, не былъ, не будетъ чиновникомъ? Какъ будто наше дворянство, наша называемая аристократія не суть чиновники? Какъ будто изъ купцовъ, мѣщанъ и крестьянъ не надѣлали чиновниковъ? Конечно, вездѣ члены общества несутъ общественныя обязанности, служатъ обществу. Но вездѣ знаютъ чему и кому служатъ; никто нейдетъ противъ своего убѣжденія, и можетъ при малѣйшемъ сомнѣніи о песовмѣстимости его обязанностей службы съ долгомъ чести, истины, совѣсти, убѣжденій и даже наклонностей,— освободить себя отъ службы. Одна только опасность отечества—не требуетъ разсужденій. „Une fois un coup de canon tiré, говорилъ въ 1840 году Ламартинъ, un bon citoyen ne demande plus pourquoi, mais contre qui, il combat; quand on n'a pas pu éclairer sa patrie, on marche avec elle même à l'abime!“ [1]). Мы-же во времена мира живемъ какъ-бы въ ожиданіи нашествія, какъ на станціи безъ оконъ и занесенной снѣгомъ, по выраженію Гоголя въ посл дней его книгѣ. Горькая и грустная сатира и тутъ не могла не просвѣчивать, даже въ этомъ сочиненіи, названномъ врагами и неловкими его защитниками отреченіемъ, раскаяніемъ... Мы всѣ суетимся и служимъ, не зная сами для чего и для кого, ибо всѣ и неумолкаемо повторяемъ, что служба наша и хлопоты только наносятъ вредъ...

---

[1]) Когда раздается первый выстрѣлъ орудія, говорилъ въ 1840 г. Ламартинъ, хорошій гражданинъ не спрашиваетъ болѣе, почему онъ сражается, но съ кѣмъ; ежели не удалось просвѣтить отечество, то слѣдуетъ идти съ нимъ даже на погибель!

И дѣйствительно, если разсмотрѣть пристально, будто служба и чиновники и администрація (1847 г.) подвинули насъ на пути преуспѣянія? Насъ привело ко всему, что есть у насъ хорошаго и благаго — образованіе западное, европейское, противъ котораго всѣми силами кричатъ и вопіютъ и отпихиваются министры наши (1847 г.),—по крайней мѣрѣ на словахъ, если не дѣломъ. Насъ привело къ успѣху смягченіе нравовъ отъ сношеній съ иностранцами; насъ привело къ успѣху улучшеніе путей сообщенія въ подражаніе иностранному, промышленность развилась, фабрики и заводы улучшились и процвѣли отъ усилившейся во всѣхъ классахъ потребности къ удобствамъ и пріятностямъ жизни, тогда какъ прежде умѣли довольствоваться однимъ необходимымъ; письменность наша развернулась отъ необходимости движенія умственнаго и размѣна мыслей и мнѣній. Какую-же во всемъ этомъ играла роль наша администрація? Я согласенъ уступить ей заслугу въ устройствѣ нѣкоторыхъ мостовъ, ибо самыя шоссе довольно непрочны и плохи. Мосты, правда, построили иностранцы: Бетанкуръ, Дестремъ и пр. Торговля обязана, можетъ быть, нѣсколько запретительной системѣ и тарифамъ Канкрина. Но дальше, дальше—что-же мы находимъ кромѣ стѣсненій, противорѣчій, насильствъ, пустыхъ формъ и разноглагольствія? О судебной части говорить нечего. Конечно, я не отвергаю великой заслуги Сперанскаго и Блудова въ собраніи во-едино нашего хаоса законовъ и приведеніи ихъ въ нѣкоторую извѣстность. Но сущность, сущность много-ли и что выиграла? Развѣ чудовищные, варварскіе законы не остались и не вопіютъ вседневно о нашемъ дикомъ состояніи нравовъ и общественности [1]). Развѣ не осталась прежняя темнота, двусмысленность, недоконченность, путанница, многосложность, формализмъ, конечно, можетъ быть, полезный, какъ косвенный налогъ за гербовую бумагу отъ просителей? Развѣ уголовные законы не также кровожадны, не также пристрастны и притязательны къ низшимъ классамъ, которыхъ думаютъ исправить свирѣпостью?



---

[1]) Не слѣдуетъ забывать, что все это писано въ 1847 г., до введенія великихъ реформъ царствованія Александра II, положившихъ начало новому строю общественной и политической жизни Россіи. Ред.

Народное стихотвореніе.

19-го сентября 1847 г. Сегодня продиктованы мнѣ стихи, замѣчательные народностью и точностью выраженій:

„Нынче время не Петрово:
Адмиральскій часъ пробьетъ—
Намъ въ австеріи хмѣльнова
Русскій царь не поднесетъ;
Въ гробѣ спитъ Петръ Алексѣичъ...
А при преемникѣ его...
Лупятъ съ насъ за ерофеичъ—
Шесть цѣлковыхъ за ведро!“

Чиновничество.—Административные нравы.

Снова обращаюсь къ чиновникамъ и административнымъ нравамъ. Сколько комедій, даже драмъ, можно было-бы извлечь человѣку съ дарованіемъ изъ частныхъ случаевъ, происходившихъ въ этомъ классѣ, составляющемъ, какъ я сказалъ уже выше, преобладающее сословіе наше. Мы самостоятельны и оригинальны только въ нашихъ административныхъ нравахъ. Ничего подобнаго, конечно, не встрѣтимъ ни въ Европѣ, ни въ Азіи, откуда многое нами занесено или наслѣдовано. Нравы нашего, такъ называемаго, высшаго общества, не иное что, какъ ученическая копія оригинальной картины, и если иногда пробивается манера, ученику собственно принадлежащая, то это исключеніе, и потомъ надобно большую сметливость и проницательность, чтобы отличить эти самобытныя черты, драгоцѣнныя для высокой комедіи и антропологіи и физіологіи вообще. Но въ нравахъ и событіяхъ чиновническаго круга все самобытно сверху до низу.

Если-бы я вздумалъ писать обо всемъ видѣнномъ и слышанномъ, то не достало-бы книгъ для помѣщенія. Упомяну кратко о нихъ:

1) Исторія Николая Ивановича Кривцева, бывшаго губернаторомъ въ Воронежѣ, гдѣ члены губернскаго правленія составили журналъ о его сумасшествіи, за что онъ былъ переведенъ въ Тулу, а они отставлены.

2) Исторія въ 1838 году въ Калугѣ помѣщика С. С. Хлюстина съ бывшимъ прокуроромъ Христіановичемъ (нынѣ, въ 1847 году, исправляющій должность оберъ-прокурора въ 7-мъ департаментѣ сената), къ которому онъ писалъ пасквильное, многими читанное, письмо, симъ послѣднимъ полученное съ такимъ отвѣтомъ человѣку: „кланяйся и доложи, что самъ увижусь съ нимъ".

Въ письмѣ онъ просто звалъ его взяточникомъ и мошенникомъ.

3) Собственная моя исторія въ октябрѣ 1837 года, съ засѣдателемъ калужской гражданской палаты Бѣгичевымъ, къ которому я писалъ письмо съ упреками за подлость въ одномъ сужденномъ нами дѣлѣ. Письмо это онъ предъявилъ къ губернатору (Н. В. Жуковскому[1]), нынѣ, въ 1847 г., с.-петербургскому гражданскому губернатору), какъ заключавшее вызовъ на дуэль, а прокуроръ, все тотъ-же Христіановичъ, требовалъ въ гражданской палатѣ о составленіи журнала насчетъ заявленія ему Бѣгичевымъ, „что жизнь его въ опасности". Вся эта исторія, несмотря на окончаніе миромъ, при посредствѣ губернскаго предводителя Омельяненко, была доведена до свѣдѣнія министра внутреннихъ дѣлъ, а жандармскимъ подполковникомъ Неклюдовымъ (нынѣ, 1847 г., уже умершимъ) къ гр. Бенкендорфу, отъ которыхъ передано въ министерство юстиціи. Кончилось тѣмъ, что бывшій министръ юстиціи Дашковъ предписалъ губернатору объявить мнѣ, „чтобы я избѣгалъ личностей по службѣ" и велѣлъ стараться утвердить связь между двумя чиновниками, равно полезными для службы. Grand merci... не поздоровится отъ этакихъ похвалъ... и замѣтьте, что чиновниками названы выбранные дворяне!

4) Доносъ того-же Неклюдова на меня, С. С. Хлюстина,

---

[1]) Онъ, говорятъ, служа засѣдателемъ земскаго суда въ Оренбургской губерніи, былъ наказанъ розгами однимъ ремонтеромъ за неисправность моста, на которомъ лошади, провалясь, переломали себѣ ноги. Жена его, говорятъ, была дружна съ В. А. Перовскимъ, бывшимъ оренбургскимъ генералъ-губернаторомъ, извѣстнымъ сатрапомъ и предводителемъ знаменитой хивинской экспедиціи въ 1840 году. О немъ-то великій князь Михаилъ Павловичъ, читая донесеніе его къ государю, писанное карандашемъ, по случаю жестокаго холода, заморозившаго будто-бы чернила, сказалъ каламбуръ „le général a jeté l'ancre". Авт.

С. П. Убри, С. Ю. Нелединскаго-Мелецкаго и др. въ концѣ 1838 года или началѣ 1839, въ томъ, что на обѣдѣ нашемъ, данномъ по подпискѣ въ клубѣ (и къ которому не сочли его нужнымъ пригласить) былъ провозглашенъ тостъ: „за благоденствіе Россіи", а не государя. Впрочемъ, кажется, ему за это присланъ носъ.

5) Донесеніе какого-то земскаго суда калужскому губернатору Бибикову въ 1832 году, съ испрашиваніемъ разрѣшенія: какъ поступить съ пивомъ, въ которомъ утонулъ 2-хъ-лѣтній сынъ содержателя постоялаго двора, и съ быками, откармливавшимися тѣмъ пивомъ? Отвѣтъ Бибикова достоинъ лаконизмомъ своимъ Суворова и долженъ уцѣлѣть для потомства: „быки выпили пиво; быковъ съѣдятъ люди, а людей съѣдятъ черви,—подтвердить земскому суду строжайше не осмѣливаться утруждать начальство подобными представленіями".

6) Доносъ новоузенскаго стряпчаго (Саратовской губерніи) на непремѣннаго члена земскаго суда Попова, въ томъ, что онъ не бываетъ въ царскіе дни у молебновъ въ соборѣ. Губернское правленіе потребовало отъ него объясненія. Онъ написалъ, что иногда не бываетъ за недосугомъ, а больше придерживаясь словъ св. писанія, которое гласитъ: „аще хощеши помолитися Господу Богу твоему, вниди въ клѣть твою". Губернское правленіе заключило изъ отвѣта, что Поповъ зараженъ духомъ раскола, и, въ отвращеніе вредныхъ послѣдствій, удалило его отъ должности и представило на разсмотрѣніе духовной консисторіи. По жалобѣ Попова, сенатъ сдѣлалъ губернскому правленію выговоръ, велѣлъ дать ему опять мѣсто и удовлетворить на ихъ счетъ жалованьемъ. Это было, кажется, въ 1837 или 1838 году.

7) Доносъ хвалынской градской полиціи (Сарат. губ.) на исправлявшаго должность стряпчаго секретаря уѣзднаго суда въ 1840 г., что онъ явился въ присутствіе полиціи въ неприличномъ одѣяніи и красной на головѣ ермолкѣ. Дѣйствительно, я лично видѣлъ его въ такомъ видѣ при слѣдствіи, мною производимомъ въ Хвалынскомъ уѣздѣ въ с. Барановкѣ, объ убійствѣ сельскаго писаря. Онъ имѣлъ на головѣ красную бархатную скуфейку, данную ему отъ мощей св. Митрофанія въ Воронежѣ, куда онъ ѣздилъ послѣ болѣзни, выбривъ голову. Полиція все скрыла, поссорившись за

откупщика, котораго хотѣлъ прижать исправлявшій должность стряпчаго. Губернское правленіе сдѣлало ему выговоръ и едва не предало суду.

8) Исторія въ Саратовѣ, въ августѣ 1842 г., между непремѣннымъ членомъ приказа Слѣпцовымъ и членомъ строительной комиссіи Томилинымъ. Сіи господа, поссорившись за обѣдомъ, даннымъ въ честь доктора Троицкаго по подпискѣ, за тостъ, предложенный въ честь вице-губернатора, управлявшаго губерніею Оде-де-Сіона (высѣченнаго, какъ говорятъ, въ 1812 г. при главной квартирѣ, за переметничество), разругали другъ друга подлецомъ и гаеромъ—и едва не подрались. Слѣпцовъ подалъ объ этомъ рапортъ губернатору и было формальное слѣдствіе; многихъ изъ свидѣтелей, въ томъ числѣ и меня, пригоняли къ присягѣ. Кстати здѣсь вспомнить, что при одномъ слѣдствіи, мною произведенномъ, когда я послалъ десятника-мужика попросить священника въ присутствіе, онъ меня озадачилъ вопросомъ: какъ ему придти—голому что-ли? Послѣ я узналъ, что въ ихъ понятіи и на ихъ языкѣ это значило: безъ креста и евангелія, какъ то бываетъ при приводѣ къ присягѣ.

9) Знаменитая исторія въ 1842 году, въ томъ-же Саратовѣ, между губернскимъ предводителемъ дворянства Афанасіемъ Алексѣевичемъ Столыпинымъ и управлявшимъ губерніею вице-губернаторомъ Оде-де-Сіономъ. Изъ друзей и пріятелей, какими они были въ продолженіе двухъ лѣтъ, внезапно сдѣлались врагами за неудовлетвореніе Оде-де-Сіономъ просьбы объ опредѣленіи кого-то или избавленія отъ суда почтеннаго дворянина. Г. Столыпинъ, типъ и послѣдній, вѣроятно, остатокъ прежняго необразованнаго, грубаго бретёра-дворянина русскаго, но, впрочемъ, не злой и очень смышленный человѣкъ, — вздумалъ доѣхать его доносцемъ къ губернатору о дошедшемъ къ нему слухѣ о жестокомъ обращеніи вице-губернатора и жены его съ своими людьми и воспитанницею. Губернаторъ (А. М. Фадѣевъ), зная авторитетъ Столыпина въ губерніи, не счелъ себя въ правѣ отказать ему насчетъ сего и нарядилъ секретное слѣдствіе (по которому ничего не открылось, кромѣ скупости и строгости Оде-де-Сіоновъ, чисто-нѣмецкой) и донесъ министру внутреннихъ дѣлъ. Въ отвѣтъ Л. А. Перовскій далъ знать, что это вовсе не относилось къ обязанности губернскаго пред-

водителя, ибо у Оде-де-Сіона нѣтъ недвижимаго имѣнія въ губерніи, а надзоръ за нимъ принадлежитъ полиціи и губернатору. Столыпинъ-же, между тѣмъ, донесъ и со своей стороны министру, присовокупивъ еще и то, что вице-губернаторша, страстная любительница собачекъ, погребаетъ ихъ по христіанскому обряду, въ гробикахъ. Перовскій сдѣлалъ ему то-же замѣчаніе, какъ и губернатору. Столыпинъ-же, получа такую бумагу, въ порывѣ самолюбія раздраженнаго, разослалъ обо всемъ этомъ циркуляръ къ уѣзднымъ предводителямъ, желая больше всего огласить Оде-де-Сіона и дозволивъ себѣ толковать бумагу министра въ такомъ смыслѣ, что отнынѣ надзоръ ихъ за жестокимъ обращеніемъ помѣщиковъ ослабленъ, если не вовсе отмѣненъ. Оде-де-Сіонъ, управляя губерніею (по случію отсутствія А. М. Фадѣева въ Петербургѣ, въ январѣ 1842 года, гдѣ и я былъ съ нимъ), донесъ обо всемъ вновь министру, узнавъ отъ одного изъ предводителей уѣздныхъ (Аткарскаго—Арефія Игнатьевича Киселева), вѣчнаго и заклятаго врага Столыпина. Перовскій такъ былъ взбѣшенъ поступкомъ Столыпина, что велѣлъ составить докладъ къ государю объ удаленіи его и опубликованіи. Но смягчился убѣжденіями директора департамента полиціи исполнительной Ор — скаго и губернатора Фадѣева и испросилъ только высочайшій выговоръ Столыпину, распубликованный, впрочемъ, секретно въ циркулярѣ ко всѣмъ губернскимъ предводителямъ. Послѣдствіемъ этой несчастной исторіи было то, что послѣ выборовъ саратовскаго дворянства, въ декабрѣ 1842 года бывшихъ, и вслѣдствіе доноса отъ того-же Киселева (дурнаго поведенія, собачника, но богача и пройдохи) о бывшихъ якобы интригахъ и происках Столыпина и его партіи—онъ не утвержденъ государемъ вновь губернскимъ предводителемъ, а велѣно было произвести чрезвычайные выборы для новыхъ въ сію должность кандидатовъ. Это происходило въ маѣ 1843 года. Исторія эта надѣлала много шума; поразила жестоко авторитетъ Столыпина въ губерніи, откуда онъ уѣхалъ сперва за-границу, а потомъ поселился въ Москвѣ, гдѣ купилъ домъ, даетъ обѣды и балы (1847 г.), ѣздитъ въ англійскій клубъ, считается въ числѣ недовольныхъ, fait de l'opposition au petit pied, порицая, по нашему обычаю, не дѣло, не начала, а лица и частности.

Je pense qu'il finira mal dans une ville de province où il sera relégué pour son bavardage[1]), (какъ и я, думаю, буду!),—развѣ богатство и связи спасутъ.

Оде-де-Сіонъ, вытѣсненный въ отставку Перовскимъ, получилъ послѣ мѣсто въ с.-петербургской гофъ-интендантской конторѣ (замѣтьте, что Перовскій—товарищъ министра удѣловъ князя П. М. Волконскаго и начальникъ гофъ-интендантской конторы, за котораго все дѣлаетъ), гдѣ и поднесь обрѣтается. Исторія эта поссорила меня съ обоими изъ сихъ персонажей, т. е. Столыпинымъ и Сіономъ именно потому, что я не хотѣлъ держать ни чьей стороны. Оба были хороши. Вотъ вамъ и juste milieu въ нашемъ россійскомъ порядкѣ. Самого Талейрана и Людовика-Филиппа первый-бы стряпчій и первый уѣздный судъ засудилъ-бы до смерти.

Дѣло о несостоятельности купцовъ Пановыхъ.

Важна и любопытна исторія, дошедшая нынѣ до общаго собранія сената первыхъ трехъ департаментовъ.

Богатые торговцы Пановы, торговавшіе скотомъ въ Петербургѣ, внезапно прекратили платежи и объявили себя несостоятельными. Это банкротство повлекло за собою раззореніе многихъ торговцевъ въ столицѣ и провинціяхъ, связанныхъ съ ними дѣлами. По докладу министра внутреннихъ дѣлъ Перовскаго, учреждена, по высочайшему повелѣнію, особая комиссія для разбора этого дѣла и удовлетворенія безобиднаго и справедливаго, такъ чтобъ не могло возникнуть просьбъ и жалобъ [2]). On voit que le gouvernement visait à l'impossible[3]). Комиссія учреждена не изъ кредиторовъ Пановыхъ, какъ то водится въ подобныхъ случаяхъ, а изъ чиновниковъ; кредиторы-же вызывались для объясненій и повѣрки только. Въ теченіе двухъ-лѣтнихъ занятій комиссія привела дѣло въ ясность и признала Пановыхъ умышленными банкротами, за что, по докладу министра внутреннихъ

---

[1]) Я думаю, что онъ плохо кончитъ въ какомъ-нибудь провинціальномъ городѣ, куда онъ будетъ сосланъ за свою болтовню.

[2]) Téxtuel (дословно).

[3]) Правительство добивалось, какъ видно, невозможнаго.

дѣлъ, они преданы, по высочайшему повелѣнію, военному суду. Пока все хорошо. Но при разсчетахъ уплаты или ликвидаціи, комиссія, не извѣстно на какомъ основаніи, сравняла кредиторовъ, имѣвшихъ законные документы, т. е. векселя, съ тѣми, которые предъявили только росписки, счеты Пановыхъ и книги ихъ, дурно и неисправно веденныя, по собственному сознанію комиссіи. Можно себѣ представить изумленіе и ужасъ кредиторовъ съ документами. Однимъ махомъ пера уничтожена сила и дѣйствіе учрежденія государственнаго, на которомъ основанъ весь кредитъ и всѣ обороты торговые,—учрежденіе, приносящее казнѣ и городамъ милліоны доходу. Простой счетъ, записка, долговая книга сравнены съ крѣпостными и маклерскими документами. Разумѣется, протестаціи и жалобы посыпались въ комиссію, но не были приняты ею въ уваженіе. Самолюбіе и достоинство членовъ и министра, утвердившаго эту неслыханно-произвольную и насильственную мѣру, было, какъ говорится, engagée, mise en jeu [1]). Одна изъ жалобъ кредитора Пановыхъ, купца Егорова, дошла до 4-го департамента сената. Мастерски написанная просьба и рукоприкладство [2]) открыли глаза всякому. Объясненія комиссіи и министра были слабы, шатки и не подкрѣплялись ничѣмъ, кромѣ ссылки на высочайшее повелѣніе, выше изложенное. Понуждаемый сенатомъ, Перовскій, наконецъ, выговорилъ послѣднее слово и сознался, что мѣра эта была необходима для устрашенія злонамѣренныхъ торговцевъ, возстановленія потрясеннаго кредита, и вообще входила въ кругъ мѣръ, принимаемыхъ правительствомъ съ 1842 года по приведенію въ порядокъ части торговли скотомъ и для пониженія цѣнъ на мясо въ Петербургѣ. Каково объясненіе министра, обязаннаго обнимать взглядомъ всю имперію и всѣ части, а не призваннаго быть спеціалистомъ и исправителемъ одной подставки, когда прочія грозятъ рухнуть и подавить всѣхъ! Онъ не видѣлъ или не хотѣлъ видѣть, что распоряженіемъ комиссіи былъ уничтоженъ принципъ, и что нѣкогда великіе дѣйствователи восклицали: „périsse plutôt l'univers que le principe!“ [3]).

---

[1] Задѣто, затронуто за живое.

Писалъ и хлопоталъ г. Геслингъ, нажившій себѣ врага за это въ министрѣ внутреннихъ дѣлъ. Авт.

[3]) Пусть лучше погибнетъ міръ, нежели принципъ.

У насъ смотрятъ на это иначе и всегда хлопочутъ о чемъ-либо исключительно, забывая обо всемъ остальномъ. Сколько тому примѣровъ. Такъ было съ винными откупами, взятыми въ казну въ 1819 году; такъ было съ поставщикомъ Варгинымъ; такъ было съ откупщикомъ соли Злобинымъ; такъ было при учрежденіи государственныхъ имуществъ; такъ было съ уничтоженіемъ лажа въ 1839 году, зла долголѣтняго, терпимаго, извѣстнаго правительству; такъ было съ мѣрою о сахарѣ на биржѣ въ Петербургѣ и пр. и пр. И послѣ этого имѣютъ духъ звать Перовскаго отличною государственною головою! Онъ хлопотунъ, правда, неутомимый, настойчивый и твердый или, скорѣе, упрямый. Ни одной пока не видалъ его мѣры обширной и дальновидной. Все тѣсно, мелко, узко. Не даромъ изобразили его въ одной карикатурѣ сидящимъ на Сѣнной площади и замахнувшимся топоромъ на муху, сидящую на говядинѣ. Вотъ какъ отплачиваетъ народное сочувствіе мелочности и придирчивости къ пустякамъ. Блудовъ оставилъ, по крайности, послѣ себя, какъ министръ внутреннихъ дѣлъ, наказъ губернаторамъ и губернскимъ правленіямъ, писанный, какъ говорятъ многіе, идеально, но благородно, мягко и въ намѣреніи примирить что есть жестокаго, грубаго, варварскаго въ нашемъ законодательствѣ. Вездѣ лежитъ слѣдъ человѣка европейски образованнаго и желающаго поднять чиновничество и общество до Европы, а не роняющаго и не стаскивающаго ихъ въ татарщину и кошихинство, какъ дѣлаютъ то иные ихъ варварскими, насильственными мѣрами, военными судами, 24-часовымъ судомъ и осужденіемъ и т. п. И когда-же все это творится? Въ эпоху внутренняго и внѣшняго мира, сильнѣйшей централизаціи, чудовищной централизаціи, въ эпоху преуспѣянія умственнаго и вещественнаго, о которомъ кричатъ и толкуютъ ежедневно догматисты (1847 г.).

Какъ бы то ни было, сенатъ показалъ себя довольно твердымъ и безпристрастнымъ, уничтоживъ распоряженіе по дѣлу Пановыхъ въ отношеніи купца Егорова и велѣвъ удовлетворить его предпочтительно. Что же вышло? Комиссія не только дерзнула, надѣясь на поддержку въ министрѣ внутреннихъ дѣлъ, не исполнить повелѣнія сената, указы котораго велѣно закономъ исполнять какъ собственные его императорскаго величества,

но взошла съ представленіемъ къ Перовскому, и онъ, вмѣсто того, чтобы повиноваться принципу законопослушанія вседержащему и скрѣпляющему, еще разъ внялъ голосу оскорбленнаго самолюбія и чрезъ министра юстиціи внесъ это дѣло на пересмотръ общаго собранія. Надежда его, однако-же, обманута. Общее собраніе, большинствомъ голосовъ, утвердило рѣшеніе 4-го департамента сената.

Давно пора-бы такъ дѣйствовать сенату, власть котораго и значеніе совершенно уничтожены самоуправствомъ и умничаніемъ министровъ безотвѣтственныхъ (1847 г.). Теперь остается Перовскому довести дѣло до государственнаго совѣта. Вѣроятно, доведетъ. На это у него станетъ упрямства и желчи. Любопытно знать чѣмъ кончится эта исторія,—исторія не частныхъ лицъ и дѣлъ, а какъ сказалъ я—началъ основныхъ и вседержащихъ: „périsse plutôt l'univers qu'un principe [1])!

Сегодня мнѣ разсказали за вѣрное, что г. П—скій, посланный, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ Сибирь для слѣдствія по заводамъ, по случаю продажи однимъ горнымъ чиновникомъ многоцѣннаго изумруда въ Англію, захватилъ у него драгоцѣнныхъ камней на милліоны, а представилъ правительству пустяки. Послѣ, однако, у него купилъ горный корпусъ нѣсколько камней тысячъ на 50. Это довольно оригинально и ловко...

Распоряженіе графа Виктора Никитича Панина.

Чтобы потомство, читая мою лѣтопись, не могло обвинить меня въ пристрастіи, пессимизмѣ, желчности и другихъ качествахъ, которыя мы любимъ навязывать ближнему послѣ сытнаго обѣда, удачной партіи преферанса, ласковаго пріема министра и полученія награды за службу, я представлю этимъ само-и всѣмъ-довольнымъ господамъ образчикъ того, какъ поступалъ министръ гр. В. Н. Панинъ съ чиновниками своими, въ лѣто отъ рождества Христова 1847-е, въ то время, когда дозволенъ былъ пропускъ въ Россію заграничныхъ газетъ и журналовъ и когда у чиновниковъ министерства юстиціи я встрѣ-

[1]) Пусть лучше погибнетъ міръ, нежели принципъ.

чалъ лежавшіе на столахъ нумера „Gasette des Tribunaux“ и „Le Droit“. Пусть всякій читатель судитъ самъ, читая нижеслѣдующее:

„Вѣдомости с.-петербургской градской полиціи“, 20 сентября 1847 г., суббота, № 207.

„Приказъ по с.-петербургской полиціи, 19 сентября 1847 года, № 262. Господинъ министръ юстиціи, желая имѣть положительныя свѣдѣнія о лицахъ, служащихъ въ вѣдомствѣ сего министерства, находящихся по отпускамъ въ С.-Петербургѣ, а равно о причинахъ ихъ пріѣзда, призналъ нужнымъ сдѣлать распоряженіе, чтобы всѣмъ служащимъ по вѣдомству министерства юстиціи вмѣнено было въ непремѣнную обязанность въ прошеніяхъ, подаваемыхъ ими объ увольненіи въ отпускъ, означать и побудительныя къ оному причины и чтобы отправляющимся въ отпускъ въ С.-Петербургъ внушаемо было также являться въ первые дни пребыванія ихъ въ столицѣ въ департаментъ министерства юстиціи.

„Вслѣдствіе предложенія г-на исправляющаго должность с.-петербургскаго военнаго генералъ-губернатора, отъ 17-го числа текущаго мѣсяца, за № 15611, дѣлаю о томъ извѣстнымъ по полиціи, для надлежащаго распоряженія“. Подписалъ: „исправл. должн. с.-петербургскаго оберъ-полиц. свиты его и. в. генералъ-маіоръ Галаховъ“.

Распоряженіе министра, не говоря уже о самоуправствѣ и насиліи [1]), не имѣетъ здраваго смысла. Кому объявлять будетъ его фирманокъ петербургская полиція? Чиновникамъ министерства юстиціи, здѣсь служащимъ? Но они извѣщены своимъ начальствомъ и потомъ имъ ѣздить въ Петербургъ въ отпускъ трудно, ибо живутъ въ немъ постоянно. Чиновникамъ иногороднымъ? Но въ отпускахъ имъ, отъ ближайшаго начальства данныхъ, будетъ означаться причина поѣздки ихъ въ Петербургъ, если только начальства тѣ послушаютъ министра и поймутъ его. Противное тому и другому случиться можетъ и, вѣроятно, случится. Теперь предположимъ, что въ билетѣ, чиновнику данномъ, не ясно означено зачѣмъ онъ ѣдетъ въ Петербургъ. Что-же дѣлать полиціи? Выслать его или донести министру? Но пока все это сдѣлается, злонамѣренный чиновникъ успѣетъ обдѣлать все, что ему нужно: повидаться съ начальниками отдѣленій, угостить ихъ у Леграна и дать имъ денегъ за обѣщаніе мѣстечка

---

[1]) Почему министръ не внесъ этой мѣры на высочайшее утвержденіе чрезъ комитетъ министровъ и государственный совѣтъ и не обратилъ ея въ конъ, помѣстивъ въ дополненіе къ Своду Законовъ, если мѣра необходима полезна? Авт.

тепленькаго или наградцы. Вообразите теперь сцену входящаго конторщика петербургской гостинницы и вопрошающаго пріѣхавшаго чиновника о причинѣ прибытія, безъ чего не можетъ пустить его. Вообразите, что всѣ исполняютъ буквально предписаніе министра. Бѣдный чиновникъ лишенъ будетъ въ Петербургѣ огня и воды, какъ отлученный отъ церкви въ среднихъ вѣкахъ. Очевидно, что все основано должно быть на билетѣ, выданномъ въ губерніи. Вообразимъ теперь содержаніе билета: отпущенъ такой-то для свиданія съ родственниками,—причина первая, допускаемая даже для солдатъ, въ воинской службѣ, не слишкомъ отличающейся, какъ извѣстно, сантиментальностью. Теперь вопросъ—кто-же именно родственники? потому что всѣ будутъ ссылаться на эту причину, а другихъ министръ, прежде своей кончины, никогда не свѣдаетъ. Слѣдуетъ родословная, полученная изъ дворянскаго собранія или инаго мѣста, порядкомъ засвидѣтельствованная. Адресъ родственниковъ. Причина вторая: устройство дѣлъ. Но если дѣла эти именно требуютъ инкогнито, безгласности, какъ то часто случается,—какъ быть тутъ? Хорошо, у кого явные процессы и тяжбы. Но и тутъ скажутъ, что дѣла въ такихъ прекрасныхъ и искусныхъ рукахъ, что вамъ надо поджать подъ себя ноги и спать сладостно. Другія причины, вѣроятно, будутъ: смерть родителей, супруги, дѣтей, тяжкая собственная болѣзнь, требующая совѣта съ медиками. Впрочемъ, на послѣдній предлогъ отвѣчать могутъ, что кому остаться въ живыхъ, тотъ останется и въ губерніи, и что не признавать способностей и искусства въ мѣстныхъ медикахъ значитъ бросить тѣнь подозрѣнія на высшее медицинское начальство, выдавшее имъ свидѣтельства чуть не на всемірныя знанія, и оскорблять самое правительство. Само собою разумѣется, что ни губернское, ни столичное начальство не приметъ въ уваженіе другихъ причинъ, если-бы вольнодумецъ-чиновникъ и осмѣлился помѣстить ихъ въ своей просьбѣ объ отпускѣ. Напримѣръ, желаніе видѣться съ другомъ, предметомъ любви, невѣстою; желаніе видѣть знаменитыхъ людей, ученыхъ, поэтовъ, памятники искусствъ, развитіе общественной жизни, театръ, оперу, артистовъ; желаніе освѣжиться и отдохнуть въ кругу знакомыхъ и образованныхъ людей отъ душной, грязной и однообразной провинціальной жизни. Самое желаніе насладиться лицезрѣніемъ благодѣтельнаго

начальства было-бы принято за насмѣшку. Остается одно: поклоненіе святымъ мощамъ Александра Невскаго — prétexte comme un autre [1]). Рекомендую его чиновникамъ вѣдомства министерства юстиціи.

Замѣчательно, что графъ Панинъ ни слова не говоритъ о чиновникахъ, пріѣзжающихъ въ Москву, тоже столичный городъ, если не ошибается календарь академіи. Панинъ не считаетъ ея за столицу. Ему только-бы оградить и устеречь Петербургъ, это новое капище Изиды, гдѣ жрецы ея наединѣ, конечно, съ большимъ удобствомъ могутъ упражняться въ обрядахъ служенія, посвящая въ тайны свои единыхъ избранныхъ. Какъ не повторить съ поэтомъ Франціи вырвавшееся у него горькое восклицаніе: „Risible, risible, risible!..“ [2]). О, тѣни Вольтера, Монтаня Рабле, Свифта и Грима... Какъ вы содрогнетесь, воображаю, видя продолженіе человѣческихъ сумасбродствъ, которыя вы полагали убитыми и искорененными подъ вашими ударами! Ихъ даже не сжегъ великій пламень, возженный вами и озарившій міръ въ концѣ минувшаго столѣтія!

Ожидаю, что общій другъ нашъ Убри напустится на меня за мою выходку и скажетъ, что я не въ правѣ судить дѣйствія государственнаго человѣка, вѣроятно, имѣвшаго какую-либо сокровенную причину и цѣль. А потомъ—что мы не заслуживаемъ, чтобы насъ трактовало иначе начальство. Я ему отвѣчать буду, что другой цѣли не можетъ быть, кромѣ отвращенія хлопотами чиновниковъ въ министерствѣ о переводѣ на теплыя и удобныя мѣста, и подкупъ съ сею цѣлью лицъ, вліяніе имѣющихъ. Но, во-первыхъ, цѣль не достигнется, ибо всегда найдутъ благовидный предлогъ пріѣхать въ Петербургъ; во-вторыхъ, похлопотать о себѣ и дать для этого деньги—можно и не пріѣзжая въ Петербургъ, а чрезъ знакомыхъ и чрезъ почту. Въ третьихъ, предписаніемъ своимъ министръ стѣсняетъ однихъ ненужными и неисполнимыми формальностями и бросаетъ въ другихъ оскорбительное подозрѣніе, и подозрѣніе, какъ говорится, tout gratuit [3]). Если цѣль его заключалась въ этомъ, онъ

---

[1]) Предлогъ, какъ и всякій другой.

[2]) Смѣшно, смѣшно, смѣшно!

[3]) Совершенно неосновательное.

достигъ ея вполнѣ, Что касается до того, что мы сами мерзки, я не спорю, но я полагалъ доселѣ, что обязанность всякой христіанской и европейской администраціи состоитъ именно въ томъ, чтобы вытаскивать управляемыхъ изъ грязи и возносить ихъ до Европы, а не втаптывать ихъ въ грязь, татарщину и кошихинство, какъ я сказалъ въ другомъ мѣстѣ.

Вопли о всевозможномъ насильствѣ слышатся (1847 года) съ каждымъ днемъ явственнѣе. Оно упадаетъ на большихъ и малыхъ, на дѣла важныя и маловажныя. Въ послѣднемъ случаѣ оно еще замѣтнѣе и несноснѣе: дѣла маловажныя случаются всякій день. Отнять въ нихъ свободу у человѣка—значило-бы запереть его спеленатымъ въ порядочно убранную и спокойную комнату и увѣрять, что лучше ничего въ жизни и нигдѣ онъ для себя не найдетъ. Впрочемъ, дѣло, о которомъ я намѣренъ разсказать здѣсь, и не вовсе маловажно: оно касается печати, публичнаго изъявленія своихъ мнѣній, распространенія въ народѣ точныхъ о предметахъ, кидающихся ему въ глаза, свѣдѣній.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Челобитная, поданная императрицѣ Екатеринѣ II.

(1763 г.).

Челобитчикъ бывшей персидской компаніи содержатель Богданъ Саханавъ.

1) Объявляетъ, что бывшей императоръ во время бытности его великимъ княземъ въ 1759-мъ году, взялъ у него заимообразно денегъ 17,500 рублевъ, которые онъ, по повелѣнію онаго императора, за неимѣніемъ своихъ денегъ, занялъ у коммерческаго банка съ платежемъ указныхъ процентовъ, да одинъ подносъ золотой съ шестью чарками золотыми-жъ и нѣсколько кусковъ кисей и индѣйскихъ ситцевъ и платковъ, что все приняли у него бывшіе тогда оберъ-камергеръ Броктарфгъ и Бресанъ, которыя деньги и съ процентами нынѣ на немъ, Саханавѣ, взыскиваются.

2) И хотя онъ, Саханавъ, въ бывшее правленіе чрезъ означенныхъ пріемщиковъ о выдачѣ тѣхъ денегъ и просилъ, токмо и понынѣ ему не выданы.

3) Проситъ, чтобъ означенныхъ занятыхъ имъ изъ коммерческаго банка денегъ и накопившихся по сіе время процентовъ, повелѣно было съ него не взыскивать, а за взятую у него золотую посуду, кисей, ситцы и платки, учинить ему награжденіе сколько соизволено будетъ, ибо онъ, Саханавъ, отъ уничтоженія персидской компаніи, въ которой находился его весь капиталъ, претерпѣлъ убытку болѣе 50,000 рублевъ.

Помѣта на поляхъ: „Если оное поднесено на поклонъ, какъ наслѣднику короны, то назадъ требовать того не можно, а если то дано во взятокъ, то по указамъ Петра Великаго велѣно сѣчь тѣхъ кнутомъ, кто даетъ во взятки.

Екатерина“.

Въ 19-ое сентября 1763 года, въ Санктъ-Петербургѣ.

Сообщ. **М. П. Азанчевскій.**

СТУДЕНЧЕСКІЯ ВОЛНЕНІЯ ВЪ КАЗАНИ

въ 1887 г.

Посмертныя записки бывшаго попечителя Казанск. учебнаго округа
П. Д. Шестакова.

XI [1]).

Студенческія волненія 1861 года въ Москвѣ и 1882 года въ Казани я описывалъ не только какъ очевидецъ, но и какъ лицо, стоявшее близко къ студентамъ. Я описывалъ добросовѣстно и старался быть, по возможности, объективнымъ. Но такъ какъ я въ 1861 году состоялъ инспекторомъ московскаго университета, а въ 1882 году попечителемъ казанскаго учебнаго округа, то мои описанія и мои взгляды могутъ инымъ показаться пристрастными. „Онъ потому-де старается причины студенческихъ волненій искать внѣ университета, потому приписываетъ студенческіе безпорядки политической интригѣ и крамолѣ, что самъ близко стоялъ къ студентамъ, имѣлъ обязанность наблюдать за ними и, слѣдовательно, могъ нести отвѣтственность за допущеніе нарушенія студентами порядка и спокойствія въ университетѣ".

---

[1]) См. „Русскую Старину" изд. 1888 г., т. LX, октябрь, стр. 203—223; ноябрь, стр. 353—370; декабрь, стр. 649—670; изд. 1889 г., т. LXI, январь, стр. 113—130; т. LXIV, октябрь, стр. 248.

Въ прессѣ нашей уже не разъ высказывалась мысль, что лицамъ начальственнымъ, долженствующимъ отвѣчать за спокойствіе университета, естественно и выгодно доказывать, что причины университетской смуты — внѣ университета. „Новое Время" такого мнѣнія, что „заинтересованныя лица, желающія перенесть центръ тяжести вопроса съ университета на безпокойные элементы общества и отвѣтственность за безпорядки съ учебнаго начальства на другія вѣдомства, объясняютъ студенческія волненія агитаціею извнѣ. Въ случаѣ правильности этого объясненія оставалось-бы усилить полицейскій надзоръ внѣ университета, и болѣе ничего". „Гражданинъ" настойчиво отрицаетъ внѣшнія причины университетскихъ безпорядковъ, говоря, что „печаль отъ такого толкованія безпорядковъ горше самыхъ безпорядковъ, ибо, заключаясь въ предположеніи, что безпорядки въ университетахъ имѣли политическое значеніе, она (печаль), такъ сказать, задѣла за живое всѣ русскія сословія, всѣ русскія семьи и повергла умы и сердца въ грустное смущеніе". „Студенты, продолжаетъ „Гражданинъ", хотѣли за себя шумѣть, и не помышляли шумѣть во имя какихъ-нибудь соціальныхъ вопросовъ или общественныхъ задачъ". „Гражданинъ", какъ видно изъ этихъ словъ, полагаетъ, что тѣ, которые видятъ причину студенческихъ безпорядковъ внѣ университета, въ политической крамолѣ, завиняютъ студентовъ въ прямомъ сочувствіи крамолѣ. Если смотрѣть такъ, то печаль „Гражданина"—почтенная, благородная печаль: онъ бережетъ и защищаетъ молодежь, защищаетъ сыновей и вмѣстѣ родителей; но печаль эта не имѣетъ основанія. Я принадлежу къ числу тѣхъ, которые видятъ причину студенческихъ волненій въ политической интригѣ и крамолѣ; но я всегда былъ и теперь остаюсь въ томъ убѣжденіи, что студенты, во время всѣхъ студенческихъ волненій, „шумѣли за себя", во имя своихъ интересовъ, шумѣли, такъ сказать, bona fide, въ полной увѣренности, что они стоятъ за свое студенческое дѣло, и не помышляли о томъ, что они дѣйствуютъ на руку крамольникамъ, и даже подъ ихъ вліяніемъ и по ихъ катехизису. Студенты во всѣ университетскіе безпорядки сами крамольниками не были и, къ сожалѣнію, не замѣчали даже, что ими руководила чужая злоумышленная воля, чужая злодѣйская рука, которая умѣла такъ направить ихъ,

что ихъ демонстраціи были не только рѣзки и дерзки, но и прямо преступны, что въ ихъ петиціи входили не одни чисто-студенческіе интересы, но и современная злоба дня, въ родѣ свободы слова и печати, исцѣленія недуговъ русской жизни вообще и т. п.; что даже въ тѣ пункты петиціи, которые касались чисто-студенческихъ интересовъ, включались такія требованія, которыя были не осуществимы и предавали студенческой петиціи характеръ неосмысленнаго притязанія, безразсуднаго, совершенно незаконнаго желанія. Таковы требованія участія студентовъ въ избраніи профессоровъ и ректора, обязательности студенческаго суда и для профессоровъ, отмѣны дѣйствующаго устава университетовъ и т. п.

Если мои воспоминанія о студенческихъ волненіяхъ 1861 и 1882 г. могли быть заподозрѣны въ невѣрной окраскѣ событій и нѣкоторой натянутости выводовъ, такъ какъ я былъ тогда заинтересованнымъ лицемъ; то въ настоящее время, когда я не у дѣлъ, когда я смотрѣлъ на студенческіе безпорядки со стороны, какъ частное лицо, никто, полагаю, не станетъ заподозрѣвать меня въ намѣренномъ искаженіи истины, съ цѣлію оправдать себя и тѣмъ упрочить занимаемое мною служебное положеніе. Настоящія мои воспоминанія о студенческихъ безпорядкахъ 1887 года—не показаніе непосредственнаго очевидца, бывшаго, такъ сказать, на мѣстѣ преступленія. Это не болѣе какъ показаніе свидѣтеля, слышавшаго отъ очевидцевъ, имѣвшаго возможность выслушивать разсказы лицъ разныхъ партій, передававшихъ ему, какъ человѣку частному, вполнѣ откровенно извѣстные имъ факты этого грустнаго для казанскаго университета событія. Передавая слышанное мною, я попытаюсь нѣсколько оріентироваться въ этихъ слухахъ. Вѣрность-же самыхъ слуховъ оставляю на отвѣтственности тѣхъ лицъ, которыя мнѣ ихъ передавали.

Начну съ того вопроса, который особенно волновалъ умы какъ во время прискорбной университетской исторіи, такъ и послѣ: гдѣ искать причины студенческихъ безпорядковъ 1887 г.? „Московскія Вѣдомости“ видятъ въ послѣднихъ студенческихъ волненіяхъ вліяніе политической интриги иноземной. „Новое Время“ не признаетъ внѣшней причины, но и не высказываетъ кто виноватъ. Въ 1882 году „Новое Время“ видѣло причину студен-

ческихъ волненій въ ошибкахъ университетскаго начальства. „Гражданинъ“ открыто объявляетъ, что во всякомъ студенческомъ волненіи нужно искать профессора, что профессорá подстрекаютъ и мутятъ студентовъ. Революціонныя изданія прямо заявляли, какъ мы еще прежде указывали, что иниціаторами студенческихъ волненій были всегда революціонные агенты. Въ правительственномъ сообщеніи о безпорядкахъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ въ Харьковѣ, Одессѣ и Казани сказано: „Сопоставленіе многихъ обстоятельствъ ясно свидѣтельствуетъ, что во всѣхъ этихъ безпорядкахъ дѣйствуютъ подстрекательства злонамѣренныхъ людей“. Въ 35 № „Московскихъ Вѣдомостей“ 1888 года говорится о напечатанной въ „Journal de S.-Pétersbourg“ корреспонденціи изъ Женевы отъ 31-го января о враждебной противъ Россіи и русскаго правительства демонстраціи, устроенной нигилистами въ Женевѣ. Очевидецъ говоритъ, что онъ на приглашеніе въ Palais électoral, явился туда и очутился „среди неизвѣстной компаніи людей, въ странныхъ костюмахъ, растерзанныхъ, нечесанныхъ и немытыхъ. То, что мы слышали, насъ глубоко возмутило:—„студенты, чѣмъ болѣе будете вы кормить пощечинами ваше университетское начальство, тѣмъ болѣе окажете услугъ вашему отечеству“. Вотъ къ чему сводились всѣ рѣчи, произнесенныя на страшно искаженномъ французскомъ языкѣ. Кончилось дѣло дракою между самими нигилистами въ сосѣднемъ кабачкѣ. Честь иниціативы такого собранія принадлежитъ, прежде всего, Драгоманову (бывшій профессоръ)“. Въ концѣ рѣчей этого митинга помѣщено „Воззваніе къ русскимъ студентамъ“: „студенты приглашаются оставить университетскія скамьи и чинить прямое нападеніе на университетскія власти“.

Казанскіе слухи всею тяжестію обрушиваются на студенческое начальство, особенно на инспектора студентовъ П—а, котораго считаютъ главнымъ виновникомъ настоящихъ безпорядковъ въ казанскомъ университетѣ. Обвиняютъ инспектора и профессорà, и студенты, и общество. Его-де ненавидятъ всѣ студенты за его мелочныя придирки. Въ чемъ-же выражаются эти придирки? А вотъ, говорятъ, встрѣтитъ онъ студента въ неформенномъ галстухѣ, тотчасъ остановитъ его и начинаетъ пилить: „Это противно такому-то §-у правилъ министерскихъ, а министерскія правила

изданы по повелѣнію Государя Императора, стало-быть вы поступаете противъ высочайшаго повелѣнія". Справедливость требуетъ сказать, что первый годъ о немъ ничего не говорили дурнаго, имъ довольны были студенты. Съ тѣхъ поръ, говорятъ, какъ онъ получилъ пенсію, онъ сталъ обходиться со студентами высокомѣрно. Теперь его обвиняютъ и въ развитіи шпіонства между студентами, и въ бывшихъ лѣтомъ и осенью 1887 г. исключеніяхъ студентовъ, представляютъ его какимъ-то Тартюфомъ. Разсказываютъ такой случай: „студентъ К—ь былъ исключенъ лѣтомъ 1887 года и, не зная причины исключенія, естественно старался узнать причину. Ходилъ къ ректору университета, — ректоръ на вопросъ его отвѣтилъ, что ему неизвѣстно почему студентъ исключенъ. Пошелъ къ начальнику жандармскаго управленія, и тотъ сказалъ ему, что въ его управленіи о немъ никакого дѣла нѣтъ. Пошелъ къ полицеймейстеру, — тотъ-же отвѣтъ. Отправился, наконецъ, К—ь къ инспектору студентовъ. Инспекторъ принялъ его „съ распростертыми объятіями, чуть не расцѣловалъ, а на вопросъ—за что его исключили, отвѣтилъ, что о немъ получена бумага изъ министерства внутреннихъ дѣлъ. К—ь имѣетъ въ С.-Петербургѣ родственника сенатора. Поѣхалъ онъ въ Петербургъ и, съ помощію родственника, узналъ, что онъ исключенъ изъ университета по донесенію инспектора студентовъ". Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ. Я рѣшительно не вѣрю этому слуху, и думаю, что слухъ распущенъ, чтобы повредить инспектору, чтобъ унизить его въ глазахъ студентовъ и общества; слухъ этотъ мало вѣроятенъ уже потому, что вліятельный родственникъ К—я несомнѣнно заступился-бы за него, если-бъ К—ь былъ невиненъ; кромѣ того, самыя подробности разсказа дышутъ чѣмъ-то выдуманнымъ.

Очень умный и образованный господинъ разсказывалъ мнѣ слѣдующее: „многіе родители, даже состоятельные, берутъ своихъ дѣтей изъ гимназій, говоря, что теперь въ университетъ сыновей нельзя пускать... доносы. Что такое? Да отъ педелей студентамъ житья нѣтъ. Для педелей только тѣ студенты и хороши, которые имъ на водку даютъ. Такіе студенты по цѣлымъ мѣсяцамъ могутъ не показываться въ университетѣ,—педеля помѣчаютъ ихъ постоянно посѣщающими университетъ".

По § 14-му правила о зачетѣ полугодій студентамъ, „за исправнымъ посѣщеніемъ университета имѣетъ наблюденіе инспекція, исправное-же посѣщеніе лекцій, участіе въ научно-практическихъ занятіяхъ, въ повѣрочныхъ испытаніяхъ и прилежаніи въ домашнихъ работахъ удостовѣряютъ преподаватели, которые въ этихъ занятіяхъ руководили студентовъ". Въ посѣщеніи-же университета студентами инспекція удостовѣряется производимымъ педелями осмотромъ вѣшалокъ въ шинельной, гдѣ каждому студенту назначенъ особый № вѣшалки, на № пишется фамилія студента. Если на номерѣ вѣшалки висятъ пальто и фуражка, стало-быть студентъ въ университетѣ; если не висятъ, значитъ студента нѣтъ. Этотъ способъ повѣрки иногда вводитъ въ ошибку. Былъ такой случай: поднятъ былъ вопросъ о продолженіи выдачи стипендіи одному студенту историко-филологическаго факультета. Инспекторъ заявилъ, что, по свѣдѣніямъ инспекціи, этотъ студентъ не посѣщалъ университета цѣлый семестръ; деканъ-же и профессора факультета утверждали, что студентъ постоянно посѣщалъ лекціи. Выходило, что студентъ ухитрялся, не посѣщая университета, посѣщать лекціи, въ немъ читаемыя. По справкѣ дѣло объяснилось просто: этотъ студентъ по болѣзни раздѣвался не въ шинельной, а въ музеѣ, гдѣ оставлялъ свое верхнее платье и фуражку и шелъ на лекціи, а его № на вѣшалкѣ цѣлое полугодіе оставался пустымъ. Продолжаю разсказъ моего знакомаго: „а кто не даетъ педелямъ на водку, на того они доносятъ инспектору, какъ на непосѣщающаго университетъ, а кто, сверхъ того, имъ и руки не подаетъ, того прямо представляютъ неблагонадежнымъ. Педеля-де вездѣ подслушиваютъ, даже къ дверямъ ватеръ-клозета прикладываютъ ухо. А на ихъ донесеніяхъ инспекторъ будто-бы основываетъ свое мнѣніе о студентахъ. Инспекторъ, говорятъ, устроилъ хоръ шпіоновъ. Составленъ имъ и небольшой оркестръ... тоже изъ шпіоновъ". Сообщавшій мнѣ передавалъ это какъ слухи, и, конечно, не ручался за достовѣрность.

Было-бы возмутительно, если-бы лицо, поставленное во главѣ наблюденія за молодыми людьми, обучающимися въ высшемъ учебномъ заведеніи, завело себѣ шпіоновъ изъ числа этихъ-же молодыхъ людей. Но доказательствъ этого возмутительнаго факта

не представляется; говорятъ голословно: „развелъ шпіоновъ", „хоръ шпіоновъ", „оркестръ шпіоновъ". Но гдѣ-же эти шпіоны? Кто изъ нихъ и что̀ именно доносилъ инспектору? Да и станетъ-ли опытный, заслуженный педагогъ,—а таковъ нынѣшній инспекторъ студентовъ,— это дѣлать? Да и нужны-ли инспектору шпіоны изъ студентовъ, когда онъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи не только помощниковъ своихъ, но и служителей инспекціи (педелей)? И помощники инспектора, и педеля, по долгу службы, обязаны доносить инспектору о проступкахъ студентовъ. Я рѣшительно отвергаю возможность этого возмутительнаго факта и отношу слухъ о заведеніи и разведеніи шпіоновъ инспекторомъ студентовъ къ числу злонамѣренныхъ вымысловъ. И дѣйствительно, самое преувеличенное число шпіоновъ, выражающееся въ словахъ „хоръ шпіоновъ", „оркестръ шпіоновъ", такъ и звучитъ желаніемъ сказать красное словцо. Такимъ-же вымысломъ отдаетъ и отъ подробнаго разсказа о похожденіяхъ студента К—я и о распростертыхъ объятіяхъ, чуть не поцѣлуѣ инспектора студентовъ, о которомъ вообще говорятъ, что онъ слишкомъ гордъ и недоступенъ. Что инспекторъ обращаетъ вниманіе даже на мелкія нарушенія установленной для студентовъ формы, это служитъ лишь къ его чести,— онъ и обязанъ это дѣлать. Какъ педагогъ, онъ очень хорошо знаетъ, что мелкія нарушенія скоро и незамѣтно переходятъ въ крупныя, что, для избѣжанія крупныхъ нарушеній закона, необходимо не пропускать и мелкихъ нарушеній. Неужели лучше и похвальнѣе поступать такъ, какъ поступаетъ, по слухамъ, инспекторъ студентовъ другаго университета, который смотритъ сквозь пальцы на проступки студентовъ, при случаѣ не прочь и выпить съ ними и который недавно, во время безпорядковъ въ томъ университетѣ, встрѣченъ былъ громкими рукоплесканіями сходки? Это-ли желательный инспекторъ студентовъ?

Изъ всего, что извѣстно о дѣятельности инспектора студентовъ казанскаго университета, нѣтъ ни единаго факта, обличающаго его виновность, заставляющаго видѣть, что онъ причина студенческихъ безпорядковъ.

Изъ обвиненій, возводимыхъ на инспектора, самое серьезное, это—двукратное исключеніе (лѣтомъ и осенью 1887 г.) студентовъ изъ университета безъ извѣстныхъ студентамъ и обществу

причинъ. Такія темныя, наружно-безпричинныя исключенія, по моему убѣжденію, не должны-бы имѣть мѣста. Я не сомнѣваюсь, что студенты исключены по основательнымъ причинамъ, въ такомъ случаѣ почему-же не объявить этихъ причинъ исключеннымъ? Есть, напримѣръ, слухъ или предположеніе, что студенты исключены будто-бы за то, что пѣли „Вѣчная память" передъ квартирою попечителя 19-го февраля 1887 года; называютъ даже одного студента (изъ подвергшихся удаленію изъ университета еще въ 1882 г. и послѣ принятаго въ студенты), который дѣйствительно пѣлъ и могъ быть легко замѣченъ, какъ выдававшійся и голосомъ и ростомъ. Если это такъ, если студенты исключены за „Вѣчную память", то слѣдовало-бы прямо объявить имъ это, потому что поступокъ, ими совершенный, ни въ комъ, надѣюсь, не нашелъ одобренія; впрочемъ, объ этомъ фактѣ я скажу послѣ. Но относительно исключенія студентовъ трудно рѣшить вопросъ—кто былъ виною этого исключенія, и не безъ основанія можно предположить, что виновниками исключенія были сами исключенные: безъ вины не стали-бы исключать. Кромѣ того, слѣдуетъ замѣтить, что не исключеніе вызвало послѣдніе студенческіе безпорядки,—это можно утверждать положительно, потому что, если-бы исключенія были причиною или поводомъ къ безпорядкамъ, то объ этихъ исключеніяхъ было-бы заявлено въ одномъ изъ первыхъ пунктовъ петиціи студентовъ казанскаго университета. Но объ исключеніи студентовъ въ петиціи ни слова, тогда какъ по прежнимъ примѣрамъ слѣдовало-бы ожидать, что студенты станутъ требовать возвращенія исключенныхъ, какъ въ 1882 г., напримѣръ, требовали возвращенія студента Воронцова. Ясно, что объ исключенныхъ студентахъ иниціаторы безпорядковъ 1887 г. и не думали.

Изъ обвиненій на инспекцію вообще, мнѣ кажется, болѣе всего заслуживаетъ вниманія слухъ о педеляхъ или служителяхъ инспекціи. Этому новому учрежденію трудно сочувствовать. И чѣмъ больше будетъ на педелей возлагаться обязанностей по надзору за студентами, тѣмъ болѣе можно ожидать неудобствъ. Педеля получаютъ самое незначительное содержаніе, поэтому ихъ приходится выбирать изъ служителей, — они и называются служителями инспекціи, — т. е. изъ лицъ едва грамотныхъ. Можно-ли безъ опасенія поручать такимъ лицамъ хотя-бы малую

часть надзора за учащеюся молодежью развитою, которая и по возрасту и по степени образованія имѣетъ право на нѣкоторое вниманіе и уваженіе, — magna debetur puero (а тѣмъ болѣе juveni) reverentia, говоритъ педагогическій кодексъ. Какъ-же къ такимъ молодымъ людямъ приставить надсмотрщиковъ и дядекъ чуть не безграмотныхъ? Въ состояніи-ли такія лица отнестись къ университетской молодежи должнымъ образомъ? Если трудно найти помощниковъ инспектора студентовъ, вполнѣ пригодныхъ для точнаго и разумнаго исполненія возложенныхъ на нихъ обязанностей наблюденія за студентами, то какъ-же хотя-бы самую малую долю этихъ обязанностей возлагать на служителей? Наблюденіе-же за посѣщеніемъ студентами университета есть одна изъ самыхъ важныхъ и самыхъ щекотливыхъ обязанностей инспекціи, какъ гарантирующая спокойствіе университета, ибо только усердными занятіями студентовъ наукою и могутъ быть обезпечены порядокъ и спокойствіе университетовъ. Возложеніе этого наблюденія на педелей, хотя-бы въ формѣ осмотра вѣшалокъ, отведенныхъ для верхняго платья студентовъ, едва-ли удобно и практично. Отъ посѣщенія студентами университета зависитъ зачетъ полугодій, слѣдовательно, за этимъ необходимо совершенно добросовѣстное, вполнѣ точное, чуждое всякихъ ошибокъ, наблюденіе. А ошибки такъ возможны. Я не представляю въ примѣръ разсказаннаго мною случая со студентомъ-филологомъ,—это случай исключительный, хотя и могущій повторяться по временамъ, потому что студенты могутъ оставлять свое верхнее платье въ музеѣ, въ кабинетахъ, въ лабораторіи, чтобы имѣть платье ближе къ себѣ, №№ вѣшалокъ этихъ студентовъ будутъ пустовать, а педеля отмѣчать студентовъ не посѣщающими университета.

Кромѣ того, обращу вниманіе на возможность частыхъ ошибокъ при такомъ способѣ провѣрки. Повѣряющее лицо обходитъ вѣшалки, помѣчаетъ какіе номера вѣшалокъ пустые; выводится заключеніе, что студенты, фамиліи которыхъ означены на этихъ номерахъ, не посѣщали университета въ этотъ день; а, между тѣмъ, они посѣщали университетъ и были на всѣхъ своихъ лекціяхъ, а номера ихъ на вѣшалкахъ найдены надсмотрщикомъ пустыми, потому что въ тотъ часъ, когда онъ дѣлалъ осмотръ, у этихъ студентовъ часы были свободны, лекцій не было, и

студентъ на свободный часъ уходилъ изъ университета. Для избѣжанія ошибокъ, лицо, осматривающее вѣшалки, должно имѣть при себѣ полный списокъ студентовъ, съ обозначеніемъ обязательныхъ для каждаго лекцій, и росписаніе лекцій, и, при осмотрѣ каждаго номера вѣшалки, справляться не свободенъ-ли этотъ часъ, въ который онъ осматриваетъ, у студента, хозяина пустаго номера вѣшалки. Но дѣлаютъ-ли такъ педеля?

При слухахъ объ образѣ дѣйствія педелей невольно на мысль приходитъ вопросъ: „а что если дѣйствительно педеля, по чувству-ли самолюбія, задѣтаго неподаваніемъ студентами руки, или по корыстолюбію, намѣренно дѣлаютъ неправильныя донесенія инспектору? Согласитесь, что такая мысль возбуждаетъ тревогу. И невольно спросишь: можетъ-ли инспекторъ контролировать дѣйствія педелей и можетъ-ли смѣло отвѣчать, что злоупотребленій со стороны педелей не бываетъ и быть не можетъ? А если инспекторъ не можетъ ручаться за педелей, то какъ-же отдавать, нѣкоторымъ образомъ, судьбу учащихся въ университетѣ молодыхъ людей въ руки безграмотныхъ или полуграмотныхъ приставниковъ?

Впрочемъ, хотя я и не сочувствую институту университетскихъ педелей, но почитаю обязанностью заявить, что не поступки педелей были причиною послѣднихъ студенческихъ безпорядковъ въ казанскомъ университетѣ. О педеляхъ не только въ петиціи, но и въ частныхъ разговорахъ на сходкахъ, по слухамъ, и рѣчи не было. Изъ предыдущаго видно, что инспекторъ и инспекція едва-ли могутъ быть признаны виновными въ безпорядкахъ студенческихъ.

Указываютъ еще на „одну изъ самыхъ главныхъ причинъ" недовольства студентовъ и нынѣшняго студенческаго движенія, именно на „нелѣпое и чудовищное" положеніе о стипендіяхъ, благодаря которому въ петербургскомъ университетѣ изъ 100 стипендій на проценты съ капитала, пожертвованнаго въ Бозѣ почившимъ государемъ императоромъ Александромъ II, замѣщено будто-бы только 30. Говорятъ, что стипендіи могутъ быть назначаемы только чрезъ полтора года послѣ подачи студентомъ прошенія или заявленія о желаніи получать стипендію. Справимся съ положеніемъ о стипендіяхъ и посмотримъ, справедливо-ли то, что̀ говорятъ и въ чемъ видятъ причину студенче-

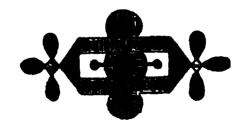
скихъ волненій. Точно-ли такъ нелѣпо положеніе о стипендіяхъ, какъ представляютъ.

Стипендіи, на основаніи § 4 правилъ о назначеніи стипендій, назначаются „тѣмъ даровитымъ студентамъ недостаточнаго состоянія, о поведеніи которыхъ будутъ даны одобрительные отзывы инспектора и о которыхъ будутъ представлены ходатайства факультетовъ, основанныя на успѣшности ихъ занятій въ теченіе полугодія и на результатахъ состязательныхъ испытаній". Слѣдовательно, стипендіи могутъ быть назначаемы черезъ полгода послѣ поступленія студента въ университетъ. Это, по моему мнѣнію, совершенно правильно, потому что вообще желательно и справедливо, чтобы стипендіи давались дѣйствительно занимающимся студентамъ, а не назойливымъ лишь и неотступно просящимъ. Но на что-же, спросятъ, существовать бѣдняку, поступившему въ университетъ, первое полугодіе? Отвѣтъ на этотъ вопросъ дается § 5-мъ правилъ, который гласитъ: „Пособія могутъ быть назначаемы и лицамъ, только-что принятымъ въ университетъ, на основаніи представленныхъ ими аттестатовъ зрѣлости". Что-же тутъ нелѣпаго, стѣснительнаго и чудовищнаго? Если правда, что въ петербургскомъ университетѣ изъ ста стипендій имп. Александра II заняты только тридцать, то это можетъ лишь указывать на недостаточное число студентовъ, дѣйствительно занимающихся и достойныхъ стипендій. Кто-же въ этомъ виноватъ: правила о стипендіяхъ или студенты?

Итакъ, самый главный пунктъ, которымъ будто-бы студенты-бѣдняки болѣе всего недовольны и не могутъ не быть недовольными, при первомъ внимательномъ взглядѣ на дѣло, испаряется и оказывается вздутымъ. Странно, что толкуютъ о чудовищности правилъ о стипендіяхъ, когда и тѣни ничего чудовищнаго въ нихъ нѣтъ: не закрываютъ они дороги тѣмъ бѣднякамъ, которые поступаютъ въ университетъ съ желаніемъ заниматься наукою, а не съ цѣлью шумѣть, кричать и бить начальниковъ. Если хорошъ аттестатъ зрѣлости, то поступившему въ университетъ бѣдному юношѣ дадутъ пособіе тотчасъ по принятіи („только-что принятымъ") въ студенты. Покажетъ онъ затѣмъ въ теченіе полугодія успѣшность въ занятіяхъ и выдержитъ хорошо состязательное испытаніе, ему назначутъ стипендію, которую онъ сохраняетъ и на слѣдующія полугодія, если, само собою раз-

умѣется, при отличномъ поведеніи будетъ продолжать оказывать успѣхи въ занятіяхъ, дающіе факультету основаніе ходатайствовать о продолженіи студенту этой льготы. Стòитъ неимущему студенту вести себя отлично и учиться прилежно, и стипендія къ его услугамъ. Это очень раціонально. Нельзя-же, въ самомъ дѣлѣ, выдавать стипендіи такимъ студентамъ, которые хотятъ пить, кутить, буянить и не учиться, и которые предъявляютъ претензіи на стипендію единственно въ силу своей бѣдности. Въ правилахъ о стипендіяхъ даже предусматриваются случаи оставленія стипендіи за студентомъ, которому не зачтено полугодіе: „если на незачетъ полугодія вліяли особыя обстоятельства, не зависѣвшія отъ воли получающаго стипендію (напримѣръ, болѣзнь и проч.), то, въ случаѣ ходатайства факультета и одобрительнаго о семъ студентѣ отзыва инспектора, правленіе можетъ ходатайствовать предъ попечителемъ о сохраненіи стипендіи“. Чего-же больше? Итакъ, положеніе о назначеніи стипендій составлено разумно и справедливо, — оно не могло и не можетъ быть причиною студенческихъ безпорядковъ.

„Гражданинъ“ заявляетъ, что во всякомъ студенческомъ волненіи надо искать профèссора. Сколько мы ни искали его въ каз. университетѣ, но должны, положа руку на сердце, сказать: профессоровъ въ казанскомъ университетѣ, какъ и въ другихъ университетахъ, много; есть, конечно, не мало недовольныхъ новымъ уставомъ и открыто заявляющихъ это недовольство, такъ какъ трудно-же профессору, пользовавшемуся льготами и корпоративными правами устава 1863 года, свыкнуться вдругъ съ уставомъ, отнявшимъ эти права, которыми профессорà, безспорно, очень дорожили, хотя, по слабости человѣческой, и злоупотребляли ими; но профессоровъ, прямо мутящихъ и подстрекающихъ къ безпорядкамъ молодежь, я не знаю, ие слыхалъ ни объ одномъ такомъ профессорѣ, хотя хорошо знакомъ съ университетскою средою.



XII.

Но, можетъ быть, недовольство новымъ университетскимъ уставомъ до того часто и горячо заявлялось профессорами въ присутствіи студентовъ, въ частныхъ бесѣдахъ съ ними, что, въ концѣ концовъ, возбудило крайнее раздраженіе между учащеюся въ университетѣ молодежью и привело ихъ къ петиціи объ отмѣнѣ новаго устава университетовъ и возвращеніи къ старымъ порядкамъ? За утвердительный отвѣтъ на этотъ вопросъ сильно говоритъ тотъ фактъ, что студенты въ своей петиціи 1887 года прямо заявляютъ о необходимости отмѣны новаго университетскаго устава, и то соображеніе, что новый уставъ для студентовъ не представляетъ никакихъ особенныхъ стѣсненій. Этимъ уставомъ, употребляю энергическое выраженіе одного профессора, „всѣ профессора какъ въ кулакъ сжаты". Студенты, если судить по ихъ петиціи, недовольны подчиненіемъ ихъ инспекціи и формою. Они желаютъ подчиненія университетской коллегіи, чему нельзя не подивиться: еще такъ недавно, въ 1882 году, они заявляли въ петиціи-же полное порицаніе студенчества всей профессорской коллегіи. Они не желаютъ формы, но форма ихъ нисколько не стѣсняетъ, а только привела ихъ въ болѣе благообразный видъ. Стѣснить ихъ могло одно — увеличеніе платы, но возвышеніе платы—не плодъ устава, а позднѣйшее административное распоряженіе.

Поставленный мною выше вопросъ побуждаетъ насъ обратиться назадъ—ко времени введенія нынѣ дѣйствующаго университетскаго устава.

Новый уставъ россійскихъ университетовъ высочайше утвержденъ 23-го августа 1884 года. 8-го сентября того-же года великій скандалъ, безобразное буйство совершилось въ Кіевѣ въ день юбилейнаго торжества университета; но новый уставъ тутъ былъ не причемъ. Студенты кіевскаго университета призывались къ буйству ходившею по рукамъ гектографированною прокламаціею, въ которой говорилось о гоненіяхъ на все честное, о закрытіи лучшихъ журналовъ и библіотекъ и о томъ, что по этому поводу кто-то желалъ и надѣялся высказаться во время юбилея. „Явенъ былъ, говоритъ правительственное сообщеніе,

брошенный въ среду студентовъ умыселъ превратить академическій праздникъ въ противоправительственную демонстрацію. Въ толпѣ высказывалось рѣшеніе уничтожить всѣ выданные (для входа въ залу на юбилейное торжество) билеты и строго воспретить кому-либо изъ студентовъ являться на актъ, что и заявлялось въ гектографированныхъ прокламаціяхъ". „Во время акта, безпорядочная и безчинствующая толпа ходила по улицамъ съ крикомъ и шумомъ, пѣла „Вѣчную память", „Со святыми упокой", а затѣмъ какую-то пѣсню на мотивъ народнаго гимна".

Отмѣтимъ здѣсь два факта: запрещеніе являться на актъ и пѣніе „Вѣчной памяти", такъ какъ съ подобными фактами мы встрѣтимся и въ Казани. Изъ этихъ двухъ фактовъ особенно странно звучитъ пѣніе „Вѣчной памяти" и „Со святыми упокой". Кого отпѣвали студенты? На этотъ вопросъ, мнѣ кажется, можетъ служить отчасти отвѣтомъ слѣдующій разсказъ одного моего знакомаго, около того времени возвращавшагося изъ Вѣны. Вотъ что онъ разсказывалъ: „новое оригинальное ученіе выдумано нынче молодежью. Когда я ѣхалъ изъ Петербурга и приближался къ Москвѣ, въ нашъ вагонъ сѣло нѣсколько молодыхъ людей, повидимому студенты. Всѣ были веселы, одинъ лишь грустенъ. Онъ, какъ оказалось изъ разговоровъ, недавно потерялъ отца. Остальные молодые люди говорили ему: „и чего ты печалишься? Отецъ твой прекрасно сдѣлалъ, что умеръ: его очередь прошла, теперь твой чередъ жить и наслаждаться жизнью. Человѣкъ только до 55-ти лѣтъ можетъ пользоваться имуществомъ, которое онъ получилъ въ наслѣдство или пріобрѣлъ, и наслаждаться жизнью. А кому стукнуло 55 лѣтъ, тотъ долженъ или самъ отказаться отъ своего имущества или должно отнять у него силою: 55-ти-лѣтній человѣкъ уже не можетъ приносить пользы обществу, потому долженъ имѣть minimum содержанія, чтобы только не умереть съ голода. Онъ не имѣетъ права наслаждаться жизнью, какъ человѣкъ совершенно безполезный". Какова теорія „молодой Россіи!" Дожилъ до 55 лѣтъ, ступай въ чистую отставку; все, что пріобрѣлъ, отдай другимъ, которые молоды и могутъ приносить пользу обществу, а ты, какъ старая, негодная кляча, останься на одномъ сѣнѣ, а до овса дотрогиваться не смѣй. Наслажденія жизненныя не для

тебя, ты отжилъ свой вѣкъ. Питайся самою скудною пищею, это удѣлъ людей старыхъ. Только до 55-ти лѣтъ ты можешь наслаждаться жизнью, а послѣ этого срока или умирай, что всего прекраснѣе, или не живи, а прозябай „минимальною“, какъ выражается молодежь, „жизнью“. Идя впередъ, это ученіе можетъ дойти до сознанія необходимости просто убивать прожившихъ 55 лѣтъ, какъ безполезныхъ членовъ общества.

Кіевская молодежь, распѣвая „Вѣчную память“ и „Со святыми упокой“, не отпѣвала-ли всѣхъ тѣхъ, которые старѣе 55-ти лѣтъ и, слѣдовательно, по мнѣнію юношей, напрасно бременятъ землю?

Кіевскіе безобразники нашли себѣ подражателей въ Москвѣ, гдѣ, впрочемъ, полиція приняла энергическія мѣры тотчасъ-же. Въ Казани откликъ Кіеву выразился только въ какой-то прокламаціи будто-бы отъ имени студентовъ, приглашавшей общество заступиться за университетъ, „порабощенный и униженный“.

Несмотря на то, что въ казанскомъ университетѣ все было спокойно, въ обществѣ ходили слухи, что къ 5-му ноября, ко дню торжественнаго акта, что-то готовится, кого-то хотятъ освистать... Поэтому полиція сквозь пальцы смотрѣла на земляческіе вечера, держась того педагогическаго правила: чѣмъ-бы дитя не играло, лишь-бы не плакало; въ примѣненіи къ студентамъ, это правило звучало такъ: чѣмъ-бы студенты не тѣшились, лишь-бы не собирали сходокъ, не заводили смуты и безпорядковъ въ университетѣ. И студенты развлекались земляческими вечерами, на которыхъ, по слухамъ, дамамъ можно было быть только до 12 часовъ, а съ этого часа получала преобладаніе мертвецкая: студенты-земляки и не земляки пили и напивались до безчувствія,—„студенчество гуляло“ и тѣшилось.

Сначала, повидимому, расчетъ полиціи оправдывался. Торжественный университетскій актъ 1885 г. прошелъ тихо и благополучно. 5-го ноября 1885 года актъ университета былъ, можно сказать, блестящій: громадное стеченіе публики, масса студентовъ, краснорѣчіе оратора, профессора всеобщей исторіи Н. А. Осокина, возбудившее горячіе апплодисменты, все содѣйствовало успѣху акта, придавало ему обстановку не заурядную.

Но подъ этою блестящею внѣшностью уже скрывались зародыши тли и разложенія. Землячества дѣлали свое дѣло. „Между

студентами, говорили мнѣ, сложилась довольно крѣпкая организація, въ числѣ руководителей были исключенные прежде изъ университета, а потомъ вновь принятые, и посторонніе лица. Студенты постепенно подѣлились на землячества, каждое землячество выбираетъ депутата, и эти депутаты считаются уполномоченными студенчества и управляютъ всѣми студентами. Депутаты собираются внѣ университета, и что̀ они постановятъ, то и дѣлается".

И вотъ, въ октябрѣ 1886 года недовольные попечителемъ округа за то, что онъ обусловилъ предполагавшійся 5-го ноября балъ въ пользу бѣдныхъ студентовъ неудобными, по ихъ мнѣнію, требованіями, напримѣръ, чтобы отнюдь не было мертвецкой, депутаты издали воззваніе, приглашавшее студентовъ не являться на торжественный университетскій актъ. Наканунѣ акта, 4-го ноября, по коридорамъ и аудиторіямъ университета бѣгали „дѣятели" съ parole d'ordre: „на актъ не ходить". Ослушникамъ грозили избіеніемъ. Только получавшимъ медали разрѣшено было явиться за полученіемъ ихъ.

И только получавшіе медали и явились на актъ 5-го ноября 1886 года; остальные студенты толпами ходили по улицамъ. Распоряженіе „депутатскаго собранія" или, вѣрнѣе, вожаковъ изъ постороннихъ лицъ, руководящихъ депутатами, имѣло такую силу, что никто изъ студентовъ не смѣлъ ослушаться. Разсказываютъ, что студентъ N., сынъ одного изъ значительнѣйшихъ лицъ города, довелъ свою мать до дверей актовой залы, но самъ тотчасъ-же ретировался домой. Даже студенты ветеринарнаго института не присутствовали на этомъ актѣ. Видно было, что студентами руководила опытная рука искуснаго колонновожатаго. Полиція, какъ говорили, нагнала въ актовую залу молодыхъ наборщиковъ изъ типографіи и мелкихъ чиновниковъ, чтобы публика могла счесть ихъ за студентовъ. Во время акта студенты толпами расхаживали по Воскресенской и другимъ улицамъ, а вечеромъ собирались въ портерныхъ для празднованія годовщины основанія университета. Въ одной изъ этихъ портерныхъ, носящей названіе „Фатерландъ", собралось до 200 человѣкъ; были рѣчи, пѣлись пѣсни. Ночью къ зданію университета подходила толпа подпившихъ студентовъ,—число которыхъ стоустая молва, преувеличенно конечно, доводила до 500 человѣкъ,—орала пѣсни,

выбила окна въ кабинетѣ одного профессора. Толпа двинулась было по направленію къ квартирѣ попечителя учебнаго округа, дошла до дома Костливцева, но, увидѣвъ собранную у квартиры попечителя полицію, удалилась. Толпа подходила къ редакціи „Волжскаго Вѣстника". Одинъ изъ толпы, какъ говорили, взлѣзъ на крышу дома редакціи и, махая краснымъ шарфомъ, проревѣлъ: „vivat democratia!" Профессоръ N. разсказывалъ мнѣ, что студенты получили откуда-то зажигательнаго свойства письмо, полагаютъ отъ технологовъ, что въ студенческой толпѣ были лица посторонніе, поджигавшія студентовъ бить окна въ квартирахъ инспектора и попечителя, и что одинъ изъ этихъ постороннихъ кричалъ съ крыши редакціи „Волжскаго Вѣстника": „vivat democratia!" Слухи объ участіи въ студенческой толпѣ постороннихъ подстрекателей сильно были распространены, и потому съ вѣроятностью можно предположить, что вся демонстрація, столь смахивавшая на кіевскую, только безъ чрезмѣрныхъ безобразій послѣдней, не обошлась безъ чуждаго вліянія. Особенно выходка на крышѣ редакціи мѣстнаго журнала невольно заставляетъ повторить слова правительственнаго сообщенія о кіевскихъ безпорядкахъ: „явенъ брошенный въ среду студентовъ умыселъ превратить академическій праздникъ въ противоправительственную демонстрацію".

Послѣ такихъ выходокъ университетское начальство естественно не желало устройства обычнаго бала въ пользу бѣдныхъ студентовъ; но балъ все-же былъ устроенъ стараніями одной изъ дамъ высшаго круга, и на этомъ балу была, какъ водится, и мертвецкая. На другой день послѣ бала разослано было ко всѣмъ профессорамъ довольно большое гектографированное письмо, въ которомъ выражалось недовольство студентовъ новымъ университетскимъ уставомъ, недовольство и профессорами за то, что они терпятъ уставъ, и предъявлялись на первый разъ два требованія: устройство студенческой читальной и открытія студенческой кассы. Это письмо, по слухамъ,—плодъ сходки, на которой собиралось до 600 человѣкъ. Гдѣ была эта сходка и была-ли она подлинно—неизвѣстно. Слѣдуетъ замѣтить, что въ этомъ письмѣ студенты выражаютъ профессорамъ неудовольствіе за то, что „они терпятъ уставъ". Ясно изъ этого: студенты находили, что профессорà мало и недостаточно энергично заявляли свое недо-

вольство новымъ уставомъ. Здѣсь мы видимъ, что не профессора студентовъ, а студенты или, вѣрнѣе, ихъ вожаки и руководители возбуждаютъ профессоровъ противъ новаго устава университетовъ.

Вечера по землячествамъ или въ пользу землячествъ до того расплодились и такъ часто устраивались, что, наконецъ, обратили вниманіе правительства и вызвали распоряженіе министра народнаго просвѣщенія, въ которомъ изложено, что до него дошло свѣдѣніе о земляческихъ вечерахъ, деньги съ которыхъ нерѣдко идутъ на противозаконныя цѣли, и потому предписывается отобрать отъ студентовъ подписки о томъ, что они не будутъ участвовать ни въ землячествахъ, ни въ другихъ недозволенныхъ обществахъ, что даже въ дозволенныхъ правительствомъ обществахъ, безъ дозволенія своего начальства, они не могутъ принимать участія. Это распоряженіе взволновало было студентовъ, но ловкіе руководители и тутъ сейчасъ примѣнили свою іезуитскую практику. Депутатскимъ собраніемъ постановлено было подписки дать съ тѣмъ, чтобы не исполнять.

Депутаты продолжали дѣйствовать полновластно. Такъ, депутатами было рѣшено не являться 19-го февраля 1887 года въ университетъ, если будутъ лекціи. Лекцій не было. Въ университетской церкви на богослуженіи было всего студентовъ 30—40. А масса, человѣкъ въ 300, двинулась въ часъ пополудни на кладбище, чтобы отслужить панихиду въ 9-й день смерти врача Потѣхина, который ничѣмъ не былъ извѣстенъ, кромѣ того, что, по желанію, конечно, студентовъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда былъ студентомъ и состоялъ кассиромъ недозволенной студенческой кассы, внесъ принадлежащія студенческой кассѣ деньги, какъ-бы свои собственныя, въ общество вспомоществованія бѣдныхъ студентовъ казанскаго университета, и такимъ образомъ составилась „потѣхинская" сумма краткосрочныхъ ссудъ. Панихида по Потѣхинѣ была лишь предлогомъ,— какъ увидимъ, умыселъ иной тутъ былъ. Послѣ панихиды возвращавшаяся толпа передъ квартирою попечителя учебнаго округа, по однимъ слухамъ, остановилась, по другимъ—тихо прошла, причемъ громко пѣла „Вѣчную память". Это была уже чистая демонстрація, и демонстрація грязнаго свойства, не обнаруживающая въ демонстрантахъ ни теплоты сердца, ни тѣни гуманности: толпа знала, что пѣла передъ квартирою человѣка боль-

наго, на котораго, конечно, такая, болѣе чѣмъ непристойная, выходка могла подѣйствовать весьма вредно. Куда дѣвалось благородство, столь свойственное юности? Можно съ увѣренностію сказать, что толпою руководили люди sans foi ni loi, способные на самыя рѣзкія, крайнія мѣры. Руководителями толпы могли быть и посторонніе злонамѣренные люди и студенты изъ крайнихъ, какіе обыкновенно и выбираются въ студенческіе представители, какъ наиболѣе предпріимчивые и рѣшительные. Сколько было примѣровъ, что кассиры существовавшей прежде тайной студенческой кассы и библіотекари студенческой библіотеки, которая была открыта подъ фирмою частнаго лица, оказывались агентами подпольной шайки, у которыхъ захватывали цѣлые сундуки противоправительственныхъ прокламацій. Организація студенческихъ землячествъ, которыя, по слухамъ, продолжаютъ существовать, грозитъ бѣдою университетамъ, если заправилами этихъ землячествъ будутъ подобныя лица.

XIII.

Получены потрясающія извѣстія. Снова гидра крамолы поднимаетъ свою ядовитую голову. 1-го марта 1887 года, въ 11-ть часовъ, какъ извѣщаетъ правительственное сообщеніе, на Невскомъ проспектѣ арестованы три студента с.-петербургскаго университета съ разрывными снарядами. Арестованные показали, что они принадлежатъ къ тайному обществу. И число, и часъ, и снаряды ясно показываютъ страшный замыселъ повторить безпримѣрное злодѣяніе 1-го марта 1881 года. Когда-же окончатся эти ужасы? Когда священная для русскаго народа жизнь Монарха будетъ священною для всѣхъ подданныхъ? Когда учащаяся молодежь перестанетъ быть гнуснымъ и презрѣннымъ орудіемъ преступной воли революціонеровъ? Въ числѣ арестованныхъ былъ и Осипановъ, исключенный изъ казанскаго университета въ 1882 году и, къ сожалѣнію, опять принятый въ казанскій университетъ, а впослѣдствіи перешедшій въ петербургскій. Снова разсылаются возмутительныя прокламаціи, приглашающія къ открытому возстанію. Страшное время! Берегитесь, учащіеся юноши! На васъ особенно

разсчитываютъ коноводы политической смуты, васъ стараются опутать своими сѣтями, развратить своими желчными софизмами и убійственною ложью.

На адресѣ с.-петербургскаго университета Государь Императоръ благоволилъ наложить такую резолюцію: „Благодарю с.-петербургскій университетъ и надѣюсь, что на дѣлѣ, а не на бумагѣ только, онъ докажетъ свою преданность и постарается загладить тяжелое впечатлѣніе, произведенное на всѣхъ участіемъ студентовъ въ преступномъ замыслѣ. Да благословитъ его Господь на все доброе". Дай Богъ, чтобы полныя сердечности слова Государя дошли до глубины сердецъ студентовъ всѣхъ университетовъ, чтобы они всегда питали горячую, исто-русскую преданность къ Августѣйшему Вождю народа русскаго.

Въ высшей степени горько и тяжело было мнѣ слышать слова извозчика-крестьянина: „а наши студенты, подлецы, опять, слышь, на царя бунтуютъ?" И снова не могу не обратиться мыслію къ нѣмецкимъ студентамъ и не сравнить ихъ съ русскими. Студенты германскихъ университетовъ, въ день 90-ти-лѣтія императора, въ мартѣ мѣсяцѣ, дѣлаютъ восторженныя оваціи не только императору, но и Бисмарку, и Мольтке, а наши студенты, увы! поютъ „Вѣчную память", и находятся между ними злодѣи-динамитчики, рыскающіе, какъ одержимые бѣшенствомъ, по Невскому проспекту съ разрывными снарядами, кровожадно стремясь къ цареубійству. Позоръ, позоръ! Стыдно и страшно за нашу учащуюся молодежь!

Съ 19-го февраля 1887 г. до окончанія учебнаго года въ казанскомъ университетѣ все, повидимому, было спокойно.

Послѣ экзаменовъ, когда студенты разъѣхались по домамъ, разнесся слухъ, что нѣсколько студентовъ, кажется, 15-ть, исключены изъ университета; затѣмъ, заговорили объ исключеніи еще 11-ти или 12-ти. Эти исключенія были непріятною неожиданностію и возбудили толки и неудовольствія. Старались узнать—почему исключены, но узнать положительно не могли, были лишь догадки, что исключены пѣвшіе „Вѣчную память" передъ квартирою попечителя. Неудовольствіе противъ инспектора было возбуждено сильное, студенты во всемъ обвиняли инспектора, „онъ-де натравливаетъ попечителя на студентовъ". Осенью слышно было про сходки въ частныхъ домахъ и на

лугахъ за рѣкою Казанкою; но лекціи начались тихо, спокойно. Начальство было, какъ и въ 1882 году, убаюкано этимъ спокойствіемъ,—„казанскіе студенты, говорило студенческое начальство, такъ апатичны, что отъ нихъ никакого нарушенія порядка ожидать нельзя,—ничего быть не можетъ и внѣ университета, а ужъ въ стѣнахъ университета смѣло можно ручаться за спокойствіе.

Какъ ни утѣшительны были тишина и спокойствіе, съ которыми начались и происходили учебныя занятія въ казанскомъ университетѣ въ 188⁷/₈ академическомъ году, но справедливость требуетъ замѣтить, что увеличеніе платы за слушаніе лекцій,—пунктъ весьма важный и существенный для большинства студентовъ, „безпричинныя", какъ ихъ называли, исключенія, наводившія панику и заставлявшія каждаго подумать: „пожалуй, и меня исключатъ", и распространившееся между студентами и укоренившееся, хотя и безъ достаточныхъ основаній, недовольство инспекторомъ,—все это, вмѣстѣ, могло возбуждать опасенія за будущее спокойствіе университета. Хотя всѣ эти обстоятельства и не были настолько сильны, чтобы произвести взрывъ, иначе взрывъ послѣдовалъ-бы уже въ началѣ семестра, когда свѣжо еще было впечатлѣніе, произведенное исключеніями; но, при первомъ случаѣ, всѣми этими обстоятельствами легко могли воспользоваться такія лица, которыя устроили процессію мимо квартиры попечителя съ пѣніемъ „вѣчная память", хотя эта процессія въ то время не только не вызывалась какими-нибудь поводами, но даже могла и должна-бы быть остановлена однимъ соображеніемъ о негуманномъ и безобразномъ свойствѣ этой выходки. Такъ какъ исторія университетовъ показываетъ, что демонстраціи, особенно въ послѣдніе годы, обыкновенно пріурочивались ко дню акта, чтобы сдѣлать демонстрацію публичнѣе и грандіознѣе, то естественно было ожидать чего-либо 5-го ноября. Къ этому дню, дѣйствительно, готовилась прежняя молчаливая, но краснорѣчивая демонстрація со стороны студентовъ. Въ первыхъ числахъ ноября между студентами ходила и передавалась на лекціяхъ отъ студента къ студенту такая записка: „студенты, понимающіе все деморализующее вліяніе настоящаго управленія и желающіе быть послѣдовательными (вспомните прошлогодній актъ), приглашаются не являться на актъ и въ нынѣшнемъ году, желая показать свое презрѣніе къ этому торжеству. Большинство изъявило на это согласіе".

5 ноября 1887 г., торжественный актъ казанскаго университета снова блисталъ отсутствіемъ студентовъ. Вечеромъ былъ балъ въ пользу недостаточныхъ студентовъ въ дворянскомъ собраніи. Дали имъ залу съ условіемъ, чтобы, кромѣ чаю, никакихъ напитковъ не было. Согласились. А какъ начался балъ, послали спросить,—нельзя-ли, молъ, къ чаю рому и коньяку. Не разрѣшено. Тогда они ухитрились пронести водку въ зельтерскихъ бутылкахъ въ такомъ изрядномъ количествѣ, что перепились на славу, разбили двѣ двери и шкафъ. Выходцы изъ мертвецкой, пошатываясь, показывались и на площадкѣ и въ залѣ, а къ концу бала, въ шинельной, просто валялись, какъ мертвыя тѣла. Очевидно, студенты этимъ безшабашнымъ пьянствомъ демонстрировали противъ запрещенія не только имѣть мертвецкую, но и вообще водку и пиво, и противъ распоряженія ограничиваться чаемъ. Университетское начальство, видно, опасалось чего-то: на актѣ и на балу не было ни попечителя, ни инспектора, а на балѣ и помощника попечителя не было. Около квартиры попечителя стояли пѣшіе и конные полицейскіе. Все было на чеку. Mala omina.

24-го ноября между студентами въ университетѣ ходило слѣдующее гектографированное опредѣленіе студенческаго суда надъ студентомъ К. К—ымъ М—мъ: „судъ, вслѣдствіе данныхъ ему полномочій, постановилъ: студента М—ва за употребленіе присланныхъ изъ Симбирска денегъ съ разрѣшенія инспектора, но безъ разрѣшенія студенчества, за бытность на актѣ и другіе безчестные поступки—не допускать ни къ какимъ студенческимъ учрежденіямъ, знакомство съ нимъ считать стыдомъ для студента, и если его оскорбятъ, студенчество защищать его не будетъ“.

Изъ этого гектографированнаго объявленія было очевидно, что существуетъ какой-то неузаконенный судъ студенческій, дѣйствующій „вслѣдствіе данныхъ ему полномочій“, вѣроятно, студентами или, вѣрнѣе, депутатами землячествъ. Этотъ судъ произноситъ и объявляетъ, во всеобщее свѣдѣніе студентовъ, приговоръ надъ студентомъ М. за исполненіе имъ приказаній инспектора, за присутствіе на торжественномъ актѣ и пр., приговоръ чистаго отлученія отъ сообщества студентовъ, нѣчто въ родѣ херима еврейскихъ кагаловъ.

Какъ приглашеніе о неявкѣ на актъ, такъ въ особенности постановленіе студенческаго суда — дурныя предзнаменованія, указывающія, что приближается смута...

XIV.

Когда объявлялся приговоръ самозваннаго казанскаго студенческаго суда надъ студентомъ М., въ Москвѣ уже происходили студенческіе безпорядки. 4-го декабря въ нашихъ мѣстныхъ газетахъ появилась телеграмма слѣдующаго содержанія:

„Въ Правительственномъ Вѣстникѣ напечатано: „22-го ноября сего года [1]), въ Москвѣ, въ залахъ (россійскаго) благороднаго собранія во время концерта (съ благотворительною цѣлію даннаго) въ пользу недостаточныхъ студентовъ (и фонда оркестра и хора московскаго университета), студентъ 3-го курса юридическаго факультета Синявскій, въ то время, когда инспекторъ студентовъ шелъ по одной изъ залъ, сзади приблизился къ нему и нанесъ оскорбленіе дѣйствіемъ. Синявскій былъ (тутъ-же) арестованъ (а концертъ продолжался и окончился въ полномъ порядкѣ). Возмутительный фактъ грубаго насилія (совершенный къ тому-же въ обстановкѣ, требовавшей со стороны студентовъ, являвшихся какъ-бы хозяевами вечера, усиленнаго порядка и вѣжливости относительно собравшейся публики) долженъ былъ, повидимому, возбудить взрывъ негодованія (со стороны молодежи, имѣющей честь принадлежать къ старѣйшему изъ русскихъ университетовъ). Къ сожалѣнію, часть студентовъ, по началу незначительная, отнеслась сочувственно къ недостойному поступку товарища и, побуждаемая лицами, постоянно и вездѣ ищущими смуты, задумала устройство сходки на университетскомъ дворѣ во вторникъ 24-го ноября. (Получивъ заблаговременно свѣдѣнія о мѣстѣ и времени сходки, московскій) генералъ-губернаторъ принялъ необходимыя мѣры (къ предупрежденію нарушенія порядка). Собравшаяся на Моховой близь зданія стараго университета толпа около 800 человѣкъ, состоявшая главнымъ образомъ изъ студентовъ университета, нѣсколькихъ воспитанниковъ другихъ высшихъ учебныхъ заведеній и праздныхъ жителей, была своевременно остановлена; университетскія ворота были заперты и (прибывшій на мѣсто безпорядка, по приказа-

---

[1]) Въ скобкахъ я помѣщаю подлинныя слова правительственнаго сообщенія, пропущенныя телеграммою, которая передала сообщеніе съ пропускомъ нѣкоторыхъ существенныхъ мѣстъ. П. Ш.

нію генералъ-губернатора,) оберъ-полицеймейстеръ убѣждалъ собравшихся разойтись. Толпа держала себя сдержанно (обѣщала исполнить обращенное къ ней приглашеніе), но не расходилась. Тогда сотня казаковъ была вызвана и поставлена [1]) на нѣкоторомъ разстояніи. Обращенное вслѣдъ затѣмъ приглашеніе прекратить недозволенное сборище было немедленно исполнено. Въ то-же время въ университетѣ значительное большинство студентовъ совершенно спокойно продолжало слушаніе профессорскихъ лекцій, и только человѣкъ около двухъ сотъ самовольно прекратили занятія и вышли на университетскій дворъ съ цѣлью образовать сходки. Приглашенные въ актовую залу ректоромъ университета, они, поначалу, шумно требовали смѣны инспектора и безнаказанности своего поступка, но послѣ категорическаго заявленія попечителя учебнаго округа, что нарушеніе порядка безнаказаннымъ остаться не можетъ, и что степень взысканія будетъ зависѣть отъ ихъ дальнѣйшаго поведенія, они подчинились требованію попечителя разойтись изъ университета и оставить свои билеты у находившагося тутъ-же ректора. Казалось-бы, что не имѣвшее повода возбужденіе должно было затихнуть, но подстрекаемая неблагонамѣренными товарищами, та-же часть студентовъ возобновила на слѣдующій день попытку организовать сходку близь университетскихъ клиникъ по Рождественкѣ и 26-го (числа)—на нарышкинскомъ проѣздѣ близь Екатерининской больницы, гдѣ занимается 5-й курсъ студентовъ-медиковъ, вовсе не принимавшихъ участіе въ этомъ неосмысленномъ движеніи. Попытку у Рождественскихъ клиникъ удалось прекратить безпрепятственно, сходку-же у Екатерининской больницы, въ виду упорства собравшихся, пришлось разсѣять движеніемъ жандармовъ и полиціи, причемъ (какъ оказалось по собраннымъ совершенно точнымъ свѣдѣніямъ) никому не (было) нанесено увѣчій или тяжкихъ поврежденій. Въ виду не прекращавшихся безпорядковъ, генералъ-губернаторъ призналъ необ-

---

[1]) Въ текстѣ правительственнаго сообщенія, послѣ слова „приглашенія", сказано: „но не приводила въ исполненіе обѣщанія. Тогда, вслѣдствіе требованія генералъ-маіора Юрковскаго, заранѣе приготовленная сотня казаковъ была вызвана, по распоряженію генералъ-губернатора князя В. А. Долгорукова, и остановлена". П. Щ.

ходимымъ немедленно арестовать и выслать на мѣсто родины или проживанія родителей студентовъ, уже заранѣе обратившихъ на себя вниманіе своею неблагонадежностью и вредно вліявшихъ на товарищей въ данномъ случаѣ. Въ свою очередь, правленіе университета исключило 27 студентовъ, замѣченныхъ въ подстрекательствѣ и въ появленіи на всѣхъ предполагавшихся сходкахъ. Исключенные студенты (по распоряженію генералъ-губернатора князя В. А. Долгорукова, были тогда-же) арестованы и подвергнуты удаленію изъ столицы. (Озабочиваясь немедленнымъ водвореніемъ порядка и признавая мѣры увѣщанія относительно студентовъ уже исчерпанными), генералъ-губернаторъ еще въ четвергъ 26-го ноября находилъ полезнымъ временное прекращеніе университетскихъ занятій, но „получивъ точныя свѣдѣнія отъ университетскаго начальства, что около 2,500 студентовъ изъ 3,544 человѣкъ продолжаютъ спокойно посѣщать лекціи (и не желая обращать на невинныхъ кару, заслуженную ихъ товарищами), временно призналъ возможнымъ не настаивать на приведеніи въ исполненіе этого предположенія. (Въ пятницу) 27-го числа среди бывшей до того спокойной части студентовъ появилось возбужденіе, какъ слѣдствіе злоумышленно распускаемыхъ слуховъ о мнимой смерти двухъ студентовъ, будто-бы пострадавшихъ при разсѣяніи сходки у Екатерининской больницы. Никакія мѣры увѣщанія (попечителя и ректора университета, ссылавшихся на безусловное удостовѣреніе генералъ-губернатора, что ничто подобнаго не существовало, предлагавшихъ назвать имена мнимо-умершихъ, и когда таковыя назывались, представлявшихъ безспорныя доказательства нелѣпости вымысла,) не достигали цѣли. (Въ субботу) 28-го (числа) слухи эти овладѣли всѣми слушателями новаго университета, прекратившими учебныя занятія и окончательно вышедшими изъ предѣловъ повиновенія. (Наступилъ тотъ психическій моментъ, когда толпа утрачиваетъ всякую способность разумнаго пониманія и не подчиняется уже болѣе никакому убѣжденію). Попечитель (учебнаго округа довелъ до свѣдѣнія генералъ-губернатора о происходящемъ въ университетѣ и, получивъ согласіе его сіятельства), вошелъ съ ходатайствомъ къ министру народнаго просвѣщенія о временномъ прекращеніи лекцій и занятій во всѣхъ университетскихъ зданіяхъ и клиникахъ.

(По полученіи согласія его высокопревосходительства дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Делянова, въ понедѣльникъ утромъ) 30-го ноября въ университетѣ были времено прекращены занятія впредь до особаго распоряженія.

(Нарушеніе порядка значительною частью студентовъ московскаго университета, составляя по себѣ печальное явленіе, вызвало необходимость твердаго образа дѣйствій. Малѣйшая попытка итти дальше въ этомъ направленіи будетъ немедленно подавлена распоряженіемъ мѣстной администраціи. Самое-же временное прекращеніе лекцій въ университетѣ даетъ возможность обдуматься студентамъ, потерявшимъ способность трезваго обсужденія ничѣмъ не вызванныхъ обстоятельствъ и вмѣстѣ съ тѣмъ постановленія со стороны университетскаго начальства тѣхъ условій, при коихъ будетъ признано возможнымъ возобновленіе временно пріостановленныхъ занятій)".

Грустно читать это повтореніе казанскихъ волненій 1882 г. съ нѣкоторыми видоизмѣненіями и въ несравненно бо̀льшемъ размѣрѣ. То-же оскорбленіе лица начальствующаго, то-же требованіе удаленія его отъ должности, тѣ-же уличныя демонстраціи, тѣ-же ложные слухи объ убійствѣ студентовъ, все то-же, только въ увеличенномъ масштабѣ, такъ какъ число слушателей московскаго университета болѣе чѣмъ втрое больше, чѣмъ въ казанскомъ. Несмотря на то, что въ началѣ хотѣли подѣйствовать мягкими мѣрами, убѣжденіемъ, увѣщаніями, зарвавшіеся студенты не внимали увѣщаніямъ, пришлось прибѣгнуть даже къ движенію жандармовъ и полиціи, для разогнанія упорной сходки, и, въ концѣ концовъ, принята та-же мѣра, какъ и въ Казани въ 1882 году, прекращены временно занятія во всѣхъ университетскихъ зданіяхъ и клиникахъ, т. е. временно закрытъ университетъ.

Жаль мнѣ моей alma mater. Старѣйшій изъ русскихъ университетовъ! Что́ дѣлаютъ съ тобою теперешніе сыны твои! Какому поруганію, какому позору тебя подвергаютъ! Ты являешься зачинщикомъ безпорядковъ,—пожалуй, еще сдѣлаютъ изъ тебя подстрекателя...

Нельзя не пожалѣть, что правительственное сообщеніе передано телеграммою съ существенными сокращеніями. Къ числу такихъ сокращеній я отношу опущеніе мѣръ, которыя прини-

маемы были попечителемъ и ректоромъ для убѣжденія студентовъ въ ложности слуховъ о смерти двухъ изъ нихъ. Особенно существенно было-бы знать студентамъ другихъ университетовъ конецъ сообщенія со словъ „Нарушеніе порядка“, потому что этотъ конецъ ясно указываетъ, что правительство признаетъ необходимость твердаго образа дѣйствій и что малѣйшая попытка со стороны студентовъ повлечетъ немедленно подавленіе этой попытки силою. Такого рода правительственныя сообщенія должны передаваться съ буквальною точностью, а не измѣняться и сокращаться по произволу телеграфнаго агентства.

Можно было ожидать, что безпорядки, бывшіе въ московскомъ университетѣ, отразятся и на другихъ. Развезенные въ разные стороны исключенные студенты московскаго университета разнесутъ заразу и по другимъ университетамъ, а стерегущіе вампиры снова съ наслажденіемъ вопьются въ кровь учащейся молодежи... Мои опасенія, къ сожалѣнію, сбылись. Въ тотъ-же день, въ который въ Казань пришла телеграмма, заключавшая выше прописанное правительственное сообщеніе, начались безпорядки и въ казанскомъ университетѣ и начались самымъ буйнымъ, неистовымъ взрывомъ.

4-го декабря 1887 года студенты казанскаго университета, у которыхъ была первая лекція (10-й часъ), мирно пришли въ университетъ; все было тихо, какъ обыкновенно. Ничто не предвѣщало чего-либо особеннаго. Прослушавъ первую лекцію, нѣкоторые, у которыхъ 11-й и 12-й часъ лекцій не было, сходили домой и около 12-ти часовъ совершенно спокойно шли на 4-ю лекцію (1-й часъ); но, къ крайнему удивленію, подходя къ университету, увидѣли множество полицейскихъ у парадняго входа университета, толпу народа и услышали два многозначительныхъ слова: „тамъ сходка“.

Сходка образовалась нежданно-негаданно, но, очевидно, была подготовлена ранѣе. По разсказамъ очевидцевъ, около 11-ти часовъ пришла въ парадныя сѣни университета небольшая толпа студентовъ изъ курильной; толпа постепенно увеличивалась. Студентъ-еврей П. что-то говорилъ въ кучкѣ. Нѣкоторые слышали слова: „уже 150 человѣкъ исключено“. Этотъ студентъ П. три раза ходилъ къ инспектору спрашивать у него, за что его арестуютъ. Вышедши въ третій разъ отъ инспектора, онъ

хлопнулъ рука объ руку и крикнулъ: „готово!“ По этому возгласу, толпа, какъ ошалѣвшая, съ визгомъ, крикомъ, гамомъ бросилась по нижнему коридору. Въ этой толпѣ, по слухамъ, было не мало выпившихъ, какъ и въ 1882 году. Инспекторъ, вышедшій на этотъ шумъ, разставилъ руки, преграждая дорогу толпѣ, и сказалъ: „куда, господа, куда? Не ходите“. Его оттолкнули, по другимъ показаніямъ, даже ударили. Буйная толпа съ дикими криками и взвизгиваніями пронеслась мимо него, взбѣжала по лѣстницѣ и помчалась по верхнему коридору къ актовой залѣ. Инспекторъ слѣдовалъ за толпою; къ нему въ верхнемъ коридорѣ присоединился помощникъ инспектора Войцеховичъ. Войдя въ залу, инспекторъ прошелъ въ средину толпы и обратился къ нимъ съ словами: „господа, именемъ закона приглашаю васъ разойтись“. На это ему закричали: „вонъ, вонъ!“ Инспекторъ еще разъ предложилъ разойтись. Раздались дикіе вопли: „бей его, бей!“ И произошла такая сумятица, что, по разсказамъ, позеленѣло въ глазахъ у всѣхъ: и у дѣйствовавшихъ, и у терпѣвшихъ, и у свидѣтелей. Чтó произошло—порядкомъ никто разсказать не въ состояніи. Одинъ безспорный фактъ констатированъ самимъ пострадавшимъ инспекторомъ студентовъ: студентъ Константинъ Алексѣевъ ударилъ его сзади кулакомъ по лицу около глаза; инспекторъ схватилъ ударившаго за рукавъ и, оборотившись, сказалъ: „вы за это отвѣтите“. Затѣмъ была, говорятъ, чистая свалка: нѣсколько человѣкъ бросилось на инспектора, ему нанесено нѣсколько ударовъ, но кто билъ—этого ни инспекторъ, ни свидѣтели не знаютъ. Помощникъ инспектора Войцеховичъ, у котораго, какъ и у другихъ, позеленѣло въ глазахъ, только одно замѣтилъ — летящее тяжелое кресло, которое онъ успѣлъ подхватить рукою, рука была разрѣзана. Онъ не замѣтилъ даже, что онъ самъ чуть не упалъ, вѣроятно, отъ удара или толчка,—это ему послѣ сказали служители, поддержавшіе его. Педелямъ и служителямъ тоже порядкомъ досталось. Инспекторъ, благодаря своей крѣпкой натурѣ, успѣлъ выбраться. Студенты разсказываютъ, будто онъ пробивался кулаками, щедро расточая удары, но это, конечно, вымышлено съ цѣлью показать, что между студентами и инспекторомъ была „взаимная драка“. Несомнѣнно и фактически вѣрно, что толпа, влетѣвшая въ залу, была раздражена и

разъярена до крайности, что такой дикой, буйной сходки еще не было, что служителя боялись, какъ-бы не убили инспектора, потому что на него поднято было нѣсколько стульевъ и креселъ. Изъ какого числа состояла сходка въ этотъ бурный періодъ—никто опредѣленно сказать мнѣ не могъ. Одни говорятъ 50, другіе—100, третьи—отъ 150 до 200.

Значительное большинство студентовъ негодуютъ на эту кулачную расправу и утверждаютъ, что это не было предположено, что студенты хотѣли мирно, безъ всякаго шума, требовать отмѣны новаго устава, возвращенія устава прежняго и разныхъ льготъ.

Есть разсказъ, идущій, вѣроятно, отъ партіи безпорядка, что студенты бросали жребій—кому ударить инспектора студентовъ, что жребій выпалъ студенту еврею, принимавшему жаркое и дѣятельное участіе въ устройствѣ сходки, но что вынувшій жребій взмолился, просилъ освободить его, говоря: „на насъ, евреевъ, и безъ того воздвигнуто гоненіе, а если теперь я нанесу оскорбленіе инспектору, такъ пойдутъ новыя репрессіи на все наше и безъ того гонимое племя". Его освободили, снова бросили жребій и на этотъ разъ жребій достался Алексѣеву. Есть и другая варіація, по которой положено было сходками добиваться своего; если инспекторъ будетъ препятствовать, отстранить его, если кому вздумается его ударить — не препятствовать.

Сходка устроена казанскими студентами по воззванію, полученному отъ студентовъ московскихъ, которые приглашали казанскихъ присоединиться къ ихъ петиціи и возстать за ихъ убитыхъ товарищей. При воззваніи прислана и копія петиціи, которая принята казанскими студентами.

Устроители смуты озаботились тотчасъ-же привлечь къ участію въ безпорядкахъ и студентовъ другихъ высшихъ учебныхъ заведеній: духовной академіи и ветеринарнаго института. 4-го декабря студентъ университета Ю—ій пріѣзжалъ въ ветеринарный институтъ и въ духовную академію приглашать студентовъ на сходку въ университетъ. Студенты духовной академіи (въ академію принимаются лучшіе воспитанники семинаріи), какъ люди развитые и солидные, прошедшіе большею частью тяжелую школу бѣдности и лишеній, отвѣчали на легкомысленный призывъ

полнымъ достоинства молчаніемъ. Высокопреосвященный Павелъ, архіепископъ казанскій и свіяжскій, оцѣнилъ благородное поведеніе студентовъ академіи и благодарилъ ихъ лично за то, что они такъ превосходно держали себя въ смутное время.

Не такъ поступили студенты ветеринарнаго института, умственный цензъ которыхъ не такъ высокъ; въ ветеринарный институтъ принимаются прошедшіе шесть гимназическихъ классовъ или окончившіе курсъ реальнаго училища. 4-го декабря въ ветеринарномъ институтѣ назначена была защита диссертаціи на степень магистра. Сошлись профессора, собрались студенты... Только-что директоръ института позвонилъ въ колокольчикъ, подавая тѣмъ знакъ, что засѣданіе открывается, вышелъ студентъ, подошелъ къ столу и, подавая сложенную бумагу, произнесъ: „петиція отъ студентовъ“.—„Отъ кого?“, спросилъ директоръ.—„Отъ всѣхъ, отъ всѣхъ!“ крикнули студенты. Директоръ. понявъ въ чемъ дѣло, предложилъ студентамъ очистить залу. „Въ третью аудиторію!“, послышался командующій голосъ, и студенты, выйдя изъ залы, пошли въ аудиторію, гдѣ устроились сходки, и студентъ С—въ взлѣзъ на столъ и сталъ держать рѣчь. Директоръ отправился съ донесеніемъ къ попечителю учебнаго округа, а исполнявшій обязанности инспектора вошелъ въ третью аудиторію и три раза предлагалъ сходкѣ разойтись. Послѣ третьяго раза студентъ С—въ со сжатыми кулаками подбѣжалъ къ нему и съ остервенѣніемъ закричалъ: „уйдете-ли вы? Я васъ въ прахъ разобью, если вы будете вмѣшиваться!“ Исполнявшій обязанности инспектора удалился. Вскорѣ изъ университета явился депутатъ, студентъ Ю—ій, звать студентовъ ветеринарнаго института на сходку въ университетъ. Ветеринары тотчасъ-же двинулись, въ числѣ 70—80 человѣкъ, къ университету. Очевидецъ этого движенія довольно картинно разсказывалъ, какъ до 80 студентовъ-ветеринаровъ массою двигались съ Грузинской улицы къ Воскресенской, какъ у входа въ университетъ имъ заградила дорогу полиція, но „они разметали полицію и прорвались“...

Со своими студенты сходки не церемонились: они просто вторгались въ аудиторію, несмотря на присутствіе тамъ профессоровъ, читавшихъ лекціи, кричали: „на сходку!“ и если студенты не быстро отвѣчали на этотъ призывъ, силою тащили на

сходку; если какой студентъ бѣжалъ отъ усердныхъ алгвазиловъ сходки, его преслѣдовали, хватали и снова тащили въ актовую залу [1]). Одинъ студентъ математическаго факультета М. былъ два раза схватываемъ и увлекаемъ: первый разъ—когда увлекли весь курсъ, слушавшій профессора С.; другой разъ, когда вырвавшійся студентъ М. успѣлъ убѣжать, добѣжалъ до шинельной и надѣвалъ уже пальто, его опять схватили, притащили въ залу, гдѣ была сходка, посадили на стулъ и двое сѣли на него Единственное средство освободиться отъ насилія партіи сходки было запереться отъ нихъ. Такъ, напримѣръ, пять студентовъ историко-филологическаго факультета, по просьбѣ ихъ, были заперты въ музеѣ и оставались тамъ во все время шума, крика и гвалта.

Оскорбленный дѣйствіемъ инспекторъ лично донесъ ректору о случившемся. Ректоръ тотчасъ-же пришелъ въ университетъ. Когда онъ поднимался по лѣстницѣ, до него доносился страшный шумъ и гамъ. Помощникъ инспектора и служителя инспекціи говорили ему: „не ходите, ваше превосходительство". Служителя прибавляли: „тамъ не хорошо, насъ избили". — „Ваше превосходительство, шепчетъ одинъ служитель въ растерянности и въ избыткѣ усердія осмѣливаясь коснуться до превосходительнаго рукава, — не ходите туда... тамъ страшно... убить могутъ...". Конечно, ректору было жутко на первыхъ порахъ, этого онъ и самъ не скрываетъ, но долгъ призывалъ его итти туда, гдѣ „страшно". Когда онъ вошелъ въ залу, шумъ былъ страшный. Возвысивши голосъ, насколько позволяла его слабая грудь, онъ сказалъ: „я пришелъ пригласить васъ разойтись,

---

[1]) Одного студента, маленькаго роста, напоили и пьянаго до безчувствія привели въ университетъ 4-го декабря. Бѣдняга, растопыривъ руки, бродилъ какъ угорѣлый по коридору, бормоча: „куда они, подлецы, меня привели? Куда?" Есть слухъ, что и Алексѣева-то поили передъ отправленіемъ на сходку.

Другаго студента, котораго своими трудами содержала сестра и довела, наконецъ, до университета, увлекли на сходку, и онъ былъ исключенъ потомъ. Несчастная сестра, посвятившая всю жизнь воспитанію своего младшаго брата, чуть съ ума не сошла. Сколько оставшихся неизвѣстными драмъ происходило въ семьяхъ, сколько жертвъ насилія и терроризма партіи безпорядка, считавшей дозволенными всякія средства для достиженія своихъ цѣлей! П. Ш.

иначе я вынужденъ буду прибѣгнуть къ горькой мѣрѣ призвать полицію и войско". Этихъ словъ, сказанныхъ ректоромъ, повидимому, студенты сходки не слыхали, потому что бывшіе на сходкѣ, передавая разговоръ ректора со студентами, этихъ словъ не передаютъ. Студенты апплодировали ректору,—это фактъ, но за что—неизвѣстно. Нѣкоторые студенты подошли къ ректору и заявили, что студенты желаютъ поговорить съ нимъ. Онъ отвѣчалъ: „я не прочь поговорить съ вами, но я могу говорить только тогда, когда установится тишина: при шумѣ говорить невозможно". Тогда они сами стали устанавливать порядокъ. Сначала отозваны были студенты, взобравшіеся на каѳедру, потомъ стали кричать: „тише, тише!" Мало по малу порядокъ и тишина установились. Около каѳедры, на которую взошелъ ректоръ, образовался полукругъ. Тогда къ ректору обратился одинъ студентъ со словами: „просимъ насъ выслушать и принять петицію". — „Я заранѣе знаю, сказалъ имъ ректоръ, чего студенты желаютъ. Вы желаете, конечно, права сходокъ, студенческаго суда, студенческихъ кассы, библіотеки, кухмистерской и проч.". — „Нѣтъ, въ нашей петиціи есть и другое кое-что, взгляните". Ректоръ развернулъ петицію и, прочитавъ первыя слова ея: „собрала насъ сюда невозможность русской жизни вообще и студенческой въ частности", обратился къ студентамъ „съ цѣлою лекціею о правахъ и обязанностяхъ гражданъ"; объяснивъ имъ, что граждане имѣютъ установленныя закономъ права и обязанности, что каждый можетъ по закону просить за себя лично, а за другихъ лишь по уполномочію, онъ спросилъ: „кто-же уполномочивалъ васъ заявлять и входить съ ходатайствомъ о невозможности русской жизни вообще?"

Въ продолженіе длинной рѣчи ректора случались перерывы, по временамъ слышались отдѣльные голоса, возраженія. Ректоръ при этомъ останавливался и заявлялъ, что онъ можетъ говорить только при полной тишинѣ, и тишина снова возстановлялась. Одинъ перерывъ обратилъ особенное вниманіе студентовъ и разсказывался ими съ нескрываемымъ удовольствіемъ. Когда ректоръ говорилъ о необходимости для каждаго гражданскаго общества порядка и законности, медикъ 5-го курса Ш. сдѣлалъ ему такой вопросъ: „а вотъ, ваше превосходительство, лѣтомъ исключены у насъ 15 человѣкъ, позвольте-же спросить,—за что?"

Ректоръ отвѣчалъ, что причина исключенія ему неизвѣстна. „Въ порядкѣ-ли это, продолжалъ студентъ Ш., что начальнику университета, ректору, неизвѣстно за что исключаютъ студентовъ?“ Самый большой и длинный перерывъ былъ произведенъ вбѣжавшею въ залу толпою студентовъ-ветеринаровъ: вошедшіе были встрѣчены рукоплесканіями, а по другимъ разсказамъ—даже братскими объятіями и поцѣлуями студентовъ сходки.

Студенты заявили ректору желаніе говорить съ профессорами. Ректоръ на это ихъ желаніе замѣтилъ, что, во-первыхъ, онъ не видитъ въ этомъ необходимости, во-вторыхъ, всѣхъ профессоровъ до 60-ти,—когда-же можно ихъ собрать, если даже ректоръ и согласится послать къ нимъ повѣстки. „Мы подождемъ хоть до вечера“, отвѣтили на это студенты.

Во время этихъ переговоровъ вошло въ залу нѣсколько профессоровъ, которые и пожелали вступить въ бесѣду со студентами. Послѣ прихода профессоровъ, а по нѣкоторымъ—до прихода ихъ, студенты сказали ректору, что слѣдовало-бы пригласить въ залу и тѣхъ студентовъ, которые внизу устроили сходку. Ректоръ былъ такъ внимателенъ, что самъ лично сходилъ внизъ [1]) и пригласилъ въ актовую залу какъ студентовъ нижней сходки, такъ и другихъ студентовъ, находившихся внизу. Такимъ образомъ, бесѣда профессоровъ происходила съ собраніемъ студентовъ гораздо болѣе многочисленнымъ, чѣмъ была первая набуянившая и прибившая инспектора сходка. И началась „задушевная“ („gemüthliche“) бесѣда. Нѣкоторые профессора обращались съ рѣчами къ студентамъ, одинъ даже отъ лица всѣхъ профессоровъ. Понятно, что эти рѣчи выслушивались тоже не безъ перерывовъ, столь естественныхъ при возбужденномъ состояніи студентовъ и при содержаніи рѣчей, въ которыхъ профессора старались успокоить, призвать къ порядку студентовъ. Такъ, когда одинъ студентъ сказалъ, что всѣ университеты закрыты, профессоръ В—въ возразилъ: „я считаю долгомъ заявить, что петербургскій университетъ не закрытъ.

[1]) Лично ему приходилось идти за студентами потому, что ни членовъ, ни служителей инспекціи не было тутъ: инспекція вся удалилась верху, одни, говорятъ, по собственному желанію, другіе — по приказанію ректора, основанному будто-бы на заявленіи студентовъ, которые требовали удалить инспекцію. П. Ш.

Мой отецъ, профессоръ и деканъ петербургскаго университета, писалъ мнѣ, что тамъ студенческихъ безпорядковъ не было". Вышелъ родной братъ профессора, студентъ В—въ, и заявляетъ: „братъ говоритъ неправду. Профессоръ умалчиваетъ о столкновеніи профессоровъ петербургскаго университета съ ректоромъ". На это профессоръ В—въ отвѣтилъ: „я говорилъ о студенческихъ безпорядкахъ, которыхъ въ петербургскомъ университетѣ не было, а то, о чемъ братъ говоритъ, къ дѣлу не относится". Другой болѣе рѣзкій перерывъ произведенъ ветеринаромъ С—мъ. Этотъ ораторъ, вожакъ студентовъ ветеринаровъ, по поводу рѣчи одного профессора, громко замѣтилъ: „у насъ, въ ветеринарномъ институтѣ, профессора заодно съ инспекціею", на что профессоръ —въ возразилъ ему: „профессоровъ не нужно смѣшивать съ инспекціею, съ которою они не имѣютъ ничего общаго" [1]). На это возраженіе С—въ крикнулъ: „всѣ профессора шпіоны". При этихъ словахъ, переговаривавшійся съ ветеринаромъ С—мъ, профессоръ обратился къ другимъ профессорамъ и сказалъ: „послѣ этого намъ здѣсь дѣлать нечего". И профессора двинулись изъ залы. Студенты закричали: „просимъ, просимъ остаться". На С—ва всѣ напали, и онъ объявилъ, что беретъ свои слова назадъ. Профессора остались. Выслушавъ рѣчи профессоровъ, студенты объявили: „такъ какъ ни ректоръ, ни профессора не даютъ намъ надежды, что наши требованія будутъ исполнены, то мы оставляемъ университетъ", и стали класть свои билеты на столъ и на каѳедру. Было уже около 4-хъ часовъ. Ректоръ снова напомнилъ, что пора разойтись. „Мы разойдемся сейчасъ, только насъ, пожалуй, перехватаютъ, когда мы будемъ уходить". Ректоръ успокоилъ ихъ: „не перехватаютъ. Я сейчасъ самъ сдѣлаю распоряженіе. Я пойду, а вы сохраняйте порядокъ". Ректоръ пошелъ внизъ и сказалъ находившимся тамъ полицеймейстеру и инспектору, что сейчасъ студенты будутъ выходить черезъ парадный входъ, такъ чтобы не мѣшать имъ выходить и не задерживать ихъ. Инспекторъ на это сказалъ, что студенты первой сходки у него всѣ замѣчены.

[1]) Заявленіе весьма прискорбное, особенно въ виду того, что оно сдѣлано публично, на студенческой сходкѣ. Для блага и спокойствія университета совершенно необходимо, чтобы профессорская корпорація была солидарна съ инспекціею. П. Ш.

Возвратившись въ залу, ректоръ объявилъ студентамъ, что они могутъ уходить. Сходка разошлась почти въ 4 часа пополудни, слѣдовательно бесѣда ректора и профессоровъ со студентами продолжалась болѣе $3^1/_2$ часовъ. И въ продолженіе всего этого времени никто—ни ректоръ, ни профессора не коснулись самаго больнаго мѣста сходки: ни полслова не было сказано о совершенномъ студентами преступленіи, объ ихъ буйствѣ и оскорбленіи инспектора дѣйствіемъ. Какъ могли понять это студенты? Такъ-ли, что это фактъ, о которомъ говорить не сто́итъ, или такъ, что инспектору по-дѣломъ досталось? Что̀ могли подумать студенты, когда впослѣдствіи сдѣлалось извѣстнымъ, что профессора не сдѣлали никакого заявленія инспектору, не изъявили соболѣзнованія и прискорбія по поводу нанесеннаго ему буйною толпою оскорбленія? Въ какихъ-бы далекихъ отношеніяхъ ни были профессора къ инспектору студентовъ, но для пользы университета, для поддержанія принципа власти, положительно обязательно было для нихъ сдѣлать такое заявленіе,—это мое искреннее убѣжденіе. Не могу при этомъ не прибавить, что во время послѣднихъ студенческихъ безпорядковъ кидалась всѣмъ въ глаза рознь между ректоромъ и большинствомъ профессоровъ съ одной стороны и попечителемъ, инспекторомъ студентовъ и меньшинствомъ профессоровъ съ другой. Эта рознь крайне вредитъ дѣлу успокоенія университета, вредитъ и то сочувствіе, которое открыто заявляется многими профессорами къ пострадавшимъ студентамъ, т. е. къ исключеннымъ,—сочувствіе, выражающееся, между прочимъ, въ отзывѣ профессоровъ, что исключены-де изъ университета самыя лучшія, даровитыя головы. Такъ-ли это? Не вѣрнѣе-ли сказать,—самыя горячія, безразсудныя, не дорожащія университетомъ и наукою? Слышно, профессора благодарили ректора за то, что онъ „спасъ“ университетъ, что онъ изморомъ „прекратилъ сходку“.

Студенты не ограничились возвращеніемъ билетовъ на сходкѣ, многіе стали подавать прошенія объ увольненіи изъ университета. Первымъ подавшимъ прошеніе былъ, говорятъ, сынъ купца-милліонера. И при возвращеніи билетовъ, и при подачѣ прошеній не обошлось безъ насилія и гнета со стороны партіи безпорядка. У одного студента вытащили билетъ изъ кармана насильно и вмѣстѣ съ другими билетами вручили ректору.

Бѣдный студентъ чуть съ ума не сошелъ, все кричалъ: „билетъ мой, билетъ!“ Его научили сходить къ ректору и разсказать откровенно какъ все случилось; ректоръ возвратилъ ему билетъ. Подъ прошеніями заставляли подписываться то силою, то обманомъ, увѣряя, напримѣръ, что ректоръ совѣтуетъ подавать прошеній какъ можно больше, „въ такомъ случаѣ ничего не будетъ, всѣхъ не исключатъ“, а то и просто подписывались за другихъ. Даже по квартирамъ студентовъ ходили партизаны смуты и съ угрозою принуждали выдавать билеты или подписывать прошенія, и нѣкоторые уступали „по товариществу“. Отецъ одного студента, служащій по учебному вѣдомству, говорилъ мнѣ: „и ко мнѣ навѣдывались. Жаль, что меня не было дома, я-бы ихъ отдѣлалъ“. Самый фактъ выманиванія различными средствами билетовъ или подписей подъ прошенія не доказываетъ-ли слабость и малочисленность партіи безпорядка, въ которой, по слухамъ, бо́льшую, чуть не главную, роль играли евреи.

Средствомъ подстрекательства къ безпорядкамъ служило, между прочимъ, распусканіе слуховъ о закрытіи университетовъ. О закрытіи московскаго университета узнали изъ телеграммы 4-го декабря. Въ тотъ-же день на сходкѣ уже говорили о закрытіи петербургскаго [1]) и варшавскаго университетовъ; на другой день заговорили, и съ увѣренностію, о закрытіи университетовъ дерптскаго, харьковскаго, одесскаго и кіевскаго.

Между тѣмъ, только 12-го декабря получена была телеграмма слѣдующаго содержанія: „въ теченіе минувшей недѣли получены извѣстія о безпорядкахъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ въ Харьковѣ, Одессѣ и Казани. Въ харьковскомъ технологическомъ институтѣ слушатели собрали сходку и оказали неповиновеніе распоряженію начальства, а 3-го декабря студенты въ числѣ 30-ти человѣкъ выбѣжали внезапно изъ аудиторіи на улицу и, соединясь, по предварительному сговору, съ кучкою технологовъ и ветеринаровъ, произвели буйство, выбивъ стекла въ нижнемъ этажѣ зданія; въ новороссійскомъ университетѣ 2-го декабря

---

[1]) 10-го декабря мы прочитали въ газетахъ, что въ петербургскомъ университетѣ съ 4-го декабря начались семестровыя испытанія; стало-быть, занятія въ этомъ университетѣ продолжаются и слухъ о закрытіи былъ ложный. Таковымъ-же оказался слухъ о закрытіи университетовъ варшавскаго, дерптскаго и кіевскаго. П. Ш.

составилась сходка студентовъ, мѣшавшая чтенію лекцій и требовавшая съ шумомъ отмѣны дѣйствующаго устава университетовъ; наконецъ, въ Казани, 4-го декабря, толпы студентовъ университета и ветеринарнаго института образовали шумныя сходки, причемъ студенты университета предъявили то-же требованіе, что и въ Одессѣ. Во время сходки студентъ Константинъ Алексѣевъ нанесъ оскорбленіе дѣйствіемъ инспектору студентовъ. Занятія въ этихъ трехъ университетахъ и въ харьковскомъ технологическомъ институтѣ пріостановлены. Сопоставленіе многихъ обстоятельствъ ясно свидѣтельствуетъ, что во всѣхъ этихъ безпорядкахъ дѣйствуютъ подстрекательства злонамѣренныхъ людей".

Уже 8-го декабря прочитали мы слѣдующее: „Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 5-й день сего декабря, высочайше соизволилъ на отдачу студента казанскаго университета Алексѣева Константина, за нанесеніе оскорбленія дѣйствіемъ инспектора студентовъ сего университета, въ одинъ изъ дисциплинарныхъ баталіоновъ военнаго вѣдомства на три года". Слѣдовательно, Алексѣевъ подвергнутъ тому-же наказанію, какъ и студентъ московскаго университета Синявскій, ударившій инспектора.

4-го декабря, послѣ нанесенія Алексѣевымъ удара инспектору, студенты хотѣли, говорятъ, его скрыть, но онъ самъ явился къ полицеймейстеру, со слезами раскаявался въ своемъ проступкѣ и просилъ прощенія, являлся также и къ начальнику жандармскаго управленія, писалъ письмо къ инспектору. На допросѣ онъ, по слухамъ, далъ обстоятельное показаніе. Въ этомъ показаніи онъ подробно, на трехъ листахъ, съ обозначеніемъ фамилій, разсказалъ о предварительныхъ сходкахъ и собраніяхъ землячествъ, кто былъ предсѣдателемъ сходокъ, землячествъ, студенческаго суда и т. п.

Устрашающихъ слуховъ было много. На основаніи этихъ слуховъ на дворѣ полиціи былъ наготовѣ баталіонъ солдатъ, съ заряженными ружьями; въ пустомъ домѣ противъ квартиры попечителя учебнаго округа, начиная съ 4-го декабря, долгое время стоялъ тоже баталіонъ, а самая квартира день и ночь охранялась полицейскими пѣшими и конными [1]). До распущенія

[1]) Интересно, какъ понимали полицейскіе эту охрану. Идетъ офицеръ мимо квартиры попечителя учебнаго округа, видитъ полицейскихъ и спра-

ужасающихъ слуховъ извѣстная партія охоча: уже спустя долгое время послѣ безпорядковъ, опять разнеслись слухи о какомъ-то недобромъ замыслѣ, готовящемся сначала на 19-ое февраля, а потомъ на 1-ое марта. И снова, и на дворѣ полиціи, близь университета, и противъ квартиры попечителя стояло, говорятъ, по баталіону съ заряженными ружьями, а болѣе разнузданные языки прибавляли: „и съ пушками".

Распущеніемъ грозныхъ слуховъ не довольствуются, но, какъ и въ 1882 г., грозятъ смертію. 29 декабря помощникъ попечителя М. Малиновскій показывалъ мнѣ письмо, въ которомъ грозятъ его убить. Письмо написано мужскою рукою. Сочинитель письма называетъ студентовъ товарищами, а „Масленикова" (попечителя учебнаго округа) именуетъ „содругомъ" Малиновскаго [1]).

XV.

Вся обстановка казанскихъ студенческихъ безпорядковъ 4-го декабря — это буйство, этотъ терроръ, эти ужасающіе слухи, эта угроза смертію и, наконецъ, дѣятельное участіе въ безпорядкахъ исключенныхъ изъ казанскаго и другихъ университетовъ [2]),

---

шиваетъ у унтеръ-офицера: что вы тутъ стоите? „А вотъ, ваше благородіе, караулимъ, чтобъ значитъ не ушелъ".—Кто?—„А вонъ генералъ, что́ вверху живетъ. Онъ что-то набѣдокурилъ со студентами. Вотъ насъ и приставили, чтобъ ни шагу ему не позволяли ступить. Вотъ и стоимъ денно-нощно, боимся, какъ-бы не далъ стрекача. Когда намеднись къ самому губернатору его возили къ допросу, такъ четверо конныхъ его стерегли, т. е. ни шагу отъ кареты не отступали". Такъ трагическое перемѣшивается въ жизни съ комическимъ. П. Ш.

[1]) Нужно-же такое совпаденіе: въ тотъ самый день, когда М. А. Малиновскій получилъ безыменное письмо, угрожающее ему смертію, въ его квартирѣ, неизвѣстно отъ чего, треснуло большое зеркало, и премудрый дворникъ, увидѣвъ это, пренаивно замѣтилъ: „Покойникъ будетъ". Понятно, какое впечатлѣніе должны были произвесть эти простодушныя слова на хозяина квартиры, у котораго въ карманѣ было письмо, грозившее смертію.

[2]) На сходкѣ были, говорятъ, два исключенныхъ изъ казанскаго университета дѣятеля сходки 29-го октября 1882 года. Затѣмъ, мнѣ разсказывали такой случай. Инспекторъ студентовъ замѣтилъ, что какой-то молодой человѣкъ высокаго роста, красивый, постоянно проходитъ, а иногда и останавливается передъ окнами его квартиры, окруженный студентами. Онъ узналъ, что это студентъ петербургскаго университета, исключенный оттуда за без-

а равно и посторонихъ лицъ, одновременные безпорядки въ технологическомъ и ветеринарныхъ институтахъ, все приводитъ къ убѣжденію, что эта смута — далеко не чисто-студенческое дѣло, что ни новый университетскій уставъ, ни инспекція, ни профессора—виною безпорядковъ, а что иниціатива послѣдней студенческой смуты идетъ извнѣ, что иниціаторы—чужіе люди, мутящіе студентовъ изъ-за своихъ цѣлей, ничего общаго съ университетомъ не имѣющихъ. Самое начало нынѣшней студенческой петиціи говоритъ въ пользу нашего предположенія. Что́ собрало на сходки студентовъ въ концѣ 1887 года? „Собрала насъ сюда, отвѣчаетъ на этотъ вопросъ студенческая петиція, не что иное, какъ невозможность русской жизни вообще и студенческой въ частности". Невозможность русской жизни вообще,—этотъ пунктъ, стоящій, такъ сказать, во главѣ студенческой петиціи, ясно показываетъ, что это дѣло—не чисто-студенческое, а общенародное дѣло не студентовъ, а радѣтелей объ общемъ благѣ.

Петиція университетскихъ студентовъ требуетъ отмѣны нынѣшняго университетскаго устава. Зачѣмъ-же студенты приглашали къ участію въ своемъ дѣлѣ и студентовъ академіи духовной, и студентовъ ветеринарнаго института? Зачѣмъ въ смутѣ принимали участіе и харьковскіе технологи? Ясно, что сущность дѣла заключалась не въ отмѣнѣ университетскаго устава, а въ чемъ-то другомъ, общемъ для всѣхъ. Петиція ветеринарныхъ студентовъ—сколокъ съ петиціи студентовъ университетскихъ. Но ветеринары поняли, однако, что имъ въ своей петиціи не-

---

порядки. Инспекторъ обратилъ на этого субъекта вниманіе полицеймейстера Тотъ пригласилъ этого господина къ себѣ и спрашиваетъ: Позвольте спросить, кто вы такой?—„Я бывшій студентъ петербургскаго университета" (называетъ свою фамилію).—Вы здѣшній или имѣете родственниковъ?—„Нѣтъ".— Зачѣмъ-же вы здѣсь, въ Казани?—„А я сочувствую студенческому движенію, недоволенъ теперешнимъ уставомъ, такъ какъ самъ пострадалъ изъ-за него и теперь раздѣляю дѣло казанскихъ студентовъ, былъ и на сходкѣ 4-го декабря".—Я васъ попрошу, говоритъ полицеймейстеръ, немедленно выѣхать изъ Казани.—„Ну нѣтъ, я не могу исполнить вашей просьбы. Я останусь здѣсь".—Въ такомъ случаѣ васъ вышлютъ.—„Это—другое дѣло. Это вы можете сдѣлать, если считаете себя въ правѣ, но самъ я не выѣду". Само-собою разумѣется, его выслали, но сколько зла онъ могъ сдѣлать до высылки, по своей ловкости и смѣлости. П. Ш.

удобно требовать отмѣны нынѣ дѣйствующаго университетскаго устава. Чего-же имъ требовать взамѣнъ того? Вотъ тутъ они и запутались; они требуютъ въ своей петиціи „общаго устава для всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній“ (risum teneatis, amici). Интересно-бы знать, чего требовали харьковскіе технологи. Петиція студентовъ университета, касаясь, между прочимъ, возбудившаго ихъ неудовольствіе циркуляра министра народнаго просвѣщенія относительно пріема въ гимназіи и прогимназіи, имѣла въ виду закупить сочувствіе общества, недовольнаго этимъ распоряженіемъ; а требуя возвращенія столь дорогаго профессорамъ устава 1863 года съ профессорскою инспекціею и съ отсутствіемъ формы, которую давно не долюбливаютъ профессора́ и не соблюдаютъ, подавая тѣмъ дурной примѣръ студентамъ, авторы петиціи, очевидно, могли разсчитывать на вполнѣ сердечный откликъ профессоровъ. Потому-то студенты сходки такъ и добивались бесѣды съ профессорами: они мечтали, можетъ-быть, что профессора́, прочитавъ ихъ петицію, тотчасъ соединятся съ ними, пойдутъ рука объ руку, такъ что студенческая сходка и петиція обратятся въ сходку и петицію студенческо-профессорскую. Но... ихъ ожидало горькое разочарованіе: профессора́ въ значительномъ большинствѣ и не показались на сходку, да и пришедшіе къ нимъ въ залу профессора́ явились лишь для того, чтобы убѣдить ихъ въ непрактичности и въ неосуществимости ихъ требованій. Студенты разочаровались, но еще не вполнѣ. Все-же они надѣялись, что большинство профессоровъ откликнется сочувственно на ихъ петицію, и 4-го декабря вечеромъ у входа въ университетъ стояла большая толпа студентовъ, ожидая конца засѣданія университетскаго совѣта, происходившаго въ тотъ день. Толпа была увѣрена, что, по крайней мѣрѣ, тридцать профессоровъ подадутъ въ отставку. Но, увы! Они, студенты, массами отдавали свои билеты и подавали прошенія объ увольненіи изъ университета, а изъ профессоровъ ни одинъ не подалъ прошенія въ отставку. Какъ-же имъ было не жаловаться въ своемъ прощальномъ листѣ [1]), что

---

[1]) Гектографированные прощальные листы, мастерски, по отзыву студентовъ, написанные, разбрасывались отъѣзжающими изъ Казани исключенными студентами. Къ сожалѣнію, я не могъ достать ни одного такого листа.

П. III.

изъ университета они ничего не выносятъ, что профессора не сообщали имъ знаній, которыя могли-бы уврачевать общественные недуги русскаго народа, а преподавали имъ лишь науку—для науки.

А многимъ пришлось проститься съ университетомъ. Однихъ исключенныхъ, говорятъ, болѣе 70-ти человѣкъ, да сколько еще подали прошенія объ увольненіи и выдали свои билеты, не желая оставаться въ университетѣ. О замѣченныхъ въ безпорядкахъ студентахъ инспекторъ представлялъ попечителю съ подробнымъ обозначеніемъ ихъ вины, и на основаніи этого донесенія попечитель назначалъ имъ взысканія. По словамъ одного профессора, замѣченные студенты раздѣлены были на 4 категоріи: одни исключены, другіе удалены, третьи уволены съ предварительнымъ выговоромъ, четвертые наказаны карцеромъ или выговоромъ. По его словамъ, изъ казанскаго университета исключено болѣе, чѣмъ изъ какого-либо другаго. Въ обществѣ недовольны способомъ исключенія: „исключаетъ попечитель по представленію инспектора, стало-быть исключаетъ инспекторъ, т. е. наказываетъ студентовъ лице, потерпѣвшее отъ нихъ и, слѣдовательно, естественно раздраженное". Возмущались еще тѣмъ, что, будто, исключено нѣсколько такихъ студентовъ, которые не были на сходкѣ и могутъ доказать свое alibi, а нѣкоторые даже и представили доказательства. Нѣтъ сомнѣнія, что исключеніе произведено со всевозможною осмотрительностію; но, въ виду того, что инспекторъ студентовъ потерпѣлъ на сходкѣ, вѣрнѣе было-бы предоставить судъ надъ виновными студентами, согласно уставу, правленію университета.

Масса исключенныхъ весьма затрудняла отсылку ихъ. „Просто почти голые, только пледы у нихъ,—какъ ихъ отправлять въ такомъ видѣ?" Пришлось доставать полушубки, добиваться уменьшенной платы за провозъ. Открыли подписку „въ пользу пострадавшихъ",—студенты ходили по домамъ съ подписными листами.

Сцены прощанія съ отъѣзжающими имѣли различный характеръ. Отдѣльныя отправки происходили тихо и грустно. Мнѣ разсказывали, напр., такую сцену. Идутъ два студента по Николаевской площади, мимо ихъ проѣзжаетъ три тройки съ вывозимыми изъ города студентами, исключенными изъ университета. „Прощайте, товарищи, не унывайте", кричатъ отъѣзжающіе.

Оставшіеся продолжали свой путь, грустно опустивъ головы. Тяжелое чувство возбуждается этимъ прощаніемъ увлеченной молодежи съ своими товарищами, которымъ они много навредили своимъ увлеченіемъ, своимъ безхарактернымъ слѣдованіемъ по проторенной другими дорожкѣ. Зато прощаніе отъѣзжающихъ массою было иного рода. По словамъ весьма почтеннаго лица, бывшаго очевидцемъ,—„два дня на Воскресенской улицѣ противъ полиціи было полное безобразіе, студенты господствовали. Толпы человѣкъ въ 200—300 толпились около полиціи, встрѣчая и провожая отъѣзжавшихъ студентовъ апплодисментами и криками „ура"; сидѣло на саняхъ по нѣсколько человѣкъ, и все было пьяно, пѣли пѣсни, бросали какіе-то листы; а далѣе у магазина Ипатова дѣйствовали дамы благотворительницы, подъ предводительствомъ супруги очень виднаго лица: онѣ закупали у Ипатова водки, вина и закуски и бросали кульки въ сани отъѣзжающихъ студентовъ. Словомъ, это было что-то въ родѣ тріумфа исключенныхъ". Передъ отъѣздомъ исключенныхъ студентовъ, когда они содержались въ полиціи, тамъ были, говорятъ, такія выпивки и такое угощеніе, что одинъ изъ студентовъ, явившійся въ полицію и отдавшій себя въ руки правосудія уже въ день отъѣзда, увидѣвъ это пированіе, выразилъ сожалѣніе въ такихъ словахъ: „эхъ я дуракъ, дуракъ! Зачѣмъ я не явился сюда раньше!" Угощали не только отъѣзжающихъ, но и прощавшихся съ ними. Угощеніе производилось насчетъ сочувствующей публики, наславшей въ полицію „въ пользу пострадавшихъ" всего—и водки, и вина, и закусокъ, и пироговъ, и жаренаго. Est modus in rebus. И благотворительности должны быть границы: ложно направленная благотворительность приноситъ болѣе вреда, чѣмъ пользы. Намъ кажется, что общество своимъ чрезмѣрнымъ вниманіемъ и своею выходящею изъ границъ приличія благотворительностію сбиваетъ съ толку нашу университетскую молодежь, и безъ того не отличающуюся сдержанностію, внушая ей, что публика сочувствуетъ даже пьянству молодежи и производимымъ ею безпорядкамъ и буйству. Воля ваша, а устраивать балъ въ пользу бѣдныхъ студентовъ, давать для этого залу дворянскаго собранія, заранѣе зная и опытомъ многихъ лѣтъ убѣдившись, что на этомъ балу непремѣнно будетъ **мертвецкая** и пьяное безобразіе—едва-ли похвально. Не только не похвально,

но едва-ли простительно угощать до пьяна исключенныхъ за буйство студентовъ и снабжать ихъ на дорогу не необходимымъ, какъ-то: теплымъ платьемъ и средствами для пропитанія и проѣзда, а именно средствами для кутежа—винами и закусками. Неужели это раціональная, заслуживающая одобренія благотворительность? Благотворящіе такимъ образомъ не поддерживаютъ-ли своимъ сочувствіемъ студенческіе безпорядки,—эту язву, подтачивающую благосостояніе нашихъ университетовъ, мѣшающую заниматься и тѣмъ, которые хотятъ учиться? Въ казанскомъ университетѣ учебныя занятія были пріостановлены съ 5-го декабря по 28-е января.

XVI.

Возвратимся къ поставленному въ началѣ вопросу: гдѣ-же искать причины студенческихъ безпорядковъ 1887 года? Что причина безпорядковъ въ университетахъ не внутренняя: ни уставъ, ни инспекція, ни профессора, очевиднымъ доказательствомъ тому служитъ участіе въ этихъ безпорядкахъ воспитанниковъ другихъ высшихъ учебныхъ заведеній и безпорядки въ то-же время въ харьковскомъ технологическомъ институтѣ, происшедшіе самостоятельно, безъ вліянія студентовъ университета. Въ Харьковѣ, какъ показываетъ правительственное сообщеніе, не студенты университета—технологовъ, а, наоборотъ, технологи привлекли студентовъ университета къ участію въ безпорядкахъ.

Познакомившись ближе со студенческими безпорядками, даже „Гражданинъ“, столь рѣшительно обвинявшій въ студенческихъ безпорядкахъ профессоровъ, въ № 19 (1887 г.) вынужденъ былъ высказать слѣдующее: „само собою разумѣется, что послѣ, когда разразились безпорядки, кое-гдѣ постарались примазаться къ нимъ разнаго рода темные люди, съ умысломъ воспользоваться безпорядками, чтобы „шалости обратить въ преступленіе“. Казанская сходка 4-го декабря показала, что темные люди „примазались“ къ студентамъ не послѣ, „когда разразились безпорядки“, а прежде, съ самаго начала, и чрезъ это шалость,—употребляю болѣе чѣмъ деликатное выраженіе „Гражданина“,—обращается

въ преступленіе съ самаго-же начала, при организаціи, такъ сказать, сходки. До сходки студенты сговаривались вести дѣло мирнымъ путемъ. Ректоръ, кажется, наканунѣ, т. е. 3-го декабря, получилъ безыменное письмо, извѣщавшее, что готовится миролюбивая сходка. Инспекторъ еще утромъ 4-го декабря докладывалъ ректору словесно, что слушатели ректора—юристы желаютъ, какъ онъ слышалъ, о чемъ-то поговорить съ ректоромъ въ залѣ. И вдругъ вмѣсто миролюбивой сходки, вмѣсто вѣжливыхъ, мирныхъ переговоровъ съ ректоромъ, собравшаяся 4-го декабря толпа студентовъ, по знаку студента-еврея, бросается, какъ толпа дикарей, съ визгомъ, крикомъ и гамомъ, отбрасываетъ инспектора, пробовавшаго остановить ихъ, и, влетѣвъ въ актовую залу, наноситъ инспектору оскорбленіе дѣйствіемъ въ самой грубой формѣ. Факты опровергаютъ заявленіе „Гражданина": не послѣ, не тогда, когда разразились безпорядки въ казанскомъ университетѣ, а прежде этихъ безпорядковъ, съ самаго начала, не дѣятельными лишь участниками, но иниціаторами явились темные люди, давшіе предполагавшемуся тихому и миролюбивому собранію студентовъ характеръ буйной, преступной сходки. Противъ очевидности спорить трудно, и сами казанскіе студенты, упорно стоявшіе на томъ, что ихъ движеніе самостоятельное, вытекшее изъ внутреннихъ причинъ, ни въ 1882 году, ни въ 1887 году не отрицали, что на сходкахъ были посторонніе лица, подстрекавшія студентовъ.

Кто-же эти лица? Кто эти „темные люди?" Кто эти „незримые актеры", замѣченные еще въ 1861 году? Отвѣтъ можетъ быть одинъ: cui prodest, тѣ, кому это на руку, кому это полезно. „Не можетъ быть сомнѣнія, говоритъ „Новое Время" (отъ 30-го декабря 1887 года), насчетъ того, что всѣ подобныя (т. е. университетскія) исторіи очень на руку людямъ, мечтающимъ о политической смутѣ въ Россіи, и было-бы даже странно, если-бы эти люди не сдѣлали попытки такъ или иначе примазаться къ университетскимъ безпорядкамъ, чѣмъ-бы ни были вызваны послѣдніе". А развѣ для „Новаго Времени" покажется страннымъ, если-бы эти люди сдѣлали попытку вызвать университетскіе безпорядки, а не примазаться лишь къ нимъ, когда они уже произошли? Я сказалъ уже выше, что темные люди, являвшіеся на студенческихъ сходкахъ 1882 и 1887 гг. и, по

показаніямъ самихъ студентовъ, подстрекавшіе ихъ къ безпорядкамъ—тѣ, кому это на руку, т. е. люди, не мечтающіе лишь о политической смутѣ, но и производящіе великую смуту, однимъ словомъ, крамольники, революціонеры, число которыхъ, думаемъ, незначительно, но дерзость необъятна. Если-же, на основаніи фактовъ, нельзя не признать участія революціонеровъ въ студенческихъ волненіяхъ въ самомъ началѣ, то почему нельзя ихъ признать иниціаторами студенческихъ безпорядковъ? „Мы не удивлялись-бы, говоритъ „Новое Время", и тому, если-бы заграничная нигилистическая камарилья стала похваляться, что именно она подготовила и вызвала безпорядки въ университетахъ". Приведенные мною факты ясно доказываютъ, что заграничныя изданія нигилистовъ и крамольниковъ, выставляя революціонныхъ агентовъ иниціаторами студенческихъ волненій, вѣрнѣе представляютъ дѣло, чѣмъ нѣкоторыя наши газеты, старающіяся доказать, что причина студенческихъ волненій не внѣшнія подстрекательства, а внутренняя университетская неурядица; прежде все сваливали на уставъ 1863 года, теперь на начальство, инспекцію, профессоровъ. Не могу не упомянуть о слухѣ, ходившемъ въ Казани, будто-какой-то революціонный кружокъ устроивалъ послѣдніе студенческіе безпорядки.

„Нигилисты, говоритъ „Новое Время", могли примазаться къ безпорядкамъ, подобно тому, какъ на пожарѣ дѣлаютъ грабители; но вѣдь не всегда грабители бываютъ виновниками пожара". Значитъ, бывали производимы пожары и съ цѣлью грабежа? А не бывало-ли пожаровъ и съ политическою цѣлью? „Согласитесь, продолжаетъ „Новое Время", что было-бы опасно, не изслѣдовавъ каждаго случая, сваливать вину пожара на грабителей, ибо въ такомъ случаѣ истинныя причины бѣдствія могутъ остаться не раскрытыми и противъ нихъ не будетъ принято никакихъ мѣръ предосторожности". Вспомнимъ, что когда случались, такъ называемыя, пожарныя времена, когда выгорали, подобно Симбирску, почти цѣлые города, никому и въ голову не приходило искать обыкновенныхъ причинъ,—всѣ были увѣрены, что города выгораютъ отъ поджоговъ, и искали... лишь поджигателей. Съ такими повальными поджогами могутъ быть сравнены студенческія волненія, загорающіяся почти одновременно во многихъ университетахъ и даже въ другихъ высшихъ

учебныхъ заведеніяхъ. Эта одновременность указываетъ скорѣе на поджогъ, чѣмъ на пожаръ отъ естественныхъ причинъ. Вглядитесь во всѣ университетскія смуты, начиная съ 1861 года, вчитайтесь во всѣ студенческія петиціи, много-ли вы найдете разницы? А, между тѣмъ, различія въ требованіяхъ студенческихъ слѣдовало-бы ожидать, потому что университетская жизнь измѣняется, не стоитъ въ однихъ и тѣхъ-же условіяхъ. Требованія студентовъ почти одни и тѣ-же: требуютъ корпоративныхъ правъ съ различными неважными измѣненіями. Мнѣ могутъ сказать: „стало быть, ясна причина студенческихъ волненій и ясенъ способъ ихъ прекращенія. Причина—неимѣніе студентами корпоративныхъ правъ, способъ прекращенія волненій—дарованіе этихъ правъ“. Казалось-бы такъ. Но почему-же въ либеральное министерство А. А. Сабурова студенты больше всего шумѣли? Почему именно этому министру, завѣдомо для всѣхъ желавшему дать студенчеству довольно широкія корпоративныя льготы, нанесено студентомъ публично оскорбленіе на торжественномъ актѣ с.-петербургскаго университета 8-го февраля 1881 года? Не служитъ-ли этотъ фактъ краснорѣчивымъ доказательствомъ того, что въ студенческихъ волненіяхъ нечего искать внутреннихъ причинъ? Устроители студенческихъ безпорядковъ опасались, чтобы съ дарованіемъ корпоративныхъ правъ не прекратились студенческія волненія, и поспѣшили нанесеніемъ оскорбленія министру положить конецъ преобразованію студенческаго быта въ либеральномъ духѣ: имъ выгоднѣе, чтобы на студентовъ сыпались всяческія репрессивныя мѣры, потому что при этомъ легче возбуждать молодежь къ отстаиванію правъ студенчества. Устроителямъ политической смуты нѣтъ собственно никакого дѣла до того, хорошо или дурно живется студентамъ; имъ нужно только, чтобы студентовъ легко было взволновать. Я не отвергаю того, что есть нѣкоторыя стороны университетской жизни, которыя могутъ казаться для студентовъ стѣснительными; есть и такія положенія университетскаго устава, которыя полезно было-бы замѣнить другими; но стѣснительныя мѣры были и въ прежнее время, до 1850-хъ годовъ, а о студенческихъ безпорядкахъ и помину не было. Да неужели все, что кажется стѣснительнымъ для студентовъ, подлежитъ отмѣнѣ? Неужели университетскій уставъ долженъ

составляться и видоизмѣняться тоже по требованію студентовъ и при участіи студенческихъ депутатовъ и по ихъ указаніямъ? Неужели студенты должны судить своимъ судомъ не только товарищей, но и профессоровъ? Неужели... Сколько можно поставить вопросовъ съ этимъ неужели, на которые едва-ли рѣшится отвѣтить утвердительно не только „Гражданинъ“, называющій студенческіе безпорядки „шалостью“, но самый забубенный студентъ, когда вы поговорите съ нимъ одинъ на одинъ, а не на сходкѣ, конечно.

Но sapienti sat. Мнѣ кажется, я достаточно выяснилъ, что, если и есть внутри университета поводы къ неудовольствіямъ студентовъ, то эти поводы не таковы, чтобы вызывать періодически студенческіе безпорядки, особенно въ такомъ безобразномъ видѣ, какъ они стали проявляться въ послѣднее время. Буйство и безобразныя преступныя выходки студенческихъ сходокъ, какъ и злодѣйское покушеніе 1-го марта 1887 года, мы, по совѣсти, не можемъ записать насчетъ студентовъ. Это—плоды политической смуты, употребляющей нашу бѣдную неустойчивую, учащуюся молодежь орудіемъ для своихъ темныхъ, злодѣйскихъ цѣлей.

Опытъ показалъ, что студенческія волненія разражаются вдругъ, нежданно-негаданно, налетаютъ какъ буря, какъ вихрь, что даже лица, на которыхъ лежитъ юридическій долгъ наблюдать за порядкомъ въ университетѣ, до послѣдней минуты остаются въ заблужденіи, въ сладкой увѣренности, что порядокъ въ университетѣ не будетъ и не можетъ быть нарушенъ; даже полиція, на обязанности которой лежитъ предупрежденіе безпорядковъ, ничего не вѣдаетъ. Какъ-же, спрашивается, о готовящихся въ университетѣ безпорядкахъ узнаютъ „благоразумные студенты?“ Вѣдь ужь имъ-то менѣе всего сообщатъ заводчики смуты. За что-же они будутъ отвѣчать, если случатся безпорядки? А, между тѣмъ, исходя отъ мысли, что благоразумные студенты должны нравственно воздѣйствовать на увлекающихся своихъ товарищей и противостоять всякимъ попыткамъ къ нарушенію спокойствія, министерство народнаго просвѣщенія объявляетъ, что, „если-бы вслѣдствіе безпорядковъ, мѣшающихъ чтенію лекцій, пришлось прекратить учебныя занятія, то, независимо отъ наказанія виновныхъ въ безпорядкахъ, всѣмъ студен-

тамъ полугодіе не будетъ зачтено и производство стипендій прекратится". Нельзя не замѣтить, что, при исполненіи этой мѣры, на невиннаго студента можетъ обрушиться кара болѣе тяжелая, чѣмъ на инаго виновнаго. Виновный, напримѣръ, имѣющій средства, студентъ будетъ подвергнутъ увольненію изъ университета съ правомъ немедленнаго поступленія въ другой университетъ, онъ тотчасъ-же поѣдетъ въ другой университетъ, и поступитъ въ студенты, такъ что и полугодіе не потеряетъ; а невинный бѣднякъ потеряетъ полугодіе и будетъ лишенъ стипендіи, что̀ для него, какъ неимущаго, равносильно исключенію изъ университета. Для благоразумныхъ студентовъ весьма чувствительнымъ и совершенно достаточнымъ наказаніемъ служитъ уже временное закрытіе университета. Кромѣ того, мѣра, принятая относительно благоразумныхъ студентовъ, легко можетъ сдѣлаться дѣйствительною причиною студенческаго волненія: партія безпорядка, какъ извѣстно, крайне негодуетъ на благоразумныхъ за ихъ благоразуміе, за то, что ихъ никакъ не склонить къ участію въ безпорядкахъ; теперь министерскою мѣрою неблагоразумнымъ студентамъ открывается вѣрное средство чувствительно отмстить благоразумнымъ,—подвергнуть ихъ отвѣтственности,—стоитъ лишь устроить сходки. Благоразумные студенты—опора и надежда университетовъ; но предупредить безпорядковъ они не могутъ, потому что имъ никто не скажетъ о готовящихся безпорядкахъ; прекратить буйную сходку они не въ силахъ. Для прекращенія сходки одно средство вступить въ кулачный бой съ участниками. Но желательна-ли кулачная расправа благоразумныхъ студентовъ съ неразумными ихъ товарищами? Все, что могутъ и что нравственно обязаны сдѣлать студенты, дорожащіе честію своего университета—попытаться успокоить расходившихся товарищей, представить имъ безцѣльность и вредность ихъ сходки. Если повѣрить „Гражданину", что во всякомъ студенческомъ волненіи нужно искать профессора, то, пожалуй, можно придти къ такому заключенію, что, въ случаѣ студенческихъ безпорядковъ, слѣдуетъ подвергать строгому взысканію прежде всего профессоровъ. Если, какъ указывалъ „Гражданинъ" въ одной изъ своихъ статей, есть такіе профессора́, которые мутятъ и подстрекаютъ студентовъ, то съ подобными профессорами, конечно, церемониться нечего,—они

должны быть немедленно уволены ради спокойствія университета, ради спасенія учащейся молодежи. Но не подвергать-же взысканію всѣхъ профессоровъ правыхъ и виноватыхъ? Всей профессорской коллегіи нѣтъ основанія отвѣчать за поведеніе студентовъ, именно въ настоящее время, когда дисциплинарная часть снята съ профессоровъ. Уставъ 1863 года ставилъ профессоровъ въ прямое отношеніе къ дисциплинѣ студентовъ: совѣтъ университета выбиралъ проректора и его помощниковъ, т. е. всѣхъ лицъ, которымъ ввѣрялось непосредственное наблюденіе за студентами; университетскій судъ состоялъ изъ профессоровъ, совѣтъ университета былъ высшею инстанціею по суду надъ студентами. Тогда профессорская корпорація еще могла-бы подвергаться отвѣтственности за студенческіе безпорядки. По новому университетскому уставу студенты изъяты изъ вѣдѣнія профессоровъ. Уставъ 1884 года предоставляетъ, правда, правленію университета прерогативы прежняго университетскаго суда; но, какъ показала послѣдняя казанская студенческая исторія, и безъ правленія можно обойтись въ дѣлѣ суда надъ студентами. Понятно, въ настоящее время немыслимо подвергать цѣлую профессорскую коллегію взысканію за студенческія волненія. Если-бы профессоровъ, въ случаѣ студенческихъ безпорядковъ, стали лишать жалованья или мѣста, то это повело-бы къ весьма нежелательнымъ послѣдствіямъ. Студенты, поступившіе въ университетъ не съ цѣлію учиться, а съ цѣлію пріобрѣсти лишь право сдавать государственные экзамены, стали-бы, пожалуй, грозить профессорамъ, не желающимъ зачитывать имъ то или другое полугодіе: „попробуйте, не зачтите,— мы исторію сдѣлаемъ, и вы полетите съ мѣста“.

Кара должна постигать только виновныхъ, и снова повторяю что̀ сказано въ прежнихъ моихъ воспоминаніяхъ: по моему мнѣнію, разъ дѣятельно участвовавшіе въ студенческихъ безпорядкахъ, виновность которыхъ несомнѣнно доказана, заслуживаютъ удаленія изъ университета навсегда и въ другой университетъ принимаемы быть не могутъ; опытъ послѣднихъ лѣтъ показалъ, что участники студенческихъ безпорядковъ, исключенные за это изъ университета, по вторичномъ пріемѣ, являются первыми при всякой возникающей смутѣ и дѣйствуютъ съ еще большею энергіею и ловкостію. Любителямъ смуты не мѣсто въ университетѣ.

Съ заводчиками смуты или, вѣрнѣе, съ откликающимися охотно на призывъ крамолы церемониться нечего, тѣмъ болѣе, что такихъ въ каждомъ университетѣ лишь небольшая кучка. Эта кучка беретъ верхъ дерзостію и наглостію, привлекаетъ и губитъ слабовольныхъ угрозою и страхомъ. Удаленіе немногочисленной партіи сторонниковъ смуты и безпорядковъ послужитъ къ успокоенію университетовъ и къ пользѣ студентовъ, которые, въ значительномъ большинствѣ, поступаютъ въ университетъ, чтобы учиться, которымъ не по душѣ смуты и волненія, которые всегда готовы горячо откликнуться на всякое доброе и возвышенное чувство, въ чемъ мы имѣли не разъ случай убѣждаться, чему непререкаемое доказательство представила встрѣча студентами университетовъ Государя Императора и Государыни Императрицы въ Харьковѣ, Москвѣ и 23-го октября въ Петербургѣ у Казанскаго собора.

Послѣ катастрофы 17-го октября, когда вся Россія содрогнулась, какъ-бы отъ грознаго удара губительнаго землетрясенія, и еще сердечнѣе почувствовала какъ дороги ей обожаемые Царь и Царица со всею ихъ Августѣйшею семьею, когда Царь и Царица вышли изъ этого ужаснаго испытанія, окруженные ореоломъ царственнаго величія, непоколебимаго мужества духа и поистинѣ образцоваго человѣколюбія, — и университетская учащаяся молодежь, по самому своему возрасту благородная и отзывчивая, встрепенулась и какъ истинная плоть отъ плоти и кость отъ кости народа царелюбиваго, беззавѣтно-преданнаго царственнымъ вождямъ нашей свято-русской земли, горячо отозвалась, увидѣвши чудомъ Божественной благодати спасенныхъ отъ явной смерти Царя и Царицу, и, въ порывѣ сыновнихъ чувствъ, 23-го октября съ жаромъ цѣловала державныя руки, подававшія помощь раненымъ и искалѣченнымъ...

Государь Императоръ и Государыня Императрица были тронуты живымъ теплымъ и единодушнымъ участіемъ студентовъ харьковскаго, московскаго и петербургскаго университетовъ въ торжественной встрѣчѣ Ихъ Императорскихъ Величествъ и выразили за то особое удовольствіе министру народнаго просвѣщенія, который спѣшилъ объявить о томъ всѣмъ университетамъ и другимъ учебнымъ заведеніямъ, причемъ выразилъ твердую увѣренность, что вся наша учащаяся молодежь, по

чувствамъ своимъ, неразрывно связана съ многомилліоннымъ беззавѣтно-вѣрнымъ и преданнымъ своему монарху народомъ.

Этотъ трогательный моментъ, желаемъ и смѣемъ вѣрить, будетъ поворотнымъ пунктомъ въ стремленіяхъ, дѣйствіяхъ и жизни университетской учащейся молодежи. Заводчики смуты и люди, склонные къ волненіямъ, не будутъ находить въ ней ни малѣйшаго отклика, и всякое ихъ начинаніе, не подкрѣпляемое массою увлеченныхъ по слабохарактерности или равнодушныхъ и любопытныхъ, будетъ подавляемо и затушаемо немедленно въ самомъ зародышѣ.

П. Д. Шестаковъ.

18-го января 1889 года.
г. Казань.

Указы и распоряженія, состоявшіеся въ царств. Павла I.

I.

Высочайшая резолюція на прошеніе подпоручика Тинкова, 12-го декабря 1796 г.

оября 27-го 1796 года, помѣщикъ Дешкинскаго (потомъ Болховскаго) уѣзда, Орловскаго намѣстничества, изъ дворянъ лейбъ-гвардіи отставленный подпоручикъ Александръ Тинковъ отправилъ съ почтою слѣдующее прошеніе на высочайшее имя:

„Всемилостивѣйшій государь! Милосердыя милости вашего императорскаго величества ко отягощеннымъ судьбою различныхъ обстоятельствъ стеченію, въ наивеличайшей имперіи въ свѣтѣ, и отъ края до конца онаго, быстро текущими источниками излившіяся по вселенной мгновенно несмѣтныя щедроты коснулись трубою славы до несчастнаго, двадцать лѣтъ страдающаго сердечнымъ сокрушеніемъ и уничиженіемъ; воздвигнутый изъ праха несчастныхъ золъ пасть предъ стопами вашего императорскаго величества, у священнаго престола, дерзаю испустить свой томный гласъ со умиленіемъ.

„Продолжавъ ревностно и безпорочно служеніе вашему императорскому величеству въ полку лейбъ-гвардіи Семеновскомъ, съ 1764 года происходилъ чинами, въ томъ-же (?) въ 1773 году прапорщикомъ, а въ 1774 году подпоручикомъ; въ 1776 году 1-е генваря доставалось поручикомъ, но предъ тѣмъ самымъ покойная мать моя подала въ полкъ вздуманную безвинно просьбу на меня якобы въ непочтеніи ея, въ чемъ я желалъ изслѣдовать, но сего не учинено за скорою подачею ея, матери моей, вторичной просьбы, въ коей

она меня прощаетъ и просьбу свою недѣйствительною уничтожаетъ; а я и затѣмъ отъ полку, по докладу, безъ суда, того-жъ 1776 года въ мартѣ мѣсяцѣ, именнымъ ея императорскаго величества въ Бозѣ почивающей вашего величества родительницы указомъ лишенъ не токмо награжденія, но и заслуженнаго поручичьяго, мнѣ тогда слѣдующаго, чина.

„Всемилостивѣйшій государь! Пріемлю нижайшій и вѣрноподданный смѣлость утруждать высочайшую, священную вашего величества особу, изъ высокомонаршаго вашего милосердія обрадовать меня награжденіемъ, въ уравненіе съ сверстниками моими, тогда служившими, съ награжденіемъ армейскими чинами ихъ, оставленныхъ отъ службы; поелику я уже, за слабостію своего здоровья, военную вашего императорскаго величества службу продолжать не въ силахъ".

На это прошеніе генералъ-прокуроръ, князь А. Б. Куракинъ, объявилъ сенату данное 12-го декабря высочайшее повелѣніе:

„Призвать просителя, по жительству его въ Орловскомъ намѣстничествѣ, въ тамошнее намѣстническое правленіе и сдѣлать ему выговоръ за то, что онъ осмѣлился жаловаться на мать свою".

Исполнительный указъ сената, съ приложеніемъ копіи съ прошенія, посланъ былъ въ намѣстническое правленіе 17-го декабря 1796 года за № 10372.

II.

Ордеръ орловскаго гражданскаго губернатора Воейкова [1]) мѣстнымъ городничимъ, 29-го марта 1798 года, съ надписью: „Секретнѣйше".

„Во исполненіе повелѣнія вышней власти, мнѣ къ исполненію предложеннаго, дабы по губерніи, управленію моему ввѣренной, на проѣзжающихъ водворяющихся и теперь живущихъ въ губерніи иностранцовъ обращено было особенное и самое недреманное вниманіе, предписываю я отъ живущихъ нынѣ въ городахъ и уѣздахъ иностранцовъ изтребовавъ, не объявляя отнюдь случая, но правомъ полиціи паспорты, пропуски или аттестаты, по которымъ они въѣ-

[1]) Дѣств. ст. сов. Василій Ивановичъ Воейковъ былъ орловскимъ губернаторомъ съ февраля 1797 года. Въ томъ-же мѣсяцѣ усмирялъ съ войсками крестьянъ княг. Голицыной и ген.-лейтенанта Апраксина, въ Сѣвскомъ уѣздѣ. Уволенъ отъ службы 14-го декабря 1798 года. А. Г. П.

хали и пріѣхали сюда, доставить ко мнѣ въ наивозможной скорости точныя копіи и обстоятельные списки объ именахъ и семействахъ тѣхъ иностранцовъ, съ показаніемъ во оныхъ кто, откуда, когда выѣхалъ и на теперешнее мѣсто его пребыванія пріѣхалъ, зачѣмъ и въ чемъ упражняется. Буде при семъ изысканіи окажутся такіе, у коихъ ни паспортовъ, ни аттестатовъ, ни пропусковъ нѣтъ, оныхъ выслать за присмотромъ, но не подъ стражею прямо ко мнѣ; впредь-же у проѣзжающихъ и пріѣзжающихъ съ окуратностію разсматривать и повѣрять даваемые имъ отъ пограничныхъ губернаторовъ подорожныя, тѣми-ли городами сіи иностранцы проѣзжали, которыя имъ въ подорожныхъ назначены, и имѣются-ли на оныхъ о томъ отмѣтки; въ тѣхъ-ли самыхъ мѣстахъ остановятся жительствовать, до которыхъ подорожныя имъ написаны, и для какого упражненія. Съ подорожныхъ-же тотчасъ доставлять ко мнѣ копіи, а за образомъ жизни и поведенія какъ первыхъ, живущихъ уже на мѣстахъ, такъ и сихъ послѣднихъ, пріѣхать еще могущихъ, надзирать неупустительно, и буде, во всѣхъ прописанныхъ случаяхъ, окажется какое либо основательное сомнѣніе въ пропускахъ, паспортахъ и аттестатахъ, или въ образѣ жизни и поведеніи, надъ таковыми употребивъ особенное осторожнѣйшее надзрѣніе, меня немедленно увѣдомлять, кои-же поѣдутъ не по назначеннымъ въ подорожныхъ городамъ, или не въ тѣхъ городахъ остановются (sic) пребываніемъ, до которыхъ даны подорожныя, оныхъ, яко подающихъ сомнѣнія, задерживая, тогда-же инаипоспѣшнѣйше присылать за стражею ко мнѣ".

III.

Именной указъ, данный сенату 21-го апрѣля 1798 года.

„Въ изъявленіе монаршаго нашего благоволенія къ дѣйствительному статскому совѣтнику Брискорну, всемилостивѣйше позволяемъ ему принять доставленный ему отъ рыцарства курляндскаго индигенатъ; сохраняя-же въ памяти нашей вѣрность и долговременное намъ служеніе отца его, въ воздаяніе за оное жалуемъ ему, дѣйствительному статскому совѣтнику, и роднымъ братьямъ его шляхетное Россійской Имперіи достоинство, и повелѣваемъ сенату, заготовя на дворянство грамоту и гербъ, поднести первую къ подписанію, а послѣдній къ утвержденію нашему".

Примѣч. Указъ этотъ представляется замѣчательнымъ потому, что Брискорнъ, послѣ принятія его въ курляндское рыцарство, возводится въ достоинство русскаго дворянина, которымъ, по чину, онъ былъ и безъ того.

А. Г. П.

IV.

Высочайшее повелѣніе, объявленное сенату генералъ-прокуроромъ княземъ Лопухинымъ 21 декабря 1798 года.

„Его императорское величество высочайше повелѣть соизволилъ: отъ капитана Ерлыкова никакихъ проектовъ не принимать".

V.

Именной указъ 26 сентября 1799 года, представленный сенату въ копіи орденскимъ церемоніймейстеромъ сенаторомъ Валуевымъ.

„Его императорское величество, принявъ съ благоволеніемъ и одобривъ представленіе его, г. оберъ-церемоніймейстера, касательно Лагарпа, кавалера ордена святаго Владиміра, нынѣ президентомъ въ директоріи швейцарской находящагося, высочайше указать изволилъ, яко недостойнаго уже быть членомъ знаменитаго общества кавалеровъ, исключить его изъ списковъ и повсюду опубликовать о семъ".

VI.

Ордеръ орловскаго гражданскаго губернатора Вульфа [1]) мѣстнымъ городничимъ 28 сентября 1799 года.

„По случаю дошедшаго до государя императора свѣдѣнія, что француженка Мишель выѣхала изъ заграницы безъ паспорта, полученнымъ мною отъ его высокопревосходительства генерала отъ инфантеріи, генерала прокурора и кавалера Александра Андреевича Беклешева отношеніемъ предписывается, что его императорское величество высочайше повелѣть соизволилъ: подтвердить предписанія о непремѣнномъ и точномъ выполненіи высочайшаго указа не впускать изъ заграницы никого, кто не предъявитъ паспорта отъ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ, или особливаго отъ государя повелѣнія. О каковой высокомонаршей волѣ вамъ возвѣщая, предписываю: буде кто изъ заграницы появится безъ упо-

---

[1]) Дѣйств. ст. сов., а потомъ тайный, Иванъ Петровичъ Вульфъ опредѣленъ въ губернаторы вмѣсто Воейкова. Правилъ губерніею съ половины января 1799 г. по конецъ ноября 1800 г. **А. Г. П.**

мянутыхъ видовъ, таковыхъ задержавъ тотчасъ доносить о томъ мнѣ, подъ опасеніемъ за противное строгаго взысканія по законамъ".

VII.

Высочайшее повелѣніе, объявленное губернаторомъ въ предписаніи ген.-прокурора А. А. Беклешева и предложенное отъ мѣстнаго губернатора орловскому губернскому правленію 10 декабря 1799 года.

„Его императорское величество, свѣдавъ объ употребляемомъ отъ нѣкоторыхъ чиновниковъ въ письмахъ непринадлежащемъ князю Италійскому графу Суворову-Рымникскому титулѣ его свѣтлости, высочайше повелѣть соизволилъ, чтобъ, впредь сего, указомъ не утвержденнаго титула не давалось".

VIII.

Именной указъ, данный сенату 1 марта 1800 г.

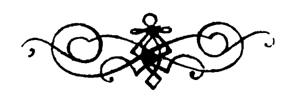
„Санктпетербургской палаты суда и расправы 2-го департамента членовъ за медленное рѣшеніе дѣлъ отрѣшить, а секретарей судить, на мѣста-же отрѣшенныхъ выбрать и опредѣлить другихъ".

IX.

Высочайшее повелѣніе, объявленное сенату ген.-прокуроромъ П. Х. Обольяниновымъ 21 августа 1800 г.

„Его императорское величество, по донесенію сенаторовъ Трощинскаго и князя Щербатова, что по Тульской губерніи считается въ недоимкѣ 185,827 р. 82 к., изъ коихъ часть подлежитъ къ сложенію, а часть остановилась за справками, къ рѣшенію потребными, слѣдующихъ-же къ неотложному взысканію 109,152 рубли съ копѣйками на отчетѣ губернскаго начальства остающихся, высочайше повелѣть соизволилъ, сходственно представленію сенаторовъ, къ скорѣйшему и исправному взысканію послѣднихъ, удержать жалованье и секвестровать имѣніе городничихъ, исправниковъ и засѣдателей, кои окажутся виновны въ послабленіи".

Сообщ. **А. Г. Пупаревъ.**



ПАСТОРЪ ВИГАНДЪ.

Его жизнь и дѣятельность въ Россіи

1764—1808 гг.

I.

Пасторъ Вигандъ, мистикъ и членъ секты гернгутеровъ, бывшій въ царствованіе императрицы Екатерины II въ числѣ профессоровъ московскаго университета, а затѣмъ священникомъ и агентомъ этой духовной общины въ Петербургѣ, происходилъ изъ духовнаго званія; всѣ предки его, со стороны отца и матери, были пасторами въ разныхъ городахъ Германіи, а одинъ изъ нихъ, докторъ Іоганнъ Вигандъ, былъ въ эпоху реформаціи епископомъ въ Помераніи, присоединился къ реформаціи и пріобрѣлъ извѣстность своими полемическими сочиненіями духовнаго характера.

Самъ Вигандъ, записки котораго лежатъ предъ нами, родился 17-го іюня 1744 г., въ Венцновѣ, гдѣ отецъ его былъ пасторомъ. Родители его были люди весьма набожные и чрезвычайно заботились о воспитаніи сына, но отецъ, при всей горячей любви своей къ дѣтямъ, „никогда не позволялъ себѣ по отношенію къ намъ ни малѣйшей слабости, всегда держалъ себя съ нами серьезно и строго, хотя обращеніе его дышало любовью и ласкою; мать, съ своей стороны, разумно помогала ему въ дѣлѣ воспитанія дѣтей“, такъ говоритъ, вспоминая о своихъ родителяхъ, пасторъ Вигандъ, сохранившій къ нимъ до конца жизни глубокую любовь и уваженіе.

„По вечерамъ отецъ посадитъ, бывало, къ себѣ на колѣни

младшихъ дѣтей, передаетъ Вигандъ, и начнетъ разсказывать намъ, со свойственнымъ ему умѣньемъ, поучительные эпизоды изъ Ветхаго и Новаго Завѣта. Когда мы подросли, насъ рано засадили за ученье: отецъ только два раза бралъ для насъ на короткое время наставниковъ, но замѣтивъ, что они не отвѣчали его понятіямъ о воспитаніи, онъ вскорѣ отказалъ имъ и самъ сталъ заниматься нашимъ воспитаніемъ. Вставши въ 4 часа утра, отецъ будилъ насъ и удалялся въ свой кабинетъ, гдѣ читалъ молитвы и размышлялъ, покуда мы одѣвались. Затѣмъ онъ читалъ вмѣстѣ съ нами утреннія молитвы и нѣсколько главъ изъ библіи. Нерѣдко всѣ собирались на молитву и вечеромъ, и въ этой вечерней молитвѣ было что-то особенно торжественное. Послѣ утренней молитвы отецъ занимался съ нами науками до половины девятаго, затѣмъ мы завтракали, и приготовляли уроки или повторяли выученное въ то время, когда отецъ исполнялъ свои пасторскія обязанности или былъ занятъ домашними дѣлами. Послѣобѣденное время проходило также въ занятіяхъ, съ тою разницею, что намъ давали время и на необходимыя тѣлесныя упражненія. Такимъ образомъ, я пріобрѣлъ необходимыя научныя познанія. По воскресеньямъ, сходивъ къ обѣднѣ, мы должны были прочитывать матери нашей нѣсколько изъ сочиненія Арнда „Истинное христіанство“ или изъ „Подражанія Христу“ Ѳомы Кемпійскаго, а послѣ обѣда читали какую-нибудь назидательную проповѣдь, но я долженъ сознаться, что подобное занятіе казалось намъ весьма скучнымъ и совершенно отвратило насъ отъ духовнаго чтенія.

На двѣнадцатомъ году жизни, я почувствовалъ необыкновенное стремленіе къ уединенію и, выбравъ себѣ уютный уголокъ, проводилъ въ немъ все свободное время, мечтая о томъ, какимъ путемъ можно достичь блаженства; родители замѣтили происшедшую во мнѣ перемѣну, и хотя она смущала ихъ, но они не мѣшали мнѣ предаваться моимъ мечтамъ. Этотъ періодъ жизни могъ быть для меня весьма благотворнымъ, ежели-бы я встрѣтилъ разумнаго руководителя, но, къ несчастью, во мнѣ стали быстро развиваться грубые животные инстинкты; я былъ вполнѣ убѣжденъ, что всѣ дурные помыслы и побужденія въ насъ грѣховны, поэтому всѣми силами старался побороть зло и, желая спастись, прибѣгъ къ молитвѣ и всячески старался умертвить свою плоть.

Занимаясь подъ руководствомъ отца, я подвинулся въ наукахъ настолько, что 16-ти лѣтъ могъ-бы уже поступить въ университетъ, но такъ какъ по закону я не имѣлъ еще на это права, то отецъ опредѣлилъ меня, въ 1760 г., въ академическую гимназію въ

Штетинъ. Въ гимназіи я превосходилъ всѣхъ моихъ сверстниковъ познаніями и лекціи учителей не представляли для меня ничего новаго,—обстоятельство, которое не могло, разумѣется, возбудить во мнѣ особеннаго рвенія къ занятіямъ; поэтому, хотя я и посѣщалъ классы аккуратно и заслужилъ одобренія наставниковъ, но мнѣ не пришлось ни приготовлять уроковъ, ни репетировать пройденнаго; я занимался съ нѣкоторымъ прилежаніемъ только физикою, архитектурою и новѣйшими языками, притомъ давалъ въ городѣ уроки, а у нѣкоторыхъ воспитанниковъ гимназіи былъ репетиторомъ, такъ что мое содержаніе родителямъ ничего не стоило. Товарищи уважали меня какъ молодца, т. е. человѣка, полагающаго свою честь во всемъ дурномъ, а такъ какъ я былъ силенъ и смѣлъ, то являлся ихъ коноводомъ во всѣхъ затѣяхъ".

Описывая этотъ періодъ своей жизни, 65-тилѣтній пасторъ съ сокрушеніемъ вспоминаетъ о своихъ юношескихъ проказахъ, о своей тогдашней грѣховности, объ отсутствіи въ его сердцѣ вѣры и христіанскихъ добродѣтелей, удивляясь долготерпѣнію Господа, не покаравшаго его за эти грѣхи; подобнымъ сѣтованіямъ объ одолѣвавшихъ его грѣховныхъ помыслахъ и о невѣріи его даже въ въ болѣе зрѣлыхъ лѣтахъ посвящены многія страницы этихъ воспоминаній.

По окончаніи гимназіи, Вигандъ поступилъ въ университетъ въ Галле, и тутъ ему поневолѣ пришлось уже подумывать о своей будущей карьерѣ. „Такъ какъ меня готовили къ духовному званію, говоритъ онъ, то мнѣ предстояло провести гдѣ-нибудь нѣсколько лѣтъ домашнимъ учителемъ, что, по моему собственному опыту и по разсказамъ другихъ, казалось мнѣ далеко незаманчивымъ, а затѣмъ пришлось-бы сдѣлаться пасторомъ; это казалось мнѣ еще ужаснѣе; я сознавалъ, что мнѣ пришлось-бы измѣнить тогда всѣ мои убѣжденія; а исполнять обязанности пастора человѣку не вѣрующему казалось мнѣ настоящею пыткою.

Въ это время скончался польскій король Фридрихъ-Августъ III, а въ Россіи только-что вступила на престолъ императрица Екатерина II. Озабочиваясь выполненіемъ своихъ политическихъ видовъ относительно Польши, государыня эта повелѣла генералъ-провіантмейстеру и кавалеру Николаю Алексѣевичу Хомутову, находившемуся по окончаніи Семилѣтней войны при запасныхъ магазинахъ русскихъ войскъ въ Польшѣ, поддерживать русскіе интересы при избраніи новаго короля польскаго, а такъ какъ это порученіе оказалось для него слишкомъ труднымъ, то оно было возложено на другое лицо, а Хомутову было приказано возвратиться въ Россію.

У него было трое дѣтей и хотя онъ самъ былъ весьма плохо образованъ, но желалъ, чтобы дѣти его получили основательное образованіе, что въ Россіи въ то время было почти немыслимо; поэтому онъ обратился къ маіору Тунцельману, стоявшему въ Грауденцѣ, съ просьбою рекомендовать ему учителя, который зналъ-бы французскій языкъ и математику, и согласился-бы ѣхать въ Россію. Мѣсто это, черезъ одного знакомаго, было предложено мнѣ; а такъ какъ въ Германіи не могло представиться для молодаго человѣка столь выгоднаго мѣста, то я, долго не думая, согласился принять его тѣмъ болѣе, что оно соотвѣтствовало моему желанію, какъ можно долѣе оттянуть срокъ моего поступленія въ духовный санъ и давало возможность вести свободную жизнь и нажить деньги. Отецъ, выслушавъ мои доводы, согласился отпустить меня на три года въ Россію; такимъ образомъ, въ апрѣлѣ 1764 г., я простился съ родными и направился къ польской границѣ. Тутъ мнѣ пришлось остановиться на нѣсколько дней у пастора Шеера, ожидая попутчика въ Данцигъ; однажды въ бесѣдѣ со мною пасторъ отозвался неодобрительно о гернгутерахъ и предостерегалъ меня отъ нихъ, говоря, что на границѣ и въ Данцигѣ ихъ очень много. По странному стеченію обстоятельствъ, мнѣ пришлось выслушать это предостереженіе въ то время, когда я готовился переступить границу моего отечества, а нѣсколько лѣтъ спустя, я сошелся съ гернгутерами и имъ обязанъ тѣмъ, чѣмъ я сталъ теперь".

Наконецъ, Виганду удалось найти попутчиковъ, нѣсколькихъ офицеровъ, возвращавшихся въ Россію, и онъ прибылъ съ ними, подъ охраною сильнаго конвоя, въ Литву, въ Новогрудокъ, гдѣ поджидалъ его генералъ Хомутовъ, тутъ-же заключившій съ нимъ контрактъ на три года. Это было въ 1764 г.

II.

„Итакъ я находился теперь на службѣ въ Россіи, въ той странѣ, куда Создатель послалъ меня ради моего спасенія, такъ продолжаетъ пасторъ свое повѣствованіе. Мы направились черезъ Вильно по пустынной Литвѣ; я не зналъ мѣстнаго языка и могъ разговаривать только съ моими воспитанниками по-французски или по-нѣмецки, съ посторонними-же вовсе не могъ объясняться. Это повергло меня въ уныніе тѣмъ болѣе, что я видѣлъ вспыльчивый характеръ моего патрона, который однажды такъ разсердился на меня за какую-то ошибку съ моей стороны, происшедшую отъ недоразумѣнія, что грозилъ отказать мнѣ отъ мѣста, и мнѣ пришлось-бы остаться въ глубинѣ Литвы совершенно безпомощному и погибнуть въ ея необозримыхъ лѣсахъ отъ дикихъ звѣрей (!).

Мы ѣхали неровно, проѣзжая то по 8, то по 2 и по 3 мили въ день; иной разъ у насъ бывало всего въ изобиліи, иногда-же приходилось голодать. Наконецъ, мы прибыли въ Ригу, гдѣ находилась въ то время императрица, но она пробыла тутъ не долго и, получивъ извѣстіе о попыткѣ Мировича возвести на престолъ несчастнаго царевича Ивана, отправилась въ Петербургъ. Изъ Риги мы поѣхали къ Псковскому озеру, къ Березину, брату генеральши Хомутовой; тутъ мнѣ пришлось познакомиться съ образомъ жизни русскихъ, который показался мнѣ вначалѣ чрезвычайно страннымъ. Подъ осень мы переѣхали въ Петербургъ. Мнѣ приходилось вращаться теперь въ кругу весьма знатныхъ и вліятельныхъ особъ, но это общество было мнѣ не по душѣ; хотя генеральша относилась ко мнѣ хорошо, также, какъ и дочь ея, любимица отца, но много горькихъ минутъ доставили мнѣ мои воспитанники, не желавшіе подчиняться строгому надзору съ моей стороны; упавъ духомъ, я старался поддержать себя занятіями и принялся за изученіе исторіи, что для меня было весьма удобно, имѣя подъ рукою превосходную библіотеку г. Хомутова; знакомство съ сухопутными офицерами и моряками доставило мнѣ случай усовершенствоваться въ фортификаціонномъ и инженерномъ черченіи.

Съ нѣмцами вообще я не сходился, и, посѣщая исключительно русскіе кружки, началъ мало-по-малу понимать русскій языкъ, что доставило генералу видимое удовольствіе. Когда онъ сдалъ всѣ отчеты по управленію имъ провіантскими магазинами, то мы, по послѣднему санному пути, отправились въ его имѣніе, близь Ярославля; путь нашъ лежалъ черезъ Москву, гдѣ мы остановились не

надолго, черезъ Троицкую лавру и Ростовъ, гдѣ я видѣлъ первый разъ мощи св. Дмитрія Ростовскаго. Живя въ имѣніи, я еще болѣе усовершенствовался въ русскомъ языкѣ, давалъ уроки родственникамъ генерала, кромѣ того, наблюдалъ за постройками, за межеваніемъ, составлялъ рисунки для плетенья кружевъ и вышиванія.

Возлѣ самаго дома, занимаемаго нами на берегу Волги, проѣзжало множество колонистовъ, направлявшихся въ Саратовскую губернію; я не думалъ въ то время, что съ нѣкоторыми изъ нихъ мнѣ придется впослѣдствіи близко познакомиться.

Въ началѣ 1767 г. мы отправились въ Москву, куда ожидали къ этому времени прибытія императрицы; воспитанники мои тутъ очень веселились; ихъ образованіе считалось уже оконченнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ насталъ срокъ заключенному мною, съ ихъ отцомъ, контракту. Мнѣ слѣдовало возвратиться домой, но я еще не успѣлъ накопить для этого достаточно денегъ, къ тому-же, меня попрежнему пугала мысль, что, пріѣхавъ въ Германію, я долженъ буду вскорѣ поступить въ духовное званіе. Поэтому я рѣшилъ искать другое мѣсто, что для меня было не особенно трудно, такъ какъ я пользовался хорошею репутаціею. Генералъ Хомутовъ и семейство его, расположеніе которыхъ я заслужилъ въ эти три года, взялись похлопотать за меня. Они рекомендовали меня престарѣлому князю Никитѣ Юрьевичу Трубецкому, человѣку вліятельному, принадлежавшему къ одной изъ самыхъ знатныхъ фамилій Россіи. Я явился къ нему, по его письменному приглашенію, и былъ представленъ моимъ будущимъ воспитанникамъ. Условія, предложенныя мнѣ, были весьма выгодныя, къ тому-же, это мѣсто давало мнѣ возможность жить въ столицѣ, гдѣ я могъ воспользоваться всякимъ случаемъ, чтобы составить себѣ карьеру.

Когда я вернулся отъ Трубецкаго, старшій сынъ генерала Хомутова, маіоръ Александръ Николаевичъ Хомутовъ узналъ о моихъ планахъ. Онъ былъ въ связи съ дѣвицею Александрою Андреевною Щербининою, на которой впослѣдствіи женился; братъ-же оной дѣвицы, Петръ Андреевичъ Щербининъ, жилъ въ Харьковѣ, въ Украйнѣ—мѣстности, населенной дикими (!) казаками, которую императрица, всего три года тому назадъ, начала цивилизовать и преобразовывать. Этотъ господинъ, женившись на княжнѣ Крапоткиной, особѣ весьма некрасивой, но богатой, сдѣлался самымъ крупнымъ землевладѣльцемъ въ томъ краѣ. У него былъ четырехлѣтній сынъ, для котораго онъ искалъ гувернера, и прислалъ съ этою цѣлью въ Москву конвой, съ которымъ долженъ былъ отправиться этотъ учитель, и денегъ для него на дорогу.

Маіоръ Хомутовъ предложилъ это мѣсто мнѣ. Ни одинъ человѣкъ, мало-мальски разсудительный не промѣнялъ-бы дома князя Трубецкаго на это мѣсто, въ отдаленной, пустынной мѣстности, у незначительнаго частнаго человѣка. Я-же, ни минуты не думая, самъ не зная почему, вѣроятно, по внушенію Божьему, предпочелъ это скромное мѣсто; какъ оказалось впослѣдствіи, всеблагое Провидѣніе направило меня туда для своихъ сокровенныхъ цѣлей и для моего спасенія.

Итакъ, въ іюнѣ мѣсяцѣ 1767 г. я отправился въ Украйну. По пути мнѣ пришлось переночевать однажды въ сторонѣ отъ большой дороги, въ лѣску, на берегу Оки, среди большаго каравана мѣстныхъ крестьянъ, которые своими разбоями славились по всей имперіи. Въ то время, какъ мои провожатые поили лошадей, я услыхалъ, какъ эти люди разсуждали обо мнѣ, и, принявъ меня за купца, считали хорошею добычею; я обратился съ молитвою къ Богу, прося его спасти меня отъ разбойниковъ; въ то-же время я незамѣтно зарядилъ ружье и пистолеты; мы не спали всю ночь и крестьяне не посмѣли тронуть насъ.

Въ Харьковъ мы прибыли незадолго до дня рожденія Щербинина; праздничныя приготовленія, которыя дѣлались по этому случаю въ его имѣніи Бабай, въ 12-ти верстахъ отъ города, превосходили роскошью все видѣнное мною до тѣхъ поръ. Поступая на это мѣсто, я твердо рѣшился исполнить добросовѣстно возложенную на меня обязанность и сдѣлать изъ моего воспитанника человѣка образованнаго и нравственно развитаго. Онъ оказался весьма способнымъ ребенкомъ, но какъ единственный сынъ былъ до крайности избалованъ матерью и няньками. Увидѣвъ меня первый разъ и не зная даже кто я такой, онъ отвѣчалъ на мое привѣтствіе такими непристойными ругательствами, которыя поразили меня въ устахъ четырехлѣтняго ребенка. Потомъ онъ приказалъ своей бабушкѣ, генеральшѣ Спечинской (рожденной Апостолъ), прокатиться съ нимъ верхомъ на палочкѣ по всему дому, по двору и по саду, въ сопровожденіи цѣлой свиты служанокъ, что и было немедленно исполнено.

Русская гувернантка, бывшая при мальчикѣ, услыхавъ, что къ нему приглашаютъ гувернера, своимъ разсказомъ о томъ, какъ царевичъ Дмитрій былъ задушенъ своимъ наставникомъ, съумѣла внушить ребенку такой страхъ и такое отвращеніе къ самому слову учитель, что онъ едва-ли помирился-бы съ моимъ присутствіемъ, а сдѣлать что-либо безъ его согласія родители считали невозможнымъ. Поэтому было рѣшено, что я, живя въ домѣ сначала

какъ человѣкъ совершенно посторонній, долженъ заслужить прежде всего довѣріе и расположеніе мальчика. Въ теченіе нѣсколькихъ недѣль мнѣ пришлось дѣлать видъ, будто-бы я совсѣмъ не касаюсь его; онъ также всячески старался избѣгать меня, но мало-по-малу привыкъ къ моему присутствію, а такъ какъ я принималъ участіе во всѣхъ его забавахъ, то сдѣлался ему необходимымъ и заслужилъ его довѣріе и онъ привыкъ подчиняться моему авторитету.

По прошествіи четырехъ мѣсяцевъ, когда родители убѣдились, что я буду хорошо воспитывать ихъ ребенка, было рѣшено передать его окончательно мнѣ. Эта передача совершилась ночью. Сцена, происшедшая при этомъ, показалась мнѣ въ высшей степени странною и трогательною. Кровать съ балдахиномъ, въ которой спало дорогое дитя, была вынесена четырьмя гайдуками изъ дѣтской и перенесена черезъ весь домъ въ мою комнату, гдѣ я принялъ ее съ сердечнымъ трепетомъ; за кроваткою шли бабушка, отецъ и мать и вся прислуга, проливая слезы. Малютка, проснувшись поутру, былъ изумленъ происшедшею перемѣною и я долженъ былъ обѣщать ему, что постараюсь водворить его на слѣдующій день въ его комнату. Этимъ дѣло и кончилось. Черезъ полгода, къ нашему общему удовольствію, ребенокъ уже отлично читалъ по-русски и писалъ довольно сносно, а вскорѣ сдѣлалъ замѣчательные успѣхи во французскомъ языкѣ и въ другихъ предметахъ. Притомъ онъ сдѣлался мальчикомъ довольно смирнымъ и послушнымъ, но все-таки развившееся въ немъ съ дѣтства упрямство не могло совершенно искорениться и впослѣдствіи много вредило ему.

Родители мальчика, въ знакъ благодарности, за его успѣхи, хотѣли выхлопотать мнѣ мѣсто старшаго учителя при открытыхъ, по повелѣнію императрицы, нѣмецкихъ классахъ при духовной семинаріи въ Харьковѣ, причемъ я сохранилъ-бы свое мѣсто и въ домѣ Щербининыхъ, но такъ какъ мнѣ не улыбалась перспектива преподавать въ казенномъ заведеніи, то я отказался отъ этого выгоднаго предложенія. Въ это учебное заведеніе были приглашены изъ Москвы два нѣмца, изъ коихъ одинъ, Іог. Фрид. Паули, оказавшійся членомъ общины гернгутеровъ, очаровалъ всѣхъ своимъ привѣтливымъ обращеніемъ. При первой встрѣчѣ со мною, онъ привѣтствовалъ меня простымъ „доброе утро“, но оно было сказано съ такимъ выраженіемъ, съ такою ласковою располагающею улыбкою, какой я никогда еще не видалъ, поэтому его слова тронули меня до глубины души, я позабылъ на время свое предубѣжденіе противъ нѣмцевъ и подружился съ нимъ. Онъ былъ другомъ всего нашего дома; ни одинъ праздникъ, ни одно семейное

торжество не обходилось безъ него. Онъ познакомилъ меня съ общиною, съ ея цѣлями, и я былъ очарованъ всѣмъ тѣмъ, что услышалъ объ ея организаціи, объ ея требованіяхъ; въ ней все безъ исключенія казалось мнѣ совершеннымъ; не видавъ никогда въ жизни ни одной общины, я уже былъ преданъ ей всею душою. Меня удивляло одно: какимъ образомъ я, человѣкъ образованный, ничего не слыхалъ прежде объ этомъ братствѣ; помню только, что когда мнѣ былъ седьмой годъ и я занимался однажды уборкою бумагъ въ кабинетѣ отца, то мнѣ попалось въ руки разсужденіе доктора Баумгартена о гернгутерахъ; на мой вопросъ: „что это за люди!" отецъ отвѣчалъ коротко:

— Это были хорошіе люди, сынъ мой, но со временемъ они испортились.

Затѣмъ, при отъѣздѣ моемъ изъ Германіи, пасторъ Шеръ предостерегалъ меня отъ гернгутеровъ, какъ я уже говорилъ выше, вотъ и все то, что я слышалъ о нихъ до тѣхъ поръ.

Во мнѣ возбудилось желаніе взглянуть на общину, основанную въ Сарептѣ, всего шесть лѣтъ тому назадъ, но это казалось неосуществимымъ: привязанность моя къ моему воспитаннику, разсѣянная жизнь, которую вели въ домѣ Щербининыхъ, невозможность поручить кому-бы то ни было на время маленькаго Щербинина—представляли къ тому непреодолимыя препятствія. Но случилось иначе. Вслѣдствіе сидячей жизни я опасно заболѣлъ; доктора и всѣ знакомые были того мнѣнія, что мнѣ необходимо для моего здоровья совершить небольшую поѣздку, и самъ Щербининъ предложилъ мнѣ поѣхать вмѣстѣ съ Паули въ Сарепту и далъ намъ на проѣздъ денегъ.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1770 г. мы отправились въ путь, по мѣстности въ то время мнѣ совершенно незнакомой; до Царицына я все еще былъ слабъ, но тутъ мы встрѣтились съ братьями Фикъ и Сутеромъ—первыми изъ сарептскихъ гернгутеровъ, съ которыми мнѣ довелось познакомиться, и это такъ порадовало меня, что я пріѣхалъ въ Сарепту совершенно здоровый, и до сихъ поръ вспоминаю съ умиленіемъ, что мнѣ довелось видѣть эту общину при самомъ ея возникновеніи. Насъ приняли радушно; особенно тронуло меня то обстоятельство, что мнѣ дозволили присутствовать при таинствѣ св. причастія, которое произвело на меня сильное впечатлѣніе.

Я пріобрѣлъ тутъ довольно полное собраніе всѣхъ сочиненій, изданныхъ общиною; послѣ шестинедѣльнаго пребыванія въ Сарептѣ мы возвратились въ Харьковъ. Наши разсказы объ общинѣ возбудили всеобщій интересъ, и многіе изъ жителей Харькова впослѣдствіи сами побывали въ Сарептѣ".

Подъ вліяніемъ книгъ, привезенныхъ изъ общины, въ душѣ Виганда совершился важный нравственный переворотъ: многое, до тѣхъ поръ для него непонятное, сдѣлалось ему, какъ онъ говоритъ, совершенно яснымъ, онъ сталъ человѣкомъ искренно вѣрующимъ и обрѣлъ тотъ душевный миръ, котораго ранѣе онъ не зналъ, а братья гернгутеры, съ которыми онъ вступилъ въ переписку, сдѣлались его руководителями на этомъ новомъ пути; видя во всемъ случившемся въ его жизни явный перстъ Божій, приведшій его въ то мѣсто, гдѣ ему было суждено обрѣсти спасеніе, онъ считалъ своимъ долгомъ вліять на окружавшихъ, стараясь и ихъ наставить на тотъ путь, на которомъ онъ чувствовалъ себя такъ хорошо, и его старанія въ этомъ отношеніи не разъ увѣнчались успѣхомъ.

III.

Въ 1768 г. была объявлена война Турціи; Харькову угрожала 50.000 армія крымскихъ татаръ; въ эту критическую минуту всѣ жители города были призваны къ оружію. „Подъ мою команду, разсказываетъ Вигандъ, были отданы студенты семинаріи и двѣ пушки; мы простояли подъ ружьемъ двое сутокъ, но до боя дѣло не дошло, хотя татары и захватили въ окрестностяхъ въ плѣнъ болѣе 20.000 человѣкъ, изъ коихъ ни одинъ не вернулся; до 18.000 этихъ несчастныхъ погибли, не перейдя русской границы, отъ голода и изнуренія, такъ какъ ихъ заставляли все время бѣжать привязанными къ конямъ.

Въ 1769 г. въ Харьковѣ находилась главная квартира арміи, назначенной, подъ начальствомъ гр. Панина, для осады Бендеръ. Въ это время у меня было очень много дѣла. Однако, я продолжалъ усердно заниматься съ моимъ воспитанникомъ и онъ радовалъ меня своими успѣхами въ наукахъ и искуствахъ; я занимался съ нимъ, по желанію родителей, также Закономъ Божіимъ и замѣчалъ, что онъ все болѣе и болѣе отрѣшался отъ вкоренившихся въ него съ дѣтства предразсудковъ и совершенно ясно начиналъ понимать истины евангельскаго ученія.

Чума, свирѣпствовавшая въ Россіи въ 1774 г., унесла и въ Харьковѣ много жертвъ, но, къ счастью, не коснулась нашего дома. Въ томъ-же году сарептской общинѣ угрожало раззореніе отъ Пугачева; это событіе во многихъ отношеніяхъ касалось меня весьма близко. Чрезвычайное пристрастіе мое къ общинѣ, убѣж-

деніе въ томъ, что эта община находится подъ особымъ покровительствомъ Господа, и непониманіе мною Его предначертаній возбудили во мнѣ непоколебимую увѣренность въ томъ, что Сарепта будетъ спасена отъ злодѣя. Я высказывалъ это какъ фактъ, не подлежавшій сомнѣнію, всѣмъ, говорившимъ со мною объ общинѣ; многіе сочувствовали мнѣ, и губернаторъ сообщалъ мнѣ каждый день о движеніи бунтовщиковъ. Судя по этимъ извѣстіямъ, опасность угрожала Сарептѣ все болѣе и болѣе, я горевалъ и молился, но все еще не оставлялъ своего убѣжденія, какъ вдругъ однажды было получено извѣстіе, что Сарепта разграблена бунтовщиками! Это былъ для меня жестокій ударъ, который могъ поколебать во мнѣ вѣру, но, благодаря Бога, этого не случилось; зато я былъ обрадованъ извѣстіемъ, что всѣ сестры были спасены почти чудеснымъ образомъ и что злодѣи не успѣли причинить имъ ни малѣйшаго вреда.

Опасность, угрожавшая Россіи отъ Пугачева, распространилась до самаго Харькова; одинъ изъ его посланцевъ, везшій воззванія, былъ арестованъ въ 150 верстахъ отъ города, въ одномъ мѣстечкѣ, гдѣ онъ также распространялъ эти воззванія. Необходимо было узнать съ кѣмъ именно онъ имѣлъ сношеніе, но при допросѣ онъ выказалъ удивительную твердость, не хотѣлъ никого называть, и только когда били его кнутомъ, то онъ называлъ до двадцати мѣстъ, гдѣ онъ раздавалъ будто-бы письма, когда-же его привезли въ указанныя мѣста, то онъ говорилъ, что ошибся,—такъ отъ него ничего и не добились, а на третій день этого человѣка нашли въ тюрьмѣ убитымъ. Это обстоятельство чрезвычайно поразило всѣхъ: невольно явилась мысль, что тотъ, кто получалъ письма Пугачева, изъ боязни быть выданнымъ, приказалъ убить его посланнаго и что, слѣдовательно, это была личность вліятельная.

Около этого времени я получилъ отъ моего старика отца письмо, въ которомъ онъ просилъ меня пріѣхать повидаться съ нимъ и предостерегалъ меня отъ сближенія съ братствомъ. Я удивился, какимъ путемъ онъ узналъ о моихъ сношеніяхъ съ общиною, такъ какъ я ничего не писалъ ему объ этомъ; къ тому-же, насъ раздѣляло такое огромное пространство, да и впослѣдствіи, увидѣвшись съ нимъ, не могъ добиться откуда онъ получилъ это извѣстіе. При всемъ желаніи увидѣться съ отцомъ, я затруднялся оставить моего воспитанника на столь продолжительное время, но это препятствіе было вскорѣ устранено. Щербининъ рѣшился отпустить со мною своихъ двухъ сыновей и сына сестры своей, генеральши Хомутовой, котораго родители привезли, съ годъ тому назадъ, на

воспитаніе въ Украйну; это былъ слабый, болѣзненный мальчикъ семи лѣтъ, разбитый параличемъ.

Такимъ образомъ, въ маѣ мѣсяцѣ 1775 г., я отправился изъ Харькова съ двумя Щербиниными и съ маленькимъ Хомутовымъ; родители провожали насъ со слезами. Выдержавъ карантинъ, мы прибыли въ Москву, къ бабушкѣ моихъ воспитанниковъ; тутъ терпѣніе мое было подвергнуто большому испытанію, такъ какъ намъ пришлось съ іюня до половины ноября ожидать дозволенія выѣхать за-границу. Воспитанники мои были записаны сержантами въ л.-гв. Измайловскій полкъ, поэтому они не могли получить отпуска безъ вѣдома государыни, бывшей шефомъ этого полка. Хотя дядя моихъ воспитанниковъ былъ адъютантомъ въ этомъ полку и поэтому легко могъ доложить государынѣ объ ихъ просьбѣ, но случившаяся въ это время перемѣна фаворита, блестящія празднества по случаю заключенія славнаго Кучукъ-Кайнарджійскаго мира, причемъ происходили всевозможныя народныя увеселенія на обширномъ полѣ, гдѣ, между прочимъ, были представлены завоеванныя города, крѣпости, замки и даже весь флотъ—все это заставляло его откладывать докладъ со дня на день. Цѣлыхъ пять мѣсяцевъ выходилъ я аккуратно каждый день въ 11 часовъ утра на лѣстницу, на встрѣчу адъютанту, возвращавшемуся съ развода,—и все не могъ добиться желаннаго результата.

Наконецъ, давно ожидаемое разрѣшеніе было получено, и мы оставили Москву въ половинѣ ноября; погода была пасмурная, туманная, дни короткіе, а дороги были такъ испорчены проѣздомъ двора, что мы были вынуждены ѣхать большею частью при свѣтѣ факела, съ которымъ впереди насъ ѣхалъ слуга. Изъ Новгорода мы выѣхали около двухъ часовъ ночи; мы были уже ранѣе напуганы разсказами о разбояхъ, совершавшихся въ его окрестностяхъ, какъ вдругъ весь нашъ поѣздъ остановился и я услышалъ страшные крики и драку; никого изъ людей нельзя было дозваться и я съ тревогою ожидалъ чѣмъ все это кончится, опасаясь за участь дѣтей, которыя, между тѣмъ, спокойно спали. Оказалось, что на насъ дѣйствительно напали разбойники; расправившись съ ними, наши люди, наконецъ, вернулись, ведя съ собою двухъ плѣнныхъ, которыхъ мы связали и, возвратясь въ городъ, передали въ руки полиціи.

Въ Петербургѣ мы остановились на самое короткое время, необходимое для того, чтобы закупить все нужное для дальнѣйшаго путешествія. По пути въ Ригу, большое затрудненіе представила переправа черезъ Нарову; такъ какъ ледъ на ней еще

недостаточно окрѣпъ, то нашъ громоздкій экипажъ пришлось разобрать по частямъ и перенести на рукахъ, такимъ-же способомъ были переправлены и дѣти; благодаря Бога, все обошлось благополучно".

IV.

Изъ Риги путешественники добрались безъ особенныхъ приключеній черезъ Кенигсбергъ, Данцигъ и Штетинъ къ отцу Виганда. Трудно описать съ какимъ умиленіемъ престарѣлый пасторъ заключилъ въ свои объятія сына, котораго онъ не видалъ уже столько лѣтъ, и благословилъ его и его воспитанниковъ.

„Нѣсколько дней родители не могли взглянуть на меня безъ слезъ, пишетъ Вигандъ, когда-же прошли первые суетливые дни, занятые встрѣчею и неизбѣжными визитами, то отецъ заговорилъ со мною объ общинѣ, и когда я описалъ ему устройство ея и цѣли, то онъ ничего не могъ возразить мнѣ и болѣе не противился моему поступленію въ нее.

Весною 1776 г. я переѣхалъ съ моими воспитанниками въ Берлинъ, гдѣ намѣревался провести нѣсколько лѣтъ, пока младшіе мои воспитанники подростутъ; здѣсь были самыя лучшія условія для ихъ воспитанія и образованія, а мнѣ представлялся случай ближе сойтись и познакомиться съ братьями гернгутерами, со стороны которыхъ я встрѣтилъ самое дружеское расположеніе.

Вскорѣ послѣ нашего пріѣзда въ Берлинъ, въ немъ стала свирѣпствовать оспа; можно было опасаться, что она не пощадитъ и моихъ воспитанниковъ, а маленькій Хомутовъ, при его слабомъ здоровьѣ, по всей вѣроятности, не вынесъ-бы этой болѣзни. Родители его были такъ далеко, что я не могъ посовѣтоваться съ ними, поэтому мнѣ оставалось положиться на волю Божью. Однажды, въ разговорѣ со мною, одна изъ сестеръ [1]) высказала мнѣніе, что дѣтямъ необходимо привить оспу. Я принялъ ея совѣтъ какъ внушеніе свыше, и, благодаря Бога, операція эта окончилась благополучно, хотя маленькій Хомутовъ такъ расхворался, что былъ нѣсколько часовъ при смерти. Мой хозяинъ, считавшій оспопрививаніе сопротивленіемъ волѣ Божіей, потерялъ изъ шести человѣкъ дѣтей—троихъ, а изъ оставшихся двое были изуродованы оспою.

Изъ Берлина я ѣздилъ въ Барбы, въ собраніе унитаріанцевъ, гдѣ первый разъ въ жизни удостоился причаститься вмѣстѣ съ

[1]) Сестрами и братьями Вигандъ называетъ всѣхъ гернгутеровъ. **В. Т.**

V.

Похоронивъ мальчика, Вигандъ поѣхалъ съ Щербиниными въ Харьковъ, чтобы дать отчетъ ихъ отцу въ путешествіи и въ деньгахъ, потраченныхъ за это время, которыхъ прошло черезъ его руки до тридцати слишкомъ тысячъ. Но Щербининъ, служившій въ это время въ Харьковѣ прокуроромъ, былъ занятъ цѣлые дни и не имѣлъ времени свести счеты; такъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ, употребленныхъ Вигандомъ на ознакомленіе съ способомъ веденія дѣлъ и на пріобрѣтеніе нѣкоторыхъ свѣдѣній въ государственной администраціи, которыя весьма пригодились ему въ его послѣдующей служебной карьерѣ. Наконецъ, ему представился случай сдать отчетъ; Щербининъ щедро отблагодарилъ его за его труды, но взялъ съ него обѣщаніе не оставлять его семьи до выздоровленія его младшаго сына, который въ это время былъ серьезно боленъ, и отправиться съ нимъ для совѣта съ врачами въ Москву и въ Петербургъ. Такимъ образомъ, Вигандъ все еще не могъ приступить къ исполненію порученія, даннаго ему общиною; къ счастью для него въ Петербургѣ, лейбъ-хирургъ Блокъ сдѣлалъ весьма удачно его воспитаннику трудную операцію и хотя выздоровленіе больнаго шло медленно, но онъ вполнѣ оправился.

„Наконецъ, я былъ свободенъ, восклицаетъ пасторъ, и отправился въ Сарепту, гдѣ получилъ необходимыя для меня инструкціи, былъ посвященъ въ діаконы и отправился къ мѣсту моего назначенія въ Москву, куда прибылъ въ октябрѣ 1782 г., слишкомъ два года спустя послѣ моего выѣзда изъ Германіи. Въ московскомъ университетѣ у меня не было ни одного знакомаго, который похлопоталъ-бы за меня, поэтому я обратился лично къ куратору университета, тайному совѣтнику Мелиссино, и заявилъ ему, что мнѣ извѣстно какую онъ оказалъ протекцію моему другу Гельтергофу [1]) и что я самъ желаю теперь получить мѣсто при университетѣ. Взглянувъ на меня пристально, онъ спросилъ—не состою-ли я членомъ общины, и, получивъ утвердительный отвѣтъ, сдѣлался привѣтливѣе, разсказалъ мнѣ съ видимымъ удовольствіемъ, что онъ служилъ прокуроромъ при святѣйшемъ синодѣ въ то время, когда въ немъ происходили извѣстныя пренія по поводу религіи братьевъ-

---

[1]) Изъ гернгутеровъ; служилъ при московскомъ университетѣ.
В. Т.

гернгутеровъ, о которой и онъ высказалъ тогда свое мнѣніе, велѣлъ мнѣ явиться къ нему на слѣдующій день и спросилъ не желаю-ли я получить занятіе помимо университета. Я отъ этого отказался. Нѣсколько дней спустя, кураторъ призвалъ меня къ себѣ и отправился вмѣстѣ со мною въ конференцію университета, передъ которою мнѣ предстояло держать экзаменъ. Извѣстный профессоръ греческаго языка Матаци предложилъ мнѣ два—три вопроса, на которые я отвѣтилъ удачно, и этимъ экзаменъ окончился; когда-же Мелиссино спросилъ—почему меня не подвергаютъ испытанію, то профессоръ отвѣчалъ, что изъ нѣсколькихъ словъ видно съ кѣмъ имѣешь дѣло. Этимъ вся формальность ограничилась и я былъ опредѣленъ въ университетъ экстраординарнымъ профессоромъ; жалованіе было назначено мнѣ, съ моего согласія, самое незначительное; бо̀льшаго я не просилъ, опасаясь этимъ затормозить дѣло; самъ я имѣлъ въ это время достаточно денегъ, такъ что могъ свободно прожить, и поэтому довольствовался ничтожнымъ вознагражденіемъ. Мелиссино сказалъ мнѣ при этомъ, что „университетъ можетъ дать почести, но не деньги“. Итакъ, съ помощью Божіею, это дѣло, казавшееся мнѣ невозможнымъ, устроилось не болѣе какъ въ три дня,—какъ оказалось впослѣдствіи, благодаря участію, принятому во мнѣ извѣстнымъ масономъ Шварцомъ. Этотъ замѣчательный человѣкъ воспитывался въ Силезіи, подъ руководствомъ одной женщины, принадлежавшей къ нашей религіозной общинѣ, и подъ ея вліяніемъ получилъ вполнѣ религіозное направленіе. Увлекшись по своему страстному характеру новыми идеями, онъ поѣхалъ въ Остъ-Индію, испыталъ тамъ не мало приключеній, а по возвращеніи оттуда снова сталъ заниматься наукою и примкнулъ къ масонамъ-мартинистамъ, которые получили свое названіе отъ извѣстнаго Мартина, автора сочиненія „Des erreurs et de la vérité“. Этимъ обществомъ онъ былъ посланъ въ Москву, гдѣ произвелъ большія реформы среди масоновъ. Профессоръ Шварцъ, человѣкъ весьма дѣятельный, въ дѣйствительности управлялъ всѣмъ университетомъ, и услыхавъ отъ Мелиссино, что одинъ изъ братьевъ гернгутеровъ поступаетъ на службу университета, онъ употребилъ всевозможное стараніе къ тому, чтобы привлечь меня въ свое общество, а когда я отказался отъ этого, то способствовалъ моему опредѣленію въ университетъ. Единственное къ этому препятствіе, заключавшееся въ отсутствіи вакансіи, было устранено тѣмъ, что профессоръ Чеботаревъ, которому было слишкомъ затруднительно читать исторію, передалъ мнѣ свою каѳедру.

Такимъ образомъ, я очутился въ весьма странномъ положеніи

между двумя въ высшей степени враждебными партіями; сильнѣйшая изъ нихъ,—мартинисты, доставившіе мнѣ мѣсто,—покровительствовали мнѣ по убѣжденію, какъ члену братской общины; противники-же ихъ, зная, что братья не имѣютъ ничего общаго съ масонами, терпѣли меня какъ личность нейтральную; замѣчательно, что когда конференціи университета приходилось обсуждать какой-нибудь вопросъ, противъ котораго могла быть та или другая партія, причемъ я могъ-бы случайно оскорбить которую-либо изъ нихъ, то случалось всякій разъ, что я или заболѣвалъ или по какому-нибудь непредвидѣнному обстоятельству не могъ присутствовать на конференціи. Прежде нежели я коснусь моей прежней жизни въ Москвѣ, скажу еще нѣсколько словъ о вышеупомянутомъ обществѣ.

Руководитель общества, проф. Шварцъ, оказывалъ мнѣ полное довѣріе и открылъ мнѣ сокровенныя цѣли общества, клонившіяся не къ чему иному, какъ къ ниспроверженію православнаго вѣроисповѣданія въ Россіи; я совѣтывалъ ему дѣйствовать осторожнѣе, оставить мистицизмъ и не смѣшивать своихъ цѣлей съ цѣлью общины, чтобы они не повредили другъ другу. Относительно религіозной реформы, Шварцъ зашелъ уже далеко и планъ его былъ близокъ къ осуществленію, но чрезмѣрные труды повергли его вскорѣ на одръ болѣзни; я навѣщалъ его ежедневно, и онъ всегда просилъ меня бесѣдовать съ нимъ о Спасителѣ, но мы не могли говорить свободно, такъ какъ насъ всегда подслушивали масоны, опасавшіеся того, чтобы онъ, подъ вліяніемъ столь новаго для него настроенія духа, не выдалъ ихъ тайнъ. Я и самъ всячески избѣгалъ этого; только однажды онъ высказался, что „это дьявольскій орденъ и что если Господь пошлетъ ему исцѣленіе, то онъ поступитъ въ общину“. Когда Шварцъ скончался, то масоны просили меня произнести надгробное слово на русскомъ языкѣ.

Что касается моихъ занятій въ университетѣ, то я старался исполнять мои профессорскія обязанности какъ можно добросовѣстнѣе, полюбилъ студентовъ и, въ свою очередь, былъ ими любимъ, что возбуждало въ моихъ сотоварищахъ зависть, которую они не замедлили дать почувствовать. Читая лекціи исторіи, я имѣлъ случай иногда объяснять моимъ слушателямъ догматы христіанскихъ вѣроисповѣданій; въ особенности, проходя исторію среднихъ вѣковъ, когда мнѣ приходилось говорить о рожденіи Іисуса Христа, какъ объ эпохѣ во всемірной исторіи, я посвящалъ обыкновенно этому предмету нѣсколько лекцій, которыя такъ нравились молодежи, что она стекалась въ мою аудиторію съ разныхъ факультетовъ. То-же самое происходило и тогда, когда я читалъ о реформаціи.

Въ 1783 г. я женился, по предложенію общины, на одной изъ сестеръ, дѣвицѣ Сарѣ Фербернъ, пріѣхавшей съ этою цѣлью изъ Германіи. Бракъ нашъ былъ благословленъ восемью дѣтьми, изъ коихъ три дочери и два сына живы понынѣ (1808 г.). Старшая дочь моя замужемъ за миссіонеромъ Пинкертономъ, а вторая за реформатскимъ священникомъ Губертомъ; остальныя трое дѣтей еще воспитываются въ общинѣ. Несмотря на то, что наши съ женою характеры были весьма различны, мы жили постоянно въ полномъ мирѣ и согласіи, и она была для меня всегда усердною помощницею въ жизни".

VI.

Въ Москвѣ, кромѣ занятій по университету, Вигандъ читалъ нерѣдко проповѣди въ лютеранскихъ церквахъ, совершалъ иногда богослуженіе во время болѣзни другихъ пасторовъ, публично говорилъ проповѣди въ своемъ домѣ, навѣщалъ больныхъ и т. п., и ежегодно готовилъ къ конфирмаціи нѣсколько молодыхъ людей изъ эстонцевъ и латышей, не говорившихъ по-нѣмецки, причемъ на урокахъ, которые онъ давалъ имъ на русскомъ языкѣ, присутствовало зачастую многочисленное русское общество; кромѣ того, онъ велъ обширную корреспонденцію, такъ что въ день отправленія почты ему приходилось иногда писать до десяти и болѣе писемъ; наконецъ, онъ давалъ еще частные уроки гр. Панину, Галахову и другимъ, имѣлъ дѣла въ судѣ, по случаю покупки общиннаго дома, полученія плановъ и документовъ, по поводу хлопотъ объ отведеніи особаго кладбища для членовъ общины, о постройкѣ новаго каменнаго дома для общины и освобожденія его отъ постоя и т. д. Добиться этой привиллегіи для общины было для него особенно важно, такъ какъ, посылая его въ Москву, община имѣла, главнымъ образомъ, въ виду эту цѣль.

„Пребываніе въ Москвѣ было для меня крайне тягостно и утомительно, говоритъ Вигандъ,—поэтому, добившись, наконецъ, для нашего дома освобожденія отъ постоя и зная, что я не обязанъ болѣе изъ-за этого нести университетское ярмо, я сталъ спокойнѣе и довольнѣе; въ 1784 г. я былъ произведенъ въ коллежскіе ассессоры, а два года спустя, когда меня хотѣли произвести въ надворные совѣтники, причемъ я долженъ былъ принять русское подданство, то я отказался отъ этого чина, а вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ былъ со временемъ оставить и мѣсто при университетѣ.

Въ это время опекуны богатаго молодаго Демидова предложили мнѣ, черезъ придворнаго священника Самборскаго, съ которымъ я былъ друженъ со времени моего пребыванія въ Лондонѣ, гдѣ онъ состоялъ священникомъ при церкви русскаго посольства, взять на себя воспитаніе этого молодаго человѣка. Условія были блестящія: каждый изъ опекуновъ получалъ ежегодно 15,000 рублей, но я отказался отъ этого предложенія и нѣсколько лѣтъ спустя убѣдился какъ опасно было-бы мнѣ принять его, такъ какъ извѣстный кн. Потемкинъ задумалъ лишить этого юношу его громаднаго состоянія и съ этою цѣлью втянулъ его въ страшный развратъ. Ежели Потемкинъ встрѣтилъ-бы противодѣйствіе своему плану въ воспитаніи, данномъ мною, то черезъ это могъ-бы пострадать не я одинъ, но и вся община.

Въ 1788 г. я ѣздилъ съ женою и нашими четырьмя дѣтьми въ Сарепту, съ цѣлью помѣстить въ тамошнее учебное заведеніе двухъ старшихъ дочерей, а пять лѣтъ спустя, именно въ 1793 г., на одиннадцатомъ году моего пребыванія въ Москвѣ, когда я не ожидалъ уже никакой перемѣны въ жизни, мнѣ было сдѣлано неожиданно предложеніе занять въ Петербургѣ мѣсто священника и агента братства. Я принялъ это предложеніе съ радостью, но не могъ тотчасъ оставить университетъ, такъ какъ я участвовалъ въ секретной комиссіи, имѣвшей порученіе разсмотрѣть бумаги арестованнаго Новикова.

Послѣ злосчастной французской революціи, угрожавшей спокойствію всѣхъ государствъ, императрица Екатерина II сдѣлалась весьма недовѣрчива и подозрительна. Въ то время, во главѣ мартинистовъ, по смерти Шварца, сталъ Новиковъ; не подлежало сомнѣнію, что это общество, подъ предлогомъ распространенія евангелія, преслѣдовало свои личныя цѣли. Мое вліяніе на него, со смертью Шварца, было самое ничтожное; я поддерживалъ знакомство лишь съ немногими изъ наиболѣе разсудительныхъ его членовъ, которые не имѣли, однако, въ немъ никакого вѣса. Между тѣмъ, мартинисты обращали на себя всеобщее вниманіе, они распространяли назидательныя книги и занимались дѣлами благотворительности, далеко превышавшими средства частныхъ лицъ. Особенно быстро разошлись по всей имперіи четыре обширныя изданія перевода „Истиннаго христіанства“ Арндта,—сочиненія, осужденнаго еще въ царствованіе императрицы Анны Іоанновны свят. синодомъ, какъ противное православной религіи. Императрица, по своимъ убѣжденіямъ не терпѣвшая новыхъ ученій, считала тайныя общества весьма опасными, а Новикова лично ненавидѣла, поэтому

она поручила теперешнему (1808 г.) министру Лопухину, бывшему въ то время московскимъ генералъ-губернаторомъ, имѣть бдительный надзоръ за этимъ обществомъ, стоявшимъ въ тѣсной связи съ московскимъ университетомъ; когда-же императрица убѣдилась что Лопухинъ не вполнѣ способенъ къ преслѣдованію ея цѣлей, то она назначила генералъ-губернаторомъ въ Москву князя Прозоровскаго, которому было поручено разслѣдовать все, касавшееся общества, и уничтожить его. Я, какъ человѣкъ не свѣтскій, всегда казался князю лицомъ подозрительнымъ и каждому, увѣрявшему его, что я членъ братской общины, онъ отвѣчалъ, что „гернгутеры и мартинисты—одного поля ягода". Дѣйствительно, моя фамилія стояла во главѣ списка профессоровъ мартинистовъ. Статскій совѣтникъ Пестель, увидѣвъ этотъ списокъ въ кабинетѣ князя, пыталъ было увѣрить его, что я отнюдь не принадлежу къ этому обществу, но это не помогло, и я навсегда остался мартинистомъ въ глазахъ князя.

Спасеніе явилось съ другой стороны. Одинъ женевскій уроженецъ, по фамиліи Du Seigneur, познакомившійся съ нашею общиною еще за-границею и которому я оказалъ нѣкоторыя услуги, между прочимъ, рекомендовалъ его въ домъ кн. Гагарина, поддался убѣжденіямъ кн. Прозоровскаго, не жалѣвшаго для своихъ цѣлей ни денегъ, ни обѣщаній, и выдалъ своего начальника, близкаго родственника Прозоровскаго и члена общества мартинистовъ. Du Seigneur сдѣлался съ той поры довѣреннымъ шпіономъ князя; по его настоянію, моя фамилія была вычеркнута изъ ненавистнаго списка. Между тѣмъ, былъ арестованъ Новиковъ; его домъ, находившійся въ центрѣ города, былъ окруженъ пятьюдесятью конными и пѣшими солдатами съ заряженными ружьями; нѣсколько мѣсяцевъ спустя, онъ былъ перевезенъ въ Шлиссельбургскую крѣпость, откуда выпущенъ только въ царствованіе императора Павла I. Всѣ его знакомые ожидали вначалѣ той-же участи, поэтому я поспѣшилъ уничтожить или спрятать всѣ книги, подаренныя мнѣ мартинистами. Но дѣло ограничилось однимъ страхомъ. Книги и бумаги были опечатаны и для разбора ихъ была назначена секретная комиссія, въ которую я также былъ выбранъ, по совѣту Du Seigneur'а. Членами этой комиссіи были: профессоръ Геймъ, два или три русскихъ архипастыря, шпіонъ Du Seigneur и оберъ-полицеймейстеръ Глазовъ. Мнѣ были переданы ключи и печать отъ комнатъ, въ которыхъ хранились эти вещи.

Трудно было сказать, когда занятія комиссіи окончатся, а такъ какъ, по закону, никто изъ служащихъ, на котораго возло-

жено какое-нибудь порученіе, не имѣетъ права выйти въ отставку до окончанія дѣла, то я рѣшительно не зналъ когда я буду имѣть возможность уѣхать изъ Москвы.

Мы раздѣлили между собою работу такимъ образомъ, что мнѣ было поручено просмотрѣть и отмѣтить книги мистическаго содержанія, Гейму — научныя сочиненія, а архипастырямъ — духовныя книги. Случайно попался мнѣ рукописный переводъ Idea fidei fratrum, Лайрица (Layritz), трактующій о воспитаніи дѣтей; такъ какъ это сочиненіе принадлежало къ числу нашихъ общинныхъ изданій, то я далъ его для прочтенія русскому архипастырю; прочитавъ его съ начала до конца, онъ не нашелъ въ немъ ничего предосудительнаго, однако, припомнилъ, что, съ годъ тому назадъ, нѣчто подобное этой рукописи проходило чрезъ цензуру святѣйшаго синода; желая въ этомъ убѣдиться, онъ потребовалъ изъ синода объ этомъ справку; въ присланномъ отзывѣ было сказано, что „Idea fidei“ не вездѣ согласуется съ священнымъ писаніемъ и поэтому къ печати допущено быть не можетъ. Доброму архипастырю мнѣніе это показалось столь-же непонятнымъ, какъ и мнѣ самому, но дѣлать было нечего, приговоръ былъ произнесенъ.

Наконецъ, въ 1793 г., я освободился отъ моихъ занятій въ комиссіи, отправился въ Петербургъ и принялъ мою должность отъ брата Грегора; къ великому моему удовольствію, я встрѣтилъ между тамошними братьями и сестрами много старыхъ знакомыхъ. Какъ агенту общины, мнѣ приходилось весьма часто сноситься съ канцеляріею губернатора, которымъ былъ въ то время мой старый знакомый—Коновницынъ; онъ во многомъ помогъ мнѣ.

Къ концу царствованія императрицы Екатерины II управлять дѣлами агентства становилось все труднѣе и труднѣе, отчасти потому, что императрица состарилась и сдѣлалась слабѣе, вслѣдствіе чего приближенные пользовались огромною властью, такъ что я часто не зналъ къ кому обратиться съ дѣломъ; даже самый сенатъ не имѣлъ уже прежняго значенія.

Въ это время мнѣ не разъ пришлось вспомнить съ благодарностью о тяжеломъ времени, проведенномъ мною въ московскомъ университетѣ; я встрѣтилъ въ Петербургѣ во всѣхъ департаментахъ старыхъ университетскихъ знакомыхъ, которые съ величайшею готовностью оказывали мнѣ свое содѣйствіе; при этомъ самыя незначительныя изъ этихъ личностей нерѣдко были для меня весьма полезны.

На дѣла агентства имѣла вліяніе также французская революція, вслѣдствіе которой пріѣздъ въ Россію братьевъ и сестеръ былъ

весьма затрудненъ, такъ какъ на границѣ начали тщательно осматривать всѣ паспорта и свидѣтельства. Но даже и это обстоятельство чрезвычайно было облегчено для меня тѣмъ, что Глазовъ, съ которымъ я познакомился въ секретной комиссіи, былъ въ то время оберъ-полицеймейстеромъ въ Петербургѣ и пользовался довѣріемъ императрицы. Это былъ человѣкъ не особенно образованный, но зато въ высшей степени честный и чрезвычайно набожный.

Въ 1796 году скончалась внезапно императрица Екатерина II; въ послѣдніе годы ея царствованія, эта императрица, вслѣдствіе происковъ Потемкина, относилась къ нашей общинѣ далеко не такъ милостиво, какъ въ первые годы; но наслѣдникъ престола, Павелъ Петровичъ, прошедшій тяжелую школу, вслѣдствіе притѣсненій со стороны любимцевъ, охотно читалъ назидательныя сочиненія, изданныя Новиковымъ, которыя ему удалось получить отъ статсъ-секретаря Баженова, несмотря на массу слѣдившихъ за нимъ шпіоновъ; онъ уважалъ и нашу общину и, не взирая на перемѣны, совершившіяся въ его характерѣ, сохранилъ къ ней расположеніе до самой кончины своей. Супруга его также благоволила къ намъ.

Вступивъ на престолъ, императоръ Павелъ I приблизилъ къ себѣ многихъ изъ знакомыхъ мнѣ мартинистовъ, изъ коихъ назову лишь набожнаго и достойнаго уваженія адмирала Плещеева, тайнаго совѣтника Ивана Владиміровича Лопухина и священника Михаила Десницкаго, нынѣ (1808 г.) архіепископа черниговскаго, который былъ его любимымъ придворнымъ священникомъ; онъ былъ студентомъ во время службы моей при московскомъ университетѣ.

Для того, чтобы воспользоваться этими благопріятными обстоятельствами къ утвержденію и расширенію привиллегій общины, въ Петербургъ былъ присланъ въ 1797 г. изъ Сарепты братъ Лорецъ, и ему, какъ извѣстно, удалось выхлопотать для общины весьма важныя привиллегіи.

Тайный совѣтникъ и государственный казначей гр. Васильевъ предложилъ мнѣ въ это время взять на себя воспитаніе двухъ младшихъ великихъ князей; но я отказался отъ этого предложенія: здоровье мое въ послѣднее время стало замѣтно ухудшаться, петербургскій климатъ былъ для меня вреденъ и я опасался, что при строгомъ правленіи императора Павла я легко могу сдѣлаться виновнымъ въ какомъ-нибудь упущеніи. Пребываніе въ Петербургѣ съ каждымъ днемъ становилось все опаснѣе, къ тому-же дѣти мои подросли и было необходимо помѣстить ихъ въ учебное заведеніе; все это вмѣстѣ взятое побудило меня просить у общины другаго назначенія... и вскорѣ я получилъ мѣсто помощника надзи-

рателя въ Сарептѣ. Мнѣ пришлось ожидать довольно долго пріѣзда изъ Германіи братьевъ и сестеръ Грегоръ, съ которыми мнѣ надлежало отправиться въ Сарепту. Въ это время въѣздъ изъ-за границы былъ чрезвычайно затруднителенъ, такъ, напримѣръ, императоръ запретилъ въѣздъ въ Россію женамъ своихъ ближайшихъ придворныхъ и, между прочимъ, даже нѣкоторымъ лицамъ, имъ-же самимъ посланнымъ за-границу для обученія. Всевозможныя старанія и просьбы у генералъ-прокурора Беклешова и у первыхъ любимцевъ Павла, графовъ Ростопчина и Кутайсова, чтобы получить разрѣшеніе на въѣздъ въ имперію братьевъ Грегоръ и ихъ спутниковъ, были безуспѣшны; всѣ они увѣряли, что это зависитъ единственно отъ минутнаго настроенія самого императора и что ихъ ходатайство или вмѣшательство можетъ только возбудить въ немъ подозрѣніе и повредить дѣлу.

Наконецъ, было получено извѣстіе о пріѣздѣ дорогихъ путешественниковъ въ Кронштадтъ, а часъ спустя одинъ изъ нашихъ друзей прислалъ нарочнаго съ извѣстіемъ, что Господь смягчилъ сердце непреклоннаго монарха и онъ разрѣшилъ въѣздъ въ Россію не только брату Грегору и его спутникамъ, но даже нѣкоторымъ иностранцамъ, бывшимъ съ нимъ вмѣстѣ на кораблѣ. Со слезами на глазахъ благодарили мы Бога за эту удачу.

Дружески простившись въ Петербургѣ со всѣми нашими друзьями, мы выѣхали изъ столицы по московской дорогѣ и послѣ долгаго и во многихъ отношеніяхъ утомительнаго путешествія, которое прошло, впрочемъ, для насъ довольно весело и пріятно, благодаря нашимъ милымъ спутникамъ, мы прибыли, наконецъ, 1-го (13-го) сентября 1800 года благополучно въ Сарепту. Такимъ образомъ осуществилось лелѣянное мною слишкомъ тридцать лѣтъ желаніе жить въ общинѣ.

Благодаря Бога, я жилъ все время съ моими дорогими сотоварищами въ общинѣ въ полномъ мирѣ и согласіи и надѣюсь съ тѣми-же чувствами перейти въ вѣчность".

Этою надеждою и разсужденіемъ о своей прежней грѣховности Вигандъ оканчиваетъ свои записки, говоря, что его жизнь можетъ служить самымъ убѣдительнымъ доказательствомъ того, какое благотворное вліяніе можетъ имѣть истинная вѣра во Христа даже на самаго испорченнаго человѣка.

В. В. Тимощукъ.

ГРАФЪ ДМИТРІЙ ИВАНОВИЧЪ ХВОСТОВЪ

1757—1835 гг.

Очерки изъ исторіи русской литературы первой четверти XIX вѣка.

Имя графа Дмитрія Ивановича Хвостова въ началѣ текущаго столѣтія имѣло совершенно такое-же значеніе, какъ имя Тредьяковскаго въ эпоху Екатерины II: оно обратилось въ нарицательное для обозначенія всякаго бездарнаго стихотворца. Въ продолженіе почти всей своей пятидесятилѣтней литературной дѣятельности гр. Хвостовъ постоянно служилъ мишенью для самыхъ злыхъ, печатныхъ и непечатныхъ шутокъ и эпиграммъ; старое и молодое поколѣніе литераторовъ изощряло свое остроуміе надъ его произведеніями и необузданною страстью къ стихотворству: онъ обратился въ какую-то „притчу во языцѣхъ“, такъ что вся разница между нимъ и Тредьяковскимъ, какъ стихотворцемъ, заключалась только въ общественномъ положеніи. Какъ при дворѣ Екатерины II заучиваніе наизусть стиховъ изъ „Тилемахиды“ служило мѣрою наказанія, такъ, по свидѣтельству всѣхъ современниковъ Хвостова, истиннымъ наказаніемъ для нихъ было выслушивать его стихи, которые онъ постоянно носилъ съ собою и читалъ всѣмъ и каждому при всякомъ удобномъ случаѣ, въ публичныхъ засѣданіяхъ разныхъ ученыхъ обществъ и на литературныхъ вечерахъ, дома и въ гостяхъ, въ Лѣтнемъ саду и въ каретѣ... Высокое общественное положеніе и литературныя знакомства (а онъ былъ знакòмъ со всѣми литераторами своего времени) доставили ему возможность вращаться въ наи-

болѣе интеллигентномъ обществѣ и постоянно слѣдить за всѣми литературными новостями, которыя онъ усердно собиралъ, придавая каждому литературному факту весьма оригинальную оцѣнку. Вотъ почему разсказъ объ его литературной и общественной дѣятельности можетъ послужить канвою для очерка исторіи русской литературы того времени, не столько съ внѣшней, сколько съ внутренней и, такъ сказать, закулисной ея стороны для характеристики литературныхъ нравовъ и отношеній. Вокругъ него группируются отживающіе свой вѣкъ представители стараго литературнаго и общественнаго направленія, откровенно высказывающіе передъ нимъ свои сѣтованія на разрушительное вліяніе новизны и подвергающіеся, наравнѣ съ нимъ, насмѣшкамъ молодой партіи, собравшейся подъ знамя Пушкина и его друзей и считавшей серьезную полемику съ остатками старины излишнею и неумѣстною. Періодъ русской литературы, къ которому относится дѣятельность гр. Хвостова,—періодъ въ высшей степени живой и интересный,—уже достаточно изученъ въ лицѣ своихъ главныхъ представителей: Жуковскаго, Батюшкова, Пушкина, Рылѣева и др.; но дѣятельность второстепенныхъ писателей этого періода извѣстна еще далеко не вполнѣ; а, между тѣмъ, знакомство съ нею необходимо для болѣе точнаго и всесторонняго пониманія хода литературнаго развитія въ эту знаменательную эпоху русской жизни.

П. М.

I.

Въ 1805 г. епископъ старорусскій Евгеній (Болховитиновъ, съ 1822 г. митрополитъ кіевскій), съ которымъ гр. Хвостовъ былъ въ дружбѣ и велъ переписку до самой своей смерти [1]), просилъ его прислать „пообстоятельнѣе біографическую и литературную статью о себѣ“. Просьба эта была исполнена въ слѣдующемъ году; но затѣмъ Хвостовъ, вѣроятно, взялъ свою біографію назадъ для поправокъ и дополненій. Находя неудобнымъ писать прямо отъ своего лица, онъ поручилъ это дѣло секретарю своему Борисову, для котораго собственноручно написалъ подробную автобіографическую записку. Наконецъ, въ 1822 году, онъ послалъ митрополиту Евгенію обширную статью, подъ заглавіемъ: „Біографія дѣй-

[1]) Переписка эта напечатана съ объяснительными примѣчаніями академика Я. К. Грота въ Сборникѣ статей II отд. Академіи Наукъ, т. V, вып. 1-й (Спб. 1868 г.), стр. 97—216.

ствительнаго тайнаго совѣтника, сенатора и кавалера графа Д. И. Хвостова, сочиненная неизвѣстно кѣмъ въ 1821 г.", при письмѣ, въ которомъ, между прочимъ, проситъ Евгенія, „взявъ съ біографіи списокъ, доставить въ Кіевскую Духовную Академію на сохраненіе". Твердо увѣренный въ ожидающемъ его безсмертіи, графъ посылаетъ списокъ съ этой-же біографіи, „въ знакъ своей откровенности", дерптскому профессору В. М. Перевощикову; не довольствуясь этимъ, онъ приказываетъ перевести ее на французскій языкъ и отправляетъ, черезъ русскаго посланника барона Будберга, въ гамбургское ученое общество. Но, несмотря на эти заботы о сохраненіи своей славы, ему не удалось видѣть въ печати ни строки изъ этой біографіи; митрополитъ Евгеній не сказалъ о немъ ни слова въ своемъ „Словарѣ"; труды Перевощикова по исторіи русской словесности остались неоконченными. Эта-то біографія или, вѣрнѣе, автобіографія, вмѣстѣ съ запискою, приготовленною Хвостовымъ для своего секретаря, и послужитъ намъ для очерка жизни и дѣятельности ея автора, тѣмъ болѣе, что она сообщаетъ нѣсколько интересныхъ данныхъ для исторіи литературы.

Біографія начинается слѣдующимъ вступленіемъ, которое, по словамъ самого Хвостова (въ письмѣ къ Евгенію) „кажется, не нужно, ибо оно и льстиво, и неопредѣленно (vague)":

„Благосклонный читатель! Ты зришь предъ очами своими жизнеописаніе знаменитаго въ своемъ отечествѣ мужа. Дѣла его и заслуги своему отечеству столь были обширны, что помѣстить оныя въ себѣ можетъ одна только соразмѣрная онымъ память, и то токмо при систематическомъ и притомъ раздѣльномъ повѣствованіи оныхъ. Почему мы при настоящемъ изданіи (!) его жизнеописанія заблагоразсудили дѣла его и заслуги отечеству раздѣлить на двѣ части или статьи: предметомъ первой будутъ душевные его таланты и степень образованности по отношенію къ наукамъ и просвѣщенію; предметомъ-же второй положимъ краткое описаніе гражданскаго его достоинства и знаменитости, которыя онъ своими доблестями пріобрѣлъ въ славномъ Россійскомъ государствѣ".

„Графъ Дмитрій Ивановичъ Хвостовъ (продолжаетъ біографія) родился въ С.-Петербургѣ 1757 года іюля 19 дня. Благочестивые и благоразумные родители его, л.-гв. подпоручикъ Иванъ Михайловичъ и Вѣра Григорьевна, урожденная Карина [1]), приложили

[1]) Карины, Θедоръ и Александръ—оба извѣстные въ свое время писатели. Первый († 1800) написалъ: „Нравоучительныя правила, выбранныя изъ свойствъ покойной графини М. В. Салтыковой" (М. 1770); два торжествен-

всевозможное попеченіе о воспитаніи двухъ сыновей: Алексѣя, который на 16 году отъ рожденія своего скончался въ 1772 г., и Дмитрія — автора нашего. Старшій братъ его извѣстенъ въ молодости своей печатнымъ переводомъ комедіи „Любовные оборотни“ (L'amour-diable) изъ театра Леграна, которая въ каталогѣ Плавильщикова ошибкою приписана Александру Семеновичу Хвостову“.

„Младенчество мое, говоритъ самъ Д. И. въ своей автобіографической запискѣ, не было ознаменовано, какъ Гораціево, піитическими провѣщаніями, а, напротивъ, при глубокой молчаливости, непокорливости и неповоротливости, показывало ребенка весьма незатѣйливаго; а когда я сталъ достигать отроческихъ лѣтъ, то холодный нравъ, любовь къ уединенію, застѣнчивость, медлительный успѣхъ въ ученіи заставляли многихъ обо мнѣ то-же заключать, что и заключали о Буало родственники его... Я обучался въ пансіонѣ славнаго профессора г-на Литке, потомъ въ своемъ домѣ у офицера французской службы г-на Депрадта. Сверхъ того, бралъ уроки въ Московскомъ университетѣ. Дядя мой родной по матери, Александръ Григорьевичъ Каринъ, скончался въ молодыхъ лѣтахъ, и при смерти подарилъ мнѣ богатую библіотеку свою на французскомъ и итальянскомъ яз. (до 3,000 томовъ) [1]. Тѣлесныя способности вовсе природою мнѣ отказаны были: танцовщикъ я былъ самый плохой; также лѣтъ пять былъ въ манежѣ, но съ такимъ малымъ успѣхомъ, что рѣдко садился на коня, кромѣ Пегаса... Въ 1772 году записанъ я былъ въ л.-гв. Преображенскій полкъ и въ 1779 отставленъ гвардіи подпоручикомъ, а въ 1782 перешелъ столоначальникомъ въ новоучрежденную тогда знаменитымъ кн. Александромъ Алексѣевичемъ Вяземскимъ государственную экспедицію, гдѣ получилъ чинъ надворнаго совѣтника; потомъ былъ экзекуторомъ во 2-мъ департаментѣ сената. Въ сіе время, пользуясь милостію и благодѣяніями кн. А. А. Вяземскаго, перевелъ для сего вельможи,

---

выхъ слова: 1) На заключеніе мира съ Портою (1775) и 2) На открытіе владимірскаго намѣстничества (1778); „Письмо къ Николеву о смерти Суворова, заключающее въ себѣ разсужденіе о словесности вообще и о русскомъ языкѣ въ особенности“ (1800); перевелъ „Разсужденіе о награжденіяхъ и наказаніяхъ“, Беккарія, и пр. Объ Александрѣ см. ниже.

[1]) А. Г. Каринъ, упомянутый „въ Словарѣ“ Новикова, поручикъ л.-гв. коннаго полка, умеръ отъ водяной болѣзни около 1765 и не позже 1766 года. Онъ писалъ много стиховъ, помѣщенныхъ въ разныхъ журналахъ („Полезное Увеселеніе“ 1760—62, „Свободн. часы“ 1763, и др.). Когда, вскорѣ по восшествіи на престолъ Екатерины II, устроенъ былъ эрмитажный театръ, гдѣ она сама исполняла роль Семиры въ трагедіи Сумарокова, то оркестръ составленъ былъ изъ молодыхъ людей, между которыми былъ и Каринъ.

по незнанію его иностранныхъ языковъ, „Трактатъ о финансахъ“ Неккера, въ 4 томахъ; а „Орлеанскую дѣвственницу“ Вольтера переводилъ ему извѣстный Александръ Семеновичъ Хвостовъ (двоюродный братъ Дм. Ив. Хвостова).

„Въ 1789 г. я, находясь въ отставкѣ, женился на любезной мнѣ Темирѣ, княжнѣ Аграфенѣ Иван. Горчаковой, родной племянницѣ безсмертнаго Суворова [1]). Сему великому мужу обязанъ я счастіемъ моимъ. Могу хвалиться не только чинами и отличіями, кои пріобрѣлъ, можетъ быть, не столько по заслугамъ моимъ, сколько по его благоволенію: онъ принялъ меня въ особливую милость свою и удостоилъ неограниченною довѣренностію; нѣтъ тайны, которой-бы онъ мнѣ не ввѣрялъ. Когда онъ командовалъ арміями, всѣ отношенія къ императрицѣ Екатеринѣ II и Павлу I во время Италіанской кампаніи шли чрезъ мои руки. Наконецъ, мнѣ-же опредѣлено было имѣть печальное преимущество принять послѣднее издыханіе непобѣдимаго героя. Онъ ко мнѣ писалъ иногда стихами, и самъ предложилъ мнѣ вступить снова въ службу. Меня переименовали подполковникомъ въ 1788 г., и я все время находился по его порученіямъ въ Петербургѣ“. „Однажды сей полководецъ“ (говоритъ „Біографія“), случася изъ Финляндіи въ Петербургъ и недоволенъ будучи наградами за Измаилъ, крѣпко порицалъ оду на сей случай Державина, говоря, что въ ней только однѣ уподобленія, и совѣтовалъ нашему автору написать на нее критику. Похвала есть единственная награда поэта и героя; а какъ въ сей одѣ ни слова не сказано о Суворовѣ, а все упоминается о князѣ Потемкинѣ, который за 200 верстъ былъ отъ приступа, то герой, почитающій сіе дѣло (взятіе Измаила) знаменитѣйшимъ изъ своихъ походовъ, не могъ простить стихотворцу за молчаніе о немъ. Авторъ нашъ критики не писалъ, быть можетъ оттого, что не умѣлъ, но сдѣлалъ лучше: онъ свелъ Державина съ Суворовымъ, и слѣдственно подарилъ публику прекрасными стихами „На взятіе Варшавы“ и „На переходъ чрезъ Альпійскія горы“.

По ходатайству Суворова, въ 1795 году Екатерина пожаловала Хвостова въ камеръ-юнкеры; когда-же кто-то ей замѣтилъ, что Хвостову, по его наружности, не слѣдовало-бы носить этого званія, то она отвѣчала: „если-бъ Суворовъ попросилъ, то я сдѣлала-бы его и камеръ-фрейлиною“. Интереснѣе всего то, что наивный піитъ самъ занесъ этотъ анекдотъ въ одну изъ своихъ записныхъ тетрадей, съ замѣчаніемъ: „такъ Великая умѣла чтить волю Великаго!“

---

[1]) Сестрѣ бывшаго впослѣдствіи военнымъ министромъ кн. Андрея Ивановича Горчакова. Д. И. всегда называлъ жену свою „Темирою“.

Въ „Біографіи" есть интересныя подробности о Суворовѣ, которыя можно привести здѣсь тѣмъ болѣе, что онѣ находятся въ связи съ дѣятельностью самого Хвостова. Вотъ что здѣсь, между прочимъ, разсказывается:

„Императрица Екатерина II, обезпеча Грузію, торжествующая успѣхами войскъ своихъ на востокѣ, захотѣла принять дѣятельное участіе въ испровержeніи своеволія во Франціи. Къ начальству надъ россійскими войсками назначенъ былъ Суворовъ. Все сіе шло чрезъ посредство гр. Хвостова; въ самый день кончины императрицы (6-го ноября 1796) ожидалъ народъ о семъ манифеста и долженъ былъ быть отправленъ курьеръ къ Суворову съ повелѣніемъ двинуться за-границу... Во все время царствованія Павла I, гр. Хвостовъ пользовался особливою милостію, довѣренностію и уваженіемъ его, имѣлъ счастіе принимать его изустныя приказанія для сообщенія Суворову... Не взирая на всѣ старанія, гр. Хвостовъ не могъ переупрямить стараго полководца, который, несмотря на приглашеніе, не поѣхалъ на коронацію и уклонялся устроить по новому ввѣренныя ему войска. Кончилось тѣмъ, что въ 1797 г. былъ посланъ къ Суворову въ Тульчинъ ген.-адъютантъ Абрамъ Андреевичъ Баратынскій (отецъ извѣстнаго поэта), который также не уломалъ завоевателя Царства Польскаго. Суворовъ былъ отставленъ, и при возвратѣ его въ родовую новгородскую деревню Кокшанское имѣлъ у себя собесѣдникомъ по тайной канцеляріи г. Николева (Юрія Алексѣевича; слѣпецъ-поэтъ Николевъ за сей поступокъ разстался съ этимъ своимъ двоюроднымъ братомъ)... Императоръ былъ крайне гнѣвенъ на Суворова. Гр. Хвостовъ имѣлъ необходимую нужду къ нему писать по дѣламъ его деревень, и изъ осторожности, по совѣту ген.-прокурора кн. Куракина, открытое письмо вручилъ Н. П. Архарову, имѣвшему, какъ ген.-губернаторъ, чрезъ посредство Николева, имъ избраннаго, всѣ способы для доставленія фельдмаршалу. Племянникъ нашего Велисарія удивленъ былъ, услышавъ оффиціально отъ кн. Куракина, что государь, по довѣренности къ нему, не только соизволяетъ имѣть переписку, но даже позволяетъ самому ѣхать и обо всемъ переговорить съ фельдмаршаломъ. Въ 1798 г. въ началѣ, послѣ многихъ сношеній съ придворными и ближними государю, гр. Хвостовъ получилъ отъ Суворова письма къ императору, императрицѣ, благодѣтельной Екатеринѣ Ивановнѣ Нелидовой. Сіи письма имѣли желаемый успѣхъ: въ Кокшанское былъ посланъ флигель-адъютантъ государевъ—родной племянникъ Суворова, кн. Горчаковъ,—съ приглашеніемъ уединеннаго старца въ столицу. Онъ пріѣхалъ, былъ милостиво принятъ и ласково, но, про-

бывъ нѣсколько времени въ домѣ гр. Н. А. Зубова—зятя своего, при вседневномъ свиданіи съ гр. Хвостовымъ, не пожелавъ командовать батальономъ и попѣвая иногда пѣтухомъ, отправился снова въ свою деревню, уже безъ собесѣдника, какъ отставной, на свободу. Въ концѣ сего года горизонтъ полководца опять затмился: явился у него вторично Николевъ, оба князя Горчаковы были отставлены, а гр. Хвостову не данъ былъ орденъ св. Анны 2-й степени.. Вскорѣ послѣ того императоръ изволилъ принимать на себя титулъ Великаго Магистра Мальтійскаго. Гр. Хвостовъ на сіе сочинилъ оду и, не имѣя доступа во внутренніе покои, рѣшился положить оную въ ящикъ. Государь столь чувствительно былъ тронутъ таковымъ усердіемъ, что сказалъ ст.-секретарю Брискорну: „я виноватъ—его вымаралъ", и приказалъ объявить ген.-прокурору, чтобы онъ снова доложилъ. Чрезъ два дня гр. Хвостовъ позванъ былъ во дворецъ, и при возложеніи ордена государь соизволилъ сказать при всѣхъ: „я виноватъ передъ тобой, только въ послѣдній разъ". И подлинно сіе такъ случилось, ибо послѣ того сочинитель нашъ пользовался особливою милостію и довѣренностію государя. Въ самомъ началѣ 1799 года Суворовъ былъ приглашенъ ко двору, отправленъ въ Италію... 10-го іюня того-же года велѣно гр. Хвостову быть оберъ-прокуроромъ св. синода. Государь призвалъ его въ кабинетъ, самъ пожаловалъ ему бумагу, перья, чернильницу, и повелѣлъ писать къ Суворову, что̀ онъ хочетъ, съ прибавленіемъ отъ него, что Суворовъ будетъ князь по взятіи Мантуи—ключа Италіи. Государь оставилъ одного гр. Хвостова въ кабинетѣ и не соизволилъ даже читать письма. Мантуя взята—Суворовъ князь! Послѣ того—ему-же статуя, которая и теперь украшаетъ Суворовскую площадь, почести императорскія, многолѣтія въ церквахъ и пр. Гр. Хвостовъ при всѣхъ таковыхъ случаяхъ приглашаемъ былъ въ кабинетъ его в—ва, имѣлъ счастіе подавать свое мнѣніе о рисункахъ статуи, удачно изображенной тогдашнимъ президентомъ академіи художествъ, графомъ Шуазель-Гуфье" [1]).

Въ 1799 г. Суворовъ, получивъ Сардинское княжество, выпросилъ у короля титулъ графа для Хвостова. Вообще, Хвостовъ очень гордился своимъ родствомъ съ Суворовымъ, тщательно сохранялъ оставшіяся послѣ него вещи и бумаги и сообщалъ много матеріаловъ біографамъ полководца, напр. Е. Б. Фуксу, А. Ф. Рихтеру и др. Въ одномъ изъ своихъ стихотвореній онъ говоритъ:

---

[1]) Памятникъ Суворову, исполненный скульпторомъ Козловскимъ, открытъ въ маѣ 1801 года.

„Гордись, о муза восхищенна,
Своимъ безсмертнымъ торжествомъ!
Герой, котораго вселенна
Считаетъ въ браняхъ божествомъ,
Кто образецъ мужей великихъ,—
Суворовъ, средь побѣдъ толикихъ,
Какъ другъ, твой лирный гласъ внималъ“.

Это родство съ Суворовымъ подало поводъ къ злой шуткѣ надъ поэтомъ: извѣстный сатирикъ М. В. Милоновъ, проходя однажды по толкучему рынку, увидѣлъ передъ одною лавкою портретъ графа Хвостова, и тотчасъ-же надписалъ на немъ двустишіе:

„Прохожій! не дивись на эту рожу глядя,
Но плачь, и горько плачь: ему Суворовъ — дядя!“

Въ январѣ 1803 г. гр. Хвостовъ былъ уволенъ отъ должности синодальнаго оберъ-прокурора, а въ концѣ 1807 сдѣланъ сенаторомъ; съ 1819 г. онъ былъ членомъ государственнаго совѣта, а за четыре года до смерти пожалованъ въ дѣйствительные тайные совѣтники. Умеръ въ 1835 году, 78 лѣтъ отъ роду.

II.

Такова внѣшняя жизнь этого злополучнаго писателя, которому за свою страсть къ стихотворству пришлось испытать на своемъ вѣку много непріятностей и подвергнуться безчисленному множеству самыхъ беззастѣнчивыхъ насмѣшекъ. Твердо вѣря въ силу своего таланта, онъ приписываетъ всѣ литературныя нападки на его „творенія“ одной причинѣ: слѣпой злобѣ и зависти своихъ собратій по литературѣ; въ каждой его строчкѣ видно чрезвычайно высокое мнѣніе о себѣ, какъ о писателѣ; несмотря на то, что въ литературѣ ему выпала на долю такая-же роль, какую въ старые годы игралъ Тредьяковскій, онъ съ настойчивостью и неутомимостью цѣлыя 50 лѣтъ трудится на этомъ поприщѣ, постоянно издаетъ новыя собранія своихъ, никѣмъ не читаемыхъ, стиховъ, скупаетъ прежнія изданія, чтобы показать, что они расходятся въ публикѣ, тратитъ значительныя суммы денегъ на печатаніе ихъ вновь, разсылаетъ ихъ всюду, куда только возможно, и счастливъ, если ему удается найти хоть одного читателя. Хорошо зная эту слабую струнку добродушнаго піита, мелкіе литераторы и псевдо-литераторы скоро научились эксплоатировать его общественное положеніе и связи для

своихъ личныхъ видовъ, стоило только слегка польстить авторскому самолюбію сіятельнаго стихотворца—и онъ готовъ былъ на всякія услуги. Вотъ что говорится объ этомъ въ его біографіи:

„Онъ былъ добрый человѣкъ. Сего титла не лишатъ его ни зоилы по литературѣ, ни завистники его, если онъ только сихъ послѣднихъ имѣлъ. До самаго окончанія жизни онъ видѣлъ у себя множество просителей, ищущихъ его совѣта, покровительства, ходатайства и помощи. Никто не скажетъ, чтобы онъ кому отказывалъ въ законныхъ просьбахъ или не помогалъ по возможности деньгами... къ нему относилися какъ въ контору, прося его изъ отдаленныхъ мѣстъ вынести справку по тяжбѣ или достать патентъ на заслуженный чинъ. Всѣ таковыя просьбы не оставалися безъ исполненія и никогда безъ отвѣта... Ходатайство его у вельможъ объ опредѣленіи къ мѣсту, дружба, совѣты, домъ его и пособія были открыты питомцамъ университетовъ и семинарій. Многія казенныя училища засвидѣтельствуютъ о воспитанникахъ, на его иждивеніи образованіе получившихъ“, и пр.

Большая часть писемъ, сохраненныхъ гр. Хвостовымъ, писаны, какъ-будто, по одному рецепту: сначала—благодарность за присылку „драгоцѣнныхъ“ твореній его сіятельства и за высокое наслажденіе, доставляемое ими читателю; затѣмъ въ самомъ концѣ, иногда въ видѣ приписки, покорнѣйшая просьба о представленіи къ чину, о раздачѣ билетовъ на издаваемый просителемъ журналъ, о поднесеніи его стиховъ или изданій особамъ императорской фамиліи, иногда даже просто о денежномъ пособіи и т. п. Въ числѣ такихъ панегиристовъ-просителей первое мѣсто занимаетъ кн. П. И. Шаликовъ, издатель „Дамскаго Журнала“ (р. 1768, † 1852 г.), называющій гр. Хвостова своимъ единственнымъ меценатомъ и геніальнымъ писателемъ. Онъ чуть не съ каждою почтою пишетъ гр. Хвостову, превознося до небесъ его стихотвореніе, и при этомъ всегда прибавляетъ какую-нибудь просьбу или, по крайней мѣрѣ, намекъ на свои стѣсненныя обстоятельства. „Ахъ, говоритъ онъ, писать и не имѣть мецената — это гораздо хуже того, чтобы быть поденщикомъ, имѣющимъ вѣрный насущный хлѣбъ за труды свои; писатель безъ мецената умретъ съ голоду“. Приводимъ одно письмо его, въ видѣ образчика, по которому можно составить себѣ понятіе о содержаніи сотни остальныхъ:

„Въ произведеніяхъ всегда юнаго пера вашего соединены полезное съ пріятнымъ, по древнему правилу нынѣ презираемыхъ классиковъ—кѣмъ-же презираемыхъ? презрѣннѣйшими тварями въ нравственномъ мірѣ!

„П. Н. Араповъ съ восторгомъ разсказывалъ мнѣ объ удовольствіяхъ, находимыхъ большею частію петербургскаго общества въ домѣ вашемъ, а особливо литераторами: да здравствуетъ меценатъ! да здравствуетъ на многія, многія лѣта! Москва не похвалится подобнымъ меценатомъ! здѣшніе литераторы не видятся между собою!..

„Но какъ в. с. въ особенности мой меценатъ, то я беру смѣлость опять утруждать васъ... стыжусь сказать чѣмъ... ассесорствомъ!.. Вы улыбнетесь, почтеннѣйшій благодѣтель! Но кто-же лучше васъ знаетъ и службу? Итакъ, министръ отказываетъ мнѣ въ ассесорствѣ за неимѣніемъ аттестата, въ такомъ случаѣ я обратился къ тому, кто первый возымѣлъ мысль о препятствіи получать чины, не получивши познаній—къ М. М. Сперанскому [1]), прося его помочь мнѣ выйти изъ круга невѣждъ. Ежели ваше сіятельство хорошо знакомы съ нимъ, то сдѣлайте милость, поговорите ему объ этомъ: можетъ статься, онъ найдетъ средство не допустить меня умереть титулярнымъ совѣтникомъ! Хочу умереть вашимъ благодарнымъ за безчисленныя одолженія кліентомъ, и потому прошу только о продолженіи оныхъ столь-же постоянно, какъ продолжаются они 30 лѣтъ!“

Изъ другихъ хвалителей наивнаго мецената обращаетъ на себя вниманіе адъюнктъ казанскаго университета Ф. Рындовскій [2]): письма его отличаются самою беззастѣнчивою лестью, доходящею до гнусности, до цинизма, какъ можно видѣть, напр., изъ слѣдующаго отрывка:

„Для чего благодѣтельная природа, обогативъ человѣка чувствованіями, которыя одушевляютъ и облагораживаютъ существо его, не дала ему вмѣстѣ съ тѣмъ способностей, могущихъ въ полной мѣрѣ изображать чувствованія сіи? Тогда-бы и я могъ выразить предъ в. с—вомъ полноту живѣйшей благодарности моей, которою, такъ сказать, объята душа моя... Вы снова удостоили меня драгоцѣннѣйшимъ подаркомъ: тремя первыми частями превосходныхъ произведеній пера вашего и вашимъ портретомъ, предъ которымъ

---

[1]) Въ 1809 г., по мысли Сперанскаго, состоялся указъ объ экзаменахъ на гражданскіе чины (коллежскаго ассесора и статскаго совѣтника) для лицъ, не получившихъ университетскаго образованія. Экзаменъ производился изъ законовѣдѣнія, наукъ словесныхъ, историческихъ и физико-математическихъ; требовалось знаніе русской грамматики и умѣнье правильно сочинять дѣловыя бумаги. Этотъ указъ, возбудившій множество нареканій на Сперанскаго, можно найти въ „Сборникѣ постановленій по Мин. Нар. Просвѣщенія“, т. I (Спб. 1864), стр. 510—517.

[2]) Авторъ нелѣпой книжки „Печальные, веселые и унылые тоны моего сердца“ (1809), которую можно смѣло рекомендовать охотникамъ посмѣяться.

я каждодневно благоговѣю, какъ предъ геніемъ-поэтомъ нашего времени... Геній в. с—ва стоитъ наряду съ неподражаемыми творцами".

Иногда панегиристы рифмача-сенатора посылали ему даже стихотворныя просьбы. Вотъ одна такая просьба, принадлежащая перу извѣстнаго въ свое время драматическаго писателя, Степана Ив. Висковатова, автора тяжелыхъ псевдо-классическихъ трагедій (р. 1786, † 1831 г.):

„Его сіятельству!
Графу Дмитрію Ивановичу Хвостову!

Любитель и любимецъ музъ!
Умъ тонкой, нѣжный вкусъ
Ты съ добродѣтельной душой соединяешь;
Ты злополучнымъ всѣмъ отъ сердца сострадаешь
И нынѣ я предсталъ къ тебѣ съ моей мольбой:
Дай безпокровному покровъ надежный свой!
Доставь прибѣжище страдальцу скорбну, сиру!
А я зато, пріявъ мою усердну лиру,
Превознесу тебя, любимца музъ, пѣвца,
Достойнаго во вѣкъ нетлѣннаго вѣнца.

Степанъ Висковатовъ".

Профессора̀ казанскаго университета П. С. Кондыревъ и Г. Н. Городчаниновъ также часто обращались къ „меценату" съ разнаго рода нелитературными просьбами. Первый хлопочетъ о чинѣ надворнаго совѣтника, представленіе о которомъ долго залежалось въ сенатѣ, и для болѣе успѣшнаго хода своей просьбы считаетъ нужнымъ прибавить, что онъ украсилъ трудами сіятельнаго покровителя ученыхъ библіотеки уѣздныхъ училищъ Казанской губерніи: „оные (труды) послужатъ для учителей весьма полезнымъ наставленіемъ въ словесности и нравоученіи, возбужденіемъ къ раскрытію дарованій и хорошимъ примѣромъ; да и для учениковъ будутъ очень полезны. Одно изъ пріятнѣйшихъ моихъ занятій есть читать ваши сочиненія, почерпать изъ оныхъ поученія, и чрезъ то наслаждаться благороднѣйшимъ увеселеніемъ и удивляться превосходному дару".

Городчаниновъ, извѣстный по своимъ дружескимъ отношеніямъ къ митрополиту Евгенію, также занимаетъ не послѣднее мѣсто въ числѣ хвалителей гр. Хвостова. Онъ писалъ и печаталъ разборы твореній своего патрона, удивляясь ихъ безпримѣрнымъ красотамъ, возражалъ на критики и непріятные для гр. Хвостова отзывы въ журналахъ; наконецъ, составилъ даже объяснительныя примѣчанія къ 3-му изданію хвостовскаго перевода „Науки Стихотворной"

Буало, которыя и были напечатаны вмѣстѣ съ этимъ переводомъ въ 1818 г. Взамѣнъ всего этого, гр. Хвостовъ хлопоталъ у министра народнаго просвѣщенія о назначеніи Городчанинову наградъ, о переводѣ его изъ казанскаго университета въ другой, лучшій (это ходатайство осталось, однако, безъ послѣдствій), объ орденахъ и т. п.

Не станемъ перечислять остальныхъ корреспондентовъ гр. Хвостова, восхищавшихся знаменитыми произведеніями его музы; приведенныя нами выписки достаточно показываютъ, какую цѣль имѣли всѣ эти восторженныя похвалы. Но считаемъ не лишнимъ указать еще на одно весьма оригинальное прошеніе, присланное гр. Хвостову въ 1825 г. изъ Красноярска отъ помощника комиссіонера по развозу соли въ Енисейской губерніи, И. М. Петрова. Приводимъ изъ него главныя мѣста:

„Назадъ тому года два, случайно прочитавъ нѣкоторыя изъ образцовыхъ твореній русскихъ писателей, я живо почувствовалъ необходимость сего, такъ сказать, душевнаго наслажденія—и съ сей поры охота къ чтенію возбудила во мнѣ страсть къ поэзіи до того, что я, не могши преодолѣть внутренняго влеченія къ оной, посвятилъ ей все остающееся отъ занятій по службѣ досужное время. Въ сентябрьской и октябрьской книжкахъ „Новостей Литературы“ на 1824 г. напечатаны первые мои опыты, какъ-то: Знакомый геній, Къ красавицѣ, Бардъ, Младенецъ и Бабочка, Къ фантазіи, Къ листочку... Но чтобъ имѣть совершенный успѣхъ и быть полезнымъ гражданиномъ общества, должно быть въ столицѣ—иначе сего достигнуть невозможно. Недостаточное-же мое состояніе и семейство, въ пяти человѣкахъ заключающееся, почти вовсе сего не дозволяютъ. Три тысячи рублей — и я почту себя наисчастливѣйшимъ изъ смертныхъ!.. Если желаніе мое не безразсудно, не оставьте сей моей покорнѣйшей просьбы своею снисходительною милостію и не лишите поэта-сибиряка завидной чести имѣть въ особѣ вашей мецената-благотворителя. Благодарность моя будетъ неописанна, и мысль, что въ имперіи россійской всегда существуютъ Шуваловы, до самаго гроба будетъ наиприятнѣйшимъ воспоминаніемъ“.

Къ этому прошенію приложенъ былъ формулярный списокъ просителя. Къ сожалѣнію, въ бумагахъ гр. Хвостова не находится никакихъ дальнѣйшихъ указаній о судьбѣ этого прошенія и его автора.

Кромѣ лицъ, превозносившихъ гр. Хвостова для своихъ выгодъ, у него были и безкорыстные хвалители, не на шутку восхищавшіеся его произведеніями. Это были наиболѣе бездарные изъ современныхъ ему стихотворцевъ, до такой степени лишенные умѣнья

различать худое отъ посредственнаго, что произведенія гр. Хвостова казались имъ чуть-ли не идеалами, достойными удивленія и подражанія. Такое явленіе можно объяснить исторически-крайнимъ упадкомъ такъ называемой ложно-классической школы въ послѣдніе годы жизни гр. Хвостова. Къ числу такихъ поклонниковъ старика Хвостова принадлежалъ, напр., старшій учитель нижегородской гимназіи М. П. Духовской (тоже стихотворецъ), заставлявшій своихъ учениковъ покупать и выучивать наизусть „образцовыя" произведенія графа.

Подъ вліяніемъ всей этой лести, гр. Хвостовъ сталъ считать себя геніальнымъ писателемъ, а произведенія свои — образцовыми „во всѣхъ родахъ". Онъ писалъ стансы и посланія, гдѣ, не долго думая, называлъ себя мудролюбцемъ, наперсникомъ музъ, вдохновеннымъ творцомъ и другими лестными именами, и въ то-же время постоянно выставлялъ на видъ свою скромность. Вотъ нѣсколько его замѣчаній о самомъ себѣ:

„Почести мои литерерныя столько велики, что я-бы желалъ, чтобы по нихъ судили о моихъ достоинствахъ. Я — членъ росс. имп. академіи вскорѣ послѣ основанія ея, академіи падуанской, университетовъ: московскаго, харьковскаго и виленскаго, Бесѣды люб. рус. слова въ Петербургѣ и таковаго-же общества при университетѣ московскомъ, Общ. испытателей природы въ Москвѣ и любителей словесности въ С.-Петербургѣ, вольнаго экономическаго и минералогическаго... признаюся, что я-бы не желалъ теперь умереть, ибо лирическія творенія мои, о коихъ и иностранные многіе журналы съ великою похвалою отзывалися, требуютъ еще нѣкоторыхъ поправокъ. Однако, скажу, что во всѣхъ ихъ видны блескъ пламеннаго воображенія и сильный законодательный духъ поэта; многія оды содержатъ въ себѣ куплеты, исполненные высокихъ мыслей воображенія... Я не могу жаловаться на иностранныхъ литераторовъ; къ тому-то и приноровилъ недавно стихъ въ отвѣтъ на „Посланіе" кн. Шаликова, что, можетъ быть, погружусь въ рѣку Лету съ большимъ запасомъ—

Шесть томовъ стихами,
Увы!—чужихъ земель съ газетными хвалами!"

Соотечественники мои такъ моею европейскою извѣстностію возгордилися, что не удостоиваютъ меня разбора по правиламъ естетики".

Эти „чужихъ земель газетныя хвалы" поставлялъ для Хвостова услужливый нѣмецкій журналистъ Меркель, издатель газеты „Rigasche Zeitung für Literatur und Kunst", печатавшій похвальные отзывы

о „твореніяхъ“ Хвостова, который за это поддерживалъ и распространялъ его изданіе.

Вотъ какъ отзывался иногда Меркель о произведеніяхъ своего патрона: „вашего с—ва почтеннѣйшее писаніе и присылка (конечно, стиховъ) содѣлали меня и гордымъ и счастливымъ. Пиндаровъ полетъ и краса вашихъ одъ доказываютъ сколь россійская муза съ юною орлиною силою поднялась выше всего, что токмо исполнить можетъ поэзія другихъ языковъ. Вскорѣ будетъ Европа съ ревнивымъ удивленіемъ изучивать ея творенія и чувствовать себя превышенною. Ваше с—во суть безсмертный корифей блистательнаго періода поэзіи въ знаменитомъ нашемъ отечествѣ. Сколь счастливъ тотъ, кому предоставлено будетъ быть вашимъ провозвѣстителемъ!“

Кромѣ того, Хвостовъ заставлялъ переводить на французскій и нѣмецкій языки хвалебныя рецензіи своихъ сочиненій и разсылалъ ихъ въ заграничные журналы; случалось, что и самъ составлялъ такія рецензіи, печатая ихъ, преимущественно въ „Дамскомъ Журналѣ“ своего послушнаго кліента, кн. Шаликова; напр., въ Телеграфѣ 1827 г. (№ 22, стр. 165—167) помѣщенъ ироническій отзывъ о Хвостовѣ; разобиженный піитъ пишетъ длинную статью подъ заглавіемъ „Нѣчто о нелѣпой критикѣ“ и посылаетъ ее въ „Дамскій Ж.“ отъ имени Авксентія Мартынова, будто-бы издателя своихъ сочиненій. Черновая этой статьи, сохраненная въ бумагахъ Хвостова и отъ начала до конца писанная его рукою, обличаетъ настоящаго ея автора [1]).

Въ имѣніи гр. Хвостова (Владимірской губ., Переяславскаго уѣзда, село Выползова-Слободка) протекаетъ рѣчка Кубра; Хвостовъ воспѣлъ ее въ одной изъ своихъ одъ, и съ тѣхъ поръ постоянно величалъ себя „Пѣвцомъ Кубры“. Онъ писалъ, какъ тогда говорилось, „во всѣхъ родахъ“, особенно-же любилъ посланія и оды; послѣднія онъ сочинялъ или, какъ онъ самъ говоритъ, „дѣлалъ“, на всевозможные случаи, важные и неважные, прошедшіе, настоящіе и даже будущіе (напр., въ началѣ іюня 1817 г., онъ написалъ оду на бракосочетаніе в. кн. Николая Павловича, совершившееся только 1 іюля того-же года). Особенно любилъ онъ подносить свои произведенія особамъ императорской фамиліи и съ гордостью указывалъ на много разъ полученные имъ за это благодарственные рескрипты. Съ необыкновенною и неутомимою щедростью онъ разсылалъ какъ полныя собранія своихъ сочиненій, такъ и отдѣльно

---

[1]) Статья эта напечатана въ „Д. Ж.“ 1828, № 11, стр. 204—213.

изданныя стихотворенія и прозаическія статьи по всей имперіи— въ университеты, гимназіи, училища, воспитательные дома, богадѣльни, чуть не при формальныхъ отношеніяхъ къ начальникамъ этихъ заведеній, требуя распространить посланные экземпляры; особенно усердно награждалъ онъ ими архіереевъ: у него былъ даже особый агентъ, Ир. Ф. Подшиваловъ, служившій въ синодѣ и постоянно сообщавшій ему о перемѣщеніяхъ и назначеніяхъ архіереевъ, такъ что гр. Хвостовъ всегда могъ знать, кому и куда послать свои стихи. По словамъ М. А. Дмитріева, „онъ такъ любилъ дарить свои сочиненія и распространять свою славу, что по дорогѣ къ своей деревнѣ дарилъ свои сочиненія станціоннымъ смотрителямъ, и у нихъ можно было видѣть приклеенные къ стѣнкѣ его портреты“ [1]). Стоили ему только услышать о какомъ-нибудь литераторѣ, чтобы немедленно отправить къ нему цѣлый тюкъ своихъ произведеній. Въ 1812 г. П. П. Свиньинъ (впослѣдствіи издатель „Отеч. Записокъ“), находившійся въ Америкѣ при посольствѣ, прислалъ А. Ф. Лабзину „Письмо изъ Филадельфіи», напечатанное въ № 13 „Вѣст. Европы“ того-же года. Гр. Хвостовъ, до тѣхъ поръ ничего не знавшій о существованіи Свиньина, тотчасъ-же пишетъ ему длинное посланіе въ стихахъ и отправляетъ въ Филадельфію вмѣстѣ съ другими своими произведеніями. Извѣстному Д. В. Давыдову случилось написать статью о Суворовѣ—и вотъ что произошло съ нимъ по поводу этой статьи, какъ самъ онъ разсказываетъ въ письмѣ къ Н. М. Языкову:

„Не будучи знакомъ съ гр. Хвостовымъ, я надняхъ получилъ отъ него письмо: какъ родственникъ Суворова, онъ, благодаря и хваля меня до безумія за статью мою объ этомъ великомъ человѣкѣ, увѣряетъ, что я одинъ оцѣнилъ сего неразгаданнаго метеора; все это, вѣроятно, затѣмъ, чтобы найти удобный случай для присылки двухъ новыхъ стихотвореній своихъ... Я не забуду, прибавляетъ Давыдовъ, шутки умирающаго Суворова. За нѣсколько часовъ до своей кончины, отдавъ нѣсколько приказаній окружавшимъ его, онъ слабымъ голосомъ подозвалъ къ себѣ Хвостова и сказалъ ему: „другъ мой, одолжи меня, не пиши одъ на смерть мою“ [2]).

Стихи Хвостова переводились на французскій, нѣмецкій и англійскій языки, иногда этимъ занимались его друзья, напр. П. И. Голенищевъ-Кутузовъ (попечитель моск. университета, разсылавшій

---

[1]) „Мелочи изъ запаса моей памяти“, стр. 77.

[2]) „Библіогр. Записки“, I (1858), 196. Гр. Хвостовъ, однако, не исполнилъ этой просьбы: ода на смерть Суворова помѣщена въ Собраніи его стихотвореній, изд. 1821 г., т. I, стр. 113—115.

свои оды по гимназіямъ съ приказаніемъ читать ихъ въ торжественныхъ собраніяхъ), гр. Гр. Серг. Салтыковъ, извѣстный Жозефъ-де-Местръ, и др.; чаще-же всего эти переводы дѣлались по заказу, за деньги. Этими переводами гр. Хвостовъ щедро одѣлялъ иностранцевъ какъ въ Россіи, такъ и за-границею. Въ 1812 г. переведена была на англійскій языкъ ода его на миръ съ Англіею; онъ отправилъ ее, между прочимъ, А. А. Писареву, находившемуся тогда въ дѣйствующей арміи, и получилъ слѣдующій отвѣтъ, въ которомъ, повидимому, и не угадалъ ироніи:

„Оду вашу вручилъ лорду Вильсону, присутствующему при нашей арміи и на ту пору отправлявшему депеши въ Константинополь, куда, я думаю, и полетѣла ваша ода, и—

Въ Константинополѣ иль въ Самарканѣ
Какой-нибудь въ чалмѣ изъ усачей,
Со помощію толмачей,
На мягкомъ возлежа диванѣ,
Преложитъ тѣ стихи... Вамъ вѣчная хвала!
Али, Алла, Али, Алла".

Въ 1821 г. сынъ его отправился при посольствѣ въ Саксонію; гр. Хвостовъ приказалъ ему непремѣнно побывать въ Веймарѣ у Гёте, и получивъ отъ сына письмо объ этомъ визитѣ, тотчасъ-же отправилъ „славному въ Веймарѣ Гёте" нѣсколько экземпляровъ своихъ стиховъ въ нѣмецкомъ переводѣ, при письмѣ, въ которомъ, между прочимъ, говоритъ:

„Такъ какъ я не имѣю счастія читать ваши ученыя произведенія въ оригиналѣ, ибо не владѣю нѣмецкимъ языкомъ, то и просилъ славнаго г-на Раупаха перевести мои стихи на вашъ языкъ. Переводъ, какъ меня увѣряютъ, очень хорошъ и въ то-же время вѣренъ. Буду счастливъ, м. г., если вы удостоите принять нѣсколько цвѣтковъ сѣверной музы, которая съ совершеннымъ почтеніемъ" и пр.

Воспользовавшись пребываніемъ въ Россіи А. Гумбольдта въ 1829 г., Хвостовъ спѣшитъ послать и ему свои стихи въ нѣмецкомъ переводѣ; а въ слѣдующемъ году, черезъ французское посольство, отправляетъ свой переводъ „Науки стихотворной" Буало во французскую академію, для Ламартина и Вильмена. Здѣсь кстати будетъ разсказать исторію этого перевода, надѣлавшаго Хвостову немало хлопотъ. Вотъ разсказъ самого Хвостова:

„Я думаю, говоритъ онъ, что мой переводъ сравнительно съ переводомъ г. Тредьяковскаго, есть тотъ-же самый, какъ и его, только при-

сланный имъ изъ царства мертвыхъ съ большею чистотою и свободностью слога, можетъ быть и съ большею нѣсколько способностію въ поэзіи... Остается знать, кто кого перегналъ счастливыми выраженіями и кого скорѣе на память затверживать будутъ... Сей переводъ посвятилъ я росс. имп. академіи (1804 г.), прося ее вспомоществовать мнѣ своими замѣчаніями. Сперва получилъ очень лестныя письма отъ членовъ—Г. Р. Державина и М. Н. Муравьева [1]), потомъ сіе сочиненіе было предано забвенію, такъ что насилу его отыскали для возвращенія мнѣ. Возвращая, читали первую пѣснь и нашли, что она очень плохо переведена. Гаврило Романовичъ (Державинъ), прежде меня письмомъ хвалившій, немилосердно меня ругалъ; А. С. Хвостовъ доказывалъ (негодность перевода) колкими насмѣшками... Они въ образчикъ дали мнѣ десять стишковъ, ими переведенные, которые, по незлобію моему, я въ печать не отдаю, а храню въ бумагахъ [2]).

Только-что Хвостовъ напечаталъ свой переводъ, какъ въ парижскомъ журналѣ „Revue Encyclopedique" появился переводъ эпиграммы на него, написанной Дмитріевымъ и попавшей даже въ „Учебную книгу русской словесности" Греча. Разобиженный переводчикъ упросилъ своего пріятеля, полковника Дестрема, написать апологію своему переводу. Дестремъ написалъ (по-французски) большую статью, которая была послана въ подлинникѣ въ „Revue Encyclopedique", а въ русскомъ переводѣ—въ „Вѣстникъ Европы"; но ни здѣсь, ни тамъ не была принята; тогда Хвостовъ напечаталъ то и другое отдѣльною брошюрою и разослалъ ко всѣмъ своимъ знакомымъ и незнакомымъ. Кромѣ того, онъ сочинилъ французское письмо въ редакцію „Revue Encyclopedique" отъ имени какой-то M-me Bussie de Radotère, гдѣ придаетъ своимъ стихотвореніямъ эпитеты baeu, sublime, charmant, а о переводѣ Буало говоритъ: „Этотъ переводъ чрезвычайно вѣрный и точный, полный хорошихъ русскихъ стиховъ, заслужилъ общее одобреніе и долженъ всегда считаться трудомъ, дѣлающимъ честь русской литературѣ". „Телеграфъ" возмечталъ, что сочинилъ это я самъ", замѣчаетъ гр. Хвостовъ на черновомъ письмѣ; но самое это письмо, съ собственноручными поправками и дополненіями гр. Хвостова, доказываетъ,

---

[1]) Писемъ этихъ, однако, въ разсмотрѣнныхъ нами бумагахъ не находится.

[2]) Стихи эти, явно мѣтившіе на излишнее риемолюбіе Хвостова, напечатаны въ Сб. ст. II отд. акад. наукъ, т. V, вып. I, стр. 133, прим. 4.

П. М.

что „Телеграфъ" „возмечталъ" совершенно справедливо. Графъ Хвостовъ не успѣлъ еще успокоиться, какъ Полевой въ своемъ „Телеграфѣ", по поводу статьи другаго французскаго журнала, зло посмѣялся надъ его переводомъ, совѣтуя назвать его „Депрео вывороченный наизнанку". Хвостовъ вышелъ изъ себя и обратился чуть не съ формальною жалобою къ попечителю московскаго университета А. А. Писареву: „покорно прошу ваше пр—во (пишетъ онъ), въ истинное одолженіе мнѣ и самой литературѣ, призвавъ къ себѣ г. издателя „Телеграфа", воспретить ему отнынѣ впредь касаться глупыми насмѣшками до моего лица и до моихъ сочиненій; не смысля критиковать оныя по правиламъ естетики, пускай бѣснуется и молчитъ; онъ долженъ быть увѣренъ, что я никогда отвѣчать ему не стану... Надѣюсь, что по дружбѣ вашей и милости ко мнѣ, пасквилянтъ, убѣдясь начальническими и естетическими вашими наставленіями, перестанетъ меня безпокоить своими дерзостями". Затѣмъ слѣдуетъ характерная приписка (по поводу статьи кн. П. А. Вяземскаго въ № 14 „Телеграфа", 1827 г.):

„А сей мною называемый скоморохъ пустился уже и на вашу братью - генераловъ, точно—на вашу братью, на генераловъ славныхъ, и не щадитъ Суворова, сего великаго полководца... на зло всей Европѣ и благодарной Россіи, не хочетъ одинъ признавать его за полубога".

Писаревъ отдѣлался отъ Хвостова стишками и, конечно, не думалъ дѣлать наставленій Полевому; но расходившійся стихотворецъ долго еще послѣ того заставлялъ своихъ секретарей переписывать это посланіе къ Писареву и разсылалъ копіи его ко всѣмъ своимъ друзьямъ и хвалителямъ. „Я простодушенъ (говоритъ онъ въ письмѣ къ своему куму и кліенту М. Н. Макарову), но въ мои лѣта и въ моемъ званіи надобно самому безъ всякой злобы умѣть щелкнуть журнальнаго сыщика; я это и сдѣлалъ, презрѣлъ и купца, и его батрака, хотя оный былъ-бы князь... Мнѣ стыдно перебраниваться съ негодяями; но я лучше сдѣлалъ: я огласилъ ихъ поступокъ начальству, и послѣ того не скажу ни слова".

Вотъ этотъ-то злополучный переводъ Буало, съ примѣчаніями Городчанинова и апологіею Дестрема, Хвостовъ послалъ Лапартину и Вильмену. Неизвѣстно, отвѣчалъ-ли ему первый, въ бумагахъ Хвостова нѣтъ на это никакихъ указаній; но отвѣтъ Вильмена очень характеренъ, почему и приводится здѣсь вполнѣ. Вотъ что пишетъ онъ отъ 17-го августа 1830 года:

(Переводъ). „Съ признательностью получилъ я, графъ, драгоцѣнный трудъ, присылкою котораго вамъ угодно было почтить меня.

Я желалъ-бы имѣть возможность судить о его достоинствахъ; впрочемъ, я внимательно прочелъ разсужденіе г. Дестрема, которое помогло мнѣ въ моемъ незнаніи. Переводъ вашъ, м. г., есть памятникъ, воздвигнутый на славу нашей литературѣ. Я жалѣю только о томъ, что русскій языкъ у насъ мало извѣстенъ: это заставляетъ меня, м. г., сомнѣваться въ возможности помѣстить у нашихъ книгопродавцевъ болѣе или менѣе значительное количество экземпляровъ вашего труда. Несмотря на все уваженіе къ этой книгѣ и къ ея автору, она не будетъ имѣть читателей. Впрочемъ, я думаю, м. г., что экземпляры вашего труда должны быть пріобрѣтены публичными библіотеками и сохраняемы, какъ благородное свидѣтельство нашего литературнаго вліянія. За это, м. г., мы должны благодарить и хвалить васъ. Примите и пр. Вильменъ".

Еще въ 1808 г. гр. Хвостовъ, какъ „знаменитый поэтъ", избранъ былъ въ почетные члены харьковскаго университета, куда аккуратно доставлялъ свои произведенія. Каково-же было удивленіе нашего поэта, когда онъ узналъ, что въ публичномъ собраніи университета, 30-го іюня 1820 г., студентъ Поповъ, читая разсужденіе о русской словесности, не счелъ даже нужнымъ упомянуть имени гр. Хвостова въ числѣ русскихъ писателей! Оскорбленный графъ тотчасъ-же написалъ своему давнишнему знакомому, адъюнкту А. В. Склабовскому, длинное письмо, наполненное упреками и жалобами, и просилъ его справиться у ректора почему именно университетъ пропустилъ „столь недостаточное и исполненное погрѣшностей сочиненіе". Склабовскій, вмѣстѣ съ профессоромъ русской словесности В. Я. Джунковскимъ, поспѣшили успокоить разсерженнаго поэта утѣшительными письмами. Вотъ какъ извинялся передъ нимъ Джунковскій:

„Съ крайнимъ прискорбіемъ усмотрѣлъ я изъ письма вашего сіятельства, къ г. Склабовскому писаннаго, то негодованіе, которое вы изъявили по случаю пропущеннаго имени вашего въ рѣчи студентской. Позвольте, сіятельнѣйшій графъ, мнѣ, не какъ профессору, а какъ постороннему посреднику, уважающему достоинства вашего ума и сердца и знающему состояніе дѣлъ университетскихъ, представить сіе дѣло въ томъ видѣ, въ которомъ можно вывесть справедливое заключеніе безъ обиды университета и безъ оскорбленія вашей чести. Сочиненія студентовъ обыкновенно разсматриваются только однимъ профессоромъ или даже адъюнктомъ, и потомъ ректоромъ одобряются къ печатанію. Ихъ никогда не читаютъ въ общихъ собраніяхъ. Иногда бываютъ такія слабыя піесы, что только для одного одобренія молодаго писателя, а не для просвѣщенной

публики, позволяютъ печатать оныя. Университетъ оныя иначе и не почитаетъ, какъ классическими упражненіями, которыя, конечно, могутъ и должны быть различнаго достоинства, т. е. хорошія, посредственныя и худыя, слѣдственно онѣ и служатъ только доказательствомъ успѣховъ въ наукахъ одного какого-либо студента, а не всѣхъ, въ одной какой-либо наукѣ, а не во всѣхъ... Университетъ, избравъ васъ въ свои почетные члены, конечно, уже оправдалъ мнѣніе свое о вашихъ заслугахъ въ словесности россійской. Онъ и теперь принимаетъ произведенія вашего пера съ благодарностію, и радуется успѣхамъ отечественнаго просвѣщенія".

Склабовскій говоритъ иначе:

„Слѣпцы могутъ-ли указывать путь другимъ? Итакъ, мудрено-ли, что какой-нибудь молодой сочинитель слишкомъ молодаго, незрѣлаго разсужденія о писателяхъ, которыхъ онъ, вѣроятно, и вовсе не читалъ, повторяетъ съ голосу другихъ слова на извѣстный уже напѣвъ, отъ себя-же прибавить того, о чемъ еще не говорили или мало сказали другіе, онъ и не смѣетъ и не можетъ? Не таковы-ли сужденія о писателяхъ и студента Попова? Онъ не смотрѣлъ на труды, особеннаго уваженія достойные какого-либо автора, ни на важность и пользу его произведеній, чтобы справедливо оцѣнить ихъ, ибо для сего не довольно слышать и знать какъ другіе мыслятъ, но надобно самому умѣть мыслить; надобно имѣть умъ проницательный, дальновидный, соображеніе тонкое и глубокое, здравую логику и большую опытность. Но имѣлъ-ли хотя что-нибудь изъ сего упомянутый Поповъ, когда, слагая или, правильнѣе, перелаживая на свой ладъ сказанныя уже другими похвалы мертвымъ и живымъ авторамъ, и оглашая (какъ вы прекрасно выразились) до послѣдней малиновки нашего Парнасса, ни слова не упомянулъ о достойнѣйшемъ переводчикѣ такихъ авторовъ, которые научаютъ пѣть и самыхъ соловьевъ, о переводчикѣ Боало-Депрео, Горація, Расина, Лафонтена и др., о сочинителѣ многихъ прекрасныхъ піесъ оригинальныхъ?"

Удовлетворившись этимъ объясненіемъ, гр. Хвостовъ тотчасъ-же послалъ Склабовскому, для передачи Попову, полное собраніе своихъ сочиненій и новое изданіе перевода Буало, вѣроятно, для того, чтобы предостеречь молодаго писателя отъ ошибокъ на будущее время...

Превозносимый до небесъ своими кліентами и услужливыми журналистами, умѣвшими пользоваться его авторскою слабостью, ослѣпленный стихотворецъ считаетъ восторженными похвалами самыя

простыя выраженія благодарности за присылку своихъ стиховъ, и еще старательнѣе принимается за сочинительство, повторяя:

„Люблю писать стихи и отдавать въ печать!“

Со всѣхъ сторонъ сыплются на него насмѣшки, эпиграммы; даже такіе писатели, которые, по своему таланту, едва-ли могутъ занять мѣсто выше гр. Хвостова, даже и они стараются, при всякомъ удобномъ случаѣ, щегольнуть острымъ словцомъ на его счетъ. Но гр. Хвостовъ, оскорбляясь этою „дерзостью парнасскихъ забіякъ“, вовсе не принимаетъ къ свѣдѣнію уроковъ критики: онъ составилъ себѣ твердое убѣжденіе, что всѣ насмѣшки надъ его бездарностью „суть вопли злобной зависти, а отнюдь не критика“, и потому на всякую нелестную для него рецензію отвѣчаетъ:

„Стихи писать
И ихъ читать
Вездѣ намѣренъ!“

„Пускай воилятся парнасскіе ерши!“

Считая себя однимъ изъ классическихъ русскихъ писателей, онъ всегда, въ письмахъ, прозаическихъ статьяхъ и замѣткахъ, цитируетъ, для подтвержденія своей мысли, собственные стихи, какъ тексты Св. Писанія или изреченія древнихъ классиковъ. Это даетъ его корреспондентамъ поводъ въ каждомъ письмѣ восхищаться его стихами и восклицать:

„Пой, графъ, и дружества ты съ музами не рушь!
Для свѣтлаго ума, для нѣжныхъ, добрыхъ душъ
Твоя пѣснь сладостна!...“

Какъ относились къ нему другіе, увидимъ въ своемъ мѣстѣ.

П. О. Морозовъ.

[Продолженіе слѣдуетъ].

РѢЧЬ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА

римско-католическимъ епископамъ

въ 1844 г.

Я призвалъ васъ въ столицу съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы вы познакомились съ управленіемъ католической церкви въ Россіи и приглядѣлись къ дѣйствіямъ здѣшней духовной коллегіи, которою я вполнѣ доволенъ. Не полагайте, чтобы я призвалъ васъ сюда съ намѣреніемъ враждебнымъ вашему вѣроисповѣданію. Знаю, что такое мнѣніе стараются распространить между вами; до единаго знаю всѣхъ тѣхъ, которые разсѣваютъ между вами такія нелѣпости, могъ-бы ихъ наказать, но это не согласуется съ моимъ императорскимъ-царскимъ достоинствомъ.

„Да, я ни въ чемъ не желаю вредить католическому исповѣданію, потому что я самъ католикъ. Душевно и сердечно приверженъ къ своему исповѣданію, и былъ-бы столько-же приверженъ и къ римскому, если-бы въономъ родился; въ отношеніи религіи церкви католической намѣренія мои чисты.

„Достаточно знаю, какъ далеко простирается моя императорская власть и какъ далеко можетъ подвинуться, не нарушая вашего исповѣданія, и потому-то именно требую приверженности и повиновенія, и тѣмъ болѣе долженъ этого требовать, что сіе повелѣваетъ вамъ Самъ Богъ, предъ Которымъ я долженъ буду отвѣтствовать за благополучіе ввѣреннаго мнѣ народа. Глава вашей церкви подтверждаетъ вамъ то-же. Да, не безъизвѣстно мнѣ, что свя-

той отецъ желаетъ, чтобы вы повиновались и были привержены къ своему государю. Папа мнѣ другъ, но весьма сожалѣю, что апостольская столица даетъ къ себѣ доступъ ложнымъ и враждебнымъ донесеніямъ, относительно состоянія католицизма въ моемъ государствѣ. Послѣдній его отзывъ основанъ на подобныхъ донесеніяхъ. Такимъ путемъ папа ничего со мною не выиграетъ,—во всякомъ случаѣ, надлежало ему обратиться ко мнѣ, а не дѣлать публичной огласки. Не хочу, чтобъ отзывъ этотъ былъ опровергаемъ публично и оффиціально; это было-бы не соотвѣтственно моему сану, и потому я не велѣлъ отвѣчать на оный гласно. Еще разъ повторяю вамъ: повинуйтесь вашему государю, и единственно съ этимъ условіемъ я есть и буду вашимъ покровителемъ. Ежели духовенство ваше будетъ мнѣ искренно повиноваться, то можетъ быть увѣрено въ своемъ благоденствіи.

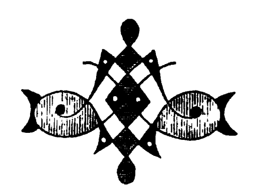
„Давно-бы уже церковь ваша пала въ моемъ государствѣ, если-бъ я не поддерживалъ ея вѣрными средствами. Знайте, что она должна опасаться не правительства, но своего собственнаго духовенства. Между вами есть столько порочныхъ священниковъ, что даже страшно вспоминать о томъ. Духовенство ваше преисполнено или фанатизма или равнодушія, но фанатизма не религіознаго, а политическаго, и подъ религіозными предлогами старается оно скрыть неповиновеніе и сопротивленіе правительству. Сколько съ одной стороны я покровитель вашей церкви, столько съ другой буду наблюдать за благонравіемъ епископовъ и всего вашего духовенства, и буду строго наказывать преступныхъ, потому что отвѣтствую за ихъ поступки. Мнѣ хорошо извѣстно, чѣмъ вы обязаны каноническому, то есть церковному вашему уставу, и потому желаю, чтобы оный исполняемъ былъ въ точности. Знаю, что должное направленіе воспитанія духовенства составляетъ самое лучшее средство къ образованію хорошихъ священниковъ, и поэтому желаю, чтобы воспитаніе это было католическое, но не менѣе того утверждено на монархическихъ основаніяхъ; желаю, чтобъ образовались подданные вѣрные, послушные и преисполненные христіанской любви и приверженности престолу. Итакъ, да будетъ воспитаніе духовенства католическое, но не іезуитское, какъ въ Галиціи или редемптистовъ во Франціи. Признаюсь, откровенно, что я не потерплю іезуитовъ, и если-бы августѣйшій мой предшественникъ Александръ I-й не удалилъ ихъ изъ государства, я самъ-бы это сдѣлалъ.

„Крайне сожалѣю, что вы собрались здѣсь въ весьма печальное время кончины митрополита вашего Павловскаго. Кончина его составляетъ невозвратную потерю для церкви и государства.

Но вѣрно извѣстно вамъ, что перемѣщеніе духовной академіи изъ Вильны въ С.-Петербургъ было мною сдѣлано съ единственною цѣлію подчинить оную непосредственному надзору покойнаго митрополита; въ прежнемъ состояніи она никакъ не могла далѣе оставаться. Я имѣлъ справедливыя причины быть недовольнымъ тогдашнимъ ея направленіемъ.

„Стремленіе ея было неблагонамѣренно. Кончина митрополита разстроила всѣ мои намѣренія,—я въ величайшемъ безпокойствѣ и даже въ крайнемъ затрудненіи, потому что ни въ имперіи, ни въ царствѣ не нахожу никого, кто-бы могъ достойно занять его мѣсто".

Сообщ. **П. П. Карцовъ.**

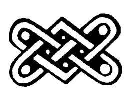


Выговоръ императора Александра I генералу И. И. Михельсону

за распечатанное письмо, 1807 г.

„При полученіи донесенія вашего отъ 28-го апрѣля, я не имѣлъ еще никакого свѣдѣнія о письмѣ, о коемъ вы въ ономъ упоминаете. Министръ иностранныхъ дѣлъ не прежде мнѣ вручилъ оное, какъ по точному моему приказанію, и изъявилъ мнѣ притомъ, что вы, открывая письмо, къ нему адресованное, имѣли, конечно, какой-либо поводъ къ подозрѣнію вѣрности его къ службѣ моей. Признавая жалобу сію совершенно справедливою, я долженъ замѣтить вамъ, что поступокъ вашъ въ семъ случаѣ тѣмъ болѣе неумѣстенъ, что я точно увѣренъ, что генералъ Будбергъ, пріобыкшій почитать въ людяхъ, довѣренностью моею пользующихся, вѣрныхъ слугъ отечества, конечно, никогда себѣ не позволитъ какой-либо подвигъ, который могъ-бы уменьшить мою къ нимъ благосклонность".

Сообщ. **К. А. Висковатовъ.**



АЛЕКСАНДРЪ ПЕТРОВИЧЪ ХРУЩОВЪ

род. 1806 г., † 1875 г.

Выдержки изъ его писемъ 1853—1859 гг.

„Хрущовъ лучшій генералъ изъ тѣхъ, какихъ я только зналъ при оборонѣ Севастополя".

Отзывъ кн. А. С. Меншикова.

Командиръ славнаго въ лѣтописяхъ геройской обороны Севастополя—Волынскаго полка, потомъ командиръ бригады, начальникъ отдѣльнаго отряда на Севастопольскихъ позиціяхъ, начальникъ части передовой оборонительной линіи Севастопольскихъ бастіоновъ, затѣмъ по окончаніи Крымской войны,—послѣдовательно командиръ 9-ой дивизіи въ арміи, 2-й дивизіи въ гвардіи, 5-ой дивизіи въ арміи, наконецъ, въ концѣ-концовъ своей многолѣтней службы—генералъ-губернаторъ Западной Сибири, Александръ Петровичъ Хрущовъ всюду стяжалъ себѣ любовь и глубокое къ нему уваженіе. Безстрашный воинъ, онъ прославилъ себя на твердыняхъ Севастопольскихъ именно тамъ, гдѣ такъ трудно было себя прославить, такъ какъ всѣ соревновали въ мужествѣ и героизмѣ.

Имена двухъ генераловъ—Хрущова и, созвучно ему, Хрулева особенно часто являлись въ извѣстіяхъ изъ Севастополя, и въ кровавую эпоху 1854—1855 гг. облетѣли всю Россію....

Хрущовъ оставилъ послѣ себя записки о Крымской кампаніи. Онѣ напечатаны въ покойномъ уже журналѣ „Московское Обозрѣніе" 1877 г. Записки эти составлены значительно позже описываемыхъ въ нихъ событій, и потому многое въ нихъ, какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, составлено по другимъ источникамъ, кромѣ личныхъ воспоминаній.

Замѣтки-же личныя, набросанныя на бумагу немедля, въ самомъ пылу обороны Севастополя, подъ градомъ бомбъ, при свистѣ ядеръ и пуль, въ па-

латкѣ, въ землянкѣ, въ блиндажѣ, на барабанѣ, — таковыя замѣтки сохранились въ письмахъ А. П. Хрущова къ его братьямъ: адмиралу Степану Петровичу и тульскому землевладѣльцу Борису Петровичу Хрущовымъ. Выдержки изъ этихъ писемъ мы представляемъ на страницахъ „Русской Старины" въ увѣренности, что и въ громаднѣйшей литературѣ всевозможныхъ матеріаловъ, очерковъ, разсказовъ, воспоминаній, записокъ и описаній севастопольскаго погрома—эти замѣтки, какъ принадлежащія одному изъ наиболѣе выдающихся и по значенію и по личнымъ качествамъ защитнику многострадальнаго города, не могутъ не имѣть значенія.

Замѣтки Хрущова отрывочны, не блещутъ ни красотою слога, ни живостью описанія; онѣ отличаются необыкновенною простотою, ярко отпечатывая въ нихъ нравственный обликъ мужественнаго, честнаго, безстрашнаго и прямодушнаго воина, какимъ былъ Александръ Петровичъ Хрущовъ

Къ выдержкамъ изъ писемъ Севастопольской эпохи 1853—1856 гг. мы сочли не лишнимъ присоединить небольшія выдержки изъ писемъ того-же А. П. Хрущова послѣдующихъ трехъ лѣтъ (1857—1859 гг.), какъ матеріалъ не безполезный ни для его біографіи, ни вообще при описаніи этихъ важныхъ въ исторіи русскаго общества годовъ.

Ред.

Лагерь подъ Одессою, 15-го іюня 1853 г.

....Если миръ съ турками не будетъ нарушенъ, въ чемъ почти нельзя сомнѣваться, судя по ходу дѣлъ, то, кажется, мой полкъ останется въ Одессѣ для содержанія караула на шесть мѣсяцевъ. Въ газетахъ пишутъ, что султанъ послалъ своего зятя въ Вѣну и Петербургъ, и что Австрія принимаетъ на себя посредничество, а потому надобно думать, что все уладится мирнымъ образомъ.

Миръ есть общее благо, но на этотъ разъ военные—большіе эгоисты, ибо они желаютъ войны, любя свое ремесло.

Лагерь близь Севастополя, 25-го іюня 1853 г.

.... Повидимому, Австрія забыла, чѣмъ она обязана Россіи и нашему государю; но Богъ накажетъ ее за это вѣроломство. По частнымъ, но вѣрнымъ слухамъ съ азіатской границы мы знаемъ о разбитіи турецкихъ войскъ кн. Андрониковымъ, причемъ взято 38 знаменъ и 50 пушекъ. Это будетъ славный подарокъ къ рожденію государя.

У насъ пока все покойно. Въ прошлое воскресенье приходили къ намъ въ гости 4 парохода. Нашихъ судовъ не было въ морѣ, а потому они могли безпрепятственно пройти мимо бухтъ, занимаемыхъ моимъ полкомъ; разумѣется, внѣ всякаго выстрѣла.

....Вчера князь Меншиковъ дѣлалъ смотръ нашей бригадѣ, сначала моему полку, а потомъ другому.

Лагерь подъ Одессою, 27-го іюля 1853 г.

....Мы въ томъ-же неопредѣлительномъ положеніи. Если судить по газетамъ и по частнымъ извѣстіямъ изъ Петербурга, миръ не будетъ нарушенъ. Вся Европа не хочетъ и боится войны. Конечно, въ видахъ общаго блага, и мы (т. е. военные) должны-бы желать сохраненія мира, но въ этомъ случаѣ мы эгоисты.

Вѣроятно, въ скоромъ времени вопросъ этотъ разрѣшится. Мой полкъ по прежнему стоитъ въ лагерѣ въ ожиданіи, когда дозволятъ намъ войти въ казармы. Въ лагерѣ очень жарко, очень пыльно, но, благодаря Бога, мы здоровы и въ полку мало больныхъ.

Лагерь подъ Одессою, 3-го августа 1853 г.

.... Повидимому, вѣсти изъ Петербурга успокоительныя и уже заботятся о назначеніи зимнихъ квартиръ для войскъ, но если судить по извѣстіямъ изъ Константинополя, то вопросъ не такъ скоро можетъ рѣшиться, и Богъ знаетъ чѣмъ кончится дѣло, а также иностранныя газеты перестаютъ ручаться за миръ. Мы, русскіе, должны гордиться, имѣя государя, который поставилъ себя въ отношеніи иностранныхъ державъ на такую высокую степень величія. Дай Богъ ему царствовать многія лѣта для славы и благоденствія Россіи.

г. Одесса, 4-го сентября 1853 г.

....Вчера получилъ письмо отъ брата Степана Петровича. Онъ радуется, что турецкія дѣла уладились, но говоритъ, что въ Петербургѣ удивляются, не получая до сихъ поръ согласія Порты на принятіе ноты, составленной въ Вѣнѣ. И мы не знаемъ еще достовѣрно, вполнѣ-ли она принята.

Пароходъ изъ Константинополя долженъ прибыть сюда послѣзавтра, можетъ быть тогда что-нибудь узнаемъ.

г. Одесса, 11-го сентября 1853 г.

....Третьяго дня получено повелѣніе посадить на корабли 1-ю бригаду нашей дивизіи и отвезти въ Севастополь вмѣсто 13-й пѣхотной дивизіи, которая посылается на восточный берегъ Чернаго моря.

15-го сентября баталіоны моего полка сосредоточиваются въ окрестностяхъ Одессы съ тѣмъ, чтобы по прибытіи эскадры сѣсть на оную. А я съ своимъ штабомъ переберусь въ деревню, въ 10-ти верстахъ отсюда, разумѣется, на нѣсколько дней. Обозъ посылаемъ сухимъ путемъ. Итакъ, предположенія наши провести зиму въ

Одессѣ не исполнились; также, повидимому, не исполнятся желанія наши подраться съ турками.

с. Нерубайское, 18-го сентября 1853 г.

.... По частнымъ извѣстіямъ изъ Константинополя, Порта требуетъ немедленнаго очищенія княжествъ, слѣдовательно восточный вопросъ не кончается, какъ всѣ ожидали.

с. Нерубайское, 23-го сентября 1853 г.

.... По случаю перевозки 13-й дивизіи на Кавказъ, которая вышла изъ Севастополя 17-го числа, князь Меншиковъ прислалъ въ Одессу только два корабля и два фрегата, а потому 21-го посадили на эскадру одинъ полкъ, а мой будетъ отправленъ на второмъ рейсѣ, т. е. не ранѣе, какъ черезъ недѣлю. Итакъ, мы теперь въ полной мѣрѣ сидимъ у моря и ждемъ погоды или, лучше сказать, кораблей. Никто не можетъ знать, долго-ли мы останемся въ Севастополѣ. Полковой обозъ я отправилъ сухимъ путемъ.

.... Подобныя передвиженія—большое разстройство для полковаго хозяйства, но что-же дѣлать? Мы готовы идти всюду, куда намъ прикажутъ.

с. Нерубайское, 29-го сентября 1853 г.

.... Трудно опредѣлить, долго-ли мы останемся въ Севастополѣ. Турція рѣшительно хочетъ войны и, кажется, Омеръ-паша получилъ приказаніе начать военныя дѣйствія, если черезъ двѣ недѣли русскіе не выйдутъ изъ княжествъ. Переходомъ въ Севастополь мы удаляемся отъ театра военныхъ дѣйствій, что весьма прискорбно; впрочемъ, флотъ у насъ подъ бокомъ и, въ случаѣ надобности, не долго перевезти насъ куда угодно.

Севастополь, 6-го октября 1853 г.

30-го сентября рано утромъ я привелъ свой полкъ въ Одессу и тотчасъ-же началась амбаркація, которая окончилась къ тремъ часамъ пополудни. Командиръ корабля Зоринъ помѣстилъ меня очень удобно въ своей каютѣ, и во все время былъ очень любезенъ и внимателенъ.

1-го октября чуть свѣтъ мы снялись съ якоря. Во все время переѣзда погода была отличная и въ добавокъ ночью свѣтилъ мѣсяцъ.

3-го числа около двухъ часовъ пополудни мы вступили въ севастопольскую бухту и къ 6-ти часамъ окончили высадку

людей на берегъ. На пристани встрѣтилъ меня М. С. Маковѣевъ. ..... Для меня квартиру заняли около бараковъ, гдѣ расположенъ мой полкъ; въ домѣ-же полковаго командира осталась жена прежняго командира. Я сдѣлалъ уже необходимые служебные визиты, какъ-то: къ командиру порта Станюковичу, обоимъ комендантамъ и проч. Вторымъ комендантомъ теперь вице-адмиралъ Рагуля; также видѣлся съ Вукотичемъ (бывшимъ дежурнымъ штабъ-офицеромъ, а теперь бригадный командиръ).

.... Итакъ, друзья мои, я уже въ Севастополѣ, только не знаю на долго-ли. Наша дивизія совершенно раздѣлилась: одна бригада здѣсь, а другая—на Дунаѣ; а потому, въ случаѣ кампаніи, мы не знаемъ куда насъ двинутъ—въ европейскую или азіатскую Турцію или оставятъ въ Севастополѣ; послѣднее будетъ очень непріятно. Князь Меншиковъ уѣхалъ отсюда въ Николаевъ наканунѣ нашего прихода; его ожидаютъ сюда сегодня или завтра. Эскадра, возившая 13-ю дивизію, прибыла въ Севастополь третьяго дня, высадивъ дивизію въ Анакліи (ниже Сухумъ-Кале).

Севастополь, 13-го октября 1853 г.

.... Третьяго дня у меня былъ командиръ порта Станюковичъ; онъ большой говорунъ и ѣздитъ по городу не иначе, какъ съ жандармомъ.

.... Обозъ и лошади мои придутъ въ субботу и тогда я буду имѣть возможность осмотрѣть окрестности Севастополя и то мѣсто, гдѣ крестился св. Владиміръ. Тамъ нынѣ построена небольшая церковь, въ которой, недѣли двѣ назадъ, служилъ архіепископъ Иннокентій. Если время и погода позволитъ, то съѣзжу и на южный берегъ.

Севастополь, 20-го октября 1853 г.

.... До сихъ поръ мы ни въ мирѣ, ни въ войнѣ, хотя турки уже сдѣлали пробу стрѣлять по нашему пароходу на Дунаѣ. О подвигахъ г. Хрулева въ Хивѣ я въ первый разъ слышу и сомнѣваюсь въ справедливости этихъ извѣстій.

Погода въ Севастополѣ стоитъ превосходная, но я еще не пользовался оною, чтобы объѣхать окрестности.

Три дня назадъ пріѣхалъ сюда В. А. Корниловъ и живетъ на пароходѣ.

Севастополь, 27-го октября 1853 г.

.... Признаюсь вамъ, мнѣ очень хочется присоединиться къ своей дивизіи на Дунаѣ. На прошлой недѣлѣ получено извѣстіе, что

турки осмѣлились перейти чрезъ Дунай у кр. Виддина. При этомъ я вспомнилъ знаменитое выраженіе Кутузова: „дай Богъ побольше! Они прямо лѣзутъ въ петлю".

Въ прошлый вторникъ я былъ на пароходѣ у Корнилова; онъ принялъ меня очень ласково; въ воскресенье обѣдалъ у коменданта Кизмера, а потомъ у адмирала Станюковича.

Командиръ здѣшняго порта очень ласковый и, какъ кажется, добрый человѣкъ. Въ свободное время я читаю теперь превосходное описаніе войны Суворова въ Италіи въ 1799 году. Милютинъ мастеръ своего дѣла. Желалъ-бы я проѣхать по южному берегу, чтобы осмотрѣть его въ подробности, но въ настоящее время не могу отлучиться на самое короткое время.

Савастополь, 3-го ноября 1853 г.

Говорятъ, что манифестъ о войнѣ объявленъ, но я еще не читалъ его. Итакъ, друзья мои, восточный вопросъ рѣшенъ и турки сами лѣзутъ въ петлю, несмотря на снисхожденіе къ нимъ государя.

Въ какой степени мой полкъ приметъ участіе въ предстоящей кампаніи—неизвѣстно.

Въ прошлый вторникъ пріѣхалъ сюда сухимъ путемъ князь Меншиковъ; въ тотъ-же день я представлялся къ нему, вмѣстѣ съ своимъ бригаднымъ командиромъ. Князь спросилъ у меня: „вы, кажется, съ родни флоту". Черезъ день я былъ приглашенъ къ нему обѣдать въ числѣ 6-ти человѣкъ. Князь обращался ко мнѣ съ вопросами о моей прежней службѣ, о турецкой войнѣ и проч.,

Въ прошлую среду Корниловъ возвратился съ пароходами, бывъ около Босфора, и на другой день отправился съ эскадрою изъ 4-хъ кораблей и нѣсколькихъ судовъ въ поискъ за непріятелемъ. Слѣдовательно, теперь у насъ въ Черномъ морѣ двѣ эскадры: Нахимова и Корнилова. Дай Богъ имъ успѣха!

Взятое турками Николаевское укрѣпленіе отнято у нихъ. Съ береговъ Дуная я положительныхъ извѣстій не имѣю, но говорятъ, что кн. Горчаковъ совершенно окружилъ 15 тыс. отрядъ турокъ, перешедшій черезъ Дунай у Виддина.

Севастополь, 10-го ноября 1853 г.

Г. А. Корниловъ, отправляясь съ эскадрою въ море, выразился, между прочимъ, въ приказѣ, что, съ помощью Божіею, надѣется увеличить нашъ флотъ нѣсколькими кораблями. Желанія его отчасти сбылись. 7-го числа, утромъ, въ севастопольскую бухту привели два парохода, изъ коихъ одинъ военный (египетскій), а

другой коммерческій. Погода была прекрасная и всѣ бросились на пристань; разумѣется, и я находился въ числѣ любопытствующихъ и видѣлъ вблизи какъ наши трофеи, такъ и плѣнныхъ (до 120 человѣкъ). Вотъ подробности этого дѣла: Корниловъ, замѣтивъ непріятеля, сѣлъ на пароходъ „Владиміръ" и атаковалъ его. Сраженіе продолжалось болѣе трехъ часовъ и непріятельскій пароходъ сдался тогда, когда капитанъ былъ убитъ. Потеря на немъ въ людяхъ значительна, и онъ избитъ со всѣхъ сторонъ, въ особенности съ кормы. Нашъ получилъ не болѣе двухъ пробоинъ,—такъ турки худо стрѣляли. и потерялъ трехъ человѣкъ, въ числѣ коихъ, къ общему сожалѣнію, убитъ адъютантъ Корнилова лейт. Желѣзновъ, котораго третьяго дня похоронили здѣсь со всѣми почестями. Другой нашъ пароходъ, состоящій при эскадрѣ „Одесса", взялъ купеческій, съ грузомъ, безъ боя. Итакъ, не прошло мѣсяца послѣ открытія военныхъ дѣйствій, наши три парохода были уже въ дѣлѣ. Конечно, Корниловъ и офицеры „Владиміра" получатъ награды за свой подвигъ.

.... Новыхъ извѣстій съ береговъ Дуная мы не имѣемъ; впрочемъ, кажется, я не увѣдомлялъ васъ, что было дѣло подъ Туртукаемъ 23-го октября. Турки переправились на лѣвый берегъ Дуная и Даненбергъ ихъ атаковалъ; подробностей не знаю, но потеря съ нашей стороны довольно значительна. Турки ушли обратно на правый берегъ.

Севастополь, 17-го ноября 1853 г.

.... Новостей изъ княжествъ мы не имѣли на этой недѣлѣ, но получили распоряженіе изъ Петербурга, что нашъ дивиз. начальникъ Моллеръ назначенъ командующимъ войсками въ Крыму подъ главнымъ начальствомъ князя Меншикова, а потому, по приказанію его свѣтлости, наша бригада займетъ разныя мѣста Крыма, а въ Севастополѣ останутся только два мои баталіона и полковой штабъ; кромѣ того, вся резервная бригада. Моллеръ будетъ квартировать въ Симферополѣ.

Одинъ изъ здѣшнихъ фрегатовъ флота имѣлъ стычку съ тремя непріятельскими и поколотилъ ихъ, самъ-же не получилъ никакой порчи, ибо турки не мастера стрѣлять.

Надняхъ я былъ въ Херсонесѣ, гдѣ производятся небольшія работы для открытія древностей. Остатки храма видны.

Севастополь, 24-го ноября 1853 г.

21-го числа Севастополь былъ обрадованъ извѣстіемъ о весьма важномъ событіи: 18-го ноября, въ полдень, В. А. Нахимовъ,

съ шестью кораблями, напалъ на турецкій флотъ, состоящій изъ 14 фрегатовъ и корветовъ и расположенный въ Синопской бухтѣ, и истребилъ всю эскадру. Пять или шесть судовъ взлетѣли на воздухъ, остальныя потоплены; удалось уйти одному пароходу до начатія дѣла. Батареи, подъ выстрѣлами которыхъ Нахимовъ входилъ въ бухту, уничтожены. Очевидцы сравниваютъ это дѣло съ Наваринскимъ и говорятъ, что оно было также жестоко. Нахимовъ пріобрѣлъ себѣ громкую славу. Взято въ плѣнъ около 200 человѣкъ, въ томъ числѣ вице-адмиралъ Османъ-паша и два капитана.

Фрегатъ „Рафаилъ", взятый у насъ въ 1828 году. сожженъ. У насъ убитыхъ и раненыхъ до 250 челов., въ томъ числѣ убитъ офицеръ одинъ и ранено три. Корабли „Марія" и „Константинъ" получили довольно значительныя поврежденія.

Корниловъ, прибывъ изъ Николаева 17-го числа, тотчасъ пошелъ съ 4 пароходами на присоединеніе къ Нахимову, но прибылъ къ войску, когда уже дѣло кончилось.

Севастополь, 1-го декабря 1853 г.

.... Надняхъ князь Меншиковъ получилъ увѣдомленіе отъ кн. Воронцова о разбитіи турецкаго корпуса подъ Ахалцыхомъ; взято 13 пушекъ, лагерь и артиллерійскій паркъ. Итакъ, государь получитъ къ своимъ именинамъ два пріятныя донесенія о пораженіи турецкаго флота подъ Синопомъ и сухопутнаго войска въ Азіи.

Надобно ожидать большихъ наградъ, особенно флотскимъ, которые вполнѣ это заслужили. Третьяго дня я былъ у Нахимова; онъ въ большомъ духѣ.

.... Вчера фельдъегерь привезъ увѣдомленіе къ князю, что для обороны Крыма направлена 17-я пѣхотная дивизія, которая теперь находится въ Харьковѣ; мы-же остаемся впредь до распоряженія подъ начальствомъ его свѣтлости. Итакъ, мы здѣсь временные гости; но куда насъ направятъ—на Дунай или въ Азію—неизвѣстно. По расчету времени, 17-я дивизія можетъ придти сюда около 20-го января, слѣдовательно и мы можемъ пробыть здѣсь только до того времени. Эта новость меня обрадовала.

Севастополь, 7-го декабря, 1853 г.

.... 2-го декабря получены еще благопріятныя новости съ азіатской границы. Князь Бебутовъ съ 10-ю баталіонами пѣхоты и нижегор. драг. полкомъ разбилъ 30 т. турокъ, подъ Александрополемъ, и взялъ 24 орудія.

Извѣстія отъ князя Меншикова и Воронцова порадуютъ госу-

даря. Съ береговъ Дуная нѣтъ новостей; кажется, военныя дѣйствія прекратились на время, по случаю дурнаго времени.

Вчера я былъ на обѣдѣ, данномъ севастопольскимъ обществомъ граждан въ честь моряковъ, отличившихся при истребленіи турецкаго флота при Синопѣ.

Князя Меншикова и синопскаго героя Нахимова не было на обѣдѣ, по случаю ихъ болѣзни, но тосты за ихъ здоровье были провозглашены съ отвѣтомъ громкаго ура!

Сегодня, въ 10 часовъ утра, прибылъ изъ Петербурга офицеръ съ извѣстіемъ о наградахъ за синопское дѣло. Нахимовъ получилъ Георгія 2 кл., Новосильскій—3 кл. Славная награда Нахимову.

Мы съ нетерпѣніемъ ожидаемъ извѣстія о времени прибытія сюда 17-ой пѣх. дивизіи, дабы знать, по крайней мѣрѣ предположительно, о времени нашего выступленія отсюда; но куда именно—знаетъ Богъ, да Николай Павловичъ.

Севастополь, 15-го декабря 1853 г.

.... У насъ все тихо и покойно. Хотя Севастополь всегда въ готовности встрѣтить незванныхъ гостей, еслибы они вздумали къ намъ пожаловать, но я не думаю, чтобы они осмѣлились это сдѣлать, въ особенности послѣ синопскаго пораженія. Въ эту недѣлю съ береговъ Дуная и изъ Азіи не было особенныхъ новостей. О времени прибытія 17-ой дивизіи, предназначенной для обороны Крыма, нѣтъ слуховъ; слѣдовательно, и мы не можемъ опредѣлить долго-ли простоимъ здѣсь.

Князь Меншиковъ также проситъ на обѣдъ. Разумѣется, я поѣхалъ къ послѣднему. Приглашенныхъ было только пять человѣкъ, въ томъ числѣ и командиръ порта. Князь былъ ко мнѣ очень внимателенъ. Кажется, его свѣтлость скучаетъ въ Севастополѣ, но при настоящихъ обстоятельствахъ и при настоящемъ управленіи флота его присутствіе здѣсь необходимо.

Севастополь, 22-го декабря 1853 г.

.... Въ Севастополѣ ужасная грязь и почти каждый день дождь; вчера лилъ какъ изъ ведра. Всю эту недѣлю я сидѣлъ дома и никого не видалъ, кромѣ своихъ.

Впрочемъ, особенныхъ новостей нѣтъ ни откуда. Если такое-же ненастье на берегахъ Дуная, какъ здѣсь, то можно сказать навѣрно, что турецкая армія въ полномъ разстройствѣ, ибо доставка съѣстныхъ припасовъ чрезвычайно затруднительна.

Изрѣдка я бываю въ здѣшнемъ театрѣ, на которомъ рѣшаются

иногда играть довольно серіозныя пьесы и, конечно, исполняютъ ниже всякой посредственности; но для Севастополя и это служитъ развлеченіемъ.

Изъ книгъ меня въ особенности занимаетъ теперь исторія войны 1799 года, составленная Д. А. Милютинымъ.

Севастополь, 29-го декабря 1853 г.

Черезъ два дня наступитъ 1854-й годъ, съ которымъ поздравляю васъ, друзья мои.

Исходящій годъ былъ для насъ весьма тревожный и неопредѣлительный; чѣмъ-то ознаменуется 1854-й?

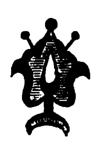
Въ первый день праздника Р. Х. Севастополь былъ изумленъ и встревоженъ приходомъ на нашъ рейдъ англійскаго парохода-фрегата. Обмѣнявшись съ крѣпостью салютами, пароходъ отдалъ депеши къ князю Меншикову отъ адмираловъ соединенныхъ флотовъ, т. е. англійскаго и французскаго. Получа отъ князя отвѣтъ, онъ ушелъ въ тотъ-же день. Въ чемъ заключаются депеши и отвѣтъ свѣтлѣйшаго—никто не знаетъ. Князь сказалъ своимъ приближеннымъ, что пароходъ привезъ письма къ Османъ-пашѣ (турецкій адмиралъ, взятый при Синопѣ). На другой день посланъ въ Петербургъ курьеромъ адъютантъ князя, капитанъ 1-го ранга Краббе.

Другихъ новостей у насъ нѣтъ и все обстоитъ благополучно.

Иностранныя газеты увѣрены, что война съ Турціею долго не продолжится, но это извѣстно только одному Богу. Со стороны турокъ нельзя ожидать какихъ-либо покушеній на Крымъ, въ особенности послѣ даннаго имъ урока подъ Синопомъ.

Конечно, будутъ другія обстоятельства, если англичане и французы примутъ явно сторону турокъ; но, можетъ быть, до этого не дойдетъ.

....По первымъ распоряженіямъ предназначалась сюда 17-я дивизія, которая должна была прибыть въ началѣ марта, но теперь получено извѣстіе, что назначается въ Крымъ 16-я дивизія, которая можетъ придти въ Севастополь не ранѣе первыхъ чиселъ мая. Надняхъ мы получили приказъ отъ 6-го декабря. Почти всѣ полковники, произведенные въ 1845 году, получили генеральскіе чины; а какъ я съ 1847 года, то мнѣ можетъ достаться въ 1855 г.



Севастополь, 5-го января 1854 г.

Новый годъ я встрѣтилъ, друзья мои, дома за книгою. Чѣмъ-то онъ порадуетъ насъ?

....Вечеромъ былъ въ маскарадѣ въ пользу бѣдныхъ и при этомъ случаѣ могъ видѣть почти все севастопольское общество. Исключая четырехъ дамъ, замаскированныхъ вовсе не было. Разумѣется, число кавалеровъ значительно превышало число дамъ, потому что Севастополь военный городъ. Князь не удостоилъ бала своимъ присутствіемъ, но Корниловъ былъ, и я съ нимъ очень долго говорилъ о настоящемъ состояніи дѣлъ и въ особенности о положеніи Севастополя. Корниловъ всегда бываетъ со мною очень любезенъ, какъ равно Станюковичъ и Нахимовъ.

Новостей у насъ никакихъ нѣтъ. О цѣли прихода англійскаго парохода 25-го декабря никто не знаетъ. Говорятъ, что маршъ 16-й дивизіи, назначенной для обороны Крыма, ускоренъ. На случай появленія непріятеля у береговъ Севастополя, сдѣланы всѣ распоряженія какъ его встрѣтить и угостить по-русски.

Но я полагаю, что непріятели не будутъ столь дерзки и неблагоразумны, чтобы сдѣлать визитъ намъ. Англичане и французы не въ войнѣ съ нами, а между тѣмъ гуляютъ по Черному морю.

Севастополь, 11-го января 1854 г.

....Адъютантъ князя Краббе, посланный въ Петербургъ съ депешами, привезенными англійскимъ пароходомъ, еще не возвратился.

В. А. Станюковичъ получилъ орденъ Бѣлаго Орла; онъ очень доволенъ и надѣется въ непродолжительномъ времени попасть на покой въ Адмиралтействъ-совѣтъ.

Входъ союзныхъ флотовъ въ Черное море показываетъ, что они рѣшились воспрепятствовать русскимъ повторить Синопское дѣло, не объявляя намъ войны. Подобное вмѣшательство въ чужія дѣла не есть-ли явный разрывъ съ Россіею?

....Въ Севастополѣ страшная дороговизна съѣстныхъ припасовъ и фуража.

Севастополь, 19-го января 1854 г.

....Вы знаете, что англійскіе и французскіе флоты взошли въ Черное море, слѣдовательно Севастополь долженъ быть въ постоянной готовности встрѣтить гостей; здѣшній-же гарнизонъ состоитъ только изъ моего полка и до 2-хъ тысячъ человѣкъ резервной

бригады, а потому я не могу отлучиться даже на нѣсколько часовъ изъ Севастополя при всемъ желаніи моемъ побывать на южномъ берегу.

Послѣ завтра присоединится ко мнѣ мой 4-й баталіонъ, который квартировалъ полтора мѣсяца въ Бахчисараѣ; теперь опять весь полкъ будетъ вмѣстѣ, но только 4-й баталіонъ станетъ на сѣверной сторонѣ. Въ воскресенье я обѣдалъ у князя Меншикова (въ третій разъ). Его свѣтлость былъ очень любезенъ со мною и, прощаясь, подалъ руку. Въ тотъ-же день былъ у меня съ визитомъ г.-ад. Корниловъ, но не засталъ дома, а вечеромъ прислалъ курьера съ приглашеніемъ обѣдать на другой день. На обѣдѣ я познакомился съ женою Корнилова. Онъ постоянно очень внимателенъ ко мнѣ.

Черезъ нѣсколько дней отправляется отсюда 1,600 человѣкъ (резервн. бриг.) сухимъ путемъ на Кавказъ для укомплектованія 13-й дивизіи, а мой 4-й баталіонъ придетъ сюда вмѣсто ихъ.

Севастополь, 25-го января 1854 г.

....Мы находимся всегда въ готовности встрѣтить непріятеля.

Соединенные флоты или, по крайней мѣрѣ, части оныхъ, погуливаютъ по Черному морю и даже иногда подходятъ къ нашимъ портамъ; впрочемъ, до сихъ поръ мы съ ними не въ войнѣ. Нашъ флотъ попрежнему не трогается изъ севастопольской бухты.

О дѣлѣ 25-го декабря около Калафата вы уже знаете изъ газетъ; говорятъ, что послѣ того было другое и турецкій корпусъ совершенно разбитъ, но это еще не достовѣрно.

....Мой 4-ый баталіонъ пришелъ изъ Бахчисарая въ Севастополь и теперь весь полкъ въ одномъ мѣстѣ.

Севастополь, 2-го февраля 1854 г.

....По моей просьбѣ братъ прислалъ ко мнѣ нѣкоторыя военныя книги и карты.

Ожидаемъ извѣстій изъ Петербурга о результатѣ поѣздки графа Орлова въ Вѣну и Берлинъ, а также какъ приметъ государь объясненія англійскаго и французскаго кабинетовъ касательно вступленія соединенныхъ флотовъ въ Черное море. По извѣстіямъ, сообщеннымъ купеческими судами, прибывшими изъ Константинополя, флоты возвратились въ Босфоръ. Этому можно вѣрить, потому что въ настоящее время года плаваніе по Черному морю затруднительно и опасно.

Дожди почти каждый день и на улицахъ непроходимая грязь. Мои солдаты, путешествуя по оной, совершенно обносились сапогами.

Третьяго дня я обѣдалъ у Станюковича, гдѣ познакомился съ прибывшимъ недавно изъ Петербурга адъютантомъ, княземъ Грейгомъ. Удивительно видѣть его въ этой должности, зная отношенія покойнаго адмирала съ его свѣтлостію.

Время я провожу большею частію дома; много читаю.... Егерская бригада нашей дивизіи перешла уже въ Молдавію. Отъ всего корпуса осталась въ предѣлахъ Россіи одна наша бригада, занимая, впрочемъ, весьма важный и опасный пунктъ. Общее желаніе всего полка состоитъ въ томъ, чтобы скорѣе соединиться со своими на Дунаѣ.

Севастополь, 16-го февраля 1854 г.

По слухамъ, 16-я дивизія быстро подвигается въ Крымъ. Она выступила изъ Москвы около половины января, а теперь, говорятъ близь Екатеринославля, чему я не совсѣмъ вѣрю. Впрочемъ, мы начинаемъ терять надежду, что насъ отпустятъ изъ Севастополя когда придетъ сюда эта дивизія, ибо князь, въ распоряженіе котораго мы отданы, болѣе наклоненъ удержать насъ, чѣмъ отпустить, если, разумѣется, обстоятельства потребуютъ этой мѣры. Третьяго дня у насъ опять былъ гость, только не англичанинъ, а французъ. Большой пароходъ-фрегатъ подошелъ къ Севастополю и, не дождавшись высланной для опроса его шлюбки, повернулъ назадъ и ушелъ въ море. На этотъ разъ мы нисколько не встревожились.

..... Поговариваютъ, что въ непродолжительномъ времени надобно ожидать назначенія Корнилова вмѣсто адмирала Берха.

Время я провожу попрежнему въ занятіяхъ по службѣ и у себя на квартирѣ за чтеніемъ. Погода у насъ стоитъ перемѣнная, но болѣе дождливая; такой зимы не припомнятъ въ Крыму. Если вѣрить газетамъ, то наши посланники оставили уже Парижъ и Лондонъ.

Севастополь, 23-го февраля 1854 г.

....Если вѣрить болтовнѣ иностранныхъ газетъ, то соединенные флоты уже разгромили Севастополь и сожгли наши корабли. Вотъ какъ пишутся исторіи! Пусть пожалуютъ къ намъ гости, мы постараемся принять ихъ и угостить по-русски.

....Въ пятницу въ дворянскомъ собраніи встрѣтилъ князя, и его свѣтлость показалъ ко мнѣ особенное вниманіе, пригласилъ сѣсть подлѣ себя и разговаривалъ болѣе получаса.

По ходу дѣлъ замѣтно, что наврядъ отпустятъ насъ отсюда

съ приходомъ 16-ой дивизіи; это для меня и для всѣхъ моихъ подчиненныхъ весьма прискорбно.

Съ завтрашняго дня я хочу начать говѣть, а потому прошу васъ простить меня, если я въ чемъ-либо невольно грѣшенъ передъ вами.

Севастополь, 2 марта 1854 г.

....Да, восточный вопросъ, который длился цѣлый годъ, обратился въ вопросъ европейскій, и чѣмъ все это кончится—извѣстно одному Богу. Справедливость на нашей сторонѣ; да поможетъ Всевышній увѣнчать полнымъ успѣхомъ правое дѣло, а наши войска и весь русскій народъ настоящаго времени докажутъ, что они знаютъ 1812-й годъ. Что касается до насъ лично, то мы душевно скорбимъ, что мы не находимся въ рядахъ Дунайской арміи и лицемъ къ лицу къ непріятелю. Конечно, мы и здѣсь всякую минуту готовы встрѣтить и турокъ, и англичанъ, и французовъ, но вопросъ—покушатся-ли они на отважное предпріятіе сдѣлать нападеніе на Севастополь и Крымъ?

Повидимому, кн. Меншиковъ рѣшительно не хочетъ отпустить насъ отсюда съ приходомъ 16-ой дивизіи, ибо считаетъ недостаточнымъ одной дивизіи для обороны Севастополя и другихъ мѣстъ Крыма. Онъ справедливъ, но намъ отъ этого не легче.

Севастополь, 9 марта 1854 г.

.... Прочелъ я манифестъ о разрывѣ дипломатическихъ сношеній съ Англіею и Франціею, а также отвѣтъ государя на письмо франц. императора,—отвѣтъ, достойный русскаго царя. Послѣ всего, что случилось, послѣ рѣчи лорда Русселя, произнесенной въ нижнемъ парламентѣ, война неизбѣжна съ англичанами и французами. Я удивился софизмамъ и наглости англійскаго министра, который осмѣлился публично порицать дѣйствія нашего правительства и даже государя въ самыхъ неумѣстныхъ выраженіяхъ. Еслибы Богъ помогъ намъ проучить этихъ низкихъ торгашей!

У насъ нѣтъ особенныхъ новостей; только князь усилилъ дѣятельность къ приведенію въ оборонительное положеніе Севастополя. Сухумская эскадра, крейсировавшая у восточнаго берега, возвратилась сюда благополучно, не встрѣтивъ на пути непріятелей.

Предположеніе вывести нашу бригаду изъ Севастополя въ восточную часть Крыма, кажется, не состоится и мы останемся здѣсь, а около Ѳеодосіи расположатъ часть войскъ, ожидаемыхъ сюда.

Князя я встрѣчаю часто во время поѣздокъ его по батареямъ

и другимъ работамъ. Онъ всегда ко мнѣ очень внимателенъ и, повидимому, доволенъ моимъ полкомъ.

Севастополь, 16 марта 1854 г.

. . . . Англійскіе и французскіе пароходы показываются иногда у нашихъ береговъ, но враждебныхъ столкновеній еще не было. Князь Меншиковъ продолжаетъ дѣятельно заниматься приведеніемъ въ оборонительное положеніе Севастополя.

Здѣсь разнесся слухъ, что во Франціи революція и что императоръ уѣхалъ изъ Парижа. Если это справедливо, то дѣла могутъ принять другой оборотъ.

Наши пароходы сняли шесть укрѣпленій на восточномъ берегу, а именно: форты Навагинскій, Головинскій, Лазаревъ, Вельяминовскій; укрѣпленія Тенгинское и Ново-Троицкое. Гарнизоны отведены въ Геллендживъ и Новороссійскъ.

Цесаревичъ Константинъ Павловичъ—графу Аракчееву

1805 г.

„Господину генералъ-лейтенанту, всей артиллеріи инспектору и кавалеру графу Аракчееву. Доставленныя отъ вашего сіятельства ко мнѣ при отношеніи вашемъ записки, означающія не достающія вещи въ гвардейской конной артиллерійской ротѣ, не могу я почесть сношеніями, какъ вы ихъ назвали, но только принадлежащими къ единственному свѣдѣнію, для разсчета съ батальономъ нужному и которыя для того не подписаны, что батальону совершенно и безъ того должно быть извѣстно, сколько какихъ вещей въ ротѣ не достаетъ, ибо требуются и принимаютъ оныя изъ комиссаріата отъ батальона. А потому не вижу, чтобъ черезъ то нарушался порядокъ, а еще болѣе благоустройство службы, совсѣмъ не въ писарскихъ запискахъ состоящее.

Для меня-же весьма удивительно напоминаніе мнѣ ваше о наблюденіи порядка въ ротѣ, подъ моимъ начальствомъ состоящей, которое признавая неприличнымъ, принуждаюсь предварить васъ, дабы вы впредь отъ таковыхъ отношеній, какъ несоотвѣтственныхъ, воздержались“.

„Constantin“.

С.-Петербургъ.
Генваря 21-го дня 1805 года.

Примѣчаніе. Изъ бумагъ покойнаго ген.-лейт. В. Ѳ. Ратча.

Ред.

ВОСПОМИНАНІЯ МИРОВАГО ПОСРЕДНИКА ПЕРВАГО ПРИЗЫВА

о введеніи въ дѣйствіе Положеній 19-го февраля 1861 г.

II [1]).

Бездна отъ Спасска въ 15-ти верстахъ. Исправникъ подъѣхалъ къ избѣ Антона Петрова; тамъ хотя и стояли бездпинскіе мужики, но не осмѣлились не пропустить его въ избу. Въ избѣ исправникъ нашелъ много стороннихъ мужиковъ съ книгами Положеній. У нѣкоторыхъ уже были отмѣчены потайные листы. а у другихъ еще не успѣлъ Антонъ отмѣтить. Антонъ сильно оробѣлъ при входѣ исправника: пятился за народъ, запинался при разговорѣ, говорилъ, чтó онъ ни въ чемъ не виноватъ и готовъ былъ даже ѣхать въ Спасскъ съ разсыльными. Но въ это время сбѣжались къ избѣ бездпинскіе мужики, отворили окна и кричали: „Антонъ, не сдавайся, мы тебя не выдадимъ!“ Изъ толпы раздавались голоса: „чтó онъ укралъ, за что его арестуете?“ „Онъ истинную волю указываетъ въ царской книгѣ, а вы его за это въ острогъ хотите!“ „Не сдавайся! Не выдадимъ!“ Толпа набралась въ сѣни и въ избу, такъ что сдѣлалось очень тѣсно. Тѣ крестьяне, которые стояли передъ исправникомъ, были почтительны и вѣжливо говорили, что Антонъ безобидный

---

[1]) См „Русскую Старину“ изд. 1892 г., т. LXXIV, апрѣль, стр. 81—102.

и богомольный человѣкъ, ничего онъ дурнаго не сдѣлаетъ и не за что его въ острогъ сажать. Тѣ-же, которые стояли кругомъ избы и въ сѣняхъ, кричали: „не выдавай!", „всѣхъ насъ бери!" и т. под.

Исправникъ пробовалъ увѣщевать, грозить, уговаривать, кричать и даже велѣлъ разсыльнымъ Антона силою тащить, но разсыльныхъ оттерли, а къ избѣ сбѣжалось чуть не все село, болѣе тысячи душъ. Исправникъ уѣхалъ въ село Три-Озеро къ уѣздному предводителю В. В. Молоствову, и оба увѣдомили въ Казань военнаго губернатора Козлянинова, что въ с. Безднѣ оказано явное неповиновеніе властямъ и что надо принять чрезвычайныя мѣры.

У исправника я узналъ въ чемъ состоитъ „истинная воля" и какіе „потайные листки" отмѣчаетъ Антонъ въ Положеніи. Это настолько курьезно, что я прошу у читателя нѣкотораго вниманія. Антонъ Петровъ, около 30 лѣтъ, средняго роста, худощавый, плохо развитый, полуграмотный сектантъ. Такъ какъ онъ умѣлъ читать свои книги, то крестьяне с. Бездны и принесли къ нему книгу Положеній, чтобы онъ нашелъ въ ней волю. Повидимому, Антонъ вѣрилъ, какъ и всѣ крестьяне, что если воля прислана, то она непремѣнно есть въ книгѣ, надо только ее найти. Какъ сектантъ, онъ былъ усидчивъ въ чтеніи, вчитывался въ каждую букву и проводилъ за Положеніемъ цѣлые дни. Все шло сообразно его пониманію и онъ уже прогналъ половину книги, какъ встрѣтилъ непонятный для него знакъ 10%. Знакъ этотъ стоялъ посреди страницы 13-й „Правилъ о порядкѣ приведенія въ дѣйствіе Полож. о крест.", именно въ ст. 73, въ которой говорится: „если, при вызванномъ жалобою крестьянъ измѣреніи, количество крестьянскаго надѣла окажется хотя и менѣе того, которое: или показано владѣльцемъ подъ его отвѣтственностью, или, за непредставленіемъ владѣльцемъ положительныхъ свѣдѣній, опредѣлено мировымъ посредникомъ, но разность та не превышаетъ 10% всего слѣдующаго крестьянамъ количества земли (т. е. 10 десятинъ на 100), то уставная грамота немедленно исправляется, и повинность, которою обложены крестьяне, на будущее время понижается въ соотвѣтствующемъ размѣрѣ, но не опредѣляется въ пользу крестьянъ никакого за истекшее время вознагражденія насчетъ помѣщика".

Перевернулъ Антонъ страницу и увидѣлъ еще болѣе непонятный для него „Образецъ уставной грамоты“. Прочиталъ онъ въ первой строкѣ: „На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

„Быть по сему“.

Образецъ уставной грамоты имѣлъ такой видъ:

1) Въ селеніи (или селеніяхъ) значится по 10-й народной переписи мужескаго пола душъ:

дворовыхъ 00.
крестьянъ 00.

Изъ нихъ отпущено, послѣ ревизіи, на волю:

дворовыхъ 00.
крестьянъ 00.

Затѣмъ состоитъ налицо:

дворовыхъ 00.
крестьянъ 00.

Эти непонятные для Антона оники и выраженіе: „отпущено, послѣ ревизіи, на волю“ сбили Антона съ ума. Перевернулъ онъ опять страницу назадъ, и увидѣлъ, что знакъ 10% приходится какъ разъ надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ на слѣдующей страницѣ, т. е. въ „Образцѣ уставной грамоты“ напечатано:

„Изъ нихъ отпущено, послѣ ревизіи, на волю:

дворовыхъ 00.
крестьянъ 00“.

Антонъ объявилъ въ Безднѣ, что воля найдена, утверждена царемъ: „Быть по сему“ и припечатана крестомъ святыя Анны. Онъ, по своей полуграмотности, непонятный для него знакъ 10% назвалъ: печать креста святыя Анны.

Безднинскій міръ возликовалъ; натащили Антону пшеничной муки, вяленой рыбы, солоду, свѣчей и всего, кто чѣмъ былъ радъ. Находка въ толстой книгѣ Положеній слова воля вполнѣ удовлетворила крестьянъ. Вѣсть объ этой находкѣ разлетѣлась по заволжскимъ селеніямъ, и въ Бездну потянулись ходоки съ Положеніями, въ которыхъ Антонъ указывалъ ходокамъ истинную волю и закладывалъ эти страницы соломенками. Разгадка этихъ ониковъ, печать креста св. Анны и царское утвержденіе „Быть по сему“ казались такъ понятны и логичны неграмотнымъ крестьянамъ, что они превозносили Антона до небесъ.

Дѣйствительно, странно, что во всей толстой книгѣ Положеній слово „воля“ употреблено только на этой страницѣ. Въ другихъ мѣстахъ Положеній и Манифеста употреблены выраженія: „права состояній свободныхъ сельскихъ обывателей“, „благоустройство крестьянъ“, „новое устройство быта крестьянъ“, „свободныхъ крестьянъ-собственниковъ“, „улучшеніе быта“ и проч. и проч., очень мало для крестьянъ понятныя. Тутъ-же, на одной страницѣ, Антонъ открылъ столько ясныхъ доказательствъ, что „дворовые и крестьяне всѣ отпущены послѣ ревизіи на волю“, что возраженія никакія не допускались. Если болѣе грамотный пробовалъ разубѣждать, то на него кричали: „онъ за господъ стоитъ!“, „онъ подкупной!“, „нанятой!“ и т. п. Такъ какъ послѣдняя ревизія была въ 1858 году, то крестьянамъ казалось яснымъ, что господа у нихъ еще три года уже украли и два года еще хотятъ украсть. „Потайные листы“ крестьяне берегли больше глаза, Положенія спрятали и въ разъясненіи остальныхъ подробностей довольствовались базарными слухами. Причемъ принимали на вѣру только такія вѣсти о землѣ, лѣсахъ и работѣ, которыя имъ нравились. Вотъ простая исторія начала бунта.

Отъ исправника я отправился по купцамъ, по знакомымъ и, наконецъ, на квартиру. Разговоръ вездѣ о бунтѣ и объ ожиданіи войскъ для усмиренія его. Вранья и сплетенъ было три короба; хозяйка моей квартиры, напримѣръ, говорила, что мужики насадили топоры на длинные колья и выстроены какъ солдаты кругомъ избы Антона.

Лошади поданы; покатилъ я въ Симбирскъ. На половинѣ дороги большое село Головкино, Ставропольскаго уѣзда, Самарской губерніи. Въ 1861-мъ году это село принадлежало М. М. Наумову, къ которому оно перешло по наслѣдству отъ графа Орлова. Въ царствованіе императора Павла I графъ жилъ тутъ въ ссылкѣ въ огромномъ дворцѣ, который теперь стоялъ пустой. Заѣхалъ я къ управляющему; онъ былъ въ тревогѣ, спросилъ меня: „какіе золотые листы разбрасывали народу въ Безднѣ, и что тамъ дѣлается?“ Я показалъ потайные листы Положенія; посмѣялись, и я поѣхалъ дальше.

Ямщикъ попался умный и разговорчивый; онъ мнѣ сообщилъ, что сегодня проѣхали черезъ Головкино двое бездн инскихъ крестьянъ къ рѣкѣ Черемшану объявлять народу царскую волю.

Эти крестьяне на сходкѣ говорили, что царь письмо прислалъ къ Антону Петровичу и велѣлъ народу караулить домъ Антона для того, чтобы господа царскую волю отъ него не отняли. Завтра отъ насъ шесть человѣкъ наряжено въ Бездну на караулъ. Мужики ѣдутъ на перемѣнныхъ; міръ далъ имъ тройку лошадей; съ Черемшана они много погонятъ народа Антона караулить, „а черезъ недѣлю, баютъ, отъ царя посланецъ въ Бездну пріѣдетъ и возьметъ Антона въ Петербургъ за то, что волю народу отыскалъ".

Въ Архангельское я заѣхалъ къ князю Ю. С. Хованскому. Онъ тоже слышалъ, что его мужики пошли въ Бездну съ Положеніемъ, но еще не вернулись. Было уже близко къ ночи, князь былъ слабъ и его мало интересовали воля, слухи и вообще перемѣны. Управляющій князя хвалился, что по всей поймѣ Волги у сосѣдей крадутъ лѣсъ такъ, что удержать нельзя, а къ нему никто за прутомъ не смѣетъ безъ спросу сунуться. Онъ крестьянъ-полѣсовщиковъ прогналъ послѣ объявленія Положенія, а нанялъ своихъ псарей и егерей изъ дворовыхъ.

Въ Симбирскѣ пришлось пробыть только день; тамъ о Безднѣ еще никто ничего не слышалъ, надъ моимъ разсказомъ смѣялись, но волненіямъ никакого значенія не придавали. На Волгѣ кое-гдѣ начали уже проваливаться, и я, боясь, чтобы она меня не задержала, поторопился уѣхать обратно. На обратномъ пути я заѣхалъ въ Волосниковку, къ помѣщику М. П. Г. Поговорили о слухахъ; подивились, что не ввели никакихъ властей взамѣнъ власти помѣщиковъ, и на своихъ лошадяхъ онъ меня отправилъ въ с. Кокрять. Помѣщикъ г. Наумовъ въ селѣ не жилъ, а приказчикъ его изъ дворовыхъ людей потерялъ даже тѣнь власти.

Подъѣхалъ я къ ямщику Сидору, который возилъ всегда всѣхъ господъ. Мнѣ сказали, что онъ пошелъ записываться въ волю; меня этотъ новый варіантъ заинтересовалъ, и я пошелъ на сходку. Толпа стариковъ и молодежи, весьма оживленная, тѣснилась возлѣ барской конторы, въ которую входили записываться въ волю. Каждый сознавалъ полное свое право на всѣ барскіе земли, лѣса, хлѣба, амбары, риги и прочее имущество и оставлялъ помѣщику только его усадьбу, на которую не было никакого покушенія. Радость и веселье горѣли на всѣхъ лицахъ, но пьяныхъ я не видалъ ни одного. Всѣ были разговор-

чивы, и одинъ передъ другимъ старались передать мнѣ съ буквальною точностью разныя вѣсти изъ Бездны. Съ такою же точностью постараюсь передать что помню.

Антонъ Петровичъ читалъ приказъ отъ царя къ мужикамъ: „берегите моего вѣрнаго слугу Антона Петрова; краульте его во дни и нощи, конные и пѣшіе, отъ всхода и заката, отъ полунощи и отъ полудня. Никому его не выдавайте, какъ-бы васъ, моихъ вѣрныхъ сыновъ, ни стращали и ни пугали, хоть-бы и огненнымъ боемъ, хоть-бы и сабельнымъ ударомъ. Но выдайте моего Антона только моему посланцу, у котораго на головѣ будетъ звѣзда, на правомъ плечѣ звѣзда и на лѣвомъ плечѣ звѣзда". Крестьяне мнѣ сказали, что теперь они по царскому приказу отправили въ Бездну конныхъ и пѣшихъ, что со всѣхъ сторонъ народъ валомъ валитъ краулить Антона Петровича.

Сидоръ былъ въ конторѣ; узнавъ, что я его ищу, чтобы ѣхать въ Мурасу, вышелъ ко мнѣ грустный, и мы пошли съ нимъ запрягать. Когда поѣхали, дорогою Сидоръ мнѣ разсказалъ, что мужики не хотятъ его записывать въ волю за то, что онъ всегда съ господами возжался и за господъ стоялъ. При этомъ самымъ убѣжденнымъ голосомъ спросилъ меня: „могутъ-ли міромъ отказать ему въ раздѣлѣ барской земли и лѣса? Вѣдь царь на всѣхъ далъ; а если его обдѣлятъ, то кому жаловаться?" На это я, сколько умѣлъ, разубѣждалъ его; но, кажется, безуспѣшно. Онъ показалъ мнѣ барскій лѣсъ въ сторонѣ, который мужики уже раздѣлили и возятъ къ себѣ; сказалъ, что остальной лѣсъ и землю будутъ дѣлить весною, а барскій хлѣбъ хотятъ перемѣрить и разобрать теперь-же; „а меня и въ дѣлежъ барскаго хлѣба не хотятъ пускать; коли не пустятъ, я самому исправнику пожалуюсь", заключилъ Сидоръ.

Хотя и поѣхалъ я въ Мурасу, но слова солиднаго и разумнаго мужика Сидора заставили меня перемѣнить путь. Раздѣлъ барскаго хлѣба и амбаровъ въ Кокряти грозилъ распространиться и на другія села. Велѣлъ повернуть лошадей въ Бездну, гдѣ разсчитывалъ найти предводителя Молоствова, передать ему что видѣлъ въ Кокряти и что крестьяне намѣрены тамъ дѣлать. По дорогѣ къ Безднѣ мы часто обгоняли крестьянъ, которые шли караулить Антона. Такъ какъ я ѣхалъ на парѣ съ колокольчикомъ, то крестьяне снимали шапки, кланялись, и

какія все типичныя лица! Молодыхъ почти не было; большинство глядѣло лѣтъ за сорокъ. Шли они какъ на праздникъ или какъ на богомолье: новые кафтаны, нарядные кушаки, въ рукахъ узелки съ хлѣбомъ и подоги, какъ обыкновенно у дальнихъ прохожихъ. Партіи были въ 2, въ 3 и въ 5 человѣкъ; нѣкоторыя партіи Сидоръ спрашивалъ: „Откуда? Чьи вы будете?“ Отвѣты получались все изъ дальнихъ селеній, за 60 и 80 верстъ отъ Бездны. Въ одномъ мѣстѣ дорога шла въ гору; снѣгъ на ней растаялъ; для облегченія лошадей я сошелъ съ саней и пристроился къ партіи. Меня спросили: „чьи вы будете?“ Я отвѣчалъ: „муромскій приказчикъ“.

— „Вашихъ тоже погнали Антона Петровича караулить?“

— Не знаю, отвѣтилъ я, теперь я изъ Симбирска ѣду; вотъ уже четвертый день изъ дому.

— „Такъ; но воля-то при васъ пришла?“

— Ты про какую спрашиваешь?

— „Про истинную волю; тѣ воли—что за воли, только смута одна“.

Потомъ спрашивали—работаютъ-ли въ Мурасѣ, отданы-ли лѣса мужикамъ, и другіе обычные вопросы того времени. Дорога пошла поровнѣе и мы быстро пріѣхали въ Бездну. Народу полная улица какъ на храмовомъ праздникѣ, но ни одного пьянаго. Подъѣхалъ я къ барскому дому помѣщика Мусина-Пушкина, которому принадлежала главная часть Бездны. Его не было въ селѣ и въ одномъ домѣ я нашелъ только исправника Шишкина; въ передней были разсыльные, сотникъ и десятскіе. Исправникъ мнѣ сказалъ, что В. В. Молоствовъ въ с. Три-Озера, что туда-же пріѣхалъ генералъ свиты графъ Апраксинъ и пришла рота солдатъ изъ г. Тетюшъ, Казанской губерніи; при этомъ исправникъ прибавилъ, что Антонъ выдаетъ себя за святаго, и народъ вѣритъ.

Ямщикъ Сидоръ просилъ отпустить его домой и подвезъ меня къ крестьянину, у котораго есть лошади. Лошади были въ разгонѣ, въ избѣ-же сидѣло человѣкъ десять стороннихъ мужиковъ. Разговоръ шелъ о томъ, что пригнали солдатъ съ ружьями, съ барабанщиками и казаковъ съ саблями и нагайками. Господа хотятъ распугать народъ и взять Антона Петровича. Я спросилъ—нѣтъ-ли въ селѣ мурасинскихъ? Мнѣ отвѣчали, что должны

быть, потому что народъ сгоняли изъ всѣхъ селъ и деревень; а кто не придетъ, такъ тѣмъ царь и воли не дастъ. Старикъ хозяинъ послалъ меня къ десятнику Михайлѣ. „Онъ, говоритъ, разставляетъ мужиковъ по квартирамъ и укажетъ тебѣ гдѣ мурасинскіе. У него и лошади есть, можетъ довезетъ тебя куда тебѣ надо".

На улицѣ было грязно, мы съ Сидоромъ тащились шагомъ, и онъ, показывая на множество народа, замѣтилъ: „какъ-же это господа противятся царскому приказу; посмотрите сколько за царя стоятъ; а за нихъ кто? Пустое они затѣяли, ужъ если открыли истинную волю, такъ надо-бы и имъ покориться царю!"

Въ избѣ Михайлы не оказалось; хозяйка сказала, что ему некогда везти, а съ мальчикомъ въ такую дорогу нельзя лошадей отпускать; пришлось въ Три-Озера опять ѣхать съ Сидоромъ. Онъ просилъ дозволенія съ полчаса покормить лошадей; сѣли мы и сами поѣсть гороху и лапши, которые хозяйка изготовила, чтобы кормить стороннихъ крестьянъ. Пока лошади отдыхали, разговоръ шелъ о хитростяхъ господъ, какъ они хотѣли обмануть царя и вновь закрутить крестьянъ въ барщину. Честь открытія „истинной воли" всѣ приписывали Антону Петровичу и его праведной жизни. Хозяйка вмѣшалась въ нашу бесѣду и сообщила, что недавно приходили ходоки изъ какого-то села, чтобы онъ показалъ „потайные листы". „Ходоки къ нему, подаютъ книгу, а онъ, голубчикъ, сидитъ за столомъ, подпершись на локотки, и молчитъ. „Ты что, баютъ, молчишь?" Онъ эдакъ поднялъ свѣтлы свои очи, да въ отвѣтъ имъ и баетъ: „постой, постой, еще на небѣ обѣдня не отошла!" Вотъ какъ Господь его умудрилъ; знаетъ когда обѣдня на небѣ идетъ; а мы-то грѣшные его за ледащаго мужиченку считали, и не знали, что у насъ въ Безднѣ такой Божій угодникъ живетъ!"

Я видѣлъ, что крестьяне все это слышали и знали, и понялъ, что весь разсказъ относится ко мнѣ, какъ къ барскому приказчику, который не только противъ царя, но даже и противъ Бога идетъ, потому что господами нанятъ. Поэтому замѣтилъ ей, что если въ немъ такая сила отъ Бога, то зачѣмъ-же онъ столько народа потревожилъ, чтобы его караулить: Господь сохранилъ-бы его и безъ мужиковъ конныхъ, да пѣшихъ.

Нѣсколько человѣкъ заступились за хозяйку и твердыми голосами мнѣ отвѣчали: „нечто онъ потревожилъ народъ? Мы сюда по царскому повелѣнію пришли! Мужикъ развѣ можетъ отъ себя полгуберніи народу собрать? Насъ вотъ три дня становой мнетъ, чтобы мы разошлись по домамъ, и бить и сѣчь хочетъ; да нѣтъ, руки коротки! Хочетъ господамъ угодить; прыгаетъ съ пѣною у рта кругомъ караульныхъ; всячески старается, чтобы мужики оставили Антона Петровича одного; да развѣ противъ царскаго приказа можно? Тогда царь и скажетъ: „не хотѣли постоять за мою волю, такъ и работайте опять на господъ!“ Нѣтъ, милый человѣкъ, у насъ горбы-то ужъ давно болятъ, мы еще отъ ревизіи отпущены на волю, вы насъ три года крутили въ барской работѣ, да нашею землею владѣли!“

Болѣе рѣзкаго или желчнаго разговора я не слышалъ; напротивъ, всѣ мнѣ угождали; говорили сдержанно и къ моимъ сужденіямъ относились какъ къ должнымъ, потому что я отъ господъ нанятъ, такъ и долженъ за нихъ стоять. Перешелъ разговоръ на то, что солдатъ пригнали. „Ну что-жъ, видали мы ихъ въ городахъ, остроги караулятъ, пѣсни поютъ, да на ученье ходятъ. Господская власть; приведутъ и въ села поставятъ, будемъ ихъ пѣсни слушать!“

На это я попробовалъ было возразить, что если солдатъ привели съ ружьями, то не слушаться начальства уже невозможно. Какъ не послушаетесь, не разойдетесь, то имъ скомандуютъ стрѣлять, а это кровью пахнетъ,—много будетъ поколочено и убито!

—„Слыхали это все мы отъ становаго. Ну какъ-же это возможно, чтобы въ народъ стрѣляли! Что мы развѣ бунтовщики какіе?“

Споръ нашъ прекратилъ Сидоръ, который объявилъ, что лошади готовы; разстались мы дружелюбно, а наиболѣе рѣзкій мужикъ попробовалъ солому въ саняхъ и сложилъ рогожку на сидѣньѣ. До Трехъ-Озеръ всего семь верстъ; полемъ еще вездѣ былъ снѣгъ, и мы быстро подкатили къ дому В. В. Молоствова. На крыльцѣ и въ лакейской стояли человѣкъ шесть уральскихъ казаковъ. Молоствовъ прежде служилъ въ артиллеріи и принималъ меня какъ товарища по оружію; ввелъ онъ меня въ свою комнату какъ я былъ въ полушубкѣ. „Что вы пріѣхали? У васъ въ Мурасѣ тоже неблагополучно?“

Я отвѣтилъ:—Нѣтъ, у насъ все хорошо; а я въ Кокрятѣ видѣлъ, что хотятъ Наумова хлѣбъ дѣлить; боюсь какъ бы это не развилось по другимъ мѣстамъ. Да и въ Безднѣ у васъ что-то затѣвается, такъ не могу-ли я быть вамъ полезнымъ?"

— „Еще-бы! теперь каждый намъ дорогъ. Спасибо вамъ, мы здѣсь одни съ женою. Пойдемте, я васъ представлю графу Апраксину".

Гр. Апраксинъ разговаривалъ съ ротнымъ командиромъ, который привелъ свою роту изъ Тетюшъ. Когда графъ узналъ, что я артиллерійскій офицеръ, то сталъ нарочно говорить съ ротнымъ громко и посматривалъ на насъ, чтобы мы приняли участіе въ разговорѣ. Этотъ эпизодъ у меня такъ плохо сохранился въ памяти, что я боюсь быть неточнымъ и выпускаю его изъ печати.

Нашъ военный разговоръ кончился тѣмъ, что графъ меня просилъ отвезти депешу въ Казань и поторопиться привезти отвѣтъ отъ военнаго губернатора, Козлянинова. При этомъ сказалъ: „возьмите съ собою казака, а то-одному опасно; бунтъ идетъ вплоть до Камы". Я отвѣтилъ, что дорога очень плоха и лишняя тяжесть замедлитъ ѣзду, что по дорогамъ совершенно спокойно, къ тому-же у меня есть револьверъ. Графъ на конвертѣ написалъ, что депешу доставляетъ очевидецъ всего. Я поскакалъ.

Въ Казани я былъ около двѣнадцати часовъ ночи; губернаторъ уже легъ. Я велѣлъ доложить, что по экстренному дѣлу, съ депешою отъ гр. Апраксина, и что прошу принять меня въ постели, чтобы не терять времени. Губернаторъ принялъ меня въ ту-же минуту. Я обратилъ его вниманіе на конвертъ. „Ахъ какъ я радъ, что ты (я былъ въ нагольномъ полушубкѣ) очевидецъ. Кто у васъ тамъ бунтуетъ? Найдены-ли зачинщики? Чѣмъ вооружены крестьяне? Кто ими командуетъ? Успѣлъ-ли Апраксинъ поставить караулъ, чтобы не пропускать черезъ Волгу? Можно-ли пушки провезти черезъ Каму?" и т. д. засыпалъ меня вопросами губернаторъ. По всѣмъ вопросамъ видно было, что въ Казани, въ 115 верстахъ отъ Бездны, совершенно не понимали характера народнаго волненія. Въ Казани вспомнили, что въ этомъ углу между Камою и Волгою былъ когда-то Пугачевъ, и вообразили, что Антонъ безднинскій—его подражатель.

Я сказалъ, что организаціи у крестьянъ никакой нѣтъ, что это прямое недоразумѣніе легковѣрной и безграмотной толпы. Сошлись крестьяне съ подожками и котомочками, какъ они ходятъ на богомолье; что пушекъ не можетъ понадобиться, потому что никакого активнаго дѣйствія отъ крестьянъ ожидать нельзя. Но нѣсколько ротъ солдатъ были-бы полезны для того, чтобы не допустить дѣлежъ барскаго хлѣба, который крестьяне считаютъ своимъ, ибо они увѣрены, что крестьяне отпущены на волю еще послѣ 10-й ревизіи и что господа несправедливо заставляли ихъ три года этотъ хлѣбъ работать.

Губернаторъ позвонилъ лакея, велѣлъ подать перо и бумагу, запечаталъ депешу и вполнѣ вѣжливо меня отправилъ. Дорогою, на переправѣ черезъ рѣку Мачкалу, я встрѣтилъ четырехмѣстную коляску въ восемь лошадей. Ѣхали изъ Никольскаго (4 версты отъ Бездны) барыни и барышни Молоствовы. На козлахъ сидѣлъ лакей съ кинжаломъ и съ парой пистолетовъ за поясомъ. Это бѣгство, подумалъ я, подольетъ въ Казани масло въ огонь, и подорветъ вѣру въ мои слова.

Пойму рѣки Камы проѣзжалъ я на разсвѣтѣ; лебеди паслись по лугавинамъ, подпускали на пистолетный выстрѣлъ; но въ этотъ тяжелый день такъ въ моемъ воображеніи все пахло кровью, что у меня руки опускались ихъ стрѣлять. При перемѣнѣ лошадей въ Спасскѣ, я спрашивалъ что̀ дѣлается въ Безднѣ? Но никто пока ничего вѣрнаго не зналъ. Верстахъ въ трехъ за Спасскомъ я встрѣтилъ одного офицера на тройкѣ, подошелъ къ нему и онъ мнѣ сказалъ, что побоище было севастопольское. Въ пяти верстахъ отъ Бездны я встрѣтилъ длинные крестьянскіе роспуски, запряженные тройкою. На роспускахъ сидѣли связанные двое мужчинъ и одна женщина, семья Антона. Самъ онъ худой, бѣлое безжизненное лицо и небольшая черная бородка. Кругомъ роспусковъ шло до 30-ти инвалидныхъ солдатъ съ ружьями, а сзади барабанщикъ. Мой ямщикъ долго смотрѣлъ въ слѣдъ этой процессіи; снялъ шапку, перекрестился, обратился ко мнѣ и говоритъ: „Антона Петровича везутъ; что теперь съ нимъ дѣлать будутъ?“ Я отвѣтилъ, что посадятъ въ острогъ, а потомъ судить будутъ. „Да въ чемъ-же провинность-то его? Вѣдь онъ въ царской книгѣ показывалъ народу гдѣ „истинную волю“ искать,—развѣ это запрещено?“

Я пояснилъ, что провинность не въ этомъ, а въ томъ, что онъ обманывалъ народъ, говорилъ, будто, отъ царя письма получаетъ; царскимъ именемъ собралъ толпу людей съ трехъ уѣздовъ; подговаривалъ ее не слушаться начальства и довелъ до того, что теперь войско стрѣляло въ народъ.

Помню, что это былъ ясный весенній и теплый день, кажется 7-е апрѣля. Бездна была уже въ виду, и изъ нея по дорогѣ тянулся обозъ, на дровняхъ, на саняхъ и на телѣгахъ.....

.... Когда всѣ нѣсколько успокоились и стали дѣлиться впечатлѣніями, то далъ и я волю своему любопытству. Я разспрашивалъ о томъ, что̀ было безъ меня, какъ началось и какъ все произошло? Изъ разсказовъ участвовавшихъ, потерпѣвшихъ, стрѣлявшихъ, бѣжавшихъ и стороннихъ очевидцевъ всего происшедшаго у меня врѣзалась въ мозгу послѣдовательная картина, которую здѣсь передаю. При этомъ оговариваюсь, что все то, что я видѣлъ своими глазами, то считаю вполнѣ вѣрнымъ. Все-же то, что мнѣ говорили очевидцы и участники, то можетъ въ мелочахъ оказаться не съ фотографической точностью съ происходившимъ на дѣлѣ. Надо принять въ соображеніе, что когда льется кровь, то трудно быть хладнокровнымъ и разсудительнымъ. Разсказывали-же мнѣ люди еще подъ впечатлѣніемъ этой крови.

III.

Около 7 часовъ утра пріѣхали въ Бездну графъ Апраксинъ, который былъ командированъ въ Казанскую губернію съ особыми полномочіями для объявленія Положенія о крестьянахъ. Въ Безднѣ въ это время были: уѣздный предводитель В. В. Молоствовъ, исправникъ Шишкинъ, становой, не помню фамилію, помѣщикъ села Никольскаго г. Молоствовъ и кто-то изъ купцовъ гор. Спасска. Во дворѣ барскаго дома стояли во фронтѣ: рота пѣхотнаго полка около 200 чел., при ротномъ командирѣ, и инвалидная команда 30 чел., при гарнизонномъ офицерѣ. Генералу графу Апраксину войска взяли „на-краулъ!“, барабанщикъ пробилъ честь; густая толпа мальчишекъ зѣвала на эту церемонію, такъ какъ солдаты были рѣдкостью въ этой мѣстности.

Послѣ пріѣзда графа, предводитель дворянства и исправникъ еще разъ пошли въ толпу къ избѣ Антона уговорить мужиковъ, чтобы они разошлись по домамъ. Но въ избу ихъ не впустили, отвѣчали имъ хотя почтительно, однако съ такимъ упорствомъ, что всякіе разговоры пришлось прекратить.

Графъ призвалъ въ домъ ротнаго и инвалиднаго офицеровъ и отдалъ приказаніе, чтобы третья шеренга зарядила ружья холостыми зарядами, а 1-я и 2-я—боевыми,—тогда былъ еще трехъ-шереножный строй. Подъ барабанный маршъ войска прошли по улицѣ къ избѣ Антона, которая помѣщалась близь окраины села, упирающейся въ рѣку Бездну. Шагахъ въ 60-ти отъ толпы выстроили солдатъ фронтомъ къ избѣ. Крестьяне съ любопытствомъ на все это глядѣли, а становой приставъ раздвигалъ и разгонялъ мужиковъ отъ оконъ избы Антона, для того чтобы онъ самъ увидѣлъ солдатъ, вышелъ-бы и не губилъ-бы народъ. Раздвинуть толпу, однако, не удалось; мужики воображали, что солдаты силою войдутъ въ избу и возьмутъ Антона, поэтому они все гуще и гуще собирались къ избѣ. Масса народа была такъ велика, что загораживала собою четыре сосѣднихъ усадьбы. Возлѣ избъ и дворовъ стояли сани, телѣги и другіе возвышенные предметы, на которые взобрались мужики, чтобы виднѣе было солдатъ и начальство. Съ телѣгъ народъ перебрался на заборы, на ворота, на повѣти и на крыши домовъ. Отъ фронта солдатъ, по словамъ одного унтеръ-офицера, народъ представлялъ изъ себя сплошную мишень, сдѣланную изъ головъ. По словамъ ротнаго это былъ амфитеатръ въ 40 саженъ шириною и въ 4 или 5 саженъ вышиною; ни одна пуля не могла пройти мимо; а по близости разстоянія и по силѣ зарядовъ каждая пуля могла убивать двоихъ и троихъ.

Только-что рота выстроилась, подъѣхалъ графъ; скомандовали „на-краулъ", мужики сняли шапки, барабанъ билъ встрѣчу генералу, а въ это время, по словамъ становаго, чей-то голосъ кричалъ изъ окна избы Антона: „не бойтесь, это васъ пужаютъ!" Изъ окна за толпою не было видно ни солдатъ, ни пріѣзда генерала.

Барабанъ и солдаты привлекли толпу мальчишекъ передъ фронтъ, и ихъ тотчасъ-же В. В. Молоствовъ велѣлъ прогнать. Казаки, исправникъ, становой и сотники прогнали мальчишекъ. Надо замѣтить, что сотскіе и десятскіе были собраны какъ изъ

Бездны, такъ и изъ сосѣднихъ селеній во множествѣ и никогда не выходили изъ повиновенія. Очищенную отъ мальчишекъ площадь охраняла цѣпь пѣшихъ казаковъ съ обѣихъ сторонъ; десятникамъ велѣно было прогнать мальчишекъ по домамъ.

На площадь вышелъ священникъ съ крестомъ и обратился къ народу съ рѣчью, въ которой увѣщевалъ „повиноваться и разойтись". Въ это время изъ окна избы раздался голосъ: „не слушайте его, онъ подкупной!" Толпа подхватила: „подкупной, подкупной!"

Всталъ передъ фронтъ гр. Апраксинъ и сказалъ народу, что онъ присланъ отъ государя императора и именемъ его повелѣваетъ разойтись и выдать Антона. Раздались голоса: „не выдадимъ! не выдадимъ!" Толпа подхватила: „не выдадимъ!"

Всталъ вплоть къ народу В. В. Молоствовъ и говорилъ, что будутъ стрѣлять, что будутъ убивать тѣхъ, кто не отойдетъ отъ избы и не уйдетъ отсюда. „Мнѣ жалко васъ, что вы, по глупости своей, семьи свои сиротами сдѣлаете, калѣками домой явитесь. Пожалѣйте свои семьи!" Слушали его всѣ безъ шапокъ, въ поясъ кланялись, отвѣчали: „знаемъ, что ты насъ жалѣешь; безъ царской воли не уйдемъ."

Говорилъ потомъ исправникъ, но его скоро прервалъ общій крикъ: „довольно!"

Началъ было говорить опять гр. Апраксинъ, но его на первыхъ-же словахъ заглушили крикомъ: „довольно!", „слышали!" Тогда онъ обратился къ ротному и приказалъ пробить „экзекуцію". Барабанщикъ пробилъ. Вышелъ опять В. В. Молоствовъ, сказалъ, что „войско не можетъ уйти, не разогнавши васъ пулями; послѣ третьяго барабана въ васъ стрѣлять начнутъ; уходите по домамъ"!—„Не уйдемъ безъ царской воли!"

Графъ порывисто скомандовалъ: „Барабанъ!" Дробь окончилась. Подошелъ къ графу священникъ и попросилъ сказать напутствіе. Священникъ обратился къ народу и почти рыдающимъ голосомъ говорилъ, чтобы покаялись и каждый въ душѣ своей исповѣдалъ-бы грѣхи свои; что по ихъ заблужденію смерть идетъ неминучая. „Кто не готовъ къ смерти по грѣхамъ своимъ и не хочетъ умереть безъ причащенія, пусть тѣ отойдутъ, и я ихъ запасными дарами пріобщу. Барабанъ еще не пробилъ третій разъ, есть время вспомнить о Богѣ, о душѣ. Отойдите

отъ непокорныхъ! Подойдите хоть къ кресту приложиться! Перекреститесь хотя издали, молю васъ...". Голосъ изъ окна ему не далъ докончить: „довольно!" Вдали толпа крикнула: „довольно, довольно!"

Священникъ широкимъ крестомъ осѣнилъ народъ; вся ближайшая толпа набожно перекрестилась, многіе утирали слезы.

Графъ твердо скомандовалъ: „третій разъ барабанъ!" Дробь окончилась. „Пальба шеренгою; третья шеренга!"

Ротный гаркнулъ: „товсь! Третья шеренга, вверхъ, клацъ! Пли!" Залпъ раздался, умолкъ, а изъ окна кто-то закричалъ: „не бойтесь! Пугаютъ!" Толпа подхватила: „пугаютъ!", „не расходитесь!"

Особенно энергичный крикъ раздавался изъ одного угла толпы, которая помѣщалась на косогорѣ близь избы Антона. Графъ скомандовалъ: „пальба отдѣленіями!" „Пустите-ка туда въ этихъ крикуновъ!" Ротный подхватилъ команду: „пальба отдѣленіями; правый флангъ начинай! Унтеръ-офицеры не зѣвать!" Унтеръ-офицеръ командуетъ: „первое отдѣленіе, клацъ!" Ротный показалъ солдатамъ: „цѣлься вотъ въ тѣхъ крикуновъ!" „Пли!" Въ густой толпѣ казалось, что никакого эфекта эти двѣнадцать пуль не произвели.

Съ другой стороны гаркнула кучка: „стойте крѣпко! Пугаютъ!" Слѣдующее отдѣленіе пустило пули въ эту сторону. Изъ окна крикнули: „крѣпко стойте, только три раза стрѣлять будутъ!" Толпа завопила тѣ-же слова; а унтеръ-офицеры дѣлали свое дѣло: „клацъ! Пли!" Народъ сталъ падать десятками; а такъ какъ ни вправо, ни влѣво за тѣснотою нельзя было раздаться, то толпа заволновалась и шарахнулась бѣжать ближе къ фронту. Крикъ, гамъ, вопли, топотъ, дымъ и громкій голосъ какого-то казака: „обходятъ!" сбили пальбу съ очереди и она превратилась въ „бѣглый огонь" (пальбу рядами). Паника была, можетъ быть, только одну минуту, но пока скомандовали „отбой", пока барабанщикъ пробилъ дробь, народъ бѣжалъ, падалъ, кувыркался, прыгали съ крышъ, прятались во дворы, бросались подъ кручу берега р. Бездны, перебѣгали рѣку, разсыпались по огородамъ, по полю и густою массою бѣжали по улицѣ.

Въ избѣ и въ сѣняхъ Антона толпились въ страхѣ мужики и боялись оттуда выдти. Никольскій помѣщикъ Молоствовъ схватилъ двоихъ десятниковъ изъ Никольскаго и сказалъ имъ:

„ступайте и выведите сюда Антона, а то опять будутъ стрѣлять!“ Черезъ минуту они вывели Антона подъ руки. Онъ былъ въ бѣлой длинной рубахѣ, поверхъ одежды, какъ эти сектанты одѣвались на молитву; на головѣ, въ родѣ евангелія, онъ несъ Положеніе, и безсознательно бормоталъ: „истинная воля, истинная воля...“ Казаки его перехватили отъ десятниковъ и подвели къ графу, который, показавъ на площадь, усѣянную трупами и ранеными, сказалъ Антону: „посмотри, подлецъ, что ты сдѣлалъ, сколько погубилъ ты народа!“ Антонъ только твердилъ: „истинная воля...“ и трясся какъ осиновый листъ. „Связать его и всѣхъ, которые были въ избѣ!“ Графъ отправился въ домъ; туда-же привели и роту.

Когда вывели Антона, то въ избѣ осталась только его семья; всѣ остальные разбѣжались черезъ зады. Становой тотчасъ-же велѣлъ нарядить подводы, чтобы убитыхъ отвезти къ церкви, а раненыхъ—по домамъ. Пока десятники бѣгали по наряду, пока запрягали лошадей, обезумѣвшіе сторонніе мужики пришли въ себя и стали разыскивать своихъ односельцевъ. Бездницамъ, какъ смутчикамъ всего Заволжья, велѣно даромъ развозить убитыхъ и легко раненыхъ, хоть за сто верстъ, съ нихъ-же велѣно собрать посуду, хлѣбъ, пищу, холсты и все, что потребно для больницы, которая отведена въ барскомъ флигелѣ. Оставшіеся въ живыхъ сторонніе мужики многіе бѣжали прямо въ свои села; туда-же доплелись кое-какъ и легко раненые, которыхъ попутныя деревни везли на даровыхъ мірскихъ подводахъ. Болѣе сострадательные люди разыскивали своихъ товарищей, чтобы убитыхъ и раненыхъ привезти въ ихъ семьи.

Вотъ краткій очеркъ того дня, о которомъ я разспрашивалъ встрѣчнаго и поперечнаго и который въ 30 лѣтъ времени не выходилъ у меня изъ головы. Разсказъ не полонъ,—быть можетъ, иному покажется и одностороненъ; поэтому желательно встрѣтить поправки, дополненія и возраженія съ другихъ сторонъ. Тридцать лѣтъ—такое время, которое принадлежитъ уже исторіи, поэтому разностороннее освѣщеніе этого печальнаго недоразумѣнія лежитъ на обязанности очевидцевъ.

Тогда-же старался я узнать вѣрную цифру убитыхъ и раненыхъ. Никто ея не скрывалъ, но никто тоже ни тѣхъ, ни другихъ не считалъ, а поэтому каждый говорилъ какъ ему казалось.....

IV.

Обратимся, однако, къ разсказу. День 7-го апрѣля 1861 года прошелъ въ такихъ треволненіяхъ, что мнѣ очень не хотѣлось ночевать въ Безднѣ; я нанялъ лошадь и отправился въ Гусиху, за 5 верстъ отъ Бездны. Пріѣхалъ туда засвѣтло; народъ весь былъ на улицѣ; дѣлились новостями дня и личными впечатлѣніями. Къ Антону Петрову относились съ уваженіемъ, убитыхъ жалѣли, но считали, что они приняли вѣнецъ мученичества за правду и за міръ православный. Безднинскія подводы съ ранеными и умершими перенимали въ Гусихѣ, міромъ давали свои подводы для дальнѣйшаго пути, а безднинскія отпускали домой, потому что Бездна служила общему дѣлу.

Весь вечеръ и ночь провелъ я среди народа на улицѣ; всѣ знали, что я барскій приказчикъ, но ни единаго злобнаго взгляда или рѣзкаго слова я не слышалъ. Меня даже удивляло, что мною не только никто не чуждался, но, напротивъ того, всѣ были такъ просты, миролюбивы, разговорчивы и гостепріимны, что вѣкъ этой русской доброты не забудешь. Раскрывало мнѣ глаза и на то общее дѣло, которое сознается въ массѣ народа какъ д о л г ъ. Эти часы смерти и общей бѣды наблюдательному этнографу напомнили-бы эпохи сплоченія народа въ русской исторіи. Село Гусиха разнопомѣстное: тамъ, кажется, болѣе десяти отдѣльныхъ сельскихъ обществъ, которыя вѣчно ведутъ споры за повинности. Этотъ день ихъ такъ сплотилъ, что всѣ были какъ одна семья.

Между глупыми разсказами очевидцевъ, что будто пули пролетали сквозь грудь человѣка и онъ все-таки стоялъ на ногахъ, что нѣкоторыя пули отскакивали отъ головъ и прыгали по людямъ, удавалось услышать и характерныя выраженія....

Со свѣтомъ поднялъ меня нанятый крестьянинъ, чтобы по морозу сдѣлать пряжку. Разумѣется, всю дорогу былъ у насъ съ нимъ разговоръ о вчерашнемъ днѣ, о будущей судьбѣ Антона Петрова, и всѣ эти обстоятельства вселили въ моемъ собесѣдникѣ увѣренность, что „теперь уже господа волю не украдутъ“. На слѣдующей перепряжкѣ мнѣ сказали, что шли въ Бездну и мурасинскіе крестьяне, наряженные караулить Антона

Петрова, но встрѣчные мужики ихъ вернули съ дороги, сказавъ, что все кончено. Я спросилъ кто былъ наряженъ; мнѣ отвѣтили, что признали только Василія Елхова, а другихъ не знаютъ. Въ это село слухъ о побоищѣ пришелъ не въ изуродованномъ видѣ, и возбудилъ тѣ-же чувства, какъ и въ Гусихѣ.

Въ Мурасу я и мой ямщикъ привезли первыя вѣсти о Безднѣ. Наряженные на караулъ Антона крестьяне еще не вернулись, хотя шли прямою дорогою, но слухъ отъ ямщика разлетѣлся по селу. Черезъ полчаса въ контору прибѣжали жены караульщиковъ узнать отъ меня—живы-ли ихъ мужья. Я сказалъ, что они не успѣли дойти, скоро вернутся; тогда жена Елхова сказала: „ужъ моего Василья безпремѣнно-бы убили; онъ всегда впередъ людей лѣзетъ". Оказалось, что черезъ Мурасу точно также проѣзжали посланцы изъ Бездны сгонять народъ, и міръ имъ далъ тройку лошадей для дальнѣйшаго пути въ Чистопольскій уѣздъ.

Вечеромъ въ контору пришелъ Елховъ узнать отъ меня какъ все было дѣло. Я разсказалъ и говорю:

„Счастливъ ты, Василій Васильичъ, что не дошелъ до Бездны, лежать-бы тебѣ тамъ въ сырой землѣ".

— „Нѣтъ, Николай Александровичъ, тутъ счастья никакого нѣтъ: люди положили за мірское дѣло свою душу, а мурасинцы словно татары. Надо было на подводахъ ѣхать, тогда-бы мы поспѣли, да на подводахъ-то нельзя было, въ Алпаровѣ уже мостъ разобрали, а на рѣкѣ обережья оттаяли, поэтому пѣшкомъ и пошли. Благодаримъ, что правду намъ разсказываете; мужики, которые насъ встрѣтили, то-же самое говорили, что и вы".

Мало селеній оставалось въ Спасскомъ уѣздѣ, которыя отдѣлались-бы такъ дешево, какъ Мураса, но общее впечатлѣніе на нашихъ крестьянъ все-таки было угнетающее. Къ тому-же это происшествіе ободрило помѣщиковъ и приказчиковъ и сдѣлало ихъ требовательными и придирчивыми. Слухи доходили, что въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ приказчики наверстывали потерянное въ работахъ, и задавали уроки больше, чѣмъ въ крѣпостное право. Мураса была въ совершенно иныхъ условіяхъ: гуманные принципы рода Ивашевыхъ оставались обязательными для конторы. Тѣмъ болѣе, что въ это время жила въ Мурасѣ часть семьи помѣщицы, и по чувству деликатности къ побѣжденнымъ или не въ мѣру

строго наказаннымъ не желала выказать даже тѣни своего законнаго права. Какъ казалось, крестьяне это поняли и безъ всякаго понужденія или напоминанія работали безукоризненно.

Щекотливо было заводить самому разговоръ объ Антонѣ, поэтому на барщинѣ велась рѣчь объ устройствѣ волостнаго суда, объ уставныхъ грамотахъ, о будущихъ мировыхъ посредникахъ и проч., которыхъ и крестьяне и помѣщики ждали съ нетерпѣніемъ, какъ развязки переходнаго времени.

Дней черезъ десять пришло изъ Спасска увѣдомленіе отъ полиціи, чтобы выслать въ Бездну изъ каждаго сельскаго общества: сотника и двоихъ рядовыхъ крестьянъ, для выслушанія приговора военнаго суда надъ Антономъ Петровымъ. Изъ Мурасы поѣхали сотникъ Павелъ и двое назначенныхъ міромъ. Когда возвратились, сотникъ пришелъ прямо въ барскій домъ доложить. Вышелъ къ нему баринъ Н. А. Е. и говоритъ: „ты что, Павелъ, пришелъ?"

— „Да вотъ, вернулся изъ Бездны, такъ исправникъ приказалъ всѣмъ разсказать что̀ я слышалъ и видѣлъ въ Безднѣ".

„Что-жъ ты тамъ слышалъ и видѣлъ?"

— „На барскомъ дворѣ тамъ двѣ пушки стоятъ; а потомъ тамъ Антона Петровича судили".....

.... Въ чувашскомъ селѣ Ехтубаевѣ пріятель мой, чувашанинъ, пожилой и разумный мужикъ, спрашивалъ меня по секрету: „скажи, пожалуйста, правда-ли, что отъ господъ русскихъ мужиковъ отберутъ, потому что они уже двѣсти годовъ отработали, а вмѣсто ихъ насъ, чувашей, дадутъ господамъ двѣсти лѣтъ раротать?"

— „Нѣтъ, это неправда, все пустое. А кто тебѣ это сказалъ?"

„Купецъ изъ Москвы ѣхалъ въ Мензелинскъ, и говорилъ это нашимъ ямщикамъ".

— „Что-же ваши чуваши вѣрятъ этому?", спросилъ я его.

„Какъ-же не вѣрить,—вѣрятъ; мы, говорятъ, всѣ за Каму уйдемъ, тамъ господъ нѣтъ".

— „Зачѣмъ-же всякому вруну вѣрите?"

„Нельзя не вѣрить, купецъ въ Москвѣ слышалъ, и на Бездну указывалъ, говорилъ: „всякому своей скотины жалко, а чужой не жалко; когда русскіе мужики были барскіе, то ихъ

господа не стрѣляли, а какъ ихъ взяли у господъ, то ихъ стали стрѣлять".

Всѣхъ такихъ разсказовъ нельзя было и переслушать; каждый уѣздъ и каждое село давали новые варіанты. Надо, однако, замѣтить, что отъ крестьянъ, какъ развитыхъ, такъ и полуидіотовъ, мнѣ не удавалось слышать ни единаго упрека Антону. Память о немъ, въ видѣ какого-то смутнаго подвига за народъ, еще сохраняется въ Спасскомъ уѣздѣ. Лѣтъ пятнадцать назадъ, былъ я въ Безднѣ, уже у новаго владѣльца ея В. П. Р. Пока я бесѣдовалъ въ барскомъ домѣ, кучеръ мой изъ дворовыхъ былъ въ кузницѣ. Пришли туда бездницскіе крестьяне, а кучеръ съ кузнецомъ начали подшучивать надъ Антономъ; тогда крестьяне съ полнымъ достоинствомъ такой отпоръ дали этимъ дворовымъ зубоскаламъ, что кучеръ поскорѣе удалился къ своимъ лошадямъ.

Въ началѣ мая, въ разгаръ яроваго сѣва, дождались мы, наконецъ, утвержденія мировыхъ посредниковъ, которые стали разъѣзжать по своимъ участкамъ. Село Мураса попало въ участокъ Д. Н. Колбецкаго, оставившаго по себѣ прекрасную память какъ у помѣщиковъ, такъ и у крестьянъ. Дѣятельность посредниковъ началась съ образованія волостей, сельскихъ обществъ, выбора должностныхъ лицъ, устройства волостныхъ судовъ и т. под. Д. Н. Колбецкій такъ толково разъяснилъ крестьянамъ важность и силу ихъ должностныхъ лицъ, особенно волостнаго старшины и судей, что крестьяне на первое трехлѣтіе выбрали самыхъ лучшихъ людей.

Разскажу при этомъ демократическую черту нашего сельскаго строя. Когда посредникъ предложилъ огромному сельскому сходу выбрать сельскаго старосту и объяснилъ право старосты наказывать крестьянъ штрафомъ до одного рубля и работою и арестомъ до двухъ дней, то общій голосъ указалъ на одного старика, бывшаго барскаго старосту. Онъ отказался, на что имѣлъ право по 60-ти лѣтнему возрасту. Какъ міръ и посредникъ его ни упрашивали, онъ настоялъ на своемъ, такъ что выбрали другаго. Я послѣ спросилъ его, почему онъ не пошелъ въ старосты. На это онъ мнѣ отвѣтилъ: „назначить меня по возрасту не могли, а добровольно итти въ начальники нельзя;

потому что, кто напрашивается въ начальники, съ того Христосъ крестъ снимаетъ". Впослѣдствіи, хорошо знакомясь съ великорусскими губерніями, я не встрѣчалъ, чтобы сельскіе старосты когда-нибудь употребляли свое право штрафовать крестьянъ, несмотря на то, что многіе посредники долго добивались того, чтобы превратить сельскихъ старостъ изъ мірскихъ распорядителей и исполнителей въ начальники надъ міромъ; такъ что ст. 64 общ. пол. о крестьянахъ, предоставляющая старостамъ право наказывать крестьянъ, осталась мертворожденною.

По окончаніи устройства Мурасинской волости и сельскихъ обществъ въ ней, мировой посредникъ уѣхалъ, и изъ Мурасы ни разу не поступало къ нему никакихъ жалобъ. Крестьяне работали какъ слѣдуетъ, а для караула лѣсовъ были наняты сторонніе люди. Разговоръ о кражѣ господами „истинной воли" сталъ исчезать и подъ благотворнымъ вліяніемъ мировыхъ посредниковъ быстро смѣнился полюбовными соглашеніями для составленія уставныхъ грамотъ.

Въ южный участокъ Спасскаго уѣзда въ мировые посредники былъ назначенъ молодой дѣятель М. П. Г., разомъ выказавшій свои выдающіяся способности. До его утвержденія, въ одномъ селѣ, изъ простаго крестьянскаго недоразумѣнія, помѣщикъ и полиція сдѣлали бунтъ; написали въ Казань, и оттуда былъ присланъ полковникъ Э. для усмиренія. День усмиренія бунта совпалъ со днемъ утвержденія М. П. Г. въ должности мироваго посредника. Полковникъ и новый посредникъ съѣхались въ этомъ селѣ; полковникъ первенствовалъ. Онъ велѣлъ изъ всего схода выбрать 20 уполномоченныхъ и привести къ нему на барскій дворъ. Привели. Полковникъ вышелъ и гаркнулъ: „какъ вы смѣете бунтовать! вы забыли Бездну! я васъ на смерть запорю!" И тому подобными возгласами забросалъ оторопѣвшихъ мужиковъ, а въ заключеніе крикнулъ: „становись на колѣни!" Передніе мужики начали уже опускаться, а сзади стоявшій мужикъ сказалъ имъ: „не становись на колѣни!" Тутъ полковникъ вышелъ изъ себя: „кто осмѣлился сказать: не становись на колѣни? Розогъ!!"

Въ это время вышелъ изъ дому и новый посредникъ. Видитъ онъ, что почтеннаго, оробѣвшаго старика раздѣваютъ, чтобы отпороть розгами; прислушался къ крику полковника, уразу-

41*

мѣлъ въ чемъ дѣло, и невозмутимо спокойнымъ голосомъ говоритъ полковнику: „кажется, тутъ маленькое недоразумѣніе? У насъ мужики становятся на колѣни при всякомъ удобномъ случаѣ, а помѣщики имъ всегда приказываютъ: „не становись на колѣни.“ Прежде чѣмъ сѣчь этого старика, не позволите-ли вы мнѣ спросить его, почему онъ сказалъ эту фразу?“

Полковникъ отрывисто отвѣчалъ: „спросите!“

Посредникъ обратился спокойно къ старику: „что ты сказалъ?“

Старикъ круто повернулъ ухо: „глуховатъ я, батюшка, не слышу“.

Вопросъ повторенъ громче, и старикъ отвѣчаетъ: „баринъ не велитъ на колѣни становиться, а они все-таки становятся, я и сказалъ, чтобы не становились“.

Полковникъ приказалъ сердито: „убрать розги!“

Бунтъ тогда-же превращенъ посредникомъ въ недоразумѣніе и улаженъ въ полчаса полюбовнымъ соглашеніемъ помѣщика съ крестьянами.

Послѣ введенія мировыхъ посредниковъ, розги были убраны совершенно и остались только въ приговорахъ волостнаго суда. И хотя волостной судъ практиковалъ эту мѣру наказанія, но съ большимъ разборомъ проступковъ и возраста провинившихся. Несмотря на это, тишина, спокойствіе, исправное отбываніе повинностей и оброковъ велись примѣрно.

Н. А. Крыловъ.

ВОСПОМИНАНІЯ ОРДИНАРЦА О ВОЙНѢ 1877—1878 ГГ.

IV [1]).

Первый бивакъ на непріятельской землѣ.—Тырново.—Первая дальняя командировка.

Мостъ еще не былъ наведенъ, и войска продолжали переправляться черезъ Дунай на плотахъ и понтонахъ. Въ кавалеріи ощущался сильный недостатокъ; въ это время былъ поданъ проектъ великому князю, въ которомъ предлагали переправить кавалерійскую часть вплавь и совершить рейдъ по направленію къ Никополю и Виддину, чтобъ освѣтить мѣстность и нагнать панику на непріятеля. Предпріятіе это, какъ крайне рискованное, было отклонено. Тогда ген. Скобелевъ, одинъ изъ сторонниковъ подобной переправы, желая доказать, что это возможно, раздѣлся, сѣлъ верхомъ на коня и въ рубашкѣ, съ однимъ георгіевскимъ крестомъ на шеѣ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ охотниковъ осетинъ и казаковъ Владикавказскаго коннаго полка, пустился черезъ Дунай. Два раза онъ чуть не утонулъ и съ неимовѣрными усиліями добрался таки до другаго берега. Его лошадь пала черезъ нѣсколько часовъ, и онъ убѣдился самъ въ невыполнимости этого предложенія. Съ нимъ переплылъ до

---

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1892 г., т. LXXIV, май, стр. 419—434.

острова, находящагося почти по серединѣ Дуная, еще одинъ казакъ, остальные охотники были отбиты теченіемъ и вернулись обратно на румынскій берегъ.

Наконецъ, понтонный мостъ былъ наведенъ, главная квартира выступила изъ Зимницы, перешла Дунай, и первый нашъ бивакъ на турецкой землѣ былъ въ Царевичѣ.

Между тѣмъ, день и ночь переправлялись войска. Отрядъ Наслѣдника Цесаревича сосредоточивался по направленію Рущука, становясь заслономъ; 9-ый корпусъ, подъ командою ген.-лейт. барона Криднера, былъ направленъ къ западу на Плевно-Никополь; а летучій отрядъ [1]), подъ начальствомъ ген.-лейт. Гурко, былъ направленъ на Тырново; за нимъ потянулся и 8-й корпусъ.

На другой или третій день послѣ перехода главной квартиры черезъ Дунай, вечеромъ былъ я посланъ отвезти къ Наслѣднику Цесаревичу 4 пуда воззваній къ болгарскому народу. Понятно, подобную ношу свезти верхомъ было невозможно: мнѣ заложили какую-то одноколку, и вотъ я, вдвоемъ съ конюхомъ, ночью пускаюсь въ путь по непріятельской странѣ, какъ по собственному имѣнію. Все это казалось страннымъ. Гдѣ-же непріятель? Какъ-же онъ позволяетъ намъ такъ безцеремонно разъѣзжать по его землѣ?

Я нашелъ штабъ Рущукскаго отряда близъ Павла, куда Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ только-что прибылъ. Я имѣлъ счастіе представиться его императорскому высочеству и лично передать привезенныя воззванія; затѣмъ, согласно приказанію главнокомандующаго, я долженъ былъ, не возвращаясь на нашъ бивакъ, догнать главную квартиру на слѣдующемъ переходѣ,

---

[1]) Въ составъ этого отряда входили: стрѣлковая бригада, 6 дружинъ болгарскаго ополченія, 2 сотни пластуновъ, 2 пѣшихъ горныхъ батареи.

Драгунская бригада: полки — астраханскій и казанскій съ 16 конбатареею, подъ начальствомъ герцога Евгенія Максиміліановича Лейхтенбергскаго.

Сводная кавалерійская бригада: полки—кіевскій гусарскій и донской № 30, съ 10-ю донскою бат., подъ нач. герцога Николая Максиміліановича Лейхтенбергскаго.

Донская бригада: полки — № 21 и 26, съ донскою № 15 бат., подъ начальствомъ полковника Чернозубова.

Сводный гв. полуэскадронъ, конно-піонерный отрядъ и 1 сотня уральцевъ.

Затѣмъ къ нему была присоединена еще одна бригада 9-ой пѣх. дивизіи: полки—елецкій и сѣвскій.

въ Акчаирѣ. Въ Царевичъ пришло извѣстіе, что ген. Гурко уже занялъ Тырново. Усиленными переходами быстро двинулись мы на Иванчу и Поликраэшти, и 30-го іюня великій князь вступилъ въ древнюю столицу Болгаріи. Населеніе встрѣтило насъ восторженно, кричали: „ура, живе царь Александръ! живе княже Никола!“, бросали цвѣты. Надо отдать справедливость нашимъ солдатикамъ — они вели себя примѣрно и расплачивались за все, забираемое въ лавкахъ,—правда, за грабежъ ихъ ожидало строгое наказаніе. Братушки воспользовались этимъ обстоятельствомъ и драли за все втридорога.

Во время переходовъ до Тырново, великій князь ѣхалъ съ начальникомъ штаба въ коляскѣ, на четверкѣ вороныхъ жеребцовъ, а вся свита, въ живописныхъ группахъ, ѣхала верхами кругомъ. Въ конвоѣ былъ одинъ батальонъ пѣхоты, дивизіонъ лейбъ-казаковъ и терскій эскадронъ государева конвоя подъ начальствомъ ротм. Колюбакина, автора извѣстной пѣсни:

„Съ Богомъ, терцы, не робѣя,
Смѣло въ бой пойдемъ, друзья!
Бейте, рѣжьте, не жалѣя,
Басурманина-врага.

Тамъ, далеко за Балканы,
Русскій много разъ шагалъ,
Покоряя вражьи станы,
Гордыхъ турокъ побѣждалъ.
Такъ идемъ путемъ прадѣдовъ
Лавры, славу добывать;
Смерть за вѣру, за Россію
Можно съ радостью принять.
День двѣнадцатый апрѣля
Будемъ помнить мы всегда:
Какъ нашъ царь, отецъ державный,
Брата къ намъ подвелъ тогда;
Какъ онъ, полный царской мочи,
Съ отуманеннымъ челомъ,
„Берегите“, сказалъ, „брата,
Будьте каждый молодцемъ.
Если нужно будетъ въ дѣло
Николаю васъ пустить,
То идите въ дѣло смѣло,
Дѣдовъ славы не срамить“.

Съ Богомъ, братцы, не робѣя,
Смѣло въ бой пойдемъ друзья!
Бейте, рѣжьте, не жалѣя,
Басурманина-врага“.

Мы весело и быстро шли по Болгаріи какъ по родной матушкѣ Россіи, безъ чрезвычайныхъ мѣръ предосторожности. Вмѣсто раззоренной, выжженной страны, кишащей башибузуками и черкесами, мы нашли богатую, цвѣтущую растительность, большіе запасы хлѣба, сѣна и соломы, стада всякаго скота, роскошныя пастбища; одно, что напоминало войну,—это, что турецкія селенія всѣ были пусты, жители-турки бѣжали, а ихъ имуществомъ преспокойно завладѣли братушки-болгары.

Къ этому времени относится знаменитое изреченіе императора Вильгельма, который, поздравляя государя съ успѣшною переправою, занятіемъ Тырнова, Хайнкіоя, Шипки, Ловчи, писалъ: „Wo sind aber die Feinde?“ [1]).

Планъ главнокомандующаго состоялъ въ томъ, чтобы быстрымъ движеніемъ впередъ овладѣть проходами черезъ Балканы у Шипки и Хайнкіоя и, врѣзавшись македонскою фалангою въ непріятельскую страну, раздѣлить превосходившія насъ численностью турецкія арміи, а затѣмъ бить ихъ по частямъ. Къ сожалѣнію, вскорѣ выяснилось, что вбйска у насъ слишкомъ мало.

Между тѣмъ, паника за Балканами была страшная. Въ Адріанополѣ стали уже укладывать архивы и бумаги въ присутственныхъ мѣстахъ. „Неужели война кончится, а я такъ ничего и не увижу?“—приходило мнѣ въ голову.

На другой день, 1-го іюля, зовутъ меня къ главнокомандующему.

— „Я уже давно не имѣю извѣстій отъ Криднера, сказалъ великій князь,- онъ съ своимъ корпусомъ идетъ отъ Систова на Никополь-Плевно. Левицкій тебѣ укажетъ гдѣ его найти; передашь ему пакетъ, который получишь изъ штаба, и затѣмъ привезешь отъ него свѣдѣнія о томъ, что онъ намѣренъ дѣлать“.

Затѣмъ великій князь меня поцѣловалъ и отпустилъ. Ген. Левицкій объяснилъ мнѣ, что баронъ Криднеръ долженъ быть, въ настоящее время, вблизи д. Стижерова или Пятикладенцевъ, далъ въ мое распоряженіе шесть лейбъ-казаковъ и вручилъ пакетъ.

Сборы мои были недолги. Около 10 часовъ утра я выѣхалъ изъ Тырнова, захвативъ, кромѣ казаковъ, своего денщика съ вьючною лошадью. Жара была палящая. Я поѣхалъ заднимъ

---

[1]) „Но гдѣ же непріятель?“

слѣдомъ, по пройденному нами пути, и къ вечеру добрался до Акчаира, гдѣ рѣшилъ переночевать.

Казаки добыли себѣ гдѣ-то барана на ужинъ, но между ними не оказалось ни одного мастера-рѣзака. Стали пилить бѣдному животному горло тупымъ перочиннымъ ножемъ и никакъ не могли его зарѣзать. На счастіе подвернулся какой-то болгаринъ.

— „Умѣешь барана зарѣзать?“ спросилъ я его.

„Чекай, братушка, чекай малко“, (постой братецъ, постой немного), проговорилъ онъ и куда-то исчезъ.

Черезъ нѣсколько минутъ явился онъ съ отлично отточеннымъ ножемъ и какой-то довольно длинною дудкою, моментально зарѣзалъ барана, продѣлалъ ему дырочку въ кожѣ на животѣ, вставилъ дудку и сталъ дуть. Мы съ любопытствомъ и недоумѣніемъ смотрѣли на эту процедуру. По мѣрѣ того какъ онъ дулъ, баранъ все надувался и, наконецъ, обратился совершенно въ бурдюкъ; тогда онъ хлопнулъ его по брюху—и шкура разомъ отдѣлилась отъ туши. Ловкимъ взмахомъ ножа онъ сдѣлалъ надрѣзъ и снялъ шкуру чулкомъ; все это было исполнено замѣчательно ловко и быстро. Тогда казаки сварили себѣ нѣчто въ родѣ спартанской похлебки, которую я при всемъ голодѣ ѣсть не могъ.

На слѣдующій день, съ разсвѣтомъ, я двинулся дальше, но ни въ Стижеворѣ, ни въ Пятикладенцахъ барона Криднера не оказалось. Зной былъ ужасный, болѣе 40° Реомюру. Мои казаки и лошади утомились, — продолжать движеніе, не передохнувъ, было невозможно. Здѣсь я нашелъ расположенный на бивакѣ транспортъ съ провіантомъ; выпросилъ у интендантскаго чиновника пустую подводу; велѣлъ моимъ людямъ отдохнуть, выкормить лошадей и затѣмъ догнать меня по холодку; а самъ поѣхалъ далѣе на Марховицу, куда, по добытымъ мною свѣдѣніямъ, перешелъ 9-й корпусъ.

Въ 4 часа дня я былъ у барона Криднера. Генерала на бивакѣ не было, онъ объѣзжалъ позиціи,—мнѣ пришлось его подождать. Тѣмъ временемъ я узналъ, что на завтра предполагается взятіе крѣпости Никополя штурмомъ. Тутъ встрѣтилъ я свиты е. и. в. ген.-м. И. Н. Толстого, который, по приказанію государя, состоялъ при 9-мъ корпусѣ. Онъ зналъ меня съ дѣт-

ства, такъ какъ служилъ въ Преображенскомъ полку, въ батальонѣ моего отца. Крайне обрадовался я знакомому лицу и особенно тому ласковому, сердечному пріему, который ген. Толстой мнѣ оказалъ. Онъ пригласилъ меня въ свою палатку, накормилъ, напоилъ и даже посовѣтовалъ барону Криднеру оставить меня при себѣ на предстоявшій штурмъ. Радость моя была чрезвычайная. Наконецъ, я попадаю въ дѣло. Зная, что придется послѣ боя ѣхать съ донесеніемъ къ великому князю, я постарался разузнать что̀ дѣлалъ 9-й корпусъ до моего пріѣзда и получить всѣ диспозиціи по отряду.

Того согласія между начальниками, которое я видѣлъ въ 5-й пѣх. дивизіи, не замѣчалось между барономъ Криднеромъ и его начальникомъ штаба—ген.-маіор. Шнитниковымъ: у нихъ дѣло какъ-то не клеилось, по крайней мѣрѣ, таково было мое первое впечатлѣніе. Баронъ Криднеръ былъ высокій, сѣдой старикъ; онъ не отличался словоохотливостью и говорилъ съ сильнымъ нѣмецкимъ акцентомъ. Я его часто видѣлъ, цѣлыми часами молча шагающимъ взадъ и впередъ около своей палатки и обдумывающимъ предстоящія рѣшенія. Генералъ Шнитниковъ былъ также пожилой человѣкъ, съ бѣлою окладистою бородою, весьма живой и дѣятельный. Его отношенія къ барону Криднеру показались мнѣ настолько натянутыми, что онъ врядъ-ли могъ быть настоящимъ помощникомъ своему корпусному командиру.

Всѣ мои мысли были направлены на то, чтобы, вернувшись къ великому князю, съумѣть подробно отвѣтить на всѣ его вопросы. Ложась спать, ген. Толстой обращается ко мнѣ и говоритъ:

— „Я радъ, что судьба привела меня быть въ первый разъ въ бою съ вами, съ сыномъ моего бывшаго товарища и командира. Велите приготовить себѣ на завтра чистое бѣлье, и прочтемте главу изъ Евангелія“.

Я прослушалъ чтеніе Священнаго Писанія и, утомленный отъ переѣзда, захрапѣлъ, къ его удивленію, богатырскимъ сномъ. Вообще, я вѣрилъ въ свою судьбу, въ солдатскій образокъ, который носилъ на груди,—образокъ, сохранившій одного солдатика во время всей севастопольской обороны, и мысль о смерти не приходила мнѣ въ голову.

Уже поздно ночью разбудили меня громкіе разговоры въ

нашей палаткѣ. Это былъ начальникъ артиллерійскихъ парковъ, который до сихъ поръ не получалъ приказаній и просилъ ген. Толстого за него заступиться. Обозы были направлены по другому маршруту, который не былъ своевременно измѣненъ штабомъ 9-го корпуса: о нихъ забыли. Вообще, диспозиція на предстоявшій штурмъ во всѣ части войскъ пришла очень поздно. Кромѣ ген. Толстого, я засталъ при баронѣ Криднерѣ нѣсколько иностранныхъ военныхъ агентовъ: двухъ пруссаковъ, шведа, датчанина и японца [1]). Мнѣ хочется подробно разсказать этотъ штурмъ и, потому я долженъ вернуться назадъ и выяснить что̀ дѣлалъ 9-й корпусъ до 3-го іюля, т. е. до ночи наканунѣ штурма.

V.

Штурмъ Никополя.

Въ составъ отряда барона Криднера входили 5-я пѣхотная дивизія—полки: Архангелогородскій, Вологодскій, Костромской и Галицкій.

31-я пѣхотная дивизія — полки: Пензенскій, Тамбовскій, Козловскій и Воронежскій, (Воронежскій п. съ 3-й бат. 5-ой артил. бриг. остался у Систова для охраны моста), 5-я и 31-я артиллерійскія бригады и 2-я Донская конная батарея.

Бугскій уланскій полкъ, казачій № 9 полкъ, 5 сотенъ казачьяго № 34 полка. Одна рота 5-го сапернаго батальона и, наконецъ, сводная кавказская казачья бригада съ конногорною батареею.

Съ этими войсками баронъ Криднеръ двинулся къ Никополю на селенія: Орѣшъ, Татары, Пятикладенцы, Новачи и Марховицу. Кавказская казачья бригада входила сначала въ составъ передоваго отряда ген.-лейт. Гурко, затѣмъ была отдана въ вѣдѣніе начальника 35-ой пѣх. дивизіи, и съ 24-го іюня поступила въ распоряженіе командира 9-го корпуса. Она должна была освѣщать мѣстность по направленію Сельви-Плевно и также— стараться войти въ связь съ 8-мъ корпусомъ.

---

[1]) Пруссаки: полковникъ графъ Ведель и маіоръ Вильомъ (нынѣ состоитъ при особѣ Государя Императора), шведскій поручикъ Варбергъ, датчанинъ капитанъ Гейдеманъ и японецъ подполк. Ямазава.

В. В.

Движеніе этого отряда отъ Зимницы началось лишь 24-го іюня, такъ какъ 9-й корпусъ былъ задержанъ два дня на переправѣ.

Жара была невыносимая: особенно доставалось бѣднымъ лошадямъ. ***уланы по два дня не разсѣдлывали и уже къ 1-му іюля этотъ полкъ пришелъ въ такое состояніе, что его разъѣзды не могли догнать пѣшихъ турецкихъ патрулей. Лошади съ подпаренными и набитыми спинами отказывались итти рысью. Это весьма характерный примѣръ того, какъ быстро можно оттрепать кавалерійскую часть, не доведя ее даже до столкновенія съ непріятелемъ и, что самое главное, не вслѣдствіе дальнихъ рейдовъ или быстрыхъ переходовъ, а просто отъ нераспорядительности и отсутствія заботъ о лошади,—этого существеннаго элемента кавалеріи.

Подходя ближе къ Никополю, Костромской полкъ съ 5-ою батареею 31-ой артил. бриг. и 2 сотни Кубанскаго коннаго полка были выдвинуты къ селенію Турскій-Трестеникъ для наблюденія за дорогами, идущими изъ Ловчи и Плевны.

1-го іюля, 1-ая бригада 5-ой пѣхот. дивизіи съ тремя батареями и кавказская казачья бригада съ 6-ю горными орудіями были двинуты на лѣвый берегъ рѣки Осьмы, къ селенію Дебо. Галицкій и Тамбовскій пѣхот. полки съ двумя батареями, Бугскій уланскій полкъ и казачій № 9-й были направлены на Марховицу. Пензенскій и Тамбовскій—на деревню Лозоицу.

На 2-е іюля войска отряда получили слѣдующую диспозицію:

1) Отрядъ ген.-лейт. Шильдеръ-Шульднера (въ составѣ: 1-ой бригады 5-ой пѣхот. дивизіи при трехъ батареяхъ, Бугскаго уланскаго полка и части Кубанскаго коннаго полка при 4 орудіяхъ) долженъ былъ при с. Дебо переправиться въ бродъ черезъ р. Осьму, овладѣть непріятельскими позиціями и батареями, находящимися между нижнимъ теченіемъ этой рѣки и р. Видомъ, и войти въ связь съ отрядомъ ген.-маіора Лашкарева черезъ мостъ у селенія Мисылеу. Со стороны Плевны это движеніе должно было прикрываться кавказскою бригадою. Не знаю почему, но это порученіе выполнено не было, и въ ночь со 2-го на 3-е іюля отрядъ этотъ ночевалъ у деревни Дебо.

2) Отрядъ ген.-маіора Лашкарева (въ составѣ: Галицкаго

и Козловскаго пѣх. полковъ, роты саперъ, 5-ти батарей и Донскаго № 9 казач. полка съ Донскою батареею) долженъ былъ оставаться у с. Марховицы, выдвинувъ передовой отрядъ на селеніе Вубе. Это селеніе было захвачено двумя ротами Галицкаго полка, удержавшимися въ немъ до прибытія всего полка, который и расположился здѣсь бивакомъ.

3) Отрядъ ген.-лейт. Вельяминова (1-я бригада 31-ой пѣх. дивизіи съ двумя батареями) долженъ былъ остаться у селенія Лозоица и у мельницы, въ лощинѣ, близь деревни Ермини.

Корпусный штабъ, 2-го іюля, перешелъ въ сел. Марховицу. Генералъ Похитоновъ съ своими артиллерійскими офицерами произвелъ въ этотъ день прекрасную рекогносцировку и выбралъ мѣста для устройства батарей, долженствующихъ подготовить орудійнымъ огнемъ предстоявшій штурмъ Никополя. Ночью на 3 іюля, безъ выстрѣла и потерь, были вырыты пять батарей на высотѣ и правѣе дер. Вубе. Вотъ въ какомъ видѣ я нашелъ войска 9-го корпуса.

На 3-е іюля отрядъ получилъ слѣдующую диспозицію.

1) Отряду ген.-лейт. Шильдеръ-Шульднера двинуться съ разсвѣтомъ между р. Видомъ и Осьмою, стараясь овладѣть мостами черезъ послѣднюю рѣку, а затѣмъ дѣйствовать противъ непріятельскихъ войскъ, расположенныхъ на правомъ берегу Осьмы, для чего направить на этотъ берегъ, по овладѣніи мостомъ у Мисылеу, одинъ изъ пѣхотныхъ полковъ отряда.

2) Двумъ девяти-фунтовымъ батареямъ 5-й арт. бригады и тремъ таковымъ-же батареямъ 31-й арт. бригады занять передъ разсвѣтомъ устроенныя для нихъ закрытія и съ разсвѣтомъ открыть огонь по непріятельскимъ батареямъ, руководствуясь указаніями начальника артиллеріи.

3) Пензенскому полку прикрывать нашъ правый флангъ, для чего прибыть на разсвѣтѣ къ балкѣ Ермини и, расположившись фронтомъ къ сѣверу, занять мельницы, находящіяся въ балкѣ, и рощу, правѣе нашихъ батарей.

4) Командиру Донскаго казачьяго № 9 полка, съ двумя сотнями сего полка и одною—Донскаго казачьяго № 34 полка, по назначенію ген.-лейт. Вельяминова, охранять правый флангъ 121-го пѣх. Пензенскаго полка, имѣя особое наблюденіе за дорогою, идущею изъ Никополя на д. Тюркъ-Бѣляны.

5) Галицкому полку удерживать дер. Вубе.

6) Тамбовскому полку, при двухъ батареяхъ и двухъ сотняхъ № 34 казачьяго полка съ донскою батареею, составить общій резервъ и расположиться за серединою боевой линіи, внѣ выстрѣловъ непріятеля.

7) Козловскому полку быть въ распоряженіи ген.-маіора Лашкарева, для содѣйствія отряду ген.-лейт. Шильдеръ-Шульднера, къ овладѣнію мостомъ у Мисылеу и для совмѣстнаго наступленія по правому берегу рѣки Осьмы.

8) Двумъ сотнямъ № 9 казачьяго полка охранять нашъ лѣвый флангъ.

9) Начальствованіе надъ войсками праваго фланга, означенными въ пунктахъ 3 и 4, ввѣряется ген.-лейт. Вельяминову, а надъ войсками лѣваго фланга, означенными въ пункт. 5, 7 и 8, г.-маіору Лашкареву. Г.-маіору Бѣлокопытову руководить 122-мъ пѣх. Тамбовскимъ полкомъ, ген.-маіору Богацевичу—123-мъ пѣх. Козловскимъ полкомъ; ген.-маіору Ольдекопу находиться въ распоряженіи ген.-маіора Лашкарева, а командиру Донскаго каз. № 9 полка состоять при мнѣ [1]).

15) Я буду находиться при общемъ резервѣ, куда и присылать донесенія о ходѣ боя возможно чаще.

Подписалъ: командиръ 9-го армейскаго корпуса ген.-лейт. баронъ Криднеръ.

Съ разсвѣтомъ, около 3 часовъ утра, наши батареи, которыя ночью заняли безъ выстрѣла устроенныя для нихъ закрытія, открыли огонь по непріятельскимъ позиціямъ. Съ первымъ-же выстрѣломъ мы всѣ вскочили на ноги, наскоро напились чаю и направились за барономъ Криднеромъ къ деревнѣ Вубе.

Было чудное утро, которое обѣщало перейти въ жаркій день. Турки стали намъ отвѣчать довольно дѣятельно, но, благодаря тому, что большинство ихъ снарядовъ не разрывалось, наши пѣхотныя части, прикрывавшія артиллерію, терпѣли весьма мало. Зная, что колонна ген.-лейт. Шильдеръ - Шульднера первая начнетъ наступленіе, я попросилъ у барона Криднера разрѣшенія поѣхать съ ген. Толстымъ на нашъ лѣвый флангъ. Получивъ позволеніе, отправились мы мимо деревни Слатины, встрѣ-

[1]) Здѣсь мы выпускаемъ для краткости пункты 10, 11, 12, 13, 14 и 15, касающіеся перевязочныхъ пунктовъ, врачей, лазаретовъ, обозовъ, летучихъ парковъ и формы одежды. В. В.

тились съ ген.-лейт. Лашкаревымъ и съ нимъ вмѣстѣ направились на высоту, находящуюся южнѣе Слатинскаго оврага, откуда открывался великолѣпный видъ на всю лежащую за рѣкою Осьмою мѣстность.

Въ 6 часовъ 20 м. увидѣли мы двигавшійся отъ селенія Дебо отрядъ ген.-лейт. Шильдеръ-Шульднера. Подойдя почти къ Бресляницкой дорогѣ, Архангелогородскій полкъ былъ направленъ на сѣверо-западъ, на селеніе Градешти, а Вологодскій полкъ зашелъ лѣвымъ плечомъ впередъ и выстроился въ боевой порядокъ фронтомъ къ сѣверу. Прямо противъ него были двѣ турецкія батареи по одному орудію, которыя прикрывались стрѣлковою цѣпью. Все это перестроеніе въ боевой порядокъ, которое намъ было видно какъ на ладони, Вологодскій полкъ совершилъ въ образцовомъ порядкѣ.

Въ 7 часовъ утра раздался первый нашъ выстрѣлъ на лѣвомъ флангѣ, и завязался бой. Ген. Лашкаревъ, замѣтивъ великолѣпную артиллерійскую позицію по другую сторону Слатинскаго оврага, вызвалъ изъ резерва взводъ казачьей № 2 батареи подъ командою сотника Савченкова, который лихо вскарабкался на крутизну, снялся съ передковъ и открылъ огонь, анфилируя турокъ. Первый-же его выстрѣлъ былъ настоль удаченъ, что турки прекратили огонь, покинули позицію и отбѣжали къ люнету, который былъ построенъ перпендикулярно къ первоначальному ихъ расположенію и обращенъ фронтомъ къ деревнѣ Мисылеу; туда-же переѣхали, на нашихъ глазахъ, оба турецкія орудія. Но удачные выстрѣлы не прошли даромъ лихому взводу: изъ люнета и еще изъ двухъ редутовъ, находившихся южнѣе Никополя, турки стали сыпать въ него снарядами. Такъ какъ возвышенность, на которой мы стояли; находилась по направленію непріятельскихъ выстрѣловъ, то перелеты стали ложиться близъ насъ. Особенно звучно раздавались выстрѣлы крѣпостнаго орудія большаго калибра,—оно какъ-то ужъ очень басисто рявкало.

Не желая напрасно подвергать людей опасности, ген. Лашкаревъ велѣлъ своему конвою отъѣхать далѣе, въ лощину. Вотъ, я въ первый разъ попалъ подъ артиллерійскій огонь: не скажу, чтобъ это было очень пріятно, но къ нему можно привыкнуть, къ ружейному-же огню, и особенно къ шрапнели, привыкнуть, по моему, нельзя.

Тѣмъ временемъ ген. Шильдеръ-Шульднеръ продолжалъ атаковать турокъ и занялъ, въ 9 часовъ 30 мин., высоты, лежащія на одной линіи съ Слатинскимъ оврагомъ. Непріятель, не подпустивъ вологодцевъ и на полверсты, очистилъ позицію и въ безпорядкѣ бѣжалъ.

Здѣсь войскамъ дали передохнуть, такъ какъ солнце стало сильно припекать. Архангелогородцы, которые были двинуты лѣвѣе, скрылись изъ нашихъ глазъ за возвышенностью, имѣли нѣсколько схватокъ съ турками, къ вечеру соединились съ 1-мъ бат. Вологодскаго полка, и ночь застала ихъ на лѣвой сторонѣ рѣки Осьмы.

Въ 9 час. 15 мин. одинъ батальонъ Козловскаго полка получилъ приказаніе отъ ген. Лашкарева двинуться къ мосту черезъ рѣку Осьму (близъ Мисылеу) и затѣмъ итти правымъ берегомъ этой рѣки на Никополь.

Интересуясь тѣмъ, что дѣлалось у насъ на прочихъ пунктахъ атаки, я покинулъ ген. Лашкарева и поѣхалъ обратно къ дер. Вубе. Проѣзжая Слатинскимъ оврагомъ, я увидѣлъ самую мирную идиллическую картину. Кашевары какого-то полка варили преспокойнѣйшимъ образомъ пищу своимъ товарищамъ. Пальба была еле слышна, такъ какъ оврагъ довольно глубокъ. Все напоминало скорѣе маневры, чѣмъ сраженіе. Я страшно проголодался и съ удовольствіемъ пообѣдалъ солдатскими щами, что было весьма удачно, такъ какъ затѣмъ, до ночи, я ничего болѣе во рту не имѣлъ.

Я нашелъ барона Криднера близь общаго резерва.

Зной становился невыносимымъ. Трудно было нашей артиллеріи вредить непріятелю, такъ какъ орудія турокъ были защищены горизонтными и углубленными батареями, а пѣхотныя цѣпи были очень искусно спрятаны въ траншеяхъ. Уронъ съ ихъ стороны долженъ былъ быть небольшой, да и съ нашей былъ не великъ.

Наконецъ, въ половинѣ втораго, были выдвинуты впередъ всѣ резервы, и началось наступленіе по всей линіи.

Два батальона Тамбовскаго полка, нашъ общій резервъ, были придвинуты къ дер. Вубе и затѣмъ они были направлены правѣе Галицкаго полка.

Галичане, которые прикрывали наши батареи, были подняты

изъ траншей. Барабаны забили атаку, и съ той минуты они какъ львы пошли впередъ, занимая послѣдовательно одну за другою непріятельскія позиціи. При этомъ я былъ свидѣтелемъ съ какимъ самоотверженіемъ и удалью дѣйствовала наша артиллерія: подъ страшнымъ орудійнымъ и ружейнымъ огнемъ турокъ, она лихо выносилась въ карьеръ впередъ на позицію, снималась съ передковъ, какъ на ученьѣ, и поражала непріятеля мѣткимъ огнемъ, помогая тѣмъ нашимъ пѣхотнымъ частямъ. Козловскій полкъ пошелъ лѣвѣе Галицкаго. Батальонъ этого полка, который былъ уже ранѣе направленъ Слатинскимъ оврагомъ, перешелъ черезъ Осьму и участвовалъ съ вологодцами въ дѣйствіяхъ на лѣвомъ берегу рѣки.

Трудно пришлось двумъ батальонамъ Козловскаго полка, которые лѣзли на турецкія траншеи правымъ берегомъ Осьмы: они встрѣтились съ весьма пересѣченною мѣстностью, имъ приходилось взбираться на крутизны и подъ жестокимъ огнемъ, артиллерійскимъ и ружейнымъ, брать грудью непріятельскія позиціи.

По диспозиціи, баронъ Криднеръ долженъ былъ находиться при общемъ резервѣ, но такъ какъ съ двухъ часовъ по-полудни таковаго уже не было, то мы, волею судебъ, послѣдовали за Галицкимъ полкомъ. Часа въ три или четыре, галичане овладѣли непріятельскою батареею, и прапорщикъ Падчинъ съ 10 рядовыми 1-й стрѣлковой роты захватилъ турецкое орудіе, о чемъ я впослѣдствіи и докладывалъ главнокомандующему. Насъ довольно изрядно осыпало снарядами, большинство которыхъ весьма удачно для насъ зарывалось въ землю, вѣроятно, отъ слишкомъ большаго угла возвышенія или невѣрно пригнанной дистанціонной трубки, и не разрывалось—иначе многіе-бы изъ насъ познакомились съ перевязочнымъ пунктомъ. Я помню, между прочимъ, какъ одинъ снарядъ чуть не оторвалъ хвоста у лошади японскаго военнаго агента, который самъ, вмѣстѣ съ нами, отъ души смѣялся этому происшествію. Подполк. Ямазава почти ни слова не говорилъ ни по-русски, ни по-французски, и тѣмъ не менѣе находилъ возможность ежедневно писать длинныя донесенія на свою родину: мы всѣ удивлялись, откуда онъ почерпаетъ такую массу матеріала.

Мы шли по волнистой мѣстности, покрытой фруктовыми

деревьями, между которыми кое-гдѣ были виноградники или стояли копны уже скошенной пшеницы. Непріятельскіе стрѣлки весьма искусно примѣнялись къ мѣстности, перебѣгали послѣдовательно изъ однихъ окоповъ въ другіе и открывали по наступающимъ почти безпрерывный убійственный огонь.

Остановившись на нѣсколько минутъ близь какого-то стога скошенной пшеницы, мы вдругъ были озадачены выстрѣломъ съ тыла и свистомъ пули. По приказанію барона Криднера, конвойные казаки бросились разыскивать кто это стрѣляетъ, и нашли спрятавшагося въ одной изъ копенъ турецкаго солдата, который, несмотря на смертельную рану, не могъ удержаться, чтобы въ насъ не выстрѣлить... Онъ тутъ-же былъ приколотъ... Какъ я уже сказалъ, правѣе насъ шли тамбовцы съ 1-мъ бат. Галицкаго полка. Галичане наткнулись на большой редутъ, атаковали его, но были отброшены. Тамбовцы подоспѣли къ нимъ на выручку, но также были отбиты и даже оставили нѣсколько убитыхъ товарищей на самомъ брустверѣ. Турки изрубили эти тѣла на куски и выбросили изъ редута.

Видя подобное поруганіе надъ павшими, тамбовцы остервенились, нѣсколько разъ бросались на это укрѣпленіе и, наконецъ, имъ овладѣли. Произошла страшная рѣзня: редутъ былъ буквально заваленъ трупами.

Такъ какъ намъ приходилось все время штурмовать и брать послѣдовательно одну позицію за другою, то убыль въ людяхъ становилась довольно значительною. Врачи и санитары дѣятельно работали, устраивая перевязочные пункты, гдѣ только было возможно: подъ деревомъ, у фонтана, подъ стогомъ скошенной пшеницы... Весьма энергично и дѣятельно распоряжался этимъ дѣломъ старшій врачъ 9-го корпуса докторъ Кехеръ. Уже съ утра, по распоряженію штаба, были посланы жандармы и казаки собрать всѣ имѣющіяся у населенія телѣги и арбы, которыя и занялись перевозкою тяжело раненыхъ въ деревню Марховицу, на главный перевязочный пунктъ. Вслѣдствіе страшной жары, войска страдали отъ жажды, и болгары весь день подвозили намъ воду на позицію. Воодушевленіе было замѣчательное: легко раненые не шли на перевязочный пунктъ, а, получивъ наскоро кое-какую помощь отъ санитаровъ, старались догнать товарищей. Никогда не забуду одного солдатика раненаго, хотя

и легко,—въ руку: онъ шелъ въ кэпи на затылкѣ, на груди блестѣлъ георгіевскій крестъ, который онъ получилъ еще въ Хивѣ, ружье за спиною, весь потный и разгорѣвшійся, онъ крутилъ папироску, помогая себѣ поврежденнымъ пальцемъ, кое-какъ обмотаннымъ тряпицею.

„Ты-бы перевязался хорошенько“, обратился я къ нему.

—„Ничего, ваше высокоблагородіе, былъ отвѣтъ, поспѣю еще, надо итти за золотымъ Егоріемъ“.

Вотъ каково было настроеніе! Замѣчательный фактъ, что всѣ убитые наши солдаты лежали на спинѣ со сложенными на груди руками и съ лицомъ покрытымъ платкомъ. Это во время передышекъ люди отдавали послѣдній долгъ павшимъ товарищамъ. Въ послѣдующихъ бояхъ я этого болѣе не встрѣчалъ. У всѣхъ убитыхъ турокъ черепа были размозжены прикладами: непріятель встрѣчалъ нашихъ за окопами, искусно прятался и выпускалъ массу патроновъ; наши брали ихъ въ штыки и по окончаніи боя только 60 раненыхъ турокъ было подобрано санитарами...

Мы находили громадное количество патроновъ въ оставленныхъ непріятелемъ траншеяхъ: они были брошены цѣлыми ящиками, пачками и разсыпанные валялись на землѣ.

Наша артиллерія подъ руководствомъ ген. Похитонова дѣйствовала блистательно. Переѣзжая послѣдовательно съ позиціи на позицію, она поддерживала атаку пѣхоты и соперничала съ нею въ храбрости. Данило Даниловичъ какъ-то пріосанился, даже, казалось, выросъ; увидѣвъ его теперь, въ бою, я еще болѣе сталъ цѣнить этого генерала. Мнѣ тогда припомнилась сконфуженная фигура того-же Данилы Даниловича, на правомъ флангѣ своей бригады, при встрѣчѣ великаго князя въ Зимницѣ: у него одна нога была въ сапогѣ, а другая въ резиновой галошѣ; во время перехода черезъ какой-то мостъ, въ Румыніи, ему придавило ногу заряднымъ ящикомъ, онъ не могъ надѣть сапога, и ему совѣстно было явиться на смотръ не по формѣ одѣтымъ. Но тутъ, въ бою, это былъ настоящій воинъ, хладнокровный, распорядительный и прекрасно оріентирующійся.

Баронъ Криднеръ держался все время весьма спокойно и разсылалъ съ приказаніями своихъ ординарцевъ, которые, наконецъ, выбились изъ силъ. Тогда онъ обратился ко мнѣ и поручилъ поѣхать впередъ, чтобы узнать, въ какомъ положеніи дѣло.

Въ это время мы были съ нимъ на краю, такъ называемой, городской балки: намъ были уже видны стройные минареты Никополя, но самый городъ скрывался отъ нашихъ глазъ за массами садовъ. Я отправился прямо по шоссе, проѣхалъ мимо нашихъ батарей и былъ свидѣтелемъ замѣчательныхъ дѣйствій 5-ой батареи 5-ой артил. бригады, которая въ послѣдній разъ подъѣхала на 400 саж. къ крѣпости и открыла пальбу подъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ непріятеля.

Поравнявшись съ наступающею цѣпью нашихъ стрѣлковъ, я увидѣлъ налѣво, приблизительно въ верстѣ, пыль отъ какой-то бѣгущей толпы. Были-ли это прорвавшіеся батальоны турокъ, желавшіе уйти на Виддинъ, или казаки угоняли скотъ, захваченный въ занятомъ вологодцами турецкомъ лагерѣ,—опредѣлить было невозможно. Командиръ батареи просилъ меня передать барону, что у него почти нѣтъ зарядовъ и что необходимо поторопить прислать зарядные ящики.

Стало уже смеркаться. Кое-гдѣ въ городѣ вспыхнули пожары. Наши охотники были уже въ предмѣстьяхъ, и тамъ шла живая перестрѣлка. Далѣе ѣхать было некуда, такъ какъ я находился на нашей стрѣлковой линіи, и пули ложились въ громадномъ количествѣ; я рѣшилъ вернуться къ барону Криднеру и доложилъ, что̀ видѣлъ. Наступила совершенная темнота. Генералъ отправилъ приказаніе войскамъ прекратить огонь, остановиться на занятыхъ позиціяхъ, и вызвалъ начальниковъ частей.

— „Господа, обратился онъ къ нимъ,—мнѣ кажется, что Никополь нашъ, но если еще нѣтъ, то къ утру долженъ быть нашимъ. Съ разсвѣтомъ будетъ общій штурмъ“.

Съ большимъ трудомъ въ эту темную южную ночь добрались мы до Марховицы. Изрѣдка раздавались еще ружейные выстрѣлы, слышались крики ура и стоны раненыхъ; артиллерійская канонада прекратилась.

Я забылъ сказать, что штурмъ былъ поддержанъ нашими фламундскими батареями, которыя весь день бомбардировали Никополь.

Къ концу боя всѣ роты и полки смѣшались,—трудно было различить гдѣ какой полкъ: это была одна густая стрѣлковая цѣпь вологодцевъ, козловцевъ, галичанъ и тамбовцевъ или, скорѣе, нѣсколько цѣпей, которыя по инерціи шли впередъ.

Къ ночи вокругъ Никополя уже образовалось стальное кольцо штыковъ.

Вернувшись въ Марховицу, баронъ Криднеръ былъ въ довольно затруднительномъ положеніи: чѣмъ кончился бой, никто не зналъ. Генералы собрались на совѣщаніе, а я прозаически пошелъ отдыхать въ палатку.

Едва забрезжилась заря, меня разбудилъ генералъ Толстой.

— „Вставайте скорѣе, обратился онъ ко мнѣ, корпусный командиръ съ дежурствомъ ѣдетъ сейчасъ на позицію и беретъ васъ съ собою".

Въ одну минуту я былъ на ногахъ, сѣлъ на лошадь и присоединился къ барону Криднеру, который, въ сопровожденіи ген. Шнитникова, ген. Толстого и еще нѣсколькихъ офицеровъ изъ штаба, направился по Никопольскому шоссе, дабы лично ознакомиться съ положеніемъ дѣла.

Ночью, несмотря на темноту, люди подобрались, и когда генералъ подъѣхалъ къ войскамъ, то, вмѣсто смѣшавшихся стрѣлковыхъ цѣпей различныхъ полковъ, нашелъ уже стройные батальоны. Какъ отрадно было услышать дружное, раскатистое „здравія желаемъ, ваше превосходительство", въ отвѣтъ на привѣтствіе генерала. Такъ, здороваясь съ батальонами, продолжали мы ѣхать далѣе по шоссе, и вдругъ, повернувъ налѣво, очутились неожиданно предъ крѣпостными воротами Никополя [1]). Грозно рисовались каменныя стѣны, окруженныя глубокимъ рвомъ. Впереди былъ мостъ, правѣе, назади, живописно лѣпились по оврагамъ, утопая въ зелени, предмѣстья города. Гдѣ-то изрѣдка раздавались одиночные выстрѣлы. Что-же это значитъ? Неужели турки прорвались къ Виддину и очистили крѣпость?

Немедленно была вызвана ближайшая рота, если не ошибаюсь Козловскаго полка, которую направили по гласису, направо отъ шоссе. Я изъ любопытства послѣдовалъ за этою ротою и, всматриваясь въ амбразуры, увидѣлъ вскорѣ фигуру турецкаго офицера, который махалъ бѣлымъ платкомъ. Желая убѣдиться—не знакъ-ли это сдачи крѣпости, я ему закричалъ: „барышъ" (т. е. миръ) и, указывая на палашъ, предложилъ ему бросить свою шашку въ ровъ въ знакъ мира. Къ моему удивленію, онъ

---

[1]) Это были Раховскія ворота. В. В.

поспѣшилъ исполнить мое желаніе. Тогда я поскакалъ къ барону и доложилъ, что турки сдаются.

„Это очень хорошо, сказалъ генералъ, но отчего ворота заперты?"

Сейчасъ-же были вызваны охотники [1]), которые перелѣзли черезъ стѣну, отбили замокъ у крѣпостныхъ воротъ и ихъ отворили. Затѣмъ ген. Толстой, еще три, четыре офицера, полсотни казаковъ и я въѣхали въ Никополь. Это было ровно въ 4 часа 20 мин. утра. Все пусто—турокъ нѣтъ...

Нѣтъ-ли тутъ измѣны, мелькнуло у насъ въ головѣ.

Узкая улица заворачивала направо; мы по ней стали осторожно подвигаться и, проѣхавъ шаговъ 200, достигли бастіона, занятаго турецкимъ батальономъ. Непріятель встрѣтилъ насъ молча, люди очевидно были сконфужены, царила полная тишина. По нашему требованію, они стали бросать въ кучу оружіе и амуницію. Тѣмъ временемъ подошла наша пѣхота и на крѣпостномъ валу водрузили знамя 2-го батальона Козловскаго полка. Раздалось такое оглушительное ура, какого я въ жизни не слыхалъ,—это былъ ревъ побѣдителей, которые, еще минуту передъ этимъ, были готовы итти на приступъ, какъ одинъ человѣкъ. Въ отвѣтъ на это ура послѣдовалъ салютъ изъ всѣхъ орудій съ нашихъ фламундскихъ батарей. Солнцо уже взошло и ярко освѣщало это великолѣпное зрѣлище!

Итакъ, Никополь палъ! Мы просто не хотѣли вѣрить, чтобы крѣпость съ сильнымъ гарнизономъ могла сдаться безъ штурма, т. е. безъ эскалады и прочихъ необходимыхъ атрибутовъ настоящаго приступа. Мы все-таки продолжали думать, что паша, комендантъ Никополя, отступилъ ночью на Виддинъ, оставивъ только раненыхъ и слабосильныхъ [2]). Былъ отданъ приказъ всѣмъ туркамъ, солдатамъ и жителямъ выходить изъ крѣпости. Зная, что мнѣ придется ѣхать съ донесеніемъ къ великому князю, я спустился внизъ къ Дунаю, чтобы ознакомиться съ положеніемъ города. Насилу протискался я обратно въ гору сквозь толпы турокъ, которыхъ гнали какъ барановъ, и вернулся къ барону Криднеру. Я нашелъ генерала за крѣпост-

---

[1]) Охотниками были два стрѣлка Вологодскаго пѣх. полка и подполк. генеральнаго штаба Маціевскій.

[2]) На дѣлѣ-же оказалось, что гарнизонъ Никополя состоялъ болѣе, чѣмъ изъ 7,000 прекрасно вооруженныхъ солдатъ. В. В.

ными воротами, на шоссе. Онъ стоялъ окруженный своимъ штабомъ и пропускалъ мимо себя плѣнныхъ. Пока я пробирался къ барону, мнѣ пришлось увидѣть, какъ турокъ можетъ безропотно и безъ стона страдать: чтобы не затруднять движенія въ узкихъ улицахъ Никополя, велѣно было всѣхъ плѣнныхъ гнать пѣшкомъ, тѣмъ-же, которые были верхомъ, приказано слѣзать съ лошадей. На маленькомъ ослѣ, согнувшись и держась обѣими руками за луку, ѣхалъ турокъ.

„Долой", говоритъ ему солдатикъ.

Тотъ продолжаетъ ѣхать, уставя куда-то вдаль свои мутные глаза; тогда его живо ссадили, и онъ какъ куль упалъ съ осла. Ко мнѣ подбѣжали его товарищи и объяснили, что онъ тяжело раненый: оказалось, что у него обѣ ноги перебиты. Я велѣлъ посадить его сейчасъ-же обратно на осла, что было моментально исполнено, и онъ потянулся далѣе, увлекаемый все прибывающею волною плѣнныхъ. Во время всѣхъ этихъ эволюцій, несчастный не проронилъ ни единаго звука, онъ такъ-же безучастно продолжалъ смотрѣть куда-то вдаль. Меня страшно поразила эта сила воли; подобные солдаты, подъ руководствомъ дѣльныхъ офицеровъ, могли-бы совершать чудеса храбрости.

Къ нашему удивленію, толпа плѣнныхъ солдатъ все росла; большинство изъ нихъ были прекрасно одѣтые, здоровые, крупные молодцы. Тѣмъ временемъ къ барону Криднеру былъ приведенъ комендантъ крѣпости, Мустафа-Гассанъ-паша, средняго роста человѣкъ, съ окладистою черною бородою и выразительнымъ, типичнымъ лицомъ.

— „Кому я сдаюсь, и какія условія предложитъ мнѣ генералъ?", спросилъ онъ черезъ переводчика.

Баронъ Криднеръ протянулъ ему руку и сказалъ:

— „Уважая вашу храбрую оборону, я сохраняю вамъ и всѣмъ офицерамъ оружіе, весь-же гарнизонъ сдается безъ условій".

Вскорѣ послѣ сдачи, генералъ Толстой уѣхалъ съ донесеніемъ къ государю, взявъ съ собою Гассана-пашу.

Разсчитывая собрать кое-какія свѣдѣнія для доклада главнокомандующему, баронъ Криднеръ еще удерживалъ меня при себѣ. Штурмъ нашихъ войскъ 3-го іюля былъ такъ стремителенъ и друженъ, что начальникъ Никопольскаго гарнизона, какъ оказалось впослѣдствіи, былъ увѣренъ, что имѣлъ дѣло со всею

русскою арміею, подъ начальствомъ самого государя. Онъ никакъ не предполагалъ, чтобы мы съ двухъ часовъ пополудни могли такъ настойчиво лѣзть впередъ, не имѣя сзади серьезныхъ резервовъ. Намъ пришлось взять съ бою почти семь верстъ укрѣпленной позиціи прежде, чѣмъ дойти до самой крѣпости, и это, однако, было сдѣлано благодаря тому духу, который господствовалъ въ нашихъ войскахъ. Не вдаваясь въ тактическія разсужденія—правильно или нѣтъ былъ веденъ этотъ штурмъ—могу сказать лишь одно, что болѣе лихаго, блистательнаго дѣла я не видалъ. Никополь палъ только благодаря беззавѣтной удали нашихъ молодцовъ. Отрядъ барона Криднера состоялъ изъ 16,870 штыковъ и 2,868 сабель, при 80 пѣшихъ, 6 конныхъ и 6 конно-горныхъ орудіяхъ. Трофеями были: крѣпость, болѣе 7,000 плѣнныхъ, около 70 орудій, масса снарядовъ, оружія, патроновъ и два монитора. Къ сожалѣнію, вскорѣ случилась первая Плевненская неудача, и это замѣчательное дѣло какъ-то осталось въ туманѣ.

Послѣ отъѣзда генерала Толстого, принесли барону Криднеру ключи отъ крѣпостныхъ воротъ. Тогда онъ подозвалъ меня и сказалъ:

— „Поѣзжайте, обрадуйте нашего главнокомандующаго со взятіемъ Никополя, гарнизонъ котораго, въ числѣ 7,000 человѣкъ, сложилъ оружіе. Передайте ключъ отъ крѣпости великому князю и доложите, что люди шли безъ замѣшательства и геройски брали послѣдовательно одну за другою непріятельскія позиціи, на протяженіи нѣскольких верстъ. У турокъ было множество укрѣпленій — что̀ прикажутъ съ ними дѣлать? исправить или взорвать? Что дѣлать съ двумя захваченными мониторами? Что дѣлать съ плѣнными, и откуда брать провіантъ, котораго у турокъ не оказалось? Займусь устройствомъ войскъ и буду ждать распоряженія куда идти. Костромской полкъ стоитъ передъ Плевною. Попросите великаго князя прислать кого-нибудь для устройства гражданскаго управленія въ Никополѣ. Болѣе подробностей сейчасъ дать не могу, разскажите сами, что видѣли".

Я заложилъ ключъ за голенище сапога и, внѣ себя отъ радости, уѣхалъ отъ барона Криднера; по дорогѣ я заѣхалъ на главный перевязочный пунктъ, чтобы справиться о числѣ потерь въ нашихъ войскахъ, и успѣлъ узнать, что генералъ Бога-

цевичъ контуженъ и что убыль наша довольно велика: приблизительно, какъ мнѣ казалось, мы потеряли около 1,500 человѣкъ выбывшими изъ строя.

До Тырнова, гдѣ находился великій князь, было около 115 верстъ. Всѣ мои мысли были направлены на то, какъ-бы мнѣ быстрѣе совершить этотъ переходъ. Въ Марховицѣ я наскоро закусилъ и въ 11 часовъ утра 4-го іюля, по страшной жарѣ, пустился въ путь.

Я очень спѣшилъ, много шелъ ходой[1]), но все-таки долженъ былъ остановиться на ночлегъ въ Акчаирѣ, пройдя около 70 верстъ, такъ какъ мои казаки далѣе ѣхать не могли. Дорогою я обдумывалъ какъ и что̀ буду докладывать великому князю: я въ первый разъ въ жизни былъ въ сраженіи и боялся, что не съумѣю отвѣтить на всѣ вопросы, которые предложитъ мнѣ главнокомандующій. На зарѣ я взялъ одного вѣстоваго, велѣлъ остальнымъ людямъ, не торопясь, слѣдовать на Тырново, а самъ поспѣшилъ впередъ.

5-го іюля (1877 г.), во второмъ часу дня, я былъ уже у великаго князя, сдѣлавъ 115 верстъ въ 26 часовъ. Это была первая дальняя поѣздка и потому самая медленная; я понялъ, что въ другой разъ долженъ распорядиться иначе, если хочу быстрѣе доѣхать къ великому князю съ донесеніемъ. Я впослѣдствіи уже болѣе никогда не бралъ такого конвоя (6 казаковъ) а ограничивался двумя вѣстовыми и только для того ихъ бралъ, чтобъ имѣть возможность бросить по дорогѣ одну изъ своихъ лошадей и напрасно не утомлять всѣхъ трехъ. Я ѣздилъ всегда о дву-конь, т. е. имѣлъ подъ вьюкомъ заводную лошадь, которая гораздо менѣе утомлялась и могла выручить меня въ случаѣ нужды. Во время боя мой денщикъ съ вѣстовыми и вьючною лошадью оставался при обозѣ, и я зналъ, что найду ихъ свѣжими и въ полной готовности сдѣлать немедленно, не отдыхая, дальній переходъ. Это давало мнѣ возможность выигрывать время.

Я нашелъ главнокомандующаго объѣзжавшимъ войска, расположенныя на бивакѣ близъ Тырнова, передалъ ему ключъ

---

[1]) Крупный шагъ, которымъ можно дѣлать около семи верстъ въ часъ.
В. В.

отъ Никополя и поздравилъ съ побѣдою. Затѣмъ, войдя въ палатку великаго князя, я подробно доложилъ его высочеству что̀ зналъ, и удостоился получить „спасибо“. Позвали насъ обѣдать. За столомъ великому князю подали телеграмму отъ барона Криднера.

— „Лярскій, обратился ко мнѣ великій князь,—что это ты доложилъ мнѣ, что мы потеряли около 1,500 человѣкъ выбывшими изъ строя? Криднеръ телеграфируетъ, что только 600?“

„Я доложилъ вашему императорскому высочеству только то, что могъ узнать на перевязочныхъ пунктахъ, отвѣтилъ я главнокомандующему, и полагаю мое донесеніе близко къ истинѣ“.

— „Ну, увидимъ“, сказалъ великій князь.

Впослѣдствіи оказалось, что наша потеря состояла въ 219 убитыхъ, 869 раненыхъ и 37 безъ вѣсти пропавшихъ нижнихъ чиновъ; 5 убитыхъ, 30 раненыхъ и 6 контуженныхъ офицеровъ, итого: 1,166 офицеровъ и нижнихъ чиновъ, выбывшихъ изъ строя, т. е. мои свѣдѣнія были почти точны. Это было первое крупное дѣло — взятіе крѣпости — и потому оно всѣхъ интересовало. До поздней ночи я долженъ былъ удовлетворять любопытству всей главной квартиры; съ моихъ словъ была написана корреспонденція въ „Московскія Вѣдомости“, и я легъ спать совершенно безъ языка.

В. М. Вонлярлярскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

250 ЛѢТЪ ЛЕЙБЪ-ГРЕНАД. ЭРИВАНСКАГО ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА ПОЛКА

(первоначально — Бутырскаго)

1642—1892 гг.

Въ настоящемъ 1892 году, 29-го іюня, въ день полковаго праздника, исполняется 250 лѣтъ со времени учрежденія родоначальникомъ царствующаго Императорскаго дома царемъ Михаиломъ Ѳедоровичемъ, лѣтомъ 1642 года, Выборнаго Московскаго полка солдатскаго строя, наименованнаго отъ мѣста водворенія урядниковъ и солдатъ полкомъ Бутырскимъ. Въ прямомъ наслѣдственномъ порядкѣ представителемъ этого перваго, самаго стараго регулярнаго полка въ нашей арміи есть 13-й лейбъ-гренадерскій Эриванскій Его Величества полкъ, который за свою болѣе чѣмъ вѣковую доблестную службу на Кавказѣ украшенъ всѣми знаками отличія, какія могутъ быть доступны армейскому полку, и пользуется счастіемъ имѣть своимъ шефомъ нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора, а въ своихъ спискахъ Наслѣдника Цесаревича, бывшаго главнокомандующаго великаго князя Михаила Николаевича и его сыновей, великихъ князей: Александра Михайловича и Алексѣя Михайловича.

Вотъ краткая исторія славнаго въ нашей военной исторіи старѣйшаго Бутырско-Эриванскаго полка.

Опредѣленія собора въ Москвѣ, бывшаго 3-го января 1642 г., повели за собою устройство двухъ выборныхъ полковъ солдатскаго строя въ томъ-же году. Солдаты и урядники одного изъ нихъ

въ 1657 году водворены въ подмосковномъ вотчинномъ имѣніи бояръ Романовыхъ, принадлежавшемъ въ то время богатому боярину Никитѣ Романову, двоюродному брату царя Алексѣя Михайловича, Бутыркахъ, что нынѣ Бутырская слобода, въ верстѣ отъ Бутырской заставы, въ сѣверной части города Москвы.

Впослѣдствіи, въ 1682 г., иждивеніемъ офицеровъ и солдатъ полка построена великолѣпная каменная церковь во имя Рождества Пресвятыя Богородицы, вмѣсто деревянной. Церковь каменная существуетъ и понынѣ; другая, подобная ей по архитектурѣ и размѣрамъ, церковь находится въ селѣ Измайловѣ.

Первымъ извѣстнымъ командиромъ или шефомъ Бутырскаго выборнаго полка былъ датчанинъ Крафговъ (Krafgof), полковникъ, потомъ генералъ-маіоръ, извѣстный подъ именемъ Матвѣя Степановича Кровкова (или Кравкова) [1]). Онъ съ Бутырскимъ полкомъ содѣйствовалъ усмиренію опаснаго бунта гилевщиковъ, пришедшихъ въ село Коломенское въ 1662 г. Затѣмъ полкъ, состоя подъ его командою 20-ть лѣтъ, принималъ участіе въ войнахъ съ крымскими татарами и турками за Чигиринъ. Особенно памятенъ бой 3-го августа 1678 г. на р. Тясьминѣ (близъ Чигирина), когда полкъ Кровкова съ другимъ выборнымъ Шепелева, находясь на правомъ флангѣ арміи князя Рамодановскаго, овладѣли турецкою артиллеріею и лагеремъ и тѣмъ содѣйствовали пораженію турецкаго паши, бѣжавшаго за рѣчку Тясьминъ. Въ составѣ офицеровъ Бутырскаго полка были исключительно русскіе офицеры — подполковникъ, маіоръ, 20 капитановъ и столько-же поручиковъ и прапорщиковъ. Тутъ въ 1662 году встрѣчаемъ нѣсколько офицеровъ однихъ и тѣхъже фамилій, вѣроятно, братьевъ или близкихъ родственниковъ, напримѣръ, Ждановыхъ 7 человѣкъ, Близнецовыхъ, Колюбакиныхъ и т. д. Одинъ изъ нихъ, полковникъ Родіонъ Ждановъ, бывшій при усмиреніи Коломенскаго бунта въ чинѣ капитана, назначенъ въ 1682 г. командиромъ полка. Его замѣнилъ въ самомъ началѣ 1687 г. знаменитый въ лѣтописяхъ отечественной исторіи шотландецъ генералъ-маіоръ, потомъ генералъ-лейтенантъ Патрикъ Гордонъ, именуемый Петромъ Ивановичемъ. Гордонъ былъ давно извѣстенъ своимъ мужествомъ, храбростью и особенно своими заслугами при оборонѣ Чигирина. Онъ пользовался большимъ уваженіемъ московскихъ бояръ. Постъ выборнаго солдатскаго полка

---

[1]) Въ то время командиръ или шефъ было одно и то-же понятіе; въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX настоящимъ командиромъ былъ шефъ, а командиръ полка въ родѣ помощника шефа. Настоящее значеніе командира полка установлено въ 1814 году.

считался въ то время самымъ почетнымъ. Гордонъ, командуя Бутырскимъ полкомъ въ теченіе 12-ти лѣтъ, до самой своей смерти въ 1699 г., поднялъ его на высокую степень благоустройства. Въ первомъ и второмъ Крымскихъ походахъ (1687 и 1689 гг.), въ трехъ Азовскихъ походахъ (1695, 1696 и 1697 гг.), въ походѣ подъ Троицко-Сергіевскую лавру (4-го сентября 1689 г.), въ сраженіи подъ Воскресенскимъ монастыремъ, 17-го іюня 1698 года, Бутырскій полкъ, подъ предводительствомъ опытнаго и храбраго своего начальника, занималъ выдающееся положеніе: въ Крымскихъ походахъ стотысячной русской арміи выборный полкъ Гордона находился постоянно въ авангардѣ или арьергардѣ. На штурмахъ Азова, 5-го августа и 25-го сентября, бутырцы всходили на стѣны крѣпости, не взирая на отчаянное сопротивленіе турокъ, и если не могли осилить врага, то потому только, что лишены были поддержки сосѣднихъ частей отъ дивизіи Головина и Лефорта. При общемъ отступленіи арміи отъ Азова, 3-го октября 1695 г., Бутырскій полкъ, шедшій въ арьергардѣ, мужественно выдерживалъ нѣсколько яростныхъ атакъ свирѣпыхъ татаръ, поражая ихъ дружнымъ огнемъ изъ орудій и мушкетовъ. Послѣ перваго Крымскаго похода, когда царь Петръ Алексѣевичъ, достигнувъ совершеннолѣтія, началъ формированіе двухъ новыхъ полковъ, Преображенскаго и Семеновскаго, названныхъ по имени слободъ, такъ-же какъ и Бутырскій, изъ Бутырскаго полка взяты были нѣкоторые урядники и солдаты, барабанщики и флейщики.

Послѣ втораго Крымскаго похода бывалые старые солдаты могли многое передать юному царю, любившему воинское дѣло и желавшему устроить свои собственные полки по подобію двухъ выборныхъ полковъ своего дѣда царя Михаила Ѳеодоровича. Новые два полка были устроены окончательно при содѣйствіи шефа Бутырскаго полка Гордона въ 1692 году; обученіемъ-же этихъ полковъ занимался преимущественно Лефортъ, назначенный, въ началѣ 1692 г., командиромъ другаго выборнаго полка, бывшаго Шепелева; послѣдній названъ, по имени вновь устроенной Лефортовской слободы, Лефортовскимъ [1]). До начала Сѣверной войны бутырцы и лефортовцы, наравнѣ съ преображенцами и семеновцами, раздѣляли труды молодаго царя въ практикѣ военнаго дѣла на ученіяхъ, маневрахъ и походахъ. Эти четыре полка, два

[1]) Лефортовскій полкъ, названный впослѣдствіи 1-мъ Московскимъ, въ 1692 г. пошелъ на сформированіе разныхъ полковъ, сухопутныхъ и морскихъ, и такимъ образомъ совершенно исчезъ.

старыхъ и два новыхъ регулярныхъ, составляя царскій отрядъ, служили Петру образцомъ для устройства въ 1699 году 27 регулярныхъ пѣхотныхъ полковъ.

Въ Сѣверную войну Бутырскій полкъ, сохраняя значеніе „стараго" регулярнаго полка подъ командою князя Солнцова-Засѣкина, принималъ дѣятельное участіе въ важнѣйшихъ осадахъ и сраженіяхъ. Знаменитый сподвижникъ Петра Великаго князь Аникита Ивановичъ Репнинъ имѣлъ Бутырскій полкъ постоянно въ своей дивизіи, съ которою онъ совершилъ семнадцать походовъ въ Россіи и заграницею—въ Сѣверной Германіи и Даніи отъ Вислы до Нѣмецкаго моря (Гдансъ - Тенинингенъ): осада и штурмъ Нотебурга въ 1702 г., овладѣніе Ніеншанцомъ въ 1703 г., осада и штурмъ Нарвы въ 1704 году, осада Митавскаго замка въ 1705 г., операціи въ Гродненскомъ укрѣпленномъ лагерѣ, Полтавская битва 27 іюня 1709 г., блокада и осада Риги 1709—1710 гг., Прутскій походъ 1711 г., сраженіе при Фридрихштадтѣ на р. Эйдерѣ въ Голштиніи 31-го января 1713 г., осада Тенинингена и Штетина 1713 г., Висмаръ и Копенгагенъ 1716 г., Данцигъ 1717—1719 гг., связываютъ имена Репнина и князя Солнцева-Засѣкина съ Бутырскимъ полкомъ. Только два раза этотъ полкъ не находился подъ начальствомъ князя Репнина: въ 1704 г., передъ осадою Нарвы, Бутырскій полкъ въ полномъ составѣ, съ частью людей Ингерманландскаго и командою Преображенскаго полковъ былъ посланъ съ генераломъ Реномъ (Реннё) къ Везенбергу на подводахъ противъ шведскаго генерала Шлиппенбаха; послѣдній былъ разбитъ на голову и бѣжалъ въ Ревель. Во второй разъ въ 1708 году, на походѣ русской арміи отъ Зап. Двины на Украйну, когда Бутырскій полкъ въ ожиданіи наступленія Карла XII къ Полоцку былъ откомандированъ въ дивизію фонъ-Аларта, расположенную на р. Уллѣ, вслѣдствіе чего онъ не принималъ участія въ Головчинскомъ сраженіи, гдѣ остальные полки дивизіи Репнина, по причинѣ неудачнаго расположенія на позиціи, потерпѣли пораженіе. Репнинъ, разжалованный въ солдаты, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, былъ возстановленъ въ своемъ достоинствѣ и со времени Полтавы уже не разставался съ своими доблестными бутырцами.

Подъ Полтавою Бутырскій полкъ расположенъ былъ въ двухъ линіяхъ по баталіонно на лѣвомъ флангѣ дивизіи князя Репнина, имѣя съ правой стороны Новгородскій, а съ лѣвой Московскій полки. На эти три полка и обрушился главный ударъ Карла XII. Бригада отборной пѣхоты (полки пѣшей гвардіи и юнчёпингенъ), одушевленная присутствіемъ короля - героя, съ яростью

устремилась на баталіоны 1-й линіи—Московскаго, Бутырскаго и Новгородскаго полковъ. Новгородскій баталіонъ не выдержалъ стремительной атаки шведовъ и подался назадъ. Между баталіонами 1-й линіи Бутырскимъ и Шлиссельбургскимъ образовался прорывъ. Петръ Великій, замѣтивъ опасность, взялъ ближайшій баталіонъ изъ 2-й линіи (какого полка—изъ источниковъ не видно) и лично повелъ его противъ непріятеля. Бой завязался на всемъ протяженіи фронта и черезъ полчаса вся первая линія въ 20 баталіоновъ, одушевляемая присутствіемъ царя въ центрѣ, перешла въ наступленіе, опрокидывая штыкомъ и саблями шведовъ на всѣхъ пунктахъ. За полтавскую битву князь Репнинъ, командовавшій центромъ пѣхоты, получилъ орденъ св. Андрея Первозваннаго и деревни; командиръ Бутырскаго полка князь Солнцовъ-Засѣкинъ произведенъ въ полковники и ему пожалованы деревни; всѣ штабъ и оберъ-офицеры полка награждены золотыми медалями, штабъ-офицеры съ портретомъ царя, усыпаннымъ брилліантами. Нижніе чины получили серебряныя медали и двухъ-мѣсячное жалованье не взачетъ.

Изъ сохранившихся сказокъ Бутырскаго полка видно, что въ теченіе Сѣверной войны служили почти исключительно русскіе офицеры [1]) и что бòльшая часть солдатъ происходила изъ солдатскихъ дѣтей, преимущественно Бутырской слободы.

Въ теченіе XVIII столѣтія, до начала Кавказской войны, Бутырскій полкъ мы встрѣчаемъ во всѣхъ главнѣйшихъ войнахъ съ Ласси, Минихомъ, графомъ Апраксинымъ, Ферморомъ, Бутурлинымъ, Чернышевымъ, Голицынымъ и графомъ Румянцевымъ-Задунайскимъ, а также въ экспедиціи на Рейнъ съ княземъ Репнинымъ, сыномъ знаменитаго Аникиты. Послѣ Полтавы, гдѣ Бутырскій полкъ покрылъ себя неувядаемою славою, особенно памятно въ исторіи полка сраженіе при Цорндорфѣ 14-го августа 1758 г., гдѣ онъ съ Суздальскимъ, Ладожскимъ и другими старыми полками удержался на позиціи въ центрѣ послѣ того, когда былъ разбитъ и разсѣянъ стоявшій рядомъ съ бутырцами корпусъ шуваловцевъ. Въ этомъ сраженіи бутырцы понесли громадныя потери. Утромъ до сраженія состояло на лицо 1.400 человѣкъ, къ вечеру послѣ сраженія осталось здоровыхъ не болѣе 900. Офицеровъ осталось не болѣе $^1/_3$ а тѣмъ не менѣе полкъ оставался на мѣстѣ непоколебимо въ то время, когда всѣ полки обсерваціоннаго корпуса были совершенно

---

[1]) Только двое были иноземцы, одинъ англичанинъ, а другой саксонецъ, поступившіе въ царскую службу въ 1716 году.

уничтожены кавалеріею Зейдлица. Стойкость старыхъ полковъ въ центрѣ спасла армію Фермора отъ пораженія.

Въ XVIII столѣтии послѣ Полтавы имѣютъ наибольшее значеніе въ исторіи полка сраженія при Ларгѣ и Кагулѣ 5-го, 7-го и 21-го іюля 1770 г. Въ сраженіи при Ларгѣ Бутырскій и Муромскій полки, составляя особое каре въ дивизіи Племянникова, остановили непріятеля на высотахъ за р. Ларгою, потомъ овладѣли ретраншементомъ № 3 и содѣйствовали тѣмъ пораженію 80,000 татарскихъ полчищъ. При Кагулѣ, когда четырехтысячное каре Племянникова было разстроено внезапною атакою 10,000 янычаръ, Бутырскій полкъ, воодушевленный словами любимаго вождя Румянцева: „ребята, стой", окружилъ его, снова устроился съ Первомосковскимъ, Муромскимъ, Астраханскимъ и 4-мъ Гренадерскимъ полками въ каре и затѣмъ перешелъ въ наступленіе,— 150,000 армія верховнаго визиря была разбита на голову 17,000 русскимъ корпусомъ!... Императрица Екатерина II, достойно награждая побѣдителей, писала Румянцеву въ своемъ рескриптѣ, что никогда не слыхано, чтобы войска, уже разстроенныя однажды приходили скоро въ порядокъ и одерживали столь блистательную побѣду. За побѣду при Кагулѣ установлена особая медаль для ношенія въ петлицѣ офицерамъ и нижнимъ чинамъ, бывшимъ въ сраженіи.

Принятыя Россіею обязательства послѣ Кучукъ-Кайнарджинскаго мира относительно Грузіи и необходимость размежеванія русской границы къ сторонѣ Кавказскаго хребта заставили Екатерину II умножить свои военныя силы на южной границѣ отъ Днѣстра до Кубани. Бутырскій полкъ, послѣ знаменитой побѣды русскихъ войскъ подъ Кагуломъ, уже никогда не возвращался въ Москву. Послѣ Семилѣтней войны вѣчныя квартиры замѣнились временными: обстоятельства требовали постояннаго передвиженія полковъ. Сначала квартиры Бутырскаго полка были въ Смоленскѣ, послѣ 1-й турецкой войны въ 1775 г. онѣ назначены въ Симбирскѣ, потомъ въ Воронежѣ и, наконецъ, съ 1782 г. въ станицахъ на Дону, откуда полкъ ежегодно предпринималъ экспедиціи къ сторонѣ Кубани. Первыя дѣйствія доблестнаго стараго Бутырскаго полка на Кавказѣ ознаменовались пораженіемъ ногайскихъ ордъ подъ начальствомъ Суворова въ урочищѣ Урай-Илгасы, при Керменчикѣ и Сарычигерѣ въ 1783 году. Поручикъ Житковъ, занимавшій съ ротою Бутырскаго полка постъ близь р. Эи (урочище Урай Илгасы), будучи окруженъ Ногайскою ордою, которая хотѣла пробиться на Кубань, нѣсколько часовъ мужественно отбивалъ атаки свирѣпыхъ кочевниковъ, пока не прибыли къ нему на помощь къ мѣсту боя, полков-

никъ Телегинъ, съ остальными ротами Бутырскаго полка, и подполковникъ того-же полка Рауціусъ съ драгунами. Упорное сраженіе въ присутствіи Суворова 31-го іюля окончилось полнымъ пораженіемъ ногаевъ, которые вогнаны были въ болотистую рѣку Эй и съ отчаянія убивали своихъ женъ и дѣтей...

Вскорѣ за симъ, въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1783 г., Суворовъ, съ незначительнымъ отрядомъ пѣхоты, въ составъ котораго, какъ видно изъ послужныхъ списковъ, входилъ весь Бутырскій полкъ, съ драгунами Нижегородскими и Владимірскими (4 эскадрона) и съ Донскими казаками, перейдя въ бродъ р. Кубань, настигъ остатки кочующихъ ногаевъ близь р. Лабы и въ сраженіяхъ при Керменчикѣ и Сарычигерѣ ихъ совершенно разсѣялъ.

Тактика и образъ дѣйствій Суворова не прошли даромъ для полка, на нихъ воспитано было молодое поколѣніе офицеровъ и сержантовъ, изъ коихъ нѣкоторые, при развитіи войны съ горцами, украшаютъ полкъ своими геройскими подвигами при самомъ началѣ Кавказской войны.

Для дѣйствій на Кубани и вообще на Кавказѣ противъ горцевъ оказалось необходимымъ значительную часть пѣхоты преобразовать въ егерей, въ пользѣ которыхъ убѣдились въ войнахъ Семилѣтней и Турецкой: въ Бутырскомъ полку была устроена егерская команда еще въ 1765 г., затѣмъ въ 1777 году она вошла въ составъ особаго егерскаго баталіона, наконецъ въ 1785 г. рѣшено было сформировать егерскіе корпуса по 4 баталіона въ каждомъ. На Кавказѣ число егерей было удвоено. Такъ, въ 1786 году возникъ Кубанскій егерскій корпусъ изъ двухъ пѣхотныхъ полковъ, назначенныхъ княземъ Потемкинымъ, Бутырскаго и Селенгинскаго (возникъ въ Сибири при Екатеринѣ): 1-й и 2-й баталіоны кубанцевъ состояли цѣликомъ изъ двухъ баталіоновъ Бутырскаго, 3-й и 4-й изъ двухъ-же баталіоновъ Селенгинскаго полковъ. Изъ этого видно, что Бутырскій полкъ вовсе не былъ расформированъ, какъ утверждали прежде составители хроники, а цѣликомъ со всѣми офицерами и рядовыми образовалъ два самостоятельныхъ егерскихъ баталіона, считавшихся на Кавказѣ въ то время болѣе необходимыми, чѣмъ мушкетеры.

Такимъ образомъ, хотя, къ сожалѣнію, исчезаетъ названіе старѣйшаго въ пѣхотѣ Бутырскаго полка, но самый полкъ съ преданіями о боевой славѣ и вѣковыхъ подвигахъ сохраняется въ средѣ тѣхъ-же офицеровъ, унтеръ-офицеровъ и солдатъ подъ скромнымъ наименованіемъ 1-го и 2-го егерскихъ баталіоновъ Кубанскаго корпуса. Всѣ четыре егерскіе баталіоны въ теченіе

второй екатерининской Турецкой войны (1787—1792) принимали участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ на Кубани, на островѣ Тамани и въ Крыму подъ начальствомъ Текелія, Талызина, Розена и Гудовича. Вторженіе въ Грузію Али-магометъ-хана и раззореніе Тифлиса въ 1795 г. вызвали войну съ Персіею; егеря Кубанскаго корпуса вошли въ составъ арміи графа В. А. Зубова, овладѣвшаго Дербентомъ, Баку и дошедшаго до Куры. Для занятія Ганжи посланъ 2-й баталіонъ Воейкова. Здѣсь получено было повелѣніе императора Павла I пріостановить военныя дѣйствія, и егеря Кубанскаго корпуса возвратились на Терекъ, гдѣ ихъ ожидало распоряженіе графа Гудовича по указу военной коллегіи о сформированіи изъ всѣхъ 4-хъ баталіоновъ одного егерскаго полка въ 10-ти ротномъ составѣ. Новый полкъ сформированъ подъ № 18 въ 1797 году командиромъ 4-го баталіона подполковникомъ Лазаревымъ, именемъ котораго онъ и названъ 31-го октября 1798 года.

Изъ списка, сохраненнаго въ Георгіевскомъ архивѣ, видно, что въ составъ 18-го егерскаго генералъ-маіора Лазарева полка вошли фельдфебеля, унтеръ-офицеры и рядовые всѣхъ четырехъ баталіоновъ Кубанскаго егерскаго корпуса; изъ нихъ старшіе по лѣтамъ состояли еще на службѣ въ Бутырскомъ и Селенгинскомъ полкахъ. Такимъ образомъ старшинство Бутырскаго полка преемственно цѣликомъ перешло въ егерскій генералъ-маіора Лазарева полкъ. Образованный въ Оренбургскомъ краѣ въ томъ-же 1697 году Бутырскій полкъ не имѣетъ ничего общаго съ старымъ Бутырскимъ и имѣетъ свою особую почти вѣковую исторію.

Новыя бѣдствія въ Грузіи послѣ кончины Ираклія побудили императора Павла по просьбѣ грузинскаго царя Георгія XII послать ему на помощь егерскій полкъ генерала Лазарева вмѣстѣ съ полномочнымъ министромъ Коваленскимъ. Лазаревъ съ своимъ полкомъ, 3 орудіями и сотнею казаковъ перешелъ благополучно черезъ Кавказскій хребетъ и, встрѣченный впереди Тифлиса самимъ царемъ, вошелъ 26-го ноября 1799 года въ столицу древнихъ царей Грузіи при общемъ ликованіи народа. Съ того времени старѣйшій полкъ нашей арміи водворенъ въ Закавказьи, нѣсколько разъ мѣняя названія: въ 1801 г.—18-й полкъ названъ 17-мъ, въ 1816 г.—карабинернымъ, въ 1827 г.—Эриванскимъ, сохраняя до нашихъ дней славныя боевыя традиціи [1]).

Тяжелая служба выпала на долю перваго русскаго полка, при-

---

[1]) Доказательство, что присвоеніе полку разныхъ наименованій часто совершенно случайно, нимало не измѣняетъ его исторической роли.

званнаго для спасенія Грузіи отъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ послѣднимъ ея царемъ Георгіемъ XII. Съ востока угрожалъ нашествіемъ ханъ Аварскій съ полчищами хищныхъ лезгинъ, съ юга готовились напасть на беззащитную страну персы, съ востока угрожали турки. Ко всѣмъ этимъ бѣдствіямъ присоединились раздоры въ царской семьѣ, подѣлившіе высшіе классы на враждебныя партіи.

Кромѣ отправленія караульной службы въ Тифлисѣ съ предосторожностью военнаго времени, егерей приходилось посылать изъ Тифлиса въ экспедиціи командами, ротами, баталіонами.

Рядъ героическихъ подвиговъ знаменуетъ первоначальное пятнадцатилѣтнее пребываніе полка въ Карталиніи, Кахетіи, Ганжѣ и Карабахѣ. Пораженіе хана Аварскаго Лазаревымъ на р. Іорѣ 7-го ноября 1800 г., разгромленіе сборищъ Колбъ-Али хана Корягинымъ при Караклисѣ 28-го мая 1802 г., штурмъ Ганжи княземъ Циціановымъ 3-го января 1804 г., трехнедѣльная борьба баталіона 17-го егерскаго полка, подъ командою полковника Карягина, лѣтомъ 1805 года, съ 20.000 арміею Абассы Мирзы; пораженіе персіанъ въ 1806 г., при Ханашинѣ, 13-го іюня близь Нухи, 20-го октября; при Карабабѣ, 28-го октября 1808; взятіе штурмомъ егерями съ Котляревскимъ Мигровъ 15-го іюня 1810 г.; пораженіе персовъ имъ-же съ егерями при Шахѣ-Тамирѣ на Араксѣ въ ночь на 6-е іюня того-же 1810 г., наконецъ, пораженіе Котляревскимъ съ егерями и гренадерами на голову арміи Аббасъ-Мирзы при Асландузѣ 19-го октября 1812 года и штурмъ Ленкорани 31-го декабря того-же года—высоко подняли русское знамя на Кавказѣ и вписали золотыми буквами имя 17-го егерскаго полка въ лѣтописи 80-ти-лѣтней Кавказской войны, покрывъ блескомъ славы имена многихъ героевъ. Достаточно назвать Корягина и Котляревскаго, — этихъ титановъ среди сотни героевъ Кавказа.

Котляревскій началъ службу фуріеромъ въ 1795 г., въ 4-мъ баталіонѣ Кубанскаго егерскаго корпуса, съ которымъ вошелъ въ составъ 18-го егерскаго полка или полка Лазарева, наименованнаго въ 1801 г. № 17; всѣ офицерскіе чины до полковника включительно онъ получилъ въ 17-мъ егерскомъ полку за боевые подвиги; здѣсь онъ дослужился до чина полковника и командовалъ своимъ полкомъ въ 1810 г.; вскорѣ послѣ назначенія шефомъ Грузинскаго гренадерскаго полка онъ прибылъ съ нимъ въ Карабахъ, и вмѣстѣ съ родными ему егерями 17-го полка, имѣя въ отрядѣ до 2.500 человѣкъ, разгромилъ всю персидскую армію при Асландузѣ.

Упомянувъ о Корягинѣ и Котляревскомъ, мы должны назвать

Лисаневича, Дьячкова, Терешкевича, Ильяшенко; каждый изъ нихъ вписанъ въ страницы исторіи полка рядомъ подвиговъ самоотверженія, блистательной храбрости и непоколебимаго мужества.

Такова была школа героевъ, подготовленная преданіями о боевой славѣ стараго Бутырскаго полка, начавшаго войну на Кавказѣ подъ начальствомъ непобѣдимаго Суворова.

Особыя отличія офицеровъ и нижнихъ чиновъ 17-го егерскаго полка въ Персидскую войну обратили вниманіе на этотъ геройскій полкъ главнокомандующаго Ртищева, по представленію котораго послѣдовало высочайшее повелѣніе 12-го февраля 1816 года о переименованіи 17-го егерскаго полка въ карабинерный со всѣми правами, гренадерамъ дарованными.

О дальнѣйшихъ подвигахъ карабинернаго полка въ постоянной войнѣ съ горцами, въ войнахъ съ персами и турками говорить было-бы излишнимъ; довольно перечесть въ хронологическомъ порядкѣ награды, данныя всему полку за боевыя отличія на Кавказѣ въ одно только полустолѣтіе.

Подвиги во вторую Персидскую войну (1826—1827) подъ начальствомъ графа Паскевича (Елизаветполь, Аббасъ-Абадъ, Сардаръ-Абадъ, Эривань) отмѣчены присвоеніемъ полку названія Эриванскаго карабинернаго 27-го октября 1827 года и знакомъ „за отличіе“ на киверахъ.

Выдающіеся подвиги Эриванскаго карабинернаго полка въ Турецкую войну 1828—1829 гг., (при штурмѣ Карса, въ сраженіи подъ Ахалцыхомъ 9-го августа, при штурмѣ Ахалцыха 15-го августа 1828 г., въ трехдневныхъ бояхъ на Саганлугскихъ горахъ 17-го, 19-го и 20-го іюня, при штурмѣ Байбурта 27-го августа 1829 г.)—вознаграждены высочайшею грамотою императора Николая I, отъ 29-го сентября 1829 года, при пожалованіи полку георгіевскихъ серебряныхъ трубъ съ надписью: „Турецкіе походы въ 1828 и 1829 годахъ“.

Еще императоръ Николай I, будучи основательно знакомъ съ исторіею полковъ русской арміи, нашелъ необходимымъ возстановить права старѣйшинства Бутырскаго полка въ томъ полку, который происходитъ отъ него непосредственно.

Дѣйствія Эриванскаго карабинернаго полка противъ лезгинъ въ Дагестанѣ и чеченцевъ на лѣвомъ флангѣ кавказской линіи съ 1830 по 1850 годъ (мы затрудняемся перечислить всѣ сраженія, въ которыхъ баталіоны или роты доблестнаго полка принимали участіе,—такъ они многочисленны) обращали на себя постоянно особое вниманіе императора Николая, который пожелалъ отличить

полкъ особою царскою милостью, назначивъ 14-го ноября 1850 года своего старшаго сына, наслѣдника цесаревича, его шефомъ.

Императоръ Николай I, вспоминая о вѣковой доблестной службѣ отечеству стараго Бутырскаго полка, переименованнаго въ Эриванскій карабинерный полкъ, „желая увѣковѣчить имя и заслуги побѣдоноснаго воинства“, призналъ справедливымъ выразить особое благоволеніе ветеранамъ русской арміи въ грамотѣ отъ 25-го іюня 1842 г., при которой пожалованы были 1-му, 2-му и 4-му баталіонамъ [1]) новыя знамена съ надписями, напоминающими карабинерамъ, что ихъ имя связано непосредственно съ именемъ славнаго своею доблестною службою стараго Бутырскаго полка,

Высочайшая грамота начинается такими знаменательными словами:

„Родоначальникъ царствующаго Дома Нашего, великій предокъ нашъ, царь Михаилъ Θеодоровичъ, въ 1642 году учредилъ Бутырскій пѣхотный полкъ. Съ того времени полкъ этотъ отличался мужествомъ и храбростью въ бояхъ съ врагами Отечества и стяжалъ неувядаемую славу въ достопамятные дни побѣдъ Полтавской и Кагульской“.

Такимъ образомъ, вотчинныя права бутырцевъ, водворенныхъ въ имѣніи бояръ Романовыхъ, родоначальниковъ нынѣ царствующаго императорскаго Дома, перешли къ эриванцамъ.

Скоро въ новой турецкой войнѣ Эриванскому карабинерному наслѣдника цесаревича полку привелось на дѣлѣ оправдать высокое вниманіе державнаго вождя русской арміи: въ сраженіи подъ Башъ-Кадыкъ-Ларомъ, 19-го ноября 1853 года, 1-й и 2-й баталіоны подъ командою князя Мухранскаго, поддерживаемые съ лѣваго фланга нижегородскими драгунами, разбили семь турецкихъ баталіоновъ, прикрывавшихъ большую турецкую батарею, овладѣвъ сначала 6-ью, а потомъ 18-ью орудіями, послѣ того непріятельская армія не могла устоять на своей позиціи и обратилась въ бѣгство. За этотъ геройскій подвигъ 1-му и 2-му баталіонамъ высочайше пожалованы георгіевскія знамена съ соотвѣтственною надписью.

---

[1]) 3-й баталіонъ вошелъ въ составъ Эриванскаго, бывшаго Бутырскаго, полка отъ расформированнаго Херсонскаго гренадерскаго полка, который былъ основанъ въ 1700 году подъ именемъ полка Александра Гордона, зятя генерала Гордона, командовавшаго Бутырскимъ полкомъ до 1699 года. Баталіонъ Херсонскаго полка (2-й), названный 3-мъ Эриванскаго полка, имѣлъ Георгіевское знамя за взятіе Измаила въ 1791 году. Знамя-же Бутырскаго полка „гипоцентавръ“ сдано было въ комисаріатскій складъ въ 1786 г. вмѣстѣ съ палатками, ибо егерямъ не полагались знамена.

Съ тѣмъ-же желѣзнымъ мужествомъ эриванцы сражались при Курюкъ-Дарѣ 24-го іюня 1854 г., когда вмѣстѣ съ Грузинскимъ гренадерскимъ полкомъ, одушевляемые княземъ Барятинскимъ, сокрушили центръ арміи Мухтара-паши, состоявшей изъ 30 баталіоновъ отборныхъ аравистанскихъ солдатъ. Пораженіе непріятельской арміи въ центрѣ дало возможность командующему корпусомъ князю Бебутову перейти въ общее наступленіе и одержать блистательную побѣду.

Въ послѣдней турецкой войнѣ 1877—78 г. лейбъ-гренадерскій Эриванскій его величества полкъ, состоя въ дивизіи генерала Геймана, дѣйствовалъ съ выдающимся мужествомъ при штурмѣ Гюлаверденскихъ высотъ и Ардагана 4-го и 5-го мая и на Аладжинскихъ высотахъ: въ генеральномъ сраженіи 3-го октября 1877 года эриванцы, овладѣвъ укрѣпленіями на Авліарѣ, непосредственно содѣйствовали пораженію центра арміи Мухтара-паши. За Ардаганъ пожаловано георгіевское знамя 4-му баталіону, а за Турецкую войну всему полку георгіевскія петлицы на мундирахъ съ соотвѣтственнымъ шитьемъ на воротникѣ офицерамъ.

Покойный императоръ Александръ II, въ знакъ особаго благоволенія къ своему полку, на смотру подъ Тифлисомъ 21-го сентября 1871 года, назначилъ вторымъ шефомъ полка старшаго сына Наслѣдника Цесаревича, нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора. Это событіе увѣковѣчено большою картиною, которая помѣщается въ бильярдной комнатѣ Зимняго Дворца рядомъ съ кабинетомъ императора Александра II. Во время пребыванія Государя Императора въ Тифлисѣ, въ октябрѣ 1888 года, общество офицеровъ лейбъ-Эриванскаго Его Величества полка поднесло Своему Августѣйшему Шефу саблю, замѣчательную по своей древности.

Общество офицеровъ полка хранитъ при богатой полковой библіотекѣ пожалованный покойною императрицею Маріею Александровною образъ Св. Георгія Побѣдоносца. Наслѣдникъ Цесаревичъ, посѣтивъ лагерное офицерское собраніе полка въ Тіопетахъ въ 1888 г., пожаловалъ полку золотой ковшъ. Въ ознаменованіе божественнаго промысла надъ царскимъ семействомъ 17-го октября 1888 года при возвращеніи съ Кавказа, полкъ соорудилъ икону въ богатой кіотѣ.

Съ 1825 года полкъ квартируетъ въ Манглисѣ, расположенномъ въ живописной мѣстности, отличающейся, благодаря сосновымъ рощамъ и возвышенному положенію, здоровымъ климатомъ.

Изъ числа командировъ полка послѣ упомянутаго доблестнаго князя Солнцова-Засѣкина назовемъ: полковника Мельгунова при

Цорндорфѣ 1758 г., Кожина при Ларгѣ и Кагулѣ 1770 г., Телегина при Урай-Илгасѣ 1783 г., Лазарева при Іорѣ 1800 г., Корягина при Ганжѣ 1804 г., Аскерани 1805 г., Шахъ-Булахѣ и т. п., Котляревскаго въ 1810 г. (Мигры), Ладинскаго, давшаго начало полковой библіотекѣ въ Бешкечетѣ, Н. Н. Муравьева, впослѣдствіи графа Карсскаго, основавшаго при Ермоловѣ штабъ-квартиру полка въ Манглисѣ, барона Фредерихса, съ которымъ полкъ дѣлалъ кампанію 1828 и 1829 гг. и получилъ нѣсколько отличій, князя Дадіанова, барона фонъ-Врангеля, Бельгарда, князя Мухранскаго,—всѣ четверо въ промежутокъ времени отъ первой до второй Турецкой войны при Николаѣ I,—Моллера во-время войны 1853—55 гг., де Саже и князя Голицына, при которомъ окончилась Кавказская война, Бюнтинга и Гурчина до послѣдней войны съ Турціею, Толстаго во-время послѣдней войны, Скалона, Гессе и, наконецъ, Столицу—нынѣшняго командира.

П. О. Бобровскій.

ГОСТЫНСКІЙ ЗАМОКЪ

мѣсто пребыванія въ Польшѣ царя Василія Шуйскаго съ братьями въ 1611–1612 гг.

Извѣстно, что Клушинское пораженіе 24-го іюня 1610 г. (гетманомъ Жолкѣвскимъ царскаго войска, отправленнаго подъ начальствомъ Димитрія Шуйскаго на выручку Смоленска, который былъ осажденъ Сигизмундомъ III) ускорило паденіе царя Василія Ивановича Шуйскаго. Уже съ самаго избранія Василія, народъ былъ недоволенъ имъ, какъ ставленникомъ боярской партіи. Послѣ Клушина и сами бояре возстали на Шуйскаго. Захаръ Ляпуновъ возмутилъ Москву. Василія низложили, разлучили съ семьею, силою постригли въ монахи и заперли въ Чудовомъ монастырѣ. Тутъ онъ не долго оставался: его перевезли въ Волоколамскій Іосифовъ монастырь, откуда Жолкѣвскій, отъѣзжая изъ Москвы подъ Смоленскъ, взялъ его съ собою. По взятіи Смоленска, Сигизмундъ уѣхалъ въ Варшаву и приказалъ вести за собою Шуйскаго и его братьевъ [1]). Послѣ торжественнаго представленія (29-го октября 1611 г.) двору, сенату и панамъ Рѣчи Посполитой — плѣннаго московскаго царя

---

[1]) Димитрія, съ женою Екатериною, виновницею смерти храбраго Скопина (см. нашу статью „Бояринъ и воевода кн. Мих. Вас. Скопинъ-Шуйскій, его жизнь и дѣятельность въ связи съ событіями смутнаго времени" („Русск. Архъ." 1889 г., кн. VIII) и, Ивана, которые были уже ранѣе, по низложеніи Василія съ престола, отосланы Жолкѣвскимъ въ королевскій лагерь подъ Смоленскъ. **Г. В.**

Василія съ братьями отправили въ городъ Гостынинъ, на разстояніи 139 верстъ отъ Варшавы, и назначили имъ пребываніе въ тамошнемъ замкѣ.

Гостынскій замокъ, въ XIII вѣкѣ, составлялъ собственность князей Куявскихъ, а потомъ Мазовецкихъ. Въ 1462 г., по смерти князей Мазовецкихъ, Земовита и Владислава, не оставившихъ потомства, Гостынинъ, вмѣстѣ со своимъ замкомъ и округомъ, былъ присоединенъ королемъ Казиміромъ-Ягелончикомъ къ коронѣ польской. Въ первыхъ годахъ XVI ст. коронный гетманъ Христофоръ Шидловецкій возобновилъ и укрѣпилъ Гостынскій замокъ, но при оффиціальной ревизіи въ 1564 году замокъ оказался разрушеннымъ, а всѣ его сокровища (какъ-то золото, серебро, драгоцѣнные каменья, жемчугъ, цѣнная утварь замковой каплицы и т. п.)—разграбленными. Къ началу XVII ст. Гостынскій замокъ былъ вновь отстроенъ.

И вотъ въ этомъ-то возобновленномъ замкѣ и были помѣщены знатные плѣнники московскіе. Изъ дошедшихъ до насъ документовъ видно, что хотя военноплѣнныхъ держали подъ стражею, но содержаніе давали имъ нескудное и вообще оказывали приличное уваженіе ихъ знатности; такъ, многія изъ вещей и одеждъ, оставшихся послѣ царя Василія Ивановича, были подарены ему Сигизмундомъ [1]). Тѣмъ не менѣе, неволя и тоска по родинѣ сократили дни Шуйскихъ. Сперва сошелъ въ могилу Василій, онъ скончался 12-го сентября 1612 года, впрочемъ, уже на 70 году своей жизни; нѣсколько дней спустя, послѣдовалъ за нимъ братъ его Димитрій, а въ ноябрѣ мѣсяцѣ того-же года умерла и жена Димитрія—Екатерина. Тѣла ихъ были погребены подъ замковою башнею. Остался одинъ Иванъ Ивановичъ Шуйскій; ему суждено было пережить свое злополучіе и кончить дни свои на родинѣ [2]).

Въ 1620 году, по волѣ Сигизмунда, останки Шуйскихъ были перевезены съ большими почестями въ Варшаву и преданы землѣ въ такъ называемой московской часовнѣ, стоявшей на Краковскомъ предмѣстьѣ, гдѣ нынѣ находится зданіе первой гимназіи, противъ памятника Копернику, неподалеку отъ Свентокржижскаго костела, а надъ могилою Василія и кн. Димитрія поставленъ мраморный

---

[1]) Акт. Истор. II, прилож. („Опись“).

[2]) Вскорѣ по заключеніи въ Гостынскомъ замкѣ, онъ изъявилъ желаніе служить Польшѣ и присягнулъ Владиславу; при размѣнѣ плѣнныхъ въ 1619 году Иванъ Шуйскій не пожелалъ возвратиться въ отечество и заявилъ, что поѣдетъ только тогда, когда Владиславъ разрѣшитъ его отъ данной ему присяги. Черезъ нѣсколько лѣтъ онъ былъ отпущенъ. Г. В.

памятникъ съ пышною надписью на латинскомъ языкѣ, восхваляющею великодушіе короля [1]). Много лѣтъ спустя, костямъ невольниковъ суждено было перейти въ родную землю [2]).

Съ тѣхъ поръ Гостынинъ перестаетъ обращать на себя вниманіе историковъ и, мало по малу, забывается, такъ что объ историческомъ значеніи его знаютъ очень немногіе даже изъ мѣстныхъ жителей [3]). Отъ нѣкогда знаменитаго замка къ концу XVIII ст. оставались однѣ развалины, башня съ частью сохранившихся стѣнъ. Въ позднѣйшее время, когда на мѣстѣ замка возникъ евангелическій костелъ, башня эта вошла въ составъ костельнаго зданія, какъ часть одной изъ его стѣнъ. Въ настоящее время Гостынинъ довольно грязноватый уѣздный городокъ Варшавской губерніи, имѣющій до 5,000 жителей, изъ которыхъ большинство евреи; они занимаются частію земледѣліемъ, частію торговлею и ремеслами.

Г. А. Воробьевъ.

---

[1]) Надпись эту можно читать у Карамзина (Ист. гос. росс., т. XII, изд. Эйнерлинга, примѣч. 785); она заимствована истріографомъ у Нѣмцевича (Dz. pan. Zygm. III) и переведена въ текстѣ V гл. XII т. (стр. 183); объ этой-же надписи см. замѣтку въ „Русской Старинѣ“ 1890 г. кн. I.

[2]) Кости Шуйскихъ всего пробыли въ польской землѣ 23 года: послѣ того, какъ при первомъ Романовѣ московское государство заключило съ Польшею такъ называемый вѣчный миръ (1634 г.), гробы Шуйскихъ были привезены въ Москву и царь Василій 10-го іюня 1635 г. погребенъ въ Архангельскомъ соборѣ, въ ряду другихъ потомковъ св. Владиміра, правившихъ московскимъ государствомъ.

[3]) Въ польской литературѣ еще можно найти кое-какія свѣдѣнія о Гостынинѣ, хотя-бы въ формѣ краткихъ монографій въ энциклопедическихъ словаряхъ, у насъ-же, за исключеніемъ статьи Н. Степанова „Городъ Гостынинъ и его уѣздъ“ („Др. и Нов. Рос.“ 1876 г., т. II), ровно нѣтъ ничего, да и статья г. Степанова болѣе статистическій, чѣмъ „историческо-этнографическій“ очеркъ, какимъ она именуется. Г. В.

БЫТОВЫЯ ЧЕРТЫ XVII ВѢКА.

XVI [1]).

«Челобитная» пушкаря къ «помѣщику»

1619 г.

Челобитная вологодскаго пушкаря Глѣба Яковлева, поданная вологодскому-же «помѣщику» Леонтью Степановичу Плещееву, помимо нѣкоторыхъ бытовыхъ черточекъ любопытна еще и въ томъ отношеніи, что написана очень близко къ формѣ оффиціальныхъ «челобитныхъ» того времени. Вотъ она:

«Государю Левонтью Степановичю бьетъ челомъ вологодской пушкарь Глебка Яковлевъ: прислалъ ты, государь, на приказъ человѣка своего Ѳедосея, и Ѳедосей, государь, пріѣхавъ, сталъ жить въ Богдановской избѣ и дочеришка мою всегды жена ево бранитъ. Смилуйся, Левонтей Степановичь! вели, государь, дочеришку моему (sic) жить въ иной избѣ, гдѣ ты, государь, укажешь, а Ѳедосею, государь, и дочеришку моему въ одной избѣ жить невозможна. Да пожаловалъ ты, государь, велѣлъ крестьяномъ купить дочеришку моему ѳерези, да сапоги, и крестьяня, государь, по се поры ничево не купили..., позорно (дочери), государь, на дворы бресть, не токма что въ люди. Государь Левонтей Степановичь, смилуйся!».

На оборотѣ челобитной приговоръ помѣщика: «старостѣ Дмитрею Павлову: велѣть жить Глѣбковой дочери Коптелинкѣ въ Никоновской избѣ, да велѣть купить тотчасъ ѳерези, да сапоги по моему по прежнему указу».

---

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1892 г., т. LXXIII, февраль, стр. 449—458; мартъ, стр. 675—682.

(Московск. Архивъ М—ва Юстиціи: Разряднаго приказа, помѣстнаго стола, столбецъ № 1, л. 60).

Нужно объяснить, что помѣщикъ Л. С. Плещеевъ состоялъ въ интимныхъ отношеніяхъ съ Каптелинкою Глѣбовою (см. мою замѣтку о «попѣ Свинобоѣ» въ «Русской Старинѣ», изд. 1892 г., т. LXXIII, стр. 675—677). «Вклепавшись» (по выраженію документовъ) въ нее, Плещеевъ вынужденъ былъ на время припрятать Глѣбову въ своей деревнѣ. Здѣсь-то и произошли у ней столкновенія со старостою и крестьянами, на что жалуется помѣщику отецъ его любовницы, больше всего возмущенный тѣмъ, что крестьяне отказываются отъ исполненія наложенной на нихъ помѣщикомъ «повинности»—купить «ѳерези» и «сапоги» барской возлюбленной... Крестьянская «повинность»—очень оригинальная, встрѣчавшаяся (конечно, не всегда именно въ этой формѣ) чуть-ли не до послѣднихъ дней крѣпостнаго права...

XVII

«Грамотка» пушкаря къ дочери

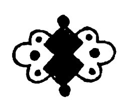
1619 г.

«Грамотка» отъ того-же вологодскаго пушкаря Глѣба Яковлева къ тойже Каптелинкѣ любопытна, между прочимъ, указаніемъ на одно изъ народныхъ средствъ противъ глазныхъ болѣзней.

«Отъ Глѣба Яковлевича дочери моей Каптелинѣ великая челобитья: пиши ко мнѣ, Коптюшечка, о своемъ здоровьѣ—какъ тебя Богъ милуетъ? А мы по сю грамотку далъ Богъ здорова. Да писала ты ко мнѣ, что пріѣхалъ съ Москвы на приказъ (т. е. приказчикомъ въ деревню) Ѳедосей и сталъ жить съ вами въ избѣ, и тебя всегда бранятъ. И я о томъ къ Левонтью Степановичю (т. е. Плещееву) писалъ челобитную (выше приведенную.) Да писала ты, что у тебя глаза болятъ, и я къ тебѣ послалъ сокольи соли, и ты вели съ кресты помаленьку (слить?) да въ очи пущай. Да и самъ я у васъ за озеромъ скоро буду. А отъ насъ тебѣ, Каптюшечка, великая челобитья!».

На оборотѣ листка (сложеннаго вчетверо и заклееннаго полоскою бумаги) адресъ:

«Датися грамотка въ Левонтьево помѣстье Степановича Плещеева на Корнево Ле... (вонтьевой?) дѣвкѣ Каптелинѣ». (Ibid., л. 61. См. еще 2 «грамотки» пушкаря къ дочери на лл. 62 и 63).



XVIII.

«Лавочная купчая» 1626 г.

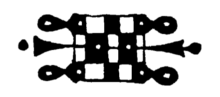
Списокъ съ лавочной купчей слово въ слово:

«Се язъ вдова Наталья Петрова дочь, Петровская жена Иванова сына Шевелева, устюжскіе сотни тяглеца, продала есми большой Конюшенной слободы тяглецу Юрью Михайлову сыну Шапочнику лавку свою на Арбатѣ, въ Бѣломъ городѣ, идучи за Арбатскіе ворота налѣвѣ, возлѣ Ивановой лавки Мартынова сына Бебѣнина, а по другую сторону тое лавки порозжее лавочное мѣсто Конюшенные слободы Семена Иванова сына. А та лавка на одинъ затворъ, съ полатьми, а подъ нею погребъ дубовой. А взяла я, вдова Наталья, за тое свою лавку у Юрья 20 рублевъ денегъ. А та моя лавка опрочѣ ево Юрья иному никому не продана, и не заложена, и по душѣ ни по комъ ни въ которой монастырь не отдана, ни въ родныхъ въ приданые ни за кѣмъ не написана и ни въ какихъ крѣпостяхъ ни у ково ни въ чемъ не укрѣплена. А хто учнетъ въ тое мою лавку у него Юрья вступатца по какимъ крѣпостямъ ни буди или безъ крѣпостей, и мнѣ вдовѣ Натальѣ та своя лавка Юрью очищать ото всякихъ крѣпостей и (до) убытка ево Юрья никакова не довесть, а что ему Юрью учинитца въ той лавкѣ моей не очищенье убытка, и ему Юрью взять на мнѣ на Натальѣ тѣ свои деньги 20 рублевъ и убытки свои всѣ сполна по сей купчей. Да въ книгѣ мнѣ та своя лавка за нимъ за Юрьемъ въ Большомъ Приходѣ написать. А на то послуси — Игнатей Офонасьевъ да Григорей Юрьевъ. А купчую писалъ Иванко Ѳедоровъ, 134-го году.

А назади у купчей пишетъ:

134-го году, декабря въ 29-й день, въ Приказѣ Большого Приходу, передъ Иваномъ Костянтиновичемъ Коромышевымъ, да передъ дьякомъ передъ Петромъ Овдокимовымъ, продавецъ — вдова Наталья, Петровская жена Иванова сына Шевелева, сказала, что она Юрью Михайлову сыну Шапочнику лавку свою продала, на Арбатѣ, въ Бѣломъ городѣ, и деньги взяла и такову ему купчую на тое свою лавку дала. И та купчая въ книги записана и пошлины по указу взяты. Припись дьяка Петра Овдокимова. Справа подьячего Сергѣя Бѣликова.

Да тутъ-же на купчей надписано: къ сей купчей во вдовино въ Натальино мѣсто подьячей площадной Тиханъ Олеферовъ руку приложилъ». (Сибирскаго приказа столбецъ № 79).



XIX.

Звонъ въ якори въ Енисейскѣ 1626 г.

Енисейскій воевода Андрей Леонтьевичъ Ошанинъ, сообщая въ 1626 г. въ своей «отпискѣ» государю о сооруженіи въ острогѣ двухъ храмовъ—«царскаго богомолья» во имя Введенія Пресвятой Богородицы и «обѣтнаго храма», воздвигнутаго «служилыми людьми», во имя «государева ангела Михаила Малеина», жалуется на отсутствіе въ этихъ храмахъ образовъ, книгъ и «всякаго церковного строенья» и проситъ «пожаловать» — прислать все это изъ Москвы. Воевода жалуется также на то, что въ Енисейскомъ острогѣ «служитъ черной священникъ, а бѣлого священника нѣтъ», а безъ послѣдняго въ городѣ «быть не умѣть: многіе твои государевы служилые люди и пашенные крестьяня женатые, и молитвы роженицамъ и свадьбы вѣнчати некому»... Въ заключеніе воевода пишетъ, что колоколовъ у церквей нѣтъ, «а звонятъ въ Енисейскомъ острогѣ у твоего царскаго богомолья въ якори!»...

Приговоръ: «государь слушалъ и указалъ» — послать для Введенской церкви образа, книги и проч., также «и колокола въ пудъ или мало больши». А которой храмъ обѣтной поставили служилые люди собою—тотъ храмъ указалъ государь имъ и строить собою»...

Въ Введенскую церковь были отправлены купленные въ Москвѣ, въ «Котельномъ ряду», у торговаго человѣка Ильи Ѳедорова—два колокола, «а въ нихъ вѣсу пудъ и 12 гривенокъ, цѣна 7 рублевъ 28 алтынъ 2 деньги, да къ тѣмъ-же колоколамъ 2 языка, цѣна 3 алтына и 2 деньги». (Сибирскаго приказа столбецъ № 6, лл. 42, 43, 45).

XX.

Выемка табаку въ Тюмени 1641 г.

Въ 1641 г. тюменскій воевода кн. Григорій Петровичъ Борятинской прислалъ слѣдующую «отписку» государю:

«Государю царю... Гришка Борятинской челомъ бьетъ: въ твоемъ государевѣ... наказѣ у меня... написано: на передъ сево на Тюмени и въ иныхъ сибирскихъ городѣхъ и въ острогахъ пріѣзжіе и туточные сибирскіе служилые и всякіе люди покупали и продавали межь себя и пили табакъ, и мнѣ-бы... на Тюмени и въ Тюменскомъ уѣздѣ у дѣтей боярскихъ и у всякихъ русскихъ людей и у иноземцовъ табакъ сырой и толченой и дымной и на полѣхъ сѣяной велѣти выймати, да у ково табакъ вымутъ,

или ково и безъ выники табакомъ уличатъ, и тѣмъ людемъ за то чинить наказанье жестокое — велѣть ихъ бити по торгомъ кнутомъ не щадно. А послѣ наказанья сказать имъ явно и бирючю о томъ велѣть кликать по многіе дни: только будетъ впередь объявитца табакъ какой ни буди, и у тѣхъ людей, по твоему государеву указу, у дѣтей боярскихъ деревни и въ городѣ дворы и животы, а у торговыхъ и у всякихъ людей и у иноземцовъ потомужъ дворы и лавки и животы ихъ и товары всѣ имать на тебя государя, а тѣхъ людей, у ково табакъ вымутъ, метати въ тюрьму до твоего государева указу, для того, чтобы впередъ отнюдь никакими мѣрами ни у ково никаково табаку не было. Да будетъ у ково послѣ тово наказанья какой табакъ сырой или толченой или дымной вымутъ или сѣяной табакъ у ково на полѣ объявитца, и у тѣхъ людей...... все (имущество—деревни, дворы и проч., какъ и въ предыдущемъ случаѣ) описывати на тебя государя, а ихъ самихъ до твоего государева указу метати въ тюрьмужъ. А у ково имянемъ... и сколько пудъ или ѳунтовъ или золотниковъ табаку вымутъ, и мнѣ-бы то все велѣть писати въ книги подлинно, и о томъ писати и тѣмъ людемъ и вынимочному табаку и описнымъ животомъ посылати къ тебѣ къ государю къ Москвѣ росписи. А вынимочной всякой табакъ велѣти-бы мнѣ на Тюмени зжечь, чтобы однолично табаку нигдѣ ни у ково не было.

«И я, холопъ твой, по твоему государеву . . . указу на Тюмени и въ Тюменскомъ уѣздѣ у дѣтей боярскихъ и у всякихъ русскихъ людей и у иноземцевъ табакъ сырой и толченой и дымной и на полѣхъ сѣяной велѣлъ вынимати дѣтемъ боярскимъ и служилымъ людемъ, и о томъ приказалъ накрѣпко, и въ наказныхъ памятѣхъ противъ твоего государева указу написалъ. И у ково, государь, табакъ выняли или ково табакомъ и безъ вынимки уличили, и тѣмъ людемъ по твоему государеву указу было наказанье жестокое—биты по торгомъ кнутомъ нещадно, а послѣ наказанья сказано имъ явно и бирючю о томъ велѣлъ кликать по многіе дни: только будетъ впередъ объявитца табакъ какой ни буди, и у тѣхъ людей, по твоему государеву указу, деревни и въ городѣ дворы и животы всѣ возьмутъ на тебя, государя, а ихъ до твоего государева указу вкинутъ въ тюрьму. А у ково, государь, именемъ и сколько пудъ или ѳунтовъ или золотниковъ табаку выняли и я, холопъ твой, послалъ къ тебѣ, государю, роспись подъ сею отпискою. А табакъ, которой вынятъ на Тюмени—созженъ». (Ibid., столбецъ № 65, лл. 108—109).

Приложенная въ отпискѣ «Роспись» (лл. 110—112) перечисляетъ нѣсколько случаевъ вынмки табаку на Тюмени и учиненныхъ за то наказаній разнымъ лицамъ, державшимъ или продававшимъ табакъ. Напримѣръ: «у тюменсково литвина у Богдашки Цыганова вынято ѳунтъ табаку, а купилъ онъ тотъ табакъ на Тюмени у усольца у Безсонка Яковлева, да у Мишки Олферьева». Богданъ Цыгановъ и продавцы табака «биты на козлѣ кнутомъ

нещадно», а найденный табакъ «весь созженъ». Остальные 6 случаевъ вынимки—въ томъ-же родѣ.

На воеводской отпискѣ читаемъ слѣдующую помѣту приказа (л. 108-й): «писать на Тюмень къ воеводѣ—велѣть и впередъ табакъ у всякихъ людей вынимати и сысканой жечь, а тѣмъ людемъ у ково вымутъ—чинить наказанье противъ прежнего государева указу, да сколько у ково табаку вымутъ и что кому за табакъ учинитъ (наказанье), о томъ велѣть ему съ Тюмени писать къ государю къ Москвѣ въ Сибирской приказъ».

«Грамота» объ этомъ (лл. 113—114) послана воеводѣ 13-го іюля 1642 года.

XXI.

«Запись» объ отдачѣ сына въ прикащики 1639 г.

Списокъ съ записи слово въ слово:

«Се язъ Макарей, прозвище Богданъ, Панкратьевъ сынъ Зеркольниковъ, Большихъ Лужниковъ изъ-подъ Симонова, отдалъ есми Ивану Панкратьеву сыну Зеркольникову, тѣхъ-же Большихъ Лужниковъ торговому человѣку Суконнова ряду, а своему брату родному меньшему, своего сына родного Онтона Макарьева, съ нынѣшнего со 147-го году марта съ 14-го числа впредь на урочные годы на восемь лѣтъ до такова-жъ числа. И въ тѣ 8 лѣтъ тому сыну моему Антону жити у нево Ивана во дворѣ, и быти въ послушаньи, и работу работать по силѣ, и пити и ѣсти ево Иваново а одежи и обувь носить ево-жъ Иваново. А тому Ивану Панкратьеву въ тѣ урочные годы тово моево Макарьева сына Антона, видя по разуму ево, посадить въ лавку за своимъ товаромъ, гдѣ изволитъ посадить, и своему промыслу научить, чему онъ Иванъ самъ умѣетъ. А порукою въ житьѣ и въ недоживкѣ и въ сносѣ пишуся по томъ своемъ сынѣ Антонѣ язъ-же Макарей, прозвище Богданъ, да тѣхъ-же Большихъ Лужниковъ язъ Иванъ Степановъ сынъ Скорняковъ, да язъ Кипріанъ Прокофьевъ, да язъ Алексѣй Панкратьевъ сынъ Зеркольниковъ, да язъ Гаврило, прозвище Баженъ, Григорьевъ сынъ Кошкодаровъ, оба мы кодашевцы. И тому Антону за нашею порукою будучи у нево Ивана не пить и не бражничать и зернью не играть, и пократчи живота ево не збѣжать, и не отживъ своихъ урошныхъ лѣтъ прочь не отойтить, ни убытка никоторова не учинить. А будетъ онъ Антонъ за нашею порукою у нево Ивана своихъ урочныхъ лѣтъ не доживъ года или полугода, или мѣсяца, или недѣли прочь отойдетъ, или что живота ево пократчи снесетъ, и Ивану Панкратьеву взять на насъ порутчикахъ за недоживку 20 рублевъ и свой сносной животъ и убытки по сей записи всѣ сполна. А какъ тотъ Антонъ отживетъ у нево Ивана тѣ

свои урочные годы сполна, и ему Ивану тово Антона отъ себя отпустить, одѣвъ и обувъ, и надѣлку дать 10 рублевъ, и ся запись выдать безденежно. А на то послуси — Данило Линевъ, а подлинную запись писалъ Бориско Ивановъ, лѣта 7147 году». (Ibid., столбецъ № 79).

XXII.

Случай людоѣдства въ Сибири 1643 г.

Въ іюлѣ 1644 г. тобольскіе воеводы прислали въ Сибирскій приказъ «отписку» къ нимъ Мангазѣйскаго воеводы кн. Петра Михайловича Ухтомскаго и «распросныя рѣчи» тобольскаго боярскаго сына Дмитрія Черкасова съ товарищи (Сибир. приказа столбецъ № 134, лл. 91—97). Оба эти документа разсказываютъ объ одномъ неудачномъ плаваніи русскихъ служилыхъ и торговыхъ людей по Ледовитому океану. «Кочи» русскихъ потерпѣли крушеніе, люди едва спаслись на берегъ и продолжали свой путь въ Мангазѣю, съ большими лишеніями и затрудненіями. Недостатокъ пищи довелъ ихъ, наконецъ, до того, что они стали ѣсть «мертвыя тѣла» товарищей... Этотъ рѣдкій случай вынужденнаго каннибальства русскихъ привожу по «отпискѣ» кн. Ухтомскаго (лл. 91--95), буквально повторяющей любопытный разсказъ Дм. Черкасова (листы послѣдняго очень ветхи).

Кн. Ухтомскій пишетъ: «въ нынѣшнемъ во 152-мъ году, генваря въ (пробѣлъ) день, пришли съ моря тобольской сынъ боярской Дмитрей Черкасовъ, да служивой тобольской Ѳедька Волковъ, да Мангазѣйскаго города стрѣльцы Васька Петровъ, да Оксенко Харитоновъ. И я ихъ роспрашивалъ, а въ роспросѣ они мнѣ сказали:

«Въ прошломъ-де во 151-мъ году, іюля въ 13-мъ числѣ, отпущено-де было изъ Тобольска въ Мангазѣю съ государевыми хлѣбными запасы, мангазѣйскимъ служилымъ людемъ на жалованье: два коча, да кочь дьячей Григорья Теряева, да кочь торговыхъ и промышленныхъ людей съ хлѣбными-же запасы и со всякими товары. И на Березовъ-де они пришли августа въ 1-мъ числѣ, а съ Березова-де пошли на завтріе августа во 2-мъ числѣ. А на море изъ острововъ вышли августа въ 15-мъ числѣ, и па море-де встрѣтилъ противной вѣтръ, и стояли 2 дни, да 2 ночи. И оттолѣ-де бѣжали парусомъ за море 2 дни до завороту, и въ заворотѣ учало погодою кочи бить: и государевы кочи и торговой кочь на отстоѣ розступился, и государевы запасы и торговыхъ людей рознесло по морю и по берегу, а люди плыли и брели на берегъ на веслахъ и на доскахъ и въ карбасѣхъ. А дьячей кочь Григорья Теряева кинуло на берегъ цѣлъ, а запасы-де выметалъ вонъ, и тотъ ево кочь замыло на кошкѣ пескомъ. И тутъ-де они стояли, и тотъ кочь изъ песку выгребали и съ мели сымали двѣ недѣли.

«И съ того погрому дьякъ Григорей Теряевъ отпустилъ въ Тоболескъ тобольскихъ служилыхъ людей дву человѣкъ Петрушку Остафьева да Созонка Володимерова, да съ ними промышленныхъ 5 человѣкъ, о томъ морскомъ розбоѣ съ отписками, въ карбасѣ. А на томъ розбоѣ осталось зимовать у своихъ товаровъ и запасовъ торговыхъ и промышленныхъ людей 15 человѣкъ Богдашко Кочевщикъ съ товарищи.

«И съ того погрому собрались на одинъ на дьячей кочь Григорья Теряева всякихъ людей человѣкъ съ семьдесятъ, и пошли въ Мангазѣю. И отъ того розбою шли парусомъ день, и какъ-де они будутъ противъ Черныхъ горъ (и) Столбовой рѣки, и тутъ встрѣтилъ вѣтръ сѣверъ съ боку, и тѣмъ-де вѣтромъ бросило кочь на берегъ на сухой, и коча-де снять съ мели не могли.

«И стояли-де на томъ берегу 8 недѣль—обсадила самоядь.

«И съ того розбою пошли нартнымъ ходомъ, берегомъ, въ Мангазѣю, до Ѳилипова заговѣнья за 10 дней. И учали-де на нихъ приходить самоядь, и учали-де съ ними дратца, и послѣ-де драки они (Дмитрей съ товарищи) ночевали. И послѣ того по вся дни учали на нихъ самоядь находить и дрались, и ходу-де имъ не дали. И какъ-де они будутъ противъ Епанчина Шара, и тутъ-де у нихъ та самоядь отбили восмь нартъ съ запасы и съ товары, и съ оружіемъ. И въ томъ-де мѣстѣ Ивана Плещиева ранили въ голову стрѣлою, да служивого Тазовскаго десятника стрѣлецкого Надежку Сидорова, да промышленного человѣка Семейку Иванова Мезенца убили, и у дьяка Григорья Теряева на Нартѣ отгромили робеночка служня (т. е. изъ прислуги дьяка).

«И оттолѣ-де шли за ними самоядь и до Пуровского острова, и у Пуровсково острова дрались-де съ ними многое время, и на той-де дракѣ ранили коего человѣка Еѳремка, и отъ той-де драки тотъ Еѳремко умеръ. А у нихъ-де самоядцовъ убилъ оленя служилой человѣкъ тобольской Ѳедька Волковъ.

«И оттоль-де они пошли впередъ къ Тазовскому устью, и шли до устья Тазовскаго отъ Черныхъ горъ 8 недѣль.

«И взялъ-де ихъ голодъ, потому что имъ самоядь ходу не дала и запасы отгромили. И стали служилые и промышленные люди съ голоду помирать и померло человѣкъ съ пятьдесятъ, и у дьяка Григорья Теряева померло 2 дочери, да племянникъ и люди ево Григорьевы померли-жъ.

«И съ усть Тазу для вѣсти дьякъ Григорей Теряевъ послалъ въ городъ Мангазѣйскихъ служилыхъ людей Оксенка Харитонова съ товарищи, съ вѣстью. И тѣ-де служилые до города одва (едва) съ голоду добрели, а служилой пришодъ въ городъ Ѳомка Михайловъ съ голоду и умеръ. А дьякъ-де Григорей и они шли голодны, и шли Тазомъ 10 дней, и дьяка и ихъ изнялъ голодъ, и сталъ онъ дьякъ Григорей съ Иваномъ Плещиевымъ противъ Леденкина Шару.

«А онъ-де Дмитрей Черкасовъ съ тобольскими служилыми людьми пошолъ впередъ, и шли отъ дьяка Григорья день, и на томъ стану остался тобольской служилой человѣкъ Костька Галкинъ—итти не могъ, и послѣ того и умеръ. И отъ того стану шли впередъ 3 дни голодны—ѣли ременье и камасы и съ подъ лыжъ подволоки. И на томъ стану остались съ голоду-жъ служилые люди тобольскіе пятидесятникъ Гришка Прокопьевъ да тазовской служилой Гришка Романовъ, и послѣ того они и померли.

«И оттуду-де шли до Сухарева зимовья 3 дни, и идучи ѣли собакъ. И въ Сухаревѣ зимовьѣ лежали 3 дни.

«И по дьячей Григорья Теряева отпискѣ послалъ я (т. е. Мангазѣйскій воевода кн. Петръ Ухтомской) на встрѣчю сына своего князя Өедора съ служилыми и съ промышленными людьми, съ хлѣбными запасы, и ихъ Дмитрея нашли въ Сухаревѣ зимовьѣ. А изъ Сухарева зимовья кн. Өедоръ ево Дмитрея послалъ напередъ себя въ городъ, съ промышленнымъ человѣкомъ съ Кренкомъ Давыдовымъ, я на низъ сыскивать дьяка Григорья Теряева послалъ человѣка своего да служилыхъ людей тазовскихъ стрѣльцовъ Оську Шутова да Пятка Савина, да тобольскихъ служилыхъ Өедьку Волкова, да Өедьку Кузнеца, да Ваську Кулакова. И нашли (они) ево Григорья противъ Леденкина Шару на стану, а съ нимъ жена ево, Григорьева, да людей (его)—человѣкъ ево Өилька, да жонка, да дѣвка, да тутъ-же Иванъ Плещиевъ съ человѣкомъ своимъ съ Олешкою, да промышленные съ нимъ—колмогорецъ Макарко Негодяевъ съ сыномъ Якунькою.

«А ѣдятъ-де они—дьякъ Григорей и жена его, и люди его, и Плещиевъ, и промышленные люди—мертвыхъ людей (л. 93).

«И они-де ихъ Григорья съ женою и съ людьми и Плещиева взяли, и на нартахъ повезли и дошли въ Сухарево зимовье, и въ Сухаревѣ зимовьѣ Плещиевъ и умеръ. И изъ Сухарева идучи въ Щучьи Курьи, за полтора днища до города не дошедъ, на дорогѣ дьякъ Григорей и умеръ. А жена ево, Григорьева, да человѣкъ ево Өилька, да женка, да дѣвка пришли въ Мангазѣйской городъ генваря въ 14-й день. И всѣхъ въ Мангазѣйской городъ служилыхъ и промышленныхъ людей пришло и приволоклось человѣкъ съ двадцать.

«Да промышленные люди, которые съ дьякомъ Григорьемъ Теряевымъ шли—Иванъ Леонтьевъ Барабанъ... [1]) въ роспросѣ сказали, что-де дьякъ Григорей Теряевъ и жена его, и люди, и они промышленные отъ голоду и отъ великіе нужи постели, и ременье, и изъ-подъ лыжъ камасы, и собакъ, и людей мертвыхъ ѣли...» (л. 93).

Никакого «сыска» по этому поводу не происходило ни по инициативѣ мѣстныхъ властей, ни по требованію центральнаго управленія. Послѣднее

---

[1]) Выпускаются имена еще четырехъ человѣкъ. Н. О.

отнеслось снисходительно къ этимъ несчастнымъ людямъ, доведеннымъ судьбою до каннибальства... На отпискѣ тобольскихъ воеводъ (л. 90) находимъ такую помѣту Сибирскаго приказа:

«Государь слушалъ,—въ столпъ» (т. е.—сдать въ архивъ).

XXIII.

Челобитная «государева баньщика» 1644 г.

Въ 1644 году Нарымскій воевода Иванъ Артемьевичъ Чеадаевъ прислалъ въ Сибирскій приказъ слѣдующую челобитную «государевы торговой бани баньщика» Стеньки Мокѣева:

«Царю государю и великому князю Михаилу Ѳедоровичу всеа Русіи бьетъ челомъ сирота твоя Нарымсково острогу баньщикъ Стенька Мокѣевъ: былъ, государь, въ нарымскомъ острогѣ въ баньщикахъ новокрещенъ Сенька Курко, и въ прошломъ, государь, во 151-мъ году тотъ Сенька Курко умеръ, а въ ево Сенькино мѣсто твой государевъ воевода Иванъ Ортемьевичъ Чеадаевъ велѣлъ написать въ баньщики меня, сироту твою, неволею, потому что охотниковъ къ той твоей государевѣ банѣ не было никово. И я, сирота твоя, у твоей государевы бани одинъ животъ свой мучу. А твоя государева баня топить одному мнѣ, сиротѣ твоему, невмочь, потому что къ той твоей государевѣ банѣ дрова по весь годъ готовлю и воду ношу на себѣ и баню топлю я, сирота твой, а твоей государевы лошади и колодезя у той твоей государевы бани нѣтъ — дровъ, государь, и воды возить не на чемъ. И что мнѣ, сиротѣ твоему, дано твоего государева денежново жалованья и хлѣбново, и то твое государево жалованье денежное и хлѣбное отдалъ за наемъ, а самъ я, сирота твой, скитаюсь промежу дворы (съ) женишкою и съ дѣтишками, кормлюся Христовымъ именемъ. И впредь, государь, мнѣ, сиротѣ твоему, у твоей государевы бани одному быть не въ силу. Милосердый государь!... пожалуй меня, сироту своево—вели, государь, въ своей государевѣ банѣ поверстать другово баньщика, чтобъ мнѣ, сиротѣ твоему, у твоей государевы бани будучи въ конецъ не погинуть—(съ) женишкою и съ дѣтишками голодною смертью не умереть! Царь-государь, смилуйся, пожалуй!" (Сибирск. приказа столбецъ № 136, л. 301).

Приговоръ Сибирскаго приказа:

«Писать въ Нарымъ къ воеводѣ—велѣть ему баню отдать на откупъ, а будетъ на откупъ никто не возьметъ, а одному Стенькѣ у той бани быть не мочно, и ему дать въ товарищи изъ новокрещеновъ или изъ служилыхъ людей другово человѣка въ товарищи ково пригожъ, и быть двумъ, а будетъ въ томъ имъ чаять нужи — и впередъ у бани велѣть быть изъ служилыхъ

людей по два человѣка, погодно перемѣняясь, чтобъ межъ ихъ въ томъ никому большого оскорбленья не было» (л. 300 об.).

Царская «грамота» о томъ (лл. 302—303) послана нарымскому воеводѣ 13-го декабря 1644 года.

XXIV.

«Непристойныя слова» кіевскаго инока, 1682 г.

Въ августѣ 1682 года, кіевскій воевода, бояринъ кн. Петръ Семеновичъ Прозоровской, прислалъ въ приказъ Малой Россіи слѣдующую отписку (привожу въ извлеченіи):

21-го іюля стольникъ и полковникъ Илья Нармацкой прислалъ въ кіевскую приказную избу «письмо, за своею рукою», въ которомъ пишетъ, что ратные люди «надворной пѣхоты ево Ильина приказу» Леонтій Макѣевъ и Карпъ Ѳедоровъ «извѣщали» на старца Кіево-Братскаго монастыря, неизвѣстнаго имъ по имени, что находясь «въ монастырскомъ шинку, покупаючи питье, пили, и того-де монастыря старецъ, напився пьянъ, бранилъ ихъ и говорилъ непристойныя слова: онъ-де старецъ Христу не молитца и царей и патріарха не боитца...».

Воевода призвалъ въ приказную избу Леонтья и Карпа: они повторили «тѣ-жъ рѣчи, что въ извѣтѣ своемъ сказали» Ильѣ Нармацкому, но прибавили, что говорили братскому игумену Сильвестру, «чтобъ онъ того старца велѣлъ принять въ тѣхъ непристойныхъ словахъ, и игуменъ-де хотѣлъ того старца сыскавъ посадить на чепь»...

22-го іюля воевода послалъ подьячаго приказной избы Ивана Калачникова къ игумену, чтобы тотъ старца «держалъ въ крѣпости» въ монастырѣ, до государева указа. Вернувшись, подьячій доложилъ въ приказной избѣ воеводамъ (кн. Прозоровскому съ товарищи), что по словамъ игумена Сильвестра «старецъ изъ монастыря сшолъ невѣдомо куда, и послалъ-де онъ, игуменъ, того старца сыскивать, а какъ-де того старца сыщутъ, и онъ, игуменъ, про того старца объявитъ» воеводамъ...

23-го іюля воеводы послали капитана Ивана Шпаньева въ Братскій монастырь съ требованіемъ, чтобы игуменъ «того старца сыскалъ и велѣлъ держать въ монастырѣ въ крѣпости» до государева указа. Капитанъ доставилъ воеводамъ «скаску игуменскіе руки», въ которой написано: «тотъ-де старецъ, которой говорилъ непристойныя дѣла — именемъ Діонисій Вертелецкой, изъ Братского монастыря ушолъ того-жъ числа, какъ на того старца извѣщали ему, игумену, наша великихъ государей надворная пѣхота, а гдѣ онъ, старецъ, нынѣ—того онъ, игуменъ, не вѣдаетъ, а какъ тотъ старецъ

объявитца у него, игумена, въ монастырѣ или гдѣ ево сыщутъ, и онъ, игуменъ, того старца къ намъ, холопемъ вашимъ, пришлетъ»...

Воеводы заключаютъ свою «отписку»: «августа по 4-е число Брацкого монастыря игуменъ Селиверстъ того старца Діонисія къ намъ холопемъ вашимъ не присылывалъ»... (Сибирскаго приказа столбецъ № 738).

Помѣта: «190 году, августа въ 11-й день записать въ книгу и взять въ столпъ».

XXV.

Челобитная «новокрещена» о написаніи въ «палачи» 1643 г.

Воевода Кецкаго острога Василій Васильевичъ Нелединской писалъ, въ 1643-мъ году, въ Сибирскій приказъ, что 30-го ноября присланъ къ нему «колодникъ-иноземецъ Матюшка Сосновской, а велѣно» его «посадить въ тюрьму и корнъ» ему давать «по алтыну на день». Воевода посадилъ его въ тюрьму, которая находится «подъ съѣзжею избою, а тыну около тюрьмы нѣтъ, ни сторожа, ни цѣловальника, ни палача у тюрьмы нѣтъ, топятъ тюрьму служилые люди по днямъ». Между тѣмъ въ «окладныхъ книгахъ» 147 и 149 годовъ «написано: палачю твоего государева денежного и хлѣбного жалованья 2 рубли денегъ, 2 чети хлѣба, четь овса, пол-пуда соли. И къ тому твоему государеву жалованью охотника въ палачи и къ тюрьмѣ въ сторожи изъ кѣцкихъ служилыхъ людей и съ новокрещеновъ нѣтъ...» Но нынѣ подалъ воеводѣ «челобитную» новокрещенъ Ивашко Монгулинъ, «чтобъ ево ты, государь, пожаловалъ — велѣлъ въ кѣцкомъ острогѣ быть у тюрьмы въ сторожахъ и въ полачахъ», съ денежнымъ и хлѣбнымъ жалованьемъ «противъ служилыхъ людей»... (Ibid. столбецъ № 136, л. 585).

Вотъ эта челобитная:

«Царю государю... бьетъ челомъ сирота твой государевъ Кецкого острогу новокрещенъ Ивашко Мунгуленокъ. Милосердый государь!... пожалуй меня, сироту своего, вели, государь, мнѣ быть въ Кецкомъ острогѣ у тюрьмы въ сторожахъ и въ полачахъ, а своимъ государевымъ жалованьемъ хлѣбнымъ и денежнымъ поверстать, какъ въ иныхъ городахъ нашей братьѣ, противъ служилыхъ людей. Царь-государь, смилуйся, пожалуй!» (л. 586).

Приговоръ Сибирскаго приказа:

«Писать въ Кецкой къ воеводѣ—велѣть тому новокрещену у тюрьмы въ сторожахъ и въ палачахъ (быть), и окладъ ему учинить тотъ, что въ сей отпискѣ (т. е. въ отпискѣ кецкаго воеводы) написано, и давать съ ружники и съ оброчники» (л. 585 об.). Объ исполненіи приговора послана царская грамота (лл. 587—589).

XXVI.

Платье Петра Великаго 1696 г.

Два «указа» Сибирскаго приказа, данные «Соболиной казнѣ»:

1) «7205 году, декабря въ 22-й день, великій государь, царь и великій князь Петръ Алексѣевичъ, всеа великія и малыя и бѣлыя Росіи самодержецъ, указалъ сдѣлать себѣ, великому государю, каетанъ да шапку круглую, а къ тому каетану на кондыри и на шапку круглую взять изъ Сибирскаго приказу соболей: пара въ 30 рублей, пара въ 25 руб., 2 пары— по 20 рублей пара. Да на опушку того каетана 2 бобра карихъ добрыхъ, цѣна 6 рублей. И то все вышеписанное къ великому государю принялъ въ хоромы постельничій Гаврило Ивановичъ Головкинъ. Думной діакъ Андрей Виніусъ».

2) «Великому государю надобно подъ бомбардирской каетанъ: исподъ лисій черевій или лапчатой черной, цѣною въ 150 или во 100 руб.; къ тому-жъ каетану на кондыри и на шапку круглую: 2 пары соболей по 30 рублей, на выпушку 2 бобра карихъ. На шапку нѣмецкую, да на опушку рукавицъ—2 пары (соболей?) по 20 рублей или на шапку нѣмецкую расамакъ (россомаху) черной».

Оба указа присланы изъ похода изъ села Преображенскаго 20-го декабря 1696 г. (Сибир. приказа столбецъ № 925).

XXVII.

«Роспись селитреному варенью» 1699 г.

Въ ноябрѣ 1699 г. Сибирскій приказъ отправилъ «грамоты» иркутскому и нерчинскому воеводамъ о заведеніи «селитренаго варенья» и объ устройствѣ «селитреныхъ заводовъ и майдановъ». Воеводамъ прежде всего предписывалось розыскать въ уѣздахъ и «описать курганы, изъ которыхъ мочно варить селитру», а «какимъ поведеніемъ» ее варить—о томъ приложена была къ грамотамъ нижеслѣдующая «роспись», очень любопытная въ техническомъ отношеніи, но, къ сожалѣнію, сохранившаяся (Сибир. приказа столбецъ № 1397) съ пробѣломъ (недостаетъ конца 6-й статьи, всей 7-й статьи и начала 8-й статьи).

1.

«Изобрѣсть мѣсто, гдѣ-бъ старые кладбища-курганы были, и къ тому-жъ конской и коровей и всякой скотской и иной старой навозъ, которой-бы былъ лѣтъ сорока и пятидесяти и больши».

2.

«Учинить кадь, въ вышину 2 аршина (съ) четью, широтою вверху пол-три аршина, а дно чтобъ было ужe, яко-бы 2 аршина и меньше, а посреди того дна оконце—какъ у пивного спусника».

3.

«На днѣ въ той кади помостить перекладинки, то есть деревянные полѣнца, сколько будетъ потребно имѣти, и на нихъ насласть тросникомъ или камышемъ, чтобъ матерія, кромѣ воды, сквозѣ то постланіе не проходила».

4.

«Класть на то постланіе вышеявленную матерію, то есть престарѣлой гной и землю могильную, натуго, съ топтаніемъ ногъ, и доверху не докладывать чети или пяти вершковъ аршина».

5.

«Лити на ту матерію воду, мѣрно, чтобъ матерія тою водою напаялась и чрезъ себѣ оную пропускала повольно, а не скоростію. А подъ оконце той кади высподи ставити мѣрники или ушаты, во что той водѣ сливатися».

6.

«Котелъ мѣдной, круглой, чтобъ устроенъ былъ въ земляномъ горну глубоко и сверхъ того котла въ устьѣ котельномъ въ срединѣ доски на подобіе кади...» (Конца статьи нѣтъ).

(7-й статьи нѣтъ).

8.

(Начала статьи нѣтъ) ...«(слить) селитреную воду въ деревянные кади и дать ей устоятца, доколѣ селитра около стѣнъ и на днѣ въ тѣхъ сосудѣхъ сядетъ».

9.

«Егда селитра вышерѣченнымъ твореніемъ сядетъ и потомъ съ той селитры сливая воду, паки взливати на матерію и тогда лутшее къ прибыли подастъ дѣйство».

Сообщ. **Н. Н. Оглоблинъ.**

„РУССКАЯ СТАРИНА“ въ изд. 1892 г.

ТОМЪ СЕМЬДЕСЯТЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

АПРѢЛЬ, МАЙ, ІЮНЬ.

Записки и Воспоминанія.

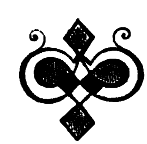
Изслѣдованія.—Историческіе и біографическіе очерки.—Переписка.—Разсказы, матеріалы и замѣтки.

Исторія русской литературы.

Портреты.

Библіографическія замѣтки о русско-историческихъ книгахъ.

1. Исторія англійско-американской Библіи, ея алфавита, переводовъ, текста, канона, ревизій, изданій, экзегезиса и проч. Три тома (страницъ 998). Сочиненіе іеромонаха Алексія Виноградова. Спб., 1889—1892 гг. (На оберткѣ IV-й книги „Русской Старины“ изд. 1892 г.).
2. Люди труда и сильной воли. Жизнь Гарріетъ Бичеръ-Стоу. Составила Е. А. Сысоева. Съ двумя портретами и 6-ю рисунками. Спб., 1892 г., въ 8 д., стр. 151. (Тамъ-же).
3. И. Н. Ждановъ. О драмѣ А. С. Пушкина „Борисъ Годуновъ“. Изъ лекцій въ импер. Александровскомъ лицеѣ. Спб., 1892 г., въ 8 д.. стр. 38. (Тамъ-же).
4. П. В. Анненковъ и его друзья. Литературныя воспоминанія и переписка 1835—1885 годовъ. Томъ первый. Спб. Изд. Суворина, 1892 г. Въ 8 д., стр. 666. (Въ текстѣ IV кн. „Р. Ст.“ изд. 1892 г.).
5. Баронъ Ф. Ф. Врангель. Колебанія климата. Изъ лекцій въ императ. Александровскомъ лицеѣ. Спб., 1892 г., въ 8 д., стр. 18. (Тамъ-же).
6. Андрей Гартвигъ. Къ вопросу о преподаваніи исторіи въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. М., 1891 г., въ 8 д., стр. 51. (Тамъ-же).
7. Учебникъ русской исторіи. Элементарный курсъ. Составилъ М. Острогорскій. Спб., 1891 г., въ 8 д., стр. 110. (Тамъ-же).
8. Георгъ Веберъ. Всеобщая исторія. Т. XIV. Пер. В. Невѣдомскаго. Москва, 1892 г., 1012 стр. (Тамъ-же).
9. Потемкинъ. Соч. А. Г. Брикнера. Съ 2 портретами. Спб., 1891 г. (На оберткѣ V-й книги „Русской Старины“ изд. 1892 г.).
10. Сборникъ военно-историческихъ матеріаловъ. Выпускъ 1-й. Сѣверная война. Документы 1705—1708 гг. Генер. штаба ген.-маіоръ Д. Ѳ. Масловскій, ордин. профес. Николаевской акад. генер. штаба. Изд. в.-уч. ком. гл. штаба. Спб., 1892 г. (Тамъ-же).
11. Польскій мятежъ 1863 г. Соч. П. Дм. Брянцева. Вильна, 1892 г. (Тамъ-же).
12. Историко-статистическій очеркъ Оренбургскаго казачьяго войска. Съ приложеніемъ статьи о домашнемъ бытѣ оренбургскихъ казаковъ, рисунковъ со знаменъ и карты. Составилъ войсковой старшина Ф. Стариковъ. Оренбургъ, 1891 г. (Тамъ-же).
13. Русская Лопландія и ея промыслы. Составилъ врачъ Вл. Гулевичъ. Архангельскъ, 1891. (Тамъ-же).
14. Труды Тибетской экспедиціи 1889—1890 гг., подъ начальствомъ М. В. Пѣвцова. Часть II. Изд. имп. русскаго географ. общества. Спб., 1892 г. (На оберткѣ VI-й книги „Русской Старины“ изд. 1892 г.).
15. Очеркъ дѣйствій западнаго отряда, генералъ-адъютанта Гурко. Часть I. Ген. штаба подполк. Епанчина. Спб., 1892г. (Тамъ-же).
16. О сношеніяхъ Россіи съ Франціей.—П. В. Безобразова. Москва, 1892 г. (Тамъ-же).
17. Бернгардъ Таннеръ. Описаніе путешествія польскаго посольства въ Москву въ 1678 г. Переводъ съ латинскаго; примѣчанія и приложенія И. Ивакина. Москва, 1891 г. (Тамъ-же).



КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ И МАГАЗИНЪ „РУССКОЙ СТАРИНЫ"

С.-Петербургъ, Большая Подьяческая ул., д. № 7.

КАТАЛОГЪ НОВЫХЪ КНИГЪ.

Книжный складъ и магазинъ «Русской Старины» принимаетъ на коммиссію постороннія изданія и высылаетъ иногороднымъ по требованіямъ или съ наложеннымъ платежемъ всѣ книги, публикованныя въ газетахъ и другихъ каталогахъ.

NB. Книжные магазины и частныя лица могутъ обращаться съ заказами безъ высылки при этомъ денегъ и получать книги по почтѣ съ наложеніемъ платежа.

Алеленовъ, А. Н. Старость. Клиническое изслѣдованіе въ области нервной системы и психофизіологіи. Спб., 1892 г. Ц. 1 р.

Астафьевъ, Н. Опытъ исторіи библіи въ Россіи въ связи съ просвѣщеніемъ и нравами. Спб., 1892 г. Ц. 1 р.

Баталинъ, Ѳ. А. Справочная книга русскаго сельскаго хозяина. Спб., 1892 г. Цѣна 2 руб.

Бикъ, А. Курсъ низшей геодезіи. Ч. II. Москва, 1892 г. Ц. 3 р.

Біографическая библіотека Ф. Павленкова. Даніэль Дефо.—В. Гарвей. Съ портр. Спб., 1892 г. Ц. кажд. кн. 25 к.

Богдановъ, С. М. Иллюстрир. сельскохозяйств. словарь. Вып. VI. Кіевъ, 1892 г. Ц. 85 к.

* **Боцяновскій**, Вл. Къ исторіи просвѣщенія въ древней Руси XVII вѣка. Книги въ Устюгѣ Великомъ. Спб., 1892 г.

Бѣлоголовый, А. Н. д-ръ. С. П. Боткинъ, его жизнь и медицинская дѣятельность. Біографическій очеркъ. Съ портретомъ Боткина, гравир. въ Петербургѣ К. Адтомъ. Спб., 1892 г. Ц. 25 к.

Вендрихъ-фонъ, А. О способахъ утилизаціи подвижнаго состава въ Австро-Венгріи и Германіи. Спб., 1892 г. Ц. 1 р. 25 к.

Виларе́, А., д-ръ. Энциклопедическій медицинскій словарь. Переводъ подъ редакціею проф. И. Р. Тарханова. Вып. 2-й. Спб., 1892 г. Ц. 60 к.

Вильчинскій, Ольг. Вып. 1-й. Древнѣйшія каменныя орудія въ Европѣ. Съ рис. Спб., 1890 г. Ц. 30 к. Вып. II-й. Древнѣйшее племя Неандерское въ Европѣ. Съ рис. Спб., 1891 г. Ц. 30 к. Начало Руси по сказаніямъ современниковъ и курганамъ. Спб., 1892 г. Ц. 80 к.

* Владимірское православное братство Александра Невскаго. Отчетъ о дѣятельн. братства за 1890—91 г. Владиміръ, 1892 г.

Воейковъ, А. И. Метеорологическія сельско-хозяйственныя наблюденія въ Россіи въ 1888 и 1889 гг. Спб., 1892 г. Ц. 60 к.

Горбатовскій, О. О. Руковод. къ воздѣлыв. озимаго и яров. рапса. Спб., 1892 г. Ц. 70 к.

Граве, Л. Г. Стихотворенія. Съ предисл. П. Е. Астафьева. М., 1892 г. Ц. 1 р. 25 к.

Грамоты и др. историческіе документы XVIII столѣтія, относящіеся къ Грузіи. Т. I. Подъ редакц. проф. А. А. Цагарели. Спб., 1891 г. Ц. 3 р.

Guardia, J. M. Исторія медицины отъ Гиппократа до Бруссэ и его послѣдователей. Казань, 1892 г. Ц. 3 р. 50 к.

Дементьевъ, П. М. Фотографическій ежегодникъ. Спб., 1892 г. Ц. 2 р. 50 к.

Джаншіевъ, Гр. Изъ эпохъ великихъ реформъ. (Освобожденіе крестьянъ.—Отмѣна

---

* Этимъ знакомъ отмѣчены заглавія книгъ, поступившихъ въ книжный магазинъ „Русской Старины".

тѣлеснаго наказанія.—Цензурная реформа.—Новый судъ и проч.). Историческія справки. 2-е доп. изд. Въ пользу голодающихъ. Москва, 1892 г. Цѣна 1 руб.

Джеббъ, Р., проф. Гомеръ. Введеніе къ Иліадѣ и Одиссеѣ. Съ англійскаго. Спб., 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.

* **„Дневникъ артиста“**. № 2. Приложеніе къ журн. „Артистъ“. Москва, 1892 г. Ц. 1 р.

Добротворскій, Петръ. Разсказы, очерки и наброски. Мысли въ картинахъ (и образахъ). Москва, 1892 г. Ц. 1 руб.

Додэ, А. Роза и Нинета. Романъ. Спб., 1892 г. Ц. 40 к.

— Тартаренъ изъ Тараскона. М., 1892 г. Ц. 50 к.

— Разводъ. Романъ. Спб., 1892 г. Ц. 40 к.

— Послѣ развода. Современные нравы. Пер. І. І. Ясинскаго. Спб., 1892 г. Ц. 50 к.

Докучаевъ, В. В., профес. Наши степи прежде и теперь. Изданіе въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая. Спб., 1892 г. Ц. 1 руб.

Дубовскій, Ю. Живопись по маіоликѣ и глинѣ эмал. краск. М., 1892 г. Ц. 65 к.

„Ежегодникъ“ Имп. русскаго географическаго общества. II. Спб., 1892 г. Ц. 2 р.

* **Ермиловъ**, В. Е. Великій артистъ-крестьянинъ М. С. Щепкинъ. Біогр. очеркъ. М., 1892 г. Ц. 25 к.

Желобовскій, А. И. Семья по воззрѣніямъ русскаго народа, выраженнымъ въ послов. и др. произведен. народно-поэтич. творчества. Воронежъ, 1892 г. Ц. 40 к.

Жемчужниковъ, А. М. Стихотворенія. Томъ 1-й. Съ портр. автора и автобіографич. очеркомъ. Спб., 1891 г. Томъ 2-й. Спб., 1892 г. Ц. за 2 тома 3 р.

Жуковскій, В. А. Полное собраніе балладъ. Спб., 1892 г. Изд. И. Глазунова. Ц. 65 к., вып. V.

* **Журовъ**, Ѳ. Г. Историческій очеркъ г. Шуи. Губ. г. Владиміръ, 1892 г.

Записки восточнаго отдѣленія Имп. русскаго археологическаго общества. Подъ ред. барона В. Р. Розена. Т. VI. Вып. 1—4. Спб., 1892 г. Ц. 4 р.

Записки Имп. русскаго археологическаго общества. Т. V. Вып. 3 и 4. Новая серія. Спб., 1892 г. Ц. 3 р.

Ибсенъ, Генрихъ. Сѣверные богатыри. (Воители въ Гельголандѣ). Драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Москва, 1892 г. Ц. 55 к.

* **Ивановъ**, И. А. «Кормовая книга» Колязина монастыря съ пред. члена Тверской уч. арх. ком. Изд. арх. ком. Тверь, 1892 г.

* **Ивановъ**, И. А. Отчетъ о дѣятельности Тверской уч. арх. ком. за 1890 г. Тверь, 1892 г.

* **Ивановъ**, И. А. Журналъ 32-го засѣданія Тверской уч. арх. ком. 23-го февраля 1891 г. Тверь, 1892 г.

* Извѣстія Тамбовской уч. арх. ком. Вып. XXXIII. Подъ ред. П. А. Дьяконова. Тамбовъ, 1892 г.

Исаченко, В. Л. Гражданскій процессъ. Практич. комментарій на 2-ю книгу Устава Гражд. Судопр. Т. II, вып. 2-й. Минскъ, 1892 г. Ц. 2 р. 20 к.

Келлеръ, И., д-ръ. Карболовая кислота и карб. препар. Спб., 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.

Кернъ. Овраги, ихъ закрѣпленіе, облѣсеніе и запруживаніе. М., 1892 г. Ц. 75 к.

Киселевъ, А. Элементарная геометрія для среднихъ учебныхъ заведеній. Съ приложеніемъ большаго количества упражненій и статьи: «Главнѣйшіе методы рѣшенія геометрическихъ задачъ на построеніе». Москва, 1892 г. Ц. 1 р. 25 к.

Ковалевская, Софья, и Леффлеръ, А. Борьба за счастье; двѣ параллельныя драмы. Переводъ съ шведскаго М. Лучицкой. Кіевъ, 1892 г. Ц. 1 р.

Ковалевскій, Н. О., проф. Публичныя лекціи и рѣчи. Съ 2-мя портр. и табл. рис. Казань, 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.

Ковалевскій, Е. П. Въ великомъ герцогствѣ Люксембургскомъ. (Очеркъ правит. мѣропріятій для развитія интенсивнаго сельскаго хозяйства). Спб., 1892 г. Ц. 25 к.

Корелинъ, Михаилъ. Ранній итальянскій гуманизмъ и его исторіографія. 2 вып. Москва, 1892 г. Ц. за 2 тома 6 р.

Крымскій, Е. С. Вредъ для здоровья отъ куренія и нюханія табаку и средства перестать курить. 1892 г. Ц. 15 к.

Кузнецовъ, А. И. Повторит. курсъ всеобщей и русской исторіи. Новочеркасскъ, 1892 г. Ц. 50 к.

* **Де-Лабрюйеръ,** Жанъ. Характеры или нравы этого вѣка. Съ предисловіями Прево-Парадоля и Сентъ-Бёва. Пер. П. Д. Первова. Спб., 1890 г. Ц. 2 руб.

* **Лабутинъ,** И. Въ чемъ состоитъ истинное богопочтеніе по псалмамъ 49-му и 50-му? Петроградъ, 1892 г. Цѣна 10 к.

* **Лабутинъ,** И. «Ученье—свѣтъ». Календарь для учащихся на 1892—93 уч. годъ. Петроградъ, 1892 г. Ц. 15 к.

* **Лависъ,** Э. Общій очеркъ политической исторіи Европы. Переводъ П. Д. Первова. Москва, 1891 г. Ц. 50 к.

Лангстротъ, Л. Л. Пчела и улей. Пересм. дополн. и переведенное на франц. языкъ Шарломъ Даданъ. Переводъ подъ редакціею Г. П. Кондратьева, съ его предисл. и примѣч. Съ 123 рис. Спб., 1892 г. Ц. 2 р. 50 к.

* **Лашковъ,** Ѳ. «Памятники дипломатическихъ сношеній Крымскаго ханства съ Московскимъ государствомъ въ XVI и XVII вв., хранящіеся въ Моск. главномъ архивѣ мин. ин. дѣлъ. Симферополь, 1891 г.

Лихонинъ, Н. О. Желѣзноводскъ и его значеніе при леченіи различныхъ болѣзней. Спб., 1892 г. Ц. 1 р.

Львовъ, А. Д., князь. О полевыхъ летуч. лазаретахъ. Съ рис. Спб., 1892 г. Ц. 30 к.

Мачтетъ, Г. Хроника одного дня. М., 1892 г. Ц. 15 к.

Мисковскій, Ал. Образцовый самоучитель нѣм. языка. Вып. 5. Спб., 1892 г. Ц. 40 к.

Миноръ, Л. С. Фотографія на больныхъ и микрофотографія съ малыми увеличеніями. М., 1892 г. Ц. 30 к.

Михайловъ, А. М. Причины засухъ и истощенія земли и предполаг. мѣры къ ихъ устраненію. Самара, 1892 г. Ц. 20 к.

* **Мольеръ.** Донъ-Жуанъ. Ком. въ 5 акт. въ пер. В. С. Лихачева. (Дешевая библ.). Спб. Ц. 15 к.

Нагуевскій, Д. И. Обозрѣніе персидскихъ монетъ, хранящихся въ нумизматическ. музеѣ Императорск. Казанск. университ. Казань, 1892 г. Ц. 1 р. 25 к.

* Настольный энциклопедическій словарь. Выпускъ 43-й. 5 портр. и 4 рис. въ текстѣ. Изд. бывш. товарищества А. Гарбель и К°. Москва, 1892 г. Ц. отд. вып. 40 к.

Николаевъ, С. К. Повторительный курсъ общей патологіи (патологической физіологіи). Спб., 1892 г. Ц. 2 р. 50 к.

Новыя Высоч. утвержд. правила объ охотѣ, вступившія въ силу съ 1—10 марта 1892 г. Спб. Ц. 25 к.

Носороговъ, Вонифатій. Наши басни и злобы дня. Юмористическіе стихи. Харьковъ, 1892 г. Ц. 1 р.

* О германскихъ университетахъ. Соч. германскаго профессора. Пер. и прим. русск. бывш. проф. Ц. 1 р. 50 к. Спб., 1889 г.

О торговлѣ лошадьми въ Россіи. Спб., 1892 г. Ц. 20 к.

* «Отчетъ Одесской городской публичной библіотеки за 1891 г.». Одесса, 1892 г.

* Отчетъ о дѣятельности православнаго Свято-Владимірскаго братства въ г. Владимірѣ-Волынскомъ, за 1888—1891 гг. Петроградъ, 1892 г.

* **Памятники** древней письмен. LXXXVI. Повѣсть о Борисоглѣбскомъ монастырѣ (около Ростова) XVI вѣка. Сообщеніе Хрисанѳа Лопарева. Спб., 1892 г. Ц. 20 к.

* **Памятники** древней письмен. LXXXVII. О задачахъ изученія древне-русской литературы и народной поэзіи. Сообщеніе И. С. Некрасова. Спб., 1892 г. Ц. 50 к.

* **Первовъ,** П. Д. Преподаваніе латинской грамматики. Елецъ. Ц. 10 к.

* **Первовъ,** П. Д. Переводъ рѣчи Цицерона за поэта Архія. Ц. 5 к.

* **Первовъ,** П. Д. Что такое содержательная фраза и содержательная статья, Елецъ. Ц. 20 к.

Предтеченскій, Е. Церковное времясчисленіе и критическій обзоръ существующихъ правилъ опредѣленія Пасхи. Спб., 1892 г. Ц. 75 к.

* Протоколы общества рязанскихъ врачей съ прилож. за 1890—91 г. Рязань, 1892 г.

* Путеводитель по курортамъ и морскимъ купаньямъ Балтійскаго побережья. Съ 2-мя карт. и 5-ю план. Изд. В. К. Симанскаго. Спб., 1892 г. Ц. 1 р.

Пермскій край. Т. I. Изданіе пермскаго губернскаго статистическаго комитета. Пермь, 1892 г. Ц. 2 р.

Повѣсть о томъ, какъ чудомъ Божіимъ строилась Русская земля. На бѣдствующ. отъ неурожая. М., 1892 г. Ц. 35 к.

Поджіо, М. А. Очерки Кореи. Съ приложеніемъ карты полуострова Кореи. Спб., 1892 г. Ц. 2 р. 50 к.

Рапчевскій, И. Ф. О дезинфекціи при заразныхъ болѣзняхъ. Спб., 1892 г. Ц. 45 к.

Рудановъ, В. Подробный повторительный курсъ географіи Россійской имперіи. Спб., 1892 г. Ц. 30 к.

Рымкевичъ, А. А. Служба солдата во время войны. Спб., 1892 г. Ц. 40 к.

Савичъ, С. Е. О линейныхъ обыкновенныхъ дифференціальныхъ уравненіяхъ съ правильными интегралами. Спб., 1892 г. Ц. 1 р. 25 к.

* «Сборникъ имп. русскаго историческаго общества». Томы 78 и 79. Спб., 1891 г. — Томы 80 и 81. Спб., 1892 г. Ц. по 3 р. за каждый томъ.

„Сельскій хозяинъ". Еженедѣльное иллюстрированное изданіе К. И. Масленникова. №№ 28 и 29. Спб., 1892 г. Ц. отд. № 20 к.

Сигристъ, В. Ф. Современное ученіе о легочной чахоткѣ. Спб., 1892 г. Ц. 35 к.

* **Симанскій** В. К. Куда ѣхать на дачу? Петерб. дачныя мѣстности въ отношеніи ихъ здоровости. Вып. I. Мѣстности въ 20-ти-верст. разстояніи отъ столицы. Изд. II. Съ прилож. карты окрестн. Спб., 1889 г. Ц. 50 к. — Тоже, вып. II, мѣстности на разстояніи свыше 20-ти верстъ отъ столицы. Спб., 1892 г. Ц. 75 к.

* **Спенсеръ**, Гербертъ. Основныя начала. Перевелъ Л. Алексѣевъ. Изданіе книжн. маг. Іогансонъ. Кіевъ, 1886 г. Ц. 2 р. 50 к.

Стебутъ, И. А. Нуждается-ли русская интеллигентная женщина въ спеціальномъ сельскохозяйственномъ образованіи? Спб., 1891 г. Ц. 40 к.

* **Труды** рязанской ученой архивной коммиссіи. Томъ VI. 1891 г. №№ 7—8.

Труды тибетской экспедиціи 1889—1890 годовъ подъ начальствомъ М. В. Пѣвцова. Ч. II. Спб., 1892 г. Ц. 3 р.

Фидлеръ, И. Мѣры для предупрежденія гибельныхъ послѣдствій отъ неурожая. М., 1892 г. Ц. 20 к.

Филипповъ, Н. Н. Сказаніе о Зосимѣ и Савватіи, преподобныхъ старцахъ соловецкихъ. Спб., 1892 г. Ц. 3 к.

Шацкій, Е. Ученіе о растит. алкалоидахъ, глюкозидахъ и птомаинахъ. Ч. II. Казань, 1892 г. Ц. 80 к.

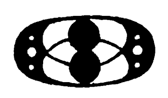
* **Шевелевъ**, А. Церковь и зрѣлища. Взглядъ на отношенія св. православной церкви къ театральнымъ зрѣлищамъ и увеселеніямъ. Изданіе въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая. М., 1892 г. Ц. 40 к.

Эберсъ, Георгъ. Уарда. Романъ изъ древне-египетской жизни. Спб., 1892 г. Ц. 2 р. 25 к.

Этнографическое обозрѣніе. Изданіе этнографическаго отд. Имп. общ. любителей естеств., антроп. и этногр. № 1. Москва, 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.

Ярновскій, И. О. По поводу критики М. А. Рыкачева моихъ метеоролог. воззрѣній. М., 1892 г. Ц. 30 к.

* **Ярцевъ**, А. А. Жизнь замѣчательныхъ людей. Ѳ. Г. Волковъ (основатель русскаго театра), его жизнь, въ связи съ исторіею театральн. старины. Съ портр. Ѳ. Г. Волкова, Дмитревскаго, Яковлева, Плавильщикова и Семеновой. Спб., 1891 г. Ц. 25 к.



всевозможныхъ лишеній, тѣ и другіе свелись почти на одинъ уровень. Старшимъ начальникамъ приходилось недѣлями жить въ палаткѣ при 20-градусномъ морозѣ и довольствоваться самою скудною пищею. Все это весьма живо и интересно изображено въ сочиненіи г. Епанчина, доведенномъ до ноябрьской стоянки на Балканахъ, противъ турецкой арміи Мегмета-Али.

О сношеніяхъ Россіи съ Франціею. П. В. Безобразова. Москва, 1892.

Многознаменательная встрѣча французской эскадры въ Кронштадтѣ, лѣтомъ 1891 г., равно какъ предшествующія и послѣдующія оваціи нашимъ морякамъ во Франціи возбудили живое вниманіе во всей Европѣ; газеты и брошюры разныхъ направленій толковали, а отчасти и продолжаютъ толковать о взаимныхъ симпатіяхъ между русскою и французскою націями и о значеніи, которое онѣ могутъ имѣть въ будущихъ судьбахъ нашей части свѣта. Явленіемъ настоящаго естественно искать объясненій въ прошедшемъ. Этимъ и вызванъ трудъ г. Безобразова. Его книга (по собственнымъ словамъ автора), не представляющая научнаго изслѣдованія, составлена изъ газетныхъ статей и предназначена для публики, интересующейся исторіею. Надо, однако, прибавить, что отнюдь не однѣ газетныя статьи положены въ основаніе предлагаемой книги: при составленіи ея авторъ пользовался преимущественно появившимся въ Парижѣ изданіемъ сборника инструкцій, данныхъ французскимъ посланникомъ въ Россіи въ періодъ времени съ 1586 по 1793 годъ (Récueil des instructions données aux ambassadeurs et ministres de France depuis les traités de Westphales jusqu'à la révolution française, t. VIII—IX. Paris, 1890). Сборникъ этотъ пополненъ другими источниками, главнымъ образомъ, документами, изданными въ Сборникѣ историческаго общества и напечатанными С. М. Соловьевымъ въ его Исторіи Россіи. Кромѣ того, такъ какъ вышеназванный французскій матеріалъ доходитъ лишь до временъ 1-й революціи, и такъ какъ въ прошломъ году были опубликованы новые документы для Наполеоновскаго времени, то П. В. Безобразовъ счелъ полезнымъ остановиться нѣсколько на сношеніяхъ Александра I съ Наполеономъ. При этомъ, хотя вниманіе авто[...] щается преимущественно на диплом[...] скія сношенія, но онъ не теряетъ изъ вид[у] торговыхъ и культурныхъ интересовъ, связывавшихъ насъ съ Франціею. Трудъ г. Безобразова, доведенный до Тильзитскаго мира включительно, вѣроятно, не представитъ ничего новаго для историковъ-спеціалистовъ, но для обыкновеннаго читателя будетъ интересенъ и поучителенъ.

Бернгардъ Таннеръ. Описаніе путешествія польскаго посольства въ Москву въ 1678 г. Перев. съ лат.; примѣч. и прил. И. Ивакина. М., 1891 г.

О личности Таннера очень мало извѣстно. Изъ его книги видно лишь, что онъ былъ уроженцемъ чешскаго города Праги, весьма любилъ путешествовать, ѣздилъ по Италіи и Германіи, а въ 1676 г. попалъ въ Польшу. Послѣ двухлѣтняго, довольно бѣдственнаго пребыванія въ этой странѣ, ему удалось пристроиться въ дворню князя Михаила Чарторыйскаго, отправляемаго къ царю Ѳеодору Алексѣевичу для переговоровъ объ утвержденіи мира. Плодомъ этой поѣздки была изданная въ 1689 году въ Нюренбергѣ книга подъ заглавіемъ: Legatio Polono-Lithuanica in Moscoviam etc. По-русски изъ сочиненія Таннера переведены были лишь отрывки, въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ 1820-хъ—1840-хъ гг. Хотя, по замѣчанію г. Ивакина, Таннеръ отнюдь не принадлежитъ къ числу первостепенныхъ писателей о Россіи, но достоинство его въ томъ, что онъ не переписывалъ у другихъ, а писалъ свое — что̀ видѣлъ и что̀ слышалъ. Надо прибавить, что отзывы его о нашихъ предкахъ и о нравахъ обывателей „Московіи", во второй половинѣ XVII столѣтія, далеко для нихъ не лестны. Хотя г. Ивакинъ объясняетъ, что многое изложено Таннеромъ, конечно, лишь по наслышкѣ, на основаніи разсказовъ обывателей московской „Нѣмецкой слободы", враждебно и презрительно относившихся къ нашимъ соотечественникамъ; но, сопоставляя его сочиненіе съ сочиненіями другихъ путешественниковъ, писавшихъ о Россіи приблизительно въ ту-же эпоху, приходитъ на мысль, что не мало въ немъ и вѣрнаго, хотя краски, можетъ быть, кое-гдѣ и сгущены свыше мѣры.

И. О.

За издателя **Е. М. Семевская.** За редактора **А. С. Лашкевичъ (?)**

60, 63, 64
74.6